

СОЧИНЕНІЯ
А.С. ПУШКИНА

Вспомни тот, кто знает, а кому и говорить

А. Кушнер

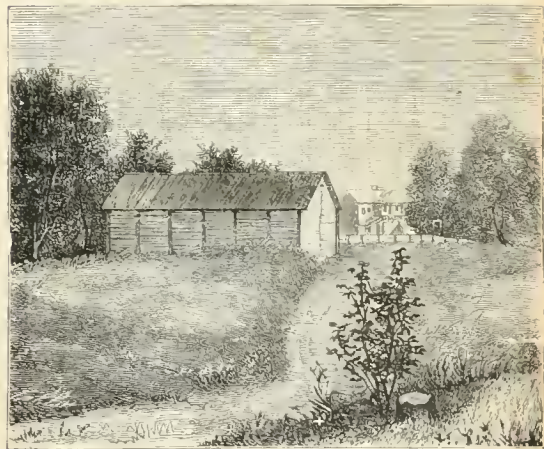
Пушкинъ мальчикъ.

Пушкинъ юноша.

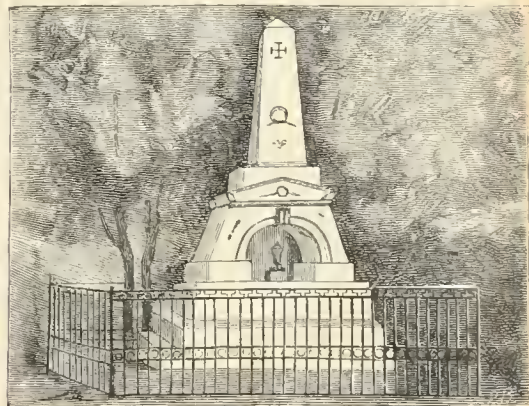
Пушкинъ въ гробу.

Место дуэли.

Гипсовая маска, снятая съ лица
Пушкина.

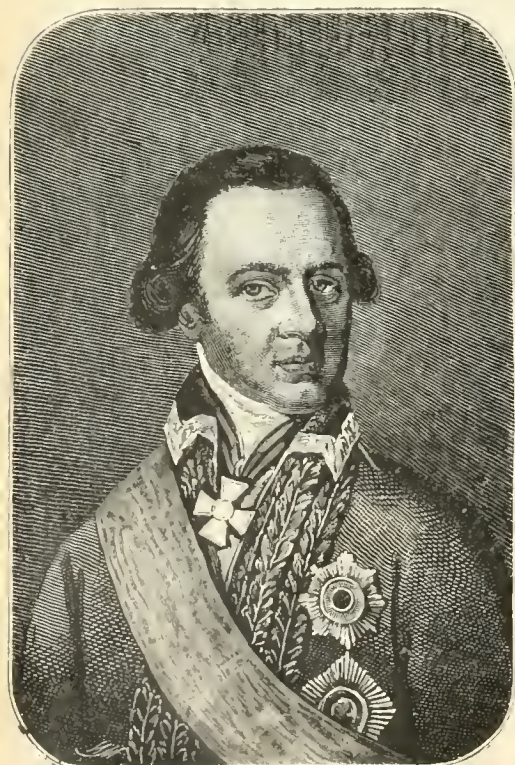
Памятникъ Пушкину на могилѣ.

С. Л. Пушкинъ—отецъ поэта.

Н. О. Пушкина—мать поэта.

А. П. Ганнибаль—дѣдъ поэта.

Н. Н. Пушкина (урожденная Гончарова).

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ

ОДНОМЪ ТОМЪ

со статьей А. Скабичевскаго: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» (біографическій очеркъ), портретомъ автора, гравированнымъ В. Матѣ, и 160 иллюстраціями.

Встань — и міру вновь явись!

Пятое изданіе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

За простой шагреновый переплетъ — 40 коп.; за роскошный каленкоровый съ золотомъ — 1 р. Пересылка оплачивается по разстоянію — за 3 фута. Переплетъ увеличиваетъ вѣсъ на 1 фунтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюня 1899 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ послѣднее время у насъ вошло въ обычай издавать русскихъ классиковъ, располагая произведенія ихъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, сообразно тому, какъ они создавались или выходили въ свѣтъ.—Такого рода изданія, представляя свое неотъемлемое значеніе для весьма немногихъ лицъ, занимающихся систематическимъ изученіемъ писателей съ научными цѣлями, въ то же время крайне неудобны для *большинства*, имѣющаго довольно смутныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ году написано то или другое произведеніе любимаго автора. Найти какую-нибудь даже и крупную вещь, затерянную неизвестно въ какомъ томѣ, среди массы мелкихъ произведеній, стоитъ не малаго труда для многихъ изъ читателей: каждый разъ приходится имъ перерывать съ этой цѣлью все изданіе.

Такъ какъ настоящее изданіе не имѣетъ въ виду никакихъ научныхъ цѣлей и назначается исключительно для публики, то, принимая во вниманіе вышеозначенныя соображенія, мы, по предложенію издателя, расположили произведенія Пушкина не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ систематическомъ—по родамъ и видамъ поэзіи и прозы, подобно тому, какъ были изданы сочиненія Пушкина *имъ самимъ* въ 1826 году и затѣмъ въ посмертномъ изданіи 1838 года. Намъ кажется, что мы оказываемъ этимъ публикѣ двойную услугу: во первыхъ, читателямъ нашего изданія будетъ очень легко отыскивать произведенія поэта, зная, въ какомъ отдѣлѣ слѣдуетъ ихъ искать; а во вторыхъ, читая подрядъ произведенія поэта, читатели могутъ получить весьма нелишнія и любопытныя свѣдѣнія о томъ, что далъ по каждому роду и виду поэзіи нашъ безсмертный поэтъ, заплатившій, какъ извѣстно, свою дань каждой отрасли литературы. Мы убѣждены, что и учителя русской словесности будутъ намъ благодарны, когда, знакомя своихъ учениковъ съ поэмой, элегіей или одой, они найдутъ въ нашемъ изданіи всѣ произведенія Пушкина даннаго рода собранными вмѣстѣ, и это избавитъ ихъ отъ лишняго труда собирать такіа произведенія, роаясь по всему изданію.

Имѣя все это въ виду, въ эпическомъ отдѣлѣ мы совсѣмъ не придерживались хронологическаго порядка и въ каждой рубрикѣ помѣщали впереди произведенія, наиболѣе замѣчательныя и популярныя, а затѣмъ—менѣе извѣстныя, и заканчивали рубрику произведеніями неоконченными и отрывочными. Въ лирическомъ-же отдѣлѣ, раздѣливши стихотворенія по видамъ лирики, мы въ каждой рубрикѣ распредѣлили стихотворенія хронологически, не считая себя въ правѣ судить, какое изъ нихъ помѣстить прежде, какое послѣ—сообразно ихъ достоинствамъ.

Мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что каждое произведеніе Пушкина непогрѣшительно помѣщено нами въ соотвѣтствующую рубрику, тѣмъ болѣе

что у Пушкина вы найдете немало такихъ стихотвореній, которыя заключаютъ въ себѣ разомъ нѣсколько элементовъ поэзіи, совершенно разнородныхъ; есть даже и такія, которыя, будучи помѣщены въ лирическій отдѣлъ, могли бы быть перенесены и въ эпическій. Такъ, напримѣръ, мы соединили въ одну рубрику всѣ посланія Пушкина; но въ массѣ его посланій, конечно, вы найдете и такія, которыя имѣютъ характеръ и элегическій, и сатирическій, и даже автобіографическій. Между прочимъ, мы положительно не знали, куда отнести извѣстное сочиненіе Пушкина «Заниску о воспитаніи»; она не укладывалась ни въ одну изъ опредѣленныхъ рубрикъ, и мы по необходимости отнесли ее къ журнальнымъ статьямъ, хотя, собственно говоря, она не можетъ быть отнесена къ этой рубрикѣ, такъ какъ ни въ одномъ журналѣ того времени не была напечатана. Мы очень будемъ благодарны за всѣ указанія намъ несправности въ этомъ родѣ и постараемся исправить ихъ въ слѣдующихъ повтореніяхъ нашего изданія.

Изданіе наше мы имѣемъ право считать полнымъ собраніемъ всѣхъ сочиненій Пушкина, потому что если въ немъ и есть кое-какіе пропуски сравнительно съ послѣдними изданіями, то опущены лишь такія вещи, въ которыхъ муза Пушкина совсѣмъ не участвуетъ и которыя, будучи любопытны для біографовъ, обыкновенно публикою никогда не читаются: таковы—вторая часть Пугачевского бунта, состоящая исключительно изъ однихъ сырыхъ «матеріаловъ», «Камчатскія дѣла», «Заниски бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 г.» (переводъ съ франц.), «Джонъ Теннеръ» (почти сплошной переводъ съ англійскаго), французское письмо Мериме въ предисловіи къ «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ»; нѣкоторыя примѣчанія къ поэмамъ и «Евгенію Онѣгину», имѣвшія въ свое время значеніе, но для современной публки совершенно не нужны, въ родѣ того, что dandy по англійски значитъ франтъ, шашка—черкесская сабля, и т. п. Изъ стихотвореній опущены лишь кое-какіе безсвязные варианты къ пьесамъ, извѣстнымъ публикѣ въ цѣльномъ составѣ. да два-три стихотворенія въ цензурныхъ видахъ.—Надѣмся, что всѣ подобные пропуски не помѣшаютъ публикѣ найти въ нашемъ изданіи, именно ту полноту, которая для нея желательна. Люди же, дорожащіе каждою строчкою Пушкина во что бы то ни стало, въ какихъ либо историко-литературныхъ или библіографическихъ соображеніяхъ, найдутъ, и безъ нашего изданія, собранія сочиненій Пушкина, соответствующія ихъ требованіямъ.

А. Скабичевскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

БІОГРАФІЯ А. С. ПУШКИНА.

„Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ А. М. Скабичевскаго.

I. Происхожденіе Пушкина; годы дѣтства и первые проблески его дарованія (1799—1811)	I	V. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (1824—1826)	XXXII
II. Лицейскіе годы Пушкина (1811—1817)	VII	VI. Последніе годы холостой жизни Пушкина (1826—1831)	XI
III. Жизнь и дѣятельность Пушкина въ Петербургѣ (1818—1820)	XIV	VII. Последніе годы жизни Пушкина (1831—37)	XLIX—LX
IV. Пребываніе Пушкина на югѣ (1820—24)	XXII		

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПОСЪ.

Поэмы.	СТР.	Сказки.	СТР.
Русланъ и Людмила (1817—1820)	1	Сказка о царѣ Салтанѣ (1831)	146
Кавказскій плѣнникъ (1821)	51	Сказка о попе и работникѣ его Балдѣ (1831)	163
Братья-разбойники (1821)	65	Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ (1833)	167
Бахчисарайскій фонтанъ (1822)	70	Сказка о золотомъ петушкѣ (1833)	176
Цыганы (1824)	80	Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ (1833)	180
Полтава (1828)	91	„Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ“ (1833)	183
Кольва (1814)	119	Начало сказки (1830)	—
Эвлега (1814)	122	Бова (отрывокъ) (1815)	186
Осгаръ (1814)	123		
Отрывки изъ поэмы „Вадимъ“ (1822)	125		
Изъ Аріостова: Orlando furioso (1825)	128		
Дѣвственница (1825)	130		
Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ (I—III)		Баллады и легенды.	
I. „Какъ по Волгѣ-рѣкѣ“	131	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (1822)	190
II. „Ходилъ Стенька Разинъ“	—	Старица-пророчица (1816)	192
III. „Что не конскій топъ“	—	Утопленникъ (1823)	193
Народныя пѣсни:		Женихъ (1825)	194
I. „Какъ за церковью, за нѣмецкою“	132	Бѣсы (1830)	198
II. „Во лѣсахъ дремучихъ“	—	Русалка (1819)	199
III. „Колокольчики звенятъ“	—	Казакъ (1815)	200
IV. „Черный воронъ выбиралъ блуду лебедушку“	—	Гусаръ (1833)	201
V. „Изъ легенды о Стенькѣ Разинѣ“	133	Воевода (изъ Мицкевича) (1833)	203
VI. „Пѣзъ быта новолжскихъ разбойниковъ“	134	Будрысъ и его сыновья (изъ Мицкевича) (1833)	204
Домовой (1827)	135	Пѣсни западныхъ славянъ (1832—1833)	
Опричникъ (отрывокъ) (1828)	—	I. Видѣніе короля	206
Копрадъ Валенродъ (отрывокъ изъ поэмы Мицкевича) (1828)	166	II. Янко Марнавичъ	207
Галубъ (1829)	137	III. Битва у Зеницы-Великой	208
Мѣдокъ (Мѣдокъ въ Уахлахъ) (1830)	142	IV. Феодоръ и Елена	209
Подражаніе Данту (1832)	—	V. Влакъ въ Венеціи	211
Юдифъ (1832)	144	VI. Гайдукъ Хризичъ	212
Альфонсъ (начало поэмы) 1832)	145	VII. Похоронная пѣснь—I. Маглановича	—
„Однѣ-то былъ у отца у матери единый сынъ“ (1833)	—	VIII. Марко Якубовичъ	213
„Другъ мой милый, красно солнышко мое“ (1833)	146	IX. Бонапартъ и Черногорцы	215
		X. Соловей	216
		XI. Пѣсня о Георгіи Черномъ	—
		XII. Воевода Милошъ	217

XIII. Вурдалакъ	стр. 217
XIV. Сестра и Братья	218
XV. Янышъ-королевичъ	220
XVI. Конь	221
XVII. Отрывокъ „Что бѣдѣтъ на горѣ зеленой“	222
Сраженный рыцарь (1815)	223
Наѣздики (1816)	—
Анчаръ (дерево яда) (1828)	225
Родригъ (1832)	226
Странникъ (изъ Буньяна) (1834)	228

Романы и повѣсти.		стр.
Евгеній Онягинъ (1822—31)		230
Путешествіе Евгенія Онягина		327
Строфы, не вошедшія въ романъ		335
Альбомъ Онягина		343
Примѣчавія Пушкина къ „Евгенію Онягину“		346
Графъ Нулинъ (1825)		347
Домикъ въ Коломнѣ (1830)		353
Родословная моего героя (1833)		361
Мѣдный всадникъ (1833)		365
Анджело (1833)		373
Начало повѣсти (1832)		384

Драматическія произведенія.

Борисъ Годуновъ (1825)	385
Скупой рыцарь (1830)	425
Моцартъ и Сальери (1830)	433
Каменный гость (1830)	438
Пиръ во время чумы (1830)	451
Русалка (1832)	455

Сцена изъ „Фауста“ (1826)	466
Монологъ Изабеллы изъ трагедіи Аль- фіери „Филиппъ II“ (1821)	468
Программа комедіи (1821)	469
Отрывокъ изъ комедіи (1821)	470

Лирическія стихотворенія.

Оды.

Воспоминанія въ Царскомъ селѣ (1815)	471
Наполеонъ на Эльбѣ (1815)	475
На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.	476
Къ принцу Оранскому (1816)	478
Боже, Царя храни! (1816)	479
Безвѣріе (1817)	—
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елиза- веты Алексѣевны (1819)	481
Вольность (1820)	—
Наполеонъ (1821)	482
Кинжалъ (1821)	484
Отрывокъ (1823)	485
„Возстань, о Греція, возстань“ (1823)	486
Къ морю (1824)	—
Андрей Шенье (1825)	488
Н. Ѳ. Мордвинову (1826)	491
Пророкъ (1826)	492
Стансы (1826)	—
Друзьямъ (1828)	493
Олеговъ щитъ (1829)	—
Стансы (мнтр. Филарету) (1830)	—
Герой (1830)	494
Къ вельможѣ (1830)	495
Поэту (1830)	497
Къ гѣни полководца (1831)	—
Клеветникамъ Россіи (1831)	498
Воронинская годовщина (1831)	499
Къ Н*** (1834)	501
Полководецъ (Барклай де-Толли) (1835)	—
Пиръ Петра Великаго (1835)	502
Молитва (1836)	503
„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотвор- ный“ (1836)	—

Элегіи.

Желаніе (1816)	504
Осеннее утро (1816)	—
Разлука (1816)	—
„Счастливы, кто въ страсти“ и пр. (1816)	505

Наслажденіе (1816)	505
Окно (1816)	506
Мѣсяцъ (1816)	507
„Опять я вашъ, о юные друзья!“ (1816)	—
„Любовь одна — веселье жизни хладной!“ (1816)	508
Подражаніе (1816)	509
Друзьямъ (1816)	—
Пробужденіе (1816)	510
Пѣвецъ (1816)	—
„Я думалъ, что любовь погасла навсегда“ (1816)	—
Стансы (изъ Вольтера) (1817)	511
Сновидѣніе (изъ Вольтера) (1817)	512
Прощаніе съ Тригорскимъ (1817)	—
«Позволь душѣ моей открыться» (1818)	513
Уныніе (1819)	—
«Пиры, любовницы, друзья» (1822)	—
«Я жизнь любилъ, когда полна» (1822)	—
Деревня (1819)	514
«Погасло дневное свѣтло» (1820)	515
«Увы, зачѣмъ она блистаетъ» (1820)	516
«Я пережилъ свои желанья» (1821)	—
Гробъ юноши (1821)	—
Война (1821)	517
«Умолкну скоро я» (1821)	518
19 Октября 1825 г.	—
Зимній вечеръ (1825)	521
Зимняя дорога (1826)	522
На смерть г-жи Рзвничъ (1826)	—
Воспоминаніе (1828)	523
26 Мая 1828 г.	—
Предчувствіе (1828)	—
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1829)	524
Элегическій отрывокъ (1829)	525
Стансы («Брожу-ли я вдоль улицъ шум- ныхъ») (1829)	—
«Безумныхъ глѣтъ угасшее веселье» (1830)	526
19 Октября 1831 г.	—
Отрывокъ («Когда въ обятія мои») (1831)	527
«Вновь я посѣтилъ» (1835)	—
Изъ VI Пиндемонте (1836)	528
«Когда за городомъ задумчивъ я брожу» (1836)	529
19 Октября 1836 г.	—

Сатиры.

Лицинію (1815)	531
Изъ неоконченной сатиры (1821)	532
Кшиневаскія дамы (Отрывокъ) (1821)	533
Ты и я (1819)	534
«Сказали разъ царю» (1823)	—
Изъде сѣятель сѣянъ (1823)	—
Первое посланіе цензору (1824)	535
Второе посланіе цензору (1824)	537
Ода графу Д. М. Хвостову (1824)	538
Чернь (1828)	540
Калмычкѣ (1829)	541
Моя родословная (1830)	—
«О, муза пламенной сатиры» (1830)	543
На выздоровленіе Лукулла (1835)	—
«Когда великое свершалось торжество» (1836)	544

Эпиграммы.

«Аристъ намъ общалъ трагедію такую» (1814)	545
Подражаніе французскому (1814)	—
Несчастье Кнута (1814)	—
На гр А. К. Разумовскаго (1814)	—
«Бывало, прежнихъ лѣтъ герой» (1815)	—
Эпиграфъ (1816)	—
Надпись на мой портретъ (1816)	546
На лидейскаго дядьку (1816)	—
На Пучкову (1816)	—
На Кюхельбекера (1816)	—
«Больны вы, дядюшка? — Нѣтъ мочи» (1816)	—
Исторія стихотворца (1817)	—
«Какъ брань тебѣ не надобла!» (1817)	—
«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный» (1817)	547
Добрый человекъ (1817)	—
На князя А. Н. Голицына	—
На Фотія (1818)	—
На Карамзина. 1—2—3 (1818—1819)	—
Про себя (1818)	—
Наденькѣ (1818)	548
На А. М. Колосову (1819)	—
На Ж. о (1819)	—
Пародія на стихотвореніе Жуковскаго «Тѣлность» (1819)	—
На Каченовскаго (1820)	—
«Когда-бъ писать ты началъ сдуру» (1820)	—
«Клеветникъ безъ дарованья» (1821)	—
На О. И. Толстого (1820)	549
На Аракчеева (1820)	—
«Вотъ муза, рѣзвая болтуня» (1821)	—
«Составленъ онъ изъ подлой спѣси (1821)	—
«Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Папгросомъ» (1821)	—
«Лизѣ страшно полюбить» (1821)	—
«Тодорашка въ васъ влюбленъ»	550
Жалоба (1822)	—
Русскому Гесперу (В. И. Панаеву), (1822)	—
«У Кларисы денегъ мало» (1822)	—
«Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати» (1822)	—
«Иной являю мою Аглаю» (1822)	—
«Тимковскій царствовалъ» (1824)	551
Эпиграмма на Z** (1824)	—
На Воронова (1824)	—
На Петербургское паводненіе (1824)	—
«Охотникъ до журнальной драки» (1824)	—
«Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ» (1824)	—
На кончину тетюшки (1824)	—
На воцареніе Султана	552
«Живъ, живъ, Курпалка!» (1925)	—
Ex iugue leonem (1825)	—

СТР.

Прозанкѣ и поэтъ (1825)	552
Къ Баратынскому (1825)	553
Совѣтъ (1825)	—
«Всю жизнь провелъ я въ дорогѣ» (1825)	—
Соловей и кукушка (1825)	—
На А. Н. Муравьева (1827)	—
Кв. А. А. Мещерской (1827)	—
«Черна, какъ галка» (1827)	—
Любопытный (1828)	554
Собраніе насѣкомыхъ (1828)	—
Новѣдомскій—поэтъ (1828)	—
На Каченовскаго. 1—2—3—4 (1829)	—
На Надеждина. 1—2—3 (1829)	555
Передъ бюстомъ (1829)	556
«Поэтъ - игрокъ, о Беверлей - Гораций» (1829)	—
Къ Н. Н. (1829)	—
«Глухой глухого ввалъ на судъ судьи «глухого» (1830)	—
На Булгарина. 1—2—3—4—5—6 (1830—31)	557
«Не вѣрю чести игрока» (1830)	558
«Сотнися школьники, и вскорѣ»	—
«Сныи Отечества» и «Вѣстники Европы»	—
На князя Шаликова	—
На Полевыхъ. 1—2	—
На Смирдина	—
На Л. С. Пушкина	—
Стихотворенія антологическія, описательныя, идиолы, пѣсни и дулы.	—
Пѣсня (1812)	559
Делія (1812)	—
Изъбны (къ графинѣ Н. В. Кочубей) (1812)	—
Леда (1814)	560
Венерѣ отъ Лаисы (1814)	561
Красавицѣ, которая нюхала табакъ (1814)	562
Опытность (1814)	—
Блаженство (1814)	563
Пирующіе студенты (1814)	564
Романъ «Подъ вечеръ осенью непастьной» (1814)	566
Вишня (1815)	567
Старикъ (1815)	568
Вода и вино (1815)	—
Погребъ (1815)	—
Мечтатель (1815)	569
Разсудокъ и любовь (1815)	570
Роза (1815)	571
Гробъ Аяакреона (изъ Парни) (1815)	—
Моя эпиграфъ (1815)	572
Фавнъ и пастушка (1816)	—
Къ Морфею (изъ Парни) (1816)	576
Пуншева пѣсня (1816)	577
Заздравный кубокъ (1816)	—
Усы (философическая ода) (1816)	—
Слово милой (Маріи Смитъ) (1816)	578
Амуръ и Гименей (сказка) (1816)	—
Истина (1816)	579
Фіалъ Анакреона (1816)	580
Сонъ (отрывокъ) (1816)	—
Надпись къ бесѣдѣ (1816)	584
Завѣщаніе (1816)	—
Къ ней (1816)	—
Экспромтъ на А. (1816)	585
Она (1816)	—
Къ письму (1816)	—
Твой и мой (1816)	—
Именины (1817)	—
Добрый совѣтъ (изъ Парни) (1817)	586
Къ портрету П. Я. Чаадаева (1817)	—
Къ портрету Каверина (1817)	—
К. П. Бакуниной (1817)	—
Торжество Вакха (1818)	—

СТР.

	стр.		стр.
«Есть въ Россіи городъ Луга» (1818) . . .	588	Сожженное письмо (1825) . . .	616
«Отъ всемогущей, вѣчоръ идя домой» (1815)	—	Желаніе славы (1825) . . .	—
Молитва гусарскихъ офицеровъ (1817) . . .	—	Вакхическая нѣсня (1825) . . .	617
«Какъ сладостно, — но, боги, какъ опасно»	—	Сафо (1825) . . .	—
(1818) . . .	589	Пріятели (1825) . . .	—
«И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ» (1818)	—	Изъ А. Шенье: «Покровъ, упитанный яз-	—
Выздоровленіе (1818) . . .	—	вительною кровью» (1825) . . .	—
Къ портрету Жуковского (1818) . . .	590	Движеніе (1825) . . .	618
«Напрасно, милый другъ, я мыслилъ угаш-	—	Послѣдніе цвѣты (1825) . . .	—
ить» (1819) . . .	—	Дружба (1825) . . .	—
Веселый маръ (1819) . . .	—	Подраженія Нѣсъ нѣсней (1825) . . .	—
Домовому (1819) . . .	—	Буря (1825) . . .	619
Недоконченная картина (1819) . . .	591	Gonzago (съ португальскаго) (1825) . . .	—
Возрожденіе (1819) . . .	—	Отрывокъ (1826) . . .	620
Дорида (1820) . . .	—	Ангелъ (1827) . . .	—
Доридъ (1820) . . .	—	Соловей (1827) . . .	—
«Миѣ бой знакомъ» (1820) . . .	—	Талсманъ (1827) . . .	—
«О дѣва-роза, я—въ оковахъ» (1820)	592	«Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ»	—
Фонтану Бахчисарайскаго дворца (1820)	—	(1827) . . .	621
Переида (1820) . . .	—	«Есть роза дивная» (1827) . . .	622
«Рѣдѣтъ облаковъ летучая града» (1820)	—	Три ключа (1827) . . .	—
Виноградъ. (1820) . . .	593	19 Октября 1827 г.	—
«Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой» (1820)	—	Золото и бугаты (1827) . . .	—
Черная шаль (1820) . . .	—	Эпитафія младенцу Волковскому (1827) .	—
«На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священ-	—	«Вблизи мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція	—
ный» (1820) . . .	594	златая» (1827) . . .	623
«Счастливы, кто близъ тебя, любовникъ	—	Поэтъ (1827) . . .	—
увоенный» (1820) . . .	—	«Толпа холодная поэта окружаетъ» (1827) .	—
«Мнѣ васъ не жалъ, года весны моей»	—	«Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ лов-	—
(1820) . . .	—	цамъ, тапса нещера» (1827) . . .	—
Десятая заповѣдь (1821) . . .	—	19 октября 1828 г.	624
«Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный»	—	«Риона—звучная подруга» (1828) . . .	—
(1821) . . .	595	«Въ стѣняхъ зеленыхъ Буджаака» (1828)	625
Желаніе (1821) . . .	—	«Братый старичекъ Авдѣй» (1828) . . .	—
Примѣты (1821) . . .	596	«Когда, стройна и свѣлоока» (1828) . . .	—
Дѣва (1821) . . .	—	Ея глаза (1828) . . .	—
Дюнея (1821) . . .	—	«Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ»	—
Красавица передъ зеркаломъ (1821) . . .	597	(1828) . . .	626
Муза (1821) . . .	—	Портретъ (1828) . . .	—
Земля и море (1821) . . .	—	«Не пой, красавица, при мнѣ» (1828) . .	—
«Наперсница волшебной старины» (1821)	—	Наперсникъ (1828) . . .	—
«Всегда такъ будетъ и бывало» (1821) . .	598	Цвѣтокъ (1828) . . .	—
Къ моей чернильницѣ (1821) . . .	—	Шотландская нѣсня (1828) . . .	627
Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго (1821)	600	Ты и вы (1828) . . .	—
Пгичка (1822) . . .	—	«Я думалъ, сердце позабыло» (1828) . . .	—
«Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»	—	Подражаніе Анакреону (1828) . . .	—
(1822) . . .	—	Примѣты (1829) . . .	628
Друзьямъ (1822) . . .	601	«Я васъ любилъ» (1829) . . .	—
Уединеніе (1822) . . .	—	Отрывокъ (1829) . . .	—
Узникъ (1822) . . .	—	Изъ Гафиза (1829) . . .	—
Таврида (отрывокъ) 1822) . . .	602	«Былъ и я среди донцовъ» (1829) . . .	—
«Какъ наше сердце своевольно!» (1822)	—	«Зорю бьютъ. Изъ рукъ моихъ» (1829)	629
«Кто, волны, васъ остановилъ» (1822) . .	—	Допъ (1829) . . .	—
Телѣга жизни (1823) . . .	603	Дельбашъ (1829) . . .	—
Эпические отрывки (1823) . . .	—	Монастырь на Казбекѣ (1829) . . .	630
«Неважный день потухъ» (1823) . . .	605	Кавказъ (1829) . . .	—
Ночь (1823) . . .	—	Дорожина жалобы (1829) . . .	—
Надгробная надпись кн. Голицыну (1823)	—	Обвалъ (1829) . . .	631
Испанскій романсъ (1824) . . .	—	«Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ»	—
«Надо мной въ лазури ясной» (1824) . .	606	(1829) . . .	—
«Два чувства равно близки къ намъ» (1824)	—	Зимнее утро (1829) . . .	632
Аквилонъ (1824) . . .	—	Аріонъ (1827) . . .	633
Прозерпина (1824) . . .	—	Загадка (1829) . . .	—
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	—	«Критонъ, роскошный гражданинъ» (1829)	—
(1824) . . .	607	«Еще одной высокой, важной нѣсни»	—
Коварность (1824) . . .	611	(1829) . . .	634
Подражаніе А. Шенье (1824) . . .	—	«Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо» (1829) . .	—
Подражанія Корану (1824) . . .	612	Надпись къ картинѣ изъ «Евгенія Онѣ-	—
Младенцу (1824) . . .	615	гина» (1829) . . .	—
«Преарѣвъ и шопотъ укоризны» (1824) .	—	«Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ»	—
«Стрекотунья бѣлобока» (1825) . . .	—	(1830) . . .	635
«Лишь розы увядаютъ» (1825) . . .	616	На переводъ Илиады (1830) . . .	—
«Пока сиуругъ тебя, красавицу младую»	—	Новоселы (П. В. Нашокину) (1830) . . .	—
(1825) . . .	—	Мадонна (1830) . . .	—

	стр.
Советъ «Суровый Дантъ не презиралъ со- вета» (1830)	636
Цыганы (1830)	—
Пажъ или 15-й годъ (1830)	—
Шалость (1830)	637
Осень (1830)	—
Разставаніе (1830)	639
Циклонъ (1830)	640
«Стамбулъ гяуры нынче славятъ» (1830)	—
Заклинаніе (1830)	641
Стихи, сочиненные ночью, во время без- сонницы (1830)	—
«Пью за здравіе Мери» (1830)	—
«Я здѣсь, Инезилъ» (1830)	642
«Предъ испанкой благородной» (1830)	—
«Для береговъ отчизны дальней» (1830)	—
Царскосельская статуя (1830)	643
Отрывокъ (1830)	—
Ріема (1830)	—
Трудъ (1830)	—
Эхо (1831)	644
«Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я» (1832)	—
«Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслаж- деніемъ»	—
«Французскихъ ріемачей суровый судія» (1833)	645
«Цѣнители умственныхъ твореній испо- линскихъ» (1833)	—
«Въ полѣ чистомъ серебрится» (1833)	646
Подражанія древнимъ (1833)	—
«Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высо- тамъ» (1833)	647
«Не дай мнѣ, Богъ, сойти съ ума!» (1833)	—
Экспромтъ (1833)	648
Мицкевичъ (1834)	—
Изъ Горація (1835)	—
LVII Ода Анакреона (1835)	649
Изъ Анакреона: «Узнаемъ коней ретп- выхъ» (1835)	—
«Богъ веселый винограда» (1835)	—
LVI Ода Анакреона (1835)	650
«Юноша! скромно нируй» (1835)	—
Мальчику (1835)	—
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила» (1835)	—
«Отъ меня вечеръ Лепла» (1835)	—
«Не розу пафосскую» (1835)	651
Подражаніе арабскому (1835)	—
Туча (1835)	—
Подражаніе итальянскому (1836)	—
На статуи (1836)	—

Альбомныя стихотворенія и посланія.

Къ сестрѣ (1814)	652
Къ другу стихотворцу (1814)	654
Къ Натальѣ (1816)	656
Къ молодой актрисѣ (1814)	657
Къ Батюшкову (1814)	658
Къ Н. Г. Ломоносову (1814)	660
Городокъ (1814)	—
Къ А. И. Галичу (1815)	667
Къ Н. И. Пушкину (1815)	669
Къ Батюшкову (1815)	670
Воспоминаніе (къ Пушкину) (1815)	—
Кн. А. М. Горчакову (1815)	671
Къ Галичу (1815)	672
Къ Дельвигу (1816)	674
Мое завѣщаніе (1815)	675
К. П. Бакуниной (1815)	677
Къ живописцу (1815)	—
Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ (1815)	—
Къ Юдиму (1815)	678

	стр.
Къ Машѣ (сестрѣ Дельвигу) (1816)	682
Желаніе (В. Л. Пушкину) (1816)	—
Посланіе Лидѣ (1816)	683
Лидѣ (1816)	684
Къ кн. А. М. Горчакову (1816)	—
Къ Наташѣ (1816)	685
Слеза (К. П. Бакуниной) (1816)	686
А. А. Шишкову (1816)	—
Письмо къ В. Л. Пушкину (1816)	687
Къ молодой вдовѣ (1817)	688
Моему Аристарху (1817)	—
Къ Жуковскому (1817)	690
Дельвигу (1817)	693
Письмо къ Лидѣ (1817)	—
Къ П. П. Каверину (1817)	694
Къ В. Л. Пушкину (1817)	—
Къ товарищамъ передъ выпускомъ (1817)	696
Въ альбомъ А. Д. Иллчевскому (1817)	—
Въ альбомъ И. И. Пушкину (1817)	697
Разлука (В. Кюхельбекеру) (1817)	—
Въ альбомъ А. Н. Зубову (1817)	—
Къ ней (1817)	697
Е. С. Огаревой (1817)	698
Къ Ев. Ив. Голицыной (1817)	—
Къ О. Ф. Юрьеву (1818)	—
Въ альбомъ М. А. Щербинину (1818)	699
Н. И. Кривцову (1818)	700
И. Я. Чаадаеву (1818)	—
Прелестницѣ (1818)	—
Мечтателю (В. Кюхельбекеру) (1818)	701
Жуковскому (1818)	—
Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой (1818)	702
О. Ф. Юрьеву	—
В. В. Энгельгардту (1819)	—
Н. И. Кривцову (1819)	703
Стансы (Я. Н. Толстому) (1819)	—
Орлову (1819)	704
Н. В. Всеволожскому (1819)	705
Кн. А. М. Горчакову (1819)	706
Къ нему-же (отрывокъ) (1819)	707
Олинкѣ Массонъ (1820)	—
Платонизмъ (1820)	—
Чаадаеву (1820)	708
Дочери Карагеоргія (1820)	—
Аглаѣ (1821)	709
П. А. Катенину (1821)	710
Сѣтованіе (Д. В. Давыдову) (1821)	—
Чаадаеву (1821)	—
Н. С. Алексѣеву (1821)	712
Къ ** («Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ») (1821)	713
Къ Овидію (1821)	—
П. С. Пушкину (1821)	715
Г-жѣ Эйхфельдъ	—
Начало посланія (1821)	716
«Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю» (1821)	—
«Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ» (1821)	—
Еврейкѣ (1822)	—
Пріятели (1822)	717
Баратынскому изъ Бессарабіи (1822)	—
Ему-же (1822)	—
Гречавкѣ (1822)	—
Аделѣ (1822)	718
О. Н. Глиникѣ (1822)	—
Начало посланія кн. П. А. Вяземскому (1822)	—
Неизвѣстному (1822)	—
Начало посланія къ брату (1822)	719
«Мой другъ, уже три дня» (1822)	—
Къ *** («Ты правъ, мой другъ») (1822)	—
Г-жѣ Рязницѣ (1823)	720
Лемонтъ (А. Н. Раевскому) (1823)	—
Кн. Голицыной (1823)	721

	СТР.		СТР.
А. П. Давыдову (1824)	721	Князь А. Д. Абамелекъ (1832)	740
Языкову (1824)	—	Въ альбомъ (1832)	—
Иностранцѣ (въ альбомъ) (1824)	722	Олениной (1833)	—
Признаніе (А. И. Осиповой) (1824)	723	П. А. Плетневу (1833)	741
П. А. Осиповой (1825)	—	Изъ путочнаго посланія къ Жуковскому (1833)	742
А. П. Кернъ (1825)	724	Д. В. Давыдову (1836)	—
Е. Н. Вульфъ (1825)	—	Художнику (Гальбергу) (1836)	743
Козлову (1825)	—	Къ жещъ (1836)	—
Н. Н. (При послыжѣ ей «Невскаго Альмапахъ») (1825)	725	Къ *** («Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки»)	—
А. Г. Родзянко (1825)	—	«Тебѣ въ прощальныя мгновенья»	743
Ему-же (1825)	726	«Смотрю печально, молчаливо»	744
Къ именинницѣ (1825)	—	«Весь день отъявленный лѣнинецъ»	—
Е. А. Тимашевой (1826)	—		
Къ * («Зачѣмъ безвременную скуку»)	—	Вновь найденныя стихотворенія	
(1826)	—	Къ Кагульскому памятнику (1819)	745
Кн. П. П. Вяземскому (1826)	—	«Скажи, какія заклинанья» (1819)	—
Отвѣтъ А. О. Тумаискому (1826)	727	«Все призракъ, суета» (1819)	—
И. И. Пущину (1826)	—	«И чувствую, душа (молъ)» (1820)	—
Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ (1826)	—	«Мнѣ васъ не жаль, гола весны моей» (1820)	—
Посланіе въ Сибирь (1827)	—	«Составленъ онъ изъ подлой спѣси» (1821)	746
Е. П. Ушаковой (1827)	—	«Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ» (1821)	—
Языкову (1827)	728	«Чугунъ Кагульскій, ты священъ» (1821)	—
Нятъ (1827)	—	«Въ Юрузѣ бѣдный мусульманъ» (1821)	—
Кн. З. А. Волконской (1827)	—	«Красы Лансъ, завитые ниръ» (1822)	747
Графинѣ Кочубей (1827)	729	«Я говорилъ предъ хладною толпою» (1822)	—
Языкову (1827)	—	«На тихихъ берегахъ Москвы» (1822)	—
Черепъ (Посланіе къ Дельвигу) (1827)	—	«Зачѣмъ раздался громъ войны» (1822)	—
Князь С. А. Урусовой (1827)	732	«Себѣ ты выбралъ, Зензевей» (1822)	748
Н. Е. Великопольскому (1828)	—	«Всерѣ, Фебу и Ѳемидѣ» (1822)	—
А. А. Олениной («Городъ пышный, городъ бѣдный») (1828)	733	«Въ голубомъ эфирѣ полѣ» (1822)	—
То Давѣ Есqr. («Зачѣмъ твой дивный карандашъ») (1828)	—	«Едва уста краскорѣчивы» (1825)	—
Къ *** («Счастливы, кто избранъ своею правдою») (1828)	—	«Все кончено, межъ нами связи нѣтъ» (1824)	—
Е. В. Вельяшевой (1828)	734	Графу О. (1825)	—
А. И. Вульфъ (1828)	—	«Въ нещерѣ тайной, въ день говенья» (1824)	749
Отвѣтъ Катенину (1828)	—	«Стою печально на кладбищѣ» (1824)	—
Отвѣтъ А. Н. Готовцевой (1828)	735	«Мнѣ жаль великія жены» (1824)	—
Н. В. Сленну (1828)	—	«Тамъ, гдѣ Семеповскій полкъ» (1825)	—
В. С. Филимонову (1828)	—	«Я былъ свидѣтелемъ влатой твоей весны» (1825)	750
П. И. Эгельструму (1828)	736	«Любимецъ моды легиокрылой» (1825)	—
«Увы, языкъ любви болтливой» (1828)	—	«Глядитъ на свѣтлые края» (1825)	—
Н. Д. Киселеву (1828)	737	«О ты, который сочеталъ» (1826)	—
Въ альбомъ (1829)	—	«Земли достигнута наконецъ» (1827)	—
Къ А. П. Кернъ («Когда твои младыя лѣта») (1829)	—	«Блаженъ въ златой кругу вельможъ» (1827)	751
Е. Н. Ушаковой (въ альбомъ) (1829)	—	«Въ рожахъ карійскихъ» (1827)	—
Изъ ея же альбома (1829)	738	«Воиеннымъ жизни утомленный» (1828)	—
Отвѣтъ (Е. Н. Ушаковой) (1830)	—	«Во время оное, бывшее» (1829)	—
Дельвигу (1830)	—	«Страшно и скучно» (1829)	—
Отвѣтъ анониму (П. А. Гулянову) (1830)	—	«Еще одной высокой, важной пѣсни» (1829)	—
Изъ записки къ пріятелю (1830)	739	«Царь увидѣлъ предъ собою» (1833)	752
Красавица (въ альбомъ Н. Н. Гончаровой) (1831)	—		
Въ альбомъ (1832)	—		
Въ альбомъ А. О. Россети (1832)	740		

ПРОЗА.

Романы и повѣсти.

Повѣсти Бѣлкина (1830)		Пиковая дама (1834)	807
Отъ издателя	752	Дубровский (1832)	827
Выстрѣлъ	757	Исторія села Горохина (1831)	883
Метель	767	Рославлевъ (отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы) (1831)	807
Гробовщикъ	776	Арапъ Петра Великаго (1827)	906
Станціонный смотритель	782	Капитанская дочка (1836)	933
Барышня-крестьянка	791	Кирджали (1834)	1027
		Египетскія ночи (1835)	1032

	стр.
Четыре подготовительные отрывка «Египетских ночей»	1042
Отрывки неоконченных повестей:	
I. «4 Мая 18... произведен я въ офицера» (1825)	1055
II. Отрывки изъ романа въ письмахъ (1829)	1057
III. Начало повести («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля») (1831)	1067
IV. Съ французскаго (1830)	1069
V. «Въ 179. году возвращался я въ Лифляндію» (1831)	1071
VI. «Науглумаленькой площади» (1831)	1072
VII. «У гусара было дружеское собраніе (1819)	1075
VIII. Марія Шонянгъ (1832)	1075
IX. Старинна русскія странности (1832)	1079
X. Русскій Пеламъ (начало романа) (1835)	1083
XI. «И ты тутъ былъ?»	1086

Драматическіе этюды.

Сцены изъ рыцарскихъ временъ (1835)	1087
Отрывокъ (1835)	1098

Историческіе очерки.

Исторія Пугачевского бунта (1833)	1099
Матеріалы для первой главы «Исторіи Петра Великаго» (1835)	1171
Два отрывка изъ другихъ главъ (1835)	1188
Замѣтки Пушкина къ «Исторіи Петра Великаго»	1192
Историческія замѣчанія (1822)	1193
Историческіе анекдоты (1834—36)	1197
Александръ Радищевъ (1836)	1210
Мысли на дорогѣ (возраженія на книгу Радищева) (1833)	1217
Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ	1238

Автобіографическіе матеріалы и воспоминанія.

Изъ лицейскихъ записокъ (1811—17)	1240
Изъ Кятеневского дневника (1821)	1244
Отрывки изъ автобіографіи Пушкина (1825—26)	—
Болѣзнь Карамзинъ	—
Воображаемый разговоръ съ Императоромъ Александромъ I	1246
Замѣтки (1833):	
Графъ Нулинъ	1248
Моцартъ и Сальери	—
Державинъ	—
Шайлокъ, Анджеловъ Фальстафъ, Шекспира (1838)	1249
Встрѣча съ Крюхельбекеромъ (1827)	1250
Родословная Пушкинскихъ и Ганибаловъ (1830)	1251
Дельвинъ (1831)	1255
Отрывки изъ дневника (1833—34)	1257
О Дуровъ (1833)	1265
Проекты изданія журнала и газеты (1831)	1267
Изъ записной книжки (1831)	1269
Путешествіе въ Эрзерумъ (1829—35)	1273

Журнальныя статьи.

О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухомовѣ (1825)	1039
О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова	1311
Записка о народномъ воспитаніи (1826)	1315

	стр.
Отрывокъ изъ литер. лѣтописей (1829)	1320
Статьи и замѣтки изъ «Литературной газеты» 1830 г.	1324
I. О некрологѣ Раевского	—
II. О выходѣ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича	—
III. О литературной критикѣ	1325
IV. Объ «Исторіи русскаго народа» Полевого	—
V. О романѣ Загоскина «Юрій Милославскій»	1334
VI. О запискахъ Самсона	1336
VII. О разговорѣ у княгини Халдиной, Фонвизина	1337
VIII. О статьяхъ кн. Вяземскаго	—
IX. О каррикатурахъ въ Англіи	1338
X. Объясненіе къ замѣткѣ объ «Иліадѣ»	—
XI. О гекзаметрахъ Мерзлякова	1339
XII. О Запискахъ Видока	1340
XIII. О личностяхъ въ критикѣ	1342
XIV. О неблагоприятности нападковъ на дворянство	—
XV. О выходкахъ противъ литературной аристократіи	1343
XVI. Разговоръ	1344
XVII. Анекдотъ о Байронѣ	1347
Альмавашики (сцены) (1830)	1350
Дѣтскія сказочки (1830):	
I. Маленькій лжецъ (П. П. Свиньинъ)	1351
II. Исправленный забіяка (Н. П. Надеждинъ)	1351
III. Вѣтренный мальчикъ (Н. А. Полевой)	—
Баратынскій (1830)	1355
Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анюмовичъ Орловъ (1831)	1358
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ (1831)	1364
О сочиненіяхъ П. А. Катенина (1833)	1368
Замѣчанія на «Пѣснь о полку Игоревѣ» (1834)	1369
Лордъ Байронъ (1834)	1374
О сочиненіяхъ Георгія Конискаго (1836)	1377
Вечера на хуторѣ (1836)	1381
Россійская Академія (1836)	—
Записки Н. А. Дуровой (1836)	1385
Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности (1836)	1386
Вольтеръ (1836)	1393
Фракіійскія элегіи (стихотворенія Теплякова) (1836)	1398
Объ обязанностяхъ человека (сочиненіе Сильвіо Пеллико) (1836)	1403
Словарь о святыхъ (1836)	1404
Объясненіе (по поводу стихотворенія «Полководецъ») (1836)	1407
О Мильтонѣ и Платобріановомъ переводѣ «Потеряннаго рая» (1836—37)	1408
Послѣдній изъ родственниковъ Іоаннъ Д'Аркъ (1836—37)	1414
Критическія замѣтки (1830)	1417
О драмѣ (1830)	1440
О русской литературѣ съ очеркомъ французской	1446

Мелочи.

Рядъ мелкихъ замѣтокъ	1457
---------------------------------	------

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

	СТР.		СТР.
<i>Письма 1816 года</i>	1473	(Вульф, Гончаровой, Н. И., Осиповой, Пушкину, Л. С., Раевскому, Н. Н., Снегиреву, Соболевскому, Яковлеву).	
(Вяземскому, Кн. П. А.)		<i>Письма 1830 года</i>	1589
<i>Письма 1817 года</i>	1474	(Бенкендорфу, Верстовскому, Вяземскому, Вяземской, Гвѣдичу, Гончаровой, Н. И., Гончаровой, Н. Н., Гончарову, А. Н., Дельвигу, Загоскину, Нащокину, Неизвѣстной дамѣ, Неизвѣстному лицу, Осиповой, Плетневу, Погодину).	
<i>Письма 1819 года</i>	1474	<i>Письма 1831 года</i>	1612
(Мансурову, Тургеневу, А. И.)		(Бенкендорфу, Воейкову, Вяземскому, Гоголю, Гончаровой, Н. И., Гончарову, А. Н., Кошкину, Кривцову, Нащокину, Осиповой, Плетневу, Погодину, Полевому, Пушкиной, Пушкину, Л. С., Смирновой, Уварову, Хмѣльницкому, Чаадаеву, Языкову, Яковлеву).	
<i>Письма 1820 года</i>	1475	<i>Письма 1832 года</i>	1638
(Вяземскому, Гвѣдичу, Пушкину, Л. С.)		(Бавтышъ-Каменскому, Бенкендорфу, Дмитріеву, Нащокину, Орлову, Осиповой, Погодину, Пушкиной, Хвостову).	
<i>Письма 1821 года</i>	1479	<i>Письма 1833 года</i>	1646
(Гвѣдичу, Горчакову, Гречу, Давыдову, Дегиди, Дельвигу, Неизвѣстному лицу, Пушкину, Л. С., Раевскому, А. Н., Тургеневу, С. И.)		(Анавинову, Бенкендорфу, Дмитріеву, Корфу, Лажечникову, Нащокину, Одоевскому, Осиповой, Погодину, Пушкиной, Фуксъ, Чернышеву).	
<i>Письма 1822 года</i>	1486	<i>Письма 1834 года</i>	1662
(Бестужеву, кн. Вяземскому, Гвѣдичу, Катенину, Неизвѣстной дамѣ, Плетневу, Пушкину, Л. С., Толстому.)		(Бавтышъ-Каменскому, Бенкендорфу, Гоголю, Жуковскому, Загоскину, Нащокину, Осиповой, Погодину, Пушкиной, Строгопову, Фуксъ, Языкову, Яковлеву).	
<i>Письма 1823 года</i>	1496	<i>Письма 1835 года</i>	1686
(Бестужеву, Вигелю, Вяземскому, Горчакову, Дельвигу, Иззову, Кривцову, Неизвѣстному лицу, Неизвѣстнымъ дамамъ въ Кишиневѣ, Пушкину, Л. С., Раевскому, А. Н., Тургеневу, А. И., Шипкову).		(Бавтышъ-Каменскому, Бенкендорфу, Бѣдной вдовѣ, Главному комитету цензуры, Гоголю, Дмитріеву, Клейнмихелю, Лажечникову, Нащокину, Осиповой, Плетневу, Пушкиной, Пушкину, Л. С., Фуксъ).	
<i>Письма 1824 года</i>	1507	<i>Письма 1836 года</i>	1697
(Адеркасу, Бестужеву, Булгарину, Всеволожскому, Вульф, Вяземскому, Вяземской, Дельвигу, Жуковскому, Казначееву, Книженичу, Кривцову, Неизвѣстному лицу въ Москвѣ, Плетневу, Пушкину, Л. С., Раевскому, А. Н., Тургеневу, А. И.)		(Бенкендорфу, Вяземскому, Геккеру, Глинкѣ, Голицыну, Гречу, Давыдову, Дмитріеву, Дуровой, Жандру, Жобару, Кошкину, Корфу, Лажечникову, Нащокину, Одоевскому, Погодину, Пушкиной, Пушкину, Л. С., Репнину, Ушакову, Фуксъ, Хлестиву, Чаадаеву, Языкову, Яковлеву).	
<i>Письма 1825 года</i>	1527	<i>Письма 1837 года</i>	1712
(Бестужеву, Вульф, Вяземскому, Гвѣдичу, Дельвигу, Жуковскому, Катенину, Бергъ, Кюхельбекеру, Мойеру, Осиповой, Плетневу, Полевому, Пушкину, Раевскому, Н. Н., Рокотову, Рыльеву).		(Аршіаку, Ишминой, Скобельщину).	
<i>Письма 1826 года</i>	1567		
(Алексѣеву, Бенкендорфу, Великопольскому, Вульф, Вяземскому, Дельвигу, Жуковскому, Катенину, Осиповой, Плетневу, Погодину, Соболевскому, Языкову).			
<i>Письма 1827 года</i>	1578		
(Бенкендорфу, Дельвигу, Погодину, Осиповой, Соболевскому, Языкову)			
<i>Письма 1828 года</i>	1581		
(Бенкендорфу, Великопольскому, Вульф, Дельвигу, Осиповой, Погодину, Соболевскому).			
<i>Письма 1829 года</i>	1585		

Алфавитный указатель смотри въ концѣ книги.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

1.

Происхождение Пушкина; годы дѣтства и первые проблески дарованія.

1799—1811.

Со стороны отца А. С. Пушкинъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ со временъ Іоанна Грознаго, причемъ съ наибольшимъ уваженіемъ относился поэтъ къ предку своему, Григорію Гавриловичу Пушкину, служившему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ, съ титуломъ нижегородскаго намѣстника. Отъ него-то и произошелъ Пушкинъ по прямой линіи.

Мать Пушкина была внучкой Ибрагима Гаппибала, прославленнаго поэтомъ «Арапа Петра Великаго». Но надо замѣтить, что, изъ тщеславія передъ столичною знатью, Пушкинъ слишкомъ разукрасилъ, какъ происхождение, такъ и положеніе при дворѣ Петра своего чернаго предка. Пушкинъ рисуетъ его человекомъ въ своемъ родѣ знатнаго происхожденія, изъ рода вліятельныхъ абиссинскихъ князей, свидѣтельствуя о томъ, что, взятый изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ аманатомъ, Ибрагимъ былъ препровожденъ къ Петру русскимъ посланникомъ; Петръ его самъ крестилъ, воспиталъ, сдѣлалъ потомъ любимымъ своимъ камердинеромъ и секретаремъ, послалъ за границю, гдѣ, не жалѣя денегъ на его содержаніе, доставилъ ему возможность блистать въ высшемъ парижскомъ обществѣ, а когда онъ вернулся въ Россію, государь выѣхалъ ему на встрѣчу за 28 верстъ. На самомъ же дѣлѣ Ибрагимъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими арапчевками, столь-же темнаго происхожденія, какъ и онъ самъ, былъ выкраденъ изъ константинопольскаго гарема русскимъ посланникомъ и препровожденъ Петру, какъ любителю всякаго рода «курьезовъ» и «монстровъ», такъ какъ въ то время было въ большой модѣ у насъ содержать среди двора всякаго рода породцевъ: араповъ, калмыковъ, турчатъ и т. п.

Сочиненія А. Пушкина.

Онъ дѣйствительно былъ воспитанъ при дворѣ Петра и затѣмъ посланъ въ Парижъ, гдѣ записался во французскую инженерную школу, совершилъ походъ въ Испанію, но не только не имѣлъ возможности блистать въ высшемъ обществѣ, а во все время пребыванія за границей прожилъ въ крайней бѣдности. Изъ его писемъ видно, что, назначивъ ему на содержаніе всего двѣсти сорокъ франковъ въ годъ, Петръ часто совѣмъ забывалъ о существованіи своего арапа и не всегда выплачивалъ аккуратно жалованье его. По крайней мѣрѣ въ письмахъ Ибрагимъ постоянно жалуется на крайнюю бѣдность и проситъ «не учинить его отчаяннымъ» и не дать «иропастъ въ нищету». Изъ Парижа его «выгоняли» въ Россію, «какъ собаку, безъ денегъ», по его выраженію, и онъ былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, что собирався идти пѣшкомъ, и «ежели не достанетъ жалованья, то милостыню будетъ просить дорогу». Возвратился онъ въ свѣтъ князя В. Л. Долгорукова, который очень ния тяготился и не хотѣлъ кормить дорогою, такъ что Гаппибалъ выражалъ опасеніе, «какъ бы ему съ голоду не умереть»...

Нраву онъ былъ жестокаго и крутого. Живившись насильно на дочери флотскаго капитана грека Діопера и заподозривъ жену въ невѣрности, онъ ее безчеловѣчно пыталъ и истязалъ; потомъ, пользуясь связями, выхлопоталъ разводъ, заточилъ жену въ монастырь, а самъ женился на другой, дочери капитана, Христинѣ Шебергъ. Отъ этого брака родилось у него шестеро дѣтей: четыре сына и двѣ дочери. Изъ нихъ наиболѣе прославился сынъ Иванъ Абрамовичъ, какъ одинъ изъ участниковъ и героевъ Наваринской битвы и основатель Херсона, гдѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

Совѣмъ нныхъ свойствъ былъ другой сынъ Ибрагима, Осипъ. Служа въ артиллеріи, сначала сухопутной, потомъ морской, онъ отличался нилкимъ темпераментомъ и необузданнымъ нравомъ и до такой степени былъ дѣлать всякаго

рода дикимъ увлеченіямъ и излишествами, что сдѣлался ужасомъ семьи, и отецъ долго не пускалъ его на глаза свои. Живившись затѣмъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, онъ скоро разошелся съ нею, и во Псковѣ, служа по выборамъ, сказавшись вдовцомъ, обвѣнчался, при живой жещѣ, на вдовѣ капитана У. Е. Толстой. Результатомъ этого двоеженства былъ уголовный процессъ, кончившійся тѣмъ, что Осипа Абрамовича высочайшей резолюціей 1784 года развели со второй женой, утвердивши первый бракъ его, сослали на службу въ Средиземное море, а затѣмъ онъ былъ сосланъ на жительство въ свое имѣніе, с. Михайловское, гдѣ и пребывалъ до своей смерти.

Отъ Марьи Алексѣевны у Осипа Абрамовича родилась дочь Надежда. По смерти мужа, Марья Алексѣевна, женщина энергическая, практическая и опытная хозяйка, проживала въ доставшемся ей отъ мужа сельцѣ Кобринѣ (Петерб. губерніи) и, тщательно воспитывая дочь, вывозила ее въ свѣтъ въ самое утонченное высшее петербургское общество, пользуясь положеніемъ и связями дяди ея и крестнаго отца, Івана Абрамовича. Здѣсь молодая, красивая креолка, избалованная съ дѣтства ласкою и потворствами, капризная, пылкая, властолюбивая, имѣла успѣхъ и между прочимъ плѣнила сердце блиставшаго въ свѣтскихъ кругахъ своимъ утонченнымъ французскимъ образованіемъ гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина.

Братья Пушкины—Сергѣй и Василій Львовичи—представляли собою типъ передовыхъ дворянъ того времени: писали стихи, знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы и смѣло разсуждали о чемъ угодно, съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдней прочитанной книжки и на-лету подхваченнаго сужденія. Василій Львовичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ одинъ изъ арзамасцевъ, принятый въ это общество Жуковскимъ, и какъ авторъ сатиры «Опасный сосѣдъ». Въ теченіе 25 лѣтъ непрестанно вращался онъ въ литературныхъ кружкахъ и умеръ съ книжкою Беранже въ рукахъ. Сергѣй Львовичъ въ свою очередь постоянно гонялся за разными знаменитостями, русскими и иностранцами. Домъ его въ Москвѣ былъ посѣщаемъ членами того блестящаго литературнаго круга, который въ началѣ столѣтія образовался тамъ около Карамзина; въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчались самыя почтенныя имена того времени—Жуковский, Тургеневъ, Дмитріевъ и проч., вмѣстѣ съ именами забѣзжихъ эмигрантовъ, туркистовъ, артистовъ и т. п. Вращаясь вѣчно въ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ и ведя разсѣянную и чисто праздничную жизнь, братья поражали современниковъ своей крайней безпечностью. Это были бонвиваны эпохи регентства

на подкладкѣ русской распущенности. Въ положеніе своихъ дѣлъ они не вникали, деревенскую жизнь ненавидѣли; домъ ихъ, по словамъ одного очевидца того времени, всегда былъ на изыску: въ одной комнатѣ богатая, старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословною неспрытностью, ветхіе рыдваны съ тощими клячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана. Имѣнія-же ихъ находились въ такомъ плачевномъ состояніи что когда для спасенія Болдина посланъ былъ туда дѣятельный управляющій, онъ бѣжалъ изъ имѣнія, при видѣ страшнаго разоренія крестьянъ, до котораго они были доведены безпечностью и передовыми стремленіями помѣщика.

Но какова-бы ни была изначка жизни братьевъ Пушкиныхъ, съ вѣтшей стороны они были такъ блестящи, и Сергѣй Львовичъ такъ сумѣлъ плѣнить старогонаваревскаго героя, Івана Абрамовича Ганнибала, что тотъ безъ долгихъ колебаній рѣшился отдать за него свою племянницу и крестницу, Надежду Осиповну, промолвивъ: «онъ не очень богатъ, но образованъ».

Послѣ брака и рожденія первой дочери Ольги, Сергѣй Львовичъ, по заведенному тогда порядку, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на покой. Послѣ того, вплоть до пашествія французовъ, Пушкины жили попеременно то въ Москвѣ, то въ своей подмосковной деревнѣ, Захарьинѣ. И вотъ, въ 1799 году, 26 мая, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, въ Москвѣ, на Молчановкѣ родился у нихъ сынъ Александръ.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не только не представлялъ изъ себя чего-либо замѣчательнаго, но, напротивъ того, своею неповоротливостью, тучностью, робостью и неподвижностью приводилъ въ отчаяніе своихъ родителей, и они серьезно опасались даже за его умственные способности. Заставить его бѣгать и играть со сверстниками можно было лишь насильно. Разъ на прогулкѣ онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется.—«Ну, нечего скалить зубы!»—сказалъ онъ съ досадою и отправился домой.

Когда настойчивыя требованія быть поживѣ превосходили жѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и подолгу смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его.

Вслѣдствіе этого ему не пришлось быть любимымъ и балованнымъ сыномъ своей матери. Напротивъ того, Надежда Осиповна выказывала открытое предпочтеніе старшей дочери

Ольгѣ и младшему сыну Льву. Это обстоятельство однако-же имѣло въ послѣдствіи благотворное вліяніе на Пушкина. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли—искать опоры въ самомъ себѣ.

Единственными друзьями его ранняго дѣтства были бабушка Марья Алексѣевна и знаменитая, воспитанная имъ въ послѣдствіи, нянюшка Арина Родионовна. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, бывшая, прошедшая сквозь огонь и воду послѣ разлуки съ своимъ мужемъ и отличающаяся не только опытностью, но и здравымъ смысломъ. Нянюшка Арина Родионовна, представлявшая изъ себя типъ старинныхъ, преданныхъ барскихъ слугъ, отказавшаяся отъ предлагавшейся ей отпусковой за себя и за своихъ родныхъ, поражала знаніемъ народной поэзіи: весь сказочный міръ былъ извѣстенъ ей, и она передавала его чрезвычайно оригинально. Поворки, пословицы, притяжки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родионовны. Такимъ образомъ этимъ двумъ женщинамъ обязанъ былъ Пушкинъ наиболѣе поэтическими элементами своей музыки: въ то время, какъ Арина Родионовна раскрывала передъ нимъ сокровища народного зноса, Марья Алексѣевна увлекала его своими разсказами о старинѣ и о своихъ молодыхъ, полныхъ приключеніями, годахъ въ историческій міръ старыхъ дворянскихъ преданій и нравовъ 18-го столѣтія.

На седьмомъ году съ мальчкомъ произошелъ внезапный переворотъ: изъ вялаго и неповоротливаго онъ вдругъ сдѣлался развязнымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ. Няню и бабушку, усилившую выучить ребенка грамотѣ, смѣнили по общему обычаю того времени иностранные гувернеры и учителя. Кромѣ священника Вѣликова и еще другого, обучавшихъ закону Божию и нѣкоторымъ другимъ наукамъ, всѣ остальные наставники были иностранцы: первымъ былъ французскій эмигрантъ графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; потомъ Руссо, хорошо писавшій французскіе стихи; далѣе Шадель и пр. Нѣмецкому языку, нелюбимому Пушкинымъ въ дѣтствѣ, учила г-жа Лоржъ; англійскому—гувернантка миссъ Бели. Былъ еще учитель, нѣмецъ Шиллеръ, обучавшій и русскому языку. Ученіе шло довольно безпорядочно въ слѣдствіе частой смѣны преподавателей и не всегда удачнаго выбора ихъ. Обладая счастливой памятью, Пушкинъ выучивалъ уроки лишь слушая, какъ отвѣчала ихъ его сестра; когда-же пераго спрашивали его, ему приходилось ограничиваться неловкимъ молчаніемъ. Кромѣ нѣмецкаго языка, не долюбивалъ онъ и арифметику, надъ которою онъ пролилъ не мало слезъ,

и особенно не давалось ему дѣленіе. Зато французскій языкъ, при непрерывномъ упражненіи и въ классахъ, и въ разговорахъ между собою, усвоенъ былъ отлично, и въ послѣдствіи Пушкинъ владѣлъ имъ, какъ своимъ роднымъ. Знаменитый графъ Алексѣй Сентъ-При говорилъ, что слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любому французскому писателю. По-итальянски Пушкинъ выучился также въ дѣтствѣ: отецъ его и дядя отлично знали этотъ языкъ.

Съ 9-го года начала развиваться въ Пушкинѣ страсть къ чтенію, не покидавшая его всю жизнь. Онъ прочелъ сперва Плутарха, потомъ Гомера въ переводѣ Витобе, потомъ приступилъ къ бібліотекѣ своего отца, состоявшей изъ эротическихъ произведеній французскихъ писателей XVIII вѣка. Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ это расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорять, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизусть. Напролетъ дѣльные ночи проводилъ Пушкинъ за чтеніемъ всѣхъ книгъ, попадавшихъ ему въ руки.

Къ этому слѣдуетъ присоединить вліяніе тѣхъ литературныхъ и политическихъ разговоровъ, которые непрестанно велись въ гостиной Сергѣя Львовича образованнѣйшими людьми того времени, причемъ дѣтямъ позволялось безпрепятственно присутствовать при этихъ разговорахъ, лишь-бы они не вмешивались въ рѣчи старшихъ. Наконецъ, въ домѣ устраивали домашніе спектакли и всякаго рода *jeux d'esprit*, въ которыхъ участвовали и дѣти. Все это вмѣстѣ взятое сильно вліяло на умственные способности воспримчиваго и талантливаго ребенка и влекло къ очень раннему развитію ихъ. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что первые опыты въ стихотворствѣ появились у Пушкина очень рано, на 12-мъ году. Началось дѣло, по обыкновенію, съ подражаній. «Любимымъ упражненіемъ Пушкина, по словамъ сестры его, сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ сестрой, которая въ этомъ случаѣ составляла публику и произносила свой судъ». Однажды какъ-то она осмѣлилась его пьеску «Escamoteur». Онъ не обидѣлся и самъ на себя написалъ слѣдующую эниграмму:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

т. е. «Скажи, за что партеръ осмѣлился моего «Похитителя»? Увы! за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера». Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начавшись Генріады, онъ задумалъ шуточную поэму въ стихахъ, содержаніе которой заключалось въ войнѣ между карлами и карлицами во времена

Дагобера. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Шаделю, жалуясь, что М. Александръ за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шадель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ-же бросилъ свое произведеніе въ печку. Макаровъ рассказываетъ стыдъ и замѣшательство Пушкина, когда въ домѣ графа Вутурлина, вслѣдствіе молвы о поэтическихъ его дарованіяхъ, къ нему приступили всѣ жившія тамъ дѣвушки съ альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господинъ прочелъ русское четверостишіе Пушкина и, для большей торжественности, ударялъ на о. Мальчикъ только успѣлъ сказать «Ah, mon Dieu!» — и убѣжалъ безъ памяти въ библіотеку графа, гдѣ долго еще не могъ придти въ себя.

Къ этому ко всему слѣдуетъ замѣтить, что большинство первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина было написано имъ на французскомъ языкѣ, изъ чего можно заключить, что въ эту пору дѣтства роднымъ языкомъ поэта, на которомъ онъ и думалъ и писалъ, былъ французскій.

II.

Лицейскіе годы А. С. Пушкина.

1811—1817.

Въ то время какъ въ первые годы своей жизни Пушкинъ тревожилъ своихъ родителей своей вялостью и неподвижностью, въ послѣдующіе, наоборотъ, онъ привелъ ихъ къ опасеніямъ за его будущее неукротимой пылкостью страстного темперамента. Пассивно воспитатели, по большей части плохіе, старались обуздать эту вулканическую натуру; добываясь одного паружнаго повиновенія и употребляя для этой цѣли пошлыя и рутинныя мѣры строгости, они не только не достигли никакихъ результатовъ, но встрѣтили въ мальчакѣ отчаянное сопротивленіе, ежеминутно разрушавшее всѣ ихъ усилія. Къ такому же отпору приводили увѣщанія и требованія родителей, сопровождаемыя вспышками гнѣва и тщетными угрозами съ ихъ стороны. И вотъ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, у родителей составилось мнѣніе о сынѣ, какъ о натурѣ вполне извращенной, какъ о вырождкѣ, котораго ожидаетъ самая печальная будущность. Единственную надежду начали они питать на удаленіе его изъ родительскаго дома въ какое-либо закрытое заведеніе, гдѣ могли бы обуздать его чужіе люди суровыми мѣрами строгости. Долго колебались они между двумя модными въ то время заведеніями: іезуитскимъ collegіумомъ и частнымъ пансіономъ, устроеннымъ аббатомъ Николею и находившимся въ то время въ вѣдѣніи аббата Макара. Накопецъ порѣшили въ пользу іезуитскаго collegіума и отправились уже въ Петербургъ хлопотать о поступленіи сына туда, какъ вдругъ учре-

жденіе Царскосельскаго лицея совершенно измѣнило планы ихъ. Директоромъ лицея былъ назначенъ В. О. Малиновскій, съ которымъ Сергѣй Львовичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ числѣ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять лицей.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ внутреннюю жизнь семьи Пушкиныхъ, юноша покидалъ родительскій домъ безъ малѣйшихъ сожалѣній; съ своей стороны и семья провожала его холодно, словно сваливая съ плечъ тяжелую обузу. Исключеніе составляла лишь сестра Пушкина, къ которой онъ былъ привязанъ, и лишь съ одной ею прощался онъ съ грустью.

Василій Льв. привезъ племянника въ Петербургъ и держалъ его у себя въ домѣ все время, покуда онъ готовился къ экзамену. 12-го августа 1811 года Пушкинъ, выѣхавъ съ Дельвигомъ, выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ лицей; 19-го-же октября послѣдовало торжественное открытіе лицея, и послѣ того начались лекціи.

На лицей, при его основаніи, возлагали большія надежды, предполагая сдѣлать его образцомъ высшихъ учебныхъ заведеній, поставить на одномъ уровнѣ съ наполеоновскими Lycées и англійскими Colleges. Лучшіе и самыя передовые свѣтила науки и педагога того времени были избраны преподавателями лицея, каковы А. И. Кунцицынъ, Л. И. Карцевъ, П. К. Кайдаповъ, потомъ А. И. Галичъ и др.

Но быстрое охлажденіе къ дѣлу и распушенность, эти два неизмѣнныя качества, сопровождающія всѣ русскіи предпріятія, не замедлили сказаться и здѣсь. Послѣ смерти въ 1814 г. перваго директора лицея, В. О. Малиновскаго, лицей безъ малаго два года состоялъ подъ управленіемъ профессоровъ, которые поочередно вступали въ директорство, мѣшали другъ другу, безпрестанно ссорились между собою, и для обузданія ихъ оказалось нужнымъ помѣстить въ званіе сперва инспектора классовъ, а потомъ и директора, военнаго человека аракчеевской школы, отставнаго подполковника С. С. Фролова, принявшагося за дѣло круто, чисто по-фельдфебельски, но скоро уволеннаго и оставившаго послѣ себя массу шутовскихъ воспоминаній.

Весь этотъ періодъ, до назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта, Пушкинъ называетъ временемъ анархіи, а другіе его товарищи—междоусобицею. Преподаватели въ свою очередь на второй-же годъ спустили рукава. Кунцицынъ началъ ограиваться требованіемъ буквальной выучки своихъ тетрадей, и его упрекали вообще въ наклонности къ лѣнивому, апатическому существованію. Кошанскій, читавшій

древніе языки и словесность русскую, въ первый годъ увлекалъ слушателей своими бесѣдами о великихъ образцахъ древности и тщательно поправлялъ ихъ уиращенія въ слоги, но на второй годъ занялъ и совсѣмъ бросилъ преподаваніе. Математикъ Карцевъ, будучи отъ природы юмористомъ и видя общее нерасположеніе къ математикѣ воспитанниковъ, занимался на урокахъ выслушиваніями лицейскихъ анекдотовъ и остроумною болтовнею. Добродушный и слабый Галичъ, замѣнившій Кошанскаго, до такой степени былъ осѣдланъ своими воспитанниками, что допускалъ устройство тайныхъ студенческихъ пооекъ въ ответной ему въ лицей аудиторіи.

При такихъ порядкахъ воспитанники были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Учебныя занятія не особенно обременяли ихъ, и званія, требуемыя по программѣ, достигались легко, а въ случаѣ недостатка, ловко маскировались подставными вопросами и отвѣтами, выбранными съ общаго согласія учителей и учениковъ. У воспитанниковъ такимъ образомъ оставалась масса празднаго времени, въ которое они разгуливали свободно по всему лицей и паркосельскому саду, заводя любовныя интрижки съ горничными и крѣпостными актрисами домашняго театра графа Варо. Вас. Толстого. «Наташа», которой посвящено одно или два лицейскихъ стихотворенія Пушкина, принадлежала къ лицейскимъ нянюшкамъ; пьесы «Къ актрисѣ» и «Ты не наслѣдница Клеровъ» обращены къ крѣпостной актрисѣ. Отъ кутежей между собою въ стѣнахъ лицея воспитанники въ старшихъ классахъ перешли къ кутежамъ съ гвардейцами и вообще золотой молодежью, проживавшей лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ на дачахъ. Изрѣдка они устраивали школьные бунты и протесты: такъ, они изгнали изъ заведенія инспектора, М. Ст. Пилецкаго - Урбановичъ, ожесточившаго воспитанниковъ своею религіозною навязчивостію, презрительными отзывами о семействахъ своихъ питомцевъ и незультатскимъ обращеніемъ, скрывавшимъ подъ личиною спесиховенія много жестокости и коварства.

Нужно-ли послѣ того удивляться той малоуспѣшности, которую обнаружилъ Пушкинъ на экзаменахъ, и тому, что въ аттестатѣ его даже по рус. языку значится посредственная отмѣтка? Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такъ ужъ совсѣмъ ничѣмъ и не былъ обязанъ онъ лицей. Кое-что запало въ голову воспитанниковъ и отъ лекцій Куницына и Кошанскаго. Не мало вліянія оказали на нихъ, по свидѣтельству М. А. Корфа, бесѣды учителя французской словесности де-Бужа, брата Марата; онъ весьма способствовалъ къ укрѣпленію мыслительныхъ силъ въ воспитанникахъ, постоянно стараясь приучать ихъ къ отчетливому представленію и изложенію того, что они слышали,

видѣли и что возникло въ ихъ головѣ. — Но наиболѣе обязанъ былъ Пушкинъ лицей богатой бібліотекой, пользованіе которою было предоставлено воспитанникамъ безъ малѣйшихъ ограниченій.

Имѣя массу свободнаго времени и предоставленный вполнѣ самому себѣ, съ жаромъ набросился Пушкинъ на книги лицейской бібліотеки; дни и ночи читалъ онъ безъ отдыха, причемъ болѣе всего интересовали его книги по исторіи и французской словесности. Напрасно Дельвингъ старался пріохотить его къ изученію нѣмецкой литературы; Пушкинъ покинулъ своего товарища на первыхъ попыткахъ ознакомиться съ Клопштокомъ. Товарищи относились къ Пушкипу свачала нѣсколько непріязненно, видя его умственное превосходство надъ ними и замѣчая, что онъ многое прочелъ, о чемъ они и не слыхали, и все, что читалъ, помнилъ. Они прозвали его ф р а н ц у з о мъ за отличное знаніе французскаго языка, что очень оскорбляло юношу въ эпоху войны 1812 года, при всеобщей ненависти ко всему французскому. Не мало въ первое время отталкивало отъ него расположеніе его къ насмѣшкамъ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце Пушкина и скромность, заставлявшая его не только не кичиться и не важничать передъ товарищами своими знаніями и талантами, но, напротивъ того, показывать, что все научное онъ не считаетъ ни во что и мастеръ только бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячики и проч. При такихъ качествахъ характера, Пушкинъ скоро побѣдилъ непріязнь къ себѣ товарищей и сдѣлался, напротивъ того, душою класса, а затѣмъ коноводомъ литературнаго кружка. Этотъ литературный кружокъ образовался едва-ли не тотчасъ по открытіи лицея; участниками въ немъ были Дельвингъ, Иличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломосовъ, Д. Н. Масловъ, Н. Г. Ржевскій, В. К. Кюхельбекеръ, М. Л. Яковлевъ. Литературныя занятія кружка заключались во-первыхъ — въ изданіи рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ члены помѣщали свои произведенія, а во вторыхъ — въ особенной литературной игрѣ. Составивъ одинъ общій кругъ, товарищи обязывали каждого разсказать повѣсть или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за разсказчикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, и развивалъ далѣе; третій въ свою очередь продолжалъ ее, и т. д., пока повѣсть не приходила къ окончанію. Дельвингъ первенствовалъ на этой гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать въ-расплахъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы.

Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать васкоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Разъ онъ изложилъ восхищеннымъ слушателямъ исторію 12 священныхъ дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее. Тогда-же, въ грубыхъ конечно чертахъ, онъ передалъ двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: Метель и Выстрѣлъ, которыя впоследствии явились въ «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ игръ и занятій кружка, Пушкинъ очень скоро перешелъ отъ французскихъ стиховъ къ русскимъ и на первыхъ порахъ наиболѣе прославился между товарищами своими колкими и мѣткими эграммами. Н. О. Кошанскій очень строго отнесся къ первымъ опытамъ своего ученика, старался отвратить его отъ попытокъ сочинительства, и только позднѣе, убѣдившись въ его талантѣ, съ жаромъ припался знакомить его съ теоріей словесности и классическими произведеніями древности; но это продолжалось недолго и кончилось съ несчастною болѣзнью паставника, о которой мы выше говорили.

Первые опыты Пушкина, извѣстные подъ именемъ «лицейскихъ стихотвореній», носятъ на себѣ вліяніе всѣхъ тѣхъ писателей, которыми увлекался Пушкинъ въ своемъ отрочествѣ. Изъ русскихъ писателей это были Карамзинъ, Жуковский и въ особенности Батюшковъ. Послѣдній производилъ на Пушкина самое сильное впечатлѣніе и былъ главнымъ учителемъ его въ отношеніи пластичности формъ и той тонкой, граціозной, чисто классической гармоніи между содержаніемъ и формами, какою наиболѣе отличался авторъ «Умирающаго Тасса». Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Что-же касается содержанія лицейскихъ стихотвореній, то въ этомъ отношеніи Пушкинъ подчинялся вліянію той школы французскихъ анакреонтическихъ писателей, въ которой онъ былъ воспитанъ въ родительскомъ домѣ, каковы — Шенье, Шапель, Верно, Грессе, Грекуръ, Парни. Этимъ вліяніемъ обуславливается и тотъ веселый и нѣсколько легкомысленный взглядъ на жизнь, и то обиліе эротическаго и вакхическаго элементовъ, какое мы встрѣчаемъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Но какъ-бы ни были расположены смотрѣть отрицательно на всѣ подобныя бездѣлки люди, требующіе отъ поэзіи серьезнаго содержанія, нельзя отрицать и нѣкоторой доли благотворнаго вліянія, какое оказали вышеупомянутые писатели на характеръ поэзіи Пушкина: они сразу поставили ее на реальную почву изображенія земныхъ, опредѣленныхъ, всѣми ощущаемыхъ и каждому знакомыхъ радостей и печалей. Это одно составляло большой шагъ впередъ отъ господствовавшаго въ то время въ нашей лите-

ратурѣ мистическаго романтизма съ его скорбными томленіями—неизвѣстно о чемъ, и порываніями—неизвѣстно куда.

Первое стихотвореніе Пушкина, выпедшее въ свѣтъ, было посланіе къ Другу Стихотворцу, напечатанное въ № 13 «Вѣстника Европы» съ подписью: Александръ Н. К. ш. п. Затѣмъ, въ томъ-же году, появились въ томъ-же «В. Евр.», издававшемся Вл. В. Измайловымъ: Кольца, Венерѣ отъ Лаисы, Опытность и Блаженство. Но наиболѣе памятный для Пушкина годъ былъ 1815-й. Съ него начинается литературная извѣстность и слава его. Въ этомъ году подъ стихами его уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили.

Въ январѣ 1815 года, 4-го и 8-го, въ первый разъ происходило въ лицей торжественное публичное испытаніе, на которое нарочно пріѣхали изъ Петербурга многіе важные государственные люди и ревнители просвѣщенія; между прочимъ присутствовалъ и Державинъ. Вотъ какъ вспоминаетъ Пушкинъ объ этомъ глубоко врѣзавшемся въ его память экзаменѣ: «Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою, лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его — гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ—очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбранились его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня несли, но не нашли»...

Послѣ этого слухи о появленіи необыкновеннаго таланта не замедлили распространиться по Петербургу. Всѣ дивились. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о Пушкинѣ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую славу его. Хозяинъ, обратясь къ Сергію Львовичу, который находился тутъ-же, замѣтилъ между прочимъ: «Я-бы желалъ однако-жъ образовать сына вашего къ прозѣ». — «Оставьте его поэтомъ» — возразилъ съ жаромъ Державинъ.

Столь ласкательные отзывы, понятно, померили родителей съ ихъ блуднымъ сыномъ. Въ то-же время Пушкинъ тогда-же сблизился уже съ первоклассными писателями того времени, Жуков-

скипъ, Карамзинъ и Батюшковъ. Жуковский, бывши въ Москвѣ, получилъ отъ Василія Льв. стихи Пушкина «Воспоминанія въ Ц. С.», отправился къ друзьямъ своимъ и тамъ, читая ихъ вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и восклицалъ: «вотъ у насъ настоящій поэтъ!»—Лѣтомъ 1815 года, посѣщая часто Царское Село и читая Императрицѣ стихи свои, Жуковский сблизился съ Пушкинымъ и полюбилъ его, какъ родного. Это было время самой громкой славы Жуковского. Три изданія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» раскупались въ одинъ годъ; «Посланіе къ Имп. Александру» было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковского на рукахъ. Вдовствующая императрица, Марія Ѳеодоровна, весьма благоволила къ нему. И можете себѣ представить, что этотъ 32-лѣтній поэтъ, дожившій до полнаго развитія своего таланта и апогея своей славы, до такой степени сразу былъ увлеченъ гениемъ Пушкина, что ему, 15-лѣтнему мальчику, сидѣвшему на школьной скамейкѣ, нарочно читалъ свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, то Жуковский считалъ такіе стихи слабыми и уничтожалъ ихъ или передѣлывалъ. Въ то-же время съ нѣжнымъ отеческимъ участіемъ Жуковский радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его запоспешность, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ впоследствии называлъ его своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Къ тому-же времени относится и сближеніе Пушкина съ Карамзинымъ. Карамзинъ и прежде уже, будучи знакомъ съ Сергѣемъ Льв. и бывавъ у нихъ въ домѣ, мелькомъ видѣлъ талантливаго юношу. Въ февралѣ 1816 года онъ привезъ въ Петербургъ къ печати восемь томовъ «Исторіи Россійскаго» и читалъ друзьямъ своимъ посвященіе, которымъ начинается первый томъ исторіи. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, запомнилъ все и, пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицейскомъ кружкѣ гораздо прежде, чѣмъ было напечатано. Уже тогда Карамзинъ познакомился съ Пушкинымъ ближе и успѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою, одобреніями и участіемъ. Но наибольшее сближеніе послѣдовало лѣтомъ въ 1816 году, когда Карамзинъ поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, Карамзинъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Госуд. Рос. изъ устъ самого исторіографа; Пушкинъ горячо полюбилъ Карамзина и все его семейство и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковский, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ, предостерегалъ, удерживалъ,

берегъ его и послѣ снасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Къ этому-же періоду относится знакомство и сближеніе Пушкина и съ другими передовыми силами русской литературы того времени, каковы—И. П. Дитричевъ и Батюшковъ. Съ Дитриевымъ онъ познакомился черезъ Карамзина; Батюшковъ былъ старый другъ Сергѣя Льв. Наконецъ тогда-же сблизился съ Пушкинымъ и А. И. Тургеневъ, который до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ и часто съ нимъ переписывался.

Ранніе и быстрые литературные успѣхи побуждали Пушкина еще съ бѣльшимъ рвеніемъ и страстностью приняты за развитіе своего поэтического таланта. Отбывая кое-какъ школьную науку, негладяруя и лѣняясь, въ то-же время дни и ночи просаживалъ юноша въ своей коморкѣ подъ № 14, бесѣдуя съ музами. Довольно сказать, что въ стѣнахъ лицея онъ успѣлъ написать около ста двадцати стихотвореній и тутъ-же задумалъ и началъ писать первую свою поэму «Русланъ и Людмила».—Но такъ велика была скромность молодого поэта, что и тогда весьма немногія изъ своихъ стихотвореній онъ рѣшался посылать въ печать, причеиъ сердился и выходилъ изъ себя, когда нѣкоторыя стихотворенія были печатаемы друзьями, помимо его вѣдома. Даже и впоследствии, выпустивши въ 1826 году первое изданіе своихъ произведеній, Пушкинъ изъ 120 лицейскихъ стихотвореній своихъ удостоилъ печати лишь 23 пьесы.

Въ половинѣ мая 1817 года начался въ лицѣ выпускные экзамены и тянулось 15 дней при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицамъ вопросы, что дало поводъ къ замѣчательнымъ отвѣтамъ и преніямъ. На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай стихотвореніе «Безвѣріе», но отвѣчать плохо и былъ выпущенъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

III.

Жизнь и дѣятельность А. С. Пушкина въ
С.-Петербургѣ.
1818—1820.

Перодъ выходомъ изъ лицея, Пушкинъ мечталъ о военной службѣ. Не задолго передъ тѣмъ появившійся Высочайшій Указъ предоставлялъ лицамъ право опредѣляться прямо въ гвардію офицерами, и 12 товарищей Пушкина тотчасъ-же избрали военное поприще. Жизнь военная и молодому поэту представлялась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Уже давно онъ познакомился съ ней въ кругу квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ офицеровъ. Къ тому-же, повидимому, онъ имѣлъ всѣ данныя для нея: физическая организація его, крѣпкая и, мускулистая и

гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился, какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ, и отлively дрался на эспадронахъ, считаясь чуть-ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля. Пушкину хотѣлось поступить въ лейбъ-гусары, и одинъ знакомый генералъ обѣщалъ ему содѣйствіе; но не удалось молодому поэту носить военного мундира. Свиданіе съ отцомъ разстроило всѣ его планы. Сергѣй Львовичъ наотрѣзъ объявилъ, что не въ состояніи содержать сына въ гусарскомъ полку, и позволилъ ему опредѣлиться въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи, но Пушкинъ не захотѣлъ этого и черезъ 4 дня по выходѣ изъ лица записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что вполне соответствовало его склонностямъ: служба эта, будучи номинальною, предоставляла ему много досуга.

По выходѣ изъ лица, Пушкинъ снова вернулся подъ родительскій кровъ. Родители его жили теперь уже въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжали въ Псковскую губернію, въ родовое свое село Михайловское. Сюда и пріѣхалъ Пушкинъ съ родными тотчасъ по выпускѣ изъ лица. «Вышедъ изъ лица, говорить Пушкинъ въ своихъ запискахъ, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ, и пр., но все это длилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Эта страсть къ городской жизни и къ толпѣ очевидно была унаслѣдована Пушкинымъ отъ своихъ родителей и особенно отъ отца. Сергѣй Львовичу обязавъ онъ былъ и своимъ тщеславіемъ. Страстью тянуться во что-бы то ни стало въ высшее свѣтское общество. Страсть эта, сгубившая его впоследствии, не замедлила обнаружиться при первыхъ-же шагахъ его въ жизни.

Казалось-бы, что и по умственнымъ склонностямъ Пушкина, и по средствамъ родителей онъ долженъ былъ вращаться преимущественно въ литературной средѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой средѣ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ пріятель съ участіемъ, лаской и любовью перыми литературными свѣтилами того времени. Съ перваго шага въ свѣтъ, Пушкинъ очутился въ обществѣ тогдашнихъ литераторовъ, какъ извѣстный и заслуженный его членъ. Онъ почти совсѣмъ не былъ въ положеніи вачивающаго. Едва вышелъ онъ изъ лица, какъ уже осенью 1817 года онъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества Арзамасъ, вокругъ котораго группировались всѣ молодые писатели воаго романтическаго направленія, ратовавшіе противъ устарѣлыхъ классицистовъ, которые въ свою очередь группировались вокругъ московскаго об-

щества «Всѣхъ любителей русскаго слова» и «Вѣстника Европы» Каченовскаго. По обычаю арзамасскаго общества всѣмъ членамъ давать особенныя шутилыя прозвища, Пушкина называли сверчкомъ, потому что, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лица, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ». Новый членъ Арзамаса произносилъ обыкновенно шуточное похвальное слово какому-либо члену враждебной «Всѣхъ любителей русскаго слова». Неизвѣстно, кому произнесъ похвальное слово Пушкинъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать рѣчь свою alexandрійскими стихами, которые, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Къ несчастію Пушкина, Арзамасъ скоро разсѣялся. Собраніе, въ которомъ Пушкинъ произнесъ рѣчь свою, было послѣднимъ, такъ какъ члены Арзамаса отозваны были изъ столицы разными обязанностями. Но кромя Арзамаса въ Петербургѣ было нѣсколько другихъ литературныхъ обществъ, кружковъ и салоновъ (Общ. любит. словесности, наукъ и художествъ, Общ. соревнователей просвѣщенія и благотворенія, кружокъ А. Н. Оленина, вечера В. А. Жуковскаго), и хотя Пушкинъ не принадлежалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, однакоже слѣдилъ внимательно за ихъ завятіями. На вечерахъ Жуковскаго читалъ онъ пѣсни «Руслана и Людмилы», подвергая ихъ передѣлкамъ подъ вліяніемъ сужденій и приговоровъ друзей. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней пѣсни Жуковский подарилъ автору свой портретъ, украшенный подписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя». Ватюшковъ-же, прочтя посланіе Пушкина къ Ѳ. Ф. Юрьеву, сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги съ этимъ посланіемъ и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»

Къ этому-же времени относится знакомство Пушкина съ П. А. Катенинымъ, этой благороднѣйшей и замѣчательной личностью того времени. Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей — во выучи!» — Ученаго учить — портить! отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескія связи не прерывались, и Катенинъ оказывалъ большое вліяніе на Пушкина, какъ знатокъ языковъ и европейскіхъ литературъ. Пушкинъ именно Катенину былъ обязанъ осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, умѣньемъ находить свои достоинства въ писателяхъ различныхъ школъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникавшихъ у насъ по поводу классицизма и романтизма. Катенинъ, между прочимъ, помирилъ Пушкина съ кв. Шаховскимъ, приверженцемъ классицизма, и съ актрисой А. М. Колосовой, дебюты которой Пушкинъ встрѣтилъ злой эпиграммой.

Но, къ сожалѣнію, Пушкинъ только мелькомъ бывалъ въ литературныхъ кружкахъ и выдался со своими друзьями и сотоварищами по перу. Больше-же всего его тянуло въ высшій свѣтъ, гдѣ онъ считалъ неаристократичнымъ носить званіе литератора и всячески старался, чтобы забыли о томъ, что онъ пишетъ стихи. Связи отца и служба по министерству иностранныхъ дѣлъ открыли Пушкину входъ въ лучшіе дома большого свѣта, каковы были гр. Бутурлиныхъ и Воронцовыхъ, кн. Трубецкихъ, гр. Лаваль, Сушковыхъ и пр. Здѣсь Пушкинъ на первыхъ порахъ съ пылкою страстностью увлекся балами и всѣми великосвѣтскими развлеченіями, но большой свѣтъ скоро наскучилъ ему, и онъ кинулся въ вихрь полусвѣта. Страсть къ обществамъ, явнымъ и тайнымъ, различныхъ наименованій, была такъ сильна въ то время, что безпрестанно возникали общества не только литературныя, масонскія, политическія, но эротическія и вакхическія. Таково было между прочимъ общество «Зеленой лампы», основанное Н. В. Всеволожскимъ и у него собиравшееся. Это было оргіическое общество, которое въ числѣ различныхъ домашнихъ представлений, какъ изгнаніе Адамы и Евы, гибель Содома и Гоморры, устраиваемыхъ имъ въ своихъ засѣданіяхъ, пародировало между прочимъ собранія съ парламентскими и масонскими формами, но было посвящено исключительно обсужденію плановъ волокитства, закулисныхъ проказъ и всякаго рода отчаянныхъ шалостей, иногда крайне скандальныхъ, рискованныхъ и опасныхъ; сюда-же входили и кутежи съ богатырскими пари относительно количества выпитыхъ напитковъ и безпрестанныя дуэли изъ-за самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, въ родѣ какой-нибудь случайной театальной ссоры.

Пушкинъ присоединился именно къ этому обществу великосвѣтскихъ безобразниковъ, и какъ великія была издешества, которымъ онъ предавался въ это время, можно судить по тому, что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ два раза лежалъ на краю гроба, въ горячкѣ, именно вслѣдствіе постоянныхъ возбужденій организма, не выдерживавшаго подобаго богатырскаго разгула. Къ этому нужно принять во вниманіе, что кутежи съ золотой молодежью были не только не по физическимъ силамъ Пушкина, но и не по карману его, и онъ очень пуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему; 700 р., получаемые имъ на службу, были капля въ морѣ для великосвѣтскихъ кутежей, отецъ-же Пушкина не особенно раскошеливался для молодого повѣсы и выводилъ его изъ себя своей скупостью. Такъ, одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, рассказывалъ, какъ поэту приходилось улаживать, чтобы ему купили бывшіе тогда въ модѣ баль-

ные башмаки съ пряжками; Сергѣй Льв.-же предлагалъ ему свои старые, павловскихъ временъ. «Мнѣ больно подѣтъ, говорить Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ брату, равнодушіе отца моего къ моему состоянію. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Анничкина моста, онъ вѣчно бравился за 80 копѣекъ, которыхъ, вѣрно-бы, ни ты, ни я не пожалѣлъ для слуги». Если-же и попадала въ карманъ Пушкина лишняя копѣйка, онъ тотчасъ-же ставилъ ее ребромъ съ геніальнымъ безразсудствомъ. Такъ, однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и отецъ его. Погода стояла тихая, и вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ выпуль нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другою сталъ бросать въ воду, любясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ.

И не смотря на то, что скудость денежныхъ средствъ ставила его безпрестанно въ двусмысленныя и неловкія положенія, сильно тревожившія и огорчавшія его, онъ все-таки продолжалъ тянуться къ знати. «Пушкинъ.—разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ друзей его,—либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, наиримѣръ, вертѣться у оркестра, около знати, которая съ покровительственной улыбкою выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ приближался. Говоришь, бывало: «что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ—ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда нешесжно потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами».

Надо удивляться, какъ среди этой разсѣянной жизни, исполненной безпрерывныхъ оргій, у Пушкина хватало времени на литературныя работы. Между тѣмъ, оставшіяся послѣ него тетради свидѣтельствуютъ объ упорномъ, усидчивомъ трудѣ, который онъ положилъ на обработку «Руслана и Людмилы», трудъ не менѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ, задумавшая еще на скамьяхъ лицея, поэма вышла въ свѣтъ въ 1820 г. Появленіе «Руслана и Людмилы» произвело сильную сенсацію и въ литературѣ, и въ обществѣ, равносильную внезапному шумному выстрѣлу среди мертвой тишины или яркому лучу свѣта, загорѣвшемуся среди непроницаемаго мрака. Поэма шла совершенно въ разрѣзъ съ установленными литературными пріемами и не была похожа ни на что, существовавшее въ литературныхъ кружкахъ до того времени. Тутъ и тѣни не было ни того высокопарнаго, чопорнаго тона, съ какимъ передавались сю-

Пушкинъ въ письмѣ своемъ къ брату, писанному вскорѣ послѣ возвращенія оттуда,—воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно стрныя горячія; впрочемъ, я купался и въ теплыхъ кислотныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣвь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными, радужными; жалю, что не исходилъ со мною на острый верхъ пятиколмаго Вешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной, Зѣбиной»... Но поѣздка на Кавказъ ограничилась минеральными водами: вообще, въ глубь Кавказа Пушкинъ не ѣздилъ въ тотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купавья и отправились на южные берега Крыма, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось остальное семейство Раевского. Этотъ переѣздъ и трехвѣдѣльная жизнь въ Юрзуфѣ оставили въ Пушкинѣ лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами—изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отдавшемъ въ распоряженіе генерала. Здѣсь, въ прелестную южную ночь, расхаживая по палубѣ, Пушкинъ создалъ свою элегію «Погасло дневное свѣтло».

Въ Юрзуфѣ, очаровательнѣйшемъ уголкѣ южнаго крымскаго берега, вся семья Раевского была въ сборѣ. Здѣсь впервые Пушкинъ увидѣлъ и познакомился съ двумя старшими дочерьми Раевского, Катериной Николаевной, поражающею своимъ твердымъ характеромъ и развитіемъ, чisto мужскимъ умомъ, и съ Еленой Николаевной, 16-лѣтней дѣвушкой, высокой, стройной, съ прекрасными голубыми глазами. Нѣсколько ранѣе, во время поѣздки на Кавказъ, онъ сошелся съ старшимъ сыномъ Раевского, Александромъ, весьма образованнымъ и умнымъ, и очень увлекся этимъ человѣкомъ. Вообще, онъ очень близко и тѣсно сошелся съ семействомъ Раевского, въ которомъ всѣ его полюбили, и въ письмахъ своихъ онъ вспоминаетъ о жизни въ Юрзуфѣ не иначе, какъ съ восторгомъ. «Старшій сынъ его (Раевского), пишетъ Пушкинъ своему брату: будетъ болѣе, чѣмъ извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Судя, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не насладился; счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда—увидѣть овятъ полуденный берегъ и семейство Раевского»... «Въ Юрзуфѣ, пишетъ Пушкинъ

Дельвигу, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго *lazzaroni*. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы». Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ относится и тотъ женскій образъ, который безпрестанно являлся въ стихахъ Пушкина этого періода и преслѣдуетъ его въ продолженіе трехъ лѣтъ до самой Одессы и тамъ только смѣняется другимъ.

Но не одни только наслажденія природою и влюбчивость занимали Пушкина въ это время. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ пересчитывать. Въ то-же время, подъ руководствомъ молодыхъ Раевскихъ, онъ практиковался въ англійскомъ языкѣ, и эта практика состояла въ чтеніи Байрона. Знакомство съ британскомъ поэтомъ, бывшимъ въ то время властителемъ думъ и сердецъ во всей Европѣ, произвело могучее вліяніе на Пушкина, и не только на его поэтическое творчество, но и на весь образъ жизни и мыслей. Тотъ оппозиціонный задоръ, который повлекъ за собою высылку Пушкина и который до сихъ поръ скорѣе имѣлъ характеръ молодого буйства, чѣмъ какую-либо серьезную идейную подкладку, теперь окрашивается въ цвѣтъ моднаго байронизма. Байронизмъ этотъ на русской почвѣ сразу получивъ совершенно особенный характеръ. Политическая сторона байронизма стояла здѣсь на послѣднемъ планѣ; на первомъ-же было гордое и презрительное отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ обычаевъ, приличій и предразсудковъ и стремленіе къ необузданной свободѣ личности въ проявленіи глубокихъ, сильныхъ и демоническихъ страстей. Поѣздка въ Юрзуфъ въ Каменку, имѣніе Раевскихъ-Давыдовыхъ въ Кіевской губерніи, гдѣ Пушкинъ нашелъ цѣлый кружокъ людей, проникнутыхъ байронизмомъ (А. Раевскій, В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо), довершила развитіе въ немъ байроновскаго духа. Каменка подчинила себѣ Пушкина тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мысленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и людямъ. Ни передъ кѣмъ такъ не старался Пушкинъ блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженій и сужденій, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что Каменка постоянно носилась передъ его глазами и служила какъ-бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроновскаго настроенія.

Между тѣмъ какъ Пушкинъ путешествовалъ,

во вѣшнемъ положеніи его устроилась новая пережѣна. Вслѣдствіе болѣзни и отпуска намѣстника Бессарабской области А. Н. Вахметева, должность его была возложена временно на Инзова, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края. Такимъ образомъ Пушкину пришлось прибыть изъ Каменки въ Кишиневъ, гдѣ онъ и поселился въ домѣ самого Инзова. Эта новая обстановка совершенно соответствовала байроновскому настроенію Пушкина. Населеніе Кишинева въ ту эпоху было чрезвычайно пестрое и представляло собою картинную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній»: тутъ встрѣчались на каждомъ шагѣ и еврей, и болгары, и турки, и французы, и итальянцы. Возставіе грековъ наполнило городъ значительнымъ количествомъ греческихъ и молдаванскихъ семей, бѣжавшихъ отъ смутъ своей родины. Присутствіе ихъ сообщало Кишиневу сильный восточный характеръ, въ которомъ европейская образованность и восточное варварство смѣшались оригинально и живописно. Пестрота, шумъ, разнообразіе и полная распущенность нравовъ тогдашняго Кишинева произвели сильное впечатлѣніе на Пушкина: онъ полюбилъ городъ, вполне соответствовавшій его настроенію духа.

Вмѣшавшись въ эту пеструю толпу, Пушкинъ повелъ жизнь полную развлеченій, шумныхъ пиршествъ, ухаживаній, ссоръ, дуэлей и всяческихъ приключеній. Не было многовѣснаго собранія или картежной игры, гдѣ-бы не являлся Пушкинъ, пещаный, небритый, въ молдаванской фескѣ на головѣ, архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и съ желѣзною дубинкою въ рукахъ, вообще въ костюмѣ самомъ картинномъ, безпорядочностью своею приводившемъ въ ужасъ чопорныхъ кишиневскихъ чиновниковъ. Безпощадная насмѣшливость, готовность каждую минуту выйти изъ себя и поддаться—произвели то, что Пушкинъ назвалъ себя въ городѣ массу враговъ и недоброжелателей. Солидные и степенные люди смотрѣли на него съ негодованіемъ, какъ на дерзкаго отрицателя всего святого, какъ на какое-то чудовище. Распространилось даже среди общества шуточное прозвище, данное Пушкину какимъ-то острякомъ—бѣсъ арабскій (каламбуръ—на слово бесарабскій). Послѣ-же двухъ дуэлей (съ З. изъ-за картъ и съ Старовымъ изъ-за того, что тапцовать—вальсѣ или мазурку) и дикаго скандала съ молдаваномъ Балшемъ, Пушкина положительно стали бояться въ городѣ, какъ бретера и скандалиста. Между тѣмъ добрый и мягкій Инзовъ относился къ своему невозможному подчиненному чисто по-отечески. Онъ журилъ его послѣ каждой палости, наказывалъ арестами, причемъ приставлялъ даже солдатъ къ его квартирѣ, или-же посылалъ въ командировки.

Такъ, во второй половинѣ 1822 года, послѣ одной буйной карточной ссоры, во время которой Пушкинъ, снявши сапогъ, ударилъ противника каблукомъ въ лицо, онъ былъ посланъ въ Измаилъ, и во время этой именно поѣздки Пушкинъ, встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Около трехъ лѣтъ прожилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ такую жизнь, отлучаясь очень часто то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи. 28 мая 1823 г. Инзовъ сдалъ должность воеводскіе генераль-губернатора новому начальнику, М. С. Воронцову. Тогда-же было соединено въ одной власти и управленіе Бессарабіей: административнымъ центромъ сдѣлалась Одесса, куда переѣхалъ и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генераль-губернатора. Сначала Пушкинъ былъ очень радъ этому переводу. Его манила жизнь въ Одессѣ, шумномъ приморскомъ городѣ съ итальянскою оперой, богатымъ и образованнымъ купечествомъ, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, пріѣхавшими въ край, по выбору Воронцова. Все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, какихъ Кишиневъ, потерявшій значеніе административнаго центра, не могъ уже дать. Но молодому поэту вскорѣ пришлось горько разочароваться. Оказалось, что здѣсь не могло быть и мысли о той свободѣ, простотѣ и фамиліарности отношеній къ службѣ, какія существовали въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ сразу поставилъ себя центромъ управляемой страны. Только-что пріобрѣтенный край впервые увидалъ власть со всеми атрибутами блеска, могущества и стойкости. Отъ подчиненныхъ прежде всего теперь требовалась бюрократическая «порядочность» въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главою управленія. Пушкинъ, очевидно, не могъ удовлетворить всѣмъ этимъ новымъ требованіямъ и въ то-же время видѣлъ, что тысяча глазъ слѣдятъ за его словами и поступками изъ одного побужденія—наблюдать явленіе, неподходящее къ общему строю; онъ терялся въ этомъ мірѣ приличій, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холоднаго презрѣнія ко всѣмъ его вспышкамъ, хотя-бы и подсказаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ пытался сначала прироваться къ новой сферѣ: обстригся, причистился, пріодѣлся; но этого было мало: по существу онъ оставался все тѣмъ-же страстнымъ, увлекающимся и необузданнымъ, а не ревностнымъ и подтянутымъ бюрократомъ, каковыя его хотѣли видѣть. Извѣстно враждебное отношеніе Пушкина къ командировкѣ, сдѣланной ему Воронцовымъ—ислѣдовать сарапчу въ южныхъ стенахъ Новороссіи. Команди-

ровка придумана была Воронцовымъ съ дѣлю дать Пушкину случай отличиться по службѣ, а П. принявъ порученіе это за желаніе насмѣяться надъ нимъ, и всѣмъ извѣстныя тотъ шуточный рапортъ въ стихахъ о саранчѣ, который былъ представленъ Пушкинымъ вмѣсто дѣловой бумаги:

Саранча летѣла, летѣла

И сѣла.

Сидѣла, сидѣла—все сѣла

И вновь улетѣла.

Болѣе всего оскорбляло самолюбіе Пушкина то обстоятельство, что Воронцовъ игнорировалъ въ немъ поэта и смотрѣлъ лишь, какъ на чиновника. И вотъ случилось тѣмъ, что Пушкинъ, долго сдерживая свое негодованіе, разразился, наконецъ, въ одесскомъ обществѣ потокомъ и прозаическихъ, и стихотворныхъ сарказмовъ противъ своего начальника. Сарказмы эти дошли до Воронцова, и онъ 23 марта 1824 г. обратился къ управляющему министерствомъ иностр. дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить государю о необходимости отозвать П. изъ Одессы. Въ началѣ письма, гр. Воронцовъ говоритъ, что, заставъ уже П. въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показывать скромность и воздержность, какихъ въ немъ никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствія главнаго его порока—самолюбія. «Здѣсь есть много людей, пишетъ гр. Воронцовъ: а съ эпохой морскихъ купавій число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показывать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмевію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказаться... Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову не пособилъ-бы ничему—Пушкинъ все-таки остался-бы въ Одессѣ, по уже безъ заключенія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ-бы еще между молодыми греками и болгарамъ довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо губерніи могъ-бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавитесь отъ вредныхъ вліяній лести

и отъ заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей». Въ концѣ-же письма гр. Воронцовъ выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Но не успѣло это письмо дойти до Петербурга, какъ о Пушкинѣ возникло новое дѣло. Не задолго до того поэтъ написалъ одному пріятелю письмо, въ которомъ находились между прочимъ слѣдующія строки: «Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, чтó я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки частаго аеизма. Здѣсь англичанинъ—глухой философъ и единственный умный аеизмъ, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et regulateur, михоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная».

Письмо это было перехвачено на почтѣ и какими-то образомъ распространилось въ спискахъ по Москвѣ. Можно себѣ представить, въ какое негодованіе привело оно тогдашнее мистическое начальство. И вотъ, 11-го іюля 1824 года, отъ гр. Нессельроде послѣдовала гр. Воронцову въ отвѣтъ на его письмо слѣдующая бумага:

«Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя В. Сіят. прислали мнѣ по поводу кол.секр.Пушкина.Его Величество вполнѣ согласился съ вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, въ которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ въ это время другими свѣдѣніями, полученными Его Величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ нагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его Величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого, Его Величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, Его Величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и выводить изъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такіа послѣд-

ствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находить необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Исковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. В. Сіят. не замедлить сообщить Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Исковъ, снабдивъ прогонными деньгами».

Гр. Воронцовъ получилъ это предписаніе въ Крымъ, гдѣ путешествовалъ и былъ въ это время боленъ лихорадкою. По его приказанію, правитель дѣла его походной канцеляріи А. И. Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, гр. А. Д. Гурьеву. Такъ кончилась годичная служба Пушкина въ свитѣ гр. Воронцова.

Но было-бы ошибочно думать, что всѣ эти вышеизложенныя мытарства и приключенія совершенно исчерпывали жизнь Пушкина на югѣ. По совершенно справедливому и единодушному замѣчанію всѣхъ биографовъ, Пушкинъ постоянно жилъ какою-то двойною жизнью, точно какъ-будто въ немъ подъ одною тѣлесною оболочкою были соединены два человѣка, нисколько не похожіе другъ на друга, и въ то время какъ одинъ Пушкинъ, заносчивый, высокомерный и тщеславный денди, задорный бретеръ, игрокъ и волокита, прожигалъ жизнь въ непрестанныхъ оргіяхъ, другой Пушкинъ, скромный и даже застѣнчивый, съ нѣжною и любящею душою, поражалъ усидчивостію и плодотворностію своей умственной дѣятельности. Можно положительно сказать, что онъ пожиралъ всѣ книги, какія только попадались ему на глаза и въ Кіевѣ — у Раевскихъ, и въ Каменкѣ — у Давыдовыхъ, и въ Кишиневѣ — у Извоза, у Орлова, Пущина, Н. П. Липранди. Не ограничиваясь однимъ чтеніемъ, онъ дѣлалъ большія выписки изъ книгъ. Въ то-же время онъ собиралъ народныя пѣсни, легенды, этнографическіе документы. Подъ конецъ-же пребыванія на югѣ страсть къ собиранію книгъ развилась у него до такой степени, что онъ сравнилъ себя со стекольщикомъ, разоряющимся на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ, и превосходная бібліотека, оставленная имъ послѣ смерти, свидѣтельствуетъ о разнообразіи и основательности его чтенія. Между прочимъ онъ успѣлъ выучиться на югѣ по-английски и довершилъ знаніе итальянскаго языка. Съ жадностію слѣдилъ онъ за ходомъ греческаго возрожденія и велъ даже журналъ событіямъ его. — Не ограничиваясь одними книгами. Пушкинъ, по словамъ Н. П. Липранди, прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей

болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и затѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій.

Какъ плодотворно въ то-же время было его творчество, можно судить по тому, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ жизни его на югѣ были написаны имъ, кромѣ массы лирическихъ стихотвореній, всѣ поэмы его байроновскаго стиля: въ 1821 году — «Кавказскій плѣнникъ» и «Братья-Разбойники», въ 1822-мъ — «Бахчисарайскій фонтанъ», въ 1824-мъ — «Цыганы»; рядомъ со всѣми этими въ 1823-мъ году была уже написана имъ первая глава «Евгенія Онегина». Сверхъ того, по черновымъ тетрадямъ, оставшимся послѣ Пушкина, можно судить, что въ разгаръ своего байроновскаго свободомыслія онъ задумывалъ политическую трагедію «Вадимъ», предполагая написать картину заговора и возстанія «славянскихъ племенъ» противъ иноплеменнаго ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціального преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали. Все содержаніе новой трагедіи должно было вертѣться около движенія народныхъ массъ и служить апофеозомъ гражданскихъ доблестямъ ихъ руководителя Вадима, причеиъ и «славянскія племена», и «иноплеменики» составляли только весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Тѣ-же черновыя тетради свидѣтельствуютъ, что тогда-же Пушкинъ началъ было писать сатирическую поэму, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны. Наконецъ къ 1822 году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, которая была навѣяна очевидно чтеніемъ Вольтера и вносилъ дѣйствию доставила ему не мало раскаяній, навлекши непріятности со стороны духовенства.

Находясь подъ вліяніемъ Байрона и А. Шенье, увлекаясь въ то-же время Овидіемъ и сравнивая свою участь съ участіемъ древняго изгнанника, сосланнаго на тѣ-же самые берега Дуная, — въ то-же время Пушкинъ и самъ не замѣчалъ, какъ изъ него вырабатывался совершенно самобытный народный русскій художникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ болѣе и болѣе проглядывало совершенно новое направленіе, о которомъ въ то время никто еще не помышлялъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ друзья и приверженцы Пушкина ставили его во главѣ русскаго романтизма, въ то время какъ Пушкинъ, въ горячей перепискѣ съ друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ) разсуждалъ о жопотретпетущихъ литературныхъ вопросахъ того вре-

мени и о задачахъ критики, путался въ опредѣленіи того самаго романтизма, во главѣ котораго его ставили, никому и въ голову не приходило, что вовсе не романтизмъ составляетъ главную силу и достоинство новыхъ произведеній Пушкина, а ихъ непосредственная, органическая связь съ окружающею поэта жизнью. По слову *реализмъ* не было еще въ то время произнесено въ нашей литературѣ.

И дѣйствительно, все то обновленіе, которое внесъ Пушкинъ въ нашу литературу, и весь переворотъ, который онъ произвелъ, главнымъ образомъ заключался въ томъ, что по самому существу своему Пушкинъ обладалъ глубоко реальнымъ чутьемъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, съ лицейскихъ стихотвореній уже, онъ творитъ по большей части подъ непосредственнымъ внушеніемъ впечатлѣній жизни. То же самое мы видимъ и во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности—байроническомъ. И здѣсь живыя впечатлѣнія постоянно берутъ перевѣсъ, вытѣсняютъ чуждыя, заимствованныя вѣянія, и этия живыя впечатлѣнія обязали быть Пушкинъ лучшимъ, что только создано имъ въ этотъ періодъ. Слѣдя за его жизнью въ связи съ творчествомъ, вы видите, какъ сама жизнь непосредственно внушаетъ ему его созданія: подъ впечатлѣніемъ Кавказа является «Кавказскій плѣнникъ», Крыму былъ обязанъ Пушкинъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», поѣздкою въ Измаиль обуславливается поэма «Цыганы». — Обратите затѣмъ вниманіе на то, что является лучшимъ, наиболее художественнымъ и обаятельнымъ во всѣхъ этихъ поэмахъ. Конечно, не характеры героевъ, бездѣйные и отвлеченные, внушенные вліяніемъ Байрона, а живыя картины мѣстной природы и быта. До такой степени тогда уже реализмъ составлялъ главную суть его гения, что каждый разъ, когда онъ сходилъ съ реальной почвы, онъ начиналъ мучиться въ тщетныхъ усиліяхъ создать что-либо, и творчество покидало его. Этими и объясняются неудачи его создать трагедію «Вадимъ», сатирическую поэму изъ адской жизни; наконецъ извѣстно, что и поэму «Врѣтья-Разбойники» Пушкинъ не кончилъ и сжегъ, и то, что мы имѣемъ подъ этимъ названіемъ, составляетъ лишь отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевского. Все это Пушкину не удалось именно потому, что здѣсь онъ не имѣлъ живыхъ красокъ, непосредственно навѣянныхъ дѣйствительностью, и долженъ былъ создавать отвлеченно. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ»-же онъ сознательно уже ставовится на реальную почву. Когда появилась первая глава романа еще въ рукописи, друзья Пушкина увидѣли въ ней подражаніе байроновскому Доль-Жуану; но Пушкинъ съ жаромъ возсталъ на это мнѣніе, возражая, что ничего нѣтъ общаго между Онѣгинымъ и

Доль-Жуаномъ; что у него и въ помышленіи не имѣлась байроновская сатира; что первая глава романа есть не болѣе, какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ; что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что будетъ далѣе, а далѣе, конечно, и тогда уже носились передъ его глазами картины русской жизни со всѣми ея особенностями.

Наконецъ, къ этому-же періоду жизни Пушкина относится впервые возникшее въ немъ сознаніе, что онъ можетъ существовать безъ службы, безъ покровительства властей и посторонней поддержки, однимъ своимъ литературнымъ трудомъ. До тѣхъ поръ стихи давали ему очень мало денегъ; «Руславъ» и «Кавказскій плѣнникъ» оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Н. И. Гнѣдичъ, раздѣлялся съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему 500 р. асс. и одѣвъ экземпляръ поэмы. Не то было съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ». Изданіе его принялъ на себя кн. П. А. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. асс., да и то, какъ кажется, этия не ограничившійся.

V.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

1824—1826.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы 30-го іюля 1824 г., получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елизаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, гдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясною цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить на пути.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя свою подписку. По донесенію Псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ Михайловское, гдѣ его ожидали близкіе—отецъ, мать, братъ и сестра. Но не радости была встрѣча опальнаго сына съ родителями, не выдавшими его нѣсколько лѣтъ. Трусловому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно и за самихъ себя, и за остальныхъ членовъ семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человекъ, преслѣдуемый властями, къ тому-же за атеизмъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на дружбу поэта съ младшимъ братомъ и сестрою, опасаясь, что онъ совратитъ и ихъ въ безбожіе. Между тѣмъ начальникъ края, маркизъ Пауллуччи, поручилъ уѣздному Опочечкому предводителю дворянства, Пещурову, пригласить отца Пушкина принять на себя надзоръ за поступками сына, общаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей

стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за нимъ наблюдателей. Серг. Льв. имѣлъ слабость принять это предложеніе, и что изъ этого вышло, можно судить по слѣдующему письму Пушкина къ Жуковскому, 31-го окт. 1824 г.:

«Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я всѣмъ встрѣченъ, какъ нельзя лучше; но скоро все переѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпреставно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пешуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче—быть моимъ шпиономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясняться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподая ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знать-ся avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковский, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закинула, когда я узналъ все это. Иду къ отцу: нахожу его въ снѣгахъ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ... Потомъ, что хотѣлъ бить!... Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?—Рудниковъ сибирскихъ, лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терять за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. Поспѣши, обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de lois».

Въ то-же время псковскому губернатору Бор. Ант. Адеркасу Пушкинъ писалъ:

«М. Г. Борисъ Антоновичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ обезпечить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражали мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его пм. вел., да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣ-

постей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего пр—ства».

Совѣты-ли Жуковского, или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на Сергѣя Льв.; только, уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ отказъ отъ возложенной на него обязанности наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась однакоже вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ надзора и ласково принять молодымъ государемъ. Во второй разъ такимъ образомъ Серг. Льв. мирился съ сыномъ, благодаря лишь его успѣхамъ.

Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824 и 25 гг. Надзоръ за нимъ перешелъ опять къ Пешурову, а для религіознаго руководства назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый и, какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени навѣщалъ поэта въ деревнѣ.

Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ официально былъ вызванъ въ Псковъ для представленія мѣстному начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ, что онъ тогда-же являлся на базаръ и въ частные дома, къ изумленію обывателей, въ мужицкомъ костюмѣ. Дѣлалъ-ли онъ это ради изученія народности, или это было такое-же шутство, которое побудило его въ Кишиневѣ носить восточные костюмы, неизвѣстно. Рядомъ съ этимъ стоитъ другой анекдотъ, что въ годовщину смерти Байрона Пушкинъ отправился въ Святогорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставившемуся бояринѣ Георгіи.

Образъ жизни Пушкина въ деревнѣ напоянаетъ жизнь Онѣгина въ IV главѣ романа. Онъ также вставалъ рано и тотчасъ-же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горой рѣчкѣ и купался. Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ своимъ завтракомъ. Утро посвящалъ онъ литературнымъ занятіямъ: созданію и приготовительнымъ трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью—въ эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности—онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсыянности и вообще красныхъ двей: или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды приводилъ ихъ къ окончанію Пушкинъ былъ между прочимъ неуго-

мимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ разсказывалъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшился тѣмъ, что цугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими. Если случалось ему оставаться дома безъ дѣла и гостей, онъ игралъ двумя шарами на билліардѣ самъ съ собой. а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней, Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего гения. Арина Родіоновна была посредницей въ его сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ изученіи повѣрій, обычаевъ и сагихъ пріемовъ народа, съ какими подходилъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Пушкинъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія.

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское, гдѣ жило доброе, благородное семейство Пр. Ал. Осиповой, съ которымъ Пушкинъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, часто тамъ обѣдывалъ, заходилъ туда въ своихъ прогулкахъ и проводилъ тамъ цѣлыя дни, пользуясь искреннею дружбою и привязанностью всѣхъ членовъ его. Онъ посвящалъ Пр. Ал. Осиповой свои подражанія корану, написанныя, можно сказать, передъ ея глазами, и вообще семейство это дѣйствовало уснокоительно на Пушкина. Онъ встрѣчалъ въ немъ и строгій умъ, и расцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста; усталый отъ увлеченій первой эпохи своей жизни, Пушкинъ находилъ удовольствіе въ тихомъ чувствѣ и родственной веселости: граціозная гримаса, дѣтская шалость нравились ему и занимали его. Двѣ старшія дочери Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Вульфъ, составляли между собою такую-же противоположность, какую мы видимъ между Татьяной и Ольгой въ «Ев. Онѣгинѣ», и существуютъ догадки, что Пушкинъ написалъ свои безсмертные типы именно подъ вліяніемъ созерцанія этихъ двухъ барышень. Кромѣ нихъ тутъ были еще многочисленныя кузины, напр., Анна Ивановна, впоследствии Трубецкѣ (въ семействѣ ее называли Netty), Анна Петровна Кернъ, оставившая записка о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Алек. Ив. Осипова (Алина), кузина Вельяшева; всѣ онѣ были почтены Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и пр.

Но Пушкинъ, оставаясь холоднымъ зрителемъ всѣхъ волненій этой мирной сельской жизни, мало принималъ въ нихъ личнаго участія; мысль его постоянно жила въ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы съ печатью, изукрашенною такими-же кабали-

стическими знаками, какіе находились и на его перстнѣ,—постоянно составляло событіе въ удивленномъ Михайловскомъ. Пушкинъ запирался тогда въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ настроенія поэта при такихъ случаяхъ служить стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г.

Въ то-же время однообразіе деревенской жизни такъ сильно тяготило Пушкина, что онъ постоянно рвался изъ своего заточенія, мечтая о бѣгствѣ за границу. Уже въ Одессѣ начались у Пушкина помыслы о бѣгствѣ; это видно изъ стихотворенія «Къ морю» (1824 г.), гдѣ говорится, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему «поэтическій побѣгъ» и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы «с в о б о д н о й с т и х и и». Затѣмъ, въ письмѣ къ брату Льву Серг. весной 1824 г. изъ Одессы, Пушкинъ пишетъ, что онъ два раза просилъ о заграничномъ отпускѣ съ юга Россіи и оба раза не получалъ дозволенія. «Осталось одно, добавляетъ онъ: взять тихонько трость и шляпу и побѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не втерпежъ». Въ Михайловскомъ онъ постоянно строилъ планы бѣгства въ сообществѣ съ старшимъ сыномъ Осиповой, дерптскимъ студентомъ А. Н. Вульфомъ, который пріѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ-же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы. Сначала Вульфъ, мечтая ѣхать за границу, предлагалъ Пушкину увезти его съ собой подъ видомъ слуги. Но затѣмъ, когда подобный фантастическій замыселъ оказался неудобносполнимымъ, друзья составили новый планъ. Пушкинъ выдумалъ у себя мнимый аневризъмъ и обратился, при посредствѣ родныхъ, съ просьбою къ высшимъ властямъ о разрѣшеніи ему отправиться въ Дерптъ лечиться у дерптскаго профессора хирургіи Н. Ф. Мойера (родственника Жуковского). Друзьямъ казалось, что изъ Дерпта ничего уже не стоило удрать за границу. Но и этотъ планъ остался безъ осуществленія, такъ какъ Пушкину вышло разрѣшеніе ѣхать лечиться всего на все въ Псковъ.

Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года, и въ этихъ мечтахъ и порываніяхъ незамѣтно подкралось 14 декабря. Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый челоувѣкъ Осиповой вернулся изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками, и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ, услыжавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Всю ночь провелъ онъ въ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ, что онъ долженъ самолично встрѣтить политическій переворотъ, дарящій ему

такъ внезапно полную свободу, и принять участіе по крайней мѣрѣ въ дальнѣйшей судьбѣ, если онъ уже не могъ участвовать въ его подготовленіи. Ему казалось необходимымъ явиться поскорѣ въ среду новыхъ людей, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ. И вотъ, не медля, раннимъ утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, но, не доѣхавъ до первой станціи, онъ вернулся обратно въ деревню вслѣдствіе дурныхъ примѣтъ: именно, при выѣздѣ изъ Михайловскаго, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда онъ выбрался въ поле, заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу.

Послѣдствія бунта не замедлили оправдать эти дурныя примѣты. Пушкинъ пришелъ въ ужасъ и перепугъ дѣломъ началъ бросать въ огонь письма и бумаги, мало мальски компрометирующія его; такъ, между прочимъ сжегъ онъ свою автобіографію, которую писалъ въ то время. Каждый день приносилъ извѣстія объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся въ чемъ-либо. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начинала образовываться пустота, словно послѣ жаркой битвы. Нѣсколько разрозненныхъ и уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслью о спасеніи самихъ себя. То-же приходилось дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу состоялъ въ томъ, чтобы обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ сердиться и преслѣдовать его, какъ прежде. Въ началѣ 1826 года Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее любезнѣе письмо, видимо составленное и перебѣленное такъ, чтобы его можно было показывать, кому слѣдуетъ: «Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; перенеска моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до-сыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досужь подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостоверится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особливо нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Говимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки пережваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14 декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни было, я желалъ-бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого кромѣ

его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благодаримъ, нежели гордости, съ моей стороны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обоимъ сторонамъ заговора. Твердо падаюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Друзья Пушкина не замедлили принять горячее участіе въ его стремленіи къ освобожденію, и изъ Петербурга сообщены были ему правильные, формальные пути къ нему. Пушкинъ исполнилъ въ точности программу друзей, и когда наступила надлежащая минута, онъ представилъ псковскому губернатору Адеркасу слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

«Всемилоушнѣйшій Государь! Въ 1824 г., имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно афеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ исключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

«Нынѣ, съ надеждою на великодушіе Вашего Имп. Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подлинкой и честнымъ словомъ), осмѣлился я прибѣгнуть къ В. Имп. В. со всеподданнѣйшею моею просьбою:

«Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края».

Къ прошенію были приложены медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы о болѣзни Пушкина и слѣдующее обязательство его: «Я нижеподписавшійся обязуюсь варедь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствоваю при семъ, что ни къ какому тайному обществу такому не принадлежалъ и не принадлежу *и никогда не зналъ о нихъ*. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года».

Прошеніе Пушкина, препровожденное Адеркасомъ генералъ-губернатору, маркизу Пауллуччи, а имъ графу К. В. Нессельроде, лежало безъ движенія въ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ, до дня коронованія. Черезъ шесть дней послѣ этого событія, именно 28 августа, состоялась высочайшая резолюція о препровожденіи Пушкина съ фельдшеремъ въ Москву.

Между тѣмъ какъ во вѣднѣйшей жизни Пушкина происходили всѣ эти событія, во внутреннемъ мірѣ его совершился весьма важный переворотъ во время его пребыванія въ Михайловскомъ.

Здѣсь онъ окончательно отдѣлился отъ байронизма и увлекся теперь уже Шекспиромъ. Поэма «Цыганы», написанная въ 1824 году, была послѣднею данью направленію, которому онъ подчинялся на югѣ. Уже въ 1825 году онъ пишетъ Н. И. Раевскому: «Правдоподобіе изложеній и истина разговора — вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегі, но что за чепухѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего достигшій только одинъ характеръ (у женщинъ нѣтъ характера: у нихъ страсти въ нѣхъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера — полного, мрачнаго и энергичнаго — создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія»...

Увлеченіе Шекспиромъ повело Пушкина къ весьма благотворнымъ результатамъ. Во первыхъ, подъ вліяніемъ великаго драматурга, уиѣвшаго сохранять геніальную простоту и вѣрность дѣйствительности даже въ моменты самаго трагическаго наивоса, Пушкинъ окончательно выступаетъ на путь реализма. Недаромъ въ томъ-же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «есть и еще заблужденіе: задумавъ какой-нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говорить: «дайте мнѣ пить» — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова «Озлобленнаго»: «онъ заплатилъ!» (ha payeto). Это однообразие, тупость лаконизма, непрерывная ярость — *развѣ это естественно?* Отсюда и неловкость, и робкость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скопрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать *съ полною принужденностью жизни*, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соответствующій его характеру».

Во вторыхъ, подъ вліяніемъ изученія Шекспира особенно его хроникъ, Пушкинъ тогда уже началъ пропикаться тѣмъ исторически объективнымъ взглядомъ на жизнь, какой мы видимъ во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ послѣдняго періода его дѣятельности. Наконецъ Шекспиру же былъ обязавъ Пушкинъ и тѣмъ, что онъ съ большимъ еще усердіемъ, чѣмъ прежде, бросился на собираніе русскихъ пѣсень, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ свлы его пришли въ лихорадочное напряженіе вслѣдствіе чтенія Шекспира, то онъ тотчасъ-же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и въ теченіе 1825 года на-

писалъ свою «Комедію о царѣ Борисѣ», которой прощался со всѣми старыми своими направленіями и начиналъ новый періодъ своего развитія.

Одновременно съ драмою «Борисъ Годуновъ» Пушкинъ успѣлъ написать въ Михайловскомъ: шесть главъ «Евгенія Онѣгина», «Графа Нулина», въ свою очередь навѣяннаго чтеніемъ Шекспира, и свои записки, сожженные имъ послѣ 14-го декабря. Наконецъ, подъ впечатлѣніемъ чтенія Тацита, которое онъ сопровождалъ своимъ «замѣтками», онъ тогда уже написалъ стихотворную часть «Египетскихъ ночей». Мы не упоминаемъ здѣсь о массѣ мелкихъ его произведеній, написанныхъ въ это-же время. Такъ богата и плодотворна была его поэтическая дѣятельность въ тишѣ уединенія села Михайловскаго.

VI.

Поздніе годы холостой жизни А. С. Пушкина.
1826—1831.

Появленіе въ селѣ Михайловскомъ фельдъегеря, пріѣхавшаго за Пушкинымъ, произвело всеобщій ужасъ и недоумѣніе. Всѣмъ показалось, что поэтъ совсѣмъ исчезалъ изъ числа живыхъ. Это было 2-го или 3-го сентября. Пушкинъ весело провелъ вечеръ въ Тригорскомъ и часу въ 11-мъ отправился домой, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день рано утромъ въ Тригорское прибѣжала няня Пушкина, Арина Родіоновна, съ поразительнымъ извѣстіемъ, что какой-то чепухѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ, наскочившій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собой Пушкина, и при томъ такъ заторопилъ его, что Пушкинъ успѣлъ только накинуть на себя шинель и захватить деньги.

По пріѣздѣ въ Москву, Пушкинъ былъ тотчасъ-же представленъ императору Николаю. Вотъ какъ рассказываетъ впоследствии Ан. Гр. Хомутовой объ этомъ представленіи самъ Пушкинъ.

«Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— «Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?» — Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ: — «Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?» — «Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ-бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!» — «Довольно ты надурался, возразилъ императоръ: надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы

болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь при-сылать ко мнѣ все, что сочинишь; отвини я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Сверхъ того рассказываютъ еще о слѣдующей подробности свиданія Пушкина съ императоромъ Николаемъ: поэтъ и здѣсь остался поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошелъ до того, что, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ».

Между тѣмъ вѣсть объ освобожденіи Пушкина по милостивой аудіенціи, полученной имъ у Государя, быстро разнеслась по Москвѣ, и въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной. И въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ принятъ, какъ первый гость; вездѣ встрѣчали его восторженные оваціи и поклоненіе. Послѣ шестидѣльной ссылки, увлекшись свободой, Пушкинъ весело кружился въ шумѣ и вихрѣ московской жизни, только-что отпраздновавшей коронацію. То было горячее литературное время въ Москвѣ: на непрерывныхъ и многочисленныхъ литературныхъ собраніяхъ обсуждались животрепещущіе вопросы, литературные и философскіе, начиная съ судебъ русской словесности до судебъ самой Россіи. Пушкинъ все болѣе и болѣе сходилъ съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія «Московского Вѣстника» и затѣмъ на двухъ собраніяхъ читалъ свою новую, только-что написанную драму, сначала у С. А. Соболевскаго, а потомъ у Вепевитинова. На первомъ чтеніи слушатели состояли изъ тѣснаго, интимнаго кружка близкихъ знакомыхъ хозяина: П. Я. Чаадаева, Д. В. Вепевитинова, гр. М. Ю. Вельгорскаго и И. В. Кирѣевскаго. Второе-же чтеніе, 12-го сентября, происходило при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ; здѣсь, кромѣ братьевъ Вепевитиновыхъ, присутствовали братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Рязань, Соболевскій и др. Чтеніе это кончилось шумными оваціями. «Мы смотрѣли другъ на друга долго, вспоминаетъ объ этомъ чтеніи Погодинъ, и потомъ бросились къ Пушкину; начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ ламъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ

рассказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца», о палатѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ—сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва-ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ!»

Но не долго продолжалось радостное настроеніе Пушкина подъ первымъ впечатлѣніемъ только-что полученной свободы. Онъ не замедлилъ скорѣе горько разочароваться и убѣдиться, что эта свобода была крайне условна и ограничена. Между тѣмъ какъ онъ безпечно наслаждался свѣтскою жизнью въ Москвѣ и упивался литературными оваціями, онъ и не замѣтилъ, какъ нажилъ себѣ врага въ всепильномъ гр. Бенкендорфѣ, который каждый день ждалъ отъ него визита, но, не дождавшись, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 30 сентября:

«М. Г. Ал. С. Я ожидалъ пріѣзда Вашего, чтобы объявить высочайшую волю, по просьбѣ вашей, но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобъ предварительно испрашивали разрѣшеніе черезъ письмо. Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на предаваніе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, Его Имп. Величеству благоугодно, чтобъ вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода — когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тотъ обширѣйшій кругъ, что не опытъ видѣли совершенно въ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія. Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ. Объявляю вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете до представленія его величеству доставить ко мнѣ; но впрочемъ отъ васъ зависить и прямо адресовать на высочайшее имя».

Пушкинъ и не замѣтилъ въ этомъ письмѣ намекъ гр. Бенкендорфа на то, что поэтъ не удостоивъ его посѣщенія. Напротивъ того, онъ былъ въ восхищеніи отъ письма графа и показывалъ его всѣмъ и каждому, какъ выра-

женіе лестной для него царской милости. Онъ воображалъ, что въ подчиненіи его высочайшей цензурѣ самого государя заключается такое же довѣріе къ нему, какимъ пользовался вѣкогда Карамзинъ. Но онъ не замедлилъ горько разочароваться въ этомъ. Въ письмѣ гр. Бенкендорфа не было сказано самого главнаго: именно, что Пушкинъ не только не могъ ничего печатать до высочайшаго просмотра, но и показывать кому-либо вновь написанное. И вотъ, когда Пушкинъ мирно отдыхалъ въ с. Михайловскомъ послѣ всѣхъ московскихъ овацій, вдругъ онъ получаетъ 22 ноября слѣдующаго рода строгое наущеніе отъ гр. Бенкендорфа:

«М. Г. А. С.! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли-бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ посредство мое, или даже прямо его императорскому величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи моего отзыва, я долженъ, однако-же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи оваго вѣкоторымъ особамъ. Нынѣ доходить до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ вѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобъ не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ оваго».

Письмо это произвело на Пушкина самое подавляющее впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что участь его чуть-ли не болѣе зависитъ отъ гр. Бенкендорфа, чѣмъ отъ государя, и тотчасъ-же написалъ въ Москву М. П. Погодину, съ которымъ онъ условился участвовать въ его новомъ журналѣ, чтобы тотъ остановилъ печатаніе его произведеній: «Милый и почтенный, писалъ онъ: ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покажѣсть не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ; но все перемелется и будетъ мука, а намъ—хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до скорого свиданья. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся».

Въ тотъ-же день (29 ноября) онъ послалъ гр. Бенкендорфу извинительное письмо въ самыхъ подобострастныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ. Изъясняя, что онъ дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію вѣкоторымъ особамъ—конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понималъ высочайшую волю государя. Выѣстъ съ тѣмъ онъ препровождалъ

на высочайшее усмотрѣніе свою трагедію. За тѣмъ, по требованію гр. Бенкендорфа, были высланы и стихи, предназначенные Пушкинымъ къ печати, каковы были: «Анчаръ», «Стансы», 3-я глава «Онѣгина», «Фаустъ», «Друзьямъ» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія, кромя двухъ послѣднихъ, были разрѣшены. Относительно «Пѣсней о Стенькѣ Разинѣ», гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что «онѣ, при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанию своему неприличны къ напечатанію, и что, сверхъ того, церковь прокликаетъ Разина, равно какъ и Пугачева». Пѣсни эти не были возвращены Пушкину, и онѣ до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ.

Въ декабрѣ послѣдовалъ докладъ гр. Бенкендорфа государю о драмѣ Пушкина. Императоръ, прочтя драму, замѣтилъ вѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была-бы болѣе выполнена, если-бы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ В. Скотта. Пушкинъ отвѣчалъ гр. Бенкендорфу на извѣщеніе его объ этомъ: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мою однажды написанную».

Принявъ этотъ высочайшій отзывъ за неблагоприятный, Пушкинъ положилъ свою драму въ портфель, гдѣ она пролежала до 1829 г., когда онъ рѣшился вновь представить ее на высочайшее благоусмотрѣніе. Но и во второй разъ пьеса не получила одобренія; потребовалось перемѣнить вѣкоторыя тривіальныя мѣста, слова и выраженія, слишкомъ простонародныя и нарушающія скромность, замѣнить названіе «комедія» драмою, и лишь послѣ новыхъ измѣненій пьеса могла явиться въ свѣтъ въ 1831 году.

Въ концѣ того-же 1826 года Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу заказанную «Заниску о народномъ воспитаніи», гдѣ ясно отражается вся та паника, которую переживалъ поэтъ въ это время. Вы видите въ ней поразительное сплетеніе подчиненія взглядамъ государственныхъ сановниковъ въ родѣ гр. Бенкендорфа съ стремленіемъ провести либеральную тенденцію. Тѣмъ не менѣе записка не понравилась, и гр. Бенкендорфъ 23 дек. 1826 г., извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ: «Его Величество при семъ замѣтитъ изволилъ, что принятое нами правило, будто-бы просвѣщеніе и гевій служить исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для об-

шаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочестъ должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Все это показываетъ, какими подозрительными глазами все еще смотрѣли на Пушкина, и какъ тѣсенъ былъ кругъ дарованной ему свободы. Отеческія внушенія гр. Бенкендорфа преслѣдовали поэта не только за каждый маломальскій неосторожный шагъ, но и безъ всякаго повода, въ зачетъ, такъ сказать, будущаго. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1827 г. онъ обратился съ просьбой о разрѣшеніи пріѣзда въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и хотя разрѣшеніе ему было дано, но гр. Бенкендорфъ не преминулъ при этомъ внушить поэту: «Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворянникомъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

Благопадежность Пушкина еще болѣе поколебалась въ глазахъ полиціи, когда въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, посвященное Н. Н. Раевскому, было написано Пушкинымъ въ началѣ 1825 г. и помѣщено въ первомъ собраніи его стихотвореній, изданномъ въ 1826 г. Цензура, разсмотрѣвъ стихотвореніе 8-го окт. 1825 г. (слѣдовательно за 2 мѣсяца до 14-го декабря), выпустила изъ него 44 стиха (со стиха «Привѣтствую тебя» и до стиха «И буря мрачная»). Между тѣмъ этотъ отрывокъ распространился по Москвѣ, какъ стихотвореніе, написанное будто-бы Пушкинымъ специально по поводу 14 дек. Одинъ изъ списковъ съ надписью «По поводу 14 дек.», принадлежавшій кандидату московскаго университета Ал. Леопольдову, попалъ въ руки полиціи, и вотъ возгорѣлось дѣло, длившееся два года. Пушкинъ неоднократно былъ призываемъ по этому дѣлу, и относительно его состоялся слѣдующій указъ Пр. Сената: «хотя Пушкина надлежало-бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но, какъ преступленіе сдѣлано имъ до манифеста 22 авг. 1826 г., то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою впредъ на какихъ своихъ стихотвореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливаться выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія». Государствен. совѣтъ, сверхъ этого, усмотрѣвъ въ самыхъ отвѣтахъ Пушкина на слѣдствіи неприличныя выраженія, присудилъ его къ секретному полицейскому надзору. Замѣчательно, что это опредѣленіе государств. совѣта,

состоявшееся 29 авг. 1828 г., при постоянныхъ разъѣздахъ Пушкина, слѣдовало за нимъ по пятиамъ изъ губерній въ губернію и, наконецъ, было объявлено ему московскою полиціею лишь въ концѣ января 1831 г., за вѣсколько дней до свадьбы.

Всѣ эти непріятности сильно вліяли на расположеніе духа Пушкина и его душевное спокойствіе. Онъ часто теперь хандрялъ, находился въ раздраженномъ, нервномъ состояніи; раскаяніе о годахъ молодости, утраченныхъ въ «праздности, въ непостоянствѣ, въ безумствѣ гнѣбной свободы», мысли о смерти начали посѣщать его чаще и чаще. Онъ ведетъ теперь кочующую жизнь, нигдѣ не оставаясь болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, словно не можетъ найти себѣ мѣста на землѣ. Трудно слѣдить за нѣмъ его постоянными перѣздами въ этотъ періодъ времени. То онъ бросается въ омутъ столичной жизни и стремится словно забыться отъ свѣдающей его тоски, снова предаваясь свѣтскимъ развлеченіямъ, оргіямъ и картамъ; то, напротивъ того, бѣжитъ изъ столицъ и кланяется столичную жизнь. Такъ, напр., лѣтомъ 1827 г. онъ писалъ П. А. Осиповой: «Нелѣпность и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безаристратнымъ, то если-бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ между обоими городами, я избралъ-бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ, что онъ предпочитаетъ—быть колесованнымъ или повѣшеннымъ—отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ». Въ свою очередь, въ январѣ 1828 г. онъ пишетъ въ Тригорское: «для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ изъ переносу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и прелестный берегъ Сороти; видите, милостивая государыня, что настроеніе мое еще поэтично, не смотря на гадкую прозу моей настоящей жизни».

И въ то время, какъ городская жизнь его раздражаетъ и злитъ, деревня, совершенно наоборотъ, сравнительно съ его юными годами, успокаиваетъ его нервы, и онъ снова дѣлается среди деревенской обстановки ясенъ душой и веселъ. Такъ, уѣхавши осенью 1828 года въ Малинники, деревню Тверской губерніи, принадлежавшую Пр. Алек. Осиповой, онъ пишетъ оттуда Дельвигу въ ноябрѣ: «Здѣсь очень весело. Прасковью Алек. люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безноконтя. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунитю (ученая собака, которая въ то время показывалась въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій, родственникъ Осиповой) здѣсь повеселѣлъ и умерительно мямлѣ. На-дняхъ было собраніе у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятнишки, хотѣли непременно туда-же ѣхать. Мать

принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться, но Петръ Марк. ихъ взбодоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте чернослива, побѣжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкипъ, весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкипа». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, но, увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшали. Здѣсь очень много хорошенковыхъ дѣвчонокъ. Я съ ними вожусь платонически, и оттого толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ».

По эти возврата яснаго и рѣзкаго настроенія духа, словно послѣдніе проблески юности, посѣщаютъ Пушкина теперь довольно рѣдко и быстро смѣняются снова тревожнымъ и мрачнымъ настроеніемъ, и снова онъ мечется, не зная, куда ему дѣться. Такъ, въ началѣ турецкой войны онъ заявляетъ вдругъ желаніе участвовать въ ней. Въ январѣ 1830 г. просится за границу или сопровождать нашу миссію въ Китай. Всѣ эти планы не получили разрѣшенія. За то въ мартѣ 1829 г. онъ, не испрашивая никакого разрѣшенія, уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ, находясь въ русскомъ лагерѣ подъ Эрзерумомъ, словно нарочно искалъ смерти, становясь подъ непріятельскія пули. Плодомъ этой поѣздки и было его «Путешествіе въ Эрзерумъ во время похода 1829 года».

Самовольное путешествіе на Кавказъ, равно какъ и стремительный переѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ мартѣ 1830 года съ цѣлью ухаживанія за своей будущей женой, не обошлись Пушкину безъ нагоняя со стороны гр. Бенкендорфа, и онъ писалъ Пушкину, что «всѣ непріятности, которымъ онъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ *собственному своему поведенію*». Удрученный этимъ писемомъ, Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 г. онъ каждую весну проводилъ въ Москвѣ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его—поѣздки въ Эрзерумъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выражалъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и, описывая себя въ гоненіи, говоритъ, что другіе еще болѣе злоумышляютъ ему, и что гр. Бенкендорфъ *остается единственнымъ его защитникомъ*: «Если завтра, прибавилъ онъ, вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму». При этомъ поэтъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью гр. Бенкендорфу и, злобясь на него, по словамъ поэта, за критики, впрочемъ не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на все.

Гр. Бенкендорфъ успокаивалъ Пушкина, уѣ-

рая, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурного о немъ, что журналистъ этотъ вовсе не близокъ къ нему и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обудать его.

Къ этому-же времени относится сватовство Пушкина. Онъ познакомился съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой въ 1828 г., когда Н. П. было всего 15 лѣтъ. Онъ былъ представленъ ей на балѣ и тогда-же сказалъ, что участь его будетъ навѣки связана съ молодой особой, обращающей на себя всеобщее вниманіе. Въ 1830 г. прибытіе части Высоч. двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Н. Н. участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ гостей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ московскимъ генер.-губерн. Дм. Вл. Голлицынымъ. Молва объ ея красотѣ и усилкахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. И вотъ стремительно уѣхавъ въ Москву, какъ мы выше говорили, онъ возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтл. Хр. Воскресенія, 21 апр. 1830 г., онъ сдѣлалъ семейству Н. Н. предложеніе, которое и было принято.

Вслѣдъ за тѣмъ въ исходѣ лѣта Пушкинъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ и переговоровъ съ отцомъ касательно основанія будущаго своего дома и состоянія. Серг. Льв. выдѣлилъ сыну часть своего родового имѣнія Болдина, Нижегородской губерніи, и Пушкинъ отправился туда въ августѣ 1830 г. для принятія своего наслѣдства. Въ Болдинѣ провелъ онъ осень и часть зимы, окруженный со всѣхъ сторонъ карантинными по случаю холеры, и, равнодушный къ своей собственной особѣ, сильно безноконлся объ участи родныхъ.—Только въ декабрѣ усилъ онъ пробраться въ Москву съ свидѣтельствомъ для залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ выдѣленной ему части. Новый 1831 годъ засталъ его въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, но за мѣсяцъ до свадьбы его расположеніе духа было вновь омрачено извѣстіемъ о смерти Дельвига 14 янв. 1831 г. и эта внезапная смерть ближайшаго друга и одноклассника сильно потрясла его и глубоко огорчила. Наконецъ, въ среду, 18 февраля 1831 года, въ Москвѣ, въ церкви Старога Вознесенія, Пушкинъ былъ обвѣчанъ съ Н. П. Гончаровой.

Не смотря на все скитальчество въ разсматриваемые нами годы жизни Пушкина, этотъ періодъ его жизни былъ самый плодотворный въ творческой дѣятельности. Такъ, мы видимъ, что тотъ реализмъ, на путь котораго рѣшительно выступилъ Пушкинъ въ концѣ своего пребыванія въ с. Михайловскомъ, не замедлилъ привести его къ попыткамъ въ той формѣ, кото-

рая наиболѣе соотвѣтствуетъ этому литературному направленію, — именно въ формѣ прозаическаго романа. И вотъ лѣтомъ и въ началѣ осени 1827 года Пушкинъ написалъ большую часть исторической повѣсти «Арапъ Петра Великаго» и сразу создалъ тотъ безыскусственно простой, кристально-чистый и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени художественный повѣствовательный слогъ, который и до сихъ поръ остается неподражаемымъ.

Писаніе исторической повѣсти изъ эпохи Петра показываетъ, что Пушкинъ въ то время занимался историческимъ изученіемъ этой эпохи. Но колоссальная личность Петра такъ поразила и вдохновила поэта, что онъ не могъ ограничиться одной прозой; и вотъ онъ тогда-же предпринялъ воспѣть великаго преобразователя Россіи въ поэмѣ. И замѣчательно, что, вопреки своему обыкновенію замыкаться осенью для своихъ поэтическихъ работъ въ деревнѣ, Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ, словно нарочно для того, чтобы воспѣвать Петра на самомъ мѣстѣ его кипучей дѣятельности, и вотъ здѣсь, осенью того-же года, онъ создалъ свою «Полтаву». Какъ сильно было напряженіе творчества въ этотъ разъ, мы можемъ судить по тому, что поэма была написана всего на все въ 13 дней, причемъ Пушкинъ отнюдь не уединялся отъ свѣта, а велъ такую-же свѣтскую и разсѣянную жизнь, какъ и всегда, когда бывалъ въ столицѣ.

Второй, не менѣе сильный, порывъ творчества въ этотъ періодъ своей жизни Пушкинъ испыталъ осенью 1830 года, въ Болдинѣ, когда въ какіе-нибудь два-три мѣсяца онъ написалъ, какъ самъ говоритъ въ письмѣ Плетневу, «двѣ послѣднія главы Онегина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами («Домикъ въ Коломенѣ»); нѣсколько драматическихъ сценъ: «Скупой рыцарь», «Модартъ и Сальери», и «Донъ-Жуанъ». «Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ прозою (весьма секретно) пять повѣстей» (Повѣсти Вѣлкина). Въ этотъ списокъ не попали еще «Лѣтопись села Горохина» и «Пиръ во время чумы».

VII.

Послѣдніе годы жизни Пушкина.

1831—1837.

Проживъ до весны въ Москвѣ, новобрачные послѣ Святой выѣхали въ Петербургъ, и Пушкинъ переѣхалъ со своей женой на дачу въ Царское Село, гдѣ въ это лѣто проживалъ и Жуковский. Въ Петербургѣ скорѣй развилась холера, что затруднило сношенія съ городомъ, и Пушкинъ, «прижатый», какъ онъ выражался, къ Царскому Селу, былъ предоставленъ небольшому обществу друзей, великолѣпнымъ садамъ дворца, семейнымъ радостямъ медовыхъ мѣсяцевъ и воспоминаніямъ

золотыхъ дней своего дѣтства. Здѣсь Пушкинъ, подъ влияніемъ общаго положенія дѣлъ того времени, отчасти и друга своего Жуковского, утомленный въ то-же время всѣми тѣми гоненіями, которыя онъ испыталъ въ предшествовавшіе годы, впервые выступилъ на поприще того официального патріотизма, который, не избавивъ его отъ тѣни подозрѣнія, лежавшей на немъ въ глазахъ высшей администраціи, въ то-же время пропелъ охлажденіе къ нему въ значительной части русскаго общества. 5 августа написано было имъ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», за которыя въ скорѣй послѣдовала «Бородинская годовщина». Тамъ-же, въ Ц. Селѣ, состязаясь съ Жуковскимъ, Пушкинъ написалъ свои сказки «О царѣ Салтанѣ», «О попѣ Остолопѣ», «О Мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Впрочемъ, патріотическія стихотворенія не остались совсѣмъ безъ слѣда, и 14 ноября 1831 г. Пушкинъ зачисленъ былъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ жалованьемъ 5.000 ассиг. въ годъ, въ видѣ особенной Высочайшей милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ дозволенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра В., чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться въ ту-же зиму, по переѣздѣ съ дачи въ Петербургъ. Изъ квартиры своей въ Морской отправлялся онъ каждый день въ разныя вѣдомства, предоставленныя ему для изслѣдованій. Онъ предался новой работѣ своей съ жаромъ, почти со страстью. Такъ протекла зима 1832 г. 7 янв. слѣдующаго года онъ былъ принятъ въ число членовъ Имп. Рос. Академіи и началъ прилежно посѣщать засѣданія Академіи по субботамъ. Плодомъ этихъ посѣщеній были статьи его: «Россійская Академія» и «О мнѣніи М. А. Лобанова». Весной 1833 года онъ переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, и отправлялся каждый день въ Архивъ, туда и оттуда пѣшкомъ; когда-же чувствовалъ утомленіе, шелъ купаться, и этого средства было достаточно, чтобы снова возвратить ему бодрость и силы. Въ архивахъ Пушкинъ не ограничивался однимъ собираніемъ матеріаловъ къ исторіи Петра; ему попалось случайно подъ руки нѣсколько бумагъ, относящихся къ пугачевскому бунту: онъ быстро увлекся изученіемъ этого событія и скоро весь ушелъ въ него. При такой непрерывной и страстной дѣятельности, къ осени 1833 года у него были уже готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевского бунта», написана вечеря «Капитанская дочка», и сверхъ этого были совсѣмъ отдѣланы — «Русалка» и «Дубровский».

Не ограничиваясь одними архивными изысканіями, Пушкинъ, какъ истый реалистъ, предпринялъ тогда уже то, что нынѣ, полстолѣтіе спустя, ставятъ въ особенную заслугу совре-

меннымъ намъ французскимъ натуралистамъ, какъ нѣчто новое, ими только-что введенное:—именно, онъ захотѣлъ посѣтить всѣ мѣста, означенныя пугачевскимъ бунтомъ. И вотъ осенью въ 1833 году онъ совершилъ поѣздку по Казанской, Сибирской, Пензенской и Оренбургской губерніямъ. Вездѣ онъ, обозрѣвая мѣстности, въ то-же время искалъ чивыхъ предалій и свидѣтельства очевидцевъ. Такъ, въ Казани онъ провелъ съ этой цѣлью полтора часа у нѣкоего старожилы, купца Крупенина; въ Оренбургской губерніи разговаривалъ со старикомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, сыномъ того Пьянова, о которомъ упоминается въ «Исторіи Пугачевского бунта», а въ селеніи Берды встрѣтилъ старую казачку, поминувшую происшествія того времени очень живо. Онъ пишетъ, что чуть не влюбился въ нее, не смотря на мало привлекательную наружность. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ припятъ съ большимъ радушіемъ всѣмъ обществомъ города, соединившимся въ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь поэта.

Истративъ на все это путешествіе мѣсяцъ, Пушкинъ возвратился въ Болдино 2-го октября и до конца ноября пробылъ въ деревнѣ, послѣ чего возвратился въ Петербургъ на службу. Въ этотъ промежутокъ времени были имъ закончены «Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ», «Пѣсни западныхъ славянъ», которыя онъ писалъ между дѣломъ, въ теченіе 1832 и 33 годовъ, «Мѣдный всадникъ» и «Исторія Пугачевского бунта».

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ въ декабрѣ 1833 года на разсмотрѣніе пачальства свою «Исторію Пугачевского бунта» и получилъ дозволеніе на изданіе ея; сверхъ того, въ видѣ награды, онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а на напечатаніе книги дано ему было заимообразно 20,000 р. асс. съ правомъ избрать одну изъ казенныхъ типографій.

Повидимому Пушкинъ былъ на верху милостей, почестей и славы; со стороны могло казаться, что жизнь улыбается ему какъ нельзя болѣе. А на самомъ дѣлѣ онъ былъ глубоко несчастный человѣкъ, и тысячи острыхъ пилю со всѣхъ сторонъ подтикали его существованіе.—Начать съ того, что положеніе Пушкина было крайне двусмысленно. Съ одной стороны казалось, что это было поднятіе въ высшія сферы общества, весьма льстившее тщеславію поэта; но въ то-же время это вѣтшнее возвышеніе соединялось съ цѣлымъ рядомъ нравственныхъ униженій всякаго рода. Пушкинъ не могъ войти въ высшія сферы человѣкомъ равнымъ людямъ, находившимся въ нихъ, ни по своему состоянію, ни по родовитости, что неотразимо развивало въ немъ болѣзненную мнительность, при которой каждый неоплаченный

визитъ, малѣйшій признакъ небрежности въ отношеніяхъ къ нему и къ его дому раздувались въ его воображеніи въ умысленное пренебреженіе къ нему, въ желаніе доказать ему, что онъ сидитъ не въ своихъ савяхъ. Въ то-же время, это новое положеніе, при всей его кажущейся высотѣ, носило характеръ своего рода заточенія, такъ какъ оно было обязательно: Пушкинъ не могъ самовольно выйти изъ него, видя его ненормальность, не могъ даже жить, гдѣ ему вздумалось-бы; когда-же онъ просился въ отставку, ему или отказывали, или грозили оналою, лишеніями—въ родѣ запрещенія посѣщать архивы.

И особенно положеніе Пушкина при дворѣ сдѣлалось тягостно, когда ему пожаловали камеръ-юнкерство. Это придворное званіе было уже не по лѣтамъ Пушкина, и положеніе его невольно было комично, когда ему приходилось на выходахъ стоять среди безбородыхъ юношей. Этими и объясняются исполненныя горечью слова его дневника отъ 1-го янв. 1834 г.

«Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ. — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и арифметикѣ». Отсюда-же вытекаетъ и отвѣтъ его великому князю, который поздравилъ его въ театрѣ съ назначеніемъ:—«Покорнѣйше благодарю, ваше выссество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, вы первый меня поздравилъ».

Самое исполненіе придворныхъ этикетовъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ крайне тяготило Пушкина своею формальностью, соединенной съ выговорами и замѣчаніями чисто школьнаго характера. «Третьяго дня, писалъ онъ своей женѣ: возвратился я изъ Царскаго въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣда. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковского, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-герцовъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ имъ это объявить. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ, съ моей сѣдой бородкой, придется выступить съ Безобразовымъ или Реймерсомъ—ни за какія благополучія! j'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ mr. Jourdain».

Въ то-же время обязательная придворная жизнь, навязанная Пушкину, соединенная съ выходами, приемами, нарядами жены, требовала

такихъ расходовъ, которые были совершенно не по средствамъ Пушкина, остававшагося при своемъ высокомъ положеніи все тѣмъ-же помѣщикомъ средней руки, да еще помѣщикомъ съ крайне разстроеннымъ состояніемъ. Всѣ имѣнія родныхъ его къ этому времени успѣли придти въ полный упадокъ. Мы уже замѣтили выше, что управляющій, честный пѣмецъ, посланный въ Болдино, убѣждалъ оттуда въ ужасѣ. Тщетно умоляя Пушкинъ своихъ родныхъ поселиться года на два, на три въ Михайловскомъ. Серг. Льв. пришелъ въ ужасъ и неистовство отъ перспективы закабаленія въ деревенскую глушь. «Вы не можете вообразить, пишетъ Пушкинъ къ Осиповой 29-го іюня 1835 года, какъ тяготитъ меня управление этимъ имѣніемъ (Болдинымъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Лѣва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня впадетъ въ крайнюю. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ разоренія; если-бы они могли рѣшиться пробыть пѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли-бы поправиться; но этого никогда не будетъ».

И вотъ, какъ неизбѣжные спутники разоренія, пошли залоги и перезалоги имѣній, безпрестанныя хлопоты о томъ, гдѣ-бы и какъ-бы раздобыть денегъ, а долги росли не по днямъ, а по часамъ. Къ тѣмъ 20,000 р., которые Пушкинъ получилъ заимообразно на изданіе Пугачева, присоединился новый казенный долгъ: именно 16 августа 1835 г. пожаловано было ему въ ссуду 30,000 р. асс. безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уплату общей суммы долга, возросшей такимъ образомъ до 50,000, шло получаемое имъ жалованье, по 5,000 р. въ годъ. Но вслѣдъ за тѣмъ передъ самою смертю уже Пушкинъ вновь хлопочетъ у министра финансовъ Канкрина о томъ, что нельзя-ли принять въ уплату этого долга 200 душъ, принадлежащихъ лично ему въ Нижегородской губерніи и заложенныхъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Это печальное финансовое положеніе не могло не отражаться и на творчествѣ поэта. И тутъ мы видимъ весьма прискорбное раздвоеніе: въ то время какъ Пушкинъ, болѣе чѣмъ когда-либо, ратовалъ за чистое и свободное искусство и восклицалъ надменно презрѣнной черп «подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ»,—въ дѣйствительности литературная дѣятельность его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе принимала спекулятивный характеръ и вся обращалась къ тому, какъ-бы до-

быть болѣе денегъ. Конечно не ради «звуконъ чистыхъ и молитвъ» предпринималъ онъ обширные историческіе труды, въ родѣ «Исторіи Пугачевского бунта» или «Исторіи Петра В.», труды, такъ мало свойственные его генію и потому крайне слабые, сухіе, въ которыхъ вы и слѣда не видите того, что вы привыкли соединять съ именемъ Пушкина. Это-же желаніе добыть какъ можно болѣе денегъ побуждало его взяться за какое-нибудь періодическое изданіе. Такъ, сначала онъ мечталъ о газетѣ, но когда газета не была ему разрѣшена, предпринялъ въ послѣдній годъ жизни ежемѣсячный журналъ «Современникъ». Цѣль изданія журнала была, повидимому, весьма почтенная: именно противодѣйствовать тому легкомысленно насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который господствовалъ въ то время въ петербургской литературѣ, особенно на страницахъ «Вибліотеки для Чтенія»; возвратить критику снова въ руки малаго избранныя кружка писателей, уже обремененнаго уваженіемъ и довѣренностью публики; но сквозь все эти чисто литературныя цѣли постоянно проглядываетъ надежда поправить свое состояніе.

Вообще, весьма грустное впечатлѣніе производилъ этотъ геніальный человѣкъ, которому поклонялась вся Россія, затертый въ блестящей толпѣ расшатахъ муддировъ, въ качествѣ выскочки, глотающій помпуптно если не пренебреженіе, то еще того хуже—снисходительность, съ тоскливой скукой одиноко бродившій по бальнымъ заламъ или взирающій изъ-за колонны, какъ увиаются свѣтскіе франты за его женой. Она отплясываетъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая и безпечная, а у него въ это время кошки скребутъ на сердцѣ, и не отъ одной ревности, а при мысли, что вотъ все вокругъ веселятся, счастливые, довольные, обезпеченные, не думая о завтрашнемъ днѣ, а ему предстоитъ завтра ѣхать въ Опекунскій Совѣтъ послѣднее имѣніе закладывать или вести торгашескіе переговоры съ литературнымъ барышниками. Нѣтъ ничего мудренаго, что все письма его въ послѣдніе два-три года его жизни, особенно къ женѣ, постоянно носятъ характеръ какихъ-то стоновъ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ:

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно лѣстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной,

доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль».

«Милый мой ангелъ! пишетъ онъ въ другомъ: я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно силниъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣю даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо-бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Цикогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ-бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человека болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, увижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ имъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ виновата, а виновать я изъ добродушія, коимъ преисполненъ до глубины, не смотря на опыты жизни».

...«Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—я проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все то тѣ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ-бы лишь меня во-своихъ».

...«На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не поссорился—струхнулъ-то я, да в грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не важиву. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ не правъ...»

...«Каякритъ шутить—а мнѣ не до шутокъ. Г. общалъ мнѣ Газету, а тотъ запретилъ, заставляетъ меня жить въ ПБ. и не даетъ мнѣ способа жить своими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник. Что изъ этого будетъ, Господь вѣдаетъ»...

...«Какъ ты съ хозяиномъ управилась? Что дѣти? Экое горе! Вижу, что непременно нужно имѣть мнѣ 80,000 дохода. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію, а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣло взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть... чистить... и зависѣть отъ полиціи.

Того и гляди, что... Чортъ ихъ поберетъ! У меня кровь въ желчь превращается...»

Прибавьте вы ко всѣмъ этимъ непріятностямъ нескончаемыя полицейскія и цензурныя дразни. Дѣло въ томъ, что ни приближеніе ко двору, ни всѣ изливаемыя на Пушкина высочайшія милости не избавляли его отъ строгаго полицейскаго надзора. По-прежнему относительно всѣхъ своихъ зачатій и каждого шага онъ долженъ былъ испрашивать предварительное разрѣшеніе, по-прежнему прочитывалась его переписка, и гр. Бенкендорфъ дѣлалъ ему выговоры. То придирались къ нему, зачѣмъ онъ ограничивается одною общою цензурою, въ то время, какъ онъ подчиненъ высочайшей цензурѣ, то наоборотъ требовали, чтобы сочиненія, одобренныя къ напечатанію самимъ государемъ, онъ затѣмъ представлялъ въ общую цензуру. Поэма его «Мѣднй всадникъ» была не допущена къ печати, и при жизни ему не пришлось видѣть ее напечатанною. Благодаря гр. Бенкендорфу, отъ котораго безусловно зависѣло допущеніе пьесъ на сцену, Пушкину не удалось видѣть ни одной своей пьесы на сценѣ. Онъ очень желалъ, чтобы А. М. Каратыгина съ мужемъ своимъ прочитала на театрѣ сцену у фонтана Дмитрія съ Мариною, но, не смотря на многочисленныя личныя просьбы Каратыгиныхъ, гр. Бенкендорфъ отказалъ имъ въ своемъ согласіи. Послѣ того Пушкинъ подарилъ Каратыгину для бенефиса «Скупого рыцаря», но и эта пьеса не была играна при жизни автора по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ.

Но особенно увеличались цензурныя придирки и непріятности, когда въ 1833 г. министромъ народн. просв. былъ сдѣланъ гр. Уваровъ, относившійся къ Пушкину весьма недружелюбно. Распоряженія его выводили Пушкина изъ себя, и чаша гнѣва его окончательно переполнилась, когда однажды, на вечерѣ у Карамзина, къ нему подошелъ Уваровъ и, по поводу ходившей въ то время по рукамъ эниграммы «Въ академіи наукъ» свысока и внушительно началъ выговаривать, что онъ роняетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эниграммами.—«Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?»—возразилъ Пушкинъ, выйдя изъ себя.—«Но всѣ говорятъ, что ваши!»—«Мало-ли, что говорятъ! а я вамъ вотъ что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью».

И вотъ, когда Уваровъ захиоралъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и посрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи подъ заглавіемъ «На выздоровленіе Лукулла» (съ

латинскаго). Ни одинъ петербургскій журналъ не согласился напечатать эти стихи. Тогда Пушкинъ послалъ ихъ въ Москву, и тамъ ода была напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московского Наблюдателя» 1835 года. Появление оды вызвало большую сенсацию въ придворныхъ сферахъ и привело за собою не мало непріятностей Пушкину, начиная съ оскорбительной переписки съ кн. Репнинымъ, дурно отозвавшимся о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, въ салонѣ Уварова, и кончая неудовольствіемъ самого государя. Пушкинъ былъ тотчасъ-же вызванъ къ гр. Бенкендорфу. Вотъ какъ самъ онъ рассказывалъ этотъ свой визитъ къ шефу жандармовъ:

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже съ строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола *vis-à-vis*. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ, и онъ сейчасъ-же предъявилъ мнѣ его, сказавъ: — «Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукулломъ и переводомъ съ латинскаго, но, согласитесь, что мы, да и все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣетъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и наміреніе сочинителя!» — «Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества...» — «Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта, тѣмъ болѣе, что осязаянная вами личность — особа, значительная въ служебной іерархіи...» — Тутъ я перебилъ его: — «Но позвольте-же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?» — «Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить Государю!» и даже то, какъ вы у Карамзинныхъ сказали ему, что напишете на него стихи и не отопретесь, то есть подпишетесь подъ ними!» — «Сказалъ, и теперь не отрицаюсь... только эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него». — «А на кого-же?» — «На васъ!» — Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ: — «Что? на мевя?» А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскопаясь съ мѣста и, быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ, на васъ!» Тутъ уже Александръ Христофоровичъ, во всемъ величій власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстные мѣста стиховъ, сказалъ: — «Однако, послушайте, сочинитель! Что-же это такое!

Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ): «Теперь ужъ у вельможъ не ставу нянячить ребятишекъ»... Ну, это ничего... (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честность — трѣшъ - трапа, жену обманывать не буду!» — Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непозволительное мѣсто (читая): «И воровать ужъ забуду казенныя дрова!» — «А? что вы на это скажете?» — «Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости!» — «Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?» — «Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!» — Бенкендорфъ поинялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ: «Гмъ! да! самъ виноватъ!» — «Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству».

Наконецъ, ко всему этому присоединились и непріятности чисто литературныя. Подписка на «Современникъ» шла плохо. Пушкинъ замѣчалъ вообще охлажденіе къ нему въ литературныхъ сферахъ. Кое-гдѣ въ журнальной критикѣ начинали проскальзывать опасенія, что онъ исписался, и, при первонй раздражительности, Пушкинъ глубоко прививалъ къ сердцу всѣ эти толки и выходилъ изъ себя. И вотъ передъ смертью у него все болѣе и болѣе развивается отвращеніе къ жизни. «Я ошеломленъ, писалъ онъ осенью Осиповой не задолго до своей смерти, и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ, жизнь, такая она ни на есть пріятная привычка, а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ — это гадкая лужа грязи».

Такимъ образомъ всѣ обстоятельства, видимому, прямо вели поэта къ какой-либо катастрофѣ, особенно, принимая въ расчетъ пылкость и увлекаемость его натуры. Между тѣмъ въ великосвѣтскомъ обществѣ образовалась противъ Пушкина цѣлая коалиція, съ гр. Уваровымъ и Бенкендорфомъ во главѣ; ожидали только случая, чтобы такъ или иначе погубить его, и случай этотъ не замедлил представиться: достаточно было, правда, нѣсколько легкомысленнаго, во совершенно невиннаго укаживанія за женой Пушкина, блиставшаго въ то время въ большомъ свѣтѣ, красиваго, ловкаго, вкрадчиваго кавалергарда барона Жоржа Геккерна Дантеса, французскаго подданнаго, легитимиста, состоявшаго подъ особеннымъ покровительствомъ императора Николая, — и вотъ въ свѣтѣ была расцущена по этому поводу гнусная сплетня, возорившая честь Пушкина. Въ то-же время Пушкинъ началъ получать рядъ отвратительныхъ анонимныхъ писемъ, исполненныхъ оскорбительнѣйшихъ намековъ и пасмѣшекъ. Результатомъ этой адской интриги

была ссора Пушкина съ Дантесомъ, раздѣлившая все великосѣтское общество на два лагеря. Ссора эта не была затушена и жевитьбою Дантеса на свояченицѣ Пушкина, Катеринѣ Ник. Гончаровой. Напротивъ того, все болѣе и болѣе разгораясь, разжигаемая недоброжелателями Пушкина, дошла наконецъ до дуэли, которая состоялась 27 янв. 1837 года за Черной рѣчкой, близъ Комендантской дачи, въ 5 часу дня. По словамъ секунданта Пушкина, лицейскаго товарища его, Данзаса, гр. Венкендорфъ зналъ объ этой дуэли, но, обязанный предупредить ее, онъ послалъ жандармовъ не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ, будто бы по ошибкѣ. Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, смертельно раненъ въ верхнюю часть бедра, причемъ пуля, пробивъ кость, глубоко зашла въ животъ. Два дня боролся онъ со смертью, въ ужасныхъ мученіяхъ, и наконецъ 29 января утромъ его не стало.

Между тѣмъ вѣсть о несчастной дуэли и безнадежномъ состояніи Пушкина быстро разлетѣлась по городу. Уже рано утромъ, когда Пушкинъ былъ еще живъ, подъѣздъ его квартиры, на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, былъ атакованъ публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ преображенскій полкъ съ просьбой поставить у крыльца часовыхъ, чтобы возстаповать какой-нибудь порядокъ: густая масса собравшихся загораживала на большое разстояніе все пространство передъ квартирой Пушкина, и къ крыльцу не было возможности протискаться. Толпы народа и экипажи весь день осаждали домъ; извозничковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извозчики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграмотные, считали какъ-бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было похоже на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви. Стихи моло-

дого поэта Лермонтова на смерть Пушкина переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизусть всѣми. Возникли опасенія, и тѣло поэта изъ квартиры въ Конюшенную церковь было препровождено вечеромъ; при отпѣваніи 1-го февраля присутствовали одни приглашенные по билетамъ. Послѣ отпѣванія, гробъ заперли въ подвалъ церкви, гдѣ онъ оставался до 3-го февраля, а въ этотъ день поздно ночью гробъ былъ отправленъ въ Святогорскій-Успенскій монастырь, въ сопровожденіи жандармовъ и А. Н. Тургенева, которому было поручено совершить погребеніе праха поэта. Поэтъ былъ похороненъ возлѣ матери, въ той могилѣ, которую Пушкинъ приготовилъ для себя за годъ до смерти. Тамъ возвышается нынѣ надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» въ лавровомъ вѣнкѣ.

Пушкинъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ долга въ 50,000 р. Но сверхъ того, что на похороны его было отпущено 10 т. р. асс., при кончинѣ его весь казенный долгъ былъ снятъ съ имѣній наслѣдниковъ и сверхъ того высочайше пожаловано было 50,000 р. асс. на напечатаніе его сочиненій, сборъ съ которыхъ опредѣленъ былъ на составленіе отдѣльнаго капитала для дѣтей покойнаго. Тогда-же и два сына его зачислены были въ Пажескій корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ поэта, назначены пенсіи.

Въ 1880 году 5 іюня Москва праздновала открытіе на одномъ изъ лучшихъ своихъ бульваровъ, на Тверскомъ, памятника гениальному и безсмертному поэту, который могла-бы достойно гордиться каждая страна, и это всенародное литературное торжество, собравшее у ногъ поэта всю русскую интеллигенцію, бесспорно занимаетъ одну изъ лучшихъ страницъ русской исторіи.

А. Снабичевскій.

1820. рис. Ж. Верне.

1827. рис. Троицкий.

1836. рис. Соколовъ.

1836. рис. Райтъ.

1827. рис. Кипренскій.

1828. грав. Уткинъ.

† 1837. рис. Львовъ.

† 1837. рис. Калининъ.

?, рис. Мазеръ.

1836. рис. Брюлловъ (съ 1827.)

1838. грав. Уткинъ.

1839. грав. въ Англіи.

1830. Лит. на ногахъ.

1834. Лит. Машарскаго.
(Съ 1827.)

† 1837. рис. Кладнеръ.

† 1837. Московская лит.

† 1837. Неизвѣстн.

† 1837. Неизвѣстн.

Жена Пушкина въ дѣтствѣ.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (съ картины г. Ге).

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ 27 Января 1837 г. (съ картины г. Наумова).

Домъ Изова въ Кшиневѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ.

Домъ въ Одессѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1823 г.

Пушкинъ въ Гурзуфѣ. (По картинѣ Айвазовскаго).

Могила Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ.

Гвидачъ, Жуковский Пушкинъ и Крыловъ.
Рис. Черноцовъ

ПАМЯТНИКЪ ВЪ МОСКВѢ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э П О С Ъ.

ПОЭМЫ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДИЛА.

(1817—1820).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ,
Временъ минувшихъ небылицъ,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопоть старинны болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите-жъ вы мой трудъ игривый!
Ничьихъ не требуя похвалъ,
Счастливы ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣла съ трепетомъ любви
Посмотрить, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

1820 г.

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—иѣсъ заводитъ,
Налѣво—сказку говорить.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный п пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ пими дядька ихъ морской;

Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ пародомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню—сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

1828 г.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толиѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владимиръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана.
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ князящимъ пиномъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слился рѣчи въ шумъ невнятный;
 Жужжить гостей веселый кругъ;
 Но вдругъ раздался гласъ пріятный
 И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
 Всѣ смолкли, слушаютъ баява:
 И славить сладостный нѣвецъ
 Людмилу-прелесть и Руслана,
 И Лелемъ святой имъ нѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
 Не ѣсть, не пьеть Русланъ влюбленный,
 На друга милого глядитъ,
 Вздыхаетъ, сердится, горитъ.
 И щипля усь отъ нетерпѣнья,
 Считаетъ каждыя мгновенья.
 Въ уныньи съ насмурнымъ челомъ.
 За шумнымъ свадебнымъ столомъ
 Сидятъ три витязя младые:
 Безмолвны, за ковшомъ пустымъ.
 Забыли кубки круговые.
 И брашна непріятна имъ;
 Не слышать вѣщаго баяна,
 Потупили смущенный взглядъ:
 То три соперника Руслана:
 Въ душѣ несчастные таятъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ—Рогдай, воитель слѣпый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ кievскихъ полей:
 Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный.
 Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный.
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный страстной думы,
 Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
 Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встають рядами,
 Смѣшались шумными толпами,
 И всѣ глядятъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будто сердцемъ приуныла,
 И свѣтель радостный женихъ.
 Но тѣнь объемлетъ всю природу,
 Уже близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ отъ меду,
 Съ поклономъ убрались домой.
 Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
 Ласкаетъ онъ въ воображеньи
 Стыдливой дѣвы красоту:
 Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
 Великій князь благословеньемъ
 Даруетъ юную чету.

И вотъ, невѣсту молодую
 Ведутъ на брачную постель:
 Огни погасли... и ночную
 Лампаду зажигаетъ Лель.
 Свершились милыя надежды:
 Любви готовятся дары;

Падутъ ревнивыя одежды
 На цареградскіе ковры...
 Вы слышите-ль влюбленный шопотъ
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
 И прерывающійся ропотъ
 Послѣдней робости?... Супругъ
 Восторгу чувствуетъ заранѣ;
 И потъ, они настали... Вдругъ
 Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ.
 Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
 Кругомъ все смерклося, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланахъ...
 Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
 Раздался дважды голосъ странный,
 И кто-то въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣе мглы туманной...
 И снова теремъ пустъ и тихъ.
 Встаетъ испуганный женихъ,
 Съ лица катится потъ остылый;
 Трепеща, холодною рукой
 Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
 О горе, нѣтъ подруги милой!
 Хватаетъ воздухъ онъ пустой—
 Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
 Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
 Страдаетъ страстью безнадежно,
 Хоть грустно жить, друзья мои,
 Однако жить еще возможно.
 Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
 Обвять влюбленную подругу,
 Желаній, слезъ, тоски предметъ,—
 И вдругъ минутную супругу
 Навѣкъ утратить... О друзья,
 Конечно, лучше-бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
 Но что сказалъ великій князь?
 Сраженный вдругъ молвой ужасной,
 На зятя гнѣвомъ распаялся,
 Его и дворъ онъ созываетъ:
 «Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
 Русланъ не слышать.—«Дѣти, други!
 Я помню прежнія заслуги:
 О, скажитесь вы надъ старикомъ!
 Скажите, кто изъ васъ согласенъ
 Скакать за дочерью моею?
 Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
 Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
 Не могъ сберечь жены своей!—
 Тому я дамъ ее въ супруги,
 Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
 Кто-жъ вызовется, дѣти, други?...»
 — Я! — молвилъ горестный женихъ.
 «Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
 «Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
 Мы рады весь извѣздить міръ:

Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки:
Не бойся, ѣдемъ за квяжной!»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ унынѣетъ какъ убить—
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли:
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно белѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле
И душой пыл въ слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль, и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись фхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро-ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!...
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихого,
Кружить, подымаетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова...
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безнокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасный
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталь темень берегъ отлогий;
Съ востока льется почти тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкий пересѣкъся путь.
«Разъѣдися, пора!» сказали,
«Безвѣстной ввѣрима судьбѣ».

И каждый конь, по чуя стали.
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнитъ, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ.
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда глѣбнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ... Опъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющія своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ унынѣемъ; что-же зрѣть?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ.
Спокойный взоръ, брада сѣдая:
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ!»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
«Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вянущу:
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, ливился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы:
Но зла прочтиса быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ, твой оскорбитель—
Волшебникъ, страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ доныпѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель.
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ».

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вскинушемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина,

Но грусть не трудно разогнать»,
 Сказалъ старикъ: «тебѣ ужасна
 Любовь сѣдого колдуна:
 Спокойся, знай, — она напрасна
 И ювой дѣвъ не страшна.
 Онъ звѣзды сводить съ небосклона,
 Онъ свистнетъ — задрожитъ луна;
 Но противъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, трепетный храпитель
 Замковъ безжалостныхъ дверей,
 Онъ только пемошный мучитель
 Прелестной плѣнницы своей:
 Вокругъ нея онъ молча бродить,
 Кляветъ жестокой жребій свой...
 Но, добрый витязь, день проходитъ,
 А нуженъ для тебя покой».

Русланъ на мягкій мохъ ложится
 Предъ умирающимъ огнемъ;
 Онъ ищетъ позабыться сномъ,
 Вдыхаетъ, медленно вертится...
 Напрасно! Витязь наконецъ:
 «Не спится что-то, мой отецъ!
 Что дѣлать! боленъ я душою,
 И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
 Позволь мнѣ сердце освѣжить
 Твоей бесѣдою святою.
 Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
 Откройся: кто ты, благодатный,
 Судьбы наперсникъ неоновитный?
 Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вдохнувъ съ улыбкою печальной,
 Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
 Ужъ я забылъ отчизны дальную
 Угрюмый край. Природный Финнъ,
 Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
 Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
 Въ безпечной юности я зналъ
 Однѣ дремучія дубравы,
 Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
 Да дикой бѣдности забавы.
 Но жить въ отрадной тишинѣ
 Дано не долго было мнѣ.

«Тогда близъ нашего селенья,
 Какъ милый цвѣтъ уединенья,
 Жила Навна. Межъ подругъ
 Она гремѣла красотою.
 Однажды, утренней порою,
 Свои стада на темный лугъ
 Я гналъ. волынку надувая;
 Передо мной шумѣлъ потокъ.
 Одна, красавица младая,
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина...

«Ахъ, витязь, то была Навна!
 Я къ ней — и пламень роковой

За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
 И я любовь узналъ душой,
 Съ ея небесною отрадой,
 Съ ея мучительней тоской.

«Умчалась года половина;
 Я съ трепетомъ открылся ей,
 Сказалъ: «люблю тебя, Навна!»
 Но робкой горести моей
 Навна съ гордостью внимала,
 Лишь прелести свои любя,
 И равнодушно отвѣчала:
 «Пастухъ, я не люблю тебя!»

«И все мнѣ дико, мрачно стало:
 Родная куца, тѣнь дубровъ,
 Веселы игры пастухонъ —
 Ничто тоски не утѣшало.
 Въ уныныя сердце сохло, вяло;
 И наконецъ задумалъ я
 Оставить финскія поля,
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной братской переплыть,
 И бранной славой заслужить
 Вниманье гордое Навны.
 Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
 Искать опасностей и злата.
 Впервые тихій край отцовъ
 Услышалъ бравный звукъ булата
 И шумъ немирныхъ челноковъ.
 Я вдаль уплылъ, надежды полный,
 Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
 Мы десять лѣтъ снѣга и волны
 Багрили кровию враговъ.
 Молва несла: цари чужбины
 Страшились дерзости моей;
 Ихъ горделивыя дружины
 Вѣжали сѣверныхъ мечей.
 Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣжденными садились
 За дружелюбные пиры.
 Но сердце, полное Навной,
 Подъ шумомъ битвы и пировъ
 Томилось тайною кручиной,
 Искало финскихъ береговъ.
 «Пора домой, сказалъ я, други!
 Повѣсимъ праздныя кольчуги
 Подъ сѣвную хижины родной».
 Сказалъ — и весла замутили;
 И страхъ оставя за собой,
 Въ заливъ отчизны дорогой
 Мы съ гордой радостью влетѣли.

«Сбылись давнишнія мечты,
 Сбылися пылкія желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула ты!
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленный,

Кораллы, золото и жемчугъ:
Предъ нею, страстью упоенный.
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвъ съ видомъ равнодушнымъ:
«Герой, я не люблю тебя!»

«Къ чему рассказывать, мой сынъ.
Чего пересказать пѣтъ силы?
Ахъ, и теперь, одишь, одишь,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой.
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

«Но слушай: въ родинѣ моей
Между пустынныхъ рыбарей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышать голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь.
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

«И я, любви искатель жадный.
Рѣшился въ грусти безотрадной
Нанпу чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы.
Въ удивленный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ,—
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Нанна, ты—моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

«Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ—и въ тѣмъ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихоръ поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой.—

Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Нанна!..
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомѣнны все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
«Возможно-ль! ахъ, Нанна, ты-ли!
Нанна, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно-ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно-ли?»... «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ;
«Сегодня семьдесятъ мнѣ было.
Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она:
«Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрвой младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Неможно, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то [прибавила болтувья]
Открою тайну: я—колдунья!»

«И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

«Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось, по несчастью:
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признание.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потуши взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для вѣчной страсти рождено;
Проснувшись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый, умпраю!..»

«И между тѣмъ ова, Русланъ.
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ я обмиралъ,
Отъ ужаса зажимуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;—
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.

Она во слѣдъ: «о недостойный!
Ты возмущилъ мой вѣкъ спокойный,
Невнятой дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наны,
И презираешь—вотъ мужнины!
Измѣной дышать всѣ они!
Увы, сама себя вини:
Онъ обольстилъ меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но тренеши, дѣвичій воръ!»

«Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой,
И въ мірѣ старцу утѣшенье—
Природа, мудрость и покой.
Уже зовешь меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, ковечно,
Возненавидитъ и тебя;
Но горе ва землѣ не вѣчно».

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна,—
Душа надеждою полна...
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня,
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ:
«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому дугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я .

Соперники въ искусствѣ брави,
Не звайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани
И унижайтесь враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣлуетъ,
Двися грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа

Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ,
Бравитесь—только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ мило въ зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты мевя...
Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленія силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Кошье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ во слѣдъ.
«Остановись, бѣглецъ безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный:
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ.
И вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣ гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквезъ лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,

Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ,
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
«Погибни, трусъ! умри!» вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустылись;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его глазахъ изобразились:
Скрипя зубами, онѣмѣтъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Вѣсилъ... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку, чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живѣ-ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня,—
Вставай, послушайся меня».

Омученный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ, оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудроно сыскать—
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно разѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Кіевомъ, въ уединенѣхъ,
Въ свесемъ наслѣдственномъ селенѣхъ
Останься лучше безъ заботъ—
Отъ насъ Людмила не уйдетъ».

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣннѣхъ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжѣхъ молодой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,

Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычною думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей.
И говоритъ: «найду-ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу-ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу-ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была,
И скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ».

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ,
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копьё, летитъ со свистомъ
Свирѣпый асадникъ—и грозой
Помчался князь ему на встрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертню сѣчу;
Теперь ложись средь злѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣстъ».
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва,—
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора-бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастливая! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвать съ постели брачной,
Взялся какъ вихорь къ облакамъ,
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствъ и памяти лишилась,

И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средѣ лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спѣсивый.
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И налъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во тьму разсѣлнихъ безопасныхъ
Уносить бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ...
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята; наконецъ, она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
«Гдѣ-жъ милый, шенчетъ, гдѣ супругъ?»
Зоветь—и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнью вокругъ...
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина:
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхоты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемятъ ароматный паръ.
Довольно... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ—не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной.
Въ одеждѣ легкой я прелестной.
Княжнѣ явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами

Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая—
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя
И грудь, и плечи молодая
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсенъ лести и веселья
Ея души не веселятъ.
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красоты, ея парадъ—
Потуля неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ-нибудь,
На зло привычекъ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, чтѣ начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ неселой ловли
Въ пустынныхъ не трубятъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Вунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обваженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, чтѣ ждетъ ее теперь?
Бѣжить въ серебряную дверь:

Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣбныя дубровы:
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины
Зерцаломъ водъ отражены:
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ тропетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ:
Подъ ними блещутъ истуканы.
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ,
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ-бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморныя преграды.
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещутъ водопады.
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтви
Цвѣтутъ и дышатъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядѣтъ:
Волшебства роскошь ей постыла.
Ей грустнѣе пѣни свѣтлый видъ:
Куда—сама не зная, бродить,
Волшебный садъ кругомъ обходить,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводить
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный:
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный
Рождался... Страшный путь отверстъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ:
Въ упышнѣ тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ—и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударилъ, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала нуть.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: нора!
На травку сѣла, оглянулась—
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра.
Шума, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна,
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милого, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ!
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсней, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала—и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало;
По-прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица ночи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почилъ;
Княжну невольно клонитъ сонъ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вѣшній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ
И осторожно опускаетъ,
Сквозь омѣамъ вечернихъ розъ,
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный саять уборъ;
Но ихъ упышнѣ, смутнѣй взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбѣ укоръ.
Но поспѣвшимъ: рукой ихъ вѣжной
Раздѣла сонная княжна;
Прелестная прелестью необрежвой.
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжковой
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что-жъ наша плѣнница теперь?
Дрожать какъ листъ,дохнуть не смѣть.

Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
 Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
 Не спать, удвоила вниманье,
 Недвижно въ темноту глядитъ...
 Все мрачно, мертвое молчанье!
 Лишь сердца слышитъ тренетапье...
 И мнится... шепчетъ тишина;
 Идутъ — вдутъ къ ей постели;
 Въ подушки прячется княжна,
 И вдругъ... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
 Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ тьма почная,
 Мгновенно дверь отворена:
 Безмолвно, гордо выступая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идетъ
 Парно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкахъ осторожно
 Сѣдую бороду несетъ;
 И входитъ съ важностью за пею,
 Подъявъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Его-то головѣ обритой,
 Высокимъ колпакомъ покрытой,
 Принадлежала борода.
 Ужъ онъ приблизился; тогда
 Княжна съ постели соскочила,
 Сѣдого карлу за колякъ
 Рукою быстрой ухватилъ,
 Дрожащей занесла кулакъ,
 И въ страхѣ завизжала такъ,
 Что всѣхъ араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ.
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе,
 Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
 Запутался, упалъ и бьется;
 Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мятется;
 Шумять, толкаются, бѣгутъ,
 Хватаютъ колдуна въ охапку
 И вонъ распутывать несутъ,
 Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
 Вы поппите-ль нежданну встрѣчу?
 Берп свой быстрый карандашъ,
 Рисуи, Орловскій, ночь и сѣчу!
 При свѣтѣ трепетномъ луны
 Сразились витязи жестоко;
 Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
 Ужъ конья брошены далеко.
 Уже мечи раздроблены,
 Кольчуги кровію покрыты,
 Щиты трещать, въ куски разбиты...
 Они схватились на коняхъ;
 Взрывая къ небу черный прахъ,
 Подъ ними кони борзы бьются:
 Борпы, недвижно сплетены,
 Другъ друга стиснувъ, остаются

Какъ-бы къ сѣдлу пригвождены;
 Ихъ члены злобой сведены,
 Переплелись и костенѣютъ,
 По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
 На вражьей груди грудь дрожитъ —
 И вотъ колеблются, слабѣютъ —
 Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой.
 Вскнипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣдла наѣздника срызаетъ,
 Подъемлетъ, держитъ надъ собой —
 И въ волны съ берега бросаетъ.
 «Погибни!» грозно восклицаетъ:
 «Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
 Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
 То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
 Рогдай, надежда киевлянъ.
 Людмилы мрачный обожатель.
 Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
 Искаль соперника слѣдовъ;
 Нашелъ, достигъ — но прежняя сила
 Пятмцу битвы измѣнила,
 И Русъ дренний удалецъ
 Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
 И слышно было, что Рогдая
 Тѣхъ водъ русалка молодая
 На хладны перси приняла,
 И жадно витязя лобзая,
 На дво со смѣхомъ увлекла...
 И долго послѣ, ночью темной,
 Бродя близъ тихихъ береговъ,
 Богатыря призракъ огромный
 Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

И Ы С Н Ъ Т Р Е Т Ы Я .

Напрасно вы въ тѣни таились
 Для мирныхъ, счастливыхъ друзей.
 Стихи мои! вы не сокрылись
 Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
 Ужъ бѣдный критикъ, ей въ услугу,
 Вопросъ миѣ сдѣлалъ роковой:
 Зачѣмъ Руслану подругу,
 Какъ бы на смѣхъ ея сунругу,
 Зопу и дѣвой, и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злобы черную печать!
 Скажи, зови, скажи, предатель,
 Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
 Краснѣй, я спорить не хочу;
 Довольный тѣмъ, что правъ душою,
 Въ смиренной кротости молчу.
 Но ты поймешь меня, Климена.
 Потупишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена...
 Я вижу: тайная слеза
 Падетъ на стихи мой, сердцу внятный:
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;

Вдохнула молча.... вздохъ понятный!
Ревнивецъ, бойся—близокъ часъ!
Амуръ съ Досадою своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На теменн полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой, Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы.
На безкопечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрия согнулся,
И вдругъ Нанной обернулся
Предъ изумленной толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала:
Собратъ, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Однако громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой:
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ».

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: «дивная Нанна!
Мнѣ драгоцененъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна;
Но мрачныхъ козней не боюсь—
Противникъ слабый мнѣ не страшень;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшенъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубить,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубитъ
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила.
Руславъ-же гробу обреченъ!»
И мрачно вѣдьма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой
И чернымъ змѣемъ улетѣла.

Блестая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренный,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ погамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ, карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты;
Проходитъ длинный комнать рядъ:
Княжны въ пикѣ нѣтъ. Онъ лалѣ—въ садъ,
Въ лагровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразить его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
«Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите-ль? сейчасъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, расскажу-ль тебѣ,
Куда красавица дѣбалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и—смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила
И зорь невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной зашлепа;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вдохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвпцѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла,
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что-жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ ней

Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла— снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужь безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ.»
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся-же къ герою.
Не стыдно-ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бороною,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокой,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежить;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ:
Богатыря тамъ остоветъ дѣлный
Съ его поверженныхъ конемъ
Лежитъ недвижный; конья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ.
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами:
«О поле, поле, кто тебя
Усыпль мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чѣмъ небо слышало молитвы?
Зачѣмъ-же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ.
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой.
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ:
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ.

Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснувшись гулъ и стень нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднималъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ.
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы.
А князь красавецъ былъ не вялый. —
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Конь стальное взялъ онъ въ руки.
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный:
Надъ усыпленную землей
Дымятся снѣгі туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ башь Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное хранитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду-ли краски и слова?—
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объаты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной стенью возвышаясь.
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотать ноздри копьемъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула..
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,

Взвилася пыль; съ рѣсницъ съ усовъ,
 Съ бровей слетѣла стая совъ;
 Проснулись рощи молчаливы,
 Чихнуло эхо—конь ретивый
 Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
 Едва самъ витязь усадѣлъ;
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 «Куда ты, витязь неразумный?
 Ступай назадъ; я не шучу!
 Какъ разъ нахала проглочу!»
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся.
 Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 «Чего ты хочешь отъ меня?»
 Нахмурясь, голова вскричала:
 «Вотъ, гостя мнѣ судьба послала!
 Послушай, убирайся прочь!
 Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 Прощай!» Но витязь знаменитый,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностью сердитой:
 «Молчи, пустая голова!
 Слыхалъ я истину бывало:
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ѣду, ѣду, не сплшу,
 А какъ наѣду, не сплшу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
 Стѣсненной злобой пламенѣя,
 Надулась голова; какъ жаръ,
 Кровавы очи засверкали;
 Напѣпясь, губы задрожали;
 Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
 И вдругъ она, что было мочи,
 Навстрѣчу князю стала дуть...
 Напрасно конь, зажмуря очи,
 Склонивъ главу, ватужа грудь,
 Сквозь вихрь, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ путь;
 Объятый страхомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчится вновь, изнеможенный,
 Далече въ поле отдохнуть.
 Вновь обратиться витязь хочетъ—
 Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
 А голова ему вслѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
 Гремить: «ай, витязь! ай, герой!
 Куда ты? Тише, тише, стой!
 Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
 Не трусь, наѣздникъ, и меня
 Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 Пока не заморилъ коня».
 И между тѣмъ она героя
 Дразнила страшнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
 Грозитъ ей молча копьемъ,
 Трясетъ его рукой свободной,
 И, задрожавъ, булатъ холодный
 Вонзился въ дерзостный языкъ.
 И кровь изъ бѣшенago зѣва

Рѣкою побѣжала вмѣгъ.
 Отъ удивленья, боли, гнѣва,
 Въ минуту дерзости лихаса,
 На князя голова глядѣла.
 Желѣзо грызла и блѣднѣла.—
 Въ спокойномъ духѣ горячася,
 Такъ иногда средь нашей сцены
 Плохой питомецъ Мельпомены,
 Внезапнымъ свистомъ оглушень;
 Ужъ ничего не видитъ онъ,
 Блѣднѣетъ, ролю забываетъ.
 Дрожитъ, поникнувъ головой,
 И запкаясь умолкаетъ
 Передъ насмѣшливой толпой.—
 Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
 Къ объятой головѣ смущеньемъ,
 Какъ ястребъ, богатырь летитъ
 Съ подъятой, грозною десницей,
 И въ щеку тяжелой рукавицей
 Съ-размаха голову разитъ.
 И степь ударомъ огласилась;
 Кругомъ росистая трава
 Кровавой пѣной обогрплась,
 И, зашатавшись, голова
 Перевернулась, покатилась,
 И шлемъ чугуанный застучалъ.
 Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
 Мечъ богатырскій засверкалъ.
 Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
 Его схватилъ и къ головѣ
 Но окровавленной травѣ
 Вѣжикъ съ намѣреньемъ жестокимъ—
 Ей носъ и уши обрубить;
 Уже Русланъ готовъ разить,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
 Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
 Главы молящей жалкій стонъ...
 И тихо мечъ онъ опускаетъ:
 Въ немъ гнѣвъ свирѣный умираетъ,
 И мщенье бурное падетъ
 Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
 Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
 Лучемъ полудня пораженный.

«Ты вразумилъ меня, герой!»
 Се вздохомъ голова сказала:
 «Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой.
 Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
 Но, витязь, будь великодушень!
 Достоинъ плача жребій мой.
 И я былъ витязь удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ супостата
 Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
 Счастливъ, когда-бы не имѣлъ
 Соперникомъ меньшого брата!
 Коварный, злобный Черноморъ,
 Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бороною,

Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣть,
 И сталъ за то въ душѣ своей
 Меня, жестокий, ненавидѣть.
 Я былъ всегда немного простъ,
 Хотя высокъ; а сей несчастный,
 Имѣя самый глупый ростъ,
 Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
 Притомъ-же, знай, къ моей бѣдѣ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Тавяся сила роковая,
 И все на свѣтѣ презирая —
 Доколѣ борода цѣла, —
 Измѣнникъ не страшится зла.
 Вотъ онъ однажды, съ видомъ дружбы,
 — «Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
 Не откажись отъ важной службы.
 Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
 Что за восточными горами,
 На тихихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
 Хранится мечъ — и что-же? страхъ!
 Я разобралъ во тьмѣ волшебной.
 Что волею судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
 Что насъ обоихъ онъ погубитъ:
 Мнѣ бороду мою отрубитъ,
 Тебѣ главу; суди-же самъ,
 Сколь важно намъ приобрести
 Сего созданья злыхъ духовъ!»
 — «Ну, что-же? гдѣ тутъ затрудненье?»
 Сказалъ я карлѣ: я готовъ;
 Иду, хоть за предѣлы свѣта», —
 И сосну на плечо взвалилъ.
 А на другое, для совѣта,
 Злодѣя-брата посадивъ;
 Пустился въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль и, слава Богу,
 Какъ-бы пророчеству на зло.
 Все счастливо сначала шло.
 За отдаленными горами
 Нашли мы роковой подвалъ;
 Я разметалъ его руками
 И потаенный мечъ досталъ.
 Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
 Межъ нами сеора закинула —
 И было, признаюсь, о чемъ!
 Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
 Я спорилъ, карла горячился;
 Бранились долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хитрецъ,
 Притихъ и будто-бы смягчился.

— «Оставимъ бесполезный споръ,
 Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
 Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ:
 Разсудокъ въ мѣрѣ жить велить;
 Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ.
 Кому сей мечъ принадлежать.
 Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба

[Чего не выдумаетъ злоба!],
 И кто услышитъ первый звонъ,
 Тотъ и владѣй мечомъ до гроба».
 Сказалъ — и легъ на землю онъ.
 Я съ-дуру также растянулся;
 Лежу, не слышу ничего,
 Смекая: обману его!
 Но самъ жестоко обманулся.
 Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
 Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
 Подкрался сзади, размахнулся,
 Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
 И прежде, чѣмъ я оглянулся,
 Ужъ голова слетѣла съ плечъ —
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ остановила.
 Мой остовъ тернѣмъ обросъ;
 Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
 Истлѣлъ мой прахъ непогребенный:
 Но злобный карла перевесь
 Меня въ сей край уединенный,
 Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
 Тобой сегодня взятый мечъ.
 О витязь, ты хранимъ судьбою!
 Возьми его, и Богъ съ тобою!
 Быть можетъ, на своемъ пути
 Ты карлу-чародѣ встрѣтишь, —
 Ахъ, если ты его замѣтишь,
 Коварству, злобѣ отомсти!
 И наковецъ я счастливъ буду,
 Спокойно миръ оставлю сей,
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду».

П Ъ С Н Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я

Я каждый день, возставъ отъ сна,
 Благодарю сердечно Бога
 За то, что въ наши времена
 Волшебниковъ не такъ ужъ много.
 Къ тому-же — честь и слава имъ! —
 Женатыбы наши безопасны...
 Ихъ замыслы не такъ ужасны
 Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
 Но есть волшебники другіе.
 Которыхъ ненавижу я:
 Улыбка, очъ голубья
 И голосъ милый, о друзья,
 Не вѣрьте имъ, — они лукавы!
 Страшиться, подражая мнѣ,
 Ихъ упительной отравы,
 И почивайте въ тишинѣ.

Поэзія чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чертой,
 Могиль и рая вѣрный житель,
 И музы вѣтренной моей
 Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!

Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣсти моей забавной
 Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
 И лиру музы своенравной
 Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
 Какъ бѣсу въ древи дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ нечали,
 А тамъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ.
 Молитвой, вѣрой и постомъ
 И неопровержимымъ покаяньемъ
 Снискалъ заступника въ святомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей—
 И насъ плѣнили, ужаснули
 Картины тайныхъ сихъ ночей,
 Сии чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ.
 Живыя грѣшника мученья
 И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ
 И сердцемъ тронутымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
 Душой Вадима призывали
 И пробужденъ зрѣли ихъ,
 И часто инокинь святыхъ
 На гробъ отцовскій провожали.
 И что-жъ, возможно-ль?... намъ солгали!
 Но правду возвѣщу-ли я?...

Младой Ратмиръ, направля къ югу
 Нетерпѣливый бѣгъ коня,
 Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
 Нагнать Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣлъ;
 Наврасно витязь предъ собою
 Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣлъ
 Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
 Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
 Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаетъ
 И видитъ: замокъ на скалахъ
 Зубчаты стѣны возвышаетъ;
 Чернѣютъ башни на углахъ;
 И дѣва по стѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
 Идетъ зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, путникъ молодой!—
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
 А днемъ и шумъ, и пированье,
 Приди на дружное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
 Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
 Приди на тайное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
 Наполнимъ кубокъ на прощанье.
 Приди на мирное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, путникъ молодой!—
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

Она манитъ, она поетъ—
 И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
 Его встрѣчаютъ у воротъ
 Дѣвицы красныя толпою;
 При шумѣ ласковыхъ рѣчей
 Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
 Онѣ плѣнительныхъ очей;
 Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
 Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
 За нимъ отшельницъ мильгъ рой.
 Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
 Другая кованыя латы,
 Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
 Одежда пѣги замѣнитъ
 Желѣзные доспѣхи брони.
 Но прежде юношу ведутъ
 Къ великолѣпной русской банѣ.
 Ужъ волны дымяныя текутъ
 Въ ея серебряныя чаны,
 И брызжутъ хладныя фонтаны:
 Разостлавъ роскошью коверъ—
 На немъ усталый ханъ ложится;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубится
 Потуя вѣги полный взоръ,
 Прелестныя, полуноція,
 Въ заботѣ вѣжной и вѣмой,
 Вкругъ хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою толпою.
 Надъ рыцаремъ пная машетъ
 Вѣтями молодыхъ березъ,
 И жаръ отъ нихъ душистый наметъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Устала члены прохлаждаетъ
 И въ ароматахъ потопляетъ
 Темнокудряныя власы.
 Восторгомъ витязь упоенный,
 Уже забылъ Людмилы плѣнной
 Недавно милыя красы;
 Томится сладостнымъ желаньемъ.
 Бродящій взоръ его блеститъ,

И, полный страстным ожиданьем,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ, выходитъ онъ изъ баян.
Одѣтый въ бархатныя тканц,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.

Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружнъ,
И звонъ, и пѣну чапъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И ваготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви вѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный.
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его лавнты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ свѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ, въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивый
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись—твоя настала ночь!
Проснись—дорогъ мигъ утраты!..
Она подходитъ; онъ лежитъ
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользнетъ
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
Плвотъ она, ва ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастлива прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣетъ робкій голосъ мой—
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать.
Русланъ, сей витязь безпримѣрный.
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою

Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ, ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ,
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматой лобъ златитъ.
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ, желтѣютъ нивы:
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась—Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манятъ, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ—
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ.
О другѣ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кіевскимъ полямъ
Въ забвѣнныя сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ.—
Забуты плѣвъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье—
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодѣя,
И день и ночь, сидѣтъ не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ ипогда
Безъ шапки вдругъ она являлась

И кликала: «сюда, сюда!»
 И всё бросались къ ней толпою,
 Но въ сторону — пезрима вдругъ —
 Она неслышною стопою
 Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
 Вездѣ всечасно замѣчали
 Ея минутные слѣды:
 То позлащенные плоды
 На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали.
 То капли ключевой воды
 На лугъ измятый упали:
 Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
 Что пьетъ плъ кушаетъ княжна.
 На вѣтвяхъ кедра иль березы
 Скрываясь по ночамъ, она
 Минутнаго искала сна —
 Но только проливала слезы,
 Звала супруга и покой,
 Томилась грустью и жѣвотой,
 И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
 Склонясь ко древу головой,
 Дремала тонкою дремотой.
 Едва рѣдѣла ночи мгла,
 Людмила къ водопаду шла
 Умыться хладною струею.
 Самъ карла утренней порою
 Однажды видѣлъ изъ палатъ,
 Какъ подъ невидимой рукою
 Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
 Съ своей обычной тоскою
 До новой ночи, здѣсь и тамъ,
 Она бродила по садамъ;
 Нерѣдко подъ вечеръ слышали
 Ея пріятный голосокъ;
 Нерѣдко въ рощахъ поднимали
 Иль ея брошенный вѣнокъ,
 Или клочки персидской шали,
 Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
 Досадой, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился, наконецъ,
 Поймать Людмилу непременно.
 Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелестной Цитереи,
 Раскинувъ сѣть ея красамъ,
 Открылъ насмѣшливымъ богамъ
 Киприды вѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла тихо близъ окна
 И сквозь колеблемыя вѣтки
 Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
 Вдругъ слышитъ — кличутъ: «милый другъ!»
 И видитъ вѣрнаго Руслана:
 Его черты, походка, станъ;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
 И на бедрѣ живая рана...

Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
 Русланъ!.. онъ точно!» И стрѣлою
 Къ супругу плѣнница летитъ
 Въ слезахъ, трепеща, говорить:
 «Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
 Уже достигла, обняла...
 О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
 Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадетъ.
 Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
 «Она моя!» и въ тотъ-же мигъ
 Зрѣть колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій стоупъ,
 Падетъ безъ чувствъ — п дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжною!
 О, страшный видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ дерзостной рукою
 Младья прелести Людмилы!
 Ужели счастливъ будетъ онъ?
 Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
 И кто-то карлу вызываетъ.
 Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваетъ;
 Трубятъ опять; звучѣй, звучѣй!
 И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
 Закинувъ бороду за плечи.

П Ъ С Н Ы Н Я Т А Я.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
 Мнѣ правъ ея всего дороже:
 Она чувствительна, скромна,
 Любви супружеской вѣрна,
 Немножко вѣтрепа... такъ что-же?
 Еще милѣе тѣмъ она.
 Всечасно прелестію новой
 Умѣетъ насъ она плѣнить;
 Скажите, можно-ли сравнить
 Ее съ Дельфпрою суровой?
 Одной — судьба послала даръ
 Обворожать сердца и взоры;
 Ея улыбка, разговоры
 Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
 А та — подъ юбкою гусаръ,
 Лишь дайте ей усы да шпоры!
 Блаженъ, кого подъ вечерокъ
 Въ уединенный уголокъ
 Моя Людмила поджидаетъ
 И другомъ сердца назоветъ!
 Но, вѣрите мнѣ, блаженъ и тотъ,
 Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
 И даже съ нею незнакомъ.
 Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
 Но кто трубилъ? Кто чародѣя
 На сѣчу грозну вызывалъ?
 Кто колдуна перепугалъ? —
 Русланъ. Онъ, местью пламенѣя,

Достигъ обители злодѣя.
 Ужъ витязь подъ горой стоять,
 Призывный рогъ какъ буря воетъ,
 Нетерпѣливый копъ кипитъ
 И снѣгъ коннымъ мощнымъ роетъ.
 Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
 По шлему крѣпкому, стальному
 Рукой незримой пораженъ:
 Ударъ упалъ подобно грому:
 Русланъ подымлетъ смутный взоръ
 И педить—прямо надъ главою—
 Съ поднятой, страшной булавою
 Летаецъ карла Черноморъ.
 Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
 Мечемъ потрясъ и замаянудся;
 Но тотъ взвился подъ облака,
 На мигъ исчезъ—и съ высока,
 Шума, летитъ на князя снова.
 Проворный витязь отлетѣлъ,—
 И въ снѣгъ съ размаха рокового
 Колдунъ упалъ, да тамъ и сѣлъ;
 Русланъ, не говоря ни слова,
 Съ коня долой, къ нему спѣшить,
 Поймалъ, за бороду хватаетъ;
 Волшебникъ силится, кричитъ,
 И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
 Ретивый ковь вослѣдъ глядитъ;
 Уже колдунъ подъ облаками;
 На бородѣ герой виситъ;
 Летятъ надъ мрачными лѣсами,
 Летятъ надъ дикими горами,
 Летятъ надъ бездною морской:
 Отъ напряженья костенѣя,
 Русланъ за бороду злодѣя
 Упорной держится рукой.
 Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
 И силѣ русской изумясь,
 Волшебникъ гордому Руслану
 Коварно молвитъ: «слушай, князь!
 Тебѣ вредить я переставу:
 Младое мужество любя,
 Забуду все, прошу тебя.
 Спущусь, но только съ уговоромъ...»
 —Молчи, коварный чародѣй!—
 Прервалъ нашъ витязь:—съ Черноморомъ,
 Съ учителемъ жены своей,
 Русланъ не знаетъ договора!
 Сей грозный мечъ накажетъ вора,
 Лети хоть до ночной звѣзды,
 А быть тебѣ безъ бороды!—
 Боязнь объемлетъ Черномора:
 Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
 Напрасно длинной бородой
 Усталый карла потрясаетъ:
 Русланъ ея не выпускаетъ
 И щиплетъ волосы порой.
 Два дня колдунъ героя носить,
 На третій онъ пощадъ проситъ:
 «О рыцарь, сжался надо мной,
 Едва дышу. нѣтъ мочи болѣ:

Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ:
 Скажи—спущусь, куда велишь...»
 —Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
 Смирись, покорствуй русской силѣ!
 Неся меня къ моей Людмилѣ.

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
 Домой онъ съ витяземъ пустился:
 Летитъ—и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взявъ мечъ сраженной головы,
 И, бороду схвативъ другою,
 Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
 —Знай нашихъ!—молвилъ онъ жестоко,
 Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
 Гдѣ сила?—и на шлемъ высокій
 Сѣдые вяжетъ волоса;
 Свистя, зоветъ коня лихого;
 Веселый конь летитъ и ржетъ;
 Нашъ витязь карлу чуть живого
 Въ котомку за сѣдло кладетъ,
 А самъ, боясь мгновенья траты,
 Спѣшить на верхъ горы крутой:
 Достигъ—и съ радостной душой
 Летитъ въ волшебныя палаты.
 Вдали завидя шлемъ брадатый,
 Залогъ побѣды роковой,
 Предъ нимъ араповъ чудный рой,
 Толпы невольницъ боязливыхъ,
 Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
 Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
 Одинъ средъ храминъ горделивыхъ,
 Супругу милую зоветъ—
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаетъ.
 Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
 Онъ отворяетъ двери въ садъ—
 Идетъ, идетъ—и не находитъ;
 Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
 Все мертво: рощицы молчатъ,
 Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
 Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
 И ухо ничего не внемлетъ.
 Внезапный бнязя хладъ объемлетъ,
 Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
 Въ умѣ возникли мрачны думы...
 «Быть можетъ, горестъ... плѣнь угрюмый...
 Минута... волны...» въ сихъ мечтахъ
 Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
 Поникнулъ витязь головою:
 Его томятъ невольный страхъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень:
 Мрачится разумъ; дикій пламень
 И ядъ отчаянной любви
 Уже текутъ въ его крови.
 Казалось, тѣнь княжны прекрасной
 Коснулась трепетнымъ устамъ...
 И вдругъ. неистовый, ужасный,

Стремится витязь по садамъ;
 Людмилу съ воплемъ призываетъ,
 Съ холмовъ утесы отрываетъ,
 Все рушить, все крошить мечемъ —
 Бесѣдки, рощи упадаютъ,
 Древа, мосты въ волнахъ пыряютъ,
 Степь обнажается кругомъ!
 Далеко гулы повторяютъ
 И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
 Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
 Прелестный край опустошенъ —
 Безумный витязь жертвы ищетъ,
 Съ размаха вправо, влѣво опъ
 Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
 И вдругъ — нечаянный ударъ
 Съ княжны невидимой сбиваетъ
 Прощальный Черномора даръ...
 Волшебства вмгъ исчезла сила:
 Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
 Не вѣра самъ своимъ очамъ,
 Нежданнмъ счастьемъ упоенный,
 Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
 Подруги вѣрной, незабвенной,
 Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
 Любви, восторга слезы льетъ.
 Зоветъ ее — но дѣва дремлетъ.
 Сожнуты очи и уста,
 И сладострастная мечта
 Младую грудь ея поднимлетъ.
 Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
 Его терзаетъ вновь кручина...
 Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
 Гласъ добродѣтельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
 Ступай со слящею Людмилой;
 Нанолни сердце новой силой,
 Любви и чести вѣренъ будъ;
 Небесный громъ на злобу грянетъ,
 И воцарится тишина —
 И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
 Передъ Владиміромъ возстанетъ
 Отъ очарованнаго сна».

Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
 Беретъ въ объятія жену,
 И тихо съ ношей драгоценной
 Онъ оставляетъ вышину
 И сходитъ въ доль уединенный.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
 Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
 Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
 Свѣжа какъ вешняя заря,
 И на плечо богатыря
 Лицо спокойное склоняла.
 Власамъ, свитыми въ кольцо,
 Пустынный вѣтерокъ играетъ;
 Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
 Какъ часто тихое лицо
 Мгновенной розою пылаетъ!

Любовь и тайная мечта
 Руслановъ образъ ей приносятъ,
 И съ томнымъ шопотомъ уста
 Супруга имя произносятъ...
 Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
 Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, вѣжный стонъ
 И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
 И въ бѣлый день, и по ночамъ.
 Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
 Еще далеку предѣлъ желанный,
 А дѣва спитъ. Но юный князь,
 Бесплоднымъ пламенемъ томясь,
 Ужель, страдалецъ постоянный,
 Супругу только сторожилъ
 И въ цѣломудренномъ мечтаньи.
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монахъ, который сохранилъ
 Потомству вѣрное преданье
 О славномъ витязѣ моемъ,
 Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
 И вѣрю я! безъ раздѣленья
 Упылы, грубы наслажденья:
 Мы прямо счастливы вдвоемъ.
 Пастушки, сонъ княжны прелестной
 Не походилъ на ваши сны,
 Порой томительной весны,
 На муравѣ, въ тѣни древесной.
 Я помню маленькій лужокъ
 Среди березовой дубравы,
 Я помню темный вечерокъ,
 Я помню Лиды сонъ лукавый...
 Ахъ! первый поцѣлуй любви,
 Дрожащій, легкій, торопливый,
 Не разогналъ, друзья мои.
 Ея дремоты терпѣливой...
 Но полно, я болтаю вздоръ!
 Къ чему любви воспоминанье?
 Ея утѣха и страданье
 Забыты мною съ давнихъ поръ;
 Теперь влекутъ мое вниманье
 Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
 Гдѣ ели изрѣдка взошли;
 И грознаго холма вдали
 Чернѣетъ круглая вершина
 Небесъ на яркой синевѣ.
 Русланъ глядитъ — и догадался,
 Что подѣзжаетъ къ головѣ.
 Выстрѣе борзый конь помчался;
 Ужъ видно чудо изъ чудесъ:
 Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
 Власы ея какъ черный лѣсъ,
 Поросшій на челѣ высокою:
 Ланиты жизни лишены,
 Свищовой блѣдностью покрыты;

Уста огромныя открыты,
 Огромны зубы стѣснены...
 Надъ полумертвой головою
 Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
 Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
 Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
 Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
 Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
 Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ — плѣнникъ!»
 И князя гордые слова
 Ее внезапно оживили,
 На мигъ въ ней чувство разбудили,
 Очнулась будто ото сна,
 Взглянула, страшно застонала —
 Узнала витязя она
 И брата съ ужасомъ узнала.
 Надулись ноздри, на щекахъ
 Багровый огонь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Послѣдній гнѣвъ изобразился.
 Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
 Она зубами скрежетала,
 И брату хладнымъ языкомъ
 Укоръ невнятный лепетала...
 Уже ея въ тотъ самый часъ
 Кончалось долгое страданье:
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло тяжкое дыханье,
 Огромный закатился взоръ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ
 Узрѣли смерти содроганье...
 Она почилъ вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчаньи витязь удалился;
 Дрожащій карликъ за сѣдломъ
 Не смѣлъ дышать, не шевелился,
 И чернокишнымъ языкомъ
 Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
 Какой-то рѣчки безымянной,
 Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
 Стоялъ поникшей хаты кровъ,
 Густыми соснами вѣнчанный.
 Въ теченьи медленномъ рѣка
 Вблизи плетень изъ тростника
 Волною сонной омывала.
 И вокругъ него едва журчала
 При легкомъ шумѣ вѣтерка.
 Долина въ сихъ мѣстахъ тайлась,
 Уединенна и темна,
 И тамъ, казалось, тишина
 Съ начала міра воцарилась.
 Русланъ остановилъ коня.
 Все было тихо, безмятежно;
 Отъ разсвѣтающаго дня
 Долина съ рощею прибрежной
 Сквозь утренній сіяла дымъ.
 Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
 Садится близъ нея, вздыхаетъ
 Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;

И вдругъ онъ видитъ предъ собою
 Смиренный парусъ челнока,
 И слышитъ плѣсю рыбака
 Надъ тихоструйною рѣкою.
 Раскинувъ неводъ по волнамъ,
 Рыбакъ, на весла наклоненный,
 Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
 Къ порогу хижины смиренной.
 И видитъ добрый князь Русланъ:
 Челнокъ ко берегу приплываетъ;
 Изъ темной хаты выбѣгаетъ
 Младая дѣва; стройный станъ,
 Власы небрежно распушенные,
 Улыбка, тихій взоръ очей,
 И грудь, и плечи обнажены —
 Все мило, все плѣняетъ въ ней.
 И вотъ они, обнявъ другъ друга,
 Садятся у прохладныхъ водъ,
 И часъ безпечнаго досуга
 Для нихъ съ любовью настаетъ.
 Но въ изумленьи молчаливомъ
 Кого-же въ рыбацкѣ счастливомъ
 Нашъ юный витязь узнаетъ?
 Хазарскій ханъ, избранный славой,
 Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,
 Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ
 И имъ на вѣки измѣнилъ
 Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
 Отшельникъ узнаетъ Руслана,
 Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
 И обнялъ князь младого хана.
 «Что вижу я?» спросилъ герой,
 «Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
 Тревоги жизни боевой
 И мечъ, который ты прославилъ?»
 — Мой другъ, — отвѣтствовалъ рыбакъ:
 Душѣ наскучилъ бранной славы
 Пустой и гибельный призракъ.
 Повѣрь, невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣ сердцу во сто кратъ.
 Теперь, утративъ жажду брани,
 Престалъ платить безумству дани
 И, вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
 Я все забылъ, товарищъ милый,
 Все, — даже прелести Людмилы...
 «Любезный ханъ, я очень радъ!»
 Сказалъ Русланъ: «она со мною».
 — Возможно-ли, какой судьбою?
 Что слышу? Русская княжна...
 Она съ тобою, гдѣ жъ она?
 Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счастливой переменѣ
 Она виновницей была;
 Она мнѣ — жизнь, она мнѣ — радость!
 Она мнѣ возвратила вновь

Въ волненьи мыслить: «это сонъ!»
Томится, во зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна,
Онъ видѣтъ сумрачный курганъ:
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнью глядитъ,—
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ...
Въ немъ сердце замерло, дрожить;
Изъ хладныхъ рукъ узду ропяетъ,
Тихонько облагаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на-двое разтѣчь.
Къ нему подѣхалъ... Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ—сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладу сталь...
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманный,
Пуская тяжкій, слабый стовъ,
Съ усилениемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханный...

П Ъ С Н Ъ Ш Е С Т А Я.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой вѣжнѣй,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать
И музѣ вѣрвой посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, вѣгой упоенъ, отвыкъ....
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня поквнулъ тайный гевій
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій

Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе моп,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимірь, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь: влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ,
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Вренчу про витязя молодого.

Но чтѣ сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою;
Въ его глазахъ исчезъ огонь,
Не машетъ гривой золотомъ,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ.

А Черпоморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ;
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о дево!—
Онъ видѣтъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Нанной ослѣпленный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Киеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровскіе волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видѣтъ златоверхій градъ:
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Вѣгуютъ обрадовать отца—
И вотъ, измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владимиръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась,—передъ нимъ
Явился вонъ неизвѣстный.
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходить, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ!» сказалъ Фарлафъ:
«Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злого лѣшаго въ рукахъ...
Тамъ совершилось дѣло славно:
Три дня мы бились; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю—скрыть судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Одни остались въ утѣшенъ».

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пеструю толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князя и витязи кругомъ
Стоять упылы; гласы трубы,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей бессонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу,
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣзники мелькаютъ,
Вдали, подѣмля черный прахъ,
Идутъ походныя телѣги.
Костры пылаютъ на холмахъ
Бѣда: возстали печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбы неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горячихъ,
За дальней пѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдъмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится.
Долина чудная таится,
И въ той долині два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лавъ не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кушнями пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухъ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долині, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенія;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотой

Пропвѣлъ; тогда водой живою
 Героя старецъ окропвлъ,
 И бодрый, полный новыхъ силъ,
 Трепеща жизнью молодою,
 Встаетъ Руславъ, на ясный день
 Очами жадными взираетъ;
 Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
 Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
 Въ немъ сердце, вспыхнувъ, зампраетъ.
 Вдругъ витязь вспрынулъ. Вѣщій Финнъ
 Его зоветъ и обникаетъ:
 «Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаетъ;
 Тебя зоветъ кровавый пяръ.
 Твой грозный мечъ бѣдою грядетъ;
 На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
 И тамъ она тебѣ предстанетъ.
 Возьми заветное кольцо.
 Коснися имъ чела Людмилы,
 И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы:
 Враговъ смутитъ твое лицо;
 Наставетъ миръ, погибнетъ злоба.
 Достойны счастья будьте оба,
 Прости надолго, витязь мой!
 Дай руку.. тамъ, за дверью гроба—
 Не прежде—свидимся съ тобой!»
 Сказалъ—исчезнулъ... Упоенный
 Восторгомъ пылкимъ и вѣщимъ,
 Руславъ, для жизни пробужденный.
 Подъѣмлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
 Но ничего не слышно болѣ!
 Руславъ одинъ въ пустынномъ полѣ:
 Запрыгавъ, съ кардой за сѣдломъ,
 Руслановъ конь нетерпѣливый
 Вѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
 Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ.
 Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
 Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
 Являетъ Кіевъ осажденный!
 Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
 Народъ, унывшемъ пораженный,
 Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
 И въ страхѣ ждетъ небесной казни:
 Стенанья робкія въ домахъ,
 На стогнахъ тишина боязни.
 Одинъ, близъ дочери своей,
 Владиміръ въ горестной молитвѣ:
 И храбрый соня богатирей
 Съ дружиной вѣрною князей
 Готовятся къ кровавой битвѣ.

И день насталь. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ;
 Неукротимы дружины,
 Волнуясь, хлынули съ равнины
 И потекли къ стѣнѣ градской;
 Во градѣ трубы загремѣли.

Бойцы сомкнулись, полетѣли
 На встрѣчу рати удалой,
 Сошлись—и заварился бой.
 Почуя смерть, взыграли кони.
 Пошли стучать мечи о брони,
 Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась:
 Равнина кровью залилась;
 Стремглавъ наѣзники помчались,
 Дружны конныя смѣшались;
 Сомкнутой, дружною стѣной
 Тамъ рубится со строемъ строй;
 Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется.
 Тамъ конь испуганный несется.
 Тамъ русскій налъ, тамъ печенѣгъ,
 Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
 Тотъ опрокинуть булавою,
 Тотъ легкой пораженъ стрѣлою,
 Другой, придавленнымъ щитомъ,
 Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
 И длился бой до темной ночи;
 Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
 За горами кровавыхъ тѣлъ
 Бойцы сомкнули томы очи,
 И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
 Лишь взрѣдка на полѣ битвы
 Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ
 И русскихъ витязей молитвы.

Влѣдѣла утренняя тѣнь,
 Волна сребрилась въ потокѣ,
 Сомнительный рождался день
 На отуманенномъ востокѣ.
 Асыли холмы и лѣса,
 И просыпались небеса.
 Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
 Дремало поле боевое,—
 Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
 Съ тревогой шумною вспрынулъ,
 Внезапный крикъ сраженій грянулъ:
 Смутилось сердце кіевлянъ,—
 Вѣгуть нестройными толпами
 И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
 Влостая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
 Чудесный волякъ на конѣ
 Грозой несется, колетъ, рубитъ,
 Въ ревущій рогъ, летая, грубитъ...
 То былъ Руславъ. Какъ Божій громъ,
 Нашъ витязь палъ на басурмана;
 Онъ рыщетъ, съ кардой за сѣдломъ.
 Среди испуганнаго стада.
 Гдѣ ни просвишетъ грозный мечъ,
 Гдѣ конь сердитый ни промчитъ,
 Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
 И съ воплемъ строй на строй валится;
 Въ одно мгновеніе бранный лугъ
 Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
 Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
 Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ...
 На трубный звукъ, на голосъ боя
 Дружины конныя славянъ

Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибнѣя, басурманъ!
Объемлеть ужасъ печенѣговъ:
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней, —
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ вильномъ полѣ
Вѣгутъ отъ кievскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнить.
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный,
Конь сеяетъ какъ звѣзда,
Струится кровь съ кольчуги мѣдной,
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой крыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила...
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила.
Владиміръ, въ думу погруженъ.
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы;
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждая славы,
Вдала отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ нехъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ.
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей.
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо — юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто-бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной;
И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій праздноя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ, міра житель равнодушный,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я вѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпого счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды
И сiletни шумныя глумцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимый,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моея!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ.
Ты сохранила мнѣ свободу —
Княжеской младости кумиръ!
Забитый свѣтомъ я молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стременинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой.
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огонь поэзіи погасъ —
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ.
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ нѣснонѣній...

26 іюня 1820. Кавказъ.

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!
Неправый старца жавъ погасъ:
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство:
Счастливый князь ему простилъ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КАВКАЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ.

(1821).

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Николаю Николаевичу Раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы привоенъе:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кипжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мѣтвили—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И буря надо мной свирѣлость утѣмилъ—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ.
Гдѣ пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый,
Былъ повый для меня Парнасъ.
Забуду-ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлялъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаешь въ горахъ воинственный разбой
И дикій гений вдохновенья
Тантся въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьи стрѣлы,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленіемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ.
Я—жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но, сердце укрѣпивъ свободой в терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеніемъ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденіяхъ дикой вѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей,
Удары шашекъ ихъ жесткихъ
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ,
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ...
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влечилъ.
«Вотъ русскій!» хищникъ возопалъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и вѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижный оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозы и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышетъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ:
Невнятный стонъ въ устахъ раздался
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся,
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гвѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревога,
И слышитъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ—рабъ...

За саклями лежатъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора.
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынные равнины
Лежатъ зеленой пеленой;

и Людм.". Русланъ передъ пещерою Финна.

„Русл. и Людм.“. Торжественный выходъ Черномора.

и Людм.“ Людмила въ шашкѣ Черномора передъ зеркаломъ.

„Русл. и Людм.“. Бой Руслана съ живою головою.

„сл. и Людм.“. Бой Руслана съ Черноморомъ.

„Русланъ летить къ Людмилѣ спящей“.

„Русл. и Людм.“.

„Навн. Плѣн.“. Плѣнникъ лежать въ забвѣннѣ тяжеломъ.

„Кавн. Плѣн.“. Прощаніе чертошени съ плѣнникомъ.

Тамъ холмовъ тянутся грядой
Одвообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой...
И плѣнника молодого грудь
Тяжелой волновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,—
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обналъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,—
И звалъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненіемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою.
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обвинялъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зрѣтъ онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!...
Онъ—рабъ... Склонясь головой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами,—
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято вѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,

Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкой ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ вѣжнымъ и пѣвымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслить: это—живый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладный
Подноситъ тихой рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловить жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ вѣжливый говоритъ:
Живи!—и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатки силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ-бы участіемъ вѣнымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За двяма дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, океанный, у стада
Проводить плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда-же рогъ луны серебристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, треной тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоспѣжное ишево;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ поконитъ вѣжливый взоръ,
Съ неясной рѣчью сливается
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетеряливой
Передастъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой

Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердца въ отвѣчать
Любви младенческой, открытой—
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминавать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросать намъ,
И неожиданную радость
Еще обвинимъ мы не разъ:
По ны, живыя впечатлѣнья.
Первоначальная любовь.
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, плѣвникъ безнадежный
Къ увядлой жизни привыкалъ.
Тоску пеголи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады.
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, сивыхъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колосъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ.
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухими слияясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣвникъ предъ ауломъ
Недвижныхъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымилась туча,
Въ степи взвивался паръ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ:
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на доли—дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молніи извергались:
Волнами роя крутизны.
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣвникъ съ горвой вышпны.
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосыгаемый грозю,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣвникъ наблюдалъ
Ихъ нравы, воспитанье,

Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ бытrotу,
И легкость ногъ, и силу длані;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесь проворный,
Широкой стѣнью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной.
Къ лукѣ склоняся, на стремяга
Погою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесь оружіемъ обвѣщенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пицаль, колчавъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шапка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не бражнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ-же опъ, все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хвщникъ съ нимъ таится,—
И вдругъ, внезапною стрѣлой.
Завидя путника, стремится...
Въ одно мгновеніе вѣрный бой
Рѣшить ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ.
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги:
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ --
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну.
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зрить ее передъ собой...
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозю,
Когда на холмахъ пеленою
Ложитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесь на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые—
Щитъ, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны

За нимъ бросается потокомъ,
 Неумолимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ,
 Могучій токъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ.
 Склонясь на коня, казаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
 И мимо ихъ, во мглѣ черной,
 Плыть оружіе злодѣя..
 О чѣмъ ты думаешь, казакъ?
 Воспоминаешь прежні битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ.
 Полковъ хвалебныя молитвы
 И родину?.. Коварный сонъ!
 Простите, вольныя станицы,
 И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причаллъ тайный врагъ,
 Стрѣла выходитъ изъ колчана,
 Взвилась—и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургава.

Когда-же съ мирною семьей
 Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненастною порою,
 И тлѣютъ угли въ печелищѣ;
 И спрянуть съ вѣрвга коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
 Къ нему войдетъ привилецъ усталый
 И робко сядетъ у огня—
 Тогда хозяинъ благосклонный
 Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь отрадный подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,
 Вкушаетъ путникъ мирный совъ
 И утромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровь гостепріимный.

Бывало, въ свѣтлый Банравъ,
 Сбегутся юноши толпою;
 Игра смѣняется игрою:
 То, полный разобралъ колчанъ,
 Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То, съ высоты крутыхъ холмовъ,
 Нетерпѣливыми рядами
 При данвомъ знакѣ вдругъ падутъ,
 Какъ лавы землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ одвообразный
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,—
 И часто игры воли праздною
 Игрою жестокой смущены.
 Нерѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пиропъ,
 И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ.

Но русскій равнодушно зрѣлъ
 Сіи кровавыя забавы.
 Любилъ онъ прежде игры славы
 И жаждой гибели горѣлъ.
 Невольникъ чести безпощадной,
 Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
 На поединкахъ твердый, холодный,
 Встрѣчая гибельный свинецъ.
 Быть можетъ, въ думу погруженный,
 Онъ время то воспоминалъ,
 Когда, друзьями окруженный,
 Онъ съ ними шумно пировалъ..
 Жалѣлъ-ли онъ о дняхъ минувшихъ,
 О дѣлахъ, надежду обманувшихъ,
 Иль, любопытный, созерцалъ
 Суровой простоты забавы,
 И дикаго народа нравы
 Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читалъ—
 Таилъ въ молчаньи овъ глубокомъ
 Движенія сердца своего,
 И на челѣ его высокомъ
 Не пзмѣнялось ничего.
 Безпечной смѣлости его
 Черкесы грозные дивились,
 Щадили вѣкъ его молодой
 И шепотомъ между собой
 Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
 Восторги сердца, жизни сладость;
 Твой огненный, невинный взоръ
 Высказывалъ любовь и радость.
 Когда твой другъ во тьмѣ ночной
 Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
 Сгораая нѣгой и желаньемъ,
 Ты забывала міръ земной,
 Ты говорила: «плѣнникъ милый,
 Развесели свой взоръ, унылый,
 Склонись главою ко мнѣ на грудь,
 Свободу, родину забудь.
 Скрываться рада я въ пустынь
 Съ тобою, царь души моей!
 Люби меня: никто донынѣ
 Не цѣловалъ моихъ очей;
 Къ моей постели одиокой
 Черкесъ молодой и черноокій
 Не крался въ тишинѣ вночной—
 Слышу я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красотой.
 Я зваю жребій мнѣ готовый:
 Меня отецъ и братъ суровый
 Немилому продать хотятъ
 Въ чужой аулъ пѣвою злата;
 Но умолю отца и брата,
 Не то—найду кинжалъ иль ядъ!
 Непостижимой, чудной силой

Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминая прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Бездѣнныхъ дней не трать со мною.
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнить
Моей души печальный кладъ:
Онъ будетъ вѣренъ, онъ опѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній.
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упованья, безъ желаній,
Я вянущей жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной.
Душевной бури слѣдъ ужасный:
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,—
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упительнымъ мечтамъ;
Въ тѣ дни, когда луна, дубравы.
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ!
Но поздно... умерь я для счастья.
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...»

«Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать
И очи, полныя слезами,
Улыбкой холодной встрѣчать!
Измучася ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжело мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Сидѣя слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, улымый,
Передъ собою, какъ во снѣ,

Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью:
Повсюду онъ со мною бродитъ.
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь-же мнѣ мои желѣзы.
Уединенныя мечты,
Воспоминая, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала призванье—
Прости!.. дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалить холодная разлука—
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь».

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая.
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна, какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася:

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ-ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?..
Ты могъ-бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя-бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной:
Я услаждала-бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла-бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто-жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? ты любишь?..
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости-жъ я ты мой рыданья,
Не сѣйся горестямъ моимъ».

Умолкла. Слезы и стenanья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пени;
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою

Поднявъ несчастную, сказалъ:
 «Не плачь! и я гонимъ судьбою,
 И муки сердца испыталъ.
 Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной.
 Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
 И гасну я, какъ пламень дымный,
 Забытый средь пустыхъ долинъ.
 Умру вдали береговъ желанныхъ;
 Мнѣ будетъ гробомъ эта степь—
 Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
 Заржавитъ тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмевались:
 Въ дали прозрачной означались
 Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
 Главу склонивъ, потупя взоръ,
 Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
 Одинъ окрестъ аула бродить.
 Заря за знойный небосклонъ
 За днями новы дни возводить:
 За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
 Вотще свободы жаждетъ онъ.
 Мелькнетъ-ли серна межъ кустами,
 Проскачетъ-ли во мглѣ сайгакъ,
 Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями.
 Онъ ждетъ, не крадется-ль казакъ.
 Ночной ауловъ разоритель,
 Рабовъ отважный избавитель...
 Зоветъ... но все кругомъ молчитъ;
 Лишь волны плещутся, бушуя,
 И человѣка звѣрь почуя,
 Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный
 Въ горахъ раздался крикъ военный:
 «Въ табувъ, въ табувъ!» Вѣгуть, шумятъ:
 Уздечки мѣдныя гремятъ,
 Червѣютъ бурки, блещутъ брони,
 Кипятъ осѣдланые кони:—
 Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
 И дикіе вятомцы брани
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачутъ по брегамъ Кубани
 Сбирать насильственные даны...

Утихъ аулъ; на солнцѣ снятъ
 У скалей псы стороженные.
 Младенцы смуглые, нагѣ,
 Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
 Изъ трубокъ дымъ, вѣясь, синѣетъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ—
 И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валь;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе стальное.
 Не спи, казакъ: во тѣмъ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
 Влача по дну рѣчному сѣти;
 Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
 Какъ тонутъ маленькія дѣти,
 Куная жаркою порой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
 Цвѣтутъ богатые станицы.
 Веселый пляшетъ хороводъ.
 Вѣгйте, русскія пѣвицы,
 Свѣшьте, красныя, домой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Свѣзъ па брегѣ,
 Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
 Но цѣпь невольника тяжка.
 Быстра глубокая рѣка...
 Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
 Вершины скалъ омрачены;
 По бѣлымъ хижинамъ аула
 Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
 Елени дремлютъ надъ водами,
 Умолкнулъ поздній крикъ орловъ.
 И глухо вторится горами
 Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
 Мелькнуло дѣвы покрывало,
 И вотъ—печальна и блѣдна,
 Къ нему приблизилась она.
 Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
 Глаза исполнены тоской,
 И черпой падаютъ волной
 Ея власы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блеститъ пламя,
 Въ другой кинжалъ ея булатный:
 Казалось, будто дѣва пламя
 На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
 «Вѣги!» сказала дѣва горь:
 Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
 Свѣши, не трать ночныхъ часовъ;
 Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
 Никто во мракѣ не замѣтитъ».

Пилу дрожащей взявъ рукой.
 Къ его ногамъ она склонилась:

Визжитъ желѣзо подѣ пилой
 Слеза певольная скатилась —
 И цѣпь распалась и гремитъ.
 «Ты воленъ! дѣва говоритъ:
 Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ.
 Она страдала. Вѣтеръ шумный,
 Свистя, покровъ ея клубилъ.
 «О, другъ мой! русскій возопилъ:
 Я твой навѣкъ, я твой до гроба! —
 Ужасный край оставимъ оба,
 Бѣги со мной...» — Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
 Она исчезла, жизни сладость —
 Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, иропаль и слѣдъ.
 Возможно-ль? ты любилъ другую...
 Найди ее, люби ее!
 О чемъ-же я еще тоскую,
 О чемъ уныніе мое?..
 Прости! любви благословенья
 Съ тобою будутъ каждый часъ.
 Прости — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ. —

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣлъ.
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко берегу въ тишинѣ —
 И русскій въ шумной глубинѣ
 Уже плыветъ и плыитъ волны.
 Уже противныхъ скалъ достигъ,
 Уже хватается за нихъ...
 Другъ волны глухо зашумѣли,
 И слышенъ отдаленный стонъ...
 На дикій берегъ выходитъ онъ,
 Глядитъ назадъ... берега ясны
 И опѣненные бѣлѣли,
 Но нѣтъ черкешенки молодой
 Ни у береговъ, ни подъ горой...
 Все мертво... на берегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
 И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Струнстый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
 Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
 Пустой аулъ съ его заборомъ,
 Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
 Стремнины, гдѣ влачили оковы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
 Когда въ горахъ черкезъ суровый
 Свободы пѣсню заиѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
 Ложился день на темный доль,
 Взошла заря. Тропой далекой
 Освобожденный плѣнникъ шелъ,
 И передъ нимъ уже въ туманахъ
 Сверкали русскіе штыки,

И окликались на курганахъ
 Сторожевые казаки.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ муза, легкій другъ мечты,
 Къ предѣламъ Азіи летала
 И для вѣнка себѣ срывала
 Кавказа дикіе цвѣты.
 Ее плѣнялъ нарядъ суровый
 Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
 И часто въ сей одеждѣ новой
 Волшебница являлась мнѣ;
 Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
 Одна бродила по скаламъ,
 И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
 Она прислушивалась тамъ;
 Любила бравныя станцы,
 Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
 Курганы, тихія гробницы,
 И шумъ, и ржанье табуновъ.
 Богиня пѣсенъ и разсказа,
 Воспоминанія полна,
 Быть можетъ, повторитъ она
 Преданья грознаго Кавказа;
 Расскажетъ новѣсть дальнихъ странъ,
 Мстителя древній поединокъ,
 Измѣны, гибель россиянь
 На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
 И воспою тотъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующій Кавказъ
 Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
 Когда на Терекѣ сѣдомъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохотъ русскихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
 Явился пылкій Цицановъ.
 Тебя я воспою, герой,
 О Котляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, ничтожилъ племена...
 Ты днесъ покинулъ саблю мести,
 Тебя не радуется война;
 Скушая миромъ, въ язвахъ чести,
 Вкушаешь праздный ты покой
 И тишину домашнихъ доловъ...
 Но се — Востокъ подьемлетъ вой!..
 Поникни снѣжною главою,
 Смирись, Кавказъ, — идетъ Ермоловъ.

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
 Все русскому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли въ ужасно;
 Но не спасла васъ ваша кровь,
 Ни очарованныя брони,
 Ни горы, ни лихіе кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племенн Батыя,

Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣждеть путникъ безъ боязни,
И возвѣстять о вашей казни
Преданья темныя молвы..
Одесса, 1821. 15 мая.

ПРИПИСКИ КЪ ПОЭМѢ «КАВКАЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ».

1.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
Не веселѣ-ль намъ читать
Игровой музы небыллицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя сграицы,
Иль усыпительный журналъ,
Который, въ вѣкъ не зная цѣли,
Усердно такъ тяжелъ и грубъ—
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочеть воля, а только глушь?

2.

О вы, которые любили
Парнаса тайныя мечты
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили—
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпного,
Отъ взоровъ зависти косой
Картинны, вымыслы, рассказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы
Въ архивахъ ада отыскалъ.

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ.

(1821).

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей,—
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ—
Живуть безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздною
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой

Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ холодной рукой
Вдовину съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стenanье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ,
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздныя часы;
Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
Пришельца новаго рассказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ...
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темную ночь;
Забыли робость и нечали,
А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
Житіе въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили неполамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ-ли поздною дорогой
Богатый жидъ иль пощъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,
Хозяинку громко вызываемъ

Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

«И что-жь? попались молодцы:
Недолго братья пировали:
Поймали пастъ—и кузницы
Насъ другъ ко другу приковали.
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вывести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!..» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ съ него катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга:
Ужъ онъ меня не узнавалъ
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой срадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мврвыхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Однихъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ хлестенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!..»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасень...
Пусти его—онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой вѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами.
Не мучь его... авось мольбами
Смягчить за насъ онъ Божій гнѣвъ!..»
Я слушалъ, ужасъ одолевъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ.

Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ:
То слышалъ ихъ ужасный шонотъ,
То вдругъ погони близкій тонотъ,
И дико взгляды его сверкаль,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листь онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни.
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ унадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнъ ужасная прошла,
И съ нею грезы удалялись.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошень былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣней.
И легкій шумъ залетной птицы.

«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаенье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремишь,
Бьешь волны дружными ногами.
Песчаный видимъ островокъ,
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ.
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ—
И, какъ свинецъ, пошелъ ко дну.
Другой пронырнулъ ужъ глубину;
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему.
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться ве посмѣли.

Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы постѣли.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ —
И на груди моей уснулъ.

«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ,
Взявъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь — ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пыры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги —
Могилы брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой,
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика —
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лпшенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ».

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали;

Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать —
Ну, потчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ:
На мягъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ...
У всякаго своя есть новѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ со-
Она проснется въ черный день. [вѣсть:

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ. (1822).

Многіе, такъ же какъ и я, посѣщали
сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, дру-
гіе странствуютъ далече. С а д и.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Влагоговѣя, всѣ чптали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ...
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь-ли вновь идетъ войною,
Несетъ-ли Польшѣ свой законъ,
Горить-ли мѣстю кровавой,
Открылъ-ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится-ли народовъ горъ,
Иль козней Генувъ лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой;
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ увылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ опѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ арабскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой

И младость, и любовь уводятъ.
 Однообразенъ каждый день
 И медленно часовъ теченье.
 Въ гаремѣ жизнью править лѣнь;
 Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
 Младыхъ жены, какъ-нибудь
 Желая сердце обмануть,
 Мѣняютъ пышные уборы,
 Заводятъ игры, разговоры,
 Или при шумѣ водъ живыхъ,
 Надъ ихъ прозрачными струями,
 Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
 Гуляютъ легкими роями.
 Межъ ними ходить злой евнухъ,
 И убѣгать его напрасно:
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуетъ всечасно.
 Его стараньемъ заведенъ
 Порядокъ вѣчный. Воля хана —
 Ему единственный законъ;
 Святую заповѣдь Корана
 Не строже наблюдаетъ онъ.
 Его душа любви не проситъ;
 Какъ истуканъ, онъ переноситъ
 Насмѣшки, ненависть, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
 И тихій вздохъ, и ропотъ томный.
 Ему извѣстенъ женскій правъ;
 Онъ испыталь. сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ, и въ неволѣ;
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
 Не властны надъ его душой:
 Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе волосы,
 Какъ идутъ плѣнницы младыя
 Купаться въ жаркіе часы,
 И лются волны ключевыя
 На ихъ волшебныя красы, —
 Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
 Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
 Прелестницъ обнаженный рой;
 Онъ по гарему въ тѣмѣ ночной
 Неслышными шагами бродитъ:
 Ступая тихо по коврамъ,
 Къ послушнымъ крадется дверямъ,
 Отъ ложа къ ложу переходитъ;
 Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
 Роскошный наблюдаетъ сонъ,
 Ночной подслушиваетъ лепетъ;
 Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ, —
 Все жадно примѣчаетъ онъ:
 И горе той, чей шопотъ сонный
 Чужое имя призывалъ,
 Или подругѣ благосклонной
 Порочны мысли довѣрялъ!

Что-жъ полонъ грусти умъ Гирея?
 Чубукъ въ рукахъ его потухъ;

Недвижимъ идохнуть не смѣя,
 У двери знака ждетъ евнухъ.
 Встаетъ задумчивый властитель;
 Предъ нимъ дверь настежъ. Молча онъ
 Идетъ въ завѣтную обитель
 Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана.
 Вокругъ игриваго фонтана,
 На шелковыхъ коврахъ, онъ
 Толикою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣтской радостью глядѣли,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно ныря
 Роняли серьги золотыя.
 Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
 Шербетъ носили ароматный,
 И нѣжною звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
 Замѣну слезъ в частныхъ бѣдъ:
 Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
 На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный берегъ Дуная
 Своею смертью освятитъ:
 Къ нему навстрѣчу дѣва рая
 Съ улыбкой страстной полетитъ.

3.

«Но тотъ блаженный, о Зарема,
 Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
 Какъ розу, въ тишинѣ гарема
 Лелѣетъ, милая, тебя».

Онъ поютъ. Но гдѣ Зарема,
 Звѣзда любви, краса гарема?
 Увы, печальна и блѣдна,
 Похвалъ не слушаетъ она;
 Какъ пальма, смятая грозой,
 Поникла юной головою;
 Ни что, ни что не мило ей:
 Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
 Грузинка, равенъ красою?
 Вокругъ лилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила;
 Твои плѣнительныя очи
 Ясиѣ дня, чернѣе ночи.
 Чей голосъ выразитъ сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній?
 Чей страстный поцѣлуй живѣй
 Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
 Какъ сердце, полное тобой,

Забьется для красы чужой?
 Но равнодушный и жестокий,
 Гирей презрѣлъ твои красы.
 И ночи хладныя часы
 Проводить мрачный, одинокій,
 Съ тѣхъ вѣкъ, какъ польская княжна
 Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса чужія;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ странѣ родной;
 Съдой отецъ гордился ею
 И звалъ отрадою своею.
 Для старика была законъ
 Ея младенческая воля;
 Одну заботу вѣдалъ онъ, —
 Чтобъ дочери любимой доля
 Была, какъ вешній день, ясна,
 Чтобъ и минутныя печали
 Ея души не помрачали;
 Чтобъ даже замужемъ она
 Воспоминала съ умилениемъ
 Дѣвичье время, дни забавъ,
 Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣнемъ.
 Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
 Движенья стройныя, живыя,
 И очи томно голубыя.
 Природы милые дары
 Она искусствомъ украшала —
 Она домашніе швы
 Волшебной арфой оживляла;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной искали,
 И много юношей по ней
 Въ страданіяхъ тайномъ пнывали.
 Но въ тишинѣ души своей
 Она любви еще не знала,
 И независимый досугъ
 Въ отцовскомъ замкѣ, межъ подругъ,
 Одиѣмъ забавамъ посвящала.

Давно-ль? И что-жо! Тьмы татаръ
 На Польшу хлынули рѣкою:
 Не съ столь ужасной быстротою
 По жатвѣ стелется пожаръ.
 Обезображенный войною,
 Цвѣтущій край осиротѣлъ;
 Исчезли мирныя забавы;
 Уныли села и дубравы,
 И пышный замокъ опустѣлъ.
 Тиха Маріина свѣтлица...
 Въ домовоѣ церкви, гдѣ кругомъ
 Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
 Воздвиглась новая гробница...
 Отецъ — въ могилѣ, дочь — въ плѣну.
 Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править
 И тягостнымъ ярмомъ безславить
 Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая
 Скрываетъ юную князю:
 Въ неволѣ тихой увядая,
 Марія плачетъ и груститъ.
 Гирей несчастную падить:
 Ея унынье, слезы, стоны
 Тревожатъ хана краткій сонъ,
 И для нея смягчаетъ онъ
 Гарема строгіе законы.
 Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
 Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
 Рукой заботливой не онъ
 На ложе сна ее возводитъ;
 Не смѣетъ устремиться къ ней
 Обидный взоръ его очей:
 Она въ купальнѣ потаенной
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальный возмущать покой;
 Гарема въ дальшемъ отдѣленіи
 Позволено ей жить одной;
 И мнится, въ томъ уединеніи
 Сокрылся нѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
 Души тоскущей отрада,
 Тамъ упованье въ тишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой, лучшей сторонѣ...
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ
 Вдали завистливыхъ подругъ;
 И между тѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
 Святыню строгую скрываетъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблужденій,
 Среди порочныхъ упоеній,
 Хранитъ одинъ святой залогъ,
 Одно божественное чувство.

Настала ночь; покрылись тѣнью
 Тавриды сладостной поля;
 Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
 Я слышу нѣмне соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье томное наводитъ.
 Покрываютъ бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія, мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой.
 Простыхъ татаръ сіѣшатъ супруги
 Дѣлить вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Стражъ надежный,

Дозоромъ обошелъ евнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежный
 Тревожить въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнъ несчастныхъ ожиданье
 Нокоя не даетъ уму:
 То чей-то шорохъ, то шептанье,
 То крики чудятся ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждается, дрожитъ,
 Напуганнымъ припикнувъ ухомъ...
 Но все кругомъ его молчитъ:
 Одни фонтаны сладкозвучны
 Изъ мраморной темницы бьютъ,
 И съ милой розой перазлучны
 Во мракѣ соловьи поютъ;
 Евнухъ еще нмѣ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожателей пророка!
 Какая пѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ, подѣ влияніемъ луны,
 Все полно тайнъ и тишины,
 И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спать. Не спать одна.
 Едва дыша, встаетъ она...
 Идетъ... рукою торопливой
 Открыла дверь; во тѣмъ ночной
 Ступаетъ легкою ногой...
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
 Обманчивъ сна его покой!..
 Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...
 Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И тайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ, печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кроткій ликъ
 И крестъ, любви символъ священный...
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило.
 Предъ ней покоилась княжна,
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланиты оживлялись,
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой томной озарялись:
 Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
 Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
 Сворхнувшій съ неба, сынъ эдема.

Казалось, ангелъ почивалъ
 И, сонный, слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ гарема...
 Увы, Зарема, что съ тобой?
 Стѣснилась грудь ея тоской,
 Невольно клонятся колѣни,
 И молитъ: «сжался надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій!..»
 Ея слова, движенье, стоишь
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зреть;
 Въ смятенѣ, трепетной рукою
 Ее подьменя, говоритъ:
 — Кто ты?.. Одна, порой ночью,
 Зачѣмъ ты здѣсь? — «Я шла къ тебѣ:
 Спаси меня, въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась...
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечный день отъ дня...
 И тѣнь блаженства миновалась!
 Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко... но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донинѣ вѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Потоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы.
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной —
 Не знаю; помню только море,
 И человѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами...

Страхъ и горе
 Донинѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной тишинѣ,
 Въ тѣни гарема расцвѣтала
 И первыхъ опытовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья тайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной ягги
 Войну кровавую презрѣлъ,
 Пресѣкъ ужасныя набѣги
 И свой гаремъ опять узрѣлъ.
 Предъ хана въ смутномъ ожиданѣ
 Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
 Остановилъ на мнѣ въ молчанѣ,
 Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
 Мы въ непрерывномъ упоеньѣ
 Дышали счастьемъ; и ни разъ
 Ни клеветы, ни подозрѣнья,
 Ни злобной ревности мученье.
 Ни скука не смущала насъ.
 Марія, ты предъ нимъ явилась...
 Увы, съ тѣхъ поръ его душа
 Преступной думой омрачилась!
 Гирей, измѣною дыша,

Монхъ не слушаетъ укоровъ;
 Ему докучеѣ сердца стонъ;
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не ваходить онъ.
 Ты преступленью не причастна;
 Я знаю, не твоя вина...
 И такъ послушай: я прекрасна;
 Во всемъ гаремѣ ты одна
 Могла-бъ еще мнѣ быть опасна;
 Но я для страсти рождена,
 По ты любить, какъ я, не можешь;
 Зачѣмъ-же хладной красотой
 Ты сердце слабое тревожишь?
 Оставь Гирея мнѣ: онъ—мой;
 На мнѣ горять его лобзанья;
 Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочеталъ;
 Меня убьетъ его измѣна...
 Я плачу! видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобою,
 Молю, винить тебя не смѣя:
 Отдай мнѣ радость и покой,
 Отдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ—мой; онъ ослѣпленъ тобою.
 Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
 Чѣмъ хочешь, отврати его;
 Клявись... [хоть я для Алькорана,
 Между невольницами хава,
 Забыла вѣру прежнихъ дней,
 Но вѣра матери моей
 Была твоя], клявись мнѣ ею
 Зарему возвратить Гирею...
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣетъ слѣдовать княжна.
 Невинной дѣвѣ непонятенъ
 Языкъ мучительныхъ страстей;
 Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
 Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья
 Ее спасутъ отъ посрамленья?
 Что ждетъ ее? Ужели ей
 Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
 Провести наложницей презрѣнной?
 О Боже! если-бы Гирей
 Въ ея темницѣ отдаленной
 Забылъ несчастную павѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ,—
 Съ какою-бъ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
 Ужъ ей пора, Марію ждутъ,

И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни: Марія вѣтъ.
 Мгновенно сирота почилъ,
 Она давно-желанный свѣтъ,
 Какъ новый ангелъ, озарила.
 Но что-же въ гробъ ее свело?
 Тоска-ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло?
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи пѣжной!..
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный;
 Но въ сердцѣ хана чувствъ пныхъ
 Танется пламень безотрадный.
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
 Блѣднѣетъ, будто полный страха,
 И что-то шепчетъ, и порой
 Горюча слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
 Гаремъ не зрить его лица;
 Тамъ, обреченныя мученью,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Старѣютъ жены. Между ними
 Давно грузинки нѣтъ; она
 Гарема стражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
 Свершилось и ея страданье.
 Какая-бъ ни была вина,
 Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказа близкія страны
 И села мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился ханъ,
 И въ память горестной Маріи
 Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
 Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ крестомъ оскѣнена
 Магометанская луна
 [Символь, конечно, дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина].
 Есть надпись: ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами
 Журчить во мраморѣ вода
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда;
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.

Младня дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ оиѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ стѣверъ наконецъ
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньи дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаривъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣнѣ утопалъ.
Еще повниѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За конми, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сии надгробныя столбы,
Вѣнчанныя мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!.. Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Невъзяснимому волненью,
И во дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!..

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Марин-ль чистая душа
Являлась мнѣ, плв Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь-же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго-ль, узникъ томный,
Тебѣ оконы лобызать,

И въ свѣтѣ лироу нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира.
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склоны приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонть винограда,
Долины пріютная краса.
И струи, и тополей прохлада—
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежный.
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ.
Иззелѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

Ц Ы Г А Н Ы .

(1824).

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ почуютъ.
Какъ вольность, веселье ихъ почлеги
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузаѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалеый.
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржѣе. Ч

Огни вездѣ погашены,
 Спокойно все, луна сіяетъ
 Одна съ небесной вышины
 И тихій таборъ озаряетъ.
 Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
 Онъ передъ углями сидитъ,
 Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
 И въ поле дальное глядитъ,
 Ночнымъ подернутое паромъ.
 Его молоденькая дочь
 Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
 Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
 Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
 И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
 Небесъ далекихъ облака;
 Земфиры вѣтъ какъ вѣтъ, и стынетъ
 Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
 По степи юноша спѣшитъ;
 Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
 «Отецъ мой, дѣва говоритъ,
 Веду я гостя: за курганомъ
 Его въ пустынѣ я нашла
 И въ таборъ на ночь зазвала.
 Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
 Его преслѣдуетъ законъ,
 Но я ему подругой буду.
 Его зовутъ Алеко; онъ
 Готовъ идти за мною всюду».

Старикъ: Я радъ. Останься до утра
 Подъ сѣнью нашего шатра,
 Или пробудь у насъ и долѣ,
 Какъ ты захочешь. Я готовъ
 Съ тобой дѣлить и хлѣбъ, и кровь.
 Будь нашъ, привыкши къ вашей долѣ,
 Бродящей бѣдности и волѣ;
 А завтра, съ утренней зарей,
 Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
 Примись за промыселъ любой:
 Желѣзо куй, или вѣсни пой
 И села обходи съ медвѣдемъ.

Алеко: Я остаюсь.

Земфира: Онъ будетъ мой —
 Кто-жъ отъ меня его отгонитъ?
 Но поздно... мѣсяцъ молодой
 Зашелъ, поля покрыты мглой,
 И совѣ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
 Вокругъ безмолвнаго шатра.
 «Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
 Проснись, мой гость, пора, пора!
 Оставьте, дѣти, ложе вѣгн!»
 И съ шумомъ высыпалъ народъ:
 Шатры разобравы; телѣги
 Готовы двинуться въ походъ;
 Все вмѣстѣ тронулось — и вотъ
 Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ.
 Ослы въ перекидывхъ корзинахъ

Дѣтей играющихъ несутъ;
 Мужья и братья, жены, дѣвы,
 И старъ, и младъ вослѣдъ идутъ;
 Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
 Медвѣдя ревъ, его цѣпей
 Нетерпѣливое бряцанье,
 Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
 Дѣтей и старцевъ нагота,
 Собакъ и лай, и завыванье,
 Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ —
 Все скудно, дико, все вестройно,
 Но все такъ живо-непокойно,
 Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ.
 Такъ чуждо этой жизни ираздной,
 Какъ пѣснь рабовъ одвообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
 На опустѣлую равнину
 И грусти тайную причину
 Истолковать себѣ не смѣлъ.
 Съ нимъ черноокая Земфира,
 Теперь онъ вольный житель міра,
 И солнце весело вадъ нимъ
 Полуденной красотою блещетъ;
 Что-жъ сердце юноши трепещетъ?
 Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
 Ни заботы, ни труда;
 Хлопотливо не свиваетъ
 Долговѣчнаго гнѣзда;
 Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
 Солнце красное взойдетъ —
 Птичка гласу Бога внемлетъ,
 Встрепенется и поетъ.
 За весной, красой природы,
 Лѣто знойное пройдетъ —
 И туманъ, и непогоды
 Осень поздняя несетъ:
 Людямъ скучно, людямъ горе;
 Птичка въ дальнія страны,
 Въ теплый край, за синее море,
 Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
 И онъ, изгнанникъ перелетный,
 Гнѣзда надежнаго не зналъ
 И ни къ чему не привыкалъ.
 Ему вездѣ была дорога,
 Вездѣ была почлега сѣнь;
 Проснувшись поутру, свой день
 Онъ отдавалъ на волю Бога,
 И жизни не могла тревога
 Смутить его сердечну лѣнь.
 Его, порой, волшебной славой
 Мангла дальняя звѣзда,
 Нежданно роскошь и забавы
 Къ нему являлись иногда;
 Надъ одинокой головою
 И громъ перѣдко грохоталъ;

Но онъ безопасно подъ грозою
И въ вѣдро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой,
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно-ль, на долго-ль усмирѣли?
Онъ проснулся: погоди.

Земфира: Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко: Что-жъ бросилъ я?

Земфира: Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Алеко: О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты звала,
Когда-бы ты воображала
Неволю душныхъ городов!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ.
Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонять
И просить денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсуждений приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ?

Земфира: Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

Алеко: Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье—
Съ тобой дѣлать любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

Старикъ: Ты любишь насъ, хоть и рождень
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
[Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье].
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,

Людей рассказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти:
Чужіе люди за него
Звѣрей въ рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ иссохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ-ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминаая...
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости.
И смертью—чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

Алеко: Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго рассказъ?

Прошло два лѣта. Такъ-же бродятъ
Цыгане мирною толпой;
Вездѣ, по прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ-же онъ; семья все та-же;
Онъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ;
Онъ любить ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Вблизи молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ, и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожный,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣннемъ звѣря водить,
Земфира поселянъ обходить
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь, они всѣ трое

Варят нежатоє пшево;
Старикъ уснулъ—и все въ покоѣ...
Еъ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира: Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни вѣжа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко: Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.
Земфира: Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня,—
Не скажу ничего:
Старый мужъ, грозный мужъ
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
Жарче лѣтняго дня:
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ сжались тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко: Молчи, Земфира, я доволенъ...

Земфира: Такъ понялъ пѣсню ты мою?

Алеко: Земфира!..

Земфира: Ты сердиться воленъ,

Я пѣсню про тебя пою.

[Уходитъ и поетъ: «Старый мужъ» и проч.]

Старикъ: Такъ. помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно, въ забаву свѣта,
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимнюю ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Чась отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронила пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо... Ночь... Лупой украшенъ
Лазурный юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ:
«О, мой отецъ! Алеко страшень;
Послушай: сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ, и рыдаетъ онъ».

Старикъ: Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснить дыханье
Домашній духъ. Передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

Земфира: Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

Старикъ: Тебя онъ ищетъ и во снѣ—
Ты для него дороже міра.

Земфира: Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

Старикъ: Чье имя?

Земфира: Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбуджу его.

Старикъ: Напрасно:
Ночного духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

Земфира: Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся...
Иду къ нему.— Прощай, успи.

Алеко: Гдѣ ты была?

Земфира: Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

Алеко: Мнѣ спилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.
Земфира: Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.
Алеко: Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

Старикъ: О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

Алеко: Отецъ! она меня не любитъ.

Старикъ: Утѣшься, другъ; она—двѣ;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское—шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
Навсю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить—
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:

Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!...

Алеко: Какъ ова любила!

Какъ нѣжно, преклопясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепестаньемъ,
Иль упителнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что-жь? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла!

Старикъ: Послушай, расскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дуаю
Не угрожалъ еще москаль—
[Вотъ видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль],
Тогда боялись мы султана,
А правиль Буджакомъ паша
Съ высокихъ башенъ Акермана—
Я молодъ былъ, моя душа
Въ то время радостью кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣжала.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею,
Какъ солнцемъ, любовался я
И, наконецъ, назвалъ моею.

Ахъ быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Маріула.

Однажды, близъ кагульскихъ водъ,
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы
Двѣ ночи вмѣстѣ почевали.
Они ушли на третью ночь,—
И, броса малевскую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мрвно спалъ, заря блеснула:
Проснулся я—подруги нѣтъ!
Ишу, зову—пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!.. Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра:
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одивокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлялъ.

Алеко: Да какъ-же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей, коварной,
Кивжала въ сердце не вонзиль?

Старикъ: Къ чему? Вольнѣеищды молодость.
Кто въ силахъ удержатъ любовь?

Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Алеко: Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь:
Или хотъ ищеньемъ наслажусь.
О, вѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря
Нашель я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила-бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свершнымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ-бы гуль.

Молодой цыганъ: Еще одно, одно лобзанье!

Земфира: Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

Цыганъ: Одно... но долѣ—на прощавье!

Земфира: Прощай, покамѣстъ не пришелъ.

Цыганъ: Скажи—когда-жь опять свиданье?

Земфира: Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ, надъ могилой...

Цыганъ: Обманеть! не придетъ ова.

Земфира: Бѣги—вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Овъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ;
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека...
Овъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо... страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ, и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродить...
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣтъ передъ нимъ;
Туда слабѣющія ноги
Влачить, предчувствіемъ томимъ;
Дрожать уста, дрожать колѣни...
Идетъ... и вдругъ.. плъ это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

Первый голосъ: Пора...

Второй голосъ: Постой!

Первый голосъ: Пора, мой милый.

Второй голосъ: Нѣтъ, нѣтъ! постой, до-

Первый голосъ: Ужъ поздно. [ждемся дня.

„Братья-разбойн.“ Мольбы младшаго брата въ тюрьмѣ.

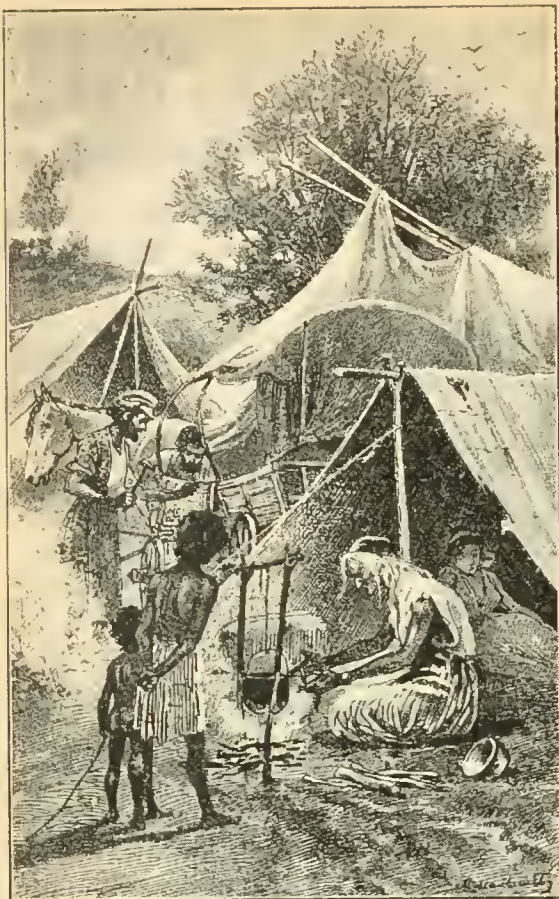
„Братья-разбойн.“ Вѣгство колодниконъ.

„Бахчисар. фонтанъ“. Жены Гирея у фонтана.

„Бахчисар. фонтанъ“. Зарема на коленяхъ передъ Маріей.

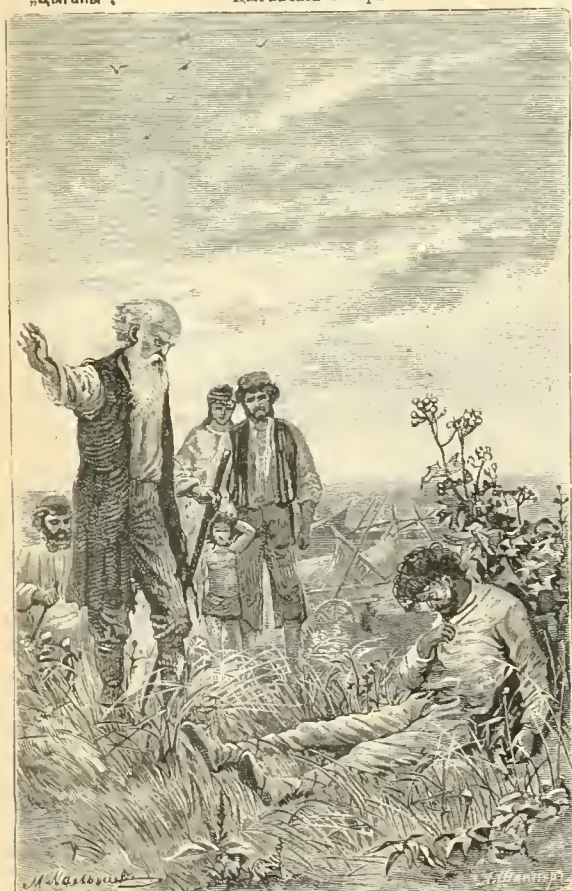
„Цыганы“.

Цыганскій таборъ.

„Цыганы“

Алеко убиваетъ Земфиру.

„Цыганы“.

„Оставь насъ, гордый челоавкъ!“

Галубъ“.

Галубъ: „Бѣга, бѣга скорѣй!“.

Второй голосъ: Какъ ты робко любишь...
Минуту!

Первый голосъ: Ты меня погубишь.

Второй голосъ: Минуту!

Первый голосъ: Если безъ меня

Пробудется мужъ...

Алеко: Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба—

Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

Земфира: Мой другъ, бѣги, бѣги!

Алеко: Постою!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

[Возвзаетъ въ него ножъ.]

Земфира: Алеко!

Цыганъ: Умираю!

Земфира: Алеко, ты убьешь его!

Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!

О, что ты сдѣлалъ?

Алеко: Ничего.

Теперь дыши его любовью..

Земфира: Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,

Твои угрозы презираю,

Твое убійство проклиная.

Алеко: Умри-жь и ты! [Поражаетъ ее].

Земфира: Умру любя!

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножомъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшнѣ былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой:
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ-отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли труны, понесли
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда-же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стонотъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
Мы робки и добры душою,

Ты золь и смѣль—оставь-же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою».

Сказалъ—и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ волѣ роковомъ.
Такъ иногда, передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подѣмлетъ съ полей
Станица нозднихъ журавлей
И съ крикомъ вдалѣ, на югъ несется,—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ...

Э П И Л О Г Ъ

Волшебной силой пѣснопѣвныя
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой.
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ станомъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пишу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!—
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду—страсти роковыя.
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

ПОЛТАВА.

(1828).

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

В у г о н.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага, утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекають въ неосторожности, находить его походъ въ Украину безразсуднымъ. На крѣпиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ, однакожъ, симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ-ли онъ ожидать, что Малоросія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ наравскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семь походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда-нибудь, вѣрился своему счастью: ово уступило генію Петра.

Мазена есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмельницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича—своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы. Измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, предавшая церковію анафемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятій человечества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченныя ужасы, годные во французской мелодрамѣ, и проч. Лучше было-бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 января 1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется-ль слуха твоего?
Поймешь-ли ты душою скромной
Стремленіе сердца моего?
Пль посвященіе поэта,
Какъ вѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ—
И думай, что во дни разлукъ,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей

[27 октября Дер. Малинника]

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей.¹
Его луга необозримы:
Тамъ табуны его ковей
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами—
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ вѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенія
То лебеди пустынныхъ водъ
Напоминають плавный ходъ.
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ:
Звѣздой блестятъ ея глаза:
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
[Мгновенный цвѣтъ!] молвою шумной
Въ молодой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась ова

Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжить пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ—и вотъ
 За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ...

Овъ старъ, овъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами;
 Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,
 Въ немъ чувство каждый день иное.
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пыластъ сердце старика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно ово
 Въ огнѣ страстей раскалено;
 Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
 Орла послыша тяжкій летъ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепещетъ и рѣшенія ждетъ.

И вся полна пегодованьемъ
 Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говорить:
 «Безстыдный! старецъ нечестивый!
 Возможно-ль?.. Нѣтъ, пока мы живы,
 Нѣтъ! овъ грѣха не совершитъ.
 Овъ, должный быть отцомъ и другомъ
 Невинной крестницы своей...
 Везуецъ! на закатѣ дней,
 Овъ вздумалъ быть ея супругомъ!»²
 Марія вздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ, какъ веживая,
 Упала дѣва на крыльцо.

Она ономвилась, но снова
 Закрываетъ очи—и ни слова
 Не говоритъ. Отецъ и мать
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горе разогнать,
 Тревогу смутныхъ думъ устроить...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стеною,
 Марія не плала, не ѣла,
 Шатаясь, блѣдная, какъ тѣнь,
 Не зная сна. На третій день
 Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбакъ
 Той ночью слышалъ конскій топотъ,

Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
 И утромъ слѣдъ восьми подковъ
 Былъ виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ лавить,
 Да русы кудри молодыя,—
 Порой и старца строгій видъ,
 Рубцы чела, волосы сѣдые
 Въ воображенъе красоты
 Влагаютъ страстные мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣсть:
 Она забыла стыдъ и честь,
 Она въ объятіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ! Отецъ и мать
 Молву не смѣютъ повнимать.
 Тогда лишь истина явилась
 Съ своей ужасной ваготой;
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преступницы младой;
 Тогда лишь только стало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ.
 Томила тайно, воздыхала,
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
 Она лишь гетману внимала,
 Когда бесѣда ликовала
 И чаша пѣвилась виномъ;
 Зачѣмъ ова всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои овъ слагалъ,³
 Когда овъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ нежевскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ, и клики
 Предъ бунчукомъ и булавою
 Малороссійскаго владыки⁴...

Богатъ и знатевъ Кочубей;
 Довольно у него друзей;
 Свою омыть овъ можетъ славу;
 Овъ можетъ возмутить Полтаву;
 Внезапно средь его двора
 Овъ можетъ мщеніемъ отца
 Постигнуть гордаго злодѣя;
 Овъ можетъ вѣрно рукою
 Возпитъ.... но замыселъ иной
 Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напругая,
 Мужала съ геніемъ Нетра.
 Суровый былъ въ наукѣ славя
 Ей данъ учитель: не одинъ
 Урокъ веждавний и кровавый
 Задалъ ей шведскій паладинъ.
 Но въ искушенъяхъ долгой кары
 Перетерпѣвъ судьбы удары,

Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой бесполезной,
Отважный Карлъ скользя надъ бездною
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонять прахъ долины
И клонить пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши повый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась;
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазенъ раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ поддавшимся Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвъ, казалось, не выпмалъ
И равнодушно пировалъ.

«Что-жъ гетманъ? юноши твердили:
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носить булаву?
Теперь-бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда-бы старый Дорошенко⁶,
Иль Самойловичъ молодой⁶,
Иль нашъ Палѣй⁷, иль Гордѣвко⁸
Владѣли силой войсковой;
Тогда-бъ въ сѣѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки⁹».

Такъ, своеволиемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшить.
Кто сидеть нѣ глубину морскую,

Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ ужъетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глумомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святини,
Что онъ не помянетъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ—его провикъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща, мыслить Кочубей:
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй!
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полную наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршувъ, заклевалъ!...»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
 Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они.
 Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
 Души мятежной, ненасытной
 Отчасти бездву открывалъ
 И о грядущихъ измѣненіяхъ,
 Переговорахъ, возмущеніяхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему,
 Но въ горькой зlobѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Оно послушно; онъ голубить
 Едину мысль и день и ночь:
 Иль самъ погибнетъ, иль погубить—
 Отмстить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
 Въ безсильной горести, ко гробу
 Теперь онъ мысли устремилъ.
 Онъ зла Мазепѣ не желаетъ—
 Всею виновна дочь одна;
 Но онъ и дочери прощаетъ:
 Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
 Покрывъ семью свою позоромъ,
 Забывъ и небо, и законъ...

А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
 Себѣ товарищей отважныхъ,
 Неколебимыхъ, непродажныхъ.
 Во всемъ открылся онъ жевѣ:¹⁰
 Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный копилъ.
 И гнѣва женскаго полна,
 Нетерпѣливая жена
 Супруга злобнаго торопитъ.
 Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ вѣкій духъ, ему она
 О мщеніи шепчетъ, укоряетъ,
 И слезы льетъ, и ободряетъ,
 И клятвы требуетъ—и ей
 Клянется мрачный Кочубей.
 Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Искра заодно,¹¹
 И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено...
 Но кто-жъ, усердиемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между полтавскихъ казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.
 Вечерней, утренней порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ тѣни украинскихъ черешень,
 Бывало, онъ Марію ждалъ,
 И ожиданіемъ страдалъ,
 И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Отказа-бъ онъ не пережилъ.
 Когда наѣхали толпою
 Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
 Унылъ и сирѣ онъ удалился.
 Когда-же вдругъ межъ казаковъ
 Позоръ Марининъ огласился,
 И безпощадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила—
 И тутъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права.
 Убитый ею, къ ней одной
 Стремилъ онъ страстныя желанья,
 И горькій ропотъ, и мечтанья
 Души кипящей и больной.
 Еще хотъ разъ ее увидѣть
 Безумной жаждой онъ горѣлъ;
 Ни презирать, ни ненавидѣть
 Еще не могъ и не хотѣлъ.
 Но если кто хотя случайно
 Предъ нимъ Мазепу называлъ,
 То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при злѣздахъ и при лунѣ
 Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
 Чей это конь неутомимый
 Вѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
 Казакъ не хочетъ отдохнуть
 Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
 Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
 Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
 Не спотыкаясь, конь ретивый
 Вѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
 Булатъ—потѣха молодца,
 Ретивый конь—потѣха тоже,
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставитъ радъ
 Коня, червонцы и булатъ,
 Но выдастъ шапку только съ бою,
 И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
 Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,

Донось на гетмана-злѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя, между тѣмъ
Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ;
Съ нимъ полномощный езуитъ
Мятежъ народный учреждаетъ¹²
И шаткій тронъ ему сулить.
Во тѣмъ ночной они, какъ воры.
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнять межъ собой,
Слагаютъ цифрѣ универсаловъ,¹³
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нящій во дворцѣ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ,¹⁴
Его приводить и выводить.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Донѣ, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ,¹⁵
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Страшаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша,
Во станѣ Карлъ и царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовить свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая.
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ внезапногрянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали¹⁶
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И виѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донось оставя безъ вниманья.
Самъ царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго общалъ!

Мазепа, въ горести притворной.
Къ царю возносить гласъ покорный:
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ—
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;

Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!..
Ему-ль теперь, у двери гроба,
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?
Не онъ-ли помощь Станиславу¹⁷
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украины,
И договоръ, и писма тайны
Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ-ли наущеньямъ хана¹⁸
И цареградскаго султана
Былъ глухъ, усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить.
Трудовъ и жизни не жалѣлъ? —
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто-же? Искра, Кочубей!
Такъ долго былъ его друзьямъ!...»
И съ крокождадыми слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй....¹⁹

Чьей казни?... Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: «въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точить на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или.... но дочери любовь
Главы отцовской не искупить.
Любовникъ гетману уступить,
Не то—моя прольется кровь».

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей!
Какой-же властью неповатной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впадный взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла:
Соблазномъ посланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;

Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ—
Тебѣ пріятенъ твой позоръ;
Ты имъ въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ, горда—
Ты прелесть вѣжную стыда
Въ своемъ утратила наденья....

Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Перой, какъ туча, затмеваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И, мнится, пеняетъ ихъ внимаетъ...
О, если-бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазена яраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія вѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ;
Напрасно: черныхъ помышлений
Ея любовь не удалить.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говорить съ негодованьемъ:

«Послушай, гетманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюба,
Одно имѣла я въ предметъ—
Твою любовь. Я для нея
Сгубила счастье мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю—
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ-же ты меня не любишь?»

Мазена: Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣнъ въ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣвляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти...

Марія: Неправда; ты со мной хитришь.
Давно-ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь.
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разѣздахъ—я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это—новость;
Кто эта Дульская?

Мазена: И ты
Ревнива? Мнѣ-ль, въ мои-ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану-ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

Марія: Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ
И просто, прямо отвѣчай.

Мазена: Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай:

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ;
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ...
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора—
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ:
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна-ль ты? Твои мечтанья
Разбѣяны-ль?

Марія: О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!

Твоимъ сѣдипамъ какъ приставеть
Коропа парская!

Мазена: Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ...
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

Марія: Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

Мазена: А если плаха?...
Марія: Съ тобой на плаху, если такъ.

Ахъ, пережить тебя могу-ли?
Но пѣтъ, ты носишь власти знакъ.

Мазена: Меня ты любишь?

Марія: Я! люблю-ли?

Мазена: Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

Марія: Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Тревожить
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.

Я стала ей въ позоръ; быть можетъ
[Какая страшная мечта!],
Монимъ отцомъ я проклята,—
А за кого?

Мазена: Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь....

Марія: О Боже!

Мазена: Что-жъ? Отвѣчай.

Марія: Рѣши ты самъ.

Мазена: Послушай: если было-бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А-ты бы намъ судьей была,
Кого-бъ ты въ жертву принесла,
Кому-бы ты была ограда?

Марія: Ахъ, полно! сердце не смущай!
Ты—искуситель.

Мазена: Отвѣчай!

Марія: Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такіа.
Довольно.

Мазена: Помни-же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленіи,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрена долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье.
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье!
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вѣсть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвинымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятія,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да прегнулю ко смерти снѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безкопечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ токимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой вочлѣгъ
Еще Мазена возмущаетъ?

Орликъ: Допросъ не конченъ; отвѣчай.

Кочубей: Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

Орликъ: Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Кочубей: Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ.

Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ: Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ²⁰ укрываемъ.
Свершится казнь твоя должна:
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступить войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей: Такъ, не ошибись вы: три
Въ сей жизни были мнѣ отрада. [клада
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ;
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,—
Ее готовлюсь Богу снести.

Орликъ: Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спрятали деньги?

Кочубей: Злой холопъ!
Окончишь-ли допросъ нелѣпный?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое послѣдїе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою—
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ: Гдѣ спрятали деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствие плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!²¹

Палачъ вошелъ.... О, ночь мученій!
Но гдѣ-же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Зимней совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще неспавшемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.

Въ его душѣ проходятъ думы
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умереть безумный Кочубей;
Спаси нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеветъ
Умрутъ». Но, броса взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «о, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ;
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Унавъ поугру, загремитъ
По всей Украинѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Вѣднѣжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ, старцу мрачному—и что-же?
Какой готовлю ей ударъ!...»
И опъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее ледѣтъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... Содрогаюсь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходить садъ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ пасмышливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.... слабый крикъ.... невнятный стопъ
Какъ-бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ-ли сонъ воображенья.

Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ ивой—
Но только сного волневыя
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ овъ въ весельѣ дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И—съ вимъ.... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бравномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рошъ и волны рѣкъ;
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышетъ,
Дремой объята, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась, во скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Ивой отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздвигнувъ, она глядитъ... и что-же?
Предъ нею мать...

Мать: Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ вочи
Сюда прокралась осторожно
Съ едвой, слезною мольбой.
Сегодня казнъ... Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно...
Спаси отца!

Дочь: [въ ужасѣ]: Какой отецъ?
Какая казнъ?

Мать: Иль ты донынѣ
Не знаешь?.. Нѣтъ! ты не въ пустынѣ,—
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ овъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ государь ему внимаетъ.
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я соню застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ...
Другъ другу, вижу, мы—чужія...
Опомнись, дочь моя! Марія,
Вѣтъ, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь авель намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвесъ.
Рвись, требуй—гетманъ не откажетъ.

Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога....

Дочь: Что со мною?
Отецъ.... Мазепа.... казнъ.... съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ, мать моя—
Нѣтъ. иль ума лишилась я,
Иль это грезы....

Мать: Богъ съ тобою!
Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана доведъ?
Что, въ истязавіяхъ кронавыхъ,
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы?
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выдавъ головою?
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не остынитъ
Десвица вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казнень сегодня?
Что здѣсь покажеть онъ сидѣть
Въ тюремной башнѣ?

Дочь: Боже, Боже!...
Сегодня!... Вѣднй мой отецъ!

И дѣва падаетъ ва ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ бѣбны. Скачутъ сердюки²².
Въ строяхъ равняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣнный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ.
То въ руки бѣбны беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернью веселой.
Въ гремячій говоръ все слилось:
Крикъ жевскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось—
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками.
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ ва поровомъ конѣ,
А тамъ, по кievской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ миромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвиный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;

Съ кадиль куренье поднялось;
 За упокой души несчастныхъ
 Безмолвно молятся народъ.
 Страдальцы—за враговъ... И вотъ
 Идутъ они, взошли... На плаху,
 Крестясь, ложится Кочубей.
 Какъ будто въ гробъ, тьмы людей
 Молчать. Топоръ блеснулъ съ размаху,—
 И отскочила голова.
 Все поле охнуло. Другая
 Катится вслѣдъ за ней, мигая.
 Зардѣлась кровію трава...
 И сердцемъ радуясь во злобѣ,
 Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
 И напряженной рукой
 Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
 Идетъ, разсыпавшись, домой
 И про свои заботы вѣчны
 Уже толкуетъ межъ собой.
 Пустѣетъ поле понемногу.
 Тогда чрезъ пеструю дорогу
 Перевѣжали двѣ жены.
 Утомлены, запылены,
 Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
 Спѣшили, полныя боязни.
 Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
 И въ поле перстомъ указалъ.
 Тамъ роковой помостъ ломали,
 Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
 И на телѣгу подымали
 Два казака дубовый гробъ.

Однѣвъ предъ конною толпой
 Мазепа, грозенъ, удалялся
 Отъ мѣста казни. Онъ терзался
 Какой-то страшной пустотой.
 Никто къ нему не приближался;
 Не говорилъ онъ ничего;
 Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
 Домой пріѣхавъ, «что Марія?»
 Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
 Отвѣты робкіе, глухіе...
 Невольно страхомъ пораженъ,
 Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ—
 Свѣтлица тихая пуста.
 Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродить;
 Но вокругъ широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣтъ видѣ слѣдовъ—
 Ушла!—Зоветъ онъ слугъ падежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Хранятъ ихъ кони—
 Раздался дикій крикъ погони,
 Верхомъ—и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,—
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слышалъ,

Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
 Мазепа молча скрежеталъ:
 Затихнувъ, челядь трепетала.
 Въ груди кипучій ядъ носилъ,
 Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
 Близъ ложа, тамъ, во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
 Нездѣшной мукою томилъ.
 Поутру посланные слуги
 Однѣ явились за другими.
 Чуть кони двигались. Подируга,
 Подковы, узды, чепраки.—
 Все было пѣною покрыто,
 Въ крови, растеряно, избито:
 Но ни одинъ ему привести
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
 И слѣдъ ея существованья
 Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
 И мать одна во мракъ изгнанья
 Умчала горе съ нищетой.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
 Стремиться дерзновенно въ даль
 Вождю Украйны не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
 Свои сношенья продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья
 Стоная, молитъ исцѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзни, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бренный міръ оставить;
 Святой обрядъ онъ хочетъ править.—
 Онъ архипастыра зоветъ
 Къ одру сомнительной кончины,
 И на коварныя сѣдины
 Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ вражескихъ могилъ
 Готовя шведамъ тризну тайну.
 Внезапно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилый,
 Сей трупъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра;
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машетъ—и къ Деснѣ
 Проворно мчитъ на конѣ.
 Согбенный тяжело жизнью старой,

Такъ оный хитрый кардиналь,
Вѣщавшисѣ римскою тіарой,
И прямъ, и здоровъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла ..

Украйна смутно зашумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Вуючукъ покорный». Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая зари
Войвы народной.

Кто опишетъ

Негодование, гнѣвъ царя?
Гремятъ анафема въ соборахъ:
Мазепѣ ликъ терзаетъ катъ²³;
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
Другого гетмана творять.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Послѣбно призываетъ Петрохъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепѣ врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Налѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый,
На плахѣ гибнетъ Чечель смѣлый²⁴
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинушій вѣнецъ,
Твой близокъ день, — ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И царь туда-жъ помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой.
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ, наконецъ.
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобѣясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ.
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстатѣ:
Разсчесть и дерзкій, и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, далъ я промахъ важный:
Ошвбся въ этомъ Карлъ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разыграть.

Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать²⁵;
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;²⁶
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану²⁷;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣтся онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, петербѣлявъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣрнѣ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: виновственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая».

Орликъ: Сраженья

Дождется. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья.
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа: Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши.
Кипѣли съ ними рѣчи наши;
Я слово смѣлое сказалъ...
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отметить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ...
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хравить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье, —
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ-бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды....
Кому бѣжать, рѣшить зари.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Горить востокъ зарею новой;
 Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
 Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
 Кругами всходитъ къ небесамъ
 Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули;
 Въ кустахъ рассыпались стрѣлки;
 Катятся ядра, свистятъ пули;
 Нависли hladные штыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
 Волнуясь, конница летитъ;
 Пѣхота движется за нею
 И тяжелой твердостью своею
 Ея стремленія крѣпить.
 И битвы поле роковое
 Грѣмѣть, пылаетъ здѣсь и тамъ:
 Но явно счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ намъ.
 Пальбой отбиты дружины,
 Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
 Уходятъ Розень сквозь тѣсныя;
 Сдается пылкій Шлиппенбахъ;
 Тѣснымъ мы шведовъ рать за ратью,
 Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
 И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
 Раздался звучный гласъ Петра:
 «За дѣло, съ Богомъ!» Изъ сатра,
 Толпой любимцевъ окруженный,
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Лицъ его ужасенъ.
 Движенья быстры.... Онъ прекрасенъ,—
 Онъ весь какъ Божія гроза.
 Идетъ.... Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
 Почуя роковой огонь,
 Дрожитъ, глазами косо водить,
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарпуютъ казаки;
 Равняясь, строятся полки;
 Молчитъ музыка боевая;
 На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
 Прервали свой голодный ревъ;
 И се—равнину оглашая,
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радостенъ, какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ вослѣдъ неслись толпой
 Сія птенцы гнѣзда Петрова—
 Въ премѣнахъ счастья земного,
 Въ трудахъ державства и войны

Его товарищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,
 Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
 Страдая раной, Карлъ явился.
 Вожди героя шли за нимъ.
 Онъ въ думу тихо погрузился.
 Смущенный взоръ изобразилъ
 Необычайное волненіе:
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣнье...
 Вдругъ слабымъ маніемъ руки
 На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
 Сошлись въ дыму среди равнины—
 И грянулъ бой, полтавскій бой!
 Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
 Стѣной живою отраженнымъ,
 Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
 Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
 Отряды конницы летучей,
 Враздахи, саблями звуча,
 Сшибаясь, рубятся съ-плеча.
 Бросая груды тѣлъ на груды,
 Шары чугунные повсюду
 Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
 Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
 Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
 Бой барабанный, клики, скрежетъ;
 Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стоиъ.
 И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ...

Среди тревоги и волненія,
 На битву изоромъ вдохновенья
 Вожди спокойные глядятъ,
 Движенья ратныя слѣдятъ,
 Предвидятъ гибель и побѣду
 И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
 Но близъ московскаго царя
 Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
 Двумя поддержанъ казаками,
 Сердечной ревностью горя,
 Онъ окомъ опытнымъ героя
 Взираетъ на волненіе боя.
 Ужъ на коня не вскочить онъ:
 Одрахъ, въ изгнаніи сиротѣ,
 И казаки на кличъ Палѣя
 Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
 Но что-жъ его сверкнули очи,
 И глѣбомъ, будто мглою ночи,
 Покрылось старое чело?
 Что возмутитъ его могло?
 Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
 Врага Мазепу, и въ сей мигъ

Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ па битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся.
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя пѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близко, близко мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ, гнутся шведы;
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тунятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роємъ черной саравчи.

Пируетъ Петръ. И гордѣ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ-же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Иуда въ страхъ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ слугу королю.
Онъ равну тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,

И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Стеней широкій полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что-же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказъ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ-ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьею счастливой окруженный,
Шутилъ, бывало, за столомъ?
Узналъ-ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи nocturno
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя иерстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ, съ развитыми власами,
Сверкая впадыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худая, блѣдная,
Стоитъ, луной освѣщена...
«Иль это сонъ?.. Марія... ты-ли?»

Марія: Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли...

Постой... услышать могутъ насъ.

Мазепа: Марія, бѣдная Марія!
Опомнись... Боже... Что съ тобой?

Марія: Послушай, хитрости какія!
Что за рассказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову—Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья—видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно-ль ей меня терзать?

„Полтава“. Гонимый от Кочубея.

„Полтава“. Допросъ Кочубея въ германъ

„Полтава“. Бѣгство Карла XII послѣ Полтавской битвы.

„Полтава“. Маша: „Иль это сонъ?... Марія... ты-ли?“

„Сказ. о царѣ Салтанѣ“. Лебедь-царевна передъ Гвидономъ.

„Сказ. о полѣ и работѣ Балды“. Балда у моря пугаетъ чертей.

„Сказ. о жер. царевнѣ“. Королевичъ Елисей пробуждаетъ царевну.

„Сказ. о зол. пѣт.“. Царь Дадонъ и трупы его сыновей.

И для чего? чтобъ я не смѣла
 Съ тобой сегодня убѣжать!
 Возможно-ль?—Съ горестью глубокой
 Любимикъ ей внималъ жестокой.
 Но, вихрю мыслей предава,
 «Однако-жъ, говорить она:
 Я помню поле... праздникъ шумный...
 И чернь... и мертвыя тѣла...
 На праздникъ мать меня вела...
 Но гдѣ-жъ ты былъ?.. Съ тобою разво
 Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно...
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пустого:
 Я принимала за другого
 Тебя, старикъ. Оставь меня.
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
 Ты безобразенъ,—онъ прекрасенъ;
 Въ его глазахъ блеститъ любовь,
 Въ его рѣчахъ такая нѣга!
 Его усы бѣлые снѣга,
 А на твоихъ засохла кровь».
 И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
 Огонь казачій пламенѣлъ,—
 Пшеницу казаки варили;
 Драбаны у берега Днѣпра
 Коней разсѣданныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
 Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ».
 Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
 Тоска, тоска его сѣдаетъ;
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдлетъ,
 И скачетъ съ бѣглыми королею,
 И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ—и что-жъ осталось
 Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
 Столь полныхъ волею страстей?
 Ихъ поколѣние миновалось—
 И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
 Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинственной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ страпѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
 Оградою мирной обступилъ
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
 Вокругъ воинственныхъ могилъ,—
 Останки разоренной сѣни,
 Три углубленныя въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени

Гласятъ о шведскомъ королѣ
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумный
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
 И тщетно тамъ пришлецъ унылый
 Искаль-бы гетманской могилы:
 Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святынѣ,
 Разъ въ годъ анаемой донынѣ
 Гроза, гремить о немъ соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно церковь пріютила.
 Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праотцахъ казенныхъ
 Донынѣ внукамъ говорятъ.
 Но дочь-преступница... преданья
 Объ ней молчатъ. Ея страданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непрощаемую тьмою
 Отъ насъ закрыты. Лишь порою
 Слѣпой украинскій пѣвецъ,
 Когда въ селѣ передъ народомъ
 Онъ пѣсни гетмана бречитъ,
 О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
 Казачкамъ юнымъ говорить...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ ПОЭМѢ «ПОЛТАВА».

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей—генеральный судья, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ графовъ.
2. Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.
3. Преданіе приписываетъ Мазенѣ нѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.
4. Бунчукъ и булава—знаки гетман. достоинства.
5. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества.
6. Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.
7. Симеонъ Палѣй, хвостовскій полковникъ, славный наѣдникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазены. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ вкоренѣнный врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ полтавскомъ сраженіи.
8. Гордѣенко, кошевой атаманъ запорожцевъ; передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.
9. 20.000 казаковъ было послано въ Лифляндію.
10. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что пѣлъ управляетъ жена его.
11. Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его ужасель и участь.
12. Езупъ Залевскій, изгнанный изъ своего отечества, былъ глав. агентами Мазениной измѣны. Послѣдній въ видѣ пѣскаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.
13. Такъ назывались манифесты гетмановъ.

14. Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы. Впослѣдствіи принявъ магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

15. Булявинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

16. Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

17. Въ 1705 году.

18. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и имѣть напасть на русское войско.

19. Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей нѣтали слишкомъ легко, неотступно требовали ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, невинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина съ пророкомъ Даніиломъ.

20. Деревня Кочубея.

21. Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

22. Войско, соотоящее на иждивеніи гетмановъ.

23. Малороссійское слово. По-русски — палачъ.

24. Чочель отчаянно защищалъ Батурина противъ войскъ Мейшикова.

25. Въ Древней къ королю Августу.

26. Ахъ, В. В., божба!.. „Что есть общаго между божбою и письмомъ, которое тебѣ дикую? пиши“. Это случилось гораздо позже.

27. Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ по-скакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

КОЛЬНА *).

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кровы памятникъ побѣды, одержанной имъ вѣкогда на семь лѣтъ. Между тѣмъ какъ онъ занимался снмъ трудомъ, Каруль, сесѣдственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; вечаанный случайно открылъ взаимныя ихъ чувства и посчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрой Каломоны,
Вѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
Я зрю: твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
Шумятъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
Твой министъ брегъ любила Кольна.
Когда по небу тѣнь лилась:
Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,

Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
Шумящій прохладенъ осиною.
Тамъ рядъ является могилъ;
Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
Полки враговъ я расточилъ.
И много, много сильныхъ пало;
Ихъ гробы черны вранъ строжетъ.
Гряди — и тамъ, гдѣ ихъ не стало.
Воздвигни памятникъ побѣдъ».
Онъ рекъ, и въ путь безвѣстный, дальній
Пустился съ бардами Тоскаръ;
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ пещерный хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Вѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломкомъ горъ кремнистыхъ
Усилию мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ
И съ шумомъ на высокой брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ.
И круглый щитъ, и шлемъ перватый
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣдай, сынъ шумнаго потока,
О храбрыхъ позднимъ временамъ!
Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
Въ туманѣ ляжетъ на лѣсамъ,
Пришлецъ, дорогой утомленный,
Возлеги подъ надежный кровъ,
Вспомнить вѣки отдаленны
Въ мечтаніи сладкомъ легкихъ сновъ!
Съ разсвѣтомъ алая денница
Лучами солнца пробужденъ.
Онъ узритъ мрачныя гробницы...
И грознымъ видомъ пораженъ,
Вопроситъ сынъ иноплеменный:
Кто памятникъ воздвигъ надменный?
И старецъ, лѣтами согбенъ,
Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Каруль.
Призвалъ морвенскаго героя —
Въ жилищѣ Кольны молодой
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.

*) Переложеніе въ стихи прозаическаго перевода Кострова поэмы Макферсона: „Оссіанъ, сынъ Фингала“.

Вблизи пепелища всё носѣли;
 Веселья барды пѣснь воспѣли;
 И въ пѣнѣ кубокъ золотой
 Кругомъ несется чередой.
 Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
 Главу ко груди преклонилъ:
 Задумчиво онъ страстны взоры
 На нѣжну Кольну устремилъ —
 И тяжко грудь его вздыхаетъ,
 Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
 То огонь по членамъ пробѣгаетъ,
 То нѣгою тохится духъ;
 Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
 Волненье сильное въ крови;
 На юны прелести взирая,
 Онъ полную чашу пьетъ любви.
 Но вотъ ужъ дубъ престаль дымиться,
 И тѣнь мрачнѣе становится,
 Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
 И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.

.

Рѣдѣетъ ночь — заря багряна
 Лучами солнца возжена;
 Предъ ней златится твердь румяна;
 Тоскаръ, покинувъ ложе сна,
 Быстротекущей Каломоны
 Идетъ по влажнымъ берегамъ,
 Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
 И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
 И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
 Какъ въ часъ весенней полунощи
 Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
 Выходитъ ратникъ молодой.
 Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
 Копье десницу вооружаетъ,
 Надвинуть на чело шоломъ
 И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
 Зарю латы серебрятся
 Сквозь утренній въ долину паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
 «Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
 Ужель и въ сей странѣ война
 Вагрить ручьевъ струисты волны?
 Но все спокойно — тишина
 Окрестъ жилища нѣжной Кольны».
 — Спокойны дебри Каломоны,
 Цвѣтеть отцизны край златой;
 Но Кольна тамъ не обитаетъ;
 И нынѣ по стезѣ глухой
 Пустыню съ милымъ протекаетъ,
 Плѣннившимъ сердце красотой!
 «Что рекъ ты мнѣ, молодой вонтель?
 Куда сокрылся похититель?
 Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
 Пріемлетъ щитъ, нылая мщеньемъ, —
 Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
 Что зрѣтъ онъ съ сладкимъ похищеньемъ,
 Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,

Пылая вдругъ восторгомъ новымъ?..
 Лилейна обнажилась грудь,
 Подъ грознымъ дышуща покровомъ...
 «Ты-ль это?» возопилъ герой,
 И трепетно рукой дрожащей
 Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій —
 И Кольну видитъ предъ собой...

1814 г.

Э В Л Е Г А.

[изъ поэмы парни «Isnel et Aslega»].

Вдали ты зришь утѣсь уединенный?
 Пещеры въ немъ изрылась глубина,
 Темнѣетъ входъ, кустами окруженный,
 Вблизи шумить и пѣнится волна.
 Вечоръ, когда туманилась луна,
 Здѣсь милаго Эвлега призывала;
 Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
 Во тѣмъ ночной, печальна и одна:

«Приди, Одульфъ! Ужъ роща поблѣднѣла,
 На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла.
 Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
 О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
 Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
 И поцѣлуй любовью возгоритъ!»

«Бѣги, Осгаръ! твои мнѣ страшны взоры,
 Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
 Оставь меня, не мною торжествуй!
 Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
 Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ.
 И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!»

«Что-жъ медлитъ онъ свершить мои надежды?
 Для милаго я сбросила одежды,
 Зависливый покровъ у ногъ лежитъ.
 Но, чу... идутъ — такъ, это другъ надежный!
 Ужъ начался восторгъ страсти нѣжной,
 И поцѣлуй любовью возгоритъ».

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
 Въ груди любовь и прочъ бѣжитъ печаль...
 Но близъ него во тѣмъ сверкнула сталь,
 И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
 «Кто ты?» спросилъ: «почто ты здѣсь, вѣщай!
 Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!»

— Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
 Въ пустынной тѣмѣ что ищутъ робки очи?
 Страшисъ меня: я страстью воспаленъ:
 Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара. —
 Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
 Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей
 И бросила со страхомъ хладъ пещерный.
 «Приди узрѣть предметъ любви твоей!»
 Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной:
 «Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?

Во тѣмъ ночной вась улаждаетъ нѣга;
По дерзкаго въ Валгаллѣ ты найдешь».

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падеть на дерпъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ!

Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся...

Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ—
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

1814 г.

О С Г А Р Ъ

[ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ].

Показнямъ гробовымъ, въ туманахъ полувочи,
Ступая трепетно усталою ногой.

По Лорѣ путникъ шель; его напрасно очн

Ночлега мирнаго искали въ тѣмъ густой.

Пещеры вѣтъ предъ нимъ на берегъ угрюхомъ;
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбака;

Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шу-
Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря. [момъ,

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мо-

хомъ,

Зритъ барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ:

Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ пото-
комъ,

Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ.

Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.

Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ

На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый

Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой! вѣщалъ пѣвецъ вѣ-
ковъ минувшихъ:

Здѣсь пали храбрые: почти ихъ бранный прахъ,
Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснув-

шихъ!»

Пришлецъ главою поникъ—и, мнилось, на
холмахъ

Возставшій рядъ тѣвей главы окровавленны

Съ улыбкой гордою на странника склопалъ.

—Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщалъ инолемен-

И барду посохомъ на берегъ указалъ. [ный,

Колчанъ и племъ стальной. къ утесу при-
гвожденный,

Бросали тусклый лучъ, луною озлатыя.

— Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ
вдохновенный!

О, рано юношѣ настала послѣдній часъ!

Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ
строѣ

Онъ первая стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,

И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.

Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ

Мальвину:

Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ дупы, скользящій на долину,
И тѣнь, упавшую съ приморскихъ, грозныхъ
скалъ.

Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!...

Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,

И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Одважды, въ темну ночь, зими порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: «ювый другъ, не медли, здѣсь твой
милой!»

Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой

Стучить и слушаетъ: лишь пѣтры съ свистомъ
вѣютъ;

«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла во-
кругъ,

Валится снѣгъ, волосы въ туманѣ леденѣютъ:

«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый
другъ!»

Онъ въ третій разъ стучить. Со скрипомъ

дверь шатнулась;

Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что-
жъ узрѣлъ?

Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:

Онъ зрѣтъ—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!

И ярость дикая во взорахъ закипѣла:

Нѣмѣетъ и дрожатъ любовники молодой;

Онъ грозный мечъ извлекъ—и пѣтъ уже Зви-
гнела,

И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмъ ночной!

Мальвина объяла несчастнаго колѣна,

Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгаръ:

«Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,

Забуду, потушу къ невѣрвой страсти жаръ».

И тихо за порогъ выходить онъ въ молчанѣ.

Окованъ мрачною, безмолвною тоской:

Исчезло сладкое на вѣкъ очарованье!

Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,

Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ:

Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною мор-
скою,

На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.

На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ то-
ропливо:

Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.

Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой

Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.

Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденвъ сынъ.
Фингалъ.

Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ
сраженій:

Осгаръ слышалъ вѣсть и бранью воспыпалъ.

Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ
бѣжала:

Покрытый ранами, здѣсь палъ на груди тѣлѣ:

Онъ палъ: еще рука меча кругомъ искала.

И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

Предъ нимъ славянская дружина;
Онъ узнаеть ея щиты,
Онъ снова простираеть руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мѣрѣ нѣтъ..

Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивою дикой,
Обвиты окна повиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро хранишь опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:
Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ...
И вотъ веселая свѣтлица.
Въ немъ сердце бьется: здѣсь иль нѣтъ
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтеть-ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
Найду-ль ее?.. И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ... Что-же? Страшный видъ—
Въ постели холодной, подъ покровомъ
Дѣвица мертвая лежитъ!..
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ, глядитъ—и слабый стоиъ,
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она! ея черты...
На персяхъ рану обнажаетъ;
Она погибла! восклицаетъ;
Кто могъ?... И слышитъ голосъ: ты!...

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усадительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка:
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ.
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина подъ челномъ
Кипитъ, подбѣмлетъ, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ—и пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское...
И пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ—берега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы,
И разсвѣло...

II.

Вадимъ.

Я ждалъ тебя, Рогдай! Скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть?
Ты видѣлъ Новгородъ; ты слышалъ гласъ на-
рода;
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Съ досадою влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на ичѣхъ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой
Уныи вездѣ: торговли шумъ утихъ, [встрѣчѣ.
Встревожены умы—и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане князятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ...

Вадимъ.

Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ игомъ преклоняли?
Изгнанью моему давно-ль рукоплескали?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь..
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь..
Но я не измѣню..
1822 г.

ИЗЪ АРІОСТОВА ORLANDO FURIOSO.

100.

Предъ рыцаремъ блестеть вода,
Ручей прозрачнѣ стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашель...

102.

Гуляя, онъ на деревьяхъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ снѣхъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаеть.
И въ самоѣ дѣлѣ, въ жарѣ полдневный,
Медоръ съ китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ,
Соединены вензелемъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горестъ усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемъѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣрить:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей роцѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
«Однако-жъ эти мнѣ черты
Знакомы очень... разумѣю—
Медоръ сей выдуманъ лашъ ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славилъ, быть можетъ...»
Такъ, басней правду замѣня,
Онъ мыслить, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утѣшить свое мученье.
Тѣмъ нуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склоняла на ручей.

106.

Кривой, бродячей новиликой
Завѣшавъ брегъ тѣнистыхъ волпъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,
Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камни сохраняли:
Ихъ жѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливыцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ и надъ пещерой темной
Зрять надпись—въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ—
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-арабски написалъ—
И вотъ ихъ точное значенье:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохладны тѣни—
Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дочерью Голофрона,
Любимой многими—порой
Я зналъ утѣхи Купидона!...

Сочинения А. С. Пушкина.

Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу—
Хвалой и просьбою смиренной:

109.

«Господъ любовниковъ молю,
И дамъ, и рыцарей вельможныхъ,
Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,—
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада».

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ,
Зналъ по-арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза, и нять, и шесть
Онъ хочетъ надпись перечестъ;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть.
Онъ правду видитъ [очень] ясно,
И нестерпимая тоска,
Какъ-бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно—
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрите мнѣ, что муки пѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

1825 г.

ДѢВСТВЕННИЦА.

(начало I-й пѣсни.)

Я не рожденъ святыню славословить,
Мой слабый гласъ не взлетитъ до небесъ;
Но долженъ васъ я вынѣ приготовить
Къ услышанью Іоаннннхъ чудесъ.
Она спасла французскія лилеи,
Въ бояхъ ея дѣвической рукою
Поражены заморскіе злодѣи;
Могучею блистая красотой,
Она была подъ юбкою герой.
Я признаюсь, вечернею порой
Милѣ мнѣ смиренная дѣвица,
Послушная, какъ агнецъ полевой;
Іоанна-же была душою львица:
Среди трудовъ и бравныхъ непогодъ

Являлася всѣхъ вѣязей славитѣ
И—что всего чудеснѣе, труднѣе—
Цвѣтъ дѣйственный хранила круглый годъ.

О ты, пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
Сѣдой пѣвецъ, чьи хриплые напѣвы.
Нестройный умъ и чудотворный вкусъ
Въ былые дни бѣсили пѣжныхъ мужъ,
Хотѣлъ-бы ты, о стихотворецъ хилый,
Почтить меня скрипичею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь изъ модныхъ рюмачей.

1825 г.

ПѢСНИ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

I.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
Выплынула востроносая лодка;
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки ребята молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ;
Передъ нимъ красная дѣвица,
Полоненная Персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну.
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвить грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глухихъ лѣтъ меня ты воспева.
Въ долгу ночь баюкала, качала,
Въ волповую погоду выносила,
За меня-ли, молодца, не дремала,
Казаковъ моихъ добромъ надѣлила—
Что ничѣмъ еще тебя мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,
Въ волны бросилъ красную дѣвицу—
Волгѣ-матушкѣ ея поклонился.

II.

Ходилъ Стенька Ра-	Другая соболия.
зинъ	Ему Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ	Не отдастъ шубы.
Торговать товаромъ.	Отдай, Стенька Разинъ,
Сталь воевода	Отдай съ плеча шубу.
Требовать подарковъ.	Отдашь—такъ спасибо;
Поднесъ Стенька Ра-	Не отдашь—повѣшу,
зинъ	Что во чистомъ полѣ,
Камки хрущатая,	На зеленомъ дубѣ,
Камки хрущатая—	Да въ собачьей шубѣ.
Парчи золотая.	Сталь Стенька Разинъ
Сталь воевода	Думати думу:
Требовать шубы.	Добро, воевода,
Шуба дорогая,	Возьми себѣ шубу,
Полы-то новы,	Возьми себѣ шубу,
Одна боброва,	Да не было-бъ шуму.

III.

Что не конскій топъ, не людская мольва.
Не труба трубача съ поля слышится,
А погодушка свищетъ, гудитъ.

Свищетъ, гудитъ, заливаается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему;
Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой.
Ты разбойникъ лихой, ты разгульный буйанъ,
Ты садишься на лодки свои скорыя,
Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю синему.
Приготовь тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ—красно золото,
На второмъ—чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ—душа-дѣвица.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

[По записямъ Пушкина въ 1825 г.]

1.

Какъ за церковью, за вѣмечкою.
Добрый молодецъ Богу молится:
«Какъ не дай, Боже, хорошу жену:
Хорошу жену—въ честной пирь зовуть,
Меня молодца не примолвили;
Мою жену—въ новы саночки»,
Меня молодца на запяточки;
Мою жену—на широкій дворъ,
Меня молодца за вороточки».

2.

Во лѣсахъ дремучихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Вражи-то, она въ лѣсу заблудилась;
Заблудивши, она принакнулася:
«Ты ау, ау, мой любезный другъ,
Мой любезный другъ, жизнь-душа моя!»
—Ужъ я радъ-бы тебѣ откликнулся,—
За мной ходятъ трое сторожей:
Первый сторожъ—родимый батюшка.
Второй сторожъ—моя матушка,
А третій сторожъ—молода жена!—

3.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ.
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люли!—
А люди-то, люди
На цыганочку глядятъ:
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается-поетъ:
«Я—пѣвунья, я—пѣвица,
Ворожить я мастерница».

4.

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку,—
Какъ жениться задумалъ царскій арапъ.
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ.
На боярышень арапъ поглядываетъ.
Что выбралъ арапъ себѣ сударушку.

Черный воронъ—бѣлую лебедушку,
А какъ онъ, арапъ, чернешенекъ,
А она-то, душа, бѣлешенька...

5.

Изъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ.

Во городѣ то было во Астрахани,
Проявился дѣтвѣ, незнамой человекъ:
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ, [надѣтъ,
Черный бархатный кафтанъ на размахечку
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ,
Свой персидскій кушачекъ во правой рукѣ

песетъ.

Онъ боярамъ государевымъ не кланяется,
Къ астраханскому воеводѣ подѣ судъ нейдетъ.
Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца,
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ

своимъ:

— «Ой, есть-ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Какъ поймали молодца во царевѣ кабацкѣ,
Приводили удалого къ воеводѣ на дворъ:
А какъ сталъ воевода его спрашивать:

— «Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой че-
ловекъ!

Чьего рода, чьего племени, чей отеческій сынъ?
Иль изъ нашего городу изъ Астрахани,
Или со Дону казакъ, иль казацкій сынъ?»

— «Я не съ вашего городу, не съ Астрахани,
Я не съ Дону казакъ, не казацкій сынъ.
Я со Камы со рѣки, Сеньки Разина сынокъ.
Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать:
Ты умѣй его принять, умѣй потчевать».

Разсердился воевода на удалого молодца,
Закричалъ тутъ воевода громкимъ голосомъ

своимъ:

— «Что есть-ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы возьмите, отведите удалого молодца,
Посадите удалого въ бѣлокаменну тюрьму».

* *
*

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по
рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
Во лодочкѣ гребцовъ ровно двѣсти молодцовъ,
Посреди лодки хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ.
Закричалъ тутъ атаманъ громкимъ голосомъ

своимъ:

«А мы исчерпнемте воды изъ Камы со рѣки».
Мы исчерпнули воды изъ Камы со рѣки,
Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
«Знать-то знать, что мой сыночекъ во нево-
люшкѣ сидитъ,

Во неволюшкѣ сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ».

— «Не печалься, нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ
атаманъ:
Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подѣ судъ возьмемъ».

6.

Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго царя у Владиміра
Жила-была молода вдова;
У вдовушки было девять сыновъ—
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали (лелѣяли).
Девять сыновъ подѣ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Марьянина.
Они прижили малаго дѣтища;
Она годъ живетъ и другой живетъ,
На третій годъ стосковалася.
Стала она Марьянина въ гости звать:
«Пойдемъ, Марьянинъ-свѣтъ,
Ты къ тещѣ, а я къ матери,
Ты къ шурьямъ, а я къ милымъ братьямъ».
Они день идутъ и другой идутъ—
На третій день становились,
Нарубили огонечекъ малешенекъ,
Пустили дымочекъ тонешенекъ;
Напали вору-разбойники.
Они Марьянина зарѣзали,
Марьянинка въ воду бросили,
Марьянинку во полонъ взяли...
Какъ всѣ-то разбойнички стали нить и ѣсть,
Одинъ-то разбойничекъ не пьетъ, не ѣстъ—
Не пьетъ, не ѣстъ, Богу молится.
Всѣ разбойнички спать легли,
Одинъ-то разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, Богу молится.
И сталъ онъ у Марьянинки разспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Марьянинка,
Съ какого ты села-города
И котораго отца-матери?»
Стала ему Марьянинка рассказывать:
«У славнаго царя у Владиміра
Жила-была молода вдова,
У вдовушки было девять сыновъ—
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали.
Девять сыновъ подѣ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Марьянина».
— «Вставайте, братцы родимые!
Не Марьянина мы зарѣзали,
Не Марьянинка въ воду бросили,
Не Марьянинку во полонъ взяли:
Мы зарѣзали зятя любезнаго,
Въ воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полонъ!»
Вставали братцы родимые—
Просили у сестры прощеньица:
«Отчего ты намъ не сказалася,
Что ты намъ родна сестра?»
Пошли... къ родной матушкѣ,
Становились на колѣнки всѣ
И просили у ней прощеньица:

«Прости пастъ, родная матушка,
Не знаяши, зарѣзали зятя любезнаго,
Въ воду бросили племянника.
Родну сестру взяли во полонъ!»

Д О М О В О Й.

(Черновой набросокъ).

Кормомъ, стойлами, падзоромъ —
Всѣмъ красны боярскія конюшни,
Сбруя блестящая на столбахъ дубовыхъ,
Стойлы красны борзыми конями,
Кони сыты, доспаются...
Лишь однимъ конюшня непригожи:
Домовой повадился въ конюшни;
Но почамъ онъ ходитъ по конюшнѣ,
Чиститъ, холитъ онъ коней боярскихъ,
Заплетаютъ гривы имъ въ косички,
Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не влюбить онъ копы вороного:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню
И зайду въ стойло къ вороному, —
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
А поутру отпирешь конюшню, —
Конь не тихъ, весь въ мылѣ, грудью пышетъ,
Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
Во всю ночь домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ, по рѣкамъ, по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта,
До заката мѣсяца...
— Ахъ ты, старый конюхъ неразумный!
Загадать-ли тебѣ, старый, загадку?
Разгадаешь-ли, старый, загадку?
Полюбилъ красну дѣвку молодой конюхъ,
Молодой конюхъ, разгульный паренъ;
Онъ конюшню ночью отпираетъ,
Потихоньку вороного сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ красной дѣвкѣ въ гости скачетъ.

1827 г.

О П Р И Ч Н И К Ъ.

[Отрывокъ].

Какая ночь! Морозъ трескучій,
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ, и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ песь дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спать,
Забывъ волненія боязни.

А площадь въ сумракѣ почномъ
Стоять полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груди пепла лѣбуютъ.
На коляхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые черѣбуютъ...

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Опричникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!..» Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладнѣ дубовой
Качался трупъ. Бздокъ суровый
Подъ нимъ промчатся былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не-мы ли здѣсь вчера скакали,
Не-мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ-ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь уже ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...

1828 г.

Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окунался;
Страшной полночной правилъ онъ.
Уже Пруссакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся—и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Боговъ пристанища святія.
Сіяволь германца на другомъ—

Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи.
Казалось, слыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ заковавший, верхомъ,
На стражѣ вѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ;
Токъ Нѣмана гостеприимный.
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношевіи дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишевъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣвевый,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся, дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравы и горъ
По старинѣ вражды не спали
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

1828 г.

Г А Л У Б Ъ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба-старика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный:
Звучитъ уныло пѣснь мулы;
Въ арбу впряженные волю
Стоять предъ саклею печальной.
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемятъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И внемля шумъ не боевой.
Мянутся спутанные коня.
Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;

Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій
И шашки крестовую сталь, —
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азрапла
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирная молча пыль коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистый,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе воли.
Въ долину той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой —
Тамъ пыилъ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землю взять. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой и отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабого младенца,
Чтобъ воспитаемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоровишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другого я привелъ тебѣ —
Вотъ онъ. Ты голову приклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь —
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоить.
И въ горѣ имъ Галубъ любяся,
Влеченъ сердца повинная,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунাকাми
Его онъ хочетъ угощать

И послѣ съ честью провожать,
 Съ благословеньемъ и дарами.
 Ему, отецъ печальный минитъ.
 Обязанъ благомъ я безцѣннымъ.
 Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
 Могучимъ мстителемъ обидѣ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
 Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
 Все дикость прежнюю хранитъ.
 Среди родимаго аула
 Онъ какъ чужой: онъ цѣлый день
 Въ горахъ одинъ, молчитъ и бродитъ.
 Такъ въ саклѣ пойманный олень
 Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
 Онъ любить по крутымъ скаламъ
 Скользить, ползти тропой кремнистой.
 Внимая бурѣ голосистой
 И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
 Онъ иногда до поздней ночи
 Сидитъ, печаленъ падъ горой,
 Недвижно въ даль уставя очи,
 Опершись на руку главою.
 Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дольнаго куда
 Младые сны его уводятъ?...
 Какъ знать? Незрима глубь сердець!
 Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ.
 Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
 «Гдѣ-жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
 Отважность, хитрость и проворство,
 Лукавый умъ и сила рукъ?
 Въ немъ только лѣнь и непокорство.
 Пль сына взоръ мой не проникъ,
 Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
 Коня, любимца своего.
 Два дня въ аулѣ нѣтъ его;
 На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ: Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ: Въ ущелья скалъ,
 Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
 И вуть открытъ на Даріалъ.

Отецъ: Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ: Я слушалъ Терекъ.

Отецъ: А не видалъ-ли ты грузинъ,
 Иль русскихъ?

Сынъ: Видѣлъ я, съ товаромъ
 Тифлискій ѣхалъ армянинъ.

Отецъ: Онъ былъ со стражей?

Сынъ: Нѣтъ, одинъ.

Отецъ: Зачѣмъ печальнымъ ударомъ
 Не вздумалъ ты свалить его
 И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
 Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
 Потомъ является домой.

Отецъ: Гдѣ былъ?

Сынъ: За бѣлою горой.

Отецъ: Кого ты встрѣтилъ?

Сынъ: На курганѣ
 Отъ насъ бѣжавшаго раба.

Отецъ: О, милосердая судьба!
 Гдѣ-жъ онъ? Ужели на арканѣ
 Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
 Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
 Но скрылъ свое негодованье.
 «Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнитъ
 Онъ никогда другого брата!
 Не научился мой Тазитъ,
 Какъ шашкой добываютъ злата;
 Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
 Не падѣлять его разбѣзды,—
 Онъ только знаетъ безъ трудовъ
 Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
 А не въ набѣгахъ-отбивать
 Коней съ нагайскими быками,
 И съ боя взятыми рабами
 Суда въ Апацѣ нагружать».

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ:
 На третій, блѣденъ, какъ мертвецъ,
 Приходитъ онъ домой. Отецъ.
 Его увидя, вопрошаетъ:
 Гдѣ былъ ты?

Сынъ: Около станицъ
 Кубани, близъ лѣсныхъ границъ...

Отецъ: Кого ты видѣлъ?

Сынъ: Супостата.

Отецъ: Кого, кого?

Сынъ: Убійцу брата.

Отецъ: Убійцу сына моего?..

Тазитъ! гдѣ голова его?
 Подай! мнѣ черепъ этотъ нуженъ...
 Дай, наглажусь!

Сынъ: Убійца былъ
 Одинъ, израненъ, безоруженъ...
 Отецъ: Ты долга крови не забылъ?

Врага ты навзничъ опрокинулъ—
 Не правда-ли? Ты шашку вынулъ,
 Ты въ горло сталь ему воткнулъ
 И трижды тихо повернулъ?
 Ушился ты его стенованьемъ,
 Его змѣннымъ издыханьемъ?..
 Гдѣ-жъ голова? Подай!.. Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупи очи.
 И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
 И сыну грозно возопилъ:
 «Поди ты прочь, ты мнѣ—не сынъ,
 Ты—не чеченецъ, ты—старуха,
 Ты—трусъ, ты—рабъ, ты—армянинъ!»

Будь проклять мной!—Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуи безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веренкою ноймали
И какъ волченка затерзали—
Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказать и на земь легъ—и очи
Закрывъ и такъ лежалъ до ночи.
Когда-же приподнялся онъ,
Быль темень синій небосклонъ..

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шалку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ—и гулъ лѣсной
Далеке вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей—одинъ
Забавъ набѣдничьихъ не дѣлать,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлать.
Но между дѣвами—одна
Молчать, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четоу странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его..
О, было время! Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ нилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятенъ, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И, отвѣчая, не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кушинъ
Волною звонкой наполняла..
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходилъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говорить: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,

Одинъ и сирѣ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ—но могучъ и мелодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный,
А ей—приверженный супругъ...»
1829 г.

МЕДОКЪ.

(МЕДОКЪ ВЪ УЛЛАХЪ).

Попутный вѣетъ вѣтръ. Идетъ корабль,—
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила всѣ,—идетъ, и предъ кормой
Морская пѣна раздается.—Многимъ
Наполнилася грудь у всѣхъ иловцовъ.
Теперь, когда свершенъ опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,
И въ тишинѣ рисуется ему
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ,—пока недвижны очи
Не заболятъ. Товарищу другой
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной,
И Господа благодаритъ, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и Дѣвѣ Пресвятой,
И милостынъ, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ онъ все благополучно.
Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ,
Самъ Медокъ погруженъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствьяхъ и мечтахъ.
Прекрасный вечеръ, и попутный вѣтръ
Межъ вервей бьетъ; корабль надежный быстро
Бѣжитъ, шума, межъ волнъ. Садится солнце...
1830 г.

ПОДРАЖАНІЕ ДАНТУ.

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
Неравная и рѣзвая семья.

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало
И очи свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало:

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Двѣчася ея совѣтовъ и укоровъ.
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ.
И праздно мыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все—мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой
Былъ гнѣвнъ, половъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой пеземвой.

Другой, женообразный, сладострастный,
Сопителъ и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

1830 г.

II.

И далъ мы пошли -- и страхъ объялъ меня:
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня;

Горячій каналъ жиръ въ копчемое корыто,
И лопалъ на огнѣ печевый ростовщикъ.
А я: «повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?»

Виргилій мнѣ: «мой сынъ, сей казни смыслъ
великъ—

Одно стяжавіе имѣвъ вездѣ въ предметъ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой стар-
ривъ

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ».
Тутъ грѣшникъ жаревый протяжно возопилъ:
«О. если-бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

«О, если-бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно ловвулъ онъ—я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я [о, диво] запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней
сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вожь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
И, камень приподвѣвъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ под-
валѣ...

III.

Тогда я демововъ увидѣлъ червйй рой.
Подобный издали ватагъ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
И разлегалася надъ темною равниной...

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугувъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями:
Ядро запрыгало—и гладкая гора.

Звоня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей ветерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
И обважили ихъ. и ввизъ пихнули съ крикомъ—
И обѣ, сидючи, пустились ввизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ ди-
комъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ—
А бѣсы прыгали въ веселія великомъ.

Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ...
1832 г.

Ю Д И Т Ъ.

[отрывокъ.]

Когда владыка ассирійскій
Народы казню казилъ,
И Олофервъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ—
Высокъ смревьемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи несклонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудевъ
Провикнулъ трепеть... Іерен
Одѣли вретичемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, обѣятый страхомъ,
И внялъ ему всевышній царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зрять: ихъ узкія врата

Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозитъ высота,
И надъ тѣснявой торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоять, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился; гнѣвъ жестокий
Его объялъ. Сзываетъ онъ
Совѣтъ ..

1832 г.

А Л Ы Ф О Н С Ь.

[начало поэмы.]

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя.
«Сивьюръ, послушайте меня:
Пускаться въ путь теперь не время—
Въ горахъ опасно, почъ близка,
Другая нента далека;
Останьтесь здѣсь, готовъ вамъ ужинъ,
Въ каминѣ разложенъ огонь,
Постеля есть; покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу тянется вашъ конь.»
—Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ, и ночью—былъ-бы путь,
Тотъ отвѣчаетъ: неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я—дворянинъ: ни чортъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда сѣдшу на службу я.—
И Донъ Альфонсъ коню далъ шпоры
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ:
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину:
Какую-жъ видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичъ и голь,
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ Гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями вебо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ,
Гуляли, мстя своимъ врагамъ...

1832 г.

* * *

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ,
И того-то берутъ, разудаленькаго, въ службу
По указу его берутъ государеву. [царскую,

Онъ со вечера-то сталъ, разудалый, коня сѣд-
Ко полуночи сталъ со двора съѣзжать. [латъ.
Отенъ-то и мать его, разудаленькаго. прово-
жать пошли,
Провожали его, разудаленькаго, весь родъ-
племя.
Позади-то его идетъ горюшенька молода жена:
Молоду жену, бѣлую лебедушку, уговариваетъ:
«Воротись ты, жена, воротись, душа-лебедь
бѣлая,
Впереди-то у насъ все огни горятъ, огни не-
угасимые» . .
— «Разудалый добрый молодецъ, меня не обма-
пывай:

Горятъ у тебя, у молодца, ретиво сердце».

1833 г.

* * *

Другъ мой милый, красно солнышко мое.
Соколь ясный, сизокрылый мой орель,
Ужъ недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно семь дней, какъ спозналась съ горемъ я,
Мнѣ не взмиллился подруженьки моя,
Игры, пляски, хоробы и [пиры]
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталась по темнымъ лѣсамъ.
Въ темномъ лѣсѣ канареечки поютъ,
Мнѣ, дѣвченокъ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой, канареечка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

1833 г.

С К А З К И.

С К А З К А

О ЦАРЬ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУ-
ЧЕМЪ БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ, И О
ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была цѣрвица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь-бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,
То на весь-бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я-бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихопько закрипѣла,

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ: будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы-жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Побѣжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая—повариха.»

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ-же вечеръ обвинчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ,
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выволняя,
Съ той-же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простая,
На добра-коня сядяся,
Ей паказываль—себя
Побережь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинѣ:
Сына Бога имъ далъ въ аршинѣ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другого
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышепка, не лягушку,
А неведому звѣрюшку».

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,

Въ гнѣбъ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья,
Для законнаго рѣшенья».

Бѣдетъ съ грамотой гонецъ.
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой.
Обождать его велятъ;
До-няна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ говецъ хмѣльной
Въ тотъ-же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не трата даромъ,
И царицу, и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ».
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю—
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатали
И пустили въ окіянъ—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ;
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовница,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить...
А дитя волну торопить:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли—
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ ва сѣшу!»
И послушалась волна:
Тутъ-же на берегъ она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена,
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?

Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся.
Поватужился неможко:
«Какъ-бы здѣсь ва дворъ окошко
Намъ продѣлать?» молилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
Видать холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый уживъ
Былъ-бы намъ однако нуженъ.
Ломить онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ.
Со креста свурокъ шелковый
Натянулъ на лукъ дубовый,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой заострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стошъ...
Видно на морѣ не тихо;
Смотрить—видать дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та, бѣдняжка, такъ и плещетъ,
Воду вокругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клювъ кровавый наострилъ...
Но какъ-разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотрять: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить—
И царевичу потомъ
Молвить русскимъ языкомъ:
«Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Бѣть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе—все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,—
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,—
Чародѣя подстрѣлилъ.
Вѣкъъ тебя я не забуду,
Ты найдешь меня повсюду.
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились на тощакъ.—
Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Влещутъ маковки церковей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будить;
Та какъ ахнетъ!... «То-ли будетъ?
Говорить онъ: вижу я—
Лебедь тѣшится моя.»
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду.
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пишный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣщаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой;
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ-же день сталъ княжить онъ
И нарека: князь Гвидонъ.
Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волвахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликъ толпятся,—
На знакомомъ острову
Чудо видятъ на яву:
Городъ новый, златоглавый,
Пристань съ крѣпкою заставой.
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велать.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Ихъ онъ кормить и поить,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ ны, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Князь имъ вымолвилъ тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,

По морю, по окіану,
 Къ славному царю Салтану;
 Отъ меня ему поклонъ». —
 Гости въ путь, а князь Гвидонъ
 Съ берега душой печальной
 Провожасть бѣгъ ихъ дальній.
 Глядь — поверхъ текущихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ты тихъ, какъ день ненастный?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь печально отвѣчаетъ:
 «Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
 Одолѣла молодца:
 Видѣть я-бъ хотѣлъ отца». —
 Лебедь князю: «вотъ въ чемъ горе!
 Ну, послушай: хочешь въ море
 Полетѣть за кораблемъ?
 Будь-же, князь, ты комаромъ».
 И крылами замакала,
 Воду съ шумомъ расилескала,
 И обрызгала его
 Съ головы до ногъ всего.
 Тутъ онъ въ точку уменьшился,
 Комаромъ оборотился:
 Полетѣлъ и заницалъ,
 Судно ва морѣ догналъ.
 Потихоньку опустился
 На корабль — и въ щель забился.
 Вѣтеръ весело шумитъ;
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна,
 Къ царству славнаго Салтана,
 И желанная страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ ва берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видить: весь сіяя въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ,
 Съ грустной душой на лицѣ;
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ
 И въ глаза ему глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 «Ой вы, гости-господа,
 Долго-ль ѣздили? куда?
 Ладно-ль за моремъ, вль худо?
 И какое въ свѣтѣ чудо?»
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 «Мы объѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье не худо,
 Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
 Въ морѣ островъ былъ крутой,
 Непригодный, вежилой;

Онъ лежалъ пустой равниной;
 Росъ на немъ дубокъ единый;
 А теперь стоитъ на немъ
 Новый городъ со дворцомъ,
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами и съ садами.
 А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ».
 Царь Салтанъ дивится чуду;
 Молвилъ онъ: «коль живъ я буду,
 Чудный островъ навѣщу,
 У Гвидона погощу».
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотятъ его пустить
 Чудный островъ навѣстить.
 «Ужъ диковинка, ну, право»,
 Подмигнувъ другимъ лукаво,
 Повариха говоритъ:
 «Городъ у моря стоитъ!
 Знайте, вотъ что не бездѣлка: —
 Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
 Бѣлка пѣсенки поетъ
 И орѣшки все грызетъ.
 А орѣшки ве простые, —
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра — чистый изумрудъ.
 Вотъ что чудомъ-то зовутъ».
 Чуду царь Салтанъ дивится;
 А комаръ-то, злится, злится —
 И впилъ комаръ какъ-разъ
 Теткѣ прямо въ правый глазъ.
 Повариха поблѣднѣла,
 Обмерла и окривѣла.
 Слуги, снатья и сестра
 Съ крикомъ ловятъ комара.
 «Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
 Съ синя моря глазъ не сводитъ;
 Глядь — поверхъ текущихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 «Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
 Чудо чудное завестъ
 Мнѣ-бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
 Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
 Диво, право, не бездѣлка:
 Бѣлка пѣсеньки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые, —
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра — чистый изумрудъ;

Но, быть можетъ, люди врутъ».
 Князю лебедь отвѣчаетъ:
 «Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
 Это чудо зваю я;
 Полно, князь, душа моя,
 Не печалься; рада службу
 Оказать тебѣ я въ дружбу».
 Съ ободренною душой
 Князь пошелъ себѣ домой;
 Лишь ступилъ на дворъ широкій —
 Что-жь? Подъ елкою высокой,
 Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
 Золотой грызетъ орѣхъ,
 Изумрудецъ вынимаетъ,
 А скорлупку собираетъ,
 Кучки ровныя кладетъ
 И съ присвисточкой поетъ
 При честномъ при всемъ народѣ:
 «Во са-ду-ли въ о-го-родѣ».
 Изумился князь Гвидонъ.
 «Ну, спасибо, молвилъ онъ:
 Ай-да лебедь—дай ей, Боже,
 Что и мнѣ, веселье то-же».—
 Князь для бѣлочки потомъ
 Выстроилъ хрустальный домъ,
 Караулъ къ нему приставилъ
 И притомъ дьяка заставилъ
 Строгий счетъ орѣхамъ вести:
 Князю—прибыль, бѣлкѣ—честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
 На подвѣтыхъ парусахъ
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого:
 Пушки съ пристани палятъ,
 Кораблю пристать велятъ.
 Пристаютъ къ заставѣ гости;
 Царь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
 Ихъ и кормить и поить,
 И отвѣтъ держать велятъ:
 «Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
 И куда теперь плывете?»
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 «Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали мы копяи,
 Все довскими жеребцами,
 А теперь намъ вышелъ срокъ—
 И лежитъ намъ путь далекъ:
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана».
 Говоритъ имъ князь тогда:
 «Добрый путь вамъ, господа,
 По морю, по окяпу,
 Къ славному царю Салтану;
 Да скажите: князь Гвидонъ
 Шлетъ царю-де свой поклонъ».

Гости князю поклонились,

Вышли вонъ и въ путь пустились.
 Къ морю князь—а лебедь тамъ
 Ужъ гуляетъ по волнамъ.
 Молвнѣ князь: «душа-де проситъ,
 Такъ и тянетъ я уносить»...
 Вотъ опять она его
 Вмигъ обрызгала всего:
 Въ муху князь оборотился,
 Полетѣлъ и опустился
 Между моря и небесъ
 На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ;
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана—
 И желанная страва
 Вотъ ужъ издали видна;
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видитъ: весь сія въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ,
 Съ грустной душой на лицѣ;
 А ткачиха съ Бабарихой,
 Да съ кривою поварихой,
 Около царя сидятъ,
 Злыми жабами глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 «Ой вы, гости-господа,
 Долго-ль ѣздили? куда?
 Ладно-ль за моремъ, нль худо
 И какое въ свѣтѣ чудо?»
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 «Мы объѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье не худо;
 Въ свѣтѣ-жь вотъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами да садами;
 Ель растетъ передъ дворцомъ.
 А подъ ней хрустальный домъ;
 Бѣлка тамъ живетъ ручная,
 Да затѣйница какая!
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые,—
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ;
 Слуги бѣлку стерегутъ,
 Служать ей прислугой разной—
 И приставленъ дьякъ приказный
 Строгий счетъ орѣхамъ вести;
 Отдаетъ ей войско честь;
 Изъ скорлупокъ льютъ монету
 Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;

Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подспудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,—
Изобѣ нѣтъ, вездѣ палаты:
А сидѣть въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду:
«Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона догощу».
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой.
Не хотѣтъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись исподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груди
Загребаетъ изумруды:
Этимъ насъ не удивишь.
Правду-ль, вѣтъ-ли говоришь,
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлыветъ на берегъ пустой.
Разольется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ.
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво.
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчать,
Спорить съ нею не хотѣтъ.
Диву царь Салтанъ дивится.
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ-разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ.
И ткачиха поблѣднѣла—
«Ай!» и тутъ-же окривѣла:
Всѣ кричать: «лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужъ! постой немножко,
Погоди...» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у сивя моря ходитъ,
Съ сивя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:

«Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Диво-бъ дивное хотѣлъ
Перенести я въ мой удѣлъ».
«А какое-жъ это диво?»
— «Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянь, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ.
Съ ними дядька Черноморъ».
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти вятязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья все родные.
Не печалься же, ступай.
Въ гости братцевъ поджидай».

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Идутъ вятязи четами,
И блистая сѣдинами,
Дядька впередъ идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ:
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣвъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море:
Тяжесъ воздухъ намъ земли».
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палать,

Кораблю пристать велѣтъ.
 Пристаютъ къ заставѣ гости;
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
 Ихъ и кормитъ и поитъ,
 И отвѣтъ держать велитъ:
 «Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
 И куда теперь плывете?»
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 «Мы объѣхали весь свѣтъ:
 Торговали мы булатомъ,
 Чистымъ серебромъ и златомъ,
 И теперь намъ вышелъ срокъ:
 А лежить намъ путь далекъ,—
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана».
 Говоритъ имъ князь тогда:
 «Добрый путь вамъ, господа,
 По морю, но окіяну,
 Къ славному царю Салтану:
 Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
 Шлетъ-де свой царю поклонъ».

Гости князю поклонились,
 Вышли вонъ и въ путь пустились.
 Къ морю князь,—а лебедь тамъ
 Ужъ гуляетъ по волнамъ.
 Князь опять: душа-де проситъ,
 Такъ и тянетъ и уноситъ—
 И опять она его
 Вмигъ обрызгала всего.
 Тутъ онъ очень уменьшился,—
 Шмелемъ князь оборотился,—
 Полетѣлъ и зажужжалъ,
 Судно на морѣ догналъ,
 Потихоньку опустился
 На корму—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ;
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна
 Въ царство славнаго Салтана,
 И желанная страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ ва берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,—
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видитъ: весь сияе златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ,
 Съ грустной душой ва лицѣ;
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ,
 Четырьма всѣ трѣ глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 «Ой вы, гости-господа,
 Долго-ль ѣздили? куда?
 Ладно-ль за моремъ, нль худо?»

И какое въ свѣтѣ чудо?»
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 «Мы объѣхали весь свѣтъ—
 За моремъ житѣе не худо:
 Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
 Островъ ва морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ,
 Каждый день идетъ тамъ диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
 И останутся на брегѣ
 Тривдцать три богатыря,
 Въ чешуѣ златой горя;
 Всѣ—красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ;
 Старый дядька Черноморъ
 Съ ними изъ моря выходитъ
 И попарно ихъ выводитъ,
 Чтобы островъ тотъ хранить
 И дозоромъ обходить:
 И той стражи нѣтъ надежной,
 Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
 А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ».
 Царь Салтанъ дивится чуду:
 «Коли живъ я только буду,
 Чудный островъ навѣщу
 И у князя погощу».
 Повариха и ткачиха
 Ни-гу-гу—но Вабариха,
 Усмѣхнувшись, говоритъ:
 «Кто насъ этимъ удивитъ?
 Люди изъ моря выходятъ
 И себѣ дозоромъ бродятъ!
 Правду-ль бають или лгутъ,
 Дива я не вижу тутъ.
 Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
 Вотъ идетъ молва правдива:
 За моремъ царевна есть,
 Что не можно глазъ отвѣсть—
 Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ,
 Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выплываетъ, будто пава;
 А какъ рѣчь-то говоритъ,
 словно рѣченька журчитъ.
 Молвить можно справедливо,
 Это диво, такъ ужъ диво».
 Гости умные молчатъ:
 Спорить съ бабой не хотятъ.
 Чуду царь Салтанъ дивится,
 А царевичъ хотъ и злится,
 Но жалѣетъ онъ очей
 Старой бабушки своей.
 Онъ надъ ней жужжитъ, кружится—

Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь,—
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужъ! пожди неинужно,
Погоди!..» А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лобедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу». —
«А кого же на примѣтъ
Ты имѣешь?» — «Да на свѣтъ.
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести;
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ.
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, точно пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчить.
Только, полно, правда-ль это?»
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена—не рукавица:
Съ бѣлой ручки не страхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услугу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться-бъ потомъ».
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ:
Что готовъ душою страстной
За царвеною прекрасной
Онъ пѣшкомъ ядти отсель
Хоть за тридцать земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я».

Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И цареною обернулася:
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ,
А сама-то величана,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчить.
Князь царену обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви».
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконою чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградитъ».
Князь недолго собрался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Онъ ихъ кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ:
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во-своеси, на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Князь имъ вымолвилъ тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіану,
Къ славному царю Салтану:
Да напомните ему,

Государю своему:
 Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
 А доселѣ не собрался.
 Шлю ему я свой поклонъ».
 Гости въ путь, а князь Гвидонъ
 Дома на сей разъ остался
 И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна
 Къ царству славнаго Салтана,
 И знакомая страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
 Гости видятъ: во дворцѣ,
 Царь сидитъ нъ своемъ вѣнцѣ,
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя снятъ,
 Четырмя всѣ три глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 «Ой вы гости-господа,
 Долго-ль ѣздили? Куда?
 Ладно-ль за моремъ иль худо,
 И какое въ свѣтѣ чудо?»
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 «Мы обѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье не худо,
 Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ,
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами и садами;
 Ель растетъ передъ дворцомъ,
 А подъ ней хрустальный домъ;
 Бѣлка въ немъ живетъ ручная
 Да чудесница какая!
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ;
 А орѣшки не простые,—
 Скорлупы-то золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ;
 Бѣлку холятъ, берегутъ.
 Тамъ еще другое диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ,
 И очутятся на брегѣ,
 Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
 Тридцать три богатыря,
 Всѣ—красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 И той стражи итъ надежныхъ,
 Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.

Сочиненія А. С. Пушкина.

А у князя жѣнка есть,
 Что не можно глазъ отвѣсть:
 Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ;
 Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
 Всякъ его усердно славитъ;
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
 Да тебѣ пеняетъ онъ:
 Къ намъ-де въ гости обѣщался,
 А доселѣ не собрался».

Тутъ ужъ онъ не утерпѣлъ,
 Сварядить онъ флотъ велѣлъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотятъ царя пустить
 Чудный островъ навѣстить.
 Но Салтанъ нмъ не внимаетъ
 И какъ разъ ихъ унимаетъ:
 «Что я? царь или дитя?»
 Говоритъ онъ не шути.
 «Нынче-жъ ѣду!»—Тутъ онъ топнулъ,
 Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
 Молча на море глядитъ:
 Не шумитъ оно, не хлещетъ,
 Лишь едва-едва трепещетъ,
 И въ лазоревой дали
 Показались корабли;
 По равнинамъ окіяна
 Ёдетъ флотъ царя Салтана.
 Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
 Громогласно возопилъ:
 «Матушка моя родная!
 Ты, княгиня молодая!
 Посмотрите вы туда:
 Ёдетъ батюшка сюда»
 Флотъ ужъ къ острову подходитъ,
 Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
 Царь на палубѣ стоитъ,
 И въ трубу на нихъ глядитъ;
 Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;
 Удивляются онѣ
 Незнакомой сторонѣ.
 Разомъ пушки запалили,
 Въ колокольныхъ зазвонили;
 Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
 Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
 Съ поварихой и ткачихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;
 Въ городъ онъ повелъ царя,
 Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты.
 У воротъ блистаютъ латы,
 И стоятъ въ глазахъ царя

Бѣса стараго взяла тутъ унылость:
 «Скажи, за что такая немилость?»
 —Какъ за что? Вы не платите оброка,
 Не помните положеннаго срока;
 Вотъ ужъ будетъ намъ потѣха,
 Вамъ, собакамъ, великая потѣха! —
 «Балдушка, погоди ты морищить море,
 Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
 Погоди, вышлю къ тебѣ внука».
 Балда мыслить: «этого провестъ не штука!»
 Вывырнулъ подосланный бѣсенокъ,
 Замаякалъ онъ, какъ голодный котенокъ:
 «Здравствуй, Балда-мужичекъ,
 Какой тебѣ вадобень оброкъ?
 Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали,
 Не было чертямъ такой печали,
 Ну, такъ и быть, возьмѣ; да съ уговору,
 Съ общаго нашего приговору —
 Чтобы впредь не было никому горя:
 Кто скорѣе изъ насъ обжигитъ около моря,
 Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
 Между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ».
 Засмѣялся Балда лукаво:
 «Что это ты выдумалъ, право?
 Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
 Со мною, съ самимъ Балдою?
 Экаго послали супостата!
 Подожди-ка моего меньшого брата».
 Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
 Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
 Къ морю опять онъ приходитъ,
 У моря бѣсенокъ находитъ.
 Держитъ Балда за уши одного зайку:
 «Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
 Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ.
 Со мною тягаться слабенецъ —
 Это-было бѣ лишь времени трата,
 Обгони-ка сперва моего брата.
 Разъ, два, три! Догоняй-ка».
 Пустились бѣсенокъ и зайка:
 Бѣсенокъ по берегу морскому,
 А зайка въ лѣсокъ до дому.
 Вотъ, море кругомъ оббѣжавши,
 Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
 Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
 Весь мокрешенекъ, ланкой утираясь.
 Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
 Глядь — а Балда братца гладить,
 Приговаривая: «братецъ, мой любимый,
 Усталъ, бѣдвяжка! отдохни, родимый!»
 Бѣсенокъ оторопѣлъ,
 Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
 На братца поглядывается бокомъ.
 «Погоди», говоритъ, «схожу за obroкомъ».
 Пошелъ къ дѣду; говорить: «бѣда!
 Обогналъ меня меньшей Балда!»
 Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
 А Балда надѣлалъ такого шуму,
 Что все море смутилось
 И волнами такъ и расходилось.

Вылѣзъ бѣсенокъ: «Полво, мужичекъ,
 Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
 Только слушай: видишь ты палку эту?
 Выбери себѣ любую мѣту —
 Кто далѣе палку броситъ,
 Тотъ пускай и оброкъ увоситъ.
 Что-жъ? Боишься вывихнуть ручки?
 Чего ты ждешь?» — Да жду вонъ этой тучки.
 Зашвырну туда твою палку,
 Да и начну съ вами, чертями, свалку. —
 Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
 Разсказать про Балдову побѣду;
 А Балда надъ моремъ опять шумитъ,
 Да чертямъ веревкой грозитъ.
 Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «что ты хлопочешь.
 Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...»
 — Нѣтъ, говоритъ Балда:
 Теперь моя череда —
 Условіе самъ назначу,
 Задамъ тебѣ, враженекъ, задачу.
 Посмотримъ, какова у тебя сила!
 Видишь — тамъ спивая кобыла?
 Кобылу подыми-ка ты,
 Да неси ея полверсты;
 Снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой;
 Не снесешь кобылы — онъ будетъ мой».
 Бѣдненькій бѣсъ
 Подъ кобылу подлѣзъ,
 Поватужился,
 Понапружился,
 Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
 На третьемъ упалъ, вожжи протянулъ.
 А Балда ему: «глухой ты бѣсъ,
 Куда ты за нами полѣзъ?
 И руками снести не смогъ,
 А я, смотря, снесу промежъ ногъ».
 Слѣзъ Балда на кобылу верхомъ,
 Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
 Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
 Пошелъ разсказывать про такую побѣду.
 Черти стали въ кружокъ,
 Дѣлать нечего — собрали полный оброкъ.
 Да на Балду взвалили мѣшокъ.
 Идетъ Балда, покрываеътъ,
 А попъ, завидя Балду, вскакиваетъ,
 За попадью прячется,
 Со страху корячится.
 Балда его тутъ отыскалъ,
 Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
 Бѣдный попъ
 Подставилъ лобъ.
 Съ перваго щелчка —
 Прыгнулъ попъ до потолка,
 Со втораго щелчка —
 Лишился попъ языка,
 А съ третьяго щелчка —
 Вышибло умъ у старика.
 А Балда пригонявалъ съ укоризной:
 «Не говаялся-бы ты, попъ, за дешевизной!..»

С К А З К А

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
 Въ путь-дорогу снарядился,
 И царица у окна
 Сѣла ждать его одна.
 Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
 Смотритъ въ поле, видя очи
 Разболѣлись, глядячи
 Съ бѣлой зори до ночи.
 Не видать милого друга!
 Только видить: вѣется вьюга,
 Снѣгъ валится на поля,
 Вся бѣлешенька земля.
 Девять мѣсяцевъ проходитъ,
 Съ поля глазъ она не сводитъ.
 Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
 Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
 День и ночь такъ долго жданный,
 Издалеча наконецъ
 Воротился царь-отецъ.
 На него она взглянула,
 Тяжелешенько вздохнула.
 Восхищенья не снесла,
 И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
 Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
 Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
 Царь женился на другой.
 Правду молвить, молодница
 Ужъ и впрямъ была царица:
 Высока, стройна, бѣла,
 И умомъ, и всѣмъ взяла;
 Но за то горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.
 Ей въ приданое дано
 Было зеркальце одно:
 Свойство зеркальце имѣло:
 Говорить оно умѣло.
 Съ нимъ однимъ она была
 Добродушна, весела:
 Съ нимъ привѣтливо шутила,
 И красуясь говорила:
 «Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты, конечно, спору нѣтъ.
 Ты, царица, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».

И царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами,
 И вертѣться подбочась,
 Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царица молодая,
 Тихомолкомъ расцвѣтая,
 Между тѣмъ росла, росла,
 Поднялась — и расцвѣла.
 Бѣлолица, черноброва,
 Нрава кроткаго такого.
 И женихъ сыскался ей, —
 Королевичъ Елисей.
 Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;
 А приданое готово:
 Семь торговыхъ городовъ,
 Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
 Вотъ царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвилася съ нимъ:
 «Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 Что-же зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но царица всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
 Какъ царица отирыгнетъ,
 Да какъ ручку замахнетъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, что бѣла;
 Мать беременна сидѣла,
 Да па снѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше!
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
 Такъ-ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
 «А царица все-жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе».
 Дѣлать нечего. Опа,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сѣнной дѣвушкѣ своей,
 Вѣсть царицу въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставить тамъ
 На съѣденіе волкамъ.

Чортъ-ли сладить съ бабой гвѣвной?

Спорять нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица.
Я пожалую тебя».
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой».
А сама пришла домой.
«Что?—сказала ей царица:
Гдѣ красавица дѣвица?»
—Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна.
Отвѣчаетъ ей она:
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Мевше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть».

И молва трезвоить стала:
Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу,
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песь, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она:—
На подворьѣ тишина,
Песь бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо,
И взялася за кольцо.
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Звать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,

На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человекъ,—
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,—
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка,—будь намъ мать,
Такъ и ставемъ величать;
Коли красавая дѣвица,—
Будь намъ милая сестрица».

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвши, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть и звана не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подвосили пирожокъ,
Рюмку полную валивали,
На подвоѣ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася ова;
Пирожокъ лишь разложила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели ови дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу,—не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяйшкой ова
Въ терему межъ тѣмъ одва,

Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не перечать ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ—сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ-бы рады,
Да нельзя, такъ Бога ради,
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что-жъ качаешь головою?
Аль отказываешь памъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говоритъ:
Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста...
Какъ мнѣ быть? вѣдь я—невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей».

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ, поклонясь:
Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ». — «Я не сержуся,
Тихо молвила она:
И отказъ мой—не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее:
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ, объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Краснаться снова стала
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»

И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живешь безъ всякой славы,
Средь зеленны дубравы,
У семи богатырей
Та, что все-жъ тебя милѣй».
И царица налетѣла
На Чернавку: «какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Мылыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой.
Бабушка, постой немножко,
Ей кричитъ она въ окошко;
Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ свесу».
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ». — Царевна хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла;
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаеъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь войдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣсного звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выпался онъ худо,
Ей царевна говорить;
На-жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала:
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хватъ—поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ!»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,

Словно сердце песне воесть,
Словно хочетъ ей сказать:
«Брось»! Она его ласкаетъ,
Треплетъ вѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою?»
Лягъ!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла.
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблоко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась, не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
Возвращались толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжить, и ко двору
Путь имъ кажется. «Не къ добру!»
Братья молвли; печали
Не минемъ». Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Ова,
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой

Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградилъ;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному».

Въ тотъ-же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, царица, сиору нѣтъ;
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется,
Къ красну солнцу, наконецъ,
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало-ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей».—Свѣтъ ты мой,
Красно солнце отвѣчало:
Я царевны не видало.
Знать, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.—

Темной ночью Елисей
Дождлся въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встася въ тѣмъ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,

И обычай твойлюбя,
Звѣзды смотреть на тебя,
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видаль-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ей». — Братецъ мой
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
Не видаль я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала. — «Какъ обидво!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
— Погоди: обѣ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ зваецъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай:
Не печалься-же, прощай. —

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, зывая:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты говяешь стан тучъ,
Ты волвуешь синю море,
Всюду вѣешь на просторѣ.
Не бойшьяся никого,
Кромѣ Бога одного;
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видаль-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ея». — Пстой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора,—
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чинхъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста. —

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хотъ разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая:
Вкругъ нея трава пустая,
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ
Передъ нимъ, во мглѣ вѣчальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ своимъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вкругъ

Изумленными глазами,
И качаясь падъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ-же долго я снала!»
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!.. и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдая пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «Я-ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
— Ты прекрасна, слова нѣтъ.
Но царевна все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе. —
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла —
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили.
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видаль такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.
1833 г.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Додонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратвыхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпokoнть
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали.
Но никакъ не успѣвали:

Ждутъ, бывало, съ юга: глядь—
 Анъ съ востока лѣзетъ рать;
 Справятъ здѣсь—лхіе гости
 Идутъ отъ моря; со злости
 Инда плакалъ царь Додонъ,
 Инда забывалъ и сонъ.
 Чтѣ и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу,
 Звѣздочету и скопцу:
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ мудрецъ передъ Додономъ
 Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
 Золотого пѣтушка.
 «Посади ты эту птицу,
 Молвилъ онъ царю: на сивцу;
 Пѣтушокъ мой золотой
 Будетъ вѣрный сторожъ твой.
 Коль кругомъ все будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
 Но лишь чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Иль набѣга силы бранной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Внигъ тогда мой пѣтушокъ
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ и встрепетъ,
 И въ то мѣсто обернется». —
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулить:
 «За такое одолженъе,
 Говоритъ онъ въ восхищенъи,
 Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою».

Пѣтушокъ съ высокой снпцы
 Сталъ стеречь его границы;
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ со сна
 Шевельнется, встрепетъ,
 Къ той сторонкѣ обернется
 И кричитъ: «кири-ку-ку!»
 Царствуй, лежа на боку!»
 И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли:—
 Таковой имъ царь Додонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходитъ мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ однажды царь Додонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
 «Царь ты нашъ! отецъ народа!
 Возглашаетъ воевода:
 Государь! проснись! бѣда!»
 — Что такое, господа?
 Говоритъ Додонъ, зѣвая:
 А? кто тамъ? бѣда какая?—
 Воевода говоритъ:
 «Пѣтушокъ опять кричитъ,
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ окошку—анъ на снпцѣ,

Видитъ. бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на востокъ.
 Медлитъ нечего: скорѣе!
 Люди, на конѣ! эй, живѣе!
 Царь къ востоку войско шлетъ;
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ, и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней.
 А отъ войска нѣтъ вѣстей:
 Было-ль, не было-ль сраженъя?
 Нѣтъ Додону донесенъя.
 Пѣтушокъ кричитъ опять—
 Кличетъ царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшого
 Шлетъ на выручку большого.
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ,
 Снова восемь дней проходятъ:
 Люди въ страхѣ дни проводятъ,
 Пѣтушокъ кричитъ опять,—
 Царь скликаетъ третью рать
 И ведетъ ее къ востоку,
 Самъ не зная, бытъ-ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
 Имъ становится не въ мочь.
 Ни побоища, ни стана,
 Ни надгробнаго кургана
 Не встрѣчаетъ царь Додонъ.
 Что за чудо? мыслить онъ.
 Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
 Войско въ горы царь приводитъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Видитъ шелковый шатеръ.
 Все въ безмолвіи чудесномъ
 Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
 Рать побитая лежитъ.
 Царь Додонъ къ шатру спѣшитъ...
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шоломовъ и безъ латъ
 Оба мертвые лежатъ,
 Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средь луга
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравѣ....
 Царь завылъ: «охъ, дѣти, дѣти!
 Горе мнѣ! попались въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла». —
 Всѣ завыли за Додономъ;
 Застонала тяжкимъ стономъ
 Глубь долинъ, и сердце горъ
 Потряслося. Вдругъ шатеръ
 Распахнулся... и дѣвица,
 Шамаханская царица,
 Вся сіяя, какъ заря,
 Тихо встрѣтила царя.
 Какъ предъ солнцемъ птица ночи,

Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Додономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать;
И потомъ недѣлю ровню,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Проваль у ней Додонъ.

Наконецъ, и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Додономъ и царницей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Додонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
«А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему: что скажешь?
Подъ поближе, что прикажешь?»
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся, наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Объщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, какъ свою.
Подари-жь ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты? старцу молвилъ онъ:
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я, конечно, общалъ;
Но всему-же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь-ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярскій,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего». —
Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу —
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
Плонулъ царь: «такъ лихъ-же, нѣтъ!

Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь.
Убирайся, цѣль пока;
Оттащите старика!»
Старичекъ хотѣлъ заспорить,
Но съ нымъ накладно вздорить:
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится, звать, грѣха.
Царь, хотѣвъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно.
Вотъ въѣзжаетъ въ городъ онъ.
Вдругъ раздался легкій зовъ, —
И въ глазахъ у всей столицы,
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ;
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то-же время
Съ колесницы палъ Додонъ: —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ.
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка — ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

1834 г.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ нечистою рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьиимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь». —
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!

Твоего мнѣ откупа не надо;
 Ступай себѣ въ синее море,
 Гуляй тамъ себѣ на просторѣ».
 Воротился старикъ ко старухѣ,
 Разказалъ ей великое чудо:
 «Я сегодня поймалъ было рыбку,
 Золотую рыбку, не простую.
 По нашему говорила рыбка,
 Дожой въ море синее просилась,
 Дорогою цѣною откупалась:
 Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
 Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,—
 Такъ пустилъ ее въ синее море».
 Старика старуха забранила:
 —Дурачина ты, простофиля!
 Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
 Хотѣ бы взялъ ты съ нея корыто:
 Наше-то совсѣмъ раскололось.—
 Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
 Видитъ: море слегка разыгралось.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка и спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 —Смилуйся, государыня рыбка!
 Разбранила меня моя старуха,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Надобно ей новое корыто,—
 Наше-то совсѣмъ раскололось.
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Будетъ вамъ новое корыто».
 Воротился старикъ ко старухѣ—
 У старухи новое корыто.
 Еще пуще старуха бранится:
 —Дурачина ты, простофиля!
 Выпросилъ, дурачина, корыто!
 Въ корытѣ много-ли корысти?
 Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
 Поклонись ей, выпроси ужъ избу.—
 Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
 Помутилось синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 —Смилуйся, государыня рыбка!
 Еще пуще старуха бранится,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Избу просить сварливая баба.—
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ».
 Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
 А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
 Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
 Съ киричною, бѣленою трубою,
 Съ дубовыми, тесовыми вороты.
 Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
 На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:

—Дурачина, ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Воротись, поклонись рыбкѣ:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой.—

Пошелъ старикъ къ синему морю;
 Непокорно синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежняго старуха вздурилась,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Ужъ не хочеть быть она крестьянкой,
 Хочетъ быть столбовою дворянкой».
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
 Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
 На крыльцѣ стоитъ его старуха
 Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
 Парчевая на маковкѣ кичка,
 Жемчуги окружили шею,
 На рукахъ золотые перстни,
 На ногахъ красные сапожки.
 Передъ нею усердные слуги,—
 Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
 Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 «Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна?»
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
 Еще пуще старуха вздурилась,—
 Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
 «Воротись, поклонись рыбкѣ:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царницей».
 Испугался старикъ, взмолился:
 —Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
 Насмѣшишь ты цѣлое царство.—
 Осердилася пуще старуха,
 По щекѣ ударила мужа:
 «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой столбовою?
 Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
 Не пойдешь,—поведутъ по неволѣ».

Старичекъ отправился къ морю;
 Почернѣло синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 —Смилуйся, государыня рыбка!
 Опять моя старуха бунтуетъ:
 Ужъ не хочеть быть она дворянкой.

Хочетъ быть вольною царицей.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что-жь? Предъ нимъ царскія палаты;
Въ палатахъ видить свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служать ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоятъ ея грозная стража,
На плечахъ топорикъ держать.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился.
Молвилъ: «здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душевья довольна?»
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали:
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не взрубила:
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредъ тебѣ, невѣжа, наука—
Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,—
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привелъ къ ней.
Говорятъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою.
Чтобы жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ».

Старикъ не осмѣлился перечить.
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ: на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была-бы у ней на посылкахъ.—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—

Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.
1833 г.

Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ.
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомову потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь, будь что будь—
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ пужво.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай-же, свать, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомову потомъ
Пирогамъ да виномъ,
Да еще ее помянемъ—
Сказки сказывать мы ставемъ.
Мастерца вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былинны
Православной старинны!
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ-бы, и не ѣлъ,
Все-бы слушалъ да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай, свать: начну первой,
Сказка будетъ за тобой...
1833 г.

Н А Ч А Л О С К А З К И .

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго—
Выходила медвѣдиха
Съ малыи дѣтушками-медвѣжатами
Погулять, посмотреть, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играть,
Обниматися, боротися,
Боротися да кувыркатися.
Отколь въ возмнись— мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатцву,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечамъ.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,

Глушыхъ медвѣжатъ своихъ:
 „Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
 Перестаньте валяться,
 Обниматися, кувыркаться!
 Становитесь, хоронитесь за меня:
 Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
 Я сама мужику брюхо вытѣмъ!“
 Медвѣжатушки испугались,
 За медвѣдиху побросались.
 А медвѣдиха осержалася—
 На дыбы поднималася.
 А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
 Онъ пускался на медвѣдиху,
 Онъ сажалъ въ нее рогатину,
 Что повыше пуца, пониже печени.
 Грянулася медвѣдиха о сыру землю;
 А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
 Брюхо поролъ да шкуру снималъ,
 Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ покласть,
 А поклавши-то, домой пошелъ:
 „Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
 Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублей;
 А что вотъ тебѣ подарочекъ—
 Трои медвѣжатъ по пяти рублей“.

Не звымы пошли по городу,
 Пошли вѣсти по всему по лѣсу;
 Дошли вѣсти до медвѣда чернубураго,
 Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
 Распоролъ ей брюхо бѣлое,
 Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ покласть.
 Въ ту-пору медвѣдъ запечаллся,
 Голову повѣсилъ, голосомъ завывъ
 Про свою-ли сударушку
 Чернобурю медвѣдиху:
 „Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
 На кого меня покинула,
 Вдовца несчастнаго,
 Вдовца горемычнаго?
 Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моею боярыней,
 Веселой игры не игратьи,
 Милыхъ дѣтушекъ не родити,
 Медвѣжатушекъ не качати,
 Не качати, не баюкати!“
 Въ ту-пору звѣри собиравлси
 Къ тому-ли медвѣдю, ко боярину;
 Прибѣгали звѣри большіе.
 Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе.
 Прибѣгалъ тутъ волкъ-дворянинъ;
 У него-то зубы закусилые,
 У него-то глаза завистливые.
 Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
 У него-то, бобра, жирный хвостъ.
 Приходила ласочка-дворяночка,
 Приходила бѣлочка-квягивечка,
 Приходила лисица-подъячича,
 Подъячича, казначеиха.
 Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
 Прибѣгалъ тутъ зайка-смертъ,
 Зайка бѣдневскій, зайка сѣренскій.
 Приходилъ байбакъ тутъ слуманъ,
 Живетъ онъ, байбакъ, позади гуманъ;
 Приходилъ цѣловальникъ-ежъ:
 Все-то онъ, ежъ, ежится,
 Все-то онъ щетипится

1830 г.

Б О В А.

(отрывокъ).

Часто, часто я бесѣдовалъ
 Съ болтуномъ страны Элливскія
 И не смѣлъ осилимъ голосомъ,
 Съ Шанеленомъ и съ Риоматовымъ,
 Воспѣвать героевъ Сѣвера.
 Несравненнаго Виргилія
 Я читалъ и перечитывалъ,
 Не стараясь подражать ему
 Въ вѣжвыхъ чувствахъ и гармоніи.
 Разбиралъ я вѣмца Клонштока,
 И не могъ понять премудраго;
 Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ:
 Я хочу, меня чтобъ поняли
 Всѣ отъ мала до великаго.
 За Мильтономъ и Камознсомъ
 Опасался я безъ крылъ парить,
 Въ серафимовъ жаритъ пушками,
 Съ сатавою обитать въ раю.
 Но вчера, въ архивахъ росяся,
 Отыскалъ я квинку славную,
 Золотую, незабвенную,
 Прочиталъ—и въ восхищеніи
 Про Бову ною царевича.

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
 Послѣ рождества Спасителя,
 Царь Додонъ со славой царствовалъ
 Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
 Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
 Не прямой досталъ дорогою,
 Но убивъ царя заковнаго,
 Бендокира слабоумнаго.
 Царь Додонъ не сла бо у м н я го
 Былъ достоинъ злого прозвища,
 По тирава неусыпнаго
 (Онъ однако не имѣлъ его).
 Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
 И пороки вамъ показывать;
 Вы слыхали, люди добрые,
 О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
 Не снималъ съ себя оружія,
 Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
 Всюду пролеталъ съ побѣдою,
 Миръ крещеный потопилъ въ кровъ,
 Не щадилъ и вкрещенаго,
 И въ ничтожество низверженный
 Александромъ, грознымъ ангеломъ,
 Жизнь ириводитъ въ униженіи,
 И забытый всѣми, клячется
 Нынѣ Эльбы императоромъ...
 Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
 (Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
 На престолъ пригрозившись,
 Провзвесь онъ имъ такую рѣчь:

Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни-же нынѣ ты слово мое!

Вонтею слава—отрада;

Побѣдой прославлено имя твое;

Твой щитъ на вратахъ Цареграда;

И волны, и суша покорны тебѣ;

Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ

Въ часы роковой непогоды,

И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ

Падаютъ побѣдителя годы...

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,—

Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;

Опѣ, чужа господскую волю,

То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,

То мчится по бранному полю;

И холодъ, и сѣча ему ничего:—

Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело

И взоръ омрачились думой.

Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло.

Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;

И вѣрнаго друга прощальной рукой

И гладить, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,

Разстаться настало намъ время;

Теперь отдыхай,—ужъ не ступитъ нога

Въ твоё позлащенное стремя.

Прощай, утѣшайся, да помни меня.

Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,

Въ мой лугъ подъ усты отведите;

Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,

Водой ключевою поите».

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,

А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ веселомъ стакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній свѣтъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминаютъ минувшіе дни

И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:

Скажите, гдѣ конь мой ретивый?

Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?

Все тотъ-же-ль онъ бурный, игривый?»

И внемлетъ отвѣту:—«на холмѣ крутомъ

Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ».—

Могучій Олегъ головою поникъ

И думаетъ: «что-же гаданье?

Кудесникъ, ты—лживый, безумный старикъ!

Презрѣтъ-бы твоё предсказанье!

Мой конь и донныѣ носилъ-бы меня».

И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,

Съ нимъ Игорь и старые гости,

И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,

Лежатъ благородныя кости;

Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пылъ,

И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ

И молвилъ: «спи, другъ одинокій!

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:

На тризнѣ, уже недалеко.

Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь

И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:

Мнѣ смертію кость угрожала!»

Изъ мертвой главы гробовая змѣя.

Шипя, между тѣмъ, выползала;

Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,—

И вскрикнулъ ввезапно ужаленный князь...

Ковши кругомъ, заплѣнясь, шипятъ

На тризнѣ плачевной Олега:

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,

Дружина пируетъ у берега;

Бойцы поминаютъ минувшіе дни

И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1822 г.

СТАРИЦА ПРОРОЧИЦА.

[БАРОВУ ДЕЛЬВИГУ]

На мосту стояла старица,

На мосту чрезъ синій Волховъ;

Подошелъ въ доспѣхахъ молодецъ,

Молвилъ слово ей съ поклономъ:

«Загадай ты мнѣ на счастье,

Ворочусь-ли черезъ Волховъ?

За Шалонью враны каркаютъ,—

Плачетъ въ теремѣ невѣста!»

— «Гой еси ты, красный молодецъ!

Есть теперь одна невѣста.

Есть одна—святая Софія:

Обручись ты съ ней душою,—

Уберися честно ранами,

И омойся алой кровью.

Обручися ты съ невѣстою—

За Шалонью ляжъ костями:

Если ты мечемъ не выроешь

Сердцу вольному могилы,

Не на вѣче, не на родню,

А придешь ты на неволю!»

Трубы звучатъ за Шалонью рѣкой,

Грозно взвѣваютъ московскіе стяги!

Съ радостнымъ кликомъ Софія святой

Стала дружина я, полный отпачи,

Ринулся съ берега всадниковъ строй:

Съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли,

Двинулась пѣна сѣдая грядой;

Строй смѣшались, мечи загремѣли,

Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ,

Съ трескомъ въ куски разлетаются брони...

Кровь потекла... Разъяренные кони

Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ:

Стелятся трупы на берег Шалови..

.....

Кровью дымилось поле; стихалъ
Въ столахъ прерывныхъ и замеръ гласъ битвы
Теплой твоей, о Софія, молитвы

Спасъ не слышалъ!...

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ сіній Волховъ:
Не пройдетъ-ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, сіній Волховъ?
Проѣзжало много всадниковъ,
Много пѣшихъ проходило,
Было много пзувѣченныхъ
И покрытыхъ червой кровью..
Что? прошелъ-ли добрый молодецъ,
Не прошелъ-ли онъ чрезъ Волховъ?..

1816 г.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второныхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ уже мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай ка:
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка-ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ-ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Али ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ свѣшнеть...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за поги тащить,
И отъ берега крутого
Оттолкнувъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нанъ мужикъ пошелъ домой.

Сочиненія А. С. Пушкина.

«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу».

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка:
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ.
На палатахъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ впемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй,пусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты почью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнвою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ
Гостя голого узнавъ,—
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ на пролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

1828 г.

ЖЕННХЪ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ.
Дрожитъ и еле дышетъ.

Сколько ихъ' куда ихъ гонять?
 Что такъ жалобно поютъ?
 Домового ли хоронять,
 Въдму-ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Мчатся бѣсы рой за роемъ
 Въ безпредѣльной вышинѣ,
 Визгомъ жалобнымъ и воемъ
 Надрывая сердце мнѣ...
 1830 г.

Р У С А Л К А.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ
 Спасался нѣкогда монахъ,
 Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
 Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
 Уже лопаткою смиренной
 Себѣ могилу старецъ рылъ
 И лишь о смерти возжелѣнной
 Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
 Поникшей хижинѣ своей
 Авахоретъ молился Богу.
 Дубровы дѣлались чернѣй,
 Туманъ надъ озеромъ дымился.
 И красный мѣсяцъ въ облакахъ
 Тихонько по небу катился.
 На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный:
 Не можетъ самъ себя понять...
 И видить: закипѣли волны
 И присмирѣли вдругъ опять...
 И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
 Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
 Выходитъ женщина нагая
 И молча сѣла у береговъ.

Глядитъ на стараго монаха,
 И чешетъ влажные власы.
 Святой монахъ дрожитъ со страха
 И смотреть на ея красы.
 Она манитъ его рукою,
 Киваетъ быстро головою...
 И вдругъ падучею звѣздой
 Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмый
 И не молился цѣлый день:
 Передъ собой съ невольной думой
 Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
 Дубровы вновь одѣлись тьмою,
 Пошла по облакамъ луна,
 И снова дѣва надъ водою
 Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
 Цѣлуетъ издали шутя.
 Играетъ, плещется волною,
 Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
 Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
 «Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ...
 И все—въ глубокой тишинѣ...

На третій день отшельникъ страстный
 Близъ очарованныхъ береговъ
 Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А тѣнь ложилась средь дубровъ...
 Заря прогнала тѣнь ночную,
 Монаха не нашли нигдѣ,
 И только бороду сѣдую
 Мальчишки видѣли въ водѣ.
 1819 г.

К А З А К Ъ.

Разъ полуночной порою,
 Сквозь туманъ и мракъ.
 Тѣхалъ тихо надъ рѣкою
 Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
 Весь жупанъ въ пыли.
 Пистолеты при колѣнѣ,
 Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
 Шагомъ выступалъ,
 Гриву долгую волнуя,
 Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки,
 Выломанъ заборъ:
 Здѣсь—дорога къ деревушкѣ.
 Тамъ—въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы.—
 Думалъ хватъ Денисъ:
 Ужъ красавицы въ свѣтлицы
 На ночь убрались».

Шевельнулъ донецъ уздою,
 Широю прикольнулъ.
 И помчался конь стрѣлою—
 Къ взбамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна серебрила
 Дальни небеса;
 Подъ окномъ сидитъ уныла
 Дѣвица-краса.

Храбрый видѣтъ красну дѣву,
 Сердце бьется въ немъ;
 Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—
 Вотъ ужъ подѣ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,
 Скрылася луна.

Выйдь, кохавочка, скорѣе,
Напою коня».

— Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды. —

«Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
— Ночь красавицамъ опасна. —
«Радость, не страшись!

«Вѣрь, кохавочка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое,
Милая, небось!

«Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что-же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливы стали казакъ.

Поскакали, полетѣли;
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

1815 г.

ГУСАРЬ.

Скребницей чистилъ онъ ковы,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!

Здѣсь челоуѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на тебя, какъ лютый звѣрь,
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честию, ни нагайкой.

То-ль дѣло Кіевъ! Что за край!

Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодницы—молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобровой.
Однимъ, однимъ не хороши...»

— А чѣмъ-же? Расскажи, служивый. —

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы выдали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью—Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо;

Напьюсь—уложить, я сама
Опохмѣлиться приготовить;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись, о чемъ-бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.

Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

Зачѣмъ-бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
Шалить Марусенька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

Я сталъ присматривать за ней.

Разъ я лежу, глаза прищура,
[А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря]

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки стекляночку взяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой.

Раздѣлась до-нага; потомъ
Изъ стклянки три раза хлебнула —
И вдругъ на вѣникъ верхомъ
Взвилась въ трубу и улзнула.

«Эге! смекнулъ въ минуту я:

Кума-то, видно, — басурманка!
Постой, гелубушка моя!...»

И съ печки слѣзъ — и вижу: стклянка,

Понюхалъ: кисло! что за дрянь!

Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лоханъ,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ:

И на него я брызнулъ стклянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И
И онъ туда-же за лоханкой. [вотъ

Я ву кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало.
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ, маршъ, все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Новерху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу.

Куда, — не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упаду.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ.
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жиды съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнул и сказать хотѣлъ....
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
— Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ!—Но я, не струся:
«Домой? Да! чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу?»—Ахъ, онъ стран-
Вотъ кочерга, садись верхомъ [ный!
И убирайся, окаянный.—
«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный. Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?
Коя!»—На, дурень, вотъ и ковь.—
И точно: ковь передо мною
Скребеть копытомъ, весь—огонь,
Дугою—шея, хвостъ—трубою.
—Садись!—Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—вѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ повесѣ меня—
И очутились мы у печки.

Гляжу: все такъ-же: самъ-же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не ковь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»
И сталъ крутить свой длинный усь,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь,
Да глупъ, а мы ввели виды».
1833 г.

ВОЕВОДА.

[изъ мицкевича.]

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать:
Въ спальню кинулся къ постелѣ,
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого—пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозныя очи,
Сталъ крутить свой синий усь...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вовъ, замокъ задвинулъ:
«Гей, ты, клануль, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ вѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя вивтовку.
Ну, за мною!... я-жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видать, панна
И мужичина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, чтó любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,—
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отверлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,—
И ему ты отдалась!»

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку вѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать».

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрову откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,
Бѣдный хлопецъ прощенталь:
Вѣтеръ что-ли, плачутъ очи,
Дрож беретъ; въ рукахъ вѣтъ мочи,
Порохъ изъ полку не попалъ».

— Тѣше ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь въ полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потѣше...
Прежде я: ты погода.—

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался:
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся—
Прямо въ лобъ ему попалъ.
1833 г.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

[изъ мицкевича.]

Три у Будрысы сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
«Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: изъ три стороны свѣта
Три замыслены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ—на пру-
саковъ,

На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ на-голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ острія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ;
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата:
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣняхъ.
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣняхъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
[Съ тою самую веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца],
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой.³

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взявъ корону, растопталъ ногами
И промолвилъ потомъ Радивую:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеємъ.»⁴
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуетъ.

И султанъ прислужниковъ кликнувъ
И сказалъ: «дать кафтанъ Радивую!
Не бархатный кафтанъ, не парчевый,
А содрать на кафтанъ Радивой
Кожу съ брата его родного».
Басурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспоролы,
Стали драть руками и зубами.
Обнажили и мясо, и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивой.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Иправъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Ісусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло—будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озарила.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,
И пошли басурмане на приступъ.

II. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разбѣдахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлею не почуетъ?

Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщеня?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщеня,
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались⁵
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумѣли гости.
Два могучіе Бей побравились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала:
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ, ужаленный змѣю.

Наконецъ онъ на родину воротился
И вошелъ въ церковь святого Спаса;
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ въ домъ
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и жепѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь-ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «на дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолвившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонечекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темпотѣ за рѣкою.»
Улыбнулся Янко Марнавичъ
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Влизится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ и съ постели свалился—
Тутъ и смерть ему приключилась

III. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднималъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на басурмана.

А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки
И сказали: «возьми насъ съ собою—
Мы хотимъ воевать басурмановъ».
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.
Беглербей со своими бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Баялуки;⁶
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ».
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти;
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсвой кучей мы переправляться,
Селихтаръ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «дѣти,
Слишкомъ много собакъ-басурмановъ,
Намъ управиться съ ними невозможно.
Кто не равенъ—въ лѣсъ бѣги скорѣе
И спасайся тамъ отъ селихтара».
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,—
Всѣ друзья, родные Радивую,—
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты, садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего короного;
Черезъ рѣчку вылавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ».
Радивой Георгія не послушалъ,
Наземъ сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на его наскочили,
Отрубили голову Радивою.

IV. ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

Стамати былъ старъ и безсидень,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула.
Что ушелъ онъ, окая да хромая.
Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба, отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу.
Какъ ему погубить-бы Елену?
Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,

Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «ступай на кладбище,
Отыщи подъ камнями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси инѣ».

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ камнями жабу
И въ горшкѣ жиду ее приносить.
Жидъ на жабу проливаетъ воду.
Нарекаютъ жабу Иваномъ
[Грѣхъ великъ—христіанское имя
Нареши такой поганой твари!].
Они жабу всю потомъ искололи,
И ее—ея-же кровью напояли:
Напоявши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу
Отъ моей племянницы въ подарокъ».
Принесъ мальчикъ Еленѣ эту сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Несугалась молодая Елена,
Она кликнула сестру свою меньшую;
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена;
Стали баять:—Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!—
И Елена стыдится, и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится,
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Теодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжить къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ-жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто услыхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой—и видитъ:
На постели сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говорить Теодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
«Господи ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата—
Испортити меня злые люди».

Но Теодоръ жепѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.

Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
 «Не сгублю я невиннаго младенца,
 Изъ пня выпу его живого,
 При себѣ воспитывать буду
 Я увижу, на кого онъ походить.
 Такъ навѣрно отца его узнаю,
 И убью своего злодѣя».

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
 Что-жь? — На мѣсто милаго дитяти,
 Онъ черную жабу находить.
 Взывъ Оеодоръ: «Горе мнѣ, убійцѣ!
 Я сгубилъ Елену понапрасну:
 Предо мной она была невинна,
 А испортили ее злые люди».

Поднялъ онъ голову Елены,
 Сталь ее цѣловать умиленно.
 И мертвыя уста отворились,
 Голова Елены провѣшала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
 Черной жабой мени окормили».
 Тутъ опять уста ея сомкнулись,
 И языкъ пересталъ шевелиться.

И Оеодоръ Стамати зарѣзалъ,
 А жидъ убилъ, какъ собаку,
 И отиѣлъ по женѣ панихиду.

V. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Какъ покинула меня Парасковья,
 И какъ я съ печали промотался,
 Вотъ далмать пришелъ ко мнѣ лукавый:
 «Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
 Тамъ цехины, что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
 И только что пьютъ да гуляютъ:
 Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
 И воротиться въ шитомъ долгианѣ,
 Съ кипжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
 Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ
 И подарками тебя закидаютъ.
 Эй, послушайся! отправляйся моремъ:
 Воротись, когда разбогатѣешь».

Я послушался лукаваго далмата.
 Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
 Но мнѣ скучно — хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
 Я неволю, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
 Когда слово я по нашему молвлю;
 Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
 Позабыли и нашъ родной обычай:
 Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу.
 Слышу: «здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!»
 Здѣсь не слышу добраго привѣта,
 Не дождуся ласковаго слова:
 Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
 Занесенная въ озеро бурей.

VI. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ,
 Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ,³
 Съ нимъ жена его Катерина,
 Съ нимъ его два милые сына
 Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
 Стерегутъ ихъ недруги злые.
 Коли чуть они голову подымутъ —
 Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
 Они три дня, три ночи не ѣли,
 Пили только воду дождевую,
 Накопленную во впадинѣ камня.
 На четвертый взшло красно-солнце,
 И вода во впадинѣ изсякла
 Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
 «Господь Богъ! помилуй наши души!»
 И упала мертвая на землю.
 Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли —
 Они только очи отирали,
 Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
 Сталь глядѣть опъ на жертвую мать,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался:
 Закричалъ опъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты ппейся горячей моей кровью,
 А умремъ мы голодною смертью,
 Станемъ мы выходить изъ могилы
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ».
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
 Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда».
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Обѣжали, какъ бѣшеные волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на конья свои насадили —
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
 Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сы-
 новьями.

VII. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЬ.

Іакина Маглановича³.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
 Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.

Врагъ твой мчался безъ оглядки,
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдется какъ-нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милый.
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила:
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня—
Ужъ владеетъ ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ—узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

VII. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ,
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
Мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ:
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
Проситъ онъ напится ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое».
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго».
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Басурмана свинопую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой,
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ».
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло

И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу калуерь приходитъ—
Посмотрѣлъ на ребенка и молвитъ:
«Сынъ твой боленъ опасной болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зубъ вурдалака¹⁰, повѣрь мнѣ»

Вся деревня за старцомъ калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ—трупъ румяный и свѣжій,
Ноги выросли, какъ коровны когти,
А лицо обросло бороною;
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замahнулся,
Но мертвецъ завизжалъ и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
Стременами острыми извивая;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ложились, какъ замерзлые прутья.

Калуерь могильной землею
Ребенка больного всего вытеръ
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій».

Вдругъ собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись;
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ киариспую вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился и бѣжать пустился,
Будто волкъ, охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту-же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый:
Былъ онъ ростомъ, какъ псарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый—
Могъ-бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,

Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

XI. БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?
Бонапарте спросилъ:
Правда-ль: это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

«Такъ раскаются-жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ».

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
стреляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подь скалами.
Вдругъ—смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! паля! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите-жъ никого!»

Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали.
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ... «Эго что?»
Удивясь, они сказали:
«Эго что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать челоуѣкъ.
Весь отрядъ его смутился.
Кто, какъ могъ, пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

X. СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя-ль, у малой птицы,
Неизмѣнныя три пѣсни:
У меня-ли, у молодца,
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота—
Воронъ конь мой притомялся;
Какъ ужъ третья-то забота—
Красну-дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкоу,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки—
Такъ сплетутъ себѣ вѣвочки;
Пойдутъ мимо стары люди—
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

XI. ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся—
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога!
Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропaday ты себѣ, оказанный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
—Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ.
Если лаешь безумныя рѣчи.—
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ.
Туркамъ выдать ослупнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися,
Отпусти мнѣ невольное слово».
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
—Вотъ ужъ, разбойникъ, тебѣ будетъ!
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій
И хватаетъ за спину косу:
«Воротися, ради Господа Бога,—
Не введи ты меня въ искушеніе!»
Отпихнулъ старикъ его сердито

И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса пнулъ,
Взвелъ курокъ да и выстрѣлилъ тутъ-же.
Закричалъ Петро, запатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ нещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу:
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
— За обѣдомъ старикъ пьянъ напился
И заснулъ на бѣлградской дорогѣ. —
Догадалась она, завонила:
«Будь-же Богомъ проклять ты, черный,
Коль убилъ ты отца родного!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

ХІІ. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдають насъ волки-янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужъ и имъ вестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ;
«Долго-ль намъ мирволить янычарамъ?»
«Долго-ль намъ терпѣть онлеухи?»
Или вы ужъ не сербы — цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское Ущелье —
Тамъ гроза готовится на турокъ.
Самъ дружину свою собираетъ
Старый сербинъ, воевода Милошъ».

ХІІІ. ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышетъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! малый я не сильный:
Съѣстъ ушью меня совѣтъ,

Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.
Что-же? вмѣсто вурдалака
[Вы представьте Вани злость] —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

ХІV. СЕСТРА И БРАТЯ.

Два дубочка выросли рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выросали,
Жили вмѣстѣ два брата родные:
Одинъ — Павелъ, а другой — Радула,
А межъ ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ
Огорчилась молодая Павлица
На золовку — стало ей завидно;
Говорить она Радуловой любѣ:
«Невѣстуха, по Богу сестрица!
Не знаешь-ли ты зелія такого,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова любя:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такого;
Хоть-бы знала, тебѣ-бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость».
Вотъ пошла Павлица къ водою
Да зарѣзала коня вороного
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду дарить ей подарки —
Извела она коня вороного»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради».
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлица пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду дарить ты ей подарки —
Вѣдь она сокола заколола».
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради».
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлица по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу приближала,

Громко воя и лицо терзая:
 «Самъ себѣ на зло сестру любяшь.
 На бѣду даришь ты ей подарки—
 Заколола она у насъ ребенка;
 А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
 Осмотри ты ножъ ея злаченый».
 Вскочилъ Павелъ, какъ слышалъ это.
 Побѣждалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
 На перивѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
 Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ—
 Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
 «Ой, сестра, убей тебя Боже!
 Извела ты ковы вороного.
 И въ саду сокола заколола;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!
 Колп-жъ ты не вѣришь моей клятвѣ.
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ:
 Пусть они мое бѣлое тѣло
 Разорвутъ на четыре части»
 Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ:
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алые цвѣточки:
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молода Павлиха.
 Десять лѣтъ Павлиха все хвораетъ—
 Выросла трава сквозь ея кости,
 Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
 Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждетъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь-ли, господинъ ты мой, Павелъ,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся».
 Онъ повелъ ее къ сестриной церкви.
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха,
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья».
 Какъ услышала то молодая Павлиха.
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди ты меня къ бѣлому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней
 И пусти ихъ по чистому полю»
 Своей любви послушался Павелъ.
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ терны да крапива:

Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Воронъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ золоченая люлька,
 На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
 Лежитъ въ люлкѣ маленький мальчикъ:
 Рука матери у него подъ горломъ,
 Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

XV. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
 Молодую красавицу Елицу;
 Любить онъ ее два красныя лѣта.
 Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусѣ, чешской королевѣ.
 Съ прежней любой идетъ онъ проститься:
 Ей приносить съ червонцами чересь.
 Да гремучія серьги золотыя,
 Да жемчужное тройное ожерелье.
 Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя.
 Навязалъ на шею ожерелье.
 Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча
 И поѣхалъ своею дорогой.
 Какъ одна осталася Елица,
 Деньги на земь она пометала,
 Изъ ушей выдернула серьги,
 Ожерелье на-двое разорвала.
 А сама кинулась къ Мораву.
 Тамъ на двѣ молодая Елица
 Водяною царицей очулась
 И родила маленькую дочку.
 И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
 Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
 Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
 Захотѣлъ онъ коня вороного
 Напоить студеною водою;
 Но лишь только запѣвную морду
 Сунулъ конь въ студеною воду.
 Изъ воды вдругъ высунулась ручка —
 Хватъ коня за узду золотую!
 Конь отдернулъ голову въ испугѣ.—
 На уздѣ виситъ Водяница.
 Какъ на удѣ пойманная рыба.
 Конь кружится по чистому лугу,
 Потрясая уздой золотою,
 Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
 Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
 Чуть сдержалъ коня вороного,
 Осадивъ могучею рукою.
 На траву Водяница прыгнула.
 Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
 «Разскажи, какое ты творенье—
 Живщина-ль тебя породила.
 Иль Богомъ проклятая Вила?»
 Отвѣчаетъ ему Водяница:
 «Родила меня молодая Елица.

Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей».
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного.
Обнялъ дочь свою Водяницу.
И, слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать—Елица?
Я слыхалъ, что она потонула».
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Моя мать—царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ—
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба».
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди-же къ водяной царицѣ.
И скажи ей: Явышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ».
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Подвѣялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты—
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица.
Выйди ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко».
Королевичу Елица не внимаетъ.
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться.
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо-ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣтъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ».

XVI. КОНЬ.

Что ты ржешь, мой ковь ретивый?
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой?
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Али поводья не шелковы,

Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?

Отвѣчаетъ конь печальный:
«Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣные стрѣлы;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ:
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чепрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока».

XVII. ОТРЫВОКЪ.

Что бѣлѣтся на горѣ зеленой?
Снѣгъ-ли то, али лебеди бѣлы?
Быль-бы снѣгъ—онъ давно-бы растаялъ,
Были-бъ лебеди—они-бъ улетѣли...
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатерь Аги Ассанъ-Агъ.
Онъ лежитъ на немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и мать;
Его любя не пришла, застыдилась.
Какъ ему отъ боли стало легче.
Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ.
Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ...

ПРИМѢЧ. ПУШКИНА КЪ „ПѢС. ЗАП. СЛАВ.“.

1. Озма былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивомъ, съ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять магометавскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2. Такъ называютъ себя нѣкоторые иллирійскіе раскольники.

3. Фалавага—палочные удары по пятамъ.

4. Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.

5. Обычай братованія у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ освящается и духовными обрядами.

6. Баня-лука—прежняя столица Боснійскаго пашалыка.

7. Селухтаръ—мечевосецъ.

8. Гайдукъ—глава, начальникъ. Гайдукъ не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

9. Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей *Gizla*, извѣстіе о старомъ гуслярѣ I. Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ-ли онъ когда-нибудь, но статья его имѣетъ прелесть оригинальности и правдоподобія.

10. Вурдалаки, уныри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Темнѣетъ долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка.
Лѣнявой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая.

Недвижныя латы на холмѣ лежатъ,
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ,
И щитъ подъ шеломахъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлажненный мохъ,
Конье раздробленно—и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ.

Вкругъ холма обходить другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ,
Безлечнымъ копытомъ бьетъ камень долины
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ, и стонетъ.

Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ.
Склонясь надъ дорожной клюкою.
Заботливо смотритъ въ невѣрную даль,
Приблизился къ латамъ—и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучать.
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучать,
По камнямъ шеломахъ покатыся.
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ
глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ летомъ на
Взглянулъ и главою склонился. [Холмъ,

Ужъ путникъ далече въ тьмѣ бродитъ ночной,
Все мнитъ, что кости хрустятъ подъ ногой.

Но утро денница выводитъ—
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ.
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.
1815 г.

НАЪЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала.
И слабо въ блѣдвыхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Среди невѣрнаго тумана,
Возмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спать; лишь волнъ мятежный ропотъ
Развосится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой

Булата звонъ и конскій топотъ.
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
Дрожать и вышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужъ полемъ всадники спѣшатъ.
Дубравы кровь оставя зыбкій,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Отвѣтъ пылаютъ гнѣвны очи...
Лишь ты, вонзновенный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою, мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной душой увлеченный,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
«Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
Попикъ безстрашную главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Ужель, невольникъ празднои пѣги,
Отраднѣй миръ твоихъ полей.
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранный стукъ мечей?
Одна стезя войны прекрасна,
Завиденъ гордый вашъ удѣлъ.
Тебѣ-ли нывѣ смерть ужасна?
Ты вѣкъ средъ боевъ не блѣднѣлъ:
Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ,
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
Твой голосъ нашу славу пѣлъ:
А нынѣ ты въ уныньи дикомъ,
Какъ бѣглый ратникъ, онѣмѣлъ».
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокой сонъ въ долину бранной;
Одни мы мчимся въ тьмѣ ночвой;
Предчувствую конецъ желанный—
Меня зоветъ послѣдній бой...
Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
Влеку я съ братьями въ огонь,
Ударъ падетъ—и одинокій
Въ долину выбѣжитъ мой конь!..

«О вы! которымъ здѣсь со мною
Предѣлъ могилы положонъ,
Скажите: милая тоскою
Вашъ усладить-ли долгій сонъ?
Но для пѣвца никто не дышетъ,
Его настигнетъ тишина;
Эльвина смерти вѣсть услышитъ—
И не вздохнетъ объ томъ она.

«А вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви наградъ!
Пускай любовницы слезами
Благословится вашъ изиратьъ.
За чашей сладкаго спасенья,
О, братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!...»

Умолкъ и мчится въ бой кровавый...
Уже ве возвратился онъ:

. На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ юнаго поэта
Наѣзтники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ.
1816 г.

А Н Ч А Р Ъ.

ДРЕВО ЯДА.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноимъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила —
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ вапила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь червый
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Влуждая, листь его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ несокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Привесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтъ съ увядшимъ листамъ, —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладвыми ручьями;

Привесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ вапиталъ
Свои послушныя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.
1828 г.

Сочиненія А. С. Пушкина.

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
Призвалъ мавра Юліанъ:
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предавъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На испанскіе берега —
Царство готовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готы пали не безславно:
Храбро билися онъ;
Долго мавры сомѣвались —
Одолѣетъ кто кого.

Восемь дней сраженъе длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Ковъ любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаясь его;
Мимо дротики летали,
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напоследокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отлепелъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую бровю —
И, снасавъ мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распустьяхъ видить онъ:
Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи христіанъ;

Всѣ Родрига проклинаятъ—
И проклятыя слышитъ онъ,

И съ повикишею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ.
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Накопецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ—
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ—а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнне трупа не коснулось:
Онъ лежитъ, окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ удивеньи
Сталъ лукавый искушать
И видѣньяи ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда:
Уношеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу—
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи, недвижнмъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣннхъ благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣдой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
«Встань — в міру вновь явись!»

«Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукъ твоихъ
Дастъ побѣду надъ врагами
И душѣ твоей покой».

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король....
1832 г.

СТРАННИКЪ.

[изъ вупьяна]

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незпно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Нотупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души прозенной муки
И горько повторялъ, метаясь, какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станетъ со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ
Уныніе мое всеѣмъ было непонятно. [обратно].
При дѣтиахъ и женѣ сначала я былъ тихъ
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Носкорбь часть отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце, наконецъ, открылъ я по неволѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ: мучительное бремя
Тягичитъ меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко
время:

Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!»

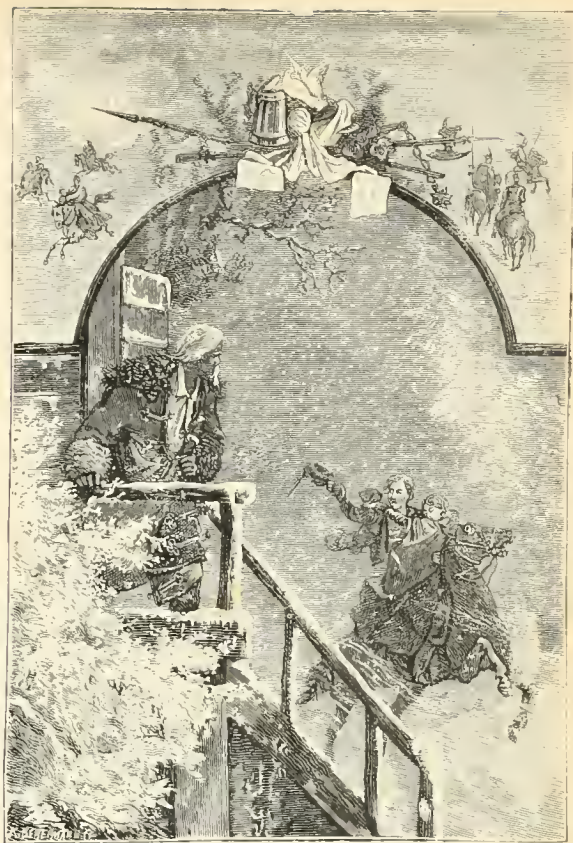
III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охлаждаютъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и взды—
халъ

И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои.

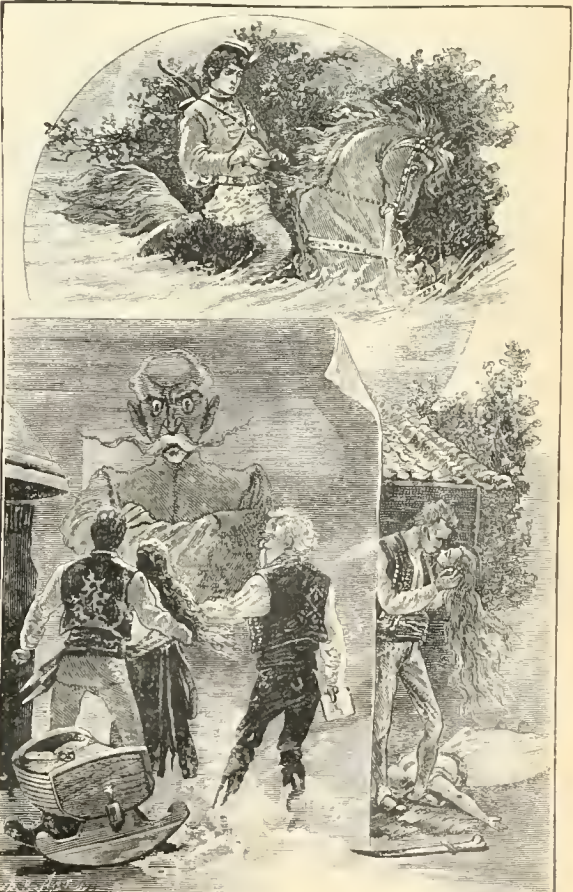
„Сказ. о рыб. и рыбѣ“. Долго у моря ждать онъ отвѣта.

„Будрысь и его сыновья“. „Смѣй дорогою мчѣтся“...

„Пѣсни з. слава“. Хрипичъ.—Георгій Черный.—Сестра и братъ.

„Пѣсни з. слава“. Ялышъ.—Марко Якубовичъ.—Неодоръ и Елена.

„Е. г. Онѣг.“ Ленскій читаетъ Онѣгину свои стихи.

„Евг. Онѣг.“ — „Я, знаешь, няня, влюблена“...

„Евг. Онѣг.“ Татьяна предъ окномъ стояла.

„Евг. Онѣг.“ Онѣгина: „Вы ко мнѣ писали, не отпирайтесь“.

Не довѣряя мнѣ, за должное почлѣ
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточень-

емъ
Меня на правый путь и бранью, и презрѣнь-

емъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И, наконецъ, они отъ крика утохились,
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикий плачь
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—уныньемъ изны-
вая,

И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на почлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злос-
ный;

Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ за-
гробный—

И вотъ о чемъ крушусь: къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой
таковъ,

Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ
дѣлѣ,
Чего-жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь от-
селѣ?»

И я: куда-жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «не видить-ли твой взоръ чего-вибудъ?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣлыя врачемъ избавленный слѣпецъ:
«Я вижу нѣкій свѣтъ»—сказалъ я наконецъ.
«Иди-жъ, онъ продолжалъ: держись сего ты

свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенія тѣсныхъ вратъ ты не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ-же
мигъ.

Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,
Кто ноносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ:
Иные ужъ за мной гнались—по я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городское поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста.
Спасенія узкій нуть и тѣсныя врата...

1834 г.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

(1822—1831).

Pétri de vanité il avait encore plus de
cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec
la même indifférence les bonnes comme les
mauvaises actions, suite d'un sentiment de
supériorité, peut-être imaginaire.
Tiré d'une lettre particulière.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

Не мысля гордый свѣтъ забавить.
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ-бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,—
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полунечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшить.
К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самѣхъ честныхъ правилъ:
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ.
Его примѣръ—другимъ наука!..
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство—
Подлживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда-же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ.
Всевышней волею Зевеса

Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ. —
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей-же часть,
Позвольте познакомить васъ:
Овѣгнѣ, добрый мой пріятель.
Родился на берегахъ Цевы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ вѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня...

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда-же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти вѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Овѣгнѣ на свободѣ,
Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ девди лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцевалъ
И кланялся непринужденно:
Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Такъ воспитавшемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Овѣгнѣ былъ, по мнѣнію многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педаантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ —
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ;
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ.

Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *val e*,
Да помянулъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но двѣ минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не шадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Теокрыта;
За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокой экономя,
То есть, умѣлъ судить о томъ.
Какъ государство богатѣтъ,
И чѣмъ живеть, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣтъ.
Отецъ повять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ:
Но въ чемъ онъ истинный былъ гевій,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь —
Была наука страсти вѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

.
.

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрять,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрять,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ или равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и ищень
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
 Шутя невинность изумлять,
 Пугать отчаяньемъ готовымъ,
 Пріятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленья,
 Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
 Умомъ и страстью побуждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь — и вдругъ
 Добиться тайнаго свиданья,
 И послѣ ей наединѣ
 Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда-жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья:
 Его ласкалъ супругъ лукавый,
 Фоблаза давній ученикъ,
 И недовѣрчивый старикъ,
 И роговоссѣдъ величавый,
 Всегда довольный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.

XV.

Бывало, онъ еще въ постели:
 Къ нему записочки несутъ.
 Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовутъ:
 Тамъ будетъ балъ, тамъ — дѣтскій праздникъ.
 Куда-жъ поскочитъ мой проказникъ?
 Съ кого начнетъ онъ? Все равно —
 Вездѣ носить не мудрено.
 Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ,¹
 Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ
 И тамъ гуляетъ на просторѣ,
 Пока дремлющій брегетъ
 Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится;
 «Поди! поди!» раздался крикъ;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобровый воротникъ.
 Къ Та lo n² помчался: онъ увѣренъ,
 Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
 Вошелъ — и пробка въ потолокъ,
 Вина кометы брызнулъ токъ,
 Предъ нимъ ro a st-be ef окровавленный,
 И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучшій цвѣтъ,

И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
 Межъ сыромъ лямбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
 Залить горячій жиръ котлетъ;
 Но звонъ брегета имъ доноситъ,
 Что новый начался балетъ.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательныхъ актрисъ,
 Почетный граждаинъ кулись,
 Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
 Гдѣ каждый, критикой дыша,
 Готовъ хлопнуть entree chat,
 Обшикать Федру, Клеопатру,
 Моину вызвать — для того,
 Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
 Сатиры смѣлый властелинъ,
 Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
 И перемчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлялъ;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресалъ
 Корнеля гений величавый;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумныхъ рой;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
 Тамъ, тамъ, подъ сѣблю кулись,
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Моя богини! Что вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:
 Все тѣ-же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
 Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
 Услышу-ль вновь я ваши хоры?
 Узрю-ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушный,
 Безмолвно буду я звать
 И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
 Партеръ и кресла, — все кипитъ;
 Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
 И, взвизывая, занавѣсъ шумитъ.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоятъ Истомина; опа,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другую медленно кружить,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,

Среди всеневныхъ наслаженій?
Вотще-ли былъ онъ средъ пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли:
Друзья и дружба надоели,
Затѣмъ, что не всегда-же могъ
В e e f - s t e a k s и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сынать острыя слова,
Когда болѣла голова;
И хотъ онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому с п л и н у,
Короче— русская х а н д р а
Имъ овладѣла по немногу;
Онъ застрѣлится, славу Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
Въ гостинныхъ появлялся онъ;
Ни силетни свѣта, ни бостонъ.
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.
.

XLII.

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бептама;
Но вообще ихъ разговоръ—
Несносный, хотъ невинный вздоръ.
Къ тому-жъ онъ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

XLIII.

И вы, красотки молодая,
Которыхъ позднѣю порой
Уносятъ дрожки удалая
По петербургской мостовой—
И васъ покинулъ мой Евгенийъ.
Отступникъ бурныхъ наслаженій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,

Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошечъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цѣхъ зазорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задрнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнуть бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ—онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ псгасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны я людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслялъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней—
Тому ужъ нѣтъ очарованій.
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызеть.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невой,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,

Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перевесенъ колодникъ сонный.
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
Какъ описалъ себя пѣтъ. ⁴
Все было тихо; лишь ночные
Переключались часовые,
Да дрожь отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдаль
Рожокъ и пѣснь удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Тюркватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны!
О, Брента! вѣтъ, увижу васъ,
И вдохновенія снова полный,
Услышу нашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона:
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Італіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ венеціанкою молодой,
То говорливой, то вѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ-ли часть моей свободы?
Пора, пора!—взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, ⁵ жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей, ⁶
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...

LI.

Онѣгивъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разнежены.
Отецъ его тогда скончался;
Передъ Онѣгинымъ собрался
Запмодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:

Евгеній, тяжбу ненавядя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди старика.

LII

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постели
И съ нимъ проститься былъ-бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приговляясь. денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
[И тѣмъ я началъ мой романъ];
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Сѣѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили;
Попы и гости ѣли, нили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгивъ—сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что-нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ заводили сонъ:
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та-же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучитъ голосъ лирный,
Живѣ творческіе сны.
Досугамъ посвящаясь невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И far niente—мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробужденъ

Для сладкой нѣги и свободы:
 Читаю мало, много силу,
 Летучей славы не ловлю.
 Не такъ-ли я въ былые годы
 Провелъ въ бездѣйствии, въ тиши,
 Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
 Поля! я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинымъ и мной,
 Чтобы насмѣшливый читатель
 Или какой-нибудь издатель
 Замысловатой клеветы,
 Слпчая здѣсь мои черты.
 Не повторялъ потомъ безбожно,
 Что намаралъ я свой портретъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
 Какъ будто намъ ужъ невозможно
 Писать поэмы о другомъ,
 Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
 Любви мечтательной друзья.
 Бывало, милые предметы
 Мнѣ свились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
 И дѣву горь, мой идеаль,
 И плѣнницъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ пастъ, мои друзья,
 Вопросъ нерѣдко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 Умильной лаской награждалъ
 Твое задумчивое пѣнье?
 Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку риемъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу, между тѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный умъ.
 Свободенъ, вновь ницу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ:
 Пишу, и сердце не тоскуетъ:
 Перо, забывшись, не рисуетъ
 Близъ неоконченныхъ стиховъ
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;

Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ;
 Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
 И скоро, скоро бури слѣдъ
 Въ душѣ моей совѣмъ утихнетъ.
 Тогда-то я начну писать
 Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

I.X.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
 И какъ героя назову.
 Покажѣсть моего романа
 Я кончилъ первую главу;
 Пересмотрѣлъ все это строго:
 Противорѣчій очень много.
 Но ихъ исправить не хочу.
 Цензурѣ долгъ свой заплачу,
 И журналистамъ на съѣденіе
 Плоды трудовъ своихъ отдамъ.
 Идя-же къ нескимъ берегамъ,
 Новорожденное творенье,
 И заслужи мнѣ славы дань:
 Кривые толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

O rus.
 Hor.
 O Русь!

I.

Деревья, гдѣ скупалъ Евгеній,
 Была прелестный уголокъ;
 Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
 Благословить-бы небо могъ.
 Господскій домъ уединенный,
 Горой отъ вѣтровъ огражденный.
 Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
 Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
 Луга и нивы золотыя,
 Мелькали села здѣсь и тамъ,
 Стада бродили по лугамъ,
 И сѣни расширялъ густыя
 Огромный, запущенный садъ.
 Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
 Какъ замки строиться должны:
 Отяжнно проченъ и спокоенъ,
 Во вкусѣ умной старины.
 Вездѣ высокіе покои,
 Въ гостиной штофные обои,
 Царей портреты на стѣнахъ
 Печи въ пестрыхъ изразцахъ.
 Все это нынѣ обветшало,
 Не знаю право почему,
 Да, впрочемъ, другу моему
 Въ томъ нужды было очень мало,
 Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
 Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
 Гдѣ деревенскій старожилъ
 Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился.

Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
 Все было просто: полъ дубовый,
 Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
 Нигдѣ ни пятнышка чернйль.
 Онѣгнѣ шкафы отворилъ:
 Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
 Въ другомъ—наливокъ цѣлый строй.
 Кувшины съ яблочной водой
 И календарь осьмого года:
 Старикъ, имѣя много дѣлъ,
 Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
 Чтобы только время проводить,
 Сперва задумалъ нашъ Евгеній
 Порядокъ новый учредить.
 Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
 Яремъ онъ барщины старинной
 Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
 И небо рабъ благословилъ.
 За то въ углу своемъ надулся,
 Увидя въ этомъ страшный вредъ,
 Его расцѣлливъ сосѣдъ;
 Другой лукаво улыбнулся,
 И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
 Что онъ—опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему донского жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышать ихъ домашні дроги—
 Поступкомъ оскорбѣя такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ;
 Онъ—фармазонъ; онъ пьетъ одно
 Стаканомъ красное вино;
 Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 Все да, да и тѣтъ, не скажетъ да-сѣ
 Иль нѣтъ-сѣ». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту-же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ
 И столь-же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта

Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
 Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
 Его лелѣла надежда,
 И міра новый блескъ и шумъ
 Еще плѣняли юный умъ.
 Онъ забавлялъ мечтою сладкой
 Сомнѣнья сердца своего;
 Цѣль жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломалъ,
 И чудеса подозревалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
 Соединится съ нимъ должна;
 Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы,
 И что не дрогнетъ ихъ рука
 Разбить сосудъ клеветника;
 Что есть избранные судьбами
 Людей священные друзья,
 Что ихъ безсмертная семья
 Неотразимыи лучами
 Когда-нибудь насъ озаритъ
 И міръ блаженствомъ одаритъ.

IX.

Негодование, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой страствовалъ на свѣтѣ;
 Подъ небомъ Шиллера и Гёте
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
 Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
 И вѣчто, и туману даль,
 И романтическія розы;
 Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
 Гдѣ долго въ лоно тишины
 Ліялись его живыя слезы;
 Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгеній
 Могъ оцѣнить его дары,
 Господь сосѣдственныхъ селеній

Ему не нравились пиры;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной!
 Ихъ разговоръ благоразумный
 О сѣнокосѣ, о винѣ,
 О псарѣ, о своей роднѣ,
 Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
 Ни поэтическимъ огнемъ,
 Ни острою, ни умомъ,
 Ни общежитія искусствомъ;
 Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
 Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
 Вездѣ былъ привѣтъ, какъ женихъ—
 Таковъ обычай деревенскій:
 Всѣ дочекъ прочили своихъ
 За полурусскаго сосѣда.
 Войдетъ-ли онъ—тотчасъ бесѣда
 Заводить слово стороной
 О скукѣ жизни холостой;
 Зовутъ сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаетъ чай;
 Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
 Потомъ приносятъ и гитару,
 И запищитъ она (Богъ мой!):
 «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!...»⁷

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ, конечно,
 Охоты узы брака несть,
 Съ Онѣгинимъ желалъ сердечно
 Знакомство покороче свести.
 Они сошлись. Волна и камень,
 Стихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны;
 Потомъ понравились; потомъ
 Сѣбѣ жались каждый день верхомъ,
 И скоро стали неразлучны.
 Такъ люди (первый каюсъ я)—
 Отъ дѣлать нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
 Всѣ предразсудки истреба,
 Мы почитаемъ всѣхъ—нулями,
 А единицами—себя;
 Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:
 Двухногихъ тварей миллионы
 Для насъ—орудіе одно;
 Намъ чувство дико и смѣшно.
 Свои же многихъ былъ Евгений,
 Хоть онъ людей, конечно, зналъ
 И вообще ихъ презиралъ;
 Но (правиль нѣтъ безъ исключеній)
 Иныхъ онъ очень отлѣчалъ
 И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
 Поэта пылкій разговоръ
 И умъ, еще въ сужденіяхъ зыбкій,

И вѣчно вдохновенный взоръ—
 Онѣгину все было ново;
 Онъ охладительное слово
 Въ устахъ старался удержать,
 И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
 Его минутному блаженству;
 И безъ меня пора придетъ;
 Пускай покаместъ онъ живетъ
 Да вѣрить міра совершенству;
 Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
 И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
 И къ размысленію влекло:
 Племень минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайвы роковыя,
 Судьба и жизнь въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэтъ въ жару своихъ сужденій
 Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
 Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
 И снисходительный Евгений,
 Хоть ихъ не много понималъ,
 Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
 Умы пустынноиковъ моихъ.
 Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
 Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
 Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
 Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
 И наковецъ отъ нихъ отсталъ;
 Блаженный тотъ, кто ихъ не зналъ,
 Кто охлаждалъ любовь разлукой,
 Вражду—злословіемъ; порой
 Зѣвалъ съ друзьями и женой,
 Ревнивой не тревожась мукой,
 И дѣловъ вѣрный капиталъ
 Коварной двойкѣ не вѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
 Благоразумной тишины,
 Когда страстей угаснетъ пламя
 И намъ ставовятся смѣшны
 Ихъ своевольство, иль порывы
 И запоздалые отзывы—
 Смирненныя не безъ труда,
 Мы любимъ слушать иногда
 Страстей чужихъ языкъ мятежный,
 И намъ онъ сердце шевелитъ.
 Такъ точно старый инвалидъ
 Охотно клонитъ слухъ прилежный
 Разсказамъ юныхъ усачей,
 Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
 Не можетъ ничего скрывать:
 Вражду, любовь, печаль и радость

Она готова разболтать.
 Въ любви считается инвалидомъ,
 Онѣгивъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
 Какъ, сердца исповѣдь любя,
 Поэтъ высказывалъ себя;
 Свою довѣрчивую совѣсть
 Онъ простодушно обнажалъ;
 Евгенийъ безъ труда узналъ
 Его любви младую повѣсть,
 Обильный чувствами рассказъ,
 Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любятъ; какъ одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена:
 Всегда, вездѣ одно мечтанье,
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль!
 Ни охлаждающая даль,
 Ни долгія лѣта разлуки,
 Ни музамъ данные часы,
 Ни чужеземныя красы,
 Ни шумъ веселій, ни науки
 Души не измѣнили въ немъ,
 Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣвленный,
 Сердечныхъ мукъ еще не зная,
 Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Ея младежескихъ забавъ;
 Въ тѣни хранилельной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣтямъ прочили вѣнцы
 Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
 Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелестив полна,
 Въ глазахъ родителей, ова
 Цвѣла, какъ лавдышъ потаенный,
 Незнаемый въ травѣ глухой
 Ни мотыльками, ни ичелой.

XXII.

Она поэту подарила
 Младыхъ восторговъ первый сонъ;
 И мысль о ней одушевила
 Его цѣвницы первый стонъ.
 Простите, игры золотыя!
 Онъ рощи полюбилъ густыя,
 Уединенье, тишину,
 И ночь, и звѣзды, и луну—
 Луну, небесную лампаду,
 Которой посвящали мы
 Прогулку средь вечерней тьмы,
 И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
 Но вынѣ видимъ только въ ней
 Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
 Всегда, какъ утро, весела,
 Какъ жизнь поэта простодушна,

Какъ подѣлуй любви мила,
 Глаза, какъ небо, голубые,
 Улыбка, локоны львяные,
 Движенья, голосъ, легкій ставъ,
 Все въ Ольгѣ... но любой романъ
 Возьмите и найдете, вѣрно,
 Ея портреты: онъ очень милъ;
 Я прежде самъ его любилъ;
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
 Позвольте мнѣ, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...
 Впервые именемъ такимъ
 Страницы нѣживыя романа
 Мы своеволью освятимъ.
 И что-жъ? Оно пріятно, звучно.
 Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье старинны,
 Иль дѣвичей. Мы всѣ должны
 Признаться, вкуса очень мало
 У васъ и въ нашихъ именахъ
 [Не говоримъ ужъ о стихахъ];
 Намъ просвѣщеніе не пристало,
 И намъ досталось отъ него
 Жеманство—больше ничего.

XXV.

И такъ, она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,
 Ни свѣжестью ея румяной
 Не привлекла-бъ она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная, боязлива,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.
 Она ласкаться не умѣла
 Къ отцу, ни къ матери своей;
 Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
 Играть и прыгать не хотѣла,
 И часто цѣлый день одна
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость—ея подруга
 Отъ самыхъ колыбельныхъ дней—
 Теченье сельскаго досуга
 Мечтами украшала ей.
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали иглъ; склонясь на няльцы,
 Узоровъ шелковыми она
 Не оживляла полотна.
 Охоты властвовать примѣта:
 Съ послушной куклой дитя
 Приготовляется шутя
 Къ приличію—закову свѣта—
 И важно повторяетъ ей
 Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
 Татьяна въ руки не брала:
 Про вѣсти города, про моды

Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда-же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ.
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ.
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ.
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ.
И всходитъ постепенно день.
Зимою, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣниво почиваетъ,—
Въ привычный часъ пробуждена.
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей равно нравились романы:
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый.
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Опѣ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой
И не заботился о томъ.
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена-жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобы Грандисона
Она Ловласу предпочла,³
Но встарину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по-неволѣ
Она вздыхала о другомъ.
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ—
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,

Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана—
Замѣна счастью она.

XXXII.

Привычка уладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ:
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,—
И все тогда пошло на стать.
Она ѣздила по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ.
Служанокъ была осердясь—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы вѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ X французскій,
Провозносила утѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Зелину
И обнѣвила. наковецъ.
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно.
Въ ея затѣи не входилъ.
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ тѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,—
И потужить, и пошлословить.
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины:

У нихъ на масляницѣ жирной
 Водились русскіе блины;
 Два раза въ годъ они говѣли;
 Любили круглыя качели,
 Подблюдны пѣсни, хороводъ;
 Въ день Троицынъ, когда народъ
 Зѣвая слушаетъ молебень,
 Умилно на пучекъ зарн
 Они роняли слезки три;
 Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребень,
 И за столомъ у нихъ гостямъ
 Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
 И отворились, наконецъ,
 Передъ супругомъ двери гроба,
 И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
 Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
 Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
 Дѣтми и вѣрною женой
 Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
 Онъ былъ простой и добрый баринъ,
 И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
 Надгробный памятникъ гласитъ:
 «Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
 Господній рабъ и бригадиръ
 Подъ камнемъ сямъ вкушаетъ миръ».

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Владиміръ Ленскій посѣтилъ
 Сосѣда памятникъ смиренный,
 И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
 И долго сердцу грустно было.
 «Рoor-Yoric!» молвилъ онъ уныло:
 Онъ на рукахъ меня держалъ.
 Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
 Его очаковской медалью!
 Онъ Ольгу прочилъ за меня,
 Онъ говорилъ: «дождусь-ли дня...»
 И полный искренней печалью,
 Владиміръ тутъ-же начерталъ
 Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тажъ-же надписью печальной
 Отца и матери, въ слезахъ,
 Почтилъ онъ прахъ патриархальный...
 Увы, на жизненныхъ браздахъ,
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По тайной волѣ Провидѣнья,
 Восходятъ, зрѣютъ и идутъ;
 Другія имъ вослѣдъ идуть...
 Такъ наше вѣтреное племѣ
 Растетъ, волнуется, кипитъ
 И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И ваши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покажѣсь увивайтесь ею,
 Сей легкой жизнію, друзья!

Ея ничтожность разумѣю
 И мало къ ней привязанъ я;
 Для призраковъ закрылъ я вѣжды:
 Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить;
 Живу, пишу не для похвалъ;
 Но я-бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чтوبъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
 И сохраненная судьбой,
 Быть можетъ, въ Лѣтѣ не потонетъ
 Строфа, слагаемая мной;
 Быть можетъ—лестная надежда—
 Укажетъ будущій невѣжда
 На мой прославленный портретъ
 И молвить: то-то былъ поэтъ!
 Прими-жъ мое благодаренье,
 Поклоvníкъ мирныхъ Аонидъ,
 О ты, чья память сохранить
 Мои летучія творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Elle était fille, elle, était amoureuse.
 Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
 —Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.—
 «Я не держу тебя; но гдѣ ты
 Свои проводишь вечера?»
 —У Лариныхъ.—«Вотъ это чудно.
 Помилуй! и тебѣ не трудно
 Такъ каждый вечеръ убивать?»
 —Ни мало.—«Не могу понять.
 Отселѣ вижу, что такое:
 Во-первыхъ—слушай, правъ-ли я?
 Простая русская семья,
 Къ гостямъ усердіе большое,
 Варенье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скотный дворъ»...

II.

—Я тутъ еще бѣды не вижу.—
 «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ».
 —Я модный свѣтъ вашъ ненавижу
 Милѣе мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу...—«Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну, что-жъ? ты ѣдешь? очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленскій: да нельзя-ль
 Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
 Предметъ и мыслей, и пера,

И слезъ, и рномъ et cetera?
Представь меня». — Ты шутишь! — «Нѣту».
— Я радъ. — «Когда же?» — Хоть сейчасъ.
Онъ съ охотой примутъ насъ. —

III.

«Поѣдемъ».

Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— Ну, что-жь, Онѣгинъ? Ты зѣваешь? —
«Привычка. Левскій». — Но скучаешь
Ты какъ-то больше. — «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глуныя мѣста!
А, кстати: Ларива проста.
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала-бъ вреда.

V.

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая грустна
И молчалива, какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна. —
«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
— А что? — «Я выбралъ-бы другую,
Когда-бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глушомъ небосклонѣ».
Владиміръ сухо отвѣчалъ
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Ларинныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой;
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жевиха;
Пные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колець не достали.

О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слухала съ досадою
Такія силетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадою
Неволью думала о томъ;
И въ сердцѣ дума заровилась:
Пора пришла — она влюбилась...
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи.
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ, —
Все полно имъ; все дѣвъ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ ова
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный пріѣздъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливей силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ,¹⁰
И Вертеръ, мученикъ мятежный.
И неподобный Грандисонъ.
Который намъ наводитъ сонъ, —
Всѣ для мечтательницы нѣжвой
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвенныя шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...

Но нашъ герой, кто-бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ вамъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимымъ,
Всегда несправедно гонимымъ,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокомъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ.¹¹
Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облечъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что-жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Увижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да правы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссору вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣгп страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минуешь дни
У ногъ любовницы прекрасной

Мнѣ приходила на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты вѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Приютъ счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣтъ ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Наставетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ вняей говоритъ:

XVII.

«Не спится, вняя: здѣсь такъ душно!
Открой окно да сядь ко мнѣ».
— Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно
Поговоримъ о старинѣ».
— О чемъ-же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынче все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло... — «Разскажи мнѣ, вняя,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то-бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ-же ты вѣнчалась, вняя?»
— Такъ видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣля двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;

Мнѣ съ плачемъ косу расплелъ
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую....
Да ты не слушаешь меня....—
«Ахъ, няня, няня, я тоскую.
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..»
— Дитя мое, ты нездорова:
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою.
Ты вся горюшь....— «Я не больна:
Я... знаешь, няня.. влюблена».
— Дитя мое, Господь съ тобою!—
И няня дѣвushку съ мольбей
Крестила дряхлую рукой.

XX.

«Я влюблена», шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова.—
«Оставь меня: я влюблена».
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы.
И распущенные волосы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрейкѣ:
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась....
«Иди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу:
Прости». И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна:
Облокотясь, Татьяна пишетъ.
И все Евгений на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого-жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ.
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ.
Непостижныхъ для ума;
Двигаясь изъ сферы модной,
Изъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ.
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надвигая ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь—для нихъ бѣда.
Пугать людей—для нихъ отрада.

Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что-жъ васель я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ:
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда пѣвчѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXVI.

За что-жъ виновнѣ Татьяна?
За то-ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вбрызнуть избранной мечтѣ?
За то-ль, что любить безъ искусства.
Послушная влеченью чувства.
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живей,
И своевравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и пѣвчѣмъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно:
Татьяна любить не шутя,
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ—
Любви мы пѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрите въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе колышемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь.
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналовъ вашихъ не читала
И выражалась съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
Итакъ писала по-французски...
Что дѣлать! повторяю вновь
Донинѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,

Довныѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотѣть заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу-ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонѣренными» въ рукахъ!¹²
Я шлюсь на васъ, мои поэты!
Не правда-ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ-ли, русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился-ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошѣбки
Я русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ грамматикѣ приучить насъ.
Стихи введутъ въ употребленье;
Но я—какое дѣло мнѣ?—
Я вѣрнѣ буду старить.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей
По-прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милой,
Какъ прошлой юности грѣхъ,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что-жъ? ей-ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю:нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ «Пировъ» и грусти томной!¹³
Когда-бъ еще ты была со мной,
Я сталь-бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.
Гдѣ ты? Приди—свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ финскимъ небосклономъ,

Онъ бродить, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный.
Или разыгранный Фрейшницъ
Перстами робкихъ ученицъ:

Письмо Татьяны къ Онегину

«Я вамъ пишу—чего-же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ.
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать наши рѣчи.
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ,
И день, и ночь до новой встрѣчи.
Но, говорить, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно:
А мы... ничѣмъ мы не блеснимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?).
По сердцу я нашла-бы друга,
Была-бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала-бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтъ...
То воля неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты—хранитель мой....
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся:
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,

Твой чудный взгляд меня томилъ,
Въ душѣ твой голодъ раздавался
Давно.... вѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда-ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты-ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Привикнулъ тихо къ изголовью?
Не ты-ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ-ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Моя сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души,
И суждено совѣмъ иное....
Но такъ и быть! судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой взнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль совѣтъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечестъ...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И снѣло ей себя вѣряю»...

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожить въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ.
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не вапираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,

Ужъ ей Филиппевна сѣдая
Приносить на подносы чай.
— Пора, дитя мое, вставай!
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, славу Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду нѣтъ!
Лице твое—какъ маковъ цвѣтъ.

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженье»....
— Изволь, родная, прикажи.—
«Не думай... право... подозрѣнье...
Но видишь.... Ахъ! не откажи».
— Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.—
«И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому....
Къ сосѣду.... да велѣть ему.
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня»....
— Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть:
Куда мнѣ ихъ и перечестъ.—

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
— Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара: тупѣетъ разумъ. Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли....—
«Ахъ, няня, няня! до того-ли?
Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Овѣгину».—Ну, дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя.
Ты знаешь, непонятна я...
Да что-жъ ты снова поблѣдѣла?—
«Такъ, няня, право, ничего....
Пошли-же внука своего».

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна, какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда-жъ отвѣтъ?
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
«Скажите: гдѣ-же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совѣмъ забылъ».
Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
— Сегодня быть онъ обѣщалъ.
Старушкѣ Ленскій отвѣчалъ:
Да видно почта задержала.—
Татьяна потупила взоръ.
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ.
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,

По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный неизгладимый: О да Е.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней выла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ... кровь ея застыла...
Вотъ ближе... скачутъ... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ и прямо въ садъ;
Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, дужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ.
Кусты, сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью.
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

XXXIX.

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!

О Боже! что подумалъ онъ!»
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранитъ надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
И ждетъ, нейдетъ-ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли
И пѣвьемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!)

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы-красавицы.
Душеньки-подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку.
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца.
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи».

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣвьемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло лавить пыланье;
Но въ персяхъ то-же трепетанье,
И не проходитъ жаръ лавить,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бѣтся радужнымъ крыломъ,
Плѣтвенный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озимахъ трепещетъ.
Увидя вдругъ издалика
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею—прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни.
И какъ огнемъ обожжена,
Остановилась она.
Но слѣдствію неожиданной встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять, и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ-нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя
И наслаждаясь, не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славою красныхъ каблучковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно,
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ-же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!

Кого не утомить угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обмавы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений.
Овъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблуждений
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ уснѣхомъ,
Вншняя въ шумѣ и въ тиши
Роутанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни лучшей цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь;
Откажутъ—мигомъ утѣшался;
Измѣнять—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній прѣѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгивъ живо тронуть былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаний
Въ немъ думы роємъ возмущилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый—
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился овъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ она молчали,
Но къ ней Онѣгивъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Душъ довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела

Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою.—
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII

«Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда-бы мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда-бы семейственной картипой
Плѣнился я хоть мигъ единый—
То вѣрно-бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ вной.
Скажу безъ блескоу мадригалныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно-бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ.
Я былъ-бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства—
Ихъ вовсе не достоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ-бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать—ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите-жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ, и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу, однакожъ, проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердить и холодно ревнивъ!
Таковъ я. И того-ль искалъ
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простотою,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата:
Не обновлю души моею...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжливъ.
Послушайте-жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы

Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова, но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгений.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій—
Татьяна слушала его.
Онъ подаль руку ей. Печально
(Какъ говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась:
Головкой томною склоняся,
Пошла домой вкругъ огорода;
Явился вмѣстѣ, и пикто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не шло ни за что.
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и то-же)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ не даромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты:
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой-бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой:
А, впрочемъ, онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любить... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова-ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значить именно родные?
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,

И по обычаю народа
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красивицъ пѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихоръ моды,
Но своеправіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому-жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтены быть должны;
Такъ наша вѣрная подруга
Вывасть вмѣгъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого-жъ любить? Кому-же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣрять
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не съестъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй, вѣрно, нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Люби безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой—
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ — и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою:
Пора, пора-бы замужъ ей!..
Но полно. Надо мнѣ скорѣй

Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣннѣннѣе болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ей покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что-жъ? Любовью упоенный.
Въ смятеніи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный.
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ:
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далеко,
Они надъ шахматной доской.
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко.
И Левскій пѣшкой ладью
Беретъ въ разсѣяніи свою.

XXVII.

Поѣдетъ-ли домой—и дома
Онъ занять Ольгою своею.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды.
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ.
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ-же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ выдали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правонисанью.
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.

На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écritez-vous sur ces tablettes?
И подпись: t. à v. Annette;
А на последнемъ прочитаешь:
«Кто любить болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня».

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факель и свѣтки:
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пѣтъ армейскій
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйскій.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякій мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро иль итъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рюмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной.
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,—
И дрожитъ, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграмма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы нмѣ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Левскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегій рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный.
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь. Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоценный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгій
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегій вѣнокъ убогій.
И нашей братьѣ рюмачамъ
Кричитъ: «да перестаньте плакать
И все одно и то-же квакать,
Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
Довольно—пойте о другомъ!»

—Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и капиталъ.
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь.
Не такъ-ли, другъ? —Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощныя годы.
Какъ было встарь заведено»...
—Однѣ торжественныя оды!
И. полно, другъ; не все-ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужого толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя сноснѣй
Унылымъ нашихъ речами?—
«Но все въ элегій ничтожно:
Пустая цѣль ей жалка:
Межъ тѣмъ цѣль оды высока
И благородна»... Тутъ-бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы.
Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ.
Владиміръ и писалъ-бы оды.
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось-ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ.
Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромный,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ.
Подругѣ юности моей;
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ нежданно за полу.
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и приемами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ.
Цугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ стрѣлъ.
Онѣ летаютъ съ береговъ.

XXXVI.

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Позію кланетъ и свистѣтъ.
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота.
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья.
Кто бредетъ приемами, какъ я.

Кто бьетъ хлопнушкой мухъ наказанныхъ.
Кто править въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ.
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

XXXVII.

А что-жъ Онѣгину? Ксатинъ, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его всеневныя занятя
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгину жилъ анахоретомъ:
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ:
Пѣвцу Гюльвары подражая.
Сей Геллеспонтъ переплывалъ.
Потомъ свой кофе выпивалъ.
Плохой журналъ перебирая.
И одѣвался... Только врядъ
Носили вы такой нарядъ.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй.
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый.
Обѣдъ, довольно прихотливый.
Бутылка свѣтлаго вина.
Уединенье, тишина—
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ я городъ и друзей.
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто.
Карриатура южныхъ зимъ.
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаемся не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало.
Ужъ рѣже солнышко блистало.
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась:
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной:
На нивахъ шумъ работъ умолкъ:
Съ своею волчию голодной
Выходитъ на дорогу волкъ:
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ:
На утренней зарѣ пастухъ

Не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветь его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трепещитъ лучника передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ рѣшмы—розы:
На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Влистаешь рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишокъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красивыхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ.
Скользнуть и падаетъ: веселый
Мелькается, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать перхотъ въ стени суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!
Не хочешь? Повѣрай расхождъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинный
Кой-какъ пройдетъ, и завтра то-жъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгивъ Чайльдъ-Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра;
Настанетъ вечеръ деревенскій,
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминномъ столъ накрытъ.
Евгевій ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей;
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Мозта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло: за него

Послѣдній блѣдный лептъ, бывало.
Давалъ я, помните-ль, друзья:
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало:
А сколько шутокъ и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я бордо благоразумный
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ ан я больше вѣспособенъ;
Ан любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, бордо, подобенъ другу,
Который въ горѣ и въ бѣдѣ
Товарищъ завсегда, вездѣ.
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихій раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ: едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
—Налей еще мнѣ полстакава...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда-нибудь
Заѣдемъ къ нимъ—ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ... какой же-я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.—

XLIX.

«Я?»—Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олпнька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.—
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду»...
—И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.

Поѣдемъ, сдѣлай одолженье!
Ну, что-жъ? — «Согласенъ». — Какъ ты
милъ!—

При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ:
И тайна брачныя постеля,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Ляфонтена...¹⁴
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

Ll.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократь блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ уговоривъ,
Поконтся въ сердечной вѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, пѣвчій, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенія, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не зная спихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!
Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа,—
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третью въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
По утру поблѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ пестрыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима.... Крестьянникъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;

Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это—низкая природа,
Изящнаго не много тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ отбѣнки зимнихъ вѣгъ:¹⁵
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисую въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покаместъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ финляндки молодой!¹⁶

IV.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красою
Любля русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозный,
И сани, и зарю поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И ихъ сулили каждый годъ
Мужьбевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда-жъ падучая звѣзда

По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеніи Тавя торопилася,
Пока звѣзда еще катилася.
Желанье сердца ей шепнута.
Когда случилось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей—
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна.
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что-жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаеть вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль.
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима:
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полного водою.
Выходятъ кольца чередою:
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты,
Гребутъ лопатой серебро:
Кому поемъ, тому добро
И слава!» Но сулить утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ:
Милѣй к ошурка сердцу дѣвъ.¹⁷

IX.

Морозна ночь; все небо ясно:
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течеть такъ тихо, такъ согласно..
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платицѣ выходить,
На мѣсяцъ зеркало наводить:
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожить печальная луна..
Чу... свѣгъ хруститъ... прохожіи: дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ.
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣднаго напѣва:
«Какъ ваше имя?» Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ:—Агаѳонъ.—

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Обиралась ночью ворожить,

Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть:
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ..
И я—при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть,
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковый
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто-бы она
Идетъ по свѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна рошчетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подаль-бы ей:
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто-жъ изъ-подъ него явился?¹⁸—
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна—ахъ! а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливими шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что-жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ.
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и лишъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтлыхъ ночныхъ:
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ зачесены,
Глубоко въ свѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по колѣно ей;

То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпить вдругъ, то изъ ушей
Златныя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронить она платокъ;
Поднять ей некогда; боится.
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой;
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогій;
Кругомъ все глушь; отсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
И ярко свѣтится окошко
И въ шалашѣ и крикъ. и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: «здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко!»
И въ сѣни прямо онъ идетъ
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что-же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь нѣдѣма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хностикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черенъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей,—
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкой глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подаетъ—и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ—и всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;

Онъ засмѣется—и всѣ хохочутъ;
Нахмурить брови—и всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать—
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать—
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений—
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико: очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавыя языки,
Рога и пальцы костяные—
Все указываетъ на нее,
И всѣ кричатъ: «мое! мое!»

XX.

— Мое!— сказалъ Евгений грозно.
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталась во тьмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ:
Онѣгинъ тихо увлекаетъ
Татьяну въ уголь и слагаетъ
Ее на шаткую скамью
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ;
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче; вдругъ Евгений
Хватаетъ длинный ножъ—и вмигъ
Поверженъ Ленскій. Страшно тѣни
Стустились: нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ:
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
«Ну, говоритъ: скажи-жъ ты мнѣ.
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постели съ книгою лежитъ,

За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не лияла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта.
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ:
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байропъ, ни Сенека.
Ни даже Дамскихъ модъ журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ Задека.
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье.
И для Татьяны наконецъ,
Его, съ разрозненной «Мальвиной».
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонта третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ
И безотлучно съ нею спитъ.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленіи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, бѣра, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ:
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все беспокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ: цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога:
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ:
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога.
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своею супругою дорожной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ:

Гвоздиль, хозяинъ превосходный.
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ:
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ¹⁹
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ.
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосе Трике,
Острикъ, недавно изъ Тамбова.
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голось, знаемый дѣтми:
Reveille vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ:
Трике, догадливый поэтъ.
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло—вѣсто belle Nina—
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада,
Созрѣвшихъ барышенъ кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада.
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой:
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ.
Мужчины противъ и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры:
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подънимаютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и нищаютъ.
Вдругъ двери настежь. Левскій входитъ
И съ нимъ Олѣгъ. «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И утренней луны блѣднѣй.

И трепетѣй гонимой лави,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствѣй двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть.
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгений:
Довольно онъ ихъ перенесъ.
Чудакъ, позавъ на пиръ огромный,
Ужъ былъ сердитъ. Но дѣвы томной
Замѣта трепетный порывъ,
Съ досады взоры опутивъ,
Надулся онъ, и негодуя.
Поклялся Ленскаго взбѣситъ
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Барикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Ковечно, не одинъ Евгений
Смятенъ Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію пересоленный);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаркихъ и бланманже,
Цамлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талии твоей,
Зизя, кристалъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіялъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной.
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ... И вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жава; Трике,
Къ ней обратясь, съ листкомъ въ рукѣ.
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Опа
Пѣвцу присѣсть ирпнуждена;
Поэтъ-же скромный, хотъ великій.
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты. поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.

Когда же-дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родила жалость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-вѣженъ. Отъ того-ли,
Что онъ и вправду тронуть былъ,
Иль онъ, кокетствуя, шалелъ,
Невольно-ль, иль изъ доброй воли.
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья:
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ:
Подсѣли дамы къ комельку;
Дѣвцы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ зазорныхъ игроковъ
Востонъ, и ломберъ—стариковъ
И вистъ, донинѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робберовъ сыграли
Герон виста; восемь разъ
Они мѣста пережѣняли;
И чай несутъ. Люблю я частъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный пашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь-же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь веллководно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Кирида, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онъгинимъ холоднымъ,
Предъ сонной скукою полей,
Передъ Истоминой моею,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Тани (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ.
Хоть за Елену Менелай

Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить фригійскій бѣдливый край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшить:
Правъ Менелай и правъ Парисъ.
Что-жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать;
Извольте далѣе читать,
Начала не судите строго:
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залъ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чая съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ—Ленскій; Харликову,
Невѣсту пересѣльных лѣтъ,
Беретъ тамбовскій мой поэтъ;
Умчалъ Буяновъ Нустякову,
И въ залу высыпали всѣ.
И балъ блестятъ во всей краѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось вредѣ мнѣ Альбана
Баль петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустыя мечтаньямъ,
Я занялся воспоминаньямъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Одвообразный и безумный.
Какъ вихоръ жизни молодой.
Кружится вальса вихоръ шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщевья приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ: быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулѣ ее сажаетъ.
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ;
Спустя минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленіи. Ленскій самъ
Не вѣрять собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,

Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трепалъ подъ каблучкомъ,
Тряслся, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблучки, усы
Все тѣ-же: нѣхъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ повѣйшихъ россиянь.

XLIII.

Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вкругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче—каблучки
Отдавать дамскіе носки!

XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою; проворный
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ—и запыхалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонѣ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что-же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Ова могла...
Возможно-ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтривый ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снести удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули—больше ничего—
Вдругъ разрѣшать судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nu bilosi e brevi,
Nasce una gente cui l'morir non dole (Pert.)

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся.
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,

Близъ Ольги въ думу погрузился,
 Довольный мщеніемъ своимъ.
 За нимъ и Оленька зѣвала,
 Глазами Ленскаго искала,
 И безконечный котильонъ
 Ес томилъ, какъ тяжкій сонъ.
 Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
 Постели стелать; для гостей
 Почлегъ отводить отъ сѣней
 До самой дѣвичьей. Всѣмъ пужепъ
 Покойный сонъ. Онѣгний мой
 Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостинной
 Храпитъ тяжелый Пустяковъ
 Съ своей тяжелой половиной.
 Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
 И Фляновъ, не совсѣмъ здоровый,
 На стульяхъ улглись въ столовой,
 А на полу мосѣ Трике,
 Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
 Дѣвнцы въ комнатахъ Татьяны
 И Ольги всѣ обѣяты сномъ.
 Одна, печально подъ окномъ
 Озарена лучемъ Діаны,
 Татьяна бѣдная не спитъ
 И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленіемъ,
 Мгновенной нѣжностью очей
 И страннымъ съ Ольгой поведеніемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можетъ
 Никакъ попятъ его; тревожитъ
 Ее ревнивая тоска,
 Какъ будто хладная рука
 Ей сердце жметъ, какъ-будто бездна
 Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
 «Погибу, Таня говоритъ:
 Но гибель отъ него любезна.
 Я не роншу: зачѣмъ ронять?
 Не можетъ онъ мнѣ счастья дать».

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторія!
 Лицо насъ новое зоветъ.
 Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живетъ
 И здравствуетъ еще до пивъ
 Въ философической пустыпѣ
 Зарѣцкій, нѣкогда буянь,
 Картежной шайки атаманъ,
 Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
 Теперь-же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже честный человѣкъ:
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:

Сочиненія А. С. Пушкина.

Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
 Въ пяти саженьяхъ попадалъ;
 И то сказать, что и въ сраженіи
 Разъ въ настоящемъ убоеніи
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ коня калмыцкаго сваясь,
 Какъ зюзя пьяный, и французамъ
 Достался въ илѣнь: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чести богъ,
 Готовый внонь предаться узамъ,
 Чтобъ каждымъ утромъ у Верп²⁰
 Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
 Умѣлъ морочить дурака
 И умнаго дурачить славно,
 Иль явно, иль исподтишка,
 Хотя и ему нныя штуки
 Не проходили безъ науки,
 Хотя иногда и самъ впросакъ
 Онъ попадался, какъ простакъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и тупо отвѣчать,
 Порой разсчетливо смолчать,
 Порой разсчетливо повздорить,
 Друзей поссорить молодыхъ
 И на барьеръ поставитъ ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
 Дабы позавтракать втроемъ,
 И послѣ тайно обезславить
 Веселой шуткою, враньемъ;
 Sed alia tempora! Удалость
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходить съ юностью живой.
 Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Отъ буръ укрывшись наковецъ,
 Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
 Канусту садитъ, какъ Горацийъ,
 Разводитъ утокъ и гусей
 И учитъ азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгенийъ,
 Не уважая сердца въ немъ,
 Любилъ в духъ его сужденій,
 И здравый толкъ о томъ, о семъ.
 Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
 Видался съ нимъ; и такъ, ни мало
 Поутру не былъ удивленъ,
 Когда его увидѣлъ онъ.
 Тотъ, послѣ перваго привѣта,
 Прервавъ начатый разговоръ,
 Онѣгнину, осклабя взоръ,
 Вручалъ записку отъ поэта.
 Къ окну Онѣгния подошелъ
 И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
 Короткій вызовъ иль картель:

Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенія,
Къ послу такого порученія
Оборотясь, безъ лишнѣхъ словъ
Сказалъ, что онъ всегда готовъ.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій,
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ.
И тотчасъ вышелъ; но Евгенийъ
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И по дѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вчеръ небрежно.
А во-вторыхъ, нускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Опо простительно. Евгенийъ,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ.

XI.

Онъ могъ-бы чувства обнаружить,
А не щетиниться какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло....
Къ тому-жъ—онъ мыслить—въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ:
Онъ золь, онъ сплетникъ. онъ рѣчисть....
Конечно, быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотъна глупцовъ»....
И вотъ—общественное мнѣнье!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой ветерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивый
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревницу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ-нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхавъ завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ лашку или въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ

Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою на послѣдокъ—
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Оленьку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Оленька съ крыльца,
Подобна вѣтрепой надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела.
Ну, точно та-же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вчеръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помutilись,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда.
Предъ этой нѣжной простотой.
Предъ этой рѣзвою душой!..
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленіи:
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ....

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгой своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день вапомнить ей;
Онъ мыслить: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздохомъ, и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилен стебелекъ;
Чтобы двухъ-угрений цѣтокъ
Увяль еще полураскрытый».
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда-бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда-бы вѣдала Татьяна,
Когда-бы знать она могла.
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила-бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна извивала тайно;
Одна-бы няня знать могла.
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ.
То молчаливъ, то весель вновь;

Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
 Всегда таковъ: нахмура бровь,
 Садился онъ за клавикуды
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
 Шепталъ: «не правда-ль, я счастливъ?»
 Но поздно: время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо:
 «Что съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
 Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящики, и раздѣтый
 При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
 Но мысль одна его объемлетъ,
 Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
 Съ неизъяснимою красой
 Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чешуи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Дельвигъ пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,
 Весны моей златые дни?
 Что день грядущій мнѣ готовить?
 Его мой взоръ напрасно ловить;
 Въ глубокой мглѣ таятся онъ.
 Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 Паду-ли я, стрѣлой пронзенный,
 Иль мимо пролетитъ она,
 Все благо: бдѣнія и сна
 Приходитъ часъ опредѣленный;
 Благословенъ и день заботъ,
 Благословенъ и тѣмъ приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 И заиграетъ яркій день;
 А я, быть можетъ, я гробницы
 Сойду въ таинственную сѣнь,
 И память юнаго поэта
 Поглотитъ медленная Лета,
 Забудетъ міръ меня; но ты
 Придешь-ли, дѣва красоты,
 Слезу пролить надъ ранней урной
 И думать: онъ меня любилъ,
 Онъ мнѣ единой посвятилъ
 Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
 Сердечный другъ, желанный другъ,
 Приди, приди: я — твой супругъ!»...

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло
 (Что романтизмомъ мы зовемъ,

Хоть романтизма тутъ ни мало
 Не вижу я, да что памъ въ томъ?)
 И наконецъ передъ зарею,
 Склонясь усталой головою,
 На модномъ словѣ идеаль
 Тихонько Ленскій задремалъ;
 Но только соннымъ обаяньемъ
 Онъ позабылся — ужъ сосѣдъ
 Въ безмолвный входитъ кабинетъ
 И будитъ Ленскаго позваньемъ:
 «Пора вставать: седьмой ужъ часъ!
 Овѣгипнъ, вѣрно, ждетъ ужъ насъ».

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгений
 Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
 Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
 И встрѣченъ Вesperъ нѣтухомъ:
 Овѣгипнъ спитъ себѣ глубоко.
 Ужъ солнце катится высоко,
 И перелетная метель
 Влеститъ и вѣется; но постель
 Еще Евгений не покинулъ,
 Еще надъ нимъ летаетъ совъ.
 Вотъ, наконецъ, проснулся онъ
 И полы завѣса раздвинулъ;
 Глядитъ и видитъ, что пора
 Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
 Къ нему слуга, французъ Гильо,
 Халатъ и туфли предлагаетъ
 И подаетъ ему бѣлье.
 Снѣшитъ Овѣгипнъ одѣваться,
 Слугѣ велитъ приготовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговныя.
 Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
 Примчались. Онъ слугѣ велитъ
 Лепажа²¹ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
 Идетъ Овѣгипнъ съ извиненьемъ.
 «Но гдѣ-же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ нзъ чувства
 И челоуѣка растянуть
 Онъ позволялъ не какъ-нибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгеній;
 «Вотъ онъ — мой другъ, monsieur Guillot.

Я не предвижу возражений
 На представленіе мое;
 Хоть человекъ онъ невѣстный,
 Но ужъ конечно малый честный».
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Овѣгивъ Ленского спросилъ:
 «Что-жь, начинать?»—Начнемъ, пожалуй,
 Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мельницу. Пока вдали
 Зарѣцкій нашъ и честный малый
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно-ли другъ отъ друга
 Ихъ жажда крови отвела?
 Давно-ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣляли дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
 Какъ въ страшиломъ, непонятномъ свѣ,
 Они другъ другу въ тишинѣ
 Готовятъ гибель хладнокровно...
 Не засмѣяться-ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука.
 Не разойтись-ль полюбовно?...
 Но дико свѣтская вражда
 Бойся ложного стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули;
 Гремѣтъ о шомполь молотокъ,
 Въ граненый стволъ уходятъ пули,
 И щелкнувъ въ первый разъ курокъ.
 Вотъ порохъ струйкой сѣрвовой
 На полку сыплется. Зубчатый,
 Надежно ввищенный кремль
 Введенъ еще. За ближній пень
 Становится Гильо смущенный.
 Плащи бросаютъ два врага.
 Зарѣцкій тридцать два шага
 Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
 И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Тенерь сходитесь».—Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолетъ тогда Евгенийъ,
 Не престаивая наступать,
 Сталъ первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталъ также цѣлѣть—но какъ-разъ
 Овѣгивъ выстрѣлилъ... Пробыли
 Часы урочные: поэтъ
 Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ

Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
 Оцѣгивъ къ юношѣ снѣшпѣтъ,
 Глядитъ, зоветъ его... наврасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
 Увялъ на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
 Былъ томный взоръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
 Дымясь, изъ рапы кровь текла.
 Тому назадъ одно мгновенье,
 Въ семь сердцѣ было вдохновенье.
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь;
 Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно—
 Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мѣломъ
 Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
 А гдѣ? Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эниграммой
 Взбѣсить оплошного врага;
 Пріятно зрѣть, какъ онъ, уврамо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Пріятнѣе, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдору: это я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему готовить честный гробъ
 И тихо цѣлѣть въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньи;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва-ль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что-жь, если вашимъ пистолетомъ
 Сраженъ пріятель молодой,
 Пескомъ въ взглядомъ, плѣ отвѣтомъ,
 Или бездѣлней явой
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой?
 Скажите: вашу душой
 Какое чувство овладѣтъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ,
 Иредъ вами, съ смертью на челѣ,
 Онъ постепенно костенѣтъ,
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений
 Рукою стиснувъ пистолетъ.

Глядѣть въ Ленскаго Евгеній.
 «Ну, что-жь? убить!» рѣшилъ сосѣдъ.
 Убить!... симъ страшнымъ восклицаньемъ
 Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
 Отходить и людей зоветь.
 Зарѣцкій бережно кладетъ
 На сани трупъ оледенѣлый;
 Домой везетъ онъ страшный кладъ.
 Почуя мертвца, храпѣтъ
 И бьются кони, пѣной бѣлой
 Стальные мочать удила
 И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жалъ поэта:
 Во цвѣтѣхъ радостныхъ надеждъ,
 Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
 Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
 Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
 Гдѣ благородное стремленье
 И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
 Гдѣ бурныя любви желанья
 И жажда знаній и труда,
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣтныя мечтанья,
 Вы, призракъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
 Иль хотъ для славы былъ рожденъ;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
 Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,
 Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую тайну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,
 И за могильною чертою
 Къ ней не дожится гимнъ временъ,
 Благословеніи племень.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: poeta
 Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
 Прошли-бы юности лѣта,
 Въ немъ пылъ души-бы охладѣлъ;
 Во многомъ онъ-бы измѣнился,
 Разстался-бъ съ музами, женился;
 Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
 Носилъ-бы стеганный халатъ;
 Узналъ-бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Цилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
 И наконецъ въ своей постели
 Скончался-бъ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и врачей.

XL.

Но что-бы ни было, читатель,
 Увы, любовникъ молодой,

Поэтъ, задумчивый мечтатель,
 Убить пріятельской рукой!
 Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
 Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
 Двѣ сосны, корнями срослись;
 Подъ ними струйки извилились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
 И жницы въ волны погружать
 Приходятъ звонкіе кувшины;
 Тамъ у ручья, въ тѣни густой,
 Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаеть капать
 Весенній дождь на злѣкъ полей)
 Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
 Поетъ про волжскихъ рыбаей;
 И горожанка молодая,
 Въ деревнѣ лѣто провождая,
 Когда стремглавъ верхомъ она
 Несется по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ останавливаетъ,
 Ремешный поводъ натянувъ.
 И флеръ отъ шляпы отвернувъ,
 Глазами бѣглыми читаетъ
 Простую надпись—и слеза
 Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
 Въ мечтанья погружаясь она;
 Душа въ ней долго поневолѣ
 Судьбою Ленскаго иола;
 И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
 Въ ней сердце долго-ли страдало,
 Иль скоро слезъ прошла нора?
 И гдѣ теперь ея сестра?
 И гдѣ-жь бѣглець людей и свѣта,
 Красавицъ модныхъ модный врагъ,
 Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
 Убийца юнаго поэта?»
 Современемъ отчетъ я вамъ
 Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хотя я сердечно
 Люблю героя моего,
 Хотя возвращусь къ нему, конечно,
 Но мнѣ теперь не до него:
 Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
 Лѣта шалунью риму гонятъ,
 И я, со вздохомъ признаюсь,
 За ней лѣнивей волочусь.
 Перу старинной нѣтъ охоты
 Марать летучіе листы:
 Другія, хладныя мечты,
 Другія, строгія заботы
 И въ шумѣ свѣта, и въ тиши
 Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ нѣмыхъ желаній,
 Позналъ я новую печаль;

Для первыхъ вѣтъ мнѣ уюваній,
 А старой мнѣ печали жаль.
 Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ, вѣчная къ ней приема, младость?
 Ужель и вправду, наконецъ,
 Увяль, увяль ея вѣнецъ?
 Ужель и впрямь, и въ самомъ дѣлѣ,
 Безъ элегическихъ затѣй,
 Весна моихъ промчалась дней
 (Что я шутя твердилъ доселѣ)?
 И ей ужель возврата вѣтъ?
 Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
 Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
 Но, такъ и быть, простимся дружно,
 О юность легкая моя!
 Благодарю за наслажденья,
 За грусть, за милыя мученья,
 За шумъ, за бури, за пьры,
 За всѣ, за всѣ твои дары;
 Благодарю тебя. Тобою
 Среди тревогъ и въ тишинѣ
 Я наслаждался... и вполнѣ;
 Довольно! Съ ясною душою
 Пускаюсь нынѣ въ новый путь
 Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите-жъ, стѣны,
 Гдѣ дни моя текли въ глуши,
 Исполнены страстей и лѣтви
 И снова задумчивой души.
 А ты, младое вдохновенье,
 Волнуй мое воображенье,
 Дремоту сердца оживляй,
 Въ мой уголъ чаще прилетай,
 Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть
 И наконецъ окаменѣть
 Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
 Среди бездушныхъ гордецовъ,
 Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
 Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
 Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
 Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
 Среди кокетокъ богомольныхъ,
 Среди холопьевъ добровольныхъ,
 Среди всеневныхъ модныхъ сценъ,
 Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
 Среди холодныхъ приговоровъ
 Жестокосердой суеты,
 Среди досадной пустоты
 Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,—
 Въ семь омуѣ, гдѣ съ вами я
 Купаюсь, милые друзья!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
 Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?

Баратынскій.

Говенье на Москву? что значить видѣть свѣтъ!

Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибодовъ.

I.

Гонимы внешними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже свѣга
 Сбѣжали мутными ручьями
 На потопленные луга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
 Синѣя блещутъ небеса.
 Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто духомъ зеленѣютъ.
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой.
 Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
 Стада шумать, и соловей
 Ужъ пѣль въ безмолвіи почей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
 Весна, весна, пора любви!
 Какое томное волненье
 Въ моей душѣ, въ моей крови!
 Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицо мнѣ вѣющей веспы
 На ловѣ сельской тишины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье,
 И все, что радуешь, живить,
 Все, что ликуетъ и блестятъ,
 Наводятъ скуку и томленье
 На душу мертвую давно,
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ лѣсовъ?
 Или съ природой оживленной
 Оближаемъ думою смущенной
 Мы увядавъ нашихъ лѣтъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
 Средь поэтического сна,
 Иная, старая весна,
 И въ трепетъ сердце намъ приводятъ
 Мечтой о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣтнвцы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливыцы,
 Вы, школы Левшиана птенцы,²²
 Вы, деревенскіе Пріамы,

И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей...
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжело нагруженныхъ,
На долгихъ, или на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ городскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выпишой
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравный
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унылый,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой,
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ,
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ...

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ, цвѣтетъ ниповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Левскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ,
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подружки,
И на могилѣ, при луѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылый
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилый,
Пастухъ по-прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Левскій! взывая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печали не вѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,

Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить;
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любилъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ,
Она стыдливо подъ вѣщомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Левскій! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился-ли нѣмецъ унылый
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летою усиленный,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженный,
Ужъ не смущается вичѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?..
Такъ равнодушное забвеніе
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно нѣмье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла;
Липъ смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо,
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суеилось
Вокругъ кареты молодыхъ.
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла нѣтъ вослѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькохъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченія не находятъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далеко
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;

Она должна въ немъ ненавидѣть
Убийцу брата своего.
Поэтъ погнѣнъ... но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустить... на что грустить?..

XV.

Вылъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь ныла
Огонь рабочій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна:
Шла, шла... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце бѣ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду-ль впередъ, пойду-ль назадъ?..
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ
Едва дыша, кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки;
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали нсовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя-ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анися тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась.
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канане лежалъ
Манежинъ хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ свивгалъ одинъ!

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойникъ Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйста за мною,—
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь починалъ овъ, кофей кушалъ,

Приказчика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь жила.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И гряда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ.
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной,
Какъ очарована, стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долині. Рѣща снить
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримъ молодой
Нора, давно нора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
Издавна чтенье разлюбилъ;
Однако-жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ оналы исключилъ:
Пѣвца Гюга и Жуана,

Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безправственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Книжащимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтею.
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ—
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинается понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣ, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія-ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждуть ее давно,
Гдѣ собрались два сосѣда
И гдѣ о ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна—не дитя»,
Старушка молвила кряхтя.
«Вѣдь Оленька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и то-же:
Нейду. И все груститъ она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна».

XXVI.

— Не влюблена-ль она? — «Въ кого-же?
Буяновъ сватался — отказъ.
Ивану Пѣтушкову — тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ:
Ужъ какъ онъ Таню прельщался,

Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось;
Куда! — и снова дѣло прозъ».
— Что-жъ, матушка, зачѣмъ-же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ. —
«Охъ, мой отецъ! доходу мало».
— Довольно для одной зны;
Не то ужъ дамъ хоть я займы. —

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Сочлась, и тутъ-же положила
Въ Москву отправиться зимою.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представитъ ясныя черты
Провинціальной простоты
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!..
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшить,
И умиленными очами
Ихъ озирая, говорить:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣня милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!..
Прости-жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать сиѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ;
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ сѣверъ, тучи паголяя,
Дохнулъ, завилъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою

Сравняла пухлой челеною;
Влеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ свѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшнѣ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ:
Приходить и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенно брошенный возокъ.
Обозъ обычный—три кибитки
Везуть домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенья въ банкахъ, тюфяки,
Перья, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачь:
Ведутъ на дворъ восемнадцать клячъ.

XXXII.

Въ позокъ боярскій нхъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;
Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера:
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ фореиторъ бородатый;
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
Прости, пріютъ уединенный!
Увижу-ль васъ?..» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги, вѣрно,
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой:
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой ставціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гниютъ,
На станціяхъ клоны да блохи
Заснутъ минуты не даютъ:
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,

Высокопарный, но голодный,
Для виду преискурантъ виситъ
И тщетный дразнить анкетитъ;
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклоны,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колени
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомеды наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ.²³
Къ вѣсчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ—
И наша дѣва насладились
Дорожной скукою виолнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклонной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселъ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ въ грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.

Мелькаютъ мимо будки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазинны моды,
 Балконы, львы на воротахъ
 И стан галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
 Проходитъ часъ-другой, и вотъ
 У Харитовья въ переулкѣ
 Возокъ предъ домомъ у воротъ
 Остановился. Къ старой теткѣ,
 Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
 Онѣ пріѣхали теперь.
 Имъ настѣжъ отворяетъ дверь
 Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
 Съ чулкомъ въ рукѣ сѣдой калмыкъ.
 Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
 Княжны, простертой на диванѣ.
 Старушки съ плачемъ обнялись,
 И поскликанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!»-Pachette!-«Полина!»
 — Кто-бъ могъ подумать?—«Какъ давно!»
 — Надолго-ль?—«Милая кузина!»
 — Садись! какъ это мудроно!
 Ей Богу, сцена изъ романа...—
 «А это дочь моя, Татьяна».
 — Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,
 Какъ будто брежу я во снѣ...
 Кузина, помнишь Грандисона?—
 «Какъ, Грандисонъ?.. а, Грандисонъ!»
 Да, помню, помню. Гдѣ-же онъ?
 — Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расскажемъ,
 Не правда-ль! Всей ея роднѣ
 Мы Таню завтра-же покажемъ.
 Жаль, разбѣзжать нѣтъ мочи мнѣ:
 Едва-едва таскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
 Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
 Мнѣ тяжела теперь и радость,
 Не только грусть... душа моя,
 Ужъ никуда не годна я...
 Подъ старость, жизнь—такая гадость...—
 И тутъ совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки, и веселье
 Татьяну трогаетъ; по ей
 Нехорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.
 Подъ занавѣскою шелковой

Не спится ей въ постели новой,
 И ранній звонъ колоколовъ,
 Предтеча утреннихъ трудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.
 Садится Таня у окна.
 Рѣдѣетъ сумракъ; но она
 Своихъ полей не различаетъ:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣдамъ
 Развозятъ Таню каждый день—
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсѣянную лѣнь.
 Роднѣ, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встрѣча,
 И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
 «Какъ Таня выросла! Давно-ль
 Я, кажется, тебя крестила?»
 — А я такъ на руки брала!—
 «А я такъ за уши драла».
 — А я такъ пряникомъ кормила!—
 И хоромъ бабушки твердятъ:
 «Какъ наши годы то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемены —
 Все въ нихъ на старый образецъ:
 У тетушки княжны Елены
 Все тотъ-же тюлевый ченецъ;
 Все бѣлится Лукерья Львовна,
 Все также жлетъ Любовь Петровна,
 Иванъ Петровичъ также глухъ,
 Семенъ Петровичъ также скупъ,
 У Пелаген Николажны
 Все тотъ-же другъ, мосе Финмушъ,
 И тотъ-же шинцъ, и тотъ-же мужъ;
 А онъ—все клуба членъ исправный,
 Все также смрепъ, также глухъ
 И также ѣсть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
 Младшая граціи Москвы
 Сначала молча озираютъ
 Татьяну съ ногъ до головы;
 Ее находятъ что-то странной,
 Провинціальной и жеманной,
 И что-то блѣдной и худой,
 А впрочемъ очень недурной;
 Потомъ, покорствуя природѣ,
 Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
 Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
 Взбиваютъ кудри ей по модѣ
 И новѣряютъ на распѣвъ
 Сердечны тайпы, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды.
 Надежды, шалости, мечты...
 Текуть невинныя бесѣды
 Съ прикрасой легкой клеветы,
 Потомъ, въ отплату лепетанья,

Ея сердечнаго призапанья
Умилно требуютъ оуѣ.
Но Тяня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участя,
Не понимаетъ ни чего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ, и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ
И нмъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нпхъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветуютъ даже скучно;
Въ бесплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть на обумъ;
Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Тяню чопорно глядятъ
И про нее между собою
Неблагодарно говорятъ.
Однѣ какой-то шутъ печальный
Ее находятъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной тети Таню встрѣтя,
Къ пей какъ-то Вяземскій подѣлъ
И душу ей занять успѣлъ;
И близъ него ея замѣтя,
Объ ней, поправля свой парнкъ,
Освѣдомляется старнкъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мпшурной
Она предъ хладною толпою,
Гдѣ Талія тихопоко дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внимлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣтъ блистанья,
Мельканье, вихоръ быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы.

Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣсть обширный полукругъ—
Все чувство поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ фравты записныя
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускныя
Снѣшать явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ;
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна,
Средь женъ и дѣвъ блеснить одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесный!...
Но полно, полно, перестань—
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ у колонны,
Незамѣчаема вѣкъмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ ромашамъ,
И въ сумракъ линовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далеке бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ;
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генераль.
Другъ другу тетушки выгнули
И локтемъ Тяню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни на-лѣво поскорѣй».
— На-лѣво? гдѣ? что тамъ такое?—
«Ну, что-бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ?»...
— Кто? толстый этотъ генераль?—

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравитъ
Татьяну милую мою
И восторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою....
Да кстати здѣсь о томъ два слова:

«Пою пріятеля молодого
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ».
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever fare thee well.

Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безыатежно расцѣталь,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Вблизи водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ:
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

III.

И я, въ законъ себѣ вѣняя
Сгратей сдвинный произволъ,
Съ толпою чувства раздѣлая,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ;
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь мипувшихъ дней
За пѣю буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ пѣхъ союза
И вдалѣ бѣжалъ... она—за мной.
Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь пѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,

Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по берегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Переиды,
Глубокой, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальнюю
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренныя шатры
Племень бродящихъ посѣщала
И между ними одиночала
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, страшныхъ языковъ,
Для пѣсенъ, степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась баришней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій раутъ привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ.
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройный
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойней,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманный?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
Что—сплывъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгенийъ?
Ужели онъ?.. Такъ, точно онъ.
«Давно-ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ-же-ль онъ, иль усиярлся?
Иль корчитъ такъ-же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,

Иль маской щегольнеть пной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
Но крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
— Знакомъ онъ вамъ? — «И да, и нѣтъ».

IX.

— Зачѣмъ-же такъ неблагоклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что нынѣхъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ—важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолodu былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ фравтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
XX. прекрасный человѣкъ!

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Пстлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Гладѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей!

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ.
Иль сатанинскимъ уродомъ.
Иль даже «Демономъ» моимъ.

Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ.
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство.
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день.
И началъ странствія безъ цѣли.
Доступный чувству одному—
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надобли;
Онъ возвратился и пошалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генераль.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива.
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ пригизаній на успѣхъ.
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ.
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du somme il faut... Шишковъ! прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
И носъ, и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генераль.
Никто-бы не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто-бы въ пей найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высококомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покажется ново,
И врядъ-ли быть ему въ чести,
Оно-бъ годилось къ эпиграммѣ...
Но, обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,

Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы,
 И вѣрно-бъ согласились вы,
 Что Нина мраморной красою
 Затмить сосѣдку не могла,
 Хотя ослѣнительна была.

XVII.

«Ужели», думаетъ Евгеній:
 «Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
 Какъ? изъ глуши степныхъ селеній»...
 И неотвязчивый лорнетъ
 Онъ обращаетъ поминутно
 На ту, чей видъ напомнилъ смутно
 Ему забытыя черты.
 «Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты,
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
 Съ посломъ испанскимъ говоритъ?»
 Князь на Онѣгина глядитъ:
 —Ага! давно-жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
 Постою, тебя представляю я. —
 «Да кто-жъ она?» — Жена моя. —

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно-ли?» — Около двухъ лѣтъ. —
 «На комъ?» — На Ларинной. — «Татьянѣ?»
 — Ты ей знакомъ? — «Я имъ сосѣдъ».
 — О, такъ пойдемъ-же. — Князь подходитъ
 Къ своей женѣ и ей подводитъ
 Родню и друга своего.
 Княгиня смотритъ на него...
 И что ей душу ни смугило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился тотъ-же тонъ;
 Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Бй-ей! не то чтобъ содрогнулась
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна —
 У ней и бровь не шевельнулась,
 Не сжала даже губъ она.
 Хотя онъ глядѣлъ цѣлзя прилежнѣй,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
 Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
 И — и не могъ. Она спросила,
 Давно-ль онъ здѣсь, откуда онъ,
 И не изъ ихъ-ли ужъ сторонъ?
 Потомъ къ супругу обратился
 Усталый взглядъ; скользнула вопъ...
 И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
 Которой онъ наединѣ,
 Въ началѣ нашего романа,
 Въ глухой, далекой сторонѣ,
 Въ благомъ нылу правоученья,
 Читалъ когда-то наставленья,
 Та, отъ которой онъ хранить

Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
 Гдѣ все наружу, все на волѣ,
 Та дѣвочка... иль это сонъ?...
 Та дѣвочка, которой онъ
 Пренебрегалъ въ ширеной долѣ,
 Ужели съ нимъ сейчасъ была
 Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный,
 Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
 Мечтой то грустной, то прелестной
 Его встревоженъ поздній сонъ.
 Проснулся онъ — ему привоситъ
 Письмо: князь N покорно проситъ
 Его на вечеръ. «Боже! къ ней!...
 О! буду, буду!» — и скорѣй
 Мараешь онъ отвѣтъ учтивый.
 Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ снѣ!
 Что шенельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнливой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ.
 Вновь не дожидется дня конца;
 Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;
 Онъ съ тренетомъ къ княгинѣ пходитъ;
 Татьяну онъ одну находитъ.
 И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
 Они сидятъ. Слова нейдутъ
 Изъ устъ Онѣгина. Угрюмый,
 Неловкій, онъ едва-едва
 Ей отвѣчаетъ. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотритъ онъ. Она
 Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
 Сей непрятный tête à tête;
 Съ Онѣгинымъ онъ воспоминаетъ
 Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входятъ гости.
 Вотъ крупной солью свѣтской злости
 Сталъ оживляться разговоръ;
 Передъ хозяйкой легкій вздоръ
 Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
 И прерывалъ его межъ тѣмъ
 Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
 Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
 И не пугалъ ни чьихъ ушей
 Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ, однако, пафъ столицы —
 И знатъ, и моды образцы,
 Вездѣ встрѣчаемыя лица,
 Необходимые глумцы;
 Тутъ были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
 Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,

Неулыбающихся лицъ;
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эниграммы надкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложъ журналовъ, на войну,
На спѣвъ, и на свою жену.

XXVI.

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-Priest, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
Стоялъ картинкою журнальной —
Румяны, какъ вербный херувимъ,
Затянуть, вѣтъ и недвижимъ,
И путешественникъ залетный,
Перекрахмаленный нахаль
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной —
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгнъ вечеръ цѣлый
Татьяной занять былъ одной, —
Не этой дѣвочкой песмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Нены.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительяппу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай;
И безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ угѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто-бъ смѣлъ искать дѣвочки вѣжвой
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно грустить,
Къ лунѣ подымалъ томны очи,

Мечтая съ нимъ когда-нибудь
Свершигъ смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгений
Въ Татьяну, какъ дитя, влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
И день, и ночь проводитъ онъ.
Ума не ввемли строгимъ ненямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подбѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится, какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинеть
Боя нушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей.
Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри,
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою новсе не замѣтитъ:
Кокотства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не тернить высшій себѣ.
Влѣдѣтъ Онѣгнъ начинаетъ:
Ей вль не видно, вль не жаль;
Онѣгнъ сохнетъ, и едва-ль
Ужъ не чахоткою страдать.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ;
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заравъ
Писать ко ирадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьяна
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямы, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ:
Смѣлѣй здороваго, больвой,
Княгинѣ славою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не потще;
Но, зная, сердечное страданье

Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненіе.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? Съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычки милой не далъ ходу;
Свою постыдную свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой —
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движеніе глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Влѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ
Ташусь повсюду на удачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ;
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой изиѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами двемъ увижусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увиднѣть вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда-бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться каждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить-бы могъ;
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ

Сочиненія А. С. Пушкина.

Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себя
Противишься не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ
И предаюсь моей судьбѣ».

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье.
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... сму
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не виднѣтъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямые хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятеніе, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной,
Всего, что мой Онѣгинъ звалъ...
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклиная —
И въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Мавзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Веля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе надригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда —
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что-жь? Глаза его читали.
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ

Быль совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины.
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ, и думъ впадаетъ онъ.
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видать онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто снящій на ночлегъ,
Недвижимъ юноша лежить,
И слышитъ голосъ: что-жъ? убить!
То видать онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ.
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ—и у окна
Сидитъ она... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Чуть-чуть съ ума не своротилъ,
Пли не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то-бъ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ російскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ;
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухъ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима.
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живить его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ, какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ—
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ;
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ,
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одвой души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше—никого.

Дверь отворилъ онъ. Что-жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ одна
Сидитъ неубрава, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто-бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣннй
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчать,
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больно, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ—
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней.
Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не подымаетъ,
И не сводя съ него очей.
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?
Проходить долгое молчанье,
И тихо, наконецъ, она:
«Довольно, встаньте. Я должна
Вамъ объяснитьсь откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ нашъ выслушала я?
Сегодня—очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ: и что-же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда—не правда-ли?—въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не правила... Что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна:

Что я богата и знатна:
 Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ:
 Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
 Не потому-ль, что мой позоръ
 Теперь-бы всѣмъ былъ замѣченъ
 И могъ-бы въ обществѣ принести
 Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
 Вы не забыли до сихъ поръ,
 То знайте: колкость вашей брани,
 Холодный, строгій разговоръ,
 Когда-бъ въ моей лишь было власти,
 Я предпочла-бъ обидной страсти
 И этимъ письмамъ, и слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
 Тогда имѣли вы хоть жалость,
 Хоть уваженіе къ лѣтамъ....
 А нынче!.... Что къ моимъ ногамъ
 Васъ привело? Какая малость!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
 Быть чувствна мелкаго рабомъ?

XVI.

«А мнѣ, Онѣггнъ, пышность эта—
 Ностылой жизни мишура,
 Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
 Мой модный домъ и вечера,—
 Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣггнъ, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
 Надъ бѣдной нянею моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба моя
 Ужержена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами закляній
 Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны....
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость, и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?).
 Но я другому отдана—
 Я буду вѣкъ ему вѣрна».

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
 Какъ-будто громомъ пораженъ.
 Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ внезапный звонъ раздался,
 И мужъ Татьянинъ появился...
 И здѣсь героя моего,

Въ минуту злую для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давно-бъ (не правда-ли?) пора!

XLIX.

Кто-бъ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче, какъ пріятель.
 Прости. Чего-бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ—
 Воспоминаній-ли мятежныхъ,
 Отдохновенія-ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, или острыхъ словъ,
 Или грамматическихъ ошибокъ—
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ
 Хотя крупину могъ найти.
 За симъ—разстанемся, прости!

L.

Прости-жъ и ты, мой спутникъ странный.
 И ты, мой вѣрный идеалъ,
 И ты, живой и постоянный,
 Хотя малый трудъ. Я съ вами зналъ
 Все, что завидно для поэта:
 Забвеніе жизни въ буряхъ свѣта,
 Бесѣду сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
 И съ ней Онѣггнъ въ смутномъ снѣ
 Явились впервые мнѣ—
 И далъ свободного романа
 Я сквозь магическій кристаллъ
 Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
 Я строфы первыя читалъ...
 Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.
 Какъ Сади вѣкогда сказалъ.
 Безъ нихъ Онѣггнъ дорисованъ.
 А ты, съ которой образованъ
 Татьяны милый идеалъ...
 О, много, много рокъ отъялъ!
 Влаженъ, кто праздникъ жизни рано
 Оставилъ, не допивъ до дна
 Бокала полного вина.
 Кто не дочелъ ея романа
 И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
 Какъ я съ Онѣггинимъ моимъ...

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

Послѣдняя глава «Евгенія Онѣгина» издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ, весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но, во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, восьмой надъ послѣдней главою «Евгенія Онѣгина», и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора! перо покоя просить;
Я девять пѣсень написалъ;
На берегъ радостно выносить
Мою ладью девятый вальсъ —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ, что сіе исключеніе, можетъ быть, и выгодное для читателей, вредитъ однакожъ плаву цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ, — замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость оваго; но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки изъ нея были напечатаны».

Въ нашемъ изданіи она приводится цѣликомъ по списку академика А. О. Быкова, помѣщенному въ 1-мъ № «Русской Старины», за 1888 г. Первая строфа этого списка составляетъ повтореніе или, вѣрнѣе, самый незначительный варіантъ XII строфы 8-й главы.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно, согласитесь въ томъ.
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудачкомъ,
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Цль доморощеннымъ Вайрономъ,
Цль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ-нибудь давно хотѣлъ.

Наскуча или слыть Мельмотомъ.
Цль маской щеголять иной,

Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему поправилась отчѣнно,
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря.

Онъ собрался — и слава Богу!
Юня третьяго числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ попесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ-Великій:
Смирнулись площади — среди нихъ
Мятежный колоколъ утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Заководатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Иоанновъ,
И вкругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней.

Тоска, тоска! Спѣшить Евгеній
Скорѣе далѣе... Теперь
Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
Беретъ три связки онъ баранокъ,
Здѣсь покупаетъ туфли, — тамъ
Но гордымъ Волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки:
Мелькаютъ версты; ямщики
Поютъ и свищутъ и бранятся;
Пылъ вьется. — Вотъ Евгеній мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской.

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой,
Своими дѣлами прельщаетъ,
Стерляжьей потчуетъ ухой.
Въ палатѣ англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба),
Возмолвно въ думу погруженъ,
О кашахъ пренья слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ
Разворѣчывая молва.
Имъ занимается Москва,
Его шпиономъ именуетъ.
Слагаетъ въ честь его стихи
И производятъ въ женихи.

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочетъ,
Въ отчизну Минина! Предъ нимъ

Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
Поддѣльны вина европеецъ;
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, жжетъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ.

Тоска! Евгенийъ ждетъ погоды.
Ужъ Волга—рѣкъ, озеръ краса—
Его зоветъ на пышны воды
Подъ полотняны паруса:
Взманить охотника не трудно.
Нанявъ купеческое судно,
Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унылымъ голосомъ поютъ
Про тотъ разбойничій пріютъ,
Про тѣ разъѣзды удалые,
Какъ Стенька Разинъ въ старину.
Кровавилъ Волжскую волну.

Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
Среди степей своихъ песчаныхъ,
На берегу соленныхъ водъ
Торговый Астраханъ открылся...
Онъѣгнинъ только углубился
Въ воспоминанье прошлыхъ дней.
Какъ жаръ полуденныхъ лучей
И комаровъ нахальныхъ тучи,
Пища, жужжа, со всѣхъ сторонъ
Его встрѣчаютъ—и, взбѣшенъ,
Каспійскихъ водъ берега сынуци
Онъ оставляетъ тотъ-же часъ.
Тоска! Онъ ѣдетъ на Кавказъ.

Онъ видитъ: Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный.
Стоять олень, склонивъ рога,
Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
Въ дугахъ несется конь черкеса,
И вокругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы калмыковъ.
Вдала—кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Черезъ ихъ опасныя преграды:
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.

Уже пустыня сторожъ вѣчный,
Стѣсенный холмами вокругъ.

Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, податель струй цѣлебныхъ:
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснятся блѣдный рой:
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпять,
Кокетка—злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ—
Помолодѣть хотя на мигъ.

Питая горьки размысленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онъѣгнинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель.
Я не лежу въ параличъ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель!
И я, какъ эти господа,
Надежду могъ-бы знать тогда!

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ нимъ лежитъ судьбы рука.
Но я здоровъ я молодъ, воленъ;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!..
Простите, снѣжныхъ горъ вершины.
И вы, Кубанскія равнины!
Онъ ѣдетъ къ берегамъ нивы—
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ,
Воображеню край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пилладъ,
Тамъ заколоса Митридатъ,
Тамъ плѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, муза, прошлое забудь!

Какія-бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ вѣтъ:
Они прошли иль измѣнились..

Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волвъ края жемчужны,
 И моря шумъ, и груды скалъ,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безымянныя страданья...
 Другіе дни, другіе сны;
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
 И въ поэтическій бокаль
 Воды я много подмѣшалъ.

Ивыя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи—
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный топотъ тренака
 Передъ порогомъ кабака.
 Мой идеаль теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ-ли былъ я, расцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
 Такія-ль мысли мнѣ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зареху я воображалъ?..
 Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
 Спусти три года, вслѣдъ за мною,
 Скуптаясь въ той-же сторонѣ,
 Очѣгнѣ въсвоявилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Тамъ долго ясны небеса,
 Тамъ хлотноливо торгъ обильный
 Свои подъемлетъ паруса;
 Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ югомъ, и пестрѣетъ
 Разнообразиемъ живой.
 Языкъ Италіи златой
 Звучитъ по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
 Французъ, испанецъ, армянинъ,
 И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
 И сынъ египетской земли,
 Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Одессу звучными стихами
 Нашъ другъ Туманскій описалъ,
 Но онъ пристрастными глазами
 Въ то время на нее взиралъ.
 Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ

Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
 Однѣмъ надъ моремъ—и потомъ
 Очаровательнымъ перомъ
 Сады одесскіе прославилъ.
 Все хорошо, но дѣло въ томъ,
 Что степь нагая тамъ кругомъ;
 Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
 Младья вѣтви въ знойный день
 Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ бышь мой рассказъ несвязный?
 Въ Одессѣ пыльной, я сказала.
 Я-бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязпой—
 И тутъ-бы, право, не солгалъ.
 Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
 По волѣ бурнаго Зевеса,
 Потоплена, запружена,
 Въ густой грязи погружена;
 Всѣ дома на аршинъ загрязнута;
 Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
 По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
 Кареты, люди, тонуть, вязнуть,
 И въ дрожкахъ волъ, рога склonya,
 Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробить каменья молотъ,
 И скоро звонкой мостовой
 Покроется спасенный городъ,
 Какъ будто кованной брони.
 Однако, въ сей Одессѣ влажной
 Еще есть недостатокъ важный;
 Чего-бъ вы думали?—воды!
 Потребны тяжкіе труды...
 Что-жъ? это—небольшое горе!
 Особенно, когда вино
 Безъ пошляины привезено.
 Но солнце южное, но море...
 Чего-жъ вамъ болѣе, друзья?
 Благословенные края!

Бывало, пушка зарева
 Лишь только грянетъ съ корабля,
 Съ крутого берега сбѣгая,
 Ужъ къ морю отправляюсь я.
 Потомъ за трубкой раскаленной,
 Волной соленой оживленный,
 Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
 Съ восточной гущей кофе пью.
 Иду гулять. Ужъ благосклонный
 Открытъ Casino; чашекъ звонъ
 Тамъ раздается; на балконѣ
 Маркеръ выходитъ полусонный
 Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
 Уже сошлись два купца.

Глядишь—и площадь запестрѣла.
 Все оживилось; здѣсь и тамъ
 Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
 Однако больше по дѣламъ.
 Дитя разчета и отваги,
 Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
 Провѣдать, шлютъ-ли небеса

Ему знакомы паруса?
 Какіе новые товары
 Вступили нынче въ карантинъ?
 Пришли-ли бочки жданныхъ винъ?
 И что чума? и гдѣ пожары?
 И вѣтъ-ли голода, войны,
 Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
 Среди заботливыхъ купцовъ,
 Мы только устрицъ ожидали
 Отъ цареградскихъ береговъ.
 Что устрицы? Пришли! О радость!
 Летить обжорливная младость
 Глотать изъ раковинъ морскихъ,
 Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
 Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
 Шумъ, споры—легкое вино
 Изъ погребовъ принесено
 На столъ услужливымъ Отономъ;²⁴
 Часы летять, а грозный счетъ
 Межъ тѣмъ невидимо растеть.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
 Пора намъ въ оперу скорѣй:
 Тамъ уопительный Россини,
 Европы баловень—Орфей.
 Не внемля критикѣ суровой,
 Онъ вѣчно тотъ-же, вѣчно новый,
 Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
 Они текутъ, они горятъ,
 Какъ поцѣлуи молодые,
 Всѣ въ пѣтѣ, въ пламени любви,
 Какъ зашипѣвшего аи
 Струя и брызги золотые...
 Но, господа, позволено-ль
 Съ виномъ ровнять do-re-mi-sol?

А только-ль тамъ очарованій?
 А розыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А prima donna? а балетъ?
 А ложа, гдѣ, красой блистая,
 Негоціантка молодая,
 Самолюбива и томва,
 Толпой рабовъ окружена?
 Она и внемлетъ, и не внемлетъ
 И каватинѣ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью поподамъ...
 А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ ф о р а закричитъ,
 Зѣвнетъ—и снова захранитъ.

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
 Шумя, торопится разѣзды;
 Толпа на площадь побѣжала
 При блескѣ фонарей и зевадь.
 Сыны Авзоніи счастливой
 Слегка поютъ мотивъ игривый,
 Его невольно затвердивъ;
 А мы ревомъ речитативъ.
 Но поздно. Тихо спитъ Одесса;

И бездыханна, и тепла
 Нѣмая ночь. Луна взошла.
 Прозрачно-легкая завѣса
 Объемлетъ небо. Все молчитъ,
 Лишь море Черное шумитъ...

И такъ, я жилъ тогда въ Одессѣ...
 Средь новопозбавленныхъ друзей,
 Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ,
 Героевъ повѣсти моей.
 Овѣгивъ никогда со мной
 Не хвасталъ дружбой почтовой,
 А я, счастливый человѣкъ,
 Не переписывался вѣтъ
 Ни съ кѣмъ. Какимъ-же изумленьемъ,
 Судите, былъ я пораженъ,
 Когда ко мнѣ явился онъ
 Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
 И какъ заахали друзья,
 И какъ обрадовался я!

День дружбы... гласъ натуры!!..
 Взглянувъ другъ на друга, потомъ,
 Какъ циперовы авгуры,
 Мы разсмѣялися тихомъ...

Не долго вмѣстѣ мы бродили
 По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
 Судьбы насъ снова разлучили
 И намъ назначили походы.
 Овѣгивъ, очень охлажденный,
 И тѣмъ, что видѣлъ, пресмыщенный,
 Пустился къ невиннымъ берегамъ;
 А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
 Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
 Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
 И, слава Богу, отъ вельможъ
 Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
 Въ далекій сѣверный уѣздъ—
 И былъ печалень мой пріѣздъ.

О, гдѣ-бъ судьба ни назначала
 Мнѣ безымянный уголокъ,
 Гдѣ-бъ ни былъ я, куда-бъ ни мчала
 Она смиренный мой челвоекъ,
 Гдѣ-бъ поздній миръ мнѣ ни сулила,
 Гдѣ-бъ ни ждала меня могила,
 Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
 Благословлю моихъ друзей.
 Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ не позабуду
 Ихъ милыхъ ласковыхъ рѣчей.
 Вдали, одинъ, среди людей
 Воображать я вѣчно буду
 Васъ, тѣни бережныхъ нивъ,
 Васъ, миръ и соплъ Тригорскихъ нивъ.

СТРОФЫ, НЕ ВОШЕДШИЯ ВЪ РОМАНЪ.

[Въ первой главѣ].

Къ V строфѣ.

Подозрѣвали въ немъ талантъ,
И могъ онъ съ вами въ самомъ дѣлѣ.
Вести и мужественный споръ
О Байронѣ и Бенжаменѣ,
О Корбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жюини.

Къ XIII строфѣ.

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею, скромный и смущенный.
Начать, краснѣя, разговоръ.
Какъ онъ умѣлъ съ любовью дамой
О платонизмѣ разсуждать,
Смѣшить неожиданной эпиграммой
И въ куклы съ дурочкой играть...
Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада.
Выходить изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада:
Все спитъ... И вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Къ XIV строфѣ.

Нашъ пылъ сердечный рано мучить,
Какъ говоритъ Шатобрианъ,
Не женщина любви насъ учить,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизнь узнать заранѣ
И узнаемъ ее въ романѣ...
Увидеть горячность молодая,
Лѣта пройдутъ; а между тѣмъ,
Прелестный опытъ упреждая,
Не насладимся мы ничѣмъ.

Къ XXV строфѣ.

По всей Европѣ въ наше время.
Между воспитанныхъ людей,
Не почитается за бремя
Отдѣлка нѣжная юттей;
И нынче воинъ и придворный,
.... и либераль задорный.
Поэтъ и сладкій дипломатъ
Готовъ.

Къ XLV строфѣ.

Мнѣ было грустно, тяжело, больно,
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня неволью

Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ....

Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охлаждалъ —
Я неописавную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій.
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ повѣждъ.

[Во второй главѣ].

Къ IV строфѣ.

Посиль онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ.
Армякъ татарскій на раснашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;
И только. Симъ уборомъ чуднымъ,
Безразличнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ.—Евгоній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не звалъ:
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ;
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

Къ IX строфѣ.

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своей.
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья.
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча пагубныхъ страстей,
Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
Картины прежнихъ наслажденій,
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ.

**

Пѣвцы слѣзного упоенья,
Напрасно шалостей молодыхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!
Напрасно дѣвочки, украдкой
Внимая звуки лиры сладкой,
Къ вамъ устремляютъ нѣжный взоръ,
Начать не смѣя разговоръ.
Напрасно вѣтрена младость

Васъ любить славить на пирахъ;
Хранить и въ сердцахъ и въ устахъ
Стиховъ извѣженную сладость,
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолевъ...

* * *

Пустыми звуками, словами
Вы съете развратно зло...
Пѣвцы любви, скажите самъ,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды.
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ...
Привлечна-ль гордому поэту
Промышленность!..
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой неполамъ;
Вы рождены для славы женской,
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы.
И жаль мнѣ васъ, и милы вы.
Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его стихи, конечно, мать
Велѣла-бъ дочери читать.

Къ XVI строфѣ.

[ОБРАЗЦЫ СТИХОВЪ ЛЕНСКАГО]

I.

Придетъ ужасный мигъ... твои небесны очи
Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи.
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста—
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіють мощи хладны;
Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
Въ обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близъ тебя, недвижный и пѣмой...

II.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда-бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, унеситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны,—
Клянусь! давно-бы я оставилъ этотъ міръ:
Я сокрушилъ-бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажде-
ній,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ пред-
разсуждений,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чи-
стотѣ...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ!
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...
Меня ничтожествомъ могла ужасаетъ...
Какъ! ничего! ни мысль, ни первая любовь!

Мнѣ страшно... и на жизнь гляжу печально
вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ мнѣ
ль
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!

Къ XVII строфѣ.

Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
Порывы, сладость, упоенье,
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженный тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто усыплялъ любовь измѣной,
Вражду злословьемъ, клеветой.
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой...
Но мнѣ досталась на часть
Одна губительная страсть—
Страсть къ банку!.. Ни любовь свободы.
Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли-бъ въ минувшія годы
Меня отъ карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ:
Налѣво-ль выпадетъ валетъ?
Уже раздался звонъ обѣденъ;
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкومتъ.
А я, все также бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголь третьяго туза.
Ужъ я не тотъ—и хладнокровнѣй
Вѣтряюсь вѣтровой мечтѣ:
Не ставлю грозно карты темной,
Замѣта тайное руте;
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ,
«Атанде»—слово роковое
Мнѣ не приходитъ на языкъ;
Отъ рюмы тоже я отвыкъ.
Что буду дѣлать?—Между нами,
Всѣмъ этимъ утомился я;
На-дняхъ попробую, друзья,
Заняться бѣлыми стихами...

Къ XXI строфѣ.

Кто-жъ та была, которой очп
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и дни, и ночи,
И думы сердца посвящалъ?
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ.
Вдали веселій, связей вредныхъ.
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей она
Цѣла, какъ ландышъ погаенный,
Незнаемый въ травѣ густой
Ни мотыльками, ни пчелой.
Ни дура англійской породы.
Ни своеправная мамзель

(Благодаря уставамъ моды
Необходимы досель)
Не баловали Ольги милой:
Адаевна рукою хилой
Ея качала колыбель...
Она-жъ за Ольгою ходила,
Стлала ей дѣтскую постель,
«Помилуй мя» читать учила,
Бову средь ночи говорила.
Поутру наливала чай—
И баловала кевзничай.

[Въ третьей главѣ].

Къ X строфѣ.

Увы, друзья! мелькають годы
И съ ними. вслѣдъ одна другой,
Мелькають вѣтренныя моды
Разнообразной чередой.
Все измѣнилось въ природѣ!
Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
Придворный франтъ и ростовщикъ
Носили пудреный парикъ;
Бывало, пѣжники поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты;
Бывало, храбрый генералъ
Служить—и грамотѣ не звалъ.

Къ XXIV строфѣ.

О вы, которые любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой—
Дѣвицы, если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любовнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонь отдавать,
Иль даже молча позволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій подблудъ любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови—

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтренной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенія чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрека!
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшнѣе сегодня, какъ змѣя,—
Совѣтую вамъ то-же я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы—
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви насъ ищетъ божество.

[Въ четвертой главѣ].

Къ I—VI строфамъ.

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ:
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ;
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таилъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосыгаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ—
Иного я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавиждѣлъ
И трепеталъ, и слезы лилъ.
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея прозвительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моею...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней,
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой.

III.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета—
Какъ сонъ, забыты мной давно;
Но есть одна межъ ихъ толпою...
Я долго былъ илѣненъ одною...
Но былъ-ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго-ли?.. Зачѣмъ
Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайны пзмѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своеобразны
Имъ очень кажутся забавны;

И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабалась неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лялей
И чувствъ глубокихъ, и страстей!

Къ XVII строфѣ.

Но ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...
Какъ разговоръ ихъ пустъ и сухъ,
Какъ мысли пошлы, стародавны!
Но, уважая русскій духъ,
Простилъ-бы имъ ихъ сплетни, чванство,
Фамильных шутокъ остроту.
Пороки зубъ, ничистоту,
И неопрятность, и жеманство;
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжіи этикетъ?

[Въ седьмой главѣ].

Къ VIII строфѣ.

...разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось, тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ...
Но тутъ поспѣшными шагами
Ее настигъ молодой уланъ,
Затянуть, статень и румявъ,
Красуясь черными усами,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча.

Къ IX строфѣ.

Она на война взглянула:
Горѣлъ досадой взоръ его —
И тихо руку протянула,
Но не сказала ничего.
И молча Ленскаго невѣста
Отъ свиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась, и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ.

[Въ восьмой главѣ].

Къ I—IV строфамъ.

I

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лица
Я безмятежно расцвѣталъ
Читалъ охотно Елисея, ²⁵

А Цицерона проклиналъ,
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ-бы мячикъ мѣткій,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ,

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ.
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сповѣ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
Близъ водъ, текущихъ въ тишинѣ,
Въ углахъ лицейскихъ переходовъ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья,
Доселѣ чуждая веселья,
Вдругъ озарилась! Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй.
Простите, хладныя науки!
Простите, игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я—поэтъ...
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ,
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

IV.

Вездѣ со мной, неутомима,
Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь
(Amorem sanat aetas prima)
Все про любовь, да про любовь...
Я вторилъ ей; молодые други
Въ освобожденные досуги
Любили слушать голосъ мой.
Они пристрастною душой
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
Свою застѣнчивую музу.
О торжество невпущенныхъ дней.
Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
Замкнутъ серебрянымъ замкомъ.
Онъ былъ исписанъ, изрисованъ.
Рукой Онѣгина кругомъ.
Среди безсвязнаго марава
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.

1

Меня не любятъ и клеветуютъ:
Въ кругу мужчинъ вносенъ я.
Дѣвочки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Припятъ мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что пылкихъ душъ веосторожность
Самолюбивую ничтожность
Нль оскорбляетъ, нль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

2.

Боятесь вы графини—овой,
Сказала имъ Элиза К.
Да, возразилъ Н. Н. суровый,
Боишься мы графини—овой,
Какъ вы боитесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ напрямѣръ: «Предъ каждымъ сномъ
Молись: бѣги путей лукавыхъ;
Чти правду я не спорю съ глупцомъ».

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣтъ:
Въ волненьи жизни такъ мертвѣтъ
И вѣтреныи, и пылкїи нравъ.

5

Шестого былъ у В. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ.
Р. С. какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьи!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеніи
Какая нѣга и душа!

6.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.:
—Давно желала я васъ видѣть.—
«Зачѣмъ?»—Мнѣ говорили всѣ.
Что я васъ буду ненавидѣть.
«За что?»—За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье

Ко всемъ. Однакожъ это—вздоръ;
Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совѣмъ не такъ опасны;
И знали-ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры?—

7.

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,—
Для лепетанія чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчїи погремущи,
А не читаемъ книгъ своихъ.—
Да гдѣ-жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечво, сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой славянскїй духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожить
Одними-ль звуками пїить?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ.
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ.
Гдѣ русскїй умъ и русскїй духъ
Зады твердить и лжетъ за двухъ.

Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ россійскїй великонъ!

8.

Мерозъ и солнце: чудный день!
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою:
Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система,
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для гарема
Иль для неволи б—овъ.

9.

Вчера, у В. оставя пиръ,
Р. С. летѣла какъ зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пенямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За одалиской молодой.
Послѣднїй звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ вея поймать успѣлъ:
И чернымъ сободемъ одѣлъ
Ея блистающїя плечи:

На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
Овъ наженъ; красить волоса;
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

11.

Когда-бы грузъ, меня гнетущій,
Былъ страсть, несчастье...
Такъ, напряженьемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду снесемъ душою гордой,
Печаль надеждой уладимъ...
Но скуку? Чѣмъ ее смиримъ?

12.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего-же такъ хотѣлось ей?
Сказать-ли первыя три буквы:
К., Л., Ю.—клю... возможно-ль? клюквы!

13.

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждого глупца;
Сердиться также безразудно
И на отдѣльнаго срамца;
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

14.

Строгій свѣтъ
Смягчилъ свои предубѣжденья
Или простилъ мнѣ заблужденья
Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ...

15.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она, для глазъ
И, какъ она, премѣчавы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшей весной:
Вы такъ-же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой,
И такъ-же колетесь—Вогъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ правится: я радъ ему сердечно!
Да, чвсты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ,
И такъ-же холодны, конечно!
Сравненья прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ—сравненья неудобны;
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны!

16.

Порой одно воспоминанье,
Какъ тѣнь, опять бѣжитъ ко мнѣ
Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА къ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ».

1. Шляпа а la Bolivar.

2. Извѣстный рестораторъ.

3. Черта охлажденного чувства, достойная Чайльдъ Гарольда. Балеты Дидло исполнены живою воображеніемъ и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

4. Възявъ богиню благосклонну
Зрѣвъ восторженный шить,
Что проводить ночь безсонну,
Онершпая наравить. [Муравьевъ въ „Богинѣ Невы“.]

5. Писаво въ Одессѣ.

6. Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго.

7. Изъ первой части «Дифировской русалки».

8. Градисовъ и Ловласть—герои двухъ славныхъ романовъ.

9. «Бѣдный Юрикъ»—восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута.

10. Юлія Вольмаръ—повая Элонза. Малекъ Адель—герой посредственнаго романа М-ше Cottin. Густавъ-де-Линваръ—герой прелестной повѣсти баронессы Крюдверъ.

11. Вампиръ—новѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ—гениальное произведеніе Матюрна. Leon Shogar—извѣстный романъ Карла Нодье.

12. Журналъ, вѣкогда издаваемый покойнымъ Измайловымъ довольно несправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою тѣмъ, что овъ на праздникахъ гулялъ.

13. Е. А. Баратывскій.

14. Августъ Лафонтенъ—авторъ множества семейственныхъ романовъ.

15. См. «Первый свѣтъ», стихотвореніе князя Вяземскаго.

16. См. описаніе финляндской зпмы въ «Эддѣ» Баратывскаго.

17. «Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать»—предвѣщаніе свадьбы; первая ибсея предрекаетъ смерть.

18. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою

Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ

Выводитъ съ солнцемъ за собою—и проч.

19. Буяновъ, мой сосѣдъ
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритымъ усамъ,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ... [Опасный Сосѣдъ.]

20. Наружскій рестораторъ.

21. Славный ружейный мастеръ.

22. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

23. Сравненіе, запимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостію воображенія. К. рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

24. Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

25. Шуточное стихотвореніе В. Майкова.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
 Псаря въ охотничьихъ уборахъ
 Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
 Борзые прыгаютъ на сворахъ.
 Выходитъ баринъ на крыльцо.
 Все, подбочась, обозрѣваетъ:
 Его довольное лицо
 Пріятной важностью сіяетъ.
 Чекмень затынутый на немъ,
 Турецкій ножъ за кушакомъ,
 За пазухой во фляжкѣ ромъ
 И роги на бронзовой цѣпочкѣ.
 Въ почномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
 Глазами сонными жена
 Сердито смотритъ изъ окна
 На сборъ, на исарную тревогу.
 Вотъ мужу подвели коня,
 Онъ холку хватъ—и въ стремя ногу,
 Кричатъ жепѣ: «не жди меня!»
 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно: грязь, несчастье,
 Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ
 Да вой волковъ Но то-то счастье
 Охотнику! ве зная нѣгъ,
 Въ отѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
 Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
 Бранится, мокнетъ и пируетъ
 Опустошительный набѣгъ.

А что-же дѣлаетъ супругъ,
 Одна въ отсутствіи супруга?
 Занятій мало-ль есть у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 Заказывать обѣдъ и ужинъ.
 Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣтитъ что-нибудь.
 Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ просто звалъ ее Наташа,
 Но мы—мы будемъ называть
 Наталью Павловна), къ несчастью,
 Наталья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственной частью
 Не занималась, затѣмъ
 Что не въ отеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А изъ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
 «Любовь Элизы и Армана,
 Иль переписка двухъ семей»—
 Романъ классическій, старинный,
 Отмѣнно длинный, длинный, длинный,

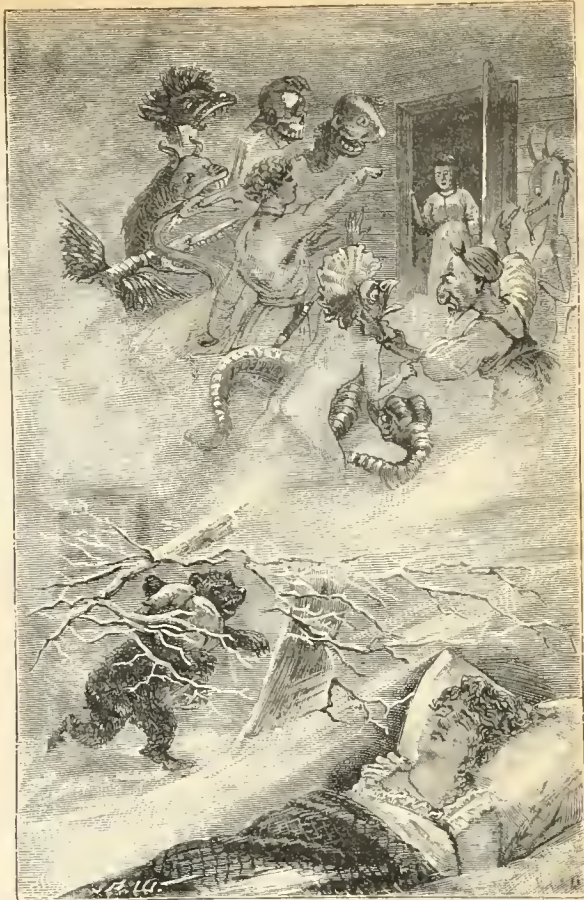
Правоучительный и чинный,
 Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
 Его внимательно читала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею тихо занялась.
 Кругомъ мальчишки хохотали:
 Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выступали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
 Три утки полоскались въ лужѣ:
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Вѣлье повѣсить на заборъ:
 Погода становилась хуже:
 Казалось, снѣгъ вдли хотѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвѣлъъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ.
 Какъ сильно колокольчикъ дальній
 Порой волнуетъ сердце намъ.
 Не другъ-ли ѣдетъ запоздалый,
 Товарищъ юности удалой?..
 Ужъ не она-ли?.. Боже мой!
 Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.
 Наталья Павловна къ балкону
 Вѣжитъ, обрадована звону,
 Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
 У мельницы, коляска скачетъ,
 Вотъ на мосту—къ намъ точно.. нѣтъ,
 Поворотила влѣво. Вслѣдъ
 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ... о радость! кособоръ—
 Коляска на бокъ... «Филька! Васька!
 Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
 Сейчасъ везти ее на дворъ
 И барина просить обѣдать;
 Да живѣ-ли онъ?.. Вѣги провѣдать;
 Скорѣй, скорѣй!»—Слуга бѣжитъ.
 Наталья Павловна сѣвшитъ
 Взбитъ пышный локонъ, шаль накинуть,
 Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
 И ждетъ: да скоро-ль, мой Творецъ!
 Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ, наконецъ.
 Забрызганный въ дорогѣ дальною,
 Опасно равенный, печальный
 Кой-какъ тащится экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ.
 Слуга-французъ не унываетъ
 И говоритъ: «allons courage!»
 Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
 Покамѣстъ барину теперь
 Покой особенный отводятъ
 И настежъ отворяютъ дверь,
 Пока Ricard шумитъ, хлопочетъ,
 И баринъ одѣваться хочетъ,
 Сказать-ли вамъ, кто онъ такое?—

„Евг. Онег.“ Ленский и Ольга.

„Евг. Онег.“ „И снится чудный сонъ Татьянѣ“.

„Евг. Онег.“ Дуэль Онегина съ Ленскимъ.

„Евг. Онег.“ Ольга и Татьяна у памятника Ленскаго.

„Евг. Онѣг.“ „ — „Да кто-жь она?“ — Жена моя“.

„Евг. Онѣг.“ Къ ея ногамъ уналь Евгений“.

„Графъ Нулижъ“. Отправленіе на охоту.

„Домъ въ Коломнѣ“. Предъ зеркальцемъ кухарка брилась.

Графъ Нулинъ; изъ чужихъ краевъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jong,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ карикатуръ.
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта.
Съ bons-mots парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера
Et cetera, et cetera.

Ужъ столь накрытъ; давно пора;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
Дверь отворилась, входитъ графъ;
Наталя Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нѣга его?
Графъ отвѣчаетъ:—ничего!—
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинается разговоръ:
Святую Русь бранить,—дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
Жалѣетъ о Парижѣ страхъ.
«А что театр?»—О, сиротѣть!
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Талья совсѣмъ оглохъ, слабѣтъ,
И мажель Марсъ, увы! старѣтъ.
За то Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Ей-Богу поддержалъ одинъ.—
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
—«Все d'Arlecourt и Ламартинъ.»
«У насъ имъ также подражаютъ».
—Нѣтъ! право? Такъ у насъ умы
Ужъ развиваться начинаютъ?
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!—
«Какъ талья носить?»—Очень низко,
Почти до... вотъ по этимъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ;
Такъ... рюша, банты, здѣсь узоръ;
Все это къ модѣ очень близко.—
«Мы получаемъ «Телеграфъ»».
—Ага! .. хотите-ли послушать
Прелестный водевилъ?—И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте-жъ кушать».
—Я сытъ и такъ.—Изъ-за стола
Встаютъ. Хозяйка молодая
Чрезвычайно весела.
Графъ, о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно.
То вдругъ потушенъ безотвѣтно.

Глядишь—и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпять слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній.
Въ чугунну доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчи догорѣли.
Наталя Павловна встаетъ:
«Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!»... Съ досадою вставъ,
Полувлюбленный нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что-же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница—прости ей, Боже!—
Тихонько графу руку жметъ.

Наталя Павловна раздѣта;
Стоять Параша передъ ней.
Друзья мои, Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ.
Изношенныхъ камотовъ проситъ.
Порою съ баринкомъ палитъ,
Порою на барина кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего—
Богъ вѣстъ, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей, наконецъ,
Сказала: «полно, падошла!»
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару проситъ;
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинь, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.
Въ постели лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожитъ; мыслить онъ:
«Неужто вправду онъ влюбленъ?
Что, если можно?... Вотъ забавно;
Однако-жъ это было-бъ славно!
Я, кажется, хозяйкѣ милъ»—
И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу—бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивый,
Довольно круглый, полный станъ.
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій
(Здоровье краше всѣхъ румявъ).
Онъ помнитъ кочикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ,—точно, точно такъ—

Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ—дуракъ,
 Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
 Ловить минутную затѣю.
 Но время не ушло. Теперь
 Отворена, конечно, дверь—
 И точнось, из плеча накинувъ
 Свой пестрый шелковый халатъ
 И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Къ Лукреціи Тарквиніи новый
 Отправился, на все готовый.
 Такъ иногда лукавый котъ,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадется съ лежанки:
 Украдкой медленно идетъ,
 Полузажмурясь подступаешь,
 Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
 Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку—цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
 Дорогу ощупью находить;
 Желавшемъ пламеннымъ тономъ,
 Едва дыханье переводить;
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ закрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
 Къ заветной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь тихо, тихо уступаетъ;
 Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ,
 Хозяйка мирно поживаетъ,
 Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, медлятъ, отступаетъ—
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
 Она... Теперь, съ ихъ позволенія,
 Прошу я петербургскихъ дамъ
 Представить ужасъ пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить, что дѣлать ей?

Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа—нашъ герой
 Ей сыплетъ чувства выписныя
 И дерзновенною рукой
 Коснутся хочеть одѣяла,
 Совсѣмъ смутивъ ее сначала...
 Но вдругъ опомнилась она,
 И гвѣва гордаго поляна
 (А впрочемъ, можетъ быть, и страха)
 Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину: да, да!
 Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда,
 Обиду проглотивъ такую.
 Не знаю, чѣмъ-бы кончилъ онъ,
 Досадой страшною пылая,
 Но шпиль косматый, вдругъ залая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышалъ графъ ее лоходку,
 И проклиная свой почлегъ

И своеправную красотку,
 Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводятъ остальную ночь,
 Воображайте—воля ваша,
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣпиво;
 Отдѣлкой розовыхъ ногтей,
 Зѣвая, занялся небрежно,
 И галстухъ вяжетъ непрілежно,
 И мокрой щеткою своей
 Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ—не знаю;
 Но вотъ его позвали къ чаю.
 Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Целовкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый потупя взоръ
 И губки алая кусая,
 Заводитъ скромно разговоръ
 О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
 Но постепенно ободренный,
 Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
 Получаса не проходило,
 Ужъ онъ и шутитъ очень мило,
 И чуть-ли снова не влюбленъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входить. Кто-же?
 «Наташа, здравствуй!»

Наталья Павловна: Ахъ, мой Боже!
 Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ.

Мужъ: Радъ сердечно я.
 Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ готовый экипажъ.
 Наташа! тамъ у огорода
 Мы затравили русака.
 Эй, водки! Графъ прошу отвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать?

Графъ: Не знаю, право, я сиѣшу.

Мужъ: И, полно, графъ, я васъ прошу,
 Жева и я гостямъ мы рады!
 Нѣтъ, графъ, останьтесь!

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
 Упрямится печальный графъ.
 Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
 Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ,
 Уже къ коляскѣ двое слугъ
 Несутъ привинчивать сундукъ.
 Къ крыльцу подвезена коляска,
 Пикарь все скоро уложилъ,
 И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
 Могла-бы кончиться, друзья;
 Но слова два прибавлю я.

Когда коляска усакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто-же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ.—Почему-жъ?
Мужъ?—Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ!
Овъ очень этимъ оскорблялся,
Овъ говорилъ, что графъ—дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа овъ визжать заставить,
Что псами овъ его затравить.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.
Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ—не диво.
1825 г.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Modo vir, modo femina.

I.

Четырестонный ямбъ мнѣ надобѣлъ:
Имъ пишеть всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ-давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я-бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь рѣмы запросто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открытъ широкій, вольный.
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что рѣмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ Шихматовъ богомольный,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? ужъ и такъ мы голы:
Отнынѣ въ рѣмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую стать,
А подбирать союзы на парѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рѣмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь словарь; что слогъ, то и солдатъ;
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ—

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны (но хрипъ вашъ пріумолкъ),
Сломали-ль вы походы боевые?
Видали-ль вы Персія ширванскій полкъ?
Ужъ люди! мелочь, старички криные,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый!
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Сочиненія А. С. Пушкина.

V.

Поэты юга. вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой вы творили?
Но мы, лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рѣшму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И вашихъ дѣй извѣщенный поэтъ
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ.

VI.

Но возвратиться все-жъ я не хочу
Къ четырестоннымъ ямба, мѣрѣ низкой...
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ александрійскій?..
Ужъ не его-ль себѣ я залучу?
Извилистый, ипроворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже—точная змѣя;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не душой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ цезурой;
Но нудреной нѣняикъ на зло
Растрепанъ онъ свободою цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Н и г о съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О, что-бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рѣмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасскій муравей.
Что-бъ вы сказали, сей соблазпъ увидя?
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя!

IX.

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у «Телеграфа»
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужскіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги,
И по три врьдъ въ октаву заѣжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,

Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ... съ кѣмъ-же равенъ онъ?
Онъ—Тамерланъ, или самъ Наполеонъ.

XII.

Чемного отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или пустить на не?...
Признаться намъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй столбъ.
Иначе стихъ то въ ямбъ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канаве,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ
По невскому граниту, или на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи киргизской. Поллетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорить о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Приѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

XIV.

Скажу, рысакъ!... Парвасскій иноходецъ
Его не обогналъ-бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ вѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Изохъ. Поросъ крапивою Парвасъ:
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возмзя въ грязь,
Торгуемся, бранимся такъ, что люблю.
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но, муза, никому здѣсь не грознъ,—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ «Сѣверной Пчелы»!

XVI.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ.
Или «Газетою Литературной»
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной:
Другъ на друга словесники ндуть,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ—
Изъ-за угла смѣяться надо всѣмъ!
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками одиѣмъ,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединяясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.

Порой я стихъ повертываю круго,
Все-жъ видно—не первой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свишу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду...
Что-жъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XIX.

Покажѣтесь можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодого воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка.
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бъ меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда-бы за меня своей указкой
Другого строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ-ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ,—
Меня съ октавами моими купно.
Однако-жъ намъ пора. Вѣдь я рассказъ
Готовилъ; а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой—врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтаетъ себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынокъ взявъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у господина Кюпа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Олять, зачѣмъ Езопъ
Я впелъ съ его варенымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
На силу-то, речахъ я безразсудный,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядъся муза; ручки въ рукава.
Поди лавку ножи! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ.—Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла нхъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь.
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ:
Лачужки этой вѣтъ ужъ тамъ. На ибѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ.
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ.
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ?—И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его-бы охватилъ кругомъ,
То моему-бъ озлобленному взору
Приятно было пламя. Страннымъ своимъ
Вывааетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
И держать мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давить
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославить
Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты нью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость;
Оставимъ это—сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ выдалъ точъ въ точъ
Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови—темные какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна—какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «стонетъ сизый голубокъ»,
И «выду-ль я».... и то—что ужъ постарѣ.
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осепью при самоварѣ.
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло русская дѣвица,
Какъ музы наши, грустная нѣвица.

XXIX.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ящика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой—
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравятся ихъ жалобный напѣвъ.

XXX.

Параша (такъ звалась красotka наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плести,
Всѣмъ домоу правила одна Параша;
Поручено ей было счеты вести,
При ней варила гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала вѣсть
Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутя и слуха).

XXXI.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,

То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто-бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XXXII.

Зимю-ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до ночи растворено
Все было въ домѣ. Влѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдется: такъ заведено!).
Вывало, мать давнымъ-давно хранила,
А дочка на луну еще смотрѣла

XXXIII.

И слушала мяуканье котонъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромный.
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ—
И только. Ночь надъ мирною Коломною
Тиха отъѣнно! Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову.
И становилася передъ толпою
У клироса на-лѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрно мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову—и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздыва всегда
Графиня.... (звали какъ, не помню, право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво,
Молилась гордо (гдѣ была горда!).
Бывало, грѣшнѣ! все гляжу на-право,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXXVI.

Норой графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красотѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его-бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ;
Невольный изоръ они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хотъ была прекрасна
И молода: хотъ жизнь ея текла

Въ роскошной пѣтѣ; хотѣ была подвластна
Фортуна ей; хотѣ мода ей несла
Свой оймѣмъ,—она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Чтатель, новая знакомка ваша,
Простая добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса змѣей на гребвѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
Все-жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорожныхъ.

XL.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душою холодна? увидимъ ниже.
Покаместъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ня о дворѣ (хоть при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга гофъ-фурьера).

XLI.

На горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ-же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ-же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два-три дня, не долѣ —
Жить можно безъ кухарки: что нельзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!»—Я!
«Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ-ли? Дешевыя такъ рѣдки».

XLIII.

— Узнаю, маменька. — И вышла вовъ,
Закутавшись (зима стояла грозно,
И снѣгъ скрипѣлъ, и снѣгъ небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ:—«вотъ я кухарку привела».

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выстуная,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка, и визко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.
«А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно, —
Сказала та смиренно и свободно.

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
«А какъ зовутъ? — А Маврой. — «Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужичи». Покойница Оеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ня разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моею:
Усердна будь; присчитывать не смѣй».

XLVI.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переварить,
То пережарить, то съ посудой полку
Уровнить; вѣчно все пересолить.
Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ — она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ-нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.

XLVII.

Поутру, въ носкресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите-ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы, чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.

XLVIII.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала-ль она васъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старушка обмирала,
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XLIX.

«Стои тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно». Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ панерти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла —
Мавруша вѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что-жъ? о Боже! страхъ какой!

L.

Предъ зеркальцемъ Параша, чинно сядя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху, — вдовью честь обидя, —
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрыть себѣ лицо.

LI.

Обѣдая кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
Мавруша... — «Что, что съ ней?» — Кухарка
наша...
Опомниться досель не въ сплахъ я.

За зеркальцем... вся въ мылѣ... — «Воля
Мнѣ право ничего понять нельзя; [ваша,
Да гдѣ-жъ Мавруша?» — Ахъ, она разбой-
никъ!

Она здѣсь брилась... точно мой покойникъ! —
III.

Параша покраснѣлась или пѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и
слѣдъ;

Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю и кончить тороплюсь.

III.

— Какъ. развѣ все тутъ? Шутите! — «Ей
Богу».

— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему-жъ такую подняли тревогу,
Скликнули рать и съ похвалбою шли?
Завидную-жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да пѣтъ-ли хотъ у васъ правоученья? —
«Нѣтъ... или есть: мнунточку терпѣнья...

IV.

«Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто-жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:
Когда-вибудь придется-же ему
Врять бороду себѣ, чтò несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ рассказа моего».

1830 г.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ [1833 г.].

I.

Начнемъ ab ovo: — Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ берега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласить софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещение въ Цареградѣ
Съ придаными греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дороей. Въ засадѣ
Убить Якубъ, а Дороей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

II.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ лаврѣ схиился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. Прн Калкѣ

Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ, какъ комаръ,
Задамп тяжкими татаръ;
За то со славой, хотъ съ урономъ,
Другой Езерскій. Елизаръ,
Упился кровію татаръ
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной суздальцевъ своихъ.

III.

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамоль и смуть во дни кровавы
Блестять Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ
Служили доблестно царямъ.
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы царской.
Но снова шель подѣ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ.

IV.

Когда отъ думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подѣ отеческой державой
Русь отдохнула, наконецъ,
А наши вороги смпрились —
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при дворѣ,
При императорѣ Петрѣ...
Но извините, статья можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спесь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

V.

Кто-бъ ни былъ вашъ родоначальникъ, —
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ, —
Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами —
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямого просвѣщенія ради,
Гордясъ (какъ общей пользы другъ)
Красою собственныхъ заслугъ,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

VI.

Я самъ, хотъ въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трупать,
Я — мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковский,

Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
Объ отдаленной старинѣ.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
Что намъ не въ прокъ пошли пауки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

VII.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Влѣдѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что вѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поносить п Фигляринъ;
Что русскій вѣтрёный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

VIII.

Вотъ почему, архивы роя,
Я разобралъ въ досужій часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой рассказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ-же твердо вѣдалъ,
Что дѣлъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осымая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.

IX.

Допросомъ Музу безпокою,
Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
«Куда завиднаго героя
Избрали вы? Кто вашъ герой?»
— А что? — Коллежскій регистраторъ.
Какой вы строгій литераторъ!
Его пою. Зачѣмъ-же нѣтъ?
Онъ — мой пріятель и сосѣдъ.
Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
И смерть Мещерскаго воспѣлъ —
Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
Пѣвцомъ ихъ свадьбъ, ихъ обѣдовъ
И похоронъ, смѣнившихъ пиръ, —
А зналъ-ли ихъ, скажите, мръ?

X.

Замѣтятъ мнѣ, что есть-же разность
Между Державиннымъ и мной.
Что красота и безобразность
Раздѣлены чертой одной.
Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
А не коллежскій регистраторъ, —

Что лучше, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ;
Что нѣтъ, къ тому, же, перевода
Прямыхъ героямъ; что они
Совсѣмъ не чудо въ наши дни, —
Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода, —
И развѣ межъ моихъ друзей
Двухъ, трехъ великихъ нѣтъ людей?

XI.

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ стень и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арана своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Зачѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы пѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

XII.

Исполненъ мыслями златыми.
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты уныль и вѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нужды, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: куда? куда?
Дорога здѣсь! Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ —
Тебѣ награда: нѣмъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

XIII.

Скажите: «экой вздоръ!» или «bravo!»
Или не скажите ничего —
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть человѣкъ онъ не военный.
Не бунтовщикъ, не Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданскій столичный.
Какихъ встречаемъ всюду тьму;
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей брата не отличный,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловой.

XIV.

Онъ одѣвался верадииво;
На немъ свдѣло все не такъ;
Всегда бывалъ застенутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ;
Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любовникъ.

М Ъ Д Н Ы Й В С А Д Н И К Ъ .

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Верхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полкъ,
И вдаль глядѣлъ. Передъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ онъ:

«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложень,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ».

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальной пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ, корабли
Толпой со всѣхъ сторонъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранить,
Твоихъ оградъ узоръ чугуныи,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пускаю тѣмъ ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, дать ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвчьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой—
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю,
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шалоковъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полночная царница
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россіи снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вѣшни дни, ллѣетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Непоколебимо, какъ Россія!
Да умирится-же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней сѣлжо воспоминанье...
Объ пей, друзья мои, для васъ
Начпу свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой рассказъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ холодомъ.

Плеская шумною волной
 Въ края своей отрады стройной,
 Нева металась, какъ больной
 Въ своей постели безпокойной.
 Ужь было поздно и темно;
 Сердито бился дождь въ окно,
 И вѣтеръ дулъ, печально воя.
 Въ то время изъ гостей домой
 Пришелъ Евгений молодой...
 Мы будемъ нашего героя
 Звать этимъ именемъ. Оно
 Звучить пріятно; съ нимъ давно
 Мое перо ужъ какъ-то дружно;
 Прозванья намъ его не нужно—
 Хотя въ минувши времена
 Оно, быть можетъ, и блистало,
 И подъ перомъ Карамзина
 Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
 Но нынѣ свѣтомъ и молвой
 Оно забыто. Нашъ герой
 Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
 Дичится знатныхъ и не тужитъ
 Ни о покойницѣ родитѣ,
 Ни о забытой старинѣ.

И такъ, домой пришедъ, Евгений
 Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—
 Но долго онъ заснуть не могъ
 Въ волненьи разныхъ размышлений.
 О чемъ-же думалъ онъ? О томъ,
 Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
 Онъ долженъ былъ себѣ доставить
 И независимость и честь:
 Что могъ-бы Богъ ему прибавить
 Ума и денегъ; что вѣдь есть
 Такіе праздные счастливыцы,
 Ума недальняго лѣнныцы,
 Которымъ жизнь куда легка!
 Что служить онъ всего два года...
 Онъ также думалъ, что повода
 Не унималась; что рѣка
 Все прибывала; что едва-ли
 Съ Невы мостовъ ужъ не сняли,
 И что съ Парашей будто онъ
 Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
 Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
 Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
 И чтобы дождь въ окно стучалъ
 Не такъ сердито...

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ,
 Рѣдѣть мгла ненастье ночи,
 И блѣдный день ужъ настаетъ...
 Ужасный день!

Нева всю ночь

Рвалась къ морю противъ бури,
 Не одолѣвъ ихъ бурной дури...
 И спорить стало ей не въ мочь...

Поутру надъ ея берегами
 Тѣснился кучами народъ.
 Любуясь брызгами, горами
 И пѣной разъяренныхъ водъ.
 Но силой вѣтра отъ залива
 Перегражденная Нева
 Озратно шла гнѣвна, бурлива.
 И затопляла острова;
 Погода пуще свирѣпѣла:
 Нева вздувалась и ревѣла,
 Котломятъ клокоча и клубяся—
 И вдругъ, какъ звѣрь остервеня съ,
 На городъ кинулась. Передъ нею
 Все побѣжало, все вокругъ
 Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
 Втекли въ подземные подвалы:
 Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
 И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
 По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злая волна,
 Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
 Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
 Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Товаръ запасливой торговли,
 Пожитки блѣдной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба съ размытаго кладбища
 Плывутъ по улицамъ!..

Народъ

Зрять Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
 Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
 Гдѣ будетъ взять?

Въ тотъ грозный годъ

Покойный царь еще Россіей
 Со славой правилъ. На балконъ
 Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
 И молвилъ: «съ Божіей стихіей
 Царямъ не совладать.» Онъ сѣлъ,
 И въ думѣ скорбными очами
 На злое бѣдствіе глядѣлъ.
 Стояли стогны озерами.
 И въ нихъ широкими рѣками
 Вливались улицы. Дворецъ
 Казался островомъ печальнымъ.
 Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
 По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
 Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
 Его пустились генералы
 Спасать и страхомъ обуялый,
 И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой—
 Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
 Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
 Съ поднятой лапой, какъ живые,
 Стоятъ два льва сторожевые—
 На звѣрѣ мрачномъ верхомъ,
 Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,

Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, блѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одня навелены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились:
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ—
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ покрашенный да ива
И ветхій домикъ: тамъ опѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И опѣ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ.
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытая разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгеній мой
Спѣшитъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь;

Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы приближавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку,
Онъ перевозчика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботный
Его за гривенникъ охотно
Черезъ волны страшныя везетъ.
И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ чолнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ..
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики; другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій.
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ..
Что-жь это?

Онъ остановился;
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота;
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, удара въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Ночная жгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не снали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей—
И не нашелъ уже слѣдовъ
Вѣды вчерашней. Багряницей
Уже покрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,

Покинувъ свой почвой пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ.
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,
Позтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье неvkскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгенийъ.
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятельный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ—опъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ паймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгений за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и гнѣла. Злые дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія ялты
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ—ни звѣрь, ни человекъ,
Ни то, ни се—вп житель свѣта,
Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ
У неvской пристани. Дни лѣта
Клновились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на приставъ, ропща пени
И боясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему не внемлющихъ судеб.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло—
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгенийъ, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ, пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами

Съ боязпью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темпой вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ копѣ.

Евгений вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главою
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасевъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ копѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

Кругомъ подвожія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь, онъ храбро сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнулъ онъ злобно, задрожавъ:
«Ужо тебѣ!..» И вдругъ стремглавъ
Вѣжать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Вѣжить, и слышать за собой,
Какъ будто грома грохотанье,—
Тяжело звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдною,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ копѣ.
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,

Занымъ повюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятеніе; къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.— Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Привалить съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варить;
Или чивовникъ поспѣшить,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ, какъ черный кустъ—
Его прошедшею весною
Сvezли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ-же хладный трупъ его
Похоронили—ради Бога.

1833 г.

А Н Д Ж Е Л О .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій законъ,
Какъ дрыхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.

Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло, сложа руки,
И по посу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить—совсѣмъ несправедливо

И странно было-бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.

Размысливъ, наконецъ, рѣшился онъ ан время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести и былъ-бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, неновый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Влѣднѣющій въ трудахъ, ученѣи и постѣ,
За правы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградой законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.

Его-то старый Дукъ намѣстникомъ парекъ,
И въ ужасѣ ополчилъ, и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простаясь, incognito, одинъ
Пустялся странствовать, какъ древній паладинъ

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленіе,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло:
Пружины ржавыя опять пришли въ движеніе,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ
боязни,

По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить: хе, хе! да, тотъ ужъ не тотъ!

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенъ
Открылъ его и въ страхѣ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненія,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ блованномъ на-
родѣ

Преобразились привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвующаго льва.
Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы».

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно
Роптали вообще, смѣялась молодежь, [дрожь.
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила;

И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой.
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ предста-
вить,

Джюльету иѣжнюю успѣлъ онъ обольстить
И къ тайнствамъ любви безбрачной прекло-
нить.

Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшеніе,
Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣнныя
И горько стѣюя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Люціо, гуляка беззаботный,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотный.
«Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣ-
Она спасти меня, друзей-бы упростила, [шила
Иль даже-бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ ней много, Люціо, искусства и ума;
Богъ далъ ей рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
Къ тому-жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчить сердца людей». — Изволь, поговорю! —
Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабелла

Въ то время съ важною монахиней сидѣла:
Постричься черезъ день она должна была,
И разговоръ о томъ со старицей вела.
Вдругъ Люціо звонить и входить. У рѣшетки
Его приветствуетъ, перебирая четки,
Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
— Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ,
Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
Нельзя-ли доложить прекрасной Изабеллѣ,
Что къ ней меня прислалъ ея несчастный
братъ. —

«Несчастный?.. почему? что съ нимъ? скажите
смѣло:

Я Клавдіо сестра». Нѣтъ, право? очень радъ.
Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ
дѣло:

Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — «За что?» — За то,
Благодарилъ его, красавица моя, [за что-бы я
И не было-бъ ему иного наказанья. —

Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
Немного жесткія своею наготой

Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой;
Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
Безъ приторныхъ причудъ, стыдливости и гнѣва.
Она чиста была душою, какъ эфиръ:

Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами.

— Теперь, промолвилъ онъ, осталось лишь
мольбами

Вамъ тронуть Анджело, п вотъ о чемъ просилъ
Васъ братецъ. — «Боже мой, дѣвица отвѣчала:
Когда-бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!..
Но сомнѣваясь; во мнѣ не станетъ силъ...»

— Сомнѣнья — намъ враги, тотъ съ жаромъ воз-
Насъ неудачею предателя страшатъ [разилъ:
И благо вѣрное достать не допускаютъ.
Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
Что если дѣвица, колѣна преклоня
Передъ мужчиною, и просить, и рыдаетъ —
Какъ Богъ, онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ. —

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
Съ усерднымъ Люціо къ вельможѣ поспѣшила,
И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
За брата своего намѣстника молила.
«Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ:
Спаси его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
Онъ долженъ умереть». Заплакавъ, Изабелла
Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
Но добрый Люціо дѣвицу удержалъ.
— Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ:
Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пени,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
Какъ будто рѣчь идетъ межъ нами про иголку:
Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
Не отставайте-же! еще! —

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя закона:
«Повѣрь мнѣ, говорить, ни царская корона,
Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ суди,
Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ,
Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда-бъ во власть твою мой братъ былъ обле-
ченъ,

А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть, какъ онъ,
Но братъ-бы не былъ строгъ, какъ ты».

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взо-
ромъ,

— Оставь меня, прошу, — сказалъ онъ тихо ей.
Но дѣва скромная и жарче, и смѣлѣй
Была часть отъ часу. «Помилуй! говорила:
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ-бы грѣшныхъ насъ
Безъ милосердія, скажи: что было-бъ съ нами?
Подумай — и любви услышавъ въ сердцѣ гласъ,
И милость вѣжная твоими днѣтъ устами,
И новый человѣкъ ты будешь».

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

— Поди, твои мольбы — пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнить. Спаси нельзя мнѣ брата.
И завтра онъ умретъ.

Изабелла: Какъ, завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ!
Онъ не готовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ

Прощалось каждому, постраждетъ первый онъ.

Анджело: Законъ не умираетъ, но былъ
Теперь проснулся онъ. [Лишь въ усиленнѣ;

Изабелла: Будь милостивъ!

Анджело: Нельзя.

Потворствовать грѣху есть то-же преступленіе:
Карая одного, спасаю многихъ я.

Изабелла: Ты-ль первый изречешь сей при-
говоръ ужасный?

И первой жертвою мой будетъ братъ несча-
стный!

Нѣтъ, вѣтъ! будь милостивъ. Уже душа твоя
Совсѣмъ безвинная? Спроси у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она: «постой, стой!
Послушай, воротись! Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами душъ
Предъ утренней зарей, въ полуночной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
Въ удивленіи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа». Смущенъ и присмирѣвъ,
Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
И въ отдаленные поконъ посѣщаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело, безмолвный и угрюмый,
Сидѣлъ уединясь, объять одною душой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
Усталыхъ вѣждъ его. «Что-жъ это? мыслить онъ:
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее и взоръ мой усладить
Дѣвнчей прелестью? Но ней груститъ умильно
Душа... Или когда святого уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манятъ онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человекъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся,
А вынѣ!»...

II.

Размышляя, молиться хочетъ онъ;
Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ увынь погруженъ,
Устами праздными вращаетъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правленіе для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъига,
Отреченъ былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безмысленно дивился,

Цѣплялъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...

Путру къ Анджело являлась Изабелла—
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.
III.

Анджело: Что скажешь?

Изабелла: Волю я твою пришла узнать.

Анд. Ахъ, если-бы ее могла ты угадать!
Твой братъ не долженъ жить... а могъ-бы...

Изабелла: Почему-же
Простить нельзя его?

Анджело: Простить? . Что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убіиство легче.

Изабелла: Да,
Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?
Анджело: Ты думаешь? Такъ вотъ тебѣ
предположеніе:

Что, если-бъ отдали тебѣ на разрѣшеніе—
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

Изабелла: Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

Анджело: Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую... Дѣло въ томъ,—
Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

Изабелла: Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакого,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

Анджело: Спасешь-ли ты его,
Коль милость ва вѣсахъ равно съ грѣхомъ по-
тянется?

Изабелла: О, пусть моимъ грѣхомъ спасенье
брата станетъ!

Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

Анджело: Нѣтъ, послушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я прощѣ въяснюсь: твой братъ приговоренъ.

Изабелла. Такъ.

Анджело: Смерть изрекъ ему рѣшитель-
Изабелла: Такъ точно. [но законъ.

Анджело: Средство есть одно къ его спасенію
(Все это клонится къ тому предположенію,
И только есть вопросъ, и больше ничего).
Положимъ: тотъ, кто-бъ могъ одинъ спасти его
(Наперсникъ суди, иль самъ, но сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужас-
ный),

Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспа-
ленъ,

И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденіемъ; не то—рѣшить законъ.
Что скажешь? какъ-бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

Изабелла: Для брата, для себя рѣшилась-бы
скорѣй,

Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на
Чѣмъ осквернить себя. [ложе,

Анджело: Твой братъ умереть!

Изабелла: Такъ что-же?

Онъ лучший путь себѣ, конечно, изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ
на вѣчно.

Анджело: За что-жъ казалось тебѣ безчело-
вѣченіе суда? Ты обвиняла насъ [вѣчно

Въ жестокосердіи. Давно-ль еще? Сейчасъ
Ты праведный законъ тирапомъ называла,
А братній грѣхъ едва-ль не шуткой почитала.

Изабелла: Прости, прости меня. Невольно я
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой [душой
Противорѣчила я, милое спасая
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

Анджело: Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ! женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

Изабелла: Тебя я не могу понять.

Анджело: Поймешь: люблю тебя.

Изабелла: Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умереть, не-
счастный.

Анджело: Люби меня, и живъ онъ будетъ.

Изабелла: Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь...

Анджело: Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честію!

Изабелла: О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ, джонъ лести!
Сейчасъ мнѣ Клавдію свободу подниши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу—и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

Анджело: И кто-же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстепъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой допосъ безумной клеветой.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смиришь предъ волею моей;
Брось эти глупости—и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта,
И знай, что твоего я не боюсь извѣта:
Что хочешь говори—не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ

Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшить она въ тем-
нищу.

Дверь отворилась ей, и братъ ея глазами
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовая умереть,
Безмолиенъ онъ сидѣлъ. и съ нимъ, въ плащѣ
широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ распятіемъ въ ру-
кахъ.

Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа.
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдію печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла: миръ вамъ!—Очнулся онъ,
И смотреть на сестру, мгновенно оживленъ.
«Отецъ мой, говорить монаху Изабелла:
Я съ братомъ говорить одна-бы здѣсь хотѣла».
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

Клавдію: Что-жъ, милая сестра,
Что скажешь?

Изабелла: Милый братъ, пришла тебѣ пора.

Клавдію: Такъ нѣтъ спасенья?

Изабелла: Нѣтъ, иль развѣ поплатиться
Душой за голову?

Клавдію: Такъ средство есть одно?

Изабелла: Такъ, есть. Ты могъ-бы жить.

Судья готовъ смягчиться.

Въ немъ милосердіе бѣсовское: одно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

Клавдію: Что? Вѣчная тюрьма?

Изабелла: Тюрьма—хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

Клавдію: Изъяснись, что-жъ это?

Изабелла: Другъ сердечный,
Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый
братъ:

Семь, восемь лишнихъ лѣтъ уже-ль тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься-ль умереть?
Что чувство смерти? Мигъ. И много-ли терпѣтъ?
Раздавленный червякъ при смерти терпѣтъ
Что терпитъ великанъ. [то-же,

Клавдію: Сестра! или я трусь?

Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль должно умереть, и встрѣчу ночь могилы.
Какъ дѣву милую.

Изабелла: Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри-же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокий,

Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь —
Самъ демонъ: сердце въ немъ черно, какъ адъ
И полно мерзостью. [глубокій

Клавдіо: Намѣстникъ?

Изабелла: Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...

Знай: если-бъ я его безстыдное желанье
Рѣшила утолить, тогда-бы могъ ты жить.

Клавдіо: О нѣтъ, не надобно.

Изабелла: На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣ-
Иль завтра ты умрешь. [шить,

Клавдіо: Нейдя, сестра.

Изабелла: Братъ милый!

Богъ видитъ: ежели одной моей могилы
Могла-бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала-бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнью моей.

Клавдіо: Благодарю, другъ милый!

Изабелла: Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти
будь готовъ.

Клавдіо: Да, такъ... и страсти въ немъ кн-
пятъ съ такою силой!

... Для одного мгновенья
Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ на вѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю: онъ — умный человѣкъ.

Ахъ, Изабелла!

Изабелла: Что? что скажешь?

Клавдіо: Смерть ужасна!

Изабелла: И стыдъ ужасенъ.

Клавдіо: Такъ — однако-жъ... умереть.

Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ... Уны! земля прекрасна
И жизнь мала. А тутъ: войти въ вѣную мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстро-
течными

Носиться въ пустотѣ пространствомъ безконеч-

Изабелла: О. Боже! [нытъ.

Клавдіо: Другъ ты мой! сестра! позволь
мнѣ жить.

Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

Изабелла: Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!.. кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя. чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе.
Коль понесла тебя. Умри. Когда-бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все-таки-бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

Клавдіо: Сестра. стой. стой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабелла

Отъ гнѣва своего насилу охладѣла
И брата бѣднаго простила, и опять,
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью от-
пертою

И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблю-
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ [далъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушавъ весь разговоръ,
Въ расстроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
«Я слышалъ все, сказалъ; ты похвалы до-
стойна:

Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь по-
койна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и
вѣръ».

Тутъ ей онъ объяснилъ свое предположеніе
И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело.
Угрюмой, злой души печальное зеркало.
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравилось могло?
Не чудно-ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человѣкъ, сей грѣшникъ — былъ
любимъ

Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой, отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла.
Младой жены его молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
«Пускай себѣ молвы неправдо обвиненье,
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнья
Къ супругѣ Кесаря». Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстіи, печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьянна подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ ангель. Изабелла
Предъ ней печально явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней

И часто утѣшать несчастную ходила. Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила: Марьянна, только лишь наставетъ ночи мгла, Къ палатамъ Анджели идти должна была, Въ саду съ нимъ встрѣтиться подѣ каменной И наградить его условленной наградой, [оградой Чуть внятнѣмъ шепотомъ, прощаяся, шепнуть Лишь только то: «теперь о братѣ не забудь». Марьянна, бѣдная, сквозь слезы улыбалась, Готовилась, дрожа—и дѣла съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожи— И сидя съ Клавдію, страдальца утѣшалъ. [даль, Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабелла. Все шло, какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла Марьянна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь И мужа обманувъ. Денница завялась— Вдругъ запечатанный пакетъ приносить вѣст—

никъ

Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что-жъ? На— Немецка узника приказывалъ казнить [и стникъ И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ—представить Начальнику тюрьмы свой перстень и печать И казнь остановить, а къ Анджели отправить Другую голову, велѣвъ обрить и снять Ее съ широкихъ плечъ разбойника морского, Горячкой въ ту-же ночь умершаго въ тюрьмѣ; А самъ отправился, дабы вельможу злого, Столь гнусныя дѣла творящаго во тѣмѣ. Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно О казни Клавдіе успѣла пробѣжать,— Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его нстрѣчать Толпами кинулся. И Анджели смущенный, Грызomый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный, Туда-же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ, И дружно къ Анджели протягиваетъ руку. И вдругъ раздался крикъ, и прямо въ ноги Дуку Дѣвица падаетъ: «помилуй, государь! Ты—щитъ невинности, ты—милости алтарь! Помилуй!»... Анджели блѣднѣетъ и трепещетъ И взоры дикіе на Изабеллу мететъ... Но побѣдилъ себя. Оправится успѣвъ, «Она помѣшана, сказали онъ: видѣвъ брата, Приговореннаго на смерть Сія утрата Въ ней разумъ потрясла»... Но обнаружъ гнѣвъ И долго скрытое въ душѣ негодованье: «Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ Злодѣйство на землѣ получить воздаянье. Дѣвица, Анджели!—за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Марьянна И бѣдный Клавдію. Злодѣй, увидя ихъ. Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ. Все объяснилося, и правда изъ тумана

Возникла. Дукъ тогда: «что, Анджели? скажи, Чего достоинъ ты?» Безъ слезъ и безъ боязни, Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: казни! И объ одномъ молю: скорѣе прикажи Вести меня на смерть.— «Иди, сказалъ вла—

ститель,

Да гибнетъ судія торгашъ и оболъститель!» Но бѣдная жена, къ ногамъ его упавъ, — Помилуй, молвила: ты, мужа мнѣ отдавъ, Не отымай опять; не смѣйся падо мною. — «Не я, во Анджели смѣялся надъ тобою, Ей Дукъ отвѣтствуетъ: но о твоей судьбѣ Самъ буду я печись. Останутся тебѣ Его сокровища, и будешь ты награда Супругу лучшему».—Мнѣ лучшаго не надо. Помилуй, государь! не будь неумолимъ. Твоя рука меня соединила съ нимъ! Ужели для того такъ долго я вдовѣла? Онъ челоуѣчеству свою принесъ лишь дань. Сестра! спаси меня! другъ милый, Изабелла, Проси ты за него, хоть на колѣна стань, Хоть руки подыми ты молча.—Изабелла Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла, И предъ властителемъ колѣна преклоня, «Помилуй, государь! сказала. За меня Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно, И какъ я думаю) жилъ праведно и честно, Покажишь на меня очей не устремилъ. Прости-же ты его!» И Дукъ его простилъ.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ еврейской хижинѣ лампада Въ одномъ углу горитъ; Передъ лампадою старикъ Читаетъ библію. Сѣдые На книгу надаютъ влася. Надъ колыбелію пустой Еврейка плачетъ молодая. Въ другомъ углу, головой Поникнувъ, молодой еврей Глубоко въ думу погруженъ. Въ печальной хижинѣ старушка Готовитъ скудную трапезу. Старикъ, закрывъ святую книгу, Застежки мѣдныя сомкнулъ. Старуха ставитъ бѣдвыи ужинъ На столъ и всю семью зоветъ: Никто нейдетъ, забывъ о нищѣ. Текуть въ безмолвіи часы. Уснуло все подъ сѣнью ночи; Еврейской хижины одной Не посѣтилъ отраднѣи сонъ. На колокольѣ городской Бьетъ полночь.—Вдругъ рукой тяжелой Стучатся къ нимъ—семья вздрогнула. Младой еврей встаетъ и дверь Съ недоумѣньемъ отворяетъ— И входитъ незнакомый странникъ...

„Мѣдн. всадн.“. Наводненіе Петербурга.

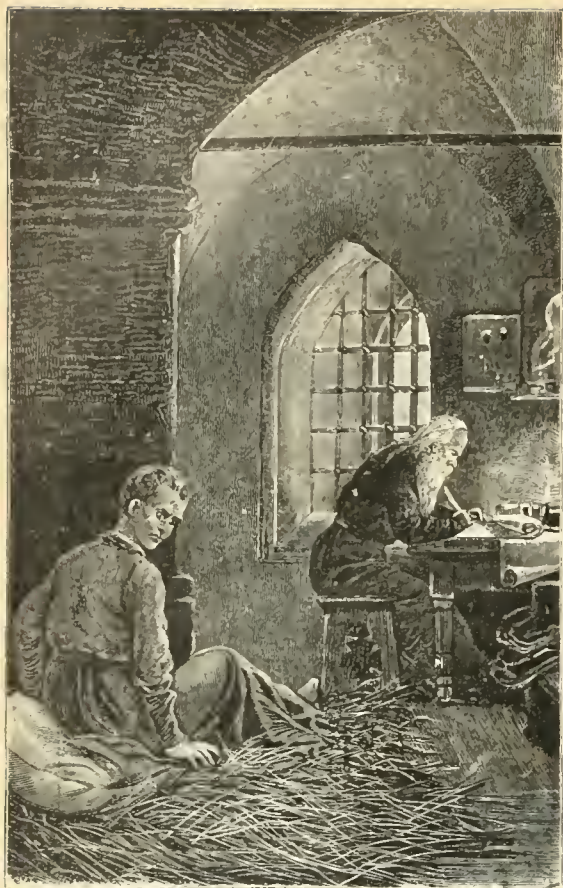
„Мѣдн. всадн.“. „За нимъ повсюду всадникъ мѣдный... скакалъ“.

„Анджело“. „Люби меня—и живъ оуъ будетъ“.

„Анджело“. Дука: „Да гибнетъ судія—торгашъ и обольститель!“

„Бор. Год.“. Пробужденіе Григорія.

„Бор. Год.“. Сцена въ коридорѣ на Литоуской границѣ.

„Бор. Год.“. Царевна Ксесія и ея мамка

„Бор. Год.“. Шуйскій передъ Борисомъ Годуновымъ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля).

князя шуйскій и воротыинскій.

Воротыинскій: Наряжены мы вѣсть городъ вѣ-
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть: [дать,
Москва пуста; вослѣдъ за патриархомъ
къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій: Чѣмъ кончится? Узнать немудрено;
Народъ еще повоюетъ да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что-нибудь предъ чаркою вина,
И наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится;
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

Воротыинскій: Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырь съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патриархъ, ни думные бояре
Склопитъ его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ колыбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-парица,
Какъ онъ — тверда, какъ онъ — неумолима.
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій: Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если такъ, Дмитрій могъ-бы жить.

Воротыинскій: Ужасное злодѣйство! Полно,
Царевича сгубилъ Борисъ? [точно-ль

Шуйскій: А кто-же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоимъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Исслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротыинскій: Зачѣмъ-же ты его не уни-
чтожилъ?

Шуйскій: Онъ, признаюсь, тогда меня сму-
Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданой; [тиль
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ напечаталъ.

Воротыинскій: Нечисто, князь.

Шуйскій: А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Оеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова;
Пускай его-бъ увѣрилъ я во всемъ, —
Борисъ тотчасъ его-бы разувѣрилъ,
А тамъ меня-жъ сослали-бъ въ заточенье.
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько-бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устраситъ;
Я самъ — не трусь, но также — не глупецъ,
И въ петлю-лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротыинскій: Ужасное злодѣйство! Слушай,
Губителя раскаянье тревожитъ: [вѣрно,
Ковечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій: Перешагнетъ: Борисъ не такъ-то ро-
Какая честь для насъ, для всей Руси! [бокъ!

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ-вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынский: Такъ; родомъ онъ не знатень;

Шуйскій: Да, кажется. [мы знатѣе.

Воротъ: Вѣдь Шуйскій, Воротынский...
Легко сказать — природные князья.

Шуйскій: Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский: А слушай, князь, вѣдь мы-бъ
Наслѣдовать Оеодору. [имѣли право

Шуйскій: Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротъ: Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій: Что-жъ?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;

Пускай они оставляютъ Годунова;

Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

Воротынский: Не мало насъ, наслѣдниковъ
варяга,

Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:

Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.

Уже давно лишились мы удѣловъ,

Давно царямъ подручниками служимъ,

А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,

И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно): Онъ смѣлъ, вотъ
все — а мы... Но полно. Видишь,

Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —

Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, — рѣшено-ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ: Неумолимъ! Онъ отъ себя прогвалъ
Святителей, бояръ и патріарха.

Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;

Его страшить сіяніе престола.

Другой: О Боже мой, кто будетъ нами пра-
О горе намъ! [вить?

Третій: Да вотъ, верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшеніе Думы.

Народъ: Молчать! молчать! Дьякъ думный го-
Ш-ш — слушайте! [ворить;

Щелкановъ (съ Краснаго крыльца): Собо-
ромъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.

Завтра вновь святѣйшій патріархъ,

Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебень,

Предшествуемъ хоругвями святыми,

Съ иконами Владимірской, Донской.

Воздвигнется, а съ нимъ-синклитъ, бояре,

Да сонмъ дворянъ, да выборные люди

И весь народъ московскій православный,

Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,

Да сжалятся надъ сиротою Москвою

И на вѣнецъ благословитъ Бориса.

Идите-же вы съ Богомъ по домамъ.

Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ

Усердная молитва православныхъ. (Народъ расхо-
дится).

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

Одинъ: Теперь они пошли къ царицѣ въ
Туда вошли Борисъ и патріархъ [келью;
Съ толпой бояръ.

Другой: Что слышно?

Третій: Все еще

Упрямятся; однако есть надежда.

Баба (съ ребенкомъ): Агу! не плачь, не плачь!

Вотъ бука, бука

Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

Одинъ: Нельзя-ли намъ пробраться за ограду?

Другой: Нельзя. Куды! и въ полѣ даже
Не только тамъ. Легко-ли? Вся Москва [тѣсно.

Сверлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,

Всѣ ярусы соборной колокольни,

Главы церквей и самые кресты

Унизаны народомъ.

Первый: Право, любо!

Одинъ: Что тамъ за шумъ?

Другой: Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,

За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,

Допло до насъ: скорѣе, на колѣни!

Народъ (на колѣняхъ; вой и плачь): Ахъ, сми-
луйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!

Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо): О чѣмъ мы плачемъ?

Другой: А какъ намъ зпать? То вѣдаютъ
Не намъ чета. [бояре —

Баба (съ ребенкомъ): Ну, что-жъ? Какъ
надо плакать,

Такъ и затихъ! Вотъ я тебѣ!.. вотъ бука!

Плачь, баловень (Ребенокъ плачетъ). Ну, то-то-же!

Одинъ: Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой: Я силюсь, братъ,
Да не могу.

Первый: Я также. Нѣтъ-ли луку?
Потремъ глаза.

Другой: А я слювой намажу.
Что тамъ еще?

Первый: Да кто ихъ разберетъ!

Народъ: Вѣнецъ за нимъ! онъ — царь! онъ
согласился!..

Борисъ — вашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ. БОЯРЕ.

Борисъ: Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:

Вы видѣли, что я пріемлю власть

Великую со страхомъ и смиреніемъ.

Сколь тяжела обязанность моя!

Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —

Наслѣдую и ангелу-царю!..
 О праведникъ, о мой отецъ державный!
 Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
 И вислошли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь столь дивно возвеличалъ,
 Священное на власть благословенье:
 Да правлю я во славѣ свой народъ,
 Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре;
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда труды я ваши раздѣлялъ,
 Не избранный еще народной волей.

Бояре: Не изымимъ присягъ, вамъ данной.

Борисъ: Теперь поидемъ, поклонимся гробамъ
 Почившихъ властителей Россіи,
 А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на паръ,
 Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
 Всѣмъ вольный входъ, всѣ—гости дорогіе.

(Уходитъ; за нимъ и бояре.)

Воротынский (Останавливая Шуйскаго): Ты уга-
 далъ.

Шуйскій: А что?

Воротынский: Да здѣсь, намедни,
 Ты помнишь?

Шуйскій: Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынский: Когда народъ ходилъ въ Дѣ-
 Ты говорилъ... [вичье поле,

Шуйскій: Теперь не время помнить,
 Совѣтую порой и забывать.
 А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
 Тогда желалъ тебя лишь испытать,
 Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
 Но вотъ народъ привѣтствуетъ царя—
 Отсутствие мое замѣтить могутъ—
 Иду за нимъ.

Воротынский: Лукавый паредворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.
 (1603 года).

отецъ пименъ, григорій (спящій).

Пименъ (пишетъ передъ лампадой): Еще одно,
 последнее сказанье—
 И лѣтопись окончена моя,
 Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
 Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
 Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 И книжному искусству вразумилъ:
 Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
 Найдеть мой трудъ усердный, безыменный:
 Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
 И пылъ вѣковъ отъ хартий отряхнувъ,
 Правдивыя сказанья переписшетъ,—
 Да вѣдають потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминуютъ
 За ихъ труды, за славу, за добро;
 А за грѣхи, за темныя дѣянья
 Спасителя смиренно умоляютъ...

На старости я сызнова живу;
 Минувшее проходить предо мною...
 Давно-ль оно несло съ событій полно,
 Волнуясь, какъ море-окианъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходить до меня,
 А прочее погребло невозвратно!..
 Но близокъ день, лампада догораетъ—
 Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается): Все тотъ-же сонъ!
 Возможно-ль? Въ третій разъ!

Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
 Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ-ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ-ли новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ-ли отечества? Напрасно!
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ-же видъ—смиренный, величавый...
 Такъ точно дыякъ, въ приказахъ посѣдѣль,
 Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ: Проснулся, братъ.

Григорій: Благослови меня,
 Честный отецъ,

Пименъ: Благослови Господь
 Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Григорій: Ты все писалъ и сномъ не поза-
 А мой покой бѣсовское мечтанье [былся,
 Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
 Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ высоты
 Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
 Внизу народъ на площади кинѣлъ
 И на меня указывать со смѣхомъ;
 И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
 И падая стремглавъ, я пробуждался...
 И три раза мнѣ снился тотъ-же сонъ.
 Не чудно-ли?

Пименъ: Младая кровь играетъ;
 Смирный себя молитвой и постомъ,
 И сны твои видѣній легкихъ будутъ
 Исполнены. Довиѣй—если я,
 Невольною дремотой обезсиленъ,
 Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
 Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
 Мнѣ чудятся то шумные пиры,
 То ратный станъ, то схватки боевыя,
 Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій: Какъ весело провелъ свою ты мла-
 Ты воевалъ подъ башнями Казани, [достъ!
 Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,

Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣднѣй внокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться изъ бояхъ,
Не провать за царскою транзеей?
Успѣлъ-бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ: Не сѣлуй, братъ, что рано грѣш-
Покинулъ ты, что мало искушеній [ный свѣтъ
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь
И долго жилъ и многимъ наслаждался;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сывъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единъ Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что-же? Часто
Златой вѣнецъ тяжель имъ становился:
Онъ его мѣняли на кlobукъ.
Царь Іоаннъ искалъ усноковенія
Въ подобіи монашескихъ трудовъ;
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власявицахъ
Послушными являлись чернецамъ,
А грозный царь — игуменъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братѣ:
«Отцы мои, желанный девъ придетъ —
Предстану здѣсь, алкающій спасенія;
Ты, Наконимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Принду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сывъ его Феодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежвой
Утѣшилась — а въ часъ его кончины

Свершилось неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
И называть великимъ патриархомъ...
И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Завѣ святой владыка предъ царемъ
Во храмѣ тогда не находился.
Когда-же онъ преставился, налаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя...
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ царевѣицу
Мы нарекли.

Григорій: Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ: Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На пѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ... ударили въ набатъ...
Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Слѣшу туда-жъ — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ,
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяніи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервеваясь, волочатъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между насъ, свирѣпъ, отъ злости блѣ-
Является Іуда Вятговскій. [день,
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затренилъ.
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій: Какимъ былъ лѣтъ царевичъ
убіенный?

Пименъ: Да лѣтъ семи; ему-бы вынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ-бы твой ро-
весникъ

И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтонисъ свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой своей разумъ просвѣтилъ:
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:

Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, нора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.
(Уходитъ).

Григ.: Борисъ, Борись! все предъ тобой тре-
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить [пещетъ,
О жребіи несчастнаго младенца:
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный иншетъ...
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Пропущенная сцена.

Григорій и злой чернецъ.

Григорій: Что за скука, что за горе паше бѣд-
ное житье!
День приходитъ, день проходитъ—нидно, слыш-
но все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь
колоколъ.
Днемъ зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать нечего—
соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
Сномъ забудешься, такъ думу грезы черныя
мутятъ;
Градъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ
костылемъ...
Нѣтъ, не вытерплю! пѣтъ мочи. Черезъ ограду,
да бѣгомъ!
Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре сто-
Поминай, какъ звали. [роны,
Чернецъ: Правда—ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!
Григорій: Хотѣ-бы халъ опять нагривнулъ, хотѣ
Литва-бы поднялась—
Такъ и быть, пошелъ-бы съ ними перевѣдаться
мечемъ!
Что, когда-бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ
воскресъ
И вскричалъ: «а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные
Вы подите ва Бориса, на злодѣя моего, [мои?
Иззовите супостата, приведите мнѣ его!»
Чернецъ: Полво, не болтай пустаго. Мертвыхъ
памъ не воскреситъ.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено...
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣ-
Григорій: Что такое? [вать...
Чернецъ: Если-бъ я былъ такъ-же молодъ, какъ
и ты,
Если-бъ усь не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?..
Григорій: Нѣтъ, вислококо.
Чернецъ: Слушай: глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помянутъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ.. Если ты хитеръ и
Понимаешь? [твердъ...
Григорій: Понимаю.
Чернецъ: Что-же скажешь?
Григорій: Рѣшено!
Я—Димитрій, я—царевичъ!
Чернецъ: Дай мнѣ руку—будешь царь.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

Патріархъ: И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

Игуменъ: Убѣжалъ, святой владыка, вотъ
ужъ тому третій день.

Патріархъ: Пострѣлъ, окаянный! Да какого
опъ роду?

Игуменъ: Изъ роду Отреневыхъ, галицкихъ
боярскихъ дѣтей; смолodu постригся невѣдомо
гдѣ, жилъ въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ мо-
настырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ
обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей чудов-
ской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и
неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пи-
мену, старцу кроткому и смиренному; и былъ
онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи,
сочинялъ каповы святыхъ; но, зная, грамота
далася ему не отъ Господа Бога...

Патріархъ: Ужъ эти мнѣ грамотен! Что еще
выдумалъ: *буду царемъ на Москвѣ!* Ахъ, онъ—
сосудъ діавольскій! Однако нечего царю и докла-
дывать объ этомъ: что тревожить отца-государя?
Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смир-
нову или дьяку Ефимьеву. Этакъ ересь: *буду*
царемъ на Москвѣ!.. Поймать, поймать вра-
гоугодника, да и сослать въ Соловецкій навѣчно
покаяніе. Вѣдь это—ересь, отецъ игуменъ?

Игуменъ: Ересь, снятый владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

два столыника.

Первый: Гдѣ государь?

Второй: Въ своей опочивальнѣ
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый: Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуны.

Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ-бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй: Вотъ онъ идетъ. Угодно-ли спросить?

Первый: Какъ онъ угрюмъ! (Уходить).

Царь (входитъ): Достигъ высшей власти...

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:

Но счастья пѣтъ моей душѣ. Не такъ-ли

Мы смолodu влюбляемся и алчемъ

Утѣхъ любви, но только утолимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долгіе, дни власти безмятежной—

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:

Предчувствую небесный громъ и горе.

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славѣ успокоитъ,

Щедротами любовь его списать,

Но отложалъ пустое попеченье:

Живая власть для черни ненавистна,—

Они любятъ умѣютъ только мертвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ

Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они-жъ меня, бѣспуясы, проклинали!
 Пожарный огнь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ:
 Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочеряго вдовства
 Меня, меня, несчастнаго отца!..
 Кто ни умереть—я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Оеодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру-царицу,
 Монахию смиренную... все я!
 Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою;
 Но если въ ней единое пятно.
 Единое случайно завелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой
 Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
 Какъ молоткомъ, стучить въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, я голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ...
 И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЬ И ВАРЛААМЪ, БРОДЯГИ ВЪ ВИДѢ ЧЕРНЕЦОВЪ;
 ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ МІРЯНИНОМЪ. ХОЗЯЙКА.

Хозяйка: Чѣмъ-то мнѣ васъ потчивать,
 старцы честные?

Варлаамъ: Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка.
 Нѣтъ-ли вина?

Хозяйка: Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ
 вынесу. (Уходитъ).

Мисаиль: Что-жъ ты закручинился, това-
 рищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой
 такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій: Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ
 поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ: Что тебѣ Литва такъ слюбилась?
 Вотъ мы, отецъ Мисаиль да я грѣшный, какъ
 утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не ду-
 маемъ: Литва-ли, Русь-ли, что гудокъ, что гусли,
 все намъ равно, было-бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаиль: Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка (входитъ): Вотъ вамъ, отцы мои.
 Пейте на здоровье.

Мисаиль: Спасибо, родная, Богъ тебя благо-
 слови. (Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: „Какъ во
 городѣ было во Казани“...). Что-же ты не подтя-
 гиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій: Не хочу.

Мисаиль: Вольному воля...

Варлаамъ: А пьяному рай, отецъ Мисаиль!
 Выпьемъ-же чарочку за шинкарочку... (Пьютъ).
 Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трез-
 выхъ не люблю: иное дѣло—пьянство, а иное
 —чванство; хочешь жить, какъ мы,—милости
 просимъ; нѣтъ,—такъ убивайся, проваливай:
 скоморохъ попу не товарищъ.

Гр.: Пей да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!
 Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ: А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаиль: Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ: Да что онъ за пошлякъ? Самъ-же
 къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, не-
 вѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; можетъ
 быть, кобылу нюхалъ... (Пьютъ и пѣютъ: «Молодой
 чернецъ пострится»).

Григорій (хозяйкѣ): Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка: Въ Литву, мой кормилецъ, къ Лу-
 евымъ горамъ.

Григорій: А далече-ли до Луевыхъ горъ?

Хозяйка: Подалече, къ вечеру можно-бы туда
 поспѣть, кабы не заставы царскія да сторо-
 жевые приставы.

Григорій: Какъ, заставы! что это значить?

Хозяйка: Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а ве-
 лѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

Григорій (про себя): Вотъ тебѣ, бабушка,
 Юрьевъ день!

Варлаамъ: Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ
 присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а
 нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго
 свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ
 одна заботушка—пьемъ до донушка, выпьемъ,
 поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

Мисаиль: Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій (хозяйкѣ): Да кого-жъ имъ надобно?
 Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка: А Господь его вѣдаетъ, воръ-ли,
 разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ
 нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ни-
 чего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: бѣдто въ
 Литву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая до-
 рога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да бо-
 ромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Че-
 канскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото
 на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ
 ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луевыхъ
 горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку,
 что притѣсняютъ прохожихъ да обираютъ насъ,
 бѣдныхъ. (Слышится шумъ). Что тамъ еще? Ахъ,
 вотъ онъ, проклятыя! дозоромъ идутъ.

Григ.: Хозяйка! нѣтъ-ли въ избѣ другого угла?

Хоз.: Нѣтъ, родимый, рада-бы сама спрятать-
 ся. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а пода-
 вай имъ вина и хлѣба и невѣдомо чего—чтобы
 имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобы имъ... (Входятъ
 Приставы: Здорово, хозяйка! [приставы.]

Хозяйка: Добро пожаловать, гости дорогие, милости просиять!

Одинъ приставъ (другому): Ба, да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Мопамъ): Вы что за люди?

Варлаамъ: Мы—Божіи старцы, иноки смиренныя, ходимъ по селеньямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорію): А ты?

Мисаилъ: Нашъ товарищъ...

Григорій: Мірянявъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселъ иду во-своихъ.

Мисаилъ: Такъ ты раздумалъ...

Григорій (тихо): Молчи.

Приставъ: Хозяйка, выставь-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой приставъ (тихо): Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

Первый: Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся.—Что, отцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ: Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скуны; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Прииде грѣхъ великій на языцы земни. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешъ въ мешонку, а въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьемъ; бѣда да и только.—Охъ плохо! знать пришли наши послѣднія времена...

Хозяйка (плачетъ): Господь помилуй и спаси! (Вародолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

Первый приставъ: Алеха! при тебѣ-ли царскій указъ?

Второй: При мнѣ.

Первый: Подай-ко сюда.

Мисаилъ: Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ: А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрешевъ. Слыхалъ-ли ты это?

Мисаилъ: Не слыхалъ.

Приставъ: Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь-ли ты это?

Мисаилъ: Не знаю.

Приставъ (Варлааму): Умѣешь-ли ты читать?

Варлаамъ: Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу): А ты?

Мисаилъ: Не умудрилъ Господь.

Приставъ: Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаилъ: На что мнѣ его?

Приставъ: Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты.

Мисаилъ: Я? Помилуй! что ты!

Приставъ: Пой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка: Ахъ, оны, окаянныя мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ: Кто здѣсь грамотный?

Григорій (выступаетъ впередъ): Я грамотный!

Приставъ: Вотъ на... А у кого-жеты научился?

Григорій: У нашего пономаря.

Приставъ (даетъ ему указъ): Читай-же вслухъ!

Григорій (читаетъ): «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрешевыхъ, впалъ въ ересь п дерзнулъ, наученный дьяволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской»...

Приставъ (Мисаилу): Какъ-же не ты?

Григорій: «Царь поволѣлъ изловить его»...

Приставъ: И повѣситъ!

Григорій: Тутъ не сказано: повѣсить.

Приставъ: Врешь! не всякое слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій: «И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшныи, бороду съ-дую, брюхо толстое». (Всѣ глядятъ на Варлаама).

1-й приставъ: Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу): Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодѣ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить (Читаетъ по складамъ): «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20».—Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь—20?

2-й приставъ: Да, помнятся, двадцать; такъ и намъ было сказано.

1-й приставъ (Григорію): Да ты, братъ, видно,—забавникъ. (Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.)

Варлаамъ (продолжаетъ): «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты-ли?

(Григорій вдругъ выпинаетъ книжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

Приставы: Держи! держи! (Всѣ бѣгутъ въ беспорядкѣ).

МОСКВА ДОМЪ ШУЙСКАГО.

шуйскій, множество гостей; ужинъ.

Шуйскій: Вина еще! (Встаётъ за нимъ и всѣ.)

Ну, гости дорогие,

Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ: Царю небесъ, вездѣ и прясно су-
Своихъ рабовъ моленію всемили: [щій,
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночега;
Подай ему побѣду на врага,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ памѣ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Пронстекутъ источники на насъ:
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

Шуйскій (пѣтъ): Да здравствуетъ великій го-
Простите-же вы, гости дорогие; [сударь!
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ: Насилу убрались; ву, князь Ва-
силій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не
удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ): Вы что ротъ разинули?
Все-бы намъ господъ подслушивать. Сбирайте
со стола, да ступайте вонъ. — Что такое, Леа-
насій Михайловичъ?

Пушкинъ: Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій: Ну?

Пуш.: Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго.. Постой.. (У дверей осматриваетъ)

Державный отрокъ,

По манію Бориса убивенный...

Шуйскій: Да это ужъ не ново.

Пушкинъ: Погоде:

Димитрій живъ.

Шуйскій: Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинъ: Послушай до конца:
Кто-бъ ни былъ онъ, спасенный-ли царевичъ,
Иль вѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій: Не можетъ быть!

Пушкинъ: Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ прїѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату короля.

Шуйскій: Кто-жъ онъ такой? Откуда онъ?

Пушкинъ: Не знаютъ;

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго: что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый павъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, подаялъ его съ одра
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій: Что-жъ говорятъ объ этомъ удалецъ?

Пушкинъ: Да слышно, онъ уменъ, привѣт-
ливъ, довокъ,

Но праву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ—
И, говорятъ, помогу общалъ.

Шуйскій: Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольною.
Сомнѣнья нѣтъ, что это—самозванецъ;
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до варода
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ: Такой грозѣ, что врядъ царю Во-
сдержатъ вѣвещъ на умной головѣ. [рису
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ ве подгребаеъ углей?
Увѣрены-ли мы в вѣ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля.
Знатвѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сидкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?—
Заточены, замучены въ изгнавѣхъ.
Дай срокъ, тебѣ такая-жъ будетъ участь.
Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Липтой,
Осаждены первѣрыми рабами—
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣвивца! радъ не радъ—
Корми его! не смѣй перемагить
Работника! не то—въ приказъ холопій.
Ну, слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче-ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій: Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь-ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ: Вѣстимо,
Знай про себя. Ты—человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подѣ часъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому-жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мой развязали...
Прощай-же, князь.

Шуйскій: Прощай, братъ, до свиданья.
(Провожаетъ Пушкина).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ ЧЕГТИТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТУ. ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВИНЫ.

Ксенія (цѣлуетъ портретъ): Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка: И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ—и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше неважное, забудешь Ивана-королевича.

Ксенія: Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна (Входитъ Борисъ).

Царь: Что, Ксенія? Что, милая моя?

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!

Все алачешь ты о мертвомъ женихѣ.

Дитя мое! судьба мнѣ не судила

Виновиномъ быть вашего блаженства.

Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,

Я счастье твое ве могъ устроить;

Безвинная! зачѣмъ-же ты страдаешь?

А ты, мой сынъ, чѣмъ занять? Это что?

Оеодоръ: Чертежъ земли Московской; наше царство

Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,

Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,

Вотъ перискіе дремучіе лѣса.

А вотъ Сибирь.

Царь: А это что такое

Узоромъ здѣсь вѣется?

Оеодоръ: Это Волга.

Царь: Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ

Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть [ученья!]

Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки..

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ

Намъ опыты быстротекущей жизни.

Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,

Всѣ области, которыя ты нынѣ

Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,

Всѣ подъ руку достанутся твою.

Учись, мой сынъ,—и легче, и яснѣе

Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксенія) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;

Прости, мой другъ; утѣшь тебя Госнодь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ).

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ: Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья

И Пушкина слуга пришли съ довосомъ.

Царь: Ну?

Семенъ Годуновъ: Пушкина слуга донесъ сперва,

Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ

Изъ Кракова голецъ—и черезъ часъ

Безъ грамоты отославъ былъ обратно.

Царь: Говца схватить.

Семенъ Годуновъ: Ужъ пославо въ договю.

Царь: О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ: Вечоръ онъ угощалъ Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ, Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова, Да Пушкина, да нѣсколко другихъ; А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ Найдннѣ съ хозяиномъ остался И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь: Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ: Государь! Онъ здѣсь уже.

Царь: Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ)

Царь: Сношенія съ Литвою! это что?..

Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,

А Шуйскому не должно довѣрять:

Уклончивый, по смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій).

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ,

И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій: Такъ, государь: мой долгъ тебѣ Вѣсть важную. [новѣдать]

Царь: Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Оеодора): Но, государь...

Царь: Царевичъ можетъ знать, Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій: Царь, изъ Литвы пришла намъ

Царь: Не та-ли, [вѣсть... Что Пушкину привезъ вечоръ голецъ?

Шуйскій: Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, го- Что ты еще не вѣдаешь сей тайны. [сударь,

Царь: Нѣтъ пужды, князь: хочу сообразить Извѣстія; иначе не узнаемъ Мы истины.

Шуйскій: Я знаю только то, Что въ Краковѣ явился самозванецъ, И что король и паны за него.

Царь: Что-жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій: Не вѣдаю.

Царь: Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій: Конечно, царь, сильна твоя дер- Ты милостью, радѣяемъ и щедротой [жава, Усыновилъ сердца своихъ рабовъ; Но знаешь самъ: безмысленная чернь Измѣнчива, мятежна, суевѣрна, Легко пустой надеждѣ предана, Мгновенному ввухенію послушна, Для истинны глуха и равнодушна, А баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвága; Такъ если сей невѣдомый бродяга Литовскую границу перейдетъ,— Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Димитрія воскреснувшее имя.

Царь: Димитрія!.. Какъ? Этого младенца? Димитрія!.. Царевичъ, удались.

Шуйскій (про себя): Онъ покраснѣлъ: быть **Отедоръ:** Государь, [буря!.. Дозволишь-ли...

Царь: Пельзя, мой сынъ, поди. (Отедоръ уходитъ).

Димитрія!..

Шуйскій (про себя): Онъ ничего не зналъ.

Царь: Послушай, князь: взять мѣры сей-же Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась [часъ, Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай! [воронъ

Шуйскій: Иду.

Царь: Постой. Не правда-ль, эта вѣсть Затѣйлива? Слыхалъ-ли ты когда, Чтобъ мертвые изъ гроба выходили Допрашивать царей, царей законныхъ, Назначенныхъ, избранныхъ всенародно, Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ? Смѣшно? а? что? Что-жъ не смѣешься ты?

Шуйскій: Я, государь?..

Царь: Послушай, князь Василій: Какъ я узналъ, что отрока сего...

Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни.

Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь

Тебя крестою и Богомъ заклинаю,

По совѣсти мнѣ правду объяви:

Узналъ-ли ты убитаго младенца

И не было-ль подмѣна? Отвѣчай.

Шуйскій: Клянусь тебѣ!..

Царь: Нѣтъ, Шуйскій, не клянись, Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

Шуйскій: Онъ.

Царь: Подумай, князь. Я милость обещаю, Прошедшей лжи опалю напрасной Не накажу. Но если ты теперь Со мной хитришь, то головою сына Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь, Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій: Не казнь страшна—страшна твоя Передъ тобой дерзну-ли я лукавить? [нежностью; И могъ-ли я такъ слѣпо обмануться, Что не узналъ Димитрія? Три дня Я трупъ его въ соборѣ пощлалъ, Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый. Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало, Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ Ужъ тѣніе примѣтно проступало, Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ, И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный; Глубокая не запекалась язва. Черты-жъ лица совсѣмъ не измѣнились. Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій Во гробѣ спитъ.

Царь: Довольно, удались (Шуйскій уходитъ). Ухъ, тяжело!.. дай, духъ переведе!

Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо

Мнѣ кинулась и тяжело опускалась...

Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду Все снилося убитое дитя!

Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.

Но кто-же онъ, мой грозный супостатъ?

Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—

Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?

Безумецъ я! чего-жъ я испугался?

На призракъ сей подуй—и пѣть его.

Такъ, рѣшено: не окажу я страха—

Но презирать не должно ничего...

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

самозванецъ и патеръ черниковскій.

Самозванецъ: Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ Я знаю духъ народа моего: [затрудненья.

Въ немъ набожность не знаетъ изступленья,

Ему священъ примѣръ царя его.

Всегда, къ тому-жъ, терпимость равнодушна.

Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ

Весь мой народъ и вся восточна церковь

Признають власть намѣстника Петра.

Патеръ: Вспомошествоуй тебѣ святой Игна-

Когда придутъ нины времена. [тій,

А между тѣмъ небесной благодати

Тан въ душѣ, царевичъ, сѣмена;

Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтою

Намъ иногда духовный долгъ велитъ:

Твои слова, дѣянья судятъ люди;

Намѣренья единый видитъ Богъ.

Самозванецъ: Амен. Кто тамъ? (Входитъ слуга).

Сказать: мы принимаемъ.

(Входитъ толпа русскихъ и поляковъ).

Товарищи! мы выступаемъ завтра

Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя

Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.

Я знаю: твой гостепріимный замокъ

И пышностью блистаетъ благородной,

И славится хозяйкой молодой.

Прелестную Марину я надѣюсь

Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,

Литва и Русь, вы, братскія знамена

Подняшіе на общаго врага,

На моего коварнаго злодѣя,

Сыны славянъ, я скоро поведу

Въ желанный бой дружины ваши грозны;

Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ: Они пришли у мило- Просить меча и службы. [сти твоей

Самозванецъ: Радъ вамъ, дѣти.

Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ, Крассавецъ сей?

Пушкинъ: Князь Курбскій.

Самозванецъ (Курбскому): Имя громко! Ты—родственникъ казанскому герою?

Курбскій: Я—сынъ его.

Самозванецъ: Опъ живъ еще?

Курбскій: Нѣтъ, умерь...

Самозванецъ: Великій умъ! мужъ битвы и
Но съ той поры, когда являлся онъ, [совѣта!
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

Курбскій: Мой отецъ
Въ Волиннѣ провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

Самоз. Несчастный вождь! какъ ярко про-
Восходъ его шумящей, бурной жизни! [сіялъ
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Внѣмъ отцовъ не должно вспоминать;
Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... руку!
Не странно-ли? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? да — сына Іоанна!...
Все за меня: и люди, и судьба.
Ты кто такой?

Полякъ: Собанскій, шляхтичъ вольный.

Самозванецъ: Хвала и честь тебѣ, свободы
Впередъ ему треть жалованья выдать. [чадо!
Но эти кто? Я узнаю па нихъ
Земли родной одежду. Это — наши.
Хрущовъ (бѣгъ челою): Такъ, государь, отецъ
Усердые, гонимые холопы. [нашъ. Мы твои
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ царь, — и за тебя готовы
Главами лечь, да будутъ наши трупы
На царскій тронъ ступенями тебѣ.

Самоз. Мужайтесь, безвинные страдальцы!
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Расплатится. Что-жъ новаго въ Москвѣ?

Хрущовъ: Все тихо тамъ еще. Но ужъ
Спасеніе царевича провѣдалъ, [народъ
Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
Всѣ ждуть тебя. Недавно двухъ бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ: О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорить о немъ?

Хрущовъ: Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызетъ. Борисъ едва влачится,
И — думаютъ — его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.

Самозванецъ: Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то — бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ паречъ намѣренъ онъ?

Хрущовъ: Онъ замысловъ своихъ не объ-
Но, кажется, что молодого сына, [являетъ,

Евфродора, онъ прочитъ намъ въ царя.

Самозванецъ: Въ разсчетахъ онъ, быть мо-
Ты кто? [жетъ, ошибется.

Карела: Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ нерховыхъ и низовыхъ,
Узрѣтъ твои царицы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самоз. Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки. [видѣтъ
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (приближается, кланяясь низко, и хватаетъ
Гришку за полу): Великій принцъ, свѣтлѣйшій
королевичъ!

Самозванецъ: Что хочешь ты?

Поэтъ (подастъ ему бумагу): Примите благо-
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда. [склонно

Самозванецъ: Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полуночнымъ,
Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты.
Я вѣрую въ пророчества пѣнцовъ.
Нѣтъ, не востще въ ихъ пламенной груди
Кипятъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его-жъ они прославили заранѣ!
Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

Всѣ: Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ
Димитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

МАРИНА, РУЗЯ (убираетъ ее). СЛУЖАВКИ.

Марина: (передъ зеркаломъ): Ну, что-жъ? го-
тово-ли? вельзя-ли поспѣшить?

Рузя: Позвольте — напередъ рѣшите выборъ
трудный:

Что вы надѣнете, жемчужную-ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

Марина: Алмазный мой вѣнецъ.

Рузя: Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда взвоили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали...

Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.

А точно, говорятъ, на васъ

Кто ви взглянулъ, тотъ и влюбился.

Марина: Нельзя-ли поскорѣй?

Рузя: Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.

Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ:

Не могъ онъ утѣять восторга своего;

Ужъ равнѣтъ онъ; такъ надобно его

Сразить рѣшительнымъ ударомъ.

А точно, панна, онъ влюбленъ!

Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,

Забывъ войну, московскій тронъ,

Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ

И бѣситъ русскихъ и поляковъ.

Ахъ, Боже мой, дождусь-ли дня?

Не правда-ли, когда въ свою столицу

Димитрій повезетъ московскую царицу,

Вы не оставите меня?

Марина: Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

Рузя: А кто-жъ, когда не вы? Кто смѣетъ

Равняться здѣсь съ моею госпожею? [красотою

Родъ Мнишковъ ни чѣму еще не уступалъ:

Умомъ—превыше вы похвалъ...

Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,

Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ—

Кто-бъ ни былъ онъ, хоть вашъ король,

Или французскій королевичъ...

Не только нищій вашъ царевичъ,

Богъ вѣстъ какой, Богъ вѣстъ отколь!

Марина: Онъ точно царскій сынъ и признавъ
цѣлымъ свѣтомъ.

Рузя: А все-жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугою.

Марина: Скрывался онъ.

Рузя: Не спорю я объ этомъ.

А только знаете-ли вы,

Что говорятъ о немъ въ народѣ?

Что будто онъ—дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,

Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

Марина: Какія глупости!

Рузя: О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ, конечно,

Благословлять еще судьбу, когда сердечно

Вы предпочли его другимъ.

Служанка (бѣгаетъ): Ужъ гости съѣхались.

Марина: Вотъ видишь: ты до свѣта

Готова пустяки болтать,

А между тѣмъ я не одѣта...

Рузя: Сейчасъ, готово все. (Служанки суетятся.)

Марина: (про себя) Мнѣ должно все узнать...

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ. МНИШЕКЪ.

Мнишекъ: Онъ говоритъ съ одной моей Ма-
Маринкою одною занять онъ...

А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну, думалъ ты—признайся, Вишневецкій,—
Что дочь моя царицей будетъ? а?

Виш.: Да, чудеса... И думалъ-ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

Мнишекъ: А какова. скажи, моя Марина?

Я только ей промолвилъ: ву, смотри!

Не упускай Димитрія!... и вотъ

Все кончено, ужъ овъ въ ея сѣтяхъ.

(Музыка играетъ польскій. Самозванецъ
идетъ съ Мариною въ первой парѣ.)

Марина (тихо Димитрію): Да, ввечеру, въ
одиввадцать часовъ,

Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

Кавалеръ: Чго въ ней нашелъ Димитрій?

Дама: Какъ! она—

Красавица.

Кавалеръ: Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара.)

Дама: Овъ не красивъ, но видъ его пріятенъ;

И царская порода въ немъ видна.

(Новая пара.)

Дама: Когда-жъ въ походъ?

Кавалеръ: Когда велитъ царевичъ.

Готовы мы; но, видно, панна Мнишекъ

Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

Дама: Пріятный плѣнъ.

Кавалеръ: Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ.)

Мнишекъ: Мы, старики, ужъ нынче не
танцуемъ,

Музыки громъ не призываетъ насъ,

Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...

Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!

Теперь не то, не то, что прежде было!

И молодежь, ей-ей, не такъ смѣла:

И красота не такъ ужъ весела:

Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.

Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,

Венгерскаго, обросшую травой,

Велимъ открыть бутылку вѣковую.

Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ

Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,

А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ,

Пойдемъ-же, братъ.

Вишневецкій: И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

Самозванецъ (входить). Вотъ и фонтанъ; ова
сюда придетъ.

Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;

Передъ собой вблизи видаль я смерть:

Предъ смертію душа не содрогалась;

Мнѣ вѣчная неволя угрожала,

За мной гнались—я духомъ не смутился

И дерзостью певолы избѣжалъ.

Но что-жъ теперь тѣснить мое дыханье?

Что значить сей неодолимый тренеть?

Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это—страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ оболещу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей;
Но часъ насталъ—я ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображеніе...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это—свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

Марина: (входитъ): Царевичъ!

Самозванецъ: Она!... вся кровь во мнѣ оста-

Марина: Димитрій! вы? [новилась.

Самозванецъ: Волшебный, сладкій голосъ!

(Идетъ къ ней.) Ты ль, наконецъ? Тебя-ли вижу я,
Одну со мной, нодъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина: Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время—
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать вѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то впрямь
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренія и даже опасенія;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная сунруга,
Помощница московскаго царя.

Самозванецъ: О, дай забыть хоть на единый
Моей судьбы заботы и тревоги! [часъ
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина: Не время, князь: ты медлишь и,
межъ тѣмъ

Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
Чась отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняется новизну;
А Годуновъ свои приемлетъ мѣры...

Самозванецъ: Что Годуновъ? Во власти-ли
Бориса

Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,

И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной—ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

Марина: Стыдись! не забывай
Высокаго, святого назначенія:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ оболещеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣвненному моею красотой—
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ: Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвиль.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда-бъ не царское рожденье
Назначила слѣвая мнѣ судьба,
Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда-бъ... тогда-бъ любила-ль ты меня?

Марина: Димитрій, ты и быть инымъ не мо-
Другого мнѣ любить нельзя. [жешь:

Самозванецъ: Нѣтъ! полно—
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей;
Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
Всю истину; такъ знай-же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ—и не воскреснетъ;
А хочешь-ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я—бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо—
И наконецъ изъ келій бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался—
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ты признаніемъ моимъ?
Что-жъ ты молчишь?

Марина: О стыдъ! о горе мнѣ! (Молчаніе.)

Самозванецъ (тихо): Куда завлекъ меня по-
рывъ досады!

Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ.) Вижу, вижу:
Стыдишься ты некаяжеской любви;
Такъ вымоли-жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
Рѣши: я жду. (Бросается въ колѣна.)

Марина: Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь-ли ты колѣнопреклоненіемъ,
Какъ дѣвочки доврчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ выдала

Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ): Не презрай молодого самозванца;

Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣпной...

Марина: Достойныя позорной петли, дерзкій!

Самозванецъ: Виновенья; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и царей—
Я міру глалъ; но не тебѣ, Марина,
Меня казнить: я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ пей-же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила мевя
Все высказать.

Марина: Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безыменный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достойнъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обозначить
Упорною, глубокою, вѣчною тайной.
Могу-ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу-ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвничій,
Соединять судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотою,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ мной отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ: Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье; [его
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина: Клянешься ты! и такъ, должна я вѣ-
О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя-ль узнать, [прить.
Клянешься ты? Не именемъ-ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ-ли? Говори.

Самозванецъ (гордо): Тѣмъ грознаго меня усы-
Димитріемъ изъ гроба нарекла, [новила,
Вокругъ меня народы возмutila
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ—я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкою унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы

Тоску любви, надѣюсь, заглушать.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду—погибель или вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду-ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль, какъ злодѣй, на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина: А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣ предъ всѣми обнаружю?

Самозванецъ: Не мнишь-ли ты, что я тебя
Что болѣе повѣрять польской дѣвѣ, [боюсь?
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, или вѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предложу раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно; и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

Марина: Постой, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медля болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій—
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я. (Уходитъ.)

Самозванецъ: Нѣтъ—легче мнѣ сражаться
съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шинитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя, змѣя!.. Не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.
(1604 года, 16-го октября.)

князь курескій и самозванецъ, оба верхами.
полки приближаются къ границѣ.

Курбскій (прискакавъ первый): Вотъ, вотъ она,
вотъ русская граница!

Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхую
Съ моихъ одеждъ: пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О, мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,

Сей сланный мечъ—гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ—слуга царей московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надежу-государя!..

Самозванецъ (ѣдетъ тихо съ поникшей головой):

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!

О витязь мой, занидую тебѣ!

Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,

Забывъ отцомъ снесенныя обиды,

Его вину за гробомъ испупивъ,

Ты кровь излить за сына Іоанна

Готовишься, законнаго царя

Ты возвратить отечеству... Ты правъ,

Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій: Ужель и ты не веселишься духомъ?

Вотъ наша Русь: она—твоя, царевичъ!

Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,

Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ: Кровь русская, о Курбскій, по-

вы за царя подъяли мечъ, вы чисты; [течетъ!]

Я-жъ васъ веду на братьевъ; я Литву

Позвалъ на Русь; я въ красную Москву

Кажу врагамъ завѣтную дорогу!

По пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,

А на тебя, Борисъ-цареубійца!

Впередъ!

Курбскій: Впередъ! и горе Годунову!

(Скачутъ. Полки переходятъ границу).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ И БОЯРЕ.

Царь: Возможно-ли? Разстрига, бѣглый инокъ

На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,

Держаетъ намъ писать угрозы! Полно,

Пора смирать безумца! Поѣзжайте,

Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь

Нужна юнымъ усерднымъ новеодамъ.

Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:

Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ: Государь,

Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ—

И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;

Его въ Москву вы привеземъ, какъ звѣря

Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ

Тебѣ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ).

Царь: Мнѣ свейскій государь

Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;

Но не нужна намъ чуждая помога—

Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,

Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.

И отказалъ.

Щелкаловъ! разослать

Во всѣ концы указы къ воеводамъ,

Чтобъ на коня сажались и людей

По старинѣ на службу высылали;

Въ монастыряхъ подобно отобрать

Служителей причетныхъ. Въ прежнн годы.

Когда бѣдой отечеству грозило,

Отшельники на битву сами шли;

Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ—

Пусть молятся за насъ они: таковъ

Указъ царя и приговоръ боярскій.

Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:

Вы знаете, что наглый самозванецъ

Коварные промчалъ повсюду слухъ;

Повсюду имъ разосланныя письма

Посѣяли тревогу и сомнѣнье;

На площадяхъ мятежный бродитъ шопоть,

Умы кипятъ.... ихъ нужно остудить;

Предупредить желалъ-бы казни я,

Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,

Святой отецъ, свою повѣдай мысль.

Патріархъ: Благословенъ Всевышній, посе-

Духъ милости и кроткаго терпѣнья [лившій

Въ душѣ твоей, великій государь:

Ты грѣшному погибели не хочешь,

Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденъе:

Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной

Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ,

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,

Держаетъ днесъ податъ тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,

Прослыть умѣлъ Дмитріемъ въ народъ;

Онъ именемъ царевича, какъ ризой

Украденной, безстыдно облачился;

Но стоить лишь ее раздрать—и самъ

Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:

Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,

Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь

Благословилъ на царскую державу—

Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды

Простой пастухъ, уже маститый старецъ,

И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я
ослѣпъ,

И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи

До старости: напрасно я лечился

И зеліемъ, и тайнымъ нашептаниемъ;

Напрасно я ходилъ на поклоненье

Въ обители къ великимъ чудотворцамъ:

Напрасно я изъ кладезей святыхъ

Кропилъ водой цѣлебной темны очи—

Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.

Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,

И къ тѣмъ своей привыкъ, и даже сны

Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,

А снилися мнѣ только звуки. Разъ

Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ

Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди

Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенъя;

Тамъ помолись ты надъ моей могилой.

Богъ милостивъ—и я тебя прощу.

Но кто-же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь—великій чудотворецъ.
Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ. Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой соборъ, и слушаю обѣдню,
И, разгораясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ-будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я вую
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня—и только поредъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и вѣсѣ, и моголку». —
Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Бор-
рисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдалцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.
(Молчаніе).

Князь Шуйскій: Святой отецъ, кто вѣдаетъ
Всевышняго? Не мнѣ его судить. [пути
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворца
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ,
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя-ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ-ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный растрогой, увичтожить;
Но есть на то нѣвыя средства—проще.
Такъ, государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь: Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ, за нимъ и всѣ бояре).

Одинъ бояринъ (тихо другому): Замѣтилъ ты,
какъ государь блѣднѣлъ.

И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй: Я, признаюсь, не смѣлъ поднимать очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый: А выручилъ князь Шуйскій. Мо-
лодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

1604 года 21 декабря.

В Н Т В А.

Воины (бѣгутъ въ безпорядкѣ): Бѣда, бѣда! Ца-
ревичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

(Входятъ кавитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розень).

Маржеретъ: Куда, куда? Allons.... пошелъ
назадъ!

Одинъ изъ бѣглецовъ: Самъ пошелъ, коли
есть охота, проклятый басурманъ.

Маржеретъ: Quoi? quoi?

Другой: Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка за-
морская, квакать на русскаго царевича, а мы
вѣдь—православные.

Маржеретъ: Qu'est-ce à dire pravos-
lavni?.. Sacrés guenx, maudite canaille!
Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que
ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que
des jambes pour fuir.

В. Розень: Es ist Schande.

Маржеретъ: Ventre-saint-gris! Je ne bouge
plus d'un pas: puisque le vin est tiré, il faut
le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. Розень: Sie haben Recht.

Маржеретъ: Tndieu, il y fait chaud! Ce
diable de Samosvanets, comme ils l'appellent,
est un bougre, qui a du poil au col.—Qu'en
pensez-vous, mein Herr.

В. Розень: Ja.

Маржеретъ: Hé! voyez donc, voyez donc!
L'action s'engage sur les derrières de l'en-
nemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui
aurait fait une sortie.

В. Розень: Ich glaube das. (Входятъ вѣмцы).

Маржеретъ: Ha, ha! voici nos allemands.
Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et,
sacrebleu, chargeons!

В. Розень: Sehr gut. Halt! (Вѣмцы строятся).
Marsch!

Нѣмцы (идутъ): Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

Ляхи: Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!

Димитрій (верхомъ): Ударить отбой! мы побѣ-
дили. Довольно! Щадите русскую кровь! Отбой!
(Трубить; бьютъ барабаны).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

Одинъ: Скоро-ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой: Обѣдня кончилась; теперь идетъ мо-
лебствіе.

Первый: Что? ужь проклинали того?

Другой: Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьякопъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ— аваемъ!

Червый: Пускай себѣ проклинаетъ; царевичу дѣла вѣтъ до Отрепьева.

Другой: А царевичу поютъ вѣчную теперь память.

Первый: Вѣчную память живому! Вотъ уже имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій: Чу! шумъ. Не царь-ли?

Четвертый: Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками.)

Мальчишки: Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... тррр...

Старуха: Отвяжитесь отъ него, бѣсенята.

Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый: Дай, дай, дай копѣчку.

Старуха: Вотъ тебѣ копѣчка; помани-же меня.

Юродивый (садится на землю и поетъ):

Мѣсяцъ ѣдетъ,

Котенокъ плачетъ,

Юродивый, вставай,

Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ: Здравствуй, юродивый, что-же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.) Экъ она звонитъ!

Юродивый: А у меня копѣчка есть.

Мальчишка: Неправда; ну, покажи.

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ.)

Юродивый (плачетъ): Взяли мою копѣчку, обижаютъ юродиваго.

Народъ: Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

Юродивый: Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ!

Царь: Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый: Николку маленькія дѣти обижаютъ... Веди ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре: Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь: Оставьте его. Молпись за меня, бѣдный Николка!

(Уходитъ.)

Юродивый (ему вслѣдъ): Нѣтъ, вѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ.

С Ѣ В С К Ъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный свопми.

Самозванецъ: Гдѣ плѣнный?

Ляхъ: Здѣсь.

Самозванецъ: Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

Плѣнникъ: Рожновъ, московскій дворянинъ.

Самозванецъ: Давно-ли ты на службѣ?

Плѣнникъ: Съ мѣсяцъ будетъ.

Сочиненія А. С. Пушкина.

Самозванецъ: Не совѣстно, Рожновъ, что на ты поднялъ мечъ?

[меня]

Плѣнникъ: Какъ быть, не ваша воля.

Самозв.: Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ: Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

Самозванецъ: Что Годуновъ?

Плѣнникъ: Онъ очень былъ встревоженъ Потерю сраженія и равной Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ Начальствовать надъ войскомъ.

Самозванецъ: А зачѣмъ?

Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ: Царь наградилъ его заслуги че-И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ [стѣю] Теперь сидитъ.

Самозванецъ: Онъ въ войскѣ былъ нуженъ, что въ Москвѣ?

[нѣе.]

Плѣнникъ: Все, слава Бога, тихо.

Самозванецъ: Что? ждутъ меня?

Плѣнникъ: Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ вынче смѣютъ.

Кому языкъ отрѣжутъ, а кому

И голову. Такая, право, притча—

Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.

На площади, гдѣ человѣка три

Сойдутся—глядь—лазутчикъ ужь и вьется,

А государь досужною порою

Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.

Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужь молчать.

Самозванецъ: Завидна жизнь Борисовыхъ

Ну, войско что?

[людей!]

Плѣнникъ: Что съ нимъ? Одѣто, сыто,

Довольно вѣмъ.

Самозванецъ: Да много-ли его?

Плѣнникъ: Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ: А будетъ тысячь тридцать?

Плѣнникъ: Да наберешь и тысячь пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; все смотрятъ другъ на друга.)

Самозванецъ: Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ: А говорить о милости твоей, Что ты-дескать (будь не во гнѣвѣ) и горь, А молодецъ.

Самозванецъ (смѣясь): Такъ это я надѣлъ имъ докажу. Друзья, не станемъ ждать Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ: Назавтра бой. (Уходитъ.)

Вѣ: Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ: Назавтра бой! Ихъ тысячь пятьдесятъ, А насъ всего едва-ль пятнадцать тысячь: Съ ума сошелъ.

Другой: Пустое, другъ: полякъ

Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ: Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,

Такъ убѣжавъ отъ одного, хвастувъ.

Ляхъ: Когда-бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,

То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ-
бы смирилъ.

Ильиникъ: Нашъ братъ-русакъ безъ сабли
обойдется:

Не хочешь-ли вотъ этого, безмозглый!

(Показываетъ кулакъ. Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются.)

Л Ы С Ъ.

САМОЗВАНЕЦЪ И ПУШКИНЪ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.)

Самозванецъ: Мой бѣдный конь! какъ бодро
поскакалъ

Сегодня онъ въ послѣднее сраженіе,

И равный какъ быстро несъ меня.

Мой бѣдный конь!

Пушкинъ (про себя): Ну, вотъ о чемъ жа-
Объ лошади, когда все ваше войско [лѣтъ, —
Побито въ прахъ!

Самозванецъ: Послушай, можетъ быть,

Отъ равы онъ лишь заморился

И отдохнетъ.

Пушкинъ: Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (идетъ къ коню): Мой бѣдный
конь!... что дѣлать? снять узду.

Да отстегнуть подиругу. Пусть на волѣ

Издохнетъ онъ.

(Разбѣдливаетъ коня. Входятъ нѣсколько ляховъ.)

Здорово, господа!

Что-жъ Курбскаго не вижу между вами?

Я видѣлъ. какъ сегодня въ гущу боя

Онъ вѣзлся; тѣмъ сабель молодца.

Что зыбіе колосья, облѣнили;

Но мечъ его всѣхъ выше поднимался,

А грозный клякъ всѣ клики заглушалъ.

Гдѣ-жъ витязъ мой?

Ляхъ: Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ: Честь храброму и миръ его
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло! [душѣ!

Измѣнники, злодѣи заворожцы,

Проклятые! вы, вы сгубили насъ!

Не выдержать и трехъ минутъ отпора!

Я ихъ уже! десятого повѣшу!

Разбойники!

Пушкинъ: Кто тамъ ни виноватъ,

Но все-таки мы начисто разбиты,

Истреблены.

Самозванецъ: А дѣло было наше:

Я-было снялъ передовую рать—

Да вѣмцы насъ порядкомъ отразили:

А молодцы! ей Богу. молодцы!

Люблю за то; изъ нихъ ужъ неиремѣнно

Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ: А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ: Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это
не поцлечь?

Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь: къ обѣду будемъ въ
Спокойна ночь. [Рыльскѣ.

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.)

Пушкинъ: Пріятный сонъ, царевичъ!

Разбитый въ прахъ, спасаясь побѣгомъ,

Безнеченъ онъ, какъ глухое дитя:

Хранить его конечно Провидѣнье;

И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Царь: Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?

Мы тщетно побѣдой увѣчались.

Онъ вновь собралъ разбѣянное войско

И вамъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.

Что дѣлаютъ межъ тѣмъ героя наши?

Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ

Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.

Вотъ слава! Нѣтъ, я вѣдъ недоволенъ:

Пошлю тебя начальствовать надъ ними—

Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;

Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить!

Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни

И гибельный обычай увѣчожить.

Басмановъ: Ахъ, государь, стократно благо-
словенъ

Тотъ будетъ день, когда Разрядвы книги

Съ раздорами, съ гордыней родословной

Пожретъ огонь.

Царь: День этотъ недалекъ;

Лишь дай сперва смятеніе народа

Мнѣ усмирить.

Басмановъ: Что на него смотрѣть?

Всегда народъ къ смятевью тайно склоненъ;

Такъ борзый конь грызетъ свои бразды,

На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:

Но кто-жъ? Конемъ спокойно всадникъ править,

И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь: Конь нвогда сбиваетъ сѣдока.

Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной

Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,

Смиритель бурь, разумный самодержецъ.

Такъ думалъ и его свирѣпый вукъ.

Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:

Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;

Грабъ и казни—тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ бояринъ.)

Что?

Бояринъ: Привели гостей пноплеменныхъ.

Царь: Иду прівѣтъ; Басмановъ, погоди.

Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно

Поговорить (Уходитъ).

Басмановъ: Высокій духъ державный!

Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ

Управиться: и много, много онъ

Еще добра Россіи сотворитъ.

Мысль важная въ умѣ его родилась;

Не вадобно ей дать остыть. Какое

Мнѣ поприще откроется, когда

Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!

Сонерниковъ во брани я не знаю;

У царскаго престола стану первый...

И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
(Тревога. Бояре, придворные служители въ без-
порядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

Одинъ: За лекаремъ!

Другой: Скорѣе къ патриарху!

Третій: Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый: Духовника!

Басмановъ: Что сдѣлалось такое?

Пятый и Шестой: Царь занемогъ, царь умираетъ.
Басмановъ: Боже! [раетъ.

Пятый: На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей. [упалъ;
(Царя выносятъ на стулѣ; все царское
семейство; всѣ бояре.)

Царь: Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются) Умираю;
Обвиняемъ. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую—мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевного спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бѣ падлежало:
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ.
Ты царствовать теперь по праву станешь.
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приемишь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ—
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержатъ смятеніе и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ,
Возвысить гласъ измѣны не дерзала;
Но ты—младой, неопытный властитель.
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ изъбери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ.
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго народомъ или славой,—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вожь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣнный теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отиѣнить; тебя благословлять.
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.

Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный.
Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуется женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь: люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Феодоръ (на колѣнахъ): Нѣтъ, нѣтъ, живи и
царствуй долговѣчно—

Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь: Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный холодъ...
(Входятъ патриархъ, святители; за ними всѣ бояре:
царшу ведутъ подъ руки; царица рыдаетъ.)

Кто тамъ?

А! схима.... такъ! святое постриженіе...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патриархъ:
Я—царь еще... Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Феодору.... Басмановъ.
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь-ли?

Бояре: Клянемся.

Царь: Я доволенъ.
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды....
Святый отецъ, приблизься, я готовъ.
(Начивается обрядъ постриженія. Живущіе
въ обморокѣ выносятся.)

С Т А В К А.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ: Войди сюда и говори свободно.
И такъ, тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ: Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

Басмановъ: Но я и такъ Феодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный.
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

Пушк.: Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

Басмановъ: Послушай, Пушкинъ, полно:

Пустого мнѣ не говори! я знаю,—
Кто онъ такой.

Пушкинъ: Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступить сынъ Борисовъ.

Басмановъ: Пока стою за юного царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушеблю.

А вы кого противъ меня пошлете.
Но казака-ль Карелу, али Мвишка?
Да много-ль васъ? всего-то носемъ тысящъ.

Пушкинъ: Ошибся ты: п тѣхъ не паберешь.
Я самъ скажу, что войско наше—дрянь,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что поляки лишь хвастаютъ да пьютъ,
А русскіе.... да что и говорить—
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь-ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помощью,
А мнѣніемъ—да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты поминишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушныя сдавались города,
А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно-ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда-же? При Борисѣ!
А нынче-ль? Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше-ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумный—
Димитрія царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки услужить?
Какъ думаешь?

Басмановъ: Узнаете вы завтра.

Пушкинъ: Рѣшишь.

Басмановъ: Прощай.

Пушкинъ: Подумай-же, Басмановъ. (Уходитъ.)

Басмановъ: Онъ правъ, онъ правъ: вездѣ
измѣна зрѣбеть;

Что дѣлать мнѣ? ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше-ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность молодого вѣщеносца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!..
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ-ли, мнѣ-ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны.
(Задумывается.)
Сюда! кто тамъ? (Свистѣтъ.) Коня! трубите сборъ!

ЛОВНОЕ МѢСТО.

пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

Народъ: Царевичъ намъ боярина прислалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвоѣ): Московскіе граждане!
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется.)
Вы знаете, какъ промисель небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду-ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ: Вѣстимо нѣтъ.

Пушкинъ: Московскіе граждане!
Миръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнъ, безчестье, налоги,
И трудъ, и гладь—все испытали вы.
Димитрій-же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, кунцовъ—и весь честной народъ.
Вы-ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденіи грозномъ.
Не гнѣвайте-жъ царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
Смирнитесь; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ митрополита,
Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и государю. (Сходитъ.)

Шумъ народный.)

Народъ: Что толковать? Бояринъ правду молвилъ,
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвоѣ: Народъ! народъ! въ
Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка.

Народъ (несется толпою): Вязать! топить! Да
здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У
КРЫЛЬЦА.

Феодоръ подъ окномъ.

Ниній: Дайте милостыню Христа ради!

Стража: Поди прочь; не вѣдно говорить съ
заключенными.

Феодоръ: Поди, старикъ. я бѣднѣ тебя: ты
на волѣ.

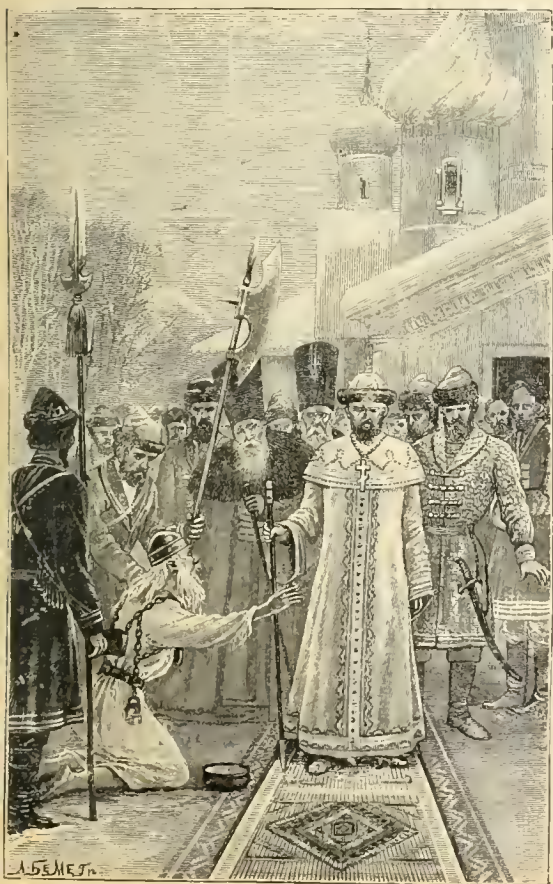
(Ксєвія подъ покрываломъ под-
ходитъ также къ окну.)

„Бор. Год.“. Самозванецъ: „Царевичъ—я. Довольно!“

„Бор. Год.“. Курбскій: „Впередъ!—п горе Годуну!“

„Бор. Год.“. Юродивый: „Вели ихъ зарѣзать!“

„Бор. Год.“. Осодоръ: „Народъ и мы погибли безъ тебя!“

„Скуп. рыц.“. Баронъ пересматриваетъ свои богатства.

„Моц. и Сальери“. Последняя игра Моцарта.

„Кам. гость“. Донъ-Жуанъ признается Донъ-Аннѣ въ любви.

„Кам. гость“. Донъ-Жуанъ передъ статуей комендора.

Одинъ изъ народа: Братъ да сестра—бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

Другой: Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый: Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

Другой: Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ!

Ксенія: Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

Теодоръ: Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія: Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.
(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерфедниовъ; за ними трое стрѣльцовъ.)

Народъ: Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ. (Они входятъ въ домъ.)

Одинъ изъ народа: Зачѣмъ они пришли?

Другой: А, вѣрно, приводить къ присягѣ Теодора Годунова.

Третій: Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!.. Тревога!.. дерутся!

Народъ: Слышишь? визгъ! Это—женскій голось... Взойдемъ. Двери заперты—крики замолкли—шумъ продолжается.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ.)

Мосальскій: Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Теодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ.) Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛСТВУЕТЪ.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи:

The caveteous Knight).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(въ ваннѣ).

АЛЬБЕРЪ И ИВАНЪ.

Альберъ: Во что-бы то ни стало, на турнирѣ Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.

(Иванъ подаетъ ему шлемъ.)

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.

Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ: И вы ему порядкомъ отплатили:

Какъ изъ стремянъ вы вышибли его, Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ-ли Оправился.

Альберъ: А все-жъ онъ не въ убыткѣ:

Его нагрудникъ цѣлъ венеціанскій,

А грудь своя гроша ему не стоитъ—

Другой себѣ не станетъ покунаѣ.

Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!

А снялъ-бы я, когда-бъ не было стыдно

Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!

Онъ лучше-бы мнѣ голову пробилъ.

И платью нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ

Всѣ рыцари сдѣли тутъ въ атласѣ

Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турнирѣ попалъ случайно;
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головою пришиорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ,
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажу; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой ударъ,—
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей, и силы дивной!
Взбѣлся я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было?—Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ: Онъ все хромаетъ.

Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ: Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдого. Недорого и просятъ за него.

Иванъ: Недорого, да денегъ вѣтъ у насъ.

Альберъ: Что-жъ говорить бездѣльнику Соломонъ?

Иванъ: Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ Въ займы давать вамъ денегъ безъ залога.

Альберъ: Залогъ! а гдѣ мнѣ взять, за-

Иванъ: Я сказывалъ. [залога, дьяволь!

Альберъ: Что-жъ онъ?

Иванъ: Кряхтитъ да жметъся.

Альберъ: Да ты-бъ ему сказалъ, что мой отецъ

Богатъ и самъ, какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всему наслѣдую. [но-ль

Иванъ: Я говорилъ.

Альберъ: Что-жъ?

Иванъ: Жметъся да кряхтитъ.

Альберъ: Какое горе!

Иванъ: Онъ самъ хотѣлъ приди.

Альберъ: Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его. (Стучать въ дверь.)

Кто тамъ? (Входитъ жидъ.)

Жидъ: Слуга вашъ низкій.

Альберъ: А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ?

Жидъ: Ахъ, мпlostивный рыцарь,

Клянусь вамъ, радъ-бы... право, не могу.

Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,

Все рыцарямъ усердно помогая.

Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,

Не можете-ль хоть часть отдать...

Альберъ: Разбойникъ!

Да если-бъ у меня водились деньги,

Съ тобою сталъ-ли-бъ я возиться? Полно,

Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ: Сотню!

Когда-бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ: Слушай!

Не стыдно-ли тебѣ своимъ друзей
Не выручать?

Жидъ: Кляпусъ вамъ...

Альберъ: Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за издоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? — синюю кожу?
Когда-бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ-бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ: Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значить.
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей,
Какъ талисманъ, оно вамъ отогреть.
Но если ны его передадите
Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ: Ужель отецъ меня переживетъ?

Жидъ: Какъ знать? Дни наши сочтены не
Цѣлъ юноша вчеръ, а нынче умеръ, [пани:
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ: Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ

Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

Жидъ: Деньги? — Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ-же видить въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ: О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видить, а господъ; и самъ имъ служи-

И какъ-же служить? какъ алжирскій рабъ,
Какъ песь цѣпной! Въ нетопленной конурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лааетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда-нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидъ: Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
Пошли намъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ: Амен!

Жидъ: А можно-бъ...

Альберъ: Что?

Жидъ: Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть...

Альберъ: Какое средство?

Жидъ: Такъ—

Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекаръ бѣдный...

Альберъ: Ростовщикъ

Такой-же, какъ и ты, иль почестяте?

Жидъ: Нѣтъ, рыцаръ. Той торговѣ ведетъ
иной:

Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ: А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ: Въ стаканъ воды подлить... трехъ
капель будетъ,

Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта не замѣтно;

А человѣкъ безъ рѣзы въ животѣ,

Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ: Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

Жидъ: Да—

И ядомъ.

Альберъ: Что-жъ? Въ займы на мѣсто де-
негъ

Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что-ли?

Жидъ: Смѣяться вамъ угодно надо мною.

Нѣтъ: я хотѣлъ... быть-можетъ, вы... я ду-
что ужъ барону время умереть. [малъ,

Альберъ: Какъ! отравить отца! и смѣлъ
ты сыну...

Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...

Да знаешь-ли, жидовская душа,
Собака, смѣй, что я тебя сейчасъ-же
На коротахъ повѣшу!

Жидъ: Винавать!

Простите, я шутлю.

Альберъ: Иванъ, веревку!

Жидъ: Я... я шутлю. Я деньги вамъ при-
несъ.

Альберъ: Вонъ, песь!

(Жидъ уходитъ.)

Вотъ до чего меня доводитъ

Отца родного скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!

Я весь дрожу... Иванъ, однако-жъ деньги
Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда

Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту

Росписку дамъ. Да не вводи сюда

Гуду этого... Иль нѣтъ, постой—

Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,

Какъ сребренники пращура его...

Я спрашивалъ вина.

Иванъ: У насъ вина

Ни капли нѣтъ.

Альберъ: А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ: Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ: Да, помню, знаю...

Такъ дай воды. Проклятое житье!

Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы

У герцога: пускай отпа заставятъ

Меня держать, какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(подвалъ).

Баронъ: Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, нмѣ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Немного кажется, но по немного
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣнные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы давъ свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и бессонный трудъ
Смирненно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я-же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (Смотритъ на свое золото).

Кажется, не много,

А сколькоихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ.
Вдова мнѣ отдала его, но прежде [Ничче
Съ тремя дѣтьми подвѣя передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ—
Притворщица не трогалась; я могъ-бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужиниш долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесть Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнливцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ-быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ...

Да! если-бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ вѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ-бы вновь потопъ—я захлебнулся-бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснить
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то-же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.

(Отпираетъ сундукъ.)

Вотъ мое блаженство! (Выпадаетъ деньги).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка,
Успите здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спать въ глубокихъ небесахъ!..

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блестящія груди.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ
сундуки одинъ за другимъ.)

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить—
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями да груди загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Занимавецъ грубыи; эта вѣдьма,

Отъ коей меркнеть мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, стапеть-ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если-бъ взъ могилы
Придти я могъ сторожевою тѣнью
Слѣдѣть на сундукъ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(во дворцѣ).

АЛЬБЕРТЪ, ГЕРЦОГЪ.

Альбертъ: Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда-бъ не крайность,
Вы-бъ жалобы моей не услышали.

Герцогъ: Я вѣрю, вѣрю: благородный ры-
Таковъ, какъ вы, отца не обвинять [царь,
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало..
Спокойны будьте: вашего отца
Условіщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. (Смотритъ въ окно) Это кто?
Не-онъ ли?

Альбертъ: Такъ—онъ, государь.

Герцогъ: Подите-жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(Альбертъ уходитъ; входитъ баронъ).

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ: Я счастливъ, государь, что въ си-
По приказанью вашему явиться. [лазъ былъ

Герцогъ: Давно, баронъ, давно разстались
Вы помните меня? [мы.

Баронъ: Я, государь?

Я, какъ теперь, васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.— Миѣ покойный герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глуны передъ этимъ малымъ...
Предъ вами, то есть...

Герцогъ: Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.

Бар. Старъ, государь, я нынче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крахтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ: Баронъ, усердье ваше намъ из-
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ [вѣстно;
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ

Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У насъ, баронъ, есть дѣти?

Баронъ: Сынъ одинъ.

Герцогъ: Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

Баронъ: Мой сынъ не любитъ шумной, свѣт-
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—[ско й жизни;
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродить,
Какъ молодой олень.

Герцогъ: Не хорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги.
Быть можетъ?

Баронъ: Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я-бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ-бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ.

Герцогъ: Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ: Простите мнѣ, но, право, государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ: Но почему-же?

Баронъ: Увольте старика...

Герцогъ: Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ: На сына я сердитъ.

Герцогъ: За что?

Баронъ: За злое преступленье.

Герцогъ: А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ: Увольте, герцогъ..

Герцогъ: Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

Баронъ: Да... стыдно...

Герцогъ: Но что-же сдѣлалъ онъ?

Баронъ: Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ: Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ: Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей.
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня..

Герцогъ: Что?

Баронъ: Обокрасть.

(Альбертъ бросается въ комнату).

Альбертъ: Баронъ, вы лжете!
Герцогъ (сыну): Какъ сѣли вы?..

Баронъ: Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣль!..
Ты могъ отцу такое слово молвить!..
Я лгу? я передъ нашимъ государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?..

Альберъ: Вы—лжецъ!

Баронъ: И громъ еще не грянулъ, Боже правый!

Такъ подыми-жъ, и мечъ насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку; сынъ поспѣшно ее поднимаетъ.)

Альб.: Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Герц.: Чтѣ видѣлъ я? Чтѣ было предо мною?

Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!

Въ какіе дни надѣлъ я на себя

Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ.

И ты, тигренокъ!—полно. (Сыну.) Бросьте это:

Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее.)

Альберъ (въ сторону.) Жаль!

Герцогъ: Такъ и впилъ въ нее когтями!..

Подите: на глаза мои не смѣйте [Извергъ!

Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ

Не призову васъ. (Альберъ выходитъ).

Вы, старикъ несчастный!

Не стыдно-ль вамъ?..

Баронъ: Простите, государь...

Стоять я не могу... мои колѣна

Слабѣютъ... душно!.. душно!.. Гдѣ ключи?

Ключи, ключи мои!

Герцогъ: Онъ умеръ. Боже!

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

1830 г.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Комната).

Сальери: Всѣ говорятъ, нѣтъ правды на землѣ.

Но правды нѣтъ—и выше. Для меня

Такъ это ясно, какъ простая гамма.

Родился я съ любовью къ искусству:

Ребенкомъ будучи, когда высоко

Звучалъ органъ въ старинной церкви ашей,

Я слушалъ и заслушивался—слезы

Невольныя и сладкія текли.

Отвергъ я рано праздныя забавы;

Науки, чуждыя музыкѣ, были

Постылы мнѣ; упрямо и надменно

Отъ нихъ отрекся я и предался

Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ

И скученъ первый путь. Преодолялъ

Я раннія невзгоды. Ремесло

Поставилъ я подножіемъ искусству;

Я сдѣлалъ ремесленникъ: перстаю

Придалъ послушную, сухую бѣглость.

И вѣрность уху. Звуки умертвиль,

Музыку я разяля, какъ трупъ. Повѣрилъ

Я алгеброй гармонию. Тогда

Уже дерзнулъ, въ паукъ искушенный.

Предаться нѣгѣ творческой мечты.

Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,

Не смѣя помышлять еще о славѣ.

Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ

Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,

Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,

Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,

Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,

Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!..

Что говорю? Когда великій Глюкъ

Явился и открылъ намъ новы тайны

(Глубокія, плѣнительныя тайны!)—

Не бросилъ ли я все, чтѣ прежде зналъ,

Чтѣ такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ.

И не пошелъ-ли бодро вслѣдъ за нимъ

Безронотно, какъ тотъ, кто заблуждался

И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?

Усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ

Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ

Достигнулъ степени высокой. Слава

Мнѣ улыбулась; я въ сердцахъ людей

Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.

Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно

Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также

Трудами и успѣхами друзей,

Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.

Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!

О, никогда!—нижѣ, когда Пиччини

Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ вариганъ,

Нижѣ, когда услышалъ въ первый разъ

Я Ифигеніи начальны звуки.

Кто скажетъ, чтѣ Сальери гордый былъ

Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,

Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ

Песокъ и пыль грызуще безсильно?

Никто!.. А нынѣ—самъ скажу—я вынѣ

Завистникъ! Я завидую; глубоко,

Мучительно завидую.—О небо!

Гдѣ-жъ правота, когда сиящевый даръ,

Когда безсмертный геній—не въ награду

Любви горящей, самоотверженья,

Трудовъ, усердія, моленій посланъ,

А озаряетъ голову безумца,

Гуляки празднаго?.. О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ.)

Моцартъ: Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось

Тебя неожиданной шуткой угостить.

Сальери: Ты здѣсь!—Давно-ль?

Моцартъ: Сейчасъ. Я шелъ къ тебѣ.

Несъ кое-что тебѣ и показать;

Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ

Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!

Смѣшнѣе отроду ты ничего

Не слыхивалъ!.. Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ

Разыгрывалъ *voi che sapete*. Чудо!

Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,

Чтѣбъ угостить тебя его искусствомъ.

Войди! (Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что-нибудь!
(Старикъ играетъ арію изъ «Донъ-Жуана»;
Моцартъ хохочетъ.)

Сальери: И ты смѣяться можешь?

Моцартъ: Ахъ, Сальери!

Ужель и самъ ты не смѣешься!

Сальери: Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ начкаетъ Мадонну Рафаэля;
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошелъ, старикъ!

Моцартъ: Постой-же: вотъ тебѣ;

Пей за мое здоровье. (Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,

Не въ духѣ нынче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

Сальери: Что ты мнѣ принесешь?

Моцартъ: Нѣтъ—такъ, бездѣлицу. Намедни
Бессонница моя меня томила, [ночью
И въ голову пришли мнѣ дѣвѣ-три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнне; но теперь
Тебѣ не до меня.

Сальери: Ахъ. Моцартъ, Моцартъ!

Когда-же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцартъ (за фортепіано): Представь себѣ...
кого-бы?

Ну, хоть меня—темного номоложе;
Влюбленного—не слишкомъ, а слегка;
Съ красоткой, или съ другомъ—хоть съ тобой;
Я веселъ... Вдругъ видѣнне гробовое,
Незваный вракъ иль что-нибудь такое...
Ну, слушай-же. (Играетъ.)

Сальери: Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ,
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпого!—Боже!
Ты. Моцартъ, недостойный самъ себя.

Моцартъ: Что-жъ, хорошо?

Сальери: Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я!

Моцартъ: Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

Сальери: Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотого Льва.

Моцартъ: Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась. (Уходитъ.)

Сальери: Жду тебя; смотри-жъ.—

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его
Остановить—не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?

Подыметь-ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.

Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай-же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.

Осмынадцать лѣтъ пошу его съ собою—
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безнечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусь,
Хотя обиду чувствую глубоко,

Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
Какъ жажда смерти мучила меня—

Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ припесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайднъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...

Какъ норовалъ я съ гостемъ ненавистнымъ—
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грядетъ высоты—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайднъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь—пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано)

Моцартъ и Сальери (за столомъ).

Сальери: Что ты сегодня пасмуренъ?

Моцартъ: Я? Нѣтъ!

Сальери: Ты. вѣрно, Моцартъ, чѣмъ-нибудь
Обѣдъ хорошій, славное вино, [разстроенъ
А ты молчишь и хмуришься.

Моцартъ: Признать
Мой Requiem меня тревожитъ.

Сальери: А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно-ли?

Моцартъ: Давно, недѣли три. Но странно!
Не сказывалъ тебѣ я? [случай]

Сальери: Нѣтъ.

Моцартъ: Такъ слушай:

Недѣль три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отчего—не знаю,

Всю ночь я думалъ: кто-бы это былъ?
И чтѣ ему во мнѣ? Назавтра тотъ-же
Зашелъ и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнулъ меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Съѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать—и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было-бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хотя совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

Сальери: Что?

Моцартъ: Мнѣ совѣстно признаться въ
этомъ...

Сальери: Въ чемъ-же?

Моцартъ: Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду,
Какъ тѣнь, онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
Сидитъ.

Сальери: И, полно! что за страхъ ребячій!
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

Моц.: Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я счастливъ...
Ла-ла-ла-ла... Ахъ, правда-ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

Сальери: Не думаю: онъ слишкомъ былъ
смѣшонъ

Для ремесла такого.

Моцартъ: Онъ-же гений,
Какъ ты, да я. А гений и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда-ль?

Сальери: Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей-же.

Моцартъ: За твое

Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

Сальери: Постой,
Постой, постой!.. Ты выпилъ безъ меня?

Моцартъ (бросаетъ салфетку на столъ.)
Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай-же, Сальери,
Мой Requiem. (Играетъ.)

Ты плачешь?

Сальери: Эти слезы

Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ пѣлебный мнѣ отсѣкъ

Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спиши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Моцартъ: Когда-бы всѣ такъ чувствовали
Гармоніи! Но нѣтъ; тогда-бъ не могъ [сильно]
И мѣръ существовать; никто-бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни—
Всѣ предались-бы вольному искусству!
Насъ мало избранныхъ, счастливыхъ празд-
ныхъ,

Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.

Прощай-же.

Сальери: До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ правъ,
И я—не гений? Гений и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?.. Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы—и не былъ
Убийцею создатель Ватикана?

1830 г.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!..
Ah, Padroni!..
Don Giovanni.

СЦЕНА I.

ночь. кладбище близъ мадрита.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ: Дождемся ночи здѣсь. Уфъ!
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро [наконецъ]
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрытьъ, а брови шляпой.
Какъ думаетъ: узнать меня нельзя?

Лепорелло: Да, Донъ-Жуана мудрено при-
Такихъ, какъ онъ, такая бездна! [звать!]

Донъ-Жуанъ: Шутить?
Да кто-жъ меня узнаетъ?

Лепорелло: Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой-же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ шляпѣ.

Донъ-Жуанъ: Что за бѣда, хотъ и узнаютъ!
Только-бъ

Не встрѣтился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

Лепорелло: А завтра-же до короля дойдетъ,

Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадридъ явился—что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

Донъ-Жуанъ: Пошлетъ назадъ.
Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
Вѣдь я не государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ, меня-жъ любя,
Чтобы меня оставила въ локоѣ
Семья убитого.

Лепорелло: Ну, то-то-жъ!
Сидѣли-бъ вы себѣ спокойно тамъ!
Донъ-Жуанъ: Слуга покорный! Я едва-едва
Но умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
Что за земля! А небо?... точный дымъ;
А женщины!.. Да я не промѣляю,
Вотъ видишь-ли, мой милый Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузіи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ—право.
Онѣ сначала нравились мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью—а нуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаясь;
Въ нихъ жизни нѣтъ—все куклы восковыя...
А наши!.. Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ-ли ты его?

Лепорелло: Какъ не узнать! Антоеньевъ мо-
нѣ памятенъ. Вѣжали вы сюда, [настырь
А лошадей держалъ я въ этой рошѣ...
Проклятая, признаться, должность! Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

Донъ-Жуанъ (Задумчиво): Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

Лепорелло: Инезу—черноглазую?... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

Донъ-Жуанъ: Въ іюль... ночью. Странную
пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно—мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...
А мужъ ея былъ негодяй суровый—
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!..

Леп.: Что-жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

Донъ-Жуанъ: Правда.

Лепорелло: А живы будемъ, будутъ и другія.

Донъ-Жуанъ: И то.

Лепорелло: Теперь которую въ Мадридѣ
Отыскивать мы будемъ?

Донъ-Жуанъ: О, Лауру!
Я прямо къ ней бѣгу явиться.

Лепорелло: Дѣло.

Донъ-Жуанъ: Къ ней прямо въ дверь; а
если кто-нибудь

Ужъ у нея—прошу въ окно прыгнуть.

Лепорелло: Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойники тревожатъ.

Кто къ намъ идетъ? (Входитъ монахъ).

Монахъ: Сейчасъ ова пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди-ль Доны-Анны?

Лепорелло: Нѣтъ, сами по себѣ мы—господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

Донъ-Жуанъ: А кого вы ждете?

Монахъ: Сейчасъ должна пріѣхать Дона-
На мужниву гробницу. [Анна

Донъ-Жуанъ: Дона-Анна
Де Сольва? Какъ? Супруга командора,
Убитого... не помню кѣмъ.

Монахъ: Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

Лепорелло: Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-
Жуанѣ

И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

Мил.: Онъ вамъ знакомъ быть-можетъ?

Лепорелло: Намъ? Ничего.
А гдѣ-то онъ теперь?

Монахъ: Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ далеко.

Лепорелло: И слава Богу!
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ-бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

Д.-Жуанъ: Что, что ты врешь?

Лепорелло: Молчите: я нарочно.

Донъ-Жуанъ: Такъ здѣсь похоронили ко-
мандора?

Монахъ: Здѣсь. Памятникъ жена ему воз-
И пріѣзжаетъ каждый день сюда [двѣла
За упокой души его молиться
И плакать.

Донъ-Жуанъ: Что за странная вдова!
Не даромъ-же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну въ заперти держалъ:
Никто изъ насъ не выдвѣвалъ ея.
И не дурна?

Монахъ: Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно; не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

Донъ-Жуанъ: Я съ нею-бы хотѣлъ погово-
рить.

Монахъ: О, Дона-Анна никогда съ мужичной
Не говоритъ.

Донъ-Жуанъ: А съ вами, мой отецъ?

Монахъ: Со мной иное дѣло—я монахъ.
Да вотъ она. (Входитъ Дона-Анна).

Дона-Анна: Отецъ мой, отойдите.
Монахъ: Сейчасъ, сеньора: я васъ ожи-
далъ.

(Дона-Анна идетъ за монахомъ.)

Лепорелло: Что, какова?

Донъ-Жуанъ: Ея совѣтъ не видно
Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

Ленорелло: Довольно съ васъ. У васъ во-
Въ минуту дорисуетъ остальное; [ображенъе
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего-бы ни начать—
Съ бровей-ли, съ ногъ-ли.

Донъ-Жуанъ: Слушай, Ленорелло,
Я съ нею познакомлюсь.

Ленорелло (про себя): Вотъ еще!
Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хотеть поглядѣть на вдовы слезы.
Безсовѣстный!

Донъ-Жуанъ: Однако ужъ и смерклось.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

Ленорелло: Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ вочи—и луны боится, Боже!
Проклятое житье! Да долго-ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться? Право, нѣтъ ужъ силъ!

С Ц Е Н А II.

КОМНАТА. УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

Первый гость: Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

Второй: Какъ развила ее! съ какою силой!

Третій: Съ какиѣмъ искусствомъ!

Лаура: Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенъе, слово;
Я вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, во сердце...

Первый: Правда.

Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись—не проходить
Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безилодно: спой, Лаура,
Свой что-нибудь!

Лаура: Подайте мнѣ гитару. (Поетъ.)

Всѣ: О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

Первый: Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь—мелодія... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронуть, твой угрюмый гость!

Второй: Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

Лаура: Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ: Что? Донъ-Жуанъ!

Лаура: Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.
Донъ-Карлосъ: Твой Донъ-Жуанъ—безбож-
А ты, ты—дура. [пикъ и мерзавецъ;

Лаура: Ты съ ума сошелъ!

Да я сейчасъ веду тебя зарѣзать
Моиѣмъ слугамъ, хотъ ты испанскій грандъ.

Донъ-Карлосъ (встаетъ): Зови-же ихъ.

Первый: Лаура, перестань!

Донъ-Карлосъ, не сердись Она забыла...

Лаура: Что?... Что Жуанъ на поединкѣ честно

Убилъ его родного брата? Правда, жаль,
Что не его.

Донъ-Карлосъ: Я глупъ, что осердился.

Лаура: Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ—
Такъ помиримся.

Донъ-Карлосъ: Виновать, Лаура!

Прости меня. Но знаешь: не могу

Я слышать это имя равнодушно...

Лаура: А виновата-ль я, что поминутно

Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

Гость: Ну, въ знакъ, что ты совѣмъ ужъ
Лаура, спой еще! [не сердита,

Лаура: Да, на прощанье:

Пора—ужъ ночь. Но что-же я спою?

А, слушайте! (Поетъ.)

Всѣ: Прелестно, безподобно.

Лаура: Прощайте-жъ, господа.

Гости: Прощай, Лаура.

(Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса.)

Лаура: Ты, бѣшенный, останься у меня.

Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана

Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня

И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Донъ-Карлосъ: Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный звукъ.)
Очень?

Лаура: Очень...

Донъ-Карлосъ: И любишь и теперь?

Лаура: Въ сію минуту?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.

Теперь люблю тебя.

Донъ-Карлосъ: Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ?

Лаура: Осьмнадцать лѣтъ.

Донъ-Карлосъ: Ты молода и будешь молода

Еще лѣтъ пять или шесть. Вокругъ тебя

Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,

Тебя ласкать, лелѣять и дарить,

И серенадами ночными тѣшить,

И за тебя другъ друга убивать

На перекресткахъ ночью. Но когда

Пора пройдетъ, когда твои глаза

Впадуть, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,

И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,

И будутъ называть тебя старухой,

Тогда—что скажешь ты?

Лаура: Тогда... Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?

Иль у тебя всегда такія мысли?

Приди—открой балконъ. Какъ небо тихо!

Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимонномъ

И лавромъ пахнетъ; яркая луна

Влестить на синевѣ густой и темной,

И сторожа кричать протяжно, ясно!..

А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—

Быть можетъ, небо тучами покрыто,

Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.

А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:

Я требую, чтобъ улынулся ты.

Ну! то-то-жъ!

Д.-Карлосъ? Милый демонъ! (Стучать.)

Донъ-Жуанъ! Гей, Лаура!

Лаура: Кто тамъ? Чей это голосъ?

Донъ-Жуанъ: Отопрп...

Лаура: Ужели!... Боже!...

(Отпираетъ двери; входитъ Донъ-Жуанъ.)

Донъ-Жуанъ: Здравствуй!

Лаура: Донъ-Жуанъ!

(Лаура кидается ему на шею.)

Д.-Карлосъ: Какъ! Донъ-Жуанъ!..

Донъ-Жуанъ: Лаура, малый другъ!

Кто у тебя, моя Лаура? (Цѣлуетъ ее.)

Донъ-Карлосъ: Я,—

Донъ-Карлосъ.

Донъ-Жуанъ: Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ...

Донъ-Карлосъ: Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

Лаура: Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ.

Донъ-Карлосъ (не слушая ее): Я жду. Ну, вѣдь ты при шпагѣ. [что-жъ?

Донъ-Жуанъ: Ежели тебѣ

Не терпится, изволь. (Бьются.)

Лаура: Ай, ай! Жуанъ!

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ.)

Д.-Жуанъ: Вставай, Лаура, конечно.

Лаура: Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?

Куда я выброшу его?

Донъ-Жуанъ: Быть можетъ онъ живъ еще. (Осматриваетъ тѣло.)

Лаура: Да, живъ! Гляди, проклятый!

Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.

И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,

А ужъ не дышетъ — каково?

Донъ-Жуанъ: Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

Лаура: Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы!..

А все не виноватъ... Откуда ты?

Давно-ли здѣсь?

Донъ-Жуанъ: Я только-что пріѣхалъ

И то тихонько — я вѣдь не прощень.

Лаура: И вспомнилъ тотчасъ освоей Лаурѣ?

Что хорошо, то хорошо. Да полно,

Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно

И домъ увидѣлъ.

Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, моя Лаура,

Спроси у Лепорелло. Я стою

За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры

Пришелъ искать въ Мадридѣ. (Цѣлуетъ ее.)

Лаура: Другъ ты мой!

Постой... при мертвемъ!.. Что намъ дѣлать съ нимъ?

Д.-Жуанъ: Оставь его — передъ разсвѣтомъ Я вынесу его подъ епанчею [рано.

И положу на перекресткѣ.

Лаура: Только

Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.

Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился

Одной минутой позже! У меня

Твои друзья здѣсь ужинали. Только

Что вышли вонъ. Когда-бъ ты ихъ засталъ!

Д.-Жуанъ: Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура: Кого? ты бредишь.

Донъ-Жуанъ: Милая плутовка!

А сколько разъ ты измѣняла мнѣ

Въ моемъ отсутствіи?

Лаура: А ты, повѣса?

Донъ-Жуанъ: Скажи-жъ... Нѣтъ, послѣ переговоровъ!..

СЦЕНА III.

памятникъ командора.

Д.-Жуанъ: Все къ лучшему: нечаянно убивъ

Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ

Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день

Мою прелестную вдову, и ею,

Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ

Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня

Пушуся въ разговоры съ ней: пора!

Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или вѣтъ:

«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,

То и скажу, безъ предуготовленья,

Импровизаторомъ любовной пѣсни..

Пора-бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,

Я думаю, скучаетъ командоръ.

Какимъ онъ здѣсь представленъ исполномъ!

Какія плечи! что за Геркулесъ!..

А самъ, покойникъ, малъ былъ и тщедушенъ;

Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ-бы руку

До своего онъ носу дотянуть.

Когда за Эскурьяломъ мы сошлись. —

Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,

Какъ на будавкѣ стрекоза; а былъ

Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...!

А! вотъ она (Входитъ Дона-Анна.)

Дона-Анна: Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,

Я развлекала васъ въ вашихъ помышленьяхъ —

Простите.

Донъ-Жуанъ: Я просить прощенья долженъ

У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю

Печали вашей вольно изливаться?

Дона-Анна: Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во

При васъ мои моленья могутъ къ небу [мнѣ.

Смирненно возноситься. Я прошу

И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

Донъ-Жуанъ: Мнѣ, мнѣ молиться съ вами

Я не достоинъ участи такой. [Дона-Анна!

Я не дерзну порочными устами

Мольбу святую вашу повторять:

Я только издали съ благоговѣньемъ

Смотрю на васъ. когда, склонившись тихо,

Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный

Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно

Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.

Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Дона-Анна: Какія рѣчи странныя!

Донъ-Жуанъ: Сеньора!

Д.-Анна: Мнѣ... вы забыли...

Донъ-Жуанъ: Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

Дона-Анна: Мнѣ показалось... Я не поняла...

Донъ-Жуанъ: Ахъ, вижу я: вы все, вы все

Дона-Анна: Что я узнала? [узнали!

Донъ-Жуанъ: Такъ, я—не монахъ...

У вашихъ ногъ прошенія умоляю.

Дона-Анна: О, Боже! встаньте, встаньте!..

Кто-же вы?

Донъ-Жуанъ: Несчастный, жертва страсти
безнадежной!

Дона-Анна: О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ
Подите прочь!.. [гробъ!

Донъ-Жуанъ: Минуту, Дона-Анна!

Одну минуту!

Дона-Анна: Если кто войдетъ!...

Донъ-Жуанъ: Рѣшетка заперта. Одну минуту!

Д.-Анна: Ну? что? чего вы требуете?

Донъ-Жуанъ: Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь-же похоронять,
Не подлѣ праха, милого для васъ,
Не тутъ—не близко—далѣ гдѣ-нибудь,
Тамъ—у дверей—у самого порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри вакловать и плакать.

Дона-Анна: Вы не въ своемъ умѣ!

Донъ-Жуанъ: Или желать

Ковчины, Дона-Анна, знакъ безумства?
Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я-бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бы ночи
Сталъ провожать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ-бы я скрываться—я, напротивъ,
Старался-бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

Дона-Анна: Такъ это вы!

Молчите?

Донъ-Жуанъ: Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы-бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали...

Дона-Анна: И любите давно ужъ вы меня?

Донъ-Жуанъ: Давно или недавно—самъ не
Но съ той поры, лишь только знаю пѣну [знаю;
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

Д.-Анна: Подите прочь: вы — чело́вѣкъ

Д.-Жуанъ: Опасный! чѣмъ? [опасный.

Д.-Анна: Я слушать васъ боюсь.

Д.-Жуанъ: Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ—одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

Дона-Анна: Подите—здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое-жъ уваженіе,
Я васъ приму—но вечеромъ поздиѣ...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...

Донъ-Жуанъ: Ангель, Дона-Анна!
Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

Дона-Анна: Подите прочь.

Донъ-Жуанъ: Еще одну минуту.

Дона-Анна: Нѣтъ, видно мнѣ уйти... Къ то-
му-жъ моленіе

Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекали меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.—Завтра
Я васъ приму...

Донъ-Жуанъ: Еще не смѣю вѣрить.
Не смѣю счастьемъ моему предаться!
Я завтра васъ увижу!.. И не здѣсь,
И не украдкою!

Дона-Анна: Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

Донъ-Жуанъ: Діего де Кальви́до.

Д.-Анна: Прощайте, Донъ-Діего. (Уходитъ.)

Донъ-Жуанъ: Лепорелло!
(Лепорелло входитъ.)

Лепорелло: Что вамъ угодно?

Донъ-Жуанъ: Милый Лепорелло!
Я счастливъ!—«Завтра—вечеромъ, поздиѣ»...
Мой Лепорелло, завтра!.. приготовь..
Я счастливъ, какъ ребенокъ!

Лепорелло: Съ Доной-Анной
Вы говорили? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?

Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Ова
Свиданье мнѣ назначила! [свиданье,

Лепорелло: Неужто?

О вдовы! Всѣ вы таковы...

Донъ-Жуанъ: Я счастливъ!
Я нѣтъ готовъ, я радъ весь міръ обнять!
Лепорелло: А командоръ? Что скажетъ онъ
объ этомъ?

Д.-Жуанъ: Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ—чело́вѣкъ разумный,
И вѣрно прісмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.
Лепорелло: Нѣтъ, посмотрите на его статую.
Донъ-Жуанъ: Что-жъ?

Лепорелло: Кажется, на васъ она глядитъ и сердится.

Донъ-Жуанъ: Ступай-же, Лепорелло, проси ее пожаловать ко мнѣ —

Нѣтъ, не ко мнѣ, а къ Донъ-Аннѣ, завтра.

Лен.: Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

Донъ-Жуанъ: Ужь, вѣрно,

Не для того, чтобъ съ нею говорить.

Проси статую завтра къ Донъ-Аннѣ

Прийти попозже вечеромъ и стать

У двери на часахъ.

Лепорелло: Охота вамъ

Шутить, и съ кѣмъ!

Донъ-Жуанъ: Ступай-же!

Лепорелло: Но...

Донъ-Жуанъ: Ступай!

Лепорелло: Преславная, прекрасная статуя!

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ

Пожаловать... Ей Богу, не могу;

Мнѣ страшно.

Донъ-Жуанъ: Трусъ! вотъ я тебя!..

Лепорелло: Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра

Прийти попозже въ домъ супруги вашей

И стать у двери...

(Статуя киваетъ головою въ знакъ согласія.)

Ай!

Донъ-Жуанъ: Что тамъ?

Лепорелло: Ай, ай!..

Ай, ай!.. умру!

Донъ-Жуанъ: Что сдѣлалось съ тобою?

Лен. (кивая головою): Статуя... ай!

Донъ-Жуанъ: Ты кланяешься?

Лепорелло: Нѣтъ,

Не я—она!

Донъ-Жуанъ: Какой ты издоръ несешь!

Лен.: Подите сами.

Донъ-Жуанъ: Ну, смотри-жъ, бездѣльникъ!

(Статуя). Я, командоръ, прошу тебя прийти

Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,

И стать у двери на часахъ. Что? будешь?

(Статуя киваетъ опять.)

О Боже!

Лепорелло: Что? я говорилъ...

Донъ-Жуанъ: Уйдемъ.

С Ц Е Н А IV.

(комната доны-анна).

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОНА-АННА.

Дона-Анна: Я приняла васъ, Донъ-Діего! Боюсь, моя печальная бесѣда [только

Скучна вамъ будетъ. Вѣдная вдова,

Все помню я свою потерю: слезы

Съ улыбкою жѣшаю, какъ апрѣль.

Что-жъ вы молчите?

Донъ-Жуанъ: Наслаждаюсь молча,

Глубоко—мыслью быть наединѣ

Съ престелной Доной-Анной, здѣсь—не тамъ,

Не при гробницѣ мертвого счастливца—

И вижу васъ уже не на колѣнахъ

Предъ мраморнымъ супругомъ.

Дона-Анна: Донъ-Діего,

Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ

Васъ мучить.

Донъ-Жуанъ: Я не долженъ ревновать; Онъ вами выбранъ быть.

Дона-Анна: Нѣтъ; мать моя

Велѣла дать мнѣ руку Донъ-Альвару.

Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ—богатъ.

Донъ-Жуанъ: Счастливецъ! Онъ сокроваща

Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что [пуская

Вкусилъ онъ райское блаженство! Если-бъ

Я прежде васъ узналъ—съ какимъ восторгомъ

Мой санъ, мой богатства, все-бы отдалъ.

Все, за единый благосклонный взглядъ!

Я былъ-бы рабъ священной вашей воли!

Всѣ ваши прихоти я-бъ изучалъ,

Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизньъ

Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ!

Увы, судьба судила мнѣ иное!

Дона-Анна: Діего, перестаньте! Я грѣшу,

Васъ слушая,—мнѣ васъ любить нельзя:

Вдова должна и гробу быть вѣрна.

Когда-бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ

Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно

Не принялъ-бы къ себѣ влюбленной дамы,

Когда-бъ онъ оvdовѣлъ; онъ былъ-бы вѣренъ

Супружеской любви.

Донъ-Жуанъ: Не мучьте сердца

Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ

Супруга. Полно вамъ меня казнить,

Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

Дона-Анна: Чѣмъ-же?

Вы узами не связаны святыми

Ни съ кѣмъ—не правда-ль? Полюбивъ меня,

Вы предо мной и передъ небомъ правы.

Д.-Жуанъ: Предъ нами! Боже!

Дона-Анна: Развѣ вы виновны

Передо мной? Скажите, въ чемъ-же?.. Ну!

Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, никогда!..

Дона-Анна: Діего, что такое?

Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите.

Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, ни за что!

Дона-Анна: Діего, это странно!

Я васъ прошу, я требую...

Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, нѣтъ!

Дона-Анна: А, такъ-то вы моею послушны волѣ!

А что сейчасъ вы говорили мнѣ?

Что вы-бъ рабомъ моимъ желали быть.

Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,

Въ чемъ предо мной виновны вы?

Донъ-Жуанъ: Не смѣю:

Вы несправедливо станете меня.

Дона-Анна: Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе Но знать хочу я. [прощаю,

Донъ-Жуанъ: Не желайте знать

Ужасную, убійственную тайну.

Дона-Анна: Ужасную!.. Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

Донъ-Жуанъ (про себя): Идетъ къ развяз-
кѣ дѣло!

Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ не знакомъ?

Дона-Анна: Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.

Донъ-Жуанъ: Вы въ душѣ къ нему
Питаєте вражду?

Дона-Анна: По долгу чести.
Но вы отвлекъ стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего—
Я требую...

Донъ-Жуанъ: Что, если-бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

Дона-Анна: Тогда-бы я злодѣю
Кивжалъ вонзила въ сердце.

Донъ-Жуанъ: Дона-Анна,
Гдѣ твой кивжалъ?—Вотъ грудь моя.

Дона-Анна: Діего,
Что вы?

Донъ-Жуанъ: Я не Діего,—я Жуанъ.

Дона-Анна: О Боже! нѣтъ, не можетъ быть,

Д.-Жуанъ: Я—Донъ-Жуанъ. [не вѣрю...]

Дона-Анна: Неправда.

Донъ-Жуанъ: Я убилъ
Сунруга твоего; и не жалѣю

О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

Дона-Анна: Что слышу я! Нѣтъ, нѣтъ, не
можетъ быть.

Донъ-Жуанъ: Я—Донъ-Жуанъ, и я тебя
люблю.

Д.-Анна (падая): Гдѣ я? Гдѣ я?.. Мнѣ дурно, дур-

Донъ-Жуанъ: Небо! [но!]

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?

Проснись, ономившись: твой Діего,

Твой рабъ у ногъ твоихъ!

Дона-Анна: Оставь меня.
(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ—ты отнялъ у меня
Все, все, что въ жизни...

Донъ-Жуанъ: Милое созданье!

Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;

У ногъ твоихъ жду только приказанья:

Веля—умру; веля—дышать я буду

Лишь для тебя...

Дона-Анна: Такъ это Донъ-Жуанъ?

Донъ-Жуанъ: Не правда-ли, онъ былъ онъ-
савъ вамъ

Злодѣемъ, извергомъ? О, Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, несовсѣмъ неправа;

На совѣсти усталой много зла,

Быть можетъ, тяготѣть; но съ тѣхъ норъ

Какъ васъ увидѣлъ я—все измѣнилось:

Мнѣ кажется, я весь переродился!

Васъ люблю, люблю я добродѣтель—

Сочиненія А. С. Пушкина.

И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

Дона-Анна: О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ—
Слыхала я: онъ—хитрый человѣкъ... [я знаю!
Вы, говорить,—безбожный развратитель,
Вы—сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

Донъ-Жуанъ: Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

Дона-Анна: И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

Донъ-Жуанъ: Когда-бъ я васъ обманывать
Признался-ль я, сказалъ-бы я то имя, [хотѣлъ,
Котораго не можете вы слышать?

Гдѣ-жъ не дни тутъ обдуманность, коварство?

Дона-Анна: Кто знаетъ васъ? Но какъ могли
Сюда вы, здѣсь узнать могли-бы васъ—[приди
И ваша смерть была-бы неизбѣжна!

Донъ-Жуанъ: Что значить смерть? За слад-
кій мигъ свиданья

Безрочно отдамъ я жизнь.

Дона-Анна: Но какъ-же

Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

Донъ-Жуанъ (цѣлуя ей руку): И вы о жизни
бѣднаго Жуана

Заботитесь! Такъ неважности нѣтъ

Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

Дона-Анна: Ахъ, если-бъ васъ могла я не-
навидѣть!

Однако-жъ надобно разстаться намъ.

Д.-Жуанъ: Когда-жъ опять увидимся?

Дона-Анна: Не знаю,
Когда-нибудь.

Донъ-Жуанъ: А завтра?

Дона-Анна: Гдѣ-же?

Донъ-Жуанъ: Здѣсь.

Д.-Анна: О, Д.-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

Донъ-Жуанъ: Въ залогъ прощанья мирный

Дона-Анна: Поди, пора. [поцѣлуй...]

Донъ-Жуанъ: Одинъ, холодный, мирный...

Дона-Анна: Какой ты неотвязный! ва, вотъ
овѣ... (Стучать).

Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

Донъ-Жуанъ: Прощай-же, до свиданья, другъ
(Уходитъ и въбѣгаетъ опять). [мой милый.

А!..

Дона-Анна: Что съ тобой? А!..

(Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ).

Статуя: Я на зовъ явился...

Донъ-Жуанъ: О, Боже! Дона-Анна!

Статуя: Брось ее.

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

Донъ-Жуанъ: Я? нѣтъ!.. Я звалъ тебя и

Статуя: Дай руку. [радъ, что вижу.

Донъ-Жуанъ: Вотъ она... О, тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти мнѣ руку!..

Я гибну—ковчено—о, Дона-Анна!..

1830 г.

(Проваливаются.)

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой «трагедіи: The city of the plague»).

улица. накрытый столъ. пѣсколько пирующихъ
мужчинъ и женщинъ.

Молодой человѣкъ: Почтенный председа-
тель! Я напоминаю

О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, новѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчавья,
Столь бѣдныя въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостя наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, вашъ общій хохотъ славилъ
Его рассказы; невозможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоять пустыя, будто ожидая
Весельчака; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища...
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба,
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причивы нѣтъ печалиться. И такъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто-бъ былъ онъ живъ.

Предсѣдатель: Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы вынемъ въ честь его.

Молодой человѣкъ: Да будетъ такъ!
(Все пьетъ молча).

Предсѣд.: Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ:
Свой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселю обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ-нибудь видѣньемъ.

Мери (поетъ): Было время, процвѣтала
Въ мѣрѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса.
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серни и быстрая коса.
Нынѣ церковь опустѣла,
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Рожа темная пуста;
И селевые, какъ жилище
Погорѣлое, стоятъ;
Тихо все—одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ.
Ножинутно мертвыхъ носить,
И стenanія живыхъ

Боязливо Бога просить
Уночить души ихъ!
Ножинутно мѣста вадо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсвой чередой.
Если равняя могила
Суждена моею весѣ—
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,—
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженины ты своей;
Устъ умершихъ не касайся:
Слѣдуй издали за ней.
И потомъ оставь селенье!
Уходи куда-нибудь.
Гдѣ-бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза миветъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмунда не покинетъ
Дженина даже въ небесахъ!

Предсѣдатель: Благодаримъ, задумчивая
Благодаримъ за жалобную пѣсню! [Мери,
Въ дни прежніе чума такая-жъ, видно,
Холмы и доли ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стenanья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ.
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который нало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой-нибудь простой пастушьей пѣснѣ.
Унылой и пріятной... Нѣтъ, ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Мери: О, если-бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Ноющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

Луиза: Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все-жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если-бъ то-же
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все-бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ шотландскихъ этихъ желтизну.

Предсѣдатель: Послушайте: я слышу стукъ
колесъ!

(Бѣдетъ телѣга, наполненная мертвыми
тѣлами. Петръ управляетъ ею).

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думаю,

По языку судя, мужское сердце.
Но такъ-то: пѣжнаго слабѣй жестокий,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми тоимой!
Брось, Мери, ей воды въ лицо. Ей лучше.

Мери: Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

Луиза (приходя въ чувство): Ужасный демонъ
Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней
Лежали мертвые и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...

Скажите мнѣ: во снѣ-ли это было?
Проѣхала-ль телѣга?

Молодой человѣкъ: Ну, Луиза,
Развеселись! Хотя улыбка вся наша—
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ, янчѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телѣга
Имѣетъ право всюду разѣѣзжать—
Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченія сноровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню—вольную, живую пѣсню,
Не грустію шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣсню,
Рожденную за чашею кипящей!

Предсѣдатель: Такой не знаю; но спою вамъ
Я въ честь чумы: я написалъ его [гимнъ]
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ риомамъ
Впервые въ жизни! Слушайте-жъ меня:
Охрипый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

Многіе: Гимнъ въ честь чумы! слушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Предсѣдатель (поетъ): Когда могучая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматая дружина
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещать камни,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...

Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы—

И, заваривъ пирь да балы,
Возславимъ царствіе чумы!

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ

Неизъяснимы наслажденья—
Возмездья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средѣ волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, чума!
Намъ не страшна могилы тьма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы
И дѣвы-розы пьемъ дыханье—
Быть можетъ полное чумы!

(Входитъ старый священникъ).

Священникъ: Безбожный пиръ, безбожные
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата [безумцы!
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ.
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ—и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда-бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ-бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тьму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ: Онъ мастерски объ
адѣ говоритъ!

Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

Священникъ: Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныхъ души.
Ступайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель: Дома

У насъ печальны: юность любить радость.

Священникъ: Ты-ль это, Вальсингамъ! Ты-ль
Кто три тому недѣли, на колѣняхъ, [самый тотъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующего сына
Въ пиру разврата; слыша голосъ твой,
Поющій бѣшенныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

Предсѣдатель: Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконія моего
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшенныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чашы,
И ласками (прости меня Господь!)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ; поздно слышу голосъ твой,

Меня зовущій; признаю усилии
 Меня спасти... Старикъ! иди-же съ миромъ;
 Но проклятъ будь, кто за тобой поидеть!
 Многие: Bravo, bravo, достойный председа-
 Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ! [тебѣ!
 Священникъ: Матильды чистый духъ тебя
 зоветь!

Председатель (встаётъ): Клянись-же мнѣ, съ
 воднятой къ небесамъ,
 Увидшей, блѣдною рукою, оставить
 Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
 О, если-бъ отъ очей ея безсмертныхъ
 Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
 Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
 И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
 Гдѣ я?.. Святое чадо свѣта! вижу
 Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
 Не досягнетъ уже...

Женскій голосъ: Опъ—сумасшедшій:
 Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

Свящ.: Пойдемъ, поидемъ...

Председатель: Отецъ мой, ради Бога,
 Оставь меня!

Священникъ: Спаси тебя Господь!
 Прости, мой сынъ.

(Уходитъ. Пиръ продолжается.
 Председатель остается погружен-
 ный въ глубокую задумчивость).

1830 г.

РУСАЛКА.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА.—МЕЛЬНИЦА.

мельникъ и дочь.

Мельникъ: Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки моло-
 Всѣ глупы ны! Ужъ если подвернулся [двѣя,
 Къ вамъ человѣкъ завидный, не простой,
 Такъ должно вамъ его себѣ упрочить;
 А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
 Заманивать то строгостью, то лаской;
 Порою исподволь, обвинякомъ
 О свадьбѣ заговаривать, а пуще
 Беречь свою дѣвическую честь—
 Безцѣнное сокровище; она —
 Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
 А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
 То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
 Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
 Роднымъ да выгадать; подумать надо:
 «Не вѣчно-жъ будетъ онъ меня любить
 И баловать меня». Да пѣтъ! куда
 Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати-ль?
 Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
 Исполнить даромъ прихоти его,
 Готевы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка; а милый другъ
 Глядь — и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы

Остались ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!
 Не говорилъ-ли я тебѣ сто разъ:
 «Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да спроста
 Не погуби самой себя». Что-жъ вышло?
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не воротишь.

Дочь: Почему-же
 Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ: Какъ почему? Да сколько разъ,
 Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ? [бывало,
 А?.. всякій Божій день, а иногда
 И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
 Сталъ прѣзжать — и вотъ девятый день,
 Какъ не видали мы его. Чго скажешь?

Дочь: Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
 Вѣдь онъ — не мельникъ: за него не стаплетъ
 Вода работать! Часто онъ твердитъ,
 Что всѣхъ трудовъ его труды тяжело.

Мельникъ: Да, вѣрь ему! Когда князя тру-
 дятся?

И что въ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ.
 Да пировать, да обирать сосѣдей,
 Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ.
 Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко!
 А за меня вода!.. А мнѣ покою
 Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
 То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
 Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ, если-бъ ты у князя
 Умѣла выпросить на перестройку
 Хоть нѣсколько деньжонокъ, было-бъ лучше.

Дочь: Ахъ!

Мельникъ: Что такое?

Дочь: Чу! я слышу топотъ
 Его коня... Онъ! Онъ!

Мельникъ: Смотри-же, дочь,
 Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

Дочь: Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня).

Князь: Здорово, милый другъ!
 Здорово, мельникъ.

Мельникъ: Милостивый князь,
 Добро пожаловать! Давно, давно
 Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
 Пойду тебѣ готовить угощенье. (Уходитъ).

Дочь: Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
 Не стыдно-ли тебѣ такъ долго мучить
 Меня пустынь, жестокимъ ожиданьемъ?
 Чего мнѣ въ голову не приходило?
 Какимъ себя я страхомъ не пугала?
 То думала, что конь тебя занесъ
 Въ болото или пропасть; что медвѣдь
 Тебя въ лѣсу дремучомъ одолѣлъ;
 Что боленъ ты; что разлюбилъ меня..
 Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ...
 И любишь все по-прежнему меня,
 Не прѣвдъ-ли?

Князь: По-прежнему, мой ангелъ!
 Нѣтъ, больше прежняго.

„Пирь во время чумы“ Свещенникъ: „Безбожвый пирь!“

„Русалка“. Последнее свиданье.

Русалка“. Князь: „Кто ты?—Старикъ: Я здѣшній воронъ“.

„Русалка“. Князь: „Откуда ты прелестное дитя!“

Она: Однако ты

Печаленъ; что съ тобою?

Князь: Я печаленъ?

Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ

Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она: Нѣтъ,

Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Слѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?

Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь

И вопрошаешь: рада-ль я тебѣ

И ожидала-ли тебя такъ рано?..

А нынче—слушаешь меня ты молча,

Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.

Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ-же?

Ужъ не сердитъ-ли наменя?

Князь: Я не хочу притворствовать напрасно;

Ты права: въ сердцѣ я пошу печаль

Тяжелую,—и ты ее не можешь

Ни ласками любовными разсѣять,

Ни облегчать, ни даже раздѣлать.

Она: Но больно мнѣ съ тобою не грустить

Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.

Позволишь—буду плакать, не позволишь—

Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь: Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй,
тѣмъ лучше.

Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ

Блаженства прочаго: ни знатный родъ,

Ни красота, ни сила, ни богатство,

Ничто бѣды не можетъ миновать.

И мы—не правда-ли, моя голубка?—

Мы были счастливы!—Но крайней мѣрѣ

Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;

И что впередъ со мною ни случится,

Гдѣ-бъ ни былъ я, всегда я буду помнить

Тебя, мой другъ; того, что я теряю,

Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

Она: Я словъ твоихъ еще не понимаю,

Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозить,

Готовить намъ невѣдомое горе—

Разлуку, можетъ быть...

Князь: Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она: Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою

Идти вослѣдъ я всюду не властна?

Я мальчишомъ одѣнусь; вѣрно буду

Тебѣ служить дорогою, въ походѣ

Иль на войнѣ; войны я не боюсь,

Лишь видѣла-бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!

Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,

Или со мной пустую шутку шутишь...

Князь: Нѣтъ, шутки мнѣ ва умъ пѣдутъ

Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ; [сегодня;

Не сваряжаюсь я ни въ дальній путь,

Ни ва войну, я дома остаюсь,

Но должевъ я съ тобой на вѣкъ проститься.

Она: Постой, теперь я понимаю все:

Ты женишься? (Князь молчитъ.) Ты женишься?

Князь: Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князя не вольны,

Какъ дѣвицы: не по сердцу они

Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ

Иныхъ людей, для выгоды чужой...

Твою печаль утѣшить Богъ и время!

Не забывай меня! Возьми на память

Повязку—дай, тебѣ я самъ надѣну.

Еще привезъ съ собою ожерелье—

Возьми его. Да вотъ еще: отцу

Я это посулилъ—отдай ему. (Даетъ ей въ руки

Прощай! [мѣшокъ съ золотомъ.]

Она: Постой, тебѣ сказать должна я—

Не помню что...

Князь: Припомни.

Она: Для тебя

Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой..

Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,

Меня ты могъ покинуть... Все не то...

Да, вспомнила: сегодня у меня

Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь: Несчастная! Какъ быть? Хотя для

Побереги себя! Я не оставляю [него

Ни твоего ребенка, ни тебя.

Современемъ, быть можетъ, самъ приѣду

Васъ навѣстить. Утѣшься, не крунись.

Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.

(Уходя) Ухъ, конечно! Душѣ какъ будто легче.

Я бури ждалъ, по дѣло обошлось

Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною.)

Мельникъ (входитъ): Не угодно-ль будетъ

Пожаловать ва мель... Да гдѣ-же онъ?

Скажи, гдѣ князь вашъ? Ба, ба, ба! Какая

Повязка! Вся въ каменьяхъ дорожикъ!

Такъ и горитъ! И бусы!... Ну, скажу,

Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!..

А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги-ль?

Да что-же ты стоишь, не отиѣчаешь,

Не вымолвишь словечка? Али ты

Отъ радости неожиданной одурѣла,

Иль на тебя столбвякъ нашель?

Дочь: Не вѣрю,

Не можетъ быть. Я такъ его любила...

Или онъ звѣрь? Иль сердце у него

Косматое?

Мельникъ: О комъ ты говоришь?

Дочь: Скажи, родимый: какъ могла его

Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ

Моя краса пропала? Иль его

Отравой опоили?

Мельникъ: Что съ тобою?

Дочь: Родимый, онъ уѣхалъ! Вопъ онъ скачетъ!

И я, безумная, его пустила!

Я за полы его не уцѣпилась!

Я во повисла на уздѣ коня!

Пускай-же-бъ онъ съ досады отрубилъ

Мнѣ руки по-локотъ; нускай-бы тутъ-же

Онъ растонталъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ: Что съ нею?

Дочь: Видишь-ли—князя не вольны,

Какъ дѣвицы: не по сердцу они

Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,

Небось, подмаивать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И варяжу въ парчу и въ бархатъ алый!»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвочекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зары за мельницей сидѣть!
Имъ любо сердце княжеское тѣшить
Бѣдами нашими! А тамъ—прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!

Мельникъ: Вотъ въ чемъ дѣло!..

Дочь: Да кто-же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ: Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то! .
Не говорилъ-ли я тебѣ...

Дочь: И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной простаться
И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро, за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! (Отдаетъ ему мѣшокъ.)

Мельникъ (въ слезахъ): До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Дочь: Охъ, душно!

Холодная змѣя мнѣ шею давить...
Змѣей, змѣею онъ меня—
Не жемчугомъ опуталъ... (Рветъ съ себя жемчугъ.)

Такъ-бы я

Розорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ: Ты бредишь, право, бредишь.

Дочь (снимаетъ съ себя повязку): Вотъ вѣнецъ
мой,

Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Отъ всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!

(Бросаетъ повязку въ Дѣвпръ.)

Теперь все кончено... (Бросается въ рѣку.)

Старикъ (падая): Охъ, горе, горе!

1832 г.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ, ГОСТИ.
ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Сватъ: Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ намъ жить въ любви да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что-жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что-жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Хоръ: Сватушка, сватушка,

Безтолковый сватушка!

По невѣсту ѣхали—

Въ огородъ заѣхали,

Пива бочку пролили,

Всю капусту полили,

Тыну поклонилися,

Верей молилися:

Верей-ль, верей-ль,

Укажи дороженьку

По невѣсту ѣхати.

Сватушка, догадайся,

За мошоновку принимайся:

Въ мошѣ денежка шевелится,

Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

Сватъ: Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата.

(Даритъ дѣвущекъ.)

Одинъ голосъ: По камушкамъ, по желтому
Пробѣгала быстрая рѣчка; [песочку
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
А слыхала-ль ты, рыба-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вѣчоръ у насъ красная дѣвица утопилася,
Утопая, милаго друга проклинала?

Сватъ: Красавицы! да это что за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

Дѣвущки: Не я;

Не я, не мы...

Сватъ: Да кто-жъ пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смѣяніе между дѣвущками.)

Князь: Я знаю кто.

(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо копящему):

Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустить?

(Копяшій подходитъ къ дѣвущкамъ.)

Князь (про себя): Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться...

Копяшій: Я не нашелъ ея.

Князь: Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

Гость. Ай да медь!

И въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ!

Жаль, горекъ: подсластить его-бъ не худо...

(Молодые пѣлуются. Слышенъ слабый крикъ.)

Князь: Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

Конюшій: Я не нашелъ ея нигдѣ.

Князь: Дуракъ.

Дружокъ (вставая): Не время-ль намъ княгиню
выдать мужу,
да молодыхъ въ дверяхъ осыпая хмѣлемъ?
(Все встаютъ.)

Сваха: Вѣстимо, время. Дайте-жъ пѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ,
осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню.)

Сваха: Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Все рас-
ходится, кромѣ свахи и дружка.)

Дружокъ: Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду развѣзжать,

Такъ укрѣпится мнѣ виномъ не худо.

Сваха (валиваясь ему чарку): На, кушай на
здоровье.

Дружокъ: Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда-ль, обошлось?

И свадьба хотъ куда!

Сваха: Да, слава Богу,
се хорошо; одно не хорошо...

Дружокъ: А что?

Сваха: Да не къ добру пропѣли эту пѣсню,
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

Дружокъ: Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя
Не попроказать. Статочно-ли дѣло [имъ]
Мутить нарочно княжескую свадьбу!

(Слышенъ крикъ.)

Ба! это что! Да это голосъ князя...

(Дѣвушка подлѣ покрываламъ переходитъ черезъ комвату.)
Ты видѣла?

Сваха: Да, видѣла.

Князь (выбѣгаетъ): Держите!

Гоните со двора ее долой!

Вотъ слѣдъ ея—съ нея вода течетъ.

Дружокъ: Юродивая, можетъ статья. Слуги,
Смѣясь надъ ней, ее, зная, окатили.

Князь: Ступай, прикрики ты на нихъ. Какъ
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ [смѣли]
Впустить ее! (Уходитъ.)

Дружокъ: Ей Богу, это странно.

Кто тамъ? (Входятъ слуги.) Зачѣмъ пустили эту

Слуга: Какую? [дѣвку?]

Дружокъ: Мокрую.

Слуга: Мы мокрыхъ дѣвокъ

Не видали...

Дружокъ: Куда-жъ она дѣбалась?

Слуга: Не вѣдаемъ.

Сваха: Охъ, сердце замираетъ.

Нѣтъ, это не къ добру.

Дружокъ: Ступайте вонъ,

Да никого, смотрите, не выпускайте.

Пойти-ка мнѣ садиться на коня.

Прощай, кума!

Сваха: Охъ, сердце не на мѣстѣ.

Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

княгиня и мамка.

Княгиня: Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ
не ѣдетъ.

Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,

Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,

Съ меня очей, бывало, не сводилъ;

Женился онъ—и все пошло не такъ!

Теперь меня ранехонько разбудить,

И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать,

Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.

Воротится—чуть ласковое слово

Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой

По бѣлому лицу меня потреплетъ.

Мамка: Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:

Кури-куку! махъ, махъ крыломъ—и прочъ!

А женщина—что бѣдная насѣдка:

Сиди себѣ да выводни цыплятъ.

Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,

Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ, не наглядится;

Женился—и заботы настаютъ:

То надобно сосѣдей навѣстить,

То на охоту ѣхать съ соколами,

То на войну нелегкая несетъ;

Туда, сюда—а дома не сидится.

Княг.: Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ-ли у него
Занозы тайной?

Мамка: Полно, не грѣши.

Да на кого тебя онъ промѣняетъ?

Ты всѣмъ изяла: умомъ, красою ненаглядной,

Обычаемъ и разумомъ: Подумай,

Родимая: ну, въ комъ ему найти,

Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

Княг.: Когда-бъ услышала Богъ мои молитвы

И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда-бъ

Умѣла вновь я мужа привязать...

А! полно въ дворъ охотниками. Мужъ

Домой пріѣхалъ. Что-жъ его не видно? (Входитъ

Что князь, гдѣ онъ? [ловчій.]

Ловчій: Князь приказалъ домой

Отѣхать намъ.

Княгиня: А гдѣ-жъ онъ самъ?

Ловчій: Остался

Одинъ въ лѣсу, на берегу Дятъра.

Княгиня: И князя вы осмѣлились оставить

Тамъ одного? Усердцые вы слуги!

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите!

Сказать ему, что я прислала васъ!

(Ловчій уходитъ.)

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою

И дикій звѣрь, и лютой человѣкъ,
И лѣшій бродить—долго-ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.
Мамка: Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

Русалки: Веселой толпою,
Съ глубокаго два,
Мы ночью исплываемъ;
Насъ грѣетъ луна!...
Любо намъ порой полною
Дво рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый, влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхивать.
Одна: Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.
Другая: Между мѣсяцемъ и вами
Кто-то ходитъ по землѣ. (Прячутся.)
Князь: Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница.. Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталь жорновъ: видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась—она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ заветный! Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно-ли?... (Идетъ къ дверямъ; листья сып-
Что это значить? Листья, [лютыя.]
Поблкнувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпались на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое.
(Входитъ старикъ въ ломотьяхъ и полунагой.)

Старикъ: Здорово.

Здорово, зять!

Князь: Кто ты?

Старикъ: Я здѣшній воронъ.

Князь: Возможно-ль? Это—мельникъ!

Старикъ: Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Изъ рыбка одноглазка сторожатъ.

Князь: Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли
Разбѣяны, какъ тучи послѣ бури. [въ немъ

Старикъ: Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали. [намъ?

Князь: Кто ждалъ меня?

Старикъ: Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—
Ни слова не скажу я.

Князь: Бѣдный мельникъ!

Старикъ: Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я—воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помпишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сажу да каркаю.

Князь: Какая жалость!
Кто-жъ за тобою смотреть?

Старикъ: Да, за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотреть
Русалочка.

Князь: Кто?

Старикъ: Внучка.

Князь: Невозможно
Повѣять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умеръ, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь-ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

Старикъ: Въ твой теремъ? Пѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
(Уходитъ.)

Князь: И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы—смерть равняетъ
Съ нимъ cadaго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, ставовится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана—не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ: онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья еѣ муки растривалъ.

Ловчій: Вотъ онъ. Насилу-то его сыскали.

Князь: Зачѣмъ вы здѣсь?

Ловчій: Княгиня насъ послала:
Она боялась за тебя.

Князь: Несвоя
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой.)

Русалки: Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать-ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть-ли ихъ ковей?

Поздно. Волны охладѣли.

Пѣтухи вдали пропѣли,

Высь небесная темна,

Закатилася луна.

Одна: Подождемъ еще, сестрица,

Другая: Нѣтъ, пора, пора, пора!

Ожидаетъ насъ царица.

Наша строгая сестра. (Скрываются.)

С Ц Е Н А П Я Т А Я .

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ
ЦАРИЦЫ.

Старшая русалка: Оставьте пряжу, сестры.

Солнце сѣло,

Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!

Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,

Да никого не трогайте сегодня:

Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,

Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать

Травой и тиною, ни ребенка въ воду

Заманивать рассказами о рыбакахъ.

(Входитъ русалочка).

Гдѣ ты была?

Дочь: На землю выходила

Я къ дѣду. Онъ вечеръ меня просилъ

Со двѣ рѣки собрать ему тѣ деньгъ.

Которыя когда-то въ воду къ намъ

Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;

А что такое деньги — я не знаю.

Однако-же я вынесла ему

Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:

Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка: Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя

Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня

Придетъ мужичка. Стереги его

И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ:

Онъ — твой отецъ.

Дочь: Тотъ самый, что тебя

Покинулъ и на женщинѣ женился?

Русалка: Онъ самъ. Къ нему вѣжливѣе при-

И расскажи все то, что отъ меня [ласкайся

Ты знаешь про свое рождение, также

И про меня. И если спроситъ онъ:

Забыла-ль я его нлѣ вѣтъ — скажи,

Что все его я помню и люблю,

И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь: О! поняла.

Русалка: Ступай-же. (Одна.) Съ той поры,

Какъ бросилась безъ памяти я въ воду

Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,

И въ глубинѣ Днѣпра рѣки очулася

Русалкою холодною и могучей,

Прошло ужъ восемь долгихъ, долгихъ лѣтъ;

Я каждый день о мщеньи помышляю —

И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

С Ц Е Н А Ш Е С Т А Я .

Б Е Р Е Г Ъ .

Князь: Непольно къ этимъ грустнымъ бере-
Меня влечетъ невѣдомая сила!.. [Гамъ

Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее

И вольной, красной юности моей

Любимую, хоть горестную повѣсть.

Здѣсь пѣюгда меня встрѣчала —

Свободнаго — свободная любовь.

Я счастливымъ былъ. Безумецъ!... И я могъ

Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...

Печальныя, печальныя мечты

Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.

Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!

Авось опять его сегодня встрѣчу,

И согласится онъ оставить лѣсъ

И къ намъ переселиться...

(Русалочка выходитъ на берегъ.)

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

1832 г.

СЦЕНА ИЗЪ «ФАУСТА».

БЕРЕГЪ МОРЕА. ФАУСТЪ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

Фаустъ: Мнѣ скучно, бѣсъ.

Мефистофель: Что дѣлать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положень предѣлъ,

Его-жъ никто не преступаетъ —

Вся тварь разумная скучаетъ:

Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣла;

Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;

Тотъ насладиться не успѣлъ,

Тотъ насладился черезъ мѣру,

И всякъ зѣваетъ да живетъ —

И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.

Зѣвай и ты.

Фаустъ: Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ-нибудь

Разсѣяться.

Мефистофель: Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ записи:

Fastidium est quies — скука

Отдохновеніе души.

Я — психологъ... О, вотъ наука!...

Скажи, когда ты не скучалъ?

Подумай, поищи. Тогда-ли,

Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,

А розги умъ твой возбуждали?

Тогда-ль, какъ розами вѣнчалъ

Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ

Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?

Тогда-ль, какъ погулялъ ты

Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ, наконецъ, меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
Возилъ и къ вѣдьмамъ, и къ духамъ,
И что-же? все по пустякамъ.
Желалъ ты славы — и добился;
Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможно дань,
А былъ-ли счастливъ?

Фаустъ: Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —
Я проклялъ званій ложный свѣтъ,
А слава... лучъ ея случайный
Неуловимъ. Мѣрская честь
Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ...

Мефистофель: И первое свиданье,
Не правда-ль? Но нельзя-ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ-ль?

Фаустъ: О сонъ чудесный!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ, на груди ея прелестной
Покою томную главу,
Я счастливъ былъ...

Мефистофель: Творецъ небесный!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я-ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
И плодами своего труда
Я забавлялся одинокій,
Какъ въ вдвоемъ... все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скука сѣмя).
И знаешь-ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать-ли?

Фаустъ: Говори. Ну, что?

Мефистофель: Ты думалъ: агнецъ мой по-
Какъ жадно я тебя желалъ! [слушный!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной

И грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что-жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Какъ въ продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ косясь боязливо...
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье...

Фаустъ: Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

Мефистофель: Изволь. Задай лишь мнѣ за-
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя [дачу:
Не смѣю отлучаться я —
Я даромъ времени не трачу.

Фаустъ: Что тамъ бѣлѣетъ? говори!

Мефистофель: Корабль испанскій трехмач-
Пристать въ Голландію готовый: [товый,
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата
Да грузъ богатый шоколата,
Да модная болтливость: она
Недавно вамъ подарена.

Фаустъ: Все утопить!

Мефистофель: Сейчасъ!

1826 г.

(Исчезаетъ.)

МОНОЛОГЪ ИЗАБЕЛЛЫ

изъ трагедіи альфиери «Филиппъ II».

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!
Но какъ-же зрѣть его и не любить?
Правъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прекрасной...
Прекрасная душа!... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ-ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
Всегда печальна я; но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, я самой
Не можно мнѣ!... И опъ, какъ и другіе,
Обманется — и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы, мнѣ, бѣдной!..
Другого нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшья

Окромя слезъ, и слезы—преступленья!
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Миѣ измѣнить
Прѣчь, и взоръ—все можетъ. Ахъ, уйдемъ!

1827 г.

ПРОГРАММА КОМЕДИИ.

Валберхова—вдова. Сосницкій—ея братъ. Брянский—любвникъ Валберховой. Рамазановъ, Боченковъ. (Пушкинъ означилъ дѣйствующихъ лицъ именами актеровъ, которые должны были бы ихъ играть). Сосницкій даетъ завтракъ, Брянский прививаетъ гостей, Рамазановъ узнаетъ Брянского. Изъясненіе. Пополаетъ. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту Величкина (старый слуга). Отчаяніе его.

I.—Сосницкій и Валберхова.—В. Игралъ? С. Игралъ. В. Долго-ли тебѣ бытъ Богъ знаетъ гдѣ? добро-бы либераль... да ты-то что? Зачѣмъ не въ свѣтъ... гдѣ вся молодежь? С. Вы всѣ бравивны... Скучаю... То-ли дѣло ночь играть. В. Скоро-ли отстанешь? С. Нѣтъ, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. В. Игра?... С. Нѣтъ... В. Прощай

II.—Сосницкій. Карты!.. Величкинъ. Проигрываетесь... Сосницкій. Полно врать... Я поспѣю.

III.—Валберхова и Брянский.

IV.—Брянский и Рамазановъ — узнаютъ, уговариваются.

V.—Валберхова. Что за шумъ? Величкинъ. Играютъ. Валберхова. Поди за Брянскимъ.

VI.—Валберхова. И Брянский такой-же.

VII.—Брянский и Валберхова.—Брянский. Я пополаетъ! Ему урокъ... проигрывается...

VIII.—Сосницкій въ отчаяніи. Брянский. Величкинъ уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. Брянский и Рамазановъ.—Конечъ.

Брянский, Рамазановъ, Сосницкій. Вы здѣсь, а миѣ ничего не сказали.

Мочи нѣтъ, усталъ, проигрался; пора въ театръ; нашъ другъ даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

Я шелъ къ тебѣ, сестра... благо, даже въ одномъ домѣ...—Мы недѣлю не видались, что ты дѣлала?—Занятъ былъ. —Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у тетки. —Я даю завтракъ.—Богъ знаетъ, какое общество. Зачѣмъ тебя нѣтъ въ свѣтъ, и пр.

—Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались?

Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались.

Откуда и куда?—Я шелъ къ тебѣ, сестра: Хотѣлось миѣ съ тобою увидѣться.—Пора. —Ей-Богу, занятъ былъ... дѣлами... службой... Я дорожу, сестра, твоею дружбой, Люблю тебя душой... Преду я иногда Съ тобою посидѣть,—но, видишь-ли, бѣда: Всегда разѣдемся,—я дома, ты—въ каретѣ; Никакъ не съѣдемся...—Номы могли-бы въ свѣтъ Видаться каждый день...—Конечно, я-бы могъ Пуститься въ свѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ! По счастью, модный кругъ теперь совѣмъ не въ Ты знаешь, мы живемъ отлично, на свободѣ, [модѣ; Не ѣдимъ въ общество, не знаемъ модныхъ дамъ И васъ оставили на жертву старикамъ, Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка... А впрочемъ, не найдешь живого человѣка Въ отборномъ обществѣ.—Хвалиться есть-ли чѣмъ?

Что тутъ хорошаго? Пу, я прощаю тѣмъ, Которые, пустясь въ пятнадцать лѣтъ на волю, Привыкли смолodu лишь къ пороку, да къ полю: Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ; Но ты, который съ годъ учиться пересталъ, Который не знавалъ походной пыли сроду,— Зачѣмъ перенимать у нихъ пустую моду? Какая нужда въ томъ?—Въ кругу своемъ они О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жюминн... —Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;

Ты шлафрогомъ однимъ да трубкою плѣнился; Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ, Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ... 1821 г.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ.

Все жалобы, упреки, слезы—мочи нѣтъ! Откланяюсь пока; она миѣ надоѣла; Къ тому-жъ, и безъ нея миѣ слишкомъ много дѣла:

Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ, Подъ видомъ, будто-бы, невиннаго гулявья. Ахъ!.. матушка!... Предвижу увѣщанья!.. А, здравствуйте, маман!—«Куда-же ты? постои!

Я шла къ тебѣ, мой другъ. Миѣ надобно съ тобою О дѣлѣ говорить...»—Я зналъ.

—«Ииѣ терпѣнье. Мой другъ. Не нравится твое миѣ поведеніе...» —А въ чемъ-же?—«Да во всемъ. Во-первыхъ, ты жены

Не видишь никогда—точь въ точь разведены: Аделъ всегда одна, все дома; ты въ каретѣ, На скакѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтъ; Или нелзя никакъ съ женою посидѣть?»

1821 г.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Д Ы.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой пощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ ночили доль и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая лува, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдыми лучами
Предметы освѣтила вокругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополею сидѣла молодая ива
И отразилась въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются няюды
Его лѣнливою волной;

А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь-ли мирны дни вели земные боги?
Не се-ль Минервы русской храмъ?

Не се-ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На ловѣ мира и отрадъ?

Увы! промчался тѣ времѣна златая,
Когда подъ скипетромъ великія жены
Вѣнчалась славой счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;

Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ росъ въ-
«Исчезло все. Великой нѣтъ!» [щаетъ:
И въ думу углубленъ, падъ злачными берегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами.
Надъ твердой, извѣстою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столба трикраты обвились.
Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, кагульскій берегъ, поно-
И славенъ родинѣ драгой! [сенъ
Безсмертны вы во вѣкъ. о русски исполны,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ:
О насъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россиянь!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суво-
Потомки грозные славянъ, [ровъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился
мѣръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

П ты промчался, везабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы войны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;

Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой
Зардѣлась грозная заря; [брани
И быстрымъ повеселись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глу-
Дымится кровію земля, [бокомъ,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылають,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.
Идутъ — ихъ силъ пѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединяся полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туман-
Звучать кольчуги и мечи! [ной...
Страшисъ, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ, и младъ, летятъ на дерзно-
Сердца ихъ мщеніемъ возжены. [венныхъ:
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу
За вѣру, за царя. [сраженья
Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣявъ ратниками доль,
За строемъ строй течетъ, всѣ местию, славою
дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гре-
митъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечамъ стрѣлы сви-
И брызжетъ кровь на щитъ. [шутъ,
Сразились — русскій побѣдитель!
И вспать бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильного въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ поитель посѣдѣлый;
О, бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..
Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безчестности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчины,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенія вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ вылалъ!
Гдѣ ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
Развалины теперь одинъ.

Москва! сколь русскому твой зракъ унылый стра-
Нисчезли зданія вельможей и царей, [шенъ!
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмилъ ба-
Чертоги пали богачей. [шенъ,

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухаль и липа тренетала,
Тамъ нивѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней ночи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ берега и свѣтлы
Все мертво, все молчитъ... [рощи —

Утѣшисъ, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришельца.
Отяготѣла днесь на ихъ надменной вып
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣтыя не держатъ,
Ихъ кровь не престае въ снѣгахъ рѣками течъ,
Бѣгутъ — и въ тѣмъ ночной ихъ гладъ и смерть
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ. [срѣтають,

О вы, которыхъ тренетали
Европы сильны племена,
О галлы хищныя! и вы въ могилы пали...
О страхъ! О грозныя времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордыни возмечтавъ мечемъ низвергнуть тро-
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ! [ны,
Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факель мщенія?
Поникни, Галлія, главою!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примпренья
Грядетъ съ оливою златой:
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленіи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полночной
мглѣ, —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ двей пѣвецъ, славянскій бардъ
Мой духъ восторгомъ не горитъ! [дружны,
О, если-бъ Аполлонъ нѣмовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нивѣ въ грудь! тобою восхищенъ.
На лирѣ-бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тѣмъ временахъ!

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Восаѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламе-
Взгреми на арфѣ золотой; [ненной,
Да снова стройный гласъ герою въ честь про-
лется,
И струны тренетны посылаютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.
(Читано на экзаменѣ 4 и 8 января 1815 г.)

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала.
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина:
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ, съдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ;
Одинъ во тьмѣ почвой надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрю-
Свирѣпо прощенталь: [мѣй,

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почгло.
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, скоро-ли, напѣваясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?...
Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,
Мрачнѣе тѣмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ мѣръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами.
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ визвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный цѣпь!..
По вкругъ меня все мертвымъ сномъ почгло,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...

О счастье! злобный обольститель!

И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей.
Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный нестунъ съ юныхъ дней!
Давно-ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно-ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымилась грома вкругъ меня,
И слава въ блескъ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?..
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!..

Полнощи царь молодой, ты двинулъ ополченъя —
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могущаго падеве,
И миръ землѣ, и радость небесамъ,

А мѣй — позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ бравей,
Въ прибрежномъ златѣ мечъ забыть
И тускветъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи почей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И надшихъ ярое стеванье.
Лишь плещущимъ волнамъ вивмастъ жадный
слухъ;

Умолкъ сражений кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факель мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ:
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшнѣе, о Галлія! Европа, мщенъе, мщенъе!
Рыдай! твой бичъ возсталъ — и все надетъ во
прахъ,

Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушенъи,
Царемъ возяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни.
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.

И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законныя цари.
Но зришь-ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла со-
Липо нылающей зари, [крыла
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... тренещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

1815 г.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПА-
РИЖА

въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отда-
ленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ воен-
ныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лѣръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты сла-
вой цѣли!

Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчавшій исполнѣнъ
На гибель грозно шель, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,

И пламенный вѣнец померкнулъ на челѣ!
 Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
 Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
 Вѣжить... и смерти громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
 И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ...
 и нѣтъ!

Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
 Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
 Во броню ополчась, вложивъ пернатый шлемъ,
 Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
 Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
 Отъ нѣга оградить страну свою родную.
 Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
 Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
 И смертью роковой горѣли и дрожали;
 И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
 Къ мечамъ!—раздался кликъ, и выхремъ по-
 неслись;

Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
 Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
 Младые ратники на грустную разлуку;
 Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
 И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
 А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
 Я тихо расцвѣтать, безпечный, безмятежный!
 Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
 Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ
 Сыны Бородина, о кульскіе герои! [стрѣлъ.
 Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строй;
 Душой восторженной за братьями сѣѣли;
 Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
 Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
 Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
 И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
 Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
 О, сколь волиществъ, безсмертный, ты явился,
 Когда на сильнаго съ сынами устремился;
 И чело приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
 Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
 Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
 И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
 «Ужель свободны мы?... Ужели грозный палъ?..
 Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ воз-
 И ветхую главу Европа преклонила, [сталъ?..
 Царя-спасителя колѣна окружила
 Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукою,
 И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
 И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвра-
 И край полуночи восторгомъ озарился! [тился,
 Склони на свой народъ смиренъя полный взглядъ:
 Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
 Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
 Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
 По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
 И ты среди толпы, Россіи божество!
 Встрѣчать вожда побѣдъ летитъ твой дружины;
 Старикъ, счастливый вѣтъ забывъ Екатерины,
 Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
 Ты нашъ, о русский царь! оставь-же шлемъ
 стальной.

И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
 Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
 И брани сокрушивъ могущею рукою,
 Вселенну осѣни желанной тишиной!..
 И придутъ времена спокойствія златяя,
 Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленные,
 Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
 Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
 По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ пзошреп-
 Суда летучія, торговлей окрылены, [ишъ;
 Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
 И юные сыны воинственныхъ славянъ
 Спокойной праздности съ досадою предадутся,
 И молча вѣкогда вокругъ старца соберутся,
 Преклоняя жадный слухъ—и ветхими костью-
 лемъ
 И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ
 холмомъ

На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
 Словами истины, свободными, простыми,
 Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ ожи-
 И добраго царя въ слезахъ благословить. [вить

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
 Тупился мечъ окровавленный,
 И смерть погубительнымъ крыломъ
 Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... подвигомъ царей
 Европы твердый миръ основанъ;
 Оковы свергнувшій злодѣй
 Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
 И былъ низверженъ ужасъ міра;
 Покрыла падшаго главу
 Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ.
 Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
 Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ,
 И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
 Не блещетъ мечъ окровавленный,
 И брань погубительнымъ крыломъ
 Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
 Съ героемъ дивнымъ Альбіона
 Онъ вѣрныхъ велѣ въ послѣдній бой
 И мстилъ за лпін Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
 Текли во слѣдъ щиты кровавы;
 Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
 И разливалъ блистанье славы!

Его текла младая кровь,
 На немъ сіяетъ язва чести.
 Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
 Достойный былъ онъ воинъ мести!

1816 г.

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже, царя храни!
 Славному долги дни
 Дай на земли;
 Гордыхъ смирителю,
 Слабыхъ хранителю,
 Всѣхъ утѣшителю
 Все исполни.
 Тамъ — громкой славой,
 Сильной державою
 Миръ онъ покрывъ;
 Здѣсь — безмятежною
 Сѣвью надежною,
 Благостью нѣжною
 Пасъ осѣнилъ.
 Брани въ ужасный часъ
 Мощно хранила насъ
 Вѣрная длань;
 Гласъ умиленія,
 Благодаренія —
 Сердца стремленія —

Вотъ наша дань! 1816 г.

Б Е З В Ѣ Р І Е .

О вы, которые съ язвительнымъ упрямомъ,
 Считаая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ перинхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
 Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленіе!
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣніе!
 Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
 Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, нль съ темною мечтою —
 Найдите тамъ его, гдѣ вилстый ручей
 Проходитъ медленно среди вѣчныхъ полей,
 Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
 Шумя, на вѣчный мохъ склонили вѣчны тѣни,
 Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною томимый пустотой;
 То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей, вол-

невня,

Напрасно ищетъ онъ унывнью развлеченія.
 Напрасно въ пышности свободной простоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты;
 Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ

водитъ:

Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
 Настигнетъ-ли его глухихъ судьбъ ударъ,
 Отымется-ли вдругъ минутный счастья даръ,
 Въ любви-ли, въ дружествѣ-ль обвинетъ онъ

измѣну,

И невозвратную онъ имъ узнастъ цѣну —
 Лишенный всѣхъ оворъ, отпадный вѣры сынъ,
 Ужъ видить съ ужасомъ, что въ мирѣ онъ одинъ,
 И мощная рука къ нему съ дарами мира
 Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
 Несчастные, страстей и немощей сыны.

Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
 Всечасно бранныхъ узъ готово разрушеніе;
 Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое
 затмѣнье.

Когда холодна тѣла объемлетъ грозно насъ,
 Завѣсу вѣчности колоблетъ смертный часъ:
 Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
 И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
 Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
 О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
 Ты почъ могильную ей тихо освѣщаешь
 И, ободренную, съ надеждою отпускаешь.
 Но, други, пережить ужаснѣе друзей!..
 Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить унылый духъ и сердца ожиданье:
 «Настанетъ — говорить — назначенно свиданье».
 А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
 Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
 Надежды тихаго не нѣмлетъ онъ привѣта:
 Подходить къ гробу онъ, зовется... нѣтъ
 отвѣта!

Видали-ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священны тлѣтъ прахъ?
 Видали-ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ Деліи его таятся пепелъ милый?
 Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
 Къ кресту припикнулъ онъ безчувственной

главой;

Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенъ,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленъ,
 Дрожитъ! И между тѣмъ, подъ сѣвью темныхъ
 У гроба матери колѣна преклонивъ, [нѣтъ,
 Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
 Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжный.
 Одна, туманвою луной озарена,
 Какъ ангелъ горести, является она,
 Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
 Все тихо; но она, какъ кажется, вливается...
 Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
 Поникнулъ головою, трепещетъ и бѣжитъ.
 Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ;
 Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча

входитъ,

Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:

При древнемъ торжествѣ священны алтарей,
 При гласъ пастыря, при сладкомъ хорѣ нѣвъъ,
 Тревожится его безвѣрное мученье.

Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зреть;
 Съ померкшею душой святыхъ предстоить;
 Холодный ко всему и чуждый умиленю,
 Съ досадою тихому внимаетъ онъ моленью.
 «Счастливыцы! мыслить онъ: почто не можно

мнѣ,

Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
 Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
 Съ одной лѣшнейрою повергнуться предъ Богомъ!»
 Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не су-
 Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно [ждено
 По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
 Несчастнаго влечетъ до хладныхъ вратъ могилы!

И что зоветь его къ пустынь гробовой—
Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видить онъ покой.
1817 г.

ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ

въ честь императрицы елизаветы алексѣевны.

На лиръ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моею.
Но, признаюсь, подѣ Геликономъ,
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.
1819 г.

ВОЛЬНОСТЬ.

(отрывки.)

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза. . . . ,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей извѣщенную лиру:
Хочу воспылѣть я вольностью лиру,
На. . . . поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла [А. Шенье],
Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые ввусала.
Любимцы вѣтренной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы—мужайтесь и внемлите,
Возставьте, падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній,
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ...

Не слышится людей стenanье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,

Гдѣ всѣмъ простертъ изъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами,
Ихъ мечъ безъ выбора скользить,

Гдѣ преступленье съ-высока
Разится праведнымъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ня къ злату алчностью, ни страхомъ...
Тебя въ свидѣтели зову,
О, мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу!

Восходить къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
И лишь главу снесла сѣкира—
Какъ самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ...

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасть великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаётъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Мірѣ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ воля!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно-ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Вѣдой шумѣли знамена,
И палагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.

Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровала душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья.
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величій постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзить — при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ росъ —
Тильзить надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный мнръ, во хладъ покоя
Счастливаца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россію!
Война — по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Вѣжать Европы ополченья...
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды

Подъяту видитъ великавъ.
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло вонившихъ чудесъ
Тоскою душевнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ.
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ.

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей.
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустыни
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ увыпни горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его увѣчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.
1821 г.

КНИЖА.ІЪ.

Свободы тайный стражъ, карающій кия-
Послѣдній судія позора и обиды! [жалъ,
Для рукъ безсмертной Немезиды
Лемвосскій богъ тебя сковалъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молвія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ нѣгъ, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ — и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мракхоръ горделивый.

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ
закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Таишься ты подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Исчадь мятѣжа подѣмлетъ злобный крикъ:
Презрѣнный, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.

Апостолъ гибели, усталому Андру
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду...

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казенномъ прахѣ.

Въ твоей Гермавіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной сплѣтъ—
И на торжественной могилѣ
Горятъ безъ надписи кинжалъ.
1821 г.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ
порогѣ;

Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
«Се благо!» думалъ онъ—и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралъ-
Все молча ждетъ удара— [тара:
Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно-ль народы
Паденье славили великаго кумира? [міра

«Давно-ли ветхая Европа свирѣпѣла,
Надеждой новою Гермавія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно-ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

«Давно-ль?—И гдѣ-же вы, зиждители свободы?
Ну, что-жъ? Встѣивуйте, ищите правъ при-
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу! [роды,
Вотъ Кесарь—гдѣ-же Брутъ? О, грозные витѣн,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»

Онъ рекъ—и пѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ
очи...

Раздался бой полночи—

И се, внезапный гость въ чертогъ царя пред-
сталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Про-
видѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго вѣлѣнья.
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы послѣдникъ и убійца.
Сей холодный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь
зари.

На тучной праздности лѣнивыя морщины,
Нѣ постунъ тяжкая, нѣ равнѣя сѣдины,
Нѣ пламень гаснущій нахмуренныхъ очей—
Не облачали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казеннаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австер-
Дружныи Сѣвера гнала его десница, [лца
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣ-
жалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ догово-
И съ миромъ или позоромъ [ромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...
1823 г.

* *

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Оермопилы.
Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аонія,
Гроба Тезея и Перикла.
Страва героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тартея, Байрона и Риги!
1823 г.

КЪ МОРИЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ронотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ.
Твой грустный шумъ, твой шумъ при-
Услышалъ я въ послѣдній разъ. [зывный

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.

Какъ я любилъ твои отзвы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своиравные порывы!

Смиренный парусъ рыбакей,
Твоею прихотью хранимый —
Скользятъ отважно средь зыбей;
Но ты выигралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда-бы вынѣ
Я путь безначный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою-бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ ладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ

Исчезъ, оплаканный свободой,
Остава міру свой вѣнецъ.

Шуми, взволнуйся непогодой:

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубоко и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ... Теперь куда-же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?

Судьба людей повсюду та-же:

Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.

Прощай-же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою поля,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волвъ.

1824 г.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

(посвящено н. н. раевскому).

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урву Байрова взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давпо, безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи, въ дни страданій,
Сомедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

* * *

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.

Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ.

Завтра казнь—привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца

О чемъ поетъ? Поетъ она свободу—
Не измѣнилась до конца!

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!

Я славилъ твоей небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;

Я славилъ твой священный громъ,

Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;

Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу

И самовластію безтрепетный отвѣтъ;

Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все испровергли, увлекли,

И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.

Уже сіялъ твой мудрый геній,

Уже въ безсмертный пантеонъ

Святыхъ изгнанниковъ восходили славны тѣни;

Отъ пелены предубѣждевій
Разоблачался ветхій тровъ,
Оковы падали. Законъ,

На вольность опершись, провозгласилъ равенствъ—
И мы воскликнули: «блаженство!»... [во,

О горе! о безумный сонъ!

Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.

Мы свергнули царей? Убійцу съ палацѣмъ
Избрали мы въ царя! О ужасъ, о позоръ!..

Но ты, снѣщенная свобода,

Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:

Въ порывахъ буйной слѣпоты,

Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—

Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ

Завѣшенъ пеленой кровавой...
 Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
 И вновь твои враги падутъ.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освя-
 Все ищетъ вновь упиться имъ; [щенный,
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бредить, жаждою томимъ...
 Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ...

«Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обреченъ. Последніе часы
 Влечу. Завтра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою голову подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будетъ почивать въ саду, гдѣ проводжали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье,
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
 Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы—преступ-
 О братъ! сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ. [ловье:
 Еще-жъ одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣтныя преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечты,
 И слезы, и любовь, друзья, сія листы
 Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фавни,¹
 Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
 Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
 Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
 Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
 Собирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрный,
 И долго слушая, скажите: «это—онъ!
 Вотъ рѣчь его!» А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и саду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
 Любовью; можетъ быть, и У з н и ц а моя,²
 Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»

Но пѣсни пѣжныя мгновенно прерывая,
 Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой:
 Пора весны его съ любовью, тоской
 Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны
 И пѣсни, и пиры, и пламенные вочи, [сочи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце повеселось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,

Свободу и друзей, и сладостную лѣнь!
 Судьба лелѣяла мою златую младость,
 Безпечною рукою меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ, друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда-жъ вакхической тревогой утомясь
 И новымъ пламенемъ внезапно воспалась,
 Я утромъ, наконецъ, являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
 Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала,
 Какъ сладко жизнь моя лплась и утекала!
 Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнливой и простой,
 Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
 Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
 И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
 Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать безсильныя бразды!
 И что-жъ оставляю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибли, голосъ мой, и ты, о призракъ ложный,
 Ты, слово, звукъ пустой...

О пѣтъ!

Умолкни, ропотъ малодушный!
 Гордись и радуйся, поэтъ:
 Ты не поникъ главой послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
 Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ;³
 Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
 Сихъ палачей самодержавныхъ;
 Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ:
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-звемиду!
 Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
 Вѣнчанную главу рукою оцѣпенѣлой,
 Ты смѣло имъ обонявъ руку даль,
 И передъ вами трепеталъ
 Ареопагъ остервенѣлый.
 Гордись, гордись, пѣвецъ! а ты, свирѣпый звѣрь,
 Моей главой играй теперь:
 Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, звай, без-
 божный:
 Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
 Пей нашу кровь, живи губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
 И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
 Падешь, тирапъ! Негодоваешь
 Воспрянешь, наконецъ. Отечества рыданье
 Разбудитъ утомленный рокъ.
 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;

Я жду тебя!»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ подыалъ важны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Она! Надежды
Звучатъ ключи, замки, запоры. [пѣтъ!
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа.⁴
Не слышать... Шестіе безмолвно... Ждетъ
палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.⁵
Вотъ плаха. Онъ взмошелъ. Онъ славу име-
Плать, муза, плачь!.. [нуетъ..⁶

1825 г.

1. Авель—одна изъ друзей А. Шевье. Фанни—одна изъ любимыхъ имъ женщинъ.

2. M-eille de Coigny.

3. Онъ воспѣвалъ знаменитую Шарлотту Корде, падавшую на Робеспьера и составлявшую для Людовика XVI письмо, въ которомъ король, приговоренный къ смертной казни, просилъ Собраніе о разрѣшеніи ему аппеллировать къ народу.

4. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

5. На роковой телегѣ везли на казнь вмѣстѣ съ А. Шевье и поэта Руже, его друга.

6. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: *pourtant j'avais quelque chose là.*

Н. С. МОРДВИНОВУ.

(отрывокъ.)

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Иида острыя вершины (Поэтъ Петровъ).
Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ подыалъ къ небесамъ и крылья, и зѣнцы—
И съ шумной радостью вызыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтеніе твоей денницы.
Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на берегахъ Копита.
Ты лпру оправдалъ; ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго пѣта!..
Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ недвижныхъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукій!
Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ ска-
тишь,
Стоишь сѣдой утесъ. Вотще берега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ, и волны, вкругъ мутясь,
И увиваются, и плещутъ.
Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою...
1825 г.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣнцы коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣнцы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подподный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».
1826 г.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличнѣе Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе,
Не презиралъ страны родной:
Онъ звалъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь-же гордъ,
Во всемъ будь пращуръ подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

1826 г.

Д Р У З Ь Я М Ъ.

Нѣтъ, я не лстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:

Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ янно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаніѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!

Во мнѣ почилъ онъ вдохновеніе,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленіѣ,
Ему хвалы не воспую?

Я лстецъ? Нѣтъ, братья, лстецъ лукавъ:

Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнетъ природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и лстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

1828 г.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Русь ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесъ, когда мы вновь со славою
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

1829 г.

С Т А П С Ы.

(митр. моск. филарету.)

Въ часы забавъ иль празднои скуки,
Бывало, лиръ я моей

Вѣбрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданвыхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты,

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

1830 г.

Г Е Р О Й.

Что есть истина?

Другъ: Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священо,
Надъ конемъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ ивой,
Изъ силъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

Поэтъ: Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бран-
Предъ кѣмъ смирился царь, [ный,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари. (Наполеонъ.)

Другъ: Когда-жъ твой умъ онъ поражаетъ
Свою чудною звѣздой?
Тогда-ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой?
Тогда-ли, какъ хватается знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда-ль,
Какъ водить и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя—
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой вослѣдъ?
Тогда-ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его приѣмля, и молчитъ?

Поэтъ: Нѣтъ, не у счастья на ловѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣявъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,

Плащемъ закрывшись боевымъ!
 Не та картина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный строй;
 Лежить на каждомъ трупъ живой.
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Не бранной смертью окружень,
 Нахмурясь, ходить межъ одрами,
 И хладно руку жметъ чумѣ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Рождаетъ бодрость. Небесами
 Клянусь: кто жизньню своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
 Каковъ-бы ни былъ приговоръ
 Земли слѣпой!

Другъ: Мечты поэта,
 Историкъ строгій гонить васъ!
 Увы—его раздался гласъ,
 И гдѣ-жъ очарованье свѣта?...

Поэтъ: Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, къ соблазну жадной,
 Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
 Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
 Насъ возвышающій обманъ.
 Оставь герою сердце! Что-же
 Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Другъ: Утѣшься... 1830 г.

КЪ ВЕЛЬМОЖЬ.

(кн. н. б. юсупову, въ архангельское.)

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
 Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
 Лишь только первая позеленѣтъ липа,
 Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристинна,
 Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
 Гдѣ царкуль зодчаго, налитра и рѣзецъ
 Ученой прихоти твоей повиновались
 И, вдохновенные, въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
 Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
 Еще ты съ молодости умно разнообразилъ,
 Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
 Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
 Посланникъ молодой увѣчанной Жены,
 Явился ты въ Ферней—и циникъ поспѣлѣй,
 Умовъ и моды вождь проницательный и смѣлый,
 Свое владычество на Сѣверѣ любя,
 Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
 Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
 Ты лествицу его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
 Съ Фернеемъ распростаясь, увидѣлъ ты Версаль.
 Пророческихъ очей не простирая вдаль,
 Тамъ ликовало все. Армида молодая,
 Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
 Не вѣдая, чему судьбой обречена,

Рѣвилась, вѣтреннымъ дворомъ окружена.
 Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
 Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
 Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
 Уединялся ты. За твой суровый нравъ
 То читатель Промысла, то скептикъ, то безбож-

никъ,

Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ.
 Бросалъ нарикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
 И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной аоею иль деисту,
 Какъ любопытный скнеъ аеинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
 Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
 Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отноръ суро-
 Пружиннысмѣлыя гражданственностиновой. [Вый.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скукой.
 Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой.
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
 Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ сталъ рассказывать о пожарахъ, о глазахъ,
 О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
 Гдѣ жизнь лѣпная проходитъ сладострастно,
 Какъ пылкій отрока, восторговъ полный, сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
 И ты, встревоженный, въ Совиллу полетѣлъ,
 Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ.
 О, расскажи-жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ

умѣютъ

Съ любовью набожность умильно сочетать,
 Изъ-подъ мантили знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ златомъ усиленъ надзоръ угрюмой тетки:
 Скажи, какъ въ 20 лѣтъ любовникъ подъ окномъ
 Тренещетъ и кинитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
 Паденіе всего, союзъ ума и фурий,
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,
 Подъ гильотину Версаль и Трианонъ
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
 Преобразился міръ при громахъ новой славы.
 Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
 Превратности судьбы разительный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Донинѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ.
 Энциклопедія скептической причетъ,
 И колкій Бомарше, и твой безносый Касти—
 Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки,

страсти

Забыты для другихъ. Схотри: вокругъ тебя
 Все новое кипитъ, бывшее истребля.
 Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
 Едва опомнились младыя поколѣнья.

Жестокіх онытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свести приходъ.
Ихъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить остихахъ. Звукъ новой, чудной лиры.
Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ-же ты. Ступивъ за твой по-
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины. [рогъ,
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ.
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Везиечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ.
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и пѣгн
праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ па-
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ, [латъ,
И къ нимъ издавѣка то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.
1830 г.

П О Э Т У.

(Сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный
шумъ,
Услышавъ судъ глушца и смѣхъ толпы холод-
ной;

Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты—царь: живя одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный ху-
дожникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бравить.
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой тре-
пожаникъ.

1830 г.

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; одинъ лампады

Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спать сей властелинъ.
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея праговъ,
Сей остальной изъ станъ славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!

Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:

«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Внемли-жъ и днесъ нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, свасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись—и дланію своею

Намъ укажи волею вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погружень...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.
1831 г.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные вити?
Зачѣмъ аваемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это—споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный
судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сія кровавыя скрижали;
Вамъ неонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

За что-жъ? Отвѣтствуйте: за то-ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы

Мы не признали наглою воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготящій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой изманильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже бессильно слово?

Иль вамъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной
Колхиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?—
Такъ высылайте-жъ намъ, витѣи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.
1831 г.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской трпзной поминая,
Твердили: «шли-же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали-жъ мы пятою твердой
И грудью привали напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,—
И равенъ былъ неравный споръ.
«И что-жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кипчасъ, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмѣльна для нихъ славянская кровь;
Но тяжело будетъ имъ похмѣлье,
Но долго будетъ сонъ гостей
На тѣснонѣ, хладномъ новосельѣ.
Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте-жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прощенные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..»
Сбылось—и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умятъ.

Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ

Того, что старья скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрять гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витѣи;
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще-ли россъ—
Большой, разслабленный колоссъ?
Еще-ли сѣверная слава—
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро-ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волянь?
За кѣмъ послѣдіе Богдана?
Пръзнавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется-ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднить-ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили-ль русскаго владыку?
Скажите, кто главою поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна-ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и вѣшнихъ буръ напоръ
Ее, бѣснующь, потрясали—
Смотрите-жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненъи пали—
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ.
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань.
Кому Суворовскаго лабра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видѣть плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть триумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего.

1831 г.

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
 Тебя мы долго ожидали;
 И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вер-
 И вынесъ намъ свои скрижали. [шивъ,
 И что-жь? Ты насъ обрѣлъ въ пустынь подъ
 Въ безумствѣ суетнаго пира, [шатромъ,
 Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
 Отъ насъ созданнаго кумира.
 Смуглились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
 Въ порывѣ гнѣва и печали
 Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
 Разбивъ листы своей скрижали...
 Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ
высоты
 Скрываться въ тѣнь долины малой,
 Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
 Журчанью пчелъ надъ розой алой.
 1834 г.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(Барклай-де-Толли.)

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
 Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
 Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
 Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
 Своею кистию свободной и широкій
 Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
 Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нямфъ, ни дѣвствен-
ныхъ мадоннъ,
 Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
 Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
 Да лица, полныя вопиющей отвagi.
 Толною тѣсною художникъ помѣстиялъ
 Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ, —
 Покрытыхъ славою чудеснаго похода
 И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
 Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
 И на знакомые ихъ образы гляжу,
 И мнится, слышу ихъ воинственные клики.
 Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, конихъ
 Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ, [лики
 Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
 Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
 Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ душой по-
 Всегда останавлиюсь предъ нимъ и не свожу [вой
 Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
 Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ че-
репъ голый,
 Высоко лоснится, и, мнится, залегла
 Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
 За нимъ военный станъ. Спокойный и угрюмый,
 Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною душой.
 Свою-ли точно мысль художникъ облажилъ,
 Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
 Или невольное то было вдохновеніе—

Но Доу далъ ему такое выраженіе.

О вожь несчастливый! суровъ былъ жребій
твой:

Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
 Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
 И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,
 Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною,—
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
 И долго укрѣплень могущимъ убѣжденіемъ,
 Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденіемъ—
 И на полупути быть долженъ, наконецъ, [емъ;
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнѣе глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрытѣе одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вожь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавши впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
 Вотще!—

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣ-
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха! [ха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣнѣхъ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!
 1835 г.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невоею рѣзво вьются
 Флаги пестрые судовъ;
 Звучно съ лодокъ раздаются
 Пѣсни дружныя гребцовъ;
 Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
 Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
 Въ Питербургѣ-городкѣ?
 Отчего пальба и клики,
 И эскадра на рѣкѣ?
 Озаренъ-ли честью новой
 Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
 Побѣжденъ-ли шведъ суровый?
 Мира-ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
 Прибыль Брантовъ утлый ботъ,
 И пошелъ на встрѣчу дѣда
 Всей семьей вашъ юный флотъ,
 И воинственные внуки
 Стали въ строй предъ старикомъ,
 И раздался въ честь на уки
 Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?
 Годовщину-ли Полтавы
 Торжествуетъ государь—
 День, какъ жизнь своей державы
 Спасъ отъ Карла русскій паръ?

Родила-ль Екатерина?
Имевинница-ль она,
Чудотворца-исполива
Чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится:
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнить съ нимъ одну
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ.
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835 г.

М О Л И Т В А .

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священники повторяютъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжить невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначала, зми сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мон, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

1836 г.

* *

Elegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лпрѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжить—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣнть.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ немъ языкъ;
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ двкій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу

И милость къ падшимъ призывалъ.

Вѣдѣнью Вожію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца:

Хвалу и клевету пріемли равнодушно

И не оспаривай глупца.

1836 г.

Э Л Е Г І И .

Ж Е Л А Н І Е .

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мнгъ въ увядшемъ сердцѣ множить
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожить.
Но я молчу; не слышенъ ровотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы—утѣшенье.
Моя душа, объята тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тѣмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пуσαι умру, но пусть умру—любя!

1816 г.

О С Е Н Н Е Е У Т Р О .

Поднялся шумъ, свирѣлю полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье;
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день.
А вокругъ меня глухое заустѣнье...
Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный:
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсонъ,
Пронзносилъ я имя несравненной.
Я звалъ ее—лишь гласъ уединенный
Пустыхъ долинъ откликнулся въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли:
Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенный.
Ужъ нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою:
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены;
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится мертвый листь,
Стоитъ туманъ на волнахъ пожелтѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы,
Хранители священной тишины,
Свидѣтели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

1816 г.

Р А З Л У К А .

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукъ твоей устами прикоснулся—

Да помню все! я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несвою печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ въ даль.
Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука;
Уныніе, губительная скука
Пустынника пріютъ не посѣтятъ;
Мою печаль усладой муза встрѣтитъ;
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодный мракъ освѣтитъ».

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестамъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвения фіалъ.
О милая, повсюду ты со мною!
Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
Блеснетъ-ли день за синей горою,
Взойдетъ-ли ночь съ осеннею луною—
Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
Засну-ли я—лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—неволью призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сажу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей большой!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе твое,
Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

1816 г.

* *

Счастливъ, кто въ страсти самъ себя
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кого луны туманный лучъ
Ведетъ въ полночи сладострастной,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворить дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увяль надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы;
Но я, любовью позабытъ,
Люби не позабуду слезы?

1816 г.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,

Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея—печали слѣдъ!
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До вѣжныхъ юношества лѣтъ,
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златая крылья развивая,
Волшебной, вѣжной красотой
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.

Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!..
Когда-жъ весельемъ окрыленный,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

1816 г.

О К Н О.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На всезираю равнодушно;
Дышать уныленьемъ—мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовники рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣтъ
И тихо тмится небосводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣтъ,
Склоняясь на берегъ синихъ водъ.

Вчера, вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна,
Склонившись на руку, сидѣла;
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
На темный подъ холмами путь.

Я здѣсь! шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотою...
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно;
Когда-жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?

1816 г.

М Ъ С И Ц Ъ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь.
 Уединенная луна,
 И на подушки сквозь окна
 Сіянье тусклое наводишь?
 Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
 Ты будишь грустные мечтанья.
 Любви напрасныя страданья
 И гордымъ разумомъ мовимъ
 Чуть усиленные желанья.
 Летите прочь, воспоминанья!
 Засни, несчастная любовь!
 Ужъ не бывать той ночи вновь,
 Когда спокойное сіянье
 Твоихъ таинственныхъ лучей
 Сквозь темный завѣсъ проникало
 И блѣдно, блѣдно озаряло
 Красу любовницы моей.
 Почто, минуты, вы летѣли
 Тогда столь быстрой чередой,
 И тѣни легкія рѣдѣли
 Предъ неожиданной зарей?
 Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
 И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
 Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
 Зачѣмъ я съ милою простился?
 1816 г.

* *

Опять я вашъ, о юные друзья!
 Печальные сокрылись дни разлуки.
 И брату вновь простерлись ваши руки.
 Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
 Все тѣ-же вы, но время ужъ не то-же:
 Уже не вы душѣ всего дороже.
 Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
 Ушла пора веселости безпечной,
 Навѣкъ ушла, и жизни скоротечной
 Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной.
 Отверженный судьбой несправедливой.
 И ласки музъ, и рѣзвость, и покой —
 Я все забылъ: печали молчаливой
 Рука лежитъ надъ юною главой.
 Чтобъ разогнать угрюмыя страданья,
 Напрасно вы несете лиру мнѣ:
 Минувшихъ дней погаснули мечтанья.
 И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
 Передъ собой одну печаль я вижу:
 Мнѣ скученъ міръ, мнѣ страшенъ дневный свѣтъ;
 Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ.
 Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу.
 Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
 Опали вы, листы вчерашней розы.
 Не допѣли до завтрашнихъ лучей!
 Умчались вы, дни радости моей!
 Умчались вы—неволью лютяся слезы,
 И вянущу я на темномъ утрѣ дней.

О дружество, предай меня забвенью!
 Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
 Оставь меня сердечному мученью,
 Оставь меня пустынямъ и слезамъ!
 1816 г.

* *

Любовь одна—веселье жизни хладной!
 Любовь одна—мученіе сердець!
 Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный.
 А горестямъ не виденъ и конецъ.
 Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
 Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету:
 Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
 Сгнѣдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
 Вы, чувствами свободные пѣвцы!
 Предъ милыми смирились вы душою.
 Вы пѣли страсть—и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнцы.
 Слѣпой Амуръ, жестокой и пристрастный,
 Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
 Съ пермесскими царницами согласный.
 Инымъ изъ васъ на радость указалъ,
 Другихъ навѣкъ печалами связалъ
 И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
 Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
 Какъ утра лучъ, сіютъ ваши дни.
 Пѣвцы любви, младую пойте радость!
 Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
 Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
 Стихи любви тихонько вздыхайте!..
 Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви! вы вѣдали печали,
 И ваши дни по терніямъ текли:
 Вы свой конецъ съ волненіемъ призывали:
 Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
 Не зрѣли вы минутную забаву;
 Но не нашедъ блаженства вашихъ дней.
 Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
 И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
 Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
 Въ глуши долинъ, въ печальной тѣмѣ лѣсовъ,
 Одинъ, одинъ брожу, уныль и мраченъ.
 Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
 Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
 Но ропотъ волнъ стenanіямъ моимъ
 И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется-ли души холодный совѣтъ,
 Поэзія зажжется-ль упоенье —
 Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
 Бесплодное проходитъ вдохновенье.
 Пускай она прославится другими:

Одинъ люблю—онъ любить и любимъ!..
 Люблю, люблю!.. Но къ ней ужъ не коснется
 Страдальца гласъ; она не улыбнется
 Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
 Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
 Оставилъ я пустыному зефѣру
 Ужъ навсегда покинутую лиру—
 И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.
 1816 г.

ПОДРАЖАНІЕ.

Я видѣлъ смерть; она безмолвно сѣла
 У мирнаго порога моего.
 Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
 Душа, номеркнувъ, охладѣла...
 Покину скоро я друзей,
 И жизни горестной моей
 Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
 Послѣдній взоръ моихъ очей
 Луча безсмертія не встрѣтитъ,
 И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней
 Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.
 Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
 Надъ бездной для меня лежала,
 Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Прости, свѣтило дня, прости, небесъ завѣса,
 Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
 Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
 Безмолвіе таинственнаго лѣса,
 И все—прости въ послѣдній разъ!
 А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
 Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
 Прости! минуло все, ужъ гаснетъ пламень мой.
 Схожу я въ хладную могилу,
 И смерти сумракъ роковой
 Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!
 А вы, друзья, когда, лишенный силъ,
 Едва дыша въ болѣзненномъ бореньи,
 Скажу я вамъ: «о други, я любилъ!»
 И тихій духъ умереть въ изнеможенъи,
 Друзья мои, тогда, тогда идите къ ней,
 Скажите: взять онъ вѣчной тьмою.—
 И, можетъ быть, объ участи моей
 Ова вздохнетъ надъ урной гробовою!
 1816 г.

ДРУЗЬЯМЪ.

Среди бесѣды вашей шумной
 Одинъ унылъ и мраченъ я...
 На ниръ раздольный и безумный
 Не призывайте вы меня.
 Любилъ и я когда-то съ нами
 Подъ звонъ бокаловъ пировать
 И гармовически стихами
 Пировъ веселья воспѣвать.
 Но пролетѣлъ мигъ упоеній.—
 Я радость свѣтлую забылъ,
 Меня печали мрачный геній

Крылами черными накрылъ...
 Не кличьте-жъ вы меня съ собою
 Подъ звонъ бокаловъ пировать:
 Я не хочу своей тоскою
 Веселье ваше отравлять.
 Богами вамъ еще даны
 Златые дни, златая почва,
 И томныхъ дѣвъ устремлены
 На васъ внимательныя очи.
 Играйте, нойте, о друзья!
 Утратьте вечеръ скоротечный—
 И вашей радости безпечной
 Сквозь слезы улыбнуся я.
 1816 г.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты!	Любви мечтанья.
Гдѣ ваша сладость?	Еще полна
Гдѣ ты, гдѣ ты,	Душа желанья
Ночная радость?	И ловить сва
Исчезнулъ онъ,	Воспомяненья.
Веселый сонъ,	Любовь, любовь!
И одинокій	Внемли моленья:
Во тьмѣ глубокой	Пошли мнѣ вновь
Я пробужденъ.	Свои видѣнья:
Кругомъ постели	И поутру,
Нѣмая ночь.	Вновь упоенный,
Вмигъ охладѣла,	Пускай умру
Вмигъ улетѣли	Непробужденный.
Толпою прочь	
1816 г.	

ПѢВЦЪ.

Слыхали-ль вы за рощей гласъ но чной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молча ли,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слыхали-ль вы?

Встрѣчали-ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды-ли слезъ, улыбку-ль заищали,
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
 Встрѣчали-ль вы?

Вздохнули-ль вы, внимая тихій гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
 Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
 Вздохнули-ль вы?

1816 г.

* *

Я думалъ, что любовь погасла навсегда.
 Что въ сердцахъ злыхъ страстей умолкнулъ
 гласъ мятежный,
 Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
 Страдальца довела до пристани надежной.

Съ безпечной думою покаясь у береговъ,
 Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
 На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
 Носимыхъ гибельной грозой.
 Я говорилъ: стократъ блаженъ,
 Чей вѣкъ, свободою прекрасный,
 Какъ вѣкъ весны, промчался ясный
 И страстью не былъ омраченъ.
 Кто не страдалъ въ любви напрасной,
 Кому не вѣдомъ страстный плѣвъ,
 Блаженъ! Но я счастливѣй болѣ:
 Я цѣпь мученій разорвалъ,
 Опять съ друзьями я на волѣ—
 И жизни сумрачное поле
 Веселый блескъ очаровалъ!

О, что я говорилъ... Несчастный!
 Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
 Но мрачная любовь таилась во мнѣ,
 Не угасалъ мой пламень страстный...
 Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ,
 Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзв
 лиру,

Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
 Веселье, Вакха и Дельфиру.
 Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
 Лежала томная на лирѣ непослушной;
 Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
 На игры младости взиралъ издалика...
 Любовь, отравя нашихъ дней,
 Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!
 Не сожигай души моей,
 Огонь мучительныхъ желаній!
 Летите, призраки! Амуръ, ужъ я не твой!
 Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
 Брось одного меня въ безчувственной природѣ.
 Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
 Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
 Мечтать о сладостной свободѣ.
 1816 г.

СТАНСЫ.

(изъ вольтера.)

Ты мнѣ велишь пылать душою:
 Отдай-же мнѣ минувши дни,
 И мой разсвѣтъ соедини
 Съ моей вечерней зарею.

Мой вѣкъ невидимо проходитъ;
 Изъ круга смѣховъ и харитъ
 Ужъ время скрыться мнѣ велитъ
 И за руку меня выводитъ.

Предъ нимъ смириться должно намъ:
 Кто примѣняться не умѣтъ
 Къ своимъ премѣнчивымъ годамъ,
 Тотъ горестъ пхъ одну имѣтъ.

Счастливымъ рѣзвымъ, молодымъ,
 Оставимъ страсти, заблужденья;
 Живемъ мы въ мѣрѣ два мгновенья—
 Одно разсудку отдадимъ.

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
 Любовь, мечтанья первыхъ дней,—
 Вы, услаждавшія печали
 Минутой младости моей?

Намъ должно дважды умирать:
 Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ...
 Вотъ смерть, ужасная страданьемъ!
 Что значитъ послѣ — не дышать?

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
 Среди вечерней темноты,
 Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
 Обмановъ сладостной мечты!

Тогда на голосъ мой унылый
 Мнѣ дружба руку подала:
 Она, любви подобна милой,
 Въ одной лишь вѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
 Веселыхъ юности дней
 И вслѣдъ пошелъ—во лиль я слезы,
 Что могъ идти вслѣдъ лишь ей!

1817 г.

СНОВИДѢНІЕ.

(изъ вольтера.)

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
 Въ вѣнцѣ сияющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
 Мечталось, я любилъ тебя,
 И сердце билось наслажденьемъ.
 Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъ-
 являлъ...

Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
 Но боги не всего теперь меня лишили:

Я только царство потерялъ.

1817 г.

ПРОЩАНІЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Простите, милая дубравы!
 Прости, безпечный миръ полей,
 И легкрылыя забавы
 Столь быстро улетѣвшихъ дней!
 Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!
 На то-ль узналъ я вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?
 Отъ васъ беру воспоминанье,
 А сердце оставляю вамъ.
 Быть можетъ (сладкое мечтанье),
 Я къ вашимъ возвращусь полямъ,

Приду подь липовые своды
На скать Трпгорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума.
1817 г.

* *

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть;
Скучая жизнью, томимый суетою,
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть.
Ты помнишь, милая, — зарею нашихъ лѣтъ,
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
Въ кругу чужихъ, въ немилый сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало,
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно ностыло мнѣ...
Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
Я не рожденъ для дружбы, для заботъ;
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья...
И въ сердцѣ чувствовалъ я ледъ...

1818 г.

У Н Ы Н І Е.

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подѣмлю взоръ угрюмый,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни совѣ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милый:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

1819 г.

* *

Пыры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...

1822 г.

* *

Я жизнь любилъ, когда, полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена

Сочиненія А. С. Пушкина.

Лучами яркихъ унованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколѣ оныть
И муки огненныхъ страстей
Не возбудили въ сердцѣ ронотъ,
Не объяснили мнѣ людей.
А нынѣ, къ жизни равнодушный,
Скучаю всѣмъ, и для меня,
Влечу, какъ метеоръ воздушный,
Исчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей,
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужъ болѣ не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственныя ночи, —
Я васъ забылъ, — забылъ и васъ,
Обворожительныя очи:
Пыль прехжнихъ чувствъ во мнѣ погасъ.
Я полюбилъ покой безстрастья
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земного счастья —
Я сердце мертвое ношу ..

1822 г.

Д Е Р Е В Н Я.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ лется дней моихъ невидимый потокъ .
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошныя пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанные хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;

Вездѣ слѣды довольства и труда.

Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застычивой молбѣ,

И не завидовать судьбѣ

Злодѣя или глупца въ величій неправомъ.
Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ —

Въ уединенѣхъ величавомъ
 Слышите вашъ отрадный гласъ:
 Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
 Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
 И ваши творческія думы
 Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
 Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
 Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
 Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
 Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
 Не видя слезъ, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
 Присвоило себѣ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
 Склоняясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
 Неумолимаго владѣльца.
 Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
 Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
 Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
 Для прихоти развратнаго злодѣя;
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины редной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
 О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
 Почто въ груди моей горитъ бесплодный жаръ
 И не данъ мнѣ въ удѣлъ витѣства грозный даръ?
 Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
 И рабство падшее по мавію царя,
 И падъ отечествомъ свободы просвѣщенной
 Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?
 1819 г.

* * *

Погасло дневное свѣтло;
 На море синее вечерній палъ туманъ.
 Шуми, шуми, послушное вѣтрло,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
 Я вижу берегъ отдаленный,
 Земля полуденной волшебные края:
 Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаемъ упоенный,
 И чувствую: въ очахъ редились слезы вновь;
 Душа кипитъ и замираетъ;
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
 И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ темительный обманъ...
 Шуми, шуми, послушное вѣтрло,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
 Летя, корабль, неспя меня къ предѣламъ даль-
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей, [внмъ
 Но только не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы вѣжныя мнѣ тайно улыбались,

Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отчески края,
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младя,
 Подруги тайныя моей весны златяны,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
 Шуми, шуми, послушное вѣтрло,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!..
 1820 г.

* * *

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
 Минутной, нѣжной красотой!
 Она примѣтно увядаетъ
 Во цвѣтѣ юности живой...
 Увянетъ! Жизнью молодою
 Недолго наслаждаться ей,
 Недолго радовать собою
 Счастливый кругъ семьи своей,
 Безпечной, милой острою
 Бесѣды наши оживлять
 И тихой, ясною душою
 Страдальца душу улаживать.
 Спѣшу въ волненьѣ думъ тяжелыхъ,
 Сокрывъ уныніе мое,
 Наслушаться рѣчей веселыхъ
 И наглядѣться на нее.
 Смотрю на всѣ ея движенія,
 Внимаю каждый звукъ рѣчей,
 И мигъ единый разлученія
 Ужасенъ для души моей.
 1820 г.

* * *

Я пережилъ свои желанья,
 Я разлюбилъ свои мечты!
 Остались мнѣ одни страданья,
 Плоды сердечной пустоты.
 Подъ бурями судьбы жестокой
 Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
 Живу печальный, одинокій,
 И жду: придетъ-ли мой конецъ?
 Такъ, позднимъ хладомъ пораженный.
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещетъ запоздалый листъ.
 1821 г.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. Скрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ нѣжный;
 Кругомъ него глубокій сонъ
 И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной, въ тѣни деревъ,
Онъ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно-ли старцы любовались
Его веселостью живою,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блестали такъ-же въ насъ умы:
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;

Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй».. Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ,
Его въ бесѣдкѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семей,
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ,

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходить мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...
1821 г.

В О Й Н А.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вокругъ меня губительный свинецъ!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стапа, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.

Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое званье,
Вечерній барабанъ, громъ, пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.

Родись-я-ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ-ли мнѣ двойной достанется на часть?
Кончину-ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стрем-
Воспоминаніе и брата, и друзей, [ленье,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель избранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...

Что-жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что-жъ битва первая еще не закипѣла?..
1821 г.

(къ м. а. г.—ой.)

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстный;
Но если я любимъ: позволяй, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обymeтъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
«Опъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одол-
женъ»

И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ»
1821 г.

19 ОКТЯБРЯ 1825 г.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ.
И скроется за край окружающихъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, впо, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

2.

Печаленъ много друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долѣю запыль-ся я разчуку,
Кому-бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ: вотще воображенье

Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенъе,
И милого душа моя не ждотъ.

3.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня имевуютъ...
Но многіе-ль я тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолилъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ мѣрами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ...
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ сѣвера ¹, бродя въ краю чужомъ.
(¹ Н. А. Корсаковъ).

5.

Сидишь-ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль спова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливыи путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шута,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и буръ любимое дитя! ² (² О. Матюшкинъ.)

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечтался тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда-бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда-бъ ни повело,
Все тѣ-же мы: намъ цѣлый міръ—чужбина;
Отечество памъ—Царское Село.

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтихъ судьбы суровой.
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, привыкъ ласкающей ладѣй...
Съ мольбой моею печальной и жалкой,
Съ доверчивой надеждой первыхъ лѣтъ.
Друзьямъ инымъ душой преданъ нѣжпой;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

9.

И внявъ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троекъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ:
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ.

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ-же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

11.

Когда постигъ меня судьбины гвѣзъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный
Подъ бурей главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ.
И ты пришелъ, сынъ лѣви вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ го-
И двинное волненъе мы познали; [рѣлъ,
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплескавъ,—
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вян-
Ты гений свой носпитывалъ въ тиши. [манья,—

13.

Служенъе музъ не тернить суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво.
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнися—по поздно! и увяло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ ³, не то-ль и съ нами бы-
ло. (³ Кюхельбекеръ.)
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

14.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя предавъ оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;

Запомните-жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, поднятыхъ къ небесамъ!

16.

И первую полиѣй, друзья, полиѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, льющая муза,
Благослови: да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Естьмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ поднявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

17.

Пируйте-же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣтъ:
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальний сиротѣтъ:
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь в хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лица
Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой.
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пурай-же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя:
То, какъ звѣрь, она завоюетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшало
Вдругъ соломою зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что-же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ-же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;

Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водою поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя:
То, какъ звѣрь, она завоюетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей.
Выпьемъ съ горя; гдѣ-же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!
1825 г.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и свѣтъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаютъ одна.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусъ у камина,
Загляжусь, не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ одвозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

1826 г.

НА СМЕРТЬ Г-ЖИ РИЗНИЧЪ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увела наконецъ, и вѣрно надо мною
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою вѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,

Для сладкой памяти невозвратныхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни слези.
1826 г.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыхъ стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи почномъ живѣй горять во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ:
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читаю жизнь мою,
Я тренещу и проклинаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лѣю,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

* * *

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ стѣнахъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь навоситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

1828 г.

26 МАЯ 1828 г.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнемъ взволновалъ?..
Цѣли вѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томятъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

1828 г.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собрался въ тишинѣ;

Рокъ завѣстливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу-ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я сиѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечался; взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнить душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

1828 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священ-
Вхожу съ поникшею главой! [ный
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаявша фіаль,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда среди нихъ возникъ лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣ-
Мечтанья смутныя въ груди моей тая, [нивымъ,
Скитался по дугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоять, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,

И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ!..
Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!
1829 г.

ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда-бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію-ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій-ли Парижъ, туда-ли, наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ неплотъ дремлютъ
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,— [мощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умереть-ли страсть
Забуду-ль гордую, мучительную дѣву, [моя?
Или къ ея ногамъ, ея младому гвѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
.....
1829 г.

С Т А Н С Ы.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сажу-ль межъ юношей безумныхъ,—
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патриархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю—
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я душой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою-ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметь охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.
1829 г.

* * *

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулить мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей уныю,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.
1830 г.

19 ОКТЯБРЯ 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старыхъ кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.
Давно-ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что-же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средъ пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски псытанья;
И смерти духъ средъ насъ ходилъ,
И называлъ своя закланья.

Шесть мѣстъ упрямыхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,

Пировъ и чистыхъ помышлений.
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

ОТРЫВОКЪ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю.
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій.
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недоувѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣвъ печальныя преданья,
Ты безъ участія и вниманья
Упыло слушаешь меня.

Клянусь коварныя старанья
Преступной юности моей.
И встрѣчу условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Клянусь рѣчей любовный шепотъ.
И струны таящевенный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...
1831 г.

* * *

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Переѣзжилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Переѣзжился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И, кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ опальный домикъ.
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури.
Ея рассказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда веселыхъ...
Я сживалъ недвижимо въ грядлѣхъ
На озеро, воспоминанья съ грустью
Нныя берега, нныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, снѣга, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ

Разстѣпны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, пасилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ пороховъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ-же,
Все тотъ-же ихъ знакомый слухъ шороховъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой вѣкъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомняеть...

Въ разныя годы

Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчались—и вы во мнѣ пріили
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныніи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души доувѣрчивой и нѣжной—
И горькія кнѣли въ сердцѣ чувства.
1835 г.

ПѢСНЬ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коней не одна кружится голова.
Я не ропшу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,

Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно-ли печать
Морочить олуховъ, плъ чуткая цензура
Въ журнальных замыслахъ стѣсняеть балагура.
Все это, видите-ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребба мнѣ свобода...
Завистѣть отъ властей, завистѣть отъ народа—
Не все-ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шев;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!..
1836 г.

*
*
*

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы.
Подъ конями гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кос-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеев
(Дешеваго рѣзца нелѣпныя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовницы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвяченныя урны,
Могила склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть,—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводятъ.
Что злое на меня уныніе находить,
Хоть плюнуть да бѣжать. Но какъ-же люблю мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ
мохомъ,
Проходить селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колѣблется и шумя...
1836 г.

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣнями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсно сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ н легче, и смѣлѣй,

Мы пили всѣ за здравіе вадежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсплся;
Онъ примирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средѣ пѣсень раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.
Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ лица день завітный;
Прошли года чредою незамѣтной,
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?
Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили.
Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высплись, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.
Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ цари-
цынь—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Кунцицынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа—
Еще грозилъ и колебался онъ.
Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага—
И заревои московскія озарились
Его полкамъ готовые снѣга.
Вы помните, какъ нашъ Агаметновъ
Изъ плѣннаго Париза къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нами раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сія сады, сія живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!
И нѣтъ его— и Русь оставилъ онъ,
Взвесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь суровый и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ...
И надъ землей сошлись новы тучи,
И ураганъ ихъ разметалъ.

САТИРЫ.

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь-ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣячанный лаврами, въ блестящей багрянницѣ,
Спѣсиво развалиясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?

Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину
клонять;

Смотри, какъ ликторы пародъ несчастный гонять!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный
рядъ

Умильно вслѣдъ за нимъ стремятъ усердный
взглядъ,

Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ дви-
женъя,

Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ лица предъ идоломъ безмолвно пали въ
прахъ:

Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напеча-
тлѣнный,

Есть вѣкій памятникъ почетный и священный.
О, Ромуловъ народъ, скажи, давно-ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?

Квириты гордые подъ иго преклонились.

Кому-жъ, о небеса, кому поработились.

(Скажу-ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
Ветулій—римлявъ царь!... О стыдъ, о време-
Или вселенная на гибель предана? [на!

Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?

Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметь?

«Куда? не знаю самъ; давно молчу и вижу;

Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу».

Лициній, добрый другъ! Не лучше-ли и намъ,

Смиренно поклонясь Фортувѣ и мечтамъ,

Сѣдого циника примѣромъ научиться?

Съ развратнымъ городомъ не лучше-ль намъ
проститься,

Гдѣ все продажное: законы, правота,

И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?

Пускай Глицерія, красавица младая,

Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,

Неопытность другихъ въ наемну ловить сѣтъ!

Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;

Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:

Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Кор-
нелій,

Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ,
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома
въ домъ!

Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.

Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,

Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!

Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,

Въ деревню перенесемъ отеческіе лары!

Въ прохладѣ древнихъ рошъ, на берегу мор-
скомъ,

Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,

Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,

Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.

И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,

При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ кошелькѣ,

Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,

Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,

Въ сатирѣ праведной пороки изображу

И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!

Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!

Предвижу грознаго величія конецъ:

Падетъ, падетъ во прахъ вселенная вѣнецъ;

Народы юные, сыны свирѣпой брани,

Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,

И горы, и моря оставятъ за собой,

И хлынутъ на тебя кипящую рѣкой.

Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокій;

И путникъ, устремивъ на груды камней око,

Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:

«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погуб-
ленъ».

1815 г.

левъ».

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ САТИРЫ.

Въ Геевнѣ праздникъ. Въ тѣмъ кромѣшной

Есть отдаленный уголокъ,

Откуда изгнаны навѣкъ

Надежда, миръ, любовь и совѣ,

Гдѣ свихнутъ адскіе бичи,

Гдѣ моръ адское клокочетъ,

Гдѣ, грѣшника внимая стонъ

Ужасный, Сатана хохочетъ...

2

«Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?

Какой порядокъ и молчанье!

Какой огромный сводовъ рядъ!

Но гдѣ-же грѣшниковъ варятъ?

Все тихо»...—Тамъ, гораздо далѣ.—

«Гдѣ мы теперь?»—Въ парадной залѣ.

3

«Сегодня балъ у Сатаны...

На именины всѣ званы...

Смотри, какъ эти два бѣсенка

На кухню тащатъ поросенка...

А этотъ бѣсъ— какъ важенъ онъ!

Какъ чинно выметаетъ вонъ

Опилки, сѣру, пыль и кости...

Скажи мнѣ, скоро-ль будутъ гости?»

4.

—Кто тамъ?—Здорово, господа!
 —Зачѣмъ пожаловалъ сюда?
 —Привелъ я гостя.—Ахъ, Создатель!—
 Вотъ докторъ Фрикенъ, нашъ пріятель!—
 Живой?—Онъ живъ, да нашъ давно:
 Сегодня-ль, завтра-ль—все равно!
 —Объ этомъ думаютъ двоико;
 Обычай требовалъ, однако,
 Соизволенія моего...
 Но, впрочемъ, это ничего.
 Вы знаете, всегда вѣдь другу
 Я рада оказать услугу.

5.

«Что козырь?»—Черви. «Мнѣ ходить».
 —Я бью. «Нельзя-ли погодить?»
 —Веру. «Кругомъ насъ обыграла!»
 Эй, смерть! Ты право сплутовала». —
 Молчи! ты глупъ и молоденецъ:
 Ужъ не тебѣ меня ловить!
 Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
 А только-бъ вѣчность проводить!

1821 г.

(Эти отрывки принадлежать къ задуманной поэтомъ большой политической и общественной сатирѣ, дѣйствіе которой должно было происходить при дворѣ Сатаны. Въ числѣ грѣшниковъ и гостей должны были явиться нѣкоторые Кишиневскіе жители и наиболѣе знаменитые политическіе дѣятели Россіи).

КИШИНЕВСКІЯ ДАМЫ.

Раззѣвавшись отъ обѣдинъ
 Къ Катакази ѣду въ домъ (Кишин. губернат.).
 Что за греческія бредни,
 Что за греческій содомъ!
 Подогнувъ подъ платье ноги,
 За вареньемъ, средь прохладъ,
 Какъ египетскіе боги,
 Дамы прѣютъ и молчать.

Здравствуй, круглая сосѣдка!
 Ты бранчива, ты скупа,
 Ты неловкая кокетка,
 Ты плѣшива, ты глупа.
 Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
 Все прощаю, Богъ съ тобой!
 Ты съ утра до темной ночи
 Рада въ банкъ играть со мною.
 Вотъ еврейка съ Тодорашкой...

Ты умна, велерѣчива,
 Кишиневская Жанлисъ,
 Ты бѣла, жирна, шутлива,
 Черноокая Тарсисъ; (сестра Кишин. губернат.)
 Не хочу судить я строго,
 Но къ тебѣ не льнетъ душа,
 Такъ послушай, ради Бога,
 Будь глупа, да хороша.

1821 г.

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очевь бѣденъ;
 Ты—прозаикъ, я—поэтъ;
 Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
 Я, какъ смерть, и тощъ, и блѣденъ.

Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
 Ты живешь въ огромномъ домѣ;
 Я-жъ, средь горя и хлопотъ,
 Провожу дни на соломахъ.

Ты съ сладко всякій день,
 Тянешь вина на свободѣ,
 И тебѣ нерѣдко лѣнь
 Нужный долгъ отдать природѣ;

Я-же съ черствого куска,
 Отъ воды гнилой и прѣсной,
 Сажень за сто съ чердака
 За нуждой бѣгу извѣстной...

Окружень рабовъ толпой,
 Съ деспотизма грознымъ взоромъ
 Аедронъ ты жирный свой
 каленкоромъ;

Я-же
 Не балую дѣтской модой
 И Хвостова жесткой одой
 Хоть и морщуся, да
 1819 г.

* *
* *

Сказали разъ царю, что наконецъ
 Мятежный вожь Ріэго былъ удавленъ.
 «Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ.
 «Отъ одного мерзавца міръ избавленъ».
 Всѣ смолкнули, всѣ потушили взоръ—
 Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
 Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
 Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
 Пристойно-ли, скажите, сгоряча
 Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой налача?
 Самъ государь такого доброхотства
 Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
 Лстецы, лстецы! старайтесь сохранить
 И въ самой подлости отѣнокъ благородства.

1823 г.

(Это стихотвореніе вызвано восклицаніемъ графа М. С. Воронцова по полученіи вѣстія о казни Ріэго въ ноябрѣ 1823 года: „Quelle heureuse nouvelle, Sire!“)

ИЗЫДЕ СѢЯТЕЛЬ СѢЯТИ СѢМЕНА СВОЯ.

Свободы сѣятель пустынный,
 Я вышелъ рано, до звѣзды;
 Рукою чистой и безвинной
 Въ поработенныя бразды

Бросалъ живительное сѣмя;
 Но потерялъ я только время,
 Благіе мысли и труды...
 Наситесь, мирные народы,
 Васъ не пробудить чести кличъ!
 Къ чему стадамъ дары свободы?
 Ихъ должно рѣзать или стричь;
 Паслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
 Ярмо съ гремушками да бичъ.
 1 декабря 1823 г.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ хузъ, говнитель давній мой,
 Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
 Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной
 Цензуру повесить хулой неосторожной —
 Чтѣ нужно Лондону, то рано для Москвы.
 У насъ писатели, я знаю, каковы;
 Ихъ мыслей не тѣснить цензурная расправа,
 И чистая душа передъ тобою права.
 Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
 Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
 Людской безмыслицы присяжный толкователь,
 Хвостова, Бунинной единственный читатель,
 Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
 То прозу глупую, то глупые стихи.
 Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить:
 Тотъ англійскій романъ съ французскаго пре-
 Тотъ оду сочинить, потѣя да крехтя, [ложить,
 Иной трагедію напишетъ намъ шутя —
 До нихъ намъ дѣла пѣтъ, а ты читай, бѣсися,
 Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ поднишися.
 Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
 Умъ чтемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюф-
 фонъ,
 Державинъ, Карамзинъ манять его желанье —
 А долженъ посвятить безыгодное вниманье
 На бредни новыя какого-то враля,
 Которому досугъ пѣть рощи да поля...
 Да связь утрата въ нихъ, ищи ее сначала,
 Или вымарывай изъ тощаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань, —
 Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.
 Но цензоръ — гражданинъ, и самъ его свя-
 щенный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
 Но мысля не тѣснить и разумъ терпѣть онъ.
 Блюститель тишины, приличія и правовъ
 Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развитію не мѣшаетъ;
 Онъ — другъ писателю, предъ знанію не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
 А ты, глупецъ и трусъ! чтѣ дѣлаешь ты съ нами?

Гдѣ должно-бъ умствовать, ты хлопаешь глаза-
 Не понимая насъ, мараешь и дерешь; [ми,
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
 Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,
 Гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Мара-
 томъ,
 Рѣшилъ, — а тамъ поди, хотъ на тебя проси!
 Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
 То, славу русскую и здравый умъ любя,
 Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
 Остались намъ стихи, поэмы, триолеты,
 Баллады, басенки, элегин, куплеты,
 Досуговъ и любви певинныхъ мечты,
 Воображенія минутные цвѣты...
 О, варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской ли-
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры? [ры,
 Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ ивица «Пировъ», столь чистый, бла-
 родный —
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаешь ты косою, певѣрный взглядъ,
 Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
 Оставь, пожалуй, трудъ, ни мало не похвальный!
 Парнасъ — не монастырь и не гаремъ печальный,
 И, право, никогда искусный коноваль
 Излишней пылкости Пегаса не лишаль.
 Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы —
 Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
 Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
 Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ почему —
 И рукопись его, не погбая въ Лето,
 Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
 Барковъ шутивыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ;
 Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
 И Пушкина стихи въ печати не бывали —
 Чтѣ нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
 Но ты свое несешь — и въ нашъ премудрый вѣкъ
 Едва-ли Шаликовъ не вредный человекъ.
 Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
 Скажи, читаль-ли ты «Наказъ» Екатерины?
 Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
 Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
 Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
 Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
 Хотъ въ узкой головѣ придворнаго глупца
 Кутейкинъ и Христокъ — два равныя лица.
 Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной
 Ихъ горделивыя разоблачилъ кумиры. [лры
 Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ,
 Наперсникъ «Душеньки» двусмысленно шутилъ,
 Киприду иногда являлъ безъ покрывала —
 И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
 Ты что-же хмуришься? Признайся, въ наши дни
 Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлялись они.
 Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобою зеркало —
 Дней Александровыхъ прекрасное начало:
 Провѣдай, чтѣ въ тѣ дни произвела печать!

На поприщѣ ума нельзя вамъ отступать ..
 Старинной глупости мы праведно стыдимся.
 Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
 И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
 Нѣтъ, вѣтъ! оно прошло, губительное время,
 Когда невѣжества пелла Россія бремя;
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ не можетъ быть уже глупецъ.
 Исправся-жъ, будь умнѣй и примирился съ нами.
 «Все правда, скажешь ты, не стану спорить
 съ вами;

Но можно-ль цензору по совѣсти судить?
 Я долженъ то того, то этого щадить.
 Конечно, вамъ смѣшно, а я перѣдко плачу,
 Читаю, да крещусь — марую наудачу...
 На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Воль-
 теръ,

А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
 Я — бѣдный человѣкъ; къ тому-жъ жена и дѣти». —
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно,
 И службою своей ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.
 1824 г.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗУРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковского наслѣд-
 никъ,
 Позволь обнять тебя, мой прежній собесѣдникъ!
 Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
 Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости ли-
 шень,

Со всею братіей гонимый совокупно,
 Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
 Потѣшилъ языка бранчивую свербежь;
 Но извини меня, мнѣ было нестерпѣжъ.
 Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
 И бѣдной братіи стиховки разбирая
 (Теперь-же мнѣ читать охота и досугъ),
 Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
 Въ тебѣ и правилъ, и мысли образъ новый.
 Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
 И твердостью души, и смѣлостью ума.
 Какъ взумилася поэзія сама,
 Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
 Завѣтные слова: божественный, небес-
 ный —

И ими пазвалась (для риомы) красота.
 Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.
 Но чтѣ-же вдругъ тебя, скажи, переимѣнило
 И права твоего кичливость умирало?
 Свои посланія хоть очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;

Но, подразнивъ тебя, я переимѣной сею
 Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
 Отпесся я къ тебѣ по долгу своему;
 Но мнѣ-ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
 Сей важной новостью обязана Россія:
 Обдумавъ наконецъ намѣренія благія,
 Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ:
 Шишковъ уже паукъ правленье воспріалъ.
 Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь
 Священной памяти двѣнадцатаго года; [народа
 Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ
 любилъ:

Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
 Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ еди-
 Осиротѣлаго вѣнца Екатерины. [ный
 Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ,
 Омара да Гали пріавъ за образецъ,
 Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
 Усердно заглушить старался просвѣщенье.
 Благочестивая, смиренная душа
 Карала чистыхъ музъ, спасая Вантыша,
 И помогала ему Магницкій благородный,
 Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою пре-
 восходной,

И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
 Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
 И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи наkostenны руки
 Вы были преданы, печальныя науки!
 Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
 Но полно! мрачная година протекла,
 И ярче ужъ горятъ свѣтильники просвѣщенья.
 Я, съ переимѣною несчастнаго правленья,
 Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
 Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
 И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
 А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
 Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
 Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
 Права свои храни по долгу своему;
 Но скромной истинѣ, но мирному уму
 И даже глупости, невинной и довольной,
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ плодахъ досужнаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и правовъ супостата,
 То, славы автору желая отъ души,
 Махви, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.
 1824 г.

О Д А.

Его сиятельству графу дм. ив. хвостову
 съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится.¹ Кровь Эллады
 И рѣзво скачетъ,² и кипитъ.

Открылись грекамъ древни клады,³
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ.⁴
И се—летитъ дерзко судно
И мечетъ громы обоюдно:
Се Бейропъ, Феба образецъ,
Притекъ—но педугъ быстропарный,⁵
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесъ зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесъ реветъ!
Какъ здѣсь, ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здѣсь—почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейровомъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ—лордъ, графъ—ты! поэты оба!
Се, мнитсѣ, явно сходство есть—
Пикакъ! Ты съ вѣрною супругой⁶
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви—и, наконецъ,
Глубокъ онъ, но единообразенъ;
А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
И въ шалостяхъ ты—впрямъ пѣвецъ.

А я—невѣдомый пѣнта—
Въ восторгѣ новомъ воспою
Во слѣдъ пѣнта знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу⁷
И да блюдутъ твой мирный сонъ⁸
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиса, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхъ, Вакхъ, Харонъ.

1. Подражаніе Петрову, знаменитому нашему лирику.
2. Слово, употребленное весьма очастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ Грибоѣдову.

3. Подъ словомъ к л а д ы должно разумѣть правдивую невапстъ нывѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Милліадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.

4. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и не вѣстный противникъ свободы.

5. Горячка.

6. Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Въ многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темпроу.

7. Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу Графа Хвостова:

Къ тебѣ и руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи
Ввпрая на суда бѣгуща.

8. Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмрняетъ предъ нимъ дерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны,

дабы узрѣть того, кто впопслетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣвей поклонниковъ лже-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ пѣвца своего любимаго нѣвца; Геба подымлетъ кубокъ за здравіе его; Псиса въ образѣ Ниполита Богдановича, ему вавидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвращать своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхъ, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго пѣнты.

1824 г.

Ч Е Р Н Ы.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ, а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему бессмысленно внималъ.

И толковала чернь туная:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бречитъ? Чему насъ учить?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучить,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ, и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ: Молчи бессмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты—червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ-бы пользы все—на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но храморгъ сей нѣдъ—богъ!.. Такъ что-же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пицу въ немъ себѣ варишь.

Чернь: Нѣтъ, если ты—небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ—хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глушцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ: Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры

Бичи, темницы, топоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
 Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
 Сметають соръ — полезный трудъ! —
 Но, позабывъ свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
 Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ, —
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
 1828 г.

КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная калмычка!
 Чуть-чуть, на зло мопъ затѣй,
 Меня похвальная привычка
 Не увлекла среди степей
 Вслѣдъ за кибиткою твоей.
 Твои глаза, конечно, узки,
 И плосокъ носъ, и лобъ широкъ.
 Ты не лепечешь по-французски,
 Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
 По-англійски, предъ самоваромъ,
 Узоромъ хлѣба не крошишь,
 Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
 Слегка Шекспира не цѣнишь,
 Не погружаешься въ мечтанье,
 Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
 Не распѣваешь: Ma dov'è,
 Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
 Чтò нужды? — Ровно полчаса,
 Пока коней мы запрягали,
 Мнѣ умъ и сердце занимали
 Твой взоръ и дикая краса.
 Друзья! не все-ль одно и то-же:
 Забыться праздною душой
 Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
 Или въ кибиткѣ кочевой?
 1829 г.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ, ИЛИ РУССКІЙ МѢЩАНИНЪ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛОРДУ БАЙРОНУ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
 Писаки русскіе толпой
 Меня зовутъ аристократомъ:
 Смотри пожалуй... вздоръ какой!
 Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
 Я по кресту не дворянинъ,
 Не академикъ, не профессоръ,
 Я просто — русский мѣщанинъ.
 Понятна мнѣ временъ превратность,
 Не прекословлю, право, ей:
 У насъ пова рожденьемъ знатность,
 И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.

Родовъ униженныхъ обломокъ,
 И, слава Богу, не одинъ,
 Бояръ старинныхъ я потомокъ:
 Я — мѣщанинъ, я — мѣщанинъ!
 Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
 Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ,
 Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
 Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
 И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
 Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ;
 Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ —
 Я, слава Богу, — мѣщанинъ.

Мой предокъ Радша службой бранной
 Святому Невскому служилъ;
 Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный —
 Иванъ Четвертый — пощадилъ.
 Водились Пушкины съ царямъ;
 Изъ нихъ былъ славень не оданъ,
 Когда тягала съ поляками
 Нижегородскій мѣщанинъ.
 Смиривъ крамолы и коварство
 И ярость бранныхъ непогодъ,
 Когда Романовыхъ на царство
 Звалъ въ грамотѣ своей народъ —
 Мы къ оной руку приложили;
 Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
 Бывало, нама дорожили;
 Но я... я — темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
 Въ родню свою неукротимъ,
 Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
 И былъ за то повѣшенъ имъ.
 Его примѣръ будь намъ наукой!
 Не любятъ споровъ властелинъ,
 Не всякъ — князь Яковъ Долгорукій,
 Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
 Средь Петергофскаго двора,
 Какъ Мининъ, вѣренъ оставался
 Паденью Третьяго Петра.
 Попали въ честь тогда Орловы,
 А дѣдъ мой — въ крѣпость, въ карантинъ.
 И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
 И я родился — мѣщанинъ.
 Подъ гербовой моей печатью
 Я свитокъ грамотъ схоронилъ.
 И не якаясь съ новой знатью,
 Я крови спѣсь угомонилъ.
 Я — неизвестный стихотворецъ,
 Я Пушкинъ просто, — не Мусинъ.
 Я — самъ большой, не чаредворецъ:
 Я — грамотей, я — мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
 Рѣшилъ, что дѣдъ мой, Ганнибалъ,
 Былъ купленъ за бутылку рома
 И въ руки шкиперу попалъ.
 Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
 Кѣмъ наша двинулась земля,

Кто придалъ мощно бѣгъ державный
 Кормѣ родного корабля;
 Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
 И сходно купленный аранъ
 Возростъ усерденъ, неподкупенъ,
 Царю наперсникъ, а не рабъ.
 И былъ отецъ онъ Ганнибала,
 Предъ кѣмъ, среди гибельныхъ пучинъ,
 Громада кораблей вспылала
 И палъ впервые Наваринъ.
 Рѣшилъ Фигляривъ вдохновенный:
 Я во дворянствѣ — мѣщанинъ.
 Что-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
 Онъ?.. Онъ—въ Мѣщанской дворянинъ.
 1830 г.

* * *

О муза пламенной сатиры,
 Прийди на мой призывный кличъ!
 Не нужно мнѣ гремѣщей лиры,
 Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
 Не подражателямъ холоднымъ,
 Не переводчикамъ голоднымъ
 И не поэтамъ милыхъ дамъ
 Готовлю язву эпиграммъ!
 Миръ вамъ, смиренны поэты!
 Миръ вамъ, несчастные глупцы!
 А вы, ребята-подлецы,
 Впередъ! Всю вашу сволочь буду
 Я мучить казню стыда,
 А если я кого забуду—
 Прошу напомнить, господа!
 О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ
 О, сколько лбощъ широко-мѣдныхъ
 Готовы отъ меня принять
 Нензгладимую печать!
 1830 г.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛА.

подражаніе латинскому.

Ты угасалъ, богачъ молодой:
 Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
 Ужъ смерть являлась за тобой
 Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
 Она, какъ втершійся съ утра
 Занмодавецъ терпѣливый,
 Торча въ передней молчаливой,
 Не трогалась съ ковра.
 Въ померкшей комнатѣ твоей
 Врачи угрюмые шептались;
 Твоихъ наслѣдниковъ, цирцей,
 Смущеньемъ лица орачались;
 Вдыхали вѣрные рабы
 И за тебя боговъ молили,
 Не зная въ страхѣ, чтѣ сулили
 Имъ тайныя судьбы.
 А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
 Какъ воронъ, къ мертвечинѣ надкѣн.

Блѣднѣлъ и трясся падъ тобой,
 Знобимъ стяжанья лихорадкой.
 Уже скупой его сургучъ
 Пятналъ замка твоей конторы,
 И мнилъ загрестъ онъ злата горы
 Въ пыли бумажныхъ кучъ.
 Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
 Не стану няпщитъ ребятишекъ;
 Я самъ вельможа буду тожъ,
 Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
 Теперь мнѣ честность—трынь-трава!
 Жѣну обчитывать не буду
 И воровать уже забуду
 Казенныя дрова!»

Но ты воскресъ. Твои друзья,
 Въ ладони хлоная, ликуютъ,
 Рабы, какъ добрая семья,
 Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
 Бодрится врачъ, поднявъ очки;
 Гробовый мастеръ взоры клонить;
 А вмѣстѣ съ нимъ приказчикъ гонить
 Наслѣдника въ толчки.
 Такъ, жизнь тебѣ возвращена
 Со всею прелестью своею;
 Смотри: безцѣнный даръ она,—
 Умѣй-же пользоваться ею;
 Укрась ее: года летятъ;
 Пора! введи въ свои чертоги
 Жѣну-красавицу—и боги
 1835 г. Вашъ бракъ благословятъ.

* * *

Когда великое свершалось торжество
 И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
 Тогда по сторонамъ животворяща древа
 Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
 Стояли двѣ жены,
 Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честного,
 Какъ будто у крыльца правителя градского,
 Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ свя-
 тыхъ—
 Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
 Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
 Или распятіе — казенная поклажа,
 И вы боитесь воровъ или мышей?
 Иль мните важности придать царю царей?
 Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
 Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
 Христа, предавшаго послушно плоть свою
 Вичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
 Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
 Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
 И чтобъ не потѣснили гуляющихъ господъ,
 Пускай не велѣно сюда простой народъ.
 1836 г.

ЭПИГРАММЫ.

* * *

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...

Мы ждали драму золотую.
И что-же? Дождались—и нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Пре жалостну піесу.

1814 г.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Супругою твоею я такъ плѣнился,
Что если-бъ три въ удѣл достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ я-бъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

1814 г.

НЕСЧАСТЬЕ КЛИТА.

(на КЮХЕЛЬБЕКЕРА).

Внукъ Тредьяковскаго, Клитъ гекзаметромъ пѣ-
сенки пишетъ,
Противу ямба, хорей злобой ужасною дышетъ;
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
Смыслъ затмеваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ
пінта.

Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвин-
ныхъ новоситъ;
Ямбъ охлаждалъ рюмача, гекзаметры-жъ онъ
заморозитъ.

1814 г.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдъ ленту голубую.
— Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

1814 г.

* * *

Бывало, прежнихъ лѣтъ герой,
Окончивъ славу брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный
Повѣсилъ уши. [бой.]

1815 г.

ЭПИТАФИЯ.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

1816 г.

Сочиненія А. С. Пушкина.

НАДШІСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно-бъ его продалъ.

1816 г.

НА ЛИЦЕЙСКАГО ДЯДЬКУ, ОКАЗАВШАГОСЯ УБИЙЦЕЙ.

Завтра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ.
Но былъ ужъ смерти подлѣ кося:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель—лекаремъ моимъ!

1816 г.

НА ПУЧКОВУ.

1.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Эва,
Хлопочешь ты о женихѣ.

2.

Пучкова, право не смѣшва:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу нива-
лидамъ.

3.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ престестномъ полѣ
Вѣдъ заслуженный инвалидъ.

1816 г.

НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ;
Онъ пѣсни пишетъ зло;
Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ;
Влюбленъ, какъ Буало.

1816 г.

* * *

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
Какъ безпокоюсь я! три ночи,
Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
— Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

1816 г.

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ—и въ Лету
Бухъ!

1817 г.

* * *

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ—я празденъ, я безъ дѣ
А ты—бездѣльникъ дѣловой.

1817 г.

* *

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ взрядный.
Эмилій человекъ пустой».
— Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой!
Ты полонъ дрянн. милый мой!
1817 г.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несомнѣвъ Фирсъ ученый.
Педаггъ надутый и мудреый:
Онъ важно судить обо всемъ,
Всего онъ знаетъ повемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Нахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу!

1817 г.

НА КН. А. Н. ГОЛЫЦЫНА.

Вотъ Хвостовой покровитель.
Вотъ холопская душа.
Просвѣщеніягонитель.
Покровитель Бантыша.
Наипрайте. Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!..
Не попробовать-ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

НА ФОТІЯ.

Полу-фанатикъ. полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ—
Проклятье, мечъ, и крестъ и квутъ.
Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
Поменьше пастырей такихъ—
Полублагихъ, полусвятыхъ.

1818 г.

НА КАРАМЗИНА.

1.

Послушайте, я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ. про время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
— И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи лучше намъ Илью-богатыря.

2.

На плаху истину влача,
Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

1818 г.

3.

Въ его исторіи изыскность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелесть квута.

1819 г.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю.
Люблю Россіи честь.
Я много общаю,
Исполню-ли—Богъ вѣсть.

1818 г.

НА ДЕНЬ КЪ.

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ-два-три уединенно:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденно. 1818 г.

НА А. М. КОЛОСОВУ.

Все плѣняетъ насъ въ Эсонри.
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ.
Голосъ вѣжнѣй, взоръ любви.
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!

1819 г.

НА Ж. О.

Изъ савана одѣлся онъ въ лаврею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся
И что-же вышло наконецъ?
Предъ зватыми сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею—
Вѣднѣй пѣвецъ!

1819 г.

ПАРОДІЯ.

на стихотвор. жуковского «тѣньность».
Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если это—проза.
Да и дурная?..

1819 г.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

I.

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
Во тѣмѣ, въ пыли, въ презрѣннхъ посѣдѣлѣй.
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
«Затѣйникъ золь!» съ улыбкой скажетъ глупость;
«Невѣжда глупъ!» зѣвая, скажетъ умъ.

1820 г.

II.

Когда-бъ писать ты началъ съ-дурю.
Тогда-бъ навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ увидѣшь въ царствѣ небесъ.

1820 г.

* *

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневного пропитанья—
Ежемесячнымъ враньемъ.

1821 г.

НА О. И. ТОЛСТОГО.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
 Былъ онъ долго погруженъ:
 Долго всѣ концы вселенной
 Осквернялъ развратомъ онъ.
 Но, исправясь понемногу,
 Онъ загладилъ свой позоръ.
 И теперь онъ, слава Богу,
 Только-что картежный воръ.
 1820 г.

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
 Губернаторовъ мучитель,
 И Совѣта онъ учитель,
 А Царю—онъ другъ и братъ.
 Полонъ злобы, полонъ мести,
 Везъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
 Кто-жъ онъ, «преданный безъ лести»?
 Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ.!
 Благодарн свою судьбу:
 Ты стоишь лавровъ Герострата,
 Иль смерти вѣнца Коцебу...
 А впрочемъ—
 1820 г.

* *

Вотъ муза, рѣзвая болтуня.
 Которую ты такъ любилъ.
 Она раскаялась, шалуня:
 Придворный тонъ ее плѣнилъ.
 1821 г.

* *

Составленъ онъ изъ подлой спѣси;
 Я не видалъ негоднѣй смѣси:
 Въ сраженіи онъ—трусъ. въ трактирѣ онъ
 —бурлакъ,
 Въ передней онъ—подлецъ, въ гостини онъ
 —дуракъ.
 1821 г.

* *

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ;
 Ты боленъ: это—не мечты.
 И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
 Когда безъ носу будешь ты.
 1821 г.

* *

Лизѣ страшно полюбить—
 Полно, нѣтъ-ли тутъ обмана?
 Берегитесь: можетъ быть,
 Эта новая Діана
 Притаила пѣжну страсть,
 И стыдливymi глазами
 Ищетъ робко между вами.
 Кто-бы ей помогъ упасть.
 1821 г.

* *

Тодорашка въ васъ влюбленъ
 И для вашихъ пожекъ.
 Говорять, заводитъ онъ
 Родъ какихъ-то дрожекъ.
 Намъ приходвтъ пелегко!
 Какъ неосторожно!
 Охъ, на дрожкахъ далеко
 Вамъ уѣхать можно.

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ—портной, вашъ дядя—поваръ.
 А вы,—вы знатный господинъ:
 Таковъ объ васъ народный говоръ.
 Высокородный Сѣверинъ.
 Потому предковъ благородныхъ,
 Увы, никто въ моей родѣ
 Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
 И не варитъ обѣда мнѣ.
 1822 г.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(В. И. ПАНАЕВУ).

Куда ты холоденъ и сухъ!
 Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
 Какъ въ изобрѣтеніяхъ ты бѣденъ!
 Какъ утомляешь ты мой слухъ!
 Твоя пастушка, твой пастухъ
 Должны ходить въ овчинной шубѣ:
 Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
 Гдѣ ты пашель ихъ? Въ шустеръ-клубъ
 Или на Красномъ-кабакѣ?
 1822 г.

* *

У Кларисы девегъ мало,
 Ты богатъ—иди къ вѣнцу:
 И богатство ей првстало,
 И рога тебѣ къ лицу.
 1822 г.

* *

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
 Съ счастьемъ у васъ разладъ:
 И прекрасны вы не кстаетъ.
 И умы вы не впадаютъ.
 1822 г.

* *

Иной имѣлъ мою Аглаю
 За свой мундиръ и черныи усь,
 Другой за деньги—понимаю;
 Другой за то, что былъ французъ,
 Клеонъ—умомъ ее стращая,
 Дамисъ—за то, что пѣжно пѣлъ:
 Скажи теперь, моя Аглая,
 За чтѣ твой мужъ тебя имѣлъ?
 1822 г.

* *

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили
вслухъ,
Что врядъ-ли гдѣ ослонъ найдешь подобныхъ
двухъ.
Явился Вируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умѣй покойный былъ Тимковскій.
1824 г.

ЭПИГРАММА НА Z**.

Воспитанный подъ барабаномъ.
Нашъ Z** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ;
Но фрунтъ герою надоѣлъ —
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.
1824 г.

НА ВОРОНЦОВА.

Полумилордъ, полукунецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда.
Что будетъ полнымъ наконецъ.
1824 г.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАВОДНЕНИЕ.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Вестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣльномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.
1824 г.

* *

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зомль
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.
1824 г.

* *

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ — богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ — онъ богъ садовъ.
1824 г.

НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ.

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна.
Ты къ батюшкѣ была добра;

Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный (камер. Солпшевъ)
Встрѣчалъ всегда среди двора,
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣевной (сестра поэта),
Со Львомъ Сергѣичемъ (братъ поэта) давно-ль,
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ, и соль?
И потъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропиль...
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій, пропустилъ?
1824 г.

НА ВОЦАРЕНІЕ СУЛТАНА.

Сказалъ деспотъ: «Мои сыны,
«Законы будутъ намъ даны:
«Я возвращу вамъ дни златые
«Благословенной старины!» —
И, диву давшись, Османлія
Надѣла съ выпушкой штаны.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА.

(на м. т. каченовскаго).

Какъ, живъ еще курилка-журналистъ? —
Живехонекъ! все такъ-же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глухъ, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку. —
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вопющую лучинку?
Какъ уморить курилку моего!
Дай мнѣ совѣтъ. — Да... плюнуть на него.
1825 г.

EX UNGUE LEONEM.

(на каченовскаго).

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи-жъ пустилъ ее, злодѣй.
Но что-жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.
1825 г.

ПРОЗАНКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозанкъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рпемой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!
1825 г.

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ,
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрова милѣй,
А твой зонлъ—прямой чухонецъ.
1825 г.

С О В Ѣ Т Ъ .

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
Не разсуждай, не трать учивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальный:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый,
Сердиться грѣхъ—но заманись и вдругъ
Прихлонни ихъ проворно энграммой.
1825 г.

* *

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ
И умеръ въ Тагапрогѣ.
1825 г.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразный
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно к у к у свое твердятъ.
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску.
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ к у к у.
1825 г.

НА А. Н. МУРАВЬЕВА.

Лукъ звенить, стрѣла тренещетъ,
И клубяся издохъ Пнеонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто-жъ вступился за Пнеона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!
1827 г.

КН. А. А. МЕЩЕРСКОЙ.

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой—что годъ, то больше лѣтъ,
А ты—что годъ, то все моложе.
1827 г.

* *

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! весталка,
Тебя миѣ жалко!

1827 г.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

—Что-жъ новаго? «Ей-Богу ничего».
—Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно-ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердить? Помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново».
1828 г.

СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохоты коровки—
Есть, право, менѣ булавочной головки.
Крыловъ

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ ни рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка—Божія коровка,
Вотъ Каченовскій—злой паукъ,
Вотъ и Свинынь—россійскій жукъ,
Вотъ Олимпъ—черная мурашка.
Вотъ Раячъ—мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на энграммахъ.
1828 г.

* *

Невѣдомскій—поэтъ, невѣдомый пикѣмъ,
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.
1828 г.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

1.

(ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ).

Въ элизѣн Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ общалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей пренолезный трудъ,
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подослѣлъ Михайло Каченовскій.

2.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранный
Возраженій я не ждалъ,
Справедливы-ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно-ль такъ?
Въ полученѣ оплеухи
Расписался мой дуракъ?

3.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,

Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный «Вѣстникъ» свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ вѣицу живою.

4.

Обиженный журналами жестоко,
Зоня Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ подаль онь на цензора допосъ;
Но цензоръ правъ; вамъ— смѣхъ, Зоню— носъ.
Иная брань, конечно, непримѣна.
Нельзя сказать: «такой-то-де старикъ,
Козель въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь, и подль»— все это будетъ личность;
Но можете печатать, папримѣръ,
Что «господинъ париасскій старовѣръ
Въ своихъ статьяхъ нелѣпцы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ.
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ—не лицо, а только—литераторъ.

1829 г.

НА НАДЕЖДИНА.

1.

Мальчишка Фебу глянцъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
—Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»
За симъ принесть семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертаций.
И Фебу вслухъ прочелъ Гораціи,
Кусая губы, первый листъ.
Огяжелѣвъ, какъ отъ дурмана.
Сердито Фебъ его прервалъ
И тотчасъ взрослого болвана
Поставить въ палки приказалъ.

1829 г.

2.

П Р И Ч А.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ-ли нага?»
Но Апеллесъ прервалъ петерфильно:
—Суди, дружокъ, не выше санаго.—
Есть у меня пріятель на примѣтъ:
Не вѣдаю, въ какомъ-бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хотъ строго онь на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онь судить о сапогахъ.

1829 г.

3.

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоня меня ругалъ;
Но потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
И возгоря желаньемъ славы.
Теперь надѣясь на отвѣтъ,
Журнальчикъ шутъ, холопъ лукавый,
Ругать-бы также сталъ... О, вѣтъ!
Пусть онь, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ;
Лакей, сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ баринкомъ расчетъ
1829 г.

ПЕРЕДЪ БЮСТОМЪ.

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ;
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

1829 г.

*

Поэтъ-пгрокъ, о Беверлей-Гораціи,
Пронгрывалъ ты кучи ассигнаціи,
И серебро, наслѣдіе отцовъ,
И лошадей, и даже кучеровъ;
И съ радостью на карту—на злодѣйку
Поставилъ-бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда-бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

1829 г.

КЪ X. X.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ:
Ты—St.-Priest въ карикатурахъ.
Ты—Нелединскій въ стихахъ.
Ты прострѣленъ на дуэль,
Ты разрубленъ на войнѣ—
Хотъ герой ты въ самомъ дѣлѣ.
Но повѣса ты вполне.

1829 г.

**

Глухой глухого звалъ на судъ судни глухого.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова!»
—Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.—
Судья рѣшилъ: «почто идти намъ братъ на брата?
Ня тотъ в ни другой, а дѣвка виновата!»
1830 г.

НА О. В. БУЛГАРИНА.

1.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты—Видокъ Фигляринъ.
1830 г.

2.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасъ ты—цыганъ.
Что въ свѣтѣ ты—Видокъ Флюгаринъ,
Бѣда, что скученъ твой романъ.
1830 г.

3.

Ты пѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.
1830 г.

4.

Фигляринъ—вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь;
Взгляните, какъ въ груди сей пѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ—
Патріотическій предатель.
Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ—ужъ писатель,
Ужъ русскій, къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодя
И русскихъ братствомъ запятналъ.
1830 г.

5.

Всѣ говорятъ, онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я, поэтъ, не лицемѣрю:
Согласенъ я—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ—не вѣрю.
1831 г.

6.

Оаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра—
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра?
1831 г.

* *

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я француза дружбѣ,
Любви къ Россіи поляка
И безкорыстью вѣнца къ службѣ.
1830 г.

* *

Сошлись школьники и искорѣ
Однѣ изъ нихъ кой-какъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума—не рецензента горе.

* *

«Сыны Отечества» и «Вѣстники Европы»
Полезны для ума, а болѣе для....

НА КНЯЗЯ ШАЛИКОВА.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читаль,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ ними съ трепетомъ держаль.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ...
«Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!»
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:
«Откройся, милый сынъ натуры!»
«Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?»
А тотъ въ отвѣтъ:—мнѣ хочется на дворъ.

НА ПОЛЕВЫХЪ.

1.

Онъ третьей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатель,
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлецъ.

2.

Нѣтъ подлѣе до Алтая
Полевого Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Иопта
Полевого Ксенофонта.

НА СМЯРДИНА.

Смярдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

НА Л. С. ПУШКИНА.

Нашъ пріятель, Пушкинъ Лѣвъ,
Не лишень разсудка;
Но съ тамбаскимъ жирный пловъ
И съ груздяи утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Сялою желудка.

Стихотворенія антологическія,
описательныя, идилліи, пѣсни

и думы

П Ъ С Н И.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса.
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши: твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.
Подъ сѣнью иотанной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенный
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.
Накинуть ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часть любви
Летитъ—я весь горю желаньемъ!
Спѣши, о Делія, свиданьемъ;
Пади въ объятія мои!
1812 г.

Д Е Л І Я.

Ты-ль передо мною, Делія моя? Разлученъ съ тобою, Сколько плакалъ я! Ты-ль передо мною. Или сонъ мечтою Оболилъ меня? Ты узнала-ль друга? Онъ не то, что былъ; Но тебя, подруга, Все-жъ не позабылъ;	И твердитъ унылый: Я любилъ-ли милую, Какъ, бывало, былъ? Что теперь сравнится Съ долею моей? Вотъ слеза катится По щекѣ твоей... Делія стыдится... Что теперь сравнится Съ долею моей? 1812 г.
--	---

И З М Ъ Н Ы.

(къ графинѣ н. в. кочубей).

«Все миновалось! Мимо промчалось Время любви. Страсти мученья! Въ мракѣ забвенья Скрылися вы. Такъ, я премѣны Сладость вкусилъ; Гордой Елены Цѣпи забылъ. Сердце, ты въ волѣ! Все позабуду;	Въ новой сей долѣ Счастливо будь. Только весною Зсфиръ младою Розой плѣненъ; Въ юности страстной Былъ я прекрасной Въ сѣтъ увлеченъ. Нѣтъ, я не буду Впредь воздыхать, Страсть позабуду— Полно страдать!
--	---

Скоро печали Встрѣчуконецъ. Ахъ, для тебя-ли, Юный пѣвецъ, Прелесть Елены Розой цвѣтеть?... Пусть весь народъ, Ею прельщенный, Вслѣдъ за мечтой Мчится толпой; Въ мирномъ жилищѣ, На пепелищѣ, Въ чашѣ простой Стану въ смиреньи Черпать забвенье, И для друзей Рѣзвой рукою Двигать струною Арфы моей».	Ранней порой Гонить листочекъ Съ рѣзвой волной— Такъ непрестанно Непостоянной Страстью игралъ; Лилу, Темпиру, Всѣхъ обожалъ; Сердце и лиру Всѣмъ посвящалъ. Что-же...? Напрасно Съ груди прекрасной Шаль я срывалъ. Тщетны измѣны! Образъ Елены Въ сердцѣ пылалъ! Ахъ, возвратися, Радость очей! Хладна, тронися Грустью моею! Тщетно взываешь, Бѣдный пѣвецъ; Нѣтъ, не встрѣчаешь Мукамъ конецъ... Такъ до могилы Грустенъ, унылый, Крова ищи; Всѣми забытый, Терномъ увиты Цѣпи влачи... 1812 г.
--	---

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя улаждалъ,
Въ сердцѣ возженный
Образъ Елены
Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Ювую Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ

Л Е Д А.

(кантата, подражаніе парни).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокому тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Воздувалась пѣва вода сребристыхъ,
Колелея тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ—
И прелесть ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый.
Будь-же скромнѣе, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Измѣнить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ.
Тихо дышетъ свѣжана грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ.
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ предестной тишинѣ;
Нимфа далѣе ступаетъ.
Робко ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ возшу-
мѣло,

И чувство робости прекрасной овладѣло;
Невольно вздрогнула, не въ силахъ вдохнуть;
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоенной ивы,

Расирава крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,

Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольца шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ Ледой кловитъ.

Леда смѣется;
Вдругъ раздается
Радости кликъ...
Видъ сладострастный:
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь привикъ.
Слышно стенанье;
Нинфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томлоньяхъ въздыхая,
И что-жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она поконится въ объятіяхъ Зевеса;

Межъ ними юная любовь—
И пала тайнства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы—дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таятся
Часто пламенный Эроть;
Съ холодной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ нѣвѣ водѣ.

Симъ примѣромъ научитесь.
Розы—дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды.

1814 г.

ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАНСЫ,

при посвященіи ей зеркала.

Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда;
Богиня красоты прекрасна будетъ вѣкъ:
Съ того времени ей не страшна обидя:

Она—не смертный человѣкъ;
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

1814 г.

КРАСАВИЦѢ,

которая нюхала табакъ.

Возможно-ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажден-
Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ, [выхъ,
Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила.
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей—
Возможно-ль, милая Клемена?

Какая странная во вкусѣ перемѣна!
Ты любишь обовать не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зеленую,
Искусствомъ превращенну
Въ пушистый порошокъ!

Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена.
На старой касседрѣ согнувшись дугой,
Вперивъ въ латынщину глубокой разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толченный

Пихаетъ въ длинный носъ пзсохшею рукою;
Пускай молодой драгунъ усаыый,
Поутру сидя у окна,
Стаканы сушить всѣ до дна,
И чтобъ прогнать остатокъ сна,

Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣро ватый
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,

Чаекъ въ-прикуску попиваетъ
И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ...
Злословитъ, молится, зѣваетъ;

А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ,
Такъ нравится тебѣ... о пылъ воображенья!
Ахъ! если-бъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ заточеньѣ,

Я въ нереты нѣжные твои попасться могъ;
Тогда-бъ, въ сердечномъ восхищеньѣ,
Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
И даже, можетъ быть... но что? мечта пустая!

Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая!
Ахъ!.. отчего я не... табакъ!

1814 г.

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минутою переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Время тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ—
Тотъ не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспорить—
Радъ не радъ, а дверь отворишь,
Какъ проказливый Эроть
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости, любовь!

За богиней слѣвою,
Не за Хлоей полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумный,
Оглянулся... и Эроть
Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покажѣсть жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ!
Веселиться—мой законъ;
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эроть
У могильныхъ ужъ воротъ.
1814 г.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ журча въ травѣ душистой.
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Нѣлъ влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ унылы трели
Повторялъ въ глуши долины...

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чититель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрмиевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ, виномъ налитый.
У сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушала нѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.
«Дни, протекшіе въ весельи
(Нѣлъ въ тоскѣ пастухъ молодой),
Отчего, явись мечтой,
Вы, какъ тѣнь, изъ глазъ исчезли
И покрылись вѣчной тьмой?
Ахъ! когда я въ мракѣ ношя,
При таинственной лунѣ,
Въ темну сѣнь прохладной рощи,
Сладко спящей въ тишинѣ,
Медленно, рука съ рукою,
Съ вѣжвой Хлоей приходилъ,
Кто сравнится могъ со мною?
Хлоѣ былъ тогда я милъ!

«А теперь мнѣ жизнь—могила,
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
Хлоя другу измѣнила!..
Я для милой... ужъ не милъ!..»

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ и вѣнецъ—и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышю, плещетъ лишь волна,
И колыхетъ наваялкой
Тихо-вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Нѣвистымъ серебромъ виномъ,
Рекъ съ ослабленнымъ лицомъ:
«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри-жь, какъ онъ прозраченъ
Блещетъ, освѣтятся луной!
Выпей чашу—и душой
Будешь такъ-же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: стоишь въ бѣдахъ наврасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»
И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро вынулъ всю до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ;
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливы юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью... во въ глазахъ
Видъ окрестный потемнѣлъ—
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, сатиръ, меня»,
Говорятъ пастухъ со вздохомъ:
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я же въ силахъ вѣчно пить».
—Слушай, юноша любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства и тѣкъ лови;
Помни дружбы воставляя:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жь теперь, съ похмѣльемъ,
Съ Купидономъ похирись;
Позабудь его обиды,
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись!

1814 г.

ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный часъ насталь,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣ скатерть и бокалъ!
Сюда вино златое!
Шини, шампанское, въ стеклѣ!
Друзья! почто-же съ Кантономъ

Севека, Тащить на столѣ,
 Фольявтѣ надъ фоліавтомъ?
 Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ—
 Мы подемъ овладѣмъ!
 Подъ столъ учевыхъ дураковъ—
 Безъ нихъ мы пить умѣемъ!
 Ужели трезваго найдемъ
 За скатертью студента?
 На всякій случай изберемъ
 Скорѣе президента.
 Въ награду пьянымъ онъ вальетъ
 И пуншъ, и грогъ душистый;
 А вамъ, спартавцы, подвесетъ
 Воды въ стакавъ чистой.
 Апостолъ вѣги и прохлада,
 Мой добрый Галичъ, vale!
 Ты—Эпикуровъ младшій братъ.
 Душа твоя въ бокалѣ.
 Главу вѣвками убери—
 Будь нашимъ президентомъ,
 И станутъ самые цари
 Завидовать студентамъ.
 Дай руку, Дельвигъ! чтѣ ты спишь?
 Просвись, лѣвивецъ совный!
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Латыню усыпленный.
 Взглянувъ, здѣсь кругъ твоихъ друзей,
 Бутылъ виномъ валига.
 За здравье нашей музы пей,
 Парнаасскій волокита!
 Острякъ любезный! по рукамъ! (Д. Иллйчевскій)
 Полюй бокалъ досуга,
 И вылей сотню эпиграммъ
 На ведруга и друга!
 А ты, красавецъ молодой,
 Сіятельный повѣса! (Кн. А. М. Горчаковъ)
 Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее—завѣса!
 Хотя студентъ, хотя я пьявъ,
 Но скромность почитаю;
 Придвинь-же пѣвистый стакавъ:
 На все благословляю.
 Товарищъ милый, другъ прямой! (И. Пущинъ)
 Тряхнемъ рукою руку,
 Оставимъ въ чашѣ круговой
 Педавамъ сродну скуку.
 Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
 Нерѣдко и бранимся,
 Но чашу дружества вальемъ,
 И тотчасъ помиримся.
 А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
 Однимъ веселемъ дышешь! (М. Л. Яковлевъ)
 Забавный, право, ты поэтъ,
 Хотъ плохо басви пишешь.
 Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
 Люблю тебя душою,
 Наполни кружку до краевъ—
 Разсудокъ, Богъ съ тобою!
 А ты, повѣса изъ повѣсѣ, (И. В. Малиновскій)
 На шалости рожденный,

Удалый хватъ, головоуѣзъ,
 Пріятель задушевный!
 Бутылки, рюмки разобьемъ
 За здравіе Платова,
 Въ казачью шапку пуншъ палемъ—
 И пить давайте споза.
 Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ. (Н. А. Корсаковъ)
 Воспой властителя сердецъ
 Гитары тихимъ звономъ:
 Какъ сладоство въ стѣсненну грудь
 Томлевыя звуковъ льется;
 Но мнѣ-ли страстью вздохнуть?—
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.
 Не лучше-ль, Роде записной, (М. Л. Яковлевъ).
 Въ честь Вакховой станицы
 Теперь скрипѣтъ тебѣ струвой
 Разстроенной скрипицы?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что несладко;
 Охрипли?... Это—не бѣда:
 Для пнявыхъ все вѣдь ладно.
 Но чтѣ я вижу все вдвоемъ:
 Двоится штофъ съ аракомъ,
 Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ...
 Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
 Скажите, Вакха ради!
 Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради.
 Писатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
 Вилгельмъ, прочти свои стихи, (Кюхельбекеръ)
 Чтѣбъ мнѣ заснуть скорѣе.
 1814 г.

РОМАНСЪ.

Подъ-вечеръ, осенью ненастной,
 Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
 И тайный плодъ любви несчастной
 Держала въ трепетныхъ рукахъ.
 Все было тихо: лѣсъ и горы,
 Все спало въ сумракѣ вочномъ;
 Она внимательные взоры
 Водила съ ужасомъ кругомъ,
 И на вевивномъ семъ твореньѣ,
 Вздохнувъ, остановила ихъ...
 «Ты спишь, дитя, мое мученье...
 Не знаешь горестей моихъ!
 Откроешь очи я, тоскуя,
 Ты къ груди не прильнешь моей,
 Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
 Несчастной матери твоей!
 Ее манить напрасно будешь!
 Мнѣ вѣчный стыдъ—вина моя!
 Меня на вѣки ты забудешь...
 Но не забуду я тебя
 Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
 И скажутъ: ты для насъ—чужой!

Ты спросишь: гдѣ мои родные?

И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой

Томиться межъ другихъ дѣтей

И до конца съ душой угрюмой

Взирать на ласки матерей.

Повсюду странникъ одинокій,

Всегда судьбу свою кляня,

Услышишь ты упрекъ жестокой...

Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... позволь тебя, несчастный,

Прижать къ груди въ послѣдній разъ.

Законъ несправедливый, ужасный,

Къ страданью осуждаетъ насъ.

Пока лѣта не отогнали

Невинной радости твоей,

Спи, милый,—горькія печали

Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!»

Но вдругъ за рощей освѣтила,

Вблизи ей, хижину луна.

Блѣдна, трепещуща, уныла,

Къ дверямъ приблизилась она.

Склонилась, тихо положила

Младенца на порогъ чужой,

Со страхомъ очи отвратила—

И скрылась въ темнотѣ ночной.

1814 г.

Но, ахъ! что съ тобою,

Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,

Сиѣшить пастушокъ—

Нога ослабѣла,

Скользнуть башмачокъ.

И вѣтвь затрещала,

Бѣда! смерть грозитъ!

Пастушка упала,

Но, ахъ! какой видъ...

Сучекъ преломленный

За платье задрѣлъ,

Пастухъ удивленный

Всю прелесть узрѣлъ...

Пастушку несчастну

Съ сучка тихо снялъ

И грудь свою страстну

Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла

Въ двухъ пылкихъ

сердцахъ,

Любовь прилетѣла

На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій

Двухъ юныхъ сердецъ,

Въ любви ожиданій

Супругамъ вѣнецъ...

1815 г.

СТАРИКЪ.

(изъ марота).

Ужъ я не тотъ любовникъ страстный,
Кому дивился прежде свѣтъ:

Моя весна и лѣто красно

Навѣкъ прошли, проналъ и слѣдъ.

Амуръ, богъ возраста молодого!

Я твой служитель вѣрный былъ:

Ахъ, еслибъ могъ родиться снова,

Ужъ такъ-ли-бъ я тебѣ служилъ!

1815 г.

ВНИМАНИЕ.

Румяной зарею

Покрылся востокъ,

Въ селѣ за рѣкою

Потухъ огонекъ.

Росой окропились

Цвѣты на поляхъ,

Стада пробудились

На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые

Плывутъ къ облакамъ.

Пастушки младыя

Слѣшать къ пасту-

хамъ.

Съ журчаньемъ стре-

мится

Источникъ межъ горъ,

Вдали золотится

Во тмѣ снѣгъ боръ.

Пастушка младая

На рынокъ сиѣшить,

И вдаль, прииѣвая,

Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ

На полныхъ щекахъ,

Невинность блистаетъ

На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою

Коса убрана,

И ножка собою

Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта

Вся прелесть грудей,

Приманка людей.

Пастушка приходитъ

Въ вишнякѣ густой,

И много находитъ

Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ пре-

красенъ

Красотку манить,

Но путь къ нимъ опа-

сенъ—

Вѣднѣжку страшить.

Подумавъ, рѣшилась

Сихъ вишень поѣсть,

За вѣтвь ухватила

На дерево взлѣсть.

Уже достигаетъ

Награды своей

И робко ступаетъ

Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою—

И вишня твоя,

ВОДА И ВІНО.

Люблю я въ полдень воспаленный

Прохладу черпать изъ ручья,

И въ рощѣ тихой, отдаленной

Смотрѣть, какъ плещетъ въ берегъ струя;

Когда-жъ вино въ края поскачетъ,

Напѣваясь въ чашѣ круговой,

Друзья, скажите—кто не плачетъ,

Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный,

Кто первый грѣшною рукой,

Нечестиемъ буйнымъ ослѣпленный,

О страхъ, смѣсиль вино съ водой!

Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!

Пускай не въ силахъ будетъ пить,

Или, стаканами владея,

Лафитъ съ цимлянскимъ разливать.

1815 г.

ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною,

Товарищи, друзья!

Красоткой удалю

Въ конецъ измученъ я,

Всечасно я тоскую;

Горька моя судьба!

Несите-жъ круговую,

Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится
 Бутылокъ гордый строй,
 И портера таятся
 Боченокъ вышисной.

Нашъ Либеръ, занкаясь,
 Къ нему покажетъ путь:
 Пойдемте всѣ, шатаясь,
 Подъ бочками заснуть!

Въ нихъ сердца утѣшенье,
 Награда для иѣвцовъ,
 И мукъ любви забвенье,
 И жаръ моихъ стиховъ.

1815 г.

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна.
 На холмѣ тѣма сѣдѣть,
 На воды пала тишина,
 Съ долины вѣтеръ вѣтъ;
 Молчитъ пѣвица вѣшнихъ дней
 Въ пустынь темной рощи,
 Стада почли средь полей,
 И тихъ полетъ полвощи.

И мирной вѣги уголокъ
 Ночь сумракомъ одѣла,
 Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
 И свѣчка нагорѣла;
 Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ,
 Въ кивотѣ небогатомъ,
 И блѣдный теплится ночникъ
 Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
 Въ забвеніи глубокомъ,
 Я въ сладки думы погруженъ
 На ложѣ одинокомъ;
 Съ волшебной ночи темнотой,
 При мѣсячномъ сіяньи,
 Слетаютъ рѣзвою толпой
 Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
 Дрожать златяя струны.
 Въ глухой, безмолвный мрака часъ
 Поетъ мечтатель юный;
 Исполненъ тайною тоской,
 Мечтаньемъ вдохновенный,
 Летаешь рѣзвою рукой
 По лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
 Въ мольбахъ не просить счастья!
 Ему Зевесъ—надежный стражъ
 Отъ грознаго вѣнастья;
 На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
 Онъ сладко засыпаетъ,
 И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
 Его не пробуждаетъ.
 Пускай, удара въ звучный щитъ
 И съ видомъ дерзновеннымъ,

Мнѣ слава издали грозитъ
 Нерстомъ окровавленнымъ,
 И бравы вьются знамена,
 И пышетъ бой кровавый,—
 Прелестна сердцу тишина;
 Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
 И дни веду смиренно;
 Дана мнѣ лира отъ боговъ—
 Поэту даръ безцѣнный—
 И муза вѣрная со мной:
 Хвала тебѣ, богиня!
 Тобою красенъ домикъ мой
 И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
 Пѣвца ты остѣвила,
 Въякомъ изъ миртовъ молодыхъ
 Чело его покрыла,
 И горнимъ свѣтомъ озарясь,
 Влетала въ скромну келью
 И чуть дышала, преклонясь
 Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
 До самыхъ вратъ могилы!
 Летай съ мечтаньемъ надо мной,
 Расправя легки крылы;
 Говите мрачную печаль,
 Плѣняйте умъ... обмавомъ,
 И милой жизни свѣтлу даль
 Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
 И смерти добрый геній
 Шепнетъ, у двери постучась:
 «Пора въ жилище тѣвей...»
 Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
 Приходитъ къ мирной сѣни,
 Въячанный макомъ, и склоненъ
 На посохъ томной лѣни...

1815 г.

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
 Постой, кричалъ, прелестная, постой!
 Скажи: «люблю»—и бѣгать за тобой
 Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.—
 «Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
 А плутъ Эротъ: «скажи—ты сердцу миль!»

«Ты сердцу миль!» пастушка повторяла,
 И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
 И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
 И страстный взоръ Дорида потупила...
 «Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ
 А плутъ Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
 Взялъ руку ей счастливый пастушокъ;

— Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ.
«Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что-жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.
1815 г.

РОЗА.

Гдѣ наша роза.	Не говори
Друзья мои?	Вотъ жизни радость!
Увяла роза,	Цвѣтку скажи:
Дитя зари.	Прости, жалѣю!
Не говори:	И на лилею
Такъ вянеть младость!	Намъ укажи.

1815 г.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

(изъ парви).

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотою,
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый.
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіеютъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецы.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится.
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте-жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
Здѣсь подвывая на лиру длави
И нахмура нахво бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани.
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовясь природѣ
Долгъ послѣдній заплатить,
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ.
Жажду просить утолить.
Вкругъ любовника сѣдого
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скуного
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы, и хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты.

Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный! вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лопи;
Наслаждайся, наслаждайся.
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!
1815 г.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой мо-
лодею,
Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ:
Не дѣлалъ добраго — однако-жъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.
1815 г.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

(картины)

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРИЖ.).

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтетъ;
Все въ ней очарованье!
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ —
Все юность измѣняетъ.
Ужъ Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ;
Одна у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится.
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда-же, ночью темной.
Ее въ постели скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньи.
При мѣсячномъ сіяньи.
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою:
И тихую тоскою
Исполнить сердце онъ —
И Лила въ сновидѣньи
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о, Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ, въ пещерѣ темной,
Вечернею порой,
Оковавъ лѣнью томной.
Поконится съ тобой?
И такъ ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви:

Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ.
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти нѣжной.
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ.
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ лѣтъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ:
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадою онъ глядитъ:
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога:
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ.
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона—
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастный
Страданья чашу пьетъ
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая девица
Румянить небеса:
Зефиры прошептали—
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ скрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. РѢКА.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро-ль, мракъ ночной,
Съ прекрасною луной
Ты небожъ овладѣешь?
О, скоро-ль, темный лѣсъ,

Въ туманахъ засинѣешь
На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ— сверкнувъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣтерочекъ,
Летитъ она въ лѣсочекъ;
Онъ гонится за ней—
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка.
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышетъ:
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дыханья...
Напрасны всѣ старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка ея поглотила...
Нѣтъ! Лила спасена.

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ сель Венеру
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру—
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣтъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФІАЛЪ.

Повикнувъ головою.
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
«Прости, любовь и радость!»
Со вздохомъ молвилъ онъ:
«Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!»

Вдругъ изъ лѣсу румяный,
 Шатаясь, передъ нимъ
 Сатиръ явился пьяный
 Съ кувшиномъ круговымъ;
 Онъ мутными глазами
 Пути домой искалъ
 И козими ногами
 Едва переступалъ;
 Шель, шель, и натолкнулся
 На Фавна моего,
 Со смѣхомъ отшатнулся,
 Склонился на него...
 «Ты-ль это, братъ любезный?»
 Вскричалъ Сатиръ съдой:
 «Въ какой странѣ безвѣстной
 Я встрѣтился съ тобой?»
 —Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
 Завяли дни мои!
 Все, все мнѣ измѣнило,
 Несчастенъ я въ любви.
 «Что слышу? Отъ Амура
 Ты страждешь и грустишь?
 Малютку-бѣдокура
 И ты боготворишь?
 Возможно-ль? Такъ забвенье
 Въ кувшинѣ почерпай,
 И чашу въ утѣшенье
 Нанюли черезъ край!»
 И пѣна засверкала
 И на краяхъ шипитъ,
 И съ перваго фіала
 Амуръ уже забытъ.

VII. ИЗМѢНА.

Кто-жъ дерзостный владѣть
 Твоею красотой?
 Невѣрная, кто смѣетъ
 Пылающей рукой
 Бродить по груди страстной,
 Томиться, воздыхать,
 И съ Лилю прекрасной
 Въ восторгахъ умирать?
 И такъ, ты измѣнила?
 Красавица, плѣняя.
 Спѣши любить, о Лила!
 И снова измѣняй.

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобой?
 Въ пещерной глубинѣ
 Скрытая тоскою,
 Ты плачешь въ тишинѣ;
 Грустишь уединенно,
 И свѣтъ тебѣ постылъ!
 Гдѣ-жъ сердца другъ безцѣнный?
 Увы, онъ измѣнилъ!
 Прошли восторги, счастье,
 Какъ съ утромъ легкій сонъ;
 Гдѣ тайны сладострастья?
 Гдѣ вѣжливый Палемонъ?

О Лила! вянутъ розы
 Минутныя любви:
 Познай-же грусть и слезы,
 И нынѣ терны рвы.

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленьи
 За годомъ годъ летитъ,
 И старость въ отдаленъи
 Красавицъ грозитъ.
 Амуръ уже съ поклономъ
 Разстался съ красотой,
 И вслѣдъ за Купидономъ
 Веселья скрылся рой.
 Въ лѣсу пастушка бродитъ
 Печальна и одна:
 Кого-же тамъ находить?
 Вдругъ Фавна зрѣтъ она.
 Философъ козлоногий
 Подъ линою лежалъ,
 И пѣвистый фіаль,
 Вѣнкомъ украсивъ роги,
 Лѣнливо осушалъ.
 Хотъ Фавнъ—и не находка
 Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
 Но вздумала красотка
 Любви раскинуть сѣть:
 Подкралась, устремила
 На Фавна томный взоръ,
 И слышала я, клонила
 Къ развязкѣ разговоръ.
 Но Фавнъ съ улыбкой злою,
 Напѣвая свой фіаль,
 Качая головою,
 Красавицѣ сказала:
 «Нѣтъ, Лила! я въ покоѣ—
 Другихъ, мой другъ, любви;
 Есть время для любви,
 Для мудрости—другое.
 Бывало, я тобой
 Въ безуміи плѣнялся;
 Бывало, восхищался
 Коварной красотой,
 И сердце, тлѣя страстью,
 Къ тебѣ меня влекло.
 Бывало... но, по счастью,
 Что было—то прошло».

1816 г.

КЪ МОРФЕЮ.

(изъ парни).

Морфей, до утра дай отраду
 Моей мучительной любви!
 Привиди, задуй мою лампаду,
 Мои мечты благослови!
 Сокрой отъ памяти унылой
 Разлуки страшный приговоръ!
 Пускай увижу милый взоръ,
 Пускай услышу голосъ мой.

Когда-жъ умчятся ночи мгла,
И ты мой покинешь очя,
О, если-бы душа могла
Забуть любовь до новой ночи!

1816 г.

ПУШКЕВАЯ ПЬЕСА.

(изъ шиллера).

Силы четыре,	Влагою грѣтой
Соединясь,	Воду налей:
Жизнь образуютъ,	Миръ весь объемлемъ
Миръ создаютъ.	Тихо водой.
Влажно зернистый	Примѣсью рома
Выжми лимонъ:	Все освяти:
Бкая сила—	Ромъ одаряетъ
Жизни зерно.	Жизнию жизнь.
Сладостной влагой	Только кипучей
Ты укроти	Ключъ утлоти!
Острую силу	Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Бдкой струи.	Чернай его!

1816 г.

ЗАДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный	Жители неба,
Полонъ давно.	Феба жрецы,
Пѣною парной	Здравіе Феба
Влещетъ вино!	Пейте, вѣщи.
Свѣта дороже	Рѣзвой Камены
Сердцу оно.	Ласки—бѣда!
Но за кого-же	Токъ Иппокрены—
Вылью вино?	Просто вода!
Здравіе славы,	Пейте за радость
Выпью-ли я?	Юной любви!
Бранной забавы	Скроется младость,
Мы ве друзья.	Дѣти мои.
Это веселье	Кубокъ янтарный
Не веселить:	Половъ давно.
Дружбы похмѣлье	Я, благодарный,
Грома бѣжить.	Пью—за виво!

1816 г.

У С Ы.

(философическая ода).

Глаза скосивъ на усъ кудрявый,
Гусаръ, съ улыбкой величавой
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бороною,
Качая тихо головою.
Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ, нѣтъ вѣчнаго въ природѣ!
Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
Проходить царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилова?
Гдѣ драмы тощія Клеона?—
Умчала все время рѣка.

Сочиненія А. С. Пушкина.

За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный.
Гордится юной красотой,
Не звасть бритвы, выписною
Овъ вѣчно лоснится сурмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.
Чтобы не смять уса лихого,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку посомъ лечь не смѣешь,
Въ глубокомъ спѣ его лелѣешь
И утромъ вновь его завѣешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удалцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?—
Коя, красавицъ и усовъ!

Сраженъ страшный часъ наставетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь,—
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты нѣжишься, одной рукой,
Въ восторгахъ нѣги сладострастной,
Влуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летать губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И черны кудри посѣдѣютъ,
А старость выбѣлитъ усы.

1816 г.

СЛОВО МИЛОЙ.

[марин смѣтъ].

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятѣ поетъ,
Чѣмъ соловей близъ тихихъ водъ
Или полуночная лира.
Унали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Пріятенъ голосъ твой унылый,
Но слово милое мое
Пріятѣй томныхъ пѣсень Лилы».

1816 г.

АМУРЪ И ГИМЕНЕИ.

с к а з к а .

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали-ль вы, мои друзья,
Слѣпного мальчика съ повязкой?
Слѣпного?.. Вотъ! Помилуй, Фебъ!
Амуръ советѣмъ, друзья, не слѣпъ;

Но шалуну пришла-жъ охота,
 Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
 Его Безуміе вело.
 Безуміе ведетъ Эрота:
 Но вдругъ, не зная почему.
 Оно наскучило ему.
 Взялся за новую затѣю:
 Повязку съ милыхъ свявъ очей,
 Идетъ проказникъ къ Гименею..
 А что такое Гименей?
 Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
 Холодный, дряхлый и лѣнивый,
 Ворчать и дремлетъ цѣлый вѣкъ;
 А впрочемъ—добрый человекъ,
 Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
 Отъ ревности печальный богъ
 Спокойно подремать не могъ;
 Все трусилъ маленькаго брата,
 За нимъ подсматривалъ тайкомъ
 И караулилъ супостата
 Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
 Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
 И рѣчь коварную заводитъ:
 «Развеселися, Гименей!
 Ну, помирися, будь умѣй!
 Забудь, товарищъ мой любезный,
 Раздоръ смѣшной и бесполезный!
 Да только навсегда, смотри,
 Возьми-жъ повязку въ память, милый,
 А мнѣ фонарь свой подарь!»
 И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
 Амуръ отъ радости прыгнулъ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату затянулъ.
 Гимена скучные дозоры
 Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ:
 Его завистливые взоры
 Теперь не страшны красотахъ;
 Спокоенъ онъ; но братъ коварный,
 Шутя надъ честью и надъ нѣмъ,
 Войну ведетъ, неблагодарный,
 Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
 Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
 Амуръ въ молчаніи nocturno
 Фонарь любовнику вручаетъ,
 И самъ счастливца провожаетъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ;
 Самъ отъ безпечнаго Гимена
 Онъ охраняетъ тайну дверь..
 Пойми меня, мой другъ Елена,
 И мудрой повѣсти повѣрь!

1816 г.

И С Т И Н А.

Издавна мудрые искали
 Забытыхъ истины слѣдовъ.
 И долго, долго повторяли
 Пустые толки стариковъ;
 Твердили: «истина нагая

Въ колодезь убралась тайкомъ!»
 И дружно воду выпивая,
 Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»
 Но кто-то, смертныхъ благодѣтель,
 И чуть-ли не старикъ Силенъ,
 Ихъ важной глупости свидѣтель,
 Водой и крикомъ утомленъ,
 Оставилъ невидимку нашу,
 Подумалъ первый о винѣ,
 И осушивъ до капли чашу,
 Увидѣлъ истину на днѣ.

1816 г.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
 Ходилъ я въ дальній Паоосъ,
 Повѣрите мнѣ, я видѣлъ
 Въ уборной у Венеры
 Фіаль Анакреона.
 Виномъ онъ былъ наполненъ;
 Кругомъ висѣли розы,
 Зеленый плющъ и мирты,
 Сплетенныя рукою
 Царицы наслажденій;
 На краешкѣ я видѣлъ
 Коварнаго Амура;
 Смотрѣлъ онъ, пригорюнясь.
 На пѣнистую влагу.
 «Что смотришь ты, проказникъ,
 На пѣнистую влагу?»
 Спросилъ я Кувидона:
 «Скажи, что такъ утихнулъ?
 Иль хочется зачерпнуть
 Тебѣ вина златого,
 Да ручка не достанетъ?»
 —Нѣтъ! отвѣчала малютка:
 Играя, въ это море
 Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
 Я уронилъ, и факель
 Погасъ въ волнахъ багряныхъ.
 Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ!
 А плавать не умѣю.
 Ахъ, жалко мнѣ; послушай,
 Достань мнѣ ихъ оттуда.—
 «О нѣтъ!» сказалъ я богу:
 «Спасибо, что упали;
 Пускай тамъ остаются:
 Тѣмъ лучше для меня!»

1816 г.

С О Н Ъ.

(отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадилъницей наемной
 Гоняется за счастьемъ и молвой,
 Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темъ—
 Въ безвѣстности заглушеною тропой. [пѣй
 Пускай пѣвцы греющими хвалами
 Полубогамъ безсмертіе даютъ;

Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
 Не оглашу безмолвія пріюти.
 Пускай любовь Овидіи поютъ,
 Мнѣ не даетъ покоя Цитерей;
 Счастливыхъ двѣ Амуры мнѣ не выютъ:
 Я сонъ ною, безцѣнный даръ Морфея,
 И научу, какъ должно въ тишинѣ
 Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣвъ, приди въ мою пустыню!
 Тебя зовутъ прохлада и покой;
 Въ одаой тебѣ я зрю свою богиню,
 Готово все для гостей молодой.
 Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
 За мой порогъ; на свѣтлое окно
 Прозрачное спустилось полотно,
 И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
 Чуть крадется невѣрвый свѣтъ дневной.
 Вотъ мой диванъ—приди-жъ въ обитель мира,
 Царицей будь, я—пѣвникъ нынѣ твой.
 Учи меня, води моей рукой,
 Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
 Которымъ любви забыты узы,
 Которые владычеству земли
 Конечно-бъ сонъ спокойный предпочли—
 О мудрецы! дивитесь вамъ умѣ,
 Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
 Поэзии цвѣтами обовью.
 Для васъ однихъ блаженство воспою.
 Ввемлите-же съ улыбкой свихожденья
 Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой пѣги часъ,
 Хотите-ли забыться каждый разъ,
 Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
 Въ объятіяхъ игриваго мечтавья?
 Сидите-же подъ сельскій мирный кровъ:
 Тамъ можно жить и праздно, и безопасно,
 Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
 Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
 Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
 Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
 Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
 На балъ въ вочь вертѣться ва паркетѣ;
 Но можно-ли вкушать отраду сновъ?
 Настала тѣвъ, уснуть лишь я готовъ,
 Обманутый призраками почными—
 И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
 На бѣшеной четверкѣ лошадей,
 Стуча, гремя, колесами златыми,
 Катится снѣсъ подъ окнами моими.
 Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ—
 На скучный балъ разбѣянье летять...
 О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
 Что бы всю ночь безсонницей терзаться?
 Еще стучать, а тамъ уже свѣтло,
 И гдѣ мой сонъ? Не лучше-ли въ село?
 Тамъ рощица листочковъ трепетавшемъ,
 Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,

Златыхъ полей, долины тишина—
 Въ деревнѣ все къ томленью клонить сва!
 О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
 Однѣ пѣтухъ, зарею пробужденный,
 Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть:
 Опасенъ овъ, овъ можетъ разбудить.
 И такъ, пускай, въ сѣраляхъ удаленны,
 Султаны куръ гордятся заключенны,
 Иль поселянъ сзываютъ на поля:
 Мы спать хотимъ, любезные друзья!
 Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
 Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
 Но сладостью веселой ночи сповъ
 Не думайте вы даромъ насладиться
 Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
 Что-жъ надобно? Движеніе, господа!
 Похвальба лѣвъ, но есть всему предѣлы:
 Смотрите: Клятвѣ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
 Размученный, извѣжженный, больной,
 Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
 Наступитъ день: несчастный, задыхаясь,
 Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
 Весь день сидитъ; когда-жъ ночной туманъ
 Подвергнетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
 Съ дивана Клитъ къ постели поползетъ;
 И какъ-же ночь несчастный проведетъ?
 Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
 Нѣтъ! сонъ ему—не радость, а мученье;
 Не маками, тяжелою рукой
 Ему Морфей закроетъ тоины очей,
 И медленной проходятъ чередой
 Для бѣдлага часы угрюмой ночи.
 Я не хочу, какъ общій другъ, Вершу,
 Предписывать вамъ тяжкія движенья:
 Упрямый плугъ, охоты наслажденья—
 Нѣтъ, въ рощи и лѣвннца приглашу.
 Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
 Въ тишѣ полей, сквозь тайну сѣвъ дубравъ,
 Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
 Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
 Журчатъ ручьи, блестятъ берега безмолвны;
 Еще роса надъ свѣжей муравой,
 Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
 Друзья мои! возьмите посохъ свой,
 Идите въ лѣсъ, бродите по долині,
 Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ—
 И въ долгу хочъ глубоко вашъ будетъ сонъ.
 Какъ только тѣвъ одвѣнетъ вебоклонъ,
 Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
 Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
 И царствуй Вакхъ со всемъ дворомъ своимъ!
 Умѣренво пируйте, други, съ виномъ:
 Стакана три шипящими волнами
 Румяныхъ винъ валеите вы полвѣй;
 Но толстый Комъ съ надутыми щеками
 Не приходи стучаться у дверей:
 Я радъ ему, но только за обѣдомъ,
 И дружески я въ полдень уберу
 Его дары: но, право, ввечеру
 Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.

Не уживать—святой тому законъ,
 Кому всего дороже легкой сонъ
 Брегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
 Обманчивой успокоенья тѣни!
 Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
 Когда дремать привыкли по часамъ!
 Чтѣ вашъ покой? Безчувствие глубоко.
 Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
 Не знаете веселой вы мечты;
 Вашъ цѣлый вѣкъ—несносное томленье,
 И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
 И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
 Чтѣ подъ горой клокочетъ и кипитъ,
 Прелестный сонъ, усталости награда,
 При шумѣ волнъ на дикий берегъ слетитъ,
 Покроетъ взоръ туманной пеною,
 Обниметъ васъ, и тихою рукою
 На мягкій мохъ преклонитъ, осытитъ:
 О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!
 Пусть долѣе продлится вашъ покой—
 Завидно мнѣ счастливецъ наслажденье.

Случалось-ли пенастой вамъ порой
 Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ
 Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
 Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
 Часть отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
 На потолокъ какой-то призракъ бродитъ:
 Блѣднѣетъ ужъ—и сивеватый дымъ,
 Какъ легкий паръ, въ трубу вѣясь, уходитъ.
 И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
 Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
 Темнѣетъ взоръ... «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ,
 Закрывшись, уналь въ колѣни вдругъ;
 Вздохнули вы; рука на столъ валится,
 И голова съ плеча на грудь катится.
 Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
 Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
 Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
 Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
 Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
 И ты жреца давно благословилъ.
 Забуду-ли то время золотое,
 Забуду-ли блаженной нѣги часъ.
 Когда, въ углу подъ-вечеръ прятаясь,
 Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
 Я самъ не радъ болтливости своей;
 Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
 Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
 О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣявѣ.
 Она, духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекрестить жевя
 И шопотомъ разсказывать мнѣ станеть
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
 Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
 Едва дыша, прижмусь водъ одѣяло,
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины

Чуть освѣщаль глубокія морщины,
 Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
 И длинный ротъ, гдѣ два зуба стучало—
 Все въ душу страхъ невольный поселяло;
 Я трепеталъ, и тихо наконецъ
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толной съ лазурной высоты,
 На ложе розъ крылатые мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сонъ обворожали:
 Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
 Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
 Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
 И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о ночи безмятежны,
 И юности ужъ возрастъ наступилъ.
 Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны!
 И я мечту молодой любви вкусилъ.
 И гдѣ-жъ она? Восторгами родилась
 И въ тотъ-же мигъ восторгомъ истребилась.
 Проснулся я, ищу на небѣ день,
 Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
 И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь.
 Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнаса,
 Въ ночной тиши я съ рюмою не бьюсь,
 Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
 Ни старый дворъ какихъ-то старъ ыхъ музъ.

Я—не герой, но лаврамъ не тоскую,
 Свокоиствиемъ и нѣгой не торгую,
 Не чудится мнѣ почю грозный бой;
 Я—не богачъ, и лаемъ песь привратный
 Не возмущалъ мечты моей пріятной;
 Я—не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
 Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
 Убийственныхъ дѣтей предразсужденій,
 И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
 Не ххурится угрюмо въ-головахъ.

1816 г.

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
 Приблизься, путникъ молодой,
 Любви къ пустышному пріюту!
 Здѣсь ея счастливѣ былъ я разъ,
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
 И время самое для насъ
 Остановилось на минуту.

1816 г.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
 Обиды, пѣсни—все впрошю,
 А мнѣ пускай долги простятъ.

1816 г.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку!
 Я вяву, прекрати тяжелый жизни сонъ.

Скажи, увижу-ли? на долгую-ль разлуку
 Любовникъ осужденъ?
 Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ.
 Пль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
 Ужели никогда насъ утро не застанетъ
 Въ объятіяхъ любви?

Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
 На милую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?
 И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоеня,
 Твой шопотъ сладостный и томный стонъ вы-
 мать,
 И тихо въ скромной тѣмѣ для нѣги пробужденья
 Близъ милой засыпать?

1816 г.

ЭКСПРОМПТЪ НА А.

Въ молчаніи предъ тобой сижу.
 Напрасно чувствую мученье,
 Напрасно на тебя гляжу:
 Того ужъ вѣрно не скажу,
 Чтѣ говоритъ воображенье.

1816 г.

ОНА.

«Печаленъ ты, признайся, чтѣ съ тобой?»
 — Люблю, мой другъ! — «Но кто-жъ тебя плѣ-
 янилъ!»
 — Она. — «Да кто-жъ, Глицера-ль, Хлоя, Ляла?»
 — О, вѣтъ! — «Кому-жъ ты жертвуешь душой?»
 — Ахъ, ей! — «Ты скромнѣе, другъ сердечный:
 Но почему-жъ ты столько огорченъ?
 И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно...»
 — Не то, мой другъ! — «Но что-жъ?» — Я ей
 — не онъ!

1816 г.

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
 Пускай оно груди безчувственной коснется:
 Быть можетъ, милые друзья,
 Быть можетъ, сердце вновь забьется.

1816 г.

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть, за чтѣ философы, пилиты
 На твой и мой давнымъ-давно сердиты.
 Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
 Но потакать и вѣрить имъ не смѣю:
 Что, ежели-бъ ты не была моею?
 Чго, ежели-бъ я не былъ, Ниса, твой?

1817 г.

ИМЕНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость,
 Пойте пѣсни въ добрый часъ:
 Дружба, грація и младость
 Именинницы у насъ.

Между тѣмъ дитя крылато,
 Васъ привѣтствуя, друзья,
 Втайнѣ думаетъ: когда-то
 Именинникъ буду я?

1817 г.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(изъ парни).

Давайте пить и веселиться,
 Давайте жизнь играть;
 Пусть чернь слѣпая суетится:
 Не намъ безумной подражать.
 Пусть наша вѣтрена младость
 Потонетъ въ нѣгѣ и въ вѣнѣ;
 Пусть измѣняющая радость
 Намъ улыбнется хоть во снѣ.
 Когда-же юность легкимъ дымомъ
 Умчитъ веселость юныхъ дней,
 Тогда у старости отыщемъ
 Все, чтѣ отычется у ней.

1817 г.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Всевышней волею небесъ
 Окованный на службѣ царской—
 Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Афинахъ—
 Периклѣсъ,
 У насъ—онъ офицеръ гусарскій.

1817 г.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ
 На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ вонтель
 Дружбѣмъ онъ—вѣрный другъ, красавицамъ—
 И всюду онъ—гусаръ. [мучитель.

1817 г.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Чтѣ можемъ наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже.
 Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумавай, я скажу все то-же.

1817 г.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
 Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
 Чтѣ значать радостные лики
 И вѣсни поселянъ?
 Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
 Пріяла праздничный вѣнокъ.
 Но двинулись толпы народа...
 Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный
 Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный! [богъ!
 Вотъ онъ, вотъ Индѣи герой!
 О радость! полныя тобой
 Дрожать, готовы грянуть струны
 Нелицемерною хвалой.
 Эванъ, эво! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
 Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадъ
 Державный тирсъ въ его рукахъ; [ный!
 Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
 Въ черпоудрявыхъ волосахъ...
 Течетъ. Его молодые тигры
 Съ покорной яростью влекутъ;
 Кругомъ летятъ эроты, игры—
 И гимны въ честь ему поютъ.
 За нимъ тѣснится козлоногій
 И фавновъ, и сатировъ рой;
 Плющемъ опутаны ихъ роги;
 Бѣгутъ смятенною толпой
 Вослѣдъ за быстрой колесницей:
 Кто съ тростниковою цѣвницей,
 Кто съ вѣрной кружкой своею;
 Тотъ, оступившись, упадетъ.
 И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливаешь,
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
 Заучатъ веселые тимпаны;
 Младья нимфы и сивяны.
 Составя шумный хороводъ,
 Несутъ недвижнаго Силена...
 Вино струится, брызжеть пѣна
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за сияющимъ старикомъ
 И тирсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ тяжело-золотой,
 Вѣнчанный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный;
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанный гроздьемъ, обнаженный,
 Бѣгутъ вакханки по горамъ.
 Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, летятъ, свиваются руками,
 Волшебной пляской топчутъ лугъ;
 И младость пылкая толпами
 Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы:
 Ихъ сладострастные напѣвы
 Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
 Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
 Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
 Сказали: счастье лови!
 Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаютъ намъ
 Стыдливость милаго смятенья,
 Желанье робкое, а тамъ
 Восторгъ и дерзость наслажденья.
 Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ,
 Махая тирсамъ, несутся;
 Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
 И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
 Эванъ, звое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы.
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
 Друзья, въ сей день благословенный
 Забвенью бросимъ суеты!
 Теки, вино, струю пѣнной
 Въ честь Вакха, музъ и красоты!
 Эванъ, звое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
 1818 г.

* *

Есть въ Россіи городъ Луга
 Петербургскаго округа;
 Хуже-бъ не было сего
 Городишки на примѣтѣ,
 Если-бъ не было на свѣтѣ
 Новоржева моего.
 1818 г.

* *

Отъ всенощной, вечеръ. ида домой,
 Антипьевна съ Мароушкою бранилась;
 Антипьевна отменно горячилась.
 «Постой, кричить, управлюсь я съ тобой!
 Ты думаешь, что я забыла
 Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
 Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила,—
 Постой, о всемъ узнаетъ муженецъ!»
 —Тебѣ-ль грозить! —Мареуша отвѣчаетъ:
 Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя;
 А свать Трофимъ, который у тебя
 И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
 Молчи-жъ, кума: и ты, какъ я, грѣшна;
 Словами-жъ всякаго, пожалуй, разбилашь.
 Въ чужомъ глазу соломинку ты видишь,
 А у себя—не видишь и бревна.
 1815 г.

МОЛИТВА ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави, Господи, ума такого,
 Какъ у Александра Васильича Полова!
 Слатвинскаго скромности,
 Зубова томности,
 Ильина чистоты,
 Тютчева красоты,
 Любомірскаго чванства,
 Каверина пьянства,
 Гротовой скупости,
 Ховрина глупости,
 Суетливости Оффенберга,
 Разсудительности Уггеръ-Штервберга,
 Чаадаева гордости,
 Юшкова подлости,
 Крекшина службы,
 Сабурова дружбы,
 Завадовскаго щедрости,
 Гернгросовой мерзости,
 Кнабенау усовъ,

Пашковскихъ посовъ,
Салтыкова дикости,
Соломѣрскаго лихости,
Слѣпцова смиревья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молодцова хвалы
И Микѣшина хулы.
1817 г.

* *

Какъ сладостно,—но, боги, какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милый взоръ!
Забуду-ль я улыбку, взоръ прекрасной
И огненный, волшебный разговоръ?
Волшебница! Зачѣмъ тебя я видѣлъ?
Узнавъ тебя, блаженство я позналъ
И счастье мое возненавидѣлъ...
1818 г.

* *

И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ
Одною дружбою прекрасенъ,
Что безъ нея отрады нѣтъ,
Что жизни-бъ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда-бъ не тихій дружбы свѣтъ...
Послушай, чувство есть другое:
Оно и нѣжить и томить,
Въ трудахъ, въ заботахъ и въ покоѣ
Всегда ве дремлетъ и горитъ;
Оно мучительно, желанно...

Вотъ страсть, которую страдаю,
Которой вяну и дышу,
Которую въ душѣ ношу
И ни на что не промѣняю...
1818 г.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты-ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина, съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной,
И слабымъ шопотомъ подругу я называлъ...
И вновь въ умъ моемъ тѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертныя, съ какимъ волненьемъ
Желавъ жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ...
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня томяшь ты упоеньемъ.
Приди, меня мертвить любовью!

Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой.
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, посетидай, прелестный воинъ мой:
Приди. я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослалъ боги.
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости молодой.
1818 г.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.
1818 г.

* *

Напрасно, милый другъ, я мыслить утанъ
Тоскующей души холодное волненье;
Ты поняла меня: проходить упоенье,
Перестая тебя любить...
Исчезли навсегда часы очарованья,
Пора прекрасная прошла.
Погасли юныя желанья,
Надежда въ сердцѣ умерла...
1819 г.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю веселый пирь,
Гдѣ веселье—предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ—
За столомъ законодатель;
Гдѣ до утра слово «пей»
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсень!
1819 г.

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикий садикъ мой,
И скромную семью моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны сѣтки
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной
Постигни робостью полуночнаго вора, [сѣни,
И отъ ведружескаго взора
Счастливымъ домику охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!

Люби зеленый скать холмовъ,
 Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
 Прохладу лииъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.
 1819 г.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
 Постигла тайну красоты?
 Чья кисть, о небо, означала
 Сии небесныя черты?
 Ты, гений!... Но любви страданья
 Его сразили. Взоръ вѣмой
 Вперилъ онъ на свое созданье
 И гаснетъ пламенной душой...
 1819 г.

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
 Картины гевія чернить
 И свой рисунокъ беззаконный
 Надъ ней бессмысленно чертить.
 Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье гевія предъ нами
 Выходитъ съ прежней красотой.
 Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.
 1819 г.

Д О Р И Д А .

Въ Доридѣ правятся и локоны златые,
 И блѣдное чело, и очи голубыя.
 Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
 Въ ея объятіяхъ я вѣгу пилъ душой;
 Восторгъ быстрые восторгами смѣнялись,
 Желанья гасли вдругъ и снова разгорались...
 Я таялъ; но среди невѣрной темноты
 Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
 И весь я подонъ былъ таинственной печали,
 И нѣя чуждое уста мои шептали.
 1820 г.

Д О Р И Д Ѣ .

[подражаніе А. ШЕНЬЕ].

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
 Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
 Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
 Стыдливость робкая—харитъ безцѣнный даръ,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
 И ласковыхъ именъ младенческая вѣжность.
 1820 г.

* *

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
 Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
 Люблю войны кровавыя забавы,
 И смерти мысль мила душѣ моей.
 Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,

Передъ собой кто смерти не видалъ,
 Тотъ полного веселья не вкушалъ
 И милыхъ жепъ лобзаній не достоинъ.
 1820 г.

* *

О дѣва-роза, я—въ оковахъ,
 Но не стыжусь твоихъ оковъ:
 Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
 Перватый царь лѣсныхъ пѣнцовъ,
 Близъ розы гордой и прекрасной
 Въ неволѣ сладостной живетъ
 И вѣжно пѣсни ей поетъ
 Во мракѣ ночи сладострастной.
 1820 г.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
 Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы,
 Люблю немолчный говоръ твой
 И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
 Меня крошитъ росой холодной:
 Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадный!
 Журчи, журчи свою мнѣ боль.

Фонтанъ любви, фонтанъ печальный!
 И я твой мраморъ вопрошалъ:
 Хвалу стравъ прочелъ я дальвой;
 Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
 И здѣсь ужель забвенно ты?
 Или Марія и Зарема—
 Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
 Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
 Свои минутныя видѣнья,
 Души неясный идеаль?
 1820 г.

Н Е Р Е И Д А .

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
 На утренней зарѣ я видѣлъ Неренду.
 Скрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
 И пѣну изъ влосовъ струею выжимала.
 1820 г.

* *

Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увидѣвъ равнины,
 И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины...
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтло,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ вѣжнѣй миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ вѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влчилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижинѣ сходилъ почти тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ — подругамъ называла.
1820 г.

ВІНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ миль и виноградъ на лозахъ.
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины златной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.
1820 г.

* *
*

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ.
Уже на чистый небосклонъ
Восходитъ блѣдая Діана —
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана...
1820 г.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

(молдавская пѣсня).

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ.

Младую гречанку я страстно любилъ.
Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:

Ко мнѣ поступался презрѣнный еврей.
Съ тобою пируютъ (шениулъ онъ) друзья;
Тебѣ-жъ измѣнила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,

И вѣрнаго позвалъ раба моего.
Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,

Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ —

Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ

И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...

Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой спявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,

Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,

Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,

И хладную душу терзаетъ печаль.

1820 г.

* *
*

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный.

Твое я имя повторялъ;

Тамъ часто я бродилъ уединенный

И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

1820 г.

* *
*

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ,
Движенья милая, игривый разговоръ

И слѣдъ улыбки незабвенный.

1820 г.

* *
*

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ васъ не жаль, о тайнства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;

Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя;
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя, —
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ-же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и пѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

1820 г.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужого не желать

Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;

Но хѣру силъ моихъ ты знаешь —

Мнѣ-ль пѣжнымъ чувствомъ управлять?

Обидѣть друга не желаю

И не хочу его села,

Не пужно мнѣ его вола:

На все спокойно я взираю.

Ни домъ его, ни скоть, ни рабъ —

Не лестна мнѣ вся благостыня...

Но ежели его рабыя

Прелестна... Господи, я слабъ!

Но ежели его подруга

Мила, какъ ангелъ во плоти, —

О Боже праведный, прости

Мнѣ зависть ко блаженству друга!
 Кто сердцемъ могъ повѣлѣвать,
 Кто рабъ усилій бесполезныхъ?
 Какъ можно не любить прелестныхъ?
 Какъ райскихъ благъ не пожелать?
 Смотрю, томлюся и вздыхаю,
 Но строгій долгъ умѣю читать:
 Страшусь желаньямъ сердца льстить,
 Молчу... и втайнѣ я страдаю.
 1821 г.

* * *

Въ твою свѣтилицу, другъ мой вѣжнѣй,
 Я прихожу въ послѣдній разъ,
 Любви счастливой, безмятежной
 Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
 Впередъ одва въ надеждѣ томной
 Не жди меня средь ночи темной,
 До первыхъ утреннихъ лучей
 Не жги свѣчей...
 1821 г.

Ж Е Л А Н І Е.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
 Оживлены дубовы и луга,
 Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
 И мурмы ласкаютъ берега,
 Гдѣ на холмы, подъ лавровы своды,
 Не смѣютъ лечь угрюмые свѣга?
 Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
 Гдѣ я любилъ, изгнанникъ невѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
 Туда летать желанія мои.

Я помню горы прибрежныя стремнины,
 Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
 И тѣвы, и шумъ, и красныя долины,
 Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
 Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
 Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красую безмятежной,
 Все путника влѣняетъ и манитъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный ковь по склону горъ бѣжить.
 Повсюду трудъ веселый и прилежный
 Сады татаръ и нивы богатѣтъ,
 Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
 Висятъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
 Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
 Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
 Монастыри, селенія, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И средь валовъ бѣгущія суда,
 И яркіе луча златого Феба,
 И синій сводъ полуденнаго веба.

Приду-ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
 Забывъ молву и жизни суеты,
 На берегахъ веселаго Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 И ты, моя задумчивая лвра,
 Ты, вѣрная пѣвица красоты.
 Пѣвица пѣгъ, изгнанья и разлуки,
 Найдешь-ли вновь утраченные звуки?

И тамъ, гдѣ муртъ шумитъ надъ тихой урной,
 Увижу-ль вновь, сквозь темныя лѣса,
 И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
 И ясныя, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ-ли волненія жизни бурной?
 Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ-ли краса?
 Приду-ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣны?..
 1821 г.

П Р И М Ѣ Т Ы.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
 Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
 Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
 И майскіе дожди, молодыхъ полей отраду,
 И мразовъ равній хладъ, опасный винограду.
 Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
 Плещаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ.
 Иль солнце яркое зайдетъ въ печальныя тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь
 ревучій,
 Иль бьющій въ окна градъ, а равній селяннѣ,
 Готовая ужъ косить высокій злакъ долинъ,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнливую дремоту.
 1821 г.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
 Я звалъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я звалъ: вельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
 Пылаешь близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы счастія, наперсники судьбы
 Смирненно ей несутъ влюбленныя мольбы;
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
 И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.
 1821 г.

Д І О Н Е Я.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и
 Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ: [не разъ
 Ты слушаешь его, въ безмолвіи красѣя;
 Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
 И долго послѣ, Діонея,
 Улыбку вѣжную лицо твое хранитъ.
 1821 г.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрнее стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.
1821 г.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ пѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной:
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милого чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ ды-
ханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.
1821 г.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

ИДИЛЛИЯ МОСКА.

Когда по снѣгѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда-же волны по берегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молнии во мракѣ блещутъ,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый —
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой цуцпы.
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.
1821 г.

* *

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и снова первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шумушѣ,
Въ большихъ очахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,

Мой юный слухъ навѣвами плѣвила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
Ты отрока безвѣчнаго тебила —
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ-ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ пріятный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осыпая твой станъ полувоздушный,
Вся въ локонахъ, обвита вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала;
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...

1821 г.

* *

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.
1821 г.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразный
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный знакъ похмѣлья
И праздничный бокаль!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья...

Прозрачный легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою

Сокровища мои
На двѣ твои таятся.

Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ:
Она — твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный...
Завѣтный твой кристалъ

Хранить огонь небесный;
 И подъ вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродить,
 Безъ всякаго труда
 Оно въ тебѣ находить
 Концы моихъ стиховъ
 И вѣрность выраженъ,
 То звуковъ или словъ
 Нежданное стеченье,
 То ѣдкой шутки соль.
 То (тутъ-же) слогъ суровый,
 То странность рифмы новой,
 Неслыханной дотоль.
 Любовница свободы,
 Ты съ нею заодно
 Прославила вино
 И прелести природы;
 Ты смѣху обрекла
 Пустыхъ любимцевъ моды
 И рѣчи, и дѣла.
 Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
 Я весело клеймилъ
 Зовла и невѣжду
 Пятномъ твоихъ черпиль...
 Но ихъ не разводилъ
 Ни тайной злости пѣной,
 Ни ядомъ клеветы—
 И сердца простоты
 Ни лестию, ни измѣной
 Не замарала ты.
 Безпечный сынъ природы.
 Пока златые годы
 Въ забвеньѣ трачу я,
 Со мной неразлучно
 Живи благополучно,
 Наперсница моя!
 Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
 Я слышу нѣжны пени
 Заботливыхъ друзей...
 Ужели ихъ забуду,
 Друзей души моей,
 И имъ невѣренъ буду?
 Оставь, оставь порой
 Привычныя затѣи,
 И дактиль, и хореи
 Для прозы почтовой.
 Минуты хладной скуки,
 Сердечной пустоты,
 Уныніе разлуки,
 Всегдашнія мечты,
 Мои надежды, чувства
 Безъ лести, безъ искусства
 Бумагѣ передай...
 Болтливостью небрежной
 И вѣтренной, и вѣжной
 Ихъ сердце утѣшай...
 Когда-же берегъ ада
 Навѣкъ меня возьметъ,
 Когда со мной заснетъ
 Перо, моя отрада.

И ты, въ углу пустомъ
 Осиротѣвъ, остынешь
 И навсегда покинешь
 Поэта тихій домъ—
 Чадаевъ, другъ мой милый,
 Тебя возьметъ унылый.
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу праздныхъ лѣтъ;
 Исохшая, пустая,
 Межъ двухъ его картинъ
 Останься вѣкъ нѣмая,
 Укрась его каминъ.
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Друзьямъ напоминай.
 1821 г.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибку
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ
 умомъ
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.
 1821 г.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
 Родной обычай старины:
 На волю птичку выпускаю
 При свѣтломъ праздникѣ весны.
 Я сталъ доступенъ утѣшенью;
 За что на Бога мнѣ роптать,
 Когда хоть одному творенью
 Я могъ свободу даровать?
 1822 г.

* * *

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
 И ваши тайные цвѣты,
 О вы, поэзіи прелестной
 Благословенныя мечты!
 Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что тѣни легкою толпой
 Отъ береговъ холодной Леты
 Слетаются на брегъ земной
 И невидимо навѣщаютъ
 Мѣста, гдѣ было все милѣй,
 И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
 Сердца покинутыхъ друзей;
 Онѣ, безсмертіе вкушая,
 Ихъ поджидаютъ въ Элзеей,
 Какъ ждетъ на пирѣ семья родная
 Своихъ замедлившихъ гостей.
 Но, можетъ быть, мечты пустыя—
 Быть можетъ, съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя,
 И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
 Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
 Неглѣнной славой и красотой,

Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранить душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...
1822 г.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.
Такъ, музы васъ благословили,
Вѣнками свѣже осыня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.
Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзбою плѣняла насъ;
Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду скинскую воя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.
Я пилъ, и думаю сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.
Меня смѣшила нѣхъ нзмѣна
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ закипѣвшею струей.
1822 г.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлать межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ:
Кому судьба друзей послала,
Бто скрыть, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.
1822 г.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую нищу клюетъ подь окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мной задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хотеть: «давай улети!»
Мы—вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ свищутъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я»...
1822 г.

ТАВРИДА.

(отрывокъ).

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ
душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исче-
заетъ,—любовь, одушевленіе...

Покойны чувства, ясенъ умъ,
Нью съ воздухомъ любви томленье,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.
Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Тебя я посѣщаю вновь,
Нью жадно воздухъ сладострастья,
Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ
Давно затеряннаго счастья...
Счастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, дуга,
Гдѣ скаль нахмуренные своды...
1822 г.

* *
*

Какъ наше сердце своеправно!
(Сомнѣніями) томимый вновь,
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь;
Участьемъ, нѣжностью притворной
Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной
Въ нее вливать огонь и ядъ...
Ты согласилась... Нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ,
Твой видъ задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговоръ.
И то, что дозволяешь нѣжно,
И то, что запрещаешь мнѣ,
Все впечатлѣлось неизбежно
Въ моей сердечной глубинѣ...
1822 г.

* *
*

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ ванъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
Вы, бури, вѣтры, взорите воды.
Разрушьте гибельный оялотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!
1822 г.

ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга ва ходу легка;
Имщикъ лихой, сѣдовѣ время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы погоняемъ съ ящичкомъ
И, презирая лѣнь и вѣгу,
Кричимъ: валий по всѣмъ по тремъ!...
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
Порастраясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги...
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катить по-прежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до вочлега,
А время гонитъ лошадей.
1823 г.

ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

1.

Поговоримъ о сравностяхъ любви:
Другого я не смыслю разговора!
Въ тѣ дни, когда отъ огненного зора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови;
Когда тоска обманчивыхъ желавій
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ.
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы, и страданій,—
Не правда-ли—въ толпѣ молодыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчимъ восторговъ переводимъ.
Когда-же мы поймали на-лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать—
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

2.

О милый другъ! кому я посвятилъ
Всѣ первыя надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ!
Простишь-ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой.
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ певинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И улаживать безмолвные часы
Возсѣяницы, дѣвическую муку...
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдыхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь-ли ты, о милая моя?..

3.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать желанье женита
И знатоконъ внимательные взоры.
И на слѣды прекраснаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Веретъ урокъ стыдливости покорной,
И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль
Но поутру, оправаясь повемногу,
Встаетъ блѣдая, чуть ходить—такъ томна;
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: слава Богу!
А старый другъ стучится у окна...

4.

Не правда-ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежнее дни весной,
Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?..
...Сплетенные, кружась, идутъ по лугу
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки.
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой...

5.

Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ.
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и въ славѣ нестерпимой,
Тамъ ангелы волиются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ серафимы.
Струнами арфъ бряцаютъ херувимы.
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами.

6.

Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, внимательное пѣнье!
Храни меня, всемои мое моленье:
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель.
Другъ демона, повѣса и предатель...
Раскаявше мое благословіе:
Пріемлю я наѣбренья благія—
Перемѣнюсь—Елену видѣлъ я...
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моямъ рѣчамъ придай очарованье.
Повравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье—
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу тшкомъ посеребрить,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соедавить...
Даруй ты мнѣ безпечность и терпѣнье.
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ утѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.
1823 г.

* *

Невѣстный день потухъ, невѣстной ночи
По небу стелется одеждою свивцовою; [мгла
Какъ привидѣніе, за рошею сосновою
Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску въ душу мнѣ наводить.

Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотою;
Тамъ море движется роскошной цѣлею

Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣтными скалами,

Теперь она сидитъ печальна и одна...

Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;

Никто ея колѣни въ забвеньи не цѣлуетъ;

Одна... вичьимъ устами она не предастъ

Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣло-
снѣжныхъ

.

.

.

Никто ея любви небесной не достоянъ.

Не правда-ль, ты одна? ты плачешь?... я сно-
коенъ;

.
Но если

1823 г.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ, для тебя и ласковый, и томный,
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.

Вблизи ложа моего печальная свѣча

Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,

Текутъ, ручьи любви, текутъ, полны тобою.

Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,

Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:

Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твою...

1823 г.

твоя.

НАДГРОБ. НАДПИСЬ КН. ГОЛИЦЫНУ.

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ
явился

И радость райскую привнесъ съ собою къ намъ;

Но, житель горныхъ мѣстъ, ты міромъ непрель-

стился

И снова отлетѣлъ въ отчизну, къ небесамъ.

1823 г.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ

Струитъ зефиръ.

Шумить,

Вѣжить

Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна золотая,

Тинше... чу... гитары звонъ...

Вотъ испанка молодая

Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ

Струитъ зефиръ.

Шумить,

Вѣжить

Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,

И явись, какъ яркій день!

Сквозь чугунныя перилы

Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ

Струитъ зефиръ.

Шумить,

Вѣжить.

Гвадалквивиръ.

1824 г

* *

Надо мной въ лазури ясной

Свѣтитъ звѣздочка одна;

Справа заады темнокрасный,

Слѣва блѣдная луна

1824 г.

* *

Два чувства равно близки къ намъ,

Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:

Любовь къ родному пенелншу,

Любовь къ отеческимъ гробамъ.

1824 г.

А К В И Л О Н Ъ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,

Тростникъ болотный долу клонишь?

Зачѣмъ на дальній небосклонъ

Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой

Сводъ неба глухо облекался;

Недавно дубъ надъ высотой

Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,

Ты шумѣлъ грозой и славой—

И бурвы тучи разогналъ,

И дубъ низвергнулъ величавый.

Пускай-же солнца ясный ликъ

Огнемъ радостью блистаетъ.

И облакомъ зефиръ играетъ,

И тихо зыблется тростникъ.

1824 г.

ПРОЗЕРПИНА.

(подражаніе парни).

Плещутъ волны Флегетова,

Своды тартара дрожатъ:

Кони блѣднаго Плутапа

Быстро къ пимфамъ Пеліона

Изъ аида бога мчатъ.

Вдоль пустынного залива

Прозерпина вслѣдъ за ними,

Равнодушна и ревнива,
Протекла путем однимъ.
Предъ богвиною колѣпа
Робко юноша склонилъ.
И богвиамъ лстытъ измѣна:
Прозерпина смѣртный миль.
Ада гордая царица
Взоромъ юпошу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ.
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усиленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ.
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчитъ, и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы...
Плещутъ волны Флететова,
Своды тартара дрожатъ:
Конь блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ,
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

1824 г.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Книгопродавецъ: Стишки для васъ—одна
Немного стоятъ вамъ присѣсть,— [забава:
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
И такъ, рѣшите, жду я слова—
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы выигъ рублями замѣнимъ
И въ пукъ валичныхъ ассигнацій
Листочки ваша обратимъ.
О чемъ вздохнулъ такъ глубоко,
Нельзя-ль узвать?

Поэтъ: Я былъ далеко;
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы,

И видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья
Съ неизъяснимою красой
Влились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Мои ми играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались:
Въ размѣры чудныя стекались
Мои непослушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоин соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль пволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопоть рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель пѣхъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черви лицемѣрной
Дары любовницы молодой
Хранить любовникъ суетливый.

Книгопрод.: Но слава замѣнила вамъ
Мечтавя тайнаго отрады;
Вы разошлись по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльные громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ
И вѣтренной ея награды.

Поэтъ: Блаженъ, кто про себя тавлъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувствено воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернью забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и вновь надежды,
Что слава? Шопотъ-ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопрод.: Лордъ Байронъ былъ того-
Жуковский то-же говорилъ; [же мѣвъя;
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ

Ихъ сладкозвучныя творенья.
И ипрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаеъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на киевскій тронъ
Свою любовницу возносить.
Хвала для васъ—докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы просить:
Для нихъ пишете; ихъ ушамъ
Пріятна лесь Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликопа.

Поэтъ: Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда:
Глаза прелестныя читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полво; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пушай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрвой не коснется
Ихъ легкой, вѣтренной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ ово,
И, призвакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно,
Когда на память мнѣ неволью
Придетъ виушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу болью,
Мнѣ стыдно пдоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что-же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

Книгопродавецъ: Люблю вашъ гпѣвъ. Та-
ковъ поэтъ!

Причины вашихъ огорченій
Мнѣ звать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
На вдохновенья, на страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы?

Сочиненія А. С. Пушкина.

Поэтъ: Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучить онъ.
И что-жъ, какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранить-ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ-ли я?
Тоскою-ль долгой взиуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь—одна-ли, двѣ-ли ночи?

И что-жъ? Докучный стонъ любви.
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ.
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзии святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая каждою любовью.
Ахъ, мысль о той душѣ заваялъ
Могла-бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Ова одна-бы разумѣла
Стихи неясныя мои;
Одна-бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Ова отвергла заклинанья.
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

Книгопродавецъ: И такъ, любовью утом-
наскуча лепетомъ молвы, [ленный.
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что-жъ изберете вы?

Поэтъ: Свободу.

Книгопродавецъ: Прекрасно. Вотъ-же вамъ
Внемлите истинѣ полезной: [совѣтъ;
Нашъ вѣкъ—торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплава
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата;
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока въ пламени труда

Кипитъ, бурлитъ воображеніе;
Оно застынетъ — и тогда
Постыло вамъ и сочиленіе.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновеніе,
Но можно рукопись продать.
Что-жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ.
За ними тощія пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэтъ: Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя
рукопись. Условимся.

1824 г.

КОВАРНѢСТЬ.

Когда твой другъ на глазъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ:
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣваемъ головою, —
Не говори: «онъ боленъ, онъ — дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недостоинъ:
Вся жизнь его — какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиреніе.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненіе;
Но если ты затѣйливо явилъ
Пугливое его воображеніе,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженъ:
Но если самъ презрѣнью клеветы
Ты про него невидимымъ былъ зломъ:
Но если цѣпь ему накиннулъ ты
И совнаго врагу предалъ со смѣхомъ.
И онъ прочелъ въ вѣмъ душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

1824 г.

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire..)

Ты вынешъ и молчишь; печаль тебя свѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялись. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали:
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ. и какъ насъ,

Дѣвцы вѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ вами,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?.. Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все, и если захочу,
То назову его. Не онъ-ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ, незримая, глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ коверъ по прихоти своей.
1824 г.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

(посвящено ПРАСКОВЬ АЛЕКСАНДР. ОСИПОВОЙ).

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой.
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого-же въ снѣгъ успокоенія
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненія?
Не я-ль въ день жажды наповнѣ
Тебя пустынными водами?
Не я-ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся-жъ, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ и мой коравъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличевы:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Нодъ сладкой снѣвью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица

А вы, о гости Магомета!
Стекался къ вечеру его,
Врегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ паренѣхъ дуяъ благочестивыхъ,
Не любить онъ велерѣчивыхъ,
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреннѣе
И цѣлохудреннѣе склоненіемъ
Его невольницъ молодыхъ.

III.

Смутася нахмурился пророкъ,
Слѣнца послышавъ приближеніе:

Бѣжить, да не дерзнетъ порокъ

Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто-жъ кичится человекъ?

За то-ль, что нагъ на свѣтъ явился,

Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,

Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то-ль, что Богъ и умертвить,

И воскресить его по волѣ?

Что съ неба дни его хранить

И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то-ль, что далъ ему плоды,

И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,

Благословивъ его труды

И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубить;

На землю громъ небесный грянетъ:

И братъ отъ брата побѣжитъ,

И сынъ отъ матери отираветь.

И всѣ предъ Бога притекутъ,

Обезображенные страхомъ:

И нечестивые падутъ,

Покрываютъ пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ тобою древле, о всемогущий,

Могущій состязаться мнилъ,

Безумной гордостью обильный;

Но ты, Господь, его смирилъ.

Ты рекъ: «я міру жизнь дарую,

Я смертию землю наказую,

На все подъята длань моя».

—Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,

И также смертию наказую,

Съ тобою, Боже, равенъ я.—

Но смолкла похвальба порока

Отъ слова гнѣва твоего:

«Подъемлю солнце я съ востока:

Съ заката подыми его».

V.

Земля недвижна; неба своды,

Творецъ, поддержаны тобой,

Да не надутъ на сушь и воды

И ве подавятъ насъ собой.

Зажегъ ты солнце во вселенной,

Да свѣтитъ небу и землѣ,

Какъ лень, елеемъ напоенный,

Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; онъ—могущій;

Онъ править вѣтромъ; въ знойный день

На небо посылаетъ тучи:

Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: онъ Магомету

Открылъ сияющій коранъ,

Да притечемъ и мы ко свѣту,

И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ

Въ бою съ обрѣтыми главами,

Съ окровавленными мечами,

Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,

О дѣти пламенныхъ пустынь!

Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь.

Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,

А малодушнымъ посмѣянье:

Они на бранное призванье

Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстися добычей боевою.

Теперь въ раскаянѣ своемъ

Рекуть: «возьмите насъ съ собою»;

Но вы скажите: «не возьмемъ».

Блаженны падшіе въ сраженѣ:

Теперь они вошли въ эдемы

И потонули въ наслажденѣ,

Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстанъ, боязливый: печальныя мысли,

Въ пещерѣ твоей Лукавыя сны!

Святая лампада До утра молитву

До утра горить. Смирненно твори;

Сердечной молитвой, Небесную книгу

Пророкъ, удали До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетой,

Не сыпъ своихъ даровъ разсчетливой рукою:

Щедрота полная угодна небесамъ.

Въ день грознаго суда, подобно нявѣ тучной,

О сѣятель благополучный,

Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,

Вручая нищему скуное подаенье,

Сжимаешь ты свою завистливую длань;

Знай: всѣ твои дары подобно горсти пыльной,

Что съ камня моетъ дождь обильный,

Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ,

Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.

Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи.

И зноемъ, и пылью тягчимыя очя

Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...

И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устре-

И жадно холодной струей освѣжилъ [милъ,

Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣнцы,

И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:

И многіе годы надъ нимъ протекли,

По волѣ владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;

Встааетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:

«Давно-ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»

И онъ отвѣчаетъ:—ужъ солнце высоко

На утреннемъ небѣ сіяло вчера;

Съ утра я глубоко проспалъ до утра.—

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣ сналъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ воз-
сталъ;
Ужъ палма истлѣла, а кладезь холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей».
И горемъ обаятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынь тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Взовъ зыблется палма тѣвистой главой;
Вновь кладезь паполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость:
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь;
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.
1824 г.

МЛАДЕНЦУ.

Дитя, ве смѣю надъ тобой
Произносить благословенья;
Ты—тихий ангелъ утѣшенья,
Да будетъ ясенъ жребій твой... 1824 г.

* *

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, край отчины
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкну, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ!
Прости, предѣлъ неблагоклонный.
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И снова задумчивыхъ души...
А ты, въ опасный день разлуки,
Забылъ для брата о себѣ;
Соединимъ-же братски руки
И покормимъ мы судьбѣ...
Благослови побѣгъ поэта...
Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнимъ,
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ... 1824 г.

* *

Стрекотувья бѣлобока,
Подъ калиткою моей
Скачетъ нестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ухахъ,
Лучъ зари сребрится алый,
Серебрится свѣжный прахъ...
1825 г.

* *

Лишь розы увядаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа,
И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благововвы
Надъ Летою цвѣтутъ...
1825 г.

* *

Пока сунругъ тебя, красавицу младую,
Между шести другихъ еще не заключилъ,
Ходи къ фонтану близъ могилъ
И чернай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Какъ невозвратная струя
Влестить, бѣжить и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
Въ гаремѣ такъ исчезну я.
1825 г.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!..
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внимлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
Мину!.. Всныхнула... пылаютъ... легкій дымъ,
Віясь, теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
Расстонленный сургучъ кинить... О Провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы:
На легкомъ неилѣ ихъ завітныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пенель милый,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...
1825 г.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда любовію и вѣгой упоенный,
Безмолвно продъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
Ты знаешь, милая, желалъ-ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжавью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли-ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо положивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь. ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи. любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что вѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что-же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою

Обрушилося вдругъ... Чтѣ я, гдѣ я? Стою,
 Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
 И все передо мной затмилось! П нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желая славы я, чтобъ имеемъ мы
 Твоей слухъ былъ пораженъ всесчасно; чтобъ ты
 Окружена была; чтобъ громкою молною [мною
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
 Чтѣ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣдніи моленія
 Въ саду, во тѣмъ ночной, въ минуту разлу-
 1825 г. ченья.

ВАХИЧЕСКАЯ ПЬСНЯ.

Чтѣ смолкнулъ веселія гласъ?
 Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
 Да здравствуютъ вѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 Полиѣ стакавъ наливайте!
 На звонкое дно,
 Въ густое вино
 Завѣтныя кольца бросайте!
 Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
 Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ ра-
 Ты, солнце святое, гори! [зумъ!
 Какъ эта лампада блѣднѣетъ
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
 Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
 Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!
 1825 г.

САФО.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
 Душою гордою, и пылкой, и незлобною,
 И первой младости красой женоподобной.
 1825 г.

ПРЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покажѣтъ я на слова...
 И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
 Но изъ виду не выпускаю насъ,
 И выберу когда-нибудь любого:
 Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
 Какъ налечу неожиданный, безпощадный—
 Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
 И сторожитъ индѣекъ и гусей.
 1825 г.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный изыскательною кровью,
 Кентавра жстѣйшій даръ, ревнивою любовью
 Алкиду переданъ. Алкидъ его пріять.
 Въ божественной крови ядъ быстрый побѣждалъ.
 Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
 Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
 Гнетъ, ломитъ древеся; исторженныя пни
 Высоко громоздитъ; его рукой они
 Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ
 всходитъ;
 Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ воз-
 водитъ.

Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
 Разостланъ. Дунулъ вѣтръ: поднялся свистъ и
 ревъ:
 Треща, горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
 Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.
 1825 г.

ДВИЖЕНІЕ.

Движенія вѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
 Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить
 Сидѣть-бы не могъ онъ позразить:
 Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
 Но, господа, забавный случай сей
 Другой примѣръ на память мнѣ приводить:
 Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
 Однакожъ иравъ упрямый Галилей.
 1825 г.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

(п. а. осповой).

Цвѣты послѣдніе милѣй
 Роскошныхъ первенцовъ полей.
 Они увялыя мечтаныя
 Живѣ пробуждаютъ въ насъ:
 Такъ иногда разлуки часъ
 Живѣ самаго свиданья.
 1825 г.

ДРУЖБА.

Чтѣ дружба? Легкій пылъ похмѣлья.
 Обиды вольный разговоръ,
 Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
 Иль покровительства позоръ.
 1825 г.

ПОДРАЖАНІЯ ПЬСНѢ ПЬСНЕЙ.

1.

Въ крови горитъ огонь желавья,
 Душа тобой уязвлена,
 Лобзай меня,—твой лобзанья
 Мнѣ слаще мирры и вина.
 Склонись ко мнѣ главою вѣжной,
 И да поцію, безмятежный,
 Пока дохнетъ веселый дѣвъ
 И двинется ночная тѣнь. (гл. 1, ст. 1—3).

2.

«Вертоградъ моей сестры.
 Вертоградъ уединенный;
 Чистый ключъ у ней съ горы
 Не бѣжитъ запечатлѣнный».
 —У меня плоды блестиать
 Наливные, золотые,
 У меня бѣгутъ, шумятъ
 Воды чистыя, живныя.
 Нардъ, алой и киннамонъ
 Благоуоніемъ богаты:
 Лишь повѣтъ аквилонъ,
 И закапятъ ароматы (гл. 4 ст. 12—17).
 1825 г.

Б У Р Я.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
 Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
 Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
 Играло море съ берегами,
 Когда лучъ молній озарялъ
 Ее всечасно блескомъ алымъ,
 И вѣтеръ бился и леталъ
 Съ ея летучимъ покрываломъ?
 Прекрасно море въ бурной мглѣ
 И небо въ блескахъ, безъ лазури;
 Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
 Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

1825 г.

СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО. «GONZAGO».

Тамъ звѣзда зари взошла,
 Пишно роза процвѣла:
 Это время насъ, бывало,
 Другъ ко другу призывало.
 На постели пузовой
 Дѣва сонною рукой
 Протирала томны очи,
 Удаляя грезы ночи,

И являлася она
 У дверей, пль у окна,
 Ранней звѣздочки свѣтаѣ,
 Розы утренней свѣжѣе.
 Лишь ее завижу я,
 Мнилось, легче вкругъ меня
 Воздухъ утренній струился;
 Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
 Межъ овецъ деревни всей,
 Зналъ любимую овечку
 И водилъ ее на рѣчку,
 На тѣнистые берега,
 На зеленые луга;
 Я поилъ ее, лелѣялъ,
 Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

Дѣва издали ко мнѣ
 Приближалась въ тишинѣ,
 И я пѣлъ, ее встрѣчая,
 Пѣлъ, гитарою бряцаая.
 Дѣвы радости моей
 Нѣтъ — на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
 Кто посмѣетъ подъ луною
 Спорить въ счастьи со мною?

Не завидую царямъ,
 Не завидую богамъ,
 Какъ увижу очи томны,
 Тонкій станъ и косы темны.
 Такъ я пѣлъ, бывало, ей,
 И красавицы моей
 Сердце пѣснью любовалось...
 Но блаженство мяновалось!

Гдѣ красавица моя?
 Одинокій плачу я.
 Замѣнили пѣсни нѣжны
 Стоянь и слезы безнадежны.

1825 г.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Все въ жертву памяти твоей:
 И голосъ лиры вдохновенной,
 И слезы дѣвы воспаленной,
 И трепетъ ревности моей...

1826 г.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
 Главой поникшею сіялъ,
 А демонъ мрачный и мятезный
 Надъ адской бездною леталъ.
 Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взиралъ
 И жаръ невольный умиленья
 Впервые смутно познавалъ.
 «Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
 И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
 Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
 Не все я въ мірѣ презиралъ»

1827 г.

С О Л О В Е Й.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
 Поетъ надъ розою восточный соловей;
 Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ
 И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремъ.
 Не такъ-ли ты поешь для холодной красоты? [летъ.
 Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
 Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
 Гладись — она цвѣтетъ, зымаешь — нѣтъ от-
 вѣта

1827 г.

Т А Л И С М А Н Ъ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
 На пустынные скалы,
 Гдѣ луна теплѣе блещетъ
 Въ сладкій часъ вечерней мглы,
 Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
 Дни проводятъ мусульманъ;
 Тамъ волшебница, ласкаясь,
 Мнѣ вручила талисманъ.
 И, ласкаясь, говорила:
 «Сохрани мой талисманъ —
 Въ немъ таинственная сила!
 Онъ тебѣ любовью дасть.
 Отъ недуга, отъ могилы,
 Въ бурю, въ грозный ураганъ
 Головы твоей, мой милый,
 Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока
 Онъ тебя не одаритъ,
 И поклонниковъ пророка
 Онъ тебѣ не покоритъ;
 И тебя на лоно друга,
 Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
 Въ край родной на сѣверъ съ юга
 Не умчатъ мой талисманъ...

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцѣлуютъ, не любя:
Милый другъ! отъ преступленья.
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ!»

1827 г.

* *

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Непьюснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ разваливъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослся,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто-жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальной красой,
И томно-нѣжной, и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ
И по неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой!

Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненъ вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой—
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ-ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаніѣ смотреть-ли она
На образъ нѣжной Форпарины,

Или Мадонны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Вогни вѣчной красоты?
И ты харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль!

1827 г.

* *

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Клеерой
Цвѣтетъ румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Клеору и Паеосъ
Мертвить дыханіе мороза—
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...

1827 г.

ТРИ КЛЮЧА

Въ стени мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкаетъ и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ стени мірской изгнанниковъ поитъ;
Последній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

1827 г.

19 ОКТЯБРЯ 1827 г.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ
И въ мрачныхъ пропастьяхъ земли!

ЗОЛОТО И БУЛАТА.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

1827 г.

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОН-СКОМУ.

(сыну декабриста, сержія григорьевича).
Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молить за отца.

1827 г.

* * *

Pres des bords où Venise est reine de la mer.
A. Chénier.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гошполой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ривальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ.
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ буря такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣши я пою.
И тайные стихи обдумывать люблю.

1827 г.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ:
Молчить его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь

До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта вострепещетъ,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенія полнъ,
На берега пустынныхъ волей,
Въ широкошумныя дубровы...

1827 г.

Толпа холодная поэта окружаетъ
И равнодушныя хвалы ему жужжить,
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внимаетъ
И звуочной лирою разсѣянно бряцать.

1827 г.

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ,
таится пещера:
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями,
и тѣнью
Входъ въ нее заслоненъ сквозь вѣтви блестя-
щимъ въ изливахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ.
Звонкой дугою
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубо-
кое русло
Рѣзвый ручей
Тихо по рощѣ густой онъ вѣется, ее веселя . . .
Сладкимъ журчаньемъ

1827 г.

19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись Богу.
Лицею прокрывавъ у ра,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

Риона — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга.
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?

Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала,
Какъ послушное дитя;
То — свободна и ревнива.
Своейравна и лѣнива —
Съ нею спорила шутя.

Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвымъ прихотямъ твоимъ,
Какъ любовникъ добродушный.
Снисходительно послушный,
Былъ я мучимъ и любимъ.

О, когда-бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты-бы съ нимъ обитала,
Какъ-бы пышно заблистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали-бы міру
Гезіодъ или Омиръ
«Фебъ однажды у Адмета,
Близъ тѣнистаго Тайгета
Стадо насъ, угрюмъ и сиръ.

«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли —
Бога лиры и свирѣли!
Бога свѣта и стиховъ!

«Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
Въ тихой рощѣ Геликона
. родила...

1828 г.

* * *

Въ степяхъ зеленыхъ Буджаака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка.
Обходить русскія владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоить безвѣстное селенье;
Семействами болгары тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Храня родительскіе нравы,
Питаясь рукъ своихъ трудомъ
И не заботясь о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой!..
1828 г.

* * *

Брадатый старичекъ Авдѣй
Съ поклономъ барынь своей
Поднесъ ученаго скворца
Замѣсто краснаго яичка.
Извѣстно вамъ, такая птичка
Умнѣй много мудреца...
Скворецъ
Вздыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ, картавя:
«Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»
1828 г.

* * *

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоятъ она,
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена».
(Это четверостишіе представляетъ собой пародію
на слѣдующіе стихи Подольскаго,—стихи, оче-
вѣ поправившіеся Пушкину:

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоятъ она,
Я мыслю—гурія пророка
Съ небесъ на землю сведена и пр.)
1828 г.

Е Я Г Л А З А.

(въ отвѣтъ на стихи кн. вяземскаго).
Она мила, скажу межъ нами—
Придворныхъ витязей гроза—
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.
Она владѣтъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то-ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ гевій,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько вѣги и мечты!..
Потупить ихъ съ улыбкой Деля—
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметь—ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!
1828 г.

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore.
A. Chénier.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безнечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу-ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой вѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало-ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало-ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипри-
А несправленный стократною обидой, [дой?
Я новымъ доламамъ песу мои мольбы ..
1828 г.

ПОРТРЕТЪ.

(гр. агр. оеодор. закревской).

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,—
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.
1828 г.

* * *

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузія печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.
Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе вальсы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..
Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.
1828 г.

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ пѣжныхъ
Довлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ уопителенъ языкъ!
Но прекрати свои рассказы;
Тай, тай свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!
1828 г.

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Цвѣтокъ засохшій, бездыханный.
Забутый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
И долго-ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ?
Чужой, знакомой-ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память вѣжнаго-ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья

Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
И живѣ-ли тотъ, и та жива-ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей непѣдомый цвѣтокъ?

1828 г.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворову летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ-бъ намъ отождать?
Какъ-бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ, подъ ракитой,
Богатырь лежитъ убитый.

Кѣмъ убить и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова.
Не убитого, живова.

1828 г.

ТЫ И ВЫ.

Пустое въ сердечнымъ ты
Она, обмолвись, замѣнила—
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою:
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ вы милы!
И мыслю: какъ тебѣ я люблю!

1828 г.

* * *

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!»

Прошли любовныя печали,
Смирлись легкія мечты..
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!..

1828 г.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удаляя?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ

Своеправно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ науправлю
Укороченной уздой.

1828 г.

ПРИМѢТЫ.

(А. А. ОЛЕПЯВНОЙ).

Я вѣдалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.

Я вѣдалъ прочъ: нны сны..
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суетѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

1829 г.

* * *

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ вѣрно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

1829 г.

ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

1829 г.

ИЗЪ ГАФИЗА.

Не плѣняясь бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавый
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраилъ среди мечей
Красоту твою замѣтитъ—
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній.
Прелесть пѣги и стыда!

1829 г.

* * *

Былъ я среди дощцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ я иривъ

Я привезъ домою нагайку.
На походѣ, на войнѣ
Сохранилъ я балалайку,
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку.
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней
И берегъ свою нагайку.
1829 г.

* *

Зорю бують... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ...
Умъ далече улетаетъ...
Звукъ привычный, звукъ живой?
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я давнишнюю порой!...
1829 г.

Д О Н Ъ.

Блѣща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...
Какъ прославленнаго брата,
Рѣки знаютъ тихій Донъ;
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.
Отдохнувъ отъ злой погоды,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.
Приготовь-же, Донъ заветный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.
1829 г.

Д Е Л И Б А Ш Ъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.
Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье:
Выпгъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на коше.
Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ.
А казакъ безъ головы.
1829 г.

М О Н А С Т Ы Р Ъ Н А К А З Б Е К Ъ.

Высоко надъ семью горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣущій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.
Далекій, возжелѣнный берегъ!
Туда-бъ, сказавъ «прости» ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!
1829 г.

К А В К А З Ъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ сѣтями у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной подвыннисъ вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселъ я вижу потоковъ рожденъе
И первое грозныхъ обваловъ движенъе.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водо-
Падъ нима утесовъ нагія громады: [пады,
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ
А тамъ уже рощи, зеленые сѣни, [сухой;
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по значнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣломъ весельѣ;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмныя громады.
1829 г.

Д О Р О Ж Н Ы Я Ж А Л О Б Ы.

Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.
На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобравнымъ мостомъ.
Иль чума меня подцѣнитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣбитъ
Непроворный нявалъидъ.

Иль въ лѣсу подѣ ножѣ злодѣю
 Попадуся въ сторонѣ,
 Иль со скуки околѣю
 Гдѣ-нибудь въ карантинѣ.
 Долго-ль мнѣ въ тоскѣ голодной
 Постѣ повольный соблюдать,
 И телятиной холодной
 Трюфли Яра поминать?
 То-ли дѣло быть па мѣстѣ,
 По Мясницкой развѣзжать,
 О деревнѣ, о невѣстѣ
 На досугѣ помышлять!

То-ли дѣло рюмка рома,
 Ночью сонъ, поутру чай;
 То-ли дѣло, братцы, дома!...
 Ну, пошолъ-же, погоняй!..

1829 г.

О Б В А Л Ъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
 Шумятъ и пѣнятся валы,
 И надо мной кричатъ орлы
 И роншаютъ боръ,
 И блещутъ средь волнистой мглы
 Вершины горъ.
 Отголь сорвался разъ обвалъ
 И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
 И всю тѣснину между скалъ
 Загородилъ.
 И Терекъ могучій валъ
 Остановилъ.
 Вдругъ, истошась и присмирѣвъ,
 О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ:
 Но задвигъ волю упорный гнѣвъ
 Прошибъ свѣга...
 Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
 Свои берега.
 И долго прорванный обвалъ
 Неталой грудю лежалъ
 И Терекъ злой подѣ нимъ бѣжалъ,
 И пылью водъ,
 И шумной пѣной орошалъ
 Ледяный сводъ.
 И путь по вемъ широкій шель,
 И конь скакалъ, и влекъ волю,
 И своего верблюда вель
 Степной купецъ,
 Гдѣ вынѣ мчится лишь Эоль,
 Небесъ жилецъ.

1829 г.

* * *

2-го Ноября.

Зима. Чтѣ дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣ-
 Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю, [чаю
 Вопросы: тепло-ль? утихла-ли метель?
 Пороша есть иль нѣтъ? и можно-ли постель
 Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
 Возиться съ старыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
 И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;

Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами:
 Глядимъ на блѣдный свѣтъ прележвыми глазами:
 Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой.
 Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
 Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
 Свѣча темно горитъ; стѣспаясь, сердце воетъ;
 Но каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
 Читать хочу—глаза надѣ буквами скользятъ.
 А мысли далеко... Я квигу закрываю;
 Беру перо, сижу, насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязныя слова.
 Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
 Надъ рнемой, надъ моей прислужницею странной.
 Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, съ дврою я прекращаю споръ,
 Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
 О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
 Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червоннаго гадаетъ короля.
 Тоска! Такъ депъ за днемъ идетъ въ уединенѣ!
 Но если подѣ вечеръ въ печальное селенье,
 Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
 Прѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
 Нежданная семья—старушка, двѣ дѣвицы,
 (Двѣ бѣлокурныя, двѣ стройныя сестрицы)—
 Какъ оживляется глухая сторона!
 Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
 Свачала косвенно-внимательныя взоры,
 Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры.
 А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
 И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
 И взоры томные, и вѣтренныя рѣчи,
 На узкой лѣстницѣ замедленные встрѣчи;
 И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо—
 Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
 Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
 Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
 Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли свѣговъ!..

1829 г.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце—день чудесный!
 Еще ты дремлешь другъ прелестный...
 Пора, красавица, проснись:
 Открой сомкнуты нѣгой взоры
 Навстрѣчу сѣверной Авроры.
 Звѣздой сѣвера явись!

Вечоръ ты помнишь, вьюга злилась,
 На мутномъ небѣ мгла носилась;
 Луна, какъ блѣдное пятно,
 Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
 И ты печальная сидѣла —
 А нынче... погляди въ окно:

Подѣ голубыми небесами,
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, свѣтъ лежить;
 Прозрачный лѣсъ одивъ чернѣтъ,

И ель сквозь ивей зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Приятно думать у лежанки...
Но знаешь: не велѣтъ-ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу.
Другъ милый, предамся бѣгу
Нетерпѣливаго кова
И навѣстимъ поля пустыя.
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ милый для меня.

1829 г.

А Р І О Н Ъ.

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напирягали.
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощныя весла. Въ тишинѣ
На руль склоняясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньѣ правилъ грузный челнъ;
А я—безнечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лово волнъ
Измялъ въ налету вихоръ шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ.
На берегъ выброшенъ грозною.
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

1827 г.

ЗАГАДКА.

(при посылкѣ дельвигу бронзоваго сфинкса).

Кто на снѣгахъ возростилъ Феокритовы вѣж-
ныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой уга-
далъ?
Кто славянину молодой, грекъ духомъ, а родомъ
германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

1829 г.

* * *

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аеинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія...
Однажды—слушайте, друзья!—
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась няфа молодая...
Она съ улыбкою глядѣтъ,
Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ горитъ,
Поспѣшно слѣдуетъ за нею...
Предъ ней домъ.....

Она на мигъ остановилась
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась....

1829 г.

* * *

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемля, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоёмъ
Повѣшу я—пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ.
Еще единый гимнъ—
Внемлите мнѣ, пенаты—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете-ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аеинская Паллада,—вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнатье удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліній,
Но васъ любить не преставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Вблизи вашего святого невелища
Моя душа—тамъ миръ и тишина.
Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненіемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
Весѣдуя одинъ съ самимъ собою...
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Несмертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ—
Чтить самого себя. О вѣтъ, вовѣкъ
Не преставалъ молить благоговѣнно
Васъ, божества домашнія...

1829 г.

* * *

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо
Ты всюду слѣдуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и взоръ?—я твой...

1829 г.

НАДПИСЬ КЪ КАРТИНКѢ ПЗЪ «ЕВ- ГЕНІЯ ОНѢГИНА».

приложенной при «Невскомъ альманахѣ» (авторъ
«Онѣгина» и Онѣгинъ на набережной Невы).

Вотъ перешедши мостъ Кокущинъ,
Опершись о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосею Онѣгинимъ стоитъ.

Не удостойвая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!
1829 г.

* * *

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его концытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ —
Лавиты, ярче вѣшнихъ розъ.
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальны лѣсъ в долъ завялый,
Проглянетъ день — и ужъ темно,
И будто путникъ запоздалый
Стучится буря къ намъ въ окно.
1830 г.

НА ПЕРЕВОДЪ ПЛАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эл-
линской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.
1830 г.

Н О В О С Е Л Ь Е .

(н. в. нащокину).

Благословляю новоселье.
Куда домашній свой кумиръ
Ты перевесть — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малый.
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.
1830 г.

М А Д О Н Н А .

(советъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ масте-
Украсить я всегда желалъ свою обитель, [ровъ
Чтобъ суетѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ
трудоу,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ обла-
конъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —
Она съ величьемъ, Онъ съ разумомъ въ
очахъ —

Взгляди, кроткіе, во славѣ п въ лучахъ.
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія: Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.
1830 г.

С О Н Е Т Ъ .

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ совета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камозисъ облакалъ.
И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ.
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеаль.
Подъ сѣвью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.
1830 г.

Ц Ы Г А Н Ы .

Надъ лѣсистыми берегами,
Въ часъ вечерней тишины.
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я-бы самъ въ иное время
Провожалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не поидетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящій вочлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.
1830 г.

НАЖЪ ИЛИ ПЯТНАДАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin.

Пятнадцать лѣтъ ужъ скоро минетъ;
Дождусь-ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь пикто не кипетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я зашпиловать;
Я важенъ, какъ старикъ беззубый;
Вы слышите мой голосъ грубый:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я вправлюсь дамамъ, ибо скромнѣй,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ томенъ,
И цвѣтъ лавитъ ея такъ томенъ.
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду — право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму;
И ужасъ какъ она ревнива...
За то со всѣмъ горделива
И мнѣ доступна одному.

Она готова хоть въ пустыню
Вѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!
1830 г.

Ш А Л О С Т Ь.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толсто-
пузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной му-
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной, [зой,
Попробуй. сладимъ-ли съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя-ли блажь оста-
И пѣсенкою насъ веселой позабавить? [внѣ,
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убо-
За ними черноземъ, равнины скаты отлогіи, [гій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темныя лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, а то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы
вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ
ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждате некогда, давно-бъ ужъ скоронилъ!
1830 г.

О С Е Н Ь.

(отрывокъ).

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ...
Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роша отряхаетъ
Последніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ. Сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я бо-
лѣнъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ —
Люблю ея снѣга въ присутствіи луны,
Какъ легкій бѣгъ саеи съ подругой быстръ и
Когда, подъ сободемъ согрѣта и свѣжа, [волеиъ,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣга да снѣга.
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю, надоѣстъ. Нельзя-же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами молодыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ-бы я тебя,
Когда-бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь: какъ поля, мы страдаемъ отъ за-
сухи;
Лишь какъ-бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жалъ зимы-старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминокъ ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно.
Какъ нелюбимое дѣтя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеслав-
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной. [ный.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Вѣднѣжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва:
Играетъ на лицѣ ея багровый пѣвътъ;
Она жива еще сегодня — завтра вѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье.
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;

Къ привычкамъ бытія пновъ чувствую любовь:
Чредой слетааетъ сонъ, чредой находятъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить пенужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ кояя; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, опъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенить промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ за-

бытомъ

Огонь опять горитъ—то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долги въ дунѣ мой питаю.

X.

И забываю міръ, в въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И ризмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ...
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижнмъ корабль въ недвиж-
ной влагѣ;
Но, чу!.. матросы вдругъ кидаются. ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XII.

Плыветъ... Куда-жъ намъ плыть? — Какіе
берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, иль вѣчные снѣга?

1830 г.

РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзая мысленно ласкать,
Вудать мечту сердечной сялой
И съ вѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта.

И для тебя твой другъ угасъ.

Прими-же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

1830 г.

ЦИКЛОПЪ.

(экспромптъ въ костюмѣ циклопа, на маскарадѣ
у вел. кн. елены навлонны).

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ—
Единый глазъ въ глафѣ моей.
Когда-бъ судьбы того хотѣли,
Когда-бъ имѣлъ я сто очей.
То всѣ-бы сто на васъ глядѣли.

1830 г.

* * *

Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змѣя спящаго, раздавятъ
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древяго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбулъ, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбулъ отвыкъ отъ пота битвы.

И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистый лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлѣютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ гаремы вводятъ.
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный.
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постымя мы; струю трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой невстовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ, какъ орлы, ревнивы,
Гаремы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ.

Алла великъ!

Къ намъ отъ Стамбула

Пришелъ гонимый янычаръ.
Тогда насъ буря долу гнула
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны.
Отъ Трапезунда до Тульчи.
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи:
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились дома янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли.

Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ глѣва обуянъ...

1830 г.

ЗАКЛИНАНИЕ.

О, если правда, что въ ночи,
 Когда покоятся живые
 И съ неба лунные лучи
 Скользятъ на камни гробовые,
 О, если правда, что тогда
 Пустѣютъ тихія могилы —
 Я тѣнь зову, я жду Ленлы:
 Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
 Явись, возлюбленная тѣнь,
 Какъ ты была передъ разлукой,
 Блѣдна, холодна какъ зимній день,
 Искажена послѣдней мукой.
 Приди, какъ дальняя звѣзда,
 Какъ легкій звукъ, иль дуновенье —
 Иль какъ ужасное видѣнье —
 Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Зову тебя не для того
 Чтобы укорять того, чья злоба
 Убила друга моего,
 Иль чтобы извѣдать тайны гроба;
 Не для того, что иногда
 Сомнѣньемъ мучусь... но тоскую,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что все я твой. Сюда, сюда!
 1830 г.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО
ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
 Всюду мракъ и сонъ докучный;
 Ходъ часовъ лишь одвозвучный
 Раздается близъ меня.
 Парки бабѣ лепеталье,
 Спящей почи трепеталье,
 Жизнь мышья бѣготня —
 Что тревожишь ты меня?
 Что ты значишь, скучный шопотъ?
 Укоризна, или ропотъ
 Мною утраченного дня?
 Отъ меня чего ты хочешь?
 Ты зовешь, или пророчишь?
 Я повять тебя хочу,
 Темный твой языкъ учу...
 1830 г.

* *
 *

Here's a health to thee, Mary.
 Barry Cornwall.

Пью за здравіе Мери,
 Милой Мери моей.
 Тихо заперъ я двери,
 И одинъ, безъ гостей,
 Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мерл,

Сочиненія А. С. Пушкина.

Краше Мери моей,
 Этой маленькой пери;
 Но нельзя быть милѣй
 Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь-же счастлива, Мери,
 Солнце жизни моей!
 Ни тоски, ни потери,
 Ни ненастливыхъ дней
 Пусть не вѣдаетъ Мери.
 1830 г.

* *
 *

Inesilla! I am here.
 Barry Cornwall.

Я здѣсь, Пнезвля,
 Стою подъ окномъ!
 Объята Севилья
 И мракомъ, и сномъ!
 Исполненъ отвагой,
 Окутанъ плащемъ,
 Съ гитарой и шпагой
 Я здѣсь, подъ окномъ!

Ты спишь-ли? Гитарой
 Тебя разбужу!
 Просветится ли старый —
 Мечемъ уложу.
 Шелковыя петли
 Бъ окошку привѣсь...
 Что-жъ медлишь? Ужъ нѣтъ-ли
 Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Пнезвля,
 Стою подъ окномъ!
 Объята Севилья
 И мракомъ, и сномъ!
 1830 г.

* *
 *

Предъ испанкой благородной
 Двое рыцарей стоятъ;
 Оба смѣло и свободно
 Въ очи прямо ей глядятъ.
 Влещутъ оба красотю,
 Оба сердцемъ горячи,
 Оба мощною рукою
 Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
 И, какъ слава, имъ мила.
 Но одинъ ей милъ. Кого-же
 Дѣва сердцемъ избрала?
 «Кто, рѣшивъ, любимъ тобою?»
 Оба дѣвъ говорятъ
 И съ надеждой молодою
 Въ очи прямо ей глядятъ.
 1830 г.

* *
 *

Для береговъ отчизны дальней
 Ты покидала край чужой;
 Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
 Я долго плакалъ предъ тобой.
 Моя хладѣющія руки

Тебя старались удерживать;
 Томленья страшнаго разлуки
 Мой стоишь молишь не прерывать.
 Но ты отъ горькаго лобзанья
 Свои уста оторвала;
 Изъ края мрачнаго изгнанья
 Ты въ край иной меня звала.
 Ты говорила: «въ день свиданья
 Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
 Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
 Мы вновь, мой другъ, соединимъ».

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
 Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
 Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
 Заснула ты послѣднимъ сномъ.
 Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой —
 Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
 Но жду его: онъ — за тобой!..
 1830 г.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утѣсь ее дѣва
 разбила.
 Дѣва печальна сидитъ, праздный держа чере-
 покъ.
 Чудо! не саянеть пода, изливаясь изъ урны
 разбитой:
 Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печальна си-
 дитъ.
 1830 г.

О Т Р О К Ъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студе-
 наго моря;
 Мальчишекъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставъ рыбака!
 Мрежи иные тебя ожидаютъ, иные заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь помощникъ ца-
 ря.
 1830 г.

Р И О М А.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по берегу
 Пенея.
 Фебъ, увидѣвъ ее, страстию къ ней воспылалъ.
 Нимфа плодъ повесла восторговъ влюбленнаго
 бога;
 Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
 Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти стро-
 гой.
 Музамъ мила; на землѣ Риежой зовется она.
 1830 г.

Т Р У Д Ъ.

Мигъ вождельный насталь. Оконченъ мой
 трудъ многолѣтній.
 Что-жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
 Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ по-
 денщикъ ненужный,

Плату пріавшій свою, чуждый работѣ другой?
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
 Друга Апроры златой, друга певатовъ святыхъ?
 1830 г.

Э Х О.

(изъ томаза мурра).

Реветь-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
 Трубитъ-ли рогъ, гремѣть-ли громъ.
 Поеть-ли дѣва за холмомъ —
 На всякій звукъ
 Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
 Родитъ ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
 И гласу бури и валовъ,
 И крику сельскихъ пастуховъ —
 И плешь отвѣтъ;
 Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
 И ты, поэтъ!
 1831 г.

* *

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не сиѣю, не могу
 Волненьямъ любви безумно предаваться!
 Спокойствіе мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться.
 Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему-жъ порой
 Не погружусь я въ минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдетъ передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье?
 Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ,
 Любуясь дѣвою въ томленьи сладострастья,
 Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцемъ ей желать всѣхъ благъ жизни сей:
 Веселье, миръ души, безпечные досуги,
 Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
 Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги?
 1832 г.

* *

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
 Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изсту-
 пленьемъ,
 Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
 Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ зифей,
 Порывомъ пылкихъ ласкъ и извою лобзавій
 Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ мѣлѣ ты, смиренница моя!
 О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
 Когда, склонясь на долгія моленья,
 Ты предаешься мнѣ вѣжна, безъ упоенья,
 Стыдливо холодна, восторгу моему
 Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
 И разгораешься потомъ все болѣе, болѣе, —
 И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.
 1832 г. (Относится къ жевѣ поэта).

* * *

Французскихъ приемчей суровый судія.
О классикъ Деверо, къ тебѣ взываю я!
Хотя, постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть проро-
комъ;

Хотя дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густого парика,
Хоть растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвъ обратилъ ты свой затылокъ
голый;

Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобою
Занять кафедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глухцавъ, вравью тогдашнихъ
поръ!

Новѣйшіе врази вразей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни беспокоятъ!
Ужели все молчать и слушать?... О бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые, восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараєте бумагу,
Тисненію предавать труды свои спѣша—
Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена.—прямымъ-ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а девьги нужны
вамъ?

Не лучше-ль вамъ съ надеждою смиренной
Заняться службою гражданской или военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завести,
Снискать себѣ въ трудѣ и барыши, и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
Кропая сильному вельможѣ мадригалы.
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль, вышнимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики—(оплошнѣй, чѣмъ пи-
саки)

Подписку собирать на будущія враки.

1833 г.

* * *

Цѣвитель умственныхъ творевій исполнскихъ,
Другъ бардовъ Англіи, любовникъ музъ ла-
тинскихъ,

Ты къ мощной древности опять меня манишь
(И подражать великимъ образцамъ) велишь.

Я приготовился бороться съ Ювеналомъ.

И въ русскіе стихи, неопытный поэтъ,
Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;

Но, развернувъ его суровыя творенья,

Не могъ преодолѣть стыдливаго смущенья...

1833 г.

* * *

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой,
Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
По дорогѣ столбовой.

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой.
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно.
Грустенъ вѣтра дальній вой...

Пой: въ часы дорожной скуки,
На дорогѣ столбовой,
Сладки мнѣ родные звуки
Звонкой пѣсни удалой.

1833 г.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

изъ АЕОНЕЯ.

Славная флейта, Θεονъ, здѣсь лежитъ. Пред-
водителя хоромъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скириаль
родилъ.
И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Θεο-
номъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный
Θεονъ;
Славилъ в Βίταλα онъ, молодого красавца.
Прохожій
Мимо гробницы сиѣша, вымолви: здравствуй,
1833 г. Θεονъ!

II.

изъ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО.

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши бли-
стаютъ:
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, за-
жмурясь,
Ладава сладостный дымъ; другой открываетъ
амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, ян-
тарный
Медъ и сыръ молодой,—все готово; весь убранъ
цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ тра-
пезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣстія
рѣчи;
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ
чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно-же и легче. Теперь
мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не
велика —

Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться;
но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и
1833 г. тихо.

III.

изъ юна хюсскаго.

вино.

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добро-
нравный,
Шумный зачищикъ обидъ, милый заступникъ
1833 г. любви.

* *

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ—
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая (лапой) пыль и гриву потрясая,
И воздри пыльная уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.
1833 г.

* *

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума!
Нѣтъ, легче посохъ и сума
Нѣтъ, легче трудъ и гладь.

Не то, чтобъ разумомъ мнѣ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

Когда-бъ оставили меня
На волѣ, какъ-бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ-бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался-бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

И я-бъ заслушивался полночь,
И я глядѣлъ-бы, счастья полночь,
Въ пустыя небеса.

И сивень, волень былъ-бы я,
Какъ вихрь, роющій поля,
Ломающій лѣса,

Да вотъ бѣда: сойди съ ума—
И страшень будешь, какъ чума;
Какъ-разъ тебя запрутъ:

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрька,
Дразнить тебя придутъ.

А ночью слышать буду я
Не голосъ сладкій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань зрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.
1833 г.

ЭКСПРОМПТЪ.

Полюбуйтесь-же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Червоокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣвила эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О какія-же здѣсь сѣти
Рокъ памъ стелеть въ темнотѣ:
Рюмы, деньги, дамы эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.
1833 г.

МИЦКЕВИЧЪ.

..... Онъ между нами жилъ,
Средь племенъ ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ памъ не питаль онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлялись мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость нашъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть; издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!
1834 г.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

(книга II, ода VII: ad Pompejum.)

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлалъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревога боевая
Въ шатрѣ за чашей забывалъ
И кудри, плещемъ увитыя,
Сирийскимъ муромъ умащаль?

Ты помнишь часть ужасной битвы,
Когда я. трепетный квиригъ,
Вѣжалъ. нечестно броса шить,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдалѣ умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Сядь подъ сѣнь моихъ пенатовъ:
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстатъ воздержанье:
Какъ дикій скіонъ, хочу я пить,
И съ другомъ праздноя свданье.
Въ винѣ разсудокъ утопить.

1835 г.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

Что-же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только нѣяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы—не скины; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдную невинно.

1835 г.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

ОДА LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ тавраммъ;
Узнаемъ пароянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный—
Наслаждевіи знакъ нескромный.

1835 г.

* *

*

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харвтамъ
Обваженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью:
Третья—дружбѣ многолѣтней.

Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліанье
Благодатному Морфею.

1835 г.

LVI ОДА АНАКРЕОНА.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него-же нѣтъ исхода—
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

1835 г.

* *

Юноша! скромно пруй, и шумную Вакху
влаго
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой
мѣшай.

1835 г.

МАЛЫЧКУ.

(ПѢЗЪ КАТУЛЛА.)

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерва
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты-же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

1835 г.

* *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ за-
дремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій делѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

1835 г.

* *

Отъ меня вѣчоръ Лейла
Равнодушно уходила.
Я сказалъ! «постой! куда?»
А она мнѣ возразила:
«Голова твоя сѣда».
Я насмѣшивцѣ нескромной
Отвѣчалъ: «всему пора!
То, что было мускусъ темный.
Стало нынѣ камфора».
Но Лейла неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: «знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ».

1835 г.

*

Не розу паоосскую, Стихами хвалю;
Росой оживленную, Но розу счастливую,
Я вынѣ пою: На персяхъ увядшую
Не розу оеосскую, Элины моей...
Виномъ окропленную, 1835 г.

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ вѣжливый,
Не стыдись: во вѣкъ ты мой;
Тотъ-же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точъ-въ-точъ двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.
1835 г.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвиняла,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонимъ небесъ.
1835 г.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его привикъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей
добычей смрадной
И бросилъ трупъ живой въ гортань геены
гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно повесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзавіемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавіи Христа.
1836 г.

НА СТАТУИ:

І. мальчика, играющаго въ бабки.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой
о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся,
народъ любовитный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой
игрѣ.

ІІ. мальчика, играющаго въ свайку.

Юноша, полный красы, напряженья, усилія
чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, и тѣшится быстрой
игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ,
клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отды-
хатъ...
1836 г.

Альбомныя стихотворенія и посланія.

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой;
И съ лирою забвенной,
Мечтами крыленный,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился
И въ пустыи глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!..
И быструю стрѣлой
На Невскій берегъ причуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчий кровъ,
Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатый —
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застапу,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жавъ-Жака-ли читаешь?
Жавлисъ-ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греємъ и Томсономъ
Ты пронеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудравый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль москву престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ вѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль согласишь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччины иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою,
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душою,
Какъ ясный вѣшній день.
Забыты днѣ разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчѣ сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья —
И скука на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ, водойналитый,
Соломенна свирѣль —
Вотъ все, чтѣ предъ собою
Я вижу, пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ колѣбѣ я блаженъ!
Чтѣ было-бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлечшись въ даль судьбою,
Явдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Явился заключеннымъ,
На вѣки погребеннымъ —
И скрипнула врата,
Сожмнувшись за мною,
И міра красота
Одѣлась черной мглою!..
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы,
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ киветъ позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце омрачено
Не радуется оно.
Иль позднюю зарю,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ —
Близъ келіи встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь
И вздохомъ провожаю
Скрывающийся день!...

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Надутъ, надутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ

Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ;
Снѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои!
1814 г.

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса,
За лаврами спѣшишь опасною стезей
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, черни-
Забудь ручки, дѣса, унылыя могилы, [лы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтѣбъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечаталъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалась
И съ глупой музою на вѣкъ соединяясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
Сокрывать другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ данъ поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшися безславія! Чтѣ, если Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ,
Съ презрѣнемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградить — спасительной лозою?

Но чтѣ? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй», скажешь мнѣ, «не трать излиш-
ныхъ словъ»;

Когда на чтѣ рѣшусь, ужъ я не отступаю,
И знай, мой жребій налъ, я лиру избираю.
Пусть судить обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
Сердись, кричи, бранись — а я таки поэтъ».

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто рвены плестъ
И перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ; [умѣетъ,
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ло-
моновъ,

Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва ро-
творенья громкія Рюматова, Графова, [дасъ!
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гниютъ у Глазупова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ чи-
И Фебова на нихъ проклятія печать. [татъ,

Положимъ, что, ва Пиндѣ взбравшись счаст-
ливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ;
Но минешь-ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,

За то, что ты поэтъ, песнѣтныя богатства,
 Что ты уже берешь на откупъ государства,
 Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хорошишь,
 И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
 Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
 Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
 Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
 Лачужки подъ землей, высоки чердаки—
 Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
 Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
 Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
 Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Рус-
 Камосъ съ нищими постелю раздѣляетъ; [со;
 Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
 Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
 Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—
 сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.

«Да что-же», говоришь, «судя о всѣхъ такъ
 Перебирая все, какъ новый Ювеналъ, [строга,
 Ты о поэзии со мною толковалъ;
 А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами,
 Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
 Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ-литы, плъ вѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ
 отвѣтъ:

Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
 Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
 Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
 И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пья-
 Попался ему настрѣчу мужики: [ный;
 «Послушай, батюшка, сказали простяки,
 Настави грѣшныхъ насъ—ты пять вѣдъ запре-
 щаешь,

Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
 И вѣривъ мы тебѣ, да что-жъ сегодня самъ?..»
 «Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ:
 Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступай-
 Живите хорошо, а мнѣ не подражайте». [те;

И мнѣ то самое пришлось отвѣчать;
 Я не хочу себя ни мало оправдать.
 Счастливъ, кто, ко стихамъ не чувствуя охоты,
 Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
 Своими одами журналовъ не тягчить.
 И надъ экспромптами недѣли не сидитъ;
 Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
 Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
 Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
 Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ не пійтъ!

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
 И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
 Теперь, любезный другъ я далъ тебѣ совѣтъ.
 Оставишь-ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше
 вдвое.

1814 г.

КЪ НАТАЛЬѢ.

(крѣпостной актрисѣ графа в. в. толстого.)

Такъ, мнѣ узнать случилось,
 Что за птица Купидовъ;
 Сердце страстное плѣнилось,
 Признаюсь: и я влюбленъ!
 Пролетѣло счастья время,
 Какъ, любви не зная бремя,
 Я живалъ, да поивалъ;
 Какъ въ театрѣ и на балахъ,
 На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ,
 Легкимъ зефиромъ леталъ;
 Какъ, смѣясь, во зло Амуру
 Я писалъ карикатуру
 На любезный женскій полъ.
 Но напрасно я смѣялся;
 Наконецъ и самъ попался:
 Самъ, увы, съ ума сошелъ.
 Смѣхъ, вольность, все подъ лавку,
 Изъ Катоновъ я въ отставку,
 И теперь я—селадовъ
 Миловидной жрицы Тальи;
 Видѣлъ прелести Наталья—
 И ужъ въ сердцѣ Купидовъ!

Такъ, Наталья, признаюсь:

Я тобою полоненъ:
 Въ первый разъ еще (стыжуся)
 Въ женски прелести влюбленъ;
 Цѣлый день, какъ въ верчуся,
 Лишь тобою занятъ я;
 Ночь придетъ—и лишь тебя
 Вижу я въ пустомъ мечтанъ;
 Вижу, въ легкомъ одѣянъ
 Будто милая со мной;
 Робко, сладостно дыханье,
 Вѣлой груди колебанье,
 Снѣгъ затмившей бѣлизной,
 И полуотверсты очи,
 Скромный мракъ безхолвной ночи—
 Духъ въ восторгъ приводятъ мой!..
 Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
 Вижу дѣвственну лилею,
 Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
 А проснулся—вижу мракъ
 Вкругъ постели одинокой...
 Испускаю вздохъ глубокой:
 Совъ лѣтний, томноокій
 Отлетаетъ на крылахъ;
 Страсть сильнѣе становится;
 И любовью утомясь,
 Я слабѣю каждый часъ—
 Все къ чему-то умъ стремится...

Но, Наталья, ты не знаешь,
 Кто твой вѣрный селадовъ?
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смѣетъ онъ
 И падѣяться?.. Наталья!
 Выслушай еще меня:

Не владѣтель я серала,
 Не арабъ, не турокъ я;
 За учтиваго китайца,
 Грубаго американца
 Почитать меня нелзя;
 Не представъ и пѣичурю,
 Съ колпакомъ на волосахъ,
 Съ кружкой, пивомъ налитю,
 И съ сигарою въ зубахъ;
 Не представъ кавалергарда
 Въ каскѣ, съ длиннымъ палахомъ—
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпага, сабля, алебарда
 Не тягчать моей руки...

Кто-же ты, болтувъ влюбленный?..

1816 г.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны:
 Не для тебя свои законы
 Владѣлецъ Пинда начерталъ;
 Тебѣ не много Богъ пошлалъ:
 Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
 Пѣмья взоровъ обращенья
 Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
 И шумныхъ блесковъ увлеченья.
 Жестокой суждено судьбой
 Тебѣ актрисой быть дурной;
 Но, Хлоя, ты мила собой.
 Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
 Сулятъ любовникамъ утѣхи—
 И такъ, вѣщи передъ тобой
 И несомнительны успѣхи.

Ты плѣвнымъ зрителя ведешь,
 Когда безъ такта ты поешь,
 Недвижно стоя передъ нами,
 Поешь, и часто не впопадъ;
 А мы усердными руками
 Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ:
 Bravo! bravissimo! чудесно!
 Свистки сатириковъ молчатъ,
 И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
 Ты сложишь руки у груди,
 Или поднимешь ихъ и снова
 На грудь положишь, застыдась;
 Когда Милона молодого,
 Лепеча что-то не для насъ,
 Въ любви, безъ чувства, увѣряешь,
 Или безъ памяти, въ слезахъ,
 Холодный испуская: «ахъ»,
 Спокойно въ кресла упадешь.
 Краснѣя и чуть-чуть дыша,
 Всѣ шепчутъ: «ахъ, какъ хороша!»
 Увы, другую-бъ освидали!
 Велико дѣло—красота!
 О Хлоя, мудрые солгали:
 Не все въ свѣтѣ суета.

Плѣвнай-же. Хлоя, красотою!
 Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
 Который пѣжно предъ тобою,
 Осмѣлясь, о любви поетъ,
 Въ стихахъ и прозою, на сценѣ,
 Тебя кланется обожать,
 Кому ты можешь отвѣчать,
 Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
 Блаженъ, кто можетъ роль забыть
 На сценѣ съ миленькой актрисой,
 Жать руку ей, надѣясь быть
 Еще блаженнѣй за кулисою!

1814 г.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и пинтъ,
 Парнасскій счастливый любимецъ,
 Харитъ изпѣженный любимецъ,
 Наперсникъ милыхъ Лонидъ!
 Почто на арфѣ златострунной
 Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
 Ужель и ты, мечтатель юный,
 Разстался съ Фебомъ наковецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ.
 Межъ кудрей вьющихся, златыхъ,
 Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
 Въ кругу красавицъ молодыхъ,
 Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
 Любовь и Вакха не поешь;
 Довольный, счастливый началомъ,
 Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
 Не слышенъ нашъ Парна российский.
 Пой, юноша! Пѣвецъ тишескій
 Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
 Съ тобою твой престельный другъ,
 Лилета, красныхъ дней отрада:
 Пѣвцу любви любовь—награда.
 Настрой-же лиру, по струвамъ
 Летай игривыми перстами,
 Какъ вешій эфиръ по цвѣтамъ,
 И сладострастными стихами,
 И тихимъ шопотомъ любви
 Лилету въ свой шалашъ зови;
 И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
 Цлывущихъ въ дальній вышнѣй,
 Въ уединенномъ кабинетѣ,
 Волшебной внемля тишинѣ,
 Слезами счастья грудь прекрасной,
 Счастливцемъ милый, орошай;
 Но упоенъ любовью страстной,
 И вѣжвыхъ музъ не забывай!
 Люби бѣтъ болѣ счастья въ мѣрѣ;
 Люби—и пой ее на плѣвѣ.

Когда-жъ къ тебѣ въ досужный часъ
 Друзья, знакомые соберутся,
 И вива плѣвныя полюбятся,
 Отъ плѣва съ трескомъ свободясь,—
 Описывай въ стихахъ игривыхъ
 Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
 Вокругъ накрытаго стола,

Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
 И стукъ блестящаго стекла;
 И гости дружно стикъ веселый,
 Бокалъ въ бокалъ удара въ ладъ,
 Нестройнымъ хоромъ повторятъ.
 Поэтъ! въ твоей предметы водѣ!
 Во звучны струны смѣло грянь,
 Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
 И грозну смерть на ратномъ полѣ:
 И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
 И ты, постигнутый судьбою,
 Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
 Ты палъ, и хладною косою
 Едва, скошенный, не увялъ!
 Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сатиры жаломъ:
 Подъ-часъ прими ея свистокъ,
 Рази, осмѣивай пороки;
 Шутя, показывай смѣшное.
 И если можно, насъ исправь;
 Но Тредьяковского оставь
 Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
 Увы: довольно безъ него
 Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
 Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
 Пера достойныхъ твоего!

Скажи, по милости, Грифону,
 Ползкомъ ползущу къ Геликону,
 Чтобъ пересталъ совѣмъ писать
 И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
 Скажи ему, что яши внуки
 Не стануть вздоръ его читать...
 Все, все позволено поэту!
 Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
 Что Висковатовъ не впопадъ
 Уродовъ выставилъ на сцену,
 Визжать заставилъ Мельпомену,
 Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
 Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
 Своимъ домкомъ тихонько правилъ
 И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
 Покамѣстъ не печаталъ одъ,
 Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
 Гдѣ мы навидѣлись всего,
 Гдѣ «всѣ чудовища геенны,
 На жертву агпцы обреченны»,
 Гдѣ вѣтъ лишь смысла одного.

Но что? Цѣвницею моею,
 Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
 Я пѣсни продолжать не смѣю.
 Прости—но помни мой совѣтъ:
 Доколѣ, музами любимый,
 Ты Піэридъ горишь огнемъ;
 Доколѣ, сраженъ стрѣлой незримой,
 Въ подземный ты не снидешь домъ,
 Мірскія забывай печали,
 Играй: тебя, молодой Назонъ,
 Эротъ и Граціи вѣнчали,
 А лиру строилъ Аполлонъ.

1814 г.

къ николаю григорьевичу
 ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
 Надежду пристань тишины,
 Челнокъ свой весело направилъ
 По влагѣ бурной глубины;
 Судъ ба на руль уже склонилась,
 Спокойно свѣтятъ небеса,
 Лады крылатая пустилась—
 Расправитъ счастье е паруса.
 Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
 Вблизи ты ужасъ не видалъ,
 Чтобъ бурный вихоръ не вздувалъ
 Предъ челнокомъ шумящи воды!
 Дай Богъ, подъ-вечеръ, къ берегамъ
 Тебѣ пристать благополучно
 И отдохнуть спокойно тамъ
 Съ любовью, дружба ой неразлучно!
 Итъ, ты не можешь ихъ забыть!
 Но что! не скоро, можетъ быть.
 Увижусь я, мой другъ, съ тобою
 Укроной хаты въ тишинѣ...
 За чашей пунша круговою
 Подъ-часъ вспомнишь обо мнѣ;
 Когда-жъ пойду на новоселье
 (Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
 Скажи: дай Богъ ему веселье!
 Онъ въ жизни хотъ любить умѣлъ.

1814 г.

ГОРОДОКЪ.

(къ ***).

Прости мнѣ, милый другъ,
 Духлѣтнее молчанье:
 Писать тебѣ посланье
 Мнѣ было недосугъ.
 На тройкѣ принесенный
 Изъ родины смиренной
 Въ великій градъ Петра,
 Отъ утра до утра
 Два года все кружился
 Безъ дѣла въ хлопотахъ,
 Зѣвалъ и веселился
 Въ театрѣ, на пирѣхъ;
 Не вѣдалъ я покоя,
 Увы! ни на часокъ,
 Какъ будто у налота
 Въ великій четвертокъ
 Измученный дьячокъ.
 Но слава, слава Богу!
 На ровную дорогу
 Я выѣхалъ теперь,
 Ужъ вытолкать за дверь
 Заботы и печали,
 Которыя играли—
 Стыжусь—столь долго мной.
 И въ тишинѣ святой
 Философомъ лѣнивымъ,
 Отъ шума вдаль,

Живу я въ городкѣ,
 Безвѣстностью счастливомъ.
 Я напялъ свѣтлый домъ:
 Съ диваномъ, съ камелькомъ
 Три комнати простыя—
 Въ нихъ злата, бронзы пѣтъ,
 И ткани выписныя
 Не кроютъ ихъ паркетъ.
 Окошки—въ садъ веселый,
 Гдѣ липы престарѣлы
 Съ черемухой цвѣтутъ;
 Гдѣ мнѣ въ часы полднены
 Березокъ своды темны
 Прохладну сѣнь дають;
 Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
 Силелся съ фіалкой вѣжной,
 И быстрый ручеекъ,
 Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
 Невидимый для взора,
 Лепечетъ у забора.
 Здѣсь добрый твой поэтъ
 Живетъ благополучно;
 Не ходитъ въ модный свѣтъ;
 На улицѣ каретъ
 Не слышенъ шумъ докучный;
 Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
 Лишь взрѣдка телѣга
 Скринитъ по мостовой,
 Иль путникъ, въ домикъ мой
 Пришедъ искать ночлега,
 Дорожную клюкой
 Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
 Въ покоѣ, безъ заботъ,
 Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
 И маленькій Эротъ;
 Блаженъ, кто на просторѣ
 Въ укромномъ уголкѣ
 Не думаетъ о горѣ,
 Гуляетъ въ колнакѣ,
 Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
 О гостѣ не хлопочетъ!
 Никто, никто ему
 Лѣниться одному
 Въ постелѣ не мѣшаетъ;
 Захочетъ—Донидъ
 Толпу къ себѣ сзываетъ;
 Захочетъ—сладко спитъ,
 На Риемова склопяся
 И тихо забываясь.
 Такъ я, мой милый другъ,
 Теперь расположился;
 Съ толпой безстыдныхъ слугъ
 На вѣки распростился;
 Укрывшись въ кабинетъ,
 Одинъ я не скучаю,
 И часто цѣлый свѣтъ
 Съ восторгомъ забываю.
 Друзья мнѣ—мертвецы,

Парнасскіе жрецы.
 Надъ полкою простою,
 Подъ тонкою тафтою,
 Со мной они живутъ.
 Пѣвцы краснорѣчивы,
 Прозанки шутливы—
 Въ порядкѣ стали тутъ.
 Сытъ Мома и Минервы,
 Фернейскій злой крикунъ,
 Поэтъ въ поэтахъ первый,
 Ты здѣсь, съдой шалунъ!
 Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣтства сталъ пинтъ;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣе томить;
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты вѣжливый другъ,
 Арьоста, Тасса ввѣкъ—
 Скажу-ль?.. отецъ Кандида!
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственный старикъ!
 На полкѣ за Вольтеромъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ нѣстѣ предстоятъ.
 Въ часъ утренній досуга
 Я часто другъ отъ друга
 Люблю ихъ отрывать.
 Питомцы юныхъ Грацій—
 Съ Державиннымъ потомъ
 Чувствительный Горацій
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезный,
 Поэзіей прелестной
 Сердца привлекшій въ алѣбъ,
 Ты здѣсь, лѣнтяй безнечный,
 Мудрецъ простосердечный,
 Ванюшка Лафонтенъ.
 Ты здѣсь!.. И Дмитревъ вѣжливый,
 Твой вымыселъ любя,
 Нашелъ пріютъ надежный
 Съ Крыловымъ близъ тебя.
 Но вотъ наперсникъ милый
 Сихей златокрылой! (И. О. Богдановичъ).
 О добрый Лафонтенъ,
 Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
 Коль можешь ты дивиться,
 Дивись: ты побѣжденъ!
 Воспитаны Амуромъ,
 Верже, Парни съ Грекуломъ
 Укрылись въ уголокъ
 (Не разъ они выходятъ
 И сонъ отъ глазъ отводить
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ;
 Съ Мольеромъ-исполиномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурая важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является отважно

Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарна видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащія въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глухова псаломѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однѣмъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ, и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я сиряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный.
Вѣками сбереженный,
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньѣ...
Не трудно отгадать:
Такъ, это — сочиненья,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славъ,
Враги парнасскихъ узъ!
О князь, наперсникъ музъ, (Кв. Д. П. Гор-
Люблю твои забавы; [чаковъ]).
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Играю остроу.
И ты, насмѣшникъ смѣлый, (К. Н. Батюш-
Въ ней мѣсто получилъ, [ковъ])
Чей въ Адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ затопилъ;
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ, (В. Л. Пушкинъ).
Въ картинахъ столь богатыхъ
И вкуса образецъ;
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны в кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ! (Н. А. Крыловъ).
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпоновуетъ
Такой оригиналъ?
Тутъ, вѣжу я, съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ;

Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятенѣ
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженья,
Играютъ въ кубари...
Но назову-ль дѣтину,
Чтѣ dobroю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой?..
О ты, высотъ Парнаса
Бояринъ небольшой,
Но пылаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды,
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ Свистовъ! (Гр. Д. Н. Хвостовъ).
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть, право, не знатокъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите-же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними —
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда-же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потопитъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся ночи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи.
И шорохъ по лѣсамъ —
Мой гений невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьей волюнкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ вѣкъъ пѣтъ!»

Но ею-ль мнѣ гордиться,
Но мнѣ-ль безсмертьемъ льститься?..

До слезъ я спорить радъ,
 Не бьюсь лишь объ закладъ...
 Какъ знать? и мнѣ, быть можетъ,
 Печать свою вложить
 Небесный Аполлонъ;
 Сіяя горнымъ свѣтомъ,
 Безтрепетнымъ полетомъ
 Взлечу на Геликонъ.
 Не весь я преданъ тѣбнью;
 Съ моей, быть можетъ, тѣбнью
 Полуночной порой
 Сынъ Феба молодой,
 Мой правнукъ просвѣщенный,
 Вѣсѣдовать прѣдетъ,
 И мною вдохновенный,
 На лирѣ воздохнетъ.

Покажѣтъ, другъ безцѣнный,
 Каминномъ освѣщенный,
 Сажу я подъ окномъ
 Съ бумагой и перомъ.
 Не слава предо мною,
 Но дружбою одною
 Я нынѣ вдохновенъ...
 Мой другъ, я счастливъ ею;
 Почто-жъ ея сестрой,
 Любовію молодой,
 Напрасно пламенѣю?
 Иль юности златой
 Вотще даны мнѣ розы,
 И лить на вѣки слезы
 Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,
 Мой горестный удѣлъ?..
 Пѣвца сопутникъ милый,
 Мечтанье легкокрыло!
 О, будь-же ты со мной!
 Дай руку сладострастью
 И съ чашей круговой
 Веди меня ко счастью
 Забвенія тропой;
 И въ часъ безмолвной ночи,
 Когда лѣнивый макъ
 Покроетъ томны очи,
 На вѣтрѣныхъ крылахъ
 Примчпсь въ мой домикъ тѣсный,
 Тихонько постучись
 И въ тишинѣ прелестной
 Съ любимцемъ обнимись!
 Мечта! въ волшебной сѣни
 Мнѣ милую яви,
 Мой свѣтъ, мой добрый геній,
 Предметъ моей любви!
 И блескъ очей небесный,
 Люющихъ огонь въ сердца,
 И Грацій станъ прелестный,
 И свѣтъ ея лица;
 Представъ, что на колѣняхъ
 Покоюсь у меня,
 Въ порывистыхъ томленьяхъ
 Склонилася она

Ко груди грудью страстной,
 Устами на устахъ;
 Горить лицо прекрасной
 И слезы на глазахъ!..
 Почто стрѣлой незримой
 Уже летишь ты вдалѣ?
 Обманетъ—и пропадѣ
 Вѣглецъ невозвратимый!
 Не слышитъ плачъ и стопъ,
 И гдѣ крылатый сонъ?
 Исчезнетъ обольститель,
 И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все-ли, милый другъ,
 Быть счастья въ уносѣхъ?—
 И въ грусти томный духъ
 Находить наслажденье:
 Люблю я въ лѣтній день
 Вродить одинъ съ тоскою,
 Встрѣчать вечерню тѣнь
 Надъ тихою рѣкою,
 И съ сладостной слезою
 Въ даль сумрачну смотрѣть;
 Люблю съ моимъ Марономъ,
 Подъ яснымъ небосклономъ,
 Влвзъ озера сидѣть,
 Гдѣ лебедь бѣлосвѣжный,
 Оставя злкъ прибрежный,
 Любви и вѣги полнѣ,
 Съ подругою своею,
 Закинувъ гордо шею,
 Плыветъ во златѣ волнъ;
 Или, для развлеченья,
 Оставя книгъ ученье,
 Въ досужный мнѣ часокъ
 У добренькой старушки
 Душистый пью чаекъ;
 Не подхожу я къ ручкѣ,
 Не шаркаю предъ ней.
 Она не присѣдаетъ,
 Но тотчасъ-же вѣстей
 Мнѣ пропасть наболтаетъ.
 Газеты собираетъ
 Со всѣхъ она сторонъ,
 Все свѣдаетъ, узнаетъ:
 Кто умеръ, кто влюбленъ.
 Кого жена по модѣ
 Рогами убрала,
 Въ которомъ огородѣ
 Капуста цвѣтъ дала:
 Ома свою хозяйку
 Ни-за-что наказала,
 Автошка балалайку,
 Играя, разломалъ—
 Старушка все расскажетъ.
 Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
 Болтаетъ все свое;
 А я сажу смиренно
 Въ мечтаньяхъ углубленный,
 Не слушая ее,

Ни рюмы Удалова...
 Такъ нѣкогда Севистова
 Въ столицѣ я внималъ,
 Когда свои творенья
 Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ,—
 Ахъ, видно Богъ пыталъ
 Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
 Семидесяти лѣтъ,
 Уволенный отъ службы
 Майоромъ отставнымъ,
 Зоветъ меня изъ дружбы
 Хлѣбъ-соль откусать съ вимъ.
 Вечернею пирушкой
 Старикъ, развеселясь
 За дѣдовскою кружкой,
 Въ прошедшемъ углубясь,
 Съ очаковской медалью
 На равеной груди,
 Воспоминать ту баталю,
 Гдѣ, роты впереди,
 Летѣлъ на встрѣчу славы,
 Но встрѣтился съ ядромъ
 И палъ ва долъ кровавый
 Съ булатнымъ паладомъ.
 Всегда я радъ душою
 Съ нимъ время провождать,
 Но, Боже, выживать!
 Я каюсь предъ тобою—
 Служителей твоихъ,
 Попоевъ я городскихъ
 Боюсь, боюсь бесѣды;
 И свадебны обѣды
 Затѣмъ лишь не терплю,
 Что сельскихъ іереевъ,
 Какъ папа іудеевъ,
 Я вовсе не люблю;
 А съ ними крючковатый
 Подъяческій народъ,
 Лишь взятками богатый
 И ябеды оплотъ.
 Но, другъ мой, если вскорѣ
 Увижусь я съ тобой,
 То мы уходимъ горе
 За чашей круговой;
 Тогда, клянусь богами
 (И слово ужъ сдержу),
 Я съ сельскими попами
 Молебень отслужу.

1814 г.

къ Александру Ивановичу

Г А Л И Ч У.

Пускай угрюмый рвемоторъ,
 Повитый макомъ и крапивой,
 Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
 На скучный ладъ силетая вздоръ,
 Зоветъ обѣдать генерала;
 О Галичъ, вѣрный другъ бокала

И жирныхъ утреннихъ пировъ.
 Тебя зову, мудрецъ лѣнивый.
 Въ пріютъ поэзій счастливой,
 Подъ отдаленный нѣги кровъ!
 Давно въ моемъ уединенъ,
 Въ кругу бутылокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей.
 Подруги долгихъ наслажденій,
 Остротъ и хохота гостей.
 Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
 Садись на тройку злыхъ ковей,
 Оставь Петрополь и заботы,
 Лети въ счастливый городокъ,
 Зайди къ жиду Золотареву, (лицейск. экономъ)
 Въ его всѣмъ общій уголокъ;
 Мы тамъ, собравшись въ кружокъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ двери на замокъ
 Запретъ веселье молодое,
 И хлынетъ пиво золотое,
 И гордый на столѣ пирогъ
 Друзей стѣсненными рядами,
 Сверкая свѣтлыми ножами,
 Съ тобою храбро осадимъ
 И мигомъ стѣны разгромимъ:
 Когда-жъ, виномъ отягощенны,
 Съ главою, въ колѣни преклоненной,
 Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
 И вдругъ, спускаясь на подушку,
 Дабы спокойнѣе заснуть,
 Уронишь налитую кружку
 На старый бархатный диванъ,
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенки, советы
 Покинутъ скромный вашъ карманъ,
 И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!..
 Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
 Ты вскочишь съ бодрой головой,
 Оставишь смятую подушку,
 Подымеши милую подружку—
 И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! время неозвратно,
 И близокъ, близокъ грозный часъ,
 Когда, услыша славы гласъ,
 Покину кельи кровъ пріятный,
 Татарскій сброшу свой халатъ.
 Простите, дѣвственныя музы!
 Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый устъ,
 Заблещетъ пара эполетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ музъ,
 Въ числѣ воюющихъ корнетовъ.
 О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
 Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
 И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
 И кубокъ, полный черезъ край!

1815 г.

КЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Любезный именинникъ,
 О Пущинъ дорогой!
 Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
 Съ открытою душой.
 Съ пришельцемъ обнимися,
 Но добраго пѣвца
 Встрѣчать не суетися
 Съ параднаго крыльца:
 Онъ гость безъ этикета,
 Не требуетъ привѣта
 Лукавой суеты.
 Примн-жь его лобзанья
 И чистыя желанья
 Сердечной простоты!
 Устрой гостямъ пирушку:
 На столикъ вощаной
 Поставь пивную кружку
 И кубокъ пуншевой.
 Старинный собутыльникъ,
 Забудемся на часъ!
 Пускай ума свѣтильникъ
 Погаснетъ нынѣ въ насъ.
 Пускай старикъ крылатый
 Летитъ на почтовыхъ!
 Намъ дорогъ мнѣ утраты
 Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный!
 Въ спокойствіи златомъ
 Течетъ твой вѣкъ безпечный,
 Пролодитъ день за днемъ,
 И ты въ бесѣдѣ грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ,
 Живешь, какъ жилъ Гораций,
 Хотя и не поэтъ.

Подъ кровомъ небогатымъ,
 Ты новсе незнакомъ
 Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
 Съ нахмуреннымъ попомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эротъ;
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И трубки дымъ густой,
 И демонъ метромановъ
 Не властвуетъ тобой.
 Ты счастливъ въ этой долѣ—
 Скажи, чего-же болѣ
 Мнѣ другу пожелать?
 Придется замолчать...

Дай Богъ, чтобы я, съ друзьями
 Встрѣчая сѣтый май,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказалъ тебѣ стихами:
 «Вотъ кубокъ, наливай!
 Веселье, будь до гроба
 Сопутникъ вѣрный нашъ.
 И пусть умремъ мы оба
 При стукѣ полиныхъ чашъ!»

1815 г.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Гелликона
 Я нѣкогда рожденъ;
 Во имя Аполлона
 Тибуллою окрещенъ,
 И свѣтлой Иппокрепой
 Съ издѣтства напоенный,
 Подъ кровомъ вешнихъ розъ
 Поэтомъ я возрѣю.
 Веселый сынъ Эрмія
 Ребенка полюбилъ,
 Въ дни рѣзвости златыя
 Мнѣ дудку подарилъ.
 Знакомясь съ нею, рано
 Дудилъ я безпрестанно;
 Нескладно хотѣ играть:
 Но музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы,
 И другъ пермесскихъ дѣвъ,
 Ты хочешь, чтобы славы
 Стезю полетѣвъ,
 Простаясь съ Анакреономъ
 Спѣшилъ я за Марономъ
 И пѣлъ при звукахъ лиръ
 Войны кровавый пиръ.
 Дано мнѣ мало Фебомъ:
 Охота—скудный даръ;
 Пою подъ чуждымъ небомъ,
 Вдали домашнихъ ларъ,
 И съ дерзостнымъ Икаромъ
 Страшась летать, не даромъ
 Вреду своимъ путемъ:
 «Будь всякій при своемъ».

1815 г.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(къ пущину).

Помнишь-ли, мой братъ по чашѣ,
 Какъ въ отрадной тишинѣ
 Мы топили горе наше
 Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?
 Какъ, укрывшись молчаливо
 Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
 Съ Вакхомъ пѣжились лѣниво,
 Школьной стражи вдалекѣ?
 Помнишь-ли друзей шептанье
 Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
 Рюмокъ грустное молчанье,
 Пламя трубокъ грошевыхъ?
 Закипѣвъ, о, сколь прекрасно
 Теки дымные текли..
 Вдругъ педанта гласъ ужасный
 Намъ послышался вдали:
 И бутылки вмигъ разбиты.
 И бокалы всѣ въ окно,
 Всюду по полу разлиты
 Пуншъ и свѣтлое вино.
 Убѣгаемъ торопливо..
 Вмигъ исчезъ минутный страхъ!

Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривый,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохоть чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ —
Измѣняли чадъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клануся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Помпнать его виномъ
1815 г.

князю александру михайловичу

ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ слонъ,
Я пѣть пустого не умю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нымъ
Кой-какъ стихи на имепи нымъ!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку-ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать-ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавый,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою.
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравить...
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ...
Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій берегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьѣ,
Дай Богъ, чтобъ въ страстьномъ упоеньѣ
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вступая въ мрачный челябъ Харона,
Уснулъ... Елены на грудяхъ!

1815 г.

КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой,
Любownikъ наслажденья?
Ужель уединенья
Не миль тебѣ покой?
Ужели мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнаскаго бродяги?
На Пиндѣ мой сосѣдъ,
И ты отъ музъ укрылся;
Минутный домосѣдъ,
Съ певатами простился.
Ужъ темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощаль
Форелью, нирогамъ,
И пѣнистый бокаль
Намъ Бахусъ подаваль.
Бѣгутъ ужъ дни за днями
Безъ дружескихъ собравій;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды,
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезный,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ.
Мурлыча, въ кельѣ дремлетъ
Спѣсивый, старый котъ.
Покаместъ сонъ прелестный,
Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
Въ обителя безвѣстной
Меня не усыпиль,
Морфея въ ожиданьѣ
Въ постели я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ—
Скажи—среди столицы
Чѣмъ занять ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ джойй Аполлонъ
Нартеромъ полоумнымъ

Прославленъ, оглушенъ,
 Измученный напѣвомъ
 Безмысленныхъ стиховъ,
 Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
 Актеровъ и смычковъ?
 Или—жудрецъ придворный—
 Съ улыбкою притворной
 Предъ лентою цвѣтной
 Поникнувъ головой,
 Съ вертушкою слѣпой
 Знакомиться желаешь?
 Иль Креза за столомъ
 Въ куплетѣ заказномъ
 Трусливо величаешь?...
 Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
 Поклону ты не сроденъ
 Другъ мудрости прямой—
 Правдивъ и благороденъ:
 Онъ любить тишину,
 Судьбѣ своей послушный,
 На барскую казну
 Взираетъ равнодушно,
 Рублямъ откушника
 Смѣясь веселымъ часомъ,
 Не сниметъ колпака
 Философъ предъ Мидасомъ.
 Пускай не друженъ онъ
 Съ Фортуною коварной,
 Но Вакхомъ награжденъ
 Философъ благодарный,
 Когда сей богъ молодой,
 Вечернею порой,
 Лафить п грогъ янтарный
 Съ улыбкой на устахъ
 Въ стеклѣ ему подноситъ
 И каплю выпить проситъ.
 Качаясь на ногахъ,
 Мечтанье обнимая,
 Любовь его ведетъ,
 И дружба молодая
 Вѣки ему плететъ.
 И счастливъ онъ, признаться,
 На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
 Когда минуты мчатся
 Веселья на крыльяхъ,
 Когда друзья-поэты
 Съ утра до ночи съ нимъ
 Шумятъ, поютъ куплеты,
 Пьютъ мозель разогрѣтый,
 Пріятелямъ своимъ
 Посланія читаютъ,
 И трубку разжигаютъ
 Безрешительнымъ лихимъ!
 Оставь-же городъ скучный
 Съ друзьями съединись,
 И съ ними неразлучно
 Въ пустынѣ оживись.
 Бѣги, бѣги столицы,
 О Галичъ мой! сюда,
 Гдѣ розовой денницы

Сочиненія А. С. Пушкина.

Не видя никогда,
 Лѣнясь подъ одѣяломъ,
 Съ тибурскимъ мудрецомъ,
 Мы часто за бокаломъ
 Проснемся—и заснемъ.
 Смотри, тебѣ въ награду
 Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
 Несетъ свою балладу,
 И стансы винограду,
 И къ Лили куплетъ—
 И полонъ становится
 Твой малый, тѣсный домъ;
 Вотъ съ милымъ острякомъ
 Нашъ пѣсельникъ тащится
 По лѣстницѣ съ гудкомъ,
 И всѣ къ тебѣ нагрянемъ—
 И снова каждый день
 Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали тѣнь.
 Подруги молодыя
 Намъ будутъ посѣщать;
 Намъ жизни дни златые
 Не страшно расточать.
 Подѣлимся съ забавой
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею-славой
 И съ Вакхомъ молодымъ.
 1815 г.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ,
 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главой поникъ
 Предъ милою мечтою.
 Мой дядюшка-поэтъ
 На то мнѣ далъ совѣтъ
 И съ музами сосваталъ.
 Сначала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ—
 И вотъ теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Безтолкову, Пустому.
 Да я-жъ и виноватъ,
 Да ты-же мнѣ въ досаду
 (Чтѣ скажетъ бѣлый свѣтъ?)
 Стихами до надсаду
 Жужжишь Икару вслѣдъ:
 «Смотрите, вотъ поэтъ!..»
 Спасибо за посланье;
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ
 Вѣдь стануть, въ посмѣянье,
 Указывать перстомъ.
 Когда-бъ подобны были
 Моимъ твои стихи,

То скоро-бъ всѣ забыли,
 Что Пушкинъ за грѣхи
 Въ поэзію влюбился
 И ходить на Парнасъ,
 Покою поклонился
 И пишетъ въ добрый часъ.

Изѣтнникъ! съ Аполлономъ
 Ты, видно, за-одно;
 И мнѣ прослыть Прудономъ
 Отнынѣ суждено.
 Увы, мнѣ, метроману!
 Куда сокроюсь я?
 Вездѣ бѣды застану:
 Предатели-друзья
 Невинное творенье
 Украдкой въ городъ шлютъ,
 И плодъ уединенья
 Твсненью предають—
 Бумагу убиваютъ;
 Поэта окружають
 Съ улыбкой остряки:
 «Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
 Вы пишете стихи?
 Увидѣть ихъ вельзя-ли?
 Вы въ нихъ изображали
 Конечно ручейки,
 Конечно василечекъ,
 Иль гвхій вѣтерочекъ,
 И рожди, и цвѣтъ...»

О Дельвигъ! начертали
 Мнѣ музы мой удѣлъ;
 Но ты-ль мои печали
 Умножить захотѣлъ?
 Въ объятіяхъ Морфея
 Безпечный духъ летѣя,
 Еще хотъ годъ одинъ
 Позволь мнѣ полѣниться
 И нѣгой насладиться:
 Я, право, нѣги сынъ!
 А тамъ, хотъ нѣтъ охоты,
 Но придуть ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
 Я буду принужденъ
 Съ журналами сражаться,
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ восхищаться..
 Помилуй, Аполлонъ!
 1816 г.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Хочу я завтра умереть
 И въ міръ волшебный наслажденья,
 На тихій берегъ водъ забвенья,
 Веселой тѣнью полетѣть.
 Прости на вѣкъ, очарованье
 Безпечной жизни и любви!
 Приблизьтесь, о друзья мои!
 Благоговѣнье и вниманье!
 Пѣвецъ рѣшился умереть.
 И такъ, съ вечернею луною,

Въ саду нельзя-ли дернъ одѣть
 Узорной бѣлой пеленою?
 Устройте завтра шумный ходъ,
 Несите радостныя чаши
 На темный берегъ сонныхъ водъ,
 Гдѣ мы вели бесѣды наши.
 Зовите на послѣдній пиръ
 Семелы радостнаго сына,
 Эрота, друга нашихъ лиръ,
 Боговъ и смертныхъ властелина.
 Пускай веселье прибѣжитъ,
 Махая рѣзвою гремушкой,
 И насъ отъ сердца размѣшитъ
 За полной, пѣвистою кружкой;
 Пускай игривою толпой
 Слетятъ родныя ваши музы;
 Имъ первый кубокъ круговой:
 Друзья, священные намъ ихъ узы!
 До ранней утренней звѣзды,
 До тихаго лучей разсвѣта,
 Не выйдутъ изъ руки поэта
 Фіалы братской череды.
 Въ послѣдній разъ, мою пѣвницу,
 Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
 Прижму къ восторженной груди;
 И брякнутъ перстни золотые
 Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
 Гдѣ вы, подруги молодая?
 Летите—дорогъ смерти часъ!
 Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
 Забуду вѣчность и друзей;
 Въ послѣдній разъ на груди свѣтлой
 Упьюсь отрадой юныхъ дней!
 Когда-жъ востокъ озолотится
 Во тмѣ денницей молодой,
 И бѣлый тополь озарится,
 Покрытый утренней росой,—
 Подайте гроздь Анакреона:
 Онъ былъ учителемъ моимъ,
 И я сойду путемъ однимъ
 На грустный берегъ Ахерона...
 Простите, милые друзья!
 Подайте руку, до свиданья,
 И дайте, дайте обѣщанье:
 Когда навѣкъ укроюсь я,
 Мое исполнить завѣщанье.
 Привиди, пѣвецъ мой дорогой,
 Воспѣвшій Вакха и Темпръ!
 Тебѣ дарю и лѣнь, и лиру—
 Да будутъ музы надъ тобою!
 Ты не забудешь дружбы нашей,
 О Пущинъ, вѣтранный мудрецъ!
 Прими съ моей глубокой чашей
 Увядшій миртовый пѣвецъ.
 Друзья! вамъ сердце оставляю
 И память прошлыхъ красныхъ дней;
 Моимъ подругамъ завѣщаю
 Воспоминаніе ночей,
 Утраченныхъ у ногъ Венеры
 Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,

Окованныхъ счастливой лѣнью
 На ложѣ маковъ и лилей.
 Мои стихи дарю забвенью,
 Последній вздохъ, о други—ей!..
 На тихій праздникъ погребенья
 Я васъ обязанъ пригласить.
 Веселость, другъ уединенья,
 Билеты будетъ разносить.
 Стеклетесь рѣзвою толпою,
 Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
 И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
 Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
 Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
 «Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
 Потомецъ нѣгъ и Аполлона».

1815 г.

К. П. БАКУНИНОЙ.

И такъ, я счастливъ былъ, и такъ, я наслаждался,
 Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
 И гдѣ веселья быстрый день?
 Промчался летомъ сновидѣнья,
 Увяла прелесть наслажденья,
 И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

1815 г.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

(изъ парня).

Дитя харить и вдохновенья!
 Въ порывѣ пламенной души,
 Небрежной кистью наслажденья
 Мнѣ друга сердца напиши:
 Красу невинности прелестной,
 Надежды милыя черты,
 Улыбку радости небесной
 И взоры самой красоты;
 Вкругъ тонкаго Гебенъ стана
 Венеринъ поясъ повяжи;
 Сокрытой предестью Альбана
 Мою царяцу окружи.
 Прозрачны волны покрывала
 Накивъ на трепетную грудь,
 Чтобъ и подъ нимъ ова дышала,
 Хотѣла тайно-бы вздохнуть;
 Представь мечту любви стыдливой—
 И той, которою дышу,
 Рукой любовника счастливой
 Внизу я имя напишу.

1815 г.

КЪ БАРОНЕССѢ

МАРЬѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было!
 И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
 Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой,
 Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ.
 Не возвратитъ уже того, что было;
 Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь;
 Такъ вѣрите мнѣ: мы спасены лишь вѣрой—

Послушайте, Амуръ. какъ вы, хорошъ;
 Амуръ—дитя, Амуръ на васъ похожъ—
 Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
 Всевышней благостью Зевеса,
 И столько-же краснорѣчивъ—
 Я напишу вамъ, баронесса,
 Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
 Чудесный, вовсе безъ искусства—
 Не много истинныхъ похвалъ,
 Но много истиннаго чувства.
 Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
 О, баронесса! ради баловъ,
 Когда мы всѣ глядимъ на васъ.
 Взгляните на меня хоть разъ
 Въ награду прежнихъ мадригаловъ».
 Когда-жъ Амуръ и Гименей
 Въ прелестной Маріи моей
 Поздравятъ молодую даму—
 Удастся-ль мнѣ, подъ старость двей,
 Вамъ посвятить эпиграму?

1815 г.

КЪ ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый другъ, узнать
 Мои мечты, желанья, цѣли,
 И тихій гласъ простой свирѣли
 Съ улыбкой дружества внимать—
 Но можно-ль рѣзвому поэту,
 Невольнику мечты молодой,
 Въ картинѣ быстрой и живой
 Изобразить въ порядкѣ свѣту
 Все то, что въ юности златой
 Воображеніе мнѣ кажется?
 Теперь, когда въ покоѣ лѣнь
 Укрывъ меня въ пустыню снѣнъ,
 Своею цѣнью чувства вяжетъ,
 И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
 Пустого нѣги украшенья
 Не видя въ хижинѣ моей,
 Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
 На пышность бѣдныхъ богачей,
 И счастливый самимъ собою,
 Не жажду горы серебра,
 Не знаю завтра, ни вчера.
 Доволенъ скромною судьбою
 И думаю: къ чему пѣвцажъ
 Алмазы, яхонты, топазы,
 Порфирины, пустыя вазы.
 Драгія куклы по угламъ?
 Къ чему имъ сукна Альбіона
 И пышные чехлы Люба
 На модныхъ креслахъ и столахъ?
 Какая нужда въ зеркалахъ,
 И ложе шалевое въ спальнѣ?
 Не лучше-ли въ деревнѣ дальнѣй,
 Или въ смиреномъ городкѣ,
 Вдали столицъ, заботъ и грома,
 Укрыться въ мирномъ уголкѣ.

Съ которымъ роскошь незнакома,
 Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
 О, если-бы когда-нибудь
 Сбылись поэта сновидѣнья!
 Ужель отрадѣ удивленья
 Ему вкусить не суждено?
 Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—
 Съ мостомъ и рощею тѣнистой
 Зерцаломъ водѣ отражено.
 На холмѣ домикъ мой; съ балкона
 Могу сойти въ веселый садъ,
 Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
 Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
 Возносится до небосклона
 И глухо тополи шумятъ...
 Туда зарею поспѣшаю
 Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
 Въ лугахъ тропинку извиваю,
 Тюльпанъ и розу поливаю,
 И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
 Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ.
 Съ Горациемъ и Лафонтеномъ
 Въ пріятныхъ погруженьяхъ мечтахъ;
 Вблзди ручей шумитъ и скачетъ
 И мчится въ влажныхъ берегахъ,
 И свѣтлый токъ съ досадою прячетъ
 Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
 Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
 Весельемъ круглый столъ накрытъ;
 Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
 Дымится щи; вино—въ бокалѣ,
 И щука въ скатерти лежитъ.
 Сосѣди шумною толпою
 Взошли, прервали тишину,
 Садятся: чашъ внимаемъ звону;
 Всѣ хвалить Вакха и Помону—
 И съ ними красную весну.
 Вотъ кабинетъ удивенный,
 Гдѣ я, Москвою утомленный,
 Вдали обманчивыхъ красотъ,
 Вдали нахмуренныхъ заботъ
 И той волшебницы лукавой,
 Которая весь міръ вертитъ,
 Въ трубу немолчную гремитъ,
 И—помнится—зовется славой—
 Живу съ природной простотой,
 Съ философической забавой
 И съ музой рѣзвой и молодой...
 Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темный,
 Осенней бурною порой,
 Люблю подъ сѣнію укромной
 Предъ нимъ задумчиво мечтать,
 Вольтера, Виланда читать,
 Или, въ минуту вдохновенья,
 Небрежно стансы намарать
 И жечь потомъ свои творенья.
 Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,

Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
 На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ:
 Мечты входятъ, исчезаютъ,
 Какъ тѣнь на утренней зарѣ.
 Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой,
 Во плѣнѣ отдался я мечтамъ,
 Рукой безпечной и лѣнивой
 Разбросивъ рюмы здѣсь и тамъ,
 Я слышу топотъ, слышу ржанье;
 Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
 Въ блестящемъ ментика сіяньѣ,
 Гусаръ промчался подъ окномъ...
 И гдѣ вы, мирныя картины
 Прелестной сельской простоты?
 Среди воинственной долины
 Ношусь на крыльяхъ я мечты:
 Огни во ставѣ догораютъ;
 Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
 Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
 Лежу... вдали штыки сверкаютъ.
 Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
 Да изрѣдка грохочетъ громъ,
 Летя съ высокаго раската...
 Тренещетъ бравью грудь моя,
 При блескѣ браннаго булата,
 Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
 Лечу на гибель суностата.
 Мой конь въ ряды враговъ орломъ
 Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
 Съ размаха сыплются удары...
 О вы, отеческіе лары,
 Спасите юношу въ бояхъ!
 Тамъ свищетъ саблей овъ зубчатой,
 Тамъ киверъ зыблется пернатый;
 Съ черкесской буркой на плечахъ,
 И молча присловясь ко гривѣ,
 Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой вивѣ
 Съ пыгарой дымною въ зубахъ...
 Но, лаврами побѣдъ увиты,
 Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
 Военной славою забыты,
 Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
 Нашедъ на полѣ битвъ и чести
 Одни болѣзни, костыли,
 На вѣкъ оставилъ саблю мести...
 Ужъ вижу въ сумрачной дали
 Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
 Калитку, садикъ, ближній прудъ,
 И снова я, философъ скромный,
 Укрылся въ милый мнѣ пріютъ.
 И міръ забывъ, и нѣмъ забвенный,
 Покой души вкушаю вновь.
 Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
 Мечта-ль—и дружба, и любовь?
 Доселѣ въ рѣзвости безпечной
 Брели по розамъ дни мои,
 Въ невинной ясности сердечной
 Не зналъ мученій я любви.
 Но быстро день за днемъ умчался,
 Гдѣ-жъ дѣтства равніе слѣды?

Прелестный возрастъ миновался,
 Увяли первые цвѣты!
 Ужъ сердце въ радости не бьется
 При миломъ вядѣ мотылька,
 Чтò въ воздухѣ кружить и вьется
 Съ дыхавшемъ тихимъ вѣтерка,—
 И въ безпокойствѣ непонятномъ
 Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
 И все языкомъ сердцу внятно
 О пѣжвой страсти говорить.
 Подруга возраста златого,
 Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Тебя-ли вижу, взоровъ свѣтъ,
 Другъ сердца, милая ***?
 Вездѣ со мною образъ твой,
 Вездѣ со мною призракъ милый—
 Во тьмѣ полуночи унылой,
 Въ часы денницы золотой,
 То на ковцѣ аллеи темной,
 Вечерней тихою порой
 Одну, въ задумчивости томной,
 Тебя я вижу предъ собой,
 Твой шалю станъ непокровенный,
 Твой взоръ, на груди потупленный,
 Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
 Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ;
 Нахмурясь, тополь шевелится;
 Ужъ сумракъ тусклой пеленой
 На холмы дальніе ложится,
 И завѣсъ рощицы струится
 Надъ тихо спяшею волной,
 Осеребренною душой.
 Одна ты въ рощицѣ со мною,
 На костыли мои склоняясь,
 Стоишь подъ нвою густою,
 И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
 На нѣжну грудь прохладой дуетъ,
 Играетъ локономъ власовъ
 И ногу стройную рисуетъ
 Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
 То часомъ полвоча глубокимъ
 Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
 Угрюмой зимнею порой,
 Я жду красавицу драгую—
 Готовы сани; мракъ густой;
 Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
 Зову часовъ лѣнливый бой...
 И шорохъ чудится глухой,
 И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкій,
 Съ крыльца прелестная сошла.
 Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
 И дѣва друга обняла.
 Помчались кони, вдалѣ пустились,
 Но вѣтру гривы распустились.
 Несутся въ свѣжвой глубинѣ,
 Прижалась робко ты ко мнѣ,
 Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли.
 Въ восторгахъ чувства обмѣли...
 Но чтò! мечтапья отлетѣли!
 Увы! я счастливъ былъ но спѣ...

Въ отрадвой музамъ тишинѣ
 Простыми звуками свирѣли,
 Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
 Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ:
 Питомецъ музъ и вдохновенья,
 Стремясь фантазіи во слѣдъ.
 Находить въ сердцѣ наслажденья
 И на пути грозящихъ бѣдъ.
 Минуты счастья золотыя
 Пускай мнѣ Клооо ве советъ.
 Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
 Судьбы всесильнѣе поэтъ.
 1815 г.

КЪ МАШѢ.

(сестрѣ дельвига).

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты рѣшмы набросать
 И мнѣ въ ваграду обѣщала
 Спасибо въ прозѣ написать.
 Спѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣютъ погодить:
 Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
 Ты не исполнишь, можешь быть.
 Вы чинно, молча, сложа руки.
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ летѣть.
 И ужъ не вспомните поэта...
 О Маша, Маша, поспѣши.
 И за четыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши!
 1816 г.

ЖЕЛАНІЕ.

(в. л. пушкину).

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
 Дай Богъ, чтобъ милостію неба
 Разсудокъ на Руси воскресъ—
 Онъ что-то, кажется, исчезъ...
 Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
 Воскресли миръ и тишина,
 Чтò въ академіи ночтевной
 Воскресли члены ото сва:
 Чтò въ наши грѣшныя времена
 Воскресли предковъ добродѣтель;
 Чтòбы Шихматову на зло
 Воскреснулъ новый Буало—
 Расколовъ, глупостей свидѣтель:
 А съ нимъ побольше серебра
 И золота, et cetera.
 Но да не будетъ воскресенья
 Усопшей прозы и стиховъ;
 Да не воскреснутъ отъ забвенья
 Покойный господинъ Бобровъ,
 Хвалы газетчика достойный,
 И Николевъ, поэтъ покойный,
 И непокойный графъ Хвостовъ,
 И всѣ, которые на свѣтѣ

Писали слишкомъ мудрено,
То есть и холодно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.
1816 г.

ПОСЛАНИЕ ЛИДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Кунидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украшили цвѣтами тронъ,
Которой пѣжныя примѣры,
Улыбка, взоры, пѣжный тонъ
Краснорѣчивѣй, чѣмъ Вольтеры,
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры —
Тебѣ пріятливый поклонъ,
Любви вѣнокъ и лиры звонъ!
Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ,
И сталъ апостолъ мудрой вѣры .
Анакреоновъ и Нинонъ,
Всего... но лишь извѣстной мѣры.
Я вижу, хмурится Зенонъ
И вся его сѣдая свита,
И мудрый другъ вина, Катонъ,
И скудный рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: «ты лжешь, профанъ: мученье —
Прямое смертныхъ наслаждение!»
Друзья! согласенъ: плачь и стонъ
Стократъ конечно лучше смѣха:
Терпѣть — великая утѣха.
Советъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
Но мнѣ онъ, слышите-ль, не нуженъ,
Затѣмъ, что слишкомъ онъ мудренъ:
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ;
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый разсерженъ;
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ — лишь времени утрата:
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пирры, театры, женъ:
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),
Невольникъ робкій и покорный.
Вздыхалъ частехонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: «все призракъ, ложь и сонъ —
И мудрость, и народъ, и слава.
Что-жъ истинно? Одна забава,
Повѣрь, одна любовь — не сонъ!»
Такъ ладанъ жегъ прекрасный онъ,
И ею... бѣдная Ксантиппа!
Твой мужъ, совѣтникъ Арпистина,
Бывалъ до неба вознесенъ.

Межъ тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ, пѣгу презирая,
Одинъ, всѣхъ радостей лишень,
Дышалъ отъ міра отлучень;
Но съ бочкой страпсува пустою
Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣвленъ —
И воду черпая рукою,
Не могъ за чѣрпнуть счастья онъ.
1816 г.

Л И Л Ѣ.

(МАРИ СМЯТЬ).

Лила, Лила, я страдаю
Безотраднѣе тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься падо мной.
Смѣйся, Лила! ты прекрасна
И безчувственной красой.
1816 г.

КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатою весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравный,
Надъ озеромъ иду рука съ рукою.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавней?
Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначаетъ намъ неравный,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь, и счастливый, и славный —
Моя стезя печальна и темна.
И пѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О, сколько слезъ, предвѣщу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ.
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняясь и плѣняй!..
А мой удѣлъ... но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ-же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обвинять!
Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья;
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не повимая счастья.
Онѣ прошли, но можно-ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навѣкъ,

На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
 Которымъ я такъ весело протеку —
 Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
 Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря—заря весны прекрасной;
 Моя-жъ, мой другъ!—осенняя заря.
 Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
 Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
 Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
 Но мрачныя я грезы не забылъ.
 Душа полна невольной, грустной думой:
 Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
 Одинъ, съ тоской, явлюсь я, гость угрюмый,
 Явлюсь на часъ, и одиноку умру.
 И не придетъ другъ сердца незабвенный
 Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
 И не придетъ на холмъ уединенный
 Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
 Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
 Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
 Ужель умру, не вѣдая—что радость?
 Зачѣмъ-же жизнь дава мнѣ отъ боговъ?
 Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
 Среди толпы затерянный пѣвецъ—
 Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
 И счастья какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженіе;
 Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленіе—
 Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
 Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденіе—
 И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшеніе
 Мой скромный даръ и счастье друзей!

1816 г.

КЪ НАТАШѢ.

(горничной княжны волковской).

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
 Улетаютъ ясны дни!

Стелется туманъ венастный
 Ночи въ дремлющей тѣни,
 Опустѣли зланы вивы,
 Хладенъ ручеекъ игривый,
 Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
 Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?

Что никто тебя не зрѣтъ?

Иль не хочешь часть единый

Съ другомъ сердца раздѣлить?

Ни надъ озеромъ волнистымъ,

Ни подъ кровомъ липъ душистымъ

Ранней, поздней порой,

Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній

Рошу, поле посѣтитъ,

Огонекъ въ лачужкѣ дымной

Скоро ярко заблеститъ;

Не увижу я прелестной,

И какъ чижикъ въ клеткѣ тѣсной,
 Долго буду горевать
 И Наташу вспоминать.
 1816 г.

СЛЕЗА.

(к. п. бакуниной).

Вчера за чашей пуншевою
 Съ гусаромъ я сидѣлъ,
 И молча съ мрачною душою
 На дальній путь глядѣлъ.
 «Скажи, что смотришь на дорогу?»
 Мой храбрый спросилъ:
 «Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей не проводишь».

Къ груди поникнувъ головою,
 Я скоро прошепталъ:
 «Гусаръ, ужъ нѣтъ ея со мною!..»
 Вздохнулъ и замолчалъ..

Слеза повисла на рѣсницѣ

И капнула въ бокаль.

«Дитя! ты плачешь о дѣвцѣ?»

Стыдись!»—онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!..

Ты, звать, не горевалъ!

Увы! одной слезы довольно,

Чтобъ отравить бокаль!»

1816 г.

А. А. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты-ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мѣрное межъ Пиндомъ и Цитерой,
 Гдѣ вѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парви?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзкое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любить открытою душою,

Въ молчаніи чувствовать, плѣняться красотою:

Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ:

Но, милый, сжался надо мною,

Не требуй отъ меня стиховъ!

Не вѣчно вѣжиться въ пріятномъ ослѣпленіи:

Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеніи

Мечтѣ, шепнувшей: «ты—поэтъ»,

И презря мудрые угрозы и совѣты,

Съ небрежной лѣнностію навизывалъ куплеты,

Игрушкою себя невинно веселилъ;

Угодникъ Бахуса, я, трезвый межъ друзьями,

Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;

Мечтательныхъ Доридъ и славилъ, и бравилъ,

Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ, и дружество зѣвало,

И сонныя стихи въ просонкахъ величало.

Но долго-ли меня лелѣялъ Аполлонъ?

Душѣ наскучили парвасскія забавы;

Недолго свились мнѣ мечтанья музъ и славы:

И строгимъ овытомъ невольно пробуждень,
Уснуть межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Уведѣлъ, что еще не генія печать —
Охота смертная на римахъ леветать.
Сравнивъ стихъ твой съ моими, улыбнулся —
И полно мнѣ писать!

1816 г.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ,
но я не осмѣлился назвать васъ этимъ-именемъ,
слишкомъ для меня лестнымъ:

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ римо въ вакхическихъ шатаюсь на Пегасѣ:
Я зваю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ — совсѣмъ не братъ:
Вы — дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ
вѣдѣннаго міра, можно-ли мнѣ надѣяться, что вы
простите девятымсячную беременность пера лѣ-
ннѣйшаго изъ поэтовъ-илеманниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами
Совсѣмъ не правъ пустынный-риноплетъ:
Онъ въ лѣнкости сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой, и стихами,
Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два
рода писемъ — общительныя и извини-
тельныя: первая — въ началѣ годовой переписки, а
последнія при последнемъ ея издыханіи. Къ тому
же примѣтилъ я, что всѣ они состоятъ изъ двухъ
посланий; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать.
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухого варварства пачала
Сатиры грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова (А. С. Шишковъ)
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова (Кн. Шахов-
Клеймъ) единственнымъ стихомъ! [ской)
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренно — ужели
Вы не умѣете прощать?

Напомню о себѣ моихъ незабвенныхъ; не имѣю
больше времени, но .. надобно-ли еще обѣщать?
Простите вы всѣ, которыхъ любить мое сердце и
которые любятъ еще меня.

Шолье Андреевичъ, конечно, (Кн. Вязем-
Меня забыть давнымъ-давно: [скій)
Но я люблю его сердечно

За то, что любить онъ безпечно
И пѣть, и пить свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Слѣбется, право, пресмѣшно.

1816 г.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

(МАРИНЪ СВИТѢ).

Лила, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ,
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда стораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно рукужимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей...
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно-ль слезы проливать?
Вѣчно-ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладный совѣ;
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенніа розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Дружбы искренніа слезы
И любовницъ робкій зовъ!
Равно другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И блаженствомъ упоенный,
На груди твоей уснулъ.
Свѣтъ увѣнчанный счастливцемъ!
Вѣрь любви, невинны мы.
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовника не станетъ,
Вызывая снѣжій день!

1817 г.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(Н. О. КОШАНСКОМУ).

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ вакхическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтавій
И чувства въ вѣтренныхъ стихахъ.
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены,
Для самого себя, для друга,
Да для Темпы молодой.
Помилуй, сжался надо мной!

Я знаю самъ свои пороки,
 Не пужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.
 Конечно, бѣденъ гений мой:
 За риемой часто холостой.
 На зло законамъ сочетанья,
 Бѣгутъ трехстопныя толпой
 На а ю, а е т ѣ и на о й.
 Еще немногія признанья:
 Я ставлю (кто-же безъ грѣха)
 Для мѣры, риемы—воскликанья.
 Для смысла—лишнихъ три стиха;
 Нехорошо; но оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои летучія посланья
 Въ потомствѣ будутъ-ли цвѣсти?
 Не думай, цензоръ мой угрюмый,
 Что я бѣснуюсь по ночамъ,
 Объятый стихотворной думой;
 Что лѣнью жертвуя стихамъ
 И засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмура взоръ,
 За вѣрный столъ, кряхтя, засяду,
 Сижу, сижу три ночи сряду
 И высижу—трехстопный вздоръ...
 Такъ писать (молвить не въ укоръ)
 Конюшій дряхлаго Пегаса
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ.
 Служитель старенькій Парнаса,
 Родитель старевькихъ стиховъ,
 И одъ неслишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно скучныхъ!..
 Люблю я праздность и покой,
 И мнѣ досугъ—совсѣмъ не бремя:
 И ѣсть и пить найду я время!
 Когда-жъ нечаянной порой
 Стихи кропать найдеть охота,
 На славу дружбы иль Эрота,
 Я мигомъ трудъ окончу свой.
 Сижу-ли съ добрыми друзьями,
 Лежу-ль въ постели нуховой,
 Брожу-ль надъ тихими нодами
 Въ дубравѣ темной и глухой—
 Задумаюсь, взмахну руками,
 На риемахъ вдругъ заговорю
 И никого ужъ не морю
 Моими тайными стихами.
 Но если я когда-вибудь,
 Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
 Расположусь передъ каминомъ
 Одинъ, свободнымъ господиномъ,
 Поймаю прежню мысль мою—
 То не для имени поэта
 Мараю два иль три куплета
 И въ вопоглоса пою.

Но знаешь-ли, о мой гопитель,
 Какъ я бесѣдую съ тобой?
 Безпечный Пянда посѣтителъ,
 Я съ музой нѣжусь молодой...

Ужъ утра яркое свѣтило
 Поля и роши озарило;
 Давно пропѣли цѣтухи;
 Въ полглаза дремля и зѣвая.
 Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
 Пишу короткіе стихи,
 Среди пріятнаго забвенья,
 Склоняясь въ подушку головой—
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Немного сонною рукой.
 Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
 Такъ нѣжился цѣвецъ прелестный,
 Когда Веръ-Вера воспѣвалъ,
 Или съ улыбкой рисовалъ,
 Въ непривужденномъ упоеньѣ.
 Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнивомъ положеньѣ
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.
 Возможно-ли въ свое творенье,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вперять холодный умъ,
 Отдѣлкой портить небылицы,
 Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
 И сокращать свои стравицы?

Нашъ другъ Лафоръ, Шольё, Парни,
 Враги труда, заботъ, печали,
 Не такъ, бывало, въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвале.
 О вы, любезные цѣвцы,
 Сыны безпечности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣвцы
 Отъ музы праздности счастливой:
 Но не блестящіе дары
 Поззіи трудолюбивой—
 На верхъ оессальскія горы
 Вели васъ тайные извѣвцы;
 Веселыхъ грацій перстъ игривый
 Младья лиры оживлялъ,
 И ваши челы обвивалъ
 Дѣтей пафосскихъ рой шумливый!
 И я, неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ риемъ наслѣдникъ.
 За вами крадуся вослѣдъ...
 А ты, мой скучный проновѣдникъ,
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
 Поди, кричи, брани другого
 И брось лѣнивца молодого,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.
 1817 г.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
 Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни.
 Опасною треной съ надеждой полетѣлъ.
 Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
 Страшусь, неопытный, безславваго паренья.
 Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
 Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
 Стражъ пѣрныи проплыхъ лѣтъ, наперспикъ
 музъ любимыхъ
 И блѣдной зависти предметъ непоколебимый (Ка-
 ламинъ),
 Привѣтливѣе меня вниманьемъ ободрилъ;
 И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И слепнй старецъ нашъ, царей пѣвецъ из-
 бранный,
 Крылатымъ геніемъ и граціей пѣнчанный, (Дер-
 жавинъ)
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, неизнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный.
 Не ты-ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви
 священнои?
 Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный я стоялъ, и молнійпой струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И тайно сѣдился, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, пѣтъ, рѣшился я безъ страха въ труд-
 ный путь!
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безсмертныя, питомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
 Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
 И, мнится, геній вашъ промчался падо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ нечерной глубины,
 Вражды и зависти угрюмыя сыны,
 Возвышенныхъ творцовъ зоиы запянные,
 Сидятъ безсмыслицы дружны боевыя.
 Далеко дикихъ ляръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
 Смѣхъ общій—имъ отвѣтъ надъ мрачными тол-
 ко мнѣ два призрака склонилъ главы: [пани.
 Одинъ (Тредьяковский) на груди сѣлъ и прозы и
 Тяжелые плоды полупочныхъ трудовъ, [стиховъ,
 Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
 Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый:
 Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ;
 Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
 И тянетъ за собой гекзаметръ сухіе.
 Спондеи жесткіе и дактили туріе.
 Ретивой музою прославленный пѣвецъ!
 Гордись, ты Мевія вадутый образецъ!
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
 Стоять среди толпы друзей непросвѣщенъ?
 Торжественной хвалы къ нему песется шумъ,
 А онъ—онъ рюмою попралъ и вкусъ, и умъ.
 Ты-ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Везъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный пѣнжомъ
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
 Ему-ля, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему-ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ.
 Въ которомъ возблисталъ безсмертныи нашъ пѣ-
 вецъ,

Веселье россиянь, полунощное диво? (Ломоносовъ)
 Нѣтъ, въ тихой Лети онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Страшилась грація цивической свирѣли,
 И персты грубыя на лирѣ костепѣли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ;
 Явится Деярео—исчезнетъ Шапеленъ.
 И что-жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣш-
 невѣжду пестуетъ невѣжество слѣвое; [ное,
 Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
 Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
 Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
 Тѣ слогомъ Никова печатаютъ поэмы,
 Одни славянскихъ одъ громады громождятъ,
 Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
 Тотъ, вѣрныи своему митежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую музу,
 Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
 Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ—
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ
 журналомъ.

При свистахъ критики къ собратямъ онъ бѣ-
 И маковый вѣнецъ Оеспису ими свить. [жить,
 Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
 Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
 Волнуясь, встаютъ неистовой толпой.
 Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствитель-
 ной душой,
 Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжпой ли-
 Кто смѣло просвисталъ шутиливо сатирой, [рой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ
 И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
 Онъ—врагъ отечества, онъ—сѣятель разврата,
 И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возставьте-же, парнасскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
 Въ счастливой ересп и вкуса, и ученья,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенъ!
 Отмститель генія, другъ истивы—поэтъ!
 Любчая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
 Стрѣлою гибели десница Аполлона
 Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пнеона.
 Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
 Съ потушимъ факеломъ, съ недвижными кры-
 ламъ,
 Къ вамъ Озерова духъ взыываетъ, други, мечь!
 Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали
 вѣсть.

Летите на враговъ—и Фебъ, и музы съ вами!
 Разите варваровъ кровавыми стихами:
 Невѣжество, сипрься, потупитъ хладный взоръ;
 Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...
 Но вижу, возвыщать намъ истивы опасно:
 Ужъ Мевій на меня вахмурился ужасно,
 И смертныи приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
 Гоненія терпѣтъ ужель и мой удѣлъ?
 Что нуды? Смѣло въ даль дорогою прямою:

Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карам-
зинъ,
Мнѣ ты—примѣръ! чтó крикъ безумныхъ сихъ
дружинъ?

Пускай бе съ дують отверженныя Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава—имъ-же стыдъ, творенья—смѣхъ

уму,
И въ тѣмъ возникшіе низвергнутся во тьму.
1817 г.

ДЕЛЪВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
Въ уединеніи ты счастливъ, ты—поэтъ!
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ Камени молодые
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.

Но гдѣ-же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ, исчезъ мой легкій даръ!
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
И злобой клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молча—
Внимая звуку струнъ твоихъ. [ливомъ,
1817 г.

ПИСЬМО КЪ ЛЮДѢ.

(подражаніе парии).

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И время къ полночи придвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ счастливой тишинѣ природы,
Когда не спитъ одна любовь,
Тогда моей теницы вновь
Покину я нѣмые своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро Аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря,—
И я въ обители твоей!..
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,

По воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ словамъ
Узнай любовника!.. Настали
Восторга, радости мои!
О Лидя, если-бъ умирали
Съ блаженства, пѣги и любви!..
1817 г.

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Мпвутной рѣзвости вескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтренный старпкъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется вамъ—живи,
Гуляй въ мое воспоминавье,
Молись и Вакху, я любви,
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Клеерой, съ Портикомъ, и съ книгой. и съ
бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрчить
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.
1817 г.

КЪ В. А. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порошъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, муза и Венера—
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца (Д. В. Давыдова),
Но не на Глянку-офицера,
Довольно плоскаго пѣвца:
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, караулъ, ученье—
Все это оды не внушить,
А только душу иссушить
И къ Маршпу для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Копить
Пошлетъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Оемидѣ
Ты съ дипломатикой косою,
Кропай, мой другъ, посланья къ Лидѣ.

Оставь военные грѣхи.
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи;
 И не съ гусарскаго корвета—
 Возьми примѣръ съ того поэта,
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака
 Въ свѣгахъ незнаемаго свѣта,
 И плѣвъ могучаго Мекмета,
 И мужа модные рога;
 Который, милостію Бога,
 Министръ и сладостный иѣвецъ,
 Былъ строгой чести образецъ,
 Какъ образецъ онъ будетъ слога... (И. И. Дми-
 Все такъ, почтенный дада мой. — [тривъ])
 Почтенъ, кто глупости людской
 Рѣшилъ запутанные споры,
 Умѣлъ кто хитрости рукой
 Переплестать между собой
 Дипломатическіе вздоры
 И править нашею судьбой.
 Смѣшновъ, конечно, мирный вонь,
 И эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ «Святкахъ»⁽¹⁾ онъ достоинъ;
 [1] Сатира Д. П. Горчакова]

Но что прелестнѣй и живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Крoвавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
 И что завиднѣй бранныхъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усаечъ,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ, и вѣгъ, и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций
 Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что—скука, страхъ,
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Счастливы, кто милъ и страшенъ міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремятъ правдивая хвала,
 Кто славить Марса и Теллур
 И бранную повѣсилъ лпру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
 Но вы, враги трудовъ и славы,
 Питомцы Феба и забавы,
 Вы, мирной праздности друзья,
 Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
 И съ вами соглашаюсь я!
 Богъ создалъ для себя природу,
 Свой рай и счастье—глупцамъ,
 Злословіе, мужичиѣ и моду—
 Конечно, для забавы дамъ;
 Заботы—знатному народу,
 Дурачество—для всѣхъ; а вамъ—
 Уединенье и свободу.

1817 г.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУ- СКОМЪ.

Промчались годы заточенья:
 Недолго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровь уединенья
 И царскосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порога;
 Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
 И каждый смотреть на дорогу
 Въ полдень юныхъ, пылкихъ думъ.
 Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
 Уже въ воинственномъ нарядѣ
 Гусарской саблею махнулъ;
 Въ крещенской утренней прохладѣ
 Красиво мерзнетъ на парадѣ,
 А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
 Другой, рожденный быть вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатнаго въ прихожей
 Покорнымъ плутомъ зрить себя.
 Лишь я, судьбѣ своей послушный,
 Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
 Всегда безпечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ.
 Равны мнѣ писари, уланы,
 Равны мнѣ каски, кивера,
 Не рвусь я грудью въ капитаны
 И не ползу въ ассесора.
 Друзья, немного списожденья!
 Оставьте мирный хвѣ колпакъ,
 Пока его за прегрѣшенія
 Не промѣнялъ я на шпакъ;
 Пока лѣпвому возможно,
 Не опасаясь грозныхъ бѣдъ.
 Еще рукой неосторожной
 Въ іюль распахнуть жилетъ.
 1817 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ПЛІЩЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
 Хотя христіанинъ православный.
 Душа безсмертна, слова нѣтъ;
 Мои стихамъ удѣлъ неравный:
 И пѣсни музы своеправной,
 Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
 Погибнуть смертію забавной,
 И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
 Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
 Что предпочелъ-бы я скорѣй
 Безсмертію души моей
 Безсмертіе моихъ твореній.
 Не властны мы въ судьбѣ своей;
 По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья,
 Сей плодъ небрежный вдохновенья
 Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
 На скромныхъ дружества листкахъ,
 Уйдетъ отъ общаго забвенья.
 Но пусть напрасенъ будетъ трудъ.
 Твоею дружбой оживленный:

Мои стихи пускай умрут:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.
1817 г.

ВЪ АЛБОМѢ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улетѣ въ лицейскій уголокъ
Веселой, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты душа твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзкою мечтой союзъ твой заключень:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судь-
О милый, вѣченъ онъ! [бама,
1817 г.

РАЗЛУКА.

(в. к. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаешь нашъ певать.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узвай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья,
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ-ли смерт-
ной битвы,
При мирныхъ-ли брегахъ родимаго ручья—
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ-ли судьба моя молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!
1817 г.

ВЪ АЛБОМѢ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснутъ дни мечтанья
И позоветъ насъ шумный свѣтъ—
Забудешь тайныя свиданья
И дружество минувшихъ лѣтъ!...
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ минутный слѣдъ.
1817 г.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!

Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти вѣжной,
Когда, поэпъ поклонникъ безмятежный,
На лирѣ счастливой я тихо воссѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки,

И гулъ дубравъ горалъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣвы грузъ,
Въ дремоту хладную неволью погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милохъ музъ,
И—слезы на глазахъ—со славою прощался!
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
Душа проснулась, ожила,
Узвала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель..
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!
1817 г.

К. С. ОГАРЕВОЙ,

которой мнѣ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

Мнѣ, хвастунъ безстыдный,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ.
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ—богъ садовъ.

Чему дивиться тутъ! Харита
Улыбкой святость побѣдитъ;
Съ ума сведетъ Мнѣ—а
И ныль желаній въ немъ родитъ.

И онъ, твой встрѣта взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ
И вѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

1817 г.

КЪ ЕВДОКИИ ВАНОВНѢ ГОЛЫЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданскія съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный?
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не ну-
Отечество почти я ненавиждѣлъ; [стымъ?—
Но я вчера Голыцыну увидѣлъ—
И прииренъ съ отечествомъ моимъ.
1817 г.

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтренихъ Лансъ,
Прелестный баловень Киприды,

Умѣй сносить, мой Адонисъ,
 Ея минутныя обиды!
 Она дала красы молодой
 Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
 И черныи усь, и взглядъ живой,
 Любви улыбку и молчанье.
 Съ тебя довольно, милый другъ!
 Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
 Ты поцѣлуями подругъ
 Не наслаждаешься: что нужды?
 Въ чаду веселій городскихъ,
 На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
 Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
 Летятъ задумчивые взоры...
 Увы! языкъ любви вѣмой,
 Сей вздохъ души краснорѣчивый,
 Быть долженъ сладокъ, милый мой,
 Безпечности самолюбивой,—
 И счастливъ ты своей судьбой!
 А я—повѣса, вѣчно праздный.
 Потошокъ негровъ безобразный,
 Взрощенный въ дикой простотѣ,
 Любви не вѣдая страданій,
 Я являюсь юной красотѣ
 Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...
 Съ невольнымъ пламенемъ лавить,
 Украдкой нимфа молодая,
 Сама себя не понимая,
 На фавна иногда глядить.
 1818 г.

ВЪ АЛЬБОМѢ

МНХ. АНДР. ЩЕРБИНИНУ.

Житѣе тому, любезный другъ,
 Кто страстью глухою не боленъ,
 Кому влюбиться недосугъ,
 Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
 Кто Надиньку подвѣчерокъ
 За тайнымъ ужинамъ ласкаетъ
 И жирный страсбургскій пирогъ
 Виномъ душистымъ заливаетъ;
 Кто, удаливъ заботы прочь,
 Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
 Проводитъ набожную ночь
 Съ молодой монашенкой Цигеры;
 Поутру сладко дремлетъ онъ,
 Читая листикъ «Инвалида»;
 Весь день веселью посвященъ,
 А ночью царствуетъ Квирида!
 И мы не такъ-ли дни ведемъ,
 Щербининъ, вѣрный другъ забавы,
 Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
 Любимъ ли ты молоды и здоровы?
 Но дни младости пролетятъ,
 Веселье, нѣга насъ покинутъ,
 Желаньяхъ чувства измѣнятся,
 Сердца иссохнутъ и остынутъ:
 Тогда безъ пѣсенъ, безъ, подругъ,
 Безъ наслажденій, безъ желаній
 Найдешь отраду, милый другъ,

Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
 Тогда, качая головой.
 Скажу тебѣ у двери гроба:
 «Ты помнишь Фавни, милый мой?»
 И тихо улыбнемся оба.
 1818 г.

Н. И. КРИВЦОВУ,

при посылкѣ вольтеровой поэмы.

Когда сожмешь ты снова руку,
 Которая тебѣ дарить,
 На скучный путь и на разлуку,
 Вотъ эту библію Харитъ?
 Амуръ нашель ее въ Цитерѣ,
 Въ архивѣ шалости молодой:
 По ней молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой.
 Прости, эпикуреецъ мой!
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
 Лети во мрачный Альбионъ!
 Да сохранить тебя въ чужбинѣ
 Христосъ и вѣрный Купидонъ!
 Неси въ чужой предѣлъ пената,
 Но помни прежни дни свои:
 Люби недѣтственнаго брата,
 Страдальца чувственной любви.
 1818 г.

ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
 Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
 Но въ насъ кипятъ еще желанья:
 Подъ гнетомъ власти роковой
 Нетерпѣливою душой
 Отчизны внемлемъ призыванья!
 Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
 Минуты вольности святой,
 Какъ ждетъ любовникъ молодой
 Минуты сладкаго свиданья.
 Пока свободою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души высокіе порывы.
 Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
 Заря плѣнительнаго счастья:
 Россія вспрянетъ ото сна
 И на обломкахъ...
 Напишетъ наши имена.
 1818 г.

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

(штейнгель).

Къ чему нескромнымъ снѣмъ уборомъ,
 Умилымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце распалать
 И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая вѣжность,

Стыдливости притворный видъ,
 Движеній томная небрежность
 И трепеть устъ, и жаръ ланить?
 Напрасны хитрныя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни вѣтъ...
 Невольный хладъ негодовавья—
 Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
 Твоею прелестью надменной
 Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
 Скажи: у двери опѣвной
 Твоей обителя презрѣнной
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ, нѣтъ, другому свой заявляй
 Неси, прелестьница, вѣнокъ:
 Ласкай неопытный порокъ,
 Въ твоихъ объятіяхъ усталый:
 Но гордый замыселъ забудь:
 Не привлечешь питомца музы
 Ты на предательскую грудь.
 Неси другимъ наемны узы,
 Своей любви постыдный торгъ,
 Корысти хладныя лобавья
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный восторгъ!

1818 г.

М Е Ч Т А Т Е Л Ю.

(в. к. кюхельбекеру).

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье,
 Тебѣ пріятно слезы лить,
 Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
 И въ сердцѣ тихое уныніе тавить.
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
 О если-бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
 Постигло страшное безуміе любви:
 Когда-бъ весь адъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
 Когда-бы въ долгіе часы безсонной ночи,
 На ложѣ медленно терзаемый тоской,
 Ты звалъ обманчивый покой,
 Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркіе, рыдая, обнималъ
 И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
 Повѣрь, тогда-бъ ты не питалъ
 Неблагодарнаго мечтанья;
 Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ
 Своей любовницы надменной,
 Дрожащій, блѣдный, изступленный,
 Тогда-бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
 Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
 Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
 Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...
 Но мрачная любовь и образъ незабвенный
 Остались вѣчно-бы съ тобой.

1818 г.

ЖУКОВСКОМУ.

(на изданіе книжекъ его: «для немногихъ»).

Когда къ мечтательному міру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на колѣвахъ лиру

Нетерпѣливою рукой;
 Когда смѣняются видѣнья
 Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власы подѣмлетъ на челѣ:
 Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
 Не для завистливыхъ судей,
 Не для сбирателей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣстей,
 Но для друзей таланта строгихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбить счастье,
 Не всѣ родились для вѣнцовъ.
 Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
 Высокихъ мыслей и стиховъ,
 Кто наслажденіе прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ
 И твой восторгъ уразумѣлъ
 Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

1818 г.

ВЪ АЛЬБОМѢ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодною сердечной
 Чудесный жаръ плѣвительныхъ очей.
 Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
 Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

1818 г.

Ө. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ именитный,
 Здорово, Юрьевъ лейбъ-улавъ!
 Сегодня для тебя пустынный
 Осушить пѣвистый стакавъ.
 Здорово, рыцари лихіе
 Любви, свободы и вина!
 Для насъ, союзники младые,
 Надежды лампа зажжена.

Здорово, молодость и счастье!

1819 г.

[Подъ «лампой надежды» разумѣется кружокъ «Зеленая лампа», собиравшійся у Всеволожскаго].

ВАС. ВАС. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
 Худой, обрѣтый, во живой:
 Его мучительная лапа
 Не тяготѣетъ надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріана,
 И сонъ, и сладостный покой,
 Съ Кипридой посѣтили снова
 Мой уголь тѣсный и простой.
 Утѣшь и ты полубольного!
 Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
 Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
 Лѣнливый Пинда гражданникъ,
 Свободы, Ваха вѣрный сынъ,
 Вечеры набожный поклонникъ
 И наслажденій властелинъ!
 Отъ суеты столицы празднои,

Отъ хладныхъ прелестей Невы,
 Отъ вредной силетипцы-молвы,
 Отъ скуки, столь разнообразной,
 Я ѣду въ даль! Простите, дамы,
 Актрисы, франты, доктора,
 Шумящи игры, вечера,
 Гдѣ лѣются пуншъ и эпиграмы!
 Меня зовутъ поля, луга,
 Тѣнисты липы огорода,
 Озеръ пустынныхъ берега
 И деревенская свобода.
 Дай руку мнѣ. Прїѣду я
 Въ началѣ мрачномъ октября:
 Съ тобою пить мы будемъ снова,
 Открытымъ сердцемъ говоря
 На счетъ глупца, вельможи злого,
 На счетъ холона записного,
 На счетъ небеснаго царя.
 А иногда на счетъ земного.

1819 г.

Н. П. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
 Гроба близкимъ новосельемъ:
 Право, намъ такимъ бездѣльемъ
 Заниматься недосугъ.
 Пусть остылой жизни чашу
 Танетъ медленно другой;
 Мы-жъ утратимъ юность нашу
 вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
 Каждый у своей гробницы,
 Мы присядемъ на порогъ,
 У пафосскія царницы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
 Лишній мигъ у вѣрной лѣви,
 Круговой нальемъ сосудъ,
 И толпою наши тѣни
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,
 И подруги шалуновъ
 Соберутъ ихъ легкій пепелъ
 Въ урны праздныя пировъ.

1819 г.

С Т А Н С Ы.

(я. н. толстому).

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
 Ты милыя забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣнялъ,
 И на лампаду Эпиктета
 Златой Гораціевъ фіаль.
 Повѣрь, мой другъ, она придетъ—
 Пора унылыхъ сожалѣній,
 Холодной истины заботъ
 И безполезныхъ размышлений.
 Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
 Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:

Надъ сѣдинами не гремятъ
 Безумства рѣзвыя гремушки.
 Ахъ, младость не приходитъ иновъ!
 Зови-же сладкое бездѣлье
 И легкокрылую любовь.
 И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслаждение пей,
 Живи безпечень, равнодушень!
 Мгновенью жизни будь послушенъ,
 Будь молодъ въ юности твоей!

1819 г.

О Р Л О В У.

О ты, который сочеталъ
 Съ душою пылкой, откровенной
 (Хотя и русскій генералъ)
 Любезность, разумъ просвѣщенный;
 О ты, который, съ каждымъ днемъ
 Вставая на военну муку,
 Усталымъ усачамъ, верхомъ
 Преподаешь царей науку,
 Но не безславишь сгоряча
 Свою воинственную руку
 Презрѣнной палкой палача;
 Орловъ, ты правъ: я забываю
 Свои гусарскія мечты
 И съ Соломономъ восклицаю:
 Мундиръ и сабля—суеты!
 На генерала Киселева
 Не положу своихъ надеждъ;
 Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
 Онъ—врагъ коварства и невѣждъ;
 За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
 Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
 До ночи слушать радъ его;
 Но онъ—придворный: общающъ
 Ему не стоять ничего.
 Смиривъ немирныя желанья,
 Безъ доломана, безъ усовъ,
 Сокроюсь съ тайною свободой.
 Съ цѣвницей, вѣгой и природой
 Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
 Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
 Или въ травѣ густыхъ луговъ,
 Или холма на злачномъ скатѣ,
 Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
 Я буду пѣть моихъ боговъ
 И буду ждать.—Когда-жъ возстанетъ
 Съ одра покоя богъ мечей,
 И брани громкій вызовъ грянетъ,—
 Тогда покину миръ полей;
 Питомецъ пламенный Беллоны,
 У трова вѣрный гражданинъ!
 Орловъ, я стану подъ знамены
 Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
 Въ шатрахъ, средѣ сѣчи, средѣ пожаровъ
 Съ мечомъ и съ лирой боевой
 Рубиться буду предъ тобою
 И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819 г.

Н. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
 Балованный дитя свободы!
 И такъ, отъ нашихъ береговъ,
 Отъ жертвой области рабовъ,
 Капральства, прихотей и моды
 Ты скачешь въ мирную Москву,
 Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
 Безпечно дремлютъ на яву
 И въ жизни любятъ переимъ.
 Въ сей азіатской створѣ,
 Насъ увѣряютъ, жизнь—игрушка!
 Въ почтенной кичѣ, шумувъ
 Москва—премилая старушка.
 Разнообразной и живой
 Она плѣняетъ нестройной,
 Старинной роскошью, пирамъ,
 Невѣстами, колоколамъ,
 Забавной, легкой суетой,
 Невинной прозой и стихами.
 Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
 Увидишь важное бездѣлье,
 Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
 И глухость въ золотыхъ очкахъ,
 И тучной знатности похмѣлье,
 И скуку съ картами въ рукахъ.
 Всего минутный наблюдатель,
 Ты посмѣешься подъ рукой;
 Но вскорѣ, бѣдный обожатель
 Забавъ и лѣни золотой,
 Держась моего совѣта
 И волю всей душой любя,
 Оставишь кругъ большого свѣта
 И жить рѣшишься для себя.
 Уже въ пріютѣ отдаленномъ
 Я вплу мысленно тебя:
 Кипитъ въ бокалѣ опѣвномъ
 Ан холодная струя;
 Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
 Въ халатахъ, новыя друзья
 Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
 Обходитъ ихъ безумный кругъ,
 И мчатся въ радостяхъ досугъ;
 А тамъ египетскія дѣвы
 Летаютъ, вьются предъ тобой;
 Я слышу звонкіе напѣвы,
 Стоя въ нѣги, воли, дикій вой!
 Ихъ изступленныя движенья,
 Огонь неистовыхъ очей—
 И все, мой другъ, въ душѣ твоей
 Рождастъ трепетъ упоенья...
 Но вспомни, милый; здѣсь одна,
 Тебя всечасно ожидая,
 Вздыхаетъ плѣнница младая;
 Весь день уныла и томна,
 Въ своей задумчивости сладкой,
 Тиховѣко плачетъ подъ окномъ
 Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой
 И смотритъ на пустынный домъ,

Сочиненія А. С. Пушкина.

Гдѣ мы такъ часто пировали
 Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
 Куда съ надеждой и тоской
 Ея желанья улетали.
 О, скоро-ль милого найдутъ
 Ея потупленные взоры,
 И предъ любовью упадутъ
 Замковъ ревнивые затворы?
 А нашъ оспротѣлый кругъ,
 Товарищъ, скоро-ль оживятся?
 Когда прискачешь, милый другъ?
 Душа послѣдъ тебѣ стремится.
 Гдѣ-бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
 Изъ рукъ младого сладострастья,
 И докажи, что ты знатокъ
 Въ невѣдомой наукѣ счастья.

1819 г.

КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питодецъ модъ, большого свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
 Я провожу незнаемый досугъ.
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
 Опасую прельщенный суетой,
 Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
 Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
 И отдохнувши убрался я домой.
 И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
 Младыхъ повѣсь счастливая семья.
 Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы все—прекраснаго друга,—
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлинъ—невѣждѣ законодатель,
 Гдѣ Шешивгъ—царь, а скука—предсѣдатель,
 Гдѣ глухостью единой все равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
 И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!..
 Когда въ кругу Лансъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда-генералъ
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ,
 Глядя на всехъ съ нахальствомъ благосклонъ—
 И все вокругъ и дремлютъ, и молчатъ, [нымъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ—
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
 Политики смѣшного лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
 И мистика придворнаго кривлянья!..
 И ты, харитъ любовникъ своевольный,

Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По прежпему острякъ небогомольный,
По прежпему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ —
И малый кругъ друзей моихъ умпожъ.

1819 г.

КЪ НЕМУЖЕ.

(отрывокъ).

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы —
Проходитъ все, какъ легкая мечта.
Такъ, иногда, за чашей ликования
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой —
И ты поймешь души моей страданья!..

1819 г.

ОЛНІНЬКЪ МАССОНЪ.

Ольга, крестница Киприды.

Ольга, чудо красоты,
Какъ-же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Попѣлуемъ сладострастья —
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ:
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условный —
Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шопотъ
И служанки сонный ропотъ.
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разпрата,
Пріаписическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслаждевья.
Вземли нашъ влюбленный плачъ —
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначъ.

1820 г.

ПЛАТОНІЗМЪ.

Я знаю, Лядинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ несносивъ Гименей:
Ты молишься другому богу —
Своей покорствуя судьбѣ.
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей.
Я понялъ взоръ полуоткрытый,
И поблѣднѣвшія лавиты,

И томность поступи твоей;
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ:
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ:
Онъ любить сны воображенья.
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ — другъ стыдливый наслажденья,
Онъ — братъ любви, не одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тьмѣ ночвой томишься ты.
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихую рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньѣ
Ты мыслишь обмануть любовь!
Напрасно — въ самомъ наслажденьѣ
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса, какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ...
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты:
Не вѣчно будешь ты прекрасна.
Не для себя прекрасна ты!

1820 г.

ЧАДАЕВУ.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ.
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣлой Эмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось...
Чадаевъ, помнишь-ли бывшее?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурами смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина.
И въ умиленіи вдохновенномъ.
На камяхъ, дружбой освященномъ.
Плшу я наши имена.

1820 г.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воля,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достойнъ.
Тебя, младенца, онъ ласкалъ

На пламенной груди рукою окровавленной;
 Твоей игрушкой быть киижалъ,
 Братоубійствою изощренный.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
 Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью,
 Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
 И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселю.
 Таковъ былъ—сумрачный, ужасный до конца.
 Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
 Смиреной жизнью предъ небомъ искупила:
 Съ могилы грозной къ небесамъ
 Она, какъ сладкій оиіамъ,
 Какъ чистая любви молитва, восходила.
 1820 г.

А Г Л А Ъ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
 Какъ семилѣтняя Агнеса?
 Въ какомъ романѣ вы нашли,
 Чтобы умеръ отъ любви повѣса?
 Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
 Да, тридцать лѣтъ—немногимъ болѣ;
 Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
 Кружился долго въ немъ па волѣ:
 Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
 Проказы утонить успѣли;
 Вамъ также съ вашей стороны
 Тревоги сердца надобѣли.
 Умы давно въ пастъ охладѣлп,
 Не кстати намъ учиться вновь!
 Мы знаемъ: вѣчная любовь
 Живетъ едва-ли три недѣли!
 Я вами точно былъ плѣненъ.
 Къ тому-же скука... мужъ ревнивый...
 Я притворился, что влюбленъ,
 Вы притворились, что стыдливы...
 Мы поклялись... потомъ... увы!
 Потомъ забыли клятву нашу:
 Себѣ гусара взяли вы,
 А я—наперсницу Наташу.
 Мы разошлись. До этихъ поръ
 Все хорошо, благопристойно:
 Могли-бы мы безъ глупыхъ ссоръ
 Жить мирно, дружно и спокойно;
 Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
 Вы мнѣ сегодня поутру
 Съдую воскресили древность:
 Вы проповѣдуете вновь
 Покойныхъ рыцарей любовь,
 Учивый жаръ, и грусть, и ревность...
 Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
 Я не дитя, хотъ и поэтъ.
 Оставимъ юный пылъ страстей,
 Когда мы клонимся къ закату.
 Вы—старшей дочери своей,
 Я—своему меньшому брату.
 Имъ можно съ жизнью шалить
 И слезы впродъ себѣ готовить;
 Еще пристало имъ любить.
 А намъ уже пора злословить!
 1821 г.

ПАВЛУ АЛЕКСАНДР. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ ирпшлетъ ея портретъ, (А. М. Коло-
 Черты волшебницы прекрасной? совой)
 Талантовъ обожатель страстный,
 Я прежде былъ ея поэтъ.
 Съ досады, можетъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму кадилъ
 Красавица блистала славой,
 Я свистомъ глны заглушилъ.
 Погибни, злобы мигъ единый:
 Погибни, лиры ложный звукъ:
 Она виновна, милый другъ,
 Предъ Селимевой и Монной.
 Такъ легкомысленной душой,
 О боги, смертный васъ поносить!
 Но вскорѣ трепетной рукою
 Вамъ жертвы новыя приносить.
 1820 г.

С Ъ Т О В А Н І Е.

(д. в. давыдову).

Недавно я, въ часы свободы,
 Уставъ Наѣзника читалъ
 И даже ясно понималъ
 Его искусные доводы;
 Узналъ я рѣзкія черты
 Неподражаемаго слога,
 И перевертывалъ листы,
 И думалъ: вѣтрѣнный вѣвецъ!
 Перебѣсилась наконецъ
 Твоя проказливая лира;
 И сердцемъ охладѣвъ на вѣкъ.
 Ты, видно, сталъ въ угоду міра
 Благоразумный человекъ!
 О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
 Кто далъ Давыдову совѣтъ
 Оставить лавръ, оставить розы?
 Какъ могъ унизиться до прозы
 Вѣнчанннй музою поэтъ,
 Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ.
 И тѣмъ Бурцова угрозы?
 1821 г.

Ч А А Д А Е В У.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ
 лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ—пустынннй мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня—предметъ заботы малой,
 Тебя не достаетъ душъ моей усталой.
 Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
 Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
 Гдѣ праздннй умъ блеститъ, тогда какъ серд-
 це дремлетъ,
 И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
 Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
 Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденія,
 Враговъ моихъ предавъ проклятію забвенья,

И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну.
 Для сердца новую икушаю тишину.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій трудъ, и жажду размысленій;
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ
 умъ;

Учусь удерживать вниманіе долгихъ думъ;
 Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мятенной младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись;
 Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
 Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
 Пою мои мечты, прароду и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ.
 Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и дѣли
 И царскосельскія хранительныя сѣни.
 Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края:
 Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
 Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
 Ты былъ цѣнителемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
 Ты сердце зналъ мое во пѣтѣхъ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потохъ въ волненіи страстей
 Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
 Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее свѣтомъ или укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣныя смѣло во мнѣ рождалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я презирать. умѣя ненавидѣть.
 Чтѣ нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
 Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежнѣ лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но просвѣтивъ себя, заглянулъ свой позоръ,
 Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
 Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ-ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепетаньѣ дамъ, зонловъ и глупцовъ,
 И сплетней разбирать игривую затѣю.
 Когда гордиться могъ я дружбою своею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раннія мою тѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, расцѣлся я съ судьбою
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесъ я не томилъ молитвою другою.

О, скоро-ли. мой другъ, настанетъ срокъ раз-
 Когда соединимъ слова любви и руки? [луки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда — мудрецъ, а иногда — мечтатель
 И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побораннмъ,
 Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
 И счастливы буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты Шепинга отъ нашего порога.
 1821 г.

НИКОЛАЮ СТЕП. АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
 Твои ревнивыя мечты:
 Я позабылъ любви призывы
 И плѣтъ опасной красоты:
 Свободы другъ миролюбивый,
 Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
 Я, равнодушный и лѣнивый,
 Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
 Ихъ томный взоръ, приветный лепетъ
 Уже не властны надо мной.
 Забыло сердце нѣжный трепетъ
 И пламя юности живой.
 Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
 Вдыхать — неловко и смѣшно,
 Надеждѣ вѣрить — безразсудно,
 Мужей обманывать — грѣшно.
 Прошелъ веселой жизни праздникъ!
 Какъ мой задумчивый проказникъ,
 Какъ Баратынскій, я твержу:
 «Нельзя-ль найти подруги нѣжной?
 Нельзя-ль найти любви надежной?»
 И ничего не нахожу.
 Оставя счастья призракъ ложный,
 Безъ упительныхъ страстей,
 Я сталъ наперсникъ осторожный
 Моихъ неопытныхъ друзей;
 Вдали штыковъ и барабановъ
 Такъ точно старый инвалидъ
 Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
 И нѣмъ о битвахъ говорить.
 Когда любовникъ изстуженный,
 Тоскуя, плачетъ предо мной
 И для красавицы надменной
 Клянется жертвовать собой:
 Когда въ жару своихъ желаній
 Съ восторгомъ изъясняется онъ
 Неясныхъ, темныхъ ожиданій
 Обманчивый, но сладкій сонъ,
 И крѣпко руку сжавъ у друга,
 Клянется ревниваго супруга,
 Или докучливую мать:
 Его безумнымъ увѣреньямъ
 И поминутнымъ повтореньямъ

Люблю съ участіемъ внимать:
Я лъщу слѣпой его надеждѣ.
Я молодъ юностью чужой.
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.
Я былъ рожденъ для наслажденья;
Въ моей утраченной веснѣ
Какъ мало нужно было мнѣ
Для милыхъ сновъ воображенія!
Зачѣмъ-же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Мнѣ стало чуждо сладострастье,
Зачѣмъ-же вдругъ увяло счастье
И ни къ чему стремленія нѣтъ?
И что-жъ? Измѣной хладнокровной
Я-ль стану дружеству вредить,
И снова тактика любовной
Уроки хитрые твердить?
Нѣтъ, милый! Если голосъ томный,
Обманъ улыбки, вѣжный взоръ,
Умилный видъ печали скромной
Тобой владѣють до сихъ поръ,—
Люби, ласкай твои желанья,
Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь...
Увы! пройдутъ любви мечтанья,
И будешь то, чѣмъ я теверъ.

1821 г.

КЪ ***.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ
И младости моей мятежное теченье. [лѣтъ
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ.
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пушай я радости вкушаю невполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть;
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься,
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лшпитесь я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

1821 г.

КЪ О В И Д І Ю.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты вѣкогда принесъ и пещель свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры вѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.

Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенъ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ.
Гдѣ ждетъ пѣнца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда:
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны.
Тамъ хладной Скиіи свирѣпыя сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ. [вуть,
Ты самъ (дивись, Назовъ, дивись судьбѣ пре-
вратной!),

Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы [ратной,
И въ вѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и племъ тя-
желый.

И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочери, ни жена, ни вѣрный сонъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣнца не усадятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юпиши ихъ помнѣть наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть:
Дни старости твоей въ забвеніи потопутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ нищешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы моя несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ.—
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрас-
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ, [ной!»
Твое уныніе и слезы укорить?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленія
Сивъ элегін— послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный.
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты вѣкогда вла-
чилъ.

Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенія,
Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья.
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое илѣняло втайнѣ очи,

Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтитъ небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зиннихъ
бурь.

На скинскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, винопградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ; а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленую пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновень-
емъ,

Когда ты въ первый разъ вѣбралъ съ недо-
умѣньемъ

Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ пѣвецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умереть мой слабый геній
Съ печальной жизнью, съ минутною молвой!
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отда-
ленной

Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный—
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится-же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участію я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не увижилъ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.
1821 г.

П. С. ПУЩИНУ.

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: «свобода!»
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ,
Ликуй, имъ просвѣщенный!
1821 г.

Г. ЖЪ ЭЙХФЕЛЬДЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
Не могутъ васъ обворожить;

Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда—Зоя:
Женюсь—и буду вамъ родня... 1821 г.

НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ морѣ посядѣлый!
Спокойной пристани давно-ли ты достигъ,
Давно-ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!..
1821 г.

* * *

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ,
И пылкую потѣху драки,
И завитки своихъ усовъ.
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутылъ...
1821 г.

* * *

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что (искрометными) стихами
(Касаясь трепетныхъ сердецъ)
Играю смѣхомъ и слезами;
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные наѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Порывы страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ,
И что разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моей
И жаждой воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей:—
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена:
Самолюбныхъ думъ отрада,
Мечтанья неземного сна!..
1821 г.

ЕВРЕЙКЪ.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
И нынѣ, слѣдуя душой
Закоу богочеловѣка,
Погибшаго за міръ земной,
Тебя цѣлую, ангелъ мой!
А завтра, къ вѣрѣ Моисея
За поцѣлуй твой, не робѣя,
Готовъ, еврейка, приступить... 1822 г.

П Р І Я Т Е Л Ю.

Не притворяйся, милый другъ,
 Соперникъ мой широкоплечій:
 Тебѣ не страшень лиры звукъ,
 Ни элегическія рѣчи.
 Дай руку мнѣ: ты не ревнивь,
 Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
 Твоя красавица не дура;
 Я вижу все и не сержусь:
 Она — предѣстная Лаура,
 Да я въ Петрарки не гожусь. 1822 г.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАВІИ.

Сія пустынная страна
 Священна для души поэта:
 Она Державинымъ восиѣта
 И славой русскою полна.
 Еще донынѣ тѣнь Назона
 Дувайскихъ ищетъ береговъ;
 Она летитъ на сладкій зовъ
 Питомцевъ музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутого;
 Но, другъ, обнявъ милѣе мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живого.
 1822 г.

Е М У - Ж Е.

Я жду обѣщанной тетради:
 Что-жъ медлишь, милый трубадуръ!
 Пришли ее мнѣ, Феба ради,
 И награди тебя Амуръ.
 1822 г.

Г Р Е Ч А Н К Ъ.

Ты рождена воспламенять
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять
 Любезной живостью привѣтовъ,
 Восточной странностью рѣчей;
 Блистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой вожкою нескромной;
 Ты рождена для вѣгн томной,
 Для упоенія страстей.
 Скажи: когда пѣвецъ Леилы
 Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
 Свой неизмѣнный идеалъ,
 Ужъ не тебя-ль изображалъ
 Поэтъ мучительный и милый?
 Быть можетъ, въ дальней сторонѣ.
 Подъ небомъ Греціи священной,
 Тебя страдалецъ вдохновенный
 Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенный
 Въ его сердечной глубинѣ.
 Быть можетъ, лирою счастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепетъ возникалъ
 Въ твоей груди самолюбивой,
 И ты, склоняся къ его плечу...
 Нѣтъ, вѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
 Пить я пламя не хочу:

Мнѣ долго счастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И тайной грустію томимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило.
 1822 г.

А Д Е Л Ь.

Играй, Адель,	Ты рождена.
Не знай печали!	Часть упоенья
Хариты, Лель	Лови, лови!
Тебя вѣнчали	Младья лѣта
И колыбель	Отдай любви,
Твою качали.	И въ шумѣ свѣта
Твоя весна	Люби. Адель,
Тиха, ясна:	Мою свирѣль!
Для наслажденія	1822 г.

О Е Д. Н И К О Л. Г Л И Н К Ъ.

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный. робкій эгоизмъ;
 Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
 Вѣнки пировъ и блескъ Аеннъ.
 Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
 Великодушный гражданинъ!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненья грозныя мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь —
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Неправедливость ихъ обидъ:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!
 1822 г.

НАЧАЛО ПОСЛАВІЯ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Язвительный поэтъ. острякъ замысловатый,
 И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
 Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
 Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
 Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
 Невѣжество разить анаемой игрой... 1822 г.

НЕИЗВѢСТНОМУ.

Сегодня я поутру дома
 И жду тебя, любезный мой,
 Приди ко мнѣ на рюмку рома,
 Приди — тряхнемъ мы стариной!
 Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
 Поварни полный генералъ,
 Достойный дружбы и похвалъ
 Ханжи, поэта, балагура,
 Тардифъ, который Коленкура
 И откормилъ, и обокралъ,
 Тардифъ, полиціей гонимый
 За неоплатные долги,
 Тардифъ, умомъ неистощимый
 На entre-mets, на пироги... 1822 г.

НАЧАЛО ПОСЛАНИЯ КЪ БРАТУ.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
 Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
 Теперь ты юноша и полною душой
 Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
 Какое поприще отверзлось предъ тобой!
 Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
 И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій...
 Какъ юный жаръ твою волиуетъ кровь!
 Ты сердце пробуешь въ падеждѣ торопливой;
 Ввѣряешься...

1822 г.

*

Мой другъ, уже три дня
 Сяжу я подъ арестомъ
 И не выдался я
 Давно съ моимъ Орестомъ:
 Спаситель молдаванъ,
 Бахметьена намѣстникъ,
 Смиренный Іоаничъ (Ив. Ник. Пизовъ)
 За то, что Ясскій панъ, (Т. Балшѣ)
 Извѣстный намъ болванъ
 Мазуркою, чалмою,
 Несносной бороною,
 И трусъ, и грубіянь,
 Побитъ немножко мною,
 И что бояръ пугнулъ
 Я новою тревогой,
 Къ моей коморкѣ строгій
 Приставилъ караулъ...

Здѣсь въ рукописи не достаѣтъ листа. Далѣе говорится, чѣмъ поэтъ занимается подъ арестомъ:

Невинною игрою,
 А плевно — мараю
 Небрежныя черты,
 Пишу карикатуры:
 Знакомыхъ столько лицъ,
 Восточныя фигуры
 Куконовъ, куконицъ
 И ихъ мужей рогатыхъ,
 Обритыхъ и брадатыхъ...

1822 г.

КЪ ***.

Ты правъ, мой другъ! Напрасно я презрѣлъ
 Дары природы благосклонной;
 Я зналъ досугъ — безнечныхъ музъ удѣлъ,
 И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, в жизни молодой
 Ей отдалъ вѣтренные годы,
 И вѣрилъ ей за чашей круговой
 Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
 Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
 И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
 Уединенное волненье!

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
 Душа часъ отъ часу вѣмѣть.
 Въ ней чувствна вѣтъ уже. Такъ легкой
 Листъ дубравъ
 Въ ключахъ кавказскихъ камней.

И свѣтъ, и дружбу, и любовь
 Въ ихъ наготѣ отнынѣ ниже, —
 Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
 Ужасный опытъ ненавижу...

1822 г.

Г-ЖѢ РИЗНИЦѢ.

Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ-же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, то вѣжливый, то унылый?
 Мною овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣды чужды, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокий!
 Хочу-ль бѣжать — съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной;
 Заводить-ли красавица друга
 Двусмысленный со мною разговоръ —
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мертвитъ, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой
 Наединѣ заставъ меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
 Что-жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?...
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
 Безъ матерн, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?
 Но я люблю!.. Наединѣ со мною
 Ты такъ вѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я люблю, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю;
 Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю!

1823 г.

ДЕМОНЪ.

(ал. ник. раевскому).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ впечатлѣнья бытія —
 И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
 И вочью пѣнье соловья;
 Когда возвышенныя чувства,
 Свобода, слава и любовь
 И вдохновенныя искусства
 Такъ сильно волновали кровь —
 Часы надеждъ и наслажденій
 Тоской внезапной осѣня,
 Тогда какой-то злобный гений
 Сталъ тайно навѣщать меня.
 Печальны были наши встрѣчи:
 Его улыбка, чудный изглядъ,

Его язвительныя рѣчи
 Бливали въ душу хладный ядъ.
 Ненстошимоу клеветоу
 Онъ Провидѣнье искушалъ;
 Онъ звалъ прекрасное мечтою,
 Онъ вдохновенье презиралъ;
 Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
 На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

1823 г.

КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминаенье
 Нѣшу въ сердечной глубинѣ;
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ.
 Твердилъ я стихъ обвороженный,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой.
 Такъ мило ею повторенный,
 Замѣченный ея душой.
 Вновь днѣ слезъ и тайной муки
 Она съ участіемъ вняла—
 И вынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки...
 Довольно! Въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славою былъ обязанъ ей,
 А, можетъ быть, и вдохновенъ.

1823 г.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

(на приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на по-
 луденный берегъ крима).

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
 Хотя я люблю твои бесѣды,
 Твой милый нравъ, твой милый крипъ,
 Твой вкусъ и жирные обѣды;
 Но не могу съ тобою плыть
 Къ брегамъ полуденной Тавриды.
 Прошу меня не позабыть,
 Любимецъ Вакха и Киприды!
 Когда чахоточный отецъ
 Немного тощей Энеиды
 Спускался въ море наконецъ,
 Ему Горацій, умный льстецъ,
 Прислалъ торжественную оду,
 Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
 Сулилъ хорошую погоду...
 Но льстивыхъ одъ я не пишу;
 Ты не въ чахоткѣ, слава Богу!
 У неба я тебѣ прошу
 Лишь аппетита на дорогу.

1824 г.

ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуетъ:
 Ови—жрецы единыхъ музъ,
 Единый пламень ихъ волнуетъ;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Ови—родня по вдохновенью.

Клянусь Овидіевой тѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ!
 Давно-бъ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой,
 И къ благосклонному порогу
 Понесъ тяжелый посохъ мой,
 Я возвратился-бъ оживленный
 Картиной беззаботныхъ дней,
 Бесѣдой вольно вдохновенной
 И звучаю лирою твоей.
 Но злобно мной играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуетъ самовластье;
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
 Всегда гонимъ, теперь въ изгнатьѣ
 Влечу закованныя дни...
 Услышь, поэтъ, мое призванье,
 Моихъ надеждъ не обмани:
 Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
 Царей, царицъ любимый рабъ
 И ихъ забытый однодомецъ,
 Скрывался прадѣлъ мой, арапъ;
 Гдѣ, позабывъ Елизаветы
 И дворъ, и пышныя обѣты,
 Подъ сѣнью липовыхъ аллей
 Онъ думалъ въ охлажденных лѣтахъ
 О дальней Африкѣ своей,—
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И музъ возвышенный пророкъ,
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
 И наша троика прославитъ
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обмалемъ караульный,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные пиры,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

1824 г.

ИНОСТРАНКѢ.

(въ альбомѣ).

На языкѣ, тебѣ невятномъ.
 Стихи прощальныя пишу;
 Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну,
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему.
 Его страстей не повиняя.
 1824 г.

Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.
1826 г.

ОТВѢТЪ А. О. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не черкешенка она;
Но въ доли Грузія отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.
Нѣтъ, не агать въ глазахъ у ней;
Но всѣ сокровища Востока
Не стоять сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.
1826 г.

ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословляю,
Когда мой дворъ удивленный,
Печальнымъ свѣтомъ запесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то-же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.
1826 г.

ВЪ АЛЪБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте,
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у пась не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердець.
1826 г.

ПОСЛАНИЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя поры
Доходитъ мой свободный гласъ:
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.
1827 г.

Е. П. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ иль привидѣнье,

То отгоняло сатану
Пустое это пзреченье:
«Аминь, аминь, разсыпся!» Въ наши дни
Гораздо мѣнѣе бѣсовъ и привидѣній
(Вогъ вѣдаетъ, куда дѣвались они...);
Но ты — мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя —
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердца пылкаго мечтою
«Аминь, аминь, разсыпся!» говорю.
1827 г.

ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь и какъ ты миль,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не кастанльскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Ипокрону
Копытомъ вышибъ предъ тобою.
Она не холодной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой,
Она разумчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рома и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.
1827 г.

Н Я Н Ъ.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые ворота,
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...
1827 г.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(при посылкѣ ей поэмы: цыганы).

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты.
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,

И надъ задумчивымъ челою,
Двойнымъ увѣнчанымъ вѣнкомъ,
И вѣтся, и пылаетъ гевій.
Пѣвца, плѣнннаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой.
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

1827 г.

ГРАФИНѢ КОЧУБЕИ.

(при посылкѣ ей оды: вольность).

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ея сладостно дышалъ...
Но васъ я вижу, вамъ внимаю...
И чтѣ-же? слабый человекъ!
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

1827 г.

ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ собрался я давно
Въ вѣмецкій градъ, тобой воспитый,
Съ тобой поить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспитое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспитый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю невскихъ береговъ,—
И что-жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хотѣ нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.
Ахъ, юность, юность удалая!
Могу-ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утоная,
Займодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть.
Теперь докучно пощаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклиная.
Прости, пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Киридой, Фебомъ торжествуй,
Не зпай ни скуки, ни жеманства,
Не зпай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ—
По праву русскаго дворянства!

1827 г.

ЧЕРЕПѢ.

послание къ дельвигу.

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву;
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, такъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился-бъ рыцарской душой,
Когда-бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды брашной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирей золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестно погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буявъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физиологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ—студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и пѣ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ снѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницею трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полузмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ наутнюю въ углу,
Лежали грудой на полу—
Предметъ занятій разнородныхъ
Учеваго да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не шгетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,

Въ чуланѣ онъ безвѣчно свищетъ.
 Утѣренность—вѣщалъ мудрецъ—
 Сердце въ высокихъ отпечатокъ.
 Студентъ, однако-жъ, наконецъ
 Замѣтилъ важный недостатокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ... скелетъ,—
 Предметъ философамъ любезный,
 Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова вѣтъ;
 Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
 Вотъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ
 И тотчасъ, взявъ въ соображеніе
 Его характеръ и служенье,
 Рѣшилъ подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечтатель
 Открылся кистеру душой
 И говоритъ: «нельзя-ль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могильный;
 Костями праздными обильный.
 И между тѣмъ одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ айдесскимъ богомъ:
 Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обители моей».
 Смутился кистеръ изумленный:
 «Что за желанье? Что за страсть?
 Идти въ подвалъ уединенный,
 Встрѣожить мертвыхъ совѣ почтенный
 И одного изъ нихъ украсть!
 И кто-же?... Онъ, гробовъ хранитель!
 Что скажутъ мертвые потомъ?»
 Но пиво, страха усыпитель
 И гнѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
 Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будетъ все готово,
 И другу назначаетъ часъ.
 Они разстались... День угасъ.
 Настала ночь. Плащомъ покрытый,
 Стоитъ герой нашъ знаменитый
 У галлерей гробовой,
 И съ нимъ преступный кистеръ мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбитый.
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь—
 И сходятъ витязи теперь
 Во мракъ подвала величавый;
 Ояньемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ—и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторить звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ:
 Вездѣ щиты, гербы, короны;
 Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ

Почіютъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны...

И-бы никакъ не осмѣлился оставить приема въ эту поэтическую минуту, если-бы твой пращѣдъ, ко-его гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или по-грозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоя-тельства не позволяли ему брать съ собою „бу-дущаго“, то, разобравъ оныя барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высоко-родныхъ костей досталась антекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держать въ немъ табакъ. Онъ рассказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ че-репъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими-жъ сей черепъ, Дельви́гъ: онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Обдѣлай ты его, баронъ,
 Въ благопристойную оправу.
 Издѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу,
 Виномъ кияющимъ осытай,
 Да запивай уху да кашу.
 Пѣвцу Корсара подражай
 И скандинавовъ рай вовнескій
 Въ пиряхъ домашнихъ воскрешай.
 Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій.
 Надъ нимъ задумчиво мечтай:
 С жизни мертвый проповѣдникъ,
 Вяномъ-ли полный, иль пустой.
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ.
 Онъ стоитъ головы живой.

1827 г.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ.

Не вѣровалъ я (граціямъ) донимъ:
 Мнѣ (видъ) тройной казался все мудрець,
 Но вижу васъ—и, вѣрой озаренъ,
 Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.
 1827 г.

ИВ. ЕРМОІ. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,
 сочинителю «сатиры на игроковъ»

Такъ элегическую лиру
 Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
 На благочинную сатиру?
 Хвалю поэта—дѣльно міру!
 Ему полезенъ розги свистъ.
 Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
 Съ какимъ усердьемъ онъ молился

И как несчастливо игралъ!
 Вотъ молодежь: погорячился,
 Продулся весь, и такъ пропалъ!
 Дамонъ твой—человѣкъ ужасный:
 Забудь его опасный домъ,
 Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
 Мой другъ, ты вѣдь себя прекрасно:
 Ты никому тамъ не мѣшалъ,
 Эраста нѣжно утѣшалъ,
 Давалъ полезные совѣты
 И ни рубля не проигралъ.
 Люблю: вотъ каковы поэты!
 А то, уча безумный свѣтъ,
 Порой грѣшить и проповѣдникъ.
 Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
 Разскажь мой:

Нѣкто, мой сосѣдъ,
 Въ томленьяхъ благородной жажды,
 Хлебнувъ кастальскихъ водъ бокаль.
 На игроковъ, какъ ты, однажды
 Сатиру злую написалъ
 И другу съ жаромъ прочиталъ.
 Ему въ отвѣтъ, его пріятель
 Взялъ карты, молча стасовалъ.
 Далъ свѣтъ, и нравственный писатель
 Всю ночь, увы, понтировалъ!
 Тебѣ знакомъ-ли сей проказникъ?
 Но встрѣча съ нимъ была-бъ мнѣ праздникъ:
 Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать
 И до полдненнаго сѣдня
 Читая моральныя посланья
 И прогрышъ его писать.

1828 г.

А. А. ОЛЕНИНОЙ.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
 Духъ неволи, стройный видъ.
 Сводъ небесъ зелено-блѣдный.
 Скука, холодъ и гранитъ—
 Все-же мнѣ васъ жаль немножко,
 Потому что здѣсь порой
 Ходить маленькая пожка,
 Вьется локонь золотой.

1828 г.

TO DAWE ESQR.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
 Рисуетъ мой арабскій профиль?
 Хоть ты вѣкамъ его предашь,
 Его освѣтитъ Мефистофель.
 Рисуй Олениной черты:
 Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
 Лишь юности и красоты
 Поклонникомъ быть долженъ геній.

1828 г.

КЪ ***.

Счастливъ, кто избранъ своею правдою
 Твоей тоскливою мечтой,
 При комъ любовью млѣешь явно,

Чьи взоры властвуютъ тобой:
 Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
 Сгорая пламенемъ любви,
 Потупя голову, ревниво
 Признанья слушаетъ твою.

1828 г.

ЕКАТ. ВАС. ВЕЛЬЯШЕВОЙ.

Подѣзжая подъ Ижору,
 Я взглянулъ на небеса
 И вспомнилъ ваши взоры,
 Ваши снѣе глаза.
 Хоть я грустно очарованъ
 Вашей дѣвственной красой,
 Хоть вампиромъ именованъ
 Я въ губерніи Тверской,
 Но колѣнъ моихъ предъ вами
 Преклонить я не посмѣлъ
 И влюбленными мольбами
 Васъ тревожить не хотѣлъ
 Упиваясь непріятно
 Хмѣлемъ свѣтской суеты,
 Позабуду, вѣроятно,
 Ваши милыя черты,
 Легкій ставъ, движеній стройность,
 Осторожный разговоръ,
 Эту скромную спокойность,
 Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
 Если-жъ вѣтъ... по прежнюю слѣду
 Въ ваши мирные края
 Черезъ годъ опять заѣду
 И влюблюсь до ноября.

1828 г.

АННѢ ИВАНОВНѢ ВУЛЬФЪ.

За Netty сердцемъ я летаю
 Въ Твери, въ Москвѣ—
 И R и O позабываю
 Для N и W.

1828 г.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
 Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
 И выпить за здоровье просишь:
 Не пью, любезный мой сосѣдъ!
 Товарищъ милый, но лукавый,
 Твой кубокъ полонъ не виномъ,
 Но упоительной отравой:
 Онъ заманитъ меня потомъ
 Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
 Не такъ-ли опытный гусаръ,
 Вербуя рекрута, подноситъ
 Ему веселый Вакха даръ,
 Пока воинственный угаръ
 Его на мѣстѣ не подкоситъ?
 Я самъ—служивый: мнѣ домоу
 Пора убраться на покой.
 Останься ты въ строяхъ Парваса,

Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья поживай.
1828 г.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво, и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоякъ, приметъ холодно
Привѣтъ харити и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько-бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтренный зонль,
Когда-бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненіемъ
Наказанъ былъ-бы онъ. а ты
Была всегда-бъ опроверженіемъ
Его печальной клеветы.
1828 г.

И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной.
Альбомъ домашній и простой
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являются впрочемъ не хочу:
Но твой альбомъ—другое дѣло:
Охотно данъ ему плачу.
Тобой нитомцамъ Аполлопа
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И имя самъ не позабыть.
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, вріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларь молитвеннымъ стихомъ.
1828 г.

В. С. ФИЛИМОНОВУ.

(при полученіи поэмы его: «дурацкій колпакъ»).

Вамъ музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ-же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть
И въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;

Онъ повелѣтъ мной заброшенъ —
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ.
И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.
1828 г.

П. Н. ЭГЕЛЬСТРОМУ.

О. Эгельстромъ! я, восхищенный,
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь гениемъ внушенный,
Блеститъ, какъ солнце въ ясны дни.
Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.
Когда Анакреова лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.
Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь падъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты ибснью огорчаешь—
Тогда стенаетъ все съ тобой.
Когда комедіей васъ хочешь
Плѣвить—что твоей Мольеръ, Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!
Позтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для васъ твой каждый стихъ!
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?
Пусти въ печать твои творенья,—
Заслужишь множество вѣнцовъ:
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ, ты—царь пѣвцовъ!
1828 г.

* * *

Увы, языкъ любви болтливой,
Языкъ и скромный, и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой.
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь речей гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ.
Тебя страшитъ любви признанье.
Письмо мое ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой пѣжвою прочтешь.
Благословенъ-же будь отнынѣ
Судьбою вѣтренный мнѣ даръ!
Доселѣ въ жизненной пустынѣ,
Во мнѣ питая сердца жаръ,
Мнѣ навлекалъ одно гоненье,
.....
Иль клевету, иль заточенье,
И рѣдко—хладную хвалу...
1828 г.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
 Но сѣверъ забывать грѣшно.
 Такъ слушай, поспѣшай карлсбадскія пить воды,
 Чтобъ съ нами снова пить вино.
 1828 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
 Оно умереть, какъ шумъ печальный
 Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
 Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.
 Оно на памятномъ листкѣ
 Оставить мертвый слѣдъ, подобный
 Узору надписи надгробной
 На непонятномъ языкѣ.
 Что въ немъ? Забытое давно
 Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
 Твоей душѣ не дать опо
 Воспоминаній чистыхъ, вѣжныхъ.
 Но въ день печали, въ тишинѣ
 Пропзнеси его тоску,
 Скажи, есть память обо мнѣ;
 Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!
 1829 г.

КЪ А. П. КЕРНЬ.

Когда твои младыя лѣта
 Позорить шумная молва,
 И ты по приговору свѣта
 На честь утратила права—
 Одинъ, среди толпы холодной,
 Твои страдавша я дѣлю
 И за тебя мольбой безплодной
 Кумиръ безчувственный молю.
 Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
 Не измѣняетъ онъ своихъ:
 Онъ не караетъ заблужденій,
 Но тайны требуетъ для нихъ.
 Достойны равнаго презрѣнья
 Его тщеславная любовь
 И лицемѣрная гоненья—
 Къ забвенью сердце приготовь;
 Не пей мучительной отравы;
 Оставь блестящій, душный кругъ,
 Оставь безумныя забавы:
 Тебѣ одинъ остался другъ.
 1829 г.

ЕКАТ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ.

(въ альбомѣ).

Вы избалованы природой:
 Она пристрастна къ вамъ была,
 И наша вѣчная хвала
 Вамъ кажется докучной одой.
 Вы сами знаете давно,
 Что васъ любить неумудрено,
 Что вѣрнымъ взоромъ вы—Армида,
 Что легкимъ станомъ вы—Сельфѣда,

Сочиненія А. С. Пушкина.

Что ваши алыя уста,
 Какъ гармоническая роза...
 И наши риомы, наша проза
 Предъ вами—шумъ и суета...
 Но красоты воспоминанье
 Вамъ сердце трогаетъ тайкомъ—
 И строкъ небрежныхъ начертанье
 Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
 Авось на память пошевелѣ
 Придетъ вамъ тотъ, кто васъ нѣвалъ
 Въ тѣ дни, какъ Прѣсенское поле
 Еще заборъ не заграждалъ.
 1829 г.

ИЗЪ ЕЯ ЖЕ АЛЬБОМА.

Въ отдаленіи отъ васъ
 Съ вами буду неразлученъ:
 Тонкихъ устъ и томныхъ глазъ
 Буду памятью размученъ.
 Изнывая въ тишинѣ,
 Не хочу я быть утѣшенъ;
 Вы-жъ вздохнете-ль обо мнѣ,
 Если буду я повѣшенъ?
 1829 г.

ОТВѢТЪ.

(ЕКАТ. Н. УШАКОВОЙ.)

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
 Не по узорной пестротѣ
 Сихъ недописанныхъ каракулъ,
 Но по веселой остротѣ,
 Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
 Но по насмѣшливости злой
 И по упрекамъ... столь неправымъ,
 И этой прелести живой.
 Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
 Я перечитываю васъ
 И восклицаю съ петербургемъ:
 Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
 Здѣсь городъ чопорный, унылый,
 Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
 Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености малой,
 Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.
 1830 г.

ДЕЛЪВИГУ.

Мы рождены, мой братъ названный,
 Подъ одинаковой звѣздой—
 Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
 Играли нашею судьбой.
 Явились мы рано оба
 На ипподромъ, а не на торгъ
 Вблизи державинскаго гроба,
 И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...
 1830 г.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто-бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
 При вѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
 Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,

Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
 О, кто бы ни былъ ты: старикъ-ли вдохновенный,
 Или юности моей товарищъ отдаленный.
 Или отрокъ, музами таинственно хранимъ,
 Или пола кроткаго стыдливый херувимъ, —
 Благодарю тебя душою умиленной.
 Внимаешь слабого предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
 И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшопъ, участія кто требуетъ у свѣта!
 Холодная толпа изираетъ на поэта,
 Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
 Глубоко выразить сердечный, тяжкій стовъ,
 И выстраданный стихъ, пропитательно-унылый,
 Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
 Она въ ладовы бѣты и хвалитъ, вль порой
 Неблагодарно киваетъ головой.
 Постигнетъ-ли пѣвца незапное волненье,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
 «Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
 «Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и
 чувствъ
 И вамъ ихъ передать». Но счастье поэта
 Межъ ними не пайдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

1830 г.

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРИЯТЕЛЮ.

—Куда-же ты? «Въ Москву, чтобъ графскихъ
 именій
 Не прогулять мнѣ здѣсь». —Постой, а карантинъ?
 Вѣдь въ нашей сторонѣ индѣйская зараза:
 Сиди, какъ у воротъ угрюмага Кавказа,
 Бывало, сживалъ покорный твой слуга.
 Что, братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ —ага!

1830 г.

КРАСАВИЦА.

(въ альбомѣ в. в. гончаровой.)

Все въ ней гармонія, все диво,
 Все выше міра и страстей:
 Она покоится стыдливо
 Въ красѣ торжественной своей:
 Она кругомъ себя взираетъ:
 Ей вѣтъ соперницъ, вѣтъ подругъ;
 Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
 Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда-бы ты ни поспѣшалъ.
 Хотъ на любовное свиданье,
 Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
 Ты сокровенное мечтанье;
 Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты
 Вдругъ остановишься неволью,
 Благоговѣя богомолью
 Передъ святыней красоты.
 1831 г.

ВЪ АЛЬБОМѢ.

Долго сихъ листовъ заветныхъ
 Не касался я перомъ;
 Винавать, въ столѣ моемъ

Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
 Залежался твой альбомъ.
 Въ именины очень кстати,
 Пожелать тебѣ я радъ
 Мною всякой благодати
 Многу сладостныхъ отрадъ,
 На Парнасъ много грома,
 Въ жизни много тихихъ дней
 И па совѣсти твоей
 Ни единого альбома
 Отъ красавицъ, отъ друзей.
 1832 г.

ВЪ АЛЬБОМѢ А. О. РОССЕТИ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
 Большого свѣта и двора
 Ты сохранила взоръ холодный,
 Простое сердце, умъ свободный
 И правды пламень благородный,
 И какъ дитя была добра.
 Смѣялась надъ толпою вздорной,
 Судила здраво и свѣтло,
 И шутки злости самой черной
 Писала прямо набѣло.

1832 г.

КНЯЖНѢ А. Д. АБАМЕЛЕВѢ.

Когда-то, помню, съ умиленьемъ,
 Я смѣлъ васъ нячить съ восхищеньемъ
 Вы были дивное дитя.
 Вы расцвѣли: съ благоговѣньемъ
 Вамъ вынѣ покловяюсь я.
 За вами сердцемъ и глазами
 Съ невольнымъ трепетомъ пошусь,
 И вашей славою, и вами,
 Какъ нянька старая, горжусь.

1832 г.

ВЪ АЛЬБОМѢ.

Гонимый рока самовластьемъ
 Отъ нынѣшней далеко Москвы,
 Я буду вспоминать съ участьемъ
 То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
 Столичный шумъ меня тревожитъ:
 Всегда въ немъ грустно я живу —
 И ваша память только можетъ
 Одна напомнить мнѣ Москву.

1832 г.

ОЛЕНИНОЙ.

Когда-бъ не смутное влеченье
 Чего-то жаждущей души.
 Я здѣсь остался-бъ, наслажденье
 Вкушать въ невѣдомой тиши,
 Забылъ-бы всѣхъ желавій трепеть,
 Мечтою-бъ цѣлый міръ назвалъ —
 И все-бы слушалъ этотъ лепетъ,
 Все-бъ эти ножки цѣловалъ...

1833 г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мнѣ продолжать,
И потчуя стихами вѣкъ желѣзный,
Разсказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что съ цѣлю полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату—
За каждый стихъ по десяти рублей;
Составить, стало быть, за каждую строфу сто
сорокъ—

Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
Пустое! всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять, ей-ей!

* * *

Ты говоришь: пока Овѣгинъ живъ,
Дотоль романъ не конченъ; итъ причины
Его кончать; къ тому-же, планъ счастливыхъ
кончины...

* * *

Вы за Овѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите мнѣ: «онъ живъ и не женатъ—
Итакъ, еще романъ не конченъ: это кладъ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму,
Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ».
Пожалуй, я-бы радъ....

* * *

Въ моп осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, перервать,
Отдавъ его уже въ печать;
Что должно своего героя
Какъ-бы то ни было женить.
По крайней мѣрѣ—уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

* * *

Вы говорите: слава Богу!
Покажѣте твой Овѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ. Понемногу
Пиши его, не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбрай оброкъ хвалой и бранью,
Рисуй и фразы городскихъ,
И милыхъ барышень своихъ,
Войну и балъ, дворецъ и хату,
Чердакъ и келью, и хареъ.

И съ нашей публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату:
За книжку по пяти рублей—
Неужто жаль ихъ будетъ ей?
1833 г.

ИЗЪ ШУТОЧНАГО ПОСЛАНИЯ КЪ ЖУ
КОВСКОМУ.

Въ этомъ посланіи Пушкинъ предлагаетъ помянуть:

Трехъ Матрѣй,
Да Луку съ Петромъ,
Господина Шафонскаго,
Карманный грошъ князя Григорія Волконскаго
И ужъ Александра Македонскаго.

Этого не обойдешь, не объѣдешь, падо
Помянуть... Покойника Винценгероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню вице-канцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде,
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.

Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа, нашего пріятеля, Велегорскаго
(Что не любить вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго;
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Василя-Сурскаго,
Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Деме,
Ланского, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, что умеръ въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара или исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пиветти, славнаго ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта,
Да англичанина Варита...

1833 г.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(при посылкѣ «исторіи пугачевского бунта»).

Тебѣ—пѣвцу, тебѣ—герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ копьѣ.
Паѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Марнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой паѣздникъ чудный,
Ты—мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ-бы онъ лихой.
1836 г.

ХУДОЖНИКУ.

(Гальбергу).

Грустенъ и весель вхожу, ваятель, въ твою
мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ и богинь, и героев!... Вотъ
Зевсъ-громовержецъ;
Вотъ исцѣлитель глядитъ, дуя въ цѣвницу,
сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель
Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ — идеаль. тамъ Ниобея —
печаль...
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молча-
ливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига вѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ
и совѣтникъ.
Какъ-бы онъ обнялъ тебя, какъ-бы гордился
тобой!

1836 г.

КЪ ЖЕНѢ.

Нора, мой другъ, нора! Некая сердце просить,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгу
Въ обитель дальнѣйшійхъ трудовъ и чистѣйшѣхъ вѣтъ...
(Одно время Пушкинъ совѣтъ хотѣлъ покинуть Петер-
бургъ и жить въ деревнѣ, на лонѣ природы.)
1836 г.

Къ .

Мнѣ вѣтъ ви въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ намъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что-же гнѣвъ такой? — Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
А потому и повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангель мой!

Тебѣ въ прощальныя мгновенья
Стихи на память я пишу;
Быть можетъ, очень я грѣшу,
Вѣряя имъ мои мученья;
Но что-же дѣлать? — ничего
Въ душѣ скрывать я не умѣю:
И о прошедшемъ я жалѣю,
И жаль мнѣ сердца твоего.
Мнѣ грустно, другъ мой, что отнынѣ
Жизнь потечетъ твоя въ пустынь,
Гдѣ будутъ видѣть только глушь
Твои голубенькіе глазки;
Гдѣ думъ и чувствъ твоихъ, и ласки
Одинъ владѣтель будетъ — мужъ.

И грустно мнѣ, что этия ножкамъ
Ужъ не гулять въ тиши ночей,
При лунномъ свѣтѣ, по дорожкамъ
Тѣнистыхъ липовыхъ аллей.
И мнѣ о многомъ грустно, грустно...
Но какъ все это передать,
И какъ все выразить изустно,
Что можетъ сердце волновать?
Но я тоски моей не прячу
И, разставаясь съ тобой,
Я какъ ребенокъ горько плачу,
Прекрасный другъ мой, ангель мой!

* *

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ
И мыслю о порѣ счастливой.
Объ этомъ времени златомъ:
Когда кинуше пабѣги
Моей причудливой мечты
Вносили дюжныя элегіи
Въ такіе-жъ пестрые листы:
Когда на клятвы грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ и былъ охотникъ
До употѣльныхъ грѣховъ.
Теперь не то, — не тѣ ужъ грезы,
Не тѣ лѣта, и я душой —
Увы! — гожеу лишь для одной
Зѣвательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной ченухой.

*

Весь день отъявленный лѣвивецъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ-жъ тотъ счастливецъ,
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ поцѣлуяхъ этихъ губокъ —
Совершишь нѣжныхъ устъ Харить —
Въ самозабвеніи полный кубокъ
Земного счастья осушить!
Къ кому уста твои и очи
И замирающая грудь
Прильнуть во мракѣ тихой ночи
И не дадутъ ему заснуть!

Клянусь заранѣ Гименея,
И грѣшную мечту лелѣя,
И ея образъ твой чертя,
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ люблюсь втайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любитесь дѣтя.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ КАГУЛЬСКОМУ ПАМЯТНИКУ.

Воспомяваньемъ упоенный,
 Съ благоговѣньемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой.
 Кагула памятникъ надменный!
 Не смѣлый подвигъ россiянъ,
 Не слава, даръ Екатеринѣ,
 Не Задунайскій великанъ
 Меня воспламеняютъ нынѣ...

1819 г.

Скажи, какія заклинанья
 Имѣютъ надъ тобою власть?
 Всѣ хороши: на всѣ призванья
 Готовъ я какъ-бы съ неба пасть;—
 Довольно одного желанья,
 Я, какъ догадливый холопъ:
 Въ ладоши по-турецки хлопъ,
 Присвистни, позвони, и мигомъ
 Явлюсь,—таковъ ужъ мой удѣлъ,
 Мнѣ должно жить подъ вѣчнымъ игомъ...

1819 г.

Все призракъ, суета,
 Все дрянъ и гадость:
 Стакапъ и красота—
 Вотъ жизни сладость,

Любовь и вино
 Намъ нужны равно:
 Безъ нихъ человѣкъ
 Зѣваль-бы вовѣкъ.

Къ нимъ лѣтъ еще прибавлю,—
 Лѣтъ съ ними заодно:
 Любовь я съ нею славлю,—
 Она мнѣ льетъ вино.

1819 г.

И чувствую, душа (моя)
 Твоей любви, тебя достойна:
 Зачѣмъ-же не всегда (она)
 Чиста, печальна и покойна?..

1820 г.

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
 Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной:
 Мнѣ васъ не жаль, о тайнства поцей,
 Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;

Мнѣ васъ не жаль, певѣрные друзья,

Вѣнки пировъ и чаши круговыя,

Мнѣ васъ не жаль, взмѣшницы младыя,—

Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ-же вы, минуты умиленья,

Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?

Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?...

Придите вновь, года моей весны!

1820 г.

Составленъ онъ изъ подлой снѣси;

Я не видалъ негоднѣй смѣси:

Въ сраженіи онъ—трусъ, въ трактирѣ онъ—
бурлакъ,Въ передней онъ—подлецъ, въ гостиниой онъ—
дуракъ.

1821 г.

Не тѣмъ горжусь я, мой иѣвецъ,
 Что стихами,
 Играю смѣхомъ и слезами;—
 Не тѣмъ горжусь, что иногда
 Мои коварные напѣвы
 Смыряли въ мысляхъ юной дѣвы
 Порывы страха и стыда;
 Не тѣмъ, что у столба сатиры
 Развратъ и злобу я казнилъ,
 И что разящій голосъ лиры
 Виновныхъ въ ужасъ приводилъ:
 Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
 И бурями души моей,
 И жаждой воли, и гоненьемъ
 Я сталъ извѣстекъ межъ людей;—
 Иная, высшая награда
 Была мнѣ рокомъ суждена:
 Самолюбивыхъ думъ отрада,
 Мечтанья неземного сна!

1821 г.

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
 Для русскаго, для друга славы,
 Ты средѣ торжественныхъ знаменъ
 Упалъ, горящій и кровавый,
 Героевъ Сѣвера губя.

1821 г.

Въ Юрзүфѣ бѣдный мусульманинъ
 Недавно жилъ, съ дѣтьми, съ женою;
 Душевно почиталъ священный Алкоранъ
 И счастливъ былъ своей судьбою,
 Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день
 Смотрѣлъ за ульями, за стадомъ
 И за домашнимъ виноградомъ,
 Не зная, что такое лѣтъ;
 Жену свою любилъ; Фатима это звала
 И каждый годъ дѣтей она рожала.
 Но у татаръ ужъ такъ заведено,
 Но нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
 Фатима разъ—она была тогда брюхата—
 А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
 И даже самая степенная жена
 Имѣетъ прихоти то эти, то другія,
 И, Боже, упаси, какія!—
 Фатима говоритъ умилному муженьку:
 «Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку!
 «Повѣръ, теряю я рассудокъ.
 «Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.

«Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
«Сегодня вѣрно я совѣмъ нехороша!
«Всего мнѣ должно опасаться;
«Не смѣю даже почесаться,—
«А то родится дочь съ отмѣткой на носу...
«Такой я муки не снесу!
«Любезный, миленькій, красивый мой дружочекъ!
«Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусо-
Мехомъ разнѣжился, собрался, [чекъ!]

... завязалъ,
Ночѣловалъ жену
И въ ближнюю деревню побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Нашелъ онъ, а легѣлъ. За то въ обратный путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
И скоро сталъ искать, совѣмъ изнемогая,
Мѣстечка, гдѣ-бы отдохнуть.
Но счастью, на концѣ долины
Онъ видитъ ручеекъ...
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава, прохладный вѣтерокъ,—
Все вѣжило, все говорило:
Люби яль почивай! люби...

1821 г.

Красы Лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...
Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...
Но что-жъ теперь тревожитъ хладный миръ
Души безчувственной и враздвой?
Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ,
Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собою я лицейриль...

1822 г.

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,—
Я замолчалъ...

1822 г.

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныхъ крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыхъ мощи...

1822 г.

Зачѣмъ раздался громъ войны
Во славномъ царствѣ Зензевей,
Поля и села зажжены...

Въ Арменіи, въ палаты Зензевей,
Сѣзжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчаетъ

И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно сорокъ дней.
1822 г.

Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
Кого союзникомъ и другомъ?
Кто будетъ счастливымъ супругомъ
Царевны, дочери твоей?
Она мила, какъ ландышъ мая,
Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ...

1822 г.

Вечерѣ, Фебу и Оеидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ ѣздить по Тавридѣ
И проновѣдуютъ Парни.

1822 г.

Въ голубомъ зѣира полѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой:
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.
Догаресса молодая...

1822 г.

Едва уста красворѣтны
Тебя коснулись—и вмигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.
Кристалль, поэтомъ обновленный,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священной
И дружбы сладостный залогъ.
Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный...

1824 г.

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произношу я горестныя непи;
Все кончено—я слышу твой отвѣтъ.
Обманивать себя не стапу,
Тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду
И невозвратное, быть можетъ, позабуду—
Я зналъ: не для меня блаженство,
Не для меча сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

1824 г.

ГРАФУ О...

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То ваша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали
Кремля плѣнъ,

И мы о камень падшихъ стѣвъ
Младенцевъ вашихъ разбивали,
Когда топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ...
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтныхъ сопряженъ;
Не выйдемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнетъ.
Любовь народнаго врага,
Но огнь поэзи чудесный
Сердца враждебныя дружить,

1824 г.

* *

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный коранъ;
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила

Слова святыхъ начертила
На немъ безвѣстная рука.

1824 г.

* *

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу—кругомъ обнажено
Святое смерти пенелище
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ:

. телѣга
. стучить.

1824 г.

* *

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ (убійственный) войны,
И дымъ парижскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды (мудрыя) вела

И съ той поры въ Россіи—мгла;
Россія—бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!

1824 г.

* *

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой
ротѣ, въ домикъ низкомъ.
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, то-
же поэтомъ...

Тихо жили они, за квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ
трикотевыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не
имѣли!),

Шли и твердили, шутя: какое въ россиянахъ
1825 г. чувство!

* *

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны,
И самой красоты—семнадцать лѣтъ замѣна.
Но время протекло, настала переимѣна,
Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ на
дворѣ,
Какъ милый (сонъ) твой слухъ обворожаетъ,
А зеркало сильнѣй грозитъ и улекаетъ.
. утѣшься и смиришь,
Отъ милыхъ прежнихъ сновъ заранѣ откажись,
Ищи другихъ побѣдъ; уснѣхи предъ тобой;
Я счастья тебѣ желаю всей душой.

. и опытовъ моихъ,
Мой дидактическій, благоразумный стихъ.

1825 г.

* *

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ,
Ты вновь создалъ, волшебникъ милый,
Меня, питомца скромныхъ музъ,
И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но—чудо!—зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ впродъ мой будетъ видъ?

Оно гласить, что не утрачу
Пристрастья (вѣрныхъ) Аонидъ.

1825 г.

* *

Глядитъ на свѣтлые края,
Глядитъ на синій сводъ небесный
И на далекіе берега,
Вѣнчанны чащею древесной...
Шумить кустарникъ... На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ,
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ
И чуткимъ ухомъ шевелитъ...
Но вздрогнулъ онъ,—недалный звукъ
Его коснулся...

1825 г.

* *

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ, и слогъ примѣрный,
О ты, который избѣжалъ
Сентиментальности манерной...

1826 г.

* *

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ;
Такъ посвящая съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ... 1827 г.

* *

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Нитъ, внимаемый царями:
Владѣя смѣхомъ и слезами,
Приправя съ горькой правдой ложь,
Онъ вкусъ притупленный щекотитъ
И къ славѣ спѣсь бояръ охотитъ,
Онъ украшаетъ ихъ пиры
И сыплетъ Фебовы дары.

Межъ тѣмъ
Тѣснясь у ступеней крыльца.
Пародъ колеблется волнами.
Съ почтеньемъ слушаетъ пѣвца.
1827 г.

* *

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ,
таится пещера,
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями,
и тѣнью
Входъ въ нее заслоненъ сквозь вѣтви блестя-
щимъ въ извилахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинь.
Звонкой дугою
Съ камня на камень сбѣгаетъ. пробивъ глубо-
кое русло,
Рѣзвый ручей.
Тихо по рощѣ густой онъ вѣется, ее веселя
Сладкимъ журчаньемъ.

1827 г.

* *

Волненьемъ жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Къ тебѣ прибредъ я отдохнуть
И близъ тебя, хой другъ безцѣнный...
1828 г.

Во время оное, бывое,
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ.
Въ свое святилище глухое
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
Меня привѣтствовалъ ты шумно...
1829 г.

* *

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Нутъ и ночлеги,
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ.
Тучи да свѣтъ...
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы.
1829 г.

* *

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, в смолкнувшую лиру

Въ разрушенномъ святилищѣ твоёмъ
Повѣщу я—пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ
. Еще единый гимнъ—

Внемлите мнѣ, ненаты,—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете-ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему.
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аонинская Паллада,—вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственные силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліаній,
Но васъ любить не преставадь, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святого невелища
Моя душа,—тамъ миръ (и тишина)..
Такъ я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо паше,
Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслаждений!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могущество и въ помощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственные чувства,
И насъ они наукѣ первой учать—
Чтитьъ самого себя. О нѣтъ. вовѣкъ
Не преставадь молить боговъъ
Васъ, божества домашнія...

1829 г.

* *

Царь увидѣлъ предъ собою
Столикъ съ шахматной доскою...

Вотъ на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ—
Подбоченъ на лошадакъ,
Въ каленкоровыхъ перчаткахъ,
Въ оперенныхъ шипачкахъ.
Съ палашами на плечахъ...
Передъ шахматной доскою
На столѣ лоханъ съ водою...
Плавать онъ пустилъ по пей
Кучу дивныхъ кораблей,
Барокъ, катеровъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
А прозрачныя вѣтрильца—
Будто бабочкины крыльца.
1833 г.

ПРОЗА

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

изданныя А. П.

Г-жа Простакова.

То, мой батюшка, онъ еще съезжала къ восторжамъ охотникъ.

Скотининъ.

Митрофанъ по мнѣ.

«Недоросль».

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявшись хлопотать объ изданіи Повѣстей П. П. Бѣлкина, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ, мы желали къ опыту присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго автора и тѣмъ отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы къ Марѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина; но, къ сожалѣнію, ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ отнестись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безъ всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоценный памятникъ благороднаго образа мыслей и трогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый государь мой ****!

Почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, получить имѣлъ я честь 23-го сего-же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе, и препровождаю къ вамъ, милостивый государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу.

Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей, въ 1798 году, въ селѣ Горохивѣ. Покойный отецъ его, секундъ-майоръ Петръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ, изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человѣкъ небогатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смысленный. Сыпъ ихъ получалъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части русской словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ пѣхотный егерскій полкъ (числою не упомяну), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время привключившаяся, попустила его подать въ отставку и пріѣхалъ въ село Горохино, свою отчизну.

Вступилъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, введенный покойнымъ его родителемъ. Слѣдствіемъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ

опъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣвшей его довѣренность искусствомъ разсказывать исторіи. Сія глухая старуха не умѣла никогда различить двадцатипяти-рублевой ассигнаціи отъ пятидесяти-рублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя за-одно, что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отнѣмать барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу; а въ слѣдующіе—болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусничкою и тому подобнымъ; и тутъ были недомыслии.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плута-старосту и, въ присутствіи Ивана Петровича, занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилежностію; но какъ по счетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими розысканіями и строгими допросами плута-старосту въ крайнее замѣшательство привелъ и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича, крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній нисколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человѣка, столь кроткаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простотою моею бесѣдою, хотя въ привычкахъ, въ образѣ мыслей, въ нравѣ мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ; никогда не случалось мнѣ видѣть его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почитаться можетъ); къ женскому-же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая ¹⁾.

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ ва-

шемъ упомянуть изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребности. Такихъ образомъ прошлую зиму всѣ окна ея флягеля заклеены были первюю частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онѣ, такъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ ²⁾. Однако-жъ имена въ нихъ почти всѣ вымышленны имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околотка, отчего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злого какого-либо нахѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неуспѣшныя старанія уѣзднаго нашего лекаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ леченіи закорѣпныхъ болѣзней, какъ-то мозолей и тому подобнаго. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія и похороненъ въ церкви села Горохина, близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волосы русые, носъ прямой; лицомъ былъ блѣдъ и худощавъ.

Вотъ, милостивый государь мой, все, что могъ я припомнить касательно образа жизни, занятій, права и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагодарсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое-либо употребленіе, всенекорѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать, ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступити полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.

1830 году, волября 16. Село Непарадово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга автора нашего, приносімъ ему глубочайшую благодарность за доставленные намъ извѣстія и надѣмся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе. А. П.

¹⁾ Слѣдуетъ авердотъ, коего мы не почтѣаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ, увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

²⁾ Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи г. Бѣлкина, надъ каждой повѣстію рукою автора подписано: слышано мною отъ такой-то особы (чинозвѣстнаго званія и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: Смотритель разсказавъ былъ ему титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н. В. с т р ѣ л ь — подполковникомъ Н. П. Л., Г р о б о в ѣ щ и к ѣ — приказчикомъ В. В., М е т е л ь и Б а р ы ш и н ѣ — дѣвцею К. Н. Т.

ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Стрѣлялись мы.

БАРАТЫНСКІЙ.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ).

«Вечеръ на вивуакъ».

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера известна. Утромъ—ученье, мажежъ; обѣдъ—у полкового командира или въ жиловскомъ трактирѣ; вечеромъ—пушпъ и карты. Въ *** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому-же его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ гусарахъ, и даже счастливо; никто не звалъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно, и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ сюртукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но шампанское лилось при томъ рѣкою. Никто не звалъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частью военные, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, пмѣ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиныя. Богатое собраніе пистолетовъ было единственной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было немыслимо, и если-бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого-бъ то ни было, никто-бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось-ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ по-

дробности не входилъ, и видно было, что такія вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала кака-нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ, намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ такія подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человѣкъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда стали мы уговаривать хозяина прометать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ, велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если поперу случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ остальное, или занисывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать по-своему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ-же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и уравнивалъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, нустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ метать. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ слова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шаваль, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: «милостивый государь, извольте выдти, и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ».

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ и полагали поваго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ мажежѣ мы спрашивали уже, живъ-ли еще бѣдный поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъ-же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня; поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спраши-

нали: «неужели Сильвію не будетъ драться?» Сильвію не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однако-жь мало по малу все было забыто, и Сильвію снова приобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Однѣ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ несчастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣсто на него глядѣть. Сильвію былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвію отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ, столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, напримѣръ, объ ожиданіи почтоваго дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами: кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Наканунъ обыкновенно тутъ-же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвію получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно тутъ-же пахотился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили.

—Господа, сказали имъ Сильвію: обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствія, їду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: жду непременно.

Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ: а мы, согласясь соединиться у Сильвію, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвію въ назначенное вре-

мя и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оставались однѣ голыя, прострѣленные стѣны. Мы сѣли за столъ: хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его сдѣлалась общею; пробки хлопали поминутно, стаканы пѣвились и шабля безпрестанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ-за стола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвію, со всѣми прощаясь, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти.

—Мнѣ пужно съ вами поговорить, сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противъ друга и молча закурили трубки. Сильвію былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изъ рта, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прешло нѣсколько минутъ, и Сильвію прервалъ молчаніе.

— Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся, сказалъ онъ мнѣ: передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю песторове мнѣніе; по я васъ люблю и чувствую: мнѣ было-бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потупя глаза.

— Вамъ было страшно, продолжалъ онъ, что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумасброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна; я могъ-бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если-бъ я могъ наказать Р***, не подвергая опасности мою жизнь, то я-бъ ни за что не простилъ его.

Я смотрѣлъ на Сильвію съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвію продолжалъ:

— Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ ножевую, и врагъ мой еще живъ.

Любопытство мое было сильно возбуждено.

— Вы съ нимъ не дрались? спросилъ я.— Обстоятельства, вѣрно, васъ разлучили?

— Я съ нимъ дрался, отвѣчалъ Сильвію: и вотъ памятникъ нашего поединка.

Сильвію всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью, съ галуномъ (то, что французы называютъ *bonnet de police*); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

— Вы знаете, продолжалъ Сильвію: что я служилъ въ*** гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать;

но смолоду это было во мнѣ страстью. Въ наше время буйство было въ модѣ; я былъ первымъ буйвомъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перенилъ славнаго Бурцова, воспитаннаго Денисомъ Давыдовымъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сѣбяемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло... Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлялся къ намъ молодой человекъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Огроду не встрѣчалъ счастливаго столь бластательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не звалъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Перепевство мое поколебалось. Оболенный моею славою, онъ сталъ было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удался. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы моп отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданными и острѣе моихъ, и которыя конечно не въ примѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мной въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ: насъ растащили, и въ ту-же ночь побѣжали мы драться. Это было на разсвѣтѣ. Я стоялъ въ назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундаптами. Съ невзяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жаръ уже насѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секундапты отирили намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому; по волненію злости во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки и, чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положивъ бросить жребій: первый пумеръ достался ему, вѣчному любимцу счастья. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадо, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подѣ настолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣ-

лыя черешши и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. «Что пользы—подумалъ я—лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ?» Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ пистолетъ. «Вамъ, кажется, теперь не до смерти», сказалъ я ему: «вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать».—Вы ничуть не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ: извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ нашимъ услугамъ.—Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился... Я вышелъ въ отставку и удался въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобы я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой насталъ»...

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что пзвѣстная особа скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

— Вы догадываетесь, сказалъ Сильвіо: кто эта извѣстная особа. Бду въ Москву. Посмотримъ, такъ-ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ вѣкогда ждалъ ее за черешнями!

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно: странная, противоположная чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцѣловались. Онъ сѣлъ въ телѣжку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло вѣскольکو лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить веселіе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, развѣзжая по работамъ, или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подѣ шкафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизусть. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ паводили на меня тоску. Припаялся я было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у

меня голова; да, признаюсь, побоялся я сдѣлаться пьяницей съ горя, т. е. самымъ горькимъ пьяницей, чему прихѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Ближнихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ горькихъ, коихъ бесѣда состояла большею частью въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе. Наконецъ рѣшился я ложиться спать какъ можно ранѣе, а обѣдать какъ можно позже; такимъ образомъ укоротилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней, и обрѣтохъ, яко се добро есть.

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее графинѣ В**; но въ немъ жилъ только управитель, а графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однако-жъ, во вторую весну моего затворничества разиесся слухъ, что графиня съ мужемъ придетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ іюня мѣсяца.

Приѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подействовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое воскресенье по ея приѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село**** рекомендовать ихъ сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и вѣскопорѣннѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ графскій кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣвъ стояли шкафы съ книгами и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каменомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ и уже давно не видавъ чужого богатства, я оробѣлъ и ждалъ графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода министра. Двери открылись, и вошелъ мужичина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже началъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался изъять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть

къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоній. Между тѣмъ я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всаженными одна въ другую.

— Вотъ хорошій выстрѣлъ, сказалъ я, обращаясь къ графу.

— Да, отвѣчалъ онъ: выстрѣлъ очень замѣчательный.

— А хорошо вы стрѣляете? продолжалъ онъ.

— Изрядно, отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета мнѣ близкаго: въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ, разумеется, изъ знакомыхъ пистолетовъ.

— Право? сказала графиня съ видомъ большой внимательности: а ты, мой другъ, попадешь-ли въ карту на тридцати шагахъ?

— Когда-нибудь, отвѣчалъ графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета.

— О, замѣтилъ я: въ такомъ случаѣ быюсь объ закладъ, что ваше сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ: пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытъ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета; мои были въ починкѣ; что-же-бы вы думали, ваше сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати шагахъ. У насъ былъ ротмистръ, острякъ и забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ: знать, у тебя, братъ, рука не поднимается на бутылку. Нѣтъ, ваше сіятельство, по должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то отвыкнешь какъ-разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ, три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки.

Графъ и графиня рады были, что я разговорился.

— А каково стрѣлялъ онъ? спросилъ меня графъ. — «Да вотъ какъ, ваше сіятельство: бывало, увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха... Вы смѣетесь, графиня? Ей-Богу, правда... Бывало, увидитъ муху и кричитъ: Кузъка, пистолетъ! — Кузъка и несетъ ему заряженный пистолетъ. Онъ хлопъ, и вдавить муху въ стѣну!» — Это удивительно! сказалъ графъ: а какъ его звали? — «Сильвіо, ваше сіятельство.» — «Сильвіо! вскричалъ графъ, вскочивъ съ своего мѣста: вы знали Сильвіо?» — «Какъ не звать, ваше сіятельство, мы были съ нимъ пріятеля;

опъ въ нашемъ полку принять былъ какъ свой братъ-товарищъ; да вотъ уже лѣтъ пять, какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и ваше сіятельство, стало быть, знали его?» — «Зналъ, очень звалъ. Не рассказывалъ-ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія?» — «Не пощечила ли, ваше сіятельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы?» — «А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?» — «Нѣтъ, ваше сіятельство, не сказывалъ... Ахъ, ваше сіятельство! продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ: извините... я не зналъ.. ужъ не вы-ли?...» — Я самъ, отвѣчалъ графъ, съ видомъ чрезвычайно разстроеннымъ: а прострѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи. — «Ахъ, милый мой, сказала графиня: ради Бога, не рассказывай; мнѣ страшно будетъ слушать». — «Нѣтъ, возразилъ графъ: я все расскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга: пусть-же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ». Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій рассказъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honeymoon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній. Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошади у жены что-то зацѣплялись; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. Я поѣхалъ впередъ. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телѣгу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, на хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка, запыленнаго и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь, у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. «Ты не узналъ меня, графъ?» сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — «Сильвіо!» закричалъ я, и, признаюсь, я почувствовалъ, какъ волосы стали на мнѣ дыбомъ. — «Такъ точно, продолжалъ онъ: выстрѣль за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ-ли ты?» Пистолетъ у него торчалъ изъ бокового кармана. Я отыскалъ двѣнадцать шаговъ и сталъ тамъ, въ углу, прося его выстрѣлять скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлил; онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлять. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился.. Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. «Жаль», сказалъ онъ, что пистолетъ заряженъ по черешневымъ косточкамъ... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому стрѣлять пер-

вому». Голова моя шла кругомъ... Кажется, я не соглашался... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною прострѣленную; я вынулъ опять первый нумеръ. «Ты, графъ, дьявольски счастливъ», сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, чтѣ со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить... но я выстрѣлялъ и новалъ вотъ въ эту картину. (Графъ указалъ пальцемъ на прострѣленную картину; лицо его горѣло, какъ огонь; графиня была блѣднѣе своего платка; я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

«Я выстрѣлялъ, продолжалъ графъ: и слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо... (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. «Милая, сказалъ я ей: развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ-же ты перепугалась! Поди, вылей стаканъ воды и приди къ намъ; я представлю тебѣ стариннаго друга и товарища». Машѣ все еще не вѣрилось. «Скажите, правду-ли мужъ говоритъ?» сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо: правда-ли, что вы оба шутите?» — «Онъ всегда шутитъ, графиня, отвѣчалъ ей Сильвіо: однажды далъ онъ мнѣ шутя пощечину, шутя прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шутя далъ сейчасъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить...» Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. «Встань, Маша, стыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ: а вы, судари, перестанете-ли издѣваться надъ бѣдною женщиной? Будете-ли вы стрѣлять, или нѣтъ?» — «Не буду, отвѣчалъ Сильвіо; я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ. Съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти». Тутъ онъ-было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянувшись на прострѣленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее, почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокъ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльцо, кликнулъ ямщика и уѣхалъ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться».

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Иисиланти, предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчуть свѣтъ глубокой...
Вотъ нѣ сторонкѣ Божій
храмъ
Видѣнъ одинокій.
Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;

Черный вранъ, свистя кры-
ломъ,
Вьется надъ санями:
Вѣцій стонъ гласитъ печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темпу
даль,
Воздымая гривы...
Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ досто-
памятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Непара-
донъ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онъ
славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и
радушіемъ; сосѣди поминутно ѣздили къ нему
поѣсть, поить, поиграть въ карты кофѣекъ въ
бостонъ съ его женою, Прасковьею Петровною,
а нѣкоторые — для того, чтобъ поглядѣть на
дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣд-
ную и семнадцати-лѣтнюю дѣвицу. Она счита-
лась богатой невѣстою. и многіе прочли ее за
себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на фран-
цузскихъ романахъ и, слѣдственно, была влюб-
лена. Предметъ, избранный ею, былъ блѣдный
армейскій прапорщикъ, находившійся въ от-
пуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разу-
мѣется, что молодой человѣкъ пылалъ равною
страстью, и что родители его любезной, замѣтя
ихъ взаимную склонность, запретили дочери о
немъ и думать, а его припимали хуже, нежели
отставного засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ, и вся-
кій день выдались наединѣ въ сосновой рошѣ
или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ
другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и
дѣлали различныя предположенія. Переписы-
ваясь и разговаривая такимъ образомъ, они
(что несма естественно) дошли до слѣдующаго
разсужденія: если мы другъ безъ друга ды-
шать не можемъ, а воля жестокихъ родителей
препятствуетъ нашему благополучію, то нель-
зя-ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Раз-
умѣется, что эта счастливая мысль пришла
сперва въ голову молодому человѣку, и что она
весьма понравилась романтическому воображе-
нію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія,
во переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Влади-
миръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ
ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться
нѣсколько времени, броситься потомъ къ во-
гамъ родителей, которые, конечно, будутъ тро-
нуты наконецъ героическимъ постоянствомъ и
несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ
непремѣнно: «дѣти! придите въ ваши объа-
тія».

Марья Гавриловна долго колебалась; множе-
ство плановъ побѣга было отвергнуто. Нако-
нецъ она согласилась: въ назначенный день
она должна была не ужинать, удалиться въ
свою комнату подъ предлогомъ головной боли.

Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ онѣ должны
были выйти въ садъ черезъ заднее крыльцо,
за садомъ найти готовыя сани, садиться въ
нихъ и ѣхать за пять верстъ отъ Непарадова,
въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ
Владимиръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наконецъ рѣшительнаго дня Марья Гаври-
ловна не спала всю ночь; она укладывалась,
увязывала бѣлье и платье, написала длинное
письмо къ одвой чувствительной барышнѣ, ея
подругѣ, другое — къ своимъ родителямъ. Она
прощалась съ ними въ самыхъ трогательныхъ
выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ нео-
днимую силою страсти и оканчивала тѣмъ, что
блаженнѣйшею минутою жизни почтеть она ту,
когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ
дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба пись-
ма тульской печаткой, на которой изображены
были два пылающія сердца съ приличною над-
писью, она бросилась на постель передъ самымъ
разсвѣтомъ и задремала; но и тутъ ужасныя
мечтанія поминутно ее пробуждали. То каза-
лось ей, что въ самую минуту, какъ она са-
дилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ
ея останавливалъ ее, съ мучительной быстро-
той тащилъ ее по свѣгу и бросалъ въ темное,
бездонное подземелье... и она летѣла стремглавъ
съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то ви-
дѣла она Владимира, лежащаго на травѣ, блѣд-
наго, окровавленнаго. Онъ, узирая, молилъ ее
пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ
обвѣнчаться... другія безобразныя, бессмыслен-
ныя видѣнія вѣслись передъ нею одно за дру-
гимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновен-
наго и съ веритворной головною болью.
Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ
вѣжная заботливость и безпрестанные вопросы:
«что съ тобою, Маша? не больва-ли ты, Маша?»
раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успо-
коить, казаться веселою, и не могла. Насту-
пилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній
разъ провожаетъ она девъ посреди своего се-
мейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть
жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особамъ,
со всѣми предметами, ее окружающими. Подали
ужинать; сердце ея сильно забилось. Дрожа-
щимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать
не хочется, и стала прощаться съ отцомъ и ма-
терью. Они ее поцѣловали и, по обыквенію,
благословили; она чуть не заплакала. Пришедъ
въ свою комнату, она кинулась въ кресла и
залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее
успокоиться и ободриться. Все было готово. Че-
резъ полчаса Маша должна была навсегда оста-
вить родительскій домъ, свою комнату, тихую
дѣвическую жизнь... На дворѣ была метель; вѣ-
теръ вылъ, ставни тряслись и стучали; все ка-
залось ей угрозой и печальнымъ предзнамено-
ваніемъ. Скоро въ домѣ все утихло и заснуло.
Маша укуталась шалью, надѣла теплый капотъ,

взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка везла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто сился остановить молодую преследующую. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дождались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра расхаживалъ передъ оглоблями, удерживая ретивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвущкѣ усесться и уложить узлы и шкатулку, взявъ возжи, и лошади полетѣли. — Поручить барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разѣздѣ. Утромъ былъ онъ у жадринаскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними номѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній корнетъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отбѣдать и увѣрялъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не стаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмидтъ, въ усахъ и шпорахъ, и сынъ капитанъ-исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнью. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ и поѣхалъ домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Непарадово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ; а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ, и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не увидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и нопминутно то взвѣзжала на сугробы, то проваливалась въ яму; сани нопминутно опрокидывались. Владиміръ старался только не потерять пастоящаго паиравленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ — рощи все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полевъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Ло-

шадь начинала уставать, а съ него потъ капался градомъ, не смотря на то, что онъ нопминутно былъ по-поясъ въ снѣгу.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ останавливался: началъ припоинпать, соображать и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; нопминутно сани опрокидывались, нопминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно беспокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ; Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло было рысью, но скоро стало пріуставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало по-малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ воѣхалъ наудачу. Погода утихла, тучи расходились; передъ нимъ лежала равнина, усталая бѣлыми волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ недалеко деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избышки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся, и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко-ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко-ли?» — «Да, да! далеко-ли?» — «Недалече: верстъ десятокъ будетъ». При сѣмъ отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

«А отколѣ ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросъ. «Можешь-ли ты, старикъ, сказать онъ: достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Какъ у насъ лошади?» отвѣчалъ мужикъ. — «Да не могу-ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно». — «Ностой, сказалъ старикъ, опуская ставень: я те сына

вышлю; онъ те проводить». Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло полминуты. онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что-жъ твой сынъ?» — «Сейчасъ выйдетъ, обувается Али ты прозябъ? взойди погрѣться». — «Благодарю: высылай скорѣ сына».

Ворота заскрипѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную свѣговыми сугробами. «Который часть?» спросилъ его Владиміръ. — «Да ужъ скоро разсвѣтетъ». — отвѣтилъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную. Гаврила Гавриловичъ въ колпакѣ и байковой курткѣ, Прасковья Петровна въ плафрокѣ на ватѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать отъ Маріи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчасъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька», отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла», сказала Прасковья Петровна. — «Можетъ быть, маменька», отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лекаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, наканунѣ ею написанные, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, отставной корнетъ, усатый землемѣръ и маленькій уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хлѣбъ. Такимъ образомъ тайна была сохранена болѣе чѣмъ полуджиною заговорщиковъ. Но Марья Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однако-жъ, ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, не отходящая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюб-

лена во Владиміра Николаевича, и что, вѣроятно, любовь была причиною ея болѣзни. Она со-вѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдями, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Маріи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, чте бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нравственные поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное счастье: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе ненарадовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единую надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненныхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ, и боялись, чтобы горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее постигла: Гаврила Гавриловичъ скончался, оставя ее наслѣдницею всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ее; она раздѣлила искренно горестъ бѣдной Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться; обѣ онѣ оставили Ненарадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ***ское помѣстье.

Женщины кружились и тутъ около милой и богатой невѣсты, но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ; онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія французовъ. Память его казалась священной для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожидали героя, долженствовавшаго, наконецъ, восторжествовать надъ печальной вѣрностію этой дѣвственной Артемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ на встрѣчу. Музыка играла завоеванные пѣсни: *Vive Henri-Quatre*, тироль-

скіе вальсы и аріи лъз Жюконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отроками, возвращались, возмужавъ на бравномъ воздухѣ, обвѣшанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вѣдшійся поинутно въ рѣчь вѣжскія и французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось русское сердце при словѣ отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ государю! А для него — какая минута!

Женщины, русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: ура!

И въ воздухъ чепчики бросали...

Кто изъ тогдашнихъ офицеровъ не сознается, что русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшей, драгоцѣннѣйшей наградой!...

Въ это блестящее время Марья Гавриловна жила съ матерью въ***губерніи и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Новыя удѣлы въ деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фрѣкѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были отстунить, когда явился въ ея замкѣ раненый гусарскій полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ интересной блѣдностью, какъ говорили тогдашнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала, но поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ-бы:

Se amor non è, che dunque?...

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человекъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличій и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно: но, что-бъ она ни сказала или ни смѣлала, душа и взоры его такъ за нею слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, по молва увѣряла, что вѣкъ-когда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извѣняла шалости, обнаруживающія смѣлость и выскость характера.

Но болѣе всего... (болѣе его пѣвности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого гу-

сара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его; какимъ-же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? Что удерживало его? Робость, неразлучная съ истинною любовью, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствамъ, даже вѣжностью. Она приготавливала развизку самую неожиданную, и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романтическаго объясненія. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впасть въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ, что рѣшительная минута казалась уже близка. Сосѣды говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ея наконецъ нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая грань-насыяны, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. «Она въ саду, отвѣчала старушка: подите къ ней, а я васъ буду здѣсь ожидать». Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: «авось дѣло сегодня-же кончится!»

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою. съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героиней романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочито перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только везанимъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявлялъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія. Марья Гавриловна закрыла книгу и потушила глаза въ знакъ согласія.

«Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ: я васъ люблю страстно... (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно... (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux). Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность,

открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, прервала съ живостью Марья Гавриловна: я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, отвѣчалъ онъ ей тихо: знаю, что пѣкогда вы любилъ; но смерть и три года сѣтованій... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы-бы согласились сдѣлать мое счастье, если-бы...» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня». — «Да, ч знаю, я чувствую, что вы были-бы моею, но я — несчастнѣйшее созданіе... я женатъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

— Я женатъ, продолжалъ Бурминъ: я женатъ уже четвертый годъ, и не знаю — кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ-ли свидѣться съ нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? воскликнула Марья Гавриловна. Какъ это странно! Продолжайте; я расскажу послѣ... по продолжайте, сдѣлайте милость.

— Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ: я сѣѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я сѣлѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель, и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но неповѣтнее безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, привязалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ и велѣлъ ѣхать туда. Мы пріѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена; за оградой стояло нѣсколько савей; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подъѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался? сказалъ мнѣ кто-то: невѣста въ обморокъ; поить не знаетъ, что дѣлать! мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи-же скорѣе». Я молча выпрыгнулъ изъ савей и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу, сказала эта: наслу ду вы пріѣхали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Прикажете вачинать? — «Начинайте, начинайте, батюшка», отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвущку подняли. Она показала мнѣ не дура... Непонятная, непростительная вѣтренность... я сталъ подлѣ

нея передъ валомъ; священникъ торопился; трое мужчинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвинчали. «Подѣлуйте», сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лицо. Я хотѣлъ было ее подѣловать... Она вскрикнула: «Ай, не онъ! не онъ!» и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго пренятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: «пошелъ!»

— Боже мой! закричала Марья Гавриловна: и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою?

— Не знаю, отвѣчалъ Бурминъ: не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ и вѣчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ что я не имѣю надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко и которая теперь такъ жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку: такъ это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурминъ поблѣднѣлъ... и бросился къ ея ногамъ...

ГРОБОВЩИКЪ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Сдвинъ дряхлѣющей вселенной?
Державинъ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адриана Прохорова были ввалены на похоронный дроги, п тощая пара въ четвертый разъ потащила съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибѣлъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается въ наймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ суматоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіе восемнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; сталъ бранить обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность и самъ принялся ихъ покогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкапъ съ посудой, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ: въ кухнѣ п гостиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами,

мантіями и факелами. Надъ воротами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и почиваются старые». Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу; Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самогаръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ оба представили своихъ гробоконателей людьми веселыми и шутивыми, дабы сей противоположностью сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ, мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру и припущены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соответствовалъ мрачному его ремеслу. Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставлялъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастье (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. И такъ, Адріанъ, сидя подлѣ окошка и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію, былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороннаго бригадира. Многія мантіи отъ того съузались, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой кучихѣ Трюхиной, которая уже около года вахотилась при смерти. Но Трюхина умерла на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наслѣдники, не смотря на свое обѣщаніе, не пожелали послать за нимъ въ такую даль и не сторговались-бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сии размышленія были прерваны нечаянно тремя франмазонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь открылась, и человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать вѣнца-ремесленника, вошелъ въ комнату и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любезный сосѣдъ, сказалъ онъ тѣмъ русскимъ варѣчимъ, которое мы безъ смѣха донынѣ слышать не можемъ: извините, что я вамъ помѣшалъ... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое — Готлибъ Шульцъ, и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ, что противъ вашихъ окошекъ. Завтра я праздную мою серебряную свадьбу, и прошу васъ и вашихъ дочекъ отобѣдать у меня по-пріятельски». Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и благодаря открытому праву Гот-

либа Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Какое торгуешь вапа милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э - хе - хе, отвѣчалъ Шульцъ: я такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хотя, конечно, мой товаръ не то, что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ». — «Сущая правда, замѣтилъ Адріанъ: однакожь, если живому не на что купить сапогъ, то не прогнѣвайся, ходи онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ». Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ всталъ и простился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣдцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки новоплеченнаго дома и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни русскаго кафтана Адріана Прохорова, ни европейскаго наряда Акулины и Дарьи, отступая въ семъ случаѣ отъ обычая, принятаго вывѣшными романистами. Полагаю, однакожь, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвочки надѣли желтыя шляпки и красныя башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена гостями, большею частью вѣмцами-ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою, какъ почталіонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его жалкую будку. Но тотчасъ по изгнаніи врага на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками дорическаго ордена, и Юрко сталъ опять рассказывать около нея съ сѣкирой и въ бронѣ сермяжной. Онъ былъ звукомъ большей части вѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: пнымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ воскресенья на понедѣльникъ. Адріанъ тотчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ рано или поздно можетъ случиться пмѣть нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вѣстѣ. Господинъ и госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцати-лѣтняя Лотхень, обѣдая съ гостями всѣ вѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ за четверыхъ; Адріанъ ему не уступалъ; дочери его чинились; разговоръ на вѣмецкомъ языкѣ часъ отъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ потребовалъ вниманія и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ по-русски: «за здоровье моей доброй Луизы!» Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ вѣжно поцѣловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги, и гости шумно выпили за здо-

ровые доброй Луизы. «За здоровье любезныхъ гостей моихъ!» провозгласилъ хозяинъ, откупоривая вторую бутылку—и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ; пили за здоровье каждаго гостя особливо, пили за здоровье Москвы и цѣлой дюжины германскихъ городковъ, пили за здоровье всѣхъ цеховъ вообще и каждаго въ особенности, пили за здоровье мастеровъ и подмастерьевъ. Адрианъ ниль съ усердіемъ и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутивый тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей. толстый булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ «за здоровьѣтъхъ, на которыхъ мы работаемъ, unserer Kundleute!» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, портной—сапожнику, сапожникъ—портному, булочникъ—имъ обоимъ, всѣ—булочнику. и такъ далѣе. Юрко. посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обратясь къ своему сосѣду: «что-жъ? пей. батюшка, за здоровье своихъ мертвецовъ!» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ; гости продолжали пить, и уже благовѣстпи къ вечернѣ, когда встали изъ-за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части на-веселѣ. Толстый булочникъ и переплетчикъ, коего лицо казалось въ красненькомъ сафьяновомъ переплетѣ, подъ-руки отвели Юрку въ его будку, наблюдая въ семъ случаѣ русскую половицу: долгъ платежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой нѣынъ и сердитъ. «Что-жъ это въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ: чѣмъ ремесло мое не честиѣ прочихъ? развѣ гробовщикъ—братъ палачу? Чему смѣются ба-сурмане? развѣ гробовщикъ—газръ святочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать-же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецовъ православныхъ». — «Что ты, батюшка? сказала работница, которая въ это время разувала его: что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!» — «Ей-Богу. созову. продолжалъ Адрианъ: и на завтрашній-же день. Милости просимъ. мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попить: угощу, чѣмъ Богъ послалъ». Съ этимъ словомъ гробовщикъ отиралился на кровать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно, какъ Адриана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный отъ ея приказчика прискакалъ къ Адриану верхомъ съ этимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся на-скоро. взялъ извозчика и поѣхалъ на Разгуляй. У воротъ покойницы уже стояла полиція и расхаживали купцы, какъ вороны. почувъ мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ, желтая какъ роскъ, но еще

не обезображенная тлѣніемъ. Около нея тѣсвились родственники, сосѣди и домашніе. Всѣ окна были открыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы. Адрианъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сюртукѣ. объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побойлся, что лишняго не возьметъ, значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ приказчикомъ и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ и пошелъ домой иѣшкомъ, отпустивъ своего извозчика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его звокомецъ нашъ Юрко и, узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адрианъ: кому онять до меня пужда? Ужъ не воръ-ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ-ли любовники къ моимъ дуражъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирався войти, но, увидя бѣгущаго хозяина, остановился и спялъ треугольную шляпу. Адриану лицо его показалось знакомомъ, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. «Вы пожаловали ко мнѣ, сказали запыхавшись Адрианъ: войдите-же, сдѣлайте милость». — «Не церемонься, батюшка, отвѣчалъ тотъ глухо: ступай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу!» — Адриану некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ за нимъ. Адриану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. «Что за дьявольщина!» подумалъ онъ и спѣшилъ войти... тутъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и синія лица, ввалившіеся рты, мутные, полужакрытыя глаза и высунувшіеся носы... Адрианъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мужьяны, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который, совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался и стоялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы—въ чепцахъ и лентахъ, мертвецы чиновные—въ мундирахъ, но съ бородами небри-

гymi, купцы—въ праздничныхъ кафтанахъ. «Видишь-ли. Прохоровъ, сказалъ бригадиръ отъ имени всей честной компаніи: всѣ мы поднялись на твое приглашеніе; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого остались одні кости безъ кожи; но и тутъ одинъ не утерпѣлъ—такъ хотѣлось ему побывать у тебя»... Въ эту минуту маленькій скелетъ продрался сквозь толпу и приблизился къ Адриану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Ключки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости погъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ, сказалъ скелетъ: помнишь-ли отставнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому въ 1799 году ты продалъ первый свой гробъ—и еще сосновый за дубовый!» Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему костяпыя объятія; но Адрианъ, собравшись съ силами, закричалъ и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія; всѣ вступились за честь своего товарища, пристали къ Адриану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ и почти задушенный, самъ упалъ на кости отставнаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постель, на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспоминалъ Адрианъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чтобы работница начала съ нимъ разговоръ и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній. «Какъ ты заспался, батюшка, Адрианъ Прохоровичъ, сказала Аксипья, подавая ему залатъ: къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня «частный» именинникъ, да ты изволилъ почивать, и мы не хотѣли тебя разбудить». — «А приходили ко мнѣ отъ покойницы Трюхиной?» — «Покойницы? Да развѣ она умерла!» — «Эка дура! Да не ты-ли пособляла мнѣ вчера улаживать ея похороны?» — «Что ты, батюшка, не съ ума-ли ты спятилъ, али хмѣль вчерашній еще у тебя не прошелъ? Какія были вчера похороны? Ты пѣлый день пировалъ у нѣмца, воротился пьянъ, завалился въ постель, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ отблаговѣстили». — «Ой-ли!» сказалъ обрадованный гробовщикъ. — «Вѣстимо такъ», отвѣчала работница. — «Ну, коли такъ, дай скорѣе чаю, да позови дочерей».

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранился? Кто въ минуту гнѣва не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою бесполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячымъ или, по крайней мѣрѣ, муромскимъ разбойникамъ? Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и, можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называется его шутило князь Вяземскій? Не настоящая-ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымещаетъ на смотрителя. Погода несносная, дорога скверная, ящики упрямый, лошади не везутъ,—а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрощеннаго гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ крещенскій морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобы только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Пріѣзжаетъ генералъ; дрожащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ и курьерскую. Генералъ ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ — колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою дорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіе двадцати лѣтъ сряду, извѣдывая я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смотрителя не знаю я въ лицо, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ смотрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сія столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мърные, отъ природы услужливые, склон-

ные къ обществу, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (кои нескѣты пренебрегаютъ господъ проѣзжающіе) можно почерпнуть много любовнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчь какого-нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятель изъ почтеннаго сословія зрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоценна. Обстоятельства иѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-то помѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ и платилъ прогоны за двѣ лошади. Вслѣдствіе сего, зрители со мною не церемонились, и часто бралъ я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодой вспыльчивъ, я негодовалъ на пизость и малодушіе зрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь-же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холонъ обносилъ меня блудомъ на губернарскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было-бы съ нами, если бы вмѣсто общедобнаго правила: чинъ чина почитай, ввелось въ употребленіе другое, напримѣръ: умъ ума почитай? Какіе возникли-бы споры! и слуги съ кого-бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи*** стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По пріѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая—спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня! закричалъ зритель: поставь самоваръ, да сходи за сливками». При сихъ словахъ вышла изъ-за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцать и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я зрителя. «Дочка-съ, отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія: да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницю мать». Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его снѣпную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой—почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой—яркими чертами изображено развратное поведение молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и

безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, насетъ свинаей и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ, представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ въ томъ-же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колыняхъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные иѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, такъ-же какъ и горшки съ бальзаминомъ и кровать съ пестрой занавѣскою и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самого хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и бодрого, и его длинный зеленый сюртукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ мномъ ящникомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со второго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня: она потупила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать; она отвѣчала мнѣ безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дуня подала я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а ниѣ все не хотѣлось разстаться съ зрителемъ и его дочкой. Наконецъ, я съ ними простился: отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телѣги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцѣловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцѣлуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь, во ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспомнанія.

Прошло иѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго зрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. «Но—подумалъ я—старый зритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ». Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи*** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына: столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ, но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Зритель спалъ подъ тулупомъ; мой пріѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ... Это былъ, точно, Симсонъ Выкрикъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покажись собрался онъ перенеситъ мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдну, на глубо-

кѣ морщины давно небритаго лица, на сгорбленную спину—и не могъ надвинуться, какъ три или четыре года могли превратить бодрого мужичку въ хилаго старика. «Узналъ-ли ты меня? спросилъ я его: мы съ тобою старые знакомые».—«Можетъ статься, отвѣчалъ онъ угрюмо: здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало».—«Здорова-ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ»,—отвѣчалъ онъ. «Такъ, видно, она замужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто-бы не слышалъ моего вопроса, и продолжалъ пошествомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надѣялся, что пущь разрѣшить языкъ моего стараго знакома.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто-бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню? началъ онъ: кто-же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка-то была! Бывало, кто ни проѣдетъ, всякій похвалитъ, никто не осудитъ. Барыни дарили ее, та—платочкомъ, та—сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто-бы пообѣдать, али отужинать, а въ самомъ дѣлѣ, только чтобы на нее подолбе поглядѣть. Бывало, баринъ, какой-бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите-ль, сударь: курьеры, фельдъегери съ нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что прибрать, что приготовить, за всѣмъ успѣвала. А я-то, старый дуракъ, не наглажусь. бывало, не нарадуюсь; ужъ я-ли не любилъ моей Дуни, я-ли не лелѣлъ моего дитяти; ужъ ей-ли не было житье? Да вѣтъ, отъ бѣды не отбожиться: что суждено, тому не миновать».

Тутъ онъ сталъ подробно рассказывать мнѣ свое горе. Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разливывалъ новую книгу, а дочь его за пергородкой шила себѣ платье, тройка подѣхала, и проѣзжій, въ черкесской шапкѣ, въ воепой шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. Ирл этомъ пзвѣстіи, путешественникъ возвысилъ было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: «не угодно-ли будетъ ему чего-нибудь покушать?» Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ.

Снявъ мокрую, косматую шапку, отпутавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ стройнымъ гусаромъ съ черными усами. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чтобы тотчасъ, не кормя, запрятали ихъ въ кибитку проѣзжаго: но, возвратясь, нашелъ онъ молодого человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать... Какъ быть? Смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день угрозы послать въ С*** за лекаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лекаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожъ выпилъ двѣ чашки кофе и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ нить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы и всякій разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности, слабой своей рукой пожималъ Дунышкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лекарь. Онъ пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по-нѣмецки, и по-русски объявилъ, что ему пужно одно спокойствіе, и что для черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лекарь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совѣтъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дуней, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣдѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградилъ его за постой и угощеніе; простился и съ Дуней и вызвался доставить ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи... «Чего-же ты боишься? сказалъ ей отецъ: вѣдь его высокоблагородіе—неволкъ и тебя несѣсть; прокатись-ка до церкви». Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскопчилъ на облучокъ, ящикъ свистнулъ, и лошади поскакали.

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Душѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его ра-

зуюмъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало бить, бить, и беспокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ и пошелъ самъ къ обѣдѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже расходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ алтаря; дьячекъ гасилъ свѣчи: двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Вѣдвый отецъ насилу рѣшился спросить у дьячка, была-ли она у обѣды. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня, но вѣтренности молодыхъ лѣтъ, вздумала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ».

Старикъ не снесъ своего несчастья: онъ тутъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Вѣдякъ занемогъ сильною горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили на время другого. Тотъ-же лекарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лечилъ и его. Онъ увидѣлъ смотрителя, что молодой человѣкъ былъ совсемъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его пагайки. Правду-ли говорилъ вѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностью, во онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больного. Едва оправясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца и, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился съ своей дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось, думалъ смотритель: приведу я домой заблудшую овечку мою». Съ этой мыслию прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставного унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутговомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю и просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявлялъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого.

Смотритель ушелъ и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше высокоблагородіе!... сдѣлайте такую божескую милость!...» Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. «Ваше высокоблагородіе! продолжалъ старикъ: чтб съ возу упало, то пронало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы ватѣшплись ей; не погубите же ее понапрасну». — «Чтб сдѣлано. того не воротить», сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ: виноватъ передъ тобою и радъ просить у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива. даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Ова меня любитъ; ова отыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она—вы не забудете того, чтб случилось». Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пятидесяти - рублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его—слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, притопталъ каблукомъ и пошелъ... Отошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ... и воротился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человѣкъ, увидя его, подбѣжалъ къ извозчику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!...» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой, на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ, да и пошелъ.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебень у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчался передъ нимъ щегольскія дрожки, и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехэтажнымъ домомъ, у самого подъѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ смотрителя. Онъ воротился и, поровнявшись съ кучеромъ: «чья, братъ, лошадь?» спросилъ онъ: не Минскаго-ли? — «Точно такъ, отвѣчалъ кучеръ: а что тебѣ?» — «Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отвѣсти къ его Дуни записочку, а я и позабуду,

гдѣ Дуня-то его живеть». — «Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нея». «Нужды нѣтъ, возразилъ смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца: спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю». И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ. Прошло вѣскольکو секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ; ему отворили. «Здѣсь стоитъ Авдотья Симеоновна?» спросилъ онъ. — «Здѣсь, отвѣчала молодая служанка: зачѣмъ тебѣ ее надобно?» Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. — «Нельзя, нельзя! закричала ему вслѣдъ служанка: у Авдотьи Симеоновны гости!»

Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ, прекрасно убранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресла, какъ вѣздница на своемъ англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностью смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ поневолѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ, увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва.

— Чего тебѣ надобно? сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы: чтó ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и, сильной рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ въ квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукою и рѣшился отступить. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію и опять принялся за свою должность.

«Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ: какъ живу я безъ Дуни и какъ объ ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжіи повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ атласѣ да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ-же пропадетъ, такъ поневолѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы».

Таковъ былъ рассказъ пріятеля моего, стараго смотрителя, рассказъ, неоднократно пре-

рываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терептычъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы эти отчасти возбуждены были пуншемъ, коего вытравуль онъ пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но какъ-бы то ни было, онъ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго смотрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ...

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «живъ-ли старый смотритель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взявъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Стрѣнькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ покатыхъ полей, увоса красные и желтые листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поѣздовала меня бѣдная Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый смотритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она — жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ.

— Отчего-жъ онъ умеръ? спросилъ я пивоварову жену.

— Снялся, батюшка, отвѣчала она.

— А гдѣ его похоронили?

— За околицей, подлѣ покойной хозяйки его.

— Нельзя-ли довести меня до его могилы?

— Почему-же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителеву могилу.

При этихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ къ мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

— Зналъ ты покойника? спросилъ я его дорогой.

— Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ: «дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!» а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится.

— А проѣзжіе вспоминаютъ-ли его?

— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ застѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу.

— Какая барыня? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Прекрасная барыня, отвѣчалъ мальчиш-

ка: ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей, и съ черною москвою, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «я сама дорогу знаю». И дала мнѣ пятакъ серебромъ... такая «обрая барыня!»

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усыпанное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцемъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

— Вотъ могила стараго смотрителя, сказали мнѣ мальчишкѣ, вспрыгнувъ на груды песка, въ которую врытъ былъ черныи крестъ съ мѣдными образами.

— И барыня приходила сюда? спросилъ я.

— Приходила, отвѣчалъ Ванька: я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ... славная барыня!

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

1830 г.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша.
Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ. въ то время, какъ онъ находился въ отъѣздѣхъ полѣ. Хозяйственнымъ управленіемъ скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя сукоиную фабрику, устроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человекомъ во всемъ околоткѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣди, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ сюртукъ изъ сукна домашней работы, самъ записывалъ расходъ и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящий русскій баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню,

гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты англійскими жокеями. У дочери его была мадамъ — англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по англійской методѣ:

Но на чужой манеръ хлѣбъ русскій не родится, и не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорія Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человекомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ опекунскій совѣтъ — оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ.

Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ англоманіи своего сосѣда и поминутно находилъ случаи его критиковать. Показывалъ-ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіемъ — «да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкой: у меня не то, что у сосѣда Григорія Ивановича. Куда намъ по-англійски разоряться! Были-бы мы по-русски хоть сыты». Эти и подобныя шутки, но усердію сосѣдей, доводимы были до свѣдѣнія Григорія Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь-же вѣтерѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего зюла медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между этими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ*** университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу; но отецъ на то не соглашался. Къ статской службѣ молодой человекъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить показѣмъ барина, отпустивъ усы на всякій случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право, было-бы жалъ, если-бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ. и если-бы онъ, вмѣсто того, чтобы рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотри, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣди говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались: но Алексѣй мало ими занимался, а онѣ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: «Акулинь Петровнѣ Курочки-

ной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевского монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.».

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жили въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни снѣжнхъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни черпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и страсти, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно, всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: особенность характера, самобытность [individualité], безъ чего, по мнѣнію Жавъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь-же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожъ *nota posita* mapet, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо, съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь агломана моего, Лиза (или Ветси, какъ звали ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ ко другу не ѣздили; она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и слѣдственно балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаяніе ея мадамъ, миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь-же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицомъ

гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во французской трагедіи.

— Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости, сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— Изволь; а куда?

— Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница и вчера приходила звать насъ отобѣдать.

— Вотъ! сказала Лиза: господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

— А намъ какое дѣло до господъ! возразила Настя: къ тому-же я—ваша, а не паненькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да Расскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.

Настя общалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась.

— Ну, Лизавета Григорьевна, сказала она, входя въ комнату: — видѣла молодого Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.

— Какъ это? Расскажи, Расскажи по порядку.

— Извольте съ: пошли мы—я, Аписья Егоровна, Ненила, Дунька...

— Хорошо, знаю. Ну, потомъ.

— Позвольте-съ, расскажу все по порядку. Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были колбинскія, захарьевскія, приказчица съ дочерью, хлупинскія...

— Ну, а Берестовъ?

— Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, приказчица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ напелвать на нихъ...

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!

— Да какъ-же вы терпѣливы! Ну вотъ вышли мы изъ-за стола... а сидѣли мы часа три, и обѣдъ былъ славный: пирожное бланманже—синее, красное и полосатое... Вотъ вышли мы изъ-за стола и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.

— Ну, что-же? Правда-ли, что онъ такъ хорошъ собою?

— Удивительно хорошъ; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку...

— Право? А я такъ думала, что у него лицо блѣдное. Что-же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печалень, задумчивъ?

— Что вы? Да акакого бѣшеначаго я и съ роду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать....

— Съ вами въ горѣлки бѣгать! невозможно!

— Очень возможно. Да еще что выдумали! Поймаетъ, и ну цѣловать!

— Воля твоя, Настя, ты врешь

— Воля вамъ, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился.

— Да какъ-же, говорить, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?

— Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую; да грѣх сказать, никого не обидѣлъ, такой бабонникъ!

— Это удивительно! А что въ домъ про него слышно?

— Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любить гоняться. Да по мнѣ, это еще не бѣда: современемъ остеневаются.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось его видѣть! сказала Лиза со вздохомъ.

— Да что-же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ не далеко—всего три версты: подите гулять въ ту сторону или побѣжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ-же всякій день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.

— Да итъ, нехорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому-же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все-же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя! знаешь-ли что? Нарядусь я крестьянкою!

— И въ самомъ дѣлѣ: надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте сѣбло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужъ васъ не прозѣваетъ.

— А по-здѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! какая славная выдумка!

И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непременно исполнить веселое свое предположеніе. На другой-же день приступила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговицъ; съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза прибрила обнову и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль. На ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчій. сбѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиней ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ, ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала

пастуха. Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькіе пестрые лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно мясъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокъ, и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣіе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостью. Боясь какой-нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодая наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало-по-малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно-ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцатилѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ шестомъ часу весенняго утра? И такъ, она шла, задумавшись, по дорогѣ, оцѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то-же время раздался голосъ: «tout beau, Sbogar, ici»... и молодой охотникъ показался изъ-за кустарника.

— Небось, милая, сказалъ онъ Лизѣ: собака моя не кусается.

Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствомъ.

— Да итъ, баринъ, сказала она, притворяясь полупуганной, полужастѣнчивой: боюсь; она вишь какая злая; опять кинется.

Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку.

— Я провожу тебя, если ты боишься, сказалъ онъ ей: ты мнѣ позволишь идти подлѣ себя?

— А кто те мѣшаетъ? отвѣчала Лиза: вольному воля, а дорога мірская.

— Откуда ты?

— Изъ Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы. (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). А ты, баринъ? Тугиловскій, что-ли?

— Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодого барина.—Алексѣю хотѣлось уравнивать ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась.

— А лжешь, сказала она: не на дуру напалъ. Вижу, что ты самъ баринъ.

— Почему-же ты такъ думаешь?

— Да по всему.

— Однако-жь?

— Да какъ-же барина съ слугой не распознать? И одѣтъ-то не такъ, и байшь вначе, и собаку-то кличешь не по-нашему.

Лиза часть отъ часу болѣе правилась Алексѣю. Привыкнувъ не пережониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгій и холодный видъ, что хотя это и разсмѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній.

— Если вы хотите, чтобъ мы были впередъ пріятелями, сказала она съ важностью: то не извольте забываться.

— Кто тебя научалъ этой премудрости? спросилъ Алексѣй, расхохотавшись: ужъ не Настенька-ли, мой знакомая, не дѣвушка-ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе!

Лиза почувствовала, что вышла изъ своей роли, и тотчасъ поправилась.

— А чтѣ думаешь? сказала она: развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась.

— Однако, продолжала она: болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я—въ другую. Прощенія прошу.

Лиза хотѣла удалиться: Алексѣй удержалъ ее за руку.

— Какъ тебя зовутъ, душа моя?

— Акулиной, отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой: да пусти-жь, баринъ, мнѣ и домой пора.

— Ну, мой другъ Акулина, непремѣнно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью-кузнецу.

— Чтѣ ты? возразила съ живостью Лиза: ради Христа не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ баринкомъ въ роцѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ: отецъ мой, Василій-кузнецъ, приберетъ меня до смерти.

— Да я непремѣнно хочу съ тобою опять видѣться.

— Ну, я когда-нибудь опять сюда праду за грибами.

— Когда-же?

— Да хотъ завтра.

— Милая Акулина, расцѣловаль-бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда-ли?

— Да, да.

— И ты не обманешь меня?

— Не обману.

— Побожись.

— Ну вотъ-те святая Пятница. приду.

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ

садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и затянутая въ рюмочку, наръзывала тоненькія тартинки. Отецъ позвализъ ее за раннюю прогулку.

— Нѣтъ ничего здоровѣе, сказалъ онъ: какъ просыпаться на зарѣ.

Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ челоувѣческаго долгодѣтія, почерпнутыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта жалость не могла имѣть никакого послѣдствія—совѣсть ея ронтала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе беспокоило ее: она совѣсть было рѣшилась не сдержатъ своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ее напрасно, могъ идти отыскивать въ селѣ дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвуку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ роцъ Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой знакомкѣ: ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрными своими Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около полудна прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ и бросился на встрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что постунокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержатъ данного слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она просить его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчій; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы отвратить Акулину отъ ея намѣренія; увѣрялъ ее въ невинности сво-

ихъ желаній. общалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклипалъ ее не лишать его одной ограды—видаться съ нею наединѣ, хотя-бы черезъ день, хотя-бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча.

— Дай мнѣ слово, сказала она, наконецъ: что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или разспрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу.

Алексѣй покаялся было ей святою Пятницею, но она съ улыбкою остановила его.

— Мнѣ не нужно клятвы, сказала Лиза: довольно одного твоего общанія.

Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока Лиза сказала ему: пора. Они расстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка изъ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него предельность новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ добрый и пылкій малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если-бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности сталъ-бы описывать свиданія молодыхъ людей, ихъ возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость. занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила-бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными. И такъ, я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узакъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ; но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни пріязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все понималъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами, и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому-же самлюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романической надеждою увидѣть наконецъ тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень) Иванъ Петровичъ Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякій случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяваго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещетками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнился хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать куцуую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ ангажированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ ссѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ, подбитомъ лисьими мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ-за кустарника. Если-бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно-бъ онъ поворотилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе нежданно и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный европеецъ, подѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ-же усердіемъ, съ каковымъ цѣнной медвѣдь кланяется господамъ, по приказанію своего вожатаго. Въ это время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полевъ. Берестовъ и стремянный закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, не бывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отличнымъ наѣзникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага, прежде ея незамѣченнаго, вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцуую кобылу, которая, какъ будто ономная, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскочилъ къ нему, осведомляясь, не ушибся-ли онъ. Между тѣмъ, стремянный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ утцы. Онъ помогъ Муромскому встать на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, заставивъ зайца и ведя своего противника равнымъ и почти военнопленнымъ.

Сосѣды, завтракая, разговаривались довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушиба не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой-же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать по-пріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ, вражда старинная и глубоко укоренившаяся,

казалось, готова была прекратиться отъ пугливости купой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорію Ивановичу.

— Что это значить, папа? сказала она съ удивленіемъ: отчего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чѣмъ это дрожки?

— Вотъ уже не угадаешь, *my dear*, отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и разсказаль все, что случилось.

Лиза ве вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра у него будутъ обѣдать оба Берестовы.

— Что вы говорите! сказала она, не вѣрующа: Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за что не покажусь.

— Что ты, съ ума сошла? возразилъ отецъ: давно-ли ты стала такъ застѣнчива? или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романтическая героиня? Полно, не дурачься...

— Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, въ какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми.

Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо звалъ, что противорѣчіемъ съ всея ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достойнѣйшей прогулки. Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоуміи? Съ другой стороны, Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него свиданіе столь неожиданное.. Вдругъ мелькнула ей мысль. Она передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей, какъ находкѣ, и положили исполнить непременно.

На другой день, за завтракомъ, Григорій Ивановичъ спросилъ у дочери, все-ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ.

— Папа, отвѣчала Лиза: я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ-бы я передъ ними ни явилась, что бы я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.

— Опять какія-нибудь проказы! сказалъ, смѣясь, Григорій Ивановичъ. Ну, хорошо, хорошо: согласенъ, дѣлай, что хочешь, черноглазая моя шалунья. Съ этимъ словомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, вѣхала на дворъ и покатила около густо-зеленаго деревнаго круга. Старый Берестовъ взомель на крыльцо съ помощью двухъ лирейныхъ лакеевъ Муромскаго. Велѣдъ за нимъ сынъ его

пріѣхалъ верхомъ и выѣстъ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдей какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь бесполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія разсчитливаго помѣщика, ни восхитенія самолюбиваго англомана; но съ нетерпѣвиемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много наслышался; и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и вслѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла старая мисъ Жаксонъ, набѣленная, затянута, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣя пропало втунѣ. Не успѣвъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbecille торчали какъ фишмы у *madame de Rompadour*; талія была перетянута, какъ буква *икс*, и всѣ брильянты ея матери, еще не заложеныя въ ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показало, что они дрожали. Между тѣмъ, онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирало его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣллы и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показывать вида удивленія; но шалость его дочери казалась

ему такъ забавно, что онъ едва могъ удержать-ся. Не до смѣху было чопорной англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и только по-французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часть отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и вопросамъ.

— Чтѣ тебѣ вздумалось дурачить ихъ? спросилъ онъ Лизу. А знаешь-ли чтѣ? Бѣлилы, право, тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоемъ мѣстѣ я-бы сталъ бѣлиться; разужѣтся, не слишкомъ, а слегка.

Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она объяла отца, общалась ему подумавъ о его совѣтѣ и побуждала умплоствовать раздраженную миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернашкой; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостоившись, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцѣловала Лизу и, въ залогъ примиренія, подарила ей бабочку англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъясненіемъ искренней благодарности. Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ рошѣ свиданій.

— Ты былъ, баринъ, вечеръ у нашихъ господъ? сказала она тотчасъ Алексѣю: какова показалась тебѣ барышня.

Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ.

— Жаль, возразила Лиза.

— А почему-же? спросилъ Алексѣй.

— А потому, что я хотѣла-бы спросить у тебя, правда-ли, говорятъ...

— Чтѣ-же говорятъ?

— Правду-ли говорятъ, будто-бы я на барышню похожа?

— Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ.

— Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить:

барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею равняться!

Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и чтобы успокоить ее совѣтъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души.

— Однако-жъ, сказала она со вздохомъ: хоть барышня можетъ и смѣшна, все-же я передъ нею дура безграмотная.

— И! сказалъ Алексѣй: есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ.

— А взаправду, сказала Лиза: не повѣтаться-ли и въ самомъ дѣлѣ?

— Изволь, милая; начнемъ хоть сейчасъ.

Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать, сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно.

— Чтѣ за чудо! говорилъ Алексѣй: да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по ланкастерской системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ «Наталью Боярскую дочь», прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи. и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той-же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя втайнѣ исправляла должность почталіона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написанныя письма и тамъ-же находилъ, на синей простой бумагѣ, каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Ивановымъ Петровичемъ Берестовымъ и Григоріемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе укрѣплялось и скорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Муромскій перѣдко думалъ о томъ, что, по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу, что въ такомъ случаѣ Алексѣй Ивановичъ будетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый-же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумасбродство (или, по его выраженію, англійскую дурь), однако-жъ не отрицалъ въ немъ и многія отличныхъ достоинства, наприимѣръ, рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкій родственникъ графу Пронскому, человѣку знатно-

му и сильному; графъ могъ быть очень поле-
зевъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ
Петровичъ), вѣроятно, обрадуется случаю вы-
дать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старикъ
до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про
себя, что наконецъ другъ съ другомъ и пере-
говорили, обнялись, общались дѣло порядкомъ
обработать и привялись о немъ хлопотать каж-
дый со своей стороны. Муромскому предстояло
загрудненіе: уговорить свою Ветси познакомиться
ска короче съ Алексѣемъ, котораго ве видала
она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось,
они другъ другу не очень нравились; по край-
ней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ При-
лучино, а Лиза уходила въ свою комнату вся-
кій разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ
своимъ посѣщеніемъ. «Но, думалъ Григорій Ива-
новичъ, если Алексѣй будетъ у меня каждый день,
то Ветси должба-же будетъ въ него влюбиться.
Это въ порядкѣ вещей. Время все сладить».

Иванъ Петровичъ мѣнѣе беспокоился объ ус-
пѣхъ своихъ намѣреній. Въ тотъ-же вечеръ
призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, заку-
рилъ трубку и, немного помолчавъ, сказалъ:

— Что-же ты, Алеша, давно про военную
службу не поговариваешь? Или гусарскій му-
диръ уже тебя не прельщаетъ?

— Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ почитательно
Алексѣй: я вижу, вамъ не угодно, чтобы я
шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться.

— Хорошо, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ:
вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣ-
шительно; не хочу-жъ и я тебя неволить: не
понуждаю тебя вступить... тотчасъ... въ статскую
службу; а покамѣстъ намѣренъ я тебя женить.

— На комъ это, батюшка? спросилъ изум-
ленный Алексѣй.

— На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской,
отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: вѣвѣста хоть ку-
да, не правда-ли?

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.

— Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ
и передумалъ.

— Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе
не правится.

— Послѣ понравится. Стерпится—слюбится.

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать
ея счастье.

— Не твое горе ея счастье. Чѣмъ? Такъ-то
ты считаешь волю родительскую? Добро!

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться
и не женюсь.

— Ты женишься, или я тебя прокляву, а
имѣвие—какъ Богъ святъ!—продамъ и промо-
таю, и тебѣ полушки не оставляю. Даю тебѣ
три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй
на глаза мнѣ показываться.

Алексѣй звалъ, что если отецъ заберетъ
себѣ что въ голову, то ужъ того, по выраже-
нію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ не

вышибешь; но Алексѣй былъ въ батюшку, и
его столь-же трудно было переспорить. Онъ
ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять
о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ
Григорьевнѣ, о торжественномъ общаніи отца
сдѣлать его нищимъ и наконецъ объ Акулинѣ.
Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ
нее страстно влюбленъ; романическая мысль
жениться на крестьянкѣ и жить своими тру-
дами пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе
думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ,
тѣмъ болѣе пахотилъ въ немъ благоразуміе.
Съ нѣкотораго времени свиданія въ рошѣ были
прекращены, по причинѣ дождливой погоды.
Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ чет-
кимъ почеркомъ и самымъ бѣшвымъ слогомъ,
объявлялъ ей о грозящей имъ гибели и
тутъ-же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ от-
несъ онъ письмо на почту, въ душло, и легъ
спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ
намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муром-
скому, дабы откровенно съ нимъ объясниться.
Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и
склонить его на свою сторону.

— Дома-ли Григорій Ивановичъ? спросилъ
онъ, останавливая свою лошадь передъ крыль-
цомъ прилучинскаго замка.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ слуга: Григорій
Ивановичъ съ утра изволилъ выѣхать.

«Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй.—Дома-
ли, по-крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?

— Дома-съ.

И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ
поводья въ руки лакею и пошелъ безъ доклада.

«Все будетъ рѣшено,—думалъ онъ, под-
ходя къ гостиной,—объяснюсь съ нею самою».

Онъ вошелъ... и остолбенѣлъ! Лиза... нѣтъ,
Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ са-
рафанѣ, а въ бѣломъ утреннемъ платьицѣ,
сидѣла передъ окномъ и читала его письмо;
она такъ была завята, что не слыхала, какъ
онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться
отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула,
подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать.
Онъ бросился ее удерживать: «Акулина, Аку-
лина!» Лиза старалась отъ него освободиться...

— Mais laissez-moi donc, monsieur, mais
êtes-vous fou? повторила она, отворачиваясь.

— Акулина! другъ мой, Акулина! повторялъ
онъ, цѣлуя ея руки.

Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены,
не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь
отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

— Ага! сказалъ Муромскій: да у васъ, ка-
жется, дѣло совсѣмъ уже сложено...

Читатели избавятъ меня отъ излишней обя-
занности описывать развязку. 1830 г.

ПИКОВАЯ ДАМА.

Пиковая дама означаетъ тайную педобро-желательность.

Новѣйшая гадательная книга.

I.

А въ несчастные дни
Собирались они
Часто;

Глуш—Богъ ихъ прости!—
Отъ пятидесяти
На сто.

И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.

Такъ въ несчастные дни
Занимались они
Дѣломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла пезамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ; прочіе въ разсѣянности сидѣли передъ пустыми приборами. Но шампанское явилось—разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Чтѣ ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, но обывковенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандоломъ, никогда не горячусь, кичѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнилъ? Ни разу не поставилъ на рулетъ?.. Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ? сказалъ одицъ изъ гостей, указывая на молодого инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного нарола, а до пяти часовъ сидитъ съ нами и смотритъ на нашу игру.

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ, но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ приобрести излишнее.

— Германнъ — ибѣецъ: онъ разсчитливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, графиня Анна Федотовна.

— Какъ? чтѣ? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ.

— Да что-жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ: что восьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте! Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite: Ризельза нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть-было не застрѣлся отъ ея жестокости. Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при дворѣ

она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ и приказала заплатить. Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину и легла спать одна, въ знакъ своей немилости. На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе падъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовестить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между припечемъ и каретникомъ. Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, чтѣ дѣлать. Съ нею былъ коротко знакомъ человекъ очень замѣчательный. Вы слышали о графѣ Сень-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго элексира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ запискахъ говоритъ, что онъ былъ шіонъ; впрочемъ, Сень-Жермень, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человекъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти и сердится, если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сень-Жермень могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть, написала ему записку и просила немедленно къ ней пріѣхать. Старый чудакъ явился тотчасъ и засталъ ее въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любовь. Сень-Жермень задумался. «Я могу вамъ услужить этою суммою, сказалъ онъ: но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я-бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство—вы можете отыгратъся».

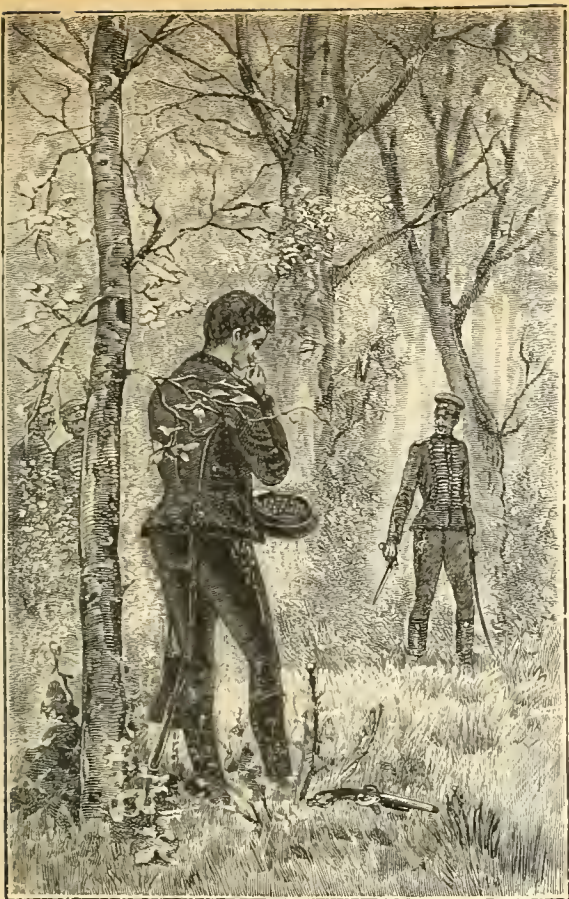
— Но, любезный графъ, отвѣчала бабушка: я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ.

— Деньги тутъ не нужны, возразилъ Сень-Жермень: извольте меня выслушать.

Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякій изъ насъ дорого-бы далъ...

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся и продолжалъ:

— Въ тотъ-же самый вечеръ бабушка яви-

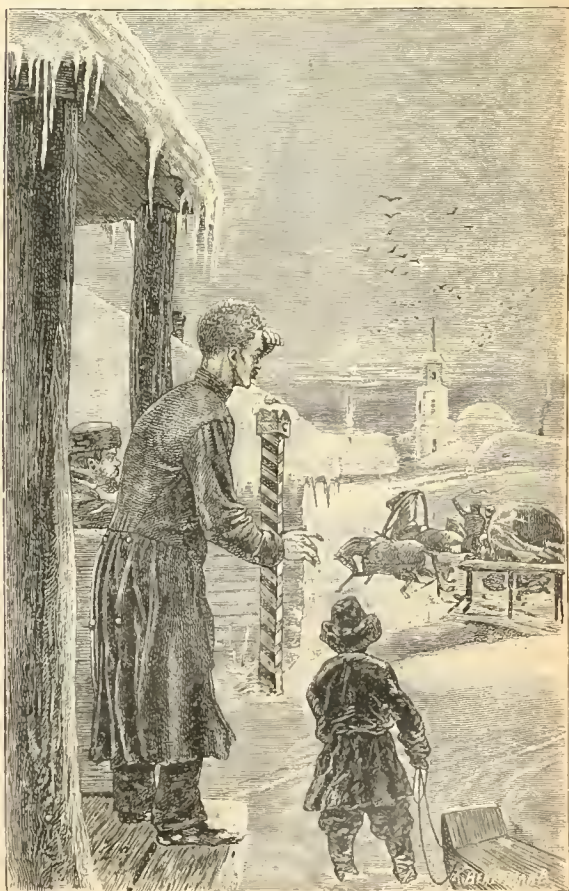
„Выстрѣлъ“. Дуэль между Сильвіо и его товарищемъ.

„Метель“. Тайный отъѣздъ Маши ночью

„Гробозщикъ“. Сонъ Адріана.

„Станц. смотритель“. Гусаръ уводитъ дочь смотрителя.

„Станц. смотритель“ Дупа на могилѣ отца.

„Барыш. крестьянка“. Первая встрѣча Алексѣя съ Лизой.

„Пиковая дама“. Германнъ въ спальнѣ графини.

„Пиковая дама“. Привидѣніе — бѣлая женщина.

лась въ Версали, au jeu de la reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію и стала противъ него контрировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказали одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

— Можетъ статься, порошковые карты! подхватили третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

— Какъ! сказали Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?

— Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре—отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны, хоть это было-бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ рассказывалъ дядя, графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честию. Покойный Чаплицкій,—тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ миллионы, однажды въ молодости своей проигралъ—помнится, Зоричу—около трехсотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-не—отыгрался и остался еще въ выигрышѣ...

— Однако, пора спать: уже безъ четверти шесть.

Въ самый дѣлъ, ужъ разсвѣтало. Молодые люди донили свои рюмки и развѣхались.

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая—коробку со шпильками, третья—высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту, давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ и одѣвалась такъ-же долго, такъ-же ста-

рательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'maman! сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'maman, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей и привести его къ вамъ въ пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у***?

— Какъ-же! очень было весело; танцевали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова-ли была ея бабушка, княгиня Дарья Петровна?.. Кстати: я чай, она ужъ очень постарѣла, княгиня Дарья Петровна?

— Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой графини тайли смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но графиня услышала вѣсть для нея новую съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во фрейлины, и когда мы представлялись, то государыня...

И графиня въ сотый разъ рассказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нѣтъ! Онъ военный или статскій?

— Военный.

— Инженеръ?

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думаете, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась и не отвѣчала ни слова.

— Paul! закричала графиня изъ-за ширмъ: пришли мнѣ какой-нибудь новый романъ, только пожалуйста не изъ нывѣвшихъ.

— Какъ это, grand'maman?

— То есть такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ.

— Такихъ романовъ нынче вѣтъ. Не хоти-ли развѣ русскихъ?

— А развѣ есть русскіе романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

— Простите, grand'maman: я спѣшу...

Простите, Лизавета Ивановна! Почему-же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольного дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки; она приилась опять за работу и наклонила голову падъ самой канвою. Въ это время пошла графиня, совѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала ова: карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за няльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что-ли? закричала графиня: вели скорѣй закладывать карету.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ и подаль графинѣ книги отъ князя Павла Александровича.

— Хорошо! благодарить, сказала графиня: Лизанька, Лизанька, да куда-жъ ты бѣжишь?

— Одѣваться.

— Успиѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ, читай вслухъ...

Барышня взяла книгу и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала графиня: что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что-ли?... Погоди... подвинь мнѣ скамеечку; ближе... ну!

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала ова: что за вздоръ! Отошли это князю Павлу и вели благодарить... Да что-жъ карета?..

— Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Что-жъ ты не одѣта? сказала графиня: всегда надобно тебя ждать. Это, матушка, не-своево!

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, графиня начала звонить изъ всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ графиня: сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ канотѣ и шляпкѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала графиня: что за наряды! Зачѣмъ это?.. кого прельщать?.. А какова погода? кажется, вѣтеръ?

— Никакъ вѣтъ-съ, ваше сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

«И вотъ моя жизнь!» подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говорить Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца; а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня***, конечно, не имѣла злой души, но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ; скуна и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старыя люди, отлублившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большого свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая во старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ пей съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лицо. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посядѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы — и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала княгиню въ ея прогулкахъ — и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; между тѣмъ требовали отъ нея, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцевала только тогда, когда не доставало *vis-à-vis*, и дамы брали ее подъ руку всякій разъ, какъ имъ нужно было идти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе и глядѣла кругомъ себя, съ нетерпѣніемъ ожидая избавителя; но молодые люди, разсчитливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ее вниманія, хотя Лизавета Ивановна была во сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ.

Однажды—это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились—однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пальцами, нечаянно взглянула на улицу и увидѣла молодого инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой: черезъ пять минутъ взглянула

опять—молодой офицеръ стоялъ на томъ-же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ другими офицерами, она перестала глядѣть на улицу и шла около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она астала, вачала убирать свои пяльцы и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ вѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было—и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ графиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лицо бровнымъ воротничкомъ; черные глаза его сверкали пзъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку—офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнующаясь чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ пзвѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между нимъ и ею учредились неусловленные сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе—подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ, она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякій разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась...

Когда Томскій спросилъ позволенія представить графинѣ своего пріятели, сердце бѣдной дѣвушки забилося. Но узнавъ, что Нарумовъ не пжжеверъ, а конногвардеецъ, она сожалеала, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣшаго вѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволяя себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость свасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напимѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты изъ руки, ибо разсчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) «жертвовать необходимымъ въ надеждѣ приобрѣсти излишнее»,—а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами и слѣдилъ съ лихорадоч-

нымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подбѣствовалъ на его воображеніе и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. «Что, если—думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу,—что, если старая графиня откроетъ мнѣ свою тайну? или назначить мнѣ эти три вѣрныя карты? Почему-жъ не попробовать своего счастья?... Представиться ей, подбѣдиться въ ея милость; пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ; но на все это требуется время, а ей восемьдесятъ семь лѣтъ; она можетъ умереть черезъ недѣлю, черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно-ли ему вѣрить?... Нѣтъ, разсчесть, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утронуть, усмирить мой капиталъ и доставить мнѣ покой и независимость!» Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одвой изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами; кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная пожка молодой красавицы, то гремущая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у углового будочника.

— Графини***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрезились карты, зеленый столъ, кины ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу и опять очутился передъ домомъ графини***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ кнгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

III.

Vous m'éccrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire. Перепискѣ.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капоть и шляпу, какъ уже графиня послала за нею и велѣла опять подавать карету. Онъ по-

шли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просушили въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ее руку; она не могла опомниться отъ испуга, и молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукахъ. Она спрятала его за перчатку и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? какъ зовутъ этотъ мостъ? чтѣ тамъ написано на вывѣскѣ. Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и невпопадъ, и разсердилась графиню.

— Чтѣ съ тобою сдѣлалось, мать моя? Столбнякъ на тебя нашелъ, что-ли? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?.. Слава Богу, я не картавлю и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было не запечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-нѣмецки не умѣла и была очень нѣ довольна.

Однако принятое ею письмо беспокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, чтѣ дѣлать: перестать-ли сидѣть у окошка и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? отослать-ли ему письмо? отвѣчать-ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться: у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за письменный столъ, взяла перо, бумагу—и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо—и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. «Я увѣрена,—писала она,—что вы имѣете честныя наміренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманвымъ поступкомъ; по знакомству наше не должно-бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше и надѣюсь, что не буду впередъ имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе».

На другой день, увидя идущаго Германина, Лизавета Ивановна встала изъ-за палецъ, вышла въ залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодого офицера. Германинъ побѣждалъ, поднялъ его и вошелъ въ кондитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ, и воз-

вратился домой очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежные требованія, и вдругъ узнала руку Германина.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ намъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки: извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германинъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ быть, сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному: это писано вѣрно не ко мнѣ. И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ-же вы его разорвали? сказала мамзель: я-бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька, сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно...

Но Германинъ не увялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Она уже не были переведены съ нѣмецкаго. Германинъ изъ писалъ, вдохновенный страстью, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она ушнвалась ими, стала на нихъ отвѣчать—и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо: «Сегодня балъ у***скаго посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вашъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро графиня уйдетъ, ея люди, вѣроятно, разойдутся; въ сѣняхъ останется швейцаръ, но онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома ли графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ—и, дѣлать нечего, вы должны будете воротиться. Но, вѣроятно, вы не встрѣтите никого. Дѣвушка сидитъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте налѣво, идите все прямо до графининой спальни. Въ спальнѣ, за ширмами, увидите двѣ маленькія двери: справа—въ кабинетъ, куда графиня никогда не входитъ: слѣва—въ корридоръ, и тутъ-же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату».

Германинъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями: фонари свѣтились

тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. Германнъ стоялъ въ одномъ скюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ вслѣдъ за нею въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранный свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатила по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома; онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы: было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныхъ минутъ. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на графинино крыльцо и взошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо него. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампада. Поляныя штэфныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симметріи около стѣнъ, обитыхъ китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ *м-ме Lebrun*. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой—молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славваго *Leroу*, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Мопольфьевымъ шаромъ и Месмеровымъ магнитизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва—другая, въ корридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы. Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ. Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать—и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Опъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробилъ первый и второй часъ утра, и онъ услышалъ дальній стукъ ка-

реты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раздалися голоса, и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась въ вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку. Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нея чепецъ, украшенный розами; спяли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженной головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета; наконецъ графиня осталась въ спальной кофтѣ и почномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старые люди вообще, графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ вольтеровы кресла и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли: комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шеveled отвислыми губами, качаясь направо и налево. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было-бы подумать, что казаніе страшнаго старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствию скрытаго гальванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь. ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и, наклонясь надъ самымъ ея ухомъ, повторилъ ей то-же самое. Старуха молчала по-прежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастье моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сразу...

Германнъ остановился. Графиня, казалось, поняла, чего отъ нея требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

— Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ, это была шутка!

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыгаться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души; но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете-ли вы, продолжалъ Германнъ: назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала. Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они-же не знаютъ цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское послѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія успія. Я—не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!..

Онъ остановился и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Она молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда-нибудь, сказалъ онъ: сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что-нибудь человѣческое было въ васъ когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, матери, всѣмъ, что въ васъ есть святого въ жизни, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, откройте мнѣ вашу тайну, что вамъ въ ней?.. Можетъ быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ... Подумайте: вы стары: жить вамъ ужъ недолго—я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастье человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню...

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я-же заставляю тебя отвѣчать...

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ. При видѣ пистолета графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, какъ-бы заслоняясь отъ выстрѣла... потомъ покатила наизвнѣ... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку: спрашиваю въ послѣдній разъ—хотите-ли назначить мнѣ ваши три карты? да, или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

IV.

Homme sans mœurs et sans religion!
Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ. еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Приѣхавъ домой, она сѣвшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ

себѣ, падаясь пайти тамъ Германна и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостоившись въ его отсутствія и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодого человѣка—и уже съ нимъ въ перепискѣ, и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея почное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторые изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила и не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала... до самаго этого вечера. Странное дѣло! въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій, дуясь на молодую княжну Полнну***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желая отмстить, оказывая ей равнодушіе: онъ позвалъ Лизавету Ивановну и танцевалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторые изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: человѣка очень замѣчательнаго.

— Кто-жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Лизавета Ивановна не отвѣчала ничего; но ея руки и ноги поledenѣли...

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій: лицо, истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти не крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы побѣдѣли!..

— У меня голова болятъ... Что-же говорилъ вамъ Германнъ... или какъ бить его?..

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ-бы совсѣмъ иначе... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды; но крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.

— Да гдѣ-жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ быть: на гуляньѣ!.. Богъ его знаетъ! можетъ быть, въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станеть...

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами: «oubli ou regret?» прервали разговоръ, который становился мучительно любопытнѣе для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама княжна***. Она успѣла съ нимъ объяснить-

ея, обѣжавъ липный кругъ и липный разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и скорѣ послѣ старая графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня; но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и благодаря новѣйшимъ романамъ, это уже пошлое лицо пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще украшенную цвѣтами... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала...

— Гдѣ-же вы были? спросила она испуганнымъ шопотомъ.

— Въ спальнѣ у старой графини, отвѣчалъ Германнъ. Я сейчасъ отъ нея. Графиня умерла.

— Боже мой!.. что вы говорите?..

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ! Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нея и все рассказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ, эти страстные письма, эти пламенные требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе—все это было не любовь! Деньги!—вотъ чего алкала его душа! Не она могла утѣлить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельница!.. Горько заплакала она въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее молча: сердце его также терзалось; но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

— Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свѣчу. Блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла ихъ на Германина: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурился. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ; но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

— Расскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ и вошелъ опять въ спальню графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лицо ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ-бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, открылъ за обоями дверь и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. «По этой самой лѣстницѣ—думалъ онъ—можетъ быть, лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой-же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à la coiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже перлѣвший въ могилѣ; а сердце престарѣлой его любовницы сегодня перестало биться...»

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ-же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница баронесса фонъ В***. Она была вся въ бѣломъ и сказала мнѣ: „здравствуйте, господни совѣтники!“.

Шведецъ Боргъ.

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей графини. Не чувствуя раскаянья, онъ не могъ, однако, совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: «ты—убійца старухи!» Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощеніе.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ, съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ, съ гербовыми лентами на плечѣ и со свѣчками въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ—дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ, слезы были-бы une affectation. Графиня такъ

была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Молодой архіерей произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ опъ мирное успевіе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умирительнымъ приготовленіемъ къ христіанской кончинѣ. «Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помысленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полупощаго». Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ унеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли—и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловать холодную руку госпожи своей. Послѣ нея Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу, усыпавномъ сѣнникомъ; наконецъ приподнялся, блѣдень, какъ сама покойница, взмошелъ на ступени катафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему, что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшійся назадъ, оступился и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то-же самое время Лизавету Иванову вывели въ обморокъ на паперть. Этотъ эпизодъ возмущилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый камергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него англичанину, что молодой офицеръ—ея побочный сынъ, на что англичанинъ отвѣчалъ холодно: Онъ?

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы; было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать и думалъ о похоровахъ старой графини.

Въ это время кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко и тотчасъ огомелъ. Германнъ не обратилъ на то никакого вниманія. Черезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо

шаркая туфлями. Дверь отворилась: вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее въ такую пору. Но бѣлая женщина, скользя, очутилась вдругъ передъ нимъ—и Германнъ узналъ графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: во мнѣ вѣрно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду, но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ. и чтобы во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобы ты женился на моей воспитанницѣ, Лизаветѣ Ивановнѣ...

Съ этими словами она тихо повернулась, пошла къ дверямъ и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилию его добудился. Денщикъ былъ пьянъ, по обыкновенію: отъ него нельзя было добиться никакого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку и записалъ свое видѣніе.

VI.

«А танде!» — Какъ вы смѣли мнѣ сказать а танде?—Ваше превосходительство, я сказалъ а танде-с!»

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ, такъ-же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то-же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ скоро засловили въ воображеніи Германа образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: «какъ она стройна! настоящая тройка червовая». У него спрашивали: «какой чась?» онъ отвѣчалъ: «безъ пяти минутъ семерка». Всякій пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ преслѣдовали его во свѣ. принимая всѣ возможные виды: тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ—огромнымъ лаукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну—воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалпвскаго, проведшаго весь вѣкъ за картами

и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долго-временная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость приобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніями волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивымъ офиціантами. Всѣ были полны народу. Нѣсколько генераловъ и тайныхъ совѣтниковъ играли въ вѣсть; молодые люди сидѣли, развѣсивъ на штофовыхъ диванахъ, ѣвъ мороженое и курили трубки. Въ гостиной, за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснились человекъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лицо изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣ отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ, протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ-же понтировавшаго.

Чекалинскій улыбнулся и поклонился молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ жѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна. «Онъ съ ума сошелъ!» подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнною своею улыбкой: что игра наша спльна: никто болѣе двухъ сотъ семидесяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

— Что-жь? возразилъ Германнъ: бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того-же смиреннаго согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ: что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я, конечно, увѣренъ, что довольно вашего слова, но, для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту. Онъ сталъ метать. Направо легла девятка, налѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопоть. Чекалинскій нахмурился; но улыбка тотчасъ возвратилась на его лицо.

— Изволите получить? спросилъ онъ Германна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ и тотчасъ расцелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отиравился домой.

На другой день, вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился. Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои сорокъ семь тысячъ и вчерашній выигрышъ Чекалинскій сталъ метать. Валетъ вышелъ на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ девяносто четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ и въ ту-же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали; генералы и тайные совѣтники оставили свой вѣсть, чтобы видѣть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили съ дивановъ, всѣ офиціанты собрались въ гостиную. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. На право легла дама, на лѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ и открылъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ издрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ.

— Славно спонтировалъ! говорили игроки.

Чекалинскій снова стасовалъ карты; игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ, въ семнадцатомъ номерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и бормочетъ необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!..»

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодого человѣка; онъ гдѣ-то служить и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой графини. У Лизаветы Ивановны воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ ротмистры и женился на княжнѣ Полнѣ.

1834 г.

ДУБРОВСКІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный русскій баринъ, Кирила Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣди рады были угождать малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники трещетали при его имени. Кирила Петровичъ принималъ всѣ звуки подобострастія, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или въ публичные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Петровичъ былъ великій хлѣбосоль, и не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства, и каждый вечеръ былъ на-веселѣ.

Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго старика. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, завидывая рукодѣліямъ, собственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками, отъ которыхъ ключи хранились у Кирилы Петровича. Молодые затворницы въ положенныя часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирила Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно; не смотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего господина, и въ свою очередь позволяли себѣ многое въ отношеніи къ ихъ сосѣдямъ, надѣясь на его сильное покровительство.

Всегдашнія занятія покровскаго помѣщика состояли въ разбѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ изобрѣтаемыхъ, жертвою которыхъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новый знакомецъ, хотя и старинные пріятели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Авддея Гавриловича Дубровскаго. Этотъ Дубровскій, отставной поручикъ гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ сѣмьюдесятью душами. Троекуровъ, надмевный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, не смотря на его смиренное состояніе. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ звалъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Славный 1762 годъ разлучилъ ихъ надолго. Троекуровъ, родственникъ княгини Дашковой, пошелъ въ гору; Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ остальной своей деревнѣ. Кирила Петровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство; но Дубровскій благодарилъ его и остался бѣденъ и независимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, отставной генералъ-лишефъ, пріѣхалъ въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Петровичъ, отъ роду неудостоявавшій никого своимъ пощеніемъ, заѣзжалъ запроса въ домишко стараго своего товарища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходились отчасти въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ осталось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Петербургѣ, дочь Кирилы Петровича росла въ

глазах родителя, и Троекуровъ часто говаривалъ Дубровскому: «Слушай, братъ Андрей Гаврилычъ: когда въ твоёмъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу, даромъ что онъ голъ, какъ соколъ». Андрей Гавриловичъ качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно: «Нѣтъ, Кирила Петровичъ, мой Володька не жепихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворяничку, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться приказчикомъ избалованной бабенки».

Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между надменнымъ Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ, и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ, за столомъ у Кирилы Петровича, прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, противорѣчило-ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые-было пытались ему подражать и выйти изъ должнаго повиновенія; но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда отбилъ охоту къ такимъ покушеніямъ; а Дубровскийъ остался одинъ внѣ общаго закона. Нечаянный случай все разстроилъ и переиначилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отъѣздъ въ поле. Накапунѣ отданъ былъ приказъ псарямъ и стремяннымъ быть готовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пятидесятъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ-же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лекаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки оценивались и кормили своихъ щенятъ. Кирила Петровичъ гордился этимъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упустилъ случая похвастать имъ предъ своими гостями, изъ которыхъ каждый осматривалъ его по крайней мѣрѣ уже въ двадцатый разъ. Онъ расхаживалъ по псарнѣ, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, останавливался предъ нѣкоторыми конурами, то разспрашивая о здоровьѣ больныхъ, то дѣлая замѣчанія болѣе или менѣе строгія и справедливыя, то подзывая къ себѣ знакомыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирилы Петровича; одинъ Дубровскийъ молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ и одну борзую суку, и онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти при видѣ этого великолѣннаго заведенія.

— Что-же ты хмуришься, братъ, спросилъ его Кирила Петровичъ: или псарня моя тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Дубровскийъ сурово: псарня чудная; врядъ-ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ.

Одинъ изъ псарей обидѣлся.

— Мы на свое житье, сказали онъ: благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что правда, мному и дворянину не худо-бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было-бы и сытѣе, и теплѣе.

Кирила Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости послѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псара могла относиться и къ нимъ. Дубровскийъ поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ это время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ поворожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ двухъ, прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирила Петровичъ сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился его. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непременно. Отъ роду не выезжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, когда еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что-декастъ Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ воротиться. Кирила Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того-же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ-же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, рассорится съ нимъ на-вѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: «здѣсь-ли Андрей Гавриловичъ?» Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичъ приказалъ своему псарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

«Государь мой премилосердый!

Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псара Парамошку съ повинною; а будетъ моя воля показать его или помпловать; а я терпѣть шутку отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За снѣгъ остаюсь поклонный ко услугамъ Андрей Дубровскийъ».

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было-бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирилу Петровича не страшнымъ слогомъ и расположеніемъ, но только своею сущностью.

— Какъ? закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой: высылать моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, задумалъ? да знаетъ-ли онъ, съ кѣмъ связывается? Вотъ я-жъ его! заплачется онъ у меня! узнаетъ, каково идти ва Троекурова.

Однако Кирила Петровичъ одѣлся и выѣхалъ на охоту съ обыкновенной своею пышностью. Но охота не удалась; во весь день видѣли только зайца и того протравили; обѣдъ въ полѣ водъ палаткой также не удался, или по крайней мѣрѣ былъ не по вкусу Кирилы Петровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей и на возвратномъ пути со всею своею охотою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдами не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Петровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленныя и дополненныя. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе: приближаясь къ березовой рощѣ, услышалъ онъ удары топора и чрезъ минуту трескъ повалившагося дерева; онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на покровскихъ мужиковъ, спокойно ворующихъ его лѣсъ. Увидя его, они бросились-было бѣжать; Дубровскій со своимъ кучеромъ поймалъ изъ нихъ двоихъ и привелъ ихъ связанными къ себѣ на дворъ; три непріятельскія лошади достались тутъ-же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде этого никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; Дубровскій увидѣлъ, что теперь пользовались они происшедшимъ разрывомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, которыми запаслись они нѣ его-же рощѣ, а лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту.

Слухъ объ этомъ происшествіи въ тотъ-же день достигъ до ушей Кирилы Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ-было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; такіе подвиги были ему не въ диковинку; но мысли его приняли вскорѣ другое направленіе. Расхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ вечапно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку; ма-

ленькій человекъ въ кожаномъ картузѣ и фризовой шапелі вышелъ изъ телѣги и пошелъ во флигель къ приказчику. Троекуровъ узналъ застѣвателя Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минуту Шабашкинъ уже стоялъ предъ Кирило Петровичемъ, отившаяся поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая его приказаній.

— Здорово... какъ бишь тебя зовутъ? сказалъ Троекуровъ: зачѣмъ пожаловалъ?

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ: и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать, не будетъ-ли какого приказанія отъ вашего превосходительства.

— Очень кстати заѣхалъ... какъ бишь тебя зовутъ? мнѣ до тебя нужда; выпей водки да выслушай.

Такой ласковый пріемъ пріятно изумилъ застѣвателя; онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

— У меня сосѣдъ есть, сказалъ Троекуровъ: мелкопомѣстный грубіянь; я хочу взять у него имѣніе... какъ ты объ этомъ думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какіе-нибудь документы...

— Врешь, братецъ, какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе. Постой однако-жъ! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ. было куплено у какого-то Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя-ли къ этому придраться?

— Мудрено, ваше превосходительство: вѣроятно, сія продажа совершена законнымъ порядкомъ.

— Подумай, братецъ, поищи хорошенько.

— Если бы, напримѣръ, ваше превосходительство могли достать какими-нибудь образомъ отъ вашего сосѣда записъ, въ силу которой владѣть онъ своимъ имѣніемъ, то конечно...

— Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ. ваше превосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего-же вамъ лучше? Въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ, и безъ всякаго сомнѣнія получите совершенное удовольствіе.

— Ты думаешь? Ну. смотри-же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ.

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ. съ того-же дня сталъ хлопотать по замышленному дѣлу и, благодаря его проворству, ровно черезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе доставить немедленно надлежащія объясненія вслѣдствіе поступившаго отъ генерала-аншефа Троекурова въ судъ прошенія пачетъ якобы неправильнаго его владѣнія сельцомъ Кистеневкою.

Андрей Гавриловичъ, изумленный неожидан-

нымъ запросомъ. въ тотъ-же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе, въ которомъ объяснялъ онъ, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойнаго его родителя, что онъ владѣетъ имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него никакого дѣла пѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на сію его собственность — есть ябеда и мошенничество. Дубровскийъ не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжбыныхъ. Онъ руководствовался болѣею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ.

Это письмо произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ засѣдателя Шабашкина; онъ увидѣлъ, во-первыхъ, что Дубровскийъ мало знаетъ толку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человѣка, столь горячаго и неосмотрительнаго, не трудно будетъ поставить въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, разсмотрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость отвѣчать обстоятельнѣе; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу, но она впоследствии времени оказалась недостаточною.

Дѣло стало тянуться. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало о немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, первый трупикъ надъ продажною совѣстью черпильнаго племена, и мысль сдѣлаться жертвою ябеды не приходила ему въ голову. Съ своей стороны Троекуровъ столь-же мало думалъ о выигрышѣ затѣяннаго имъ дѣла: Шабашкинъ за него хлопоталъ, дѣйствуя отъ его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкосъ всѣ возможные указы. Какъ-бы то ни было, 18... года, февраля 9-го дня. Дубровскийъ получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ ** земскій судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между нимъ, поручикомъ Дубровскимъ, и генераль-апшефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ тотъ-же день Дубровскийъ отправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскийъ замѣтилъ злобную улыбку на лицѣ своего противника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, ночевалъ у него и на другой день утромъ явился въ присутствіе уѣзднаго суда. Никто не обратилъ на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Кирила Петровичъ; писаря встали и заложили перья за ухо; члены встрѣтили его съ изъясненіемъ глубокаго подобострастія, придвинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣтамъ и дорожности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ стѣнкѣ. Настала глубокая тишина, и секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому

пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, которымъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе которымъ имѣемъ неоспоримыя права...

Секретарь умолкнулъ; засѣдатель всталъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующій Троекуровъ, взявъ изъ рукъ его перо, подписалъ подъ рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ. Секретарь поднесъ ему бумагу, но Дубровскийъ стоялъ неподвижно, потупя голову. Секретарь повторилъ ему свое приглашеніе: «подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувствуетъ не совѣсти, что дѣло его есть правое и памѣреть въ положенное законами время просить по апелляціи, куда слѣдуетъ».

Дубровскийъ молчалъ... вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ черпильницу и пустилъ ею въ засѣдателя. Дубровскийъ закричалъ дикимъ голосомъ: «Какъ, не почитать церковь Божію! Прочь, хамово племя!» Потомъ, обратясь къ Кирилѣ Петровичу: «Слыхано-ли дѣло, ваше превосходительство, продолжалъ онъ, псаи вводить собакъ въ Божію церковь! собаки бѣгаютъ по церкви! Я васъ уже прочую!» Всѣ пришли въ ужасъ. Сторожа сбѣжались на шумъ и насилу имъ овладѣли. Его вывели и посадили въ сани. Троекуровъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ; внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе; судьи, надѣявшіеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни единого привѣтливаго слова; онъ тотчасъ отправился въ Покровское, втайнѣ учинимый совѣстью и не исполнѣ насладившись удовлетвореніемъ своей ненависти. Дубровскийъ, между тѣмъ, лежалъ въ постели; уѣздный лекарь (по счастью не совершенный невѣжда) усилялъ пустить ему кровь, приставилъ пивки и шпанскія мухи; къ вечеру стало ему легче, и на другой день отвезли его въ Кистеневку, почти уже ему не принадлежавшую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье бѣднаго Дубровскаго было все еще плохо. Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣтно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая старуха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась и его нянькою. Она смотрѣла за нимъ, какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени нищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаври-

ловничъ повиновался ей, и кромѣ нея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость увѣдомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находившагося въ то время въ Петербургѣ. И такъ, отодравъ листъ отъ расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое въ тотъ-же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора читателя познакомить съ настоящимъ героемъ нашей повѣсти.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и вывущенъ былъ корнетомъ въ гвардію. Отецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи пылокъ и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти, игралъ въ карты, входилъ въ долги и, не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богатую невесту.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и курия изъ его янтарей, Гриша, его камердинеръ, подаль ему письмо, котораго надпись и печать тотчасъ поразили молодого человѣка. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

«Государь ты нашъ, Владиміръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь тебѣ доложить о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ, какъ дитя глупое—а въ животѣ и смерти Богъ воленъ—пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ, отдать насъ подъ вачало Кирилу Петровичу Троекурову—потому что мы-дескать извие, а мы искони ваши—и отъ роду того не слыхивали. Ты-бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ-бы не далъ насъ въ обиду. У насъ дожди идутъ вотъ уже другая недѣля и пастухъ Родя померъ около Миколина дна. Посылаю мое материнское благословеніе Гришѣ. Хорошо-ли онъ тебѣ служить? Остаюсь твоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева».

Владиміръ Дубровскій нѣсколько разъ сряду прочиталъ эти довольно безтолковыя строки съ необыкновеннымъ волненіемъ. Онъ лишился матери въ малолѣтствѣ и, почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ Петербургъ на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ онъ романтически былъ къ нему привязанъ и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ мѣше успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положеніе бѣднаго больного, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ отца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой старухи и дворни... угрожаемого какимъ-то бѣдствіемъ и угасающего безъ помощи, въ мученіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Владиміръ Андреевичъ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи. Долго не получая отъ отца никакого извѣстія, онъ и не думалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разбѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ.

Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выйти въ отставку, если болѣзненное состояніе отца потребуетъ его присутствія. Товарищи, замѣтивъ его безпокойство, ушли. Владиміръ, оставшись одинъ, написалъ просьбу объ отпускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокое размышленіе.

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувствій. Онъ боялся уже не застать отца въ живыхъ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ деревнѣ: глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ, въ которыхъ онъ не зналъ никакого толку. Пріѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смотрителю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смотритель освѣдомился, куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Кистеневки, ожидали его уже четвертыя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ, нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смотрѣвшій за его маленькой лошадкою. Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый баринъ еще живъ, и побѣждалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался отъ предлагаемаго завтрака и сабшильн отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами, и между ними завязался разговоръ.

— Скажи, пожалуйста, Антонъ, какое дѣло у отца моего съ Троекуровымъ?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ, слышь, не поладилъ съ Кирилой Петровичемъ, а тотъ и подаль въ судъ—хоть почаству онъ самъ себѣ судія. Не наше холопые дѣло разбирать барскія ихъ воли: а, ей-Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь.

— Такъ видно этотъ Кирила Петровичъ у васъ дѣлаетъ, что хочетъ?

— И вѣстимо, баринъ: засѣдателя, слышь, онъ и въ грошъ не ставитъ, исправникъ у него на посылкахъ: господа съѣзжаются къ нему въ поклонъ; и то сказать, было-бы корыто, а свинья-то будеть.

— Правда-ли, что отымаешь онъ у насъ имѣніе?

— Охъ, баринъ, слышали такъ и мы. Надняхъ покровскій почомарь сказалъ на крестинахъ у нашего старосты: полно вамъ гулять; вотъ ужъ приберетъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичъ; а Микита кузнецъ сказалъ ему: полно, Савельичъ, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петровичъ самъ по себѣ, а Андрей Гавриловичъ самъ по себѣ—а всѣ мы Божіи, да государены; да въѣдъ на чужой ротъ пуговицы не нашешь.

— Стало-быть, вы не желаете перейти во владѣніе Троекурова?

— Во владѣніе Кирилы Петровича! Господь упаси и избави! у него тамъ и своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкуру, да и мясо-то отдеретъ. Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его приберетъ, такъ не надо намъ никого, кромѣ тебя, нашъ кормилецъ. Не выдай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ.

При этихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, тряхнулъ возжами, и лошади его побѣжали круной рысью.

Тронутый преданностью стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу; вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: «Вотъ Покровское!» Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ котораго вытекала рѣчка и терялась вдали, извиваясь между холмами. На одвомъ изъ нихъ, падъ густою зеленою рощи, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома, на другомъ—пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенскія избы, съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ эти мѣста; онъ вспомнилъ, что на этомъ самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже общала быть красавицею. Онъ хотѣлъ о ней освѣдомиться у Антова; но какая-то застѣчивость удержала его.

Подѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ блое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антовъ ударилъ по лошадямъ и, повинувъсь честолюбію, общему и деревенскимъ кучерамъ, какъ и извозчикамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, подвинулись они на гору, и Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а вѣтви на открытомъ мѣстѣ—сѣренькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилось—передъ нимъ была Кистепевка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ въѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ: двѣнадцать лѣтъ не ви-

далъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только-что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыми шла широкая дорога, тщательно выметаема, обращенъ былъ въ некошеный дугъ, на которомъ паслась спутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антопа, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворни высыпала изъ людскихъ избы и окружила молодого барина съ шумными изъясненіями радости. Насилу могъ онъ продраться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на ветхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника.

— Здорово, здорово, няня, повторилъ онъ, прижимая къ сердцу добрую старуху: что батюшка? гдѣ онъ? каковъ онъ?

Въ эту минуту въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ.

— Гдѣ-жъ Володька? сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего.

Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ-бы упалъ, если-бы сынъ не поддержалъ его.

— Зачѣмъ ты всталъ съ постели? говорила ему Егоровна: на ногахъ не стойтъ, а туда-же норовить, куда и люди.

Старика отнесли въ спальню. Онъ силился съ нимъ разговаривать, но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ оставить его наединѣ съ отцомъ. Домашніе новиновались, и тогда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по деревенскому, со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣтствіями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему вужныя объясненія; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашелъ онъ только первое письмо засѣдателя и черновой отвѣтъ на него. Изъ этого не могъ онъ получить яснаго понятія о тяжбѣ и рѣшился ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самаго дѣла.

Между тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ отъ часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика, впадшаго въ совершенное дѣлство.

Между тѣмъ срокъ положенный прошель, и апеллія не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: «когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе повоиобрѣтеннымъ имѣніемъ—самому или кому изволить онъ дать на то довѣренность?» Кирила Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находится его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбравить, но не нашелъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито:

— Пошелъ вонъ; не до тебя!

Шабашкинъ, видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и сѣвшиль удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединѣ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: Громъ побѣды раздавайся, что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запречь себѣ бѣговья дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполняли душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушало до нѣкоторой степени чувства, болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ восторжествовали. Онъ рѣшился помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, возвратить ему его достоинство. Облегчивъ душу этимъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда—и выѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальной у окна. Онъ узналъ Кирила Петровича—и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произнесъ невнятные звуки. Сынъ его, сидѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, подвѣлъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Въ эту минуту раздался голосъ и тяжелая походка Егоровны:

— Баринъ, баринъ! Кирила Петровичъ пріѣхалъ, Кирила Петровичъ у крыльца! Егоровна ахнула:—Господи, Боже мой! Это что такое? Что это съ нимъ сдѣлалось?

Онъ торопился подбирать полы своего хатата, собираясь встать съ кресель, приподнялся—и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему: старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ.

— Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лекаремъ! кричалъ Владимиръ.

— Кирила Петровичъ спрашиваетъ васъ, сказалъ вошедшій слуга.

Владимиръ бросилъ на него ужасный взглядъ.

— Скажи Кирилѣ Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора... пошелъ!

Слуга радостно побѣждалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками.

— Батюшка ты вашъ, сказала она пискливымъ голосомъ: погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣсть насъ.

— Молчи, павя, сказалъ съ сердцемъ Владимиръ: сейчасъ пошли Аптопа въ городъ за лекаремъ.

Егоровна вышла. Въ передней никого не было: всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала отвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожкахъ; лицо его стало мрачнѣе noch; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ толковала объ этомъ происшествіи. Вдругъ Владимиръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: «Неудобно лекаря—батюшка скончался».

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владимиръ: правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь—не было уже и признаковъ жизни въ этомъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кочиною. Егоровна взвыла, слуги окружали гробъ, оставленный на нихъ по печенію,—обмыли его, одѣли въ мундиръ, сшитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, за которымъ столько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на третій день. Тѣло бѣднаго старика лежало въ гробѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Столовая полна была дворовыхъ, готовившихся къ выносу. Владимиръ и слуги подвѣли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ сопровождалъ его, воспѣвая погребальныя молитвы. Хозяинъ Кистеневки въ послѣдній разъ нерешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рошею—церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осевшія листья падали съ деревъ. При выходѣ изъ роши, увидѣли кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осыпанное старыми липами. Тамъ поковлось тѣло Владиміровой матери; тамъ, подлѣ могилы ея, накануне вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была кистеневскими крестьянами, прішедшими

отдать послѣднее поклоненіе господину своему. Молодой Дубровскій сталъ у кляроса; онъ не плакалъ и не молился; но лицо его было страшно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ тѣломъ, за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколотили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко утирали слезы кулакомъ. Владиміръ и тѣ-же трое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустился въ могилу—всѣ присутствующіе бросили въ нее по горсти песку—яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ кистневскую рощу.

Егоровна отъ имени его пригласила попа и весь причтъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на немъ присутствовать. И такимъ образомъ отецъ Анисимъ, понадыя Федотовна и дьячекъ пѣшкомъ отправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что, повидимому, ожидало его наследника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣстны всему околотку, и тамошніе политики предвѣщали важныя оному послѣдствія.)

— Что будетъ, то будетъ, сказала понадыя: а жаль, если не Владиміръ Андреевичъ будетъ нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать.

— А кому-же и быть, какъ не ему, у насъ господиномъ? прервала Егоровна: напрасно Кирила Петровичъ и горячится—не на робкаго напалъ; мой соколикъ и самъ за себя постоятъ. да и Богъ дастъ—благодѣтели его не оставятъ. Больно сиѣннѣ Кирила Петровичъ! А небось, поджалъ хвостъ, когда Гришка мой закричалъ ему: вонъ, старый песъ! Долой со двора!

— Ахти, Егоровна, сказалъ дьячекъ: да какъ у Григорія-то языкъ повернулся? я скорѣе соглашусь. кажется, проситъ на владыку, нежели косо взглянуть на Кирила Петровича. Какъ увидишь его—страхъ и ужасъ! а спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется...

— Суета суетъ! сказалъ священникъ: и Кирилъ Петровичу отнюдь вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше. а Богу не все-ли равно?

— Ахъ, батька! и мы хотѣли создать весь околотокъ, да Владиміръ Андреевичъ не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, есть чѣмъ угостить... что прикажешь дѣлать? Но крайней мѣрѣ, коли нѣтъ людей, такъ ужъ насъ уютчюю, дорогіе гости.

Это ласковое обѣщаніе и надежда найти лакомый пирогъ ускорили шагъ собесѣдниковъ, и они благополучно прибыли въ барскій домъ,

гдѣ столъ былъ уже накрытъ и водка подана.

Между тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу деревъ, движеніемъ и усталостью стараясь заглушить душевную скорбь. Онъ шелъ, не разбирая дорогъ; сучья поминутно задѣвали и царапали его, ноги его поминутно вязли въ болотѣ—онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достигнулъ онъ маленькой долины, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча около деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Владиміръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и мысли одна другой мрачнѣе стѣснились въ душѣ его... Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество, будущее для него являлось покрытымъ грозными тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣщала ему новыя несчастія. Вѣдное его достоинство могло отойти отъ него въ чужія руки: въ такомъ случаѣ нищета ожидала его. Долго сидѣлъ онъ неподвижно, на томъ-же мѣстѣ, взирая на тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько поблѣкшихъ листьевъ. и живо представлялось ему подобіе жизни—подобіе столь вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣтилъ онъ, что пачало смеркаться: онъ всталъ и пошелъ искать дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, которая и привела его къ воротамъ его дома.

На встрѣчу Дубровскому попался поныѣ со всѣмъ причтомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольно пошелъ стороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣтили и съ жаромъ говорили между собою.

— Удались отъ зла и сотвори благо, говорилъ поныѣ понадыя: нечего намъ здѣсь оставаться; не твоя бѣда, чѣмъ-бы дѣло ни кончилось.

Понадыя что-то отвѣчала, но Владиміръ не могъ ея слышать.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множество народу: крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей въ мундирныхъ сюртукахъ, казалось, о чемъ-то толковали.

— Что это значить? спросилъ онъ сердито у Антоны, который бѣжалъ ему на встрѣчу: это кто такіе, и что имъ надобно?

— Ахъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ, отвѣчалъ Антоны, запыхавшись: судъ пріѣхалъ. Отдають насъ Троекурову, отымають насъ отъ твоей милости!...

Владиміръ нутнулъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина.

— Отецъ ты нашъ, кричали они, цѣлуя ему руки: не хотимъ другого барина, кромѣ тебя. Умремъ, а тебя не выдадимъ. Прикажи, государь, съ судомъ мы уравнимся.

— Какъ не такъ, отвѣчалъ кузнецъ.

Въ эту минуту приказные показались въ окна, стараясь выломать двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась — и вопли утихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ сѣли спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись.

— Теперь все ладно! сказалъ Архипъ: какво горить, а? Чай, изъ Покровскаго славно смотрѣть.

Въ эту минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ издающаго сарая, не доразумѣвъ куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Вѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе.

— Чему смѣетесь, бѣсѣята? сказалъ сердито кузнецъ; Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь, и, оставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полубогорѣлый кузнецъ съ своею добычей полѣзъ внизъ.

— Ну, ребята, прощайте, сказалъ онъ смущенной дворнѣ: мнѣ здѣсь дѣлать нечего, счастливо оставаться, не поминайте меня лихою.

Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще вѣскольکو времени, наконецъ унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители Кистеневки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсть о пожарѣ разнеслась по всему околотку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоропахъ, зажгли домъ изъ неосторожности, другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельѣ. Нѣкоторые догадывались объ истинѣ и утверждали, что виновникомъ этого ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій, побуждаемый гнѣвомъ и отчаяніемъ; многие увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми. Троекуровъ пріѣзжалъ на другой-же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, засѣдатель земскаго суда, стряпчій и писарь, также какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человѣкъ Григорій, кучеръ Антопъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровскаго и Архипа-кузнеца видѣли онѣ

за нѣскольکو минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и вѣроятно главвй, если не единственный виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Петровичъ послалъ губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣсти дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣскольکو троекъ, наполненныхъ разбойниками, разѣзжали днемъ по всей губерніи, останавливали путешественниковъ и почту, пріѣзжали въ села, грабили помѣщичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Разсказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всѣхъ устахъ; всѣ были увѣрены, что онъ, а не кто другой, предводительствовалъ отважными злодѣями. Удивлялись одному: помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не останавлили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностью Троекуровъ приписывалъ это исключеніе страху, который умѣлъ онъ внушить всей губерніи, также и отменно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высокомеріемъ Троекурова, и каждый ожидалъ, чтобъ незванные гости постигли Покровское, гдѣ было имъ чѣмъ поживиться, но наконецъ принуждены были согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему неопытное уваженіе. Троекуровъ торжествовалъ и при каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго разсывался намеками на счетъ губернатора, исправниковъ и ротныхъ командировъ, отъ которыхъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между тѣмъ наступило 1-е октября, день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познать читателя съ лицами, для него новыми, или о которыхъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что дочь Кирилы Петровича, о которой сказали мы еще только нѣскольکو словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія. По обходился съ нею съ свойственнымъ ему своеуравненіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая ее суровымъ, а иногда

жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилѣ Петровичу, котораго обыкновенные разговоры и увеселенія требовали товарищества мужчинъ, а не присутствія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди гостей, пирующихъ у Кирилы Петровича. Огромная бібліотека, составленная большей частью изъ сочиненій французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отецъ ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ «Совѣршенной Поварихи», не могъ руководствовать ее въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ, прерывъ сочиненія всякаго рода, останавливалась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мими, которой Кирила Петровичъ оказывалъ большую довѣренность и благосклонность, и которую принужденъ онъ былъ наконецъ выслать тихонько въ другое помѣстье, когда слѣдствія этого дружества оказались слишкомъ явными. Мамзель Мими оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Петровичемъ, въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперсницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ. Самъ Кирила Петровичъ, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ, шалуя лѣтъ девяти, напоминавшій полуденныя черты мамзель Мими, воспитывался при немъ и призванъ былъ его сыномъ, не смотря на то, что множество босыхъ ребятнискъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши француза-учителя, который и прибылъ въ Покровское во время пропщесствій, нами теперь описываемыхъ.

Этотъ учитель понравился Кирилѣ Петровичу своей пріятной наружностью и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Кирилѣ Петровичу аттестаты и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостью своего француза, не потому, что полагалъ-бы этотъ любезный недостатокъ несомнѣннымъ съ терпѣніемъ и омыслившею, столь пужнымъ въ несчастномъ званіи учителя, по у него были свои сомнѣнія, которыя онъ тотчасъ и рѣшилъ ему объяснить. Для этого велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу (Кирила Петровичъ по-французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ).

— Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и быть, принимаю его, только съ тѣмъ, чтобъ онъ у меня за мои дѣвушками не осмѣливался волочиться, не то я его, собачьяго сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснѣла и, обратясь къ учителю, сказала ему по-французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Кирила Петровичъ: не пужо для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить грамматикѣ да географіи... переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ отпустилъ своего француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодого француза. Воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія, произведеннаго ею на М-г Дефоржа, ни его смущенія, ни его трепета, ни измѣнивагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирилы Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ нокровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Петровичъ по цѣлымъ часамъ возился съ ними, сраживая ихъ съ кошками и щенятами. Возмужавъ, они были поажены на цѣпь, въ ожиданіи настоящей травли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкатывали имъ порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями: медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ тихонько до нея дотрогивался, колотъ себѣ лапы, осердясь, толкалъ ее сплывѣе, и скльпѣ становилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покамѣстъ не отнимали у бѣднаго звѣря предмета тщетной его ярости. Случалось, что въ телѣгу впрягали пару медвѣдей, волею и неволею сажали въ пѣс гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирилы Петровича слѣдующая:

Проголодавагося медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввѣченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ

только противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдью, двери запирались, и несчастную жертву оставляли воедино съ косматымъ пустышникомъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, ставовился на дыбы, ревелъ, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина! Иѣскольکو дней спустя послѣ прїѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Для этого, призвавъ его однажды утромъ, повелъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери отворились — двое слугъ вталкиваютъ въ нео француза и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издала обнюхивая своего гостя, и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились—Кирила Петровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петровичъ хотѣлъ непременно объясненія всему дѣлу. Кто предварилъ Дефоржа о шуткѣ, для него приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолетъ? Онъ послалъ за Машей. Маша прїѣхала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ Дефоржъ, но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу требовать удовлетворенія.

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ и перевела слова его Кирилѣ Петровичу. Кирила Петровичъ ничего не отвѣчалъ, велѣлъ вытащить медвѣда и снять съ него шкуру; потомъ, обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ:

— Каковъ молодецъ, не струсилъ, ей-Богу, не струсилъ.

Съ той минуты онъ полюбилъ Дефоржа и не думалъ уже его пробовать.

Но случай этотъ произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено; она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежать одному сословію, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ отъ часу становилось вниматель-

нѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности; Дефоржъ вызвался давать ей уроки. Послѣ того читателю не трудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Паканунѣ праздника гости начали съѣзжаться; иные останавливались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе—у приказчика, третьи—у священника, четвертые—у зажиточныхъ крестьянъ: конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и саран загромождены разными экипажами. Въ девять часовъ утра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и всѣ потянулись къ новой каменной церкви, построенной Кирило Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. Собралось такое множество почетныхъ богомольцевъ, что престые крестьяне не могли помѣститься въ церкви и стояли на паперти и въ оградѣ. Обѣдня не начиналась: ждали Кирилу Петровича. Онъ прїѣхалъ въ коляскѣ шестернею и торжественно пошелъ на свое мѣсто, сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мужчинъ и женщинъ обратились на нее—первые удивлялись красотѣ, вторыя со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня; домашніе пѣвчіе шѣли на клиросѣ, Кирила Петровичъ подтягивалъ, молился, не смотря ни направо, ни налѣво, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ и о зиждителѣ храма сего.

Обѣдня кончилась. Кирила Петровичъ первый подошелъ къ кресту. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ; сосѣди подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Петровичъ, выходя изъ церкви, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, сѣлъ въ коляску и отправился домой. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнялись гостями; поминутно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ, одѣтыя по заноздалой модѣ, въ поношенныхъ и дорожныхъ нарядахъ, всѣ въ жемчугахъ и бриллиантахъ; мужчины толпились около ккры и водки, съ шумнымъ разногласіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на восемьдесятъ приборовъ; слуги суетились, разставляли бутылки и графны и прилаживали скатерти. Наконецъ дворецкій провозгласилъ: кушанье поставлено—и Кирила Петровичъ первый пошелъ садиться за столъ, за нимъ двинулись дамы и важно заняли свои мѣста, наблюдая нѣкоторое старшинство; барышни сѣлись межъ собою, какъ робкое стадо козочекъ, и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; противъ нихъ помѣстились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь Лафатеровскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ разговоромъ гостей. Кирила Петровичъ весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполне наслаждался счастьемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми.

— Это кто? спросилъ хозяинъ.

— Антошь Пафнютычъ, отвѣчали нѣсколько человекъ.

Двери открылись—и Антошь Пафнютычъ Синицынъ, толстый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться.

— Приборъ сюда! закричалъ Кирила Петровичъ: милости просимъ, Антошь Пафнютычъ, садись, да скажи намъ, что это значить: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомолень, и покушать любишь.

— Вивовать, отвѣчалъ Антошь Пафнютычъ, привязывая салфетку въ петлицу горохового кафтана: виновать, батюшка Кирила Петровичъ, я-было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шиня у передняго колеса пополамъ—что прикажешь? Къ счастью, недалеко было отъ деревни; пока до нея дотащились, да отыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно три часа—дѣлать было вечере. Ъхать ближнимъ путемъ черезъ кистеневскій лѣсъ я не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ.

— Эге! нерервалъ Кирила Петровичъ: да ты, звать, не изъ храбраго десятка... Чего ты боишься?

— Какъ, чего боюсь, батюшка Кирила Петровичъ? а Дубровскаго-то: того и гляди попадешься ему въ лапы. Овъ—малый не промахъ, никому не спустить; а съ мена, пожалуй, и двѣ шкуры сдеретъ.

— За что-жь, братъ, такое отличіе?

— Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ? а за тяжбу-то покойнаго Андрея Гавриловича. Не я-ли, въ удовольствіе ваше, т. е. по совѣсти и по справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (парство ему небесное!) обѣщалъ со мною поспѣйски неревѣдаться, а сыночекъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего па-все разграбили у меня одинъ амбаръ, да того и гляди до усадьбы доберутся.

— А въ усадьбѣ-то будетъ нмъ раздолье, замѣтилъ Кирила Петровичъ: я, чай, красная шкатулочка полнымъ-полна.

— Куда, батюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совѣмъ опустѣла!

— Полно врать, Антошь Пафнютычъ. Знаемъ мы насъ; куда тебѣ деньги тратить? Дома живешь свинья-свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь—звай копнись, да и только.

— Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичъ, пробормоталъ съ улыбкою Антошь Пафнютычъ: а мы, ей-Богу, разорились,—и Антошь Пафнютычъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки.

Кирила Петровичъ оставилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости пріѣхавшему и сидѣвшему на другомъ концѣ стола, подлѣ учителя.

— А что, господинъ исправникъ, скоро-ль поймаете вы Дубровскаго?

Исправникъ струился, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гя! постараемся. Давно, давно стараемся, а проку все-таки нѣтъ. Да, правда, зачѣмъ и ловить его? Разбой Дубровскаго—благодать для исправниковъ: разѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманѣ. Какъ такого благодѣтеля извести? Не правда-ли, господинъ исправникъ?

— Сущая правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ. Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, сказалъ Кирила Петровичъ. Такъ, видно, придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго. А жаль покойнаго исправника Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, такъ въ околоткѣ было-бы тише. А что слышно про Дубровскаго. Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?

— У меня, Кирила Петровичъ, пропичалъ толстый дамскій голосъ: въ прошлый вторникъ обѣдалъ овъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всѣмъ любимую за добрый и веселый нравъ. Всѣ съ любопытствомъ приготовились услышать ея рассказъ.

— Надобно знать, что тому три недѣли послала я приказчика на почту съ письмомъ для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хотя-бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру гвардіи пужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ и послала ему 2,000 рублей: хотъ Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верстъ, авось Богъ провесетъ. Смотрю: вечеромъ мой приказчикъ возвращается блѣдный, оборванъ и

пѣшъ. Я такъ и ахнула. «Что такое? что съ тобою сдѣлалось?» Онъ мнѣ: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили: самого чуть не убили. Самъ Дубровскийъ былъ тутъ, хотѣлъ поинѣсить меня, да сжался и отпустилъ; за то всего обобрали, отняли и лошадь, и телѣгу». Я обмерла. Царь мой небесный! Что будетъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего: написала я снова письмо, рассказала все и послала ему свое благословіе безъ гроша денегъ.

Прошла педѣля, другая. Вдругъ выѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то генералъ просить со мною увидѣться; милости просимъ. Входитъ ко мнѣ чуживекъ лѣтъ тридцати пяти, смуглый, черповолосый, въ усахъ, въ бородѣ, сущій портретъ Кульнева; рекомендуется мнѣ, какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхать къ его вдовѣ, зная, что я тутъ живу. Я угостила его, чѣмъ Богъ послалъ, разговорила о томъ, о семъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я рассказала ему свое горе. Генералъ мой нахмурился. «Это странно», сказалъ онъ: «я слышалъ, что Дубровскийъ нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабитъ дочиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ; вѣтъ-ли тутъ плутни? Прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ генерала, онъ такъ и остолбенѣлъ. «Расскажи-ка мнѣ, братецъ, какимъ образомъ Дубровскийъ тебя ограбилъ и какъ онъ хотѣлъ тебя поинѣсить?» Приказчикъ мой задрожалъ и повалился генералу въ ноги. — Батюшка, виновать: грѣхъ попуталъ... солгалъ. — «Колп такъ, отвѣчалъ генералъ: такъ изволь-же рассказать барынкѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю». Приказчикъ не могъ опомниться. «Ну, что-же, продолжалъ генералъ: рассказывай, гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ?» — У двухъ сосенъ, батюшка, у двухъ сосенъ. — «Что-же сказалъ онъ тебѣ?» — Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешь, за чѣмъ? — «Ну, а послѣ?» — А послѣ потребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я отдалъ ему письмо и деньги. — «А онъ?» — Ну, а онъ... батюшка, виновать! — «Ну, что же онъ сдѣлалъ?» — Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо да и сказалъ: ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту. — «Ну!» — Батюшка, виновать! — «Я съ тобою, голубчикъ, управлюсь, сказалъ грозно генералъ: А вы, сударыня, прикажите обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровскийъ самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ не захочетъ обидѣть товарища». Я догадалась, кто былъ его превосходительство: нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали приказчика къ козламъ коляски; деньги наши; генералъ у меня отобѣдалъ, потомъ тотчасъ ѣхалъ и

увезъ съ собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день въ лѣсу, привязаннаго къ дубу и ободраннаго, какъ лису.

Всѣ слушали молча рассказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ втайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романческаго, особенно Марья Кирилловна, пылкая мечтательница, напуганная таинственными ужасами Радклифъ.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскийъ? спросилъ Кирила Петровичъ: очень-же ты ошиблась. Не знаю, кто былъ у тебя въ гостяхъ, а только не Дубровскийъ.

— Какъ, батюшка, не Дубровскийъ? Да кто-же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и станетъ останавливать прохожихъ, да ихъ осматривать?

— Не знаю, а ужъ вѣрно не Дубровскийъ. Я помню его ребенкомъ: не знаю, очертили-ли у него волосы, а тогда былъ онъ кудравый, бѣлокуренькій мальчикъ; но знаю навѣрно, что Дубровскийъ пятью годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не тридцать пять лѣтъ, а около двадцати трехъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ: у меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду двадцать третій годъ.

— А! сказалъ Кирила Петровичъ; кстати: прочтите-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знать его примѣты, авось въ глаза попадетъ, такъ не вырвется.

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностью и сталъ читать на-распѣвъ.

«Примѣты Дубровскаго, составленныя по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей.

«Отъ роду 22 года, роста средняго, лицомъ чистъ, бороду брѣтетъ, глаза имѣетъ каріе, волосы русые, носъ прямой. Примѣты особыя: таковыхъ не оказалось».

— И только? сказалъ Кирила Петровичъ.

— Только! отвѣчалъ исправникъ, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай-да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто-же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Вьюсь объ закладъ: три часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя голоушки приказныя.

Исправникъ, смиренно положивъ въ карманъ свою бумагу, молча принался за гуся съ капустой; между тѣмъ слуги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти гостей, валивая каждому его рюмку. Нѣсколько бутылокъ горскаго и цыганскаго громко были откупорены и при-

няты благосклонно подъ именемъ шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры становились звонче, несвязнѣе и веселѣе.

— Нѣтъ, продолжалъ Кирила Петровичъ: ужъ не видать намъ такого исправника, какъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣвичъ! Этотъ былъ не промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли молодца, а то-бы отъ него не ушелъ ни одинъ человѣкъ изъ всей шайки. Онъ всѣхъ-бы до одинаго переловилъ, да и самъ Дубровский-бы не вывернулся. Тарасъ Алексѣвичъ деньги съ него взять-то-бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлать нечего; видно, мнѣ вступить въ это дѣло, да пойти на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай отряжу человѣкъ двадцать, такъ они и очистить воровскую рошу; народъ не трусливый, каждый въ одиночку на медвѣдя ходитъ, отъ разбойниковъ не попятится.

— Здоровъ-ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, вспоминая при этихъ словахъ о своемъ комсоматѣ знакомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, которыхъ и онъ былъ когда-то жертвою.

— Миша приказалъ долго жить, отвѣчалъ Кирила Петровичъ: умеръ славною смертью отъ руки непріятеля. Вонъ его побѣдитель! Кирила Петровичъ указалъ на Дефоржа: Вымѣнный образъ моего француза. Онъ отомсталъ за твою... съ позволенія сказать... помнѣшь?

— Какъ не помнить? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, почесываясь: очень помню. Такъ Миша умеръ—жаль Мишу, ей-Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! этакова медвѣдя другого не сыщешь. Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Петровичъ съ великимъ удовольствіемъ сталъ разсказывать подвѣгъ своего француза, ибо имѣлъ счастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только окружало его. Гости со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти и съ изумленіемъ посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговоръ шель о его храбрости, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравственныя замѣчанія рзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, карты и продолженіе попойки, столъ славно начатой въ столовой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Около семи часовъ вечера, нѣкоторые гости хотѣли ѣхать, но хозяинъ, развеселясь отъ пувшу, приказалъ запереть ворота и объявилъ, что до слѣдующаго утра никого со двора не выпуститъ. Скоро загремѣла музыка, двери

въ залу отворились, и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая стаканъ за стаканомъ и любуясь веселостью молодежи. Старушки играли въ карты. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартируетъ какой-нибудь уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мужчины, годные для танцевъ, были завербованы. Учитель между всѣми отличался; всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними прятались. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кирилы Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣста подлѣ дамъ; дѣвцы смѣлились и перешептывались съ своими сосѣдками; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мужчины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости Антонъ Пафнутьичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры о разбойникахъ взволновала его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутьичъ, призывая Господа во свидѣтели въ томъ, что красная шкатулка точно была пуста, не лгалъ и не согрѣшалъ; красная шкатулка точно была пуста: нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой. Этой только предосторожностью успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чтобы не отвели ему ночлега гдѣ-нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры; онъ искалъ глазами надежнаго товарища и выбралъ наконецъ Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о которомъ бѣдный Антонъ Пафнутьичъ не могъ вспомнить безъ удрогація, рѣшили его выборъ. Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнутьичъ сталъ вертѣться около молодого француза, покрикивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

— Гмъ! гмъ! нельзя-ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей комнатѣ, потому что, изволишь видѣть...

— Que désire monsieur? спросилъ Дефоржъ, учтиво ему поклонившись.

— Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-русски еще не выучился. Не ве, муа ше ву куше, пони-маешь-ли?

— Monsieur, très volontiers, отвѣчалъ Дефоржъ. veuillez donner des ordres en conséquence.

Антонъ Пафнутычъ, очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ, пошелъ тотчасъ распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился въ комнату, ему назначенную; а Антонъ Пафнутычъ пошелъ съ учителемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщалъ дорогу фонаремъ; Антонъ Пафнутычъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться; между тѣмъ, Антонъ Пафнутычъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна, и качая головою при семъ неутѣнительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкой, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался было жаловаться на то Дефоржу; но зная его во французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понималъ, и Антонъ Пафнутычъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Постели ихъ стояли одна противъ другой; оба легли, и учитель потушилъ свѣчу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше? закричалъ Антонъ Пафнутычъ, свиряга съ грѣхомъ пополамъ русскій глаголѣть тушу на французскій ладъ. Я не могу dormire въ потемкахъ.

Дефоржъ не повялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

— Проклятый басурманъ! проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло, нужво ему было свѣчку тушить. Ему-же хуже. Я спать не могу безъ огня. — Мусье, мусье, продолжалъ онъ, же не авекъ ву парле.

Но французъ не отвѣчалъ и вскорѣ захрипѣлъ. «Храпѣть, бестія французъ, подумалъ Антонъ Пафнутычъ, а мнѣ такъ я сонъ въ умъ нейдетъ: того и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно, а его, бестію, и нушками не добудешься».

— Мусье! а мусье! — дьяволъ тебя поберетъ!

Антонъ Пафнутычъ замолчалъ, усталость и винные пары мало-по-малу превозмогли его боязливость; онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокій сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе: Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Антонъ Пафнутычъ открылъ глаза и, при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра, увидѣлъ передъ собою Дефоржа: французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстегивалъ завѣтную суму. Антонъ Пафнутычъ обмеръ.

— Кесь ке се. мусье, кесь ке се? провзнесъ онъ трещающимъ голосомъ.

— Тыше! молчать! отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: молчать! или вы пропали. Я—Дубровскій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Теперь попросимъ у читателя позволенія объяснить послѣднія происшествія нашей предыдущими обстоятельствомъ, которыя не успѣли мы еще рассказать.

На станціи **, въ домѣ смотрителя, о которомъ уже мы упомянули, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, обличающимъ разночинца или иностранца, т. е. человѣка, не имѣющаго голоса на почтовомъ трактѣ. Вричка его стояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ малевскій чемоданъ, тощес доказательство не весьма достаточнаго состоянія. Проѣзжій не спрашивалъ себя ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвистывалъ, къ великому неудовольствію смотрительши, сидѣвшей за перегородкою.

— Вотъ Богъ послалъ свистуна, говорила она вполголоса: экъ посвистываетъ! чтобъ онъ лопнулъ. окаянныи басурманъ.

— А что? сказалъ смотритель: что за бѣда? пускай себѣ свищетъ.

— Что за бѣда? возразила сердитая супруга: а развѣ не знаешь примѣты?

— Какой примѣты? Что свищетъ деньгу выживаетъ? И, Пахомовна! у насъ что свищетъ, а денегъ все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Да отпусти ты его, Сидорычъ. Охота тебѣ его держать. Дай ему лошадей, да провалился онъ къ чорту.

— Подождетъ, Пахомовна: на ковшѣ всего три тройки, четвертая отдыхаетъ. Того и гляди, подосѣютъ хорошіе проѣзжіе: не хочу своей шеѣ отвѣчать за французъ. Чу! такъ и есть! вонъ скачутъ! Эге-ге! и, да какъ шибко! Ужъ не генераль-ли?

Коляска оставилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козель, отперъ дверцы, и черезъ минуту молодой человѣкъ въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ вошелъ къ смотрителю; вслѣдъ за нимъ слуга весь шкатулку и поставилъ ее на окошкѣ.

— Лошадей! сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчас! отвѣчалъ смотритель: пожалуйста подорожную.

— Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ сторону... Развѣ ты меня не узнаешь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиковъ. Молодой человѣкъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: «кто такой проѣзжій?»

— Богъ его вѣдаетъ, отвѣчала смотрительша: какой-то французъ: вотъ ужъ пять ча-

совъ, какъ дожидается лошадей, да свищеть. Надобль, проклятый.

Молодой человѣкъ заговорилъ съ пробъзжнимъ по-французски.

— Куда изволяете вы ѣхать? спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ, отвѣчалъ французъ: оттуда отправляюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за-глаза въ учителя. Я думалъ сегодня быть уже на мѣстѣ, но г-нъ смотритель, кажется, судилъ иначе. Въ этой землѣ трудно достать лошадей, г-нъ офицеръ.

— А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы? спросилъ офицеръ.

— Къ Троекурову, отвѣчалъ французъ.

— Къ Троекурову? Кто такой этотъ Троекуровъ?

— Ma foi, monsieur, я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ, что онъ—баринъ гордый и своеправный, жестокий въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (avec les onctuels) онъ не церемонится.

— Помилуйте! и вы рѣшаетесь опредѣлиться къ такому чудовищу?

— Что-жъ дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаетъ мнѣ хорошее жалованье, 3,000 руб. въ годъ, и все готовое. Быть можетъ, я счастливей другихъ. У меня старуха мать: половину жалованья буду отсылать ей на пропитаніе; изъ остальныхъ денегъ въ пять лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости; тогда—bon soir, ѣду въ Парижъ и пускаюсь въ коммерческіе сбороты.

— Знаете-ли васъ кто-нибудь въ домѣ Троекурова? спросилъ онъ.

— Никто, отвѣчалъ учитель: меня онъ написалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, у котораго поваръ мой соотечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно намъ знать, что я готовился было не въ учителя, а въ кондитеры; но мнѣ сказали, что въ вашей землѣ званіе учителя не-въ примѣръ выгоднѣе.

Офицеръ задумался.

— Послушайте, прервалъ онъ француза: что, если-бы, вмѣсто этой будущности, предложили вамъ 10,000 руб. чистыми деньгами, съ тѣмъ, чтобъ сей-же часъ вы отправились обратно въ Парижъ?

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смотритель.

Слуга подтвердилъ то-же самое.

— Сейчасъ, отвѣчалъ офицеръ: выдѣте вонъ на минуточку. (Смотритель и слуга вышли.) Я не шучу, продолжалъ онъ по-французски: 10,000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше отсутствіе и ваши бумаги.

При этихъ словахъ онъ отнеръ шкатулку и вынулъ нѣсколько кипъ ассигнацій.

Французъ вытаращилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать.

— Мое отсутствіе... мои бумаги, повторялъ онъ съ изумленіемъ: вотъ мои бумаги... но вы шутите? Зачѣмъ вамъ мои бумаги?

— Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согласны вы, или нѣтъ?

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, протянулъ бумаги молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

— Вашъ паспортъ... хорошо; письмо рекомендательное... посмотримъ; свидѣтельство о рожденіи... прекрасно. Ну, вотъ-же вамъ ваши деньги, отправляйтесь назадъ. Прощайте.

Французъ стоялъ, какъ вкопанный. Офицеръ воротился.

— Я-было забылъ самое важное: дайте мнѣ честное слово, что все это останется между нами... честное ваше слово.

— Честное мое слово, отвѣчалъ французъ: Но мои бумаги? Что мнѣ дѣлать безъ нихъ?

— Въ первомъ городѣ объявите, что вы были ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣрятъ и дадутъ нужныя свидѣтельства. Прощайте; дай Богъ вамъ скорѣе доѣхать до Парижа и пайти матушку въ добромъ здоровьѣ.

Дубровскийъ вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ коляску и поехалъ.

Смотритель смотрѣлъ въ окошко, и когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ:

— Пахомовна! знаешь-ли ты что? вѣдь это былъ Дубровскийъ.

Смотрительша опрометью кинулась въ окошко, но было уже поздно: Дубровскийъ былъ ужъ далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорычъ! зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде: я-бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чтобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право безсовѣстный!

Французъ стоялъ, какъ вкопанный. Договоръ съ офицеромъ, деньги—все казалось ему сновидѣніемъ. Но кипы ассигнацій были тутъ, у него въ карманѣ, и краснорѣчиво твердили ему существенность удивительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ, и ночью дотащился онъ до города.

Не доѣзжая заставы, у которой, вмѣсто часового, стояла развалившаяся будка, французъ велѣлъ остановиться, выѣзъ изъ брички и пошелъ нѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ дарить ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ-же изумленіи отъ его щедрости, какъ и самъ французъ отъ предложенія Дубровскаго. Но заключавъ изъ того, что нѣмецъ сошелъ съ ума, ямщикъ поблаго-

дарить его усерднымъ поклономъ, и не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, отправился въ известное ему увеселительное заведеніе, котораго хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день утромъ на порожной тройкѣ отправился въ дорогу, безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

Дубровский, одѣвъ буагами француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ. Каковы ни были его тайныя наміренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать и не строго взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдилъ за музыкальными успѣхами своей ученицы и часто по цѣлымъ часамъ сидѣлъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодого учителя: Кирила Петровичъ—за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна—за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша—за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе—за доброту и за щедрость, повидимому, несомнѣнную съ его состояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и ночиталъ уже себя членомъ его.

Прошло около мѣсяца отъ его вступленія въ званіе учительское до достопамятнаго праздника, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ французѣ таился грозный разбойникъ, котораго имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскийъ не отлучался изъ Покровскаго, во слухъ о разбоѣхъ его не утихалъ, благодаря изобрѣтательному воображенію сельскихъ жителей; но могло статься и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ отсутствіе начальника.

Ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, котораго могъ онъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскийъ не могъ удержаться отъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки и рѣшился ею завладѣть. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнутыча неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителя въ разбойника.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ 9 часовъ утра гости, ночевавшіе въ Покровскомъ, собрались одинъ за другимъ въ гостиную, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ, предъ которымъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла Марья Кириловна, а Кирила Петровичъ, въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ, выпивалъ свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последнимъ явился Антонъ Пафнутычъ; онъ

былъ такъ блѣденъ и казался такъ разстроенъ, что видъ его всѣхъ поразилъ и что Кирила Петровичъ освѣдомился о его здоровьи. Спицынъ отвѣчалъ безо всякаго смысла и съ ужасомъ поглядывалъ на учителя, который тутъ-же сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Черезъ нѣсколько минутъ слуга пошелъ и объявлялъ Спицыну, что коляска его готова. Антонъ Пафнутычъ сѣвшиль откланяться, вышелъ поспѣшно изъ комнаты и тотчасъ уѣхалъ. Гости и хозяинъ не понимали, чтѣ съ нимъ сдѣлалось, и Кирила Петровичъ рѣшилъ, что онъ обѣдѣлся. Послѣ чаю и прощальнаго завтрака прочіе гости начали разбѣжаться, и вскорѣ Покровское опустѣло, и все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирила Петровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинствамъ молодого француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой пристойности и тѣмъ успокоивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностью предавалась увлекательной привычкѣ. Она скучала безъ Дефоржа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Можетъ быть, она не была еще влюблена; но, при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣтила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она открыла фортепіано, пропѣла нѣсколько нотъ; но Дубровскийъ, подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая ноты, подалъ ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ ту же минуту; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнату, развернула записку и прочла слѣдующее:

«Будьте сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорить».

Любопытство ея было сильно возбуждено. Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было-бы услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась; но она чувствовала, что ей было-бы непріятно слышать такое объясненіе отъ человѣка, который по состоянію своему не долженъ былъ надѣяться когда-нибудь получить ея руку. Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась

въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она призваніе учителя—съ аристократическимъ-ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ-ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ. Между тѣмъ, она поминутно поглядывала на часы. Смерклось; подали свѣчи. Кирила Петровичъ сѣлъ играть въ бостонъ съ пріѣзжими сосѣдами; столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ стороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, въ двухъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ темнотѣ по знакомымъ дорожкамъ и черезъ мѣвуту очутилась у бесѣдки; тутъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и неторопливымъ. Но Дефоржъ стоялъ уже передъ нею.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ,—что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ-бы въ отчаяніи, если-бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвѣчала заготовленною фразой:

— Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяться въ моей снисходительности.

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ.

— Обстоятельства требуютъ... я долженъ васъ оставить, сказалъ онъ наконецъ: вы скоро, можетъ быть, услышите... но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться.

Марья Кириловна не отвѣчала ничего. Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

— Я не то, что вы предполагаете, продолжалъ онъ, потупя голову: я не французъ Дефоржъ, я—Дубровскийъ.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отческаго дома и послалъ грабятъ на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно бояться ни за себя, ни за него. Все кончено... я ему простилъ; послушайте: вы снасли его. Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пересѣчь ему всѣ пути къ бѣгству; въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я ноналъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежитъ моему проклятiю. Я отказался отъ мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье. Въ нашихъ несто-

ройныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслью, что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ, случай представился... я поселился въ вашемъ домѣ. Эти три недѣли были для меня двумя счастья; ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получаю извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оставаться. Я расстаюсь съ вами сегодня, сей-же часъ... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для иного назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда...

Тутъ раздался сильный свистъ, и Дубровскийъ умолкъ. Онъ схватилъ ее руку и прижалъ къ пылающимъ устами. Свистъ повторился.

— Простите, сказалъ Дубровскийъ: меня зовутъ; минута можетъ погубить меня.

Онъ отошелъ... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскийъ воротился и снова взялъ ее руку.

— Если когда-нибудь, сказалъ онъ ей вѣчнымъ и трогательнымъ голосомъ, если когда-нибудь несчастіе васъ постигнетъ, и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ общаетесь-ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего для вашего спасенія? Общаетесь-ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ третій разъ.

— Вы меня губите! закричалъ Дубровскийъ: я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта: — общаетесь-ли вы, или нѣтъ?

— Общаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца стояла тройка, всѣ люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали услышала она голосъ Кирилы Петровича и спѣшила войти въ комнаты, опасаясь, чтобъ отсутствіе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣтилъ ее Кирила Петровичъ; гости окружили исправника, нашего знакома, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ.

— Гдѣ ты была, Маша? спросилъ Кирила Петровичъ: встрѣтила-ли ты м-г Дефоржа?

Маша насплу могла отвѣчать отрицательно.

— Вообрази, продолжалъ Кирила Петровичъ: исправникъ пріѣхалъ его арестовать. и увѣряетъ меня, что это—самъ Дубровскийъ.

— Всѣ примѣты, ваше превосходительство, сказалъ почтительно исправникъ.

— Охъ, братецъ, прервалъ Кирила Петровичъ: убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего француза не выдамъ, покажи самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣрить на слово Антопу Пафнютычу, трусу и мужику: ему пригрезилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то-же утро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова...

— Французъ застрашалъ его, ваше превосходительство, отвѣчалъ исправникъ: и взялъ съ него клятву молчать.

— Вранье, рѣшилъ Кирила Петровичъ: сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ-же учитель? спросилъ онъ у вошедшаго слуги.

— Нигдѣ не найдутъ-съ, отвѣчалъ слуга.

— Такъ сыскать его! закричалъ Троекуровъ, начиняющій сомнѣваться. Покажи мнѣ твои хваленія примѣты, сказалъ онъ исправнику, который тотчасъ и подалъ ему бумагу.

— Гмъ! гмъ! двадцать три года и проч. Оно такъ, да это еще ничего не доказываетъ. Что-жъ учитель?

— Не найдутъ, былъ опять отвѣтъ.

Кирила Петровичъ начиналъ беспокоиться: Марья Кириловна была ни жива, ни мертва.

— Ты блѣдна, Маша, замѣтилъ ей отецъ: тебя перепугали?

— Нѣтъ, папечка, отвѣчала Маша: у меня голова болитъ.

— Поди, Маша, въ свою комнату и не беспокойся.

Маша поцѣловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнату; тамъ она бросилась на постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее уснокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили, и она впала въ усыпленіе.

Между тѣмъ француза не находили. Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, громко насвистывая: Г р о мъ п о б ѣ дъ раздавайся. Гости шептались между собой; исправникъ казался въ дуракахъ: француза не нашли. Вѣроятно, онъ успѣлъ скрыться, бывъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? это оставалось тайною.

Было одиннадцать часовъ, и никто не думалъ о свѣ. Наконецъ Кирила Петровичъ сказалъ сердито исправнику:

— Ну, чтѣ? вѣдь не до свѣту-же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня. Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужъ это Дубровскій. Отправляйся-ка во-свояся, да впередъ будь расторопнѣе. Да и вамъ пора домой, продолжалъ онъ, обратясь къ гостямъ. Велите закладывать. а я хочу спать.

Такъ немилостиво разстался Троекуровъ съ своими гостями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семейномъ быту Кирилы Петровича.

Въ тридцати верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ оставшій майоръ, и никакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбатовымъ. Но въ концѣ мая мѣсяца князь возвратился изъ-за-границы и пріѣхалъ въ свою деревню, которой отъ роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вывести уединенія, и на третій день по своемъ пріѣздѣ отправился обѣдать къ Троекурову, съ которымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около пятидесяти лѣтъ, во онъ казался гораздо старѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою безгладимую печать. Онъ имѣлъ непреставную нужду въ разсѣяннѣ, непрестанно скучалъ. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему въ-которую любезность, особенно съ жевщинами. Кирила Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его по-сѣщеніемъ, принявъ его знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, сталъ угощать его осмотромъ своихъ заведеній и повелъ на царный дворъ. Но князь чуть не задохся въ собачьей атмосферѣ въ сѣшилъ выйти вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами. Старинный садъ, съ его стриженными липами, четырехугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился: онъ любилъ англійскіе сады и такъ называемую природу; но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдать. Князь прихрамывалъ, уставъ отъ своей прогулки, и уже раскаивался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залѣ встрѣтила ихъ Марья Кириловна — и старый волокита былъ пораженъ ея красотой. Троекуровъ посадилъ гостя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присутствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разсказами. После обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своей подагрой. Онъ предложилъ прогулку въ ливейкѣ, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться со своей милой соседкою. Ливейку заложили. Старикъ и красавица сѣли втроемъ и поѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала лстивыя и веселыя привѣтствія свѣт-

скаго человѣка, какъ вдругъ Верейскій, обратясь къ Кирилѣ Петровичу, спросилъ у него: «что значить это погорѣлое строеніе и ему-ли оно принадлежитъ?» Кирила Петровичъ нахмурился: воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлою усадьбой, были ему непріятны. Онъ отвѣчалъ, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому? повторялъ Верейскій: какъ, этому славному разбойнику?

— Отцу его, отвѣчалъ Троекуровъ: да и отецъ-то былъ порядочный разбойникъ.

— Куда-же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ-ли онъ, живъ-ли онъ?

— И живъ, и на волѣ, и покаместъ у насъ будутъ исправники злодѣи съ порами, до тѣхъ поръ не будетъ онъ пойманъ. Кстати, князь! Дубровскийъ побывалъ вѣдь у тебя въ Арбатовѣ.

— Да, прошлаго года онъ, кажется, что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда-ли, Марья Кириловна, что было-бы любопытно познакомиться покорооче съ этимъ романтическимъ героемъ?

— Чтò любопытнаго, сказали Троекуровъ: она знакома съ нимъ. Онъ цѣлыя три недѣли училъ ее музыкѣ, да, слава Богу, не взялъ ничего за уроки.

Тутъ Кирила Петровичъ началъ рассказывать повѣсть о мнимомъ французѣ-учителѣ. Марья Кириловна сидѣла, какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, всталъ все это очень страннымъ и перебрѣнулъ разговоръ. Возвратясь, онъ велѣлъ подавать свою карету, и не смотря на усиленные просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю; но прежде просилъ Кирилу Петровича пріѣхать къ нему въ гости съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ обѣщался; ибо, взявъ въ уваженіе княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 3000 душъ родового имѣнія, онъ до нѣкоторой степени почиталъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Два дня спустя послѣ его посѣщенія, Кирила Петровичъ отправился съ дочерью въ гости къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ Арбатову, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроеннымъ во вкусѣ англійскихъ замковъ. Передъ домомъ разстилался овальный густозеленый лугъ, на которомъ паслись швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ встрѣтилъ гостей у крыльца и подаль руку молодой красавицѣ. Они вошли въ великолѣпную залу, гдѣ столъ былъ накрытъ на три прибора. Князь подвелъ гостей къ

окну, и имъ открылся прелестный видъ. Волга протекала передъ окнами; по ней шли нагруженные барки подъ натянутыми парусами и мелькали рыбацкія лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣніемъ галлерей картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснял Марѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства и недостатки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педагогическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ. Пошли за столъ. Троекуровъ отдалъ полную справедливость винамъ своего Амфитріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они шли кофѣ въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усаженнаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторые изъ нихъ; на одномъ находили мраморную статую, на другомъ—удивительную пещеру, на третьемъ—памятникъ съ таинственною надписью, возбуждавшій въ Марѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не исполнѣ удовлетворенное утивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркаться. Князь, подъ предлогомъ свѣжести и росы, сиѣвшиль возвратиться домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ—и ракета освѣтила небо... Князь подаль Марѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ темнотѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули, завертѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонтанами, посыпались дождемъ, звѣздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ *tout les frais* князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Гости отправились въ комнаты, для нихъ отведенныя, и на другой день поутру разстались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщаніе скорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ палляцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не путалась шелками, подобно

любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разбѣянности, вышла розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иголкой канва повторяла безошибочно узоры подлинника; не смотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой—онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошко тихонько протянулась рука, кто-то положилъ на пальцы письмо и скрылся прежде, нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Петровичу. Она съ трепетомъ спрятала письмо за косынку и поспѣшила къ отцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь всталъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ.

— Подойди сюда, Маня, сказалъ Кирила Петровичъ: скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ; князь за тебя сватается.

Маша остолбѣла; смертная блѣдность покрыла ея лицо. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взявъ ея руку и съ видомъ тронутымъ спросилъ: согласна-ли она сдѣлать его счастье? Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, сказалъ Кирила Петровичъ: но знаешь, князь, дѣвушка трудно выговорить это слово. Ну, дѣти, поцѣлуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла! сказалъ Кирила Петровичъ: осуши свои слезы и воротись къ намъ веселешенька. Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ, продолжалъ онъ, обратясь къ Верейскому: это у нихъ ужъ такъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о приданомъ.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою стараго князя; онъ вдругъ показался ей отвратительнымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!.. «Нѣтъ, нѣтъ! повторяла она въ отчаяніи; лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго...» Тутъ она вспомнила о письмѣ и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, оно было писано имъ, и заключало только слѣдующія слова:

«Вечеромъ, въ десять часовъ, на прежнемъ мѣстѣ».

Луна сіяла; сельская ночь была спокойна; изрѣдка подымался вѣтерокъ, и легкій шорохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая тѣнь, молодая красавица приближалась къ мѣсту назначеннаго свиданія.

Еще никого не было видно; вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею.

— Я все знаю, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ: вспомните ваше общаніе.

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша: но не сердитесь—оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

— Я-бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго чловѣка.

— Ради Бога, не трогайте его, не смѣйте его трогать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ онъ жизнью. Никогда злодѣйство не будетъ совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ. Но какъ-же спасу васъ отъ жестокаго отца?

— Еще есть надежда: я надѣюсь тронуть его моими слезами и отчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

— Не надѣйтесь по нустому: въ этихъ слезахъ увидитъ онъ только обыкновенную боязливость и отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идутъ онѣ замужъ не по страсти, а изъ благоразумнаго разсчета; но если возьметъ онъ себѣ въ голову сдѣлать счастье ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезутъ васъ подъ вѣнецъ, чтобы на вѣки прѣдать судьбу вашу во власть хилаго мужа?

— Тогда, тогда дѣлать нечего—явится за мною—я буду вашей женой.

Дубровскій затрепеталъ; блѣдное лицо покрылось багровымъ румянцемъ и въ ту-же минуту стало блѣднѣе прежняго. Онъ долго молчалъ, потупя голову.

— Соберитесь со всѣми силами души, умоляйте отца, бросьтесь къ его ногамъ; представьте ему весь ужасъ будущаго, вашу молодость, увядающую близъ хилаго и развратнаго старика; скажите, что богатство не дастъ вамъ и одной минуты счастья; роскошью утѣшаетъ одну бѣдность, и то съ непривычки на одно мгновеніе; не отставайте отъ него, не пугайтесь ни его гнѣва, ни угрозъ, пока останется хотя тѣнь надежды; ради Бога, не отставайте. Если-жъ не будетъ уже другого средства—рѣшитесь на жестокое изъясненіе: скажите, что если онъ останется неумолимъ, то... то вы найдете ужасную защиту...

Тутъ Дубровскій закрылъ лицо руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала...

— Бѣдная, бѣдная моя участь! сказалъ онъ, горько вздохнувъ: За васъ отдалъ-бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей было для меня упоеніемъ; и когда открывается для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: Ангелъ, умремъ!—бѣдный! я долженъ остерегаться отъ блаженства, я долженъ отталкивать его отъ себя всѣми

силами! Я не смѣю пасть къ вашимъ ногамъ и благодарить небо за непонятную, незаслуженную награду. О! какъ долженъ я ненавидѣть того... но чувствую, теперь въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ненависти.

Онъ тихо обнявъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонивъ она голову на плечо молодого разбойника — оба молчали... Время летѣло.

— Пора, сказала наконецъ Маша.

Дубровскій какъ-будто очнулся отъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо.

— Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ, скажите онъ: ты принеси кольцо сюда, опустите его въ дуло этого дуба; я буду знать, что дѣлать.

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Сватовство князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Петровичъ принималъ поздравленія; свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала рѣшительное объясненіе. Между тѣмъ, обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не заботился: онъ о любви не хлопоталъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша наконецъ рѣшилась дѣйствовать и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія: откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умоляла его отказаться отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ прочелъ его наединѣ и ни мало не былъ тронутъ откровенностью своей невѣсты. Напротивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускорить свадьбу и для того почелъ нужнымъ показать письмо будущему тестю.

Кирила Петровичъ взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывать Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Петровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не тратить времени и назначилъ быть свадьбѣ на другой-же день. Князь пошелъ это весьма благоразумнымъ, пошелъ къ своей невѣстѣ, сказалъ ей, что письмо очень его печалило, но что онъ надѣется современнымъ заслужить ей привязанность; что мысль отречься отъ нея слишкомъ для него тяжела и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ. Затѣмъ онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Петровича.

Но едва онъ выѣхалъ со двора, какъ отецъ ея вошелъ и напрямикъ велѣлъ ей быть готовой на завтрашній день. Марья Кириловна, уже

взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ отца.

— Папенька! закричала она жалобнымъ голосомъ: папенька! не губите меня: я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что значить? сказали грозно Кирила Петровичъ: до сихъ поръ ты молчала и была согласна, а теперь, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и отрекаться. Не изволь дурачиться; этимъ со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня! повторяла бѣдная Маша: за что гоните меня отъ себя прочь и отдаете человѣку нелюбимому? разве я вамъ надоѣла? Я хочу остаться съ вами по прежнему. Папенька, вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Папенька, не принуждайте меня: я не хочу идти замужъ.

Кирила Петровичъ былъ тронутъ, но скрылъ свое смущеніе и оттолкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь-ли? Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣ завтра будетъ твоя свадьба.

— Послѣ завтра! вскрикнула Маша: Боже мой! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, этому не быть! Папенька, послушайте; если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? сказалъ Троекуровъ: угрозы! мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь-ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь меня стращать, негодница! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ.

— Владиміръ Дубровскій, отвѣчала Маша въ отчаяніи.

Кирила Петровичъ подумалъ, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Добро, сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: жди себѣ, кого хочешь, въ извѣстители, а покаместъ сиди въ этой комнатѣ — ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы.

Съ этимъ словомъ Кирила Петровичъ вышелъ и заперъ за собою дверь.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, что ожидало ее: но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойно могла разсуждать о своей участи и о томъ, что надлежало ей дѣлать. Главное было для нея: избавиться отъ ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея раемъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей готовленнымъ. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно она желала увидѣться съ нимъ наединѣ и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посоветовалась. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ. какъ только

станеть смеркаться. Смеркалось; Маша приготовилась: но дверь ея заперта на ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко и до глубокой ночи сидѣла не раздвѣваясь, неподвижно глядя на темное небо. На развѣтѣ она задремала; но тонкій сонъ ея былъ встревоженъ печальными видѣніями, и лучи восходящаго солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась и съ первую мыслью представилась ей весь ужасъ ея положенія. Она позвонила, дѣвка пошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичъ вечеромъ ѣздилъ въ **и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ, кромѣ того, что велѣно было попу не отлучаться изъ деревни ни подъ какими предлогами. Послѣ этихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла дверь.

Ея слова ожесточили молодую затворницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дать знать обо всемъ Дубровскому и стала искать случая отпирать кольцо въ дупло завѣтнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло, и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидала маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?

— Я пришелъ, сестрица, узнать отъ васъ, не надобно-ли вамъ чего-нибудь? Папенька сердитъ и запрещаетъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?

— Знаю, сестрица.

— Такъ если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣе и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри-же, чтобы никто тебя не выдалъ.

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь, оглянулся во всѣ стороны и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хотѣлъ онъ тотъ-же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и полуборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ

дупло. Саша быстрѣе бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ мальчишка, стараясь отъ него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжій, кричалъ Саша: или я проучу тебя по-свойски.

Вмѣсто отвѣта, тотъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ и закричалъ во все горло:

— Воры, воры! сюда, сюда!

Мальчишка силился отъ него отдѣлаться. Онъ былъ, повидимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнѣе; но Саша былъ увертливѣе. Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу на земь и схватилъ его за горло. Но въ это время сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щетинистые волосы, и садовникъ Степанъ приподнял его на полъ-аршина отъ земли.

— Ахъ ты, рыжая бестія, говорилъ садовникъ: да какъ ты смѣешь бить маленькаго барина?

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.

— Ты меня схватилъ подъ мышки, сказалъ онъ: а то-бы никогда меня не повадилъ. Отдай сейчасъ кольцо и убирайся.

— Какъ не такъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ перевернувшись на одномъ мѣстѣ, освободилъ свои щетины отъ руки Степановой.

Тутъ онъ пустился было бѣжать, но Саша догналъ его, толкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ ногъ. Садовникъ снова его схватилъ и связалъ кушакомъ.

— Отдай кольцо! кричалъ Саша.

— погоди, баринъ, сказалъ Степанъ: мыведемъ его на расправу къ приказчику.

Садовникъ повелъ плѣнника на барскій дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ поглядывая на свои шаровары, разорванныя и замаранные зеленью. Вдругъ всѣ трое очутились передъ Кирило Петровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.

— Это что? спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Петровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

— Ты, повѣса, сказалъ онъ, обратясь къ Сашѣ: за что съ нимъ связался?

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо? изъ какого дупла?

— Да мнѣ Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою:

— Тутъ замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или такъ отдеру тебя розогою, что ты и своихъ не узнаешь.

— Ей-Богу, папенька, я... папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степанъ! ступай-ка, да сръжь мнѣ хорошенечкую, свѣжую березовую розгу.

— Пойдите, папенька, я все вамъ расскажу. Я сегодня бѣгалъ по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сестрица не нарочно уронила кольцо, а я спряталъ его въ дуло, и... и... этотъ рыжій мальчикъ хотѣлъ кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, ты хотѣлъ спрятать... Степанъ! ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я все расскажу. Сестрица Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгать къ дубу и положить кольцо въ дуло; я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а этотъ скверный мальчикъ...

Кирила Петровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно:

— Чей ты?

— Я дворовый человѣкъ господъ Дубровскихъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо Кирилы Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господиномъ не признаешь—добро. А что ты дѣлалъ въ моемъ саду?

— Малину кралъ, отвѣчалъ мальчикъ съ большимъ равнодушіемъ.

— Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, таковъ и приходъ; а малина развѣ растетъ у меня на дубахъ? слыхалъ-ли ты это?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, сказалъ Саша.

— Молчи, Александръ! отвѣчалъ Кирила Петровичъ: не забудь, что я собираюсь съ тобой раздѣлаться. Ступай въ свою комнату. Ты, ко-сой, ты мнѣ кажешься малый не промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я тебя не вышъку, и дамъ еще пятакъ на орѣхи. Отдай кольцо и ступай. (Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего.) Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ потупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

— Добро! сказалъ Кирила Петровичъ: запреть его куда-нибудь, да смотрѣть, чтобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.

Степанъ отвелъ мальчика на голубятню, заперъ его тамъ и приставилъ смотрѣть за нимъ старую птичницу Агаею.

— Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она сохранила сношенія съ проклятымъ Дубровскимъ. Неужели и въ самомъ дѣлѣ она знала его на помощь?—думалъ Кирила Петровичъ, расхаживая по комнатѣ и сердито насвистывая: Громъ побѣды раздавался. Можетъ быть, я нашелъ его горячіе слѣды, и онъ отъ насъ

не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ... Чу! колокольчикъ; слава Богу, это исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго!

Между тѣмъ, телѣжка вѣхала на дворъ, и знакомый намъ исправникъ вошелъ въ комнату весь запыхленный.

— Славная вѣсть! сказалъ Кирила Петровичъ: я поймалъ Дубровскаго.

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ: гдѣ-же онъ?

— То есть, не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ намъ пособитъ поймать своего атамана. Вотъ его и привели.

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ тринадцатилѣтняго мальчика довольно слабой наружности. Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилѣ Петровичу и ждалъ объясненія. Кирила Петровичъ сталъ тутъ-же рассказывать, не упоминая, однако-жъ, о Марѣ Кириловнѣ, утреннее происшествіе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, поминутно взглядывая на маленькаго негодая, который, прикинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія па все, что дѣлалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ исправникъ.

Кирила Петровичъ повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опять въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

— Баринъ хотѣлъ, сказалъ ему исправникъ, посадить тебя въ городской острогъ, выстегать плетью и сослать потомъ на поселеніе; но я вступился за тебя и вынулъ тебя прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

— Благодарите же барина, сказалъ исправникъ.

Мальчикъ подошелъ къ Кирилѣ Петровичу и подѣловалъ у него руку.

— Ступай себѣ домой, сказалъ ему Кирила Петровичъ: да впредь не крадь малины по дупламъ.

Мальчикъ вышелъ, весело прыгнувъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле, къ Кистеневкѣ. Добѣжавъ до деревни, онъ остановился у полуразвалившейся избушки, первой съ краю, и постучалъ въ окошко. Окошко поднялось, и старуха показала.

— Бабушка, хлѣба! сказалъ мальчикъ: я съ утра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.

— Ахъ! это ты, Митя; да гдѣ жъ-пропалъ, бѣсенокъ? отвѣчала старуха.

— Послѣ разскажу, бабушка: ради Бога хлѣба!

— Да войди въ пзбу.

Некогда, бабушка: мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба. ради Христа, хлѣба.

— Экой неносѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть, и сунула въ окно ломоть черного хлѣба.

Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться; Митя пробирался овинами и огородами въ кистеневскую рошу. Дошедши до двухъ сосенъ, стоящихъ передовыми стражами роши, онъ остановился, оглядѣлся во все стороны, свистнулъ свистомъ произвольнымъ и отрывисто, и сталъ слушать; легкій и продолжительный свистъ послышался ему въ отвѣтъ: кто-то вышелъ изъ роши и приблизился къ нему.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ изадъ и впередъ по залѣ, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суетились; нѣ сараѣ кучера закладывали карету. На дворѣ толпился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестью брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда веосторожная рука укалывала ее, но молчала, безмысленно глядясь въ зеркало.

— Скоро-ли? раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича.

— Сю минуту! отвѣчала дама: Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо-ли?

Марья Кириловна встала и не отвѣчала ничего. Двери отворились.

— Невѣста готова, сказала дама Кирилѣ Петровичу: прикажите садиться въ карету.

— Съ Богомъ! отвѣчалъ Кирила Петровичъ, и—взявъ со стола образъ—подойди ко мнѣ, Маша, сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: благословляю тебя...

Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала.

— Паненька... папенька... говорила она въ слезахъ, и голосъ ея замиралъ.

Кирила Петровичъ сѣлшій ее благословить; ее подняли и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженная мать и одна изъ служанокъ. Они поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ навстрѣчу невестѣ и былъ пораженъ ея блѣдностью и страшнымъ видомъ. Они вѣстѣ вошли въ холодную, пустую церковь: за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алтаря и тотчасъ-же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ни-

чего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго суируга; она слышала лстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была павѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами—она ихъ не поняла: они вышли изъ церкви; на панерти тѣлвились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодче сѣли вѣстѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, чтобы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь ни мало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ, проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ авглійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздался крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей:

— Вы свободны! выходите.

— Чтѣ это значить? закричалъ князь: кто ты таковъ?...

— Это Дубровскій, отвѣчала княгиня.

Князь, не теряя присутствія духа, вынулъ изъ бокового кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскариваннаго разбойника. Княгиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо; кровь полилась. Князь, не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолетъ. Но ему не дали времени выстрѣлить; дверцы растворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолетъ. Надъ нимъ засверкали ножи.

— Не трогать его! закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны! продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ.

— Нѣтъ! отвѣчала она: поздно! я обвѣнчана, я—жена князя Верейскаго.

— Чтѣ вы говорите! закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: нѣтъ! вы—не жена его, вы были приневолены. вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, возразила она съ твердостью: князь—мой мужъ, при-

кажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ.

Но Дубровскій уже ее не слыхалъ; боль раины и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадей подъ уздцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связавшихъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбивъ ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось малевькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва, за которыми находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, которыхъ по разнообразію одежды и по общему вооруженію можно было тотчасъ признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около братскаго котла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вставлялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владея иголкой съ искусствомъ, облачающимъ опытнаго портного, и поминутно поглядывалъ на всѣ стороны.

Хотя нѣкоторый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ этой толпѣ; разбойники отоѣдали; одинъ послѣ другого вставалъ и молился Богу; нѣкоторые разошлись по шалашамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, отрянулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколотъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и заплѣлъ во все горло меланхолическую старинную пѣсню:

Не шуми ты, мать зелена дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати.

Въ это время дверь одного изъ шалашей отворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая, показала у порога.

— Полно тебѣ. Стенка, сказала она сердито: баринъ поживаетъ, а ты, знай, горлавишь; ибѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости.

— Виновать, Егоровна, отвѣчалъ Стенка: ладно, больше не буду. нусть онъ себѣ, батюшка, поживаетъ да выздоравливаетъ.

Старушка ушла, а Стенка сталъ расхаживать по валу.

Въ шалашѣ, изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, раненый Дубровскій лежалъ на

походной кровати. Передъ нимъ на столыкѣ лежали его пистолеты, а сабля висѣла въ головахъ. Землянка устлана и обвѣшена была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный туалетъ и трюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрыты, и старушка, поглядывавшая на него изъ-за перегородки, не могла знать, заснулъ-ли онъ, или только задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога, и Стенка просунулъ къ нему голову въ окошко.

— Батюшка, Владиміръ Андреевичъ! закричалъ онъ: ваши знакъ подають—насъ ищуть.

Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе.

— Въ-ли здѣсь? спросилъ Дубровскій.

— Всѣ, кромѣ дозорныхъ, отвѣчали.

— По мѣстамъ! закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣсто.

Въ это время трое дозорныхъ приближались къ воротамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Чтѣ такое? спросилъ овъ.

— Солдаты въ лѣсу, отвѣчали они: насъ окружають.

Дубровскій велѣлъ запереть ворота и самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздавалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу и тотчасъ понались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ.

— Готовиться къ бою! сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все утихло.

Тогда услышали шумъ приближающейся команды: оружія блеснули между деревьями; человекъ полтора солдаты высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ устремились на валъ. Дубровскій приставилъ фитиль: выстрѣлъ былъ удаченъ—одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятеніе; но офицеръ бросился впередъ, солдаты за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выстрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ и стали съ топорами въ рукахъ защищать валъ, на который лѣзли острервенные солдаты, оставя во рву человекъ двадцать раненыхъ товарищей. Рукопашный бой завязался. Солдаты уже были на валу—разбойники пачала уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приставилъ ему пистолетъ къ груди и выстрѣлилъ. Офицеръ грянулся павшимъ, нѣсколько солдатъ подхватили его на руки и спѣшили увести въ лѣсъ: прочіе, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойни-

ки воспользовались этою минутою недоумѣнія, смяли ихъ, стѣснили въ ровъ; осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ устремились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разстройство непріятеля, остановилъ своихъ и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ отлучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія происшествія обратили уже не на шутку вниманіе правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопробынаніи. Отправлена была рота солдатъ, чтобы взять его, мертвого или живого. Поймали нѣсколько человекъ изъ его шайки и узнали отъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жизни.

—Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь отдаленную губернію и такъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ—мошенники и, вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло.

Послѣ этой рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного**. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ этихъ показаній—приверженность разбойниковъ къ атаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; во послѣдствіи ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились; дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

1832 г.

ИСТОРІЯ СЕЛА ГОРОХИНА.

Если Богъ пошлетъ мнѣ читателей, то, можетъ быть, для нихъ любопытно будетъ узнать, какимъ образомъ рѣшился я написать исторію села Горохина. Для того долженъ я войти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала Н. Н., у кото-

раго батюшка былъ пѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человекомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ—и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не звалъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружилъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ—пустою милою, ожидавшею изысканій новаго Ибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я старался придать какой-нибудь образъ сему таинственному лицу и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ походить на земскаго засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ибо насъ распустили передъ вступленіемъ непріятеля... Я возвратился въ деревню. По изгнаніи двухнадесяти языковъ хотѣли меня снова везти въ Москву, посмотрѣть, не возвратился-ли Карлъ Ивановичъ на прежнее пепелище, или, въ противномъ случаѣ, отдать меня въ другое училище; но я упрямилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровіе мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ достигъ я 16-лѣтняго возраста, оставаясь при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту,—единственная паука, въ которой приобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ.

Въ это время опредѣлился я юнкеромъ въ** пѣхотный полкъ, въ которомъ и находился до прошлаго 18** года. Пребываніе мое въ полку оставило мнѣ мало пріятныхъ впечатлѣній, кромѣ производствъ въ офицеры и выигрыша 240 рублей въ то время, какъ у меня въ карманѣ всего оставался рубль шесть гривенъ. Смерть дражайшихъ моихъ родителей, воспослѣдовавшая почти въ одно время, принудила меня подать въ отставку и пріѣхать въ мою вотчину.

Эта эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), наваялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочной дорогой. Хотя я врана отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно

овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то общая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелькъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, чего отъ роду со мною не случилось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ поговяля свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ гороховскую рошу и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некоемъ лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ приѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшныя мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, — замужними бабами. Мужчины плакали. Жевщицамъ говорилъ я безъ церемоній, «какъ ты постарѣла» — и мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; навстрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отропившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ которыхъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки, и я очутился въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому назадъ родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ застѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной. Я успокоился; но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ**. Занятія хозяйственныя были вовсе

для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и уравнильницы, состояли счетомъ изъ ятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ Новѣйшимъ Письмовникомъ, въ которомъ я зналъ, на какой страницѣ какую найду строчку. Настоящій-же заслуженный Письмовникъ былъ мною вайдевъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся-было за него, но Кургановъ потерялъ для меня прежнюю свою прелесть. Я прочелъ его еще разъ и больше ужъ не открывалъ.

Въ такой крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать-ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныхъ деньги и что впоследствии не имѣлъ я случая пріобрѣсти самъ собою то, что было развѣ упущено, до шестнадцати лѣтъ играя съ дворовыми мальчиками, а потомъ — переходя изъ губерній въ губернію, изъ квартиры на квартиру, проводя время съ жидами и маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и маршируя въ грязи.

Къ тому-же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недостижимо намъ, непосвященнымъ, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ-ли я надѣяться понасть когда-нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣревъ я рассказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной вадобности въ Петербургъ; я прожилъ въ немъ недѣлю, в не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ, въ галерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ**, игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлали, въ драмѣ: Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ визеньскую конфетную лавку, и за чашкой шоколада читалъ литературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ критическую статью Благонаимѣреннаго; нѣкто, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки тихонько потянулъ листокъ гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифштексъ и сѣлъ передо мною; я все читалъ, не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ

позавтракалъ, сердито поборанилъ мальчюка за неисправность, выпилъ полбутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ-же заштракали.

— Знаешь-ли, кто это былъ? сказалъ одинъ другому: это Б.... сочинитель.

— Сочинитель! воскликнулъ я невольно я, оставя журналъ недочитаннымъ и чашку недопитую, побѣжалъ расплачиваться и, не дожидаясь сдачи, выбѣжалъ на улицу.

Смотря во всѣ стороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель и пустился по Невскому проспекту, только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываясь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ, что-де мнѣ слѣдовало не толкать его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ этого выговора я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эпюлеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель.

— Позвольте спросить, сказалъ я, приставя ко лбу руку: вы г. Б., котораго прекрасныя статьи шлѣлъ я счастіе читать въ Соревнователь Просвѣщенія?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ мнѣ: я не сочинитель, а страпчій: во Б. мнѣ очень знакомъ; четверть часа тому я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста.

Такимъ образомъ уваженіе мое къ русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился, съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ-бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (пбо о смирненной прозѣ я еще и не помышлялъ) были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной исторіи. Недолго искалъ я себѣ героя—выбралъ Рюрика—и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрѣлъ я вѣкоторый вавыкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: Критику на Московскій бульваръ, на Прѣсненскіе пруды, Опаснаго сосѣда и т. д. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ, что эпическій родъ не мой родъ. И началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не

пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу, но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня—я началъ и благополучно окончилъ: надписъ къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что «надпись» моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодого стихотворца, однако-жъ я почувствовалъ, что я не рожденъ поэтомъ, и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ, не виновующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію».

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысль, привыкъ я за повѣсти: но, не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостью разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя эти повѣсти, мало-по-малу, образовалъ я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочныя и сомнительныя анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію я могъ написать съ моей жалкой образованностію? Гдѣ не предупредили меня многочисленные, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану-ли писать исторію всемірную: но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь-ли къ исторіи отечественной: чтѣ скажу я послѣ Татищева, Волтина, Голякова? И мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обветшалого языка, когда не могъ я выучиться цифрамъ славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, напр. объ исторіи губернскаго нашего города: но и тутъ сколько препятствій, для меня неподолжныхъ! Поѣздка въ городъ, взысканія къ гу-

бернатору и къ архіерею, просьба о допущеніи въ архивы и въ монастырскія кладовыя, и пр. Исторія уѣзднаго нашего города была-бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика и представляла мало пищи краснорѣчію. *¹ былъ переименованъ въ городъ въ 17** году, и единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ, есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственные мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя въ то самое время, какъ я, сидя за моей тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытахъ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: «книги! книги!» — «Книги!» повторилъ я съ восторгомъ и бросился къ корзинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Это открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все-же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиною серебра.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно влетаемые въ календари, были исѣ написаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на эти строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что онѣ заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные счета, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ этихъ драгоценныхъ записокъ и скоро нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей вотчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ этого заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе этихъ записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомлясь довольно съ драгоценными этими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина, и скоро въ ихъ обиліи изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду — и съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 3 дня 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкоторый мнѣ подобный историкъ, котораго имени я не запомню, окончивъ

свой трудный подвигъ, кладу перо и съ грустью иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ опочить!

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. Собраніе старинныхъ календарей, 55 частей. Первые двадцать частей исписаны стариннымъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись эта сочинена прадѣдомъ моимъ, Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностью и краткостью слога, напримѣръ: 4-го мая свѣгъ. Тришка за грубость бить. 6-го — ко-рова бурая пала. Сенька за пьянство бить. 8-го — погода ясная. 9-го — дождь и свѣгъ. Тришка бить по погодѣ. 10-го Тришка за пьянство бить... и тому подобное, безо всякихъ размышленій. 11-го — погода ясная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ. — Остальныя 35 частей писаны разными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодovито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; коегдѣ замѣтна женская рука. Въ это отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки приказчика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись горохинскаго дѣяч-ка. Эта любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣтьми священника на такъ называемые змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ-было возвратить дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью, успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись эта, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается глубокомыслиемъ и вѣлѣрѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграфѣѣ Трифионовой, матерп Авдѣя-старосты, бывшей, говорятъ, любовницею приказчика Горбовицкаго.

IV. Ревизскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ касательно правственности и состоянія крестьянъ.

1830 г.

ВАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

староста трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохпо было село богатое и обширное, что всѣ

жители его были зажиточны. что оброкъ соби-
рали единожды въ годъ и отсылали вѣдомо
кому. на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время
все покупали дешево и дорого продавали. При-
казчиковъ не существовало; старосты никого не
обижали; обитатели работали мало, а жили
привѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ са-
погахъ. Мы не должны обольщаться этою оча-
ровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ
сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только,
что люди никогда не довольны настоящимъ и,
по опыту имѣя мало надежды на будущее, укра-
шаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами
своего воображенія. Вотъ что достоверно: село
Горохино издревле принадлежало знаменитому
роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя мно-
гими другими отчинами, не обращали вниманія
на эту отдаленную страну. Горохино платило
малую дань и управлялось старшинами, избра-
емыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою
называемомъ.

Въ теченіе этого времени родовыя имѣнія
Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упа-
докъ. Обѣдѣнные внуки богатаго дѣда не мог-
ли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привы-
чекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ
имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося.
Грозныя предписанія слѣдовали одно за дру-
гимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ: старши-
ны витѣйствовали, міръ волновался, а господа,
вмѣсто двойного оброка, получали скудную
отговорку и смиренныя жалобы. писанныя на
засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинимъ, а
никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній
годъ властвованія Трифона, послѣдняго старо-
сты, народомъ избраннаго, въ самый день хра-
мового праздника, когда весь народъ или шум-
но окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ
въ просторѣчій именуемое), или бродилъ по
улицамъ, обнижавшимъ между собою и громко вос-
пѣвая пѣсни Архива Лысаго, вѣзжала въ село
ямская крытая бричка, заложенная парюю клячъ
едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный
жидъ; изъ брички высунулась голова въ кар-
тузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смотрѣла
на веселящійся народъ. Жители встрѣтили по-
возку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB.
Свернувъ трубкою въкраія одеждъ, безумцы
глумились надъ еврейскимъ возницею и восклицали
смѣхотворно: жидъ, жидъ. ѣшь свиное
ухо!... Лѣт о п и с ь д ѣ я ч к а.) Сколь изумились
они, когда бричка остановилась посреди села и
когда пріѣзжій, выпрыгнувъ изъ нея, повели-
тельнымъ голосомъ потребовалъ старосту Три-
фона. Этотъ савонникъ находился въ увесели-
тельномъ зданіи, откуда двое старшинъ почти-
тельно вывели его подъ руки. Незнакомецъ
посмотрѣлъ на него грозно, подавъ ему письмо
и велѣлъ оное читать немедленно. Старосты

горохинскіе имѣли обыкновеніе никогда ничего
сами не читать. Послали за земскимъ Ав-
дѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ пе-
реулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнако-
мцу. Но, или отъ впезаннаго испуга, или отъ
горестнаго предчувствія, буквы письма, четко
написаннаго, показались ему отумавенными, и
онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Не-
знакомецъ, старосту Трифона и земскаго Ав-
дѣя съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать,
отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня
и пошелъ въ приказную избу. куда жидъ по-
несъ за нимъ его маленькій чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на это
необыкновенное происшествіе; но вскорѣ бричка,
жидъ и незнакомецъ были забыты. День кон-
чился шумно и весело — и Горохино заснуло, не
предвидя, что ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были
пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ
на мірскую сходку. Граждане, одинъ за дру-
гимъ, явились на дворъ приказной избы. слу-
жившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были
мутны и красны, лица опухлы; они, зѣвая и
почесываясь, смотрѣли на человѣка въ картузѣ,
въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стояв-
шаго на крыльцѣ приказной избы, — и старались
припомнить черты его, когда-то ими видѣнныя.
Староста и земскій Авдѣй стояли подлѣ него
безъ шапокъ, съ видомъ подобострастія и глу-
бокой горести.

— Всѣ-ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ.

— Всѣ-ли ста здѣсь? повторилъ староста.

— Всѣ-ста, отвѣчали граждане, а староста
объявилъ, что отъ барина получена грамота, и
приказалъ земскому прочесть во услышаніе міра.

Авдѣй выступилъ и прочелъ слѣдующее. (NB.
Эту грозновѣщую грамоту списалъ я у Три-
фона старосты: у него-же хранилась она въ
кivotѣ вмѣстѣ съ другими памятниками вла-
дичества его надъ Горохинимъ)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный**, ѣдетъ
въ отчину мою село Горохино для поступленія
въ управленіе онаго. Немедленно по его при-
бытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою
барскую волю, а именно: приказаній повѣрен-
наго моего** ямъ, мужикамъ, слушаться, какъ
моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потре-
буетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ
случаѣ имѣть онъ** поступать съ ними со все-
возможною строгостію. Къ сему понудило меня
ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое. Трифонъ
Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда **, растопыря ноги на подобіе хера и
подбоченясь на подобіе фертъ, произнесъ слѣ-
дующую краткую и выразительную рѣчь:
«Смотрите-жъ вы у меня, не очень уминяйте—
вы, я знаю, народъ избалованный, да я, не-

бось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля».

Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

ПРАВЛЕНІЕ ПРИКАЗЧИКА **.

** принялъ бразды правленія. Онъ потребовалъ онисъ крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Она заслуживаетъ особеннаго рассмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ ея была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели: 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2. Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если-же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что эти платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холоństwo имѣли полное право откупаться. Заплата сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство-же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ него по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходы были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино приуныло, базаръ заустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ были на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру—и день храмоваго праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

изъ горохинскаго лѣтописца.

Посадилъ окаянный приказчикъ Антона Тимоеева въ желѣзы, а старикъ Тимоей сына откупилъ за 100 руб.; а приказчикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб.; а хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ бѣжалъ въ лѣсъ, и приказчикъ о томъ весьма крушился и свирѣствовалъ во словахъ: а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Страна (Горохинимъ называемая, по имени столицы своей; число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховымъ и Перкуховымъ (коего обитатели бѣдны, тощи и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты); къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ—сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ буйной жестокостью нравовъ: къ западу облегаютъ ее цвѣтущія поля Захарьинскія, благодѣствующія подъ властью мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ; къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ, необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканіе лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу чѣкаго бѣса.

NB. Сіе болото и называется Бѣсовскимъ. Рассказываютъ, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалеко отъ сего уединеннаго мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глазъ народный обвинилъ болотнаго бѣса; но эта сказка недостойна вниманія историка, и послѣ Нибура непростительно было бы тому вѣрить.

Издrevле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благораствореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловый лѣсъ снабжаютъ обитателей деревнями и валежникомъ на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ: изжаренные въ сметанѣ, представляютъ они пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и паломы.

Обитатели Горохина большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами, поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностью.

NB. Баба здоровенная. Это выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревизскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околоткѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ

трудоу и не уступать имъ въ отважности: рѣдкая изъ нихъ боится старости. Онѣ составляютъ мощную общественную стражу, неуспяно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются *копейщицами* (отъ словенскаго слова *копе*). Главная обязанность копейщицъ— какъ можно чаще бить камнемъ въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленіе. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохява издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Этому способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ скандинавамъ, а въ прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до коленъ.

Языкъ гороховинскій есть рѣшительно отрасль славянскаго, но столь-же разнится отъ него, какъ и русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и утѣченіями; нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожъ, русскимъ легко понять гороховца, и обратно.

Мужчины жевятся обыкновенно на 13 году на дѣвцахъ 20-ти лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужа уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола вѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ. Въ самый день смерти—покойника относилъ на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ этого случалось, что, къ неонисанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ въ ту самую минуту, какъ его выносили въ гробъ за околицу. Жены оплакивали мужевъ, воя и приговаривая: «свѣтъ, моя удалая головушка, на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминать?»—При возвращеніи съ кладбища начиналась тризва въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два-три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Эти древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный призывъ ихъ славянскаго происхожденія. Зимой носили они овчинные тулупы, но болѣе для красоты, нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ, всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Те-

рентѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околоткѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитвыхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою, ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ игралъ (какъ читатель увидитъ послѣ) важную роль въ исторіи Горохява.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ: балабайка и волюйка, услаждая чувства и сердце, и понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ слкою и изображеніемъ двуглаваго орла.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Довольно стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Эти пѣсни заимствованы большею частью изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но приноровленныхъ очень искусно къ правамъ горохинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ. Приведемъ въ примѣръ это сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ несетъ
Боярину подаетъ;
А бояринъ смотритъ,
Ничего не смыслитъ.
Ахъ ты, староста Акимъ!
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по міру пустилъ,
Старостику подарилъ.

Въ нѣжности не уступая они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходятъ они идилліи Сумарокова, и хотя въ щеголеватости слога и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостью и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подъ властью старшинъ, выбранныхъ міромъ, приказчиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и, наконецъ, непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія будутъ развиты мною въ теченіе моего повѣствованія.

Познакомъ такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохява и со правами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію...

1831 г.

РОСЛАВЛЕВЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДАМЫ.

(1811 годъ).

Читая «Рославлева», съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленные временемъ, и возмущилъ спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участіемъ бѣдной моей подруги.

Меня вывели въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антресоли и учителей на непрерывныя балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла. Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвками, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна ** (Загоскинъ называлъ ее Полиною; оставляю ей это имя). Мы скоро подружились—вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малый, принадлежалъ къ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсивчая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, скорѣе я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду, впрочемъ, былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностью и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками. Съ нею любезничали; но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ

ея греческому лицу и къ чернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отпаея былъ у нея. Библіотека большей частью состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескье до романовъ Кребиллона была ей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала русскую печать, и вѣроятно ничего по-русски не читала, не исключая и стиховъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать, какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто-бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. (NB. Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторять пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его, и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ). Дѣло въ томъ, что мы и рады-бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старѣе Ломосова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя-же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только Исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ; между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ. всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признавались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ которомъ оставляемъ мы русскія книги, похожи на жалобы русскихъ торговцевъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлера и не довольствуемся произведеніемъ костромскихъ модистокъ...

Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже въ эпоху историческую. Однакожъ, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое

впечатлѣніе. Эта путешественница—*m-me de Stael*.

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣдъ. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесяти-лѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полинны, знавшій *m-me de Stael* еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который съѣхали всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла сочинительницу «Коринны». Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговаривать. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухомъ князя, нежели бѣдѣю *m-me de Stael*. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожество своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и *m-me de Stael*. Ждали отъ нея поминутно *bonmot*; наконецъ вырвалось у нея двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полинну: лицо ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ *m-me de Stael*. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

— Чтѣ съ тобою сдѣлалось, *ma chère*? спросила я Полинну: неужели шутка немножко вольная могла до такой степени тебя смутить?

— Ахъ, милая, отвѣчала Полина: я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потерянны: она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было подобно, чтѣ могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились... Я стогрѣла со стыда и готова была заплакать... Но пускай, съ жаромъ продолжала Полина: пускай

она вывезетъ объ нашей свѣтской чернѣ мнѣніе, котораго она достойна. Но крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ, и понимаетъ его. Ты слышала, чтѣ сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который, изъ угожденія къ иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами? «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоять и въ наше время и свою голову». Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!

Не я одна замѣтила смущеніе Полинны. Другіе провинцательные глаза остановились на ней въ ту-же самую мигу: черные глаза самой *m-me de Stael*. Но знаю, чтѣ подумала она, но только она подошла послѣ обѣда къ моему подругѣ и съ нею разговаривалась. Черезъ нѣсколько дней *m-me de Stael* написала ей слѣдующую записку:

«*Ma chère enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ramener. Tachez de l'obtenir de m-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie. De S.*»

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ *m-me de Stael*, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь-же добродушной, какъ и гениальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно рассказывала я все это въ одномъ очень порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть, замѣтили мнѣ, *m-me de Stael* была не чтѣ иное, какъ шпионъ Наполеоновъ, а княжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія». — Помилуйте, сказала я: *m-me de Stael*, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая *m-me de Stael*, насилу убѣждавшая подъ покровительство русскаго императора, *m-me de Stael*, другъ Шатобріана и Байрона, *m-me de Stael* будетъ шпиономъ у Наполеона!... — «Очень, очень можетъ статься, возразила мнѣ востроносая графиня В.: Наполеонъ былъ такая бестія, а *m-me de Stael* — претонкая штука».

Всѣ говорили о близкой войнѣ, и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастію, заступники отечества были немного простоваты, — они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выход-

камъ противъ Кузнецкаго моста и т. п. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ, общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе о вѣстивѣи и воззваніи государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились престопадные лѣтки графа Ростопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста влили въ общества рѣшительный верхъ, и гостивыя наполнились патріотами. Кто высылалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюръ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кисельныя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отпраивтисъ въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворвая переиѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсенскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ гевіи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась.

— Дай Богъ, говорила она, чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю.

Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость.

— Помилуй, сказала я однажды: охота тебѣ выѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерутся и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта.

Глаза ея засверкали.

— Стыдись, сказала она: развѣ женщины не пѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? развѣ кровь русская для васъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое вліяніе женщина можетъ пѣть на мѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на m-me de Stael. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельской силой... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостью при приближеніи французской арміи: «будьте покойны, сударыня: Наполеонъ воетъ противъ Россіи, а не противу васъ»... Да! Если-бъ дя-

дюшка попался въ руки французамъ, то егобы пустили гулять по Пале-Роялю; но m-me de Stael въ такомъ случаѣ умерла-бы въ государственной темницѣ. А Шарлота Кордэ? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Дашкова? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрво не смѣлостью души и рѣшительностью.

Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы, къ чему привела ее необыкновеннаго качества души и мужественная возвышенность ума! Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes..

Пріѣздъ государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наковецъ и вышнимъ обществомъ. Гостивыя превратились въ палаты превій. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамопова, пожертвованнаго всѣмъ своимъ пѣніемъ. Нѣкоторые маменьки послѣ того замѣтили, что графъ ужъ не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ.

— Вы чѣмъ пожертвуете? спросила она разъ у моего брата.

— Я не владѣю еще ничѣмъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса: у меня всего на все 30.000 долгу; привошу ихъ въ жертву на алтарь отечества.

Полина рассердилась.

— Для нѣкоторыхъ людей, сказала она: и честь и отечество—все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостивныхъ. Не знаю, найдется-ли женщина довольно низкая, чтобы позволить такимъ филіарамъ притворяться передъ нею въ любви.

Братъ мой вспыхнулъ.

— Вы слѣпкомъ разыскательны, княжна. возражалъ онъ: вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ m-me de Stael и говорили бы вамъ тирады изъ «Коринны». Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріятелемъ.

Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ поправила дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобы я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ-же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали: Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговари-

ли матушку вмѣстѣ вѣхать въ ихъ ***скую деревню.

Мы пріѣхали въ **, огромное село въ 20-ти верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякій день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка бивакъ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишекъ, я не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, которыхъ понятія были ограничены, слыша сужденія почти вѣтныя и новосты неосновательныя, она впадала въ глубокое уныніе. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, — мысли, которой смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь... Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія...

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ чело-вѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобъ жить въ деревнѣ какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ *théâtre de société*, гдѣ разыгрывались французскія *proverbes*, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло вѣскольکو плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо: трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны — правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ чело-вѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій мы тотчасъ отлпили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностью. Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣрилъ, что отступленіе русскіхъ войскъ было не безмысленный побѣгъ, и столько-же беззаконно Наполеона, какъ и ожесточало русскихъ.

— Но вы, спросила его Полина: развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего императора?

Синекуръ (назову-жъ и его именемъ, да-

нымъ ему Загоскинымъ), Синекуръ, вѣсколь-ко помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была-бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что стремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 г., кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго.

— Конченъ! возразила Полина: а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ.

— Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку невозможно было добиться; они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, посплыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами.

— Присядь, говорила она, что твой Алексѣй — препустой чело-вѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ поля сраженія, находить онъ способъ писать ничего не значущія письма; какова-же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни?

Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, при-норовленный къ слабости ихъ понятій, и что важныя предметы до насъ не касаются. Такое мнѣніе вездѣ было-бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые, Богъ знаетъ, чѣмъ.

Развеселась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по-шенту объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣскольکو разъ я заставляла ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала, какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шель Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ

ея необыкновенныя качества, в что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романтическое... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ея руку.

— Нѣтъ, сказалъ мнѣ Сивекуръ: княжна видитъ во мѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество.

Въ эту минуту Полина показала въ концѣ аллеи; мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила.

— Москва взята! сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Сивекура.

Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Сивекуръ молчалъ, потупя глаза.

— Благородные, просвѣщенные французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія: ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву—Москва горитъ уже два дня.

— Чтѣ вы говорите, закричалъ Сивекуръ: не можетъ быть!

— Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо: можетъ быть, увидите зарево.

— Боже мой! онъ погибъ, сказалъ Сивекуръ: какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ лечѣнь будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву!—Теперь все рѣшено: наше отечество вышло изъ опасности: во чтѣ будетъ съ нами, чтѣ будетъ съ нашимъ императоромъ?

Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться.

— Неужели, сказала она: Сивекуръ правъ, и пожаръ Москвы—нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться племенемъ россиянки! Вселенная взмучится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно—честь наша спасена; вѣкогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубить самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу.

Глаза ея такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество.

— Ты знаешь? сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: твой братъ... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну—радуясь: онъ убитъ за спасеніе Россіи...

Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія.

1831 г.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ—и, тяжело раненый, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раню, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ—и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о своемъ здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученію—и крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью французовъ того времени. Послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью, важностью и приличіемъ двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастью, не имѣлъ и тѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайной для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Лав; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждою наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гнила; французы смѣлились и разсѣялись—и государство распадалось подъ игривыя припѣвы сатирическихъ водевилей.

Между тѣмъ общества представляли картину самую замѣтельную. Образованность и потребность веселиться сблизили всѣ состоянія. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность—все, чтѣ подавало пищу любопытству или общало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философія оставляли тихій свой кабинетъ и являлись въ кругу большого свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины царствовали, но уже не требовали обо-

женія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое къ нимъ почтеніе. Проказы герцога Ришельё, Алкивиада новѣйшихъ Афинъ, принадлежать исторіи и даютъ понятіе о нравахъ того времени.

*Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence.*

Появленіе Ибрагима, его паружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le nègre du czar и ловили его на перехватъ. Регентъ приглашалъ его не разъ на свои веселые печера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостью Аруэта и старостью Шолё, разговорами Монтескьё и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль—промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту петербургскаго двора—не одна ужасала Ибрагима; другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу: молодой африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за челоуѣка, котораго она не успѣла полюбить и который вносилъ въ него томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всѣми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодого негра, какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами—и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилий, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужого, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ, и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаим-

ной страсти, избавила его отъ самопадѣйности и притязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелесть обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ поправился графинѣ L., которой надобно было пажныя шутки и тонкіе намеки французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у нея. Мало по малу она привыкла къ паружности молодого негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудренныхъ париковъ ея гостини (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ и строенъ—и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предупрежденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда-же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и тѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣть графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милостью неба. Графиня прежде, нежели онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надежды и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ разчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность—и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ одобрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣряя самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его страсти, хотѣла противопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоумія, она сама ослабѣвала... Неосторожныя вознагражденія слѣдовали одно за другимъ. И наконецъ, увлеченная силою страсти, ея-же внушеніемъ, изнемогая подъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь графини стала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору; многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея стороны непростительную неосторожность.

Въ первомъ упоеніи страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мужчинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ нетерпѣливо и не зналъ, чѣмъ отразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запутало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брѣхата. Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ея.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно, толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса; мужчины бились объ закладъ, кого родить графиня: бѣлаго-ли, или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались насчетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ тѣмъ угостили бѣдную женщину уступитъ въ чужія руки новорожденнаго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стenanья, шопотъ служанки и приказанія доктора.

Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиравалъ душу Ибрагиму; каждый прожегъ толкъ молчанія обливало его ужасомъ... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка—и не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини... Черный младенецъ лежалъ на постели въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потасанной лѣстницѣ. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ роженицы. Ибрагимъ утѣхалъ, немного успокоенный. Ждала

графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о несчастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемѣниться, и что связь его рано или поздно должна дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что-бы ни произошло, гибель графини была неизбежна. Ибрагимъ любилъ страстно и такъ-же былъ любимъ; но графиня была своерасва и легкомысленна: она любила не въ первый разъ. Отверженіе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуту ея охлажденія. Доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ, что страданія разлуки должны быть менѣе мучительны—и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію. куда давно призывали его и Петръ, и темное чувство собственного долга.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дни, мѣсяцы проходили—и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить обольщенную имъ женщину. Графиня часъ отъ часу болѣе къ нему привязывалась. Слыть ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Сплетни свѣта стали утихать, и любовники начали наслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча, помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо него, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ невольтъ Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію. или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего вѣдомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію.

—Подумайте о томъ, что дѣлаете, сказалъ ему герцогъ: Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долгое временное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, оставайтесь во Фран-

ція, за которую уже вы проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.

Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи.

— Жалѣю, сказалъ ему регентъ: во, впрочемъ, вы правы.

Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ русскому царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунѣ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духу ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостью. Послѣ ужина всѣ разѣхались. Остались въ гостиной графиня, ея мужъ да Ибрагимъ. Несчастный отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы только остаться съ нею наединѣ; но графъ L., казалось, расположился у-ками-на такъ спокойно, что нельзя было надѣяться выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали.

— Bonne nuit, сказала наконецъ графиня.

Сердце Ибрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно.

— Bonne nuit, messieurs, повторила графиня.

Онъ все не двигался... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась; онъ едва могъ выйти изъ комнаты. Приѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо:

«Я ѣду, милая Леонора; оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому что не имѣю силъ иначе съ тобой объясниться. Счастье мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить; очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, забывалъ я все, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною нѣжностью... Легкомысленный свѣтъ безпощадно говить на самоѣ дѣлѣ-то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость равно или поздно побѣдила-бы тебя, смирила-бы твою пламенную душу—и ты, наконецъ, устыдилась—бы своей страсти... Что было-бъ тогда со мной? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все, что ты вытерпѣла,—всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: должесть-ли я подвергать тебя долѣе тѣмъ-же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ

силиться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбой негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія човѣка?

«Прости, Леонора; прости, милый, единственный другъ. Оставляю тебя, оставляю первыя и послѣднія радости моей жизни. Не имѣю отечества, ни ближнихъ; ѣду въ Россію, гдѣ мнѣ отрадой будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, то по крайней мѣрѣ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этого письма, какъ будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ негрѣ, о твоѣмъ вѣрномъ Ибрагимѣ».

Въ ту-же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностью. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, не смотря за дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра—и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу човѣкъ высокаго росту, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову.

— Ба, Ибрагимъ! закричалъ онъ, вставая съ лавки: здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоѣмъ пріѣздѣ, сказалъ Петръ: и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности.

— Вели же, продолжалъ государь: твою повозку везти за нами, а самъ садись со мной — и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ—и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду човѣческой

воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, такъ называемаго Царькина Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала-ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по-прежнему.

Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Дѣтъ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза, сказалъ онъ одной изъ нихъ: помнишь-ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всемъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяйнѣ не могъ-бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновению, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими князьями. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своиравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторые изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослышавшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища, — и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два.

— Посмотримъ, сказалъ онъ Ибрагиму: не забылъ-ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мной.

Петръ заперся въ токарнѣ и занялся госу-

дарственными дѣлами. Онъ поочередно работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній.

Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, чтобы справиться, все-ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму:

— Ужъ поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ найдѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня Л., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единственной его мыслью. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздною и тайнымъ уныніемъ. Мысль—быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа—возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолубія. Въ этомъ расположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную постель—и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты преображенскаго полка, въ которой онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима. всякій по своему стараясь обласкать новаго любима. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные—слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ государю. лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важныя вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утвер-

ждающаго морское величіе Россіи: видалъ его съ Оеофаномъ, Гавріиломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, въ часы отдохновенія разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся одиѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни. Труднѣ было ему удалить отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое исцеленіе, слезы ея и улыбки... Но иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: разбѣіе большого свѣта, новая связь, другой счастливецъ—онъ содрогался: ревность начинала бурлить въ африканской его крови — и горячія слезы готовы были течь по-его черному лицу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостью оборотился — и молодой Корсаковъ, котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями.

— Я сейчасъ только пріѣхалъ, сказалъ Корсаковъ: и прямо прибіжалъ къ тебѣ. Всѣ наши парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жадуютъ о твоёмъ отсутствіи. Графиня L. велѣла звать тебя непременно, и вотъ тебѣ отъ нея письмо.

Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ.

— Какъ я радъ, продолжалъ Корсаковъ, что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Чтѣ здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаютъ? кто твоей портной? заведена ли у васъ хоть опера?

Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что, вѣроятно, государь работаетъ теперь на корабельной верфи. Корсаковъ засмѣялся.

— Вижу, сказалъ онъ, что тебѣ теперь не до меня: въ другое время наговоримся досыта: ѣду представляться государю.

Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ въ комнату.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, посиѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ притворствѣ и недобривности.

« Ты говоришь, писала она, что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! если-бъ это была правда, могъ-ли-бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня нечаянная вѣсть о твоёмъ отъѣздѣ? Ты боялся, чтобы я тебя не удержала; будь увѣ-

ренъ, что, не смотря на мою любовь, я умѣла-бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, чтѣ почитаешь ты своимъ долгомъ».

Графиня заключила письмо страстными увѣреніями въ любовь и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цѣлуя безцѣнные строки. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что-нибудь о графинѣ и собрался ѣхать въ адмиралтейство, надеясь тамъ застать еще Корсакова; но дверь отворилась, и самъ Корсаковъ явился опять. Онъ уже представлялся государю — и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ.

— Entre nous, сказалъ онъ Ибрагиму: государь престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстивой фуфайкѣ, на матѣ поваго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими денешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отъ роду со мною не случалось. Однакожъ государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда: по крайней мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ — совершенно чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ дѣйствія обыкновенія; пожалуйста, будь сегодня моимъ менторомъ, заѣзжай за мною и представь меня.

Ибрагимъ согласился и снѣшилъ обратить разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному.

— Ну, чтѣ графиня L.?

— Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало по малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Что-же ты вытаращилъ свои арапскіе бѣлки? Или это кажется тебѣ страннымъ? Развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ дороги; не забудь-же за мною заѣхать.

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? отчаяніе? нѣтъ; но глубокое, стѣсненное уныніе. Онъ повторялъ себѣ: это я предвидѣлъ, это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и громко заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать. Ибрагимъ былъ-бы очень радъ избавиться, но ассамблея была — дѣло должностное, и государь строго требовалъ при-

существованіи своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за Корсаковымъ.

Корсаковъ сидѣлъ въ шлафроктѣ, читая французскую книгу.

— Такъ рано? сказала онъ Ибрагиму, увидя его.

— Помилуй! отвѣчалъ тотъ: ужъ половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.

Корсаковъ засуетился, сталъ звонить изъ всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ-камердинеръ подалъ ему башмаки съ красивыми каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней на-скоро пудрили парикъ; его принесли; Корсаковъ всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы—и они поѣхали въ зимній дворецъ.

Корсаковъ осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится перынымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любознательству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ савей, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на дугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурую, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажы, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ,—свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима подвигаясь между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ скорѣе провелъ Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. Корсаковъ остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной салными свѣчами, которые тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранцы купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при непрерывныхъ звукахъ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя уборы были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой старинною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робороды и мантіи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Каза-

лось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на этихъ нововведенныхъ играхъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя въ канпфасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома.

Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. Корсаковъ не могъ опомниться.

— *Que diable est ce que tout cela?* спрашивалъ Корсаковъ вполголоса у Ибрагима.

Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Корсаковъ, желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли болѣею частью иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ нуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ Корсакова, какъ онъ около нихъ швертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и Корсаковъ.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звукахъ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотились направо, потомъ налево, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. Корсаковъ, смотря на это затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ.

Корсаковъ обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужичны пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. Корсаковъ къ ней разлѣтѣлся и просилъ сдѣлать честь пойтъ съ нимъ танцевать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему

сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. Корсаковъ ждалъ ея рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ:

— Государь мой, ты провинился; во-первыхъ, подошелъ къ этой молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, имеппо: долженъ выпить к у б о к ъ б о л ь ш о г о о р л а.

Корсаковъ часть отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазій. Онъ тѣтно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

— Ага! сказалъ Петръ, увидя Корсакова, попался, братъ. Изволь-же, мосье, пить и не морщиться.

Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу.

— Послушай, Корсаковъ, сказалъ ему Петръ: штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это — мотовство: смотри, чтобы я съ тобой не поборанился.

Вслушавъ сей выговоръ, Корсаковъ хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неопisanному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Этотъ эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. Корсаковъ не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дамы, нѣмъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аванасьевича Ржевскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ Корсакова, вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою Корсаковъ сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большого орла!...», но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданья, табачный дымъ, господина съ букетомъ и к у б о к ъ б о л ь ш о г о о р л а.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Русланъ и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аванасьевичемъ Ржевскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна: словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ; но его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старинны. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Этотъ заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и кураптамъ, за то лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостью выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка Корсакова, который на другой день пріѣзжалъ извиваться передъ Гаврилою Аванасьевичемъ: ловкость и щегольство молодого фразта не по нравилась гордому боярину, который прозвалъ его остроумно — французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аванасьевичъ ожидалъ вѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяйки, сѣлъ тестъ его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесяти-лѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой: ва копецъ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ: карлица, тридцати-лѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ въ

синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью. Первые минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяйнѣ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ:

— А гдѣ-же Екимовна? Позвать ее сюда!

Нѣсколько слугъ бросились было въ разные стороны, но въ ту-же минуту старая женщина, набѣленная и накумариленная, убранныя пѣвцами и мишурою, въ штофномъ роборонѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— Здравствуй, Екимовна, сказалъ князь Лыковъ: каково поживаешь?

— По-добру, по-здорову, кумъ; поючи да пляшучи, живишковь поджидаючи.

— Гдѣ ты была, дура? спросилъ хозяйнѣ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божіа праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу. на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маніру.

При этихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяйна.

— А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ, сказала Татьяна Аеанасьевна, старшая сестра хозяйна, сердечно имъ уважаемая.

— Подлинно, нынѣшніе наряды—на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жалъ сарафана, дѣвичей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ—и смѣхъ, и жалость: волосы-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле ве перервется; исподницы напалены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ—нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевести—сущія мученицы, мои голубушки!

— Охъ, матушка Татьяна Аеанасьевна! сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывший въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3,000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. По мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся: хоть кулафѣй, хоть болдыханомъ, только-бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новешенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ; а нынѣшнія роборонды—поглядишь: сегодня на барышъ, а завтра на холопѣхъ. Что дѣлать?

Разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только!

При этихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильинишну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали, ибо скромность вчиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноватъ? сказалъ Гаврила Аеанасьевичъ, напѣвая кружку кислыхъ щей: не мыли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ нотакаемъ.

— А что намъ дѣлать, коли не наша воля? возразилъ Кирила Петровичъ: иной-бы радъ былъ занереть жену въ теремъ. а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ, ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.

Марья Ильинишна сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у ней такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкой, что находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?

— А то въ нихъ дурно, отвѣчалъ разгоряченный сунругъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ жеванами; жены позабыли слово аностольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновкахъ; не думаютъ, какъ-бы мужу угодить, а какъ-бы пригласиться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично-ли, сударыня, русской боярынь или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ нѣзцами-табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано-ли дѣло до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужичинами! и добро-бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!

— Сказалъ-бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аеанасьевичъ: а признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по праву—того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напойтъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣселецъ не напроказилъ чего съ дочерью, а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сыпъ покойнаго Егграфа Сергѣевича Корсакова на прошедшей ассамблѣ надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ—ужъ не князя-ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Егграфовича! Небось, не могъ остановиться у воротъ да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца—куды! влетѣлъ, распаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ». Общій и продолжительный хохотъ снова извѣстилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять Корсаковъ, сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось. — А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣмечины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчїи, не почитать старшихъ да вполочиться за чужими женами. Изъ всехъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), царскій арапъ всехъ болѣе на человѣка походить.

— Ахти-батюшки, князь, сказала Татьяна Аванасьевна: видѣла, видѣла его близехонько: кака-жъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!

— Конечно, замѣтилъ Гаврила Аванасьевичъ: человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще вѣхалъ въ ворота на дворъ? Уже не опять-ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобы и впредѣ...

— Старая борода, не бредишь-ли? прервала дура Екимовна: али ты слѣпъ?—сани-то государевы: царь прїѣхалъ.

Гаврила Аванасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; все бросился къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ государя, который выходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ-бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и царь вошелъ въ сопровожденїи хозяйина, оторопѣлаго отъ радости.

— Здорово, господа! сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ.

Все низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча.

— Ты часть отъ часу хорошеешь, сказалъ ей государь, а по своему обыкновенію подблывалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: что-же? и вамъ помѣшалъ? вы обѣдали? прошу зайти еще опять, а мнѣ, Гаврила Аванасьевичъ, дай-ка анисовой водки.

Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносы, самъ налилъ золотую чарочку и подаль ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ крен-

делемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Все заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяйина и спросилъ себя шей. Государевъ денщикъ подаль ему деревянную ложку, оправленную слоновой костью, вожикъ и вилку съ зелеными костяными черевками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ тѣмъ шумно оживленный весельемъ и говорливостью, продолжался въ тишинѣ и принужденности.

Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-нѣмецки разговаривалъ съ нѣмнымъ шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностью, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и все гости.

— Гаврила Аванасьевичъ, сказалъ онъ хозяину: мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ,—и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь.

Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщенїи, и опасаясь быть нескроянными, вскорѣ разбѣгались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяйина за его хлѣбъ-соль. Тестъ его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порога и остались одни въ столовой, ожидая выхода государева.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Чрезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аванасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подаль ему красивый его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аванасьевичъ казался очень озобоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу, и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аванасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аванасьевичъ заперъ все двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ вполголоса слѣдующій разговоръ.

— Недаромъ государько мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?

— Какъ намъ звать, батюшка-братецъ! сказала Татьяна Аонасьевна.

— Не приказаль-ли тебѣ царь вѣдать какое-либо воеводство? сказалъ тесть: давво пора: али предложилъ быть въ отвѣтъ? что-же? вѣдь не однихъ дяковъ—и знатныхъ людей посылають къ чужимъ государямъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ зять, нахмурясь: я—человѣкъ стараго покроя, а нынѣ служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный русскій дворянинъ стоить нынѣшнихъ новичковъ, билинниковъ, да басурмановъ. Но это статья особая.

— Такъ о чемъ-же, братецъ, сказала Татьяна Аонасьевна: извоилиль онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужъ не бѣда-ли какая съ тобою приключилась? Госнодь унасъ и помилуй!

— Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался.

— Что-же такое, братецъ? О чемъ дѣло?

— Дѣло о Наташѣ: царь пріѣзжалъ ее сватать.

— Слава Богу! сказала Татьяна Аонасьевна, перекрестясь: дѣвушка на-выданыи, а каковъ свать, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого-же царь ее сватаетъ?

— Гм! крикнулъ Гаврила Аонасьевичъ: за кого? то-то, за кого!

— А за кого-же, повторилъ князь Лыковъ, начивавшій уже дремать.

— Отгадайте, сказалъ Гаврила Аонасьевичъ.

— Батюшка-братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать! Мало-ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что-ли?

— Нѣтъ, не Долгорукій.

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣспвъ. Шевичъ? Троекуровъ?

— Нѣтъ, ни тотъ, ни другой

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ повабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

— Нѣтъ, не овъ.

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что-же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого-же царь сватаетъ Наташу?

— За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и всплеснула руками. Князь Лыковъ приподнял голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ:

— За арапа Ибрагима?

— Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дяволу!

— Но какъ-же, возразилъ Гаврила Аонасьевичъ: отказалъ государю, который за то

обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?

— Какъ! воскликнулъ старый князь, у котораго сопъ совсѣмъ прошелъ: Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

— Онъ роду не простого, сказалъ Гаврила Аонасьевичъ: онъ сынъ арапскаго султана. Бусурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его царю. Старшій братъ арапа пріѣзжалъ въ Россію съ зватнымъ выкупомъ и....

— Батюшка, Гаврила Аонасьевичъ! перервала старушка: слышали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича! Расскажи-тко намъ лучше, какъ отвѣчалъ государю на его сватанье.

— Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холопые дѣло повиноваться ему во всемъ.

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аонасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ — дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокѣ, простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ея отцомъ: какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аонасьевичъ отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопитства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора: когда-же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ, и, падая, ударилась головою о кованый сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Наташу подняли, повесли въ ея сѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узвала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обваружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ и вдругъ закричала жалобнымъ и пропзительнымъ голосомъ:

— Валерьянъ, милый Валерьянъ, жизнь моя! спася мези: вотъ они, вотъ они!...

Татьяна Аонасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусулъ губы, и молча вышелъ изъ сѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу.

— Что Наташа? спросилъ овъ.

— Худо, отвѣчалъ огорченный отецъ: хуже, нежели я думалъ: она въ безпамятствѣ бредитъ Валерьяномъ.

— Кто этотъ Валерьянъ? спросилъ встревоженный старикъ: веужели тотъ сирота, стрѣльскій сынъ, что воснитывался у тебя въ домѣ?

— Онъ самъ. изъ бѣды моею! отвѣчалъ Гаврила Аонасьевичъ: отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волченка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла: анъ видно итъ... Но рѣшено: она выйдетъ за арана.

Князь Лыковъ не противорѣчалъ: это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аонасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Аонасьевичъ, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима по крайней мѣрѣ столько-же, какъ и Гаврилу Аонасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему:

— Я замѣчаю, братъ, что ты приунылъ; говори прямо, чего тебѣ не достаетъ?

Ибрагимъ увѣрилъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ.

— Добро, сказалъ государь: если ты считаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселить.

Но окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима:

— Нравится-ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцевалъ менуэтъ на прошедшей ассамблеѣ?

— Она, государь, очень мила и, кажется, дѣвушка скромная и добрая.

— Такъ я-жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь-ли ты на ней жениться?

— Я, государь?...

— Послушай, Ибрагимъ: ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени. чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ.

— Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего царя и благодѣтеля—болѣе ничего не желаю: но если-бъ и пилъ въ виду жениться, то согласится-ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность...

— Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Ржевскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ.

При этихъ словахъ государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Жениться! думалъ африканецъ: зачѣмъ-же итъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не звать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человѣка, потому только, что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ инныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Ржевскою присоединитъ меня къ гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностью, а дружбу приобрету постоянной нѣжностью, довѣренностью и свисхожденіемъ.

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ запяться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ.

— Все, братъ, конечно! сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣши его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности—и онъ будетъ отъ тебя безъ намятъ. Теперь, продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою: заведи меня къ плуту-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ которомъ блистали золотые и серебряные оклады насѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ завѣшенную кровать и столикъ, уставленный стклянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы.

— Кто здѣсь? произнесъ слабый голосъ.

Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо подняла пологъ.

— Скоро-ли разсвѣтетъ? спросила Наталья.

— Теперь уже полдень, отвѣчала служанка.

Ахъ, Боже мой, отчего-же такъ темно?

- Окна закрыты, барышня.
- Дай-же мнѣ поскорѣе одѣваться.
- Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ.
- Развѣ я больна? давно-ли?
- Вотъ уже двѣ недѣли.
- Неужто? а мнѣ казалось, будто я вчера только легла...

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣянные мысли: что-то съ нею случилось, но что именно—не могла вспомнить. Служанка стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ.

- Что такое? спросила больная.

— Господа откушали, отвѣчала служанка: встаютъ изъ-за стола. Сейчас придетъ сюда Татьяна Аванасьевна.

Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опять за самопрялку. Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами и спросила вполголоса:

- Что Наташа?

— Здравствуй, тетенька, сказала тихо больная, и Татьяна Аванасьевна къ ней поспѣшила.

— Барышня въ памяти, сказала служанка, осторожно придвигая кресла.

Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лицо племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею нѣмецъ-лекаръ, въ черномъ кафтанѣ, въ ученомъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Натальи пульсъ и объявилъ по-латыни, а потомъ по-русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницу, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ; а старушка встала и, снова поцѣловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстью внизъ къ Гавриилу Аванасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ, при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ, сидѣлъ царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврииломъ Аванасьевичемъ. Корсаковъ, растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча этимъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному приближающему праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аванасьевну, которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки.

— Васъ зовутъ, Гаврила Аванасьевичъ, сказалъ Корсаковъ, оборотаясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима.

Гаврила Аванасьевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

— Дивлюсь твоему терпѣнію, сказалъ Корсаковъ Ибрагиму: битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляешь къ тому свои правоучительныя примѣчанія! На твоёмъ мѣстѣ j'aurais planté là стараго враля и весь его родъ, включая

тутъ-же и Наталью Гавриловну, которая жеманится, притворяется больвой, — une petite santé. Скажи по совѣсти: ужели ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ибрагимъ: я женюсь, конечно, не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія.

— Послушай, Ибрагимъ, сказалъ Корсаковъ послѣдуй хоть разъ моему совѣту; право, я благодарю тебѣ, нежелп кажусь. Брось эту блажную мысль—не женись. Мнѣ сдается, что твоя невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало-ли что случается на свѣтѣ? Напримѣръ: я конечно собою педурень, но случилось однакожъ мнѣ обманывать мужей, которые были, ей-Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ.... помнишь нашего нарвскаго пріятеля, графа L.? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; счастливъ, кто смотритъ на это равнодушно. Но ты!... Съ твоими-ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоими-ли силющеннымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой-ли шершавой головою бросаться во всѣ опасности женитьбы?...

— Благодарю за дружескій совѣтъ, прервалъ холодно Ибрагимъ: но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать...

— Смотри, Ибрагимъ, отвѣчалъ смѣясь Корсаковъ: чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ. »

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячь.

— Ты уморишь ее, говорила старушка: она не вынесетъ его виду.

— Но посуди ты сама, возразилъ упрямый братъ: вотъ уже двѣ недѣли ѣздятъ онъ женихомъ, а до сихъ поръ не видалъ невѣсты. Онъ наконецъ можетъ подумать, что ея болѣзнь—пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдѣлаться. Да что скажешь и царь? Онъ ужъ и такъ три раза присылалъ спросить о здоровьѣ Натальи. Воля твоя, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ.

— Господи Боже мой, сказала Татьяна Аванасьевна: что съ нею, бѣдвою, будетъ! По крайней мѣрѣ, пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію.

Гаврила Аванасьевичъ согласился и опять вошелъ въ гостиную.

— Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась. Наталья гораздо лучше; если-бъ не совѣстно было оставить здѣсь одного дорогого гостя Ивана Евграфовича, то я повѣлъ-бы тебя вверхъ взглянуть на твою невѣсту.

Корсаковъ поздравилъ Гаврила Аванасьевича, просилъ не беспокоиться, увѣрялъ, что ему не-

обходимо ѣхать. и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяйина проводить себя.

Между тѣмъ, Татьяна Аванасьевна спѣшила приготовить больную къ появлеңію страшнаго гостя. Войдя въ свѣтлицу, она сѣла, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аванасьевичъ отдернулъ завѣсъ, холодно посмотрѣлъ на больную и спросилъ, какова ова? Больная хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время ей показалось, что кто-то стоялъ у ея изголовья. Она съ усиленіемъ приподняла голову и вдругъ увидѣла царскаго арана. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изпуренная природа не получила пріхвѣтательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце въ ней билось болѣзненно. Татьяна Аванасьевна подала брату знакъ, что больная хочетъ уснуть, и всѣ вышли потихоньку изъ свѣтлицы, кромя служанки, которая снова сѣла за самосражку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ея за карлицею. Но въ ту-же минуту круглая, старая крошка, какъ шарикъ, подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась карлица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аванасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣстницѣ и притаилась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ея, высала служанку, и карлица сѣла у кровати на скамейку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ себѣ столь много душевной дѣятельности. Она вѣдѣшлась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она пріобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Аванасьевичъ слушалъ ея доводы, жалобы и желочныя просьбы: Татьяна Аванасьевна поминутно справлялась съ ея извѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

— Знаешь, ласточка, сказала она: батюшка выдаетъ меня за арана.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

— Развѣ нѣтъ надежды? продолжала Наташа: развѣ батюшка не сжалится надо мною?

Карлица гряхнула чепчикомъ.

— Не заступятся-ли за меня дѣдушка или тетюшка?

— Нѣтъ, барышня, аранъ во время твоей

болѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредитъ. а Татьяна Аванасьевна говоритъ: жаль, что аранъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

— Боже мой! Боже мой! простонала бѣдная Наташа.

— Не печалься, красавица наша, сказала карлица, пѣлая ея слабую руку: если ужъ быть тебѣ за араномъ, то все-же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ: аранъ, слыши, богатъ: домъ у васъ будетъ какъ полная чаша—азжи-вешь пріхвѣвая.

— Бѣдный Валерьянъ! сказала Наташа, но такъ тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

— То-то, барышня, сказала она, таинственно повизгивъ голосъ: кабы ты меньше думала о стрѣлцкомъ сиротѣ, такъ-бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался-бы.

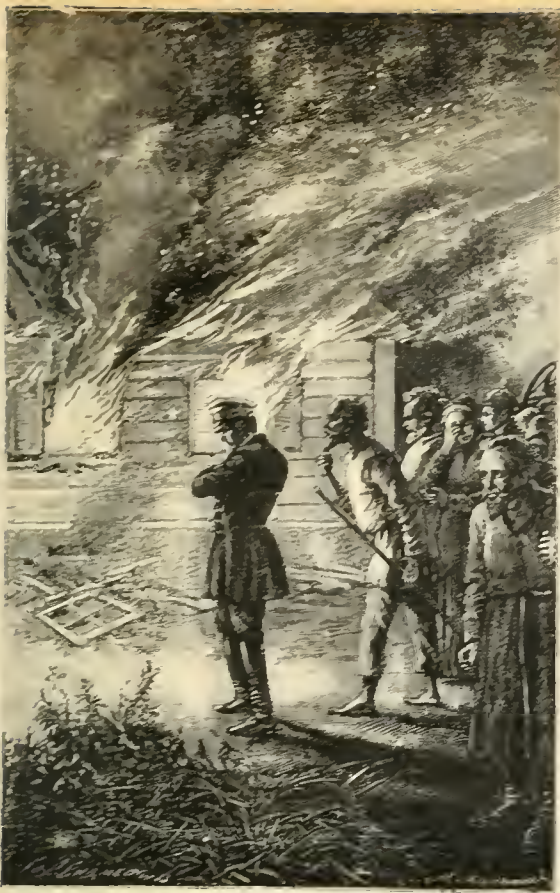
— Что? сказала испуганная Наташа: я бредила Валерьяномъ? батюшка слышалъ? батюшка гнѣвался?

— То-то и бѣда, отвѣчала карлица: теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арана, то онъ подумаетъ, что Валерьянъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія веннаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

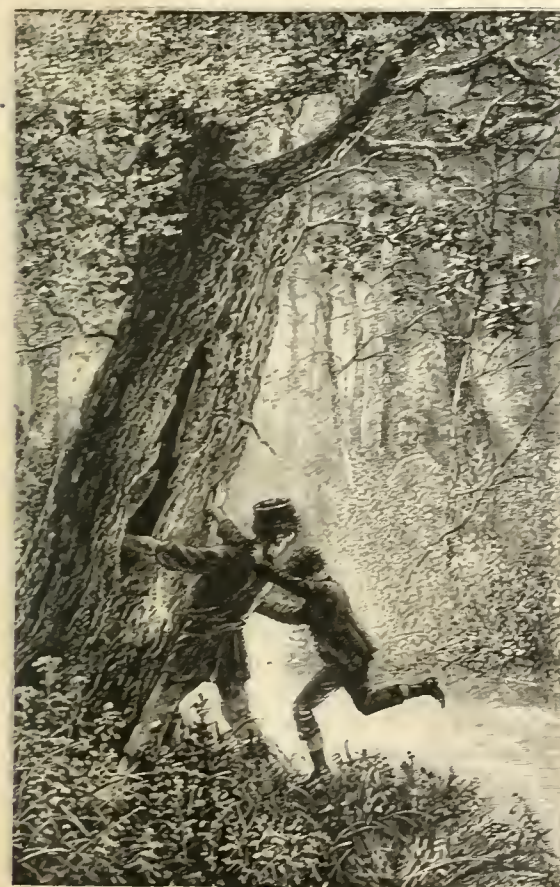
Въ домъ Гаврилы Аванасьевича, изъ сѣней направо, находилась тѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ: передъ кроватью еловый столикъ, на которомъ горѣла сальная свѣча и лежали открытыя ноги. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была дубочная картинка, изображающая Карла XII верхомъ. Звукъ флейты раздавался въ этой смиренной обители. Шѣпный тапмейстеръ, удивленный ея житель, въ колпакѣ и въ китайчатомъ шафрокѣ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинныя шведскіе марши. Посвятивъ цѣлые два часа на это упражненіе, шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

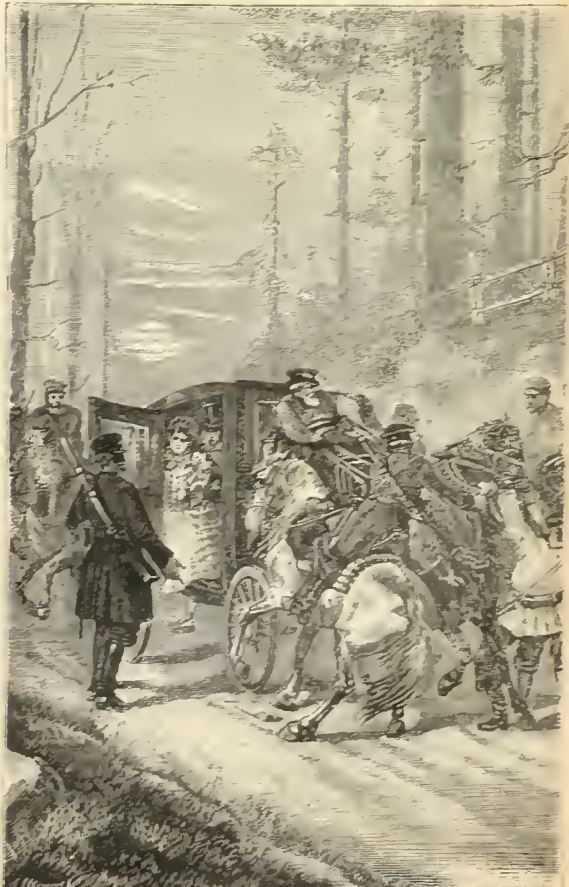
„Дубровский“. —Плани взлетел и осветило весь двор.

„Дубровский“. Дубровский убивает мейида.

„Дубровский“. —Саша бросился к ружью.

„Дубровский“. Нападение на свадебный поезд.

„Арапъ Петра Великаго“. Петръ I и Ибрагимъ.

„Арапъ Петра Великаго“. Наташа въ обмоѣ окъ.

„Качитъ до шѣ“. Встрѣча Гривева съ Пугачевымъ.

„Капит. дочка“. Пріѣздъ Гривева на службу.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Береги честь съ-молоду.
Пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СЕРЖАНТЪ ГВАРДІИ.

Быль-бы гвардіи онъ завтра-жъ капитанъ.
„Того не надобно: пусть въ армии послужить“.
Изядно сказано! Пуская его погужить...
Да кто-жъ его отецъ? Книжнинъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, п вышелъ въ отставку премьеръ-майоромъ въ 17.. году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвнцѣ Авдотѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли въ младенчествѣ. Я былъ записанъ въ семеновскій полкъ сержантомъ, по милости майора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по-нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремяному Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я русской грамотѣ, и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзого кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла. Приѣздъ его сильно не понравился Савельичу.

— Слава Богу, ворчалъ онъ про-себя: кажется, дитя умыть, причесать, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être ouchitel, но очень понимая значеніе этого слова. Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. Главною его слабостью была страсть къ прекрасному полу; нерѣдко за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ. Къ тому-же не былъ онъ, по его выраженію, и в р а о м ѣ б у т ы л к и, т. е., говоря по-русски, любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, причемъ учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привыкъ къ русской настойкѣ, и даже сталъ предпочитать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы тотчасъ подавали, и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ, но онъ предпочелъ наскорѣ выучиться отъ меня кое-какъ болтать по-

русски, и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жили душа въ душу. Другого ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вотъ по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька какъ-то согласились въ одно время кинуться матушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуюсь на мусье, обольстившаго ихъ неопытностью. Матушка шутить этимъ не любила и пожаловалась батюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ потребовалъ каналью француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Батюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она выѣла на стѣнѣ безъ всякаго употребленія, и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нея змѣй и, пользуясь сномъ Бопре, принялся за работу. Батюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ географіи, батюшка дернулъ меня за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно и сталъ осматривать укоризнами. Бопре въ смятеніи хотѣлъ было пристать и не могъ: несчастный французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Батюшка за воротъ приподнял его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей и въ тотъ-же день прогналъ со двора, къ неопisanной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ «Придворный Календарь», ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ее безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знаяши наизусть всѣ его свѣчаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ «Придворный Календарь» не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то, когда онъ случайно его находилъ, то, бывало, по цѣлымъ часамъ невыпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ. И такъ батюшка читалъ «Придворный Календарь», изрѣдка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «генераль-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!.. Обоихъ российскихъ орденовъ кавалеръ!.. А давно-ли мы?..» Наконецъ батюшка швырнулъ «Календарь» на

диванъ и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ:

— Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?

— Да вотъ пошелъ семнадцатый годокъ, отвѣчала матушка: Петруша родился нѣ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

— Добро, прервалъ батюшка: пора его въ службу. Полно ему бѣгать по двѣичьимъ, да лаять на голубятни.

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку нѣ кастрюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того, трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что, по мнѣнію моему, было верховнѣ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петровичъ, сказала матушка, поклониться и отъ меня князю Б.: я-де скарать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своимъ милостямъ.

— Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка, нахмурясь: съ какой стати стану я писать къ князю Б.?

— Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петрушѣ?

— Ну, а тамъ что?

— Да вѣдь начальникъ-то Петрушинъ — князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ семеновскій полкъ.

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда-жъ отправляютъ меня, еслужу въ Петербургѣ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшки, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки и, подозвавъ меня, сказалъ:

— Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ, служить подъ его начальствомъ.

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показала мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день ноутру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: «береги платье съ-нову, а честь съ-молоду». Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дѣтяти. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

За ту-же вочь пріѣхалъ я съ Симбирскъ, гдѣ долженъ былъ пробыть сутки для покупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичъ съ утра отправился по лавкамъ. Соскучась глядѣть изъ окна на грязный переулочъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ биллиардную, увидѣлъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ, съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣзть подъ биллиардъ на четверенькахъ. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулки на четверенькахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ биллиардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова и предложилъ, мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣию. Это показалось ему, повидимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня какъ-бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ — ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при пріемѣ рекрутъ, а стоитъ въ трактирѣ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ, по-солдатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и потчивалъ и меня, говоря, что надобно привыкать къ службѣ; онъ рассказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совер-

шенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на бильярдѣ.

— Это, говорилъ онъ, необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все-же бить жидовъ. Поневоля пойдешь въ трактиръ и станешь играть на бильярдѣ; а для того надобно умѣть играть!

Я совершенно былъ убѣжденъ и съ большимъ прилежаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ предложилъ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ меня попробовать, повторяя, что къ службѣ надобно привыкать; а безъ пуншу что и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я изъ моего стакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно летали у меня черезъ борты: я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру—словомъ, велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немощно смутило. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ извиваться. Зуринъ меня прервалъ:

— Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать; а покажѣсть поѣдемъ къ Аринушкѣ.

Что прикажете? День я кочивля такъ-же безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ трактиръ.

Савельичъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомнѣнные признаки моего усердія къ службѣ.

— Что это, сударь, съ тобою сдѣлалось? сказалъ онъ жалкимъ голосомъ: гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!

— Молчи, хрычъ! отвѣчалъ я ему, запинаясь: ты вѣрно пьявъ; пошелъ спать... и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головою болью, смутно припоминая себѣ вчерашнія происшествія. Размысленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ ко мнѣ съ чашкою чаю.

— Рано, Петръ Андреичъ, сказалъ онъ мнѣ, качая головою: рано пачинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ? Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушкѣ

и говорить нечего: отроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То и дѣло, бывало, къ Антипьевнѣ забѣжитъ: «Мадамъ, же ву при, водку». Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставилъ, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана! какъ будто у барина не стало и своихъ людей!

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему:

— Поди вонъ, Савельичъ; я чаю не хочу.

Но Савельича мудро было унять, когда онъ, бывало, примется за проповѣдь.

— Вотъ видишь-ли, Петръ Андреичъ, какво подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ льющій ни на что не годенъ... Выпей-ка огуречнаго разсолу съ медомъ, а всего-бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки. Не прикажешь-ли?

Въ это время вошелъ мальчикъ и подалъ мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный Петръ Андреевичъ, пожалуйста, пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

Готовый къ услугамъ
Иванъ Зуринъ».

Дѣлать было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный и, обратясь къ Савельичу, который былъ и денегъ, и бѣлъ, и дѣломъ моихъ рачитель, приказалъ отдать мальчику сто рублей.

— Какъ! зачѣмъ? спросилъ изумленный Савельичъ.

— Я ихъ ему долженъ, отвѣчалъ я со всевозможною холодною.

— Долженъ! возразилъ Савельичъ, часъ отъ часу приходя въ большее изумленіе: да когда-же, сударь, успѣлъ ты ему задолжать? Дѣло что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.

Я подумалъ, что если въ эту рѣшительную минуту не переспору упрямаго старика, то ужъ въ послѣдствіи времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки, и, взглянувъ на него гордо, сказалъ:

— Я твой господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось; а тебѣ совѣтую не уминать и дѣлать то, что тебѣ приказываютъ.

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что всплеснулъ руками и остолбенѣлъ.

— Что же ты стоишь? закричалъ я сердито. Савельичъ заплакалъ.

— Батюшка, Петръ Андреичъ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: не утоми меня съ печали. Свѣтъ ты мой, послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутить, что у васъ и денегъ-то такихъ не водится. Сто рублей!

Боже ты милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко-на-крѣпко заказали играть, окромѣ какъ въ орѣхи...

— Полно врать, прервалъ я строго: подавай сюда деньги, или я тебя въ зашен прогоню.

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой горестью и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что ужъ я не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурвиу. Савельичъ поспѣшилъ вывезти меня изъ проклятаго трактира. Овъ явился съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Съ беспокойной совѣстью и съ безмолвнымъ раскаяніемъ выѣхалъ я изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ и не думая съ нимъ уже когда-нибудь увидѣться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В О Ж А Т Ы Й.

Сторона-ль моя, сторонushка,
Сторона незнакома.
Что не самъ-ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый-ли да меня колы завезъ:
Завела меня, добраго молодца,
Приткось-бодрость молодецкая
И хмѣлинушка лабацкая.
Старипная нѣсяя.

Дорожныя размышленія мои были не очень пріятны. Прогрышъ мой, по тогдашнимъ цѣнамъ, былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведеніе мое въ симбирскомъ трактирѣ было глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня, и молчалъ, изрѣдка только покрывкая. Я непременно хотѣлъ съ нимъ помириться, и не зная, съ чего начать. Наконецъ я сказалъ ему:

— Ну, ну, Савельичъ! полно, помиримся, виноватъ; вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся.

— Эхъ, батюшка. Петръ Андреечъ! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: сержусь-то я на самого себя—самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Чтѣ дѣлать? Грѣхъ понуталъ: вздумалъ забрести къ дьячнкѣ, поновдаться съ кумою. Такъ-то: зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза къ господамъ? Чтѣ скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ?

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впередъ безъ его согласія не располагать ни одною копѣйкою. Онъ мало-по-малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: «Сто рублей! легко-ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальная пустыня, пересѣченные холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка

ѣхала по узкой дорорѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ поглядывать въ сторону и наконецъ, спявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ, не прикажешь-ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время невадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Чтѣ жъ за бѣда?

— А видишь тамъ чтѣ?

Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ-вонъ: это облачко.

[Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое привяло было сперва за отдаленный холмикъ.] Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и звалъ, что цѣлые обозы бывали ими запесевы. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади ѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ, и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ свѣжымъ моремъ. Все исчезло.]

— Ну, баринъ, закричалъ ямщикъ: бѣда—буравъ!...

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихоръ. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— Чтѣ-же ты не ѣдешь? спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да чтѣ ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бравить. Савельичъ за него заступился.

— И охота было не слушаться, говорилъ онъ сердито: воротился-бы на постоялый дворъ накушался-бы чаю, почиваль-бы себѣ до утра, буря-бъ утихла, отправились-бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро-бы на свадьбу!

Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понурия головы и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь

увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели. Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

— Эй, ямщикъ! закричалъ я: смотри—что тамъ такое чернѣется?

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подниматься намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ.

— Гей, добрый человѣкъ! закричалъ ему ямщикъ: скажи, не знаешь-ли, гдѣ дорога?

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный: да что толку?

— Послушай, мужичекъ, сказалъ я ему: знаешь-ли ты эту сторону? Возьмешься-ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мнѣ знакомая, отвѣчалъ дорожный: слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода: какъ-разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буря утихнетъ, да небо прояснится; тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божьей волѣ, почевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно ва облучекъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.

— А почему ѣхать мнѣ вправо? спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ: гдѣ ты видишь дорогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй, не стой.

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я: почему думаешь ты, что жило недалече?

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, отвѣчалъ дорожный: и я слышу, дымомъ пахло; звать, деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мой бока. Я опустил цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня, ибо, вѣроятно, знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться

сусвѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предрассудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ вѣсныхъ видѣніяхъ первословія. Мнѣ казалось, буря еще свирѣпствовала, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслью моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ-бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише, говоритъ она мнѣ: отецъ боленъ, при смерти, и желаетъ съ тобою проститься». Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичъ! Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его». Я сталъ на колѣни и устремилъ глаза мои на больного. Что-жъ?... Въмѣсто отца моего, вижу: въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: «Что это значитъ? Это не батюшка. И съ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?» — «Все равно, Петруша, отвѣчала мнѣ матушка: это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку и пусть онъ тебя благословитъ»... Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мѣртвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе»... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною... И въ эту минуту я проснулся. Лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

— Выходи, сударь, пріѣхали.

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

— На постоянный дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй, да обогрѣйся.

Я вышелъ изъ кибитки. Буря еще продолжалась, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казачья шапка.

Хозяинъ, родомъ янцкій казакъ, казался

мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нужеиъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

—Гдѣ-же вожатый? спросилъ я у Савельича.

—Здѣсь, ваше благородіе, отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ въ потолокъ и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

—Что, братъ, прозябъ?

—Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить—заложили вѣчеръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ: я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ потолока. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась простѣда; живые, большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскія шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю: онъ отвѣдалъ и поморщился.

— Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай—не наше казачье питье.

Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо:

— Эхе, сказалъ онъ: опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?

Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою:

— Въ огородѣ леталъ, коноплю клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что вамъ?

— Да что наши! отвѣчалъ хозяинъ, продолжая вносказательный разговоръ: стали было къ вечеру звонить, да попада въ великъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

— Молчи, дядя, возразилъ мой бродяга: будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ; а теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!

При этихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился въ потолокъ.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ яицкаго войска, въ то время только-что усмиренаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ вѣдомъ большаго неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или по-тамошнему уметъ,

находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую приставъ. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился почевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла; и я заснулъ, какъ убитый.

Проснувшись по утру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Свѣтъ лежалъ ослѣпительной цѣной на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился.

— Полтину на водку! сказалъ онъ: за что это? За то, что ты-же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь, вѣтъ у насъ липшихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.

Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Девяги, по моему общаію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человека, выручившаго меня если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно: если же хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

— Помилуй, батюшка Петръ Андреевичъ! сказалъ Савельичъ: зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабацѣ.

— Это, старинушка, уже не твоя печаль, сказалъ мой бродяга: пропью-ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойникъ! отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ: ты видишь, что дитя еще не смыслить, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напаялишь его на свои окайяныя плечища.

— Прошу не умничать, сказалъ я своему дядкѣ: сейчасъ поси сюда тулупъ.

— Господи владыко! простоналъ мой Савельичъ: заячій тулупъ почти повешенскій! И добро-бы кому, а то пьяницѣ оголтелому!

Однако заячій тулупъ явился. Мужичекъ тутъ-же сталъ его прихитривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко для него узокъ. Однако

онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоръ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ пятки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкими поклономъ:

— Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей.

Онъ пошелъ въ свою сторову, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней выюгѣ, о своемъ жолатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Приѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостью. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый, полный мундиръ напоминалъ едина времятъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его онъ взглянулъ на меня быстро.

— Поже мой! сказалъ онъ: тафно-ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ужъ какой у него молодецъ! Ахъ, время, время!

Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его вполголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь, Андрей Карловичъ, надѣюсь, что ваше превосходительство...» Это что за сермолинъ? Фу, какъ не совѣсно! Конечно, дисциплина— первое дѣло, но такъ-ли пишутъ къ старому камрату?.. «ваше превосходительство не забыло...» гмъ... «и... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин... походѣ... также и... Каролину...» Эхе, бродеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказы? «Теперь о дѣлѣ... Къ вамъ моего посылу...» гмъ... «держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ...» Что такое ешовы рукавицы? Это, должно быть, русска поговорка... Что такое держатъ въ ешовыхъ рукавицахъ? повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значитъ, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Гмъ, понимаю... «и не давать ему воли...» нѣтъ, видно ешовы рукавицы значитъ не то... «При семь... его паспортъ...» Гдѣ-жъ онъ? А, вотъ... «Отписать въ семеновскій...» Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано... «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и... старымъ товарищемъ и другомъ», а! наконецъ догадался... и прочая и прочая...

— Ну, батюшка, сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ ***полкъ, и чтобы тебѣ времени не терять, то завтра-же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана

Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего: разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.

«Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ ***полкъ и въ глухую крѣпость, на границу киргизъ-кайсацкихъ степей!»... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою грапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

К Р Ъ П О С Т Ъ .

Мы въ фортеціи живемъ.
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ:
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.
Солдатская пѣсня.
Старинные люди, мой батюшка.
Недоросль

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большей частью печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро.

— Далече-ли до крѣпости? спросилъ я у своего ямщика.

— Недалече, отвѣчалъ онъ: вонъ ужъ видна. Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозныя бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скруды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой—скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными.

— Гдѣ-же крѣпость? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да вотъ она, отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы нѣе въѣхали.

У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку: улиты были тѣсны и кривы: взбы низки и

большей частью покрыты соломой. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной-же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и открылъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, панивалъ синюю заплатау на локоть зеленого мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ.

— Войди, батюшка, отвѣчалъ инвалидъ: на-ши дома.

Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по-старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кюстрипа и Очакова, также выборъ невесты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ.

— Чтѣ вамъ угодно, батюшка? спросила она, продолжая свое занятіе.

Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою рѣчь.

— Ивана Кузьмича дома нѣтъ, отвѣчала она: онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я—его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка.

Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ.

— Смѣю спросить, сказали онъ: вы въ какомъ полку изволили служить?

Я удовлетворялъ его любопытству.

— А смѣю спросить, продолжалъ онъ: зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?

Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства.

— Чаятельно, за непріличные гвардіи офицеру-поступки? продолжалъ неутомимый вопрошатель.

— Полно врать пустяки, сказала ему капитанша: ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе...

— А ты, мой батюшка, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и

пу другъ въ друга пырять, а Алексѣй Ивановичъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Чтѣ прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ.

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— Максимычъ! сказала ему капитанша отведи г. офицеру квартиру, да почпше.

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ: не помѣстится-ли его благородіе къ Ивану Полежаеву.

— Врешь, Максимычъ, сказала капитанша: у Полежаева и такъ тѣсно; онъ-же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?

— Петръ Андреевъ.

— Отведи Петра Андреева къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, чтѣ, Максимычъ, все-ли благополучно?

— Все, слава Богу, тихо, отвѣчалъ казакъ только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иванъ Игнатьичъ! сказала капитанша кривому старичку: разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоимъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреевъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру.

Я откланился. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Нанесось стояле нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ:

— Господи Владыко! ничего кушать не изво-литъ! Чтѣ скажетъ барыня, коли дитя зане-можетъ?

На другой день поутру я только-что сталъ одѣваться, какъ дверь открылась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ, невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отъѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ.

— Извините меня, сказали онъ мнѣ по-французски, что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое

лицо так овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени.

Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глушъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большой веселостью описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольных шляпахъ. Они выстроены были во фронтъ. Впередѣ стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились-было смотрѣть на ученіе; но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами.

— А здѣсь, прибавилъ онъ, нечего вамъ смотрѣть.

Василиса Егоровна првняла насъ запросто и радушно, и обошлась со мною, какъ-бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ.

— Чтѣ это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился! сказала комендантша: Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ-же Маша?

Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ не нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголь и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку.

— Скажи бариву: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученіе не уйдетъ; успѣть накричаться.

Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

— Чтѣ это, мой батюшка? сказала ему жена: кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.

— А слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: я былъ занятъ службой, солдатухекъ училъ.

— И, полно! возразила капитанша. только слава, что солдатъ учить—ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ-

бы дома да Богу молился, такъ было-бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на мигъ и осматривала меня вопросами: кто мои родители, живы-ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состоявіе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко-ли! сказала она: вѣдь есть-же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то одна дѣвка Палашка; да, слава Богу, живемъ по-маленьку. Одва бѣда: Маша—дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли выйдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной нежѣстою».

Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла, и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жалъ ее, и я спѣшилъ перебить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно не кстати: что на вашу крѣпость собираются напасть башкирцы.

— Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать? спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, отвѣчалъ я.

— Пустяки! сказалъ комендантъ: у насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.

— И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

— Привычка, мой батюшка, отвѣчала она: тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перенесли сюда, и не приведи, Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысы шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь-ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.

— Василиса Егоровна—прехрабрая дама, замѣтилъ важно Швабринъ: Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

— Да, слышь ты, сказалъ Иванъ Кузьмичъ: баба-то не робкаго десятка.

— А Марья Ивановна? спросилъ я: такъ-же ли сѣла, какъ и вы?

— Сѣла-ли Маша? отвѣчала ея мать: нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капи-

тавшею отправилися спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОЕДИНОКЪ.

—Итъ изволь, и стань-же въ позытуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру
Княженицъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Вѣлгорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ, какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузьмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человекъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностью. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостью такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнатичу, кривому гарнизонному поручику, о которомъ Швабринъ выдумалъ, будто-бы онъ былъ въ вѣлгорской связи съ Василисой Егоровной, что не имѣло и тѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не безпокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни учений, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда солдатъ, но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая — лѣвая. У Швабрина было нѣсколько французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ; обѣдалъ почти всегда у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и туда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою, Акулиной Панфиловой, первую вѣстовщицею во всемъ околоткѣ. Съ Алексѣемъ Ивановичемъ Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день; но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его на счетъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ. Другого общества въ крѣпости не было, но я другого и не желалъ.

Не смотря на предсказанія, башкирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало вокругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ внозпымъ междоусобіемъ.

Я ужъ сказывалъ, что я завязался литера-

турою. Опыты мои для тогдашняго времени были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. Извѣстно, что сочинители иногда подъ видомъ требованія совѣтовъ ищутъ благосклоннаго слушателя. И такъ, перенисавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стихи:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ахъ, Машу избѣгая,
Мыслию вольность получить!

Но глаза, что мя лѣзли
Всеминутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря меня въ сей лютѣй части,
И что я плѣненъ тобой.

— Какъ ты это находишь? спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсва моя нехороша.

— Почему такъ? спросилъ я его, скрывая свою досаду.

— Потому, отвѣчалъ онъ, что такіе стихи достойны учителя моего Василья Кириллыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплеты.

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мною самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужъ отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посягнулся и надъ этою угрозою.

— Посмотримъ, сказалъ онъ: сдержишь-ли ты свое слово; стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузьмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой ты изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужъ не Марья-ли Ивановна?

— Не твоё дѣло, отвѣчалъ я, нахмураясь: кто-бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

— Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ! продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня: но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь усѣять, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками.

— Что это, сударь, значить? Изволь объясниться.

— Съ охотою. Это значить, что ежели хочешь, чтобы Маша Минова ходила къ тебѣ въ сумерки, то вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.

Кровь моя закипѣла.

— А почему ты объ ней такого мнѣнія? спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

— А потому, отвѣчалъ онъ съ адскою усмѣшкою: что знаю по опыту ея нравъ и обычай.

— Ты лжешь, мерзавецъ! вскричалъ я въ бѣшенствѣ: ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ.

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ.

— Это тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку: вы мнѣ дадите сатисфакцію.

— Изволь; когда хочешь! отвѣчалъ я, обрадовавшись.

Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его.

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнатьичу и засталъ его съ иглою въ рукахъ: по препорученію комендантши, онъ нанизывалъ грибы для сушенія на зиму.

— А, Петръ Андреечъ! сказалъ онъ, увидя меня: добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?

Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Ивановичемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичъ выслушалъ меня со вниманіемъ, вытараща свой единственный глазъ.

— Вы изволите говорить, сказалъ онъ мнѣ: что хотите Алексѣя Иваныча заколотъ, и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ-ли? смѣю спросить.

— Точно такъ.

— Помилуйте, Петръ Андреечъ! Чтѣ это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Ивановичемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вѣхъ не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы васъ ужъ помиримъ. А то доброе-ли дѣло—заколотъ своего ближняго, смѣю спросить? И добро-бъ ужъ закололи вы его. Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Ивановичемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На чтѣ это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?

Разсужденія благоразумнаго поручика не колебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Иванъ Игнатьичъ: дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Съ какой стати? Люди дерутся—чтѣ за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ шведа и подъ турку: всего насмотрѣлся.

Я кое-какъ сталъ объяснять ему должность секунданта; но Иванъ Игнатьичъ никакъ не могъ меня понять.

— Воля ваша, сказалъ онъ: коли ужъ мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ разлѣ пойти къ Ивану Кузьмичу, да донести ему, по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе, противное казенному интересу: не благоугодно-

ли будетъ господину коменданту принять надлежащія мѣры...

Я испугался и сталъ просить Ивана Игнатьича ничего не говорить коменданту; насилу его уговорилъ: онъ далъ слово, и я рѣшился отъ него отступить.

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, чтобы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучливыхъ вопросовъ; но, признаюсь, я не имѣлъ того хладнокровія, какимъ хвалятся почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ-же. Я отвелъ его въ сторону и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ.

— Зачѣмъ намъ секунданты? сказалъ онъ мнѣ сухо: безъ нихъ обойдемся.

Мы условились драться за скирдами, чтѣ находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, повидимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьичъ отъ радости проболтался.

— Давно-бы такъ, сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ: худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честенъ, такъ здоровъ.

— Чтѣ, чтѣ, Иванъ Игнатьичъ? сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты: я не вслушалась.

Иванъ Игнатьичъ, замѣтивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомя свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, чтѣ отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

— Иванъ Игнатьичъ, сказалъ онъ, одобряетъ нашу мировую.

— А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы-было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреечъ.

— За чтѣ такъ?

— За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Васкиса Егоровна.

— Нашли за чтѣ ссориться! за пѣсенку!... Да какъ-же это случилось?...

— Да вотъ какъ: Петръ Андреечъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять нѣ подночь

Вышла разладица. Петръ Андреечъ было и разсердился, но потомъ рассудилъ, что всякъ воленъ пѣть, чтѣ кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понималъ грубыхъ его обвиняковъ; по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенки разговоръ об-

ратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что всѣ они—безпутные и горькіе пьяницы, и дружески совѣтывалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришелъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ семьмъ часу.

На другой день, въ назначенное время, я стоялъ уже за скирдами, выжидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился.

— Насъ могутъ застать, сказалъ онъ мнѣ: надобно поспѣшить.

Мы сняли мундиры, остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ за скирды вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и человекъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ досадою: солдаты насъ окружили, и мы отправились вслѣдъ за Иваномъ Игнатьичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительною важною.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичъ отпорилъ двери, провозгласивъ торжественно: «привель!» Насъ встрѣтила Василиса Егоровна.

— Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? Въ нашей крѣпости заводите смертоубійство! Иванъ Кузьмичъ, сейчасъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреечъ, Алексѣй Ивановичъ! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреечъ! этого я отъ тебя не ожидала, какъ тебѣ не совѣстно! Добро Алексѣй Ивановичъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выпитъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ; а ты что? туда-же лѣзешь?

Иванъ Кузьмичъ вполне соглашался съ своею супругою и приговаривалъ:

— А слышь-ты, Василиса Егоровна правду говорить. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.

Между тѣмъ Палашка взяла у насъ шпаги и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность.

— При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, сказалъ онъ ей хладнокровно: не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая насъ нашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это—его дѣло.

— Ахъ, мой батюшка! возразила комендантша: да разнѣ мужъ и жена не едины духъ и едины плоть? Иванъ Кузьмичъ? что ты зѣваешь? Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобы у нихъ дурь-то прошла; да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ зпимію, чтобы молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми.

Иванъ Кузьмичъ не зналъ, на что рѣшиться. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало-по-малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли отъ коменданта, повидимому, примиренные. Иванъ Игнатьичъ насъ сопровождалъ.

— Какъ вамъ не стыдно было, сказалъ я ему сердито: доносить на насъ коменданту послѣ того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?

— Какъ Богъ сиятъ, я Ивану Кузьмичу того не говорилъ, отвѣчалъ онъ: Василиса Егоровна вывѣдала все отъ меня. Она и всѣмъ распорядилась, безъ вѣдома коменданта. Впрочемъ, слава Богу, что все такъ кончилось.

Съ этимъ словомъ онъ повернулъ домой, а Швабринъ и я остались наединѣ.

— Наше дѣло этимъ кончиться не можетъ, сказалъ я ему.

— Конечно, отвѣчалъ Швабринъ: вы своею кровью будете отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами, вѣроятно, станутъ присматривать. Нѣсколько дней намъ должно будетъ притворяться. До свиданья.

И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывало.

Возвратясь къ коменданту, я, по обыкновенію своему, подѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна съ нѣжностью выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорой съ Швабринимъ.

— Я такъ и обмерла, сказала она, когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужичины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно-бъ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнью, но и совѣстью, и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣрена, что не мы зачинщики ссоры. Вѣрно, виноваты Алексѣй Ивановичъ.

— А почему-же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

— Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Ивановича. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно: ни за что-бъ я не хотѣла, чтобы и я ему такъ-же не нравилась. Это меня безпокоило-бы страхъ.

— А какъ вы думаете, Марья Ивановна? Нравится-ли вы ему, или нѣтъ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла.

— Мнѣ кажется, сказала она: я думаю, что нравлюсь.

— Почему-же вамъ такъ кажется?

— Потому что онъ за меня сватался.

— Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда-же?

— Въ прошломъ году, мѣсяца за два до вашего пріѣзда.

— И вы не пошли?

— Какъ изволите видѣть. Алексѣй Иванычъ, конечно, человекъ умный и хорошей фамилии, и вѣсть состояние; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣщомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться... ян за что! ни за какія благополучія!

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили многое. Я понималъ упорное элорѣчье, которымъ Швабринь се преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія новодѣ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи рѣшмы, Швабринь постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и вышелъ къ нему.

— Зачѣмъ откладывать? сказалъ мнѣ Швабринь: за нами не смотрятъ. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ.

Мы отправились молча. Спустиаясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринь былъ искуснѣе меня, во я сильнѣе и смѣлѣе, и monsieur Бо-пре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринь не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣтя, что Швабринь ослабѣваетъ, я сталъ съ живостью на него вступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по вагорной тропинкѣ... Въ это самое время меня сильно кольнуло въ грудь понижѣ праваго плеча, я упалъ и лишился чувствъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЛЮБОВЬ.

Ахъ, ты, дѣвка, дѣвка красная!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ:
Ты спроси, дѣвка, отца, матери.
Отца, матери, роду-племени:
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, придадова.

Пѣсня народная.

Буде лучше меня найдешь—позабудешь.
Если хуже меня найдешь—вспомынешь.
То же.

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опомниться и не понималъ, что со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати въ незнакомой горницѣ и чувствовалъ большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичъ со свѣчкой въ рукахъ. Кто-то бережно развивалъ перевязи,

которыми у меня были стянуты грудь и плечо. Мало по малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрипнула дверь.

— Что, каковъ? произнесъ шопотомъ голосъ, отъ котораго я затрепеталъ.

— Все въ одномъ положеніи, отвѣчалъ Савельичъ со вздохомъ: все безъ памяти, вотъ уже пятая сутка.

Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ.

— Гдѣ я? кто здѣсь? сказалъ я съ усиленіемъ.

Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ.

— Что, какъ вы себя чувствуете? сказала она.

— Слава Богу, отвѣчалъ я слабымъ голосомъ: это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ...

Я не въ силахъ былъ продолжать и замолчалъ. Савельичъ ахнулъ. Радость побразилась на его лицѣ.

— Опомнися! опомнися! повторялъ онъ: слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка Петръ Андреечъ! напугалъ ты меня! легко-ли? пятая сутки!

Марья Ивановна перервала его рѣчь.

— Не говори съ нимъ много, Савельичъ, сказала она: онъ еще слабъ.

Она вышла и тихонько притворила дверь.

Мысли мои волновались. И такъ, я былъ въ домѣ коменданта: Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы, но старикъ замоталъ головою и заткнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича, и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣтствовалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней, обливая слезами умиленія. Маша не отрывала ее... и вдругъ ея губки коснулись моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ.

— Милая, добрая Марья Ивановна, сказалъ я ей: будь моею женою, согласишься на мое счастье.

Она опомнилась.

— Ради Бога, успокойтесь, сказала она, отнявъ у меня свою руку: вы еще въ опасности—рана можетъ открыться. Поберегите себя, хоть для меня.

Съ этимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастіе воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполняла все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часть отъ часу становилось лучше. Меня лечилъ полковой цирюльникъ, ибо въ крѣпости другого лекаря не было, и слава

Богу не уминчалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила. Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна выслушала меня терпѣливо. Она безъ всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители, конечно, рады будутъ ея счастію.

— Но подумай хорошенько, прибавила она: со стороны твоихъ родныхъ не будетъ-ли препятствія?

Я задумался. Въ вѣжности матушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его тронетъ, и что онъ будетъ на нее смотрѣть, какъ на блажь молодого человѣка. Я чистосердечно признался въ томъ Марьѣ Ивановнѣ, и рѣшился, однако, писать къ батюшкѣ какъ можно краснорѣчивѣе, прися родительскаго благословенія. Я показалъ письмо Марьѣ Ивановнѣ, которая нашла его столь убѣдительнымъ и трогательнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣхъ его, и предалась чувствамъ вѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостью молодости и любви.

Со Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузьмичъ, вываривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ:

— Эхъ, Петръ Андреевичъ! надлежало-бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужъ и безъ того наказанъ. А Алексѣй Ивановичъ у меня таки сидитъ въ лѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскается.

Я слишкомъ былъ счастливъ, чтобъ хранить въ сердцѣ чувство непріязненное. Я сталъ просить за Швабрину, и добрый комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшился его освободить. Швабрицъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъяснилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами; признался, что кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незлопамятенъ, я искренно простилъ ему и нашу ссору, и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви, и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

Вскорѣ я выздоровѣлъ и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться и стараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился; но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужъ увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ однажды утромъ Савельичъ вошелъ

ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ трепетомъ. Адресъ былъ написанъ рукою батюшки. Это приготовило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ матушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечитывалъ торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую губернію, въ Бѣлогорскую крѣпость». Я старался по почерку угадать расположеніе духа, въ которомъ писано было письмо; наконецъ рѣшился его распечатать, и съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Сынъ мой Петръ! Письмо твое, въ которомъ просишь ты насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановной дочерью Мионовой, мы получили 15 сего мѣсяца, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добратся, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ: ибо ты доказалъ, что шпагу носить еще недостойнъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуэлей съ такими-же сорванцами, каковы ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда-нибудь подальше, гдѣ-бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоёмъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Чтѣ изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость.

«Отецъ твой А. Г.»

Чтеніе этого письма возбудило во мнѣ разныя чувствованія. Жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось мнѣ столь-же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала; но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери. Я негодовалъ на Савельича, не сомнѣваясь, что поединокъ мой сталъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая взадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ, я остановился передъ нимъ и сказалъ, взглянувъ на него грозно:

— Видно, тебѣ не довольно, что я, благодаря тебя, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба; ты и мать мою хочешь умерить.

Савельичъ былъ пораженъ, какъ громомъ.

— Помилуй, сударь, сказалъ онъ, чуть не зарывавъ: чтѣ это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ! Богъ видитъ, бѣжалъ я заслонять тебя своей грудью отъ шпаги Алексѣя Ивановича! Старость проклятая помѣшала. Да что-жъ я сдѣлалъ матушкѣ-то твоей?

— Что ты сдѣлалъ? отвѣчалъ я: кто просилъ тебя писать на меня доносы? Развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпионы?

— Я писалъ на тебя доносы? отвѣчалъ Савельичъ со слезами: Господи, Царю небесный! Такъ изволь-ка прочитатъ, что пишетъ ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя.

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ слѣдующее:

«Слыдаю тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не доносишь о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. Съ получениемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишутъ мнѣ, что поправилось; да въ какое именно мѣсто онъ раненъ и хорошо-ли его залечили».

Очевидно было, что Савельичъ передо мною былъ правъ и что я напрасно оскорблялъ его упрекомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенья; но старикъ былъ неутѣшенъ.

— Вотъ до чего я дожилъ, повторялъ онъ: вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я — и старый песъ, и свинонасъ, да я-жъ и причина твоей раны!.. Нѣтъ, батюшка Петръ Андреичъ! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать, какъ будто тыкавшемъ да топаньемъ у ережешся отъ злого человѣка! Нужно было навимать мусье, да тратить лишнія деньги!

Но кто-же бралъ на себя трудъ увѣдомить отца моего о моемъ поведеніи? Генераль? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился; а Иванъ Кузьмичъ не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, слѣдствіе котораго могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ Марьѣ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ.

— Что это съ вами сдѣлалось? сказала она, увидѣвъ меня: какъ вы блѣдны!

— Все кончено! отвѣчалъ я и отдалъ ей батюшкино письмо.

Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Видно, мнѣ не судьба.. Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣлать нечего, Петръ Андреичъ, будьте хоть вы счастливы...

— Этому не бывать! вскричалъ я, схвативъ

ее за руку: ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ; они — люди простые, не жестокосердые гордецы.. Они насъ благословятъ; мы обвиняемся... а тамъ, современемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня проститъ...

— Нѣтъ, Петръ Андреевичъ, отвѣчала Маша: я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую, — Богъ съ тобою, Петръ Андреевичъ; а я за васъ обоихъ..

Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самимъ собою, и воротился домой.

Я сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичъ прервалъ мои размышленія.

— Вотъ, сударь, сказалъ онъ, подавая написанный листъ бумаги: посмотри, доносчикъ-ли я на своего барина и стараюсь-ли я помутить сына съ отцомъ.

Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ, отъ слова до слова:

«Государь Андрей Петровичъ, отецъ вашъ милостивый!

«Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего, что-де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній; а я не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я-жъ про рану Петра Андреича ничего вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить. А Петръ Андреичъ рапевъ былъ подъ правое плечо, въ грудь, подъ самую косточку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домѣ у коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лечилъ его здѣшній цырульникъ Степанъ Парамоновъ. И теперь Петръ Андреичъ, слава Богу, здоровъ, и про него кромѣ хорошаго нечего и писать. Командиры, слышво, имъ довольны; а у Васильсы Егоровы онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то былъ молодцу не укора: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

«Вѣрный холопъ вашъ

«Архипъ Савельевъ».

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать батюшкѣ я былъ не въ состояніи; а чтобъ успѣ-

ковтъ матушку. письмо Савельича мнѣ показалось достаточнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти не говорила со мною и всячески старалась избѣгать меня. Домъ коменданта сталъ для меня постылъ. Мало-по-малу приучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пеняла, но видя мое упрямство, оставила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузьмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба; со Швабринимъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе, что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь, что въ утверждало меня въ моихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несвоя. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгоралась въ уединеніи и часть отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума, или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важныя вліянія на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывать.
ПѢСНЯ.

Прежде нежели приступлю къ описанію странныхъ происшествій, которыхъ я былъ свидѣтель, долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ какомъ находилась Оренбургская губернія въ концѣ 1773 года.

Эта обширная и богатая губернія обитаема была множествомъ полудикихъ народовъ, признавшихъ еще недавно владычество російскихъ государей. Ихъ помннутыя возмущенія, неприличныя къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требовали со стороны правительства непрестаннаго надзора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицкихъ береговъ. Но яицкіе казаки, долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопасность этого края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства несопокойными и опасными подданными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городѣ. Причинною тому были строгія мѣры, предпринятія генераль-маіоромъ Траубенбергомъ, чтобы привести войско къ должному повиновенію. Слѣдствиемъ было варварское убіеніе Траубенберга, своевольная перемѣна въ управленіи и наконецъ усмиреніе бунта картечью и жестокими наказаніями.

Это случилось за нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость. Все было уже тихо, или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мятежниковъ, которые

злобствовали тайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ моему разсказу.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казаккаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишетъ генераль». Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

«Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости

капитану Мионову.

По секрету.

«Снимъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ яицкихъ селеніяхъ и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, произведя вездѣ грабежи и смертоубійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господни капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутого злодѣя и самозванца, а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію».

— «Принять надлежащія мѣры!» сказалъ комендантъ, снимая очки и складывая бумагу: слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то, видно, силенъ; а у насъ всего сто тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ (урядникъ усмѣхнулся). Однако, дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры, въ случаѣ нападенія запирайте ворота да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотришь, да хорошенько вычистишь. А пуще всего содержите все это въ тайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.

Раздавъ эти повелѣнія, Иванъ Кузьмичъ насъ распустилъ. Я вышелъ вмѣстѣ со Швабринимъ, разсуждая о томъ, что мы слышали.

— Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится? спросилъ я его.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ: посмотришь. Важнаго покамѣстѣщенія не вижу. Если-же...

Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ пассивывать французскую арію.

Не смотря на всё ваши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева развеселась по крѣпости. Иванъ Кузьмичъ хоть и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, вѣренной ему по службѣ. Получивъ письмо отъ генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто-бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержать въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захотѣла отправиться въ гости къ попадѣ и, по совѣту Ивана Кузьмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузьмичъ, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попадѣ, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузьмича совѣщаніе, и что Палашка была подъ замкомъ. Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузьмичъ приготовился къ нападевію. Онъ ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ:

— А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а какъ оттого можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгій приказъ впередъ соломою бабамъ печей не топить, а топить хворостомъ и валежникомъ.

— А для чего-жъ было тебѣ запирать Палашку? спросила комендантша: за что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воротились?

Иванъ Кузьмичъ не былъ приготовленъ къ такому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа, но, зная, что ничего отъ него не добьется, прекратила свои вопросы и заняла рѣчь о солевыхъ огурцахъ, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никакъ не могла догадаться, чѣмъ-бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ-бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь отъ обѣда, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками.

«Чѣмъ значили эти военные приготовления?—думала комендантша—ужъ не ждутъ-ли нападенія отъ киргизцевъ? Но неужто Иванъ Кузьмичъ сталъ-бы отъ меня таять такіе пустяки?» Она кивнула Ивану Игнатьичу съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну, которая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства, какъ судья, начивающій слѣдствіе вопросами посторонними, чтобы сперва усыпить осторожность отвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, ова глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи, Боже мой! Вишь какія новости! Чѣмъ изъ этого будетъ?

— И, матушка! отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: Богъ милостивъ; солдаты у насъ довольно, пороку много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

— А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ? спросила комендантша.

Тутъ Иванъ Игнатьичъ замѣтилъ, что проговорился, и закусь языкъ. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не рассказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому не сказала ни одного слова, кромѣ попадѣ, и то потому только, что корова ея ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всё заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи, верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости, видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ, не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что бѣжать далѣе боялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе: во всѣхъ улвцахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подосланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, крещеный калмыкъ, сдѣлалъ коменданту важное доведеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны; по возвращеніи своемъ лукавый казакъ объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ караулъ, а Юлая назначилъ на его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствіемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнатьичъ, исполнитель комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: «Вотъ ужъ тебѣ будетъ, гарнизонная крыса!» Комендантъ думалъ въ тотъ-же день допросить своего арестанта; но урядникъ бѣжалъ изъ-подъ караула, вѣроятно, при помощи своихъ единомышленниковъ.

Новое обстоятельство усилило безпокойство

коменданта. Схваченъ былъ башкирецъ съ возмутительными листами. По этому случаю комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ в дѣлу того хотѣлъ опять удалить Василису Егоровну подъ благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузьмичъ былъ человекъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашелъ другого способа, кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго.

— Слышь ты, Василиса Егоровна, сказалъ онъ ей, покашливая: отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города...

— Полно врать, Иванъ Кузьмичъ, прервала комендантша: ты, знать, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня потолковать объ Емельяѣ Пугачевѣ; да лихъ не проведешь.

Иванъ Кузьмичъ вытаращилъ глаза.

— Ну, матушка, сказалъ онъ: коли ты уже се знаешь, такъ, пожалуй, оставайся, мы поволкуемъ и при тебѣ.

— То-то, батька мой, отвѣчала она: не тебѣ-бы хитрить: посылай-ка за офицерами. H

Мы собрались опять. Иванъ Кузьмичъ въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ-нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость: приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнью въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести оное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

— Каковъ мошенникъ! воскликнула комендантша: что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему навстрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ, онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись. Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно-бы, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: а слышно, злодѣй завладѣлъ ужъ многими крѣпостями.

— Видно, онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ, замѣтилъ Швабринъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ настоящую его силу, сказалъ комендантъ: Василиса Егоровна, дай мнѣ ключъ отъ амбара. Иванъ Игнатьичъ, приведи-ка башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Пстой, Иванъ Кузьмичъ, сказала комендантша, вставая съ мѣста: дай уведу Машу куда-нибудь изъ дому; а то услышитъ крикъ, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка встарину была такъ укоренена въ обычаяхъ судопроизводства, что благодѣтельный указъ, уничтожившій ее, долго оставался безъ всякаго дѣйствія. Думали, что соб-

ственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія—мысль не только неосновательная, но даже совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не признается за доказательство его невинности, то признаніе его и того мнѣ должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше-же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки—ни судьи, ни подсудимые. И такъ, приказаніе коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнатьичъ отираялся за башкирцемъ, который сидѣлъ въ амбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ) и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго роста, тощъ и сгорбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ.

— Эх! сказалъ комендантъ, узпавъ, по страшнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунтовщиковъ, показанныхъ въ 1741 году: да ты, видно, старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослалъ?

Старый башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслія.

— Что-же ты молчишь? продолжалъ Иванъ Кузьмичъ: али бельмеса по-русски не разумѣешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?

Юлай повторилъ на татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузьмича. Но башкирецъ глядѣлъ на него съ тѣмъ-же выраженіемъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Якши, сказалъ комендантъ: ты у меня заговоришь. Ребята! снимите-ка съ него дурачій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри-жъ, Юлай, хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздѣвать. Лицо несчастнаго изобразило безпокойство. Онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ звѣрекъ, пойманный дѣтми. Когда-жъ одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и положилъ ихъ себѣ около шеи, поднялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плетъ и замахнулся—тогда башкирецъ заставалъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ и, кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткий обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моем вѣку, и что нынѣ дожилъ я до кроткаго царствованія императора Александра, не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человеколюбія. Молодой человекъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочтѣннѣшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія правовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены.

— Ну, сказалъ комендантъ: видно, намъ отъ него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца въ амбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще потолкуемъ.

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

— Что это съ тобою сдѣлалось? спросилъ изумленный комендантъ.

— Батюшка, бѣда! отвѣчала Василиса Егоровна: Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перебиты. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человекъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

— Послушайте, Иванъ Кузьмичъ! сказалъ я коменданту: долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли-бы достигнуть.

Иванъ Кузьмичъ оборотился къ женѣ и сказалъ ей:

— А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить-ли васъ подаль, пока не управимся мы съ бунтовщиками?

— И, пустое! сказала комендантша: гдѣ такая крѣпость, куда-бы пули не залегали? Чѣмъ Вѣлогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и башкирцевъ, и киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка, возразилъ Иванъ Кузьмичъ: оставайся, пожалуй, коли ты на крѣ-

пость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся, илиждемся спкурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?

— Ну, тогда...

Тутъ Василиса Егоровна запнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

— Нѣтъ, Василиса Егоровна, продолжалъ комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можетъ быть, въ первый разъ въ его жизни: Машѣ здѣсь оставаться негоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ, къ ея крестной матери: тамъ и войска, и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ-бы съ нею туда-же отправиться; даромъ, что ты старуха, а посмотри, что съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ.

— Добро, сказала комендантша: такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси — не поѣду; нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ. Вѣстѣ жить, вѣстѣ и умирать.

— И то дѣло, сказалъ комендантъ. Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ-свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишникъ у насъ нѣтъ. Да гдѣ-же Маша?

— У Акулины Памфиловны, отвѣчала комендантша: ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался; но я уже въ него не вѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину блѣдная и заплаканная. Мы отъуживали молча и встали изъ-за стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовалъ, что застану Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она встрѣтила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу.

— Прощайте, Петръ Андреевичъ! сказала она мнѣ со слезами: меня посылаютъ въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ васъ другъ съ другомъ увидѣться; если-же нѣтъ...

Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее.

— Прощай, ангелъ мой, сказалъ я: прощай, моя милая, моя желанная! Что-бы со мною ни было — вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ!

Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

П Р И С Т У П Ъ.

Голова моя, головушка, Голова послушная!	Какъ въ слова себѣ добраго И ни раугу себѣ высокаго.
Послужила моя головушка Ровно тридцать лѣтъ и три года.	Только выслужала головушка Два высокие столбика, Перекладнику клековую, Еще петельку шелковую.
Ахъ, ве выслужала голо- вушка	
Ни корысти себѣ, ни ра- дости,	Народивъ пѣсни.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я памѣрень былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую пережѣву: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то упущіе, въ которое еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустью разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и вѣтерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась, и ко мнѣ явился капралъ съ доносепіемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ съ собою насильно Юлая, и что около крѣпости разѣзжаются невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я легѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

— Куда вы? сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня: Иванъ Кузьмичъ въ валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ.

— Уѣхала-ли Марья Ивановна? спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ.

— Не успѣла, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреечъ!

Мы пошли на валъ—возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколами. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перегащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разѣзжались человѣкъ двадцать верхами. Они, казалось, были казаки, но между ними находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысымъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обомшел свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постойте сегодня за матушку-государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разѣзжающіе въ степи, замѣти движеніе въ крѣпости, съѣ-

хались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро заужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣзники, разсыясь, тотчасъ усаkali изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея.

— Ну, что? сказала комендантъ: каково идетъ баталія? Гдѣ-же непріятель?

— Непріятель недалече, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— Нѣтъ, напѣвка, отвѣчала Марья Ивановна: дома одной страшнѣе.

Тутъ она взглянула на меня и съ успіемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомни, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ-бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ вѣтерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя ковыны толпы, и вскорѣ степь усыялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь оноръ подскakали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другого на конѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколь. Голова бѣднаго калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

— Не стрѣляйте; выходите вовъ къ государю. Государь здѣсь!

— Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузьмичъ: ребята, стрѣляй!

Солдаты ваши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, запался и сваллся съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подзвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ усты лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо приготавлились къ дѣйствию. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколь.

— Василиса Егоровна! сказалъ комендантъ: здѣсь не бабѣ дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва.

Василиса Егоровна, прismsрѣвая подѣ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ обратилась къ мужу и сказала ему:

— Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу!

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣна и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ подвѣлъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи-же ее поскорѣе.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся-жь и мы, сказала, заплакавъ, комендантъша: прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

— Прощай, прощай, матушка! сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху: ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантъша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны; она оглянувшись и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятеежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей.

— Теперь стойте крѣпко, сказалъ комендантъ: будетъ приступъ...

Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятеежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятеежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились.

— Ну, ребята, сказалъ комендантъ: теперь отворай ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся.

— Что-жь вы, дѣтушки, стоите? закричалъ Иванъ Кузьмичъ: умирать, такъ умирать, дѣло служивое!

Въ эту минуту мятеежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарни-

зонъ бросилъ ружья; меня сшибли-было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятеежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился-было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «вотъ ужъ вамъ будетъ, государевымъ послушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ новалилъ на площадь; насъ погнали туда-же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казакскій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была накинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казакскіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящую жертву. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина.

— Который комендантъ? спросилъ самозванецъ.

Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему:

— Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?

Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Ты мнѣ не государь; ты—воръ и самозванецъ, слышь ты!

Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладнѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича.

— Присягай, сказалъ ему Пугачевъ, государю Петру Оеодоровичу!

— Ты намъ не государь, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана: ты, дядюшка,—воръ и самозванецъ!

Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неопысанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мя-

тежныхъ старшинъ Шпабрина, обстриженного въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

— Вѣшать его! сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня.

Мнѣ накинута на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу.

— Небось, небось, повторяли мнѣ губители, можегъ быть и виравду желая меня ободрить.

Вдругъ услышалъ я крики: «Постойте, ока-янные! погодите!...» Палачи остановились. Глажу: Савельичъ лежить въ вогахъ у Пугачева.

— Отецъ родной! говорилъ бѣдный дядька: что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!

Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развѣзали и оставили.

— Батюшка нашъ тебя милуетъ, говорили мнѣ.

Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однако-жъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жадную свою руку.

— Цѣлуй руку, цѣлуй руку! говорили около меня.

Но я предпочелъ-бы самую лютую казнь такому подлому униженію.

— Батюшка, Петръ Андреичъ! шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня: не упрямься! что тебѣ стоять? плюнь, да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку.

Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою:

— Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его.

Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распахъ и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ-же. Ротный портной, вооруженный туннымъ своимъ ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наковецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздал-

ся женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, расстрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перья, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь.

— Батюшки мои! кричала бѣдная старушка: отпустите душу на покойніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу.

Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала, своего мужа.

— Злодѣи! закричала она въ изступленіи: что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣлаго каторжника!

— Унять старую вѣдму! сказалъ Пугачевъ.

Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ ухалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ВЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ.

Незванный гость хуже татарина.
Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны нище всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣла-ли спрятаться? надежно-ли ея убѣжище? Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ комендантскій домъ... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отроду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постель, перерытую разбойниками; шкафъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка тѣнилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальце, висѣвшее въ простѣвкѣ... Гдѣ-жъ была хозяйка этой смиренной дѣвической кельи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ... Сердце мое жалось... Я горько, горько заплакалъ и громко произнесъ имя моей любезной... Въ эту минуту послышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, бѣдная и трепещущая.

— Ахъ, Петръ Андреичъ! сказала она, всплеснувъ руками: какой денекъ! какія страсти!..

— А Марья Ивановна? спросилъ я нетерпѣливо: что Марья Ивановна?

— Барышня жива, отвѣчала Палаша: она-сиротана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! вскричалъ я съ ужасомъ: Боже мой! да тамъ Пугачевъ!..

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очу-

тился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хохотъ и пѣсни... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда-же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минуту понадѣя вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? спросилъ я съ неизяснимымъ волненіемъ.

— Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою, отвѣчала понадѣя. Ну, Петръ Андреечъ, чуть-было не стряслась бѣда; да, слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только-что успѣлся обѣдать, какъ она, моя бѣдняжка, очнется, да застоится!... Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ поясъ: «Племянница моя, государь, захворала, лежитъ, вотъ уже другая недѣля». — «А молодая твоя племянница?» — «Молодая, государь». — «А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу». У меня сердце такъ и екнуло, да нечего было дѣлать. «Изволь, государь; только дѣвка-то не можетъ вставать и прійти къ твоей милости». — «Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу». И вѣдь пошелъ, окаянный, за перегородку; какъ ты думаешь? вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего... Богъ вынесъ! А вѣршишь-ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. Къ счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи, Владыко, дождался мы праздника! нечего сказать! Вѣднѣй Иванъ Кузьмичъ! кто-бы подумалъ!.. А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичъ? Его-то за что?... Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ? Вѣдь остригся въ кружокъ, и теперь у насъ тутъ-же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про болѣную племянницу, такъ онъ, вѣршишь-ли, такъ взглянулъ на меня, какъ-бы пожомъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.

Въ эту минуту раздался пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Понадѣя расхлопоталась.

— Ступайте себѣ домой, Петръ Андреечъ, сказала она: теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреечъ. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!

Понадѣя ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя бесполезность заступленія. Но крѣпости бѣгали разбой-

ники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога.

— Слава Богу! вскричалъ онъ, увидя меня; я-было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка, Петръ Андреечъ! вѣршишь-ли, все у насъ разграбили, мошенники: платѣе, бѣлье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узналъ-ли ты, сударь, атамана?

— Нѣтъ, не узналъ; а кто-жъ онъ такой?

— Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новешенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напаяивая на себя!

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительное. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то-же лицо, и понялъ тогда причину пощадъ, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня изъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

— Не изволишь-ли покушать? спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ: дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что-нибудь тебѣ изготовлю.

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости, подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемену въ обстоятельствахъ, но все-же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, что-де «великій государь требуетъ тебя къ себѣ».

— Гдѣ-же онъ? спросилъ я, готовясь повиноваться.

— Въ комендантскомъ, отвѣчалъ казакъ: Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ по вытерѣлъ, отдалъ вѣникъ Ожикъ Бикбаеву, да пасилу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ приемы такіе важные... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной — двугла-

вый орелъ, величнною съ пятакъ, а на другой — персона его.

Я не пашель нужнымъ оспаривать мѣнія казака и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ коммандантскій домъ, заранѣе воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончатся. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ коммандантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной коммандантши все еще валялось подъ крыльцомъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить и, тотчасъ-же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человекъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блестящими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ.

— А, ваше благородіе! сказалъ Пугачевъ, увидя меня: добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.

Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простого вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свѣрхаго. Онъ часто обращался къ человеку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимооичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шель объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мѣнія и свободно оспаривалъ Пугачева. И на этомъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое и которое чуть-было не увѣчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню.

— Ну, братцы, сказалъ Пугачевъ: затынемъ-ка на совѣтъ грядущій мою любимую пѣсню. Чумаковъ! начинай!

Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мнѣ, доброму молодцу, по допросъ
лѣти

Передъ грознаго судью, самого царя.

Еще станетъ государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ,

Еще много-ли съ тобой было товарищей?

Я скажу тебѣ, надежда-православный царь,

Все правду скажу тебѣ, всю истину,

Что товарищей у меня было четверо:

Еще первый мой товарищъ—темная ночь,

А второй мой товарищъ—булатный ножъ,

А какъ третій-то товарищъ—то мой добрый конь,

А четвертый мой товарищъ—то тугой лукъ;

Что размышники мои—то калены стрѣлы.

Что возговорить надежда-православный царь:

Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,

Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!

Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую

Среди поля хоромами высокими.

Что двумъ-ли столбами съ перекладиной.

Невозможно рассказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ—все потрясало меня какимъ-то пѣвическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ-за стола и простылись съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ:

— Сиди; я хочу съ тобою переговорить.

Мы остались глазъ на-глазъ. Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка првщуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и вѣселивости. Наковецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостью, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная, чему.

— Чтѣ, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ: трусилъ ты, признайся, когда молодцы мои вакинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А показался-бы на перекладнѣ, если-бъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ-ли ты, ваше благородіе, что человекъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). Ты крѣпко предо мною виновать, продолжалъ онъ: но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То-ли еще увидишь? Такъ-ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься-ли служить мнѣ съ усердіемъ?

Вопросъ мошенника и его дерзость показали мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

— Чему ты усмѣхаешься? спросилъ онъ меня,

нахмуясь. Или ты не вступишь, что я великій государь? отвѣчай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ,—значило подвергнуть себя погибели, и то, на что былъ я готовъ подъ вѣщницею въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ безполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нивѣ съ самодовольствіемъ поминую эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостью человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

— Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу-ли я признать въ тебѣ государя? Ты человѣкъ смысленный, ты самъ увидѣлъ-бы, что я лукавствую.

— Кто-же я таковъ, по твоему разумѣнію?

— Богъ тебя знаетъ; но кто-бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро.

— Такъ ты не вступишь, сказалъ онъ, чтобы я былъ государь Петръ Оедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ встарину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до иного прочаго? Кто ни нонъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ твердостью: я природный дворянинъ; я присягалъ государы-нѣ императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался.

— А коли отпущу, сказалъ онъ: такъ общаешься-ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?

— Какъ могу тебѣ въ этомъ общаться? ствѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велѣтъ идти противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: опустишь—спасибо; казнишь—Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева.

— Такъ и быть, сказалъ онъ, удари меня по плечу: казнить, такъ казнить, миловать, такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужъ дрема клонить.

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и вѣщницу. Въ

крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабацкѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ въ квартиру и пашель Савельича, горящаго по моему отсутствію. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно.

— Слава тебѣ, Владыко! сказалъ онъ, перекрестившись: чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и поидемъ, куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ, покушай-ка, батюшка, да и почи-вай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.

Я послѣдовалъ его совѣту и, поужинавъ съ большимъ апетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РАЗЛУКА.

Сладко было спознаться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы-съ душой.

Х Е Р А С К О В Ъ.

Рано утромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы пугачевскія около вѣщницы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки стояли верхомъ, солдаты подъ ружьемъ. Звѣмена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между которыми узналъ я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Всѣ жители находились тутъ-же, ожидая самозванца. У крыльца комендантскаго дома казакъ держалъ подъ устцы прекрасную бѣлую лошадь киргизской породы. Я искалъ глазами тѣло комендантши. Оно было отвесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣвей. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одивъ изъ старшинъ подаль ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ сталъ ихъ метать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросался ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья. Пугачева окружили главные изъ его сообщниковъ. Между ними стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ, увидѣвъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою и подозвалъ къ себѣ.

— Слушай, сказалъ онъ мнѣ: ступай сейчасъ въ Оренбургъ и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобы ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю. Посоветуй имъ встрѣтить меня съ дѣтскою любовью и послушаніемъ; не то не избѣжать имъ лютой казни. Счастливый путь, ваше благородіе!

Потомъ обратился онъ къ народу и сказалъ, указывая на Швабрину:

— Вот вамъ, дѣтушки, новый командиръ. Слушайте его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.

Съ ужасомъ услышалъ я эти слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости; Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшись казаковъ, которые хотѣли было посадить его. Въ это время изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичъ. подходитъ къ Пугачеву и подалъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что изъ того выйдетъ.

— Это что? спросилъ важно Пугачевъ.

— Прочитай, такъ изволишь увидѣть, отвѣчалъ Савельичъ.

Пугачевъ припалъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ.

— Что ты такъ мудрено пишешь? сказалъ онъ наконецъ: Наши свѣтлыя очи не могутъ тутъ ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?

Молодой малый въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву.

— Читай вслухъ! сказалъ самозванецъ, отдавая ему бумагу.

И чрезвычайно любопытствовалъ узвать, о чемъ дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громко и ясно сталъ по складамъ читать слѣдующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значитъ? сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

— Прикажи читать далѣе, отвѣчалъ спокойно Савельичъ.

Оберъ-секретарь продолжалъ:

«Мундиръ изъ тонкаго зеленого сукна, на семь рублей. Штаны бѣлые суконные, на пять рублей. Двѣнадцать рубахъ полотняныхъ голландскихъ съ манжетами, на десять рублей. Погребецъ съ чайною посудой, на два рубля съ полтиною»...

— Что за вранье? прервалъ Пугачевъ. Какое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами?

Савельичъ крикнулъ и сталъ объясняться.

— Это, батюшка, изволишь видѣть, реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями...

— Какими злодѣями? сказалъ грозно Пугачевъ.

— Виноваты, обжолвился, отвѣчалъ Савельичъ: злодѣи не злодѣи, а твои ребята такъ пошарили да порастаскали. Не гнѣпись: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Прикажи ужъ дочитать.

— Дочитывай. сказалъ Пугачевъ.

Секретарь продолжалъ:

«Одѣяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумагѣ, четыре рубля. Шуба лисья,

крытая алымъ ратникомъ, сорокъ рублей. Еще заячій тулупчикъ, пожалованный твоей милости на постояломъ дворѣ, пятнадцать рублей».

— Это что еще! вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуститься опять въ объясненія, но Пугачевъ его прервалъ.

— Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками! вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лицо Савельичу. — Глухой старикъ! Ихъ обобрали: экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Бога молить за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ бариномъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими ослушниками... Заячій тулупъ! Я те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь-ли ты, что я съ тебя живого кожу велю содрать на тулупы?

— Какъ изволишь, отвѣчалъ Савельичъ: а я человѣкъ подневольный, и за барское добро долженъ буду отвѣчать.

Пугачевъ былъ, видно, въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и отѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ свой реестръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить его въ пользу; но мудрое намѣреніе ему не удалось. Я сталъ-было его бранить за неумѣстное усердіе, и не могъ удержаться отъ смѣха.

— Смѣйся, сударь, отвѣчалъ Савельичъ: смѣйся, а какъ придется намъ съизноза заводитья всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотришь, смѣшно-ли будетъ.

Я сиѣшилъ въ домъ священника увидѣться съ Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе утѣшили меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властью отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ оставалась несчастная дѣвушка—невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что мнѣ было

дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ-же часъ отправиться въ Оренбургъ, чтобы торопить освобожденіе Бѣлогорской крѣпости и по возможности тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Намфиловной, съ жаромъ поручая ей ту, которую почиталъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣдной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слезами.

— Прощайте, говорила мнѣ попадья, прощая меня: прощайте, Петръ Андреевичъ. Авось увидимся въ лучшее время. Не забывайте насъ и пишите къ намъ почаще. Бѣдная Марья Ивановна кромѣ васъ не имѣетъ теперь ни утѣшенія, ни покровителя.

Вышедъ на площадь, я остановился на мигу, взглянулъ на вѣсплицу, поклонился ей, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Оренбургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который отъ меня не отставалъ.

Я шель занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ. Оглянувшись, вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остановился и искорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и сказалъ, отдавая мнѣ поводья другой:

— Ваше благородіе! Отецъ нашъ жалуетъ вамъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ). Да еще, примолвилъ, запынаясь, урядникъ: жалуетъ онъ вамъ... полтину денегъ... да я растерялъ ее дорогою: простите великодушно.

Савельичъ посмотрѣлъ на него косо и проворчалъ:

— Растерялъ дорогою! А что-же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!

— Чтò у меня за пазухой побрякиваетъ? возразилъ урядникъ, ни мало не смутясь: Богъ съ тобою, старинушка! Это бренчить уздечка, а не полтина.

— Добро, сказалъ я, прерывая споръ. Благодарю отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути и возьми себѣ на водку.

— Очень благодаренъ, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь: вѣчно за васъ буду Бога молить.

При этихъ словахъ онъ поскакалъ назадъ, держа съ одной рукою за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду. Я надѣлъ тулупъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича.

— Вотъ видишь-ли, сударь, сказалъ старикъ: что я не даромъ подаль мошеннику чело-битье; вору-то стало совѣстно. Хотя башкирская долговязая кляча да овчинный тулупъ не стоятъ и половинны того, чтò они, мошенники, у насъ украли, и того, чтò ты ему самъ изво-

лилъ пожаловать. да все-же пригодится; а съ лхой собаки хоть шерсти клокъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОСАДА ГОРОДА.

Завявъ дуга и горы,
Съ вершинами, какъ орелъ, бросалъ
на градъ онъ взоры.
Застаномъ повелѣлъ соорудить рас-
катъ,
И нѣ немъ веруны скрывъ, въ ночи
привезъ подъ градъ.
ХЕРАСКОВЪ

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обритыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ телѣжкахъ соръ, наполнявшій ровъ, другіе лопатками копали землю; на валу камешники таскали кирпичъ и чинили городскую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ генерала.

Я засталъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони, обнаженные дыханіемъ осени, и съ помощью стараго садовника бережно ихъ укутывалъ теплой соломой. Лицо его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался и сталъ разспрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ я былъ свидѣтель. Я рассказалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтки.

— Бѣдный Мионовъ! сказалъ онъ, когда кончалъ я свою печальную повѣсть: жаль его, хорошій былъ офицеръ; и мадамъ Мионовъ добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А чтò Маша, капитанская дочка?

Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости, на рукахъ у попадья.

— Ай, ай, ай! замѣтилъ генералъ: это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Чтò будетъ съ бѣдною дѣвушкою?

Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко, и что, вѣроятно, его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣдныхъ ея жителей. Генералъ покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивости.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ онъ: объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникахъ Пугачевѣ и объ его войскахъ. Теперь покаместъ поди отдохни.

Я пошелъ на квартиру, мнѣ отвѣденную, гдѣ Савельичъ уже хозяйничалъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго времени. Читатель легко себѣ представитъ, что я не пре-

минулъ явиться на совѣтъ, долженствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у генерала.

Я засталъ у него одного изъ городскихъ чиновниковъ, помнится, директора таможенъ, толстаго и румянаго старичка въ глазетовомъ кафтанѣ. Онъ сталъ разспрашивать меня о судьбѣ Ивана Кузьмича, котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и правоучительными замѣчаніями, которые если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то, по крайней мѣрѣ, обнаруживали смѣтливость и природный умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, генераль изложилъ несма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло.

— Теперь, господа, продолжалъ онъ: надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: наступательно или оборонительно? Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свою выгуду и невыгуду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятеля; дѣйствіе оборонительное—болѣе вѣрно и безопасно... И такъ, начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть начиная съ младшихъ по чину. Г-въ прапорщикъ! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.

Я всталъ я, въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу не было способа устоять противу правильнаго оружія.

Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явной неблагосклонностью. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодого человѣка. Поднялся ровоть, и я услышалъ явственно слово: «молокососъ», произнесенное кѣмъ-то вполголоса. Генераль обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою:

— Г. прапорщикъ! первые голоса на военныхъ совѣтахъ подаются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ: это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собраніе голосовъ: Г. коллежскій совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе.

Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную рокомъ, и отвѣчалъ генералу:

— Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно.

— Какъ-же такъ, господниъ коллежскій совѣтникъ? возразилъ изумленный генераль: другихъ способовъ тактика не представляетъ: движеніе оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкунательно.

— Э-хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ общать за голову бездѣльника... рублей семьдесятъ или даже сто.. изъ секретной суммы...

— И тогда, прервалъ таможенный директоръ: будь я киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана, скованнаго по рукамъ и по ногамъ.

— Мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ, отвѣчалъ генераль. Однако, надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразуміе оставаться подъ прикрытіемъ пушекъ за крѣпкой каменной стѣной, нежели на открытомъ полѣ испытывать счастье оружія. Наконецъ генераль, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь.

— Государи мои! долженъ я вамъ объявить, что съ моей стороны я совершенно съ мнѣніемъ господина праворщика согласенъ: ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здоровой тактики, которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.

Тутъ онъ остановился и сталъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжествовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

— Но, государи мои, продолжалъ онъ, выпустивъ, выстѣсъ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыма: я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности вѣранныхъ мнѣ провинцій ея императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйшей моей государыней. И такъ, я соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразуміе и безопасно внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи (буде окажется возможнымъ) вылазками—отражать.

Чиновники въ свою очередь насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который, наперекоръ собственному убѣжденію, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого знаменитаго совѣта, узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему общанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ войско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ

десятеро увеличилось со времени послѣдняго приступа, которому былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ оренбургскихъ и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что эта осада, по неосторожности мѣстнаго начальства, была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ уныніемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залетающимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужъ не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Вѣлгорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Незвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченіе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудной пищей, и на которой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ, сытыхъ, пьяныхъ и доброконныхъ. Тощая городовая конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота: но глубина свѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно противъ разсѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія тщетно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій! И вотъ что оренбургскіе чиновники называли осторожностью и благоразуміемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, отставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ:

— Здравствуйте, Петръ Андреичъ. Какъ васъ Богъ милуетъ?

Я взглянулъ и узналъ нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался.

— Здравствуй, Максимычъ, сказалъ я ему: Давно-ли изъ Вѣлгорской?

— Недавно, батюшка Петръ Андреичъ: только вчера воротился. У меня есть къ вамъ письмо.

— Гдѣ-жъ оно? вскричалъ я, весь такъ и вскипнувъ.

— Со мною, отвѣчалъ Максимычъ, поло-

живъ руку за пазуху: я общался Палашѣ ужъ какъ-нибудь да вамъ доставить.

Тутъ онъ подаль мнѣ сложенную бумагу и тотчасъ усккалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки:

«Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери: не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому чело-вѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобы это письмо какъ-нибудь до васъ дошло! Максимычъ общалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто пздали видѣть на вылазкахъ, и что вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна; а когда выздоровѣла, Алексѣй Ивановичъ, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать меня ему, застрахавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карауломъ. Алексѣй Ивановичъ принуждаетъ меня выйти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто-бы я ея племянница. А мнѣ легче было-бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого чело-вѣка, каковъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ обходится со мною очень жестоко, и грозитъ, коли не одумаюсь и не согласусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣямъ, и съ вами-де то-же будетъ, что и съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня, а коли черезъ три дня за него не выйду, такъ ужъ никакой пощадъ не будетъ. Батюшка Петръ Андреичъ! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упростите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣ сигурсу, да пріѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Миروفна».

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ, безъ милосердія припноривая бѣднаго моего коня. Дорогою придумывалъ я и то и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ генералу и опростомъ къ нему вбѣжалъ.

Генераль ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, курия свою пѣнковую трубку. Увиди меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразило его: онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего посѣщнаго прихода.

— Ваше превосходительство, сказалъ я ему: прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ: дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? спросилъ изумлен-

вый старикъ: что я могу для тебя сдѣлать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генералъ глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

— Какъ это? Очистить Бѣлогорскую крѣпость? сказалъ онъ наконецъ.

— Ручаюсь вамъ за успѣхъ, отвѣчалъ я съ жаромъ: только отпустите меня.

— Итъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, качая головою: на такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пересѣченная коммуникація...

Я испугался, увидя его, зачѣмъ-то въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать.

— Дочь капитана Миронова, сказалъ я ему, пишеть ко мнѣ письмо; она проситъ помощи; Швабринъ принуждаетъ ее ѣхать за него замужъ.

— Неужто? О, этотъ Швабринъ—превеликій Schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа, и мы разстрѣляемъ его на паранетѣ крѣпости! Но покажѣтъ надобно взять терпѣніе...

— Взять терпѣніе! вскричалъ я въ себя: а онъ между тѣмъ женится на Марѣ Ивановнѣ!..

— О! возразилъ генералъ: это еще не бѣда: лучше ей быть, покажѣтъ, женою Швабрина; онъ теперь можетъ оказать ей протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда, Богъ дастъ, сыщутся ей и женишки. Маленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвца.

— Скорѣе соглашусь умереть, сказалъ я въ бѣшенствѣ, нежели уступить ее Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! сказалъ старикъ: теперь понимаю... Ты видно въ Марью Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все же я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была-бы неблагоразумна; и я не могу взять ее на свою отвѣтственность.

Я потупилъ голову; отчаяніе мною овладѣло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ она состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

МЯТЕЖНАЯ СЛОВОДА.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хоть сроду овъ свирѣпъ.

„Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертепъ?“

Спросилъ овъ ласково.

А. Сумароковъ.

Я оставилъ генерала и посидѣвши на своей квартирѣ. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ своимъ увѣщаніемъ.

— Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское-ли это дѣло? Перовень часъ: ни за что пропадешь. И добробы ужъ ходилъ ты на турку или на шведа, а то грѣхъ и сказать, на кого.

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего-на-все денегъ?

— Будетъ съ тебя, отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ: Мошенники какъ тамъ ни шарили, а я все-таки успѣлъ утаить. И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана длинный вязанный кошелекъ, полный серебра.

— Ну, Савельичъ, сказалъ я ему: отдай-же мнѣ теперь половину; а остальные возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

— Батюшка, Петръ Андреичъ! сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ: побойся Бога! Какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? Зачѣмъ? Погоди маленько: войска придутъ, переловятъ мошенниковъ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.

Но намѣреніе мое было твердо принято.

— Поздно разсуждать, отвѣчалъ я старику: Я долженъ ѣхать, я не могу не ѣхать. Не тужь, Савельичъ: Богъ милостивъ, авось увидимся! Смотри-же, не совѣтись и не скупись. Покунай, что тебѣ будетъ нужно, хоть въ три-дорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь...

— Что ты это, сударь? прервалъ меня Савельичъ: чтобы я тебя пустилъ одного! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужъ рѣшился ѣхать, то я хоть пѣшкомъ, да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтобы я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣной! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану.

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего, и позволилъ ему приготовляться въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо

Бердской слободы, пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снѣгомъ; но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали и кричалъ мнѣ поминутно:

— Потихе, сударь, ради Бога, потихе! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда снѣшишь? Доброй бы на пиръ, а то подь обухъ, того и гляди... Петръ Андреечъ... батюшка Петръ Андреечъ!.. Господи Владыко, пропадетъ барское дитя!

Вскорѣ засверкали бердскіе огни. Мы подѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собой челоуѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой карауль пугачевского пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ заматался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этою минутой, припориалъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Чтѣ было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрившись въ томъ, что онъ задержанъ, я повернулъ лошадь и отправился его выручать.

Подѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я потѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ними. Они стащили старика съ его клячи и готовились вязать. Прибытіе мое ихъ обрадовало. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ государю.

— А нашъ батюшка, прибавилъ онъ: веленъ приказать — сейчасъ-ли васъ повѣсить, али дожидаться свѣта Божія.

Я не противился; Савельичъ слѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народа; по нѣкто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ

оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки.

— Вотъ и дворецъ, сказали одинъ изъ мужиковъ: сейчасъ объ васъ доложимъ.

Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидаясь долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ:

— Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя салными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомоиникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, установленный горшками — все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его сотоварищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла.

— А, ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ съ живостью. Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили.

— А по какому дѣлу? спросилъ онъ меня.

Я не зналъ, чтѣ отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста.

— Говори смѣло при нихъ, сказалъ мнѣ Пугачевъ: отъ нихъ я ничего не таю.

Я взглянулъ наискось на ваперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой лепты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но въ вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватая пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый канралъ Бѣлобородовъ; второй Аванасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чуж-

ства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ:

— Говори, во какому-же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привести въ дѣйствіе мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться, и не успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

— Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту? закричалъ онъ: Будь опъ семи пядей во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори, кто виноватый?

— Швабринъ виноватый, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ веволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, большую, у попадѣи, и васильво хочеть на ней жениться.

— Я проучу Швабрина! сказалъ грозно Пугачевъ. Онъ узнаеть, какою у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.

— Прикажи слово молвить, сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ: Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперъ торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай-же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.

— Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать! сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ: Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ: зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя государемъ не призываетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли призываетъ, что-же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь-ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ вамъ отъ оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу при мысли, еъ чьихъ рукахъ я выходилъ. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе.

— Ась, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ, подмигивая: фельдмаршалъ мой, кажется, говорить дѣло. Какъ ты думаешь?

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступить со мною, какъ ему будетъ угодно.

— Добро, сказалъ Пугачевъ: теперъ скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ?

— Слава Богу, отвѣчалъ я: все благополучно.

— Благополучно? повторилъ Пугачевъ: а народъ мретъ съ голоду!

Самозванецъ говорилъ правду; но я, по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это пустые слухи и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

— Ты видишь, подхватилъ старичекъ: что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряеть, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той-же висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастью, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу.

— Полно, Паумычъ, сказалъ онъ ему: тебѣ бы все думать да рѣзать. Чтѣ ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?

— Да ты чтѣ за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ: у тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, отвѣчалъ Хлопуша: и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костлявый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, а не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабынимъ наговоромъ.

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: «равныя воздри!..»

— Чтѣ ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ «равныя воздри»; погоди, придетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцовъ повуюкаешь... А пока мѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородашки не вырвалъ!

— Господа енаралы! провозгласилъ важно Пугачевъ: полно вамъ ссориться. Не бѣда, если-бъ и всѣ оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритеся.

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

— Ахъ! я-было и забылъ благодарить тебя за лошадей и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался-бы до города и замерзъ-бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

— Долгъ платежомъ красенъ, сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь: Расскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба-ли сердцу молодецкому, а?

— Она невѣста моя, отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную переиѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невѣста! закричалъ Пугачевъ. Что-жь ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ! Потомъ, обращаясь къ Бѣлобородову: Слушай, фельд-маршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сидимъ-ка да поуживаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотришь, что съ нимъ сдѣлаемъ.

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести; но дѣлать было нечего. Двѣ молодые казачки, дочери хозяйина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, которой я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолевать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную пѣзу, гдѣ я нашелъ и Савельича и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Понутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ шубѣ и въ киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, привявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку. Мы уѣхали.

— Въ Бѣлогорскую крѣпость! сказалъ Пугачевъ широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою.

Сердце мое сильно забилось. Лошадитронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла...

— Стой! стой! раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, обжавшаго намъ павстрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

— Батюшка, Петръ Андреевичъ! кричалъ дядь-

ка: не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен...

— А, старый хрычъ! сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

— Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной! говорилъ Савельичъ, усаживаясь: Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня, старика, призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать уже не стану.

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастью, самозванецъ или не разслышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ-ноясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и поехали по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ тою, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ огрометчивой жестокости, о кровавыхъ привывкахъ того, кто вызвался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ... Тогда что станетъ съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, и волосы становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему: я—офицеръ и дворянинъ; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одвой кибиткѣ, и счастье всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

— Что-жь? спросилъ Пугачевъ: страшно тебѣ?

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты правъ, ой-Богу правъ! сказалъ самозванецъ: Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня наставлялъ на томъ, что ты — шпионъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобы Савельичъ и татаринъ не могли его услышать: помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспаривать и не отвѣчалъ ни слова.

— Чтѣ говорить обо мнѣ въ Оренбургѣ? спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато. Нечего сказать, далъ ты себя знать.

Липо самозванца изобразило довольное самолюбие.

— Да! сказалъ онъ съ веселымъ видомъ: я воюю хоть куда. Знаютъ-ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енараловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: прусскій король могъ-ли бы со мною потягаться?

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, сказалъ я ему: управился-ли бы ты съ Фридерикомъ?

— Съ Оедоромъ Оедороничемъ? А какъ-же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я-же-управляюсь; а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то-ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ вполне голосомъ:

— Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они—воры. Мнѣ должно держать ухо востро: при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою.

— То-то! сказалъ я Пугачеву: не лучше-ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжаться, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удасть! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ-же надъ Москвою.

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушки и выпалили!

— Слушай, сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ: расскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ рассказывала старая калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: «скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной». Орелъ подумалъ: давай, попробуемъ и мы питаться тѣмъ-же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли падую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разѣ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: «нѣтъ, братъ, воронъ; чѣмъ триста лѣтъ пи-

таться падалью, лучше разѣ напиться живой кровью; а тамъ чтѣ Богъ дастъ!» — Какова калмыцкая сказка?

— Затѣйлива, отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значить по мнѣ клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погружаясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затанулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ чапостоколомъ и съ колокольней — и черезъ четверть часа вѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СИРОТА.

Какъ у нашей у яблонки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ;
Какъ у вашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому
Свадебная пѣсня.

Кибитка подъѣхала къ крыльцу комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольникъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣтилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отострилъ себѣ бороду. Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣзть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился, но вскорѣ оправился, протянулъ мнѣ руку, говоря:

— И ты нашъ? Давно-бы такъ!

Я отворотился отъ него и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заняло, когда очутились мы въ давно знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузьмичъ, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку и сказалъ ему, указавъ на меня:

— Попотчуй и его благородіе.

Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подпосомъ; но я вторично отъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей смѣтливости, онъ конечно догадался, что Пугачевъ былъ имъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недоувѣрчивостію. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно:

— Скажи, братецъ, какую ты дѣвушку держишь у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее.

Швабринъ поблѣднѣлъ, какъ мертвый.

— Государь, сказалъ онъ дрожащимъ голо-
сомъ: государь, она не подъ карауломъ.....
она больна... она въ свѣтлицѣ лежитъ.

— Веди-жъ меня къ ней, сказалъ само-
званецъ, вставая съ мѣста.

Отговориться было невозможно. Швабринъ
повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Иванов-
ны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ.

— Государь! сказалъ онъ: вы властны тре-
бовать отъ меня, что вамъ угодно; но не при-
кажете постороннему входить въ спальню къ
женѣ моей.

Я затрепеталъ.

— Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину,
готовясь его растерзать.

— Тише! прервалъ меня Пугачевъ: это мое
дѣло. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ
Швабрину, не уничай и не ломайся: жена-ли
она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней, кого
хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остано-
вился и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Государь, предупреждаю васъ, что она
въ бѣлой горячкѣ и третій день какъ бредитъ
безъ умолку.

— Отворяй! сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ
и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пу-
гачевъ толкнулъ дверь ногою; замокъ отско-
чилъ, дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ—и обмеръ. На полу, въ крестъ-
янскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья
Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными
волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды,
накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она
вздрагнула и закричала. Что тогда со мною
стало—не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрину и ска-
залъ съ горькой усмѣшкою:

— Хорошъ у тебя лазаретъ! потомъ подо-
шелъ къ Марьѣ Ивановнѣ: Скажи мнѣ, голу-
бушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ?
Въ чемъ ты передъ нимъ провинилась?

— Мой мужъ! повторила она: Онъ мнѣ—не
мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше
рѣшилась умереть, и умру, если меня не из-
бавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрину:

— И ты смѣлъ меня обманывать! сказалъ онъ
ему: знаешь-ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?

Швабринъ упалъ на колѣни... Въ эту мину-
ту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства
непависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я
на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣлаго
казака. Пугачевъ смягчился.

— Милую тебя на сей разъ, сказалъ онъ
Швабрину: но знай, что при первой винѣ тебѣ
припомнится и эта.

Потомъ обратился къ Марьѣ Ивановнѣ и ска-
залъ ей ласково:

— Выходи, красная дѣвица; дарю тебѣ во-
лю. Я—государь.

Марья Ивановна быстро взглянула на него
и догадалась, что передъ нею убійца ея роди-
телей. Она закрыла лицо обѣими руками и упа-
ла безъ чувствъ. Я кинулся къ ней; но въ эту
минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя
старинная знакомая Палаша и стала ухаживать
за своею барышней. Пугачевъ вышелъ изъ
свѣтлицы, и мы трое сошли въ гостиную.

— Что, ваше благородіе? сказалъ, смѣясь.
Пугачевъ: выручили красную дѣвицу! Какъ ду-
маешь, не послать-ли за попомъ, да не заста-
вить-ли его обвинять племянницу? Пожалуй,
я буду посаженнымъ отцомъ, Швабринъ дру-
жкою: закутимъ, запьемъ—и ворота запремъ!

Чего я опасался, то и случилось. Шваб-
ринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ
взъ себя.

— Государь! сказалъ онъ въ изступленіи:
я виноватъ, я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ
обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣш-
няго попа: она—дочь Ивана Миронова, кото-
рый казненъ при взятіи здѣшней крѣпости.

Пугачевъ устремилъ на меня огненные свои
глаза.

— Это что еще? спросилъ онъ съ недоумѣ-
ніемъ.

— Швабринъ сказалъ тебѣ правду, отвѣчалъ
я съ твердостью.

— Ты мнѣ этого не сказалъ, замѣтилъ Пу-
гачевъ, у котораго лицо охрипло.

— Самъ ты разсуди, отвѣчалъ я ему: мож-
но-ли было при твоихъ людяхъ объявить, что
дочь Миронова жива. Да они-бы ее загрызли.
Ничто-бы не спасло!

— И то правда, сказалъ, смѣясь, Пугачевъ:
мой пьяницы не пощадили-бы бѣдной дѣвушки.
Хорошо сдѣлала кумушка-понадѣя, что обману-
ла ихъ.

— Слушай, продолжалъ я, видя его доброе
расположеніе: какъ тебя назвать, не знаю, да и
знать не хочу... Но Богъ видитъ, что жизнию
радъ-бы я заплатить тебѣ за то, что ты для
меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что про-
тивно чести моей и христіанской совѣсти. Ты—
мой благодѣтель. Доверши, какъ началъ: от-
пусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ
путь укажетъ. А мы, гдѣ-бы ты ни былъ и что-
бы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ
Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тро-
нута.

— Инъ быть по-твоему! сказалъ онъ: каз-
нить, такъ казнить, жаловать, такъ жаловать:
таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красави-
цу, вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ
любовь да совѣтъ!

Тутъ онъ обратился къ Швабрину и велѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости, подвластныя ему. Швабринъ, совѣмъ упиточенный, стоялъ, какъ остоленбѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ, а я остался подъ предлогомъ приготовленія къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были заперты. Я постучался.

— Кто тамъ? спросила Палаша.

Я назвалъ. Милый голосокъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей:

— Погодите, Петръ Андренчъ. Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулину Памфилову: я сейчасъ туда-же буду.

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ, и попада въбѣжали ко мнѣ на встрѣчу. Савельичъ ихъ уже предупредилъ.

— Здравствуйте, Петръ Андренчъ, говорила попада: привелъ Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!... Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили? Какъ это онъ васъ не укошилъ? Добро, спасибо злодѣю и за то.

— Полно, старуха, прервалъ отецъ Герасимъ: не все то ври, чтó знаешь. Нѣсть спасенія во многоглаголаніи. Батюшка, Петръ Андренчъ! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались.

Попадья стала угощать меня, чтѣмъ Богъ послалъ, а между тѣмъ говорила безъ умолку. Она рассказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ нимъ разстаться; какъ Марья Ивановна пила съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляла плясать по своей дудкѣ); какъ она присоветовала Марѣ Ивановнѣ написать ко мнѣ письмо, и прочее. Я въ свою очередь разсказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ.

— Съ нами сила крестная! говорила Акулиа Памфиловна: промчи Богъ тучу мимо Айда Алексѣй Ивановичъ, нечего сказать, хорошъ гусь!

Въ самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое крестьянское платье и одѣта была по-прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали отъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы гово-

рили и не могли наговориться. Марья Ивановна разсказала мнѣ все, чтó съ нею случилось съ самаго взятія крѣпости; описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которыми подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконецъ я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабринымъ, было невозможно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ, претерпѣвающимъ всѣ бѣдствія осады. У ней не было на свѣтѣ ни одного родного человѣка. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ своимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблагорасположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я звалъ, что отецъ почтетъ за счастье и вмѣнить себѣ въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество.

— Милая Марья Ивановна! сказалъ я наконецъ: я почитаю васъ своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно; ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить.

Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ее соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловались горячо, искренно и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Черезъ часъ урядникъ привесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашелъ его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, чтó я чувствовалъ, разставаясь съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпавшійся около насъ, помогли мнѣ высказать все, чтѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы разстались дружески. Пугачевъ, увиди въ толпѣ Акулину Памфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно; потомъ сѣлъ въ кибитку, велѣлъ ѣхать въ Берду, и когда лошади тронулись, то онъ еще разъ высунулъ изъ кибитки и закричалъ мнѣ:

— Прощай, ваше благородіе! Авось увидимся когда-нибудь.

Мы точно съ нимъ увидѣлись—но въ какихъ обстоятельствахъ!...

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую стѣну, по которой неслась его тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся. Я воро-

тился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отбѣзду; я не хотѣлъ болѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за перковою. Я хотѣлъ ея проводить, но она просила меня оставить ее одну. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльцо. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я. Савельичъ забрался на облучекъ.

— Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Авдრечъ, соколъ нашъ ясный! говорила добрая попадья. Счастливый путь, и дай Богъ вамъ обоемъ счастья!

Мы поѣхали. У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ увичтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

АРЕСТЪ.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему. Я долженъ сей-же часъ отправить васъ въ тюрьму.

— Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ,

Что дѣло объяснить позволите мнѣ прежде.

Княжичъ.

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкой, о которой еще утромъ я такъ мучительно беспокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все со мною случившееся было пустое сновидѣніе. Марья Ивановна глядѣла съ задумчивостью то на меня, то на дорогу и, казалось, не успѣла еще опомниться и придти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ, часа черезъ два, очутились мы въ ближней крѣпости, также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ которою ихъ запрягали, но торопливой услужливости бородаатаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ коменданты, я увидѣлъ, что, благодаря болтливости ямщика, насъ привезшаго, меня принимали какъ придворнаго временщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться. Мы приблизились къ городку, гдѣ, по словамъ бородаатаго коменданта, находился спланный отрядъ, вдушій на соединеніе къ самозванцу.

Мы были остановлены караульными. На вопросъ: «кто ѣдетъ?» ямщикъ отвѣчалъ громко: «государевъ кумъ со своею хозяйскою». Вдругъ толпа гусаровъ окружила насъ съ ужасной бранью.

— Выходи, бѣсовъ кумъ! сказалъ мнѣ уса-тый вахмистръ: Вотъ ужъ тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяйскою!

Я вышелъ изъ кибитки и требовалъ, чтобъ отвели меня къ ихъ начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистръ пошелъ меня къ маіору. Савельичъ отъ меня не отставалъ, поговаривая про себя: «Вотъ тебѣ и государевъ кумъ! Изъ огня да въ полымя... Господи Владыко! чѣмъ это все кончится?» Кибитка шагомъ поѣхала за нами.

Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ-же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію некогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяйшку къ себѣ привести.

— Чтò это значить? закричалъ я въ бѣшенствѣ: Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

— Не могу звать, ваше благородіе, отвѣчалъ вахмистръ: Только его высокоблагородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбѣжалъ въ коннату, гдѣ челоуѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Маіоръ металъ. Каково-же было мое изумленіе, когда, взглянувъ на него, я узвалъ Ивава Ивановича Зурива, нѣкогда обыгравшаго меня въ симбирскомъ трактирѣ!

— Возможно-ли? вскричалъ я: Иванъ Ивановичъ! Ты-ли?

— Ба, ба, ба, Петръ Авдречъ! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь-ли поставить карточку?

— Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

— Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не одинъ.

— Ну, подавай сюда товарища.

— Я не съ товарищемъ, я... съ дамою.

— Съ дамою! Гдѣ-же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!

При этихъ словахъ Зуринъ засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали, а я совершенно смутился.

— Ну, продолжалъ Зуринъ: такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль... Мы-бы попирали по-старинному... Гей! малый! Да что-же сюда не ведутъ кумушку-то Пугачева? Или ова упрямятся? Сказать ей, чтобъ она не боялась; баринъ-де прекрасный, ничѣмъ не обидитъ—да хорошевько ее въ шею.

— Чтѣ ты это? сказалъ я Зурину: Какая кумушка Пугачева? Это—дочь покойнаго капитана Миронова. Я вывезъ ее въ плѣна и теперь провожаю до деревни батюшкиной, гдѣ и оставляю ее.

— Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчас докладывали? Помилуй! чтѣ-жъ это значить?

— Послѣ все расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиниться передъ Марьей Ивановной въ невольномъ недоразумѣніи и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался почевать у него.

Мы стужипали, и когда остались вдвоемъ, я рассказалъ ему свои похождения. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ:

— Это, братъ, хорошо; одно нехорошо: зачѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; по-вѣр-же ты мнѣ, что женитьба—блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да нянчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты съ капитанской дочкой. Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра-же одну къ родителямъ твоимъ, а самъ оставайся у меня въ отрядѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ незначѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщиковъ, такъ врядъ-ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Таковы образомъ любовная дурь пройдетъ сама собою и все будетъ ладно.

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однакожъ чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскѣ императрицы. Я рѣшился послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню и остаться въ его отрядѣ.

Савельичъ явился меня раздѣнять; я объявилъ ему, что въ другой-же день готовъ онъ былъ ѣхать на дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ-было заупрямился.

— Чтѣ ты, сударь? Какъ-же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣрился убѣдить его лаской и искренностью.

— Другъ ты мой, Архивъ Савельичъ! сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодаренъ; въ прислугѣ я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна пойдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ, потому что я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на пей.

Тутъ Савельичъ всплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго.

— Жениться! повторилъ онъ: Дитя хочетъ

жениться! А чтѣ скажетъ батюшка, а матушка-то чтѣ подумаетъ?

— Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я: когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ; ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ-ли?

Старикъ былъ тронуть.

— Охъ, батюшка ты мой, Петръ Андреевичъ! отвѣчалъ онъ: Хотя раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Инъ быть по-твоему! Провожу ее, ангела Божія, и рабски буду доносить твоимъ родителямъ, что такой невѣстѣ ненадобно и приданого.

Я благодарилъ Савельича и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринимъ. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно, но мало по малу слова его стали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то вопросъ, онъ захрапѣлъ и присвистнулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она прізвала ихъ благоразуміе и тотчасъ со мною согласилась. Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ-же день. Нечего было медлить. Я тутъ-же разстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала.

— Прощайте, Петръ Андреевичъ, сказала она тихимъ голосомъ: Придется-ли намъ увидѣться или нѣтъ—Богъ одинъ это знаетъ; по вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ.

Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружили. Я не хотѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ, которыя меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я возвратился къ Зурину, грустенъ и молчаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить; я думалъ себя разсѣять; мы провели день шумно и буйно, и вечеромъ выступили въ походъ.

Это было въ концѣ февраля. Зима, затруднявшая военныя распоряженія, проходила, и наши генералы готовились къ дружному содѣйствію. Пугачевъ все еще стоялъ подъ Оренбургомъ. Между тѣмъ около него отряды соединялись и со всѣхъ сторонъ приближались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни, при видѣ нашихъ войскъ, приходили въ повиновеніе; шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ, и всепредвѣщало скорое и благополучное окончаніе.

Вскорѣ князь Голицынъ, подъ крѣпостью Татищевой, разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ и, казалось, нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то время отряженъ противу шайки мятежныхъ башкирцевъ, которые разсѣялись преж-

де, нежели мы ихъ увидали. Весна осадила вѣсъ въ татарской деревушкѣ. Рѣчки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утѣшались въ нашемъ бездѣйствіи мыслью о скоромъ прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбойниками и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки и снова началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ снова распространился. Мы узнали о разореніи сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсилье презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ захватить къ намъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной, одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зурина: «Въ Симбирскъ! въ Симбирскъ!» Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимаючи плечами: «Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женисься, ни за что пропадешь!...»

Мы приближались къ берегамъ Волги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню** и остановился въ ней почевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались; шайки пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покоя. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется-ли перевозчика. Всѣ крестьяне были рыболовы; лодокъ много. Я пришелъ къ Зурину и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.

— Берегись, сказалъ онъ мнѣ: одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первыи и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай.

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга веслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, скользя по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около получаса. Я погружался въ мечты воображенія: спокойствіе природы и ужасы политическіе, любовь и т. д. Мы достигли середины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою.

— Чтѣ такое? спросилъ я, очнувшись.

— Не знаемъ, Богъ вѣсть, отвѣчала гребцы, смотря въ одну сторону.

Глаза мои приняли то-же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее впредъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дожидаться.

Луна зашла за облако. Плывущій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, а я все еще не могъ его различить.

— Чтѣ-бы это было? говорили гребцы: парусъ не парусъ, мачта не мачта.

Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ навстрѣчу плыла вистѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладнѣхъ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица вистѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую вистѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озарила обезображенные лица несчастныхъ.. Одинъ изъ нихъ былъ старый чувашъ, другой—русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый, лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибиты были черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано. «Воры и бунтовщики». Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Вистѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ-было меня довольно грубо, но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть остановленному на дорогѣ. Если почная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Зурина. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и словую рошу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать.

— Чтѣ такое? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Застава, баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ остановя разъяренныхъ ковей.

Въ самомъ дѣлѣ, я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая паспортъ.

— Что это значить? спросилъ я его: Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?

— Да мы, батюшка, бунтуемъ, отвѣчалъ онъ, почесываясь.

— А гдѣ ваши господа? спросилъ я съ сердечнымъ замираніемъ.

— Господа-то наши гдѣ? повторилъ мужикъ: Господа наши въ хлѣбномъ амбарѣ.

— Какъ въ амбарѣ?

— Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-государю!

— Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что-же ты зѣвашь?

Караульный медлялъ. Я выскочилъ изъ телѣги, треснулъ его (выповать) въ ухо и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный амбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо передъ ними. Я выскочилъ и бросился прямо на нихъ.

— Отворяй двери! сказалъ я имъ.

Вѣроятно, видъ мой былъ страшенъ, но крайней мѣрѣ оба убѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской избы и съ надменнымъ видомъ спросилъ меня, какъ я смѣю буянить.

— Гдѣ Андрюшка земскій? закричалъ я ему: кликнуть его ко мнѣ!

— Я самъ Андрей Аванасьевичъ, а не Андрюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ, гордо подбочась: Чего надобно?

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ амбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но отеческое наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ амбаръ. Я кинулся черезъ порогъ и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолокъ, увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ говорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли узнать меня.

Вдругъ услышалъ я милый знакомый голосъ.

— Петръ Андреичъ! Это вы?

Я оглянулся и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его.

— Здравствуй, здравствуй, Петруша! говорилъ онъ, прижимая меня къ сердцу: Слава Богу, дождались тебя!

Матушка ахнула и залилась слезами.

— Петруша, другъ мой! говорила матушка. Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ-ли ты?

Я спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; по, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова запертою.

— Андрюшка! закричалъ я: отпри!

— Какъ не такъ! отвѣчалъ изъ-за двери земскій: сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ ужъ научимъ тебя буянить да за воротъ таскать государевыхъ чиповниковъ!

Я сталъ осматривать амбаръ, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться.

— Не трудись, сказалъ мнѣ батюшка: не таковскій я хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары мои входить и выходить воровскими лазейками.

Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, впала въ отчаяніе, видя, что пришлось и мнѣ раздѣлить погибель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ находился съ ними и съ Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Зуринъ долженъ былъ подождать къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполне радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ.

— Ну, Петръ, сказалъ мнѣ отецъ: довольно ты проказилъ и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣдился. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня, старика. Если тебѣ обязавъ я буду извѣщеніемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе.

Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудня услышали мы необычайный шумъ и крики.

— Что это значить? сказалъ отецъ: ужъ не твой-ли полковникъ подоспѣлъ?

— Невозможно, отвѣчалъ я: онъ не будетъ прежде вечера.

Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту въ узкое отверстіе, прорубленное въ стѣнѣ, просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ:

— Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреичъ! Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь-ли, Петръ Андреичъ, кто ихъ привелъ? Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, нелегкая его побери!

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна вскакнула руками и осталась неподвижною.

— Послушай! сказалъ я Савельичу: пошли кого-нибудь верхомъ къ перевозу, навстрѣчу гусарскому полку, и вели дать звать полковнику о нашей опасности.

— Да кого-же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До амбара добираются.

Въ это время за дверью раздались нѣсколько голосовъ. Я далъ знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголь, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ пистолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась, и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблею, и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту-же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ пистолета. Толпа, осаждавшая насъ, отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь.

Дверь былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрина.

— Не бойтесь, сказалъ я женщинамъ: есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ.

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подлѣ нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятія. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ, готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

— Я здѣсь. Чего ты хочешь?

— Сдавайся, Гривевъ: противиться невозможно. Пожалѣй своихъ стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь!

— Попробуй, измѣнникъ!

— Не стану ни самъ совѣтаться по-пустому, ни своихъ людей тратить, а велю поджечь амбаръ, и тогда посмотримъ, что ты станешь дѣлать, Донъ-Кихотъ бѣлогорскій. Теперь пора обѣдать. Покажѣсь сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашими рыцаремъ.

Швабринъ удалился, оставя караулъ у амбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщать другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все, что въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться-ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя вужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное

пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человѣкъ! Я не смѣлъ оставиваться на этой ужасной мысли и готовился (прости, Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и страшили насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабрина. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— Что, надумались-ли вы? Сдаетесь-ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ привести соломъ. Черезъ вѣсколько минутъ всныпнулъ огонь и освѣтилъ темный амбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала:

— Полно, Петръ Андреечъ! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!

— Ни за что! закричалъ я съ сердцемъ: знаете-ли вы, что васъ ожидаетъ?

— Безчестія не переживу, отвѣчала она спокойно: но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью, которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичъ! Прощайте, Авдотья Васильевна! Вы были для меня болѣе, чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреечъ. Будьте увѣрены, что... что... Тутъ она заплакала и закрыла лицо руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ: Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ? Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ. Слушай! Что тамъ еще говорить?

— Сдаетесь-ли? кричалъ Швабринъ: Видите, черезъ нять минутъ васъ изжарятъ.

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ.

Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Теперь пора!»

Онъ отперъ дверь. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, закопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающей порогъ и закричалъ: «За мной!» Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабринъ, прострѣленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободри-

лась и начала пась окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но крпичъ, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрину, сидѣшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ, казаковъ и башкирцевъ окружала пась. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лицо его изображало мученіе и злобу. Онъ медленно поднималъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ:

— Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ нея...

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они пась оставили и разбѣжались: въ ворота вѣхалъ Зуринъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями наголо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Зуринъ сескочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Кстатн-же я подоспѣлъ! сказалъ онъ намъ: А! вотъ и твоя невѣста!

Марья Ивановна покраснѣла по-уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ.

— Милости просимъ къ намъ, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрину, Зуринъ остановился.

— Это кто? спросилъ онъ, глядя на раненаго.

— Это самъ предводитель шайки, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина: Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына.

— Это Швабринъ, сказалъ я Зурину.

— Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лекарю, чтобъ онъ перевязалъ ему рану и берегъ его, какъ зѣнцу ока. Швабрину надобно непременно представить въ секретную казанскую комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны...

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось, кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащъ.

Мы вошли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Сзвельичъ торжествовалъ.

Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣждалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабрина лошадь, осѣдлалъ ее, вывелъ тиховько и, благодаря суматохѣ, незаметнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полкъ, отдыхавшій уже по сю сторону Волги. Зуринъ, узнавъ отъ него о нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ-маршъ, въ галопъ! и, слава Богу, прискакалъ во-время.

Зуринъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ погони, захвата въ плѣнъ нѣсколько человекъ. Ихъ заперли въ тотъ самый амбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ компанатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Зуринъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около саможара, несело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай. Я сѣлъ подлѣ нея и занялся ею ислючительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно; а много-ли такихъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни.

— Ну, чтѣ, дураки? сказалъ онъ имъ: Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?

— Виноваты, государь ты нашъ, отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— То-то виноваты! Напроказять, да сами не рады! Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну, добро: повинную голову мечъ не сбьетъ.

— Виноваты; конечно виноваты!

— Богъ далъ ведро. Пора-бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня чтѣ дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая bestia, чтобъ у меня къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!

Мужики поклонились и пошли ва баршину, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Швабрину оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потупилъ голову, а я отошелъ поспѣшно изъ окна: я боялся показать видъ, что торжествую надъ униженіемъ и несчастіемъ недруга.

Зуринъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я

рѣшился за нимъ послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть еще вѣскольکو дней посреди моего семейства. Наканувѣ похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновению поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьей Ивановной. Старикъ меня подняли и въ радостныхъ слезахъ изъяснили свое согласіе. Я привелъ къ нимъ Марью Ивановну, блѣдную и трепещущую. Настъ благословили. Чтѣ чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полкъ собрался. Зуринъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяцъ я надѣялся быть супругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичъ опять за мною послѣдовалъ, и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія, разоренныя Пугачевымъ, и по-неволѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безмысленный и безплодный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, которымъ и своя шейка—копѣйка, и чужая головушка—полушка.

Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, о которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ, пожимая плечами: «Итъ! тебѣ не одобровать! Женишься—ни за чтѣ пропадешь!»

Но между тѣмъ странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровью столькожъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня по-неволѣ. «Емеля. Емеля!—думалъ я съ досадою—зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ, или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ-бы ты придумать». Чтѣ прикажете дѣлать! Мысль о немъ неразлучна была во мнѣ съ мыслью о пощадѣ, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіе моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Черезъ вѣскольکو дней долженъ я былъ опять очутиться посреди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну. Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то колынуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная чего. Онъ выслалъ моего денщика и объявилъ, что пишетъ до меня дѣло.

— Чтѣ такое? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Маленькая непріятность, отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу: прочитай, чтѣ сейчасъ я получилъ.

Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ-бы я имъ ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань, въ слѣдственную комиссію, учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ.

— Дѣлать нечего! сказалъ Зуринъ: Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ-нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ комиссіей. Не унывай и отправляйся.

Свѣсть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ быть, на вѣскольکو еще мѣсяцевъ—устрашала меня. Телѣжка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ телѣжку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

С У Д Ъ.

Мірская молва—морская волна.
Пословица.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но еще всѣми силами было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи.

Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачевымъ могли быть доказаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышляя о допросахъ, меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая этотъ способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и поргорѣлую. По улицамъ, на мѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачевымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посреди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпи и заковали ее ваглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной конуркѣ, съ одними голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однако-жъ я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ и, впервые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ комиссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу, довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человека: пожилой генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой гвардейскій капитанъ, лѣтъ двадцати восьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка, за особымъ столомъ, сидѣлъ секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагами, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ-ли я Андрея Петровича Гринева? И на отвѣтъ мой возразилъ сурово:

— Жаль, что такой почтенный человекъ имѣетъ такого недостойнаго сына!

Я спокойно отвѣчалъ, что каковы-бы ни были обвиненія, тяготящія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась.

— Ты, братъ, востѣрь, сказалъ онъ мнѣ, нахмурясь: но впдали мы и не такихъ!

Тогда молодой человекъ спросилъ меня:

— По какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву, и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ?

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу

къ Пугачеву вступать не могъ и никакихъ порученій отъ него принять не могъ.

— Какимъ-же образомъ, возразилъ мой допросчикъ: дворянинъ и офицеръ одинъ пощажень самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ малодушіи?

Я былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я рассказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана, какъ при взятіи Бѣлогорской крѣпости онъ меня узналъ и пощадилъ. Я сказалъ, что тулупу и лошади, правда, не посовѣстился я принять отъ самозванца; но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противу злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ я сослался и на моего генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной оренбургской осады.

Строгий старикъ взялъ со стола открытое писмо и сталъ читать его вслухъ:

«На запросъ вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, яко-бы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношенія съ злодѣемъ, службою недозволенная и долгу присяги противная, объяснить имѣю честь: оный прапорщикъ Гринева находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала октября прошлаго 1773 года до 24 февраля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣжчиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу...»

Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе и сказалъ мнѣ сурово:

— Что ты теперь скажешь себѣ въ оправданіе?

Я хотѣлъ было продолжать, какъ началъ, и объяснить мою связь съ Марьей Ивасовою такъ-же искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то комиссія потребуетъ ее къ отвѣту, и мысль витать няя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ и ее самоѣ привести на очную съ ними ставку—эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замаялся и спутался.

Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностью, были снова предубѣждены противу меня

при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобъ меня поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ кланяться вчерашняго злодѣя. Я съ живостью оборотился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ—Швабринъ. Я изумился его переменѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но слышимымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпиономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, чтобъ передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлается въ городѣ; что наконецъ явно переданъ самозванцу, развѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, чтобы занимать ихъ мѣста и пользовался наградами, раздаваемыми отъ самозванца. Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, оттого-ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ; оттого-ли, что въ сердцѣ его таилась искра того-же чувства, которое и меня заставляло молчать. Какъ-бы то ни было, имя дочери бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи комиссіи. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и когда судьи спросили: «чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина», я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другого въ оправданіе себя сказать не могу. Генералъ велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобною усмѣшкой и, приподнявъ свои цѣпи, опередилъ меня и ускорилъ свои шаги. Меня опять отдели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

Я не былъ свидѣтелемъ всему, о чемъ остается мнѣ увѣдомить читателя; но я такъ часто слышалъ о томъ рассказы, что малѣйшія подробности врѣзались въ мою память, и что мнѣ кажется, будто-бы я тутъ-же невидимо присутствовалъ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто рассказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не беспокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, котораго цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его такъ жаловалъ; но

клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старикъ успокоился и съ нетерпѣніемъ стали ждать благоприятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностью и осторожностью.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія на счетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была-бы меня постигнуть, но что государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклопнымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Этотъ неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горестъ его (обыкновенно вѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ.

—Какъ! повторялъ онъ, выходя изъ себя: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отставая то, что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!..

Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говорила о неувѣрности молвы, о шаткости людскаго мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ-бы оправдаться, когда-бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницей моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ-бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго Календаря», но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ-же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась.

—Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ? сказала она:

неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты пастъ попить?

Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависить отъ этого путешествія, и что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее минное преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ.

— Поѣзжай, матушка! сказалъ онъ ей со вздохомъ: мы твоему счастью помѣли сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихъ добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.

Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, стѣссти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну сваридали, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, наслѣдственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслию, что служилъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію, и узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорила, объявила, что она—племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она рассказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцененъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна рассказала исторію каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только-что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и оста-

новилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ.

— Не бойтесь, она не укуситъ.

И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ прогиву памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла рассмотреть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ почномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

— Вы, вѣрно, не здѣшняя? сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

— Вы пріѣхали съ вашими родными?

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

— Одна! Но вы такъ еще молоды...

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

— Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

— Извините меня, сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лицо ея перемѣнилось—и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? сказала дама съ холоднымъ видомъ: пинератрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.

„Капит. дочка“. Дуэль Швабрина съ Гриневымъ.

„Капит. дочка“. Пугачевъ милуетъ Гринева.

„Капит. дочка“. Къ счастью, она не узнала Пугачева.

„Капит. дочка“. Максимычъ съ письмомъ отъ повѣсты Гринева.

„Капит. дочка“. Приѣздъ Пугачева въ Бѣлогорскую.

„Капит. дочка“. „Батюшка выстрѣлить, шагнулъ за порогъ...“

„Капит. дочка“. Судъ надъ Гривевымъ.

„Капит. дочка“. Капитанская дочка передъ Екатериной II.

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

— Какъ, неправда! возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ расскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ рассказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

— Гдѣ вы остановились? спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.

Съ этими словами она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осевнюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чая только-было принялась за безконечные рассказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу МIRONOVY.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась.

— Ахти, Господи! закричала она: государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ-же это она про васъ узнала? Да какъ-же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить-ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу подостеречь. И какъ-же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Послать-ли въ поивальную бабушкѣ за ея желтымъ робомомъ?

Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было вѣчего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею открылись пастежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ: камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложить, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери открылись, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно объяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой:

— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею.

— Знаю, что вы не богаты, сказала она: но я въ долгу передъ дочерью капитана МIRONOVA. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить наше состояніе.

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той-же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала его провинціальную застѣчивость и извиняла великодушнo. Въ тотъ-же день Марья Ивановна, не полюбопытствова въ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича ГРИНЕВА. Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнію; что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толѣтѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской губерніи. Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятирѣмъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана МIRONOVA.

Рукопись Петра Андреевича ГРИНЕВА доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы завиты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, вздѣтъ ее особо, приискать къ каждой главѣ пріятный эпиграфъ и дозволить себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственныя имена.

1836 г.

ИЗДАТЕЛЬ.

КИРДЖАЛИ.

Кирджали былъ родомъ болгаръ. Кирджали на турецкомъ языкѣ значить витязь, удалецъ. Настоящаго его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію. Чтобы дать о немъ нѣкоторое понятіе, расскажу одинъ изъ его подвиговъ. Однажды ночью онъ и арнаутъ Михайлаки напали вдвоемъ на болгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ сторонъ и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а Михайлаки несъ добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селеніе разбѣжалось.

Когда Александръ Ипсиланти обнарудовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войска, Кирджали привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей. Настоящая цѣль этеріи была имъ худо извѣстна, но война представляла случай обогатиться на счетъ турокъ, а можетъ быть и молдаванъ, и это казалось имъ очевидно.

Александръ Ипсиланти былъ лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ, нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно. Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности. Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ греческаго юношества, Іордаки Олимпіоти присовѣтовалъ ему удалиться и самъ заступилъ его мѣсто. Ипсиланти усаkali къ границамъ Австріи и оттуда послалъ свое проклятіе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодаями. Эти трусы и негодяи, большею частью, погибли въ стѣнахъ монастыря Секу или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятели, вдесятеро сильнѣйшаго.

Кирджали находился въ отрядѣ Георгія Кантакузина, о которомъ можно повторить то-же самое, что сказано объ Ипсиланти. Наканунѣ сраженія подъ Скулянами, Кантакузинъ просилъ у русскаго начальства позволенія вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафіанось, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

Сраженіе подъ Скулянами, кажется, никѣмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообразите себѣ семьсотъ человекъ арнаутовъ, албавцевъ, грековъ, болгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ турецкой конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута и выставилъ передъ собою двѣ маленькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на

дворѣ господара, изъ которыхъ, бывало, паляли во время именинныхъ обѣдовъ. Турки рады были-бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія русскаго начальства: картечь непременно перелетѣла-бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина (нынѣ уже покойникъ), сорокъ лѣтъ служившій въ военной службѣ, отроду не слыхивалъ синста пуль; но тутъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколькихъ прожужжали мимо его ушей. Старичекъ ужасно разсердился и разбранилъ за то маіора охотскаго пѣхотнаго полка, находившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и усаkali, а за ними и весь турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

На другой день, однакожъ, турки атаковали этеристовъ. Не смѣя употреблять ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновенію, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Сраженіе было жестокое. Рѣзались ятаганами. Со стороны турокъ замѣчены были копья, долотъ у нихъ небывалыя; эти копья были русскія: Некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего государя, могли перейти Прутъ и скрыться въ нашемъ карантинѣ. Они начали переправляться. Кантагони и Сафіанось остались послѣдніе на турецкомъ берегу. Кирджали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Сафіанось былъ убитъ. Кантагони, человекъ очень толстый, раненъ былъ конемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднималъ саблю, другою схватился за вражеское копьё, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблею своего убійцу, съ которымъ вѣсть и повалился.

Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена. Около шестисотъ арнаутовъ разсыпались по Бессарабіи; не вѣдая, чѣмъ себя прокормить, они все-же были благодарны Россіи за ея покровительство. Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полу-турецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прилебывающихъ кофейную гущу изъ маленькхъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали уже изнашиваться, но хохлатая скуфейка все-же еще надѣта была на бекрень, а ятаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобы эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобы онъ самъ находился между ними.

Паша, начальствовавшій въ Яссахъ, о томъ узналъ и, на основаніи мирныхъ договоровъ,

потребовалъ отъ русскаго начальства выдачи разбойника.

Полиція стала доискиваться. Узнали, что Кирджали въ самомъ дѣлѣ находится въ Кипиневѣ. Его поймали въ домѣ бѣглаго монаха, вечеромъ, когда онъ ужиналъ, сидя въ потемкахъ съ семью товарищами.

Кирджали засадили подъ караулъ. Онъ не сталъ скрывать истины и признался, что онъ—Кирджали.

— Но, прибавилъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужого добра, не обидѣлъ и послѣдняго цыгана. Для турокъ, для молдаванъ, для валаховъ я, конечно, разбойникъ, но для русскихъ я—гость. Когда Сафяносъ, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, отбирая у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ атагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ и остался безъ денегъ. Богъ видать, что я, Кирджали, жилъ подаяніемъ! За что-же теперь русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?

Послѣ того Кирджали замолчалъ и спокойно сталъ ожидать разрѣшенія своей участи.

Онъ дождался недолго. Начальство, не объяснивъ смотрѣть на разбойниковъ съ ихъ романтической стороны и убѣжденное въ справедливости требованія, новелѣло отравить Кирджали въ Яссы.

Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ его отъѣздъ.

У воротъ острога стояла почтовая каруца... Можетъ быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая, плетеная телѣжка, въ которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь клыченковъ. Молдаванъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, поминутно кричалъ и хлопалъ бичемъ, и клыченки его бѣжали довольно крупною рысью. Если одна изъ нихъ начинала приставать, то онъ отирягалъ ее съ ужасными проклятіями и бросалъ на дорогѣ, не заботясь объ ея участи. На обратномъ пути онъ увѣренъ былъ найти ее на томъ-же мѣстѣ, спокойно пасущуюся на зеленой стени. Нерѣдко случалось, что чутѣшественникъ, выѣхавшій изъ одной станціи на восьми лошадяхъ, пріѣзжалъ на другую на парѣ. Такъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ въ обрुствѣвшей Бессарабіи череняли русскую упряжь и русскую телѣгу.

Такая каруца стояла у воротъ острога въ 1821 году, въ одно изъ послѣднихъ чиселъ сентября мѣсяца. Жидовки, спустя рукава и шлепа туплями, арнауты въ своемъ оборванномъ и живописномъ нарядѣ, стройныя молдаванки съ черноглазыми ребятами на рукахъ

окуряли каруцу. Мужчины хранили молчаніе, женщины съ жаромъ чего-то ожидали.

Ворота отворились, и нѣсколько полицейскихъ офицеровъ вышли на улицу; за ними двое солдатъ вывели скованнаго Кирджали.

Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ, и вообще въ немъ изобразилась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; доломанъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красивыя туфли составляли остальную его нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ.

Одинъ изъ чиновниковъ, краснорожій старичекъ, въ полниломъ мундирѣ, въ которомъ болтались три пуговицы, прищепилъ оловянными очками багровую пишку, зашнуровавшую у него носъ, развернулъ бумагу и, гнуся, началъ читать на молдаванскомъ языкѣ. Время отъ времени онъ надменно взглядывалъ на скованнаго Кирджали, къ которому, новидимому, относилась бумага. Кирджали слушалъ его со вниманіемъ. Чиновникъ кончилъ свое чтеніе, сложилъ бумагу, грозно прикрикнувъ на народъ, приказалъ ему раздаться и велѣлъ поднести каруцу. Тогда Кирджали обратился къ нему и сказалъ ему нѣсколько словъ на молдаванскомъ языкѣ; голосъ его дрожалъ, лицо измѣнилось; онъ заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника, загремѣвъ своими цѣпями. Полицейскій чиновникъ, испугавшись, отскочилъ, солдаты хотѣли-было принудить Кирджали, но онъ всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: гай да! Жандармъ сѣлъ подлѣ него; молдаванъ хлоннулъ бичемъ, и каруца покати-лась.

— Что это говорилъ вамъ Кирджали? спросилъ молодой чиновникъ у полицейскаго.

— Онъ, видите-съ, просилъ меня, отвѣчалъ, смѣясь, полицейскій, чтобъ я позаботился о его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалеко отъ Кипія въ булгарской деревнѣ: онъ боится, чтобъ и они изъ-за него не пострадали. Народъ глупый-съ.

Разсказъ молодого чиновника сильно меня тронулъ. Мнѣ было жаль бѣднаго Кирджали. Долго не зналъ я ничего объ его участи. Нѣсколько лѣтъ ужъ спустя, встрѣтился я съ молодымъ чиновникомъ. Мы разговорились о прошедшемъ.

— А что вашъ пріятель Кирджали? спросилъ я: не знаете-ли, что съ нимъ сдѣлалось?

— Какъ не знать, отвѣчалъ онъ и разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Кирджали, привезенный въ Яссы, представленъ былъ пашѣ, который присудилъ его быть

посажену на колы. Казнь отсрочили до какого-то праздника. Покаместъ заключили его въ тюрьму.

Невольника стерегли семеро турокъ (люди простые и въ душѣ такіе-же разбойники, какъ и Кирджали); они уважали его и съ жадностью, общемо всему востоку, слушали его чудныя рассказы. Между стражами и невольникомъ завелась тѣсная связь. Однажды Кирджали сказалъ имъ:

— Братья! часть мой близокъ. Никто своей судьбы не избѣжитъ. Скоро я съ вами разстанусь. Мнѣ хотѣлось-бы вамъ оставить что-нибудь на память.

Турки развѣсили уши.

— Братья, продолжалъ Кирджали: три года тому назадъ, какъ я разбойничалъ съ покойнымъ Михайлаки, мы зарыли въ степи, недалеко отъ Яссы, котель съ гальби нами. Видно, ни мнѣ, ни ему не владѣть этимъ кладомъ. Такъ и быть, возьмите его себѣ и раздѣлите полюбовно.

Турки чуть съ ума не сошли. Пошли толки, какъ имъ будетъ найти завѣтное мѣсто? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали самъ ихъ повелъ.

Настала ночь. Турки сняли оковы съ ногъ невольника, связали ему руки веревкою и съ нимъ отправились изъ города въ степь.

Кирджали ихъ повелъ, держась одного направления, отъ одного кургана къ другому. Они шли долго. Наконецъ Кирджали остановился близъ широкаго камня, отиѣрилъ двѣнадцать шаговъ на полдень, топнулъ и сказалъ: здѣсь.

Турки распорядились. Четверо вынули свои ятаганы и начали копать землю. Трое остались на стражѣ. Кирджали сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

— Ну, что, скоро-ли? спрашивалъ онъ: дорылись-ли?

— Нѣтъ еще, отвѣчали турки, и работали такъ, что потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Кирджали сталъ оказывать нетерпѣніе.

— Экой народъ, говорилъ онъ: и землю-то копать порядочно не умѣютъ. Да у меня дѣло было-бы кончено въ двѣ минуты. Дѣти! развяжите мнѣ руки, дайте ятаганъ.

Турки призадумались и стали совѣтоваться. Что-же? (рѣшили они) развяжемъ ему руки, дадимъ ятаганъ. Что за бѣда? Онъ одинъ, насъ семеро. И турки развязали ему руки и дали ятаганъ.

Наконецъ Кирджали былъ свободенъ и вооруженъ. Что-то долженъ онъ былъ почувствовать! Онъ сталъ проворно копать, сторожа ему помогали... Вдругъ онъ въ одного изъ нихъ вонзилъ свой ятаганъ, и, оставя булатъ въ его груди, выхватилъ изъ-за его пояса два пистолета.

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженнаго двумя пистолетами, разбѣжались.

Кирджали вывѣ разбойничаетъ около Яссы. Недавно писалъ онъ господарю, требуя отъ него пять тысячъ левовъ и грозясь, въ случаѣ несправности въ платежѣ, зажечь Яссы и добраться до самого господара. Пять тысячъ левовъ были ему доставлены.

Каковъ Кирджали?

1834 г.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Quel est cet homme?“ — Ha, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. — „Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte“.

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ жевать; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ — сочинителемъ.

Не смотря на великія преимущества, которыми пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить внимательный надежъ вмѣсто родительнаго послѣдствія не еще кой-какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакъ ихъ особенныхъ преимуществъ за русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ-бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большому невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклеимъ и которое никогда отъ него не отпадетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея имѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится-ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли-ли вы намъ чего-нибудь повенькаго? Задумается-ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ или о болѣзни милого ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно, что-нибудь сочиняете? Влюбится-ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегіи. Приѣдетъ-ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ ужъ клочетъ своего сына и застаиваетъ чятать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы-же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что пріѣзствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ при-

нужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя песенное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братьи-литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый ношлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостью и суевѣріемъ молодого москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставлялъ его съ неромъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣженъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: не написали-ли вы чего-нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія ихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше и звучныя рифмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственные причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

— Кто тамъ? спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій лобъ, осященный черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая валия желто-смуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ истертымъ чернымъ галстукомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазь; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье. Встрѣясь съ этимъ человѣкомъ въ лѣсу, вы принявъ-бы его за разбойника; въ обществѣ—за политическаго заговорщика; въ передней—за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

— Чтѣ вамъ надобно? спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

— Signor, отвѣчалъ ио-итальянски иностранецъ съ низкими поклонами: *Lei voglia perdonarmi, se...* (простите меня великодушно, если...)

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на итальянскомъ языкѣ.

— Я итальянскій художникъ, говорилъ незнакомецъ: обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что итальянецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развезитъ по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорбленія, болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ.

— Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете? спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Итальянецъ замѣтилъ его досаду.

— Signor, отвѣчалъ онъ, запинаясь: *No creduto... ho sentito... la vostra eccellenza... mi perdonera...* (я осмѣлился думать, что... ваше превосходительство не сочтете дерзостію...)

— Чтѣ вамъ угодно? повторилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ итальянецъ, и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

— Вы ошибаетесь, signor, прервалъ его Чарскій: званіе поэтовъ у насъ не существуютъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты—сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ обрванннхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ-бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я—великій стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.

Бѣдный итальянецъ смутлся. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между падмненнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ хохлатой парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ, кочующимъ артистомъ, въ истертомъ галетухѣ и поношенномъ фракѣ—ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выйти. Жалкій видъ его тронулъ Чарсаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

— Куда-же вы? сказалъ онъ итальянцу: постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно.—Вы музыкантъ?

— Нѣтъ, есселенза! отвѣчалъ итальянецъ: я—бѣдный импровизаторъ.

— Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія: зачѣмъ-же вы прежде не сказали, что вы—импровизаторъ? и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ итальянца. Онъ простодушна разговаривалъ о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашніе обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

— Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику: что вы будете имѣть успѣхъ—здѣшнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ, но это не бѣда; главное, чтобы вы были въ модѣ.

— Но если у васъ никто не понимаетъ

итальянскаго языка, сказалъ, призадумавшись, импровизаторъ: кто-жъ поѣдетъ меня слушать?

— Поѣдутъ, не опасайтесь—ниче изъ любопытства, другіе, чтобы провести вечеръ какъ-нибудь, третьи, чтобы показать, что понимаютъ итальянскій языкъ. Повторяю, надобно только, чтобы вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ—вотъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взявъ себѣ его адресъ и въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—Богъ.
Державинъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскалъ 35-й номеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній итальянецъ отворилъ ее.

— Побѣда! сказалъ ему Чарскій: ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня ** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленія. Ручаюсь вамъ если не за триумфъ, то, по крайней мѣрѣ, за барышъ...

— А это главное, вскричалъ итальянецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственнымъ южной его природѣ: я звалъ, что вы мнѣ можете. Corro di Vasso! Вы поэтъ, такъ-же, какъ и я; а что ни говори, поэты—славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Постойте... хотите-ли выслушать импровизацію?

— Импровизацію!.. развѣ вы можете обойтись и безъ публички, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?

— Пустое, пустое, гдѣ найти мнѣ лучшую публичку? Вы—поэтъ: вы поймете меня лучше ихъ—и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ дѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣ-нибудь и задайте мнѣ тему.

Чарскій сѣлъ на чемоданъ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

— Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.

Глаза итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, гордо поднявъ голову, и пылкіе стихи—выраженія мгновеннаго чувства—стройно излетали изъ устъ его...

Итальянецъ умолкъ... Чарскій молчалъ, изумленный и растроганный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросил импровизаторъ: каково?

— Удивительно! отвѣчалъ поэтъ: какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лепляли, развивали ее безпрестанно. И такъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!..

Импровизаторъ отвѣчалъ:

— Всякій талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ рѣзцомъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя приемами, разбѣренная стройными, однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быструю впечатлѣвѣи, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой вѣшной волею; тщетно я самъ захотѣлъ-бы это объяснить. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, la signora Catalani брала по двадцати пяти рублей. Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзии вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ итальянцемъ въ меркантильные расчеты. Итальянецъ при этомъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный итальянецъ не захѣтилъ этой перемены и проводилъ Чарскаго по корридору и по лѣстницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей. Начало въ 7 часовъ.

А Ф И Ш К А .

Зала графини ** отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двѣнадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ, для продажи и пріема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобы узнать, всѣмъ-ли онъ до-

воленъ? Онъ нашелъ итальянца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ поспатривающаго на часы. Итальянецъ былъ одѣтъ театрално. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волосы, опущенными клоками, осыпали его лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами, мужскими стѣнной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ, за послѣдними стульями; музыканты, съ своими пюпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посреди стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ въ полниці восьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ «Тапкреда». Все ушло и примолкло. Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того-же дѣйствія на публику; самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшнаго въ итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ, говоръ умолкъ... Итальянецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ, просилъ господъ поспѣшителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бужажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Итальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкими и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ итальянца и написалъ нѣсколько словъ; итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который

бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностью написать каждый по темѣ; секретарь неаполитанскаго посольства и молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія бредя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по итальянски и, покраснѣвъ во уни, отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною улыбкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одна за другою, читая каждую вслухъ:

Семейство Ченчи (*La famiglia dei Cenci*). *L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta da una prigione. Il trionfo di Tasso.*

— Чтѣ прикажетъ почтенная публика? спросилъ смиренный итальянецъ: назначить-ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставить рѣшить это жребію?..

— Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы.

— Жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному раввodusію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостью обратился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю второго ряда. Она встала безъ всякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ.

— Извольте развернуть и прочитать, сказалъ ей импровизаторъ.

Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: *Cleopatra e i suoi amanti*. Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ; но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ слышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ, съ видомъ глубокой благодарности, и возвратился на свои подмостки.

— Господа! сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ: жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, *perchè la grande regina aveva molto?*...

При этихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился.

Я — желалъ-бы знать, продолжалъ онъ: на какую историческую черту намекала особа, из-

бравшая эту тему?... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ объясниться.

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ обратили взоры на некрасивую дѣвушку, нависавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагоприятное вниманіе и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ. Чарскій не могъ этого вынести и, обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на итальянскомъ языкѣ:

— Тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто-бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что напались обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ... Не выберете-ли вы другого?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе Бога... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лицо его страшно поблѣднѣло: онъ затренился какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приводилъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на груди... музыканты умолкли... импровизація началась:

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ

Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;

Царица голосомъ и взоромъ

Свой пышный оживляла пиръ.

Сердца неслись къ ея престолу;

Но вдругъ надъ чашей золотой

Она задумалась и долу

Поникла дивною главой...

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ:

Безмолвны гости; хоръ молчитъ;

Но вновь она чело подымлетъ

И съ видомъ яснымъ говоритъ:

«Въ моей любви для васъ блаженство:

Блаженство можно вамъ купить...

Внемлите мнѣ: могу равенство

Межъ вами я возстановить.

Кто къ торгу страстному приступитъ?

Свою любовь я продаю;

Скажите: кто межъ вами купитъ

Цѣною жизни ночь мою?»

Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ,

И страстью дрогнули сердца—

Она смущенный ропотъ внемлетъ

Съ холодной дерзостью лица

И взоръ презрительный обводитъ

Кругомъ поклонниковъ своихъ...

Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,

Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:

Смѣла ихъ постунъ, ясны очь:

Она навстрѣчу имъ встаетъ.

Свершилось: куплены три ночи.

И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,

Теперь из урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый— Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ побѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья.
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонтъ, молодой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонтъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.—
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ,
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.
«Клянусь... о матеръ наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли-же, мощная Киприда,
И вы подземные цари,
И боги грознаго Анда!
Клянусь, до утренней зари
Монихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утоплю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!»
И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрываетъ сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
Курится легкій омиамъ,
И сладострастные прохлады
Земнымъ готовятся богамъ;
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блещетъ ложе золотое.

1835 г.

ЧЕТЫРЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ОТРЫВКА «ЕГИПЕТСКИХ НОЧЕЙ».

I-й ОТРЫВОКЪ.

1.

Цезарь путешествовалъ; мы съ Титою Петроніемъ слѣдовали за нимъ издали... По захоженіи солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели—мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали, каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и вочными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пустаться далѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. Онъ принесъ Петронію повелѣніе цесаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, вслѣдствіе ненавистнаго обвиненія. Мы были поражены ужасомъ: одинъ Петроній равнодушно выслушалъ свой приговоръ, отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ и сталъ ожидать его возвращенія въ кипарисной рощѣ, посвященной Эвменидамъ.

Мы окружили его съ безпокойствомъ. Флавій Аврелій спросилъ его: долго-ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и не страшится-ли раздражить цесаря ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою: по даже намѣренъ предупредить его желаніе. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнью дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи.

Мы всѣ изъявили желаніе съ нимъ остаться, и Петроній ласково насъ благодарилъ. Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже выбранный. Онъ находился въ предмѣстѣи города...

2.

(Программа: Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти—избѣраетъ теплыя ванны. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и рассказываетъ оду. Описаніе приготовленій; онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы: Первый вечеръ: о Клеопатрѣ—наши разсужденія о томъ. Второй вечеръ: Петроній приказываетъ разбить драгоценную чашу—диктуетъ Satyricon—разсужденіе о паденіи человѣка—о паденіи боговъ, объ общемъ безвѣріи—о превращеніяхъ Нерона. (Рабъ-христіанинъ.)

... Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствіи хозяина, уже давно покинувшаго Италію. Нѣсколько рабовъ подъ его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ

широкихъ сѣняхъ нашли мы кумиры девяти музъ; у дверей стояли два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ на чертанномъ на немъ привѣтствіе: здравствуй! Печальная улыбка изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ бібліотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ и пошли потомъ въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находились только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, сидящую въ креслахъ, другая—дѣвочку, играющую мячемъ. На столѣ, подлѣ постели, стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній остался и отпустилъ паса, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ въ Петроніѣ не только благодѣтеля, но и друга, искренно ко мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я знаніе свѣта и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны; равнодушіе избавляло его отъ пристрастія. Искренность въ отношеніи къ самому себѣ дѣлала его проникательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего новаго чувства его тремали, притупленныя привычкою; но умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философическія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по излучистымъ его тропинкамъ, освѣненнымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодого сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ-нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня:

Порѣдѣли, побѣдѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ холодъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него-же нѣтъ исхода—
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

3.

... Солнце клонилось къ западу; я пошелъ къ Петронію. Онъ расхаживалъ въ бібліотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекаръ Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ нѣжливо:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клубукамъ:
По любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный,
Наслажденій знакъ нескромный.

— Не скромничай, продолжалъ Петроній: вынимай изъ-подъ тоги свои дощечки и прочти.— Ты угадалъ, отвѣчалъ я Петронію и подаль дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось.

— Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ: мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслию о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, такъ-же какъ не вѣрю трусости Горация. Вы знаете оду его.

Ты помнишь часть ужасной битвы,
Когда я, трепетный квивить,
Вѣжалъ, нечестно бросаю щить,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрміи самъ внезапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей...

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостью, чтобъ не напомнить имъ о другомъ...

II-й ОТРЫВОКЪ.

Гости съѣзжались на дачу гр. Л. Зала наполнялась дамами и мужчинами, прїѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую комедію. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, сѣвшия поклониться хозяйкѣ и вновь исчезнуть въ толпѣ, еще не занятой ни картами, ни разговорами. Мало-по-малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около нихъ составилась кружокъ мужчинъ. Висты уцредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотръ парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сѣдѣло двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествуя испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ невзъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ.

— Какъ хороша ваша сѣверная ночь, сказалъ онъ накопецъ: и какъ не пожалѣть объ ея предести, даже подъ небомъ моего отечества!

— Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, отвѣчалъ ему другой: сравнивалъ ее съ русской бѣло-

брысой красавицей: признаюсь, что смуглая, черноглазая итальянка или испанка, исполненная живости и полуденной вѣги, болѣе плѣняет мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между *la brune et la blonde* еще не рѣшенъ. Но кстати: знаете-ли вы, какъ одна иностранка объяснила строгость и чистоту петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы для любовныхъ приключеній.

Испанецъ улыбнулся.

— И такъ благодаря вліянію климата, сказалъ онъ: Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безнорочности.

— Что касается до красоты, отвѣчалъ русскій, то вы правы: здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаете вы красоту; вообще, въ нихъ (т. е. русскихъ женщинахъ) есть и природный умъ, и образованность; но нечего говорить объ ихъ любезности: она не въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свою важность, достоинство. Всѣ стараются быть благопристойно-ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Чтѣ наше общество? Тѣ-же лица каждый день вмѣстѣ; а есть-ли между ними что-нибудь похожее на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все, чтѣ составляетъ прелесть общежитія. Вслушайтесь въ наши разговоры: сухія извѣстія изъ арміи, которыя завтра-же прочтете вы въ газетахъ, толки о новомъ посредственномъ актерѣ, изрѣдка — соблазнительный анекдотъ, рассказанный безъ всякаго правдоподобія, растолкованный, разобранный безо всякой веселости. Волокаться почитаемъ мы за дурной тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Однако мнѣ хочется дать вамъ понятіе о нравахъ нашего большого свѣта, и дабы не употребить во зло довѣрчивости иностранца, я расскажу вамъ... — И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

— Вы такъ откровенны и снисходительны, сказалъ испанецъ: что осмѣлюсь просить васъ разрѣшить мою задачу. Я шатался по всему свѣту, представлялся на всѣхъ европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу. Всякій разъ когда я вхожу въ залу княгини В* и вижу эти вѣмья, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межъ нами нѣтъ ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою, — предъ чѣмъ-же я робѣю?

— Предъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ русскій: это черта нашихъ нравовъ. Въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу — невниманіемъ и холодностью. О мужчинахъ нечего и говорить: ихъ нравствен-

ность... Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуютъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ-же станутъ онѣ говорить? О самихъ себѣ. Нѣтъ, онѣ слышкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мелочной, часто понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принять какъ чужой, не только иностранецъ, но и свой. Между тѣмъ всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго, но гдѣ его взять? И кто захочетъ выступить первый на сцену? Кто-то предлагалъ начинать на вечеръ разговорщика, какъ начинаютъ на маленькіе балы фортепианиста.

— Извините мнѣ вопросы... но врядъ-ли мнѣ найти въ другой разъ удовлетворительные отвѣты, и я спѣшу вами пользоваться. Вы упомянули о вашей аристократіи: чтѣ такое русская аристократія? Занимаюсь вашими законами. Я вижу, что наследственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашими дворянствомъ существуетъ гражданское равенство и доступъ къ нему ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша такъ-называемая аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ людей?

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ: древнее русское дворянство, вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Юрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Девочки, вѣнчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ упрекъ: достоинство — всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь, точно въ потомкахъ перваго христіанскаго барона Клермонъ-Тоннера. Я самъ напримѣръ — продолжалъ русскій съ видимымъ самодовольствомъ небреженія, — хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности и имена предковъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если-бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то вѣроятно насмѣшили-бы многихъ. Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, усиѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва-ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ,

но чиномъ какого-нибудь дяди дурака или баломъ двоюродной сестры. Забудьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безгражданственности...

Въ это время двери въ залу отиорились, и вошла Вольская. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда—все поневолю привлекало вниманіе. Мужчины встрѣтили ее съ какою-то шутилой привѣтливостью, дамы—съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; но Вольская ничего не замѣчала. Отвѣчая криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое, какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной княгини Г. и какъ говорится, *se mit à boudier*.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею: она встала, пошла около креселъ и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и русскій прекратили свой разговоръ и оба встали. Она подошла къ нимъ и съ явнымъ замѣшательствомъ сказала вѣскольکو словъ по-русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему сосѣду:

— Это ни на что не похоже.

— Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

— Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ-бы ей это замѣтить.

— Il n'en fera rien, tropheureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

— Я въ томъ увѣрена... Давно-ли вы стали такъ добродушны?

— Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой жевщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

— Страсти! какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете-ли вы, что у ней пылокое сердце, романическая голова? Просто, она дурно воспитана... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-паши? покажите мнѣ его.

Гости разсѣзались. Ни одной дамы уже не оставалось въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата донгрывали послѣднюю игру въ экарте. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго не удостоила и взгляда.

У подѣзда вѣскольکو гостей ожидали своихъ экипажей. Минскій посадилъ Вольскую въ ея карету.

— Кажется, твоя очередь, сказалъ ему молодой офицеръ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ: Она занята; я просто ея наперсникъ или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки какой-то французкѣ, нанявъ учителей всякаго рода, и послѣ ужъ объ ней не заботился. Четырнадцать лѣтъ она была прекрасна. читала романы и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что генералъ-адъютантъ X на одномъ придворномъ балу рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ и что государь, встрѣтясь на Англійской набережной, пѣлые полчаса изволилъ съ нею прогуливаться. Онъ сталъ свататься. Отецъ обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобъ видѣть у себя весь городъ. Къ тому-же Вольскій ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая номинутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приближались. Сперва Зинаида огорчилась, но потомъ подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе, даже безъ доказательствъ, оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличала Минскаго. Повидимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ

поведеніем заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворяясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но, усмиранный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесть ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность зрѣлого. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждого члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему за то, что она осмѣливалась явно презирать ненавистныя ему условія. Онъ подстрекалъ ее одобреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б*** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе.

— Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ, сказали ей Минскій. Весь умъ его почерпнуть изъ *Liaisons dangereuses*, такъ-же какъ весь его геній выкраденъ изъ Жювини. Узнавъ его покороче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.

— Мнѣ хотѣлось-бы влюбиться въ Р., сказала ему Зинаида.

— Какой вздоръ! отвѣчалъ онъ: охота вамъ связываться съ человѣкомъ, который краситъ волосы, и каждыя пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: *quand j'étais à Florence...* Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте изъ въ покоѣ, они созданы другъ для друга.

— А баронъ W.?

— Это дѣвочка въ мундирѣ; но знаете-ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе; онъ такъ-же необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дуренъ, *et puis c'est un homme à grands sentiments*, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ; онъ будетъ васъ мучить и смѣшать—чего вамъ болѣе?

Однако-жъ Вольская его не послушалась, Минскій угадывалъ ея сердце. Самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ списокъ вѣтренныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду. Вѣроятно, если-бы онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался-бы отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ—лѣни и благоприличію...

Минскій лежалъ еще въ постели, когда слуга подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ его, зѣвая, пожалъ плечами, развернулъ два листа, вдоль

и поперекъ исписанные мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо начиналось такимъ образомъ: «Я намѣрена тебѣ сказать все, что имѣю на сердцѣ. Въ твоемъ присутствіи я не нахожу мыслей, которыя такъ сильно меня преслѣдуютъ. Твои софизмы не убѣждаютъ меня, но заставляютъ меня молчать. Это доказываетъ твое всегдѣшнее превосходство надо мною, но этого не довольно для счастья, для снѣжнѣйшаго моего сердца...» Вольская упрекала его въ холодности, недовѣрчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ: разсыпалась въ нѣжныхъ, ласковыхъ увѣреніяхъ и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложѣ. Минскій отвѣчалъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами и обѣщаясь быть непременно въ театрѣ.

III-й ОТРЫВОКЪ.

Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгини Д.

Разговоръ какъ-то коснулся *m-me de Stael*. Баронъ Дальбергъ, на дурномъ французскомъ языкѣ, очень дурно разсказывалъ извѣстный анекдотъ—вопросъ ея Бонапарту: «кого почитаетъ онъ первою женщиною въ свѣтѣ», и забавный его отвѣтъ: «ту, которая народила болѣе дѣтей—*celle qui a fait le plus d'enfants*».

— Какая славная эниграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И по-дѣломъ ей, сказала одна дама: какъ можно такъ неловко напрашиваться на комплименты!

— А мнѣ такъ кажется, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ гамбсвыхъ креслахъ: мнѣ такъ кажется, что ни *m-me de Stael* не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эниграммѣ. Одна сдѣлала вопросъ изъ единаго любопытства, очень понятнаго. А Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію геніевъ.

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка: кого почитаете вы первою женщиною въ свѣтѣ?

— Берегитесь: вы напрашиваетесь на комплименты.

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки: нынѣ называли *m-me de Stael*; другіе — Орлеанскую дѣву, третьи — Елизавету, англійскую королеву, *m-me de Maintenon*, *m-me Roland* и проч.

Молодой человѣкъ, стоявшій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишее), въ первый разъ вѣшался въ разговоръ.

— Для меня, сказали онъ: женщина самая удивительная — Клеопатра.

— Клеопатра, сказали гости: да, конечно!... Однако, почему-жъ?

— Есть черта въ ея жизни, которая такъ вѣзлалась въ мое воображеніе, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобы тотчасъ не подумать о Клеопатрѣ.

— Что-жъ это за черта?

— Не могу, мудроно разсказать.

— А что? развѣ неблагопріистойно?

— Да, какъ почти все, что живо рисуетъ ужасные нравы древности.

— Ахъ, разскажите, разскажите.

— Ахъ, вѣтъ—не разсказывайте, прервала Вольская, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ: *qui est-ce donc, que l'on trompe ici?* Вчера мы смотрѣли Antony, а вонъ тамъ у меня на каминѣ валяется «*la Physiologie du Mariage*». Пашли чѣмъ насъ пугать... Неблагопріистойно! Перестаньте насъ морочить, Алексѣй Ивановичъ! вы не журналистъ... Разскажите просто, что знаете про Клеопатру, однако будьте благопріистойны, если можно...

Всѣ разсмѣялись.

— Ей Богу, сказалъ молодой человѣкъ: я робѣю, я сталъ стыдливъ, какъ цѣпзура... Ну, такъ и быть. Надо знать, что въ числѣ латинскихъ историковъ есть вѣтъ Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыхивали.

— Aurelius Victor? прервалъ Вершневъ, который учился вѣкогда у іезуитовъ: Аврелій Викторъ — писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываются Корнелію Непоту и даже Светонію... Онъ написалъ книгу. *De viris illustribus* — о знаменитыхъ мужахъ Рима. Знаю!

— Точно такъ, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ: книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе о Клеопатрѣ, которое меня такъ поразило... и—что замѣчательно!—въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силою выраженія равняется Тациту: «*Næs tantæ libidinis fuit, ut sæpe prostituerit: tantæ pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint*»

— Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ: это напоминаетъ мнѣ Саллюстія—помните? *Tantæ...*

— Что-же это, господа? сказала хозяйка: ужъ вы изволите разговаривать по-латыни! Какъ это для насъ весело! Скажите, что значить ваша латинская фраза?

— Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотою и что многіе купили ея ночи цѣною своей жизни.

— Какой ужасъ! сказали дамы. Что-же вы тутъ нашли удивительнаго?

— Какъ что? Кажется мнѣ, Клеопатра была не пошла кокетка и цѣнила себя не деньгами... кажется. одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такой цѣною... Я предлагалъ

Пушкину сдѣлать изъ этого поэму: онъ-было и началъ, да бросилъ.

Молодая графиня К., дурнушка, постаралась придать важное выраженіе своему носу, похожему на луковицу, воткнутую въ рѣпу, и сказала:

— Есть и нынче женщины, которые цѣнять себя подороже.

Мужъ ея, польскій графъ, женившійся по разсчету (говорять, ошибочному), покраснѣлъ, потупилъ глаза и выпилъ свою чашку чаю.

— Что ны подъ этимъ разумѣете, графиня? спросилъ молодой человѣкъ, съ трудомъ удерживая улыбку.

— Я разумѣю, отвѣчала графиня К., что женщина, которая себя уважаетъ, которая уважаетъ...

Тутъ она зануталась.. Вершневъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважаетъ, не хочетъ смерти грѣшнику.—не такъ-ли?...

IV-й ОТРЫВОКЪ.

Сначала идетъ все такъ-же, какъ и въ третьемъ отрывкѣ со словъ «Ахъ, разскажите, разскажите!»; затѣмъ послѣ восклицанія—«какой ужасъ!» слѣдуетъ:

— И только-то? И вы совѣстились намъ разсказать эту историческую черту? спросила хозяйка. Но это ничего не значить въ сравненіи съ новыми романами. Но что же вы тутъ находите восхитительнаго?

— Какъ что? Кажется, одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такою цѣною. И что еще удивительнѣе,—она имѣла духъ получить условленную плату. Я предлагалъ * сдѣлать изъ этого поэму; онъ было и началъ, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ, сказала одна дама.

— Что-жъ изъ этого хотѣлъ онъ извлечь? спросилъ юноша: Какая тутъ главная идея? Не помните-ли?

— Если вамъ угодно, я разскажу. Я помню первые стихи. Онъ начинаетъ описаніемъ прѣшества въ садахъ царицы египетской. На берегу четверугольнаго озера, выложеннаго жемчужнымъ мраморомъ, Клеопатра угощаетъ своихъ поклонниковъ. Порфирные львы съ птичьими головами изливаютъ воду изъ позолоченныхъ клювовъ. Еннухи разносятъ вина Италіи. Народъ тѣснится на порфирныхъ ступеняхъ. Гости на ложахъ изъ слововой кости. Гремятъ сладострастная музыка. Сирійскій оніамъ курится въ кадильницахъ. Широкая онахала навѣваютъ прохладу...

И вдругъ надъ чашей золотой

Она задумалась и долгу

Поникла дивною главою...

Зачѣмъ печаль ее гнететъ?

Чего еще недостает
Египта древняго царицъ?
Въ своей блистательной столицѣ
Спокойно властвуетъ она,
И часто предъ ея глазами
Пыры смѣняются пирами,
И величавыя искусства
Ей тѣшатъ дремлющія чувства.
Горить-ли африканскій день,
Свѣжѣетъ-ли ночная тѣнь—
Покорны ей земные боги,
Полны чудесъ ея чертоги.
Въ златыхъ кадилахъ вѣчно тамъ
Сирійскій дышетъ опіанъ,
Звучать тимпаны.....
Весь міръ царицѣ угождаетъ,
Сидонъ ей пурпуръ высылаетъ...
. Вдоль Нила
. вѣтрила
Она въ триремѣ золотой
Плыветъ...

Она пошла

Въ покои тайные дворца,
Гдѣ ключъ угрюмага скопца
Хранить невольниковъ прекрасныхъ
И ювошей стыдливо-страстныхъ.

Перъ утихъ, будто задремалъ, гости въ недоуѣйніи...

— Этотъ предметъ должно-бы доставить маркизѣ Жоржъ-Зандъ, такой-же безстыдницѣ, какъ ваша Клеопатра. Она вашъ египетскій анекдотъ передѣлала-бы на нынѣшніе нравы.

— Невозможно! Небыло-бы никакого правдоподобія. Этотъ анекдотъ совершенно древній. Такой торгъ нынче несбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища, игры гладиаторовъ и звѣрой.

— Отчего-же несбыточенъ? Неужто между нынѣшними женщинами не найдется ни одной, которая на самомъ дѣлѣ захотѣла-бы испытать то, что твердятъ ей поминутно любовники: что любовь ея была-бы дороже имъ жизни?

— Положимъ, это и любопытно было-бы узнать; но какимъ образомъ можно сдѣлать это ученое испытаніе? Клеопатра имѣла всевозможные способы заставить должниковъ своихъ расплатиться. А мы? Вѣдь нельзя-же такія условія написать на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствовать въ гражданской палатѣ.

— Можно въ такомъ случаѣ положиться на честное слово.

— Какъ это?

— Женщина можетъ взять съ любовника честное слово, что на другой день онъ застрѣлится.

— Онъ на другой день уѣдетъ въ чужіе края, и она останется въ дуракахъ.

— Если онъ согласится остаться навѣкъ безчестнымъ въ глазахъ той, которую любитъ. Да и самое условіе неужели такъ тяжело? Развѣ жизнь уже такое сокровище, что ея

цѣною жалъ и счастье купить? Посудите сами: первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никакимъ образомъ, и я подставляю лобъ подъ его пулю. Я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, которому вздумается испытать мое хладнокровіе. И я стану трусить, когда дѣло идетъ о моемъ блаженствѣ? Что жизнь! Она отравлена уныніемъ, пустыми желаніями, и что въ ней, когда наслажденія ея истощены?

— Неужели вы въ состояніи заключить такое условіе?

Въ эту минуту Лидина, которая во все время сидѣла молча, опутивъ глаза, быстро устремила ихъ на Алексѣя Ивановича.

— Если-бъ я былъ истинно влюбленъ, то конечно не усомнился-бы ни на одну минуту.

— Какъ! Даже для такой женщины, которая-бы васъ не любила? А та, которая согласилась-бы на ваше предложеніе, ужъ вѣрно-бы васъ не любила. Одна мысль о такомъ звѣрствѣ должна уничтожить самую безумную страсть.

— Нѣтъ! Я въ ея согласіи видѣлъ-бы одну только пылкость воображенія. А что касается до взаимной любви, то я ея не требую. Я люблю тебя: какое тебѣ до того дѣло?...

— Перестаньте! Богъ знаетъ, что вы говорите. Такъ вотъ чего вы не хотѣли разсказать. Конечно, всякій въ правѣ оцѣнить себя въ какую вздумаетъ цѣну; однако ваша Клеопатра не кстати дорожилась.

Разговоръ переимѣнился. Алексѣй Ивановичъ сѣлъ подлѣ Лидиной, наклонился, будто разсматривая ея работу, и сказалъ ей вполголоса:

— Что вы думаете объ условіи Клеопатры?

Лидина молчала. Алексѣй Ивановичъ повторилъ свой вопросъ.

— Что намъ сказать? Иная женщина дорого цѣнитъ себя; но мужчины девицънадесятаго столѣтія слишкомъ хладнокровны, благоразумны, чтобы заключать такія условія.

— Вы думаете? сказалъ Алексѣй Ивановичъ голосомъ, вдругъ измѣнившимся. Вы думаете, что въ наше время, въ Петербургѣ, здѣсь, найдется женщина, которая будетъ имѣть довольно гордости, довольно силы душевной, чтобы предписать любовнику условія Клеопатры?..

— Думаю; даже увѣрена...

— Подумайте. Это было-бы слишкомъ жестоко; болѣе жестоко, нежели самое условіе...

— Вы не обманываете меня? Скажите...

Лидина взглянула на него огненными, пронзительными глазами, и произнесла твердымъ голосомъ: нѣтъ!

Алексѣй Ивановичъ всталъ и тотчасъ исчезъ.

Отрывки неоконченных повѣстей.

I.

4 мая 18... произведенъ я въ офицеры и получилъ повелѣніе отправиться въ полкъ, въ мѣстечко В. Давно-ли я былъ еще кадетомъ? Давно-ли будили меня въ шесть часовъ утра, давно-ли я твердилъ нѣмецкій урокъ при вѣчномъ шумѣ корпуса? Теперь я—прапорщикъ, имѣю въ сумкѣ четыреста семьдесятъ пять рублей, дѣлаю, чтó хочу, и скачу на перекладныхъ въ мѣстечко В., гдѣ буду спать до восьми часовъ и гдѣ уже никогда не промолвлю ни единого нѣмецкаго слова. Въ ушахъ моихъ все еще отзываются шумъ и крпки играющихъ кадетъ, и однообразное жужжаніе прилежныхъ учениковъ, повторяющихъ вокабулы: *le bleu*, *le bleu*—василекъ; *amaranthe*—ама-рантъ, *amaranthe*, *amaranthe*. Теперь одишь стукъ телѣжки, да звонъ колокольчика.. а все еще не могу привыкнуть къ этой тишинѣ.

Дорогою, при мысли о моей свободѣ, объ удовольствіяхъ пути и приключеніяхъ, меня ожидающихъ, чувство несказанной радости наполняло мою душу... Утомясь мало-по-малу, принялся я наблюдать движеніе переднихъ колесъ и дѣлать математическія исчисленія. Занятіе нечувствительнымъ образомъ меня утомило, и путешествіе уже показалось не столь пріятнымъ, какъ сначала. Я попытался было завести рѣчь съ моимъ ямщикомъ, но онъ какъ будто избѣгалъ порядочнаго разговора. На вопросы мои отвѣчалъ однимъ: «не можемъ знать, ваше благородіе: а Богъ знаетъ: а ничто». Приѣхавъ на станцію, я отдалъ кривому смотрителю свою дорожную, но съ неизъяснимымъ неудовольствіемъ услышалъ, что лошадей нѣтъ. Я взглянулъ на почтовую книгу. Генеральша В* съ будущимъ взяла двѣнадцать лошадей. двѣ тройки пошли съ почтою, нашъ братъ, прапорщикъ, взялъ остальныхъ двѣ лошади: на ставціи стояла одна курьерская тройка. Нечего дѣлать: я покорился необходимости.

— Не угодно-ли чаю или кофею? спросилъ меня смотритель.

Я благодарилъ и занялся разсмотрѣніемъ картинъ, украшающихъ его смиренную обитель. Въ нихъ изображена была исторія блуднаго сына. Почтенный старецъ, въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, отпускаетъ безпокойнаго юношу, который принимаетъ поспѣшно его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой изображено яркими чертами развратное поведеніе молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными жен-

щинами. Далѣе, промотавшійся юноша во французскомъ кафтанѣ и въ треугольной шляпѣ пasetь свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу. На его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе: онъ воспоминаетъ о домѣ отца своего, гдѣ вое слѣдній рабъ etc... Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу своему. Добрый старикъ, въ томъ-же колпакѣ и шлафрокѣ, выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ—вдали поваръ убиваетъ тельца, а старшій братъ съ досадою вопрошаетъ о причинѣ такой радости. Подъ картинками напечатаны нѣмецкіе стихи. Я прочелъ ихъ съ удовольствіемъ и списалъ, чтобы на досугахъ перевести.

Прочія картины не имѣютъ рамъ и прибиты къ стѣнѣ гвоздиками. Онѣ изображаютъ погребеніе кота, споръ красиваго носа съ сильнымъ морозомъ, и въ нравственномъ, какъ и въ художественномъ отношеніи, не стоятъ вниманія образованнаго человѣка.

Я сѣлъ подъ окло. Вижу никакого. Тѣсный рядъ однообразныхъ избъ, приплюснутыхъ одна къ другой, кое-гдѣ двѣ-три яблони, двѣ-три рябины, окруженные худымъ заборомъ, отпряженная телѣга съ моимъ чемоданомъ и погребкомъ, развалившійся колодезь около и мелкая лужица; въ ней рѣзвятся желтенькія утята подъ надзоромъ глупой утки, какъ балованныя дѣти при французской мадамѣ. Какая скука! Поиду въ поле.

Я пошелъ по большой дорогѣ. Справа тощая озимь, слѣва кустарники и болото, кругомъ плоское пространство, навстрѣчу однѣ полосатыя версты, на небѣ кое-гдѣ облако и медленное солнце. Какая скука! дошелъ до третьей версты, иду назадъ и удостовѣряюсь, что до слѣдующей станціи осталось еще двадцать двѣ.

Я сѣлъ опять подъ окномъ. День жаркій. Ямщики разбрелись: на улицѣ златовласые, замазанные ребятишки играютъ въ бабки, противъ меня старуха сидитъ предъ избою подгорюившись, изрѣдка поютъ пѣтухи, собаки валяются на солнцѣ или бродятъ, высунувъ языкъ и опустя хвостъ, да норосята съ визгомъ выбѣгаютъ изъ-подъ воротъ и бросаются въ сторону безъ всякой видимой причины.

Я спросилъ у толстой работницы, которая бѣгала поминутно мимо меня то въ заднія сѣвни, то въ чуланъ: «нѣтъ-ли чего почитать?» Она принесла мнѣ нѣсколько книгъ. Я обрадовался и сталъ съ жадностью ихъ разбирать, во скорѣ охладѣлъ и успокоился. увидѣвъ затасканную азбуку и арифметику, изданную для народныхъ училищъ. Сивъ смотрителя—буянъ лѣтъ девяти—обучался по нимъ, какъ говорила она, всѣмъ наукамъ, да выдралъ затверженные листы, за чтó, по закону справедливаго возмездія, подрали его за волосы.

II.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА ВЪ ПИСЬМАХЪ.

I. Отъ Лизы, компаньонки въ одномъ богатомъ домѣ, къ Сашѣ, одной изъ блестящихъ ея свѣтскихъ подругъ.

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъѣзду въ деревню. Спѣшу объяснить во всемъ откровенно. Зависимость моего положенія была всегда мнѣ тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитала меня наравнѣ со своей племянницей. Но въ ея домѣ я все-же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, какъ много мелочныхъ горестей неразлучны съ этимъ званіемъ. Многое должна была я сносить, во многомъ уступать, многого не видѣть, между тѣмъ какъ мое самолюбіе прележно замѣчало малѣйшій оттѣнокъ небреженія. Самое равенство мое съ княжною было мнѣ въ тягость. Когда являлись мы на балѣ, одѣтыя одинаково, я досадовала, не видя на ея шеѣ жемчуговъ. Я чувствовала, что она не носила ихъ для того только, чтобъ не отличатся отъ меня. Неужто предполагаютъ во мнѣ, думала я, зависть, или что-нибудь похожее на такое дѣтское малодушіе? Поведеніе со мною мужчинъ, какъ-бы оно ни было учтиво, помынуто задѣвало мое самолюбіе. Холодность ихъ или прिवѣтливость, все казалось мнѣ неуваженіемъ. Словомъ, я была созданіе пренесчастное, и сердце мое, отъ природы нѣжное, часъ отъ часу болѣе ожесточалось. Замѣтила-ли ты что всѣ дѣвушки, состоящія на правахъ воспитанницъ, дальнихъ родственницъ, *demoiselles de compagnie* и тому подобное, обыкновенно бывають или низкія служанки, или несносныя причудливыя? Послѣднихъ я уважаю и извиняю отъ всего сердца.

Тому ровно три недѣли получила я письмо отъ бѣдной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня къ себѣ въ деревню. Я рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволеніе ѣхать и должна была общать зимой возвратиться въ Петербургъ: но я не намѣрена сдержатъ свое слово. Бабушка мнѣ чрезвычайно обрадовалась: она никакъ меня не ожидала.

Слезы ея меня тронули несказанно: я сердечно ее полюбила. Она была нѣкогда въ болышомъ свѣтѣ и сохранила много тогдашней любезности. Теперь я живу дома и хозяйкою—и ты не вѣришь, какое это наслажденіе. Я тотчасъ привыкла къ жизни и мнѣ вовсе печувствительно отсутствіе роскоши. Де-

ревня наша очень мила. Старый домъ на горѣ, садъ, озеро, сосновая роща, все это осенью немного печально, но за то весной и лѣтомъ должно казаться раемъ. Сосѣдей у насъ мало, а я еще ни съ кѣмъ не видѣлась. Уединеніе мнѣ нравится.

Пыши ко мнѣ, мой ангелъ: письма твои будутъ мнѣ утѣшеніемъ. Что ваши балы, что ваши общіе знакомые? Хотя я и сдѣлалась за творницей, однако-жъ не вовсе отказалась отъ суеты міра. Вѣсти о немъ для меня занимательны.

С Павловское

II. Отъ Сашки въ деревню къ другу своему.

Милая Лиза! Вообрази мое изумленіе, когда узнала твой отъѣздъ въ деревню. Увидѣвъ княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотѣла вѣрить ея словамъ. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангелъ, съ новымъ образомъ жизни. Радуюсь, что онъ тебѣ поправился. Твои жалобы о прежнемъ моемъ положеніи меня тронули до слезъ, но показались мнѣ слишкомъ горькими. Какъ можешь ты сравнивать себя съ воспитанницами?.. Всѣ звають, что Ольгинъ отецъ былъ всѣмъ обязанъ твоему, и что дружба ихъ была столь-же священна, какъ самое близкое родство. Ты была довольна своею судьбой: никогда не предполагала я въ тебѣ столько раздражительности. Признайся, нѣтъ-ли другой, тайной причины твоему поспѣшному отъѣзду?.. Я подозреваю, но ты со мною скрытничаетъ, и я боюсь разсердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебѣ про Петербургъ? Мы еще не даѣтъ, но почти всѣ уже разѣѣхались. Балы начнутся недѣли черезъ двѣ-три. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На дняхъ обѣдали у насъ гости и одинъ изъ нихъ спрашивалъ: имѣю-ли о тебѣ извѣстія? Онъ сказалъ, что твое отсутствіе замѣтно, какъ порванная струна въ фортепiano. Я совершенно согласна съ нимъ. Я все надѣюсь, что этотъ припадокъ мизантропіи будетъ непродолжителенъ, а то нынѣшнюю зиму мнѣ не съ кѣмъ будетъ раздѣлять моихъ невнятныхъ наблюденій, некому убѣдетъ передавать эниграммы моего сердца. Прости, моя милая, подумай и обдумайся.

Крестовскій островъ.

III. Письмо Лизы.

1 ноября.

Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напомнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу. Какъ смѣшны твои вѣч-

ныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія-то глубокія, тайныя чувства, какую-то несчастную любовь—не правда-ли? Успокойся, милая. Я похожа на героиню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарлопъ.

Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ въѣзженною зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюденій. А на что-жъ переписка? Пиши ко мнѣ все, что замѣтишь: повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все, касающееся до него, для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать, кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексѣю П*? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ ***. Отецъ—хлѣбосоль, мать—толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочка Маша—стройная, мелахолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгою въ рукахъ, окружена дворными собаками, говорить о погодѣ парасѣвъ и съ чувствомъ потчуетъ вареньемъ. У нея нашла я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочесть хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала съ предисловія переводчика и, увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первые шесть частей скучненьки, за то послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаграждать терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій—скучно, мочи нѣтъ—наконецъ добилась до шестого. Ну, думаю я,—теперь буду я награждена за трудъ. Что-же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа—и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ веселымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и вучекъ! Чтѣсть общаго между Ловеласомъ и Адольфомъ? Между тѣмъ роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ пріѣздовъ, все-жъ походить на героиню новѣйшихъ романовъ, не потому-ли, что способы правиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны.

Ты видишь, я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь-же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе—ты не можешь вообразить, чтѣ значить ожиданіе почтоваго дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравниться.

IV. Отвѣтъ Сашки.

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтѣшь смирить твое самолюбіе, объявляю тебѣ, что Алексѣй П* вовсе не замѣчаетъ твоего отсутствія. Онъ привязался къ леди Пелгамъ, пріѣзжей англичанкѣ, и отъ нея не отходитъ. На егорѣчи отвѣчаетъ она видомъ невиннаго удивленія и маленькимъ восклицаніемъ: о, ло!—а онъ въ восхищеніи. Знай-же: спрашивалъ о тебѣ, жалѣетъ о тебѣ всѣмъ сердцемъ твой постоянный администраторъ Владиміръ Z*. Довольна-ли ты? Думаю, очень довольна, и по своему обыкновенію осмѣливаюсь предполагать, что и безъ меня ты догадалась.

Шутки въ сторону, Z* очень занятъ тобою. На твоёмъ мѣстѣ я завела-бы его далеко. Онъ прекрасный женихъ. Зачѣмъ не выйти за него? Ты жила-бы на Англійской набережной, по субботамъ имѣла-бы вечера, и всякое утро заѣзжала-бы за мною. Полно тебѣ дурачиться, мой ангелъ,—брось деревню, пріѣзжай къ намъ и выходи за Z*.

Третьяго дня былъ балъ у кв. К.—народу было пропасть, танцовали до пяти часовъ: кв. В. была одѣта очень просто: бѣлое креповое платьице, даже безъ garnitures, а на головѣ и на шеѣ на полмилліона брилліантовъ; только Z*, по своему обыкновенію, была одѣта умерительно. Откуда беретъ она свои наряды? На платьѣ ея нашиты не пѣтлы, а какіе-то сухіе грибы. Не ты-ли ей, мой ангелъ, прислала ихъ изъ деревни? Владиміръ Z* не танцовалъ: онъ ѣдетъ въ отпускъ. С—ы пріѣхали (вѣроятно первые), просидѣли всю ночь, не танцуя, и уѣхали послѣдніе Старшая, кажется, была нарумянена: пора! Балъ очень удался. Мужчины были недовольны ужиномъ, но вѣдь они всегда должны быть чѣмъ-нибудь да недовольны. Мнѣ было очень весело, хотя я и танцевала съ несноснымъ дипломатомъ Стр., который къ природной своей глупости присоединилъ разсѣянность, вывезвную имъ изъ Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчетъ о Ричардсонѣ. Теперь я имѣю о немъ понятіе—прочитать его не надѣюсь съ моимъ нетерпѣніемъ: я и въ Вальтеръ-Скоттѣ нахожу лишніе страницы. Кстати, кажется, романъ Елены Н. и графа Л. кончается: по крайней мѣрѣ онъ такъ пріунылъ, а она такъ важничаетъ, что, вѣроятно, свадьба рѣшена. Довольна-ли ты сегодняшней моею болтовней?

V. Письмо Лизы.

Нѣтъ, милая моя свата, я не думаю оставить деревню и пріѣхать къ вамъ на свадьбу. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z* мнѣ

нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Онъ аристократъ, а я—смирная мѣщанка. Спѣшу объяснить и съ гордостью заявить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь—внукъ борода-таго миллионщика. Какъ-бы то ни было, Z* человекъ свѣтскій; я могла ему понравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатою невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда-нибудь вь выиду замужъ, то выберу здѣсь какого-нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься своимъ сахарнымъ заводомъ, а я буду счастлива, не танцуя на балѣ у кн. К. и не имѣя у себя субботъ на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ c'est un événement. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками—все дѣлается свѣтлѣе, неселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я коротче познакомилась съ Машенькой*** и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z* близкій родня Машѣ. Она не видала его семь лѣтъ, но отъ него въ восхищеніи. Онъ провелъ у нихъ одно лѣто—и Маша безпрестанно рассказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ тогда былъ ребенокъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ-бы онъ теперь смѣяться; но крайней мѣрѣ видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 1775. Кажется, будто вдругъ изъ своей гостиной входишь въ старинную залу, обитую штофомъ, садишься на атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, однако-жъ знакомыя платья и лица, и узнаешь своихъ дядюшекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большею частью эти романы не имѣютъ другого достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо залувано, но Белькуръ говорить косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человекъ могъ-бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, дополнить недомолвки—вышелъ-бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. Полно ему тратить умъ на разговоры съ англичанками! Пусть онъ по старой канѣ вышьетъ новые узоры и представитъ намъ въ маленькой рамѣ картину свѣта у людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ русскую литературу.

Вообще здѣсь болѣе занимаются словесностью. Чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, непременно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему Вяземскій и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ—ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскія недотреты.

VI. Другое письмо Лизы вслѣдъ за предыдущимъ.

Милая! мнѣ невозможно долѣе притворяться, мнѣ нужны помощь и совѣты дружбы. Тотъ, отъ котораго я убѣжала, кого боюсь, какъ несчастія, Z* — здѣсь! Чтѣ мнѣ дѣлать? Голова моя кружится, я теряюсь: ради Бога—рѣши, чтѣ мнѣ дѣлать. Расскажу тебѣ все.

Ты замѣтила прошедшей зимою, что онъ отъ меня не отходилъ. Напрасно вооружалась я холодностью, даже видомъ пренебреженія—ничѣмъ не могла я избавиться отъ него. На балахъ онъ вѣчно умѣлъ найти мѣсто возлѣ меня, на гуляньѣ онъ вѣчно съ нами встрѣчался, въ театрѣ лорнетъ его былъ устремленъ на нашу ложу. Онъ къ намъ не бѣдилъ, но мы видѣлись вездѣ.

Сначала это льстило моему самолюбію. Я, можетъ быть, слишкомъ дала ему замѣтить это. Но крайней мѣрѣ, онъ каждый часъ присовнвалъ себѣ новыя права, говорилъ мнѣ о своихъ чувствахъ, то ревновалъ, то жаловался. Съ ужасомъ думала я—къ чему все это ведетъ, и съ отчаяніемъ признавала власть его надъ моею душой. Я уѣхала изъ Петербурга, думая тѣмъ прекратить зло въ самомъ началѣ. Моя рѣшимость, упрямость въ томъ, что я исполнила свой долгъ—успокоила-было мое сердце. Я начинала думать о немъ равнодушно, съ меньшей горестью. Вдругъ я его вижу.

Я его вижу. Вчера были именины Машенькиной татаи. Я пріѣхала къ обѣду, вхожу въ гостиную, нахожу толпу гостей, уланскіе мундиры—и дамы меня окружаютъ. Я со всѣми ними перецѣловалась, не замѣчая никого, сажусь подлѣ хозяйки, гляжу—Z* передо мной. Я ослѣбѣла. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ съ видомъ такой нѣжной, искренней радости, что я не имѣла силы скрыть ни замѣшательства своего, ни удовольствія.

Пошли за столъ. Онъ сѣлъ противъ меня; я не смѣла на него взглянуть, но замѣчала, что всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ молчаливъ; въ другое время меня-бы очень занимало безнокойство барышень, общее желаніе привлечь вниманіе пріѣзжаго гвардейца, не-

ловкость мужчинъ, хохотъ ихъ при собственныхъ шуткахъ, и совершенное невниманіе, учтивая холодность гостя...

Послѣ обѣда онъ ко мнѣ подошелъ. Чувствуя, что мнѣ было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно некстати: по дѣламъ-ли заѣхалъ онъ въ нашу сторону? «Я пріѣхалъ по одному дѣлу, отъ котораго зависитъ счастье моей жизни» — отвѣчалъ онъ вполголоса и отошелъ. Онъ сѣлъ играть въ бостонъ съ тремя старушками (въ томъ числѣ съ бабушкой), а я ушла наверхъ, къ Машѣ, гдѣ пролежала до вечера, подъ предлогомъ головной боли. Въ самомъ дѣлѣ, я была хуже, чѣмъ нездорова. Машенька отъ меня не отходила. Она въ восторгѣ отъ Z*. «Онъ пробудетъ у нихъ цѣлый мѣсяцъ или болѣе». «Она цѣлый день будетъ съ нимъ». Правдо, она влюблена въ него. Дай Богъ, чтобъ и онъ влюбился. Она статна и стройна — мужчинамъ только того и надобно.

Что мнѣ дѣлать? Здѣсь уже не будетъ мнѣ возможности избѣгнуть его преслѣдованій. Онъ уже успѣлъ обворожить бабушку. Онъ будетъ ѣздить къ намъ. Опять пойдутъ признанія, жалобы, клятвы — и къ чему? Онъ добьется моей любви, моего признанія, потомъ размыслитъ о невыгодахъ женитьбы, уѣдетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, оставитъ меня — а я? Какая ужасная будущность! Ради Бога, дай мнѣ руку, я тову.

VII. Отвѣтъ Сашп.

То-ли дѣло облегчить сердце полной исповѣдью. Давно-бы такъ, мой ангелъ! Охота тебѣ была не сознаваться мнѣ въ томъ, что я давно знала: Z* и ты — вы влюблены другъ въ друга. Что за бѣда? На здоровьѣ. Ты имѣешь даръ смотрѣть на вещи Богъ знаетъ съ какой стороны. Ты спрашиваешься на несчастіе — берегись накликать его. Почему тебѣ не выйти за Z*? Какія тутъ неодолимые препятствія? Онъ богатъ, а ты бѣдна — пустое! Онъ богатъ за двухъ — чего-же вамъ болѣе? Онъ аристократъ, а ты развѣ не то-же именемъ и воспитаніемъ? Недавно онъ объявилъ, что стоитъ рѣшительно на сторонѣ аристократокъ, потому-что онѣ лучше обуваются. И такъ, не ясно-ли, что ты съ головы до ногъ аристократка? Извини меня, мой ангелъ, но твое патетическое письмо разсмѣшило меня. Z* пріѣхалъ въ деревню для того, чтобъ тебя видѣть. Какой ужасъ! ты гибнешь, требуешь совѣтъ дружбы... Вотъ мой совѣтъ — обвиняйся какъ можно скорѣе въ вашей деревенской церкви и пріѣхать къ намъ, чтобъ явиться въ картинахъ, которыя затѣваются у С. Поступокъ твоего рыцаря меня тронулъ, кромѣ шутокъ. Конечно, встарину любовники для благосклоннаго взгляда уѣзжали на три года скитаться въ Палестину, но въ наши времена уѣхать за пятьсотъ верстъ отъ

Петербурга для того, чтобъ увидѣться съ владычицей своего сердца, — это много значить! Z* достоинъ награды.

VIII. Письмо Владимира Z* къ другу въ ПЕТЕРБУРГЪ.

Сдѣлай одолженіе, распусти слухъ, что я при смерти боленъ. Я намѣренъ просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вотъ ужъ двѣ пѣдѣли, какъ я живу въ деревнѣ и не вижу, какъ время летитъ: отдыхаю отъ петербургской жизни, которая мнѣ ужасно надоѣла. Не любить деревни прощительно монастыркѣ, только-что выпущенной изъ кѣтки, да двадцатилѣтнему камеръ-юнкеру. Петербургъ — прихожая, Москва — дѣвичья, деревня-же — нашъ кабинетъ. Порядочный человѣкъ, но по необходимости, проходитъ черезъ переднюю, рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя въ кабинетѣ. Тѣмъ и я кончу — выйду въ отставку, женюсь и вѣду въ деревню. Званіе помѣщика есть та-же служба. Запиматься тремя тысячами душъ, все благо которыхъ зависитъ совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводами или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ, непрощительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на произволъ плута-приказчика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся: старость насъ застаетъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстрого упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по-міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя поднимаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой матеріализмъ? Не знаю, но пора положить этому преграды. *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.* Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я безъ прискорбіи никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежать. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольничій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и былъ Козьма Мининъ Сухорукой, выборный земли русской. Но отчество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

ность въ обращеніи—главная прелесть высшего петербургскаго общества—а между тѣмъ что-то женское, снисходительное, добродетельное (какъ говорить ея бабушка). Въ ея сужденіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жестокаго. Она не морщится предъ впечатлѣніями, какъ ребенокъ предъ принятіемъ ревеню. Она слушаетъ и понимаетъ васъ—рѣдкое достоинство въ нашихъ женщинахъ. Часто удивляли меня дамы, впрочемъ очень милыя, тупостью ихъ понятія и печистотой ихъ воображенія. Часто самое тонкое поэтическое привѣтствіе онѣ принимаютъ или за пахальную эпиграмму, или за неблагопріятную плоскость. Въ такомъ случаѣ холодный видъ, ими принимаемый, такъ убійственно отвратителенъ. что самая пылкая любовь противъ него не устоитъ. Это испыталъ я съ Еленой***, въ которую былъ влюбленъ безъ памяти: я сказалъ какую-то нѣжливость, она приняла ее за грубость и пожаловалась на мея своей пріятельницѣ.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлеченія одна милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скірдами, природой и нянюшками, гораздо милѣ нашихъ однообразныхъ красавицъ, которые до свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ, а послѣ свадьбы мнѣнія мужевъ. Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ, что наконецъ я пустился въ поэзію: намеренъ сочинить я надписи къ портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня): Глупа... скучна etc. Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

1829 г.

III.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля 181. г., въ домѣ Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Всѣ двери были растворены нистежъ, зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами, ящики во всѣхъ комодахъ выдвинуты, слуги поминутно бѣгали по лѣстницамъ, служанки суетились и сперили. Сама хозяйка, лѣтъ 45 дама, сидѣла въ спальнѣ, пересматривая счетныя книги, принесенныя ей толстымъ управителемъ, который стоялъ передъ нею съ руками за спиной и выдвинувъ правую ногу впередъ.

Катерина Петровна показывала видъ, будто бы хозяйственные тайны были ей коротко знакомы; но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали ея барское невѣдѣніе и возбуждали изрѣдка едва замѣтную улыбку на величавомъ лицѣ управителя, который однакожъ съ большою снисходительностью подробно входилъ во всѣ требуемыя объясненія. Въ это время слуга доложилъ, что Прасковья Ивановна Новодова

пріѣхала. Катерина Петровна обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія, велѣла просить и отпустила управителя.

— Помилуй, мать моя, сказала вѣшедшая старая дама: да ты собираешься въ дорогу! Куда тебя Богъ несетъ?

— Ъду на Кавказъ, милая Прасковья Ивановна.

— На Кавказъ! Стало быть, Москва впервой отъ реду правду сказала, а я не вѣрила. На Кавказъ! да вѣдь это ужасъ какъ далеко. Охота тебѣ тащиться Богъ вѣдаетъ зачѣмъ?

— Какъ быть? Доктора объявили, что моеи Машѣ нужны желѣзныя воды, а для моего здоровья необходимы горячія ванны. Вотъ ужъ полтора года, какъ я все страдаю—авось Кавказъ поможетъ.

— Дай-то Богъ! А скоро-ли ѣдешь?

— Дня черезъ четыре, много-много промѣшкаю недѣлю: все ужъ готово. Вчера привезли мнѣ новую дорожную карету. Что за карета—игрушка, заглядѣнь! Вся въ ящикахъ... и чего тутъ нѣтъ: постеля, туалетъ, погребокъ, аптечка, кухня, сервизъ... Хочешь-ли посмотрѣть?

— Изволь, мать моя...

Обѣ дамы вышли на крыльцо. Кучера выдвинули изъ сарая дорожную карету. Катерина Петровна велѣла открыть дверцы, вошла въ карету, показала всѣ ея тайны, всѣ удобства, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, приводняла всѣ ставни, всѣ зеркала, выворотила всѣ сумки; словомъ, для большой женщины оказалась очень дѣятельной и проворной.

Полубовавшіе экипажемъ, обѣ дамы возвратились въ гостиную, гдѣ разговорились опять о предстоящемъ пути, о возвращеніи, о планахъ на будущую зиму.

— Въ октябрѣ мѣсяцѣ, сказала Катерина Петровна: надѣюсь непременно воротиться. У меня будутъ вечера два раза въ недѣлю, и надѣюсь, милая, что ты ко мнѣ перенесешь свой бостонъ.

Въ эту минуту дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ и черными огненными глазами, тихо вошла въ комнату, пріѣхала Поводовой и подошла къ рукѣ Катерины Петровны.

— Хорошо ты спала. Маша? спросила Катерина Петровна.

— Хорошо, маменька, сейчасъ только встала. Вы удивляетесь моеи лѣни, Прасковья Ивановна? Что дѣлать? Больной простиительно.

— Спи, мать моя, спи-себѣ на здоровье, отвѣчала Прасковья Ивановна: да смотри—воротись у меня съ Кавказа румяная, здоровая, а Богъ дастъ и замужня...

— Какъ замужня? возразила Катерина Петровна, смѣясь: да за кого выйти ей на Кавказъ? Развѣ за черкесскаго князя?

— Что ты, мать моя! За черкеса, сохрани ее Богъ! Да вѣдь они—что турки да бухарцы—нехристи; они ее забреютъ да закрутъ. Нѣтъ, мало-ли нашихъ военныхъ въ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ диковянку; наткнешься на какого-нибудь холостого генерала.

— Пошли намъ Богъ только здоровье, сказала со вздохомъ Катерина Петровна: а женихи не уйдутъ. Слава Богу, Маша еще молода, приданое есть; а добрый человекъ полюбитъ, такъ и безъ приданого возьметъ.

— А съ приданнымъ все такъ лучше, мать моя, сказала Прасковья Ивановна, вставая: ну, простимся-же, Катерина Петровна; ужъ я тебя до октябрю не увижу—далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной на Арбатъ! И тебя не прошу: знаю, что тебѣ теперь некогда. Прощай и ты, красавица; не забудь-же моего со-вѣта.

Дамы распростились, и Прасковья Ивановна уѣхала.

30 сентября 1831.

IV.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Участь моя рѣшена, я женюсь... Та, которую любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которою встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ,—Боже мой, она почти моя! Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ предъ поединкомъ—все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значить.

Дѣло состоятъ въ томъ, что я боялся не одного отказа. Одинъ изъ моихъ пріятелей говаривалъ: не понимаю, какимъ образомъ можно свататься, если знаешь навѣрное, что не будетъ отказа. Жениться—легко сказать! Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятія въ долгъ, новую карету и розовый шлафрокъ; другіе—приданое и степенную жизнь; третьи женятся такъ—потому что всѣ женятся, потому что имъ тридцать лѣтъ. Спросите ихъ, что такое бракъ,—въ отвѣтъ они скажутъ пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. И такъ, я удвоиваю жизнь и безъ того неполную, я стану думать: мы. Счастье есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастьи: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?

Пока я не женатъ, что значать мои обя-

занности? Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заѣду къ нему—онъ очень радъ: итъ—такъ онъ извинить меня: «повѣса мой молодъ, ему не до меня». Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ: долги свои выплачиваю каждый мѣсяцъ. Утромъ встаю, когда хочу; принимаю, кого хочу; вду-маю гулять—мнѣ сдѣлаютъ мою умную, смпр-ную Женни: ѣду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ: здѣсь сидятъ семейство за самоваромъ, тамъ слуга мететъ комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепіано; подлѣ нея ремесленникъ—музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо—учитель ее бранить—я шагомъ ѣду мимо. Приѣду домой, разбираю книги, бумаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ: одѣваюсь небрежно, если ѣду въ гости; со всевозможною старательностью, если обѣдаю въ рестораціи, гдѣ читаю или новый романъ, или журвалы. Если же Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого-нибудь уголовного процесса,—то требую бутылку шампанскаго, смотрю, какъ рюмка стынетъ отъ холода, нью медленно, радуясь, что обѣдъ стоитъ мнѣ семнадцать рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость. Вечеромъ ѣду въ театръ, отыскиваю въ какой-нибудь ложѣ замѣчательный нарядъ, черные глаза; между нами начинается сношеніе—я занятъ до самого разѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь народъ, гдѣ я вижу все и всѣхъ и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ я говорю про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно, засыпаю, читая хорошую книгу; на другой день опять ѣду верхомъ переулками мимо дома, гдѣ дѣвочка играла на фортепіано.. она твердитъ на фортепіано вчерашній урокъ. Она взглянула на меня, какъ на знакомаго, и засмѣялась. Я кланяюсь и ѣду мимо. Вотъ моя холостая жизнь—счастья тутъ не нужно.

12 мая.

Но если мнѣ откажутъ, думалъ я, поѣду въ чужія края—и уже воображалъ себя на пироскафѣ. Около меня суетятся, прощаются, носятъ чемоданы, смотрятъ на часы—пироскафъ тронулся; морской, свѣжій воздухъ вѣетъ мнѣ въ лицо; я долго смотрю на убѣгающій берегъ. My native land, adieu! Подлѣ меня молодую женщину пачинаетъ тошнить: это придаетъ ея блѣдному лицу выраженіе томной нѣжности. Она проситъ у меня воды. Слава Богу! до Кропштадта есть у меня занятіе!

Въ эту минуту подали мнѣ записочку—отвѣтъ на мое письмо. Отецъ невѣсты ласково звалъ меня къ себѣ... Нѣтъ сомнѣнія, предложеніе мое принято. Наденька—мой ангелъ—она моя! Всѣ печальныя сомнѣнія исчезли пе-

редъ этой райской мыслью. Бросаюсь въ карету, скачу—вотъ ихъ домъ—вхожу въ переднюю, и уже по торопливому приему слугъ вижу, что я—женихъ. Я смутился: эти люди знаютъ мое сердце! говорятъ о моей любви на своемъ холопскомъ языкѣ! Отецъ и мать сидѣли въ гостиной. Первый встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Онъ хотѣлъ быть тронутымъ, вынулъ изъ кармана платокъ и рѣшился высморгаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку—она явилась блѣдная, неловкая. Отецъ вышелъ и вынесъ образъ Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Насъ благословили. Наденька подала мнѣ холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданомъ, отецъ о саратовской деревнѣ—и я женихъ.

И такъ, это уже не тайна двухъ сердецъ. Сегодня это новость домашняя, завтра площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны—печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналѣ дураками.

13 мая.

Всѣ радуются моему счастью, всѣ поздравляютъ, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги: кто—свой домъ, кто—денегъ взаймы, кто—знакомаго бухарца съ шалами.

Иные беспокоятся о многочисленности будущего моего семейства и предлагаютъ мнѣ 12 дюжины перчатокъ съ портретомъ m-Ne Зонтагъ.

Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже непріятеля, обхождение молодыхъ дѣвицъ сдѣлалось проще. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о бѣдной моей невѣстѣ.—«Бѣдная! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтреный, безнравственный». Признаюсь, это начинается мнѣ надобдѣть. Мнѣ нравится обычай какого-то дѣльнаго народа: женихъ тайно похищалъ свою невѣсту и на другой уже день представлялъ ее городскимъ ситетницамъ, какъ свою супругу. У насъ приготовляются къ семейственному счастью публичными объявленіями, подарками, извѣстными всему городу, форменными письмами, визитами—словомъ сказать, соблазномъ всякаго рода.

1830 г.

V.

Въ 179. году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслью: обнять мою старушку-мать послѣ четырехлѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня ветерѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единоземца, и душевно жалѣлъ о русскихъ ямщикахъ и объ удалой русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ счастью, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобы выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой—луга, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости: какимъ-же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть слышенъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни, мною только что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо нихъ, я поклонился и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнливыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ.

Дорогою узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна, уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя и проч... Въ 179го году мнѣ было ровно 23 года, и мысль о молодой барыни была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ-М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ какъ я, повидимому, со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй Каролины Ивановны, и украдкой посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашнего хлѣба. Осьмнадцать лѣтъ. круглое румяное лицо, темныя узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки—вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю я уже обходился съ нею, какъ съ кузною. Между тѣмъ, бричку мою привезли: Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило и, по приглашенію Каролины Ивановны, я остался ночевать.

1831 г.

VI.

На углу маленькой площади, передъ деревяннымъ домикомъ, стояла карета—явленіе рѣдкое въ этой отдаленной части города. Ку-

черъ спалъ на козлахъ, а форсейторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большой изысканностью, лежала блѣдная дама, уже не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, перебирающій листы англійскаго романа.

Начинало смеркаться; каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненною синевой. Наконецъ она сказала:

— Чтѣ съ тобою сдѣлалось, Валерьянъ? ты сегодня сердить.

— Сердить! отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ съ своей книги.

— На кого?

— На князя Горецкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

— А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ?

— Нимало. Чортъ его поберетъ съ его балами! Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

— Который это Горецкій? Не князь-ли Яковъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій, извѣстная скотина.

— На комъ онъ женатъ?

— На дочери того пѣвчаго... какъ били его?

— Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ разнакомилась съ вашимъ высшимъ обществомъ... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія, извѣстнаго мерзавца, и благосклонностью жены его, дочери пѣвчаго?

— И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, бросая книгу на столъ: я человѣкъ свѣтскій и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

— Кого ты называешь аристократами?

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгинной.

— А кто такая графиня Фуфлыгина?

— Взятчица, толстая, наглая дура.

— Какія толкія эпиграммы!

— Я за остроуміемъ, слава Богу, не гонюсь.

— И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія: можетъ до такой степени тебя оскорблять?.. Признайся, тутъ есть иная причина...

— Такъ! опять подозрѣнія! опять ревность! Это, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Ты ужъ ѣдешь? сказала дама съ безпокойствомъ: ты не хочешь здѣсь отобѣдать?

— Нѣтъ, я далъ слово.

— Обѣдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ: я велѣла взять шампанскаго.

— Это зачѣмъ? развѣ я безъ шампанскаго обойтись не могу? развѣ я—московскій балкометъ?

— Но въ послѣдній разъ ты нашелъ, что вино у меня дурно, и ты сердился, что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ тотчасъ раскаялся въ грубости этихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ вѣжностью:

— Зинаида! прости меня: я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и на все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома... Прости-же меня, не сердись.

— Я не сержусь, Валерьянъ; но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности, не по сердечному внушенію. Тебѣ скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чѣмъ заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чтобы со мной поборниться и ухачуть... Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ; но я...

Валерьянъ уже ея не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣтую перчатку и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу. Она замолчала съ видомъ стѣсненной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначащихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида встала, подошла къ окошку, смотрѣла, какъ подали карету Володекому, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ-же мѣстѣ, опустивъ руки и погруженная въ размышленіе. Слезы пѣрѣдка текли по ея блѣдному лицу. Наконецъ она сказала громко и съ видомъ рѣшительнымъ: «онъ меня ужъ не любитъ!» отерла глаза, позвонила; вошла горничная; она велѣла засвѣтить лампу и сѣла за письменное бюро...

*** скоро удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ, на чтѣ рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ несчастіемъ столь обыкновеннымъ—презрительнымъ; сердиться не на шутку—слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ глубоко оскорбленнаго чувства—слишкомъ смѣшнымъ. Къ счастью, жена его явилась ему на помощь.

Полюбивъ Володекаго, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа, сродное одиѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... Однажды вошла она къ нему въ кабинетъ, заперла за собою и объявила, что любить Володекаго, что

не хочет обманывать мужа и тайнѣ его безчестить, и что она рѣшилась развестись. ** не могъ опомниться отъ такого чистосердечія, былъ встревоженъ стремительностью; она не дала ему времени опомниться, въ тотъ-же день перѣѣхала съ Англійской набережной въ Коломну и въ короткой записочкѣ уведомила обо всемъ Володскаго, ничего тому подобнаго не ожидавшаго. Онъ былъ въ отчаяніи: вѣкогда не думалъ онъ связать себя такими узамъ. Онъ не любилъ скуки... боялся обязанностей и выше всего цѣнилъ свою себялюбивую независимость... Но все было кончено. Зинаида оставалась на его рукахъ. Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на хлопоты любовной связи, какъ на занятіе должностное или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счета своего дворецкаго...

1833 г.

VII.

У гусара** было дружеское собраніе. Нѣсколько молодыхъ людей, но большей части военные, весело проигрывали свое имѣніе поляку Ясунскому, который держалъ маленький банкъ для препровожденія времени и важно нередергивалъ по двѣ карты. Тройки, разорванные короли, загнутые палеты сыпались на полъ, etc.

— Неужто два часа почія? Боже мой, какъ мы засидѣлись! Не пора-ли оставить игру? сказала Викторъ N молодымъ своимъ товарищамъ.

Всѣ бросили карты, встали изъ-за стола... Всякій, докуривая трубку, сталъ считать свой и чужой выигрышъ, и облака стираемаго мѣла смѣшались съ дымомъ турецкаго табаку. Поспорили... и разѣхались.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, не хочешь-ли вмѣстѣ отужинать? сказала Виктору вѣтрёный Вельверовъ; я безъ ужина никакъ не могу обойтись, а ужинать могу только въ ... Я познакомлю тебя съ очень милой дѣвчонкой; ты будешь меня благодарить.

Викторъ одобрилъ эту похвальную привычку. Оба сѣли въ дрожки и полетѣли по мертвымъ улицамъ Петербурга...

1819 г.

VIII.

МАРІЯ ШОНИНГЪ ¹⁾.

I. Анна Гарлинь къ Маріи Шонингъ.
25-го апрѣля.

Милая Марія! Чтѣ съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ

тебя ни строчки. Здорова-ли ты? Кабы не всегдашнія хлопоты, я-бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: двадцать одна миль—не шутка. Безъ меня хозяйство ставеть; Фрицъ въ немъ ничего не смыслить: настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла-ли ты замужъ? Нѣтъ, вѣрно-бы ты обо мнѣ вспомнила и порадовала свою подругу вѣстью о своемъ счастьи. Въ послѣднемъ нисемѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Фрицъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ норъ деревянная нога начинаетъ его беспокоить; онъ мало ходитъ, а въ настоящее время крихтитъ, да схаётъ. Впрочемъ, онъ по-прежнему веселъ, по-прежнему любитъ выпить стаканъ вина и все еще не досказалъ мнѣ исторію о своихъ походахъ.

Дѣти растутъ и хорошѣютъ. Франкъ ставится молодцомъ. Вообрази, милая Марія, что онъ уже бѣгаетъ за дѣвчонкамъ, каковъ?—а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Фрицъ не можетъ имъ налюбоваться и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобы ребенка унижать, онъ еще его подстрекаетъ и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше. Я начала ужъ учить ее азбукѣ. Она очень поятлива и, кажется, будетъ хороша собою. Но чтѣ въ красотѣ? была-бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ счастлива.

P. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку: obnovи ee въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Фрица; но красный цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ, нежели къ моимъ свѣтлорусымъ. Мужчины этого не понимаютъ. Имъ все равно, чтѣ голубое, чтѣ красное. Прости, милая Марія, я съ тобою заболталась. Отвѣчай-же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Напиши мнѣ, каково его здоровье. Мать нашего настора совѣтуетъ ему увотреблять, вмѣсто чаю, красный баранецъ, цвѣтокъ очень обыкновенный; я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекаръ тебѣ укажетъ его. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемною служавкой, а какъ съ дочерью.

II. Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлинь.
28-го апрѣля.

Я получила нисмо твое въ прошедшую пятницу, но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ тотъ самый день, въ

¹⁾ Марія Шонингъ и Анна Гарлинь, дойдя до самой крайней нищеты, рѣшились сами себя оклеветать, чтобы избавить отъ голодной смерти. Марія обвиняла себя въ дѣтубійствѣ, а Анна по-казала, какъ на свою сообщницу, въ чемъ та и созналась. Преданные уголовному суду, онѣ были казнены въ 1778 г. въ Нюренбергѣ.

шесть часовъ поутру; вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче, и г-нъ Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему саду и дошелъ до колодезя, не задохнувшись. Возвратясь въ комнату, онъ почувствовалъ легкій ознобъ: я уложила его и побѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что совѣтъ успокоить его совершенно. Г-нъ Кельцъ пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больного и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу: онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г-нъ Кельцъ отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи: я должна была поворачивать его съ боку на бокъ... Передъ утромъ онъ утихъ и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г-нъ Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой поднялся и позвалъ меня; я къ нему подошла и спросила: что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: «Марья, что такъ темно? открой ставни». Я испугалась и сказала ему: «батьюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты». Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: «Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю... Дай, благословлю тебя—поскорѣе». Я бросилась на колѣни и положила его руку себѣ на голову—рука вдругъ отяжелѣла. Онъ сказалъ: «Господь! награди: Господь! Тебѣ ее поручаю». Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г-нъ Кельцъ, снялъ съ моей головы руку его и сказалъ мнѣ: «теперь оставьте его, подите въ свою комнату». Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г-нъ Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и всѣмъ распорядился, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ—некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла-было за гробомъ, но мнѣ стало дурно. Я встала на колѣни, чтобъ издали съ нимъ проститься. Фрау Ротбергъ сказала: «какая комедіантка!» Вообрази, милая Анна, что эти два слова возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло, и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу, а я боялась, чтобъ фрау Ротбергъ не сказала опять: какая комедіантка!

Какая жестокость! не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцомъ. если ей вздумается!

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣніе и бумаги покойнаго отца. Они оставили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье. Я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу, дѣтей цѣлую. Прощай. Пишу тебѣ стоя у окошка, а чернильницу заняла у сосѣдей...

III. Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлпнъ.

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго торга въ пользу городской казны, за то, что онъ былъ обложенъ не по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, нежели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы очень много тратили на лекарство, у меня всего на расходъ осталось 23 талера. Я показала ихъ чиновникамъ, которые однако-жъ сказали, чтобъ я деньги эти взяла себѣ, потому что законъ ихъ не требуетъ. Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться. Я ходила къ г. бургмейстеру,—онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь, что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и рукодѣліи, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Фрицемъ, если онъ занеможетъ. За больнымъ ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нужна-ли я тебѣ. Я увѣрена, что отношенія наши нисколько не переменяются и что ты будешь для меня все та-же добрая и снисходительная подруга.

* *

Домикъ стараго Шонинга полонъ былъ народомъ. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣдательствовала опѣящикъ. Онъ кричалъ: «байковый камзолъ съ мѣдными пуговицами (столько-то! Разъ два.. Никто болѣе—байковый камзолъ *—три».

Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали, съ хулой и любо-

нытствомъ, вещи, выставленныя на торгъ. Фрау Ротберхъ разсматривала черное бѣлье, не вымытое послѣ смерти Шонинга: она теребила его, стряхивала и повторяла: «дрянь, ветошь, лохмотья», и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебряныхъ ложки, полдюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шонингъ, куплена была Каролиною Шмидтъ, дѣвчушкой сильно парумяненной, вида скромнаго и смиреннаго.

Марія, блѣдная какъ тѣнь, стояла тутъ-же, смотря на расхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ вѣсколку талеровъ, готовясь купить что-нибудь, и не имѣла духа перебивать добычу у покупателей.

Народъ выходилъ, унося пріобрѣтениое. Остались непроданными два портрета въ рамахъ, нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шонингъ, молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ — Христина, жена его, съ собачкою на рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ, чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ *. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марія превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавила цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ и началъ торговаться. Мало по малу цѣна возросла до ***. Марія дала наконецъ ***, Гирцъ отступился, и портреты остались за нею. Она отдала девять, остальные спрятала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись ковца аукціона.

Когда Марія вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣніи: куда ей идти?..

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, одѣтый съ вѣкоторою странностью, подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отвести портреты, куда ей будетъ угодно.

— Я очень вамъ благодарна... я, право, не знаю... И Марія думала, куда-бы ей отвести портреты, покажетъ она сама безъ мѣста.

Молодой человѣкъ дождался нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марія рѣшилась нести портреты къ лекарю Кельду...

1832 г.

IX.

СТАРИННЫЯ РУССКІЯ СТРАННОСТИ.

Отрывки біографіи Нащокина.

Я вачиваю себя помнитъ на большомъ барскомъ дворѣ, сидящихъ въ пескѣ (что почитается средствомъ противъ такъ называемой

англійской болѣзни). Около меня толпа ваяекъ и мамушекъ и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ попеременно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черный дворъ и на деревенскій базаръ. Помню отца моего, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ. Крыльцо усѣяно варадомъ: гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маіорами въ старинныхъ мундирахъ, и проч. Отецъ мой между ними въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подава. Меня привосятъ къ отцу съ нимъ проститься — онъ хотѣтъ взять меня съ собою — я плачу: жаль разстаться съ нянею. Отецъ съ досадою меня отталкиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ: за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

Тутъ сцена переимѣняется: по сперва скажу нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, генералъ-поручикъ В. В. Н., принадлежить къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ екатерининскаго времени. Онъ былъ малаго роста, сильнаго сложенія, гордъ и вспыльчивъ до крайности. Нѣсколько анекдотовъ, сохранившихся по предавію, дадутъ о немъ понятіе. Послѣ похода, въ которомъ онъ отличился, онъ, вмѣсто всякой награды, выпросилъ себѣ и многимъ своимъ офицерамъ отпускъ и уѣхалъ съ ними въ деревню, гдѣ и жилъ нѣсколько лѣтъ, занимаясь охотою. Между тѣмъ начались вновь военныя дѣйствія. Суворовъ успѣлъ отличиться, и отецъ мой, возвратясь въ армію, засталъ уже его въ Александровской лентѣ. «Такъ-то, батюшка В. В., сказалъ ему Суворовъ, указывая на свою ленту: покажетъ вы травилъ зайцевъ, и я затравилъ краснаго звѣря». Шутка показалась обидною моему отцу, который и такъ досадовалъ; въ замѣну эпиграммы онъ далъ Суворову пощечину. Суворовъ перевернулся, вышелъ, сѣлъ въ перекладную, прискакалъ въ Петербургъ, бросился въ ноги государынѣ, жалуюсь на отца моего. Вѣроятно, государыня уговорила Суворова оставить это дѣло, для избѣжанія напраснаго шума. Нѣсколько времени спустя, присылаютъ отцу моему Георгія, при рескриптѣ, въ которомъ было сказано, что за обиду, учивенную храброму, храбрый лишается награды, которой онъ достоинъ, во что отецъ мой получаетъ орденъ по личному ходатайству А. В. Суворова. Отецъ мой не принялъ ордена, говоря, что никому не хотѣтъ быть онъ обязанъ, кромѣ какъ самому себѣ. Вообще, онъ никого не почиталъ не только высшимъ, но и равнымъ себѣ. Кн. Потемкинъ замѣтилъ, что онъ и о Богѣ отзывался хотя и съ уваженіемъ, но все какъ о низшемъ по чину (такъ что, когда онъ былъ

генераль-маіоромъ, то на Бога смотрѣлъ, какъ на бригадира), и сказалъ, когда отецъ мой былъ пожалованъ въ генераль-поручики: «Ну, теперъ и Богъ попалъ у Нащокина въ 4-й классъ, — въ порядочные люди!»

Будучи назначенъ командиромъ корпуса, находящагося въ Киевской губерніи, вскорѣ по своемъ прибытіи въ оный, далъ онъ за городомъ обѣдъ офицерамъ и городскимъ чиновникамъ. Киевскій комендантъ, замѣтя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уѣхалъ. Отецъ, замѣтя его отсутствіе, взбѣсился, всталъ изъ-за стола, приказалъ корпусу собраться и повелъ его къ городу. Поднялась палба; ни одного окошка не осталось въ Киевѣ цѣлаго, — городъ былъ взятъ приступомъ, и отецъ мой возвратился со славою въ лагерь, ведя предателя-коменданта военно-плѣннымъ. По восшествіи на престолъ государя Павла I, отецъ мой вышелъ въ отставку, объяснивъ царю на то причину: «Вы горячи, и я горячъ, намъ вмѣстѣ не ужиться». Государь съ нимъ согласился и подарилъ ему воронежскую деревню.

Отецъ мой жилъ баринномъ. Порядокъ его разбѣдовъ даетъ понятіе о его жизни. Собираясь куда-нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домою. Впереди, на рослой испанской лошади, ѣхалъ полякъ Куликовскій съ волторною; прозванъ онъ былъ Куликовскимъ по причинѣ длиннаго своего носа: должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ *lanterne-magique*. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волторною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего: за одноколкою двумѣстная карета, про случай дождя подъ козлами находилось мѣсто любимого его шута Ивана Степаныча. Вслѣдъ тянулись кареты, наполненныя нами, нашими мадами, учителями, няньками и проч. За ними ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карляками, всего тринадцать чело-вѣкъ. Вслѣдъ за нею точно такая-же фура съ большими борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадяхъ, наконецъ повозки съ калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отецъ мой останавливался всегда въ полѣ). Посудите, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, писарей и раз-ной челяди.

Въ числѣ приближенныхъ къ отцу моему два лица достойны особеннаго вниманія: дуракъ Иванъ Степановичъ и арапка Марія. Арапка отправляла при немъ должность камердинера; она была высокаго роста и зла до крайности. Частенько диралась она съ моимъ отцомъ, который никогда не сердился на нее. Иванъ Степанычъ — лицо историческое. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Дурака нашей

фамилиі. Потемкинъ, не любившій шутовъ, слыша многое о затѣяхъ Ивана Степаныча, побился объ закладъ съ моимъ отцомъ, что Дуракъ его не разсмѣшитъ. Ивалъ Степанычъ явился, Потемкинъ велѣлъ его привести подъ окошко и приказалъ себя смѣшить. Положеніе довольно затруднительное. Иванъ Степанычъ сталъ передразнивать Суворова, угождая тайной непріязни Потемкина, который расхохотался, позвалъ его въ свою комнату и съ нимъ не разставался. Государь Павелъ Петровичъ очень его любилъ, и Иванъ Степанычъ имѣлъ право при немъ сидѣть въ его кабинетѣ. Шутки его отиѣнно нравились государю. Однажды царь спросилъ его, чтѣ родится отъ булочника? — Булки, мука, крендели, сухари и проч. отвѣчалъ дуракъ. — А чтѣ родится отъ гр. Кутайсова? — Бритвы, мыло, ремни и проч. — А чтѣ родится отъ меня? — Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч. Государю это очень понравилось. Онъ вышелъ изъ кабинета и сказалъ окружающимъ его придворнымъ: Воздухъ двора заразителенъ: вообразите: ужъ и дуракъ мнѣ льститъ. Скажи, дуракъ, чтѣ отъ меня родится? — Отъ тебя, государь, отвѣчалъ, разсердясь, дуракъ, — родятся безтолковые указы, кнуты, Сибирь и проч. Государь испыхнулъ — и, полагая, что дуракъ былъ подученъ на такую дерзость, хотѣлъ узнать непременно, кѣмъ. Иванъ Степанычъ наименовалъ всѣхъ умершихъ вельможъ, ему знакомыхъ. Его схватили, посадили въ кибитку и повезли въ Сибирь. Воротили его уже въ Рыбинскъ. При государѣ Александрѣ былъ онъ также высланъ изъ Петербурга за какую-то дерзость. Онъ умеръ шесть лѣтъ тому назадъ.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь-же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду Нелидовыхъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ Нелидову, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой-же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между прочими греческій; англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ: она боялась поды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и каталъ по Волгѣ. Иногда, чтобъ приучить ее къ военной жизни, сажалъ на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

Сестра моя была старше меня нѣсколькими годами. Она была красавица и считалась таковою въ Москвѣ. Я съ братомъ воспитывался дома. У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ. Изъ нихъ двое особенно мнѣ памятны. Одинъ, пудренный, чопорный

французъ, очень образованный, бывшій пріятель Фридриха II, съ которымъ игривалъ онъ дуэты на флейтѣ, а другой—которому я обязанъ первымъ моимъ пьянствомъ, эпохою жизни моей. Вотъ какъ это случилось. Однажды, скучая продолжительностью вечерняго урока, въ то время, какъ учитель занимался съ братомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ этихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ. Учитель насили ихъ нашелъ, на сидѣ добился огня, насили добрался до меня, и въ наказаніе заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ заперты были разные съѣстные припасы. Я, къ неизъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ взюмъ и винныя ягоды и паѣлся вдоволь; между тѣмъ ощупалъ я штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть: мнѣ это понравилось; нѣсколько разъ повторилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между тѣмъ матушка пріѣхала. Учитель рассказалъ ей мою проказу и съ нею отправился въ чуланъ. Будятъ меня,—что-же? Встаю, шатаюсь, блѣдный: на полу разбитый штофъ. Отъ меня несетъ водкой, какъ отъ Панкратьевны Опаснаго Сосѣда. Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, съ головной болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его за тѣмъ-де, что онъ вечеръ заперъ меня въ чуланъ.

1830 г.

X.

РУССКІЙ ПЕЛАМЪ.

НАЧАЛО РОМАНА.

Записки М*.

Я начинаю помнитъ себя съ самаго вѣснаго младенчества; а вотъ сцена, которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постели, подъ зелеными запавѣсками, лежитъ женщина въ бѣломъ: отецъ мой беретъ меня на руки, рыдаетъ громко: бѣлая женщина цѣлуетъ меня и плачетъ: няня меня выноситъ, говоря: «Миша хочеть бай-бай?» Помню также большую суматоху, множество гостей: люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золотымъ крестомъ на груди, благословляетъ меня;

въ двери выносятъ красный гробъ. Вотъ все, что похороны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ, по разсказамъ людей, не знавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ восьмилѣтняго моего возраста. Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата. Онъ воспитывался дома до восемнадцати лѣтъ. Учитель его, М. Дерори, былъ простой и добрый старичокъ, очень хорошо знавшій французскую орфографію. Неизвѣстно, были-ли у отца другіе наставники; но отецъ, кромѣ французской орфографіи, кажется, ничего основательно не зналъ. Опъ женился, противъ воли своихъ родителей, на дѣвушкѣ, которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ-же годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердиреръ, сказывалъ мнѣ, что первые годы супружества были счастливы. Мать моя успѣла примирить мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволялъ ей насладиться спокойствіемъ и счастьемъ. Опъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотой и любовными похождениями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за десять тысячъ и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все — и молчала. Душевные страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ пять тысячъ душъ, слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный гр. Шереметевъ называлъ мелкопомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже гр. Шереметева, хотя былъ ровню въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Мишенька шаркнулъ направо, шаркнулъ налево и хотѣлъ поиграть моимъ ружьею; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ—Мишенька заплакалъ, и отецъ поставилъ меня въ уголъ, подаривъ братцу мое ружье.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ отеческою кровлею не оставило ничего

пріятнаго въ моемъ воображеніи. Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе французъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ неглупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что я пролилъ чернила на его жилетъ; третій, прожившій у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что сверхъ того чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ. Прочіе французы не могли ужиться съ Анной Петровной, которая не давала имъ вина за обѣдомъ, или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ того имъ платили очень неисправно. Виноватымъ остался я: Анна Петровна рѣшила, что ни одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкой.

Впрочемъ, и то правда, что не было у насъ ни одного, котораго-бы въ двѣ недѣли, по его вступленіи въ должность, не обратилъ я въ домашняго шута: съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о женевицѣ, котораго увѣрилъ я, что Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренное выраженіе лица его съ вѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столомъ, говоря вполголоса: экій обжора!

Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меча можно было добиться всего. Къ несчастію, всякій выѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ: съ Аввой Петровной бранился зубъ за зубъ; съ Мишенькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки; съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ Анна Петровна уговорила отца отослать меня за границу въ университетъ. Я отправился; мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ. Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость—великій чародѣй. Дорого-бы я далъ, чтобъ сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого-бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого варода, за ваши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами.

Вольное университетское ученіе принесло

мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пувша. Изъ дому получалъ я деньги въ разные неположивые сроки. Это пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишннихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большаго вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству и никогда не принимать должности цензора; на другой день, съ головою болью и съ книгою, отправился въ дорогу

1835 г.

XI.

— И ты тутъ былъ? Расскажи, какъ это случилось?

— Изволь; я только расплатился съ хозяиномъ и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ слышу страшный шумъ, и графъ сюда входитъ со всей своей свитою. Я скорѣе снялъ шляпу и по стѣнкѣ сталъ пробираться до дверей, но онъ увидѣлъ меча и спросилъ, что я за человѣкъ. «Я—кровельщикъ Гаспаръ Дикъ, готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый графъ», отвѣчалъ я съ поклономъ, и сталъ пытаться къ дверямъ; но онъ опять со мною заговорилъ и безъ всякаго ругательства.

— А сколько ты вырабатываешь въ день, Гаспаръ Дикъ?

Я призадумался: зачѣмъ этотъ вопросъ? На всякій случай я отвѣчалъ ему осторожно: «милостивый графъ, день на день не похожъ, въ явой вырабатываешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой ничего».

— А жевать-ли ты, Гаспаръ Дикъ?

Я тутъ опять призадумался: зачѣмъ ему знать, жевать-ли я? Однако отвѣчалъ ему смѣло: «жевать».

— И дѣти есть?

Я рѣшился говорить всю правду, вичего не утаивая. Тогда графъ оборотился къ своей свитѣ и сказалъ:

— Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя абервилльская рана что-то начинаетъ выть. Поспѣшимъ до дождя доѣхать; велите скорѣе сѣдлать лошадей.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

I.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

I.

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА.

Мартинъ: Послушай, Францъ! въ послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, но долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись, или худо будетъ.

Францъ: Помилуй, отецъ! за чтò ты на меня сердился? Я, кажется, ничего не дѣлаю.

Мартинъ: Ничего не дѣлаю! то-то и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты, лѣнivecъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На чтò ты надеешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ четырнадцать лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейнера въ руку, да два толчка въ спину, да примолвилъ: «ступай-ка, Мартинъ, самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело». Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ, и деньги, и честное имя—а чѣмъ? бережливостью, терпѣніемъ, трудолюбіемъ. Вотъ ужъ мнѣ и за пятьдесятъ, и пора-бы ужъ отдохнуть да тебѣ передать и счетныя книги, и весь домъ. А могу-ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ-бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ да забираютъ въ долгъ товары. Я знаю тебя: ты стыдишься своего состоянія. Но слушай, Францъ, если ты не переѣмнешься, не отстанешь отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло, то, видя въ Богъ, выгону тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Францъ: Твоя воля, отецъ! дѣлай, какъ хочешь.

Мартинъ: То-то же, смотри. (Входитъ братъ Бертольдъ)

Мартинъ: Вотъ и другой сумасбродъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Бертольдъ: Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

Мартинъ: Нужда! Опять денегъ?

Бертольдъ: Да... не можешь-ли одолжить полтораста гульденовъ?

Мартинъ: Какъ не такъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

Бертольдъ: Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

Мартинъ: Какъ не пропадшія? Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись?

Бертольдъ: Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

Мартинъ: Объ этихъ послѣднихъ разакъ я слышу ужъ не въ первый разъ.

Бертольдъ: Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы; теперь ужъ я все разчиталъ: опытъ мой не можетъ не удался.

Мартинъ: И это я слышу не впервые.

Бертольдъ: Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потерь случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

Мартинъ: Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Если-бъ ты не вобросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ-бы богатъ. Ты судишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

Бертольдъ: Золото мнѣ не пужно—я ишу одной истины.

Мартинъ: А мнѣ чортъ-ли въ истинѣ? мнѣ пужно золото.

Бертольдъ: Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

Мартинъ: Не могу в не хочу.

Бертольдъ: Такъ прощай-же, сосѣдъ.

Мартинъ: Прощай.

Бертольдъ: Найдю къ барону Раулю: авось, дастъ онъ мнѣ денегъ.

Мартинъ: Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассалы его разорены. А слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не такъ-то легко наживаться.

Бертольдъ: Я думаю, у него девьги есть, потому что у герцога затѣвается турниръ, и баронъ туда отправляется. Прощай.

Мартинъ: И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

Бертольдъ: Можетъ быть, и дастъ.

Мартинъ: И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ?

Бертольдъ: Непремѣнно.

Мартинъ: А если опытъ не удастся?

Бертольдъ: Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то алхимія—вздоръ.

Мартинъ: А если удастся?

Бертольдъ: Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностью всѣ суммы, которыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартинъ: Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

Бертольдъ: И радъ-бы, да не могу... Ты знаешь, что я общался Пресвятой Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

Мартинъ: Эхъ, отецъ Бертольдъ, охота тебѣ разоряться! Куда-же ты? Пой! Ну, такъ и быть, на этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ займы. Богъ съ тобою. Но смотри-жъ, сдержи

свое слово: пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

Бертольдъ: Не бойся, другого ужъ не понадобится.

Мартынъ: Погода-же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу... Сколько бишь тебѣ нужно?

Бертольдъ: Полтора гильденовъ.

Мартынъ: Сто пятьдесятъ гильденовъ... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена!

БЕРТОЛЬДЪ И ФРАНЦЪ.

Бертольдъ: Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

Францъ: Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства.

Бертольдъ: За что это?

Францъ: За то, что я знакомство веду съ рыцарями.

Бертольдъ: Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

Францъ: Развѣ мѣщави въ недостойнъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

Бертольдъ: Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно: Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ ужъ мы видимъ неравенство и зависть.

Францъ: Виноватъ-ли я въ томъ, что не люблю своего состоянія, что честь для меня дороже денегъ?

Бертольдъ: Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то состояніе, въ которомъ родились: дворянинъ воюетъ и красуется, мѣщанинъ трудится и богатѣетъ; рыцарь почтенъ на конѣ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни, но ему неприлично считать барыши. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ-бы смѣшонъ на турнирѣ.

Мартынъ (входитъ): Вотъ тебѣ полтора гильденовъ; смотри-же, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

Бертольдъ: Благодаренъ, очень благодаренъ; не будешь раскаяваться.

Мартынъ: Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся, в у тебя будетъ и золота, и славы вдоволь, будешь-ли ты спокойно наслаждаться жизнью?

Бертольдъ: Займусь еще однимъ изслѣдованіемъ. Мнѣ кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*

Мартынъ: Что такое *perpetuum mobile*?

Бертольдъ: *Perpetuum mobile* — вѣчное движеніе. Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому...

Видишь-ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото—задача заманчивая, открытіе, можетъ быть, любопытное и выгодное; но найти *perpetuum mobile* .. о!..

Мартынъ: Убирайся къ чорту съ твоимъ *perpetuum mobile*... Ей-Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терѣвнѣхъ выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

Бертольдъ: Экій онъ брюзга!

Мартынъ: Экій овъ сумасбродъ!

II.

Францъ (одинъ): Чортъ поberi наше состояніе! Отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема, счастливей и почетнѣе отца моего: отецъ мой снимаетъ передъ нимъ шляпу, а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? Девъги! Деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ поberi наше состояніе! Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ минстрелемъ: этого, по крайней мѣрѣ, въ замкѣ принимаютъ; госпожа слушаетъ его пѣсни, наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ... Купецъ, сидя за своимъ кивгами, считаетъ, кланится передъ всякимъ покупишникомъ: «Ей Богу, сударь, самый лучший товаръ, дешевле пидѣио па йдетъ».—«Врешь ты, жидъ».—«Никакъ нѣтъ, честию в а с ъ у в ѣ р я ю...» Честью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ, какъ соколъ; онъ никогда не горбился надъ счетами; онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово — ему вѣрятъ... Да развѣ это жизнь? Чортъ ее поberi! Пойду лучше въ минстреля. Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ баронъ... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей; трубы затрубятъ, выступятъ герольды, рыцари объѣдутъ поле, преклоняя копыя предъ благосклонной красавицей. Трубы опять затрубятъ, рыцари разѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ, никогда герольды не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ... Деньги! Кабы зналъ онъ, какъ рыцари презираютъ насъ, не смотря на наши деньги...

Альбертъ (входя): А! это Францъ... На кого ты раскричался?

Францъ: Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

Альбертъ: А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

Францъ: Я думалъ, какъ-бы мнѣ попасть на турниръ.

Альбертъ: Ты хочешь попасть на турниръ?

Францъ: Точно такъ.

Альбертъ: Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій—хочешь-ли на его мѣсто?

Францъ: Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Отчего-жъ онъ умеръ?

Альбертъ: Ей Богу, не знаю. Въ пятницу онъ былъ здоровешенекъ: вечеромъ воротился я поздно (я былъ въ гостяхъ и порядочно подпилъ); Яковъ сказалъ что-то.. я разсердился и ударилъ его, помпится, по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ... однако нѣтъ: точно, по щекѣ; Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ—умре.

Францъ: Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

Альбертъ: На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну, что-же, хочешь быть моимъ конюшимъ?

Францъ (почесывается): Вашимъ конюшимъ?

Альбертъ: Что-жъ ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка: вѣдь это ужъ ступень. Современемъ, какъ знать, тебя посвятимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

Францъ: И я буду жить у васъ въ замкѣ?

Альбертъ: Конечно... Ну, согласенъ, что-ли?

Францъ: Вы не будете давать мнѣ пощечины?

Альбертъ: Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; а хотя и случится такой грѣхъ, что за бѣда? не всѣ-жъ конюшіе убиты до смерти.

Францъ: И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмотримъ, кто кого..

Альбертъ: Чтѣд.. чтѣд ты говоришь? Я тебя не понимаю.

Францъ: Такъ, я думалъ самъ про себя.

Альбертъ: Ну, что-же? соглашайся!

Францъ: Извольте, согласенъ.

Альбертъ: Нечего было и думать. Достань-же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

Францъ: А чтѣд скажетъ мой отецъ?

Альбертъ: А ему какое дѣло до тебя?

Францъ: Онъ меня проклинаетъ и наслѣдства лишитъ.

Альбертъ: А ты плюнь. Тебѣ-же будетъ легче!..

III.

ЗАМОКЪ РЫЦАРЯ АЛЬБЕРТА.

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА.

Клотильда: Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что-нибудь.

Берта: О чемъ-же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ-ли рыцарѣ?

Клотильда: О какомъ рыцарѣ?

Берта: О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

Клотильда: О Ротенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились, а онъ и не думалъ пріѣхать къ намъ; это съ его стороны веучтивость.

Берта: Погодите; я увѣрена, что онъ будетъ завтра.

Клотильда: Почему ты такъ думаешь?

Берта: Потому, что я его во снѣ видѣла.

Клотильда: И, Боже мой! Это ничего не значить; я всякую ночь вижу его во снѣ.

Берта: Это совсѣмъ другое дѣло: вы въ него влюблены.

Клотильда: Я влюблена! Прошу пустяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ-нибудь другомъ.

Берта: О комъ-же? О ковышемъ братца, о Францѣ.

Клотильда: Пожалуй, говори мнѣ хоть о Францѣ.

Берта: Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

Клотильда: Францъ отъ меня безъ ума? Кто тебѣ сказалъ?

Берта: Никто: я сама замѣтила: когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда онъ служитъ за столомъ, онъ не видитъ никого кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на васъ и не смотреть.

Клотильда: Или ты—дура, или Францъ—передерзкая тварь.

(Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ).

Альбертъ: Сестра! представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ почевать въ нашемъ замкѣ.

Графъ: Позвольте, благородная дѣвица, не достойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоценную награду.

Клотильда: Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Вратецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. (Уходитъ).

Графъ: Какъ она прекрасна!

Альбертъ: Она предобрая дѣвушка. Графъ, что-же вы не раздѣваетесь? гдѣ наши слуги? Францъ! разуй графа. (Францъ медлитъ.) Францъ! развѣ ты глухъ?

Францъ: Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разувать.

Графъ: Ого, какой удалый!

Альбертъ: Грубіянь! (замахивается) я тебя прогоню.

Францъ: Я самъ готовъ оставить замокъ.

Альбертъ: Мужикъ, подлая тварь. Извините, графъ, я съ нимъ управлюсь. Вонъ!.. (Толкаетъ его въ спину). Чтобы духу твоего здѣсь не было.

Графъ: Пожалуйста, оставь этого дурака; онъ, право, не стоитъ.

IV.

Клотильда: Братецъ! мнѣ до тебя просьба.

Альбертъ: Чего ты хочешь?

Клотильда: Пожалуйста, прогони своего конюшаго, Франца: онъ осмѣлился мнѣ нагрубить...

Альбертъ: Какъ! и тебѣ?... Жаль-же, что я ужъ его прогвалъ; онъ отъ меня такъ скоро-бъ не отдѣлался. Да что-же онъ сдѣлалъ?

Клотильда: Такъ, ничего. Если ты ужъ его прогвалъ, такъ нечего и говорить. Скажи, братецъ, долго-ли графъ пробудетъ у насъ?

Альбертъ: Думаю, сестра, что это будетъ зависѣть отъ тебя. Что-жъ ты красишь?...

Клотильда: Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ.

Альбертъ: Не думаетъ? о чемъ же?

Клотильда: Ахъ, братецъ, какой ты не-сносный! Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

Альбертъ: Посмотримъ, посмотримъ. Чтѣо будетъ, то будетъ.

V.

Францъ: Вотъ нашъ домикъ... Зачѣмъ было мнѣ оставлять его для гордаго замка? Здѣсь я былъ хозяиномъ, а тамъ — слуга... и для чего? Для гордыхъ взоровъ наглою, благородной дѣвцы. Я переносилъ униженіе, я увидался въ собственныхъ глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ: я привыкъ свосить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго новѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависѣть отъ отца, я сталъ зависѣть отъ чужого. И чѣмъ все это кончилось? Боже! кровь кидается въ лицо, кулаки мои сжимаются... О, я самъ отпущу, отпущу.. Какъ-то приметъ меня отецъ? (Стучится.)

Карлъ (выходитъ): Кто тамъ такъ стучитъ? А! Францъ, это ты. (Про себя.) Вотъ чортъ привесъ!

Францъ: Здравствуй, Карлъ; отецъ дома?

Карлъ: Ахъ, Францъ! давно-же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ, какъ ужъ померъ.

Францъ: Отецъ мой умеръ! Невозможно!

Карлъ: Такъ-то возможно, что его и схоронили.

Францъ: Бѣдный, бѣдный старикъ!... И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести: онъ меня любилъ, онъ чувствовалъ сильно. Карлъ! и ты не могъ по-слать за мною? Онъ меня-бы благословилъ.

Карлъ: Онъ осердился на приказчика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ. Знаешь-ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишавъ тебя наслѣдства и отдалъ все свое имѣніе.

Францъ: Кому?

Карлъ: Не смѣю тебѣ сказать.. ты такой вспыльчивый...

Францъ: Знаю—тебѣ..

Карлъ: Богъ видитъ, я не виноватъ. Я готовъ былъ-бы тебѣ все отдать... потому что, видѣвши-ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, однако вотъ по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ —наслѣдникъ отца, а не подмастерье.. Но, видѣвши, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился; а вотъ теперь, какъ женатъ, ужъ я и не знаю, чтѣо дѣлать и какъ быть.

Францъ: Владѣй себѣ своимъ наслѣдствомъ Карлъ, я у тебя его не требую. На комъ ты женился?

Карлъ: На Юліи Фурстъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожній уголокъ...

Францъ: Нѣтъ, благодарствую, Карлъ; кланяйся Юліи и вотъ отдай ей эту серебряную цѣпочку отъ меня, на память.

Карлъ: Добрый Францъ! Хочешь съ вами отобѣдать? Мы только-что сѣли за столъ.

Францъ: Не могу, я спѣшу...

Карлъ: Куда-же?

Францъ: Такъ, самъ не знаю; прощай.

Карлъ: Прощай, Богъ тебѣ помоги. (Францъ уходитъ.) А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну, теперь я совершенно спокоенъ: у меня не будетъ ни тягбы, ни хлопотъ.

VI.

ВАССАЛЫ, вооруженные косами и дубинами:
Ходить въ полѣ коса,
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой ходи, моя коса!
Сердце веселится.

Францъ: Они пройдутъ черезъ эту лужайку; смотрите-же, не робѣть; подиустите ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскочутъ; тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и приударимъ... Чу! вотъ они (Францъ съ частью вассаловъ скрывается въ лѣсъ Ньсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ).

Рыцари: Гей, вы! долой съ дороги! (Вассалы снимаютъ шляпы и не трогаются.) Долой, говорятъ вамъ! Чтѣо это значить, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

Ротенфельдъ: А вотъ, пришиорнижъ лошадей, до потопчемъ ихъ порядкомъ.

Косари: Ребята, не робѣть!... (Лошади раненыя, падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсются.

Францъ: (бросается изъ засады.): Впередъ, ребята! У! у!

Одинъ рыцарь: Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

Другой: Ничего, насъ еще пятеро верхомъ.

Рыцари: Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за дру-

гимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами.
Вассалы: У! у! у! Наша взяла!... Теперь мы въ нашихъ рукахъ... Кровавіицы! разбойники! гордецы поганые!

Францъ: Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья, поднимите забрала, гдѣ Альбертъ?

(Бѣдетъ другая толпа рыцарей).

Одинъ изъ нихъ: Господа! посмотрите, чтѣ это значить? здѣсь дерутся.

Другой: Это бунтъ: подлый народъ бьетъ рыцарей.

Рыцари: Господа! господа! копыя въ упоръ, прищипоривай! (Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ).

Вассалы: Бѣда! бѣда! Это рыцари!...

Францъ: Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!...

(Онъ раненъ; рыцари его хватаютъ за воротъ).

Одинъ рыцарь: Постои, братъ, успеешь имъ проповѣдать.

Другой: И эти подлые твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смотрите: одинъ, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужасъ! (Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ).

Рыцари: Какъ! вы живы?

Альбертъ: Благодаря желѣзнымъ латамъ... (Всѣ смѣются.) Ага, Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебѣ. Господа рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

Одинъ изъ рыцарей: Не за чтѣ: па нашемъ мѣстѣ вы сдѣлали-бы то-же самое.

Альбертъ: Смѣю-ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія и на досугѣ попить?

Рыцари: Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ: мы спѣшимъ на похороны эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

Альбертъ: По крайней мѣрѣ сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

Рыцари: Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей: позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденные красавицы (садятся). А этого молодца, такъ и быть, довеземъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

VII.

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

(Рыцари ужинаятъ).

Одинъ рыцарь: Славное вино!

Ротенфельдъ: Ему болѣе ста лѣтъ... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отпра-

вляясь въ Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ замковъ и ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу.

Рыцарь: Славное вино! За здоровье благородной хозяйки!

Рыцари: За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!

Клотильда: Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ!

Ротенфельдъ: За здоровье нашихъ избавителей.

Рыцари: За здоровье нашихъ избавителей!

Одинъ изъ рыцарей: Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; по ему чего-то недостаетъ.

Ротенфельдъ: Знаю: кипрскаго вина: чтѣ дѣлать—все вышло на прошлой недѣлѣ.

Рыцарь: Нѣтъ, не кипрскаго вина: недостаетъ пѣсенъ миннезингера.

Ротенфельдъ: Правда, правда... Нѣтъ-ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостиницу.

Альбертъ: Да чего-жъ намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣститъ: кликнуть его сюда!

Ротенфельдъ: И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

Рыцари: Кто этотъ Францъ?

Ротенфельдъ: Да тотъ самый негодяй, котораго мы взяли сегодня въ плѣнъ.

Рыцарь: Такъ онъ еще и миннезингеръ?

Альбертъ: О! все, чтѣ вамъ угодно. Вотъ онъ.

Ротенфельдъ: Францъ! рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

Францъ: Чего мнѣ бояться? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голосъ мой не дрожитъ, и языкъ поворачивается.

Ротенфельдъ: Посмотримъ, посмотримъ Ну, начинай.

Францъ: (поетъ):

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,

Непостижное уму—

И глубоко впечатлѣнье

Въ сердцѣ врѣзалось ему...

Съ той поры, сгорѣвъ душою,

Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,

Онъ до гроба ни съ одною

Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки

Вѣсто шарфа навязалъ,

И съ лица стальной рѣшетки

Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,

Вѣренъ сладостной мечтѣ,

А. М. D. своею кровью

Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,

Между тѣмъ какъ по скаламъ

Мчался въ битву наadini,

Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!

Восклидалъ онъ дикъ и рыанъ,

И какъ громъ, его угроза

Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальній,

Жилъ онъ, строго заключенъ,

Все безмолвный, все печальный,

Какъ безумецъ, умеръ онъ.

Но Пречистая, конечно,

Заступившись за него,

Водворила въ царство вѣчно

Паладина своего

Ротенфельдъ: Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ-ли чего повеселѣе?

Францъ: Извольте, есть повеселѣе.

Ротенфельдъ: Люблю за то, что не унываетъ. Вотъ тебѣ кубокъ вина.

Францъ (поетъ):

Воротился ночью мельникъ...

«Жонка! Чтѣ за сапоги?»—

Ахъ ты, пьяница, бездѣльникъ!

Гдѣ ты видишь сапоги?

Иль мутитъ тебя лукавый?

Это—ведра.—«Ведра? Право?

Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,

Ни во снѣ, ни на яву

Не видалъ до этихъ поръ

Я нигдѣ на ведрахъ шпоръ».

Рыцари: Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай-да Францъ!

Ротенфельдъ: А все-таки я тебя повѣшу.

Рыцари: Конечно, пѣсня лѣсная, а веревка веревкой: одно другому не мѣшается.

Клотильда: Рыцари! я имѣю просьбу до васъ: общайтесь не отказать.

Рыцари: Чтѣ изволите приказать?

Одинъ: Мы готовы во всемъ повиноваться.

Клотильда: Нельзя-ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной, и страхомъ висѣльцы.

Ротенфельдъ: Помиловать его!.. Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра-же взбунтуются опять.

Клотильда: Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда-ли, что если тебя помиловать, то уже болѣе бунтовать не станешь.

Францъ (въ чрезвычайномъ смущеніи): Сударыня... сударыня...

Одинъ рыцарь: Ну, Ротенфельдъ, чего дама требуетъ, въ томъ рыцарь отказать не можетъ. Надобно его помиловать.

Всѣ рыцари: Надобно его помиловать.

Ротенфельдъ: Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запрежь его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нея не выйдетъ, пока стѣны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

Рыцари: Быть такъ...

Клотильда: Однако...

Ротенфельдъ: Клотильда! я далъ честное слово.

Францъ: Какъ! вѣчное заключеніе! да по мнѣ лучше умереть.

Ротенфельдъ: Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню... (Фравпа ведутъ.)

Францъ (уходя): Однако-жъ я ей обязанъ жизнью.

1835 г.

II.

О Т Р Ы В О К Ъ

Тюремщикъ: Отъ этихъ знатныхъ господъ покою нѣтъ я нашему брату, тюремщику. Простыхъ людей, слава Богу, мы вѣшаемъ каждую пятницу, и никогда съ ними никакихъ хлопотъ. Прочтутъ вмѣ приговоръ, священникъ причаститъ ихъ на скорую руку—дадутъ бутылку вина; коли есть жена или ребятишки, коли отецъ или мать еще живы, выustiшь ихъ на минуту, а чуть лишь слишкомъ завоютъ или заболтаются, такъ и вонъ милости просимъ. На разсвѣтъ придетъ за ними Жакъ-палачъ—и все кончено. А вотъ посадили къ намъ графа Конрада, такъ я и жизни не радъ, я у него на посылкахъ. Принеси то-то, скажи то-то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требуетъ: все-ли у тебя исправно? да не ушелъ-ли онъ? да не зарѣзался-бы онъ? да доволенъ-ли онъ? Чортъ побери знатныхъ господъ. А съ тѣхъ поръ, какъ судьи приговорили его къ смерти, такъ тюрьма моя сдѣлалась трактиромъ—ей Богу, трактиромъ. И друзья, и родня, и знакомые—всѣ лѣзутъ съ нимъ прощаться; отпирай всякому, да смотри за всѣми, да не смѣй никого обидѣть, и хоть-бы что-нибудь въ руку перепало, да нѣтъ, все народъ благородный—свободенъ отъ всѣхъ податей. Право ни на чтѣ не похоже—слава Богу, что угрожь отрубятъ ему голову! А ужъ эту ночь напьемся (стучать). Это кто стучится? (Идетъ къ дверямъ и отворяетъ окошко.) Чтѣ вамъ надобно?

Слуга (изъ двери): Отворяй, графиня съ дочерью!

Тюремщикъ: А гдѣ пропускъ?

Слуга (бросаетъ ему бумагу): На! скорѣе-жъ, поворачивайся!

Тюремщикъ: Сейчасъ, сейчасъ. Экая каторга! (Отворяетъ двери. Входитъ графиня и дочь ея, обѣ въ черныхъ платьяхъ. Тюремщикъ имъ низко кланяется).

1835 г.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этотъ историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано правительствомъ касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ и случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ государственномъ санктпетербургскомъ архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами государственными, нынѣ превращенными въ историческіе матеріалы. Государь Императоръ, по своему восторженію на престолѣ, приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Эти сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣсколько паводочней постигло ихъ и едва не уничтожило.

Будущій историкъ, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ—конечно, несовершенный, и добросовѣстный. Историческая странница, на которой встрѣчаются имена: Екатерины, Румянцева, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

2-го ноября 1833 г.

Село Болдино.

Мнѣ кажется, сего нора всѣхъ замысловъ и похвальныхъ не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать—да ли-бы удалось; кого всѣ затѣи не отъ разума и поинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачы записали. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не только расказать, но нарочитой частью припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной ноли и удалства въ разныхъ другъ мѣстахъ происходили.

Архимандритъ Илларионъ Лубяскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало лицкихъ казиковъ. Поэтическое преданіе. Царская грамота. Грабежи на Каспійскомъ морѣ. Стенька Разинъ. Нечай и Шамай. Предположенія Петра Великаго. Внутреннія безпокойства. Побѣги кочующаго народа. Буты янцкихъ казаковъ. Ихъ усмиреніе.

Янкъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе, и течетъ къ югу

вдоль ихъ дѣни, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменный хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ и, протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволожскія степи: слѣва простираются нечальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода: берега большей частью глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобны для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На этой-то рѣкѣ, въ XV столѣтіи, явились донскіе казаки. разбѣжавшіе по Хвалынскому морю. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще открытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію: весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Янкъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловатное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторые татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того-же Янка. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собою убивать прививаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ атамановъ, по имени Гугля, первый преступилъ жестокий законъ, пощадивъ молодую жену, и каза-

ки, по примѣру атамана, покорились игу семейственной жизни. Дочинѣ просвѣщенные и гостепріимные жители уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи.

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича послали отъ себя въ Москву просить государя, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозійномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, котораго важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ и пожаловалъ имъ грамоту на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и позволя имъ набираться на житіе вольными людьми.

Число ихъ часть отъ часу умножалось. Они продолжали разбѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ донскими казаками, вѣсть нападали на торговые персидскія суда и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и на Яикъ увѣщательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; оттуда отправились въ Москву и явились ко двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ вѣлно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ были посланы стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ яцккія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его, какъ непріятели. Городокъ ихъ былъ взятъ этимъ отважнымъ мятежникомъ, а стрѣльцы, тамъ пахотившіеся, побиты или потоплены.

Преданіе, согласное съ татарскими лѣтописцемъ, относитъ къ тому-же времени походы двухъ яцккихъ атамановъ: Нечая и Шамая. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастье ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Хавъ съ войскомъ своимъ пахотился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія, во зажилъ въ немъ и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханомъ и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ съ объявленіемъ о гибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбился съ дороги. На Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены

были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконецъ отъ себя къ хивинскому хану просить, чтобы онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай-же, вѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ калмыками въ яцкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они малу-по-малу привыкли къ жизни семейной и гражданской.

Яцккіе казаки послушно несли службу по наряду московскаго приказа, но дона сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народамъ—временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшаемы были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; въ куль да въ воду за измѣну, трусость, убійство и воровство—таковы главныя черты этого управленія. Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, яцккіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленные съ величайшею тончестью.

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія яцккихъ казаковъ въ общую систему государственнаго управленія. Въ 1720 году яцкое войско отдано было въ вѣдомство военной коллегіи. Казаки возмущились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ бѣжать въ киргизскія степи, но были жестоко усмирены полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба, и назначено жалованье. Государь самъ назначалъ войскаго атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между войсковымъ атаманомъ Меркулевымъ и войсковымъ старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: атаманскую и логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе яцкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время оренбургскимъ губерпаторомъ, представилъ въ военную коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписавій осталась безъ исполненія до восшествія на престолъ государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года стороны логиновской яцкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерѣваемые отъ членовъ канцеляріи, учрежденной въ войскѣ правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генераль-маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была слѣдственная коммиссія. Въ ней присутствовали генераль-маіоры: Потаповъ, Череповъ, Вримфельдъ и Давыдовъ, и гвардіи капитанъ Чебышевъ. Войсковой атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто избранъ Петръ Тамбовцевъ; члены канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія самой императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію президента военной коллегіи, графа Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Между тѣмъ велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось въ этомъ случаѣ, чтобы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленіе. Узнали, что правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадры, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генераль-маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкій городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Пронсшествіе, не менѣе важное, подало въ нему поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ астраханскимъ и саратовскимъ, кочевали мирные калмыки, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Вѣлаго паря. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностью отъ средоточія правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы этого смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію и тайно снестись съ китайскимъ правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону и потянулись по кир-

гизской степи къ предѣламъ прежняго отечества. Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки (кромя весьма малаго числа) не послушались и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе вачальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 января 1771 года они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли, подъ предводительствомъ казака Киричичикова, въ домъ гвардіи капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ слѣдственной коммиссіи. Они требовали отрѣшенія членовъ канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генераль-маіоръ Траубенбергъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія войскового атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ новѣшенъ, члены канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отравили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, чтобъ объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ генераль-маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для усмиренія, съ одною ротою гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ, и взявъ съ собою двѣ легкія полевые команды¹ и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку. Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостиннаго и мѣноваго дворовъ. Прежнее казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту подполковнику Симонову. Въ его канцеляріи повелѣно присутствовать войсковому старшинѣ Мартыяну Бородину и старшинѣ (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока челоуѣкъ сослано въ

Сибирь; другіе отдавы въ солдаты (NB всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко второй присягѣ. Эти строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было не надежно. «То-ли еще будетъ! говорили прощенные мятежники: такъ-ли мы тряпнемъ Москвою». — Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила эти слова военная коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по стѣннымъ уметамъ² и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева. Бѣгство его изъ Казани. Показанія Кожевникова. Первые успѣхи самозванца. Изъѣзны Илецкихъ казаковъ. Взятіе крѣпости Разсвиной. Нурали-ханъ. Распоряженіе Рейнсдорна. Взятіе Нижне Озерной. Взятіе Татищевой. Совѣтъ въ Оренбургѣ. Взятіе Чернорѣченской. Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное это время по казачьимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, вавимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ иргизскіе скиты: отсюда, въ концѣ 1772 года, пославъ былъ для закупки рыбы въ Яицкій городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Онъ отличался дерзостью своихъ рѣчей, повосилъ начальство и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области турецкаго султана; онъ увѣрилъ, что и донскіе казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покаместъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сзывалъ онъ, будто-бы противу яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка, и что около Рождества или Крещенія непременно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ Волгскъ), по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогою. Этотъ бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, донской казакъ и раскольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражу въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все относящееся къ дѣламъ яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могло

казаться важнымъ, то оренбургскій губерваторъ и почелъ за нужное увѣдомить о томъ государственную военную коллегію доведеніемъ отъ 18 января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и казанское начальство не обратило большого вниманія на приславшаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ, подойдя къ ней, вдругъ оттолкнувъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку и вмѣстѣ съ нимъ усакалъ изъ города. Это случилось 19 іюня 1773 года. Три дня послѣ въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда, по которому Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетью и къ ссылкѣ въ Пелымъ на каторжную работу.

Пугачевъ явился на хуторахъ отставного казака Давида Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игватій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйствіе и увлечь за собой множество донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донынѣ живутъ въ турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней турецкой войны они дрались противъ насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодкѣ; такъ-же, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцовъ и возвратились подъ владычество законнаго своего государя.

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною дружиною. Для этого нуженъ былъ только прищипъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ же трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная коллегія дала знать о побѣгѣ казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ по предположеніямъ могъ онъ укрываться. Вскорѣ подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники снасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и

часть отъ часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи... Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайлу Кожевникова, привели въ комендантскую канцелярію и пыткой вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайву, что великая особа паходится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ и въ ту-же почъ передъ сѣтѣмъ возвратился съ Тимоооомъ Мясниковымъ и съ исвѣдомымъ челоѣкомъ. всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худошавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьей армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ для повѣстки и а р о д у, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что—онъ императоръ Петръ III; что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Цареградѣ и тайно находился въ русскомъ войскѣ во время послѣдней турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но искорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году паходился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казавъ; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей невзвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но, узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ какою нынѣ требуютъ и осматриваются паспорта, воротился на сызранскую дорогу, по которой скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взять Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Высказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на п л а в н ю (осеннее рыболовство), въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и п а п р а с н а г о к р о в о п р о л и т і я. Во время-же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать атамана, и идти прямо на Яицкій городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобы никаку преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ-же неудачи, думалъ онъ броситься въ Русь, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ судей (пбо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна пль многая неправда) и возвести на престолъ государя великаго князя. Самъ-же я, говорилъ онъ, у же царствовать не желаю. Пугачевъ на хуторѣ Ко-

жевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ и увезли его на Усихиву Розсошь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Копваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показанія, ускорило ходъ происшествій. 18 сентября Пугачевъ съ Вудорнискаго форпоста ³ пріишелъ подъ Яицкій городокъ съ толвою, изъ трехъ сотъ челоѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиранные жители начали перебѣгать на сторону мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ-же передалась на сторону самозванца и потащила за собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Эти перыи его жертвы были сотники: Витовшовъ, Чертороговъ, Райневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу, но, при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, жители котораго готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже прервано, и донесеніе Симонова дошло до губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку ⁴ и послалъ начальствующему въ немъ атаману Портнову повелѣніе—выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ общалъ казакамъ пожаловать изъ крестомъ и бороною (илецкіе, какъ и яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностью, угрожая мести въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и привя-

ли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня праздновалъ побѣду и, взявъ съ собою всѣхъ илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную⁸.

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разбѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, майоръ Беловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтора казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространялся. Еще съ Бударинскаго форпоста Пугачевъ писалъ къ киргизъ-кайсаку хану, именую себя государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и сто человѣкъ вспомогательнаго войска. Нурали-ханъ подъѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, которому предлагалъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками и безъ его помощи. Ханъ послалъ оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. «Мы, люди живущіе въ степяхъ, — писалъ Нурали губернатору — не знаемъ, кто сей, разбѣжающій по берегу: обманщикъ-ли, или настоящій государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человѣка русая». При этомъ, пользуясь обстоятельствами, ханъ требовалъ отъ губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ сѣмъ отвѣчать, что кончина императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ хава, въ случаѣ побѣга самозванца въ киргизскія степи, выдать его правительству, обѣщая за то милость императрицы. Прошенія хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали пошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не переставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ императрицѣ, а киргизы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ хапа получено было въ Оренбургѣ донесеніе яицкаго коменданта, посланное чрезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло донесеніе Беловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возмущающаго зла. Онъ предписалъ бригадирѣ барону Виллову выступить изъ Оренбурга съ четырьмястами солдатъ пѣхоты и конницы и съ шестью полевыми ору-

діями, и идти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и въ крѣпостей. Бригадирѣ Верхне-Озерной дистанціи⁶, бригадирѣ барону Корфу, велѣлъ какъ можно скорѣе идти къ Оренбургу; подполковнику Симонову — отрядить майора Наумова съ полевой командой и съ казаками, для соединенія съ Вилловымъ; ставропольской капеляріи⁷ велѣно было выслать къ Симонову пятьсотъ вооруженныхъ калмыковъ, а ближайшимъ башкирцамъ и татарамъ — собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человѣкъ идти на встрѣчу Наумову. Ни одно изъ этихъ распоряженій не было исполнено. Вилловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную, но въ пятнадцать верстахъ отъ нея, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему сѣмъ на пораженіе бунтовщиковъ; Вилловъ не послушался и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Въмѣсто пятисотъ вооруженныхъ калмыковъ, не собралось ихъ и трехсотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и татары не слушались предписанія. Майоръ-же Наумовъ и войсковой старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева и 3-го октября прибыли въ Оренбургъ степенною стороною, не выдавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную⁸. На дорогѣ встрѣтилъ онъ капитана Сурина, высланнаго на помощь Беловскому комендантомъ Нижне-Озерной, майоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26-е сентября вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и эти-то несчастные выстрѣлы остановили Вилова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, государь, сказалъ ему старшій казакъ: неравно изъ пушки убьютъ». — «Старый ты человѣкъ, отвѣчалъ самозванецъ, развѣ пушки льются на парей?» — Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ это время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу:

передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибленный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Виббай. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но япкіе казаки, предводители мятежа, были неумолчны. Ни одинъ изъ стральцовъ не оказалъ малодушія. Магометаннъ Виббай, взойдя на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю. На другой день Пугачевъ выступилъ и пошелъ на Татищеву⁹.

Въ этой крѣпости начальствовалъ полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Вилова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 сентября Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ— не слушаться бояръ и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скруды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженные осаждающими. Пожаръ быстро достигъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросили тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Вилловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ, мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Виллову отсѣкли голову. Съ Елагина, челоуѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало и мазали имъ свои раны. Жѣну его изрубили. Дочь ихъ, наканунѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителямъ, распорядившемуся казню ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова майора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разышной, также находилась въ Татищевой; ее удавили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣляны картечью. Прочіе острижены по-казацки и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителямъ.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ довести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разышной; вслѣдъ затѣмъ Вилловъ изъ Татищевой извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; майоръ Крузе изъ Черноярченской о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ (28 сентября) триста чело-

вѣкъ татаръ, вasilу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги съ извѣстіемъ объ участіи Вилова и Елагина. Рейпсдорфъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ оренбургскихъ чиновниковъ и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать внизъ по рѣкѣ.

2) У польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе и отравить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Развочипцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защиты города, отдавъ ихъ въ распоряженіе оберъ-коменданту генералъ-майору Валленштерну; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ таможеннаго директора Обухова.

4) Сеитовскихъ татаръ перевести въ городъ и поручить начальство надъ ними коллежскому совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерию отдать въ распоряженіе дѣйствительному статскому совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ артиллеріи.

Сверхъ сего Рейпсдорфъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ оберъ-коменданту исправить городскія укрѣпленія и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ-же малыхъ крѣпостей, еще не взятыхъ Пугачевымъ, велѣно было идти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохи.

Изъ Татищевой 29 сентября Пугачевъ пошелъ въ Черноярченскую¹⁰. Въ этой крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто коменданта майора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку¹¹, жители котораго ожидали его съ нетерпѣніемъ.—1-го октября изъ татарской деревни Каргале поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ:

«Въ крѣпости у станичной избы посланы были коври и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда вѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль подѣловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: вс т а в а й т е, дѣ т у ш к и! Потомъ всѣ цѣловали его руку.— Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали, что нѣны

на службѣ, другіе съ нѣхъ атаманоѣ Данилоѣ Донскимъ взяты въ Оренбургѣ, и что только двадцать человекъ оставлены для почтовой гонимы, но и тѣ скрылись. Онѣ обратился къ священнику и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, приговоря: ты попъ, такъ будь атаманъ; ты псаломщики отъчаеши мнѣ за нихъ свои головы. — Потомъ поѣхалъ онѣ къ атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. Если-бъ твой сынъ былъ здѣсь, сказалъ онѣ старикъ: то нашъ обѣдъ былъ-бы высокъ и честенъ; но хлѣбъ-соль твоя помиралиса. Какой онѣ атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ? — Послѣ обѣда, пьяный, онѣ велѣлъ было казнить хозяина, но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онѣ обошелся съ ними ласково и взялъ съ собою. Онѣ спросилъ его: сколько прикажетъ взять припасовъ? Возьми те, отвѣчалъ онѣ, краше кулѣба; вы проводите меня только до Оренбурга. — Въ это время башкирцы, присланные отъ оренбургскаго губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онѣ шесть человекъ».

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ въ походѣ его къ Татищевой. Одни изъ отрядовъ Пугачева запялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли на встрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ, по своему обыкновению, принялъ солдатъ въ свое войско и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онѣ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онѣ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты или сдались ему. Войско его съ часу на часъ умножалось неимоверно. Онѣ рѣшился пользоваться счастьемъ, и 3-го октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уплывшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мѣры правительства. Состояніе Оренбурга. Объявленіе Рейнсдорпа о Пугачевѣ. Разбойникъ Хлодуса. Пугачевъ подъ Оренбургомъ. Бердская слобода. Сообщники Пугачева. Генераль-маіору Каръ. Его неудача. Гибель полковника Чернышева. Каръ оставляетъ армию. Бибиковъ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія яицкаго войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ

задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцевъ), начали нападать на русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, чуваша, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы: казанскій — фонтъ Брантъ, сибирскій — Чичеринъ и астраханскій — Кречетниковъ, вѣдѣ за Рейнсдорпомъ, извѣстили государственную военную коллегію о яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благоприятствовали беспорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятія по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскія наборъ усиливали затрудненія. Повелѣно было иѣсколькимъ ротамъ и эскадрамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено генераль-маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній начальства. Онѣ находился въ Петербургѣ при приѣмѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду генераль-маіору Нащокину и сдѣлать къ мѣстамъ, угрожаемыхъ опасностью; къ нему присоединили генераль-маіора Фреймана, уже усмирившаго разъ яицкое войско и хорошо знавшаго театръ новыхъ беспорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ нѣхъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15-го октября правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщавая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія.

Обратимся къ Оренбургу.

Въ этомъ городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ такими средствами можно и должно было уничтожить митежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Орбѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, любопытное изображеніе которой сохранено самимъ Рейнсдорпомъ.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для оренбургскихъ жителей: по молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу, а послѣднее выступленіе Билова¹² подтвердило справедливыя слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе: казаки съ угрозами ронтали: устра-

шенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ защитникъ смятенія, оставшой сержантъ, подосланый Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколоть губернатора. Въ селеніяхъ около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнаруживалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ которомъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что о злодѣйствующемъ съ яицкой стороны состоитъ слухъ, якобы онъ другого состоянія, не желя какъ есть; но что онъ въ самомъ дѣлѣ донской казакъ Емельяпъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Это показаніе было несправедливо. Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ.

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ ковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ употребить смышленнаго каторжника и чрезъ него переслать въ шайку пугачевскую увѣщательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручалъ ему самому всѣ губернаторскія бумаги. «Знаю, братецъ, что тутъ написано», сказалъ безграмотный Пугачевъ и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно цовѣшоваго киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его полковникомъ и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттуда Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умноживъ свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5-го октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у самаго предмѣстья, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ-же день, по приказанію губернатора, предмѣстье было выжжено. Уцѣлѣла только одна изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ,

окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запыхали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти его въ городъ. Противъ зажигателей (уже на другой день утромъ) выступилъ майоръ Наумовъ (только-что прибывшій изъ Яицкаго городка). Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человекъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался и отступилъ безъ всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ чиповниковъ и требовалъ отъ нихъ писемнаго мнѣнія: выступить-ли еще противъ злодѣя или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На этомъ совѣтѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человека: идти противъ бунтовщиковъ. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8-го октября мятежники выѣхали грабить мѣстовой дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города¹³. Высланный противъ нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человекъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться этимъ случаемъ, вѣскольکو ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно довели ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно, а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были-бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать. Онъ кое-какъ успѣлъ однакожъ уговорить и усвоить своихъ подчиненныхъ, и 12-го октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ выведенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ каре и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитымъ, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человекъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разбѣжались около городского вала и нападали на фуражировъ. Пугачевъ вѣскольکو разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣ-

ренія взять его приступомъ. «Не стану тратитъ людей, говорилъ онъ сакмарскимъ казакамъ: а вымору городъ моромъ». Не разъ находилъ онъ способъ доставлять возмущительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, посланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили пороховъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургѣ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади были отобраны и отправлены частью къ Илецкой Захитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частью въ Уфимскій уѣздъ. Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и тагарми; а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осепная стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14-го октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ; 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Япка къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою слободою,¹⁴ близъ лѣтней сакмарской дороги, въ семъ верстахъ отъ Оренбурга. Оттуда разъѣзды его не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдшнемъ опасеніи.

2-го ноября Пугачевъ, со всѣми силами, приступилъ опять къ Оренбургу, и поставя около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ-же. Между тѣмъ человекъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погребъ выжженнаго предмѣстія, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ былъ предводительствовалъ. Егеря левой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и метель. Мятежники въ церкви разложили огонь, истопили пѣзу, уцѣлившую въ выжженномъ предмѣстіи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ учений. Мятежники устроили тамъ свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлый день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ. Утромъ изъ города высланы были арестанты, подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишень и другія укрѣпленія, а избу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, папрестольное одѣявіе—въ лохмотьяхъ...

Стужа усилилась. 6-го ноября Пугачевъ съ яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ его были яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около нихъ скоплялось неизмѣримо множество татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пятидесяти человекъ. Жалованье получали одни яицкіе казаки, пречіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось отъ казны. Кормъ и лошадей доставали отъ башкирцевъ. За побѣгу объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частые разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностью, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякій день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали государя Петра Θεодоровича и супругу его государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольникъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ, сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ оренбургскимъ; пные, ваткнувъ шапку на копыѣ, кричали: «господъ казакъ! пора вамъ одуматься и служить государю Петру Θεодоровичу». Другіе требовали, чтобы имъ выдали Мартышку Бородину (войскового старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: у насъ ег

батьюшки вина много! Изъ города противъ нихъ выѣзжали наѣзтники, и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ-же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ опъ пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ,—и едва не упался въ плѣнъ. Казаки свасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ устцы.

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями приплеца, не имѣвшаго другого достоинства. кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они-же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однихъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. «У л и ц а м о я т ѣ с н а», говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына. Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Карпицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Карпицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удушили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. «О н ѣ пошелъ, отвѣчали ему, къ своей матушкѣ внизъ по Яику». Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣщенныхъ при взятіи крѣпости. Она встрѣтила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣляны. Раненные, они сползли съ другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенные въ кусты, оставались долго въ томъ-же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (овъ-же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пестунъ Пугачева. Онъ именовался фельдмаршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысопъ и Чумаковъ предводительствоваѣи войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика—графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ—графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ—графомъ Панинымъ, Чумаковъ—графомъ Орловымъ. Отставной артиллерійскій капраль Вѣлобородовъ поль-

зовался полною довѣренностью самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ яицкаго войска, общался правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія; но, пріѣхавъ въ Берду, оказался изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша, изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдась своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза. Вотъ какіе люди колебали государствомъ!

Каръ, между тѣмъ, прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ и расположить ихъ частью около Кичуевского фельдшанца, частью по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человекъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ для поимки разбойниковъ: имъ вѣрно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волкопекому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волкопекій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ сибирскому коменданту, полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи генералъ-маіора Фреймана, находившагося на Калугѣ для пріема рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Опасаясь только, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву: чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились-бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ-же самымъ мѣстамъ, отколь они появились». Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ ноябрю, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ башкирцевъ и мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, въ ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева

ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ заводѣ и возмущивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ посѣдшилъ преемъ ему дорогу и 7-го ноября послалъ секундъ-майора Шишкина съ четырьмястами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзеву¹⁵, а самъ съ генераломъ Фрейманомъ и премьеръ-майоромъ Ф. Варистедомъ, только-что подошедшимъ изъ Калуги, выступилъ изъ Сармаиновой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ эту толпу пѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту-же толпу. Мятежникамъ передали увѣщательный манифестъ; они его привяли, но отбѣхали съ бранью, говоря, что ихъ манифесты правдѣ, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять... Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальнѣе пушечные выстрѣла. Онъ испугался и посѣбно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ насквали со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ имъ предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были вѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при вступленіи пѣхоты отдалялись, проворно перевоза свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлые восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человекъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недалекомъ разстояніи, подъ начальствомъ князя Уракова, бѣжали, засыпая пальбу. Солдаты по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при поручикѣ Карташовѣ, бѣжали съ такой оплошностью, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саяхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность.

Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ военной коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ послалъ повелѣніе полковнику Чернышеву не выступать изъ Переволоцкой и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11-го ноября Чернышевъ выступилъ изъ Переволоцкой и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ илецкихъ казаковъ, приведенныхъ самарскимъ атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятии ста семидесяти grenadierъ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: grenadierъ были отправлены имъ самими изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить-ли къ Переволоцкой, или сѣсть къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ это время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣряли, бѣжали изъ пугачевского става. Между ними находился казакскій сотникъ и депутатъ¹⁶ Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представивъ въ доказательство свою депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ и въ тотъ-же часъ, безъ барабанаго боя, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его и увидятъ, то опасность уже минуетъ, и онъ безпрепятственно успеетъ вступать въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ, и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ была тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собою трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ и явился къ губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева. Въ самое это время въ Оренбургѣ слышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла... Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получалъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него накинулись и овладѣли артиллеріей. Казаки и калмыки пзмѣнили. Пѣхота, утомленная стужей, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева,

тридцать шесть офицеровъ, одну прапорщину и калмыцкаго полковника, оставагося вѣрнымъ своему несчастному начальнику.

Въ то-же самое время бригадиръ Корфъ вступилъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмястами человѣкъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него, но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское начальство казалося обезумленнымъ отъ ужаса. 14-го ноября Рейвсдорфъ, не подавъ никакихъ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ-же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле подъ предводительствомъ оберъ-коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить каре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка. Въ тотъ-же день майоръ Варпстедъ, отряженный Каромъ на ново-московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухсотъ человѣкъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева. Каръ совершенно упалъ духомъ и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ военной коллегіи, самовольно отказался отъ начальства подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ на счетъ образа дѣйствія противъ Пугачева и, оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица строгимъ указомъ повелѣла его исключить изъ службы. Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія императора Александра.

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника и выбрала генералъ-аншефа Бибикова. Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честью въ Семилѣтнюю войну и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостью и благоразумною кротостью скорѣе восстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась коммисія новаго уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ и

потомъ назначенъ въ предводители всего собранія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ на мѣсто генералъ-поручника Веймарна главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею генералъ-поручнику Романуусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію служить при графѣ Румянцевѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ императрицею, до тѣхъ поръ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душою преданный государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему на придворномъ балѣ съ прелевою ласковою улыбкой и, милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ-же привелъ слова простонародной пѣсни, пріятнѣе ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ-ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и постъ лавкой лежншь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя много трудную должность и 9-го декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ и уныніи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопы, или павезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители пріяли Бибикова съ восторгомъ, доказывающимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, свѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ. Майоръ Заевъ. Взятіе Ильинской крѣпости. Смерть Камышкова и Воропова. Состояніе Оренбурга. Осада Яицкаго городка. Сраженіе подъ Бердою. Бибиковъ въ Казани. Екатерина II, помѣщица казанская. Мнѣніе Европы. Вольгеръ. Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана. гибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили и въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во все стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торговъ съ

шестьюстами человекъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика между тѣмъ подступилъ подъ Уфу съ десяти тысячнымъ отрядомъ и осадилъ ее въ концѣ ноября. Городъ не имѣлъ укрѣпленій, подобныхъ оренбургскимъ; однако-жъ комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частью башкирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Вѣлобородовъ дѣйствовали между Уфой и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятьюстами человекъ и шестью пушками взять крѣпость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты этой стороны отряжены были сибирскимъ губернаторомъ Чичеринымъ генерал-поручикъ Декалонгъ и генералъ-майоръ Станиславскій. Первый прикрывалъ границы сибирскія; послѣдній находился въ Орской ¹⁷ крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ коменданта поручика Лопатина, но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ полковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопушѣ и, соединивъ съ нимъ 26-го ноября утромъ, подступилъ тотъ-же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники, спѣшась, ударяли въ коня, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженные генералъ-майоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Майоръ Заевъ, начальствовавшій этимъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую (27-го ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и пѣкаторы избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и равенга офицера. Агбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый не достало): также учредилъ караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился

передъ крѣпостью. Мятежники приблизились и, разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: «не стрѣляйте и выходите конь: здѣсь государь». Но нихъ выстрѣлили изъ пушки. Ублѣло ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную, подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. «Оставайтесь здѣсь и защищайтесь, сказалъ онъ имъ: а я отъ генерала выходить на вылазку новелѣнія не имѣю».

29-го Пугачевъ подступилъ опять, взявъ двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ переташить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ близкую татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казакскомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: «Прощаетъ васъ Богъ и я, нашъ государь Петръ III, императоръ. Вставайте!» Потомъ велѣлъ оборотить пушки и выпалить въ стѣну. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранять эти смиренныя имена. «Зачѣмъ вы шли на меня, на нашего государя?» спросилъ побѣдитель. — «Ты намъ не государь, отвѣчали плѣнные, у насъ въ Россіи государыня императрица Екатерина Алексѣевна и государь самозванецъ Павелъ Петровичъ: а ты — нуръ в самозванецъ». Они тутъ-же были повѣшены. — Потомъ привели капитана Вашарипа. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его, но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. «Колѣно было до васъ добръ, сказалъ самозванецъ: то я его прощаю». И велѣлъ его, такъ-же, какъ и солдатъ, острѣчь по-казацки, а раненыхъ отвести въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Ему непремѣнно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена бригадира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на мужа, который думалъ обмануть его живыми переговорами.

30-го ноября онъ снова окружилъ крѣпость и цѣлый день стрѣлялъ по пей изъ пушекъ, покушаясь на приступъ, то съ той, то съ другой стороны. Демаршъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на палу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступилъ и хотѣлъ идти противъ Станиславскаго, но, перехвативъ оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го ночью войско выступило-было изъ города: по лошаде, изнуренныя безкормицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ припужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться педостатокъ въ сѣстныхъ принасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ ихъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія поваго войска и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отъ всюду кромѣ Сибири и киргизъ-кайсацкихъ стеней. Для поправки языка высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то перѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить канкавы около вала и, какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разбѣгающихся ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ этою военною хитростью, хотя имъ было не до смѣха; а Пугачевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ язвительно упрекалъ губерватора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу.

Яицкій городокъ, это первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, утраченный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки съ бунтовщиками и ложные слухи о изятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ или поимки возмутителей, посылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать связанныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Развѣся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29-го на 30-е декабря старшина Мостовщиковъ выступилъ противъ него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастью, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31-го декабря отрядъ мятежниковъ подъ предводительствомъ Толкачева вошелъ въ городъ. Жители приняли

его съ восторгомъ и тутъ-же, пооружась чѣмъ ни повало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изъ нѣсихъ переулковъ, засѣли въ высокія избы и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говорить одинъ свидѣтель, сыпались подобно дробі, битой десятию барабавщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоящіе на нуду, но и тѣ, которые на мигу приподымались изъ-за зантовъ. Мятежники, безопасны въ десяти саженьяхъ отъ крѣпости и большею частью гулябщики (охотники), нападали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но божбы падали въ снѣгъ и угасали или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и послушныхъ казаковъ, довольно количество пороку, но мало сѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущіе къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестидцати батарей; въ избыахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь и нападая на укрѣпленныя избы. Эти опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день, и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остережены, а послушныя не могли ожидать пошады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей даво уже кормили хворостомъ. Большая часть изъ нихъ пала и употреблена была въ пишу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ), стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Прозошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ такой крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастья оружія, и 13-го января всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый пре-

былъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды въ Каргале, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали забѣжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервъ, бѣжали отъ нихъ и, прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ этой неудачи Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитой стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25-го декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцовъ бѣжали въ губерніи, еще безопасныя. Врантъ былъ въ Козьмодемьянскѣ. Приѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1-го января 1774 года, послѣ молебствія и слова, говореннаго казанскимъ архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой, изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія правительствъ о пресѣненіи его, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности къ престолу. Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ-же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухсотъ душъ одного рекрута. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ начальники легіона. Дворянство симбирское, свѣжское и пензенское послѣдовало этому примѣру; были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству маіоровъ Гладкова и Чемесова и капитана Матюнина. Казанскій магистратъ также вооружилъ на свое изживеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя себя казанскою помящицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій предводитель Макаровъ отвѣчалъ императрицѣ рѣчью, сочиненною гвардіи поручикомъ Державнымъ, находившимся тогда при главнокомандующемъ.

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ

его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и петербургскія терзали его. Въ письмахъ къ графу Чернышеву, Фонвизину и своимъ родственникамъ онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30-го декабря писалъ онъ своей женѣ: «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашель прескверны, такъ что и описать, буде-бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпускаю; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ своею милостью. Правда, позднонько хватилсь. Войска мои прибывать начали вчера; батальонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургскій пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать, что только къ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ губернаторъ Врантъ такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и гибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перенакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ, я здоровъ; только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, пружасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксию¹⁸ нерѣдко поминать. Ухъ! дурно».

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе башкирцевъ, калмыковъ и другихъ народовъ, разбѣянныхъ по тамошнему краю, отвсюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя башкирца съ сайдакомъ или заводскаго мужика съ дубиной. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокими снѣгомъ. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами. Селенія были пусты; главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ; заводы разграблены и выжжены; чернь вездѣ илповалась и злодѣйствовала. Войска, посланные изъ всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева япцѣе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойниковъ, пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Пермь начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности; киргизъ-кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую

границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей. Закубацкіе народы шевелились, возбуждаемые Турцією; даже нѣкоторые изъ европейскихъ державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Россія.

Виновникъ этого ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: *C'est apparemment le chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui.* Императрица, досадуя на сплетни европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: *Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie.*

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣвленную чернь. Разосланы были повсюду увѣщательные манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Янка съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Сулппъ. Послано въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его безо всякаго оскорбленія отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случай поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ этимъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ въ перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто и, въ присутствіи духовенства и всей станицы, сожгли. Палачи развѣяли пепель на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ запустѣніе, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежницѣ славой имени новаго, уже любезнаго ей и отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтныя) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй ар-

міи. Между тѣмъ отобранны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ государство:

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, росту средняго, смугль и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ въ кулачномъ бою. На лѣвомъ вискѣ имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немощью. Онъ не зналъ грамоты и крестился по-раскольникски. Лѣтъ тому десять женился на казачкѣ Софѣѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкасскъ. По его возвращеніи на родину, зимовейскій атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой прѣхалъ домой. Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ, узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки правительству. Возвратясь въ декабрѣ мѣсцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ, но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три пѣшкомъ гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ канцелярію дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за польской границей въ раскольниковей слободкѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Янкъ, питаясь милостыней.

Всѣ эти извѣстія были обнародованы; между тѣмъ правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, имя котораго волновало чернь. Эта временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на престолъ покойнаго государя Императора Александра I, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ. Довнынъ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибикова. Первые успѣхи. Взятіе Самары и Зайнска. Державинъ. Михельсонъ. Продолженіе осады Яицкаго городка. Свадьба Пугачева. Разореніе Плецкой Защиты. Смерть Лысова. Сраженіе подъ Татищевой. Бѣгство Пугачева. Казнь Хлопуши. Освобожденіе Оренбурга. Пугачевъ разбитъ вторично. Сраженіе при Чесноковѣ. Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка. Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланные противъ Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генераль-маіоръ князь Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ загородить московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генераль-маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовалъ маіоръ Муфель и подполковникъ Гриневъ. Генераль-маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургъ; Декалонгъ охранялъ Сибирь и долженъ былъ отрядить маіора Гагринна съ одной полевою командою для защиты Кунгура. Въ Малыковку посланъ былъ гвардіи поручикъ Державинъ для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ эти распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разослать по кабакамъ передѣлтыхъ чивовниковъ. Такимъ образомъ возмущители были открыты и захвачены. Впослѣдствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полками. «Дѣла мои, Богу благодареніе (писалъ онъ въ февралѣ), идутъ часъ отъ часу лучше; войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изъ всѣхъ писемъ вижу; только спросили бы у гусей: не забнутъ-ли ноги?»

Маіоръ Муфель съ полевою командою 29-го декабря приблизился къ Самарѣ, занятой накануне шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ думали сопротивляться. Но драгуны ударили въ палаша и въѣхали въ городъ, рубя и пирая бѣгущихъ. Въ самое это время въ двухъ верстахъ отъ Самары показались ставропольскіе калмыки¹⁹, идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противъ нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару полковникъ Гриневъ и генераль-маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю, для усмиренія калмыковъ; но они разбѣжались, и отрядъ, не выдавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибиковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и од-

нимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе генераль-маіора Фреймана, стоящаго въ Бугульмѣ безъ всякаго дѣйствія, пошелъ на Зайнскъ, котораго 70-лѣтній комендантъ капитанъ Мертвецовъ принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились, какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города Бибиковъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, батареи взяты, предметія заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибинову явилось въ день до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты и всѣхъ распустили по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольниковыя селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза, и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ съ намѣреніемъ идти служить у Пугачова, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ; и сборище разбѣжалось.

Генераль-маіоръ Ларіоновъ, начальникъ дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. «За грѣхъ мой (писалъ Бибиковъ), навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ detachementомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу» Ларіоновъ остался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противъ конфедератовъ офицера, полковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22-го января перешелъ онъ чрезъ Каму. 6-го февраля соединился съ нимъ полковникъ Бибиковъ; Мансуровъ — 10-го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну ридовыхъ и на оплошность начальниковъ. Но и адутся сами намъ въ руки, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали оня его навстрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ же пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачки.

Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. «Ты взбунтовалъ насъ, говорили они, и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирать, какъ усмиряли отцовъ нашихъ». (Казивъ 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти²⁰). Яицкіе-же казаки въ случаѣ неудачи думали предать Пугачева въ руки правительству и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Вибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ Фон-визину слѣдующія замѣчательныя строки: «Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играли воры, яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ, важно общее погубованіе».

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенной при Старицѣ (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ и, ставя лѣстницы, силились взойти на валъ, но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду при немолкаемой пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ подпоручикъ Толстоваловъ, съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехсотъ человекъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, впоследствии славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку Устипью Кузнецову и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать пзумялись и отвѣчали ему: «помилуй, государь! дочь паша — не княжна, не королевна, какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ, однако, въ началѣ февраля, женился на Устинѣ, наименовалъ ее императрицей, назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинь изъ яицкихъ казачекъ и хотѣлъ, чтобъ на ектепіи поминали послѣ государя Петра Θεодоровича супругу его государыню Устипью Петровну. Попы его не согласились, сказываясь, что не получали на то разрѣшенія отъ синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева, но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присут-

ствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпости. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19-го февраля, ночью, прибѣжалъ изъ города въ крѣпость малолѣтокъ и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудовъ пороху, и что Пугачевъ назначалъ того-же числа напасть на крѣпость. Извѣстъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ посланъ нарочно для посѣянія пустаго страха. Осажденные вели контрминну и не слышали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако-же какъ подъ нею сохранялся весь пороховой запасъ (что могли знать и мятежники), то и посѣщили оный убирать, разобрали кирпичный полъ и начали вести контрминну. Гарнизонъ приготовился, ожидая взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйствіе: колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груды. Бывшіе-же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ свалились оттуда живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время свавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни и поставилъ тамъ батарею. Мятежники, не ожидавшіе такой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи. Чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ, но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: «на сломъ, на сломъ, атаманы-молодцы!» Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обѣщавшаго, что при взрывѣ колокольни на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи князя Голицына и посѣбно ухѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пятьсотъ человекъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Эта вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспѣтъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частныхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуронъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкой Защитой²¹ (гдѣ добывается каменная соль) и въ концѣ

февраля, взявъ съ собою четыреста человекъ, напалъ на нее. Защита была взята при помощи тамошнихъ сильныхъ работниковъ, между которыми находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженного по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ за своеволие смѣлаго каторжника и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставивъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ ѣхалъ вмѣстѣ изъ Каргале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскочилъ сзади на Пугачева и ударилъ его конемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ шилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую²² и съ обыкновенною дерзостью, по чью, въ сильный бурянь, напалъ на передовые отряды Голицына, но былъ отраженъ маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ этомъ сраженіи убить храбрый Елагинъ. Въ это самое время Мансуровъ соединился съ княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергѣевской²³, не успѣвъ сжечь крѣпостей, нѣ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сорочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехсотъ человекъ при восьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ и, вдругъ поворота къ Татищевой, въ ней засѣлъ и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку подполковника Ведрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволочку²⁴ (куда возвратился и Ведряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного батальона при подполковникѣ Гриневѣ, 22-го марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены свѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человекъ для выжотра непріятели. Мятежники, притаясь, подпустили ихъ до самой крѣпости и вдругъ сдѣлали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Вибиковъ тотъ-же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубо-

кому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь-же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ упреждалъ, что однимъ пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ генералу Фрейману съ лѣвою колонною идти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, во принуждены были уступить силѣ правильнаго оружія и бѣжали во всѣ стороны. Конница, до тѣхъ поръ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровавое пролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехсотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехсотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ досталось побѣдителю. Пугачевъ съ шестидесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пять въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Вунтовщики начали выбраться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На возы громоздили награбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе и, задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося даъ ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу съ этимъ извѣстіемъ. Вѣдннй Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастью и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены сыслочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ награбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргале съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его и послали уведомить о томъ губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову въ іюнѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города нслѣдъ за шестьюстами человекъ пѣхоты, посланными Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено восемнадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ и множество хлѣба. Въ

Оренбургѣ спѣшили привести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейпсдорфъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга. Отовсюду вачали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шестимѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26-го марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители привіали его съ восторгомъ неописаннымъ.

Вибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. «То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26-го марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ, немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы ловчѣе было поворачивать своими; и сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на-головѣ плѣтъ еще болѣе стала: однако, я по морозу хожу безъ парика».

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланные разѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Септовскую свободу,²⁵ зажегъ ее и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ заваять снова Бердскую свободу, вадѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о такой дерзости черезъ полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ навстрѣчу самозванцу и встрѣтилъ его въ Каргае. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ полковниковъ Вибикова и Аршеневского, выставилъ онъ семь пушекъ и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Вибикову подошли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ батарею: Хорватъ въ послѣдней тѣснотѣ, бросясь на мятежниковъ, отбилъ орудія и, обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы и вмѣстѣ съ ними вѣхалъ въ Сакмарскій городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почитайнъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской и оттуда на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достигъ. Послѣ этой рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фрей-

мана для усмиренія Башкиріи, Аршеневского— для очищенія новомосковской дороги, а Мансурова—къ Илечному городку, чтобы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18-го марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него для прегражденія пути выслано было Чкою двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо въ Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ, и, разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го на разсвѣтѣ пришелъ въ деревню Требинову (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Майоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ подъ прикрытіемъ ста человѣкъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхомъ и, растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленные десятью пушками, пошли прямо ему на встрѣчу. Между тѣмъ, открыли огонь изъ батарей, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу и велѣлъ своей конницѣ, сѣвшившейся въ началѣ сраженія, садиться на коней и ударить въ налани. Передовыя толпы бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена и бѣжала къ Чесноковкѣ-же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшие зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то-же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне были распущены по деревнямъ. Захвачено 25 пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: башкирскаго старшину и избраннаго села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсонъ, пугдѣ не оставиваясь, пошелъ на Табискъ, куда послѣ чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разѣзды во всѣ стороны и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илечскій городокъ и крѣпости Озерная и Раз-

сыпая, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкій городокъ. Вѣсть о пораженіи самозванца подъ Татищевой въ тотъ-же день до нихъ достигла. Вѣдцы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: «спасайтесь, дѣтушки! все пропало!»— Они наскоро перевязывали свои раны и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей ²⁶.

Мансуровъ 6-го и 7-го апрѣля занялъ оставленныя крѣпости и Илецкій городокъ, найдя въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разбѣяны. Бедряга и Вородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготавлились домы и лопаты; возвышались новыя батареи. Мятежники дѣлательно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другой, то копая траншеи, чтобы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ батареи и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрминны, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9-го марта, на разсвѣтъ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости: цѣлюю вылазкою было уничтоженіе новой батареи, сильно беспокоившей осажденных. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они спѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыхъ хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ в топорамъ отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до восьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да вѣскольکو избѣ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденных: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ ве-

лѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только четверть фунта муки, то есть десятую часть обыкновенной мѣры. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ ее мукою, каждый выинвалъ свою чашку, что и составляло ихъ суточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпѣвать голода; онѣ стали проситься вопъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено. Нѣскольکو слабыхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и обѣщая за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часу отъ часу становился ужаснѣе. Лошадиного мяса, раздававшегося на вѣсь, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до того, брошены были на ледъ убитыя лошади: о нихъ вспомнили, и люди съ жадностью грызли кости, обѣдненные собаками. Накопецъ и этотъ запасъ истощился. Стали изобрѣгать новыя способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отиѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить и, составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилили. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ и, валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не пришло. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже прекловились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ-же покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То-же старались они внушить и бѣднымъ жещинамъ, которые просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденных скорымъ прибытіемъ помощи, ибо никто не могъ уже и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позор-

пою измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощаждать и клятвеннореступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога всемогущаго и всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады кромѣ двухъ или трехъ чловѣкъ изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодной смертью. Рѣшились всѣ до одного (кромѣ совершенно изнеможенныхъ) идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертью воиновъ.

Во вторникъ, въ день, назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ соборной церкви, замѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣжали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ стѣну. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило, говорилъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ: какъ будто мы съѣли по куску хлѣба». Мало по малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными плуце прежняго. Они молча глядѣли въ стѣну, откуда ожидали еще недавно избавителей. Вдругъ въ пятомъ часу пополудни вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за рожи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разные ворота, каждый въ тѣ, близъ которыхъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣжали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ, собирали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему извѣщенію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До свѣтлаго воскресенія, пишетъ очевидецъ этихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже этотъ день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи. Благодарили Бога: поздравляли другъ друга: по всю ночь никто не спалъ. Жители

увѣдомили осажденных объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17-го апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30-го декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибииковъ не успѣлъ довершить начатаго нѣмъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьѣ, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ императрицѣ, и сдалъ начальство генералъ-поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ императрицѣ и скончался 9-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала похоронить его въ своемъ соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но по требованію его семейства тѣло Бибиикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе сенатора и чинъ полковника гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: «не жалѣю о дѣлахъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ». Молва приписала смерть его дѣйствію яда, будто-бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ Державинъ воспѣлъ кончину Бибиикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. Башкирецъ Салаватъ. Взятіе сибирскихъ крѣпостей. Сраженіе подъ Троицкою. Отступленіе Пугачева. Первая встрѣча его съ Михельсономъ. Преслѣдованіе Пугачева. Бѣдствіе войскъ. Взятіе Оси. Пугачевъ подъ Казанью.

Пугачевъ, положеніе котораго казалось отчаяннымъ, явился на Овзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Церфильевъ, преслѣдуемые маюромъ Шевичемъ, проскакали чрезъ Сакмарскую линію съ тремястами яицкихъ казаковъ и успѣли съ нѣмъ соединиться. Ставропольскіе и оренбургскіе калмыки хотѣли нѣмъ послѣдовать и въ числѣ шестисотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставной подполковникъ Мельковичъ, чловѣкъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ начальство надъ

гарнизонъ и, папавъ на нихъ, принудилъ ихъ сосредоточиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь попрежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Командантъ Верхо-Яицкой крѣпости, полковникъ Ступининъ вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній и, захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, обрѣзалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки и отпустилъ его, грозясь поступать такимъ-же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казней 1741 года, явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствіе разгорѣлось съ вѣщей силой. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева. Михельсонъ сплился преслѣчь ему дорогу, но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вили въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на восьми лодкахъ, продолжалъ путь, не смотря на всевозможныя препятствія, и 5-го мая у Симскаго завода достигъ толпу башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, освободилъ заводъ и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили навстрѣчу Михельсону съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнявъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехсотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева, но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкой Юрзеномъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яйла.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы и 5-го мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась взмѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплаты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣ-

шены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ-же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочью.

Генераль-поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, выйдя на линію, получилъ отъ верхо-яицкаго команданта полковника Ступинина довѣщеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской, но, пройдя уже пятнадцать верстъ, узналъ отъ поймавшаго башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже не къ Кизильской, а прямо Уральскими горами на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближаясь къ Карагайской, онъ увидѣлъ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской, но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннею дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на однѣ сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева хотя въ Стенной крѣпости; но, узнавъ, что и Стенная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Севарекоей, нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жевы и дѣти, босые, оборванные, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21-го мая утромъ приблизился онъ къ Троицкой, пройдя шестьдесятъ верстъ усиленными переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ крѣпостью, взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было болѣе десяти тысячъ войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитной. Дѣйствіями распорядился Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь и съ подвязанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; во все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ одною пушкою по челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерь найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибелю. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но командантъ бригадиръ Фейерваръ былъ убитъ па-

капунѣ, во время приступа, а офицеры его по-
вѣшены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, зная, что уста-
лость войска и изнуреніе лошадей не позволяютъ
Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, при-
вели въ устройство свои разсѣяныя толпы и
стали въ порядкѣ отступать, забирая крѣпости
и быстро усиливаясь. Маіоры Гагринъ и
Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой
день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не
могли настигнуть.

Михельсонъ между тѣмъ шелъ Уральскими
горами по малоизвѣстнымъ дорогамъ. Деревни
башкирскія были пусты. Не было возможности
достать пужные припасы. Отрядъ его былъ въ
ежечасной опасности. Многочисленныя шайки
бунтовщиковъ кружились около него. 13-го мая
башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго
старшины, на него напали и сразились отчаян-
но; загнанные въ болото, они не сдавались.
Всѣ, кромѣ одного, насильно пощаженаго, бы-
ли изрублены выѣстъ съ своимъ начальникомъ.
Михельсонъ потерялъ одного офицера и шесть-
десять рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный башкирецъ, обласканный Михель-
сономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и
о движеніи Декалонга. Михельсонъ, найдя
эти извѣстія сообразными съ своими предполо-
женіями, вышелъ изъ горъ и пошелъ на
Троицкую, въ надеждѣ освободить эту крѣпость
или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отсту-
пленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Дека-
лонга и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ
пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ дѣлѣ, 22-го
мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ
встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя
стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала
вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи,
разбитой наканунѣ, и принялъ его (говоритъ
онъ насмѣшливо въ своемъ доведеніи) за кор-
пусъ генералъ-поручика и кавалера Декалонга;
но скорѣ удостоившись въ истинѣ. Онъ оста-
новился, удерживая выгодное свое положеніе
у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ
двинулся противъ него и вдругъ повернулъ на
Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ
черезъ лѣсъ и перерѣзалъ ему дорогу. Пуга-
чевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою
того, кто долженъ былъ нанести ему столько
ударовъ и положить предѣлъ кровавому его
поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣ-
вое крыло, привелъ его въ разстройство и от-
нялъ дѣйствительныя пушки. Но Михельсонъ ударилъ на
мятежниковъ со всею своею конницею, раз-
сѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ
свои пушки, а съ ними и послѣднюю, остав-
шуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ
Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шестисотъ
человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пятисотъ и гналъ
оставшихъ нѣсколько верстъ. Ночь прекрати-

ла преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на по-
лѣ сраженія. На другой день отдалъ онъ въ
приказѣ строгій выговоръ ротѣ, потерявшей
свои пушки, и отвѣлъ у ней пуговины и об-
щлага до выслуги. Рота не замедлила запла-
тить свое безчестіе.

23-го Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую
крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунто-
вали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ,
присоединивъ къ своему отряду, и впоследствии
былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно
и нерѣшительно. Жолобовъ, извѣдывая Михель-
сона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣян-
ной толпы и набираетъ новую, отказался идти
противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ
и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Де-
калонгу, а Декалонгъ, самъ общаясь высту-
пить для истребленія послѣднихъ силъ само-
званца, остался въ Челябинѣ и еще отозвалъ къ
себѣ Жолобова и Гагринъ.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева
предоставлено было одному Михельсону. Онъ
пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша,
что тамъ находилось нѣсколько яицкихъ бун-
товщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его прибли-
женіи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ
болѣе разсыпался, и наконецъ совсѣмъ пропасть.

27-го мая Михельсонъ прибылъ на Саткин-
скій заводъ²⁷. Салаватъ съ новою шайкою зло-
дѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симскій
заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ.
Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай
и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, из-
бавясь отъ погони Гагринъ и Жолобова и собравъ
уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ
успѣлъ соединиться.

Михельсонъ на Саткинскомъ заводѣ, спасен-
номъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой раз-
дѣлъ по вычтупленіи изъ-подъ Уфы. Черезъ два
дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата
и прибылъ на берегъ Ая. Мосты были сняты.
Мятежники на противномъ берегу, видя мало-
численность его отряда, полагали себя въ без-
опасности.

Но 30-го, утромъ. Михельсонъ приказалъ
пятидесяти казакамъ переправиться впасть,
завявъ съ собою по одному егерю. Мятежники
бросились - было на нихъ, но были разсѣяны
пушечными выстрѣлами съ противнаго берега.
Егери и казаки удержались кое-какъ, а Ми-
хельсонъ между тѣмъ переправился съ осталь-
ными отрядами: порохъ перевезла конница,
пушки потопили и перетаскивали по дну рѣки на
канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на не-
приятеля, смялъ и преслѣдовалъ его болѣе
двадцати верстъ, убивъ до четырехсотъ и
взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣло-
бородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли
спастись

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни от-кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на удачу, и 2-го іюня отряженный имъ капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подосѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайней осторожностью. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди съ частью своей конницы. Эти распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіе шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе идти на Уфу. Онъ посвѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 5-го іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжно. Михельсонъ быстро напалъ на него и снова разбилъ и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, чтобы тамъ запастись всѣмъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябинѣ и, завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зелаирскую²³ крѣпость съ лучшимъ конницею. Станиславскій, узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Яицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Обернибцовъ и майоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ нихъ спокойно собирались бунтующіе башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти на ихъ глазахъ, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ: а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ.

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура майоромъ Поповымъ, двинулся-было къ Екатеринбургъ. но, узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу майора Скрыпичина съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадеялся на Обернибцова и Дуве, которые должны были помочь майору Скрыпичину въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18-го іюня Пугачевъ явился передъ Осой. Скрыпичинъ выступилъ противъ него, но, потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, послѣшью возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ сѣсться и идти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, зажгли его, но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу и мостили тонкія мѣста. 20-го снова приступилъ онъ къ крѣпости и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такими образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми, безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыпичинъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на одніи сутки и сдался на другой день. Принявъ Пугачева на козняхъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ, общесъ капитаномъ Смирновымъ и подворучникомъ Минеевымъ, письмо къ казанскому губернатору и носилъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо схвачено. Скрыпичинъ и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева полковникомъ.

23-го іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, ихъ начальникъ, былъ мучительно умерщвленъ, заводы разграблены и всѣ работники забрапы въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева и ручался за успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибцову повелѣніе занять Шумскій перевозъ, а майора Меллина отправилъ къ Шурмаискому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, чтобы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отирался въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ были наскоро вооружены. Бравъ и комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генераль-маіоръ Потемкинъ, начальникъ тайной комиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генераль-маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ со своими людьми переправился черезъ Волгу и ухлалъ въ Нижній Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ казанскаго военнаго легіона, выступилъ противъ Пугачева и 10-го іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ, а его отрядъ разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ и возвратился въ лагерь, отложивъ приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. Бѣдствіе города. Появленіе Михельсона. Три сраженія. Освобожденіе Казани. Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. Опроверженіе клеветы. Распоряженія Михельсона.

12-го іюля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Чарипына по Арскому полю, дыгая передъ собою вѣсы и соломѣ, между которыми везли пушки. Они быстро завяли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рошу и загородный домъ Кудрявцева, устроили тамъ свои батареи и сбивъ слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроивъ въ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большей частью безоружная, подгоняемая казаками нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалывала черезъ высоты, подверженные пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралась въ овраги. находящіеся на краю самаго предмѣстія. Опасное это мѣсто защищали гимназисты съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ стрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева: вѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, завяли лѣтній губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстіе. Съ другой стороны лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суковной слободѣ. Суковщики (люди разнаго званія и большею частью кулачные бойцы), ободряемые предсвѣщеннымъ

Веніаминѣмъ, вооружились чѣмъ ни пошло, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ. Башкирцы съ Шарной горы пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улицы. Суковщики припали-было ихъ въ рычаги, въ коня и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонира. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суковщики бѣжали. Мятежники сбивъ караулы и рогатки и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ въ стѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактиръ гостинаго двора, за церквами, у триумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, занимающему ея правый уголъ, и котораго ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттуда ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, падѣвъ на себя женскія платья, поновскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажегая дома. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить и, зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ эту минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколькихъ человекъ. Осажденные, стѣснившись въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и колами кошками отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подыали вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали «ура!» и кипулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары казанскихъ татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: «кто желаетъ служить государю Петру Оеодоровичу?»—Охотниковъ нашлось множество.

Пресвященный Веніаминъ во все время при-

Императрица Екатерина II.

Суворовъ.

Михельсонъ.

Бибиковъ.

Державинъ.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

„Ист. Пугач. бунта.“ Бѣгство Пугачева изъ Казани.

Судъ Пугачева въ Бердской слободѣ.

„Ист. Пугач. бунта.“

„Ист. пугач. бунта“. Растрѣланіе Харловой и ея брата.

„Ист. Пугач. бунта“. Казнь Чернышева и 36 офицеровъ.

„Ист. пугач. бунта“. Лысовъ валитъ Пугачева.

„Ист. Пугач. бунта“ Побѣда въ Казани.

стуна находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на колѣняхъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы и, не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ внутри крѣпость при молебномъ пѣвнѣ. — Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою маіора Дуве, и 21-го іюня находился въ Вурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли навстрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ и отрядилъ Дуве противъ шайки башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу и, 27-го іюня разбивъ на дорогѣ толпу башкирцевъ и татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота — на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань и 11-го іюля вечеромъ былъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ полудню густой багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Полдневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ и взялъ четыреста въ плѣнъ, остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбраться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился

близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною и, выйдя въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве — противъ праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую батарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сплннымъ огнемъ. Передъ батареей простиралось болото, черезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ батарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣляясь на двѣ кучи, пошли — одни навстрѣчу Харину и, остановясь въ тѣснинѣ зарвомъ, поставили батареи и открыли огонь; другіе старались захватить въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго черезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ и бѣжалъ, потерявъ восемьсотъ человекъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. Навстрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля; Пугачевъ, узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ извѣдомить о томъ губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кипувшую на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкины подослѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку и удалялся за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, чтобы издали изгладить въ лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодую на свои неудачи, не терялъ однако-же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15-го іюля, утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о

своемъ вѣмѣреніи идти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброда. Многочисленныя толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возмѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противъ нихъ съ восемьюстами карабинеровъ, гусаръ и чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царичина и раздѣлялъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Бунтовщики на него бросились. Япцкіе казаки стояли въ тылу и, по приказанію Пугачева, должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ этихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большей частью татаръ и башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человекъ убитыми и ранеными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный болѣзью, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи дворянства и духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ соборъ, гдѣ преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ восьмисотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи нѣтъдесяти семь сгорѣли. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехсотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пятисотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился директоръ гимназіи Каницъ, нѣсколько учителей и учениковъ и полковникъ Родіоновъ. Генераль-маіоръ Кудрявцевъ, старикъ шестидесятилѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ

плетей и каторги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева, съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ, но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: «я ее знаю — мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу». Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ и по приговору военнаго суда заглавъ былъ сквозъ строй до смерти.

Казанское начальство стало пешихъ о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратнаго полученія своей собственности. Слѣшили раздѣляться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скудевъ, очутился богатымъ.

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ варочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, чтобъ въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Врангъ сдѣлали-бы свое дѣло и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была-бы спасена. Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было-бы намъ обвинять безъ доказательства стараго, заслуженнаго воина, прошедшаго всю жизнь на полѣ чести и умершаго главнокомандующимъ русскими войсками.

14-го іюля прибылъ въ Казань подполковникъ графъ Меллинъ и былъ отраженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторые военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, какъ былъ опасенъ этотъ предприимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому-же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣяныя на великомъ пространствѣ, не могли всюду посилывать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ или съ менѣе извѣстными его сообщниками.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. Общее смятеніе. Письмо генерала Ступинина. Намѣреніе Екатерины. Графъ П. Пв. Панинъ. Движеніе войскъ. Взятіе Пензы. Смерть Всеволожскаго. Споры Державина съ Бошнякомъ. Взятіе Саратова. Пугачевъ подъ Царицынымъ. Смерть астронома Ловица. Пораженіе Пугачева. Суворовъ. Пугачевъ выданъ правительству. Разговоръ его съ графомъ Панинымъ. Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по кокшайской дорогѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремя стами явдкихъ и плеккихъ казаковъ, и наконецъ удался въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата. Онъ находился въ Казани военнопленнымъ и изъ ненависти къ Россіи присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ пасторъ реформатскаго исповѣданія. Во время казанскаго пожара онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣняхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ-полковникъ посаженъ былъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева и нѣсколько дней уже спустя отсталъ отъ него и возвратился въ Казань.

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Вълобородовъ пойманъ былъ въ окрестности Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18-го іюля онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти сотъ человекъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещенные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне — изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отовсюду приходила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли. Онъ пошелъ на Цивильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ воеводу и, раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по нижегородской дорогѣ, а другую по алатырской и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій губернаторъ гене-

раль-поручикъ Ступининъ повисалъ къ князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а князь Голицынъ изъ Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу и 19-го іюля выступилъ изъ Свияжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаръ устремился къ Арзамасу, чтобы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ...

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія идти на старую столицу. Окруженный отовсюду войсками правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была пробраться за Кубань или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу и уже торговались о головахъ своего предводителя... Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему — однако вошло съ нимъ въ сношеніе. Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой, отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобы взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ, и каждая нѣхла у себя своего Пугачева...

Эти горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и омрачили радость, произведенную окончаніемъ турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще въ началѣ іюля рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ этимъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ по причинѣ небезопасности дороги. Когда-же государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда она уже сама думала ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Пикита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить ее оставить это намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества. Въ это время вельможа, удаленный отъ двора и подобно Бибикову бывшій въ немилости, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностью

увидѣла усердіе благороднаго своего подданнаго, и графъ Паппицъ, въ то-же время какъ, вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился идти павстрѣчу Пугачеву, получилъ въ своей деревнѣ повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, надъ войсками, туда посланными. Такихъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противъ простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20-го іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился впасть черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Червь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Майоръ Юрловъ, ея начальникъ, и унтеръ-офицеръ, котораго имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одинъ не захотѣли присягнуть и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать чувашамъ казенное вино, повѣсилъ нѣсколькихъ дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подъ начальствомъ четырехъ яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холопьевъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку для задержанія графа Меллиня. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и графъ Меллинь. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю, но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а послѣ того встрѣчая графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинь поспѣшилъ къ Алатырю, мимоходомъ освободивъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, называющагося воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была имъ не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса ея императорскаго величества. «А что мы, писали они Ступинину: «передъ Богомъ и всемилостивѣйшею государынею нашей нарушили присягу и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущеніе сего вашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ». Двадцать человекъ подписали это постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали, въ которой находился онъ самъ. Настичъ его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ ло-

шадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти разѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго Повгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступинину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27-го іюля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ вародемъ, но духовенствомъ и купечествомъ... Триста человекъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинь вошелъ въ Саранскъ, взявъ подъ караулъ прапорщика Шахматова, посаженнаго въ воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ висѣть плетью подъ висѣльцею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему-же павстрѣчу. Меллинь шелъ по его пятамъ. Такихъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, чтобы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними, но, получа указъ отъ 8-го іюля, сдалъ начальство князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ и пали передъ нимъ на колѣва. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ воеводы господскаго мужика и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о взятіи Пензы, саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряжевъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Малыковку, чтобы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву, въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ киргизъ-кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узеньямъ и замѣревался идти на освобожденіе Яицкаго городка, но былъ предупрежденъ генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій

умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мѣніе.

1-го августа Державинъ, сообщая съ главнымъ судьей конторы опекунства колонистовъ, Лодыжнскимъ, потребовалъ саратовскаго коменданта Бошняка для совѣщанія о мѣрахъ, которыя должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить батареи и идти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились, и Державинъ, выйдя изъ себя, предлагалъ арестовать коменданта. Бошнякъ остался непоколебимымъ, повторяя, что онъ вѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищенію не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжнскимъ. Бошнякъ жаловался; но никто его не слушалъ. Памятникомъ этихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому коменданту.

4-го августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ довскихъ казаковъ и нутился съ ними къ Петровску, чтобы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбomъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ есауломъ и двумя казаками и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣняхъ. Услышавъ отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ-же переменялъ лошадь, и взявъ въ руки дровкѣ, самъ съ четырьмя казаками поспекалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжнскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка.

5-го августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехсотъ яицкихъ казаковъ и ста пятидесяти донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до десяти калмыковъ, башкирцевъ, ясачныхъ татаръ, господскихъ крестьянъ и всякой сволочи. Тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ саратовскихъ казаковъ для поимки языка, но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобыкова съ измѣнническими предложеніями. Бунтовщики подъѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ головою Протопоновымъ, явно возмущились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобы онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобыкова. Бошнякъ спросилъ, какъ осмѣлились безъ его вѣдома вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобыковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобыкова велѣлъ взять подъ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобыкова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ батарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженяхъ. Онъ обошелъ свое войско и всюду увидѣлъ уныніе, однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огнь и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватавъ изъ-подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ съ однимъ саратовскимъ батальономъ рѣшился прорваться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ майору Салманову выступить съ первою половиною батальона, но замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ пачальства. Майоръ Бутыринъ заступился за него. Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратился ко второй половинѣ батальона, приказавъ распустилъ знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ эту минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги, казну и канцелярскія дѣла отпавилъ въ Астрахань, а самъ 11-го августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные

амбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ пѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева и 9-го августа въ полдень выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили въ слѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частью бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные польскимъ конфедератомъ (неизвѣстно, кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодую на его звѣрскую свирѣдность). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня ва день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взявъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однако-жъ прибытіемъ полковника Обернибцова. Фирска наполнилъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе этого обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибелю. Во всѣхъ селеніяхъ на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики или ихъ управители. Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: «кому вы вѣруете—Петру Оедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ?» мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная, какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13-го августа Пугачевъ приближался къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ майоръ Дидъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею донскихъ казаковъ и пятьюстами калмыковъ, предводительствуемыхъ княземъ Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрубаны и переданы. Дидъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія, на другой день занялъ Дубовку и двинулся къ Царицыну.

Въ этомъ городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21-го августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостью. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги и былъ опять отбитъ Бошнякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ астронома Ловица и спросилъ, что онъ за человекъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить поближе къ звѣздамъ. Адъютантъ Иноходцевъ, бывший тутъ-же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами. Семейство его находилось тутъ-же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ 25-го на разсвѣтѣ онъ настигнулъ Пугачева въ пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обогналъ его и сталъ противъ мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ передъ собою своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противъ донскихъ и чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоямъ крылаи отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, бросаючи пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ остановить; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе, какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшие переправиться на лодкахъ, бросились въ лавъ и перетонули.

Это пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесенія своемъ полную справедливость быстротѣ, искусству

и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лицо является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегія, видя важность возмущенія, вызвала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но графъ Румянцевъ не пустил его, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! По окончаніи-же войны Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву къ князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ графомъ Павинымъ въ его деревнѣ и явился въ отрядъ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ графа Павина предписаніе начальникамъ войскъ и губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ подъ видомъ наказанія пятьдесятъ паръ воловъ и съ этимъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ вѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью—по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той-же степи. Войска отовсюду окружали его; Мелинъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкой полевой отрядъ шелъ ему навстрѣчу изъ Астрахани; князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими калмыками рыскалъ по степи; разѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ вырваться изъ стѣй, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощеніе, стали сговариваться и рѣшились выдать его правительству.

Пугачевъ хотѣлъ идти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ-нибудь пробраться въ киргизъ-кайсакія степи. Казаки на то притворно согласились, но сказавъ, что хотятъ взять съ собой женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14-го сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, не соглашавшіеся отдаться въ руки правительства, разошлись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего изъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и между тѣмъ, тихо по-

двигаясь, старались загородить его отъ вистѣшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. «Чтѣ-же?» сказалъ Пугачевъ: «вы хотите измѣнить своему государю?»—«Чтѣ дѣлать!» отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. «Я давнѣе и дѣлалъ въ шашку и змѣну», сказалъ Пугачевъ и, подозвавъ своего любимца, илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: «вяжи!» Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. «Развѣ я разбойникъ?» говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ мстью великаго князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ и закричалъ, чтобы вязали изиѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ. Казаки, подѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій посланы были къ нимъ навстрѣчу, привали Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ гвардіи капитанпоручику Маврину, члену слѣдственной комиссіи.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. «Богу было угодно, сказалъ онъ: наказать Россію черезъ мое окаянство».—Вѣдѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потушили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать и сказалъ: «вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня уприсямали принять на себя имя покойнаго великаго государя; долго отрицался, а когда я согласился, то все, чтѣ ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы-же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей волѣ». Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда-же. Ночью сбился онъ съ дороги и нашелъ на огни, разложенные въ степи ворующими киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и погналъ, потерявъ нѣсколько человекъ и между ними своего адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкій городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ и

повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ прѣхалъ и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной толгѣ. Сильный отрядъ при двухъ пушкахъ окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (въ ста сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ почевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ ихъ самъ караулилъ. Въ Коспорѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. «Кто ты таковъ?» спросилъ онъ у самозванца — Емельяна Пана в о в ъ П у г а ч е в ѣ, отвѣчалъ тотъ. «Какъ-же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ?» продолжалъ Панинъ. — Я и в о р о н ѣ (возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь по своему обыкновенію ипосказательно): я в о р о п е в о к ѣ, а в о р о н ѣ-то еще летаетъ. — Надобно знать, что янцкіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился вѣтокъ Пугачевъ, но что онъ съ государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясицы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго симбирскаго компанта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? Пугачевъ отвѣчалъ: «виноватъ передъ Богомъ и государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины». Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ: гвардіи капитанъ Галаховъ и капитанъ Повало-Швейковский, вѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ бывший въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: «помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева». Старые люди еще рассказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы прѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и сно-

коенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмирленнымъ помякомъ грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Мошкетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его, прикованнаго къ стѣнѣ и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Рассказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика — къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Падуровъ и Горновъ — къ висѣлищѣ; восемнадцать чело вѣ к ѣ — къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу. — Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10-го января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли цалачи и пили вино въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровавіи домовъ и лавокъ улицы были людны; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось изашумѣло; закричали: «везутъ, везутъ!» Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани съ высокимъ аякономъ. На немъ съ открытою головою сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ — его духовникъ. Тутъ-же находился чиновникъ тайной экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, клавился на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва вышедшій изъ отрочества, нынѣ старецъ, увѣнчанный славою поэта и государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ сопровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взшли на эшафотъ, раздалось повелительное слово ва караулъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтеніемъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полицмейстеръ спрашивалъ его громко: «ты-ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?» Онъ столь-же громко отвѣтствовалъ: «Такъ, государь, я — донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ». Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборы, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочте-

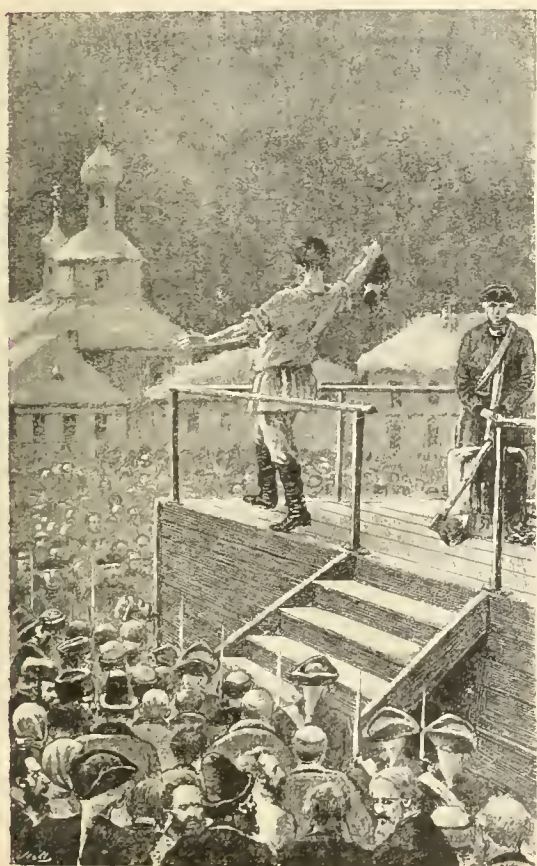

Июшлясь пробивается сквозь толпу разбойниковъ.

„Ист. Пугач. бунта“.

„Ист. Пугач. бунта“. Сообщники Пугачева кидаются на него.

„Ист. Пугач. бунта“.

Казнь Пугачева.

Портретъ Пугачева.

пий манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ, потомъ съ утормоленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ: кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: «прости, народъ и православный; отпусти, въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою... прости, народъ православный!» При этомъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣлывать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ, стали раздирать рукава шелкового малиноваго полукафтаныя. Тогда онъ, всплеснувъ руками, повалился навзничъ, и вмгъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ».

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокий колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли и казнили такъ-же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ.... Въ это время зазвнѣлъ колокольчикъ: Чику повезли въ Уфу, гдѣ должна была совершиться его казнь. Тогда начались торгoвыя казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому одиѣ послѣ другого привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по московскимъ заставамъ и нѣсколько дней послѣ сожжены вѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣшали иеиель. Номинированные мятежники были на другой день казней приведены передъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости и искореняя послѣднія отрасли преступнаго бунта. Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, которой берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ уральскіе, а городокъ ихъ назвался этимъ-же

именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую такъ выразительно прозвалъ онъ Пугачевщиною.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ „ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА“.

1. Полевныя команды состояли изъ 500 человекъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были губернскими батальонами.

2. Уметъ — постоялый дворъ.

3. Фортность Кудоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

4. Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ.

5. Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались киргизы въ бродъ черезъ Яику. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка и въ 101 отъ Оренбурга.

6. Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлилась на четыре ровнѣціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую, и сверхъ того еще на восемь линейныхъ дистанцій (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); эти дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами провинціальныхъ воеводъ.

7. Ставропольская канцеларія вѣдала дѣло крещенныхъ калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской губерніи.

8. Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика.

9. Крѣпость Татищева находится при устьѣ рѣки Камытъ-Самары, въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 отъ Оренбурга.

10. Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.

11. Сакмарскій городокъ, при рѣкѣ Сакмарѣ, въ 29 верст. отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

12. Вѣдомъ выступилъ изъ Оренбурга 24 сент. Въ этотъ день губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣстѣ о Пугачевѣ разошлись на балѣ.

13. Мѣновой дворъ, на которомъ все лѣто до самой осени провоздятся торгъ и мѣна съ азіатскими народами, построенъ на стеной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ дѣи; ближе строить его было невозможно, потому-что прилегло все мѣсто низменное и водопоемое. Въ немъ находится пограничная таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да амбаровъ 140. Внутри же построенъ дворъ для азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 амбарами. Въ 1762 году полтавочныхъ денегъ взималось 4,854 руб. Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями. (Топографія Оренбургской губерніи).

14. Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ Она обнесена была ошлотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухсотъ. Калованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего атамана и особыхъ старшинъ.

15. Деревня Юзеева въ 120 вер. отъ Оренбурга.

16. То есть депутатъ въ комиссіи составленія новаго уложенія

17. Орская крѣпость на стеной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Оры, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близъ-кочующихъ ордъ.

18. Монахиня Евпраксія Кирилловна, бабка Александра Нильча. Оня ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

19. Крещеные калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись въ оренбургскихъ и ставропольскихъ.

20. Бунтованіе башкирцы жестоко усмирены были генералъ-лейтенантомъ княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Силла, счастливымъ, ибо все ему удавалось. Казни, произведенныя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, нефронтны. Около 130 человекъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. «Остальныхъ, человекъ до тысячи (нишеть Рыковъ), простили и, отбывая нѣкоіе помы и уни». Многие изъ этихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевского бунта.

21. Плещая защита находится отъ Оренбурга въ 62 верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная плещая соль.

22. Топкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сорочи, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кириловѣ, въ 1736 году. — Сорочинская крѣпость, главная въ Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Топкой.

23. Крѣпость Новосергѣевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ.

24. Переводская, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью — въ 60.

25. Слобода Сентовская (она-же и Каргалинская), часто упоминаемая въ этой Исторіи, находится въ 20-ти верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени казанскаго татарина Сента-Хаялина, перваго, ввпвагося въ оренбургскую канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подл поселеніе. Въ Сентовской слободѣ числилось до 1,200 душъ, состоящихъ изъ особыхъ правыхъ.

26. Въ Озерной старая казачка каждый день бродила палъ Якошъ, клуюю прибрежая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: «Не ты-ли, моѣ дѣтище? Не ты-ли, мой Стенушка? Не ты-ли черны кудри свѣжа вода моетъ?» И видя лицо пезнакомое, тихо оттакивала трупъ.

27. Троицко-Саткинский заподъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

28. Зелаирская крѣпость находится въ самомъ пектрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго бунта (передъ Пугачевскихъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ родился въ Москвѣ въ 7180 году мая 30-го (1672).

Рожденіе царевича праздновали трехдневнымъ торжествомъ при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Царь, въ знакъ своей радости, даровалъ прощеніе осужденнымъ на смерть, возвратилъ изъ ссылки преступниковъ, раздалъ богатую милостыню, простилъ народу долги и вѣдомки, искупилъ невольниковъ, заключенныхъ за долги.

Царевичъ былъ окрещенъ іюня 29, въ субботу, на праздникъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ, отъ патріарха Іоакима. Восприимниками были братъ его царевичъ Оеодоръ Алексѣевичъ и тетка его

царевна Прина Михайловна. Разсказываютъ, будто-бы на третьемъ году его возраста, когда, въ день именинъ его, между прочими подарками, одинъ купецъ подаль ему дѣтскую саблю, Петръ такъ ей обрадовался, что, оставя всѣ прочіе подарки, не хотѣлъ съ нею даже разставаться ни днемъ, ни ночью. Къ купцу-же пошелъ на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что его не забудетъ. Царь пожаловалъ купца гостемъ, а Петра, при прочтеніи молитвы духовникомъ, самъ тою саблею опоясалъ. При семъ случаѣ были заведены и отъшные. Передъ своею кончиною царь назначилъ приставниками къ царевичу боярина Кирилла Полуехтовича Нарышкина и при всемъ окольничихъ к. Петра Ивановича Прозоровскаго, Оеодора Алексѣевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ.

Царь Оеодоръ Алексѣевичъ оставилъ при вдовствующей царѣцѣ весь ея штатъ. Въ 1677 г. ова имѣла при себѣ 102 стольниковъ. Потѣшныя, большею частью, были дѣти ихъ. Петръ началъ учиться грамотѣ 12-го марта 1677 г., по благословенію святѣйшаго патріарха. Учителемъ его былъ челобитваго приказа дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, бывшій знакомый боярину О. Соковину, который и привелъ его во дворецъ ко вдовствующей царѣцѣ Зотовѣ по утрамъ обучалъ царевича грамотѣ и закону, а послѣ обѣда разсказывалъ ему російскую исторію. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главныя черты изъ исторіи, главные европейскіе города, зданія, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также къ царевичу — Лефортъ и Тиммерманъ — учили его геометріи и фортификаціи.

Милославскіе во время царствованія Оеодора утѣсняли Нарышкиныхъ — изъ нихъ ни одинъ не былъ произведенъ въ большіе чины. Дѣдъ царевича, Кирилл Полуехтовичъ, опредѣленный Алексѣемъ Михайловичемъ главнымъ судьей въ приказѣ большого дворца, былъ отставленъ.

Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ предложилъ однажды вдовствующей царѣцѣ, подл предложомъ тѣсноты, перебраться въ другой дворецъ, отдаленный отъ царскаго дворца. Царица не захотѣла и подослала Петра съ своимъ учителемъ къ царю Оеодору. Петръ поцѣловалъ его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя съ царевичемъ Димитріемъ, а боярина съ Годуновымъ. Царь извинился передъ Натальей Кирилловной и отдалъ ей Языкова головою. Языковъ былъ въ время отдаленъ.

Царица жила обыкновенно въ Потѣшномъ дворцѣ царя Алексѣя Михайловича, отчего и Петръ его предпочиталъ.

15 августа 1680 г. Зотовъ былъ отъ него

удалены по навѣтамъ. Онъ былъ посланъ съ полковникомъ стрѣлцкимъ, стольникомъ Василемъ Тяпкинымъ, въ Крымъ, для заключенія мирнаго договора на 20 лѣтъ, что и случилось 15 января 1681 года. Зотовъ воротился 8 июня. Неизвѣстно, продолжалъ-ли онъ учить царевича.

Страленбергъ и «Рукопись о зачатіи» повѣствуютъ, что царица, ѣдучи однажды весною въ одинъ монастырь, при переправѣ черезъ разлившіяся ручьи, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшаго у ней на рукахъ. Петръ до четырнадцати лѣтъ боялся воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, его оберъ-гофмейстеръ, излечилъ его. Миллеръ тому не вѣритъ.

Когда слабому здоровіемъ Θεодору совѣтовали вступить во второй бракъ, тогда отвѣтствовалъ онъ: «Отецъ мой имѣлъ намѣреніе наречи на престолъ брата моего, царевича Петра, то-же сдѣлать намѣренъ и я». Сказываютъ, что Θεодоръ то-же говорилъ и Языкову, который ему сперва противорѣчилъ и наконецъ отвратилъ разговоръ въ другую сторону и уговорилъ его на второй бракъ. Въ самомъ дѣлѣ, 1682 года февраля 16-го Θεодоръ женился на Марѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, во въ тотъ-же годъ апрѣля 27 скончался, наименовавъ Петра въ преемники престола (въ чемъ не согласенъ Миллеръ. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20). Царевичу Іоанну было шестнадцатъ лѣтъ, а Петру десять лѣтъ.

О избраніи см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Всѣ государственныя чины собрались передъ дворцомъ. Патріархъ съ духовенствомъ предложилъ имъ избраніе, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и гостинной и черныхъ сотенъ и иныхъ имѣвъ люди единогласно избрали царемъ Петра.

Патріархъ говорилъ потомъ боярамъ и околичнымъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и они были того-же мнѣнія.

Петръ избранъ былъ 10 мая 1682 года, и въ тотъ-же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрезъ три недѣли все рушилось. Бояринъ Милославскій и царевна Софія произвели возмущеніе. Плавъ ихъ былъ:

- 1) Истребить приверженцевъ Петра.
- 2) Возвести царемъ Іоанна.
- 3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароковъ и князь Хилконъ утверждаютъ, что Милославскій удержалъ стрѣльцовъ отъ присяги. Голицынъ, дабы согласить ихъ съ лѣтописью, говоритъ: многихъ стрѣльцовъ.

Главные сообщники Милославскаго были: племянникъ его Александръ Щеголевъ, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ, Савбуловъ и главные изъ стрѣлцкихъ начальни-

ковъ: Петровъ, Черяновъ, Озеровъ и проч. Сумароковъ въ числѣ приверженцевъ Софіи именуетъ и Іоакима.

Савбуловъ началъ возмущеніе. Онъ закричалъ въ толпѣ стрѣльцовъ, что бояре отняли престолъ у законнаго царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александръ Милославскій и Петръ Толстой разсѣяли слухи, что Іоаннъ уже убитъ, и роздали стрѣльцамъ письменный списокъ мнимымъ убійцамъ, приверженцамъ царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрѣльцы, отпѣвъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебень съ водосвятиемъ, берутъ чашу святой воды и образъ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, вторгаются въ Кремль.

Дѣда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазахъ изрубили.

Убиты въ этотъ день: братья Наталья Кирилловны, Иванъ и Аонасій, князя Михайло Алегумовичъ Черкасскій, Долгорукіе — Юрій Алексѣевичъ и сынъ его Михайло, Ромодановскіе — Григорій и Андрей Григорьевичи, бояринъ Артамовъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Салтыковы — бояринъ Петръ Михайловичъ и сынъ его стольникъ Θεодоръ, Иванъ Максимовичъ Языковъ (?), стольникъ Василій Ивановъ, думные люди Иванъ и Аверкій Кирилловы, Иларіонъ Ивановъ съ сыномъ, подполковники: Горюшкинъ, Юревеъ, Даниловъ и Яновъ; медики: Ф. Гадевъ и Гутменшъ. Стрѣльцы, разбивъ холоий приказъ, разломали сундуки, разорвали крѣпости и провозгласили свободу господскимъ людямъ. Но дворовые къ нимъ не пристали.

Мая 18. Стрѣльцы вручили царевнѣ Софіи правленіе, потомъ возвели въ содѣлствіе Петру брата его, Іоанна. 25 мая царевна-правительница короновала обоихъ братьевъ. Софія уже черезъ два года приняла титулъ самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всѣхъ дѣлахъ послѣ обоихъ царей. Др. Вивл. Ч. VII, ст. 400.

Стрѣльцы получили денежныя награжденія, право имѣть выборныхъ, имѣющихъ свободный въѣздъ къ великимъ государямъ, позволеніе воздвигнуть памятникъ на Красной площади, похвальныя грамоты за государственными печатями, переименованіе изъ стрѣльцовъ въ надворную пѣхоту. Выборные несли эти грамоты на головѣ до своихъ съѣзжихъ избѣ, и полки встрѣтили ихъ съ колокольнымъ звономъ, барабаннымъ боемъ и съ восхищеніемъ. Сухаревъ полкъ одинъ не принялъ участія въ бунтѣ.

Царевна поручила стрѣлцкій приказъ боярамъ князьямъ Хованскимъ — Ивану Андреевичу и сыну его Θεодору, любящимъ стрѣльцовъ и тайнымъ раскольникамъ аввакумовской и пикетской ереси.

Вскорѣ послѣ того (?) стрѣльцы подъ пред-

водителемъ разстриги попа Никиты превзводятъ новый мятежъ, вторгаются въ соборную церковь во время служенія, изгоняютъ патріарха и духовенство, которое скрывается въ Грановитую палату. Старый Хованскій представляетъ патріарху и царямъ требованія мятежниковъ о словопреченіи съ Никитой. Стрѣльцы входятъ съ паломъ и свѣчами и съ каменьями за пазухой, подають царямъ челобитную. Начинается словопречіе. Патріархъ и холмогорскій архіепископъ Аонасій (бывшій нѣкогда раскольниковъ) вступаютъ въ теологическій споръ. Настаетъ шумъ, летятъ каменья (сказка о Петрѣ, будто-бы усмирившемъ смятеніе). Бояре, при помощи стрѣльцовъ-нераскольниковъ, изгоняютъ наконецъ бѣшеныхъ теологовъ. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го іюня. Царяца Наталья Кирилловна, по свидѣтельству венеціанскаго историка, удалась съ обоими царями въ Троицкій монастырь.—Послѣ того Петръ удался въ село Преображенское и тамъ умножаетъ число потѣшныхъ (вѣроятно, безъ разбору: отсюда товарищество его съ людьми низкаго происхожденія). Старый Хованскій угождалъ всячески стрѣльцамъ. Онъ роздалъ имъ ямѣнныя побитыя бояръ. Принималъ отъ нихъ жалобы и допросы на мнимыя взятки и удержаніе по мѣстамъ ихъ денегъ. Хованскіе взыскивали, не принимая оправданія и не слушая отвѣтчиковъ.

Софія возвела любимца своего князя Голицына на степенъ великаго канцлера. Онъ заключилъ съ Карломъ XI (1683) миръ, на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ былъ онъ заключенъ двадцать лѣтъ прежде. Россія была въ миру со всѣми державами, кромѣ Китая, съ которыми были неважныя споры за городъ Албазинъ при рѣкѣ Амурѣ.

Бояре, приверженные къ Петру, назначили ему въ оберъ-гофмейстеры князя Бориса Алексѣевича Голицына. Онъ овладѣлъ довѣренностью молодого царя и дѣлалъ перевѣсъ на его сторону. Многіе бояре, а особливо дѣти ихъ, перешли на сторону Петра.

Царевна въ это время женила брата своего Іоанна на Прасковѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по двѣдцатому году, дава была полная свобода. Онъ подружился съ иностранцами. Женевецъ Лефортъ (23 [?] годами старше его) научилъ его гол. (?) языку. Онъ одѣлъ потѣшную роту по-пѣмски. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. Такъ начался важный переворотъ, въ послѣдствіи имъ совершенный: истребленіе дворянства и введеніе чиновъ. Въ это время князь Василій Голицынъ, бывшій главнымъ въ комиссіи о разобраніи дворянскихъ родовъ и о составленіи родословной книги, думалъ возобновить мѣстничество, уничтоженное царемъ Ѳеодоромъ въ

1681 году. Комиссія была учреждена подъ начальствомъ боярина князя Владиміра Дмитриевича Долгорукова и окольничаго Чаадаева.

Бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на потѣхи Петра и предвидѣли нововведенія. По ихъ наущенію сама царяца и патріархъ увѣщевали молодого царя оставить упражненія, неприличныя сану его. Петръ отвѣчалъ съ досадою, что во всей Европѣ царскія дѣти такъ воспитаны, что и такъ много времени тратятъ онъ въ пустыхъ забавахъ, въ которыхъ ему однако-жъ никто не мѣшаетъ, и что оставить свои занятія онъ не намѣренъ. Бояре хотѣли внушить ему любовь къ другимъ забавамъ и пригласили его на охоту. Петръ, самъ-ли отъ себя или по совѣту своихъ любимцевъ, по вѣдущимъ пошутить надъ ними: онъ притворно согласился; назначилъ охоту, но пріѣхавъ, объявилъ, что съ холопами тѣшиться не намѣренъ, а хочетъ, чтобъ въ царскомъ увеселеніи участвовали одни господа. Цари отъѣхали, отдавъ повѣсть въ распоряженіе господъ, которые не умѣли съ ними справиться. Произошло разстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, сѣдоки падали, собаки тянули суры, падѣтые на руки неопытныхъ охотниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ—и на другой день, когда на приглашеніе его ѣхать на соколиную охоту господа отказались, онъ сказалъ имъ: «знайте, что царю подобаетъ быть воинномъ, а охота есть занятіе холопское».

Въ день Прецеловенья (того-жъ 1684 г.) оба царя были на крестномъ ходу по городской стѣнѣ и потомъ обѣдали у патріарха. Петръ разспрашивалъ патріарха объ установленіи этого хода и о другихъ церковныхъ обрядахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ онъ съ боярами на пышный дворъ и повелѣлъ божбами и ядрами стрѣлять въ цѣль. Онъ самъ, не смотря на представленія бояръ, запалилъ пушку—и узнавъ, что поручикъ Францъ Тимерманъ хорошо знаетъ артиллерійскую науку, повелѣлъ прислать его къ себѣ и уѣхалъ въ Преображенское.

На другой день Тимерманъ былъ ему представленъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ учителя—велѣлъ отвести ему комнату подлѣ своей, и съ той поры по нѣсколькимъ часамъ въ день обучался геометріи и фортификаціи. Онъ въ рощахъ Преображенскаго, на берегу Яузы, повелѣлъ выстроить правильную маленькую крѣпость, самъ работалъ, помогалъ Тимерману разставлять пушки и называлъ крѣпость Пресбургомъ. Онъ самъ ее атаковалъ и взялъ приступомъ. Потомъ въ присутствіи бояръ сдѣлалъ ученіе стрѣльцомъ Тарбѣева полку. Онъ осуждалъ многое въ артикулѣ царя Алексѣя Михайловича (см. Т. I, стр. 179). Въ доказа-

тельство, онъ одному капральству велѣлъ выстроить и самъ скомандовалъ по своему. Съ той поры старый артикулъ былъ имъ отиѣненъ и новый введенъ въ употребленіе.

(Крекшивъ).

Миллеръ относитъ учрежденіе потѣшнаго войска къ 1687 году, потому что въ разрядныхъ книгахъ продолжительное пребываніе царя въ Преображенскомъ начинается съ того года. Но наборы начались уже въ 84. Записныя книги доказываютъ, что въ 87 увеличилось число потѣшныхъ, ибо царь уже началъ набирать изъ придворныхъ и коушенныхъ служителей, и вскорѣ ихъ прибавилось такъ много, что уже должно было часть ихъ поселить въ селѣ Семеновскомъ. Отсюда Сем. и Преобр. Петръ изъ Вутырскаго полка взялъ пятнадцать барабанщиковъ (въ 1687 г.). Лефорть (въ томъ-же году) произведенъ въ полковника. Учреждаея конница. Оп. Тр. Ч. IV «о началѣ гвардіи». Петръ, находясь однажды на сокольничьемъ дворѣ, узналъ, что всѣхъ охотниковъ до трехсотъ человекъ. Съ согласія брата, взялъ изъ нихъ молодыхъ въ потѣшныя.

1684 г. мая 14-го. Посольство отъ цезаря Леопольда.

Цѣлью его было склонить Россію на войну съ Турціей. Отвѣчали, что заключеннаго царемъ Θεодоромъ двадцатилѣтняго мира нельзя нарушить, и что Россія ничего не можетъ предпринять, пока Польша не отречется отъ своихъ притязаній на Смоленскъ, Кіевъ и всю Украйну и не заключить вѣчнаго мира.

1684 г. іюня 1-го и 2-го Петръ осматривалъ патріаршую бібліотеку, Найдя ее въ большемъ безпорядкѣ, онъ прогнѣвался на патріарха и вышелъ отъ него, не сказавъ ему ни слова.

Патріархъ прибѣгнувъ къ посредничеству царя Іоанна. Петръ повелѣлъ бібліотеку привести въ порядокъ и отдалъ ее, сдѣлавъ ей опись, на храненіе Зотову, за царской печатью.

Стрѣльцы между тѣмъ продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника А. Ѳ. Барсукова и солдатскаго полковника Мат. Кравкова, мучили ихъ на правѣхъ за мнимые долги и дома ихъ разорили. Своего заслуженнаго полковника Янова, негодуя на его строгость, они съ похода вытребовали въ Москву и казнили. У Хованскихъ съ Милославскимъ завязалась ссора. Милославскій принужденъ былъ скрываться по своимъ деревнямъ и оттуда посылать царямъ и правительницамъ доносы на Хованскихъ, обвиняя ихъ въ потворствѣ стрѣльцамъ, у которыхъ, говорилъ онъ, готовится повый бунтъ противъ обоихъ царей, патріарха и ближнихъ бояръ. Онъ доноситъ, что Ѳ. Хованскій, хвастая своею порокою, происшедшей отъ королей поль-

скихъ Ягелловъ, похваляется бракомъ сочетаться съ царевной Екатериной Алексѣевной. Правительница повѣрила Милославскому. Государи укрылись въ с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое къ дворцовымъ дверямъ письмо, въ которомъ объявлено было намѣреніе Хованскихъ истребить весь царскій домъ и овладѣть государствомъ. Государи уѣхали въ Саввинъ монастырь—послали оттуда грамоты въ Москву и во всѣ города, повелѣвая войску и пахатнымъ людямъ (и всякаго званія) быть какъ можно скорѣе въ село Воздвиженское, куда они и отправились. Все это сдѣлано было въ величайшей тайнѣ. Хованскому послана была особая похвальная грамота, въ которой повелѣвалось ему и сыну немедленно для пужныхъ совѣтовъ отправиться къ государямъ (куда?). Теофанъ говоритъ, что Хованскій не хотѣлъ прежде этого отлучиться отъ стрѣльцовъ, подозрѣвая недоброжелательство двора. 17 сентября (въ день св. Софіи) бояринъ кн. Млх. Иван. Лыковъ схватилъ стараго Хованскаго на дорогѣ въ селѣ Пушкинѣ и сына его на рѣкѣ Клязьмѣ въ его отчинѣ и привелъ обоихъ въ оковахъ въ село Воздвиженское, гдѣ, прочтя имъ указъ, безъ всякаго слѣдствія, имъ и стрѣльцамъ Одинцову съ товарищами отрубили головы.

Между тѣмъ оба царя прибыли въ Троицкій монастырь. Туда собралось и множество войскъ изъ всѣхъ городовъ (иные говорятъ до 30, а другіе до 100.000). Давъ указъ боярину к. Петру Семеновичу Урусову идти съ замосковскими городоными дворянами въ Переяславль-Залѣскій. Бояр. Алексѣю Сем. Шеню съ коломенскими, рязанскими, путивльскими и каширскими дворянами—въ Коломну. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову съ серпуховскими, алексинскими, тарусскими, одоевскими и калужскими—въ Серпуховъ; а новгородскому дворянству послапа похвальная грамота.

Сынъ Хованскаго, комнатный стольникъ царя Петра, прибѣжалъ въ Москву и объявилъ стрѣльцамъ о казняхъ воздвигенскихъ; стрѣльцы взбунтовались. Они овладѣли царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрѣпились въ Москвѣ, разставили всюду караулы и никого не стали пускать ни въ городъ, ни вонъ изъ города. Они громко грозились пойти къ Троицѣ. Извѣстася о томъ, дворъ укрѣпился въ монастырѣ. Въ это самое время, ишутъ лѣтописцы, дана Петру отравы, отъ которой страдалъ онъ цѣлую жизнь. Царевна не знала, что дѣлать. По совѣту Голицына, ова думала употребить противъ стрѣльцовъ поселенный въ особой слободѣ (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) иностранный полкъ и послала офицеровъ этого полка въ монастырь для полученія о томъ указа отъ государей.

18 сентября изъ Троицы прибылъ къ патріарху стольникъ Зяновъ съ грамотою о вѣ-

пахъ и казняхъ Хованскихъ. Стрѣльцы потребовали, чтобъ грамота была имъ прочтена, и чуть было не убили Зиновьева, крича: «пойдемъ къ Троицѣ и всѣхъ побьемъ». Услышавъ однако, что государи повелѣваютъ забрать и другихъ князей Хованскихъ, именно: двухъ Петровъ и Ивана, да спальниковъ Оедора и Ивана, чтобы, снявъ съ нихъ боярство и дворянство, сослать—пришли въ робость. И бояринъ Михайло Петр. Головинъ, прибывшій изъ Троицы для принятія Москвы въ свое вѣдѣніе, успѣлъ ихъ укротить. Патріархъ, по просьбѣ ихъ, за нихъ заступился. Имъ прислапо было повелѣніе выдать зачинщиковъ бунта. Они ихъ перехватили и сверхъ того отрядили изъ всѣхъ полковъ для того на казнь. Выборные шли, двое неся блаху, а третій—топоръ. Милославскій остановилъ слѣдствіе и судъ. Государи простили виновниковъ. Хованскаго привели въ монастырь. Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и 30 человекъ казнены.

Началась реакція. Головинъ собралъ проданные стрѣльцами пожитки бояръ, убитыхъ въ первомъ бунтѣ, и возвратилъ ихъ наследникамъ.

Государи наградили войско и чиновниковъ за ихъ вѣрность и усердіе.

Передъ выѣздомъ повелѣно всѣмъ, кромѣ стрѣльцовъ, быть вооруженными. Государи остановились въ с. Алексѣевскомъ. Стрѣльцы прибѣгнули опять къ патріарху, и онъ съ выборными пріѣхалъ умолять государей. Выборные просили позволенія сломать столбъ и возвратить жалованныя грамоты.

Тогда дворъ поднялся въ Москву. Отъ самаго села до Москвы стрѣльцы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, падая ницъ передъ государями—Іоаннъ оказывалъ тупое равнодушіе; но Петръ быстро смотрѣлъ на всѣ стороны, выказывая живое любопытство. У самой Москвы стрѣльцы начальники поднесли государямъ хлѣбъ-соль и отдали пожалованныя грамоты.

Петръ уѣхалъ въ Преображенское.

Софія-же повелѣла Голицыну произвести новое слѣдствіе. Нѣсколько ихъ были казнены. Четыре полка посланы служить на границахъ. Приближеннымъ своимъ (не изъ знатныхъ) раздала мѣста. Стрѣлецкій приказъ поручила въ вѣдѣніе Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюроднаго брата любимца, пожаловала главнымъ судьей казанскаго дворца.

Китайскій императоръ Канъ-Хій прислалъ государямъ грамоту съ мирными предложеніями. Назначенъ посольскій съѣздъ и главнымъ выбранъ окольничій Оеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (Ежемѣс. соч. 1757 г. Ч. II—206).

Во Францію отправленъ посланникомъ стольникъ Степанъ Алмазовъ, съ дьякомъ Дмитріевымъ. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти изъ Россіи хлѣба 100.000 четвертей.

1686 г. Австрійскій императоръ, не успѣвъ заключить союзъ съ Россіей, обратился къ Соборскому, который въ 1676 г. принужденъ былъ уступить Каменецъ и заключить съ Портою невыгодный миръ. Негопін эти имѣли успѣхъ и были весьма выгодны для Россіи, ибо 26 апрѣля 1686 г. Польша утвердила вѣчно за Россіей Смоленскъ, Кіевъ, Повгородъ-Сѣверскъ и всю по этой сторонѣ Дѣвѣра лежащую Украйну.

По словамъ-же «Поденной записки»: Смол., Кіев. и Сѣверск. Мал. Рос. областей 57 городовъ по Черный лѣсъ и по Черное море.

Россіей заплачено Польшѣ. 1.500.000 польскихъ злотыхъ (или 187.500 рублей) и заключенъ въ пользу Австріи оборонительный и наступательный союзъ. Россія обязалась также чрезъ посольство предложить о вступленіи въ этотъ-же союзъ Англіи, Франціи, Испаніи, Голландіи и Даніи.

Миръ этотъ утвержденъ присягою въ Отвѣтной (Посольской палатѣ). Послѣ того послы и бояре вошли въ Грановитую палату, гдѣ сидѣли на тронахъ оба царя, а передъ ними былъ нагой съ Евангеліемъ. Дьякъ Емельянъ Украинцевъ принявъ Евангеліе изъ рукъ парскаго духовника, и послы вторично присягнули. Послѣ того оба государя говорили рѣчь и дали обѣщаніе хранить тотъ миръ непарушимо. Вельможи, заключившіе условія, съ нашей стороны были бояре: князь Вас. Вас. Голицынъ, Бор. Пер. Шереметевъ, Ив. Ив. Бутурлинъ, окольничіе: Скуратовъ и Чаадаевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Голицынъ получилъ золотую чашу вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, да въ Нижн. Новг. волость Богородицкую (3000 дв.).

Вслѣдствіе этого, въ слѣдующемъ 1687 году были отправлены послы: въ Англію—Василій Семеновичъ Подсвинковъ, во Францію и Испанію—стольникъ ближній князь Яковъ Оеодоровичъ Долгорукій и стольникъ князь Мышецкій, къ Голландскимъ штатамъ—дьякъ Василій Постниковъ, въ Данію—дьякъ Любимъ Домнинъ, въ Швецію и Бранденбургію—дьякъ Борисъ Протасовъ («Под. записки»). Посольства эти не имѣли успѣха. Напа объявленъ былъ отъ авст. имп. покровителемъ и защитникомъ союза.

Петръ продолжалъ между тѣмъ свои изученія и потѣхи. Одно изъ нихъ происходило на Прѣснѣ, Петръ стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ.

Петръ занимался строеніемъ крѣпостей и ученіями. Іоаннъ, слабый здравіемъ и духомъ, ни въ какія дѣла не входилъ. Вельможи, страшась отвѣтственности въ послѣдствіи времени, уклонились отъ правленія—и царевна Софія

правила государствомъ самовластно и безъ противорѣчія.

Въ совѣтѣ царскомъ положено было: когда Венеція нападетъ на Морею, поляки—на границы Подолія, Волыни, а цесарцы въ Венгріи и Трансильваніи вооружатся—тогда намъ идти въ Крымъ. Тутъ-же объявленъ былъ отъ Петра главнокомандующимъ князь Голицынъ. Въ Волышомъ полку назначенъ начальникомъ этотъ-же Голицынъ, (?бояр.) князь Константинъ Щербатовъ, окольничій Аггей Шепелевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Въ Новогор. полкахъ: бояринъ Алексѣй Шенинъ, окольничій князь Данило Борятинскій. Въ Рязанскомъ разрядѣ: бояринъ князь Влад. Долгорукій, окольничій Петръ Скуратовъ. Въ Сѣвскихъ полкахъ: околн. Леонт. Неилуевъ. Въ Изюмскихъ полкахъ: стольникъ Ив. Леонтьевъ и Вас. Дмитріевъ Мамоновъ (кн. ?). Въ Бѣлогородскихъ: бояр. Борисъ Шереметевъ и малороссійскій гетманъ Ив. Самойловичъ. Генералу Гордону (подъ нач. Голицына) порученъ былъ отъ Петра особый отрядъ (сколько?), изъ лучшаго войска состоявшій. Государь осмотрѣлъ его самъ и изъявилъ Гордону свое благоволеніе. Армія состояла (по мнѣнію нѣк.) изъ 400.000 (а по свидѣтельству двухъ лѣтописей, извѣстныхъ Голикову изъ 200.000).

Крымскій походъ былъ бесполезенъ для Россіи. Войско возвратилось ни съ чѣмъ, ибо степи на двѣсти верстъ были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича въ тайномъ согласіи съ татарами. Онъ былъ лишенъ гетманства и посланъ съ сыномъ своимъ сперва въ Нижній, а потомъ въ Сибирь. Старшій сынъ его казненъ въ Сѣвскѣ за возмущеніе. Генеральный есаулъ (?) Ив. Мазепа избранъ мал. гетманомъ (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всѣхъ начальниковъ и даже простыхъ вояковъ. Первый получилъ 1000 дворовъ крестьянъ и золотую брательную; всѣ офицеры получили золотыя медали (каждая была въ 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали: старые—по золотой, молодые—по вызолоченой.

Этотъ походъ принесъ большую пользу Австріи, ибо разрушилъ союзъ, заключенный въ Адрианополѣ между крымскимъ ханомъ, французскимъ посломъ и славнымъ трансильванскимъ принцемъ Текели. По этому союзу ханъ долженъ былъ дать 30.000 войска въ помощь верховному визирю при вступленіи его въ Венгрію; самъ-же ханъ съ такимъ-же числомъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Текели напасть на Трансильванію. Франція обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусныхъ офицеровъ.

Въ лѣтописи. Исторіи царя Михайла Феодоровича и его преемниковъ

сказано, что Петръ былъ недоволенъ походомъ и упрекалъ князя Голицына въ томъ, что онъ только что раздражилъ татаръ, а отступленіемъ обнажилъ границы. Тогда повелѣно тремъ полкамъ (30.000) стать по Бѣлогородской чертѣ, подъ начальствомъ боярина князя Михаила Ромодановскаго и думнаго дьяка Авраама Хитрово.

Между тѣмъ (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но какъ Польша не воспользовалась внутренними смятеніями для начатія войны, то и Россія оставалась въ покоѣ.

Ханъ собралъ межъ тѣмъ войско съ намѣреніемъ вторгнуться въ Россію. 25 января 1689 года въ царскомъ совѣтѣ положено его предупредить. Князь Голицынъ опять выступилъ въ походъ, и при впаденіи Самары въ Днѣпръ заложилъ крѣпость Богородицкую, по плану голландца архитектора (?). Петръ въ этотъ походъ посылалъ своего любимца Лефорта, «дабы, говоритъ Голицынъ, вѣдать поведеніе начальниковъ». Передъ его отъѣздомъ взялъ онъ себѣ въ лакея (несправедливо) Меншикова и записалъ въ потѣшныя (см. Гол. часть 1, стран. 205).

Супруга царя Іоанна сдѣлалась беременна; это побудило царю Наталью Кирилловну и приближенныхъ бояръ склонить и Петра къ избранію себѣ супруги. Петръ 27 янв. (по др. 17) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровнѣ Лопухиной, и въ слѣдующемъ 1690 году родился несчастный Алексѣй.

Бракъ этотъ совершился противъ воли правительницы. Петръ уже чувствовалъ свои силы и начиналъ освобождаться отъ опеки. Прибывшаго изъ похода князя Голицына онъ къ себѣ не допустилъ. Царевна употребила ласки и просьбы, чтобы умиловить молодого государя, который хотя, наконецъ, и допустилъ Голицына къ рукѣ своей, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствіе, ибо видѣла уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а нѣкоторые говорятъ, что доносы офицеровъ подтвердили обвиненія), будто-бы онъ былъ подкупленъ ханомъ. Царевна успѣла выпросить у Петра согласіе на награды, которыми осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину этихъ щедротъ, и видя опасность прямо приступить къ удаленію Голицына и къ лишенію власти правительницы, избрали (говоритъ Гол.) дальнѣйшую, но бесполезную къ тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубійствѣ. Она стала совѣтоваться съ княземъ Голицынымъ (расколникомъ, замѣчаетъ Гол.), открыла ему намѣреніе Петра заключить ее въ монастырь (?). Голицынъ, помышлявшій уже о престолѣ, съ нею согласился во всемъ и на всякій случай отослалъ

сына своего въ Польшу съ частью своего имѣнія.

Но гроза уже готовилась. 8-го іюля (1689 г.) во время соборнаго крестнаго хода въ церковь Казанской Богородицы, когда государя вышли изъ собора за крестами, правительница пошла вмѣстѣ съ ними. Петръ съ гнѣвомъ сказалъ ей, что она, какъ женщина, не можетъ быть въ томъ ходу безъ неурядицы и позора. Царевна его не послушалась, и Петръ, не дойдя еще отъ Успенскаго до Архангельскаго собора, оставилъ торжество и уѣхалъ въ село Коломенское, а оттуда въ Преображенское.

Царевна приступила къ исполненію своего умысла. Она снеслась съ Щегловитымъ и предначертала съ нимъ новый мятежъ. Щегловитый, въ ночь на 5-е (по др. на 9-е) августа, собрать до 600 стрѣльцовъ на Ликовъ дворъ (гдѣ нынѣ арсеналъ) и дерзкой рѣчью готовить ихъ къ бунту противъ Петра, который вводитъ нѣмецкіе обычаи, одѣваетъ войско въ нѣмецкое платье, имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ тѣмъ и царя Іоанна и всѣхъ бояръ и проч. Разъяренные стрѣльцы требуютъ, чтобы ихъ вели въ Преображенское; но двое изъ нихъ, Мих. Оектистовъ и Дм. Мельновъ, успѣли прибѣжать прежде и черезъ князя Бориса Алексѣевича Голицына открыли Петру весь заговоръ. Петръ съ обими царями, съ царевной Наталіей Алексѣевной, съ пѣкоторыми боярами, съ Гордономъ, Лефортомъ и немногими потѣшными убѣждалъ въ Троицкій монастырь. Передъ восходомъ солнца прискакалъ Щегловитый съ убійцами, но узнавъ объ отсутствіи царя, сказалъ, что будто прибѣжалъ онъ для смѣны стражи и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить царевну. Она не смутилась и не согласилась послѣдовать совету князя Голицына, предлагавшаго ей бѣжать въ Польшу.

Скоро всѣ приближенные къ государю особы прибѣжали къ нему въ Троицкій монастырь. Оттуда послалъ онъ въ Москву указъ къ своимъ боярамъ и иностранцамъ быть немедленно къ нему съ ихъ полками. 10-го явились къ Петру стремяннаго полка полковникъ Циклеръ и пятисотный Ларіонъ Ульфовъ, да пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ, да съ ними пять стрѣльцовъ съ доносомъ на Щегловитова.

Царевна, притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, тайнѣ однакоже старалась разжечь его черезъ Щегловитова. Она, именемъ царя Іоанна, не допустила исполнить требованія Петра, призвавшаго къ Іоанну стольника Ив. Велико-Гагина, чтобы позволилъ царь Іоаннъ быть изъ всѣхъ полковъ выборнымъ стрѣльцамъ; такъ и отъ себя Петръ посылалъ въ стрѣleckіе полки свой государевъ указъ, чтобы были къ нему выборные для подлиннаго розыску, и съ ними

полковники, также и гостямъ и гостинной сотни посадскимъ людямъ и чернослободцамъ (Поденная записка). Царь Іоаннъ (говоритъ венец. ист.) далъ указъ подъ смертною казнію не отлучаться изъ Москвы. Мятежа однакоже не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра часть отъ часу становятся снѣтѣе, прибѣгнула къ посредничеству тетки своей, царевны Татьяны Михайловны, и сестеръ своихъ, царевенъ Марѣи и Маріи, чтобы примириться съ Петромъ. Онѣ прибыли къ Троицѣ и пали къ стопамъ государевымъ, повторяя затверженное оправданіе. Петръ, ихъ выслушавъ, сталъ доказывать преступленіе правительницы. Царевна Татьяна осталась съ нимъ въ монастырѣ, а другія двѣ царевны, возвратясь къ правительницѣ, объявили о неудачѣ своего посредничества.

Софія прибѣгнула къ патриарху; старецъ отпавился къ Троицѣ. Но Петръ не только его не послушалъ, но и далъ ему знать, что самъ онъ долженъ быть лишенъ своего сана и вмѣсто его уже назначенъ архимандритъ Сильвестръ. Патриархъ задержанъ былъ въ монастырѣ. Царевна въ ужасѣ поѣхала сама, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, держа въ рукахъ икону Спасителя. Но Петръ, узнавъ, что она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, послалъ къ ней стольника Ив. Вутурлина сказать, что въ монастырь ее не впускать, а чтобы она поѣхала назадъ. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочетъ увидѣть своего брата. Петръ послалъ ей князя Ив. Вор. Троекурова съ послѣднимъ словомъ, что буде она не повинется, то поступлено будетъ съ нею нечестно. Царевна въ отчаяніи возвратилась въ Москву.

Петръ вторично писалъ брату своему о присылкѣ къ нему выборныхъ, а имъ послалъ опять указъ, и 5-го сентября всѣ прибыли въ монастырь. Петръ вышелъ предъ нихъ на крыльцо съ царицей Наталіей Кирилловной, съ теткою царевной Татьяной и съ патриархомъ, и приказалъ вслухъ читать доносы стрѣleckіе о злодѣйскихъ умыслахъ Щегловитова и главныхъ его соучастниковъ: полковника Семена Резанова и выборныхъ стрѣльцовъ Обросима и Никиты Гладковыхъ, Козьмы Чернаго и друг. По прочтеніи, всѣ предстоящіе и р и г о в о р и л и казнить осужденныхъ.

Петръ благодарилъ за усердіе и половину къ нему прибывшихъ послалъ въ Москву съ двумястами солдатъ (потѣшныхъ?) при Б. П. Шереметевѣ и полковникѣ Нечаевѣ, съ повѣщеніемъ схватить преступниковъ, а боярамъ послалъ указъ явиться къ нему. Бояре поспѣшили повиноваться. Князь Голицынъ и сынъ его, Леонтій Неплюевъ и восемь окольничихъ были въ томъ-же числѣ, но ихъ не пустили, а велѣли

стать на постоянных дворах и дожидаться указа. Посланные въ Москву не могли отыскать Щегловитова, сокрытаго самою царевною въ ея теремѣ. Они возвратились съ прочими ея сообщниками. Петръ послалъ опять за Щегловитымъ полковника Сергѣева со ста выборными и писалъ брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодѣю. Царевна, видя гибель несчастнаго ея сообщника, велѣла ему въ запасъ приобщиться св. таинъ. Сергѣевъ прибылъ и требовалъ отъ нея выдачи измѣнника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергѣевъ объявилъ ей, что по указу Петра будетъ онъ принужденъ обыскивать ея покой, а царь Іоаннъ черезъ квязя П. Нв. Прозоровскаго прислалъ сказать ей, что онъ не только за вора Щегловитова, но и за нее съ братомъ своимъ ссориться не намѣренъ, и приказывалъ ей выдать Щегловитова. Софія въ слезахъ попиновалась, и вмѣстѣ съ измѣнникомъ (гов. Гол.) выдала и безпрекословное свидѣтельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярамъ на судъ (кн. Троекурову, Вугурлину и друг.) (?) Четыре дня онъ ни въ чемъ не признавался. Стали его пытать голоднаго, нѣсколько дней не ѣвшаго. Щегловитый, послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ, во всемъ признался и подалъ свои показанія на письмѣ за своею рукою. Предъ этимъ признаніемъ просилъ онъ, чтобъ велѣли его накормить. Онъ и двое изъ его сообщниковъ (?) были колесованы; прочимъ отрѣзали языкъ, другихъ сослали. Изъ нихъ Обросимъ Петровъ, когда вели его на казнь, громко выпился передъ народомъ, увѣщевая всѣхъ научиться отъ его примѣра.

Квязь Троекуровъ, человекъ умный, ярый и строгій, принялъ въ вѣдѣніе свое стрѣleckій приказъ. А розыскныя дѣла поручены боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу.

Вскорѣ казненъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій въ приказѣ татейныхъ дѣлъ подъячимъ. Онъ пойманъ былъ близъ Смоленска, въ Бизюковѣ монастырѣ.

Князь Голицынъ приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. Его не допустили до царя. На крыльцѣ, въ присутствіи боярина Стрѣшнева, прочтены ему его вины, за которыя онъ и сынъ его лишены боярства и имѣнія и сосланы въ дальніе города. Послѣ, однако, сосланы они въ Сибирь, въ Пустозерскъ, потомъ переведены на Мезень, послѣ-же на Пинежъ, гдѣ старый князь умеръ, а сынъ его наконецъ прощенъ. Бояр. Леонтій Романъ. Неплюевъ осужденъ былъ точно такъ-же.

Голяковъ прибавляетъ слѣдующія подробности и объясненія:

8-го іюня (въ день крест. хода) голова стрѣleckаго приказа окольничій съ стр. полковниками и другими чиновниками, Оброскою Петро-

вымъ, Кузькою Чернымъ, Сенькою Рязановымъ, Ивашкою Муромцевымъ, Демкою Лаврентьевымъ, Мишкою Четечкою, Микиткою Евдокимовымъ, Егоркою Романовымъ—собрались и начали заговоръ.

Чтобы озлобить стрѣльцовъ, избрали они нѣкоего подъячаго Шошина, ставомъ и лицомъ схожаго съ бояр. Л. К. Нарышкинымъ. Нарядивъ его въ боярское платье (?) и придавъ ему свиту, заставили его разѣзжать по карауламъ, нападая на стрѣльцовъ, бить ихъ и мучить. Шошинъ ломалъ ихъ суставы, отскалъ пальцы и, нападая въ рощахъ на простой народъ, многихъ билъ кнутыми и палками и инымъ рѣзалъ языки, приговаривая, что онъ бояринъ Нарышкинъ и что онъ, мстя за братьевъ, шелъ ихъ истребить, а сестра—де моя (Нат. Кир.) и Петръ меня послушаютъ. Стрѣльцы, приходя въ приказъ, являли свои раны и записывали.

Злодѣи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петровъ на то и покусились. Первый пріѣхалъ въ Преображенское (когда?), разставилъ въ тайныхъ мѣстахъ и въ буеракахъ стражу и самъ (по праву званія своего) явился къ государю и, прошедши до спальни, вышелъ. Въ полночь загорѣлось одно строеніе, но скорѣ было утушено; въ ту-же ночь пожаръ возобновился и снова былъ утушенъ. Люди придворные и народъ возымѣли подозрѣніе, цѣлую ночь стерегли и не расхоидились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отпра-вились въ Москву до разсвѣта.

Понутру донесено о пожарахъ царю. Петръ, еще не подозрѣвая истины, но полагая зажигателей ворами, велѣлъ всюду разставить стрѣльцовъ Сухарева полка. Щегловитый представлялъ ему, что надежнѣе и удобнѣе стражу составить изъ всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ. Но (NB) Петръ на то не согласился. Послѣ были еще разныя покушенія. Заговорщики думали совершить царевубійство въ Кр. дворцѣ, или на дорогѣ изъ Преображенскаго, стерегли его на пути, въ Кремль вводили ночью стрѣльцовъ, которые должны были дожидаться на Лыковомъ и на Нитяномъ дворѣ.

Самъ Щегловитый забирался иногда на верхъ Грановитой палаты, а другіе препровождали ночи на верху церкви Распятія Христова.

Когда Петръ, извѣстясь (8-го августа) о злоумышленіи, скрылся въ Тр. мон., тогда бывшіе на сторожѣ вѣстники дали знать о томъ Соковнину (?). Заговорщики, устрасясь, распустили всѣхъ стрѣльцовъ по домамъ.

Петръ повелѣлъ: имена пріѣзжающихъ бояръ (въ мол.) записывать, благодаря ихъ за усердіе, и они разставили около монастыря и по москов. дорогѣ стражу.

Царь Іоаннъ призывалъ (получивъ письмо

отъ Петра) къ себѣ Щегловитова и его сообщниковъ, разспрашивая ихъ о смятеніи. Они во всемъ отперлись, а доносили о злодѣйствахъ Нарышкина. Іоаннъ имъ повѣрилъ, и тогда они вмѣстѣ съ царевною просили его: да единый оный царствуетъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что «онъ брату, яко достойнѣйшему, самовольно уступаетъ престолъ. Вы-же всуе мятетесь»... и повелѣлъ ихъ, сковавъ, отослать въ монастырь.

По привезеніи ихъ, Петръ велѣлъ патриарху допросить ихъ по духовенству. Они принесли повинную и отдали написанную къ Софіи челобитную отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ о приватнѣмъ единовластномъ правленіи. Петръ эту челобитную и разспросивъ рѣчи за патриаршамъ свидѣтельствомъ отослалъ въ Москву къ Іоанну.

Въпы кн. Голицыныхъ сказаны были, что они безъ указу великихъ государей имя сестры ихъ царевны Софіи Алексѣевны во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ установили обще съ именами государей писать самодержицею, и что въ крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили (тутъ есть несообразность.)

Оставалась ненаказанной главная виновница смятеній, сестра обоехъ царей, правительница Софія. Петръ послалъ ей приказъ добровольно удалиться въ монастырь. Царевна отклонилась отъ исполненія воли своего брата и готовилась бѣжать въ Польшу. Тогда Петръ послалъ Троекурова въ Москву съ повелѣніемъ взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее въ Новодѣвичій монастырь. Троекуровъ въ точности исполнилъ приказаніе Петра; для виду предварительно отнеслся о томъ къ Іоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лѣтъ съ половиною. На монетахъ и медаляхъ изображалась она (по другую сторону царей) въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ съ надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. І. А. П. А. и благов. гос. цар. (а иногда и царца) и в. кн. С. А. вс. вел., мал. и бѣл. Россіи самодержцы. Титулъ этотъ давался ей во всѣхъ грамотахъ, указахъ и письменныхъ дѣлахъ.

Изданы во время ея правленія: пищевой приказъ о межеваніи земель, о разборахъ по сортамъ людей и войска, о распредѣленіи дворцовыхъ чернослободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, корчемный уставъ и до ста пятидесяти указовъ. Между ними указы, повелѣвающіи казнить смертію лекаря, уморившаго своего больного.

7-го сентября, отъ имени обоехъ царей состоялся указъ, чтобы ни въ какихъ дѣлахъ имени бывшей правительницы не упоминать.

Петръ выѣхалъ изъ монастыря и отправился въ Москву. Въ с. Алексѣевскомъ встрѣтили его

пѣтъ чины московскіе при безчисленномъ множествѣ народа. Стрѣльцы отъ самаго села до Москвы ложились по дорогѣ на плахахъ, въ которыхъ воткнуты были топоры, и громко умоляли о помилованіи. Петръ въѣхалъ въ Москву 10-го сентября и прямо прибылъ къ собору. Отъ заставы до самаго собора стояло войско въ ружьяхъ. Петръ за спасеніе свое отслужилъ благодарственное моленіе. Передъ ц. дѣжомъ встрѣтилъ его Іоаннъ. Оба брата обнялись, и старшій въ доказательство своей невинности уступилъ меньшому все правленіе, и до самой кончины своей (1696 г.) велъ жизнь мирную и уединенную.

Съ этихъ поръ царствованіе Петра единовластное и самодержавное.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРУГИХЪ ГЛАВЪ. 1703.

Посреди самаго пыла войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открывалась бы ходъ торговлѣ съ сѣверозападною Европою и сообщенію съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержатъ завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе. и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ (одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищая. Голик.). Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й — графу Головину, 4-й — Зотову (? канцлеру, пш. Голик.), 5-й — князю Трубецкому, 6-й — кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбацья хижина, деревянный-же дворецъ на 9 саженьхъ въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2-хъ покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ этомъ видѣ сохраняется и понынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ комендантомъ полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ генераль-губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоназначившимся городомъ. Отведено мѣсто для гостиннаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, государева дворца, сада и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшанцъ былъ упраздненъ и жители его переведены, и были первые петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметева взять крѣпость Конорье, а генераль-маіора Ф. Вердена — подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ царемъ, то по

древнему обычаю падалъ предъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, котораго грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то онъ запретилъ уже это подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинъ, народъ ради его не марался въ грязи.

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроніорть идетъ изъ Лифляндіи съ 12.000 ч., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей гвардіи и 4 драгунскими, и найдя его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2.000. Въ то-же время подъ Ямбургъ подступилъ нарвск. ком. генераль-маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметева; съ разныхъ мѣстахъ сверхъ того шведы были побиты.

Вслѣдъ за тѣмъ на олонеккой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатъ; отправлено къ Шереметеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, понеже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда. Къ Апраксину писалъ онъ, чтобы «по веснѣ исправлялся пушками и заготовлялъ сіе для кораблей, но не začínалъ ихъ строить».

Изъ Олонца прибылъ государь на новостроенномъ фрегатѣ Штандартъ съ 6-ю ластовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль голландскій съ товарами, напятками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шкиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1703 года, декабря 15), подарилъ шкиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю впередъ общано тоже (300 черв. шкиперу). Товары, по приказанію государя, тотчасъ были раскуплены.

Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они явились при его дворѣ, угощаемы были за его столомъ... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. (Анекдотъ объ алабѣяхъ. Кухмистеръ государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. Штелина и Голицкова).

1-го октября въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его саксонцевъ 12.000 пѣхоты, да дать 300.000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы съ оберъ-комиссаромъ кн. Дм. Голицынъ.

Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ которую могли-бы входить большіе ко-

рабли, и въ крѣпости для прикрытія Петербурга. Въ октябрѣ, когда шель уже ледъ, онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ выхѣрилъ фарватеръ между этимъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мелѣ, въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и ихъ укрѣпить, и самъ дѣлалъ тому планъ и проспектъ.

Потомъ государь съ Шереметевымъ отиравился въ Москву, оставивъ у Ямбурга окольного П. Апраксина съ 5-ю полками.

Въ Москву въѣхалъ онъ торжественно. По указу его сдѣланы были трое триумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ государства, особенно финансами. Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ (?). Бееръ и другіе (?), Щербатовъ.

1725.

1-го января Теофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

1-го же изданъ указъ о снятіи лишннихъ карауловъ.

Король испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ императоромъ австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на эрцгерцогинѣ Маріи Терезинъ.

Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала торговымъ выгодамъ Австріи.

Фридрихъ Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи магдебургскія пошлины. Отсюда ганноверскій договоръ оборонительный.

Франція и Англія обязывались поддерживать право на Бергское наслѣдство короля прусскаго.

Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому-же союзу.

Австрія вступила въ союзъ съ Россією. Петръ началъ переговоры съ Пруссією...

Петръ послалъ въ Архангельскъ корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля груландскихъ, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ Беринга (капитана) для открытія пути въ восточную Индію чрезъ Ледовитый океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

Шамхалъ, собравъ 30.000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генераль-маіоръ Кропотъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе шамхала (см. Ежем. Сочин. 1760, II—38 и проч.).

Петръ (по свидѣтельству Катифора) на іорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужіе края сухимъ путемъ не возить.

Изданъ полицейскій указъ о продажѣ състныхъ припасовъ.

О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

Объясненъ указъ объ утайкѣ душъ.

О сборахъ.

16-го января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзы.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить походную перконь.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ петербургскіе врачи собрались у государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стопалъ...

При немъ дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь сенатъ, весь генералитетъ, члены всѣхъ коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь синодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго государя, народъ толпился передъ дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ въ каторгу (кромя 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ), для здравія государя.

Тогда-же данъ имъ указъ о рыбѣ и клѣѣ (казенные товары).

Къ вечеру ему стало хуже, его муромали.

27-го данъ указъ о прощеніи не явившимся дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ военной коллегіи (кромя и пр.) простить—«дабы молили онио здравію государевомъ».

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неясственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только: «отдайте все...» перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ царевну Анну, чтобы ей продиктовать... Она вошла—но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіереи псковскій и тверской и архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщать. Петръ оживился—показалъ знакъ, чтобы они его приподняли и, возведя очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино улаждаетъ меня.

Увѣщающій сталъ говорить ему о безпредѣльномъ милосердіи Божию. Петръ повторялъ нѣсколько разъ: вѣрую и уповаю.

Увѣщающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую,

яко ты еси и прочее. Петръ произнесъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему цевѣрію и сіе все, что весьма дивно (сказано въ рукописи свидѣтеля) съ умнѣніемъ, лицо къ веселію елико могъ устроявая, говорилъ; но семь замолкъ...

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ изоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ: послѣ... Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоялъ, безпрестанно дергая свою руку—лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія преподнялъ руку, его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщанія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра, 28 января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена императрицею.

Въ тотъ-же день обнародованъ манифестъ.

Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генераль-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ сенатору графу Матѣеву.

2-го февраля напечатана присяга и роздана по всему государству.

Тѣло государя вскрыли и балъзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го января народъ допущенъ къ его рукѣ.

4-го марта скончалась 6-ти лѣтняя царевна Наталья Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

8-го марта возвѣщено народу погребеніе. Чрезъ два дня оно совершилось (см. Голикова).

15 декабря (1835 г.).

ЗАМѢТКИ ПУШКИНА КЪ „ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО“.

I.

Тогда-же (1699) состоялся указъ, всѣмъ русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ (?) и духовныхъ, брить бороду и носить платье нѣмецкое: сперна венгерское, а потомъ мужскому полуврхнее—саксонское и французское, а нижнее и камзолы—нѣмецкіе (?) (съ ботфортами?), женскому полу (нѣмецкое). Съ ослушанныхъ брать пеню въ воротахъ (московскихъ улицъ) съ нѣшихъ 40 к., съ вольныхъ 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить русское платье, подъ наказаніемъ (какимъ?)

II.

Вотъ уже 150 лѣтъ «табелъ о рангахъ» считаетъ дворянство въ одну кучу (затѣмъ говорится, что уничтоженіе маіоратства плутовскими образамъ при-Аннѣ Ивановнѣ довершило паденіе передоваго класса).

Что изъ этого слѣдуетъ?—Восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.

III.

1711—1714. г. У князя Меншикова на фейерверкѣ на пирѣхъ надписи: „Гдѣ правда, тамъ и помощь Божія“, однако Богъ помогъ не намъ. Въ это-же время изданъ тиравскій указъ о запрещеніи во всемъ государствѣ каменнаго строенія...

1715 г. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ: онъ повелѣлъ готовить юфть по новымъ способамъ, но обыкновенно своему, угрожая на ослушаніе кнутомъ и каторгою...

1718. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ порваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончатся хозяйственные указы Петра...

1721. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень, принадлежавшихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также о платежѣ аннонцанамъ. НВ. Этотъ законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ, изъ котораго онъ происходитъ—самъ по себѣ—несправедливость и жестокость. Отъ гнилого корня отпрыскъ живой...

1722. Сенатъ и синодъ подносятъ ему титулъ Отца отечества, Всероссийскаго императора и Петра Великаго. Петръ недолго переминался и принялъ его. Сенатъ (т. е. восемь стариковъ) прокричали: vivat! Петръ отвѣчалъ рѣчью, гораздо болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ все это торжество...

1722. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій аарнаровъхъ все прежніе...

1722. Манифестъ о правѣ наследства, т. е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наследства и отдалъ престолъ на произволеніе...

IV.

Достоинъ удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые, нерѣдко жестокие, своевправны и, кажется, писаны кнутомъ. Первые были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые лывались у пестерѣливаго, самовластнаго помѣщика.

НВ. Это внести въ исторію Петра, о б д у м а в ѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

По смерти Петра I движеніе, переданное сильнымъ человѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ преобразованнаго государства. Связи древняго порядка вещей были прерваны павѣки, воспоминанія старины мало по малу исчезали. Народъ, упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русскій кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обрптыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ европейскимъ вліяніемъ, часть отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластическій недангизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу; отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наслед-

ники сѣвернаго исполнина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностью подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ при дворѣ обитало азіатское невѣжество '.

Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть болѣе, чѣмъ Наполеонъ. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ него неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ счастью, хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія оставался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если-бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили-бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили-бы число дворянъ и заградили-бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло-бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ все состоянія противъ общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы.—Памятниками неудачной борьбы аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III о волѣности дворянъ, указами, которыми предки наши столько гордились и которыхъ, справедливѣе, должны были-бы стыдиться.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значить знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ этомъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленія потомства. Ея великолѣвіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе этой хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать и пороки своихъ властителей, оно возбуждало гнусное соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія втораго мѣста въ государствѣ. Много было званныхъ и много избранныхъ, во въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнію потомства,

мя страшнаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверою Турціи ².

Униженная Швеція и уничтоженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокою дѣятельность ея деспотизма подъ личиною кротости и терпимости; народъ, угнетенный намѣстниками, казну, расхищенную любимцами: покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда гонимъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ нареканія Россіи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ, щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной родинкѣ Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ государства ³, объ обезьянѣ гр. Зубова, о кофейникѣ князя Куракина и пр.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала. Ободренные такою слабостью, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отсюда произошли эти огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколлиста все крало и все было продажно. Такимъ образомъ развратило и государство.

Екатерина уничтожила званіе (справедливое: названіе) раба, а раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ (т. е. свободныхъ хлѣбопашцевъ) и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, распространившій первый лучъ его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго ⁴ въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами, и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ-бы той-же участи, еслибъ не чрезвычайная его извѣстность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей,

необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ этого происходитъ въ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскіхъ суетѣнными: можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣровсповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

Въ Россіи вліяніе духовенства столь-же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая своимъ главою папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суетѣнныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человекомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдовательно, и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это — и имѣла свои виды.

Современные иностранцы писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень естественно — они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ и по рассказамъ тѣхъ именно лицъ, которымъ она позволяла путешествовать.

Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ своюдѣйствіе. «Наказъ» ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее на ряду съ Титами и Траянами. Но перечитывая этотъ лицемѣрный «Наказъ», нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбѣхъ и въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины, но подлость русскихъ писателей для меня непонятна. . . . Русскіе защитники самовласти въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку г-жи Сталь за основаніе нашей конституціи...

1822 г.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ИСТОРИЧ. ЗАМѢЧАНІЯМЪ»

1. Доказательства тому: царствованіе безграмотной Екатерины I, кроваваго злодѣя Врона и сластолюбивой Елизаветы.

2. Безплотнымъ, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціей и Россіей. Зачѣмъ Екатерина не совершила этого важнаго плана въ началѣ французской революціи, когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на военныя наши предпріятія, а разуренная Турція — намъ упорствовать? Это избавило-бы насъ отъ будущихъ хлопотъ.

3. Потемкинъ послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100.000 рублей. Чиновники не охотились отсутствовать эту суму безъ письменнаго вида. Потемкинъ на другой сторонѣ ихъ отвѣщенія своевременно написалъ: дать, дать... (слѣдуетъ печатная рѣша.)

4. Домашній палачъ кроткой Екатерины.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

I.—Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, рассказанъ у Голицева ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣни и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то-же самое сказать, заѣхавъ къ Петру: не разрывая моего указа?» — «Правда твоя, государь, отвѣчалъ Долгорукій: но я зналъ, что если я его разорву, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе». — Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ царицѣ, которая къ князю Долгорукому была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ государя и болѣе, нежели когда-нибудь, его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло и болѣе о томъ уже не упоминалъ.

II.—Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ императрицы. «Исполнилъ-ли ты мои приказанія?» спросила императрица. — «Нѣтъ, государыня!» отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, не позволявшія ему исполнить высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей гибели. Наконецъ императрица умилила и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Черезъ нѣсколько минутъ государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «скажите-же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признавать въ своей всмысленности, сказала ему съ видомъ совершенно уснокоеннымъ: «Это дѣло другое. Зачѣмъ-же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?»

III.—Нѣкто кн. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что,

не будучи отъ природы жестока, она для тако-го бездѣльника, каковъ Х., правъ своей перемѣнѣ не намѣрена, однако, совѣтуетъ ему впередъ быть осторожнѣе.

IV.—Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей однако надоелъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав... капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ-было сѣсть также въ карету, но государыня остановила его, сказавъ: *Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de Mr. le comte d'Artois.*

V.—Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были однако жъ съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностью: «*mais, mon cher Mr. Bresson, ce n'est pas convenable du tout: vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.*»

VI.—Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Итацію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ-же часъ садиться въ его телѣжку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его телѣжкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принятъ былъ потомъ на службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII.—Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску (Спечинскій), получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники заступились; не зная чѣму приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одинъ боится внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастье. Молодого человека сваряжаютъ паскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постелѣ, со свѣчами въ рукахъ.

Вотъ ихъ разговоръ. Потемкинъ: Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то? — Адъютантъ: Точно такъ, ваша свѣтлость. — Потемкинъ: Правда-ли, что ты святцы знаешь наизусть? — Адъютантъ: Точно такъ. — Потемкинъ (смотря въ святцы): Какого-же святого празднуютъ 18 мая? — Адъютантъ: Мученика Оедота, ваша свѣтлость. — Потемкинъ: Такъ. А 29 сентября? — Адъютантъ: Преподобнаго Киріака. — Потемкинъ: Точно. А 5 февраля? — Адъютантъ: Мученицы Агаѣи. — Потемкинъ (закрывая святцы): Ну, поѣзжай-же себѣ домой.

VIII.—N. N., вышедшій въ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчій: что я такой-же генералъ?» («Хиба винь не тиамитъ того, що я такіи едвораль, якъ впрѣ самъ»). Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты-генералъ-басъ!»

IX.—Разговоры Н. К. Загряжской.

1) 12 августа 1831 г. Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжокъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что-ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ приказчикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-гречески, по-еврейски и Богъ вѣдаетъ что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь объ дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что написалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eut rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему рассказываю про Ветошкина. «Madame, c'est impossible». — Mon cher Mr. Romm, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — Madame, je n'y manquerai pas». — Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. — Нѣ bien, M-r? — «Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant». — Мнѣ очень хотѣлось

встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (препіе). Ветошкинъ былъ тщедушный мужчина лѣтъ 35. Превіе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какими образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ: а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ Иванъ Ивановичъ да князь Григорій Александровичъ». — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ. — «Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами». — Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ заболѣлъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

2) 12 августа — Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна, я — въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василиемъ Ивановичемъ (Чулковымъ) — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ заставутъ, хоть въ однихъ рубашкахъ. И охота ему проказить вакантнѣ праздника». Но курьеръ попросилъ батюшку выйти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, переставь; что за глупость» и потомъ, оборотаясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію государя». — «Извольте же идти въ караульню». — Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходять отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а государь съ шляпою на брекенъ и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ: матушка осталась съ нами

на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова общала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки черезъ вѣскольکو минутъ видны государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять въ галеру. Кричатъ, что сейчасъ стануть насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной, а Минихъ, какъ ни пѣ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.—На другой день зовутъ насъ къ обѣдѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На зктиннѣ его еще помпвали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ пріянялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

3) 12 августа.—Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, чтѣ-бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: «Madame, je ne puis rester à Pétersbourg».—Pourquoi ça?—«Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive.»—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre.—Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь».—Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да чтѣ для нея сдѣлать? право, не знаю.—Что-же? чрезъ вѣскольکو дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: «по одѣжкѣ держи ножки». Je trouvais cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Наталья Кирилловна, хочешь ты земли?»—Какія земли?—«У меня тамъ есть, въ Крыму.»—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати!—«Разумѣется, государыня подаритъ, а я только ей скажу».—Сдѣлай одолженіе.—Я говорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: «спросите у князя иланы, а я вамъ выберу земли. Такъ и сдѣлалось. Проходить годъ, мнѣ вриносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?»—Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—«Спасибо, батюшки». Проходить еще годъ, другой; Тепловъ говоритъ мнѣ: «что-же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите

большой штрафъ».—Да что-же мнѣ дѣлать?—«Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе». Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми пожалуйста мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты». Что-же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ налачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ и дѣло кончилось.

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу».—А чтѣ такое?—«Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать».—Какъ такъ?—«Ты моложе государыни; ты ее переживаешь; чтѣ тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ челонѣкомъ». Потемкинъ задумался и сказалъ: «не беспокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро». И предчувствіе его сбылось. Уже я больше его не видала.

9) Orloff était régicide dans l'ame; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговаривались о П. «Чтѣ за уродъ! какъ это его терпятъ?»—Ахъ, батюшка, да что-же ты прикажешь дѣлать? Вѣдь не задуть-же его?—«А почему-же и вѣтъ, матушка?»—Какъ! и ты согласился-бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна мнѣшалась въ это дѣло?—«Не только согласился-бы, а былъ-бы очень тому радъ». Вотъ каковъ былъ челонѣкъ!

Х.—Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развезти по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтителѣ молча окружали его, ожидая, чтобы онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, чтобы увидѣть его кости...» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ.

Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привыченнаго къ цѣпи, сталъ осматривать его укоризнами.*** былъ очень дурень лицомъ, къ тому-же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братія, во такой гнусной обстановкѣ, признаюсь, по видывалъ».

XI.—Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ, къ князю Багратиону, и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ насъ немедленно отступить». Багратионъ отвѣчалъ: «непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на моемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдять».

XII.—Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго гр. Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ кладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостью онъ видѣлъ Каменскаго, вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтись съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаетъ меня за пушку безъ прикрытія». Раевскій говорилъ объ одномъ маіорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ, что онъ былъ заслуженный офицеръ, оставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ.

XIII.—Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ онъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ: воля для меня всего дороже».

Костровъ былъ отъ императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ и въ этомъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у

дядька, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли бакалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ права самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобы быть тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попалъ?»—«Изъ состраданія къ человѣчеству», отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV.—Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, пріидя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ—великій человѣкъ! Сумароковъ—первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ пелѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ я, второй—Ломоносовъ, а ты—только что третій». Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV.—Дельвингъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: «скажите барону Дельвингу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ червилъ».

XVI.—Сатирикъ Миловъ прѣшелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Миловъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія!»—«Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ: посмотри на себя въ зеркало: пусто-ли тебя туда?»

XVII.—У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, непроченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ: уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непременно описать косвенную линію и миновать мою голову».

XVIII.—На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не нуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ.

Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что изъ этого будетъ. Потемкинъ спѣлъ въ халатѣ, босой, нечесанный, грызъ ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взявъ перо и подписалъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ: «Подписаль!...» Всѣ къ нему кинулись, глядя: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ: «Молодецъ! нечего сказать». Но кто-то всматривается въ подпись—что же? На всѣхъ бумагахъ вѣсто: князь Потемкинъ—подписано: Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Нѣтушковъ...

XIX.—Надменный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды почю онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодого офицера.

XX.—Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Безбородко собирался пожаловаться на него самой государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе».—Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время прѣзжаетъ князь Безбородко. Потемкинъ принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ, говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты: какъ мнѣ тутъ сыграть?»—Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш.: играйте, какъ умѣете? «Ахъ, мой батюшка, возразилъ Потемкинъ: и слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша такой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться.

XXI.—Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафроктѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узнавъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгудывая та-

кимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился среди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще не довольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустить, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII.—Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится». Старикъ любилъ рассказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то пошелъ я только при отставкѣ!»

XXIII.—Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двадцатилѣтняго школьника Василія Тредьяковскаго: «въ чинѣ труженникъ!» Какой взглядъ! какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не ещѣнный труженникъ?

XXIV.—Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичъ, сказала она ему: ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ!».

XXV.—Государыня Екатерина II говаривала: «когда хочу заняться какимъ-нибудь повымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено-ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ—и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано».

XXVI.—Петръ I говорилъ: «несчастія бояться—счастья не видать».

XXVII.—Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: «во-первыхъ, старайся испытать, не трусь-ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частыхъ обхожденіемъ съ непріятелемъ».

XXVIII.—Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX.—Графа Кочубя похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у государя позволеніе огородить рѣшеткой часть пола, подъ которымъ онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: «посмотримъ, каково-то

ему будетъ въ день второго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ».

XXX. — Будри, профессоръ французской словесности въ царскосельскомъ лицѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II переименовала ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу *de*, которую Будри тщательнo сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravallac». Впрочемъ Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на сеонѣхъ коротенькихъ пожкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ рассказывалъ также много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI. — Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: «J'avais des projets hostiles pour vous». — Et quoi donc, Madame? — «Je voulais paraître inondée de fleurs de lis.» — Madame, отвѣчалъ принцъ: croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème.

XXXII. — Когда въ 1815 году дѣло шло о восстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію этой великой ошибки). Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire». Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: «cela peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur?»

XXXIII. — Однажды маленькій арапъ, сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой пуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «государь! государь! изъ меня кишка лѣзетъ». Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!» — и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычай Петра.

XXXIV. — Объ арапѣ гр. С. — У графа С** былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа С** по суб-

ботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищія пришли по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а ны лѣзете за милостыней».

XXXV. — О Потемкинѣ. — Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: «Знаете-ли вы, хохляки, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ стануть звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно». — То не диво, отвѣчалъ запорожецъ: у насъ у Запорожцевъ етакіе кобзары, що якъ заграють, то аже у Петербургѣ затацкують.

XXXVI. — Князь Потемкинъ, во время очковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини***, человекъ острый и беззавѣстный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ пожмывая плечами: экое кири-куку!

XXXVII. — Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ называть себя, и непременно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобы не обезпеконить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣна передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ нелѣпо было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII. — Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды въ какой-то праздникъ во дворцѣ, проходя мимо его въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя». Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравляли его. Государь, выйдя изъ церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя — ты, говорить, вчера выигралъ». — Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXXIX. — Дельвигъ звалъ однажды Рылѣва къ д...мъ. «Я женатъ», отвѣчалъ Рылѣвъ. «Такъ что-же, отвѣчалъ Дельвигъ: развѣ ты не можешь отобѣдать въ ресторанин, потому только. что у тебя дома есть кухня?»

XL. — Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стишки:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ —
Пріѣзжай ко мнѣ.

Колн не такъ,
.....
Леживъ дермѣ.

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLII.—Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ, слышитъ, къ нему стучатся. «Кто тамъ?—«Орловъ. Отоприте». Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ измайловскомъ полку, но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLIII.—6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто, и, помолчавъ, объяснилъ ва то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался въ послѣдствіи времени, что будто-бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобы Н..... подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями. —Паденіе Палева произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова эти были доведены до государыни М. Ѳ.—и Паленъ былъ удаленъ. (Слышалъ отъ Дм.).

XLIII.—Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно говорилъ ему: «что, Степанъ Ивановичъ, какво кнутаобничаешь?» На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «помаленьку, ваша свѣтлость!»

XLIV.—Когда родился Иванъ Антоновичъ, то императрица Анна Ивановна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но привужденъ былъ повиноваться. Отъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологін, хотя и ве вѣрили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ, и они послали императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. (Слышалъ отъ Загряжской Н. К.).

XLV.—Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой

одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія-нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней...

XLVI.—Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы вѣхаться въ рай верхомъ на осетрѣ». Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда-ли, ваше сіятельство, что вы хотите вѣхаться въ рай на осетрѣ?» Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, но никогда не отвѣчаетъ».

XLVII.—Старый генералъ Ицъ представлялся однажды Екатеринѣ II-й. «Я до сихъ поръ не знала васъ», сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ», отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю, возразила она съ улыбкой: гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLVIII.—Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы оставимъ тебя отъ академіи. — «Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ: развѣ академію оставите отъ меня».

1834—1836 г.

АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Il ne faut pas qu'un honnête homme
mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 г.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по ея повелѣнію, въ лейпцигскій университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ службы и заботы семейственныя замѣтили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсліе и несчастную посредственность (О. П. Козодавлевъ, бывший министромъ внутреннихъ дѣлъ), другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ нажескомъ кор-

пусть и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, чтобы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю его жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще. Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизилъ съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, страствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою «О разумѣ» и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было-бы для васъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей, пылкихъ и чувствительныхъ, если-бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя заковомъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдало на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь-же дѣтскія, другія мечты, столь-же несбыточныя, замѣняли мысли и мечты учениковъ Дидро и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшеніе вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онъ замѣняется другимъ.

Радищевъ написалъ Житіе *Θ. В. Ушакова*. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій неводержности жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей. Радищевъ тому воспротивился, но съ

тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностью. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ *с о ч и н и т е л ь*. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ *м а р т и н и с т о в ѣ*. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смѣсь мистической пабжности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступныя политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплексаніемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безвначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франъ-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» — сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего правительства, наши законы, не измѣнявшіеся со времени Петра I, ихъ строгости, въ то время еще несмягченную двадцати-пятилѣтнимъ царствованіемъ Александра I, самодержца, умѣвшаго уважать челоѣчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чивовникъ, челоѣкъ безо всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противъ общаго порядка, противъ самодержавія, противъ Екатерины! И замѣтите: заговорщикъ надѣется на соединенныя

силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе, или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радище въ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха—а какого успѣха можетъ онъ ожидать?—онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закона. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву»—весьма посредственною книгою, но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но, можетъ быть, самъ Радищевъ не понималъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! (Извѣстно, что Державинъ вывернулся изъ этого положенія, представивъ книгу императрицѣ). Какъ-бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны—вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. «Онъ—мартинистъ», говорила она Храповицкому (смотри его записки); онъ хуже Пугачева—онъ хвалитъ Франклина». Слово, глубоко замѣчательное: монархія, стремившаяся къ соединенію во едино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. Полное собраніе законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Илимскѣ Радищевъ преданъ мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію «Путешествія» (Графомъ А.Р.Воронцовымъ). Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, чтобы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одно изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ объ этомъ трогательномъ обстоятельствѣ.

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,

Садясь въ лодки, устремлялся
Изъ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій—
Но на лонѣ жаркой дружбы --
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половицу (Бова. Вступленіе).

Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Снѣренный опытностью и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятью великой царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и молоджавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Одинъ глушецъ не развѣтается, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ-ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса (terreur)? Могъ-ли онъ безъ глубокаго омерзения слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоприкладствіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ I, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиня въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ «Путешествія» отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благотворенныя виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Вѣднй Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ началству, преданъ своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ

своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему вѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ себя напрогночилъ!

Сочиненія Радищева въ стихахъ и прозѣ (кроме Путешествія) изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философическое разсужденіе «О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи». Умствования его пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все сшевиденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма. Между статьяма литературными замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ и Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому-же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть «О сьмвдцатый вѣкъ» — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна времяѣ часы изливаетъ калямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи
возрасли,
И на дальнѣйшемъ берегу изливаютъ пѣнистыя
волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ви предѣлъ,
ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ
не находятъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ
слѣдъ;
Но знаменито во вѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ
омуть ярый.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ
струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно
и мудро!
Будешь проклято во вѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Крови—въ твоей колыбели, припѣваніе—громы
сраженъевъ;
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь
во гробъ!...
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй
кровоавъ—
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россѣ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забвенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ Алешѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, исключенной, не зна-

емъ почему, въ собраніи его сочиненій*, нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; во Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

«Путешествіе въ Москву», причина его несчастія и славы, есть, какъ мы уже сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе немыжъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы-бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу на удачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Реваля; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Отнимите у него честность,—въ остаткѣ будетъ Полевой. Онъ какъ-будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше-ли было-бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше-ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше-ли было потолковать о правилахъ, которыми долженъ руководствоваться законодатель, чтобы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ этого божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было-бы просто полезно и не произвело-бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ,

*) Потому что она написана сыномъ Радищева, а не имъ.

не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностью.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На эти вопросы врядъ-ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліявіе его было вичтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ брагичивыя и напыщенные выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсю пошлаго и преступнаго пустословія. Онъ принесли-бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ повошеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

МЫСЛИ НА ДОРОГѢ.

(возраженія на книгу радищева).

І. Ш О С С Е.

Узнавъ, что новая московская дорога всѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе 15 лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ) и 15-го октября, въ 10 часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ дорогу. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ Богомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несвоей дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей извѣженностью, но я не имѣю притязаній на фельдшерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря простравству) хороши, и были-бы еще лучше, если-бы губернаторы мѣше объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять на-носной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не припо-

сигъ почти никакой пользы и есть болѣею частью предлогъ къ угѣсенію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленнаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ вѣроятно съ того, что пророетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; во весвой и осенью путешественники привуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи кязвуть и тонуть на большой дорогѣ, между тѣмъ какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руся весьма довольно.

Великолѣпное московское шоссе пачато по повелѣнію императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣнливо, а иногда и неохотно.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, попадаюсь довольно легкомысленно въ трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшптесь вы и раскрыть, возвращаясь изъ англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ или въ поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ тѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слипкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечестъ ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность пезабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ, писанныхъ съ цѣлью просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что Клари́са очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсона имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, котораго бібліотекой привыкъ пользоваться. Я просилъ

у него книгу скучную, но любопытную въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучаѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публнкѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. «Постой, сказалъ мнѣ Соболевскій: есть у меня для тебя книжка». Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полпаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, издавную въ концѣ прошлаго столѣтія. «Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ: надѣюсь, что ты вполне оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность». Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», съ эниграфомъ:

«Чудные обло, огромно, озорно, stolzѣвно и зайъ». Телемахиды. Томъ II. Книга XVIII, ст. 514.

Книга нѣкогда протумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ борода-таго разносчика.

Я искренно благодарилъ Соболевскаго и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

II. МОСКВА.

«Москва! Москва!» восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы: на возвратномъ пути онъ приметъ оныя за свои горькія полупустыни, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! «Ямщикъ. погоняй!.. Москва. Москва!»

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заравѣ встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ. ожидающіе меня; голова моя заравѣ кружится...

Fuit Troja. fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда-же изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма прынками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукинымъ) вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рошу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ человекъ пять араповъ, егерей и скороходовъ—и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагаютъ и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки-Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?—Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ принять грубую посылку: *vieilles comme les rues*. Московскія улицы, благодаря 1812 г., моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травой, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчатъ вывѣска портного, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бельэтажъ напятъ мадамой для пансіона—и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не навиваетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается звукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицей-стеровъ съ своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Сварлова и Останкина: влошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ

авгліскихъ дорожекъ, нивѣ заросшихъ травой, а бывало установленныхъ мятовыми и помералцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашняго театра глѣбютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Варскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволоочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ прогововъ, задумавшихъ обобрать наѣтрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры избраны кое-гдѣ — и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшала, печальный авахронизмъ. Вы въ Москвѣ не найдете ни Фамусова, который «всякому, ты знаешь, радъ»: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣпкову, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы давать нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ». Хлѣстова — въ могилѣ; Репетиловъ — въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и пристрастій. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возмѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть-было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ-же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обиднѣе Москвы доказываетъ и другое — обиднѣе русскаго дворянства, происшедшее частью отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частью отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой аристократическій блескъ, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Кучество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предвѣщанію Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской.

Литераторы петербургскіе по большей части педераторы, но предпріимчивые и смѣленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

Московский журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ-нибудь, иногда впадая и остроумно, но большей частью неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упорительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обоими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ...

III. ЛОМОНОСОВЪ.

Въ концѣ своей книги Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славы русскаго Пиндара. Достоинъ замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славой Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властью, на которую напалъ съ такой безумной дерзостью. Онъ болѣе 30 страницъ наполнялъ пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматiku, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

«Мы желаемъ показать, что въ отношеніи русской словесности тотъ, кто нуть ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ приобрѣтеніи славы, хотя-бы онъ вошелъ въ храмъ не могъ. Баконтъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминанія, что могъ только сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всеміліе, для того, что не могли избавить человечества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ позорищаго стихотворенія и томился въ эпопеѣ, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда провинцаленъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ

одахъ своихъ вмѣщаль иногда болѣе словъ, нежели мыслей?

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ этомъ университетѣ профессоръ поэтъ и элоквицій не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, волуславянская, полудатинская, сдѣлалась-было необходимою; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день тезоименитства и проч. Съ какою презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстно къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ ремеслѣ, не думаетъ... За то съ какою жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч. Никто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757. (Далѣе приводится у Пушкина самый рапортъ, который читатели найдутъ въ собраніяхъ сочиненій Ломоносова). Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонвизинъ, котораго характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передреживая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ и подтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ много покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ-же: дома, гдѣ всѣ его тренетали; во дворцѣ, гдѣ онъ дилъ за уши нажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, ве смѣли при немъ выкинуть. Немногимъ извѣстна стихотворная пере-

налка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна Борождѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. (Онъ напечатанъ въ 1858 г. въ «Библиографическихъ Запискахъ».) Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о петеримости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безнеченъ, и, кажется, жена его, хотъ была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ-ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковский, Василій Кириловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковский былъ конечно почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изысканія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковского приносить болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно ве стоятъ Тредьяковского.

Радичевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ-же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея величеству». Теперь все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостью и зананибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять и не дорожилъ ни во-

кровительствою своихъ меценатовъ, нисвоимъ благосостояніемъ. когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, представителю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу».

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ-же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ академіи». — «Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ». Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Duck etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, которыхъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностью занимались большей частью дворяне. Это дало особенную фizioномію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мысляли и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте усомниться.

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чидами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ обществѣ мяѣнцъ, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книгъ, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покушниковъ. Нынѣ послѣдній изъ нихъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проновѣдуетъ независимость и нишетъ безыменные пасквили ва людей, предъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ.

Къ тому-же съ нѣкоторыхъ норъ литература стала у насъ выгоднымъ ремесломъ, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Какъ-бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость и по-

свящаютъ свои сочиненія не доброду и умному вельможѣ, а какому-нибудь бестіи и плуту, подобному имъ.

IV. ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

«Здѣсь я видѣлъ также изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ бояливой невѣсты, скоро въ радость претворились опредѣленныхъ, зрѣлся на челѣ опредѣленныхъ вступитъ въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга неавидятъ и властію господина своего влекутся на казни, къ алтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, изжителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первый, ради полученія мзды; другой, дабы, истребляя поносительное челоуѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества—управлять себѣ подобнымъ самовластіемъ.—О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и звучать моихъ..» (Путешествіе, стр. 417—418).

Радищевъ въ главѣ: «Черная Грязь» говоритъ о бракахъ поневолѣ и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастье жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой жевѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти-ли вышла она замужъ? «По страсти, отвѣчала старуха: я-было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь». Таковыя страсти обыкновенны. Неволья браковъ—давнее зло. Недавно правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ-бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка въ нашемъ климатѣ уже на выданіи, а крестьянскія семейства нуждаются въ работникахъ.

V. ГОРОДНЯ.

«Вѣзжая въ эту деревню, не стихотворческимъ пѣнопѣніемъ слухъ мой былъ увѣряетъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину пріимѣтнаго на улицѣ смѣтенія. Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній ка-

зенныхъ и помѣщичьихъ сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50, держа за голову 20-ти лѣтняго парня, вопила: „Любезное мое дитяtko, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительскій? Поля наши порастутъ травой; мохомъ вапа хижина. Я, бѣдная престарѣлая мать твоѧ, скитаться должна по-міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не стоить сердцу тягостно; кто вкроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери—сырой землѣ? Кто придетъ венчать меня палъ могилою? Не канетъ на насъ твоѧ горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той! — Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила: „Прости, мой другъ сердечный, прости, мое красное солнышко! Мнѣ, твоей пѣвѣтѣ пареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовы, ни мужнею женою. Хотя-бы безчеловѣчные наши старосты хотѣ дали-бъ намъ обвѣчаться; хотя-бы ты, мой милый другъ, хотѣ-бы одву уснулъ почевъку, уснулъ-бы на бѣлой моей груди. Авось-ли-бы Богъ меня помиловалъ и далъ-бы мнѣ паренька на утѣшеніе.“—Парень имъ говорилъ: „Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ государь на службу, на меня палъ жребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужусь до чина. Не крушися, моя матушка родимая! береги для меня Прасковьюшку.“—Рекрута этого отдавали изъ экономическаго селенія.

Соглѣмъ другого рода слова вяжъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ челоуѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго. „Услышалъ Господь молитву мою, вѣшалъ онъ: достигли слезы несчастнаго до утѣшителя вѣхъ. Теперь буду хотѣ знать, что жребій мой зависѣтъ можетъ отъ добраго или худого моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своеволия женскаго. Одва мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожемъ наказанъ не буду!“—Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ челоуѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину всеобщаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: „Если-бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и столъ между двухъ гибелей, неминуемо-бы должно было идти направо или налево, въ петлю или въ воду, что избрали-бы вы, чего-бы заставили желать правосудію и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой избралъ-бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что, переплывъ на другой берегъ, опасность уже минется. Никто не согласился-бы испытать, твердали ветля, своей шею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, не лучше петли. Хорошо-бы и то, когда-бы тѣмъ и конецъ былъ; но умирать томною смертію, подъ батожемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей считаеъ вы своимъ имѣніемъ, нѣтъ-ли хуже скотовъ, но, къ несчастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ

устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ“ (Путешествіе, стр. 370—374).

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англіискій п р е с с ѣ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусскій Landwehr—система сильная и искусно припоровленная къ государству, но еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи.—«Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами; сыны въ дому отцовъ мигутными гостями являлись...» и пр.

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упоминать о законахъ противъ крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народъ къ рекрутству! Но можетъ-ли государство обойтись безъ постоянного войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изъ всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты, солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются, и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный изъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину уже въ старости. Самое его возвращеніе уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло-бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, которой придерживаются вѣкоторыя помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши дворянскія права. Лучше употребить эти права въ пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ по-

лезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьянствомъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и вѣнницу обняшаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значить эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княженина говоритъ, что

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десять,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выведениемъ телятъ,
Но катитъ въ рекруты торгующи людьми!

Но запрещеніе это имѣло свою невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, которыми торговалъ безжалостный помещикъ, врядъ-ли черезъ то улучшилась.

VI. КЛИНЪ.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексѣѣ, Божьемъ челоуѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... «О природа! колпко ты властительна!» Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукою даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ—дворянинъ! Онъ рассказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пироги. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благодѣтельница, восклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ вѣскольکو дней послѣ, похороненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встречаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вѣсто всего этого пустословія, лучше было-бы, если-бы Радищевъ, катитъ о старомъ и всѣмъ извѣстномъ стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи.

VII. ТВЕРЬ.

„Стихотворство у насъ, говорилъ мой товарищъ трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ. какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣшніи дремлетъ, а стихосложеніе—шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и ничто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилось, что Сумароковъ въ то-же время былъ, и былъ отбѣнный стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоно-

сова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за нимъ не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ гакіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но столь они маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если-бы Ломоносовъ предложилъ Іова Псалмонѣвца дактилямъ, или если-бы Сумароковъ Семиру или Дмитрію написалъ хорейми, то и Херасковъ вздумалъ-бы, что можно писать другими стихами oprчъ ямбовъ, и болѣе-бы славы въ осмыслѣннѣмъ своемъ пріобрѣлъ трудъ, описавъ взятіе Казани собственнымъ эпопеемъ стихосложениемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія падѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ-бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его гекзаметрамъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ-бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе нашей поэзіи цѣлымъ столѣтіемъ.

Но не одинъ Ломоносовъ и Сумароковъ составили руссiйское стихосложеніе. Неумолимый возовикъ Тредіаковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокой пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами, и рѣоны стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто-бы ни задумалъ писать дактилямъ, тому тотчасъ Тредіаковского пріетавятъ дядю, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковского выростятъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставлены.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо къ краесловію. Слышавъ долгое время одногласное въ стихахъ околчаніе, безпріеміе покажется грубо, негладко и нестройно. Такова она и будетъ, доколѣ французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволѣнію. Сверхъ-же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя вѣскольکو имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не потребится родъ челоуѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами разныхъ стихахъ, руссiйскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то-бы было непознание, если-бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумніе коротки. Если совѣтъ мой поможетъ что-либо сдѣлать, то я-бы сказалъ, что руссiйское стихотворство, да и самъ руссiйскій языкъ гораздо обогатились-бы, если-бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо-бы эпической поэміи свойственнѣе было, если-бы переводъ Гевріады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловныя хуже прозы“. (Путешествіе, стр. 350—354.)

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силится переимѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахида замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: Восемнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли—все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная ода на вольность; въ ней много сильныхъ стиховъ.—Обращаясь къ русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Рвемъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непрестанно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудный и чудный, вѣрный и лицемерный и проч.?

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Востоковъ опредѣлялъ его съ большою ученостію и смѣлостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ избереетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

VIII. МѢДНОЕ.

„Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли“... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—плянуть—пойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развѣртывая тайденныя бумаги моего пріятеля. Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ-бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся російская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ заплатить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, прѣзжено, ирожито, прѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или вольѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется.—Публикуется: Сего... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городского магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставного капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ... частн, подъ №..., и при немъ шесть душъ мужского и женскаго пола; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно“ (Путешествіе, стр. 341—342.)

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

IX. ВЫШНІЙ-ВОЛОЧЕКЪ.

Въ Вышнемъ-Волочкѣ Радищевъ любитъся шляхами и благословляетъ память того, кто, угодивъ природѣ въ ся благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку руководящую—и всѣ концы

единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца и рассказываетъ слѣдующее:

„Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастья, или не жала онано въ ней снискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, напимѣръ во сто или двѣсти душъ, опредѣлилъ себя некакъ прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но возманился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Спосособомъ къ сему наидѣйшимъ пожелъ онъ угодить крестьянъ своимъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія въ имѣющимъ, и угодилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи вышнѣйшаго вѣка вопаямъ, упрямлемымъ грудю, устремляющимся на бой грудю, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли, онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которые они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставлялъ во всѣ дни года работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячныя извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячныя не получали, а по обыкновенію лакедемоніевъ провалили вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни—хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.—Таковымъ урядникамъ произволилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они самъ, онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ урядниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барава. Дозволеніе держать ихъ господня у нихъ не отымалъ, но способъ къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ уфреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.—При таковомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г-на Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четверть; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ ведеомъ времени къ 200 душамъ, онъ еще кунилъ 200 жертвъ своему корыстолюбію, и поступаая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенищихъ на его вивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ“ (Путешествіе, стр. 272—275).

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мѣ на память другого, бывшаго мѣ

знакомаго дѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, во тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлю, къ которой двигался онъ съ силой души необыкновенной, и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ 2000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячей; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни шей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика. — Какъ-бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Приучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предвѣщанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

Х. ТОРЖОКЪ (о цензурѣ).

Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Торжокъ». Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе объ этомъ предметѣ человѣка, вполне разрѣшившаго самому себѣ эту свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

Было время — слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится — что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безмысленной. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говорить о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ — голубые, «ибо слово и небо принажается иногда въ смыслѣ высшаго Промысла». Въ шотландской балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю ста-

тью и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики».

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать безразсудность цензуры. «Если, говорить онъ, способность говорить была-бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило-бы установить цензуру и на языкъ; издали-бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были-бы получить предварительное на то позволеніе».

Конечно, если-бы слово не было общему привадежностью всего человѣческаго рода, а только миллионной части его, то правительства необходимо должны были-бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотеями не всѣ равно обладаютъ возможностью и самую способностью писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также что-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.) и очевидно, что аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значить аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противъ всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте-же его овладѣть вами совершенно.

Мысль — великое слово! Что-жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ-же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры: во книги, какъ и граждаве, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему-же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если выйдете ея преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданною, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась

и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки ея начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человека мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противъ злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

XI. РУССКАЯ ИЗБА.

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы упомянуть о песчаныхъ африканскихъ пещерникахъ, и тужить о судьбѣ русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ красноречіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

„Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажою; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; оконницы, въ коняхъ ватянутый пузырь, смеркающійся въ полдень, пропускалъ свѣтъ: горшка два или три (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустая штѣ!); деревянная чашка и кружки, тарелками называемыя; столъ, топоромъ срубленный, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто кормитъ свиней или телятъ, буде есть, снать съ нимъ вѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастью кадка съ квасомъ, въ вкусѣ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей копн не парятся, то спитъ скотина. Посковная рубаха, обувь давняя природою, опущенъ съ лантями для выхода“. (Путешествіе, стр. 412—413).

Очевидно, что Радищевъ начерталъ карриатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на русскую деревню въ XVI столѣтіи, какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ; даже эта елка, это печальное тавро сѣверной природы—ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили ватянутый пузырь; вообще, болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Замѣчательно и то, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на

голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія такою чертою: «и начала сажать хлѣбы въ печь».

Фонвизинъ, лѣтъ 15 передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливей судьбы французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лябриера; слова господина Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто рассказываетъ, что видитъ и къ чему привыкла. Судьба французскаго крестьянина не улучшилась и въ царствованіе Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волосы встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совѣтъ пѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смита, или объ иголкахъ г-на Джексона. И замѣтите, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но пренебреженіе къ строгимъ предѣламъ закона. Кажется, что пѣтъ въ мірѣ несчастіе англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть пароду и лишаящей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ пѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителей, кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности успиваетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать его, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышленаетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за двѣ тысячи верстъ выработывать себѣ деньгу.... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на русскаго крестьянина: есть-ли и тѣмъ рабскаго униженія въ его поступкѣ и рѣчи? О его смѣлости и смысленности и говорить нечего. Перепичивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человека, который-бы не имѣлъ со б с т в е н н а г о

своего жилища. Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; и говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочтѣннѣшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія правовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества...

ХИ. Э Т И К Е Т Ъ.

«Власти и свободу сочетать должно на всеобщую пользу». Истина неоспоримая, которую Радищевъ заключаетъ начертаніе объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей, большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представаясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся покорнѣйшими слугами — и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и этимъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный государь Александръ Павловичъ любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который во всякомъ случаѣ не худо возобновить. Конечно, государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому-же онъ при дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ полнѣйшемъ опасеніи

сдѣлать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслуживымъ выскочкою.

1833 г.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНГЛИЧАНИНОМЪ О РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Часть этого наброска вошла въ XI главу „Мыслей“).

... Строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ крестьянина:

Къ тому-жъ подушны, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: чтѣ можетъ быть несчастнѣе русскаго крестьянина?

Англичанинъ: Англійскій крестьянинъ.

Я: Какъ! свободный англичанинъ, по вашему мнѣнію, несчастнѣй русскаго раба?

Онъ: Чтѣ такое свобода?

Я: Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ: Слѣдовательно свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы или естественныя препятствія.

Я: Такъ; но разница: покоряться законамъ, предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ: Ваша правда. Но развѣ народъ англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я: Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ: Въ умѣренности соразмѣрности податей.

Я: Какъ?

Онъ: Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся мѣромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать его, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышленель чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньги. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю ни всей Европѣ народа, которому было-бы дано болѣе протора дѣйствовать.

Я: Но злоупотребленія частныя...

Онъ: Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ — волосы встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, неповят-

ныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я: Вы не читали вашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Опъ: Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ мірѣ несчастіе англійскаго работника. Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять, десять народу, но лишаящей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію...

Я: Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Опъ: Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ пзучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я: Что поразило васъ болѣе всего въ русскомъ крестьянствѣ?

Опъ: Его опрятность и свобода.

Я: Какъ это?

Опъ: Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ бавю; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышенности говорить нечего: нутешественники ѣздятъ изъ край въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ

ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ un-bad and, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переничивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

Я: Справедливо. Но свобода? Неужто вы русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Опъ: Взгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть-ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступки и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я: Не удалось.

Опъ: То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другого; вы не видали раболѣпства masters нижней палаты передъ верхней, джевлъмена передъ аристократіей, купечества передъ джевлъменствомъ. бѣднаго передъ богатымъ, повинovenія предъ властью. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіей, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Кливъ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ И ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя: Воит... Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать—ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины—рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ¹, землетрясеніе², няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности—гувернантки. Рожденіе Льва. Мои непріятныя воспоминанія. Смерть Николая³. Монфоръ, Русло, Кат. П. и Анна Ивановна. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езульты. Тургеневъ. Лицей.

1811.—Философскія мысли.—Мартинизмъ.—Мы прогоняемъ Жилевскаго.

1812, 1813.—Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан. Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе. Кунцынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чечневъ, Фроловъ.

1814.—Государыня въ Царскомъ Селѣ. Графъ Кочубей. Смерть Малиновскаго. Безначаліе. Приѣздъ Карамзина. 15 лѣтъ.

1815.—Извѣстіе о взятіи Парижа. Приѣздъ матери. Приѣздъ отца. Стихи etc. Отношеніе къ товарищамъ. Мое тщеславіе. Экзаменъ. Державинъ.

... большой грузинскій носъ, а партизанъ почти вовсе былъ безъ носу. Давыдовъ является къ Беннгсену. «Князь Вагратіонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...»—На чьемъ носу, Денисъ Васильевичъ? отвѣчаетъ генераль: ежели на вашемъ, то онъ ужъ близко, если-же на носу князя Вагратіона, то мы усѣмъ еще отобѣдать.

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

8-го ноября. — Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ...

Мои мысли о Шаховскомъ.—Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шаховской не имѣетъ большого вкуса: онъ худой писатель. Что-же онъ такое? Неглупый человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, прийдя домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.

10 декабря.—Вчера написалъ я третью главу: Фатама или разумъ чело вѣческій, читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки или лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера. Началъ я комедію—не знаю, кончу-ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать прощескую поэму: Игорь и Ольга... Лѣтомъ напишу я Картины Царскаго Села. 1. Картина сада. 2. Дворецъ. День въ Ц. С. 3. Утреннее гулянье. 4. Полуденное гулянье. 5. Вечернее гулянье. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы всеневныхъ моихъ записокъ—но это еще будущее.

29-го.—Итакъ, я счастливъ былъ, такъ, я наслаждался,

Отрадой тахою, восторгомъ ушнвался!..

И гдѣ веселья быстрый день?

Промчался летомъ сновидѣнья,

Увила прелесть наслажденія,

И снова вкругъ меня угрожей скуки тѣнь!..

Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на свѣжную дорогу—ея не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ цѣль любовь, но былъ печаленъ глазъ.
Увы! онъ знать любви одну лишь муку.
(Жуковскій).

Какъ она мила была! какъ черное платье
пристало къ милой Бакуниной!
Я былъ счастливъ 5 минутъ!

17-го.—Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ (однимъ изъ гувернеровъ лицей). Хотите-ли вы видѣть страннаго человѣка, чудака—посмотрите на Иконникова. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго, худого человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шей, окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны, онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюзаетъ табакъ изъ коробочки—онъ дико смотритъ на васъ. Вы ему близкій знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевымъ голосомъ, кланяется, садится, начинается рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себя лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ графинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говорить о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ ибшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село, чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ: разсыпается въ благодарностияхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣянье, ему оказанное,—легкомысленъ до чрезвычайности, мнительнъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Иконниковъ имѣетъ дарованія, пишетъ взрядно стихи и любитъ поэзію.—Вы читаете ему свою пьесу—онъ говоритъ на-отрѣзъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; за то за самыя посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ гениемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любить иногда, смѣшать онъ часто, а жалокъ почти всегда.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

1. Здѣсь, при встрѣчѣ съ императоромъ Павломъ, няня Пушкина не успѣла снять картуза съ дѣтяти, за что императоръ ее разбранилъ и самъ снялъ съ него картузъ. Поэтому Пушкинъ впоследствии говорилъ, что его скомшенія съ дворомъ начались при императорѣ Павлѣ.

2. 14 октября 1802 г., въ Москвѣ.

3. Старшій братъ поэта, умершій ребенкомъ.

ИЗЪ ИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА.

2-го апрѣля (1826) вечеръ провелъ у Н. Г. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Испланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ, какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, я 2,500,000 турокъ оставяю цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникомъ Гомера и Омистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другого достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной,—храбрости достанетъ и у Испланти.

3-го.—Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе ихъ.

Читалъ сегодня посланіе князя Виземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ—неожиданная рима «Херасковъ» не припрятъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій—преlestь.

9-го апрѣля.—Утро провелъ съ Пестелемъ: умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, говорилъ онъ. mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevêque arménien.

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя.—Жалѣю, что не получалъ онъ моихъ писемъ: они...

1821 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ПУШКИНА.

Болѣзнь. Карамзинъ.

Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но чрезъ шесть недѣль я вы-

здоровья. Эта болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню пестеринѣ, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надобны во время моей болѣзни, что весна являлась моему воображенію со всею поэтической своею прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе этой книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шума и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ)—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глубѣе свѣтскихъ сужденій, которые удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!... зачѣмъ не по? Однако! какъ это глупо! чувствуете-ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...

У васъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за то никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ въ время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣлствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые якобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльных размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что государь, освободивъ его отъ цѣзуры, этимъ знакомъ довѣренности. нѣкоторымъ об-

разомъ, палагаль на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылаясь на источники; чего-же болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. Ник. Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введене: предисловіе!... Мих. Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому. пенялъ, Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ романа въ исторіи—ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужинкомъ переложили первые главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне время Тарквинія, не понимающіе насильственной монархіи, и Врутъ, осуждающіе на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностью конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ эниграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

... Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?» Карамзинъ вскинулся и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самую гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнялся. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ-бы самъ извиняясь въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили». Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто любилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

Когда-бъ я былъ царь, то позвалъ-бы Александра Пушкина и сказалъ-бы ему: «Александръ Сергѣевичъ, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю съ большимъ удовольствіемъ». А. П.—тъ поклонился-бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я-бы продолжалъ: «Я читалъ вашу оду «Свобода»! Прекрасно, хотя она написана немного сбивчиво,

мало обдуманно; вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду». В. В., я писалъ ее въ 1817 году.... — «Тутъ есть три строфы очень хорошія... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ пелѣной клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже пѣ царѣ». — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше-бы вы прочли хоть 3-ю или 6-ю пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Пѣвника, или Бахчисарайскій фонтанъ. Онѣгінъ печатается, буду имѣть честь отправить два экземпляра въ бібліотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В. найдете время... — «Помплуйте, Александръ Сергѣевичъ, вы доставите намъ пріятное занятіе. Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это не хорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, ожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій вашъ товарищъ король Галліи или императоръ Австрійскій съ вами не такъ-бы поступили! За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?» — В. В., Инзовъ меня очень любилъ, за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комматный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А его сіятельство графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная русскую литературу какъ герцога Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... — «Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужались съ графомъ Воронцовымъ?» — В. В., генералъ Инзовъ — добрый и почтенный старикъ; онъ русскій въ душѣ; онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочитсѣ, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы — князю Циціанову. Я не оправдывался никогда. изъ пустого вольнодумія; отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказатьсѣ. — «Слабость непростительная. Но вы-же и аеи? вотъ что ужъ никуда не годится.» — Я аеи? В. В.,

какъ можно судить человѣка по письму, нисанному къ товарищу? Можно-ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ европейскихъ нынѣшнихъ властителей (увидимъ однако, что будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною — ссылаюсь на собственное ваше сердце — противорѣчитъ вашимъ правдамъ и просвѣщенному образу мыслей... — «Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?» — Это не было-бы оскорбительно В. В.-у: вы видите, что я не ошибся въ моихъ расчетахъ... Тутъ-бы онъ разгорячился и паговорилъ-бы мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я-бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ-бы онъ написалъ эпическую поэму «Ермакъ» или «Кучумъ», размѣромъ и римой...

ЗАМѢТКИ.

I. Графъ Нулинъ.

Въ концѣ 1825 г. находился я въ деревнѣ, и перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бы Лукреція пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило-бы его предпримчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ-бы отступить. Лукреція-бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣлся-бы — и міръ, и исторія міра были-бы не тѣ. Мысль народировать исторію п Шекспира мнѣ представилась, я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два дня написалъ эту повѣсть.

II. Моцартъ и Сальери.

Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ, всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, свѣдаемый завистью. — Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ (7 мая 1825 года). Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти призвался онъ, будто-бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. — Завистникъ, который могъ освидѣтельствовать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.

III. Державинъ.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы вольновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцѣловать руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, п Дель-

вить услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: «гдѣ, братецъ, здѣсь выйти?» Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостью. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ его очень утомилъ: онъ сидѣлъ подперши голову рукою; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Ц. С.», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, мой отроческій голосъ зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упорнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли... 1833 г.

IV. Шайлокъ, Анджели и Фальстафъ, Шекспера.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненные многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицеяръ вполнѣтисъ за женою своего благодѣтеля, лицеяръ; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицеяръ; спрашиваетъ стаканъ воды, лицеяръ. У Шекспира лицеяръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджели лицеяръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но видѣть, можетъ быть, многосторонній гевій Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, пороки котораго, одинъ съ другимъ связанныя, составляютъ забавную, уродливую цѣль, подобную древней вакханалии. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сласто-

любіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волюнтерство было первою для него заботою; но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по разсчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ, напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правильнѣе у него никакыхъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему вужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только-бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ которомъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе.*** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не усилъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не усилъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленький Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлабѣй! какъ папеньку госудаль любить!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?»—«Папенька», отвѣчалъ Володя.

1833 г.

ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ.

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчательнъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ въ карту. Карта за картой, проигралъ 1600. Я расплатился довольно сердито, взявъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недовольный самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва усилъ я прочесть первыя страницы, какъ вдругъ подѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ.—Вѣроятно, поляки, сказалъ я хозяйкѣ.—Да, отѣчала она: ихъ нынче отвозятъ назадъ.—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бороδοю, во фризовой шинели, съ виду настоящій жидъ—и я принялъ его за жи-

да, и неразлучныя понятія жиды и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе: я воротился къ нимъ спяною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясевиі... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера*). Мы кинулись другъ къ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдгегеръ взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и усаkali.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда-же?

ПРИМѢЧАНІЕ.

*) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, лицейскій товарищъ Пушкина, былъ осужденъ за 14 декабря 1825 г. на 20-лѣтнюю каторгу, но вмѣсто нея содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда, по Высочайшему повелѣнію 12-го октября 1827 г., переведенъ въ Динабургскую крѣпость (въ этотъ перѣздъ и произошла описываемая встрѣча).

РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ и ГАННИБАЛОВЪ.

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь мои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность ихъ окружаетъ и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго стараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Матлевы, Повадовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шеферединовы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Пѣва Ва-

сильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкихъ. Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ принадлежить къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междоусобицы, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкихъ подвигались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвій Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Федоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговоръ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковиннымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшей дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человекъ пылкій и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него пертерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказать. Дорогой она почувствовала муку. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть-ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвою, и положили на постель всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старыя слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополь какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ амапатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣз-

жалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестьянина. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи) и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большого свѣта. Петръ Великій неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи, но что въ всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба Ганнибала перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ майоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ порученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми онъ былъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поиминутомъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елизавета взшла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей евангельскія слова: «помини мя, егда приидеши во царствіе свое». Елизавета тотчасъ призвала его ко двору, произвела въ бригадиры и вскорѣ потомъ въ генераль-майоры и въ генераль-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Исковской и Петербургской—въ первой: Зуѣво, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобриню, Суйду и Танцы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говорить его

нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, которому былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ такъ-же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ гречанка, родила ему блѣдую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь-же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителей, отличился и, ползая на колѣнахъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами, и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйлѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ,—настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія («шорить шортъ», говорила она, «дѣлать мнѣ шорна репять и даетъ мнѣ шертовскъ имя») — дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, родного брата дѣду отца моего (который доводится внучатымъ братомъ моей матери); этотъ бракъ былъ несчастливъ: ревность жены и непостоянство мужа была причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка припуждена была подать просьбу на имя импера-

трвцы, которая съ живостью вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ; бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили разнo. Дѣдъ мой умеръ въ 1707 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій неводержимой жизни. Одинадцатъ лѣтъ послѣ того бабушка скончалась въ той-же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

Гдѣ-то сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генераль-аншефъ, отецъ Ганнибалы, покорившаго Наваринъ и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рома. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то вѣроятно дешево, по достался онъ шкиперу, котораго имя всякій русскій произноситъ не всуе...

ДЕЛЬВИГЪ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 г...). Отецъ его, умершій генераль-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвнцѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 г. вступилъ онъ въ царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнны. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія.

Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирався кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь-же невпнивой, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ усѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покаместъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ ягровостью ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотѣ. Дель-

вигъ, рассказывавшій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о многихъ опасностяхъ, которымъ будто-бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ. Горация изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, которыхъ умственныхъ склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацию. Оды: къ Діону, къ Лялетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отырыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго ювону, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то-же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: снѣ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ....

Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.—Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ восьмомъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легко; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.—Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. *La raison de ce, que Delvig a si peu écrit, tient à sa manière de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе pomysлы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели

были они написаны; но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ его «Русская Идиллія», напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

Идиллія Дельвига для меня удивительна: какую силу воображенія надо имѣть, чтобы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, чтобы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго — въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго — въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго — въ описаніяхъ.

1831 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

24 ноября (1833). — Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ раутъ у Фикельмонтъ (Австрійскій посланникъ). Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просьбою. Я узналъ по лицу грека и принялъ за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывший молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ этерію, представя ее императору Александру отраслю карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость фанаріота была побѣждена хитростью русскаго офицера! это оскорбило его самолюбіе.

30 ноября. — Вчера балъ у Бутурлина. Жюмини. Любопытный разговоръ съ Блайемъ: За чѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? — Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка! — Долго-ли вамъ распространяться? (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто — Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи... etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь засталъ ихъ за ужиномъ, кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслью объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ

лисей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

4-го декабря 1833. — Вечеромъ у Загряжской (Натали Кирилловны). Разговоръ о Екатеринѣ. Натали Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на мивуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста, и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейляны перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь. — Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екатерина. Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться. — Натали Кирилловна разсказала анекдотъ съ большою живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла вѣроятно въ алтарь въ качествѣ президента русскаго академіи. Второго анекдота я не выслушала.

1-го января 1834. — Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно непріятно моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хотъ въ камеръ-пажи, только-бъ въ заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариметикѣ.

7-го января. — Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui, etc. Великій князь немедленно поздравилъ меня въ театрѣ. — Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, вы первый меня поздравили.

17-го января. — Балъ у графа Вобринскаго (Алексѣя Алексѣевича) одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я-бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, кото-

рая тому три недѣли умерла въ крѣпости». — Возможно-ли? Съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьѣ, по далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздила я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургѣ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

26-го января. — Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Приѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя Паталю Николаевну, и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову. Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Трубецкого (Василія Сергѣевича). Государь приѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ жевѣ: Est ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? (Мундирныя пуговицы). Старуха гр. Вобринская извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ пашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

28-го февраля. — Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье, на балѣ въ концертной, государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

6-го марта. — Царь далъ мнѣ взаймы 20,000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо!

13 іюля 1826 года, день казни пяти декабристовъ, въ полдень государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга приѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку, и платокъ, и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не найдя его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрей-льва подвела платокъ въ память историческаго дня.

17-го марта. — Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго «Conversations-Lexicon». Насъ было челоѣкъ со сто, большей частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ

великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предвительно: «Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ; пью его лекарство и хвалю его». Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ миллионъ, а выгоды не вижу, не говоря уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ молочутся Булгаринъ, Полевой и Свинынь! Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на это литературное собраніе. — Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда мною профессоромъ, ободрялъ меня на новрѣщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издастъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у австрійскаго посланника (гр. Фикельмонтъ). Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) приѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5½ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) приѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ 11 марта (1801)... Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

2-го апрѣля. — Надняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у князя Трубецкого съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ, съ Кукольниковомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой челоѣкъ. Не знаю, имѣть-ли онъ талантъ. Я недочелъ его «Тас-са» и не видалъ его «Рука» etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: il brédouille en musique. comme en vers. Кукольникъ шметъ «Ляпунова». Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не нанишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе талавта.

Князь Одоевскій, Диринъ, Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей «Conversations-Lexicon». Прочіе были обижены нашею оговоркою: во честный челоѣкъ, говорить Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Лексиковъ будетъ не что иное, какъ Свѣрная Пчела и Библіотека для чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ рассказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ посланъ былъ изъ Петербурга по тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провозкѣ полицейскій чиновникъ, челоѣкъ добрый и глупый. На одвой ставціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего

арестанта. Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно: эти каналы лошадей намъ не даютъ. — Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. «Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ, противоположныхъ этого царствованія, какъ геіи зла и блага». Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

7-го апрѣля. — «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя пѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковский говорилъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать яковинизмъ передъ вономъ правительства; во Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Моя «Пяковая дама» въ большой модѣ. Игроки повтѣряютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной (Голицыной) и кажется не сердятся.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Очень оригинально и очень смѣшно.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

8-го апрѣля. — Сейчасъ їду во дворецъ представиться царицѣ.

2 часа. — Представлялся. Ждали царицу часа трѣхъ. Насъ было человѣкъ 20: братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вальховскій и др. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ, смѣясь: *Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante (Ек. Ив. Загряжская) est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.*

14-го апрѣля. — Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ. 300 мѣстъ и 2.000 билетовъ.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большемъ смущеніи, здѣсь, на улицѣ, тому съ подѣлю.

16-го. — Вчера проводилъ Наталью Николаевну до Ижоры. Возвѣщаясь, нашелъ усебя на столѣ

приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣдѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Жуковский сказалъ мнѣ, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: «если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ забыть». Однакожъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ объясненіе.

Говорятъ, будто-бы надлежало выдѣть указъ о томъ, что упычтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отвѣщеніяхъ, если слухъ этотъ оправдается.

Среда на святой недѣлѣ. — Праздникъ совершеннѣйшаго совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейное. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многие плакали, а кто не плакалъ, тотъ обтиралъ сухіе глаза, слиясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ половъ народу. Мнѣ надобно было свѣдѣться съ Катериною Ивановною Загряжской. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить; но и тутъ была давка. Придворные ропшутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Мердѣрь умеръ. Человѣкъ добрый и честный. Незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ: отъ него таятъ извѣстіе, чтобы не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ новгородскій пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для привітія приказаній на счетъ бумагъ, у графа находящихся. «Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ: отнесите къ Бевкендорфу». Въ Грузию посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ половъ вѣстямъ и толкамъ о минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то-же. Одна Смирнова по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить, а страшно за нее.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, давшаго дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-е мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастье: какая-то деревянная башня, памятникъ

затѣй Милорадовича къ Екатеринбургѣ, обрушилась, и нѣсколько людей, бывшихъ въ ней, ушиблись. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатеринбурга:

Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скудость,
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle,
Et Lambert, qui plus est, m' a donné sa parole etc.

Вяземскій отвѣчалъ: Какъ? будетъ графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга? Зовите-жъ и Лаваль.

21-го. Вчера обѣдалъ у Смирновыхъ съ Полетикой, съ Велегорскимъ и съ Жуковскимъ. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неуступчивый, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: «ахъ ты, мой красавецъ!» Чертковъ былъ очень дурень лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: «я, сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищущу». Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ-же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: «вы не можете помнить такого-то (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и хожу васъ увѣрить, что онъ очень былъ недурень».

2-го іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это—дипломатическія суспичіи, какъ говорятъ городничихи. Англія не носылала намъ посланника: мы отсылаемъ Ливена Бива недоволенъ. Онъ говоритъ: mais Medem c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc bec. Государь не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому что, будучи великимъ княземъ, имѣлъ съ нимъ какую-то неприятность.

26-го мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ (кн. Петръ Иван. и княг. Катер. Никол., дочь Карамзина), отправляющихся въ Італію.

На другой день представлялся великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ). Насъ было человѣкъ 8, между прочими Красовскій, славный цензоръ. Великая княгиня спросила его: «Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce que parait». — Oui, v. a. i., отвѣчалъ онъ: — la littérature actuelle est si détestable, que c'est un supplice». Великая княгиня скорѣй отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у Катерины Андреевны (Карамзиной). Она ѣдетъ въ Таицы, привадававшая нѣкогда Ганнпбалу, моему прадѣду. У нея были Вяземскій, Жуковскій и Полетика. Я

очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ яшащемъ императорѣ.

3-го іюня.—Обѣдали мы у Вяземскаго, Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ. Много говорили объ его управленіи въ Валахія. Онъ, можетъ быть, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова...

Генералъ Волховской хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: помню! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ?—Что я видѣлъ? возразилъ Волховской: да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшонъ. Новые министры повѣсили головы... Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только-что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобы его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, а это у насъ рѣдко. И за то спасибо!

22-го іюня. — Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть-было не поссорился я со дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не проидеть.

Маршалъ Мезовъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ въ опасности. Подъ Аустерлицемъ онъ искрошил кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красенъ.

9-го августа.—Трошинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трошинскій остался въ Петербургѣ, викари не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи, является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота закрыты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто не идетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трошинскому, объявляя ему, что его требуетъ государь и что за нимъ пріѣхалъ фельдъегерь. Трошинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ зимнему дворцу. Трошинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что его ведутъ на половицу великаго князя Александра. Тутъ только дога-

дался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, объялъ и поздравилъ съ новымъ императоромъ. Трощинскій нашелъ государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководителемъ». Тутъ былъ тотчасъ-же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

28-го ноября.—Я ничего не записывалъ въ течение трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи выѣстъ съ камеръ-юнкерами. своими товарищами, былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ А. Раевского, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. «Какіе мы разбойники?» говорили мнѣ они: намъ дана воляность, и поставленъ столпъ намъ въ честь». Графа Румянцева вообще не хвалить за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была-бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. Въ Заводахъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Наталью Николаевну въ Москву, а самъ съѣздили въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я предъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Вернулся къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ эту повость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Вернулись въ 3 часа.

5-го декабря.—Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, 18-лѣтними молодкосами. Царь разсердится. Да чтѣ мнѣ дѣлать?
1833—1834 г.

О ДУРОВѢ.

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году пошла въ военную службу, заслужила георгіевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Эрзерума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталенсіи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался,

и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непременно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ-бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я-бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ мнѣ Дуровъ.—«Ну, что-же?»—«Мудрено: не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня есть совѣсть».—«Ну, такъ украдите полковую казну.»—«Я объ этомъ думалъ». — «Что-же?» — «Это можно сдѣлать лѣтвомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно, испугается и не будетъ знать, чтѣ дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете-ли вы иного способа?»—«Просите денегъ у государя.»—«Я объ этомъ думалъ». — «Что-же?»—«Я даже и просилъ». — «Какъ! безо всякаго права?»—«Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, чтѣ составило-бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе». — «Что-же вамъ отвѣчали?»—«Ничего». — «Это удивительно. Вы-бы обратились къ Ротшильду.»—«Я объ этомъ думалъ». — «Что-же, зачѣмъ дѣло стало?»—«Да видите-ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было-бы такъ странно и такъ забавно: надобно-бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ-бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать песообразности и нелѣпости, о которой-бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ—выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ въ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше, всему свѣту извѣстное великодушіе». Дуровъ просилъ меня хлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и

о чемъ-бы то ни было. Говорили-ли о женщипѣ—«хотите со мною биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ: что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли-ли въ цѣль изъ пистолета—Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщинамъ была также очень замѣчательна. Бывши городничимъ въ Ямбургѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ по должности своей присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницей. Недавно получалъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

1833 г.

ПРОЕКТЫ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА И ГАЗЕТЫ.

1) Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпавшему уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой востоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ лица), къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не напоминалъ. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостью взялся-бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», т. е. такого, въ которомъ печатались-бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединились-бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исто-

рію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III (Іюль 1831).

2) У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой официальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣсть не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветой. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодія поколѣнія, волнуемая журналами, требуютъ войны... Пускай позволяютъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ (Іюль 1831).

3) Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности; читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами.

Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгоды, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе раско-дятся.

Одна газета («С. Пчела»), издаваемая двумя извѣстными литераторами (Гречемъ и Булгариннымъ), имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется этимъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики, или искать упрямъ и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературныя, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва-ли и 500—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ-бы вовсе не дѣйствителенъ.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ необходимъ журналъ, котораго средства могли-бы равняться средствамъ «Газеты».

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

26 іюля (1831 г.). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лекарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто-бы онъ и лекарь отравляли людей.

Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и общалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прощу», сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

Однакожь это рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно приближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться тайственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донинѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Подобные разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12,000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

Покажѣть полагали, что холера прилична, какъ чума, до тѣхъ поръ карантинны были необходимыя зло. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантинны слѣдовало тотчасъ уничтожить. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣлены, а карантинны. не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантинны остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, кото-

рыхъ не понимаютъ ни употребляемые на те люди, ни народъ. Уничтожьте карантинны—народъ не будетъ отрицать существованія заразы. станеть принимать предохранительныя мѣры и пріобрѣтеть къ лекарямъ и правительству; но покажѣть карантинны тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большому, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, объ угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и которой признаки такъ близки къ отравѣ.

29 іюля (1831 г.).—Третьяго дня государыня родила великаго князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинь Россети выйти за Смирнова.—Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмирень его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ аракчеевскаго и короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники иѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лекарей. Генерала они застрѣли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного майора, они подходили къ нему съ шутками: «Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смиренны!»—и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лекарей убито 15 человекъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежавшими въ лазаретѣ. Этотъ лекарь 12 лѣтъ пахотился въ колоніи и былъ отменно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однакоже его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ-подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, усилъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе: Онь-было спасъ и офицеровъ полка прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, по послѣ его отѣзда убійства совершились. Государь общалъ въ аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендѣ, находившійся при этомъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: «вамъ-бы должно вынести кутью». Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ почитать молитвы, приложился и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявлялъ, что не можетъ ихъ простить, и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ общался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмущавшихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчину.

Сентября 4.—Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ в ъбокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: *Du moins j'ai fait mon devoir*. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Романно. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

НВ. «Сколько въ суворовскомъ полку осталось?» спросилъ государь у Суворова.—300 человекъ, ваше величество. «Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ».

На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фовъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государственной канцеляріи (тайной полиціи), человекъ добрый, честный и твердый. Государь сказалъ: *J'ai perdu Fock; je ne puis le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer*. Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: чтѣ сдѣлаемъ съ Польшей?

Мнѣвіе Жоинни о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней—разницы не сдѣлало-бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не началъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступили 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣняли недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ.

Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на польскія грязи). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо

всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ мать моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «холера morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ». О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣлѣнная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его расспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзной полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что, по мнѣнію пѣкаторыхъ, она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ Псковской губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно, одинъ во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мыслию всей Европы.

Спустя 5 лѣтъ, я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ мной отъѣздомъ Вяземскій показалъ мнѣ писмо, только-что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, которыхъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіатцами. Они не боялись чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности. Пріятели, у которыхъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то важно говорили, что легкомысленное безчувствіе—не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ на половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ: я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадою и большою неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня отпѣляются деревни, учреждаются карантинны. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ящикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ расспрашивать ихъ и доказывалъ имъ что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него паѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный

рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

во время похода 1829 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попала въ руки книга, навѣчанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году, подъ названіемъ. Voyage en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français. Авторъ, по своему описывая походы 1829 года, описываетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ», произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на эрзерумскій походъ.

Никакъ-бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если-бы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Bebotoff... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin—M. Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, не смотря на лестные званія, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. Нѣкая вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой: вдохновенія не слышишь; оно само должно выйти поэта. Приѣхать на войну съ тѣмъ, чтобы восхвалять будущіе подвиги, было-бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ попросту. Я не пьющаясь въ военныя сужденія. Это все мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Саганъ-Лу, движеніе, которымъ графъ Паскевичъ отрывалъ сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Эрзеруму—все это, увѣчаемое полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно помятій въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консулъ Фонтанъ, авторъ «Путешествія на Востокъ»), но я устыдился-бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково призываю меня подъ сѣнь своего патра и входившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ ласковое вниманіе. Человѣкъ, не пьющій нужды въ покровительствѣ спящихъ, дорожить ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо много отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною было написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Даріальское ущелье. Перѣздъ чрезъ сѣверныя горы. Первый взглядъ на Грузію. Водопроводы. Хозреетъ-мираа. Думетскій городищъ.

Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Вѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ котораго находится его деревня. Я приѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему приѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда-же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому вѣтерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго—графомъ Эрихонскимъ. «Пускай нападетъ онъ, говорилъ Ермоловъ: на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напирѣвъ на пашу, пачальствовавшего въ Шумлѣ,—и Паскевичъ пропасть». Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось-бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. «Можно было-бы сберечь людей и издержки», сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ-бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славіи и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ сопого. Нѣмцамъ досталось. «Лѣтъ черезъ 50», сказалъ онъ: «подумають, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами». Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что онъ не по-

мнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

Мы предполагали путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошами обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской рестораціи. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской. Мы случалось въ цѣлыя сутки проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ америкаппа Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ нашелъ гр. Вл. Пушкина, также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали О т р а д и о ю. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и является большую силу растительности: показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ нѣтъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надихъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (кѣлтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ) Все семейство собралось завтракать; котелъ варился посреди, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень не дурная, шила, курилъ табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—***—«Сколько тебѣ лѣтъ?»—Десять и восемь.—«Что ты шьешь?»—Портка.—«Кому?»—Себя.—Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ баравымъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гадше. Я попросилъ чѣмъ-ни-

будь заѣсть. Мы дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ-же, все на томъ-же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большей частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склону Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ванны прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красавица...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ мнѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось миллионами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, спживалъ со мною Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чертилъ и чертилъ рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій вѣкогда вѣмствическимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе присоединяются къ ней: это называется оказіей. Мы дожидались не долго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятидесяти человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ

скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), непосная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ непрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеслаятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На этотъ разъ пріятнѣе было-бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ-бы въ старину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрешеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость **М и н а р е т ъ**. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинкѣ, между курганами, обросшими линой и чинаромъ. Это могли нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Цестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пенломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсная гора, за нею находилась крѣпость, кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося **Т а т а р т у б о м ъ** и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Овъ стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшаго потока. Внутренняя лѣствица еще необрушилась. Я взошелъ по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ вѣшалъ и нѣсколько неизвѣстныхъ имевъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолубивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видимыя стада и казались наскочками. Мы разлчили пастуха, быть можетъ русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣзники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, насѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ на память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ

отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ венадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропускаютъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоруживали крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщевія крови. Княжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ нимъ съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго черкеса, выстрѣливаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно, однакожъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ-бы важнымъ нововведеніемъ. Есть наконецъ средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несоумѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ снудомъ? Мы окружены народами, пресыщающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, кропа и пиящи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или страствующаго семейства двѣхъ, или мальчика, а затѣмъ пужна, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взаимнѣ слова живого, выливать мертвыя буквы и нослать пѣныя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и

опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестятъ велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается.—Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ корана, между которыми отличался Мансуръ, человекъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противъ русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

... like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ этихъ обрядовъ.

Осетинцы—самое бѣдное племя изъ пародовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однако-жъ, при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они помпунто проказать и бѣгаютъ изъ крѣпости. Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе и въ отвратительной нечистотѣ. На нихъ видѣлъ я деревянные колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалуютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святѣйшее. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ

направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ къ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны черезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извиляется вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно оставался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоящаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между которыми хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: не останавливайтесь, в. б., убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гиѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы вочевать. Тутъ нашли мы путешественника-француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить зѣнажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ мы выпили въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспомнивая пирнанія Иліады:

«И въ козихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измѣранный синсокъ Кавказскаго плѣнника и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, нецолно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе илѣвники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ; ѣсть нечего: чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носить то-же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Ключекъ неба,

какъ лента, свѣтеть надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому-же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогахъ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка. Даріалъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значить ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Дпріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, котораго ученныя изысканія столь-же занимательны, какъ и испанскіе романы).

Изъ Даріала отпавились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока-пять, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузатый бурдюкъ (воловоі хѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великапъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобающимъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже рѣкъ Терекъ и его безобразныя водопады, утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь-же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груды, по выраженію поэта, подпирющую небосклонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи развѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-хану. Я, съ помощію переводчика, началъ-было высокопарное восточное привѣтствіе, но какъ-же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительнымъ», и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхалъ на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей папахѣ и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Куби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ-бы образомъ совершить этотъ ужасный подвигъ: сѣсть-ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводы.

На другой день, около 12 часовъ, услышали мы шумъ, крики и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осынадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насыла тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ въречь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог..., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Такіе случаи бывають обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалиясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и затруднила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ ко-

торымъ нумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время слышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказали мнѣ Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ гряду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ позывать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и теплъ. Я почевалъ на берегу Арагвы въ домѣ Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемая веселой Арагвой, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленныя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одна изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптического обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, сопровождающаго персидскаго принца. Вскорѣ слышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Анапура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головой. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей

встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Анапура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета осталось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; во мѣстахъ глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а были шакалы—звѣри, въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе; но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, освѣщенныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и требовалъ за то съ меня абазъ.

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ во-первыхъ компаты, гдѣ-бы могъ раздѣться, во-вторыхъ—стакана вина, въ третьихъ—абазы для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія de la liberté grande. Къ счастью напелъ я въ карманѣ дорожную, доказывавшую, что я—мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ и абазъ выданъ моему проводнику съ отеческимъ разговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыхъ гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ челоуѣкъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ благополучно переправился на волахъ черезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслию, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ-же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гардискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы грузинскіе. Пѣсни. Кахетійское вино. Причана жаровъ. Дороговизна. Описаніе города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибофдовъ. Везобалъ. Минеральный ключъ. Буря въ горахъ. Ночлеги въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепріимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюднѣе. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегороджали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне, тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разтѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіанинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что-же увидѣлъ? Волѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ; сегодня вторникъ—женскій день; ничего, не бѣда».—Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ.—Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрую; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

...a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened glow
Of her own country maiden's looks.
When warm they rise from Teflis brooks.
Lalla Rookh.

За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіанинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзностѣнный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину банщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носа; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался

безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ; я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе банщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, е sempre bene.) Послѣ этого долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водой, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты въ русской банѣ; знатоки будутъ благодарны за такое нововведеніе.

Послѣ пузыря Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевского; но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій, издатель «Тифлисскихъ Вѣдомостей», рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія пріобрѣнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махому взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ императора Александра въ 1802. Грузины—народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственные способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще права веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезянку.

Голосъ пѣсень грузинскихъ пріятель: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ валь она:

«Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастья! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

«Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная, отъ тебя, ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

«Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего зора. Отъ тебя ожидаю жизни.

«Горная роза, освѣженная росой! избранная

любимца природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни».

Грузинцы пьютъ—и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держать въ марапахъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ такой кувшинъ, упалъ въ него и утопнулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онъ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ, не нагреваютъ, а кипятятъ недвижный воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое названіе (Тбимикаларъ) значить жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ востокѣ. Графъ С. и В., прославившіе здѣсь богатствами, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинувшись долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ вѣльнѣе. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ ассесорскимъ, только вождѣльннмъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, говорятъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, котораго употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ лишь своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генераль С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовой лекаръ, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ его больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ-бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозчикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такава. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамошняго издѣлія пиво, очень непріятнаго вкуса, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., знѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; но несчастію, у него разнесли кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ поберетъ тифлискаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевского. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я сѣлъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой-же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осыпанныхъ пыльными топоями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ.

Ночи знойныя!

Звѣзды чудныя!...

Луна сіяла: все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ удивленную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблукъ.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осыпанная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я про-

ѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злчныя зеленныя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склону горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ выючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ нѣ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я объяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — «Что вы везете?» — Грибоѣда. — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я расстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: *Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.* Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывший три дня игралищемъ тегеранской черни, узнавъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжныя спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ ошутанъ сѣтими мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ

употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несвоящую улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расцѣлиться однажды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, несусынныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горе отъ Ума* произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ. Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Нанисать его біографію было-бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнны и не любознательны.

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я В., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. В. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ-бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; по демопъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и спустясь въ долину, осыненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцкы изъ Эривани. «Что новаго въ Эривани?» спросилъ я его — Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ: а что слышать объ Ахалцкѣ —

кѣ?— «Въ Ахалцкѣ чума», отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись этими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодосовыхъ нивъ и цвѣтушихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, плодородіе которой вошло на востокъ въ послонину. Къ вечеру прибылъ я въ Перникѣ. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непременно въ тотъ-же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часть отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и пошелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Перникѣ до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаваго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстукъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда свѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, снящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день пробѣжалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня въ зарѣ. Первою моею мыслию было: не лежу-ли въ лихорадкѣ? во почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла свѣговая, двуглавая гора.—Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: «это Араратъ». Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни—правна и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, на густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями

вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. «Вотъ и Арпачай», сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стояло Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимую мечтою. Долго велъ я иномъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело поѣхалъ въ завитую рѣку, в добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. По этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще выходился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый чюрекъ, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущельѣ. Дорого-бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по турецки, не заботясь о томъ, понималъ-ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, пзмучасъ понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходъ на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю; но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе погайкою. Турокъ раскричался; пародъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ-бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадей. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: верба на а т т (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало-бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинь, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: «Карсъ, Карсъ!» и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы вѣхали въ Карсъ. Подѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливня лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и, переговора съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, объясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и жили въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати-пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противъ утѣшающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Путру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чирероне. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, которымъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадью. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ

жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ тонкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я извѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. Перестрѣлка. Лагерная жизнь Язиды. Сраженіе съ сераскиромъ Эрзерумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ во-время. Въ тотъ-же день (13 іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Раевского, слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой эрзерумской дорогѣ, прямо противъ турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинь, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принималъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего Вольховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

*Neu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...*

Я воротился къ Раевскому и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Раевскій послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и мусульмане

(такъ зовутся татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ, поросшимъ дѣсомъ. Мы въѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: «смотри, братъ, держись — какъ-разъ картечью хватить». Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными сопками. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

...nec Armeniis in oris,
Armice Valge, stat glacies iners
Menses per omnes...

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Раевскій послалъ осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ позиціяхъ. Я поѣхалъ съ Семичевымъ посмотреть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сидѣлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. — Много-ли турокъ? спросилъ Семичевъ. «Свиньею валить, ваше благородіе», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склонахъ противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятидесяти турокъ. Казаки отступали медленно: турки наѣзжали съ большой дерзостью, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруею казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки-было смѣшались; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подошло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченные головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ кровь, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показались толпа генераловъ и офицеровъ: графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которую скрылись турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинахъ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно.

Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ которыхъ человѣкъ пять умерло въ ту-же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ-же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень имѣла правилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ заппвали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевского собирались беки мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на язидовъ, слышущихъ на Востокѣ дьяволоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество русскаго государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черпой шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ язиды правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто-бы язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ во единого Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается непріличнымъ и неблаго-роднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміею. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріателемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 іюня утромъ мы вновь услышали перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли карабахскій полкъ возвращающимся съ восемью турецкими знаменами; полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріателемъ, заставшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерь пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ какую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божию. Я

встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались делибаши и закуружились въ дѣлѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ вѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженного своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣзdnика и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непрiятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противъ центра) скакала турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружили ихъ раненыхъ и проворно раздѣляли, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло. Турки у насъ на глазахъ начали копать землю и таскать камни, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколько плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разпросили. Около шестого часа войско опять получили приказъ идти на непрiятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда (сводный) уланскій полкъ переѣхалъ-бы черезъ меня. Однако, Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, падающіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши татарскіе полки, которыхъ лошади отлнчаются быстротою и снору. Лошадь моя, закусивъ поводъ, отъ нихъ не отставала; я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодого турка, лежавшимъ

поперекъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осьмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Раевскій. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги доведеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непрiятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагѣ. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлять. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидалъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровлѣ подземной сакли, передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли графу, что въ деревнѣ спрятавы пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ этомъ сраженіи разбитъ сераскиръ Эрзерумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Эрзеруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, а Гаки-паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-пашею. Смерть татарскаго бека. Гермифродитъ. Плѣнный паша Араксъ. Мостъ на-стуха. Гассанъ-Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Эрзеруму. Переговоры. Взятіе Эрзерума Турецкіе плѣнники. Дервишъ.

На другой день, въ пятомъ часу, лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Выйдя изъ палатки, я встрѣтилъ графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?» Mais un peu, M. le Comte.—«J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire

Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадами, крестясь и повторяя: христіаннѣ! христіаннѣ!.. Мы подѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ удивленіемъ истрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разбѣгающаго по городу, несмотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: сераскирь и четверо нашихъ, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ нашихъ, сухощавый старичекъ, ужасный хлопотунъ, съ живостью говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: «Благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ—братъ деревни. Онъ ве вмѣстѣ ни отечества, ни благъ земныхъ, и между тѣмъ какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются».

Восточное привѣтствіе наши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажу, черноглазого мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераскирь, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодого человѣка, полунагого, въ бараньей шапкѣ съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outré) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что онъ былъ «братъ мой»—дервишъ, прішедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эрзерумъ. Азіатская роскошь. Климать. Кладбища. Сатирическіе стихи. Сераскирскій дворецъ. Гаремъ турецкаго пашы. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Эрзерума. Обратный путь. Русскій журналъ.

Эрзерумъ (неправильно названный Арзерумъ, Эрзумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Θεодосія Второго, и названъ Оеодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминавія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчяныхъ.

Эрзерумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей; но, кажется, число это слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу

чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Эрзерумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Эрзерумѣ болыной можетъ умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тѣмъ какъ цѣлыя мѣшки его находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было-бы безсмысленнѣе словъ: «азіатская роскошь». Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: «азіатская бѣдность, азіатское свинство» и проч., но роскошь, конечно—принадлежность Европы. Въ Эрзерумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климать эрзерумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Эрзерумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной коншикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Сагавъ-лу.

Въ эрзерумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія: шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфрида.

Мечети низки и темны. За городомъ пахотится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ камеліею чалмою. Гробницы двухъ или трехъ нашихъ отличаются большой затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Эрзерумѣ пашель онъ башенные часы—и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемые султаномъ, не проникли еще въ Эрзерумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Эрзерумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою.

Я жилъ въ сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился гаремъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ: сераскирь, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были

ободраны, ковры сняты. Когда гуляя я по городу, турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго франка за лекаря). Это мнѣ надобно—я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ-же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ; сходство нашихъ занятій сблизало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ. нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый паша молчаливо курилъ посреди своихъ жевъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ пашалыки, разговаривалъ о новыхъ ромапахъ. Мушкій паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный турокъ останавливался въ одной изъ комнатъ, съ живостью проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящіе восточныя! Славный Вей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Эрзерумъ съ двумя старшинами черкесскихъ селеній, возмущившихся во время послѣднихъ войнъ. Она обѣдали у графа Паскевича. Вей-булатъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Эрзерумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ перѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ-паша, взятый въ плѣнъ подъ Эрзерумомъ и отправленный въ Тифлисъ выѣстъ съ сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность гарема, имъ оставленнаго въ Эрзерумѣ. Въ первые дни объ немъ-было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдатъ, графъ вспомнилъ о гаремѣ Османа-паши и приказалъ А. съѣздить въ домъ паши и спросить у его жевъ, довольны-ли онѣ и не было-ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать А. Мы отправились. А. взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, котораго исторія любопытна. Осьмнадцать лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ персіанамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ гаремѣ одного изъ сыновей шаха. Онъ рассказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ фізіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа-паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятые изъ корана. Одна изъ нихъ показала мнѣ очень замысловата для мусульманскаго гарема: тебѣ подобаетъ связывать и развязывать. Намъ поднесли кофю въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа-паши, пришелъ отъ имени жевъ благодарить графа Паскевича, но А. сказалъ на-отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-паши и хочетъ ихъ видѣть, чтобы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ, въ отсутствіе сунруга, всеѣмъ довольны. Едва персидскій плѣбникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если паша, по своему возвращеніи, провѣдастъ, что чужіе мужчины видѣли его жевъ, то и ему, старику, и всеѣмъ служителямъ гарема велѣтъ отрубить голову. Прислужники, между которыми не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но А. былъ непоколебимъ. «Вы боятесь своего паши, сказалъ онъ имъ, а я—своего сераскира, и не смѣю ослушаться его приказаній». Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ были два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ головы до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрую. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы слышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; А. прервалъ ее: «это—мать паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ». Все изумились догадкѣ гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой такъ-же, какъ и она—изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятный голосокъ. Она благодарила графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе русскихъ. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко и въ этомъ кругломъ оконкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ-было сообщить о своемъ открытіи А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобы я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Все онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ А., была, вѣроятно, повелительницею гарема, сокровищницею сердецъ, ро-

зою любви—по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ А. прекратилъ свои разсирасы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я гаремъ: это удалось рѣдкому европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война казалась кончена. Я собирался нъ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани эрзерумскія съ тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Эрзерумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантинна, и я въ тотъ-же день рѣшилъ оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень неприятна съ непривычки. Желая взглянуть это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановился передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ пензѣяснаго отвращенія и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однакожъ превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался, какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумного и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ турокъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ-будто чума была не что иное, какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля, прѣдя проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генераль Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣй-

шихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія послѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ-же день я оставилъ Эрзерумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленные присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саганъ-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣснѣ грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, пробѣжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванные тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполненный дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣности самый Терекъ, тутъ-же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество осетинцевъ разрабатывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всѣчески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ большимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно звать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей крѣпти: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П.—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

1829—1835 г.

ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

О Г-жѢ СТАЛЬ И Г-нѢ МУХАНОВѢ.

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь, книга: «Десятилѣтнее изгнаніе» должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по своей новостѣ и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы—все приносить честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу *Dix ans d'exil*, можно видѣть ясно, что, тронутая ласковымъ приемомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, что бросилось ей въ глаза. Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ». Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностью и радушіемъ. Исполняя долгъ благодарнаго сердца, она говорить объ насъ съ уваженіемъ и скромностью, съ полною душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, не выноситъ сора изъ избы. Будемъ-же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше...

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ прелюбныхъ лѣсахъ, удаленная отъ всего милого ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ это время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы.

Немудрено, что потеряныя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г-нѢ А. МухановѢ (Сыпъ От. № 10), пробѣгая снова кпжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ нему слѣдующія замѣчанія на грезѣ г-жи Сталь: «Не говоря уже объ обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями автора книги о Германіи, въ свою очередь былъ пораженъ самымъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлomu пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ сифидѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно принимались щедрыми и подъ часъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Что за слогъ и что за тонъ! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, говимую Наполеономъ и покровительствуемую великодушіемъ русскаго императора?

«Кто читалъ творенія г-жи Сталь», продолжаетъ г-нѢ А. Мухановъ, «въ концѣ такъ часто ширяется она и пр...., тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч.... не сдѣлали другого впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!»—За симъ г-нѢ А. Мухановъ ставитъ на

принимать самого себя. «Нѣтъ! никогда, говоритъ онъ: не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра...» и проч. — Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ, совершенно отличнаго отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, посредствомъ какого-либо толмача, разспросить пловозчиковъ своихъ о точной причинѣ пожара въ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ абовскому университету отнюдь не понравилась г-ну А. Муханову; но г-нъ А. Мухановъ и самъ расшутился. «Ужели, говоритъ онъ: четыреста студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовить себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, академію эту могла-бы ова точнѣе назвать псарнымъ дворомъ... Ужели г-жа Сталь не пашла другого способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ, перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ финляндскихъ по порошамъ за медвѣдями и волками и затѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?.. Наконецъ отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни», и проч.

Объ это барынь должно было говорить вѣжливымъ языкомъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи—довѣренности, Европа—своего уваженія, а г-нъ А. Мухановъ—журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ ува-
жить.

1825 г.

Ст. Ар.

О ПРЕДИСЛОВІИ ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ терпѣніемъ ожидали предисловія Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще, тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по насильякъ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственные догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что этотъ знаменитый писатель едва коснулся такихъ предметовъ, о которыхъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читая его статью ¹ съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многого не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обилитъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія эти не трудно было оправдать. Какъ матеріалъ словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отсель заимлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное варѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія-же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло привести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства. Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ на языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стояая подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ влстителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Такой-же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на поработенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе этого вопроса завлекло-бы насъ слишкомъ далеко. Какъ-бы то ни было, едва-ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка: онъ одинъ оставался непрекосновенной собственностью несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Эта мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастью, явился Ломоносовъ.

Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ гевинъ Ломоносова; но онъ взглянулъ не съ настоящей точки на великаго подвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенной силой понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшей страстью этой души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественного языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство-же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали-бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія его съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему переложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія.² Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ учиться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто пужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почасти моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, Лемонте, столь-же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоценную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ

въжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей XVIII столѣтія? Общество *M-mes du Deffand, Boufflers, d'Erpinau*, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился этимъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано *civilisation* *europeenne*, то сочинитель чуть-ли не правъ.

Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться одними играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не объяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изясненій понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣньность наша охотно выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-французски. Не правда ли! рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные европейскіе языки и сверхъ того онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему греческому. Въ другихъ земляхъ такая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была-бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужного списка, да сами-же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно народнаго поэта, чтобы познакомить Европу съ литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого-бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единомыслителей. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (*naïveté, bonhomie*) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличі-

тельная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, пасмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ представители духа обонихъ народовъ.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явные ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзиннымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стасхосложенію совершенно метрическому и проч.

Н. К.

1825 г.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

1) По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ „Силѣ Отечества“. Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ.

2) Любопытно видѣть, какъ тонко вѣсѣляется Тредьяковский надъ славянскими Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему переимать легкость и щеголеватость реченій изрядной компаніи! Но удивительно, что Сушарковъ съ большою точностью опредѣлялъ въ одномъ полустихіи достоинство Ломоносова-поэта:

Онъ нашихъ стравъ Мальгербъ, онъ Пивдару
полобенъ!
Enfin Malherbe vint et le premier en
France etc.

ЗАПИСКА О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ,

представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

Последнія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій.

Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военной службой, старались отличиться одной свѣтской образованностью или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній. 10 лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавыя и безумныя....

Ясно, что походамъ 13 и 14 года, пребыва-

нію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи, должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что съ одной стороны они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой — необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ ей въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится па попріи жизни со всею пылкостью первой молодости, со всею ея восторгомъ и готовностью принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія, есть корень всякаго зла. «Не просвѣщенію (сказано въ высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 года), но праздноствію ума, болѣе вредной, чѣмъ праздноствіе тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей лорывъ въ мечтательныя крайности, конкъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — погубель». Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстью русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлью и достояніемъ просвѣщенія; должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя над-

зору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаниями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной ираздности казармъ.

Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника.

Нечего колебаться, во чтѣ бы то ни стало, подавить воспитаніе частное. Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (наприм. прибавить годы утѣры оффицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ), уничтожить экзамены.

Покойный императоръ, удостовѣрившись въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ-нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она навесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣсняя все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслью промышленности для профессоровъ: Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли пробѣжать стороною. И такъ (съ такого года) молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая на службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, чтѣ и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Чтѣ касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ его опутать одними невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться этимъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ геттингескомъ университетѣ, не смотря на свои заблужденія

и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностью и умѣренностью правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній.

Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему поеннаго образованія и слѣдовательно состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуетъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Черезъ эту полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную вояхвную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослого человѣка за вину отрока — есть дѣло ужасное. И къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Семинаріи, разсадникъ всего сельскаго духовенства, находятся въ совершенномъ упадкѣ; но ихъ преобразование, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Въ гимназіяхъ, лицеехъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ 3-мя годами, обыкновенный кругъ ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

Предметы ученія, въ первые годы, не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакоже, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-ти-лѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляють общества, даже печатають свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ

идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Выстія политическія науки займутъ окончательные годы: преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ рассказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. — Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе односложное, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показывать разрыву духа народовъ, источника нужды и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесенаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря — честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію русскую должно преподавать по Карамзину. «Исторія Государства Россійскаго» есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству върою и правдою, имѣя цѣлью искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я-бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ, столь важномъ, каково есть народное воспитаніе; одно желаніе усердіемъ и искренностью оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить вѣтренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ Государя Императора, всенеподданнѣйше прошу Его Величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли, касательно предметовъ, болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

Михайловское, 15 ноября 1826 года.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛЕТОПИСЕЙ.

Tantae ne animis scholasticis irae!

Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму. — Постараемся изложить исторически все дѣло *sine ira et studio*.

Въ концѣ минувшаго года редакторъ «Вѣстника Европы», желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худовнивающей различіе между этими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости «Вѣстника Европы», сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ общалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ этотъ обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отънынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безилодныхъ. «Предполагаю работать самъ, говорилъ почтенный редакторъ: не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Эти позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, эта похвальная заботливость о русской литературѣ, эта скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было-бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора «Вѣстника Европы». Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтлыиикъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописанія, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго или даже разсужденіями о кунныхъ мордкахъ, но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его розысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого-нибудь стараго педанта, то неврстойныхъ криковъ пылаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное

вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ статьями, напыщенными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышать не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложеннаго поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на «Вѣстникъ Европы». Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ общаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20 книжкѣ «Московского Телеграфа» прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора «Вѣстника Европы». Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ, вѣроятно неумышленно, г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если-бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили-бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали-бы слушать его».

Странныя требованія! Въ лѣтахъ «Вѣстника Европы» уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сдѣлать, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемая г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно-ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но чтѣ сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы»? продолжаетъ г. Полевой: гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ подрузитъ свои знамена? гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя «Вѣстника Европы», не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель «Вѣстника Европы» засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе двадцати лѣтъ. Дивиться-ла, что теперь «Вѣстнику Европы» видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдъ звенящая?»

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатывавъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискавъ одлакомъ себѣ безсмертную славу, то чего-же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ

онъ примется за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго — но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ «Терезу и Фальдонн» — чтѣ за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № «Вѣстника Европы» слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почетнаго сотрудника, г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ):

«Здѣсь приличнымъ счтяю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики: а теперь не имѣю на то и права, предпринимая другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ-бы статьи Телеграфической, если-бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать оную. Р дръ».

Это загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? чтѣ значить игривый произволъ г. Бенигны? чтѣ такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донныи остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи).

Многочисленные почитатели «Вѣстника Европы» затрепетали, прочитавъ эти мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на чтѣ могло рѣшиться рыцарское негодование Міхаила Трофімовича. Къ счастью, скоро все объяснилось. Оскорбленный, какъ издатель «Вѣстника Европы», г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобой на цензора, пропустившаго статью г. Полевого.

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія опаго. Въ статьѣ г. Полевого личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель «Московского Телеграфа» не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ, пылкостью и неустранимостью его духа обнаружилось въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердце красворѣчіемъ сердца, и вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрыми и благотѣльными уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь-же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель «Московского Телеграфа» напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушные обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донинѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статей, ничего не произвелъ. Скучность, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Михаилъ Трофимовичъ вѣсколько разъ позволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статьяхъ, что онъ упрекалъ издателя «Телеграфа» виновнымъ его заведениемъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ уврекомъ повторялъ г. Полевою, что сей послѣдній—купецъ (другое, столь-же ужасное обвиненіе!), и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое вамъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и страствующій купецъ равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже даль однажды замѣтить неприличность сихъ аристо-

кратическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однако-жъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! и тутъ мы укоряли г. Полевого въ запальчивости и неуѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроенаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы припущденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать опытъ такъ, что свѣдѣнія Михаила Трофимовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежать уже никакому сомнѣнію.

Съ вѣтерпнѣмъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворяло снокойствіе въ области словесности и прекратило распрію миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ.

Статьи и замѣтки изъ „Литературной газеты“ 1830 г.

I. О НЕКРОЛОГІИ РАЕВСКАГО.

Въ концѣ вѣстекшаго года вышла на свѣтъ «Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевского», умершаго 16 сентября 1829 года. Это сжатое обзорѣе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличающееся благородной теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то-же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы неопытное улучшеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812 году... Отечество того не забыло.

II. О ВЫХОДѢ ИЛІАДЫ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные мимутными успѣхами, болѣею частью устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе,—съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

III. О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКѢ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что «Литературная газета» у насъ не можетъ существовать во весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если-бы это было справедливо, то мы не нуждались-бы и въ критикѣ; однакожъ произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненные по достоинству. Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректорожъ и проч.—«Очистите мѣсто для новой статьи моей», пишетъ сотрудникъ. «Съ удовольствіемъ!», отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. «Вотъ уже вамъ будетъ порохъ!» сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ издатель возражаетъ на это:

„Могущему пороку—брань,
Безвильному—презрѣніе“.

Эти семейственные шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покажутся не имѣють никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видное достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ этомъ отношеніи нравственные наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими Иванъ Выжигинъ), о которыхъ критика могла-бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ-же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ ожидаютъ еще египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безумныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.

IV. ОБЪ ИСТОРИИ РУССКАГО НАРОДА, ПОЛЕВОГО.

статья 1.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о которыхъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ «Исторіи Русскаго Народа», соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г - н у Нибуру, перво-

му историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ-ли Нибуръ быть благодаренъ Полевому за милостивое производство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ-ли тутъ, со стороны Полевого, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недобрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденного противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помирить его съ Полевымъ.

Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово я, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное я. Послушаемъ Полевого: «Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяють всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человечества, когда высокія промышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ,»... тогда—чтобы вы думали? — «я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго Народа»

Belle conclusion et digne l'exorde!

Далѣе: «Я не поколебался писать Исторію Россію послѣ Карамзина: утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра...» Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: «Она (картина Полевого) достойна вашего зора (Нибура)». Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько-же умѣють цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра». Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ него писано темнымъ, изысканнымъ слогаемъ, и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философическую статью о Русской Исторіи, напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ и разобранную съ такой оригинальной веселостью въ Славянинѣ.

Приемлемъ смѣлость замѣтить Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ начиналъ печатать Исторію Русскаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ-бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смреннѣе отзывался-бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе

были-бы всё готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ-бы отъ себя насканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, но есть подлость (какъ осмѣлился кто-то нанечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется только вѣтрепому невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хюсскимъ жителямъ дозволено было наказать всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофеогмами — хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единого важнаго происшествія, которыя не были-бы удовлетворительно развиты Карамзиннымъ. Гдѣ рассказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Правдивыя его размышленія, своею иническою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апофеогмы», говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ. «бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ». Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственного направленія повѣствованія къ какой-нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно рассказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы— другое, Полевой—никакого: во лѣтнемъ у о л а, какъ говорили наши предки.

Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII т. была еще недописана Карамзиннымъ, а начало ея, выѣстъ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: «Когда-же думалъ историкъ?»

На это отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностью принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже историкъ думалъ о той странницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу.

статья 2.

Дѣйствіе Вальтеръ Скотта оцутительно во всѣхъ отрасляхъ современной ему словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подъ влияніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри и принялъ ихъ образъ мѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодого неофита. Плѣваясь романтическою живостью истины, введенной передъ вами въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ Полевого, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываясь на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Русскаго Народа, на стараніи Полевого сохранить драгоценныя краски старины и частыхъ его заимствованій у лѣтописей. Но желавіе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторія Государства Россійскаго, такъ и рассказъ Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа.

Исторія Русскаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и правовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но, переходя къ описанію странъ, Россію нынѣ именующихъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, Полевой становится столь-же темевъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ и въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиннымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: «И такъ, мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...» между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желавіе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ Полевого въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большей частью несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампфа, то утверждаетъ и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Цереграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ-ли Олегъ съ собою сухопутное войско. «Гдѣ могли

пройти его дружины?» говорить Полевой, «не чрезъ Булгарію, по крайней мѣрѣ». Почему же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключѣ, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (символь хозяйства), какъ котель у казаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель. Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: милымъ ближникамъ, ссылаясь на сторѣвшій Троицкій списокъ. Полевой, признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено *ad libita librarii* милымъ и малымъ, подчеркиваетъ однакожъ слово *сторѣвшій*, читаетъ малымъ (малолѣтнимъ, младшимъ) и переводитъ: дальнимъ (дальнимъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что за мысль отдавать наследство дальнимъ родственникамъ мимо ближнихъ?

Первый томъ Исторіи Русскаго народа и писанъ съ удивительной опрометчивостью. Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу скандинава, что пѣснопѣнія скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ берсеркера и пр.; а черезъ три страницы Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы, что онъ ея не зналъ, что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Полевой не видитъ еще государства русскаго въ начальныхъ княженіяхъ скандинавскихъ витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ Полевой видитъ то образъ восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промachi, указанные въ «Московскомъ Вѣстникѣ», почти невѣроятны.

Полевой въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Maitre renard, peut-être, on vous croirait...

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слабая сторона Исторіи Русскаго народа. Невозможно отвергать у Полевого ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова—все обезображено, перепутано и затемено.

P.S. Высказавъ откровенно нашъ образъ мыслей на счетъ Исторіи Русскаго народа,

да, не можемъ умолчать о критикахъ, которыми она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ профессоромъ, напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи. Московскій Вѣстникъ... (*et tu autem, Brute!*) высказалъ свое мнѣніе на счетъ Полевого еще съ болѣе, непростительнѣйшимъ засвѣненіемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо издатель «Московского Вѣстника» доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ имъ. Ужели такъ трудно нашей братѣ, критикамъ, сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То-же-бы ты слово
Да не такъ-бы молвилъ.

ПРОГРАММА 3-й статьи *).

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.—Что были предводители?—Что былъ народъ?—Тѣлохранители.—Власть королевская.—Продажа вольности городомъ.—Парламенты.—*Vénalité des charges*.—Ришелье.—Сноры аристократіи съ парламентами.—Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе—система простая и сильная—было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденных, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по-своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для этого избирались болѣею частью вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Со временемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязанности между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріателемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдями, они созывали сеймы. Сеймы эти составляли сначала одни

*) Набросана въ Волдинѣ осенью 1830 г., но статья осталась не написанною.

знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано въслѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (*Maître du Palais*), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противопоставить новую силу дворянству, соединенную съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукой и не умѣли читать. Когда же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи эти грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а въслѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ права, пѣ-когда присвоенныя завоевателями. Сначала откупались рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли привилегіи. Въ послѣдствіи времени, короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общинамъ, и когда мало-по-малу народъ откупился, владѣльцы обѣдѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ...

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новыя, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Эта мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (*de la Magistrature*), и это сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ этой мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) Но скорѣ замѣтили, до какой степени эта мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришелье установилъ комиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законники возронтали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали, и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

Не смотря на то, что Исторія Русскаго Народа писана наобумъ, ошибки и промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно, не невѣжество Полевого (ибо онъ могъ бы ихъ избѣжать, давъ себѣ время

подумать и справиться), но только непростительную опрометчивость и поспѣшность. Прзрѣніе, съ какимъ Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но эта опрометчивость и необдуманность сильно повредили Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онъ поколебали, или и вовсе уничтожили, довѣренность, какую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію Русскаго Народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность розысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами. — Исторія Русскаго Народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собою связи по духу, въ которомъ она писана, и походить болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человекомъ и проникнутую единствомъ духа.

Не смотря на эти недостатки, Исторія Русскаго Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ (*NB*). Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хотъ и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ, недалекимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопрістойнѣе.

3) Самый рассказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее Полевому.

И томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи.

Полевой предчувствуетъ присутствіе истины, но не умѣетъ ее отыскать и вѣется около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но скорѣ желаніе приворочить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его семейственнымъ феодализмомъ) и въ этомъ феодализмѣ—средство задушить феодализмъ-же, полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи не было еще феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было ни-

какой силы (доказательство — нашествіе татаръ); что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія; но, напротивъ, ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ — частность, аристократія — общность.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія, княжеская, властвовала независимо, добывая великаго княжества.

Бояре жили въ городахъ, при дворѣ княжескомъ,

не укрѣпляя своихъ помѣстій,
не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
не враждуя притиву королей,
не продавая своей помощи городамъ;
они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но составляли союзы,
считались старшинствомъ,
крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирять.

Феодализма у насъ не было — п тѣмъ хуже.

Освобожденіе городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ — слабости враждующихъ князей. Феодализмъ могъ-бы, наконецъ, развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были-бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсыялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV. — Мѣсто феодализма заступила аристократія, и могущество ея въ междоусобицѣ возросло до высочайшей степени. Она была наследственная — отсель мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Оеодоръ, а Языковъ и меньшее дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Оеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Какое время силы нашего боярства? — Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами. — Когда пало боярство? — При Иоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться. — Были-ли дворянскія грамоты? — Мияивъ! — Было-ли зло мѣстничество?.. Вездѣ-ли существовало оно? Затѣмъ уничтожено было оно? И было-ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено? — Петръ.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говорятъ Полевой Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной исторіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима, — исторія новѣйшая есть исторія хри-

стіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Затѣмъ-же Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное мнѣніе XVIII столѣтія и призналъ концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи, — какъ будто самое распаденіе ея на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи — европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе я, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и расцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка, поймите-жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, введенныя Гизо изъ исторіи христіанскаго запада. Не говорите: иначе нельзя было бытъ. Коли было-бы это правда, то историкъ былъ-бы астрономъ и событія жизни человѣческой были-бы предсказаны въ календаряхъ, какъ затменія солнечныя. Но провидѣніе — не алгебра; умъ человѣческій, но простонародному выраженію — не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ вывести изъ него глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумѣйшихъ людей XVIII-го столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

V. О РОМАНѢ ЗАГОСКИНА: «ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКИЙ».

Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предрасудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, освѣненнымъ верьямъ, узпаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Camille, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, неуживучихъ мелочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности, а

сверхъ всего какъ мало жизни! Однакожъ сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому-ли, что люди, какъ утверждала madame de Stael, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить педѣтности романтическихъ анахронизмовъ? Потому-ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротой настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются «Юрія Милославскаго». Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шпши—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуется, какъ должно было дѣйствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истинны, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кириша, Алексѣя Бурнаша, Оедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батюки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе Загоскина замѣтно измѣняется ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма. Напр. новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ человека знатнаго рода (мужа чести, какъ говорятъ лѣтописцы); охотиться, вмѣсто: ѣздить на охоту; пользоваться, вмѣсто: лечить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурного общества. Быть въ отвѣтъ, значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторые пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слова не выкинешь, вмѣсто: изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слова не выкинешь, не испортишь склада; сказка—дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № «Московского Вѣстника» нынѣшняго года, не могутъ повредить блистательному, вполне заслуженному успѣху «Юрія Милославскаго».

VI. О ЗАПИСКАХЪ САМСОНА.

Французскіе журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Самсона, парижскаго палача. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній.

Послѣ соблазнительныхъ исповѣдей философіи XVIII вѣка, явился политическій, не менѣе соблазнительный откровеніи. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафроктѣ: мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надобно, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Геприеты Видьонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клеймецаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Незавидуемъ людямъ, которые, основавъ свои расчѣты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся-же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостью, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ парижскаго палача. Посмотримъ, чтѣ есть общаго между нимъ и живыми людьми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснить онъ свои мысли? Чтѣ скажетъ намъ сіе твореніе, влушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? чтѣ скажетъ намъ сей человекъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ, и славныхъ, и неизвѣстныхъ, и священныхъ, и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ онѣ—его минутныя знакомцы—чредой пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый филляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои—и царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордѣ, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Вертонъ, и лекаръ Кастень, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И насытивъ жестоко наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго историка.

VII. О РАЗГОВОРѢ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ, ФОНВИЗИНА.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъяснили сомнѣніе: точно-ли «Разговоръ у княгини Халдиной», напечатанный въ 3-мъ № «Литературной Газеты», есть сочиненіе Фонвизина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности оного; во-вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца «Недоросля» и «Бригадыра»: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонвизина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ «Разговорѣ». Статья сія замѣчательна не только, какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову *тн*, онъ ей также. Она бравитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?» — «Да вѣдь стыдно, В. С.» отвѣчаетъ служанка. «Глуха, радость», возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы вѣ тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, варисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во время чтенія зачитаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги — и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безучастности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты — и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія — и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяточбрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравосмыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хотъ въ немъ и менѣе педантизма. Прочитавъ «Разговоръ» у княгини Халдиной», пожалѣешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

VIII. О СТАТЬЯХЪ КН. ВЯЗЕМСКАГО.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго посятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашавшись съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (*discussion*) и ловкостью самаго софизма. Эпиграмматическіе-же разборы его мо-

гутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они-же всегда преступаютъ черту литературныхъ прерій и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно-ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алету поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть-ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служатъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего посятъ на себѣ печатъ ума свѣтскаго и тонкаго знанія общечитія.

IX. О КАРРИКАТУРѢ ВЪ АНГЛІИ.

Англія есть отечество каррикатуры и пародій. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное усиломъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ Скотту показывали однажды стихи, будто-бы имъ сочиненные. «Стихи, кажется, мои,» отвѣчалъ онъ, смѣясь: я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!» — Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Этотъ родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва-ли и однимъ. Впрочемъ и у насъ есть очень удачный опытъ: Полевой очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри.

X. ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ ОБЪ ИЛІАДѢ.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ «Иліадѣ», напечатанное во 2-мъ № «Литературной Газеты», и говорятъ, что это воззваніе на счетъ(?) труда г-на Гибдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ «Литературной Газетѣ» сказано: «Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность»; а что въ пре-

дисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гекзаметры барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшывая къ нимъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, болѣе частью столь-же несправедливыхъ, какъ и неблагопрістойныхъ. Объявленіе о переводѣ «Іліады» писано мною и напечатано во время отсутствія барона Дельвига. Принужденнымъ пахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія; но, какъ-бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта барона Дельвига, похваливъ произведенія музыкаго. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху русской литературы *).

*) Ужели переводъ «Іліады» столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если-же вѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе? А. П.

ХІ. О ГЕКСАМЕТРАХЪ МЕРЗЛЯКОВА.

Въ третьемъ номерѣ «Московского Вѣстника» на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: «Въ предисловіи въ переводу Іліады, которымъ подарилъ русскую словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковского и Дельвига—и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимая, что значить такое упущеніе, и въ слѣдующемъ номерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истинны нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку русской словесности». Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Іліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два писателя, которыхъ стихи правятся переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ какъ мы, или еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ «Московскомъ Вѣстникѣ», зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ—всправедливо. Тѣмъ не менѣе ожидали мы четвертаго номера сего журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе обь оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три не-

брежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ и читали въ «Трудахъ московскаго общества любителей словесности» его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвъ чій. Наконецъ желанный номеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертациі о старикѣ Гомерѣ мы прочли, что «честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и въ некоторыхъ оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго переложенія Іліады». Признаемся, къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія Мерзлякова; на переводъ-же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ перевелъ разнѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій складывать стихи, увидитъ, что упомянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопными, то пятистопными, и даже есть оди́въ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать, и хвалить въ нашихъ журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года укоряли барона Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой столѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Баронъ Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что, не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горация, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Іліады—начало пѣсни VIII-й. единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха—Гимнъ Аполлону; изъ идилліи Мосха—Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній—Дафна, и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства вначалѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то эти пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Мосха и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ русскихъ переводчиковъ съ древнихъ чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе путать надъ искусствомъ и своими читателями.

ХІІ. О ЗАПИСКАХЪ ВИДОКА.

Въ одномъ изъ номеровъ «Литературной Газеты» упоминали о «Запискахъ парижскаго пала-

ча»; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣ отвратительное, не менѣ любовитное.

Представьте себѣ человека безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, жеватаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему знанію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь-же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потому вообразите себѣ, если можете, чтѣ должны быть нравственныя сочиненія такого человека.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патриотомъ, кореннымъ французомъ (*un bon français*), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое-нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодование честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьи (*officiers à la demi-solde*). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человекъ услужливый, дѣлоной). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошихъ обществахъ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по расчету: сужденія Видока о Казимирѣ-де-ла-Винѣ, о В. Константѣ должны быть любовитны именно по своей нелѣпости.

Кто-бы могъ повѣрить? Видокъ честолобивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагоклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку), о благородствѣ чувствъ и независимости миѣній; раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но и въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіова Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ли господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна-ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

ХІІІ. О ЛИЧНОСТЯХЪ ВЪ КРИТИКѢ.

Требуешь-ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то поэтомъ или прозаикомъ? Конечно нѣтъ; но журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому-бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ, такія извѣщенія излагаются иногда съ нѣкоторою дипломатической важностью. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: «Она не блещетъ именами знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть-ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ». Эти господа «мы» другъ друга вѣрно понимаютъ, но до вѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь печего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человекомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ, всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й—авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю—читать скучно; 4-я—старая пѣсня; въ 5-й—надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьеиъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я—перепечатана; 7-я—тоже, и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доходятъ личности! Ужели названія порядочнаго и здравого мыслящаго человека лишились въ наше время цѣны своей?

ХІV. О НЕБЛАГОВИДНОСТИ НАПАДОКЪ НА ДВОРЯНСТВО.

Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ неблагоклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературной извѣстностью. Французская чернь кричала когда-то: *les aristocrates à la lanterne!* Замѣчательно, что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Пораженіе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, какется, ни въ чемъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскіе легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія не способенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать

университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаниемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоприятно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отъѣнно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
 П ядомъ вынгъ его смертельнымъ обливаеъ.
 «Убійца! онъ вскричалъ: за что погиб-
 нуль я?»

— Ты свѣтъ! — отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, — и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму (Баратынского), помѣщенную въ 32-мъ № «Литературной Газеты»:

«Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
 Затѣмъ онъ такъ не терпѣть знатъ?»
 —Зачѣмъ, что онъ не дворянинъ.—
 «Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!
 Но почему чужая слава
 Его такъ бѣситъ?» — Потому,
 Что славы хочется ему.
 А ва нее Богъ не далъ права;
 Что не хвалилъ его никто,
 Что плоскій авторъ онъ — «Вотъ что!»»

ХV. ВЫХОДКАХЪ ПРОТИВЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ.

Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи столь-же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто-бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ помянуто Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то это доказываетъ только, что дворянство наше (не въ пріятѣ прочая) грамотное: этому смѣяться нечего. Если-же-бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было-бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками, изъ опасенія шутокъ Полевого, Греча и Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шуточки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которые, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи

сравнивать съ нашими невозможно) подготовили крики: «аристократовъ къ фонарю», и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «повѣсимъ ихъ, повѣсимъ». Avis au lecteur.

ХVI. РАЗГОВОРЪ.

А: Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?

Б: Читалъ.

А: Какъ-же ты его находишь?

Б: Довольно неумѣстнымъ.

А: Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!...

Б: Согласенъ.

А: Русскіе журналисты не заслуживали такого презрительнаго сравненія.

Б: А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А: Какъ такъ?

Б: Я было тебя не понималъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ «Газетѣ») съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя — а между тѣмъ сравниваютъ.

А: Да помилуй: эти французскіе писатели — такіе люди, Боже упаси! Посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б: Да кто-же эти французскіе писатели, о которыхъ упомянуто въ «Литературной Газетѣ»?

А: А я почему знаю?

Б: Такъ я-же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, тьердый Шамфоръ и другіе столь-же умные, какъ и честные люди, не безпріятельные гении, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А: Зачѣмъ-же они обруганы въ «Литературной Газетѣ»?

Б: То-то и я говорю.

А: Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: «повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!» и «аристократовъ къ фонарю!»

Б: Извини, братъ. Опять-было тебя не понималъ. Этого въ «Газетѣ» не сказано.

А: Какъ не сказано? Пойди, она при мнѣ (вынимаетъ изъ кармана «Газету»). А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ приутожили крики etc. Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы приутожили французскую революцію.

Б: О французской революціи «Литературная Газета» молчитъ — и хорошо дѣлаетъ.

А: Помилуй! да посмотри — les aristocrates à la lanterne, повѣсить, ça ira, и т. д.

Б: И ты тутъ видишь французскую революцію?

А: А ты что тут видишь, если смѣю спросить?

Б: Крики бѣшеной черни.

А: А что значили эти крики?

Б: Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А: Вотъ я тебя понималъ; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б: Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ей представлено сословіемъ презрѣннымъ и непамятливомъ.

А: Слѣдовательно и я правъ. Въ крикъ: *les aristocrates à la lanterne* ися революція.

Б: Ты не правъ. Въ крикъ: *les aristocrates à la lanterne*—одинъ жалкій эпизодъ французской революціи,—гадкая фарса въ огромной драмѣ.

А: И честные и добрые писатели были тому причиною? Но если и въ самомъ дѣлѣ, то ужъ конечно неумышленно!

Б: Вѣроятно.

А: А ргорос, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б: Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

А: Итакъ, *revenons à nos moutons*, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей приготовили крики: *les aristocrates à la lanterne*?

Б: Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе «Литературной Газеты».

А: А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б: Экій лукавый! заманиваетъ меня опять въ политикѣ: не узнаешь.

А: И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б: Нѣтъ.

А: Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ-ли ты, какъ отдѣлала «Пчела» всю «Литературную Газету», издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б: Нѣтъ еще.

А: Такъ прочти-же (даетъ ему журналъ).

Б: Что значать эти точки?

А: Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б: (Отдавая журналъ). Жаль: въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ—нѣтъ.

А: Вотъ тебѣ еще что-то (даетъ другой журналъ).

Б: (Прочитавъ). Тутъ и ругательства есть, а смысла, все-таки, не болѣе.

А: Такъ, видно, ты стоишь за «Литературную Газету». Давно-ли ты сдѣлался аристократомъ?

Б: Какъ аристократомъ? Что такое аристократъ?

А: Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь-ли: издатель «Литературной Газеты» и сотрудники его, и

читатели его—всѣ аристократы (разумѣется, въ проницескомъ смыслѣ).

Б: Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне-ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр.—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступаясь за грамотное купечество въ лицѣ Полевого, они сдѣлали хорошо; заступаясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А: Это замѣчаніе должно повредить невиннымъ.

Б: Что ты шутишь, или ты самъ невинный? Кто-же эти невинные?

А: Какъ кто? издатели «Сѣверной Пчелы».

Б: Такъ успокойся-же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей «Сѣверной Пчелы» слишкомъ хорошо извѣстенъ, и «Литературная Газета» повредить имъ не можетъ, а Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть безопасенъ.

А: Что значить: *avis au lecteur*? Къ кому это относится?... Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю—не къ цензурѣ-ли?

Б: Да хоть-бы и къ цензурѣ—что за бѣда? Ужъ если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападений злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ, потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое,—пехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по большей части составляющее нашу знать. истинную, богатую, могущественную аристократію. *Pas si bête!* Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ ними (и еще въ официальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно. Положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей приготовили крики: *les aristocrates à la lanterne*. У насъ таковыя-же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть по-

слѣдствія еще нагубитѣйшія... Подумай о томъ, что значить у насъ это дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А: Кажется, ты правъ. Но почему-же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою рѣзкостью за «Сѣверную Пчелу»?

Б: Потому что свой своему поневолѣ братья.

А: Отчего-же замѣчаніе «Газеты» показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ, самымъ благомыслящимъ и благороднымъ?

Б: Потому что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарокомъ пастушивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія. или произведенія. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты политикой занимаешься, и это тебѣ понятно, не правда-ли? Демократическіе журналы, напавъ на дворянство...

А: Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный!

Б: Какъ-же ты прикажешь назвать журналы, обвинившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все таки они демократическіе журналы. Итакъ, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ «Газетѣ». Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость.

А: Знаешь-ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты», чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б: И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого-бы они впрочемъ ни происходили.

XVII. АНЕКДОТЪ О БАЙРОНѢ.

Горестно видѣть, что нѣкоторые критики выѣщиваютъ въ мелочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому-либо пзвѣстному писателю намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріяни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ это хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своеправному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставить на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни одѣвая своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивиадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; стран-

ныя поговорки, прыжки и увертки Суворова въ живой еще памяти у всѣхъ русскихъ.

Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непопулярномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріатели знаменитаго поэта, женщины, жесваты-методисты и нѣкоторые благосклонные журналисты безъ умолку такъ о немъ трубили, а одинъ пріятель или увѣнчанный поэтъ (Southey, poète lauréat) назвалъ его поэзію сатанинскою. — На первыя три обвиненія служатъ отвѣтомъ: скорбь благороднаго поэта послѣ развода съ своеправной его супругой и разлуки съ дочерью, неоднократно имъ взяшенная въ разговорѣ съ друзьями и въ письмахъ, выражаемая съ необыкновеннымъ чувствомъ въ прекрасной его элегій: «Прости» и въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ стансахъ Чайльдъ-Гарольда; безкорыстныя его пожертвованія въ пользу грековъ и даже въ пользу ложныхъ друзей и неблагодарныхъ книгопродавцевъ; благотворенія, оказанныя имъ разнымъ лицамъ въ Италіи и въ Турціи: постоянная его дружба съ Шеллеемъ, Гоббоузомъ и примиреннымъ Т. Муромъ; наконецъ благородѣйшая и чистѣйшая жертва, принесенная имъ страждущему человечеству: смерть его въ стѣпахъ осажденной Миссолунги. — Последнее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ отчасти самъ отразилъ въ отвѣтѣ своемъ помянутому увѣнчанному поэту. Но вотъ еще анекдотъ, узанный уже по смерти Байрона и служащій свидѣтельствомъ въ защиту его отъ злонамѣренныхъ обвинителей. Анекдотъ сей, кажется, нигдѣ еще не былъ помѣщенъ въ русскомъ переводѣ.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоценность на лентѣ. Канитанъ Медуннъ думалъ, что это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный ориенталистъ. Гаммеръ, напечаталъ въ одной нѣмецкой газетѣ, что это былъ восточный амулетъ. «Сей амулетъ, говоритъ Гаммеръ, состоитъ изъ лоскутка бумаги, даннаго какимъ-то дервишемъ: это списокъ съ условія, заключеннаго (по мѣнью магометанъ) между царемъ Соломономъ и дьяволомъ, въ силу котораго сатана обязался не дѣлать никакого зла человѣку, который будетъ носить при себѣ рукописаніе, содержащее пять молитвъ: Адама, Ноя, Іова, Іоны и Авраама». Догадки того и другого опровергаются слѣдующимъ повѣствованіемъ.

Во время пребыванія лорда Байрона въ Аѣнахъ (въ первое его путешествіе), онъ поселилъ великую къ себѣ пріязнь въ одномъ монахѣ францисканскаго монастыря, гдѣ Байронъ остановился на жительство. Монахъ сей назывался отцомъ Бернардомъ. Когда освобожденіе Греціи манило Байрона исторгнуться изъ роскошной и веселой Италіи, тогда, рѣшась

на славный свой подвигъ, рассказывалъ онъ однажды друзьямъ своимъ объ этомъ монахѣ. «Странное дѣло, говорилъ Байронъ: отецъ Бернардь, отдавая мнѣ Христа, котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: ты будешь защитникомъ христіанъ, ты возвратишься въ Грецію и станешь за правое дѣло вѣрныхъ... но я не буду обрадованъ свиданіемъ съ тобою: боюсь, что ты не дойдешь до Аѳинъ».—Лордъ Байронъ по сихъ словахъ погрузился въ глубокую задумчивость, которой никто не осмѣлился нарушить, ибо всѣ привыкли видѣть, что онъ бывалъ иногда молчаливъ и какъ-бы одинокъ между людьми, когда какая-либо важная или печальная мысль приходила къ нему, и даже въ серединѣ разговора. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Едва повѣрять, что я ни въ какомъ случаѣ не могъ разстаться съ этимъ крестомъ; однако-жъ это сушая правда. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію: этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память пріоромъ францискановъ, живущимъ въ Діогеновой башнѣ, въ Аѳинахъ. Предобрый этотъ монахъ очень любилъ меня; когда онъ узналъ, что я готовился къ отъѣзду, то крайне опечалился.—«Не забывайте меня, милордъ, сказалъ онъ, прощаясь со мною: выберите изъ всѣхъ моихъ скудныхъ пожитковъ то, что вамъ понравится, и берегите на память объ отцѣ Бернардѣ».—Я указалъ рукою на распятіе, бывшее на немъ, и спросилъ, не отдастъ-ли онъ мнѣ его. Добрый пріоръ такъ былъ обрадованъ моимъ выборомъ, что слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ былъ человѣкъ истинно вѣрующій. Съ тѣхъ поръ я ни на минуту не покидалъ сего распятія. Скажу вамъ даже, что однажды, когда мнѣ показалось, будто-бы я потерялъ его, я былъ самъ не свой: меня это мучило... И вотъ, наконецъ, предсказаніе отца Бернарда сбывается; мнѣ должно ѣхать въ Грецію...» и проч.

Анекдотъ сей находится въ одной любопытной книгѣ о лордѣ Байронѣ, изданной въ Лондонѣ г-мъ де-Сальво, который присовокупляетъ, что распятіе сіе отыскано по кончинѣ благороднаго лорда въ его портфель, лежавшемъ подлѣ его смертнаго одра. Князь Маврокордато отослалъ оное къ наслѣдникамъ Байрона, вмѣстѣ съ его альбомомъ и бумагамъ. Оно теперь въ рукахъ Робгоуза.—Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все-таки видно, что вѣра внутренняя превѣшывала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенра-

віемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной.

АЛЬМАНАШНИКЪ.

С Д Е Н Ы.

I.

Альманашиникъ: Господи, Боже мой! Вотъ уже четвертый мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ—я-жъ отставной—того и гляди, въ яму посадятъ.

Пріятель: А по какой части собираешься служить?

Альманашиникъ: По какой части? Господи, Боже мой? Да развѣ я не русскій человѣкъ? Я на все гожусь. Разумѣется, хотѣлось-бы мнѣ мѣстечко потеплѣе, но дѣло до петли доходить, теперь я и всякому радъ.

Пріятель: Неужто у тебя нѣтъ таки ни единого благодѣтеля?

Альманашиникъ: Благодѣтеля! Господи, Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидятъ: всѣ обо мнѣ хлопчутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ, а я все-таки безъ куска хлѣба.

Пріятель: Служба тебѣ, знать, не дается. Возьмись-ка за что-нибудь другое.

Альманашиникъ: А за чтѣ прикажешь?

Пріятель: Напрямѣръ, за литературу.

Альманашиникъ: За литературу? Господи, Боже мой! Въ сорокъ три года начать свое литературное поприще!

Пріятель: Чтѣ за бѣда? А Руссо?

Альманашиникъ: Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ: онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. Да къ тому-же онъ былъ человѣкъ ученый, а я учился въ Московскомъ университетѣ.

Пріятель: Чтѣ за бѣда? Затѣвай журналъ.

Альманашиникъ: Журналъ? а кто-же поднимется?

Пріятель: Мало-ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

Альманашиникъ: Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорить—деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ тридцати пяти рублей?

Пріятель: Ну, такъ пиши Выжигина.

Альманашиникъ: Господи, Боже мой! написать Выжигина не шутка; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣсяца отхватаю четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покажѣсть успѣю съ голоду околѣть.

Пріятель: Знаешь-ли что? Издай альманахъ.

Альманашиникъ: Какъ такъ?

Пріятель: Вотъ какъ: выступи у нашихъ литераторовъ по нѣскольку пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

Альманашиникъ: Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ Господъ не знакомъ.

Пріятель: Что пужды? Ступай себѣ къ нимъ; скажи, что ты юный питомецъ музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издать альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

Альманашиникъ: А что ты думаешь? Ей-Богу, съ отчаянія готовъ и на альманахъ.

Пріятель: Совѣтую дѣла не откладывать.

Альманашиникъ: Сегодня-же начну свои визиты.

Пріятель: И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II.

Кабинетъ стихотворца. Все въ большомъ безпорядкѣ. Посрединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ (гремя стаканчикомъ): Я въ рукѣ.... Sept à la main.... neuf.... saccédieu.... neuf et sept.... neuf.... мое! кто держитъ?

Гость: Экое счастье! Держу.

Стихотворецъ: Sept à la main.... (про себя): Это кто?

Альманашиникъ (входитъ и къ одному изъ гостей): Я давно желалъ имѣть счастье представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія.... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Гость: Вы ошибаетесь—я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашиникъ: Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ: Помилуйте!... Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться.... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашиникъ: Извините—вы заняты—я вамъ помѣшалъ...

Стихотворецъ: О, нѣтъ... мы будемъ продолжать.... Sept à la main.... trois крепсъ... Какое несчастье! (Передаетъ кости).

Гость: Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ: Держу. (Играютъ). Что за несчастье! (Смотритъ косо на альманашиника).

Альманашиникъ: Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать альманахъ... Я надѣюсь, что вы...

Стихотворецъ: Пятую руку проходить—и всегда я попадусь... Вы издаете альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?... Прощай!... я болѣе не держу.

Альманашиникъ: «Восточная звѣзда». Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоценными...

Стихотворецъ (беретъ стаканчикъ): Позвольте!.. сто рублей à prendre... Sept à la main... крепсъ... Это удивительно! Первой руки пройти не могу (плюетъ и вертитъ стулъ). Несчастный альманашиникъ! онъ мнѣ принесъ несчастье!

Альманашиникъ: Надѣюсь, что вы не откажете украсить мой альманахъ своими драгоценнѣйшими произведеніями.

Стихотворецъ: Ей-Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, альманашиниками.... Держу все.... Что? Прощай опять; это непостижимо! Проклятый альманашиникъ!

Альманашиникъ (вставая): Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьеска...

Стихотворецъ (провожая его до дверей): Отыщу непременно и буду имѣть счастье вамъ доставить.

Альманашиникъ: Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти...

Стихотворецъ (выпроваживъ его): Насилу отвызался... Экое дьявольское ремесло!

Гость: Чье? Твое или его?

Стихотворецъ: Ужъ вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ альманахъ, чтобы другой обругалъ ихъ въ журналъ... Жена и дѣти! Чортъ-бы его взялъ. Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ—альманашиниковъ не пускать.

Слуга: Да кто ихъ знаетъ, альманашиниковъ, нѣтъ-ли?

Стихотворецъ: Дуракъ! Это по лицу видно... Я въ рукѣ... Sept à la main... (Играютъ).

III.

Харчевня. Безстыдникъ (журналистъ) и Альманашиникъ обѣдаютъ.

Безстыдникъ: Гей, водки!

Альманашиникъ: Денятая рюмка!... И я за все плачу, а что толку?

Безстыдникъ: Увидишь, какъ пойдетъ нашъ альманахъ. Съ моей стороны дамъ тридцать четыре стихотворенія; подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другими—Е. В., подъ пятью еще—Б. П. В., остальные пушу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь... Лихое «Обозрѣніе словесности», гдѣ славно обруганы знаменитые писатели, наши аристократы—знаешь?

Альманашиникъ: Никакъ-нѣтъ-съ, не знаю...

Безстыдникъ: Не знаешь? О, да видно ты журнала моего не читаешь... Вотъ видишь-ли: аристократами... разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ... называются тѣ писатели, которые съ нами не знаютъ, полагаа, вѣроятно, что наше общество незавидное... Мы-было сперва того и

не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились. и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ наповаль... Теперь понимаешь?

Альманашиникъ: Понимаю.

Безстыдникъ: Водки!.. Эти аристократы... разумеется, говорю въ проницескомъ смыслѣ... вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ-бы я посмотрѣть, кто меня не впустить... Чѣмъ я хуже другого? Ты смотришь на мое платье...

Альманашиникъ: Никакъ-нѣтъ, ей-Богу...

Безстыдникъ: Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому-же, я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это—моя слабость... Если-бы ты видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я французскую кадрили танцую (Встаетъ, шатаясь, танцуетъ). Каково?

Альманашиникъ: Прекрасно. (Безстыдникъ зацѣпляетъ стакавъ и роняетъ его). Боже мой! стакавъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на счетъ—и еще гравеней!

Безстыдникъ: Какъ на счетъ? Его склеять, вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

Альманашиникъ: (Расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку.—Онъ на ногахъ не стоитъ). Такъ и быть—взять извозчика...

Безстыдникъ: Сдѣлай одолженіе.. посади меня верхомъ... и самъ садись поперекъ... да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... это—моя слабость.

Альманашиникъ: И вотъ моя послѣдняя опора!.. Господи, Боже мой.

IV.

(Альманашиникъ въ передней сочинителя.)

Альманашиникъ: Можно видѣть барина?

Слуга: Никакъ-нѣтъ, онъ почиваетъ.

Альманашиникъ: Какъ, въ 12 часовъ?

Слуга: Онъ возвратился съ балу въ шестомъ часу.

Альманашиникъ: Да когда-же его можно застать?

Слуга: Да почти никогда.

Альманашиникъ: Когда-же вашъ баринъ сочиняетъ?

Слуга: Не могу знать.

Альманашиникъ: Экое несчастіе! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь-ли ты какого-нибудь сочинителя?..

1830 г.

ДѢТСКІЯ СКАЗОЧКИ.

МАЛЕНЬКІЙ ЛЖЕЦЪ.

(П. П. Свѣцкій).

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобы не солгать. Папенка въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ усакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителя находится поваренокъ — астрономъ, форрейторъ—историкъ, и что птичникъ-Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались, и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

II. ИСПРАВЛЕННЫЙ ЗАБІЯКА.

(Н. П. Надеждинъ).

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалуни. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо нихъ порядочный человекъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: «пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскаль, писака, безбожникъ!»—и кидаль въ него грязью. Однажды, степенный человекъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихорь, больно побилъ его тросточкой. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: «подѣломъ тебѣ, негодяй: дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя». Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился.

III. ВѢТРЕННЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

(Н. А. Полевой).

Алеша былъ очень неглупый мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда учитель ему за это выговаривалъ, то онъ старался оправдаться разными увертками. Когда учитель бранилъ его за французскія и нѣмецкія вокабулы, то онъ отвѣчалъ, что онъ русскій и что онъ уже знаетъ Шеллинга, Фихте, Кюпера, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, а русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться потому, что недоволенъ былъ изданною для народныхъ училищъ и ожидалъ новой, философической, хотя логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостой-

ною наших просвѣщенныхъ временъ. Что-же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ, Алеша прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи падъ имъ смѣялись.

1830 г.

БАРАТЫНСКІЙ.

Пора занять Баратынскому на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навѣкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ оного, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титуломъ генія за гладкіе стихи и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени челоѣчества; вѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ перемонъ съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность певинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ мевѣ пользуется обычной благосклонностью журналовъ—оттого-ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность мевѣ дѣйствуютъ на толпу, нежели превеличеніе (exagération) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смѣренной. Какъ-бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упомяная уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія, столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очерковъ характеровъ, легка, но мастерски означенныхъ, появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Какъ отозвался «Московский Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю объ всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Валь» (напечатанная въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ») подтверждаетъ наше мнѣніе. Это блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красокъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и

поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый сопатоге, шпроко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія укоризны; напрасно онъ съ привужденной холодностью говорить о смерти Нивы, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нива. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и—никогда вполне не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранять надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Перечтите его «Эду» (которую критики наши нашли ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій),—перечтите сію простую восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпримчиваго о болѣстителя. Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безцѣчно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ: Эда уже не ребенокъ... Какая роскошная черта, какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслить. Онъ былъ-бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣмъ наизусть и столь неудачно помнутаго подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили-бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были вѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почестъ самое это совершенство: самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и средны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произве-

деніяхъ узнають собственныя чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растеть, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣснь его уже не тѣ, а читатели все тѣ-же и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творить для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтъ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а болѣею частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагоклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; эти мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадяи правителей русскаго Парнасса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но онъ не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить нюгда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было-бы жалъ, если-бъ онѣ не существовали.

Эта безпечность къ судьбѣ своихъ произведеній, это неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журнальщикамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами благодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тапился онъ по пятнамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосы: онъ шелъ своею до-

рою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

1830 г.

ПРИМѢЧАНІЕ ПУШКИНА.

Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской пѣтлн: «Un bon mot de deux rimes opposées», скоро старѣеть и, живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль приѣмлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и, улыбувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее какъ произведеніе искусства.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ

или ОПРАВДАВАННЫЙ АЛЕКСАНДРЪ АНОНИМОВИЧЪ ОГЛОВЪ.

In arenam cum aequalibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно признавалъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего «Дмитрія Самозванца»; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою «Поѣздку въ Германію»; Ѳаддей Венедиктовичъ написалъ для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловіе; Николай Ивановичъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почтая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 «Телескопа», заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностью. Онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» (№ 27) статью, которая, конечно, заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. (с. 65).

2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго (с. 65).

3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему неприятелю съ крестомъ и святою водою (с. 65).

4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треуголь-

ной шляпѣ, со шляпою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ (с. 65).

5) что пословица: *vox populi—vox Dei* есть пословица латинская и что ова есть истинная причина французской революціи (с. 65).

6) Что «Иванъ Выжигинъ» не есть произведение образцовое, но, относительно, явленіе приятное и полезное (с. 65).

7) Что Оаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его (Николая Ивановича) не посылать къ нему вздоръ (с. 65).

И что слѣдственно: О. В. Булгаринъ своими талантами и трудами приносить честь своимъ согражданамъ: что и доказать надлежало!

Противъ этого печего и говорить: мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько-же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій

Но дружба (сіе священное чувство) слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

«Тамъ (въ № 9 «Телескопа») взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ».

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: «у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ». Куда дѣвалась ваша умѣренность, званіе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки—и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!... Какой-то А. Орловъ!»... Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ рѣшился бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живого автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ—Александръ Аноимовичъ Орловъ—живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ: онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!...» Произведенія Александра Аноимовича, раздѣляющаго съ Оаддеемъ Венедиктовичемъ любовь русской публики, названы: глупѣйшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать

всякаго ему вздору, но оскорбительная для всей читающей публики!

«Глупѣйшія книжонки!...» Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете-ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе пяти тысячъ экземпляровъ сихъ глупѣйшихъ книжонкъ разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г. Булгарица; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ? Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

«Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки!...

Въ Москвѣ; да, въ Москвѣ!... Что-же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противъ первопрестольнаго града?... Не въ первый разъ замѣтили мы эту страшную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы». Больно для русскаго сердца слушать таковыя отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброда.

Москва донинѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ: *ubi bene—ibi patria*, для коихъ все равно: бѣгать-ли имъ подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское—были-бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась петербургская литература?... Г. Булгариннымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія Орлова ставятъ московскаго романиста если не выше, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Оаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Аноимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками «Сына Отечества», постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности...

Оаддей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Аноимовича плѣнительною щеголеватостью выраженій; Александръ Аноимовичъ беретъ преимущество надъ Оаддеемъ Венедиктовичемъ живостью и острою разсказа.

Романы Оаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказываютъ большое терпѣніе² въ авторѣ (и требуютъ еще большаго терпѣнія въ читателѣ); повѣсти Александра Аноимовича

болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Оаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; Александръ Аноимовичъ болѣе поэтъ.

Оаддей Венедиктовичъ гений, ибо изобрѣлъ имя Выжигина и симъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстд ралу и Англійскому Милороду; Александръ Аноимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Булгарина и извлекъ изъ оного безконечно разнообразныя эффекты!

Оаддей Венедиктовичъ, кажется намъ, немного однообразенъ, ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ: Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки и нравственныя статейки—все сбивается на тотъ-же самый предметъ. Александръ Аноимовичъ удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цѣлѣвъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности! Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ-бы Соколъ, да Курица его съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца, и проч. и проч.

Однако-же безпристрастіе требуетъ, чтобы мы указали сторону, съ коей Оаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели, что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ, сколь непохвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—Ножевымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопухинымъ, Дмитрія Самозванца—Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ—Княжною Шлюхиной; за то и лица эти представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи г. Орловъ рѣшительно уступаетъ г-ну Булгарину. Впрочемъ самыя пламенные почитатели Оаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, искусственную назидательность; а самыя ревностныя поклонники Александра Аноимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую однакожъ порывами гения.

Со всѣмъ тѣмъ Александръ Аноимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Оаддей Венедиктовичъ. Что-же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотли-

вость Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ «Сѣверномъ Архивѣ». «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ Иванъ Выжигинъ явился—и «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела» превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать: многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ номерѣ «Сѣвернаго Архива», «Сына Отечества» и «Сѣв. Пчелы». Эти усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнливыхъ читателей; угрожали мести недоброжелателямъ, недочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ, какія вспомогательныя средства употреблялъ Александръ Аноимовичъ Орловъ?

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унижительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и т. п.

Но обезоружилъ-ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Ни мало. Вотъ какъ отзывались о немъ его собратья:

«Авторъ вышеисчисленныхъ твореній сильно штурмуетъ нашу бѣдную русскую литературу и хочетъ разрушить русскій Парнасъ не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ издателей, которые щедро платятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано въ Недорослѣ: «убояся бездны премудрости, всіяте обратилси». Знаменитое глубочное произведеніе: мыши kota хоропятъ или небылицы въ лицахъ есть Илиада въ сравненіи съ твореніями г. Орлова, а Бова Королевичъ—герой, до котораго не позвысился еще почтенный авторъ... Державинъ есть у насъ а л ѣ ф а, а г. Орловъ—о м е г а въ литерату-

турѣ, то есть, послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ существъ, и потому заслуживаетъ вниманіе, какъ все необыкновенное³. Языкъ его, изложеніе и завязка могутъ сравняться только съ отвратительными картинами, которыми наполнены эти чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли-бы свѣта, и ни одинъ изъ петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся-бы ихъ издавать. По какому праву г. Орловъ вздумалъ наречь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ-же названіемъ?... Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на русскомъ языкѣ.—Да здравствуетъ московское книгопечатаніе!» («Сѣв. Пчела» 1831 г., № 46).

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву: но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Аноимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по двадцати рублей... Что-же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что, получивъ двадцать рублей, доставилъ онъ другому двѣ тысячи выгоды⁴, между тѣмъ, какъ нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставлялъ охать погорячившагося книгопродавца!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Фаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по-латыни; но ужели этому незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что г. Орловъ изъ ученыхъ. Конечно доказано, что г. Булгаринъ вовсе не ученъ, но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство, столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, освященное самимъ Фаддеемъ Венедиктовичемъ?—Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, нѣтъ лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей «Сѣверной Пчелы»: справедливы-ли эти критики? виноваты-ли Александръ Аноимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ-ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличными дарованіемъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сноше-

ніяхъ, во все его незнающаго, и не писавшаго о немъ ничего дурнаго? ⁵.
1891 г. Теофилактъ Косичкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

1. См. разборъ «Девяницы» въ Сынѣ Отечества.
2. Гений есть терпѣніе въ высочайшей степени—сказалъ извѣстный Бюффовъ.
3. Важное сочиненіе! Прошу прислать!
4. Историческая истина!
5. Сынъ Отечества, № 27, стр. 60.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ Пролазъ съ Высоносомъ¹, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

«Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ».

Пѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиниковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія—же себя въ сѣнь суровомъ расположенія духа, перечитываю я тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь статьи, подавшія мнѣ поводъ къ таковому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая надняхъ антикритику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, напалъ я на слѣдующее мѣсто:

«Я рѣшился на это (на оправданіе г. Булгарина) не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ» (см. № 27 «Сына Отечества», издаваемого гг. Гречемъ и Булгариннымъ).

Измумлся я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія эти краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у г. Булгарина въ мизинцѣ, и теперь догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинцемъ Фаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнести это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, издатель «Телескопа»? Вѣроятно мстительный мизинчикъ указываетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступить за свою голову. Но кто-же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе раздоры, на нисыма Бригадырши, на насмѣшки славнаго Грипусе, на недавнее прозвище

Верхогляда и проч., и проч., всей Европѣ извѣстно, что «Телеграфъ» состоитъ въ добромъ согласіи съ «Сѣвѣрной Пчелой» и «Сыномъ Отечества»: мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но этотъ замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеовистки, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду вѣкторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели «Сѣвѣрной Пчелы» ужъ вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему пальца въ ротъ, хотя-бы этотъ палецъ былъ и знаменитый вышеупомянутый мизинчикъ.

Г. Сомовъ? Но кажется, «Литературная Газета», совершивъ свой единственный подвигъ— совершенное уничтоженіе (литературной) славы Булгарина—почтѣтъ на своихъ лаврахъ, а Гречъ, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія, щекотя «Газету» проказливимъ мизинчикомъ.

Кого-же опараналъ сей мизинецъ? Кто эти рецензенты, у коихъ—и такъ далѣе? Просвѣщенный читатель уже догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, Теофилактѣ Косичкинѣ.

Всею свѣту извѣстно, что никто постоянно моего не слѣдовалъ за исполнскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блестящихъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостью, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ-ли кто-нибудь изъ русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Теофилакта Косичкива? Можетъ быть, по примѣру Полевого, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ-бы говорить въ третьемъ лицѣ и просить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что-жъ! Гречъ въ журналѣ, съ жадностью читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понять, будто-бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагая себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ничіихъ мизинцевъ не боюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе го-

ловъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому-бы то ни было.—Dixi!

Взявшись за перо, я не имѣлъ однакожъ цѣлью объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ аристократамъ (разумѣю слово это въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова (статья, принятая московской и петербургскою публикою съ отличной благосклонностью), не ожидалъ я, чтобъ «Сѣвѣрная Пчела» возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, эти нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго «Сына Отечества», издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

«Сѣвѣрная Пчела» (№ 101), объявляя о выходѣ новаго Выжигина, говоритъ: «Заглавіе этого романа заставило насъ подумать, что это одво изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго А. Орлова, знаменитаго автора... Притомъ-же всякое произведеніе московской литературы, носящее на себѣ печать изданія книгопродавцевъ пятнадцатаго класса... приводить насъ въ невольный трепегъ». Блаженный Орловъ... Чтѣ значить блаженный Орловъ? О! конечно, если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога—то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!! Если-же слово блаженный употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь пзъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостію оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаютъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь-же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія Булгарина: «чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракѣ. Фильдингъ и Лабрюйеръ не были ни статскими совѣтниками,

ни даже коллежскими ассесорами. Разночинцы, вышедшие въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностью и добросовѣстностью, а не фигляры и не наглецы».

Надѣюсь, что этотъ умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели «Сѣверной Пчелы», «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива» не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я—человѣкъ миролюбивый, по всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говорить на ухо всякому: «этотъ пачкувъ и мерзавецъ сорить меня со всѣми порядочными людьми, мараешь меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!»

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

ИСТОРИКО-ПРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XIX в.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной ковурѣ. Воспитаніе ради Христа.—Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизоль.—Глава III. Драка въ кабацѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмѣлиться! —Глава IV. Дружба съ Евсеємъ. Фризовая шивель. Кража. Бѣгство.—Глава V. *Ubi bene, ibi patria*.—Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву.—Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ.—Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ.—Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный.—Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ.—Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ.—Глава XII. Таята. Выжигинъ попадаетъ въ дураки.—Глава XIII. Свадьба Выжигина. Вѣдныи племянничекъ! Ай-да дядюшка! —Глава XIV. Господинъ и госпожа Выжигины покупаютъ въ трудовыя денежки деревню и съ благодарностью объявляютъ о томъ почтенивѣйшей публикѣ.—Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и довосы.—Глава XVI. Видокъ, или маску долой! —Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.—Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

1831 г.

Ө. Косичкинъ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА.

Надняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (Бахтинъ), въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ-бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, у васъ еще не существуютъ: несправедливо было-бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва-ли существуетъ, а на вѣтъ—суда нѣтъ, говорить неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что-же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ и его самостоятельность. Пикогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинокъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ вачала вращаться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леоноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелественному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то-же, что Байронъ въ своемъ Мавфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Леонору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но эта простота и даже грубость выраженій, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица

мѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почили балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, конимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ними отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Вторая былъ, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ и диллію, гдѣ съ такою прелестной вѣрностью постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя—простая, широкая, свободная, меланхолическую элегію, мастерс ой переводъ трехъ пѣсень изъ *Inferno* въ собраніе романсовъ о Сидѣ, эту просто народную хроніку, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

1833 г.

ЗАМѢЧАНІЯ НА «ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».

«Пѣснь о Полку Игоревѣ» найдена была въ библіотекѣ графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись спорѣла въ 1812-мъ году. Знатоки, видѣшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя пѣкоторые мѣста остались темны или вовсе не вразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ такого рода послѣдніе бывають первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмевали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Важнѣйшими объясненіями обязаны мы Карамзину, который въ

своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбуждали жаркія возраженія. Счастливая подѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальноль не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Rowley; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ никогда не сомнѣвались въ подлинности «Пѣсни о Полку Игоревѣ». «Великій скептикъ Шлѣцеръ», не видѣвъ еще «Слова о Полку Игоревѣ», рѣзко называлъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинное древнее происхожденіе и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

§ 1-й. «Слово о Пльку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Не лѣю ли ны башеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пльку Игоревѣ, Игоря Святъславича! начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню».

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ «Слова о Полку Игоревѣ», перевели: «Не прилично ли будетъ намъ, не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы—воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?»—Но въ древнемъ славянскомъ языкѣ частица-ли не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому *ne*. Иногда «ли» значить: «только», иногда «бы», иногда «же»; донинѣ въ сербскомъ языкѣ сохраняеть она эти знаменованія. Въ русскомъ, частица «ли» есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное «не». Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ и вставляется для мѣры, также какъ и частицы: «и, что, а какъ ужъ, ужъ какъ» (замѣчаніе Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ «ли» постановлено такъ-же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросомъ, а утвердительно. То же надлежало-бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ рассмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говорить: «Не воспѣть-ли намъ объ Игорѣ по-старому? начнемъ-же пѣть по былинамъ сего времени (т. е. по-новому), а не по замышленію Бояню (т. е. по-старому)». Явное противорѣчіе. Если же признаемъ, что частица «ли» смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: «Неприлично, братья, начати стариннымъ слогомъ пе-

чальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться-же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна».

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ «Слова о Полку Игоревѣ» не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголь бѣшетъ подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностью въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ) и предполагаетъ кондиціональную частицу «бы». «Неприлично было-бы». Вопросъ-же требовалъ-бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ».

Не рѣшу, упрекають-ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ это мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: «растекашется мыслію по древу...» тутъ пропущено слово «сла-вельмъ», которое довершаетъ угодобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: «былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину такъ, какъ соки по древу». Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

§ 3. «Помянешь бо речь первыхъ временъ усобицъ, тогда пушашеть і соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсъ поаше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редеди предъ ильки Касожьскими, красному Романову Святиславичю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на стадо лебедей пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскадаше: они же сами княземъ славу рокоташу».

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ, все это продолженіе прежней мысли: «помяная преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значить ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное), напущкалъ онъ и прочъ». Поэтъ изъясняетъ индоевропейскій языкъ Словеса стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ 7. стр. 43): «и такъ надлежитъ намъ думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но такъ жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому

изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, огличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья, состязавшіеся въ славу — выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими».

Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для русскихъ князей «доказывать первенство свое, кровію приобрѣтенное, полетомъ соколовъ». Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напущали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была «скромность» стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставить себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ въ свою очередь видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго «крайнюю неосновательность и несчастное самолюбіе» (томъ II, стр. 388). Къ крайнему сожалѣнію, Пожарскій не возразилъ.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря». Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано «Слово о Полку Игоревѣ».

«Иже истягуу умъ крѣпостію своею». Истягуу — вытянуу, натянуу, извѣдалъ, попробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію: первыетолкователи: напругши умъ крѣпостію своею). «Натянуу, какъ лукъ: изострилъ, какъ мечъ» — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

«Наилънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луде-жъ-бы потяту быти, неже полонену быти». Лучше быть убиту, нежели олонену. Въ русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ «ли» послѣ «не» не имѣетъ силы вопросительной: «нежели». Слово «неже» употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ «Словѣ о Полку Игоревѣ».

«А всядемъ, братіе, на свои борзые конюны, да позримъ синяго Дону». Сувѣріе, полагавшее затменіе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было пѣккогда общимъ.

«Снала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе застужи, искусити Дону Великаго». Слова запутаны. Первые издатели перевели: «пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону великомъ». «Застужитъ» имѣетъ нѣсколько значеній — охладить, *lumen impedio*, помѣшать, удержать. «Снали князю въ умъ — желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу-же, сказалъ»... хочу-бо, рече, коніе преложити коней поля

Цоловецкаго съ вами, Русици, хощу главу свою положить, а любо испити шеломахъ Дону.

«О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлки ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая ухомъ надъ облаки, свивая славы оба полы сего времени», т. е. «снелетая хвалы на всѣ стороны сего времени». Если не ошибаюсь, пропія пробивается сквозь пыльную хвалу.

«Рища въ трону Трояню чресъ поля на горы».

(«Четыре раза упоминается въ этой пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ—догадаться ни по чему невозможно», говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Черезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ римскихъ укрѣпленій. извѣстный подъ названіемъ «Троянова вала». Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 таза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть е кто иной, какъ римскій императоръ. Должны ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется: «вступилъ дѣвою на землю Трояню... на сивомъ морѣ, у Дону» (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ-же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакіи, видимыя по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ», говоритъ Вельтманъ. Почему-же?

«Пѣти было пѣсь Игоревн, того (Олга) внуку. Не буря соколы завесе чрезъ поля широкая», etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: «или не такъ-ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: комони ржутъ за Сулю; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода».

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, а по быльямъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба свѣтъ Святъславича: сѣдлаи, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови». Готови значать здѣсь извѣстны; значеніе это сохранилось въ иллирійскомъ славянскомъ нарѣчій. Ниже мы увидимъ, что половцы бѣгутъ «неготовыми» (неизвѣстными) дорогами. Если-же неготовыми значило-бы «немошными», то что-же-бы значило: «готовые кони—осѣдлаи у Курска напереди?»

«А мои ти Куряни свѣдоми». Это повтореніе того-же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри священное писаніе.

«Кмети педъ трубами повити». Г-нъ Вельтманъ говоритъ, что «кметъ» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: «Kar gospōda stori krivo. kmeti mōrjo plāzhat shivo».

Подлинность самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ—не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣхъ вѣстѣй столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло-бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало-бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими-бы и обладалъ—неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ раисодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсомъ нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библіи, которая лежала передъ нимъ...

1834 г.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ англійской аристократіи. младшей между европейскими, произошелъ отъ нормандца Ральфа де-Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честью упоминается въ англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано имъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, привнесла ему мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго лорда, предавая имя его на произволъ молвы, ко всему равнодушной и вичего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она

умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчитливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и послѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были расточены въ два года—и mistress Байронъ осталась при 150 ф. стерл. годового дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 г.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распорядженій фамильных, наслѣдница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и л. Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Изъ сколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны: вскорѣ потому они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валлансентѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой-же день отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; во твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служавку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали шестидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Достоинво замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унижительною.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, во тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его въ

горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бетамера.

Суровыя красоты шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того-же времени восьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ самъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корникѣ, и маленький Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлялю, дальнему его родственнику, и восхитенная mistress Байронъ осенью того-же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служавкою Лили Грзъ.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, родного дѣда его, былъ человекъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда Гаурта. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шума, и палата иеровъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скудость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетенъ и клеветы. Носились самыя нелѣпыя слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣрили, что онъ однажды покусился ее утопить въ ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скудость, старый лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ снособами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ.

Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдности, не соответствовавшимъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь-же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, помянуто потрясаемая

чувствительность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которая потомъ сдѣлалась главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — частью врожденныя, частью заимствованныя. Муръ замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства, и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предпримчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ лордомъ Вильгельмомъ, сильно подействовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего странныго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ удивительнаго ньютонскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь-же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байровъ остался хромымъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мистрисъ Байровъ выбрала его хромымъ мальчишкою. Будучи собою красавецъ, онъ дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый этотъ недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства...

1834 г.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславѣ императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія въ 1787 году: «Оставилъ астрономамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выражений, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую; но нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ государя императора, прїѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года. въ своей умильной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопа-

Сочиненія А. С. Пушкина.

мятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были униатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ униатскіе костелы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, увѣщивали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у русскаго правительства; онъ доносилъ объ всемъ святѣйшему синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлячинскій, прославившійся ненавистью къ нашей церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изуврству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣющую свою епархію. Овлячинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями на встрѣчу своему архимастырю, оставовили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутевнскаго монастыря, откуда тайно вывели его въ телѣгѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувръ, свирѣпый Зевовичъ, предводительствуя іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но, къ счастью, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часть отъ часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, повосили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли къ униі не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна, передъ самой своей кончиною, и государь Петръ III, при своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ польскаго двора, чтобъ гоневія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но изъбавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ припесъ ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа. издревле намъ родного, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ ея подданныхъ, и ког-

да, нѣсколько времени спустя, святѣйшій съездъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе исконную епархію, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій пужень изъ Польши».

Въ 1765 г. Георгій явился въ Варшавѣ и предъ тропомъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно пожелѣлъ «уніатскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для взисканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ». Но гордые польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе этого Екатерина повелѣла своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградой русскихъ штыковъ, создавъ былъ сеймъ, учреждена согласительная коммиссія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей коммиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣйствительно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ приобрести уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ», сказалъ однажды ему уніатскій епископъ Шептицкій: а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ». Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ паны и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ Варская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазеля, воссламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены—и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатерину, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлороссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвящать себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна.

Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатериной, по совершеніи ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей. (Въ «Современникѣ» приведены обширныя выписки, № 1, стр. 89—95).

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній русскихъ, польскихъ и латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показала намъ достоинствительна:

Серна ожидаютъ созрѣлые класы;

А намъ вѣстники смерти—сѣдые власи и пр.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлюю государственною. Когда императрица Екатерина учредила коммиссію о составленіи новаго уложенія, тогда депутатъ малороссійскаго шляхетства, Андрей Григорьевичъ Полетика, обратился къ Георгію, какъ человѣку свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснять истинныя требованія оного, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикою, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критики я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изуверству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣйтельно противился, отзывается въ красворѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ роднѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны и описываетъ битвы съ удивительною точностью. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясой (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго рода и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ «Исторіи Малороссіи» суть картины, начертанныя кистью

великаго живописца. Чтобъ дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи. (Выписаны: «Введеніе уніи» в «Казнь Островицы», см. «Исторію Руссовъ», стр. 40—42 и 53—57).

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приносить иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Вѣлороссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь-же достойнаго издателя.

1836 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

*) Она напечатана въ „Чтевіяхъ общества исторіи и древностей при моск. унив.“ 1846 г., но, какъ оказалось впоследствии, принадлежитъ не Киевскому.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ. ИЗДАНІЕ 2-е.

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ». Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и выѣстъ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя эти недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ такое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ «Арабески», гдѣ находятся его «Невскій проспектъ», самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился «Миргородъ», гдѣ съ жадностью всѣ прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ насъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ ѿ надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.

1836 г.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го января нынѣшняго года россійская академія была удостоена присутствія его свѣтло-

сти принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ почетные члены. Непремѣнный секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ заступаніе чтеніемъ краткой исторіи академіи.

Екатерина II основала россійскую академію въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и неизбѣмый порядокъ, хотѣла дать уложеніе и русскому языку. Академія, повинувшись ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась она объ успѣхѣхъ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы Нашъ, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: «все Нашъ да Нашъ! когда-же вы мнѣ скажете: вашъ?» Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицы: «что словарь?» отвѣчали ей, что академія дошла до буквы Покой. Императрица улыбнулась и замѣтила, что академіи пора было-бы покою оставаться.

Не смотря на сіи шутки, академія должна была изумить государыню посвѣтлымъ исполненіемъ ея воли: словарь оковченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ¹. Карамзинъ справедливо удивляется такому подвигу. «Полный словарь, изданный академіей, говоритъ оъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иностранцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италия, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентинской и парижской».

Многіе изъ членовъ академіи участвовали въ изданіи «Собесѣдника любителей россійскаго слова». Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ «Собесѣдникъ» статью подъ заглавіемъ: «Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ ослѣпленное вниманіе». Вопросы явились въ «Собесѣдникѣ» съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между городиными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи утеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другого.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Это не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ оставляются, а перѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той-же причинѣ, по которой человекъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человекѣ даннымъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шныни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

В. Сей вопросъ родился отъ свободозычія, котораго предки наши не имѣли.

Эти отвѣты писаны самой императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) академія издала:

1) Грамматику руссійскую. 2) Сочиненія и переводы академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ лѣтописи Татищевой. 5) Переводъ путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ государемъ императоромъ, назначенъ предсѣдателемъ руссійской академіи. Подъ его руководствомъ академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтилиановы критическія наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, котораго распространеніе часть отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орфографія, эта геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и cadaго.

Вслѣдъ за непремѣннымъ секретаремъ, пресвященныи Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1703 года, писавной для великаго князя Святослава и хранящейся нынѣ въ московской синодальной бібліотекѣ.

„Рукопись называется *Изборникъ*, т. е. извлеченіе набранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.—Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напри-

мѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лицѣ, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыхъ. — На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георгія Хоуровска о образѣхъ. Творчѣсти образи суть 27: 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напоотребіе. 4. Пріятіе. 5. Прѣходноіе. 6. Възвратъ. 7. Съпріятіе. 8. Сънятіе. 9. Именотвореніе (onomatopoeia). 10. Сътвореніе. 11. Въименомѣство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въсятословіе. 14. Округословіе. 15. Нестатькъ. 16. Изрядіе. 17. Лихорѣчіе. 18. Притѣча. 19. Прикладъ. 20. Огъданіе. 21. Лицетворіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Пороуганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе. — Инословіе оубо іестъ иво нѣчто глаголюшти, а нинъ разоумъ оуказайюшти, якоже іске іе рече но отъ Бога къ змии проклата ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы змии іестъ на диавола же, ино рѣчь нѣ зміеиъ нарицаема разоумѣваемъ.—Далѣе слѣдуютъ подобія сему оиредѣсенія и прочихъ выше нечисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителей или переводчиковъ, издателями русскои энциклопедіи XI в.“

Непремѣнный секретарь прочелъ главу II-ю изъ устава академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всенодданнѣйшаго доклада президента академіи, при поднесеніи на высочайшее усмотрѣніе проекта устава:

«Академія есть стражъ языка: и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностью вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, несправедливаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападений и поворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истинны и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній“.

За симъ дѣйствительный членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе это заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено.

В. А. Поляновъ прочелъ: Краткое жизнеописаніе Н. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря руссійской академіи, статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ—истинно академическую.

Послѣ сего дѣйствительные члены: М. Е. Лобановъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другого, сочиненія своего стихи.

Наконецъ князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную г. президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карам-

з и н ѣ. Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемые почтеннымъ старцемъ великому писателю... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упоминалъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при дворѣ блаженной памяти великой княгини Екатерины Павловны, матери его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго государя и августѣйшей сестры его въкоторыя главы «Исторіи Государства Россійскаго». «Вы слушали, нишеть исторіографъ въ своемъ посвященіи: съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивая давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славѣйшія». Пребываніе Карамзина въ Твери означено еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизбѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, жевщины съ умомъ необыкновенно поэтическимъ, Карамзинъ написалъ свои мысли: «О древней и новой Россіи», со всею искренностью прекрасной души, со всею смѣлостью убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ и остался по-прежнему милостивъ и благосклоненъ къ нрямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ російской академіи.

1836 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

¹⁾ Французская академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ непрерывно занимавшаяся составленіемъ своего словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильмень. Стали его передѣлывать. Прошло вѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе академіи. Разбиралъ слово *ampl*. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностью о томъ, что въ словѣ *ampl* предполагается-ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ удивляется медленности и затрудненіямъ академіи. А. П.

ЗАПИСКИ А. Н. ДУРОВОЙ,

ИЗДАВАЕМЫЯ А. ПУШКИНЫМЪ.

Modo vir, modo femina.—Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, но имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ коннопольскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій георгіевскій крестъ и въ томъ-же году произведенъ былъ въ офицеры

въ маріупольскій гусарскій полкъ. Въпослѣдствіи перешелъ онъ въ литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь-же реввостно, какъ и вачалъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожь это самое надѣлало много шума, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій — и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Чтѣ побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія жевщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что вѣжные пальчики, пѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Авдреевна позволяла намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журвала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

1836 г.

МНѢНІЕ М. А. ЛОБАНОВА О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ,

КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Читано нынѣ 18 января 1836 г. въ императорской російской академіи).

Г-нъ Лобановъ заблагодарасудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья—въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, чтѣ хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей академіи и торжественно востомъ обнародовано. Какъ-бы то ни было, мнѣніе Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

„Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья Лобанова) сильно увеличилась въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется“.

Находя событіе это пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

„Безпристрастные наблюдатели, говоритъ онъ, носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу отечества, переходя въ намяги своей все, въ послѣднія времена ими читаемое, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣностей, порожденныхъ иностранными писателями“.

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣтъ онъ подъ словами безнравіе и нелѣность, продолжаетъ:

„Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезно, подражать изычному—предписываетъ благоразуміе. Но что-жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такіа нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такіа пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія, и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій или преступленій.“

„Ужели жизни и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ новѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и читающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не пазидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человечеству? Ужели истощилось необъятное поприще благодарнаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?“

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи французской словесности. При семъ случаѣ своды академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена эти снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и эти господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ императорской россійской академіи? Не пропадаетъ-ли втунѣ всекраснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ-ли будутъ они гордиться такой честью, неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себя вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолствовали о другихъ). Критическая статья англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

„Для Франціи, пишетъ г. Лобановъ, для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человечества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, примѣръ, гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій“.

Спрашиваю: можно-ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анафему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Лафартинна призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Набуру в Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій миноваго столѣтія; ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большей частью молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты и основывающихъ корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и таланты, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите племню о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на подлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы женеваго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастье супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было-бы то-же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго жптя и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть každого. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажа, написавъ «Жилблаза» и «Гусма-

на д'Альфараши», конечно не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ той цѣлью, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ-же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто объясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Пріключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мстителяхъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ, а разсказчики и стихотворцы изъ стари пользовались этой наклонностью души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобъ нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій. Въ словесности французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи литература производила приторныя, сентиментальныя, правоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго «возстановленія» (restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствованъ своеправнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударились въ крайнюю сторону, и забвѣе всякихъ нравилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и дожная теорія, утвержденная старинными риториками, будто-бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль искусства есть идеалъ, а не правоученіе. Но писатели французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлью поэзій, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непременнымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла; нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгонизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ-же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котель. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» (какъ называлъ ее Гёте), «словесность сатани-

ческая» (какъ говорить Соути), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и проч.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская словесность, со времени Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большого успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду правоописательныхъ и историческихъ. Лесаажъ и Вальтеръ Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣн направленіи нашей словесности — продолжая Лобановъ — всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непонимаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлаеся для многихъ эпидію совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, эта кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ пожину изъ кармана слабоумія держими и буйными выходками, верѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскихъ, и литературныхъ заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій гений, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ-бы безталанный (Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантнѣйшій), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣтнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію».

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто влущены разсчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабоумія), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливый указаніе: у Ломоносова оспаривали (весь-

ма неосновательно) титуло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его недантомъ; напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суетнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не оказалъ ему въ дани глубокаго уваженія и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, по тѣмъ не менѣе ихъ влияние было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, что такъ слуханы въ суетловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва-ли вѣрять, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то-же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспіры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ создали нѣчто и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики-ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаераль подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный гевій—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однако-жъ за тысячи лѣтъ излѣняли своихъ согражданъ и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному унадуку и нравственности, и словесности».

Оставляя безъ возраженія эту филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, введенномъ Лобановымъ изъ всего имъ сказаннаго.

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непре-

одолимый трудъ проникнуть въ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дераость языка, если онъ, движимый аломатренностью, будетъ провозглашать полезное и даже вредное. Кто-жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академикъ, для этого самаго учрежденія. Она, движимая любовью къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ-бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. «Академія (сказано въ ея уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ или критическія сужденія долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей». И такъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собранія сей академіи, согласно съ ея уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего высочайше утвержденного сословія».

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно-ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна пропускать въ ухищренія пишущихъ.

«Цензурѣ долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (уставъ о цензурѣ § 6).

Такова была высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было-бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпо е, если оно просто нелѣпо, и не заключается въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ

нельзя позволить чтеніе романовъ: възъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благотѣльное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

1836 г.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris, 1836).

Недавно издава въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де-Броссъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя-бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ-же самымъ почеркомъ и можетъ быть тѣмъ-же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчимъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупателя послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де-Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями, но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740 гг., и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: *L'Italie il y a cent ans*. Въ этихъ дружескихъ письмахъ де-Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутилая острота, картинныя, набросавшыя съ небреженіемъ, во живо и смѣло, ставить его книгу выше всего, что писано было въ томъ-же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Пармѣ, принужденный бѣжать изъ Берлина, некая убѣжища на берегу Жевевскаго озера. Слава не спасала

его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство малевкой мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (писать онъ самъ) имѣть одну ногу въ мовархін, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де-Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите-ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; по вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ приятно — и вотъ условіи, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюсь пѣть матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенкій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украсу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, кони снабжу хозяйствомъ, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, все успѣвъ выстроить домъ, то у насъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе чetyрехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка; дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою порку, прозванную *les Délices*; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны: то-же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де-Броссъ не замедлил своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерова, исполнено ума и веселости.

«Если-бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (писать онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу, то, восхищаясь видѣть съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я-бы имѣлъ честь пеннугъ вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома; во-вторыхъ,

потому что не подобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію... Я-бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, еслибы онъ былъ вась достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто ветошь. Вы издумали возвратить ему юности, какъ Мемфону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржантель имѣлъ для вась то-же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу».

Тутъ де-Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ ними соглашается, другимъ противорѣчать, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка занялась живѣе. Наконецъ, 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де-Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба помпупто оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ, самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де-Броссъ тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но скорѣе согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленные деревья осердили петербургскаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де-Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble! восклицалъ онъ въ бѣшенствѣ: il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухстахъ франкахъ. Де-Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспылчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надженное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть, опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: «Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, Рюфе, старается усовестить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де-Броссомъ): «Вы болтаете быть обманутымъ, говоритъ Рюфе: но изъ двухъ ролей это

лучшая... Вы не имѣли никогда тяжбы: овѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену втораго дѣйствія въ Скапеновыхъ Обманяхъ. Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черпи, которая рада будетъ на вась броситься...»

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента и былъ причиною тому, что де-Броссъ не попалъ въ академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де-Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатую годовъ, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая бібліотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нылѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть, пишетъ издатель въ своемъ предисловіи: какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридриха II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ вѣзжается въ свое графство, сопровождаемый своими обими племянниками (которые всѣ въ брилліантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находить въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его волнуетъ; онъ искренно тревожится объ всемъ, съ этой раздражительностью страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прищипки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабацѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа».

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розы:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'ai jamais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ грѣсѣ нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ

болѣ слога, болѣ жизни, болѣ мысли, нежели въ полдюжину длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера—напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе—площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де-Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его и готовы слѣдовать за нѣмъ движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ де ла Туша, бывшаго французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридриха II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ (Фридрихомъ II), своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ берлинской академіи, поссорился съ профессоромъ Кенигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кенига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ коровы, скиперта и прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить—висаль онъ въ Парижъ къ д'Аржапталю—но боюсь быть подобенъ рогатымъ мужьямъ, которые слятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобы еще разъ не задѣтъ своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (la Diatribe du Dr. Akakia) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридриха, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридриха, напечатанныя для немногихъ, и между коими на-

ходилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилю, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Чтѣ влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнывать свою независимость на милости государя, ему чужого, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?..

Къ чести Фридриха II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ-бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ-бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ-бы его на посмѣяніе свѣта, если-бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридриху камергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль переменяется: Фридрихъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Чтѣ изъ этого заключить? Чтѣ гевій имѣть свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалить благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человечества: чтѣ настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и чтѣ наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

1836 г.

ОРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГИИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ТЕПЛЯКОВА.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудро, сядя на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чайльдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія,

то какъ избѣжать ему подражанія? Можно-ли за то его укорять? Талантъ не полень, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудности, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ гевія, или чувство въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное—желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чайльдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабль, принесемъ его къ оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строкъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:
Плывемъ!.. Влѣдѣть день; бѣгутъ берега род-
ные;

Златой струится день по синему пути;

Прости, земля! прости, Россія!

Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживается самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученія
Чѣмъ слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?

Чѣмъ слышалъ ты благословенія?

Одно минувшее мудрымъ, тяжкимъ спомъ

Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,

И юности твоей избитый бурей челнъ,

И беаины, передъ ней отверстыя, казало!—

Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрю-
мыхъ волнъ

Печально въ сердцѣ раздается!

Какъ быстро мой корабль въ чужую даль не-
сется!

О, лютя странника святой отъ грусти шить,
Прійди, подруга думъ заветныхъ!

Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣт-
ныхъ

Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вънець терновый положила—
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите,
Къ отчизнѣ душу не мавите—
Тамъ никому меня не жаль...
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдые волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгораешь, тонетъ мысль моя.
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите—
Тамъ никому меня не жаль...
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдые волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ,
Краснорѣчивый прахъ открою —
И зашумитъ передо мною
Рой пезанаматныхъ вѣховъ...
Гуляйте-жь, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль...
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдые волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ.

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Пазоновой гробницы

Громка, какъ дальній шумъ побѣдной
колесницы!

О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ

Мнѣ славный гробъ его укажетъ?

Кто повѣсть мукъ его расскажетъ—

Стенной-ли вѣтръ, или плескъ валовъ,

Иль въ шумѣ бури гласъ вѣховъ?..

Но тише... тише... что за звуки?

Чья тѣнь надъ бездною сѣдой

Меня мавитъ, подѣмля руки,

Качая тихо головой?

У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый,

Въ лучахъ сіяетъ голова,

Бѣже волнъ хитонъ перловый,

Святѣй ихъ ропота слова.—

И подъ эфирными перстами

О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдамъ,

Златая игра говоритъ.

Печально струнъ ея бряцанье:

Въ немъ сердцу слышится изгнанье,

Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,

Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій, какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значить.

Грочетъ въ одномъ изъ своихъ посланій ни-
шетъ:

Je cesse d'estimer Ovide
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кроме «Превращенія»). Героиды. Элегія любовная и самая поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ Элегіямъ Понтійскимъ. Въ нихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли, сколько живости въ подробностяхъ и какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блѣстать душевной твердостью на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостью заступаетъ за него:

И ты-ль тюремный воль, о странникъ! взововетъ
Ласкательствомъ души униженной!—
Нѣтъ, самъ терною стасяю ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!..
Подобно мнѣ (Овидію) ты спръ и одинокъ межъ
всѣхъ

И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ теней, и безъ веселья смѣхъ,
И плачь безъ слезъ, и слезы безъ улады!

Пѣснь, которую поэтъ влагааетъ въ уста Назоновоу тѣни, нѣтъ-бы болѣе достоинства, если-бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. Онъ не сказалъ-бы, что при набѣгахъ готовъ и бессовѣ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолу не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдну свою шлемомъ и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія «Томия» оканчивается прекрасными стихами:

«Не буря-ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!...»

«Вели стрѣлять! Быть можетъ насъ
Какой-нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!»

И грянулъ знакъ... и все молчитъ,

Лишь море бѣсетъ и кипитъ,

Какъ тигръ бросающъ разъяренный;

Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,

Лишь съ неба голосъ громовой

Толи отвѣтствуютъ смятенной.

«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»

— Не ты-ль дерзнулъ-бы въ этотъ мигъ,

О странникъ, бурѣ улыбаться?—

«Ты отгадалъ!... Я сердцемъ съ ней

Желалъ-бы каждый мигъ сливаться;

Желалъ-бы въ бой стихій влѣшаться!...

Но нѣтъ!—и громче, и сильнѣй

Святой призывъ съ другого свѣга,

Слова погибшаго поэта

Тенерь звучать въ душѣ моей!»

Вскорѣ пѣзъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семистаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его
морщины

Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:

Во мглахъ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,

Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.

Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ-ли твоимъ,

По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,

Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ

Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?

Не ты-ль спираль свой быстрый шагъ

Народовъ съ бурными волнами,

И твой-ли въ ихъ крови не растопился брегъ,

Племеньъ безчисленныхъ усѣянный костями?

Хотите-ль знать, зачѣмъ, куда,

И изъ какой глуши далекой

Неслась ихъ бурная чреда,

Какъ лавы огненной потоки?

— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,

Къ богатымъ нивамъ и лугамъ

По вѣтру саванъ свой летучий

Мчатъ саранчи голодной тучи;

Спросите молнію, куда она летитъ,

Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,

Зачѣмъ кочуетъ валь ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ венеціанскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чайльдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но скорѣ поэтъ снова одушевляется:

Улегся нѣтеръ; водъ стекло

Ясный небесъ лазурныхъ блещетъ;

Новишій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,

Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.

Но что за гулъ?... Какъ громъ глухой,

Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.

То грохотъ пушки заревою —

Изъ русской Варны онъ примчался!

О радость! завтра мы узримъ

Страну поклонниковъ Пророка:

Подъ небомъ вѣчно-голубымъ

Унемся воздухомъ твоимъ.

Земля роскошнаго Востока!

И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,

Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ жур-

чаньи,

При соблазнительныхъ лунѣ твоей лучахъ,

Въ твоёмъ, о юная невольница, лобзаньи

Цветовъ родной твоей страны,

Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье

И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!...

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выпишемъ большую часть этой элегіи. (Слѣдуетъ выписка, оканчивающаяся стихами):

Ты правъ, божественный вѣнецъ,

Вѣка — вѣковъ лишь повторенье!

Сперва — свободы обольщенье,

Гремущи славы, наконецъ;

За славой — роскоши потоки,

Богатства съ золотымъ ярмомъ,

Потомъ — изысканные пороки,

Глухое варварство потомъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностью. Вообще, главные достоинства «Оракійскихъ Элегій» — блескъ и энергія; главные недостатки — напыщенность и однообразіе.

Къ «Оракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если-бы г. Тепляковъ ничего другого не написалъ, кромѣ элегіи Одиночества и ставса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ-бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заклучимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается книга г. Теплякова (Выписано стихотвореніе «Одиночество»).

1836 г.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА,

СОЧИНЕНІЕ СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: *Dei doveri degli uomini*, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали-бы всѣ наизусть, которое не было-бы уже пословицею народовъ: она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга эта называется евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не все, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые-бы въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостью духа, сладостью краснорѣчія и младенческой простотою сердца къ проповѣди небснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Іисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежать къ симъ избраннымъ, которыхъ ангелъ господній пріивѣтствовалъ именемъ чловѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ и, получая свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли удивительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломыслии. Читая эти записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой пенарушмой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта утѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателямъ, мы укоряли чловѣка въ неискренности. Книга «*Dei doveri*» устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну чловѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ вашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (Московскій Наблюдатель), въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ

удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико.

«Если-бы книга Обязанностей не вышла вслѣдъ за книгою Жизни (Мои темницы), она показала-бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно-догматическимъ урокомъ, который мы-бы прослушали безъ вниманія».

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести невзвѣсяимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому-бы то ни было, и въ какомъ-бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если-бъ она была написана въ тишинѣ Оиванды или въ библиотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была-бы обратить на себя вниманія чловѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи поэзій».

Это ужъ не ново, это было уже сказано—вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ чловѣчскій ужъ ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли-же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія Шевьева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою-же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройствъ, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастья вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

1836 г.

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ,

прославленныхъ въ російской церкви, и пр. кн. Эрнстова.

Въ наше время главный недостатокъ, отзвѣчающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ розысканій. Что-же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, пониз-

ною взглядовъ, приворовленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) ве поднимаютъ науки ни на шагъ, посяляютъ жалкій духъ сомнѣнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили эту книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ прищѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святоу непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ триста шестьдесятъ три имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны ввиду самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь руссiйская», сказано въ предисловіи, «весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣвнѣи мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостью жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общiе святцы руссiйской церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на кievскую и московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія четьи-миненіи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотошъ въ патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣдцати святымъ руссiйскимъ значаево повсюду празднованіе и службы, а де-

вати—только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторыя изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ ростовскій Димитрій въ своихъ «Четьи-минеехъ» помѣстилъ преподобныхъ кievнопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторыхъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники новгородскіе, искковскіе, вологодскіе и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ руссiйской церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коимъ память благоговѣнно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почли; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ благоугоднопожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ сиводиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святого, прославленнаго во всей руссiйской церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означаетъ мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю».

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему; таковыя риторическія фигуры въ какомъ-нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель «Словаря о святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленовой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи втораго отдѣленія собственной канцеляріи е. и. в.

1836 г.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

(о стихотвореніи «полководецъ»).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предавая своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣды и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унижить священную славу Кутузова; однакожъ меня въ этомъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи повѣйшей исторіи. Его титло—спаситель Россіи; его памятникъ—скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны-ли мы еще радоваться, мы, русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ-ли Барклай де-Толли совершить нѣмъ начатое поприще? Могъ-ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ-ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равнѣ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и встать въ бездѣйствіи въ равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго гения). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю: одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ уединенномъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарнщѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда? Конечно, не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску,

ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самомъ себѣ, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей-бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унижить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно, недостойные великой тѣни, но искренніе и излиянные изъ души: «Передъ гробницею святой» и пр.

1836 г.

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРИАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ».

Долгое время французы пренебрегали словесностью своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ французскими критиками: переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, а напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ-бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору». И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли-бы оскорбить вкусъ образованнаго французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялся такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозревать, что гг. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ; къ ихъ народной одеждѣ—народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ вслышанный!) первый изъ французскихъ писателей переводитъ Мильтона

слово въ слово и объявляеть, что подстрочный переводъ былъ-бы верховъ его искусства, если-бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было спльно изумить поборниковъ и исправительныхъ переводовъ, и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Чтѣ сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де-Виньи, котораго французскіе критики безъ церемоній поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ постигнулъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars», и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о недѣлности вымысловъ Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго. Выведемъ того и другого на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ недѣльныхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не ставемъ слѣдовать за спотыкавшимся ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще не извѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ-же выходитъ Мильтонъ съ своимъ жокеемъ (лицомъ довольно невужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говорить Рочестеру: „Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу пошутиться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бывають очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.“

Мильтонъ (съ досадою): Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель: Какъ угодно.

Мильтонъ: Вы родились въ 599-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель: Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (съ живостью): Вы-бы могли обходиться со мною учтивѣе: я—сынъ нотариуса, городского алдэрмана.

Кромвель: Ну, не сердись; я знаю, что ты—великій теологъ и даже хороший стихотворецъ, хотя пониже Вейсера и Донна.

Мильтонъ (говоря самъ про себя): Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидать, отъказало-ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Вду, нада-

ющую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго, и неукротимаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный гений во мнѣ работаетъ. Я обдумываю молча страшное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (про себя): Чтѣ онъ тамъ городить?

Одинъ изъ шутовъ: Смѣшной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами): Твой „Иконокластъ“—очень хорошая книга, но твой чортъ Левіафанъ.. (смѣясь) очень плохъ...

Мильтонъ (сквозь зубы съ негодованіемъ): Кромвель смѣется надъ моимъ сатаной!

Рочестеръ (подходитъ къ нему): Г-нъ Мильтонъ!

Мильтонъ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю): Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностью): По чести, вы не понимаете поэзін. Вы умны, но у васъ недостатокъ вкуса. Послушайте: французы—учители наши во всемъ; изучайте Раkana, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тиресъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Ева, Адамъ, адъ, огненное озеро, сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло, если-бы вы прикрыли щегольскимъ платьемъ, если-бы вы дали ему огромный парикъ и племъ съ золотомъ шинкою, розовый камзолъ и мастию флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (удивленный): Эго чтѣ за пустословіе?

Рочестеръ (кусая губы): Опять я забылся! И, сударь, шутить.

Мильтонъ: Очень глупая шутка!“

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ—бездѣлица; то-ли дѣло писать латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умолая его не домогаться престола, на чтѣ протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты—пійтъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не являющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, чтѣ творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Эго старый бол-

тунъ, котораго всѣ презирають и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Иѣтъ, господинъ Гюго, не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «*Defensio populi*»! Не такимъ языкомъ изъяснялся-бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: *Cromwell, our chief etc.*!

Не могъ быть поэмѣнникомъ развратнаго Rochester'a и придворныхъ шутовъ тотъ, кто въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдѣ, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понималъ поэта Мильтона, то всякъ легко себя вообразить, что подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неринаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чонорному, манерному гр. Вильи и къ его облизавому роману.

Альфредъ де-Вильи въ своемъ «Сень-Марѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де-Лормъ, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуютъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжнѣхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осмыають г-жу Скюдери напыщенными похвалами, кроми Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ-же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодого путешественнаго англичанина Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо. Да какъ-же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ-же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любовныты? А какое дѣло графу де-Вильи до всѣхъ этихъ великихъ несообразностей? Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не повали духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, шцетъ въ

памяти своей то, что по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ-ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго де-Вильи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери—скупнымъ и холоднымъ, Марія де-Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи: Мольеръ, Корнель и Декартъ осмыають его комплиментами и проч., и проч.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, прѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ-бы показывать себя, какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной жещины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, написанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманяся и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де-Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были-бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ-бы онъ роль ему приличную, скромную роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодого человека.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Вильи, хотите-ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался-бы такимъ незначущимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, запятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся-бы въ пѣтическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь отчета памараль-бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель-бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ-бы его стихонлетомъ, вралемъ и проч., и изъ того-бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ-Скоттъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобрианомъ, заглаживается до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобрианъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знаками. Но удаченъ-ли новый переводъ? Шатобрианъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, исполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобрианомъ, и на самый переводъ. Иѣтъ сомнѣнія, что, стараясь передать Мильтона слово въ слово, Шатобрианъ однако не могъ соблюсти въ своемъ переложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каж-

дый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соответствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: *Comment vous portez vous; How do you do.* Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на русскій языкъ*).

Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь перемчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ переложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержать таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтова, сего поэта, имѣетъ и изысканнаго, и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и разительнаго, и своеправнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ французскихъ писателей, учитель всего нишудача поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для ку с а х л ѣ б а. Каково-бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и пѣль онаго дѣлають честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ-бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властью, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстью. Послѣ этого—что скажетъ критика? Станетъ-ли она строгостью оцѣнки смущать благороднаго труженика и, подобно скупому покупику, хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь-же блестяще, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; похваливъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но всежъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обзорѣ. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и саль не

свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по слышкѣ и кое-какъ отдѣливается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя обличаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

1836—37 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

*) Кстати: недавно (въ «Телеграфѣ», кажется) кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе „battersi la guancia“—бить себя по щекамъ. «Battersi la guancia» значить раскаться; перевести иначе не могло-бы никакого смысла. А. П.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ родного брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ французской революціи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ послѣдникомъ родственника жены своей, Джейса Велли, книгопродавца эдинбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ-отецъ былъ добрый господинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку. in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо

сіе, такъ-же какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ *Morning Chronicle*).

Милостивый государь! Недавно имѣлъ я случай приобрести за шесть ливдуровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человека, звающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латремудья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ коній съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (*Tournebu, baillage de Chaumont en Toulgaine*), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лука д'Аркъ дю-Ферону (*Luca d'Arc, seigneur du Feron*), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А по сему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себя въ непремѣнную обязанность требовать, отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и живыя показанія, которыя вы себѣ позволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами набираемомъ, для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю и проч. .

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла. Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ-бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги шекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 мая 1776 г.

«Милостивый государь! Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около восьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я - бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой римованной хроникѣ (*l'impertinente chronique rimée*), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушнѣе мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ «Гевриада». Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взгляъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (*voire illustre cousine*) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amasone,

La honte des Anglais et le soutien du trone. Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, безсмысленной и неблагодарной. — Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорѣйшимъ слугою. *Voltaire, gentilhomme de la chambre du Roy*».

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, по истинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками пѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствию нечистой силы подвиги юной пастишки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ. Какъ-же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страничку ея хроникѣ? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; во ихъ потомство прѣжыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго—жизни и смерти Орлеанской героини; что-же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соутѣ есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагѣ подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степенѣ цинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если-бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ-бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостинныхъ барона д'Ольбаха и М-me Jeoffrin, но и въ старанныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латремудья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

1836—37 г.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отречеа я совершенно отъ права самозащиты.

Southey.

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критику. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гвущаются своимъ братомъ-литераторомъ?... Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благоспитанные и порядочные люди, то эта статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинился тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что, наконецъ, никто-де не въ нравѣ требовать, чтобы человѣкъ разговаривалъ, съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на с х о д к у, то не прогнѣвайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно звать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда считалъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самыя непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпиміемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ самоотверженіемъ; къ несчастью, замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлью оскорбить меня какимъ-бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя мннуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.

Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило конечно не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужду ни въ Шлегеляхъ,

ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило-бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Илиады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльных статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получали еще вѣса и постоянного вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобы не доставало во мнѣ веселости и недовѣрія, не потому, чтобы я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности): мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе—важно говорить: *Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.*

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики утѣралъ, что таковыя стихи сами себя дурию рекомендують. Что-бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣнь. Никогда не могъ я до того рассердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобы взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносныя часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для прекровожденія времени, писать возраженія не на критики (ва это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія не литературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глуше сего занятія отъ реду ничего не могъ я выдумать.

* *

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критику.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ сердиться передъ публикой, вѣроятно, и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухого звалъ на судъ суды глухого.
Глухой кричалъ: „Моя имъ сведена корова!“

— Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ: Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ! Судья рѣшилъ: „Почто идти вамъ брать на брата?“

Не тотъ и не другой, а дѣлка виновата!“

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говорить о себѣ издатель «Исторіи Русскаго народа»), когда нападенія суть чисто-литературныя и иредать развѣ одной продажѣ разбращенной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія опытъ.

О личной сатирѣ.—Китайскій анекдотъ.— Самъ сѣшъ.—О нравственности; о гр. Нулинѣ.—Чѣдъ есть безнравственное сочиненіе? О Видокѣ.—О литературной аристократіи, о дворянствѣ.

Перечитывая самыя брагчыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, еслибъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ-бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однакожъ я видѣлъ, что самое грубое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще печатный листъ кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

Кстати. Началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того-же времени. Многое желалъ-бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково-бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайпей мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ Панаева. Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакаго права располагать моими стихами, поправлять ихъ по своему и отсылать въ альманахъ Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихъ, преданные мною забвенію или написанные не для печати (например: Она мила, скажу межъ нами), или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣ-

ломъ и степенномъ (например, Посланіе къ Ю.).

Самъ сѣшъ. *) Смы выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчьи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь-же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоній, шутками и колкостями своихъ-же противниковъ. Самъ сѣшъ есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ коемъ сказано, что Фебъ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вынести лакею за дурной тонъ и завосчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ,—и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то-же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ сѣшъ.

Поэтъ вздумалъ описать любовныя собранія букашекъ.—Самъ ты бумашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ сѣшъ.

Гг. чиновные журналисты вздумали-было напасть на одного изъ своихъ собратьевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальныя бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Чего-же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ сѣшъ. Къ несчастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскали, что были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримеръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашими мнѣніемъ, т. е. что самъ сѣшъ вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ.

Отчего издателя «Литературной Газеты» и

*) Провожденіе сего слова: остроумный человѣкъ показываетъ шипъ и говорить язвительно: сѣшъ, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ сѣшъ. (Замѣчаніе для будущаго, или даже для парвстныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, ихъ незнакомыхъ). А. П.

его сотрудников называют аристократами (разумѣется, въ пролическомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы)? Въ чемъ-же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ-ли, что они дворяне? Нѣтъ: всѣ журналы побожались уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ намѣренія смѣяться. Стало бытъ—въ дворянской сибѣи? Нѣтъ: въ «Литературной Газетѣ» доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшного чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ быть—въ приязнаніи на тонъ высшаго общества? Нѣтъ: они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое—мужицкимъ, третье—неприличнымъ для дамскихъ ушей и т. п.; не они гнушаются просторѣіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ (niaiserie, NB не одно просторѣіе); не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ-же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ; не они comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными, не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будущахъ читательницахахъ, о паркетныхъ дамахъ (?). Отчего-же они аристократы (разумѣется, въ пролическомъ смыслѣ)?

Въ одной газетѣ, официальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было-бы сказать: дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ. Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человека знатнаго (мужа честна, говорить лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію, во время княженія Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобріщевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ (изъ учтивости къ покойному графу Алексѣю Ивановичу). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ оналъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и яснымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи,

принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ, во время междоусобицы, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою объ избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвей Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, стольникъ Федоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и Соколиннымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ зачаточномъ, въ припадкѣ ревности или сумасшествия зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣрнъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странная судьба и союзъ сихъ именъ), см. Рюіера и Кастера. Черезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи.

Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода.

Я русскій дворянинъ, и я знаю своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона. Если бытъ стариннымъ дворяниномъ значить подражать англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностью лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадедамъ, конхъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо выпѣ знать нашу болѣею частью составляютъ люди новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ-бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣляя я съ кѣмъ-бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотри около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные упдають и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденные, и

какъ имъ дворянина, часть отъ часу, униженное, стало, наконецъ, въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, выпешимъ въ дворяне, и досужимъ журнальнымъ балагурамъ.

Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно—достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвѣмъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было-бы гордиться сими именами.

Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія), что если у насъ была-бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женою и дѣтьми уѣхалъ-бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть одніи изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обп и я к и. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судья наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшивъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, колы скоро газетчикъ прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы (и большею частью изъ-за китайской), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ наскылѣ безымянномъ, но явно направленномъ, было-бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатать, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ, — все-таки долженъ отозваться и вступиться за

себя, конечно не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Чтò за аристократическая гордость позволять всякому негодя швырять въ насъ грязью? Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухарейтеровскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ, и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхою... Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, на военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ чтò прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобриана, *comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas*. Однажды (официально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражающій Байрону, печатающій критическія статьи въ «Литературной Газетѣ», — человѣкъ подлый и безпринципный, а что такой-то журналистъ — человѣкъ умный, с к р о м н ы й, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. *On en rit, j'en suis moi-même*.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мой слишкомъ лстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула.

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю, хорошъ-ли я собою или дуренъ, старинный-ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ-ли или золъ, ползаю-ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю-ли я въ карты и т. п.? Будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, коимъ подаютъ они поводъ, суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (*hommes publics*), — къ одному изъ главнѣйшихъ условий высокообразованныхъ обществъ: въ семъ отношеніи писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей стоятъ всегда впереди во всѣхъ набогахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенной народѣ основана чистота его нравовъ. Мало

по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

* *

Руслана и Людмилу вообще приняла благосклонно. Кромѣ одной статьи въ «Вѣстникѣ Европы», въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худого слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безправственности за нѣкоторыя слегка сладострастные описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc..

за вступленіе, не помню, которой пѣснью:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть-ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

* *

Кавказскій Пѣлѣникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилился; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ эгегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы довольны вадъ нимъ посмѣлялись.

* *

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣ Пѣлѣника и, какъ онъ, отзывался чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сошелъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хотѣлъ вадъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъѣмлетъ саблю—и съ размаху
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядѣть съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

* *

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославль.

* *

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человекъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣвъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазюющей публики. Вяземскій повторилъ то-же замѣчаніе. (Рылѣвъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было-бы не въ примѣръ благородію). Всего-бы лучше сдѣлать изъ него чинювика или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было-бы и всей поэмы: *ma tanto meglio*.

* *

Въ «Вѣстникѣ Европы» съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ). Правда, во всемъ «Графѣ Нулинѣ» этого сравненія не находится, также какъ и глагола цапцарапствую; но хоть-бы и было, что за бѣда?

* *

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумеется въ журналахъ (въ свѣтѣ приняла его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такіа отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что-бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что «Графъ Нулинъ» точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ-же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутовскихъ повѣстей: Аріостъ, Боккаччо, Лафонтенъ. Касти. Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педагогъ осмѣлится укорить «Душеньку» въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образецъ легкаго и шутовскаго разсказа? А зрѣтческія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, «Графъ Нулинъ» долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-ти-лѣтняя племянница, у другого 15-ти-лѣтняя знакомая, и все, что, по благоусмотрѣнію роди-

телей, не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 15-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ! Благодарный паставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматии, выбранныя мѣста и т. п., но публика не 15-ти-лѣтняя дѣвица и не 13-ти-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые на счетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Доринны, и заслуживаютъ забавное возраженіе горчичной...

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлью или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, концы цѣль горячить воображеніе любовстрастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ правоученіемъ, и видяте въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ насъ даже и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали-бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если-бъ, къ несчастью, написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Этого не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, возноситъ на невиннаго Ниполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!), послѣ чего Ниполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляетъ—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя,

писатели, которые, впроч. (тутъ личности иругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно-ли и можно-ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя-бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ-ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глупокомысліемъ.

Если-бъ «Недоросль», сей единственный памятникъ пародіи сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, поспѣвъ надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили-бы, что Простакова бранитъ Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравниваетъ съ сурою (!!). «Что скажутъ дамы? воскликнулъ-бы критикъ: вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за пѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сія съ дамами! Гдѣ-бы, какъ-бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторечіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, застѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше-ли было-бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)?

Но не смѣшно-ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостини (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно-ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда и вовсе не нужно являться? Не странно-ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно-ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія просто-

людиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обняки провинціальной вѣжливости возбудили-бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ—кому-же?—одному изъ молодыхъ блестящихъ паредворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопрістойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккаччо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлыя отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлѣкъ на вѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что-же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: с у к и н ѣ с ы н ѣ. Возможно-ли? Что скажутъ дамы, если, начаясь, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что-бы онѣ сказали Фонвизину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта пѣтлѣственная Простакова бранитъ Еремѣвну собачьей дочерью? Что сказали-бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутивыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь-же-ли безнравственна, какъ и Графъ Нулинь?

* *

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Періоды непріязненныхъ статей, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онегина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странною привязокъ. Самые обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напримѣръ: «можно-ли сказать: стаканъ шипитъ, вмѣсто—вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ, вмѣсто—паръ идетъ изъ камина? Не слишкомъ-ли смѣло ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ? Какъ думаете, что-бы такое значило:

Мажчишки

Коньками звучно рѣжутъ ледъ?»

Критикъ догадывается, однакъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумавъ плыть по лопу водѣ)
Ступаетъ бережно на ледъ

Критикъ читалъ:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумалъ плыть..

и справедливо замѣчалъ, что не далеко улынешь на красныхъ лапкахъ.

* *

Б. Федоровъ въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онегина, замѣтилъ однакъ, мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, что онъ называлъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ онъ также слово коро́на и выговорилъ мнѣ за то, что я барышени благодарныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, называлъ дѣвчонками (что конечно, неучтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку называлъ дѣвою:

Въ пзушкѣ, распѣвая, дѣва придетъ.

* *

Стихъ: «Два вѣка ссорить не хочу» критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголь съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; наприимѣръ: я не пишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ частица не относится къ глаголу «хочу», а не къ «ссорить». Ерго правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, наприимѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать стихи, а ужъ конечно не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отзываться въ существительномъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу: цыганы, а не цыгане, татаре, а не татары. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на анинь, янинъ, аринъ и яринъ, имѣютъ свой родительный во множественномъ на анъ, янъ, аръ и яръ; а именительный множественнаго на ане, яне, аре и яре. Въ-же существительныя, кончающіяся на анъ и янъ, аръ и яръ, имѣютъ во множественномъ именительный на аны, яны, ары и яры, а родительный на ановъ, яновъ, аровъ, яровъ.

Единственное исключеніе: имена собственные. Потомуки г-на Булгарина будутъ г-да Булгарины, а не Булгаре.

* *

Нѣкоторые стихотворческія болѣзности: послѣ отрицательной частицы *и* —винительный, а не родительный падежъ; время *я* въ, вмѣсто времени (какъ напримѣръ, у Ватюшкова:

То древню Русь и правы
Владимира время *я*...).

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людескую мольву и конекій топъ.

«Такъ-ли изъясняемся мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? можно-ли такъ коверкать русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ «Вѣстникѣ Европы». Мольва (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто тепотъ (слѣдственно, и хлопъ вмѣсто хлопаніе) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

Онъ шипъ пустил по-змѣиному.

(Древ. Русскія Стихотворенія).

На ту бѣду и стихъ-то несь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градекія, и услышалъ конскій топъ и людскую мольву».

Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими презирають.

Шестой пѣсни Овѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ «Вѣстникѣ Европы» латинской опечатки. Кстати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ лпсы, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ XIV столѣтіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

Критику VII пѣсни въ «Сѣверной Пчелѣ» пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Овѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукахъ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо мрачно. Воды
Струились тихо. Жуки жужжали.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, выдержаннаго лучше прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

Эту критику «Сѣверной Пчелы» напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Булгаринъ не сказалъ-бы, что описаніе Москвы

взято изъ «Ив. Выжигія», ибо Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія «Борисъ Годуновъ» взята изъ его романа.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ «Овѣгинѣ», которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было-бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавлять мою сохранныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смирно соизнаюсь также, что въ Донъ-Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною «Евгенія Овѣгина» и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то-же милое обвиненіе издатели «Сѣверной Пчелы»? Цѣна устанавливается не писателями, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній, число требователей ограничено. Онъ состоитъ изъ тѣхъ-же лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все-таки продавали-бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ-бы приступить ко второму, дешевому изданію, но книгопродавецъ могъ-бы тогда самъ понизить свою цѣну и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстія автора, но для большаго требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе: напечатать 20,000 экземпляровъ книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (*le plus national et le plus populaire*), не противорѣчитъ намъ сказанному. Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много-ли ихъ?

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя-бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Олѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблаго-склонно. Я-бы охотно имъ повѣрилъ, если-бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчалъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того-же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми, такъ называемые, судіи наши встрѣтили седьмую.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ-же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны — и между тѣмъ какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей молодости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгений Олѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ-бы то ни было, рѣшусь искутить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгения Олѣгина— послѣднія, но крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали-бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Восьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому-же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутливую народію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Child Harold стоитъ на такой высотѣ, что какии-бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею циничностью. Вотъ истинный анекдотъ: въ лицѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянуть, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему лицу:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково-же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго «Вѣстника Европы» найти слѣдующую штуку: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это «хи, хи» показалось видно столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большою похвалою въ «Сѣверной Пчелѣ»:

«Хи-хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникъ Европы, etc».

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обзорѣ нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ это изысканное выраженіе: «древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія». Выраженіе конечно смѣшное. Затѣмъ не сказано было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та-же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣрить наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастію.

Haebent sua fata libelli. По л т а в а не имѣла успѣха. Вѣроятно она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому-же это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи и вотъ какии образы. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду невидано, чтобъ жепщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи Кочубей къ старому гетману (N^o. исторически доказанная) не могла существовать.

„Ну, что жъ, что ты Честонъ? хогъ знаю, да не вѣро“.

Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія мифологическія, Превращенія Овидіе-вы, Леду, Фаллиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмалиона — и принужденъ былъ признаться, что всѣ эти вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежать. А Отелло, старый пегръ, плѣннѣйшій Дездемону рассказами о сво-

ихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, внушавшая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?... Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью — велика честь для дочери генеральнаго судьи быть наложницею гетмана! — Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичникъ (старичнишка, вмѣсто старикъ — ради затѣливости). Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвочки, имъ обольщенной. Глупость-же челоѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмі точь-въ-точь какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтилъ мнѣ, что Мазепа у меня слишкомъ злонамеренъ; что малороссійскій гетманъ — не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературною критикой: хотѣ знаю, да не въ рю.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокий и постоянный. Дернуть поляка или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнитъ, отъ Чаплицкаго (Червѣцкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Коняскаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранить въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственные слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство! Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквѣ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: усы, взжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора, показались критикамъ низкими, бурлацкими и выраженіями. Низкими словами я почитаю тѣ, которые выражаютъ низкія понятія; но никогда не жертвую искренностью и точностью выраженія

провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.

Въ «Вѣстникѣ Европы» замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не называлъ я ея Мазепою, чтобы не напоминать о Байронѣ. Справедливо — но была тутъ и другая причина: эпитафъ. Такъ и «Бахчисарайскій Фонтанъ» въ рукописи названъ былъ Харемомъ; но меланхолическій эпитафъ, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Кстати о «Полтавѣ», критики упоминали однакожъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его, или, справедливѣе, какъ не понимали! Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной челоѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, безымяннаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрова. по котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если-жъ-бы ему подъ перо его подалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто-бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ (въ поэмѣ Рылѣева «Войнаровскийъ») изъ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ не похвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непрослительно. Однакожъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна. лукавство, малодушіе. свирѣлость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. «Полтаву» написалъ я въ нѣсколько дней. долѣе не могъ-бы ею заниматья и бросилъ-бы все.

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса громотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ей въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамо-

тей (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что, говорить, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смиренный, поворочавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя, но грамотей-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изъ всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч.

* *

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.

* *

У насъ многіе (между прочимъ и Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшается — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается, какъ грѣшу.

Иностранныя собственныя имена, кончающіяся на *e, u, o*, не склоняются. Копчающіяся на *и, ѣ* и *ь* склоняются въ мужскомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гѣтемъ, и проч.

Какъ надобно писать: турковъ или ту-ро-ковъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

Многіе пишутъ: ю п к а, с в а т ь б а. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ ю б о ч н и ц а, с в а д е б н ы й.

Д в е н а д ц а т ь, а не д в ѣ н а д ц а т ь — сокращено изъ двое, какъ и три изъ трое.

Пишутъ тѣ л е г а, т е л ѣ г а. Не правильнѣе-ли телега (отъ слова телецъ: телега, запряженная волами)?

Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфieri изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирамъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московскій выговоръ чрезвычайно извѣстенъ и прихотливъ. Звучныя буквы *и* и *и* передъ

другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ: ж е н щ и н ы, н о с л е г ѣ (см. Богдановича).

Шпіоны подобны буквѣ *з*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они привыкли всюду соваться.

* *

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательный отъ слова *touchant* (см. справедливое о томъ разсужденіе Шишкова). Хладнокровіе—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sens froid*—хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значить — положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ—не въ своей тарелкѣ:

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.

1830 г.

(Горе отъ ума).

Замѣтки по поводу «Бориса Годунова».

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ «Бориса Годунова». Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобъ собственныя ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, по признаю—неудача «Бориса Годунова» будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о своемъ сочиненіи: «*c'est une oeuvre de bonne foi*». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія эта доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ я дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моей трагедіи. чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

* *

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ

формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи тиней и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развѣтѣи происшествій; въ лѣтонисяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богаты! Успѣлъ-ли изъ воспользоваться — не знаю. Но крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то это происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава «Фигица» выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ-бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены.

* *

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аргивянахъ*. — А. Жуандръ, въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если онъ можетъ ихъ избѣжать; если-жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ эту несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, *con amore*, но безо всякой дворянской спѣси. Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсъ была самое смѣшное. Аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее-же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если-бы... Принад-

лежать къ такой аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славіи предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмыслии или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого-бы я ни происходилъ, — отъ разнотинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, — образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ-бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хотя нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

* *

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть, и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій *ни высотяхъ созданія*, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнующей толпы; но напрасно было-бы ему бороться. Такимъ образомъ Лове де-Вега и Расинъ уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

* *

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому-же главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ неудачу историческій романъ Булгарина, нашель я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Васмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у Булгарина также. Все это — драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, *les beaux esprits se rencontrent*.

* *

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріи Самозванцѣ, будто-бы онъ воспитанъ у иезуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годеенъ, чтобы разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрѣньева: Тушинскій воръ и пр.

О Д Р А М Ѣ.

Драматическое искусство родилось на площади — для народнаго увеселенія. Чтò правится народу, чтò поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмарки (вольность мистерій)

Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея положеніе?

(Корнель, поэтъ испанскій).

Сухароковъ, Озеровъ (Катенинъ).

Шекспиръ. Гёте. Вліяніе его на нынѣшній французскій театръ,—на насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное Вяземскимъ; они на словахъ согласились, признали романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какаѣ цѣли ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неровность, небрежность, уродливостъ отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безстрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, никакого презрѣнія, любимыя мысли. Свобода.

Между тѣмъ, какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такою ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готтшеда; мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ, и что главное достоинство искусства—есть польза. Почему-же статуи раскрашенныя правятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какаѣ пользы въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыть и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ воображалъ свои востоящія чувствованія въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ-ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычай лондонскихъ алдерменовъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѣ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодого благовоспитаннаго маркиза. Клитемнестру Корнеля сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля—если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ,

Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого-же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія этого вопроса, рассмотримъ сначала, что такое драма и какаѣ ея цѣли.

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія—драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни—зрѣлище)—трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотреть на нихъ уже равнодушно; изображеніе страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемая волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одному невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую, болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ—вотъ что требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ драма охотается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ происшествій. Отселѣ исторія перенеслась на театръ: народы и цари ихъ выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопріятна и важна.

Отсель важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностью въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его—по крайней мѣрѣ такъ думалъ и опъ, и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію: онъ боялся упизнать такое то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отсель смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (*un héros, un roi de comédie*), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какими-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ. Невронъ не скажетъ просто: «*je serai caché dans ce cabinet*», но «*caché près de ces lieux, je vous verrai*. мадамше». Агамемнонъ будить своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностью: *Oui, c'est Agamemnon, etc.*

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но ладно бы признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія, какъ простые люди. Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлю и не сиѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи. развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Спѣшу обозрѣть исторію драматическаго искусства въ Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностью народною. Мистерія Д. Ростовскаго, трагедіи царевны Софьи Алексѣевны были представляемы при царскомъ дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ, и были необыкновенныхъ празднествомъ, а не постоянными увеселеніями. Первые труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимаваго драматизма и непривыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противомыслия, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елизаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сип вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если онъ выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ пред-

меты для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

Послѣ «Дмитрія Донскаго», послѣ «Пожарскаго» (произведенія незрѣлаго таланта), мы новсе не имѣли трагедій. «Андромаха» Катеняна (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому) не разбудила, однакожъ, нашу спену, опустѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. «Ермакъ» (трагедія Хомякова), лирическое произведеніе пылаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ правамъ и духу, все—даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего-же нѣтъ у насъ трагедій? Не худо было-бы рѣшить: можетъ-ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь: но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ-ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? гдѣ, у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія—словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ-же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ надменные его привычки (*dédaigneux*); вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды: для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было-бы переимѣнить обычай, нравы и понятія...

Передъ вами однакожъ опытъ народной трагедіи («Марья Посадница» Погодина).

РАЗБОРЪ ДРАМЫ «МАРЬЯ ПОСАДНИЦА».

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по разсчетамъ самодлюбія, жаждущаго мнунтнаго успѣха, не въ

угрожденію общей массѣ читателей, не только не приготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполне предавшись неза-визпому вдохновенію, уединясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ «Марѣ Посадницы» имѣлъ цѣлью развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новгорода, рѣшившаго вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица представлены ему были исторіею. Первое—Іоаннъ, уже начертанный у Карамзина во всемъ его грозномъ величіи; второе—Новгородъ, коего черты надлежало угадать. Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба, долженъ былъ изобразить столько-же искренно отпоръ погибающей вольности, какъ глубоко обдуман-ный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. Онъ долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ. Исполнилъ-ли эти первоначальныя необходимыя условія авторъ «Марѣ Посадницы»? Отвѣчаемъ—исполнилъ, и если не вездѣ, то изиѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка, всегда несовершенная—сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю машину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ новгородцы узнаютъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ, даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ: какъ Марѣа, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и объясняютъ высокіе замыслы. Послы новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притвор-

ное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ..... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена, какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго города! Іоаннъ не заболитъ о томъ, правы-ли они или нѣтъ: онъ предписываетъ свои послѣднія условія. Между тѣмъ, готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Сцена между Іоанномъ и Борецкимъ кажется намъ невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унижить новгородскаго предателя; отсѣлъ за-ночиствость его рѣчей и не драматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпѣть, ибо ему нуженъ Борецкій; правда. Но передъ его лицомъ не смѣлбы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ-бы уже сильнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотой, съ какими спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ государственный свои мысли! и замѣтимъ его откровенность: вотъ лучшая лѣсть властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна (російскіе бояре) кажется намъ не въ духѣ властвованія Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ объяснять причины своихъ дѣйствій. Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся съ Іоанномъ, узнавъ его намѣреніе, его мысли, его могучую волю—и уже видимъ его опять, когда молча вѣззжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. Его распоряженія, переданныя намъ исторіею, сохранены въ трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. Марѣа предрекаетъ ему семейственныя несчастія и гибель его рода.

Изображеніе Іоанна, согласно съ исторіею, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральнаго преувеличенія, безъ надутости, чопорности, безъ противосмысла, безъ шарлатанства...

1830 г.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, чтѣ намъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное.

Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, конхъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или конхъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпоея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, проида, эклога, элегія, эпиграмма и басня. Если-же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалимъ» отъ «Энеиды» — всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе-же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ конхъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи грековъ и римлянъ. Каждый образованный европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею — науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пылы книгохранилищъ монастырскихъ; монахи соскребали съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; рима, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ, — имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (*symmetria*), разбѣренность — свойственно уху человеческому; ухо образовалось удареніемъ звуковъ. Трубадуры играли римою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолеть, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сія слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться одними игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія, родились лэ, романъ и фэблѳ.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (*mystères*). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе; но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ европейской поэзіи: нашествіе магровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и вѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Испаніи. Италія присвоила себѣ эпоею; полу-африканская Испанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія протвеу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи (что довольно странно) отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камозномъ, *rime des triolets, fit fleurir la ballade*. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтанъ, циникъ Рабле были современниками Тассу.

Въ Италіи и Испаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова «Орlando», были трагедіи прежде созданий де-Веги и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XVI справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человекъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнаруговалъ свой кораять, и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать однакожъ, что и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: сказки Лафонтена и Вольтера и «Дѣва» сего послѣдняго несятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю ужъ о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французского стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жюделя и Дюбедля остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія ему чуждаго и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великими критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence... etc.

Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Эти два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая-ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство-ли Людовика XIV—причина такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣдіе гениевъ вдругъ является, блещитъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе!

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (*opinion déplorable*). Это не мнѣніе, но истинная историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го (*valet de chambre*), Мольеръ—камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ), конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію принаравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ не выѣзжалъ изъ Парижа.

Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей «Геолиіи». Публика (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько вужно глупцовъ, чтобы составить публику?)—невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толниться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человекъ, унижившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили придворную должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля своими трагедіями; Буало восхвалялъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боскюэтъ и Флешье проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу великаго короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ—въ своей спартѣ, отдаленный отъ двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣхъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположеніемъ поэзіи, какъ та

философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была проза, холодная и осторожная, и пастышка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ Магомета съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ шестьдесятъ лѣтъ наполнялъ театр трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставлялъ онъ свои лица, кста-ти и некстати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ перелетными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутивымъ языкомъ, одною римою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный гевій со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоценныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и пренія. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи. стараюсь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозгласилъ себя его ученикомъ: пылкій Дидро—самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма и Гиббона, привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Фервей на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословенъ вѣнча Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, долготѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодого Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI нисходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая академія, созданная Людовикомъ XIV, хочочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка (какъ называли французы вѣкъ Людовика XIV) исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія истощается, превращается въ мелочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галлереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, оглушенная, очарованная славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты кафедръ провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ

за Франціей на поприще философіи, поэзіи въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ. Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Італія отрывается отъ Давта; Метастазіо подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судьбы Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь-же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостію татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій инокъ вели свои непрерывныя лѣтописи; архіереи въ пославіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадёжности. Но духовная жизнь поработеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣйственными восторгами, и благотѣльные потрясенія крестовыхъ походовъ не отзывались въ краяхъ печальнаго сѣвера. Нашествіе татаръ не было, подобно наводненію мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно пововляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоценныя, полузглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ вашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство помогало аристократіи. Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ. Царская власть ополчилась на боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, цари и бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова (съ Давіемъ), условія, подписанныя польскимъ

королевичемъ аристократіи XVII столѣтія, посылства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпріятыя Петромъ войны были благотѣльны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразования былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ Великій не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпріятыя имъ по необходимости въ минуту (борьбы) и которыя потомъ не успѣлъ онъ отменить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ (замѣчательный неуспѣхъ).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проникательный. Онъ возвысилъ Теофана, ободрилъ Копіевича, наказалъ Татищева за его легкомысліе, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ вѣчнаго труженника—Тредьяковского. Сынъ молдавскаго господаря воспитывался въ его походахъ, а сынъ холмогорскаго рыбака, убѣжавъ отъ береговъ Вѣлаго моря, стучался у воротъ Законодательскаго училища.

Въ началѣ 18 столѣтія французская литература обладала Европою. Она должна была имѣть на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. И такъ, прежде всего, надлежитъ намъ ее изслѣдовать.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія—наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учреждений.

Но сѣмена просвѣщенія были посянны. Петръ I былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣнн ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ.

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горация и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшета и передавалъ звучною русскою языку отголоски нѣмецкой поэзіи.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но питриги Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, наконецъ притѣсненнаго мощною рукою Вирова, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ, вопарилась Елизавета. При ней рождается русская словесность.

Но, приступая къ описанію словесности русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли-бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездною поэмъ, романсовъ проическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было-бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы-бы увидѣли разницу между простодушною сатирою французскаго трувера и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: «Пѣснь о Полку Игоревѣ».

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковский. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковского уничтожается его бездарностію. Постоянное бореніе Тредьяковского. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонвизинъ. Державинъ.

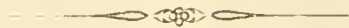
Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, не переводитъ Горация, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею рвемы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degouté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковский—о дидъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envalit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя

въ Россіи, во бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, т-пе Жавлисъ, овладѣваютъ русскою словесностью...

ПРИМѢЧАНІЕ.

Эта червовая статья-программа должна была, по первоначальному плану Пушкина, составлять часть главы о Ломовосовѣ въ статьѣ „Мысли на дорогѣ“. Пушкинъ же разъ возвращался къ плану этой статьи которая, видимо, очень его занимала

МЕЛОЧИ.

Причинами, замедлившими ходъ вашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто-же виновать, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ ваши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія по-русски еще не изяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣньность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы котораго давно уже извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, не смотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами гения, что въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того-же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый подвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то-же самое, что Петрарка для итальянцевъ, что Жуковскаго перевелъ-бы на всѣ языки, если-бы онъ самъ менѣе переводилъ...

* *

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ

живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе пужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвестъ истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пивдара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Ода исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего вѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира—всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единственный планъ Дантова «Ада» есть уже плодъ высокаго гения! Какой планъ въ одахъ Пивдара? Какой планъ въ «Водопадѣ», лучшемъ произведеніи Державина?

* *

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣтъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ вашихъ критиковъ, кажется, предполагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, объясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено однимъ соотечественниками: для другихъ ово или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина: французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника, и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣмъ обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежа-

щихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физиономію, которая болѣе или менѣе отражается въ поэзій.

Переводчики суть подставныя лошади про-
свѣщенія.

Первый обожатель возбуждаетъ чувствитель-
ность женщины, прочіе бывають едва замѣчены. Такъ, въ началѣ сраженія первый равенный про-
изводитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ
состраданіе наше.

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ
въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ
временемъ, не съ *influence* французской траге-
діи, не съ чопорностью чувствительныхъ рома-
новъ, не съ *dignité* исторіи, но современно, по
домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ
герои французскіе) на холопей, передразниваю-
щихъ *la dignité et la noblesse*. Ils sont fa-
miliers dans les circonstances ordinaires de
la vie. leur parole n'a rien d'affecté, de théa-
tral, même dans les circonstances solennel-
les—car les grandes circonstances leur sont
familières.

Французскіе критики имѣють свое понятіе
о романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ про-
изведенія, носящія на себѣ печать унынія или
мечтательности. Иные даже называютъ роман-
тизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія.
Такимъ образомъ Андрей Шенье—поэтъ, напи-
санный древностью, коего даже недостатки
проистекають отъ желанія дать французскому
языку формы греческаго стихосложенія, по-
палъ у нихъ въ романтическіе поэты.

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать
классицизму, благодаря неожиданной помощи,
доставленной журналомъ¹. Давте (*il gran
padre Alighieri*), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ,
Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

ЗАМѢЧАНІЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА.

1) Тиберій былъ въ Иллиріи, когда полу-
чилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Авгу-
ста. Неизвѣстно, засталъ-ли онъ его въ жи-
выхъ. Первое его злодѣіе (замѣчаетъ Тацитъ)
было умерщвленіе Постума Агриппы, внука
Августова. Если убійство политическое можетъ
быть извинено государственной необходимостью,
то Тиберій правъ. Агриппа, родной внукъ
Августа, имѣлъ право на власть и правилъ
черни необычайною силою, дерзостью и даже
простотою ума. Таковыя лица всегда мо-
гутъ имѣть большое число приверженцевъ или
сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Не-

извѣстно, говорить Тацитъ, Тиберій или его
мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно,
Ливія, но и Тиберій не пощадили-бы его.

2) Когда сенатъ просилъ дозволенія пести-
тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій ноз-
волялъ сіе съ насмѣшливой скром-
ностью. Тиберій никогда не мѣшалъ изъ-
явленію подлости, хотя и притворялся иногда,
будто-бы негодовалъ на оную. Вначалѣ-же, рѣ-
шительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, ка-
жется онъ запуганнымъ и скрытнымъ въ од-
нихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

3) Августъ вторично испрашивалъ для Ти-
берія трибунства. Точно-ли въ насмѣшку
и для невыгоднаго сравненія съ са-
мимъ собою хвалилъ онъ наружность сво-
его пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣ-
щаніи изъ единой-ли зависти совѣтовалъ
не распространять предѣловъ имперіи, прости-
равшейся тогда отъ—до—?

4) Тиберій не могъ быть доволенъ Германи-
комъ, оказавшимъ много слабости въ подавле-
ніи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается
на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ
время службы, допускаетъ самовольныя казни,
даже междоусобную битву. Властѣяція пораже-
нія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не
заглаживаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тибе-
рій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть ри-
торическими украшеніями; меньше хвалилъ
онъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счаст-
ливыя обстоятельства благоприятствовали Дру-
зу, но сей оказалъ и много благоразумія: не
склонился на требованія мятежниковъ, самъ
казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водво-
рилъ порядокъ.

5) Германикъ, тщетно стараясь усмирять
бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться въ гла-
захъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ
нихъ подаль свой мечъ, говоря: «онъ острѣе»
Это показалось, говорить Тацитъ, «слишкомъ
злбно и жестоко самымъ яростнымъ мятеж-
никамъ».

Самоубійство было обыкновенно въ древно-
сти. Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться;
Мессалина въ перѣшности подноситъ ножъ
то къ горлу, то къ груди, и мать ее не оста-
навливаетъ. Сенека не пренятствуетъ своей
женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч.
Предложеніе война есть хладнокровный вызовъ,
а не неумѣстная шутка.

6) Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой
Овидія, умираетъ въ изгнаніи и въ нище-
тѣ, но не отъ нищенства и голода,
какъ вышетъ Тацитъ. Голодомъ можно замо-
рять въ тюрьмѣ.

7) Тиберій отказывается отъ управленія го-
сударства, но изъявляетъ готовность принять
на себя ту часть онаго, которую на него воз-
ложить.

Сквозь рабѣлства Галла Азинія видѣть оу его гордость и предпримчивость, негодуеъ на Скавра, нападаетъ на Гонорія, который подвергается опасности быть убиту войнами. Они спасены просьбами Августа и Ливія.

Тиберій не допускалъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія. — Не изъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ, онъ не увеличивать, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ.

8) Первое дѣйствіе Тиверіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается. (Тѣмъ правленія перевесена въ сенатъ).

9) Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что «человѣкъ, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способѣвъ къ поддержанію жизни». Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе ирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

10) Съ такими сужденіями неудивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону, — но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

Тацитъ говорить о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастья многихъ...

Ни одно изъ произведеній лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма «Корсаръ», не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру — въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринѣа, Шильонскому Узнику — въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ — въ трагической силѣ, Чайльдъ-Гарольду — въ глубокомыслии и высотѣ паренія, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи — Донъ-Жуану. «Корсаръ» неимовѣрнымъ своимъ усиѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ это намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя въ Чайльдъ-Гарольдѣ. Какъ-бы то ни было, поэтъ никогда не объяснялъ своего намѣренія:

сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію.

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколькихъ сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Чтѣ-же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы «Корсаръ» выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона надутой и уродливой прозой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Копебу? Спрашивается: чтѣ же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? О *miratores!* (здѣсь подразумевается «Корсаръ», драма Олина).

Англійскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Мауфредѣ онъ подражалъ Фаусту, замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію, благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтического духа, служить представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ Альфіери. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, по по безсвязности сцены и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ-Гарольда. Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потому отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно свой); все, кромѣ ...etc, отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Когда-же онъ сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и въ послѣдствіи времени снова принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ «Превращенномъ Уродѣ» (думая тѣмъ исправить *le chef-d'oeuvre*).

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джульетта, хотя слогами своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и

широкой его кисти, что ее должно почестъ сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италия, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джульеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданий Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изъ всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представителя итальянцевъ, бывшихъ моднымъ пародомъ Европы, французами XVI вѣка.

* *

Умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ-бы приравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли почитать жепщину, которая такъ часто удивляютъ насъ быстротою понятія, тонкостью чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими со славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

* *

Браните мужчинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки, — ни одинъ не вздумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола, — всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно, — онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

* *

Иезуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макиавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coripgius, издавшій Il Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макиавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

* *

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльд-Гарольда. Нѣсколько разъ Байронъ пытался бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи — и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

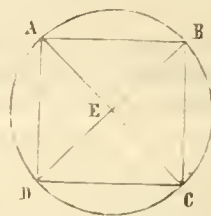
Дельвингъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе».

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux.
Si je l'étais jamais!..

* *

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECDC [3], ABD+—+AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому-же образцу.

Какой-то лордъ, извѣстный лѣннвецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другого». Н., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другого то, что можешь сдѣлать для себя».

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличій и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и приобрѣтаетъ навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большого свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогъ добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

* *

Будемъ справедливы: Полевого нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатыми: напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

* *

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говорить Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ-же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дю-

мевля или исторіей Полевого, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

Divide et impera—есть правило государственное, не только макиавеллическое (принимая это слово въ общенародномъ значеніи).

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эниграммы—разумѣю не антологическія, въ которыхъ развѣрчивается поэтическая прелесть,—но ту, которую Буало опредѣляетъ: *Un bon mot de reux times orné*.

Д. говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ—бы списокъ членовъ съ обозначеніемъ того, что кѣмъ написано.

Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей—ваше самолюбіе; мы рады, ежели сходимъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ-бы то ни было,—мнѣніемъ, привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли-бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостями людей, вовсе ничтожныхъ, если-бы они оставляли намъ свои признанія.

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычай.

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкою способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслить, что довольно рѣдко... ибо должно стараться имѣть большинство глосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ.

К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ.—Чѣмъ вы это докажете?—Помилуйте, простоудшно увѣрить онъ, да я могъ-бы такъ написать.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполнить духа Магометова.

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хотя, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ вашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая-же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго

или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ-же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самой раздражительною, едва-ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы объясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

Чѣмъ болѣе мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благороденъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такой нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

Примѣры невѣжливости.—Въ нѣкоторомъ азіатскомъ народѣ мужчины каждый день, возставъ отъ сва, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не жевщинами.

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостью, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я—человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнул стихъ, усомнясь, можетъ-ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное реченіе: жевщина—не человѣкъ, курица—не птица, пранорщикъ—не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и привораживаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученія книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопре-

восходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ». — Какъ-же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ: у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую? — «Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волинскаго сказано, что онъ однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго пінты Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростью оплошнаго стихотворца.

* *

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пуская въ стихахъ моихъ найдется безмыслица, за то ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ объяснять нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

* *

«Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ», сказалъ Паскаль — и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

* *

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значить? Можно-ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служить основаніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

* *

Путешественникъ Ансело говорить о какой-то грамматицѣ, утвердившей правила нашего языка и еще неизданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще неперанной и не напечатанной. Забавная словесность!

* *

Л. состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique. mais physiquement je suis devenu moral!

* *

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

* *

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Эта честь, состоящая въ готовности пожертвовать всею для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Теодоръ, уничтоживъ сію спѣсную дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый впускъ его, ни тайно злобствовавшій Годуновъ.

* *

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило — говорить Карамзинъ — ставить уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія... Можетъ-ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ этотъ, утвержденный демократическою завистью нѣкоторыхъ философовъ, служить только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть-ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

* *

Сказано: les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples. Но какой-же народъ ввѣритъ праса своимъ тайнымъ обществамъ, и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

* *

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ-бы собственными глазами. Однакожъ, въ «Донъ-Жуанѣ» описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противъ мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила: Донъ-Жуанъ отравляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокой морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были сѣнгомъ, и побѣдитель бѣжалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилю Богъ, какъ чисто!..» Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ сво-

ныхъ поэтахъ онъ часто говорить о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сардапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ наѣзжалъ черезъ Персію прѣхать на Кавказъ.

* *

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ гениемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный лордъ Мидасъ (М.С.Воронцовъ),
Съ душой посредственной и пизкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ:
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его
Провозгласить рѣшились толпимъ и проч.

* *

Coquette, prude. Слово «кокетка» обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно пекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской)—педотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволено многое знать и многого опасаться: но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, и рюдство или смѣшно, или несносно. Prude мужескаго рода не имѣетъ: но есть мужья prudes въ отношеніи своихъ женъ.—животныя самыя глупыя и скучныя.

* *

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находится ихъ помѣстья: со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патриотами, потому что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

* *

Должно стараться имѣть большинство голо-совъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

* *

Французская словесность родилась изъ переди и далѣе гостиниой не доходила.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтический. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтанъ, Монтескье, Вольтеръ доказали это. Монтанъ, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горация, кажется, не понималъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы взумимся ихъ бѣдностью...

Ламартина скучивъ Юма и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались-ли они въ томъ однообразіи, въ вялой безпечности своего Ламартина, но—тому лѣтъ 10—его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

* *

Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, зотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія (*les Orientales*); между тѣмъ какъ добрый скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсень и произвелъ недоразумѣніе... Какъ приняла молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не было. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ поправилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не вѣдая цѣлью объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истинной жизни общаго не имѣетъ. Давно-бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и испанскія сказки Мюссе отличаются живостью необыкновенной. Изъ нихъ Portia, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства; сцена ночного свиданія, картина ревниваго, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это—иресть. Драматической черкъ: «*Les marons de feu*» обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти «*Mardoeh*» Musset, первый изъ французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горация: *difficile est propria communia*

discre, какъ понималъ ихъ англійскій поэтъ въ эниграфѣ въ «Допъ-Жуану», то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенныя предметы. *Comptin* значить не обыкновенныя предметы, но общіе всѣмъ. (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ).

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «*Siècle de Louis XIV*» (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини — пинеть онъ — случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не снимая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если-бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ-же маскированного. Передъ тѣмъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семь островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекаръ, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ: онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому

служить происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ привосилъ ему кушанье на столъ, заперъ дверь и удалялся. Дважды невольникъ начертилъ что-то пожемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Этотъ изумился. «Читалъ-ли ты, что тутъ написано, спросилъ онъ у рыбака: и видѣлъ-ли кто у тебя эту тарелку?» — Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашолъ; никто ея не видалъ. — Рыбака задержали, пока не удостоверились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки вѣрно не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай: счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтверждать истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе».

Эти строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали розыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто-бы за пощечину, нмъ данную дофиню (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Вофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни парижской, провагшаго безъ вѣсти во время осады Кавдинъ въ 16...; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуть, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ эти мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенной. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

1. «Моск. Телеграфомъ», дѣлавшимъ такъ Европу, и относившимъ къ классической — народы латинскаго юга, а къ романической — германскія племена.

А. Бевкendorffъ.

А. Бестужевъ.

А. Воейковъ.

Кв. П. Вяземскій.

Н. Гвѣдичъ.

Н. Гоголь.

Н. Гречъ.

П. Давыдовъ.

Давтесъ.

А. Дельвигъ.

И. Дмитриевъ.

В. Жуковский.

М. Загоскинъ.

В. Кюельбекеръ.

Н. Лажечниковъ.

П. Нащокинъ.

Кв. В. Одоевскій.

П. Плетневъ

М. Погодинъ.

Н. Полевой.

Л. Пушкинъ.

К. Рыловъ.

П. Чаадаевъ

Н. Языковъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

1816.

Князю П. А. Вяземскому. *Цар. Село, 27 марта.*
— Князь Петръ Андреевичъ!—Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть, ужъ не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣнать ваше цѣлитическое сіятельство; сами виноваты: зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустынноика, котораго ужъ и безъ того дергается бѣшеный демонъ бумагоманія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійскій почтальонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ; дѣлайте, что вамъ угодно, во я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда лицей (или ликей, только, ради Бога, не лицея) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣрю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, иа зло всѣмъ философамъ и поэгамъ, которые притворяются, будто бы жили въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтается объ уединенъ,
Кто вьдѣть только въ отдаленіѣ
Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ славянскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижинъ не покидаетъ...
И не во снѣ, а наяву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда, время нашего выпуска приближается, остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлый годъ еще думать передъ каедрой!.. Это ужасно. Право, съ радостью согласился-бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присоюужденіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы гр. Разу-

мовскій (Министръ Нар. Просвѣщенія) сократилъ время моего заточенія. Безбожно молодого человека держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей руссійскаго слова (въ занятіяхъ „Арзамаскаго“ общества). Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ равной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ.

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные); часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше; недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это вовсе не забавно. Любезный арзамасецъ! утѣшите насъ своими посланіями, и общаю вамъ если не вѣчное блаженство, то, по крайней мѣрѣ, искреннюю благодарность всего лица.

Простите, князь,—гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на Ш. (кн. Шаликовъ, кн. Шаховскаго и кн. Ширинскаго - Шихматова). Обвините Батюшкова за того больного, у котораго, годъ тому назадъ, завопалъ онъ Вову-королевича. Не знаю, успѣю ли написать Василію Львовичу. На всякій случай обвините и его за вѣтренаго племянника. Valeas.—А. Пушкинъ.

Ломоносовъ (лицейскій товарищъ Пушкина) вамъ кланяется.

1817.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Спб. 1 сентября.* — Любезный князь! — Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи (Село Михайловское). Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ-бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется-ли мое желаніе. Покамѣстъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія. II.

1819.

А. И. Тургеневу. — *Михайловское, 9 іюля.* — Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо. Вотъ важная на память посланіе Орлову. Примите его въ вашъ отеческій карманъ; напечатайте въ собственнѣй-

типографіи и подарите одинъ экземпляръ „пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину“. Кстати о Беллоны: когда вы увидите благоглазого Кавелина (директоръ слб. университета), поговорите ему, хоть ради нашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона. Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія, и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ низшемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племениникъ, зажмите ротъ доктору теологіи Кавелину, который добивается попасть въ инквизиторы. Препоручая себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. — *Пушкинъ.*

П. Б. Мансурову. — 27 октября. Насилу упрости я Всеволожскаго, чтобы онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ пѣсколько строкъ, любимый Мансуровъ, чудо-чересть! Здоровъ-ли ты, моя радость? весель-ли ты, моя прелесть? — помнишь-ли ты насъ, друзей твоихъ (мужскаго пола)? — мы не забыли тебя и въ 7 часовъ съ 1/2 каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканіями, вздохами — и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Кавелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? Завидуетъ намъ и плачетъ о Крыловой (актриса). Каждое утро крылатая дѣва летитъ на ренетицію мимо оконъ нашего Никиты (Всеволожскаго); но прежнему поднимаются на носъ телескопы, но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя. — Оставимъ элэгію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ — все идетъ по прежнему; шампанское, слава Богу, здорово — актрисы также.. такъ и должно... Всеволожскій X. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ, а я въ нихъ не влюбленъ — однакого его вызывалъ за его дурную комедію («Чустодымъ»), а ес—за посредственную игру. — Tolstoy боленъ.. Зеленая Лампа (общество великобѣтскихъ кутиль) нагорѣла — кажется гаснетъ, а жалъ — масло есть (т. е. шампанское нашего друга); пишемъ-ли ты, мой собратъ? напишемъ-ли мнѣ, мой холопеньей? поговори мнѣ о себѣ, о военныхъ поселеніяхъ; это все мнѣ нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизмъ. Прощай, започка. — *Пушкинъ.*

1820.

Кн. П. А. Вяземскому. — Слб., мартъ — апрѣль. — Я читалъ моему преображенскому пріятелю (Катенину) пѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ псиражженіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Желательно, чтобы дѣло на этомъ остановилось. Онъ, кажется, боится твоей сатирической напизы. Твои первые четыре стиха насчетъ его въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны. Остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодно, и — дружба въ сторону — Катенинъ стоитъ чего-нибудь получше и поэтиче. Онъ овоздастъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18-му столѣтію. Въ немъ та же авторская сѣбѣ, тѣ же литературныя слетни и нитриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Еврону, но теперь этимъ не удивишь. Что ни говори,

вѣкъ нашъ — не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего, а все таки жалъ. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покаместъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны: «Первый Сибѣтъ» — прелесть, «Уныпіе» — прелесть. Читалъ-ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Божѣ почивающаго? Слышалъ ты его „Голосъ съ того свѣта“ и что ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою (Русланъ и Людмила) я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесть мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже навечатанную. Она такъ мнѣ надобна, что не могу рѣшиться переписывать ее ключками для тебя. Инымъ мос скучно потому, что съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для слетницъ С.-Пет., я глушь и старію не надѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ, пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепискѣ. — *Пушкинъ.*

Н. И. Гнѣдину. — Слб. май. — Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непременно — и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастью — тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предпринять. Благодарю за участіе и безпокойство. — *Пушкинъ.*

Л. С. Пушкину. — Кишиневъ, 24-ю сентября. — Милый братъ, я впововетъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою давнишнюю письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ ялицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, побѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупаюся и схватилъ горячку по моему обыновенію. Генералъ Раевскій, который фхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, напелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ фхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь — я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылезлился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Вроде, купался въ теплыхъ кислотныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебныя ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не выдалъ великолѣпную цѣнь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся страшными облаками, разноцвѣтными и подвижными: жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Вешту, Машуга, Желѣзой горы, Каменной и Зѣбной. Кавказскій брай, знойная граница Азіи, любимою въ всѣхъ отношеніяхъ. Ермолъ въ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ гениемъ. Дикіе черкесы напуганы; дренняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — изланными. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приписывавшая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ

насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущиѣхъ войнахъ—и, можетъ быть, събудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду непріязненныхъ волей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженными фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ понапастъ на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности правится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь вижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь вижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на ближайшей горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груды камней, утесовъ грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее-ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнявшійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоценнаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій, но ему недостасть ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы къ Кефѣ, остановились у Броневского, человѣка почтеннаго но непорочною службѣю и но бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, странѣ важной и зашученной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуостровныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевского. Ночью на кораблѣ написать я элегію (Покало дневное свѣтило), которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу, безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тонами, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія: онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска—я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душею; свиходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатеринославскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привлекаетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Судя, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго

семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображенію; горы, сады, море.. другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь-ли ты со мной? Скоро-ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ, пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ-бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобы забыть на минуту слетѣтъ, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ безвѣстную... я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомъ меня объ нашихъ. Все-ли еще они въ деревнѣ? Мнѣ деньги нужны! Прости. Обними-же за меня Ъхель, бекера и Дельвига.—Видишь-ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братѣ.—Пушкинъ.

Н. И. Гяфичу. — *Каменка, 4 декабря.*—Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я пелу странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевского. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любимыхъ для незнакомаго публциста. Женщинъ мало, много шаманскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, предавшись мновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою (Русланъ и Людмила), напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствомъ, я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, который читали вы мнѣ въ нашемъ эцикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы: „Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ“ и пр.; онъ оживилъ во мнѣ воспоминанія объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоценнаго для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которые нашедъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. (Воейковъ), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, несчастный! (что, между прочимъ, очень неучтиво) говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого тѣжнаго, чувствительнаго Корреддіо, и смѣлою кистью Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовые тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ съ мнѣишемъ неизвѣстнаго эпиграммиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допросчикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою; кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! радѣю увидѣть васъ передъ моею смертію. По-

камѣсть у меня еще поэма готова или еще готова (К. Ильиникъ). Прощайте, поухайте гниппанскаго табаку и чихайте громче, еще громче.

Р. S. Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ-ли онъ съ ея высочествомъ? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу — журналъ его (Невскій зритель) не выдалъ, писемъ также! Мой адресъ: въ Кишиневъ — Его Пр. Ив. Никитичу Пизову.

1821.

Барону А. А. Дельвигу. Кишиневъ, 23 марта.

Другъ Дельвигъ, мой нарпасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
По признаюся, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ-бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ каспійскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды,
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Вынало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью нахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахветъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза захнетъ,
И рѣдко, рѣдко, съ ней грѣшу.
Къ молвъ болтливой я хладѣю
И изъ учтивоств одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой,
Я славы замѣнилъ кумвръ;
Но все люблю, мои поэты,
Фантазию волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки зашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня
Прокказы, игры прежнихъ дней,
Глянуть съ лежанки ваша сводня
На шашви молодыхъ....

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Глѣбичемъ выѣгъ съ дѣвственной Людмилю. Ты не довольно говоришь о себѣ и о друзьяхъ нашихъ. — О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаніемъ въ Парижъ — духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина — духа смиренномудрія и терпѣнія. Объ духѣ любви я не беспокоюсь: въ этомъ пуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть изниппе болтливъ. Въ твоимъ отсутствіи — сердце папоминало о тебѣ; объ твоей музѣ — журналы. Ты все тотъ-же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго-ли тебѣ шалить, долго-ли тебѣ размѣнивать свой гевій на серебряные четвертаки? — Напиши поэму славию, только не четыре части для и не четыре времени года — напиши своего Монаха: поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго челоуѣка, не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что копчилъ я новую поэму К. П. ѣ п н и к ѣ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать. Ты ею не советѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу — я перерываю воспоминанія и надѣюсь вобрать веко-

рѣ помы: чѣмъ намъ и жить, душа моя, подѣ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію: есть страны благословеннѣе. — Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо (Вольтеръ. Hist. des voyages de Scarmementado), кажегся, неправъ, — самого лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ челоуѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствомъ его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будешь стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями, и братьями не только по африканской нашей крови. — Прощай. — А. П.

Н. И. Глѣбичу. — Кишиневъ, 24 марта.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
П хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забывъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣнницы
Тревожить сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ-же я, какъ былъ и прежде.
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посылаю
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высочій,
И важнымъ писемъ облека.
Оградѣ жизни одиовой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ веллчавый
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ!
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гонимы
Ханжи и гордаго глумца —
И вновь онъ оживилъ пѣвца.
Какъ сладкій голосъ вдохновенья
Избавникъ Феба! твой пріивѣтъ,
Твоя хвала маѣ драгоцѣннѣе;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой ялощадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Золотъ хлещетъ мимодомамъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, пашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, шитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре для какъ печатные стихи, вишета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня.

Чувствительно благодарю почтеннаго Оленина; эти черты—сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я вас; здѣшнія обстоятельства нахнутъ долгой, долгой разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобы возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаніями и еще новой поэмію; та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Пѣлиникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдите малое, очень малое. Съ вершиной заоблачныхъ безпѣжнаго Вешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна-бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, послѣдняя отрасль Кавказа. — Во всей поэмі не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили въ съ ней, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи.—Что дѣлаетъ Карамзинъ? здоровы-ли онъ, жена и дѣти? Это почтенное семейство ужасно недостаётъ моему сердцу. Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ.—Vale.—*Пушкинъ.*

А. Н. Раевскому. — *Кишиневъ, мартъ — апрѣль.* — Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Иисланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительства турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ иго незаконнаго, что намѣрены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Эта прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и русскій консулъ хотѣли удержать распространение бунта. Папудуры и арнауты отовсюду бѣжали къ сѣверу Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февраля генералъ князь Александръ Иисланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгіемъ Кантакузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремястами арнаутовъ, кн. Суццо и русскимъ консуломъ и тотчасъ принялъ начальство надъ городомъ. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фекисты Греціи воспринять изъ своего плеча, что часть гибели для Турціи настала и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: „сия побѣдиши“; на третьемъ изображенъ возрождающійся фекистъ. Я видѣлъ нѣсколько одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Иисланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы.

Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Иисланти и тотчасъ казнены—страшная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человекъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя... Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мыслы устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собиравшие толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Фемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Иисланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 наистровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратитъ по возобновленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Иисланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, цѣлью котораго было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т. е. состоявшая изъ военныхъ людей); вторую—граждане; члены ихъ имѣли право каждый приискать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль этого общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость кинтопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество—все покровительствовало вольнолюбивымъ патриотамъ. Всѣ кушцы, всѣ духовенство до послѣдняго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края: живемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

Странная картина! Два народа (греки и итальянцы), давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время встаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра. Первый шагъ Иисланти прекрасенъ и блистателенъ. Онъ счастливо началъ—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Князь опасенъ для него сабли турокъ; Константинъ (Али-Паша-Янинскій) не будетъ совѣстливѣ Клодовика, и вліяніе молодого мистика Греціи можетъ его встревожить. Призваюсь, я-бы по совѣтывалъ кн. Иисланти и рѣдупредить его старѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ-ли мы Молдавію и Валахію подъ нѣдомъ миролюбивыхъ посредниковъ? Перейдемъ-ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ, буду увѣдомлять.

В. Л. Давыдову (черновое).—*Кишиневъ, начало апреля.*

Межъ тѣмъ, какъ генераль Орловъ,
Обритый рекрутъ гименея,
Священной страстью пламенѣлъ,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылками Ан
Сидятъ Раевскіе мои.
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь,
И съ горя на берегахъ Дуная
Будусть нашъ безрукій князь (Пислянти) —
Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя.
На этихъ дняхъ, среди собора,
Мѣ съ сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ, невзначай,
Велѣлъ жить долго всей Россіи

Я сталъ уменъ, и лицемѣрю:
Помоусь, помоусь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ государь — мои стихи.
Говѣтъ Пивзовъ, и наединѣ
Я промѣнялъ Волтера бредни
И лавру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣди,
Да на сусеяне грибы.

Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемля сатаѣ,
А все несомнѣнно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоємъ вѣнѣ...
Вотъ вхаристія другая,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенія чашу наполняя
Везѣиной, мерзлой струей
И за здоровье тѣхъ и в той
До два, до капли выпивали...
Но тѣ въ Неаполѣ шалать,
А та едва-ли тамъ воскреснуть:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснеть.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но вѣтъ, — мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,
И я скажу: Христось воскресъ!

Дегили. — *Кишиневъ, 6 июня* (по-французски). — Предостереженіе г-ну Дегили, оставшему французскому офицеру, вызванному Пушкинымъ, не уклонившемуся отъ дуэли. Не достаточно быть Иванушкой-дурачкомъ, надо быть имъ искренне. Наканувъ дуэли на сабляхъ не пипнуть на глазахъ жепы іереміадъ и завѣщавій, не распускаютъ по городу глупыхъ сказокъ, чтобы власти могли помѣшать дуэли, не компрометируютъ дважды своего секунданта. (Выписка Пушкина: пл генерала, который удостоилъ принять подосца въ свой домъ). Все, что случилось — я предвидѣлъ, и мнѣ очевь досадно, что я этого не высказалъ. Теперь все кончено, поберегитесь. Примите увѣренность въ чувствахъ, которыя вы заслуживаете. *Пушкинъ.*
PS. Забудьте при этомъ, что въ случаѣ пужды я съумѣю пустить въ ходъ свои права русскаго дворянина, такъ какъ въ ничего не смыслите въ правахъ оружія.

Л. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 27 июня.* — Братъ у. — Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь — я называю дѣльнымъ все, что басаеся до тебя. Пиши ко мнѣ, покаместъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ порусски, потому что, слава Богу, съ моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость, не поэтъ); пиши-же мнѣ о новостяхъ нашей словесности; что такое Сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Опъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года? Кто на ны? „Черная Шаль“ тебѣ нравится — ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Нахвистъ Глинка. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что славная душа, и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и позови у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями — экаемиларовъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его (марки вѣтъ); Оношникову его (тащовщика), Лампу его — и все, елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Маусурова — пожелай здравія Калмыку (слуга Всеволожскаго) — и напиши мнѣ обо всемъ. — Пришли мнѣ „Таврду“ Боброва. Vale.

Твой братъ А.

Сестрѣ (по-французски). — Возвратилась-ли ты изъ своего путешествія? посѣщала-ли опять нарвскія подземелья, замки, доподнады? занимало-ли это тебя? любишь-ли ты по прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? помнишь-ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась-ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? издишь-ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? Что надѣлываетъ Корфъ? замужемъ-ли ты? готова-ли на это? не сомнѣвешься-ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ. — А.

А. И. Тургеневу. — *Кишиневъ, июль.* — Въ дѣто пятое отъ Липецкаго потопа превосходительный Раекъ и превосходительный жалобный Сверчокъ на лужикѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, вспоминая тебя. Арамасть, Иерусалимъ ума и вкуса. Благородные гуси величественно барахтались. передъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомаяпуютой рѣчки. Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки, и потому...

С. И. Тургеневу. — *Кишиневъ, 21 августа.* — Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ-бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою. — Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? Обвините тамъ за меня милого нашего муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его (Н. П. Тургенева). Его Пресвященству (Александру Ивановичу Тургеневу, состоящему при оберъ-прокурорѣ св. си-

нода, писалъ я писъмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи—но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я вивоватъ: полученное отъ васъ писъмо я черезъ два дня перечитываю, но до сихъ поръ не отвѣчалъ: надѣюсь на великодушное прощенье и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу (Д. В. Дашкову), если Чу меня помнитъ—а Долгорукій меня забылъ. *Пушкинъ.*

Н. И. Гречу. — *Кишиневъ, 21 сентября.*—Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опятъ безпокою васъ писъмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте писъмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человекъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества мое Посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цenzура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ тогталитцемъ. Тамъ напечатано: глупца-философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; во лишняя брань не бѣда. А скромное писъмо мое насчетъ моего-же писъма—видно, не лѣзетъ сквозъ цenzуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было вискать, да они и въ усь не дуютъ. Что-бъ это значило? Если просто забвенье, то я имъ не пеняю; забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я-бы и самъ ихъ забылъ, если-бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабиветѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разолы, что писъма ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ-бы я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Пѣнника, да лѣнь переносывать. Хотите-ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался.—Vale.—*Пушкинъ.*

В. П. Горчакову. — Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утоился мой Пѣнникъ въ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ Пѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герою романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было-бы назвать черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана, хоть стихи въ ней арѣлѣе.—Прощай, моя радость.

Неизвѣстному лицу (черновое, по-французски).—Вы мой достойный пасташикъ—храбрый, извѣстный, злой,—но этого мало, надо быть жестокимъ тираномъ, мстительнымъ—вотъ

въ бакомъ духѣ я прошу васъ меня руководить. Люди не стоятъ, чтобы цѣнили ихъ за тѣ пскры ума и чувства, ва которыя я предполагалъ ихъ цѣнить. Ихъ слѣдуетъ цѣнить лишь по берковцамъ. Необходимо сдѣлаться такимъ-же эгоистомъ, какими являются поны въ достиженіи своихъ цѣлей; лишь тогда можно занять свое опредѣленное мѣсто. Скажите мнѣ, мой любезный соотечественникъ, правда-ли это, или я ошибаюсь?

1822.

Ки. П. А. Вяземскому. — *Кишиневъ, 2 января.*—Попалодупло привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди беретъ доставить тебѣ мою прозу. Ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любить его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы взрѣдка облизали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за все вообще. Вранюсъ съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому. Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты билъ его съ погъ, но онъ облизалъ безславыи твоей вѣсковъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихого хлыста, а не сатирической твоей налпы. Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чадаеву, то это не изъ пенависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ ва одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристанна Панди (Романъ Л. Стерна 1762 г.). Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впрядъ зашагаетъ, какъ шалага до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Останимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемъ каждый въ свою сторону, а то насенъ нѣтъ. Кавказскій мой Пѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣнь много, а денегъ мало, а меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ наданіямъ. Желая счастья дядѣ. Я ве нищу къ нему, потому что опасаясь журнальныхъ почестей. Скоро-ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаясь, чтобъ двоюродный братъ мой не пожелалъ моимъ сыномъ. А долго-ли до грѣха? Пиши мнѣ, съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей Богу буду отвѣчать.—*Пушкинъ.*

Р. С. Пишу тебѣ у Орлова. Все тотъ-же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать писъмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изловать его. Онъ тебѣ кланяется и занять ужасно сургучемъ.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя (у Орлова была сургучная фабрика), а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

Л. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 24 января.*—Сперва хочу съ тобою побораниться: какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское писъмо, ты не московская кузина. Во-вторыхъ, писъма твои саншкомъ коротки—ты или не хочешь, или не можешь мнѣ

говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болѣзнь братской дружбы была-бы мнѣ болѣзненнымъ утѣшеніемъ. Предстали себѣ, что до моей пустыни не доходить ни одинъ дружній голосъ; что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать эгегическую мою мизантропію—и это состояние песенно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ: я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій, самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ; онъ правъ: я-бы долженъ былъ къ нему приблизить съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно нѣкакого извѣстія; Гречу у должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему „Плѣнника“. Къ тому-же, ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ-бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ лѣнникомъ книжнаго ума. Спрося у Дельвига, здоровъ-ли онъ, все-ли, слава Богу, ищетъ и кушаетъ, каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатанъ ихъ въ „Сынѣ“ (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай: въ ней каждый стихъ—правда:

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черныи усы,
Другой за деньги,—понимаю:
Другой за то, что былъ французъ:
Клеопъ—утомъ ее страшая,
Дамись—за то, что нѣжно пѣлъ;
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго (слѣдуетъ эпиграмма „Клеветники безъ дарованья“... см. Алфавитный указатель).

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока. обнимаю тебя. —*Твой другъ Демьянъ.*

Н. И. Гнѣдичу. — *Кишиневъ, 29 апрѣля.* — Parve (nec invidio) sine me. liber, ibis in urbem, Nea mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавляю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей идилліи (о которой поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, во дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстью, поэмой или все никакъ не вазывайте, издайте его въ двухъ лѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale. II.

Н. И. Гнѣдичу. — *Кишиневъ, 13 мая.* — Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустытника. Онъ молчитъ, боясь надобѣдать тѣмъ, которыхъ любить, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ-то то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего-бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія

останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1. Увѣрены-ли вы, что цензура, поповолѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнить-же прежнее новымъ въ ся угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пусто-словіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка (Братья-Разбойники), да NB цензура.

Tout bien vu, не кончить-ли дѣло предисловіемъ? Дайте попробовать, авось не наскучу. И что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité

Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Какъ-бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтливую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: „И должно честь отдать, что лѣнцы аккуратны“—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захолаеть и захохочетъ.—А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ-бы знать, сбылось-ли мое предсказаніе.

Вы, котораго гений и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четыре-стопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это ксатя о К. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія; о Дельвигѣ и Баратынскомъ также; но я люблю ихъ и лѣнпыхъ. Vale, sed delenda est censura.—II.

Своего портрета у меня нѣтъ, да въ кой чортъ имѣть его?—Знаете-ли вы трогательный обычай русскаго мужика: въ свѣтлое воскресенье выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это: „Въ чужбинѣ свято наблюдаю“ и т. д. (См. въ алфавит. указателѣ стихотвореніе „Птичка“).

Напечатаютъ-ли безъ имени въ С. Отечества?

А. А. Бестужеву. — *Кишиневъ, 21 іюня.* — Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я наномнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признавая, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ-бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, годушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ эгегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одвого честолубія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, пбо ова очень глупа; повидимому, ее

настрашали моихъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Та в р и д ѣ). Повторяю вамъ, ова ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ писемѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. О. Рылѣва; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.—П.

Н. И. Гнѣдичу. — *Кишиневъ, 27 іюня.* — Письмо ваше—такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобы меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Пѣтчиника. Ваши замѣчанія насчетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалуйте обо мнѣ: живу между готовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приносить честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: небесный пламень—слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставленъ слишкомъ на выдержку (*trop hasardé*). Его томительную пѣгу вкуса тутъ она выполнѣ—дурно, очень дурно, и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стихокъ слѣдующими: какой угодно

поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошла ко берегу въ тишинѣ—
И русский въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣваетъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравите се отъ моего имени. Конечно, вы скажете, что эстетика не ся дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу; но мало-ли что говорятъ?

Я отвѣчалъ Вестуеву и послалъ ему кое-что. Нельзя-ли оиѣмъ странить его съ Катенинымъ? Любопытно-бы. Грѣхъ размышлялъ меня до слезъ своею сравнительною скромностію. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усь не дуетъ: нельзя-ли его расшевелить? Нельзя-ли потревожить и Слѣнина (книгопрод.), если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана»? Съ нетерпѣливѣмъ ожидаю Шиллонъ. Узнюка; это не чета Пери и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ объ мнѣ о поэмѣ «Родригъ», Саутея; попросите его отъ меня, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинается имѣть влія-

ніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезно вліянію французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди унадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Димитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошво; ахъ, Боже мой, что-то сдѣлается съ Кюхельбекеромъ—судьба его меня беспокоитъ до крайности... Напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать.—А. Пушкинъ.

П. А. Катенину. *Кишиневъ, 19 іюля.* — Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба не итальянскій глаголь *piomбаге*, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И слетней разбирать игривую затѣю.

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ слетней, которыхъ я былъ жертвою, и не твоей-ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задрѣли-ли меня Зельскія. Можетъ быть—да, вѣролѣнѣе—вѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не могу сердиться. Еслибъ я и вѣлъ что-нибудь на сердцѣ, сталъ-ли-бы я говорить о тебѣ наряду съ тѣмъ, о которыхъ уноминаю? Лица по отношенію слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли-бы стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли-бы предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимой? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижалъ. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Итакъ, оставимъ слетней и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сидя; поздравляю тебя и стараго моего Корнелия. Сидя кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: вѣлѣ-ли ты похвальную свѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣсковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слышалъ, что она неприлична, смѣшна, *ridicule*. *Ridicule!* Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря вопну, послѣдствуемъ подъ шлемомъ! *Ridicule!* Боже мой, она должна впроизвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ-бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе; знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но *non erat hic locus...* Прощай, Эхиль; обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, 21 іюля.* — Ты на меня дуешься, милый — нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно, хоть на шести языкахъ — ни слова тебѣ не скажу: мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ-ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить: въ русской службѣ должно неуремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь; слѣдственно разочти.—Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи — ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобы ты былъ такой-же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ-ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ приналь на себя стихи: И силѣней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Писни мнѣ повости литературныя; что мой «Русалка»? Не продается? Не запертила-ли цензура? Дай знать. Если-же Слѣпкинъ купилъ его, то гдѣ-же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Какое-то идетъ изданіе Бестужева? (Полярная Звѣзда на 1823 г.). Читалъ-ли ты мои стихи, ему посланные? Что «Пѣвникъ»? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковский и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Выбавишь-ли ты у Карамзина? Отпишай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынского. Что Кюхельбекеръ? есть-ли объ немъ извѣстія? Прощай.—Отцу пишу въ деревню.

(Прависка къ сестрѣ, по-французски). Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей; но онъ нуженъ мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю и люблю тебя. Веселись и выходи замужъ.

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, августъ или сентябрь.* — На прошедшей почтѣ (виновать: съ Долгорукинымъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ о службѣ. Если-бы ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты-бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевского — скоро быть-бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели-бы въ гвардію: Раевскій или Киселевъ — оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если-же они проданы, явись съ той-же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ роздано — само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. — Въ «Посланіи къ Овидію» перемѣни такъ образцы:

Ты самъ дивись, Навонъ, дивись судьбѣ превратной:
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ воинные жизни ратвой,
Привыкнувъ и проч.

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника — прелесть. Съ петербургскимъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц... («Орлеанская Дѣва» Шиллера въ пер. Жуковского). Но. актеры, актеры! пятнистые стихи безъ рѣшѣ требуютъ совершенно новой декламации. Слышу отсюда драмо-торжественный ревъ Глухорѣва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй — но бо-

юсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и позыми у Жуковского билетъ для перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ милоюгерой и героизмомъ — славяно-русскими стихами, цѣлкомъ взятыми изъ Іеремія. Что-бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ — но что говорить Дельвигъ и Баратынский? Ола къ Ермолову лучше, по стиху: такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...» слишкомъ уже греческій. Стихи къ Грибоедову достойны поэта, нѣкогда наиславшаго: «страхъ при званіи мѣди заставляетъ народъ устрешенный толпами стремиться въ храмъ священный. — Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя пресыщенныхъ сохранить имя — цѣль трудъ многими людьми принадлежащій» и проч. Справся-ли объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я-бы съ ума сошелъ со злости. «Батюшковъ изъ Рима» (стихотвореніе Плетнева) не имѣетъ чело-вѣческаго смысла, даромъ что повость на Олимпѣ мила. Вообще, мнѣ мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи: онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣднѣе, какъ мертвецъ. Клавайся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гѣте. //

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappellez la lui d'empart.

Еще слово — скажи Слѣпину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукна Сина Отечества, 2-ю половину года. Можетъ вычесть, что стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой, у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ подполье въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ — вотъ что меня огорчило; что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ!

Я. Н. Толстому. *Кишиневъ, 26 сентября.* — Милый Яковъ Николаевичъ. Пристунаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, во требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже тридцать билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступить отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить — и это первое условіе. Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній нѣкоторые должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье, въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, по... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покажѣте, прими мои сердечныя благодаренія: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, мнѣ друзей минутной молодости, вспоминалъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова!

Горяши-ли ты, лампада наша,
Подруга бѣднѣй и пирова?
Киваши-ли ты, золотая чаша,
Въ рукахъ веселящихъ остряковъ?

Все тѣ-же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему-ль летѣть на зовъ
Свободы, лѣтъ и бездѣлья?
Въ изгнаніи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаніемъ,
Я къ вамъ лечу воспоинаніемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ;
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ козпакъ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своеправный произволъ
Мѣялъ бутылки, разговоры,
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометъ!
Желаю мнѣ здравія, калмыкъ!

Н. И. Гнѣдичу. *Кишиневъ, 27 сентября.* —
Пріѣхали Пѣтницки (Кавказскій Пѣтницки и
Шильовскій Узникъ, вѣд. Гнѣдичемъ), — и сердечно
васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ.
Перемѣны, требуемы пензурою, послужили въ
пользу моего; признаюсь, что я думалъ уни-
дѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ
мѣстахъ и безнокоился. Напримѣръ, если-бы
она перемѣнила стихъ: простите, воль-
ныя станіицы, то мнѣ было-бы жаль. Но,
слава Богу! Горькій поцѣлуй — прелестъ;
ей дней ей-ей неблагозвучіе не чей; уо-
вательныхъ мечтаній: уноительныхъ;
на домы, дождь и градъ: на домы. Вотъ
единственные ошибки, замѣченны мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографи-
рованъ, но не знаю, похожъ-ли; примѣчаніе
издателей очень лестно — не знаю, справедливо-
ли. Переводъ Жуковского *est un tour de force*.
Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью — силача
необязательный! Должно быть Байрономъ — чтобъ
выразить съ столь страшной истиной первые
признаки сумасшествія, а Жуковскимъ — чтобъ
это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ
Жуковского въ послѣднее время ужасно воз-
мужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелестъ.
Ужъ онъ не пишетъ ни Свѣтланы, ни
Людмилы, ни прелестныхъ элегій 1-й части
Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ
создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ
напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Снасите,
ради Христа; удержите его, но крайней мѣрѣ,
до моего пріѣзда, — а я вынырну и явлюсь къ
вамъ. — Катенинъ ко мнѣ писалъ; не знаю, по-
лучилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ
поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ
брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дель-
вигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю
васъ отъ души — А. Пушкинъ.

PS. Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слѣ-
нина упротилъ не печатать моего портрета.
Если на то нужно мое согласіе — то я не со-
гласенъ.

Л. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 6 октября.* —
Еслибъ ты былъ у меня подъ рукою, мой прелестъ,
то я-бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты
показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ

обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуман-
нымъ сужденіямъ; они должны оставаться
между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ про-
исходитъ отъ нескромности кн. Шаховского.
Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть,
первая его нѣса, которая вырвалась отъ по-
лоты чувства; она блещетъ красотою исти-
нымъ. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ вы-
годнымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его
смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣ-
чу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой
„Пѣтницки“? *a-t-il produit du scandale*, пишетъ
мнѣ Orlof, *voilà l'essentiel*. Надѣюсь, что кри-
тики не оставятъ въ покоѣ характера „Пѣт-
ника“; онъ для нихъ созданъ, дуна моя. Я жур-
наловъ не получаю, такъ погрѣдися, напиши
мнѣ ихъ толки не ради исправленія моего, но
ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ.
Но не прежде будущаго года быть мнѣ на
мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не от-
вѣчаетъ; министру я писалъ — онъ и въ усь не
дуетъ. О други, Августу молебъ мой несеи,
но Августъ смотритъ Сентяремъ! Кстати: по-
лучено-ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ-ли
напечатано? Что о Весту жевать? Жду кален-
даря его (альманаха „Полярная Звѣзда“). Я-бы
тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай,
милый. — А. Пушкинъ.

Р. С. Другъ мой, вопроси П. В. Слѣнина —
чтобы онъ, за вычетомъ остальнаго долга, при-
слалъ 3 экземпля. Людьми, 2 экз. Пѣтниц-
ка, одинъ Шильонскаго Узника, кнѣгу Греча — и Цертелева древнія стихотво-
ренія. Поклонись ему отъ меня.

Л. С. Пушкину (по-французски). Ты въ
тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предсто-
ящемъ поприщѣ; я объявилъ тебѣ причины, по
которымъ военное кажется мнѣ предпочтитель-
нѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведе-
ніе должно надолго опредѣлить твою репутацію
и, можетъ быть, счастье.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ
еще не знаешь. Начиная всегда съ того, чтобы
думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ
ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу,
которое считаю благороднымъ и добрымъ, и
которое, вдобавокъ, еще и молодо; презирай
ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это сред-
ство предохраняетъ отъ маленькихъ предраз-
судковъ и страстишекъ, съ которыми столк-
нешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность
всегда вредитъ; особенно-же остерегайся отъ по-
добнаго обхожденія съ высшими, какъ-бы они
тебя къ тому ни вызвали. Они очень скоро
превзойдутъ тебя и будутъ очень рады уни-
вить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда не допуская никакой угодливости,
чуждайся уступчивости, на которую можешь
быть снособель; люди ея не понимаютъ и весьма
охотно сочтутъ за низость, всегда довольные
случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодарій. Благо-
дѣяніе, въ большинствѣ случаевъ — коварство. —
Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ
и унижаетъ.

Хотѣлъ-бы я предостеречь тебя отъ обо-
лащивъ дружбы, но у меня не хватаетъ духу
черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ
мечтаній. Все, что я могъ-бы сказать тебѣ
относительно женщины, было-бы совершенно
безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе
любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею.

Но такое наслаждение прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; помешайся словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленнымъ за оскорбленіе.

Если состояніе или обстоятельство твое не позволяютъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишений, обнаруживай лучше другую крайность; цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ вѣнательно на легкомысленность мнѣнія. тогда какъ маленькія плутни тщеславія дѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери займы, терпи лучше нужду; повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностію въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть принятымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣдствія. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; не дешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло касается счастья твоей жизни.

П. А. Плетневу (черновое). — Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ: собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ поначеніе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія написанъ такъ-же отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаиваюсь въ мимолетной моей несправедливости: она доставляла неожиданное украшеніе словесности. Если-же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно-бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если-бъ ввѣлъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я зову на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай, однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не сомнѣю во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной намяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ цѣлѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ. — Но письмамъ моего брата влжу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. *Sine ira*, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія. — Я не вполне подтверждаю, что писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь, это стихотвореніе недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приваля его за сочленіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковь, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ; я разсердился послѣ Батюшкова... Извини мое чистосердечіе, но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. Прости. *Sine ira*, и пр.

Неизвѣстной дамѣ (черновое, по-французски). Не чувство торжества заставляетъ меня писать къ вамъ; напротивъ, я имѣю глупость и слабость сознаться передъ вами съ смѣшной страсти и желаю откровенно объясниться съ вами по этому поводу... Не скрывайте ничего—это было-бы и не достойно васъ, и совершенно бесполезно, а кокетство легкомысленно, жестоко и напрасно. Я такъ-же мало повѣрю вашему глѣву, какъ... Чѣмъ могу я оскорбить васъ?... Я васъ люблю

съ такой пѣжностью... Ваша гордость даже не можетъ быть оскорблена моею любовью.

Если-бы я могъ питать какія-нибудь надежды, то открылъ-бы вамъ свои чувства на накапунѣвашего отъѣзда. Мое признаніе объясняется только экзальтаціей и волненіемъ, которыхъ мнѣ не удалось побороть въ себѣ и которыя довели меня до изнеможенія... Я ни о чемъ не прошу васъ, я самъ не знаю, чего хочу, а между тѣмъ я васъ...

1823.

В. П. Горчакову. — *Кишиневъ, январь.*

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ.
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ поведѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варроломей (мѣстный
Кишиневскій богачъ) и проч...

А. С. Пушкину. *Кишиневъ, январь.* — Душа моя, какъ перевести по-русски *bévnep* — должно-бы издавать у насъ журналъ: *Révue des Bévnep* — мы помѣстимъ-бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полученную девицу Рылѣва, его-же гербъ російскій на вратахъ византийскихъ (во время Олега герба русскаго не было — а двуглавый орелъ есть гербъ византийскій и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную — у насъ-же онъ ничего не значитъ). Повѣришь-ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи нашихъ журналовъ, чтобы не найти съ десятокъ этихъ *bévnep*. Поговори объ этомъ съ нашими, да хлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобы онъ продолжалъ Якову (камердинеру) строки три на мое имя. — Батюшковь въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума путить. Дельнугу поклонъ. Баратынскому также. Тотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь-ли ты Тургеневыхъ и Карамзина? Чѣмъ тебя повотчывать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ, и. т. д.

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

А. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 30 января.* — Благоразумный Левиппекъ! Благодарю за письмо — жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами — и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, о черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Платинку. Вестуевъ прислалъ мнѣ „Звѣзду“ — эта книга достойна всякаго вниманія: жалѣю, что Баратынскій поскунился — я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и „Русланъ“, и *Noël*, и все — дрянъ въ сравненіи съ ними. — Ради Бога люби двѣ звѣздочки (иногда Пушкина въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823); онѣ общаются достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Воина привела въ задумчи-

вость война, что служить въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ Бессарабской канцеляріи. Эта „Мечта“ напечатана съ ошибочнаго списка — призваніе вмѣсто званія; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, которое порусски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей — стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ — просто плоскій. Но все это не бѣда; были-бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбилась моя стихи — это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Оемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку — „Увы напрасно ждать тебя жепихъ печальный“.

(Изъ „Тар. Дѣвы“ Гнѣдича).

и проч. — непростительно прелестно. Зналъ-бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! ниши ко мнѣ и прозой, и стихамъ, благословляю и поправляю тебя: добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

Пріѣхалъ-ли царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву — тамъ увидишь ты моихъ друзей, напомиши имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая, впрочемъ, мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ она лѣ. Можетъ быть, они правы, да и я не шиповатъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлю, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...? — Ты мнѣ пишешь объ N. N. en voilà assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи. — Ты не приказываешь жаловаться на погоду въ августѣ мѣсяцъ — такъ и быть; а вѣдь неприятно сидѣть въ запертцѣ, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Кишиневъ, 5 апрѣля.* — Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если дѣломъ ты побѣдишь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я позвакою тебя съ героями Скулинь и Секу, сподвижниками Юракки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ.

Правда-ли, что говорятъ о Катенинѣ? (о высылкѣ изъ Петербурга). Мнѣ никто ничего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня. Охотниковъ пріѣхалъ? Привезъ-ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу — давно-бы такъ; но мнѣ его жалъ изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марья Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что-ли?). Жива-ли она, гдѣ она? если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? За мужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли, или вдовствуютъ? и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обидѣлся обо всемъ узнать подробно. Кстати, не знаешь-ли, минуло-ли 15 лѣтъ (штабъ-офицерской службы) генералу Орлову или нѣтъ еще? — А. П.

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ.

А. А. Бестужеву. — *Кишиневъ, 13 іюня.* — Милый Бестужевъ! Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ пріличія и сердечно поблагодарить тебя за П о л я р н у ю З в ѣ з д у, за твои

письма, за статью о литературѣ, за Ольгу и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О „Взглядѣ“ можно-бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется поспорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покажишь жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого-же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалишь холодного, однообразнаго Осинова и обижать Майкова? „Елисей“ истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавишь обращенія поэта къ норткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,

Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его витаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топила;

И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который упалъ въ несконь:

И весь сдѣлалъ въ немъ образъ напечаталъ.

И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ той кабакъ.

Что виденъ и поднесъ въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Бл...щеніе; однакожъ Елисей кажется смѣшнѣе, сдѣлательно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года — постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя-ли вновь осадить цензуру и со второго приступа овладѣть моею апологіей? «Разбѣйниковъ» я съжегъ — и поджогомъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевского. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не наугаюга пѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читателей? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. — Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются, онъ человѣкъ благородныхъ нравовъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Довося на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви. — Дельвигъ мнѣ съ годъ ужъ ничего не пишетъ. Поняйте ему и обвините его за меня: онъ васъ, т. е. тебя обвинять за меня. — Прощай, до свиданія. — А. П.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, 19 августа.* — Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; писать хочется, да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Штѣнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобы онъ со мной не поступилъ, какъ прежде. Я общалъ ему претисловія, по отъ прозы меня тошнить. Переписишься съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственно въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побори Русь и русскую публику; стань за немцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи. Еще одна просьба: если возьмешься за изданіе, не думай со мною, возьми съ меня, что оно будетъ стоить, не даря меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣ-

ла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ по extra-pochtѣ.

И брату долженъ писемо. Что оныяа человекъ? Говорить, что онъ—славный малый и московскій франтъ. Правда-ли?—Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

А С. Пушкину.—*Одесса, 25 августа.*—Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я пасилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторация и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ призываетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется, и хорошо, да новая печаль мнѣ жала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Приѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ цѣплясь къ эдгически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишиневѣ и вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малый, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ Петербургъ писемо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: „Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр.“—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ-бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и чго роль Петrarки мнѣ не по шуту. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шапковы—помогите!—Здѣсь еще Рачъ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель жду его съ петербургскимъ. Пилиже мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу-же столарному я не обучался; въ учителя не могу идти, хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила, но служу я не по воѣ своей и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого-же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбѣхъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно: крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянию, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Анныкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ, вѣрно-бъ, ни ты, ни я не пожалѣли для слуги) Прощай, душа моя, у меня хандра, и это писемо не развеселило меня. Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 11 октября.*—По твоему совѣту, милый Асмодей, я даль знать Гвидичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Пѣлиника; следовательно, дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судь-

бу моихъ стиховъ. О какихъ переѣздахъ говорилъ тебѣ Рачъ? Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить энлиогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-й пѣснѣ, слѣшкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Пѣлиникъ—иное дѣло. Остановлялъ онъ долго взоръ—должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живви, и путникъ оживаетъ: живи, и пѣлиникъ оживаетъ. Пещеры темныя и вихлада—влажныя. И вдругъ на домъ дождь и градъ—домъ. Въ чужой аулъ цѣною золота—за многою алата (впрочемъ, какъ хочешь).

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю писемъ слала

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха. Почему, почему—ради Христа, почему судьба на долю ей послала. То-ли дѣло почему, ибо днемъ она стнмъ не выдалась—смотри поэмѣ. И чѣмъ-же ночь неблагопріистойнѣ дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Вируковъ (цензоръ) добрый малый; уговори его, или я слогу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣпъ Парижа. Не лучше-ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и уповательнымъ мечтамъ Это что? Уповательнымъ мечтамъ. Твои отъ твоихъ: помини свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія: въ родѣ антикритики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сущиѣ нѣтъ надобности. 2. На берегу за вѣтвяхъ водъ. Кубань—гравица. На ней канитивъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать обовъполь. Объясни это потолковѣ забавникамъ Вѣсника Европы. Теперь замѣчаніе типографское. Все повяло оцѣ... нѣсколько токчекъ, въ родѣ Шапкова и—à la ligne: прощальнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce—обнимаю тебя съ надеждой и благодарностью.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ мнѣ пролюбивую мою душу. Овъ, право, добрый малый, нарядный авторъ и отличный сведникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархическій: я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ мыслямъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ-ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Лапжеронъ увѣряетъ меня, qu'il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Стверивъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ и поѣхалъ въ Содоми-Кишиневъ, гдѣ, думаю, будетъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.—А. П.

Р. С. Замѣчанія твои насчетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогу, я ничего лучше не написалъ. Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, драхъ, но эниграфъ его—прелесть. Кстати объ

эпиграфхъ, знаешь-ли эпиграфъ Кавказскаго Пльаника?

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я-бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

Неизвѣстному лицу, (червовое, по-франц.)
Одесса 24 октября. Отвѣчаю на вашъ P. S., т. к. онъ всего ближе касается нашего самолюбія. Подобно L. H., я рѣшилъ, сидя на диванѣ, не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло. M. S. не возвращался пока изъ Одессы; вотъ почему я не могъ еще воспользоваться нашимъ письмомъ. Такъ какъ моя страсть значительно остыла и я въ настоящее время влюбленъ въ другую, то я рѣшилъ не показывать вашего письма г-жѣ С., какъ первоначально думалъ, и, такимъ образомъ, не выставить передъ нею, какую прилебательность сообщаетъ вамъ его байроническій характеръ. Ваше письмо я прочту ей лишь съ должными сокращеніями. Благодаря такому обороту, я получу передъ вами то самое преимущество, какое вы захотѣли имѣть въ нашемъ письмѣ передо мной. Прежде всего я заявляю: вы не проведете меня, любезный Іовъ. Я вижу ваше тщеславіе и страсть сквозъ напускной цинизмъ в т. д. Остальное въ томъ-же родѣ. Повѣрьте, что это произведетъ эффектъ. Но такъ какъ вы были всегда моимъ наставникомъ въ вопросахъ морали, то я и на этотъ разъ прошу вашего разрѣшенія и особенно вашихъ совѣтовъ. Но торопитесь, такъ какъ она скоро прійдетъ. Я имѣлъ свидѣнія о васъ отъ вашего брата, сообщившаго мнѣ, что Atala Nansky превратила васъ въ скучнаго фата. Но послѣднее письмо ваше совсѣмъ не нагоняетъ тоски. Надѣюсь, что и мое на минуту отвлечетъ васъ отъ вашихъ страданій. Вашъ дядя — свинья, какъ вамъ хорошо извѣстно, былъ недавно здѣсь, перессорилъ всѣхъ и перессорился самъ со всѣми. Готовлю ему забористое письмо № 2, но на этотъ разъ онъ получитъ g. j. f. и такимъ образомъ будетъ посвященъ въ тайну наравнѣ со всѣми другими. Пусть же прикидывается больше ненонимающимъ того, что ему хотѣтъ сказать.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 4 ноября.* — Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма (Бахчисарайскій фонтанъ). Я выбросилъ то, что цензура выбросила-бы и безъ меня, и то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость, не уступай этой сукъ..., отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: приними къ Бахчисарая предисловіе или послѣдствіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; черчерни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умоляю объ ихъ источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бахчисарай, вышлени изъ нея что поспосѣе, да заворижи все это своею прозою, богатою вальдѣнницею твоей прелестной поэзіи, по которой пошу трауръ. Позно, не воскреснетъ-ли она? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почи-

тай. Я-бы и для Россіи не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего: пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше обпей и не думать; а если братъ, такъ братъ: не то, что и когтей марагъ. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или ангелъ Асмодей. Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить по-азіатски, не читая журналовъ. Одесса—городъ европейскій; вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать.—А. П.

Василью Львовичу, дядѣ, кланяюсь и пишу ва дняхъ.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, ноябрь.* — Конечно ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны (къ Бахчисарайскому фонтану) Извительныя лобзанія. Поставь и р о з п и т е л ь н ы хъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается, и это непременно должно быть извѣстно публикѣ. Х л а д н а г о с к о н ц а уничтожаю изъ уваженія въ давней дѣтственности А. П.

Не зрѣть лицо его гаремъ.

Тамъ...

И не утѣшены нѣкъмъ,

Старѣютъ жена.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говорить въ своей «Тавридѣ»: Подъ стражею с к о н ц о в ъ г а р е м а. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому-же я желалъ-бы оставить русскому языку пѣкаторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пріятны. Провѣдую изъ ввутренняго убѣжденія, по по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери мой

Была твоя...

Если найдешь удачную перемѣну, то подари меня ею, если-жъ нѣтъ, оставь такъ. Равна грузинка красотою, но иinka кр..., а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай, что хочешь. Апостолъ (Муравьевъ-Апостолъ) написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожидать его нечего. Что такое Грибоедовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны (тогда Чаадаева преслѣдовали)! Посылаю Разбойниковъ. Какъ бишь у меня? Вн е р я л ѣ о в ѣ неподвижный в з о р ѣ; поставь л ю б о в н ы й, а стихъ все-таки калмычій.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 11 ноября.* — Вотъ тебѣ и Р а з б о й н и к и. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринбургѣ, два разбойника, закованые вмѣстѣ, переплыли черезъ Дидѣръ и спаслись. Ихъ одыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманъ. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Ш и л ь о н с к а г о У з н и к а. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся вѣчаявно: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Одесса, 16 ноября.* — Мой Дельвигъ, я получилъ все твои письма и отвѣчалъ почти на все. Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейской; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пушкину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать-ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ, я живу по-азиатски, не читая вашихъ журналовъ. Надпись попалась мнѣ твои прелестные сонеты — прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностью за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашихъ. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ испорченной музѣ Баратынскаго. Жду и не дожусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агица, восхваляю Господа и устрани цѣтлами свой шалаши, хоть Вируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ. — Сатира къ Гибдичу мнѣ не нравится, даромъ, что стихи прекраснѣе — въ нихъ мало перца: Союзовъ безумидирный непростительно. Прощенному-ли человѣку, русскому сатирику, пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная коллегскаго товарища Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ религіи и правительствъ: я полу-Хвостовъ — люблю писать стихи (но не переносивать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана — онъ надиктовъ отослалъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуршишь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой заблываюсь до-цѣльза (Евгеній Олѣгин). Вируковъ ея не увидитъ, за то что онъ фидитя, блаженной дитя. Богъ знаетъ, когда мы и прочтася ея выѣстъ — скучно, моя радость! вотъ принялъ моей жизни. Если бы хотѣ брать Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія. — Правда-ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и итальянская опера? — Боже мой! это предсавители рая небснаго. Умру съ тоски и зависти. — А. II.

P. S. Вели прислать мнѣ пѣмедкаго Плятника (переводъ „Кавказскаго Плятника“).

Неизвѣстнымъ дамамъ въ Кишиневѣ (черновое, по-французски). *Одесса, ноябрь.*

Да, я отгадалъ, вы именно тѣ двѣ очаровательницы, которыя вспомнили о бывшемъ кишиневскомъ отшельникѣ. Я тысячу разъ осыпалъ поцѣлудами эти строки, напоминавшія мнѣ столько сумасбродствъ, терзаній, ума, граціи, мазурокъ и т. д. Какъ жестоки вы, сударыня, предполагая, что я способенъ веселиться тамъ, гдѣ не могу ни встрѣтить, ни забыть васъ. Увы, любезная Maigüine, вдали отъ васъ, я чувствую себя пеловкомъ, мрачно и даже замѣчаю въ себѣ огни устевенныхъ силъ. Я даже утратилъ способность писать каррикатуры, хотя жена проф. Мурузи очень легко можетъ наводить на нихъ. Меня преслѣдуетъ только одна мысль, а именно возвратиться, насъ къ вашимъ ногамъ и посвятить вамъ, какъ говорилъ одинъ добродушный поэтъ, тотъ остатокъ себя, который я еще могу назвать своимъ. Вспоминасе-ли вы еще о корректурахъ, которыя дѣлали во время ово? О, какъ было-бы хорошо, если-бы вы могли по-взорить ихъ здѣсь! Но развѣ правда, что вы думаете возвратиться въ Одессу? Пріѣзжайте, ради Бога. Чгобы привлечь васъ — у насъ здѣсь

балы, итальянская опера, вечера, концерты, чичисеи, въздыхатели и все, что вы только захотите. Я буду передразнивать обезьяну и нарисую вамъ г-жу Воронцову въ 8-ми позакъ Аретина.

Кстати объ Аретинѣ, я вамъ долженъ сказать, что сдѣлался цѣломудренъ и добродѣтеленъ — разумѣется, на словахъ; мое поведеніе всегда отличалось этими свойствами. Очень пріятно теперь смотрѣть на меня и слушать. Не ускорить-ли это вашего пріѣзда? Еще разъ прошу васъ именемъ неба пріѣхать и простить мнѣ вольности, иногда попадающіяся въ моихъ письмахъ къ той, которая слишкомъ умна для того, чтобы быть недотрогой, но которую я люблю и уважаю.

Что же касается васъ, прелестная капризинца, то вашу почеркъ заставилъ меня восторгнуться. Не говорите, что вамъ извѣстенъ мой характеръ; если-бы вы меня знали, то не огорчили-бы сомнѣніемъ въ моей преданности къ вамъ и искренности моихъ сожалѣній.

S. всегда слылъ за человѣка съ сверхъестественнымъ терпѣніемъ. А сказалъ о немъ, что гдѣ-бы онъ ни былъ, отъ него всюду разитъ терпѣніемъ...

А. И. Тургеневу. — *Одесса, 1 декабря.* — Вы помните Кириенскаго, который изъ поэгическаго Рима напечаталъ вамъ въ „Сынѣ Отечества“ поклонъ и свое почитеніе. Я обвиняю васъ въ прозаческой Одессѣ, не благодаря ни за что, но цѣни въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе, и дружеское почитеніе, которому я обязанъ неремѣнной своей судьбой. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азиатскомъ заточеніи, чтобы почувствовать цѣну и невольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня; я сталъ скучнее, какъ Грибко, и благодарнее, какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость!

Простите-жъ иногда мою мнѣ молчаливость, мое уныніе... Терпите, о друзья Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша; вотъ вамъ самыя снысны строфы:

(слѣдуютъ три строфы отъ „Когда надеждой озаренный“ до „Ихъ цѣни лаврами обвилъ“. (См. въ алфавитномъ указателѣ стихотвореніе „Наполеонъ“).

Вотъ послѣдняя: „Да будетъ озраченъ позоромъ“. (Тамъ-же).

Эта строфа нывѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 г. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ наднахъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа: „Изыде съѣзатель сѣяги сѣмена своя“. (См. алфавитный указатель).

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня насчетъ И. М. и К. А. Карамзинныхъ. Но что дѣлаетъ поэгическая, незабвенная, копистигуциальная, антипольская, небесная книжка Е. П. Голицына? Возможно-ли, чтобы я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ?

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не написалъ? Правда-ли, что онъ переводитъ «Гура»? А я надосугѣ пишу новую поэму «Евгеній Онѣгинъ», гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ цѣпи уже готовы.

И. Н. Инзову (по франц.). *Одесса, постъ 8 декабря.*—Посылаю вамъ, генераль, 360 рублей, которые я вамъ такъ давно былъ долженъ. Примите увѣреніе въ моей благодарности. У меня не хватаетъ духа извиниться передъ Вами: мнѣ очень совѣстно, что я не могъ до сихъ поръ уплатить Вамъ этого долга. Но дѣло въ томъ, что я находился въ крайней нуждѣ. Примите и пр.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 20 декабря.*

Какая-бъ ни была вина.

Такъ и у меня начерно.

Символь, конечно, дерзновенный,

Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute: symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У васъ слово вина имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло-бы смысла. Оставьте эти стихи, пускай они алх. Saumaises futurs préparent des tortures (Стихъ Буало).

Я-бы хотѣлъ узнать, нельзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я-бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для васъ тяжелое. Сходите намъ въ Азію писать по оказіи. Что Кривцовъ? Его превосходительство могъ-бы мнѣ аукнуть. Я жду Полярной Звѣзды въ надеждѣ видѣть тебя распечатнаго. Что журналъ Авахариса-Клоца Кюхельбекера („Мнемозина“)? Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другого издавія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьи Погодиной, это дѣло другое. Впрочемъ, въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что, если-бъ ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы-бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣянаго народа, женщины и мужчины. Пріѣзжай, ей-Богу, веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

Ф. Ф. Вигелю (черновое). *Одесса, декабрь.*

Проклятый городъ Кишиневъ!

Тебя бранить языкъ устанетъ!

Когда-нибудь на грѣшный кровъ

Твоихъ запачканныхъ домовъ

Небесный громъ, конечно, грянетъ—

И не найду твоихъ слѣдовъ!

Падуть, погнѣвуть, иламенѣя,

И лавки грязныя жидовъ,

И цестрый домъ Варооломея (молд. боярина).

Такъ, если вѣрять Моисею,

Погнѣ несчастливый Содомъ;

Но только съ этимъ городкомъ

Я Кишиневъ равнять не смѣю:

Я слишкомъ съ библіей знакомъ

И къ лести вовсе не привыченъ;

Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ

Не только вѣжливымъ грѣхомъ,

Но просвѣщеніемъ, нирами,

Гостепріимными домами

И красотою стройныхъ дѣвъ;

Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами

Его сразилъ Егови гнѣвъ.

Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта

Избранный Богомъ человекъ

Проведетъ-бы тамъ свой мирный вѣкъ.

Но въ Кишиневѣ, виданъ самъ,

Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,

Ни сводни, ни книгопродавца.

Жалѣю о твоей судьбѣ;

Сочиненія А. С. Пушкина.

Не знаю, придутъ-ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, милый другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, являюсь я...
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади мой...

Эти стихи, слѣдственно, шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю васъ развѣять хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ, думаю, годенъ къ употребленію въ пользу собственно меньшей. Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ... Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ, какъ а...скій жесть, слѣдственно, чортъ съ нимъ. Обинимте ихъ отъ меня дружески и также скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхерія Варооломей объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду падихъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальскому (чировникъ у Воронцова). Полторацкимъ поклонъ и старалъ дружба. Алексѣеву тоже и еще что-нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У васъ холодно, грязно. Обѣдаемъ славно. Я нью, какъ Лотъ Содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президеитомъ попойки. Всѣ перепились и потомъ поѣхали...

Н. И. Кривцову. *Одесса, декабрь.*—Милый мой Кривцовъ, помини Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не породавалъ изгнаиника! Правда-ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О друзья, друзья!

А. Н. Раевскому (черновое, по-французски).—Константинопольскіе пицці, карманные воринки, бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что они. Они составили-бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о нихъ полною ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, никакого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда рассказы ихъ должны были-бы интересоватъ каждаго европейца. Французы прусскіе, которые едѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже налочные удары, съ хладнокровіемъ, поистиннѣ достойнымъ Оемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негоую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (mise-

tables) выпала сплеченная обязанность быть защитниками спободы.

А. А. Шишкову.—Съ ума ты сошелъ, милый Шиниковъ; ты мнѣ писалъ пѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: «Милостивый государь», «естественное ваше знакомство», «честь имѣю», «покорѣйшій слуга»,—такъ что я и не узналъ моего парекосельскаго товарища. Если заблагоразсудилъ писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой почтѣ, не то, мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли-бы мы и старшій трихнуть, и поновѣсничать, и въ языки постучать. Впрочемъ, судьба наша, кажется, одипакова, и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ-ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхлебкеръ? Онъ на мѣвѣ надуделъ, Богъ знаетъ чому. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ сѣнками Эльбруса, подъ тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ—право, сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.—А Пушкинъ.

Р. С. Цедаю я узналъ что ты знаком и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу (Казначевъ), правитель канцеляріи гр. Воронцова. Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ закаленъ бумагами и дѣлами; любить тебя есть ему время, а писать въ тебѣ—наврядъ.

1824.

Л. С. Пушкину. *Одесса, январь.*—Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ съестя рукава. Н. Раевскій здѣсь. Онъ о тебѣ принесъ мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ-бы сошлись, а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его м—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемишостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что впротивъ П. К., не то взявъ тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпѣнь. *Ubi bene, ibi patria.* А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ триптрава, братцы! Были-бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ея въ Россіи мудрено довольствоваться Русская слава можетъ зсѣгитъ какому-нибудь В. Козлову, которому лѣстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. *Mais pourqu'oi chantaistu?* На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекаръ морятъ—за деньги, за деньги, за деньги: таковъ я въ нагетѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Вахчансарайскій Фонтанъ» въ всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое поученіе о моей славі! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и зваменитого друга! остается узвать, раскупится-ли хотъ одинъ экземпляръ печатный тѣмъ, у которыхъ есть полныя рукописи: но это бездѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи и должень, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго поа. Душа моя, меня

тошнить съ досады—на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость. Долго-ли этому быть? Кстати о гадости—читалъ я «Федору» Лобанова (Федра, трагедія Расина, переведенная М. Лобановымъ. Свб. 1823)—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина! *Voulez-vous découvrir la trace de ses pas*—

наѣдемся найти

Тезей жаркій слѣдъ, пль темные пути—

м... его въ рюму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеръ «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей не что ипос, какъ первый Мольтеровъ рогачъ; Ипполитъ, *le superbe, le fier Hypolyte et même un rep farouche*, Ипполитъ, суровый екпоскій выб..., ве что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и вочтительный—

Un mensonge si poë... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду, и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица: сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой—увидишь разницу умовъ. А Терамень, аббатъ и сводникъ—*vous même ой seriez vous etc...* вотъ глубина глупости! Съ Рылевымъ мирюсь. «Войнаровский» половъ жизни. Что Кюхля? Дельвингу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, что въ звалъ у Тургенева «Олега Вѣщаго» и навечалъ. Можетъ быть, я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»: это—лучшее мое произведение. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранить его—онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не расчухалъ.

А. А. Бестужеву.—*Одесса, 12 января.*—Копечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хотъ до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла-бы смысла. Великая важность! а какой-же смыслъ имѣть: Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала или: съ болѣзью и тоской твои глаза? и проч. Я давно уже не сержусъ за опечатки, но встарину мнѣ случалось забалтываться ствами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простиительно Воейкову, но *et tu autem, Brute*.

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто-бы все новыя стихи, общанные мною Толстому, продавы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ вѣсьмо вресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ немъ вѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сыпѣ Отечества: наняши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы, и обнимаю тебя запъ гласне и съ благодарностью за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, т. е. мнѣ, живъ, умный; Баратынскій—предестъ и чудо. Признаніе—со-

вершенство! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступить со мною милостивѣе. Рыльева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и ставинется пѣснью повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ — молодецъ. Я буду ему писать... Готовъ христоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади! Прощай, мой милый Walter. Тумаискаго вчера и сегодня я не видалъ и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэтъ я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости. — *А. Пушкинъ.*

Ө. В. Булгарину. — *Одесса, 1 февраля.* — Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ „Листкахъ“ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи — не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

А. А. Бестужеву. — *Одесса, 8 февраля.* — Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на однихъ разѣ. О твоей повѣсти („Замокъ Пейгаузенъ“) въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ — славный малый и много общается, но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь XX и ожидаетъ одобрителной улыбки и прекраснаго пола для продолженія любовитныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, непушно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаръ говоритъ, что Бестужевъ отличается «новостію мыслей»; можно-бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово «мысли».

Арабская сказка (О. И. Сепковского) — прелесть. Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого Сенковского. Между поэтами не вижу Гнѣдича — это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянко можно-бы оставить покойному Нахимову. «Вчера люблю я мыслю» помѣститъ современемъ въ грамматику для примѣра безмыслицы. Плетнева Родина хороша; Баратынскій — чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ ялана не моя вина. Я суетливо перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины:

Aux donces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эниграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва-ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забуду моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же, я общалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужныѣе, нежели тебѣ — Общ. моей поэмѣ (Евгевій Олѣгивъ) нечего и думать. Если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рыльеву, обнимъ Дельвига, брата и братью.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, 8 марта.* — Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе или посылку.

Начинаю почитать вашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько-же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даринъ меня, бесовѣстный! Радъ Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не зачѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэмю. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола.

Иду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это — лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. „Жизнь Дмитріева“ еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты, по непростительному пристрастію, судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковского. Ты его когда-то называлъ le pècre de notre civilisation. Быть такъ, но хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ слѣху, однако позволю изъяснить мнѣ потолковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужъ объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ наанимаетъ здѣсь домъ за 500 р. въ мѣсяць, а дачу не очень помню за сколько. Я-бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ, твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги всѣ вѣдь потратишь, если не на то, такъ на другое. Иду отвѣта. Сергѣя Волковского здѣсь еще нѣтъ.

Неизвѣстному лицу въ Москвѣ. — *Одесса, мартъ.* — ... Читая Библию, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? — Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аеизма. Здѣсь англичаннѣе, глухой философъ, единственный умный аеизъ, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимодонозъ унычотоя слабая доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная....

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, мартъ — апрѣль.* — Сейчасъ возвратился изъ Кипинева и нахожу письма, посланки и Бахчисарай. Не знаю, какъ тебя благодарить. „Разговоръ“ (предисловіе) — прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія вѣоснонимы. Слогъ твой чудно шатнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что въ ней разсужденіе — прекрасно. Но эта статья tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю надвѣхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковского. Авось и тисну. Тогда

du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно, существуетъ-ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причтіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Лѣв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одною всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гипсара? — Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почтять за мнѣнія, но Благонамѣренныи сердиться невозможно. Гдѣ-же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о дѣвѣгахъ. Сленинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цѣнзурою; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобы напечатать Онѣгина, я въ состояніи... Какъ-бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Какою! Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа, да пришли мнѣ денегъ. Ты не новьялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ огазіи. — Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣрнѣ, да мнѣ не вѣрится.

Л. С. Пушкину. — *Одесса, 1 апрѣля.* — Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземскій:

„Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученномъ обществѣ читали твой „Фонтанъ“ еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него—кто-же посмѣ будетъ покупать; я на совѣти грѣха не имѣю, и проч.“

Пи я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жалъ, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдурены и останутся въ накладъ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ-бы съ голоду не околѣлъ, а они кричатъ: е лава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ вась досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ «Фонтанъ» расходится — или зашишу въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова: какъ можно печатать партикулярныя письма — мало-ли что мнѣ приходится на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ-бы все и печатать — это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно: ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почтаю вравнѣ съ книгопродавцами — пусть некупаютъ и врутъ, что хотять. — А. П.

Р. С. Письмо это доставитъ тебѣ Се в я в и нъ, адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малый,

мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. — Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенный счетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчае мнѣ на мои элегические отрывки, денегъ не шлете, а подпрыгаете мой книжный торгъ—куда хорошо!

А. И. Казначееву (правитель канцеляріи гр. Воронцова). *Одесса, 25 мая.* — Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю, въ правѣ-ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцова). Какъ-бы то ни было, надѣюсь на нашу снисходительность и пріемлю смѣлость объясниться откровенно насчетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были-бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль Ради Бога, не думайте, чтобы я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рیمача, или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно, просто, мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишитъ ни того, ни другого.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ пахотаются журналы, цензоры и книгопродавцы; я номинатно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать въ некоторомъ образѣ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ наекъ сснлочнона невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова такъ-же, какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если-бы я хотѣлъ служить, то никогда-бы не выбралъ себѣ другого начальника кромѣ его сіятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, переживши мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы, можете быть, не знаете, что у меня аневрзмъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство какого угодно доктора. Уже нельзя оставить меня въ покое на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.

А. И. Казначееву (черновое, по-французски) *Одесса, июнь.* — Весьма сожалѣю, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до она-

соней за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей-ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы выскочиться съ этой идеей. Не о моемъ-ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не попортитъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ презразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и настоящихъ усилій. Вотъ ужъ я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, ужъ кажутся мнѣ товаромъ, но столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ не совсемъ ясно, что такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурного пищеваренія того или другого начальника; мнѣ надобно видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже, чѣмъ какого-нибудь британскаго молокососа, который прѣзжаетъ къ намъ расточать свою пошлость и безпечную болтовню. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, сѣмѣтъ повредить мнѣ во мнѣіи публики, но я оставлю его въ покоѣ наслаждаться триумфомъ, потому что такъ-же мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ.

Л. С. Пушкину. *Одесса, 12 іюня.* Ты спрашивашь моего мнѣнія насчетъ болгарскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвингъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой советъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»—выйдутъ-ли и когда выйдутъ? Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры. А жалъ... la soupe était pleine. Вируковъ и Красовскій не въ-терпежъ были глупы, своенравны и притѣпительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдъшка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святинѣ академическаго словаря и неблажно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону—ожидая добра для литературы вообще, и посылая ему лобзаніе не яко Іудазарзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первой главой или пѣснью «Опѣтина». Авось протѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Опѣтинѣ»—скупно, душа моя. Въ другой разъ когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу: хлопоты другого рода. Неприятности всякаго рода; скучно и нудно. Сюда прѣехала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба; по мужу былъ-бы я больше радъ. Жуковского я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавказскаго

Плѣнника» за 2000 р., кому бишь? Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—внерялъ онъ любопытный взоръ. И уловительныя мечты—и упоительныя. Не много... ей днѣй, поче й—ради Бога. Прощай.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 13—14 іюня.*—

Я ждалъ отъѣзда Трубецкаго, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвестно. Покаместъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ (В. О. Вяземская) вижу, что и тебѣ кошельбемерно тошно. Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Гейш Байрона блѣднѣлъ съ его молодостию. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каппа, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гюгю и Чайльд-Гарольда. Первые двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнилась. Онъ весь созданъ былъ павловоротъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слыхали, а писала какой-то другой поэтъ съ высокимъ чело-вѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспыть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволю разсуждать, какъ о судьбѣ моей братии-негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Іезуиты натоковали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ, и мы воображали, что наистинный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Прѣхалъ-бы ты къ намъ въ Одессу посмотреть на соотечественниковъ Милтиада, и ты-бы со мною согласился. Да посмотри, что писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ къ Child Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣіе Фовеля, французскаго консула, поманится въ Смирну. Общаю тебѣ однакожъ вирши на смерть его превосходительства.

Хотѣлось-бы мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и вѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ-бы то ни было, приходила уже въ какое-то петербургское, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ только позволятъ ХН говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство,—вся эта сволочь опять уговоренная, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Опѣтинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданіе Кавказскаго Плѣнника. Деньги были нужны, а (какъ я гово-

рилъ) 3-е издаііе отъ насъ не уйдетъ. Да ты накостишь со мною: дарини меня и связываешься чортъ знать съ кѣмъ. Ты вздорный издатель: а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, за то ужъ копѣйки не подаритъ и смірно себѣ сидитъ, не браясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитріевымъ. — А. П.

Пришли-же и ты мнѣ стиховъ.

А. А. Бестужеву. *Одесса, 29 іюня.* — Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая, что я сердитъ на тебя — дѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо (другого я не получалъ). Бугаринъ другое дѣло. Съ этимъ человекомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно-ли выѣзживать на показъ.. свои....? Богъ тебя проститъ, по ты осканилъ меня въ выпѣшвей «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. — Чортъ дернулъ меня написать еще нектатино Ба х ч и с а р а й с к о м ѣ Ф о н т а н ѣ какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ-же элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки: что-жь она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣду объ ней съ «однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей»? Обязана-ли она знать, что ова мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Бугаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виновать? Признаюсь одной мысли этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніи всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Бугаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто-жь будетъ писать? М. Дмитріевъ, да А. Писаревъ? Хороши! Если-бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полукошкой Гете, то и тутъ-бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ сгравить, подразнить, или окатить холодной водой. Въкъ полемикѣ миновалъ. Для кого-же заппмательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? И принужденъ былъ выѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду.

Он ѣ г н и ѣ мой растетъ, да чортъ его напечатаетъ. — Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ; но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія «Разбойниковъ», то я его никакъ не дамъ, если не прокутятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!), а п...а — къ чорту его!

Кончу дружеской комиссіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго пѣз минувныхъ друзей моей минувной молодости. Напомни этому милому безпаметному эгоисту, что существуетъ вѣкто А. Пушкинъ, такой-же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. — Онъ Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нишъ за ту-же цѣну хотеть у него ихъ купить. — Согласится-ли Арестинъ Всеволодовичъ? Я-бы въ придачу

предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо. — Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

Н. В. Всеволожскому (черновое). *Одесса, іюнь.* — Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, — ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, — Пушкина, котораго ты выдалъ и въявно влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ суббота́мъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ напостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ тебя подъ руку въ церковь... да помолился Господу Богу и насмотрѣлся на Вышняго Господа. Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ вѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь-ли ты, что я тебѣ под-продаю полу-проигравъ рукописъ своихъ стихотвореній, ибо знаешь.. родитъ задоръ.. Я раскаялся, но поздно. Нишъ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ: большая часть ихъ ниже посредственности, годится только на...: нѣкоторые хочется мнѣ спасти. Царь не боится свободы. Продай мнѣ назадъ мою рукописъ за ту-же цѣну — 1000 р. (я зваю, что ты со мною торговаться не ставешь. даромъ-же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу. Надѣюсь, что мои стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя... обнимаю и прошу... когда не свидимся...

А. Н. Раевскому (черновое). *Одесса, іюнь* — Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты считаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что-бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрять, чтобы когда-нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жаль, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то, что случилось мнѣ говорить касательно грековъ. Исключительные люди по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы; старая лстия, которую все-таки не худо повторить. Они не теряютъ противорѣчій, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются нынѣшными словами, охотно повторяютъ всякую новостъ, и, къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столько-же, сколько и единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важны для Европы..

А. И. Тургеневу. *Одесса, 14 іюля* — Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ истерикѣмъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ вадекждою поглядываю на вашъ свѣрхъ. Не странно-ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ ядругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться большихъ неприяностей и своей просьбой предудредилъ его желанія. Воронцовъ — вандаля, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ

во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думалъ о себѣ что-то другое. Старичекъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда, — по за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня наѣдывать и бесѣдовать со мною о гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, по ужъ вѣрно не пришелъ-бы ко мнѣ толковать о конституціи кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рѣмой. Зная старую вашу привязанность къ нѣлостямъ окаянной музы, я-было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю, пуститъ-ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе нечати; на всякій случай попробую. Последняя переѣзка министерства обрадовала-бы меня вполнѣ, если-бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ ее вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не выдѣлились съ ея дочерью, то вы изумитесь правотѣ и вѣрности предостной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цѣлую руку К. А. Карамзину и книжнѣ Голицыной, constitutionnelle ou anti-constitutionnelle, mais adorable, comme la liberté. А. П.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, 15 іюля.* —

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей жевѣ? За отвѣтку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Приѣдешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Даѣ Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними властями? Это вопросъ, на который отвѣчать мнѣ не хочется, хоть и можно-бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Иду его съ петербургскимъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ-ли ты ему «Разбойниковъ» для «Мнемозины»? Я-бы изъ Онѣгина переслалъ-бы что-нибудь, да нельзя; все заклеймено печатью отверженія. Я-было хотѣлъ сбыть съ рукъ Пѣвника, но плутня Ольдекона мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Пѣвника, и я долженъ буду хлопотать о высканіи по законамъ. Прощай, моя радость. Благослови, пресвященный владыко Асмодей.

А. Н. Вульфъ. *Михайловское, 20 сентября.*

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимою,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ!
Что — бутылочъ полный ящикъ!
Запрудемъ — ужъ молча!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дип — любви посвященъ,
Почью — дарствуютъ стаканы;
Мы-же — то смертельно пьяны,
То мертвецы влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ огкуоренными бутылками. — Уговорилъ Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится

мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Аниши Николаевны.

До свиданія, мой милый. А. П.

П. А. Плетневу. (черновое). *Михайловское, сентябрь—октябрь.*

Ты издалъ дядо моего,
Творца Опаснаго Сосѣда, —
Достоянъ очень онъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣчала лжкъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоди пустыхъ моихъ трудовъ;
Когда ты будешь свой издатель

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ: ты, Жуковский, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвингъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностью приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго: говорить, онъ...

А. С. Пушкину. *Михайловское, конецъ октября.* — Братъ, ты мнѣ пришлешь вѣмецкую критику Кавказскаго Пѣвника (спросить у Греча)? Да книги, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Слевину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и «Талию» (альманахъ Булгарина). Кстати о талии: наднихъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксією (Вульфъ), и талии наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талию 15-тилѣтней дѣвушки, или она — талию 25-тилѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще коммисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень, — мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя неограни. НВ. Какъ можно фзигъ безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? Переѣмни стихъ: з в о п о к ѣ р а з д а л а я — н о с т а в ѣ : «швейцара мимо онъ стрѣлой». Въ «Разговорѣ», послѣ: И с к а л ѣ н и м а н ь е к р а с о т ы — пужно неизмѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ-Визина писать Фонъ-Визинъ. Что онъ за пехристъ? Онъ русскій, изъ перерусскихъ русскій. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня въ Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно и не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонять меня отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ правительства поумилостей; это была-бы олуѣтра, и самая жалкая. Пусть оставитъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зналъ его твердость и, если угодно, упрямство, я-бы не надѣялся на переѣмъ судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и сираведливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на сираведливость его. Какъ-бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также — тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ! les conversations de Bayron! Walter Scott! это нища души. Знаешь-ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поз-

дно; послѣ обѣда ѣзжу перхоть, вечеромъ слушаю сказки — и познаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ, Боже мой, чуть не забыли! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое излѣченіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи. — Прощай, моя радость. Что-жъ чухонка Баратынского (поэма «Эда»)? Я жду.

В. А. Жуковскому. *Михайловское, 31 октября.* — Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я всѣмъ встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безирегистранно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Петуровъ, назначенный за мною смотрѣть, нѣмѣлъ безстыдства предложить отцу моему должность расписывать мою переписку, короче — быть моимъ шпіономъ. Всеначальность и раздражительная чувствительность отца не позволили мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я приношу ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаю бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, съѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться авец сe monstre, сe fils dénaturé. Жуковский, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закинула, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; пахожу его въ снѣгѣхъ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ...

Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ бить!...

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и липовѣвскихъ? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпѣть за меня братъ и сестра. Еще разъ, спаси меня. — А. П.

Послѣдніе обвиненія отца извѣстны всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de lois.

Р. С. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умячивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

Б. А. Адернасу (исковскій губернаторъ). *Михайловское, ноябрь.* — Милостивый государь Борисъ Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства нали на сердце моего отца и раздражали внимательность, простительную старости и пѣвной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней

милости отъ ходатайства вашего превосходительства.

А. С. Пушкину. — *Тригорское, въ началѣ ноября.* — Дѣла мои все въ томъ-же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Appétite очень смѣшна; сестра разскажетъ тебѣ мои новыя фарсы. Въ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя — скука смертная вездѣ. Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о проществіяхъ, ему извѣстныхъ — я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы — и ты, душа, держи языкъ на привязи. Видѣлъ-ли ты всѣхъ святыхъ? шумитъ-ли Питеръ? что твой приѣздъ и что «Онѣгина»?

ВВ. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. — найдешь у St-Florent, 2. скрѣпя сички, 3. карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ и продаетъ), 4. жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ принесешь. Что наши литературныя папы, и что сводочъ? Я трясусь во славу Корава («Подражаніе Кораву») и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать. Прощай; отыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже, чѣмъ Mitil и godoleureau dissolu. Языковъ будетъ въ Дерптѣ не прежде января. — Всѣмъ поклонъ, ниши-же живѣе. — А. П.

Р. С. Братъ, вотъ тебѣ картина для Онѣгина — найди искусный и быстрый варадашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ-же мѣстоположеніи. Та-же сцена, слышишь? Это мнѣ нужно непременно. — Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ, Опершись задомъ о гранитъ. Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкивъ Съ мосею Онѣгинымъ стоитъ. Не удостаивая взглядомъ, Твердишь власти роковой, Онъ къ крѣпости всталъ гордо задомъ: Не явлю въ колодезъ, милый мой!

А. С. Пушкину. *Михайловское, въ половинѣ ноября.* — Скажи моему генію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адернасу у меня; напиш, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! (наводненіе 7 ноября) ништо проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire de b-t. Жаль мнѣ «Цѣтовъ» Деавыга; да на долго-ли это его задержать въ тинѣ истербургской? Что погребъ? — признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется-ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагиломъ, а хамы смѣются. Впрочемъ, это все вздоръ. А вотъ, важное: тетка умерла! Ёду завтра въ Св. Горы и вею отиѣть молебень, или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «Разговоромъ». Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ, Анна Николаевна (Вульфъ) на тебя сердита. Ровотовъ (сосѣдъ Освязовыхъ по имѣнію) пересказалъ Прасковью Александровну (Освазовой) твои письма въ Лубы и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ! Все-таки ова приказала тебя, пустельга, расцѣловать. Енпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести

съ тобою философическую перениску. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отиравъ съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библию, библию! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ-же: стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису—мочи нѣтъ, какая скучная дура! Иду твоихъ писемъ; что Всеволожскій, что моя рукопись, что письмо мое къ кн. В. О. (Одоевскому)? Будетъ-ли картина у «Онѣгина»? Что дѣлаютъ Полярные госнода (Рылѣевъ и Вестушевъ, издатели «Полярной Звѣзды»? Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся нынѣ, какъ Мое, послѣ своего потону.

ВВ. Я очень радъ этому потону, потому что золь. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торони Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не-то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ (Екатерина Марковна) и распечаталъ, полагая, что оно столько-же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявление о потонѣ, о Колосовой. умъ, любезность и все тутъ. Подѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши-же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки, per fas et nefas продающіяся въ Петербургѣ,—купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потонъ—окаязія.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 24 ноября.*—Мнѣ жалъ, милый, почтенный другъ, что я надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сославъ за строчку глупаго письма. Что было-бы, если-бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я-бы связать его велѣлъ! Зачѣмъ-же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

Что-жъ, милый, будетъ-ли что-нибудь для моей маленькой гречанки? Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалче. Дочь героя, Жуковскій! она родия поэтатъ по поэзіи; но А...ъ даже не полу-герой. Мнѣ жалъ, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего... Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость! Ты увидишь Карамзинныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

Кн. В. О. Вяземской (червовое по-франц.) *Михайловское, въ ноябрѣ.* Милая и добрая, прелестная и великодушная княгиня Вѣра, я долженъ поблагодарить васъ за ваше письмо; слова были-бы слишкомъ холодны и слабы, чтобы выразить вамъ все мое умиленіе и благодарность. Ваша иѣжная дружба могла-бы удовлетворить всякую душу, не зараженную эгоизмомъ въ такой сильной степени, какъ моя. Она одна служить мнѣ утѣшеніемъ въ моихъ невзгодахъ и одна можетъ ослабить силу тоски, свѣдающей мое глупое существованіе. Вы должны знать ее, эту глупую жизнь. Что я

предвидѣлъ, то именно и случилось. Мое присутствіе въ нѣдрахъ семьи только способствовало усиленію страданій, и безъ того достаточно реальныхъ. Губернаторъ имѣлъ шизость предложить моему отцу быть его агентомъ надо мною. Меня нопрекаютъ за ссылку, онасаются быть замѣшанными въ мою опалу, увѣряютъ, что я проповѣдую атеизмъ сестрѣ, этому «небесному созданію», и брату, очень смѣшному и юному субъекту, восторганшемуся моими стихами, по который, конечно, скучаетъ со мною. Отецъ мой имѣлъ слабость принять на себя обязанности, ставящую его въ фальшивое положеніе по отношенію ко мнѣ. Вслѣдствіе этого я провожу на лошади или въ полѣ все время, когда только не лежу въ постели. Все, напомишащее море, наводитъ на меня грусть, журчанье ручья вызываетъ настоящія страданія; я думаю, что чистое небо заставило-бы меня плакать отъ злости. Но, слава Богу, небо у насъ свное, а луна—точно рѣпа.

Относительно сосѣдей, мнѣ стоило только отключить ихъ въ началѣ, —и вотъ я приобрѣлъ среди нихъ репутацію Онѣгина и сдѣлался пророкомъ у себя на роднѣхъ.

Единственнымъ моимъ обществомъ служила добрая старая сосѣдка, у которой я часто бываю и выслушиваю ея патріархальныя бесѣды. Ея дочери, непривлекательныя во всѣхъ отношеніяхъ, играютъ мнѣ пьесы Россини, которые выписаны мною. Я вахожусь въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ для окончанія моего поэгическаго романа, но скука—холодная муза, и поэма не очень-то подвигается; прилагаю обѣщанную вамъ строфу, покажите ее князю Петру, но предупредите его, чтобы онъ не судилъ по этому образчику о всей книгѣ.

Прощайте, глубокоуважаемая княгиня, и знайте, что я мысленно стою у вашихъ ногъ въ грустномъ настроеніи. Покажите это письмо только тѣмъ, кого я люблю и кто интересуется мною не изъ любопытства, а изъ дружбы. Бога ради пришлите мнѣ словечко изъ Одессы о вашихъ дѣтяхъ. Совѣтывались-ли вы съ докторомъ Мирѣ? Какъ онъ поживаетъ, а что М...

Кн. П. А. Вяземскому *Михайловское, 29 ноября.*—Ольдекопъ надобѣлъ. Плюемъ на него, и квитъ. Предложеніе твое касательно моихъ злегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. перенисалъ я свое вражье и намѣренъ былъ издать его по воднискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину: мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ издавію злегій, посланій и смѣсь. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для получения экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо (сложемъ на всякій страхъ) имена всѣхъ гг. подписчиковъ паходятся у издателя. Если повесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, непятъ не па кого; самъ виноватъ (это остается между нами). Братъ увезъ Онѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго почитателя: но въ нынѣшнія обстоятельства всякій другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія. —

Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у тебя. NB. Исполкуй эго миѣ. Огвѣчаю на твою притику. Нелюдимъ не сестъ мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ со-седей: какъ полагаемъ, причиною тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если, впрочемъ, смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому-же 17-лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-жъ, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дожусь. Смерть моей тетки не внушила-ли какого-нибудь перевода Вас. Львовичу? Пѣтъ-ли хоть эпиграфъ? Пиши миѣ: Ея высокородію Парасковѣ Александровнѣ Осиповѣ, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С. и все тутъ; да найди для конверта ручку почтѣе твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай-же миѣ на мое по-дуслово. Книжки Вѣрѣ я писалъ; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

P. S. Знаешь-ли ты мою «Телѣгу жи-зни»? (Слѣдуетъ это стихотвореніе. См. алфавитный указатель).

Можно напечатать, пропустивъ русскій ти-туль.

Д. М. Князевичу (чернопое). *Михайловское, ноябрь—скабрь.*—Буря, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь взглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ. милый Дмитрій Макен-новичъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я нахожусь въ глухой деревнѣ,—скучно, да печено дѣлать. Здѣсь пѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то пѣтъ ни сарапчи, ни милордовъ Воронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздно-сть торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, да и то въжудовольпорѣдко,—совершенный Онѣгинъ: цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны: вы, кажется, разъ ее видѣли; она—единственная моя подруга, и съ нею только миѣ не скучно. Я въ перепискѣ только съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Объ Одессѣ—ви слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ,—скажите миѣ, что у васъ дѣлается; ска-жите, во-первыхъ, выздоровѣли Катенька. Гр. Р. я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благо...

В. А. Жуковскому. *Михайловское, декабрь.*—Не знаю, получилъ-ли ты очень пужное письмо; на всякій случай, повторю вкратцѣ о дѣлѣ, кото-рое меня задираетъ за-живое. Восьмилѣтняя Родосъ Сафіоносъ, дочь грека, надмано въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катаривы Христофоровны Кру-нявской, жены бывшего вице-губернатора Бесарабіи. Нельзя-ли спотку пріютить? Она—племянница русскаго полковника, слѣдовательно, можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ провиндѣе.—О себѣ говорить не памѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, те-бя рассержу, выливая, что у меня на сердцѣ.—Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хотъ и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи мнѣ, что я для нихъ тотъ-же: обнимаю изъ нихъ, кого можно: прочимъ—всю душу.

Л. С. Пушкину *Михайловское, декабрь*—Видѣлъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хотъ съ П. А. (Пле-вельскимъ), хотъ съ Дельвигомъ; переговориться нужно непременно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непременно. Тутъ я, по глупости лѣтъ, прислалъ тебѣ святочную ибесенку. Вѣ-треный юноша Рокотовъ можетъ письмо зате-рять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣ-пость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить «Онѣгину» изъ-подъ цензуры—слава...—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хотъ всѣ 54 строфы, по де-негъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригор-скимъ завязалось дѣло презабавное—некогда тебѣ рассказывать, а умирительно смѣшно. Бла-годарю тебя за книги; да пришли-же миѣ все-возможные календари (азъманахи), кромѣ при-дворнаго и академическаго. Кстати—начало рѣ-чи старика Шипкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши миѣ нѣчто: о Карамзинѣ, ой, ихъ. Жуковскомъ, Тургеневѣ А., Сѣверинѣ, Рылѣевѣ и Бестуже-вѣ въ вообще о толкахъ, публики.—Наслѣд-ли на Воронцова?... говорить бѣсится за что-бы, кажется? да люди таковы!

Пришли миѣ бузуги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру, не забудь и (говоря по делилески) витую сталь, произающую засмо-ленную главу бутылки, т. е. штопоръ.

Миѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣтѣ; зачѣмъ миѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то ставемъ трактовать о ба п кирѣ, опере-и п с к ѣ, и м ѣ с т ѣ пребывавія Чадае-ва (эти условныя выраженія должны были означать устройство пересылки денегъ въ корреспондентъ за гравяцу, въ случаѣ бѣгства). Вотъ пункты, о ко-торыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ вашихъ добхатъ? Избави меня

Отъ усыпителя глуца,
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ всѣхъ милости просимъ. Съ по-сланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ-ли ты письмо мое о потолѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire de b—t?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, 4 декабря.*—Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «Демона!» моего «Демона!» послѣ этого онъ и Вѣру напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стиховъ отъ меня. NB. г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ—одна забава,
Не можжко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя-ли еще подѣ «Разго-воромъ» поставить число: 1823 годъ? Стихъ: «вся жизнь, одна-ли, двѣ-ли ночи», надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца. Mes arrières-pensees me devront cet ombrage. Съ журналистами дѣлай, что угодно: дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что уюмнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ миѣ все благополучно, а Библию иѣтъ. Библия для хри-стіанина—то-же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось прежде предиди-

словіе Исторіи Карамзинна. При мнѣ онъ ее и переѣхалъ. Закрытіе театра и запрещеніе баловъ (вслѣдъ наводненія 7 ноября)—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидой роскошью. Лавочники, види освѣщеніе бельэтажа, могли-бы разбить зеркальныя окна — и былъ-бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ-бы и похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ; но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? Объ этомъ зимою не грѣхъ-бы подумать, хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потонъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Овѣгипскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забывая стоять въ Инвалидѣ на-ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассессоромъ Панаевымъ. Пришли-же мнѣ «Эду» Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! да если она мнѣ моея церкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда зватья не буду.

Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту и Гвидичу, и Плетневу, и Овѣгину, и Слевину. Прислалъ мнѣ «Старину»; это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣбной? ты читаешь ему Овѣгина?

(Приниска сестрѣ). Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. J. est vrai, c'est jolî de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof ait p... sur son tombeau. Няня исполнила твою комиссію, ѣздилъ въ Св. Горы и стирала ланихиду, или что было нужно. Она цѣдуетъ тебя, я также. Твои Троегорскія пріятельницы несносны... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Снизу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Л. С. Пушкину. Михайловское, концъ декабря. — Братъ! здравствуй — писалъ тебѣ вѣдяхъ. Съ тебя довольно. — Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ («Сѣверные Цвѣты») да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду. — Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пушину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина. Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

Л. С. Пушкину (черновое). Михайловское, декабрь.

Что-же? Будетъ-ли вино, Лайонъ? Жду его давно. Знаешь-ли, какого рода? Милый мой, мнѣ все равно, У меня законъ одинъ: Жажда полная свобода И терпимость всякихъ винъ! Погребъ мой гостепріимный Рядъ мадеръ золотой И нощъ пробой смѣлопной Сень-Пере бутылкѣ длинной. Въ лѣта юныя мои,

Въ лѣта юности безумной,
Поэтический Ап
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское....
Мнѣ поправилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
Нѣтъ разбора....
Вина обхожу кругомъ...

Бар. А. А. Дельвигу. Михайловское, декабрь. — Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки опытныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь-ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній — посуди самъ.

Изъ Азіи перѣехали мы въ Европу (Изъ Тавриды въ Керчь) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не столько подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ таялися полузатопленныя горы... «Вотъ Чатырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любознѣствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину пѣвнѣйшую: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижины татарскихъ издала казались ульями, прирѣзанными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я съ днемъ, купался въ морѣ и обѣдалъ виноградомъ; я тотчасъ прикинь къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безвѣстностію неаполитанскаго Iazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и засасывался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я обѣхалъ полузатопленный берегъ, и Путешествіе Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Киклиенса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взошли мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы перѣехали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была берега, сѣверная берега! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о милomъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ-же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ:

по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня рюмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья? и пр. (См. въ Алфавит. указателѣ: Посланіе къ Чаадаеву).

Въ Бахчисарай прѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошелъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на побереженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня на ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище—

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любви, о которомъ говорить Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэмю, а то-бы непременно тутъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня предельно неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленные съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаіе—самая сильная способность души нашей и имъ очаровано все, что подвластно ему?... и проч.

Н. И. Крицкову (? черновое) Изъ Михайловскаго. — Помнишь-ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, откуда пишетъ тебѣ твой лѣннвецъ, котораго ты вѣрно помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты можешь и должепъ-бы сердиться, но не знаю, сердился-ли.

Я не люблю писать: языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе, такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ-бы то ни было, я впиовать, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ о нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга.

1825.

Л. С. Пушкину. Михайловское, январь. — Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаетъ. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи. — Читалъ объявленіе объ «Онѣгинахъ» въ «Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится, то приступи тотчасъ къ изданію другому. нп условья съ какими-нибудь книгопродавцемъ. Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ. — У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выпнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ и вынести. А то-бы она уюрила ваяно, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года (1823 и 4-й) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 руб. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Начисланныхъ денегъ у ней 300 руб.; изъ нихъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно

положено ей благостыни и заплачено-ли что-нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и старосты — велѣлъ перефрять хлѣбъ и открыть нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ, она — мерзавка и поровка. Покаместъ я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. — Они надняхъ меня зарѣжутъ. — Покаместъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ. . . . а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ ил и подъ «Моремъ и Землемъ» должно было поставить: идиллія Москва. — Отъ этого я-бы не удавился, а Бюиъ старикъ при своемъ остался-бъ. Тоже и объ Нв. Нв. Парни — но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распеатай — позволяю. Плетисеа цѣлую и буду писать.

Да пришли же-мнѣ Стариину и Талію, Госноди помилуй! не допросишься. Здѣсь нисъмо къ издателю или... Невскаго Альманаха. Прочитай его, да доставь. Онъ, каналья, жетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое врапье — добро! Начало Кота Пзмайлова очень мило.

Р. С. Слѣной понъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подписши на нѣсколько экземплярвовъ.

Ки. П. А. Вяземскому. Михайловское, январь. — Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодаря се за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты: ибо все носить отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоценной. Ты, конечно, правъ: болѣе чѣмъ когда-нибудь обязанъ я уважать себя. Унизиться передъ правительствомъ была-бы глупость. Довольно ему одного Граббе. (Гр. П. X. Граббе былъ тогда удаленъ на жительство въ Ярославль).

Я писалъ тебѣ на-дняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыганъ. Завѣтныхъ покаместъ нѣтъ.

Ки. П. А. Вяземскому. Михайловское, 25 января. (Слѣдуетъ стихотвореніе «Пріятелямъ» Сл. алфавитный указатель).

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью, что написалъ нашъ Плетневъ? Экая ералашъ! Ты спишь, Брутъ! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за нѣмцевъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ)? Хочешь еще эниграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ. Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;

Поэтъ Глаголь, не сглановисъ фертомъ;

Дьячекъ Глаголь, ты — иппа въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь (Ө. Н. Глинка) бо другъ сердца моего. мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны.

К. В. Рылѣву. *Михайловское, 25 января.*—Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ потеряннѣею; знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для вашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Rucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковский имѣлъ рѣшительное влияние на духъ нашей словесности; къ тому-же, нереводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ, ужъ эта мнѣ республика словесности! За что корить? За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды. — Прощай, поэтъ.

А. А. Бестужеву. *Михайловское, послѣ 25 января.*—Рылѣвъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобы эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не расгаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ достоинъ. Вотъ что мелкоумъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ.—Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни прилпчій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлѣ; не нужно-ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—по штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les paroles du bal, билетны, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отягченный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго гения.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горетюма кто умное дѣйствующее лицо? Оtvѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человекомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и навивавшійся его мыслями, островами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говорить онъ, очень умно. Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка,—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ та-

кимъ простодушіемъ; довольно, чтобы онъ признавался минутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна—и какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля.

О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ многомъ ошибся.—Слушалъ его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться.—По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ (Пѣснь о Вѣщѣмъ Олегѣ) не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго простодушія, да и проществие само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листовъ Булгарина, тотъ номеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга. Веди прислать.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, февраль.*—Что ты замолкъ? Получилъ-ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдеконѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc? Въ „Цвѣтахъ“ встрѣтилъ я тебя и чуть не задохся со смѣху, прочитавъ твою Черту мѣстности. Это малевская прелесть. Чистое сердце чистѣе въ отвѣтъ растянуто; рѣзко: слезы, розы—завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозъ кашель и сквозь слезы—очень забавно, но вся мужнина рѣчь до; за гробомъ ревностью учить—растянута и натянута. Еще мучительнѣе въ двойнѣ—една-ли не идеализмъ. Вотъ тебѣ критика, длиннѣе твоей несы. Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его нохабныя эпиграммы стократъ выше одѣ и гимновъ. Прочелъ я въ Ивалндѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или Телѣга? Что мой Кюхля, за котораго я стражду, но все люблю? Говорятъ, его обстоятельство не хороши—чѣмъ нехороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига. Покажетъ я одинъ одишеченекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыганы никуда не годятся: не вѣрѣ—я соиралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобы онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое «Второе Посланіе Цензурѣ» (см. Алфавит. указатель)? Тамъ, между прочимъ:

Обдумавъ, наконецъ, намѣренія благія,

Оспротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: темнота altrii! Вотъ почему и не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему приобгнать въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекономъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я-же подличалъ благонамѣренно, иудѣ въ виду пользу нашей сло-

весности и умирения кичливого Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй.

А. С. Пушкину. — *Михайловское, въ половинѣ февраля.* — Я съ тобой не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1, потому, что это было-бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, переписи и приписки къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои овасенія на счетъ прѣзда ко мнѣ вовсе не справедливы. Я не въ Шансбургѣ, а при физической возможности свиданія, лишь онаго двухъ братьевъ была-бы жестокость безъ дѣли, следовательно, новее не въ духѣ нашего времени, ни...

Иду шуму отъ Онегина; покаместъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Вуго, добро! но, милый мой, если только возможно отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдали-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть его разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости, Боже, мое согрѣшеніе) Наполеонъ поглупѣлъ—во-первыхъ, лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно); во-вторыхъ, судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какой-нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon? Если нѣтъ, такъ прочти. Это, между прочимъ, прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Кошничъ (Туманскій) написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: „Дѣвушка влюбленному поэту“—кромя авторамъ. А куда онъ, Кошничъ! Его элегіи въ „Цвѣтахъ“ каковы? Твое сужденіе о комедіи Грибоедова слышкомъ строго. Бесполезно писать я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я—министръ иностранныхъ дѣлъ и, кажется, дѣло до меня не касается. Если Царей пойдеть какъ пачать, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плегневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ. Что Баратынский?.. и мораль долга-ль?.. какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ некудальня? Вѣднѣй Баратынский! какъ объ немъ подумаешь, такъ поневолѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки: по и презрѣнная проза мнѣ надѣла.

Прѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отыщи мнѣ, какъ отзывался онъ объ мнѣ въ свѣтѣ, а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ (Войнаровский) помѣстить въ свѣтъ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 19 февраля.* — Скажи отъ меня Мухомову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ

и Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время! Онегинъ напечатанъ; думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову. Овъ милый поэтъ, человекъ достойный уваженія, и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему несправедлива. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. *Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.*

Что-же Телеграфъ обѣтованный? («Московский Телеграфъ»). Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телѣгу, проказника? Прочіе журналы всѣ получили и болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствуютъ необходимость какой-нибудь Edinburgh Review. Да вотъ-те Христосъ: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фовизина?

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это пѣз моды вышло.

Н. И. Гнѣдичу. — *Михайловское, 23 февраля.* — Кажется, вамъ обязанъ Онегинъ покровительствомъ Пушкина и счастливымъ извѣщеніемъ отъ Вирюкова (пензоръ). Видишь, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду етиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ.—Пѣсни греческія—преlest и tour de force. Объ остроумномъ предисловіи можно-бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обонхъ народовъ явно, по причинѣ?

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ (чортъ возьми это отечество). Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ гения, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертѣхъ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитається и не воспѣтая — писали вы мнѣ когда-то. А Владимиръ? А Метиславъ? А Дюпекъ? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданіи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1.—Много у меня пачато: ничего не кончено. Сижу у моря, жму перемѣлы ноготы. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

День объявленія греческаго бунта Александромъ Нисизанти.

Л. С. Пушкину. — *Тригорское, 12 марта.* — Братъ, обнимаю тебя и надаю до ногъ. Обнимаю также алжирца Всеволодъскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жалъ, что тебя со мною небудетъ! дѣло-бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны—потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ, благословясь, и въ цензуру.

Душа моя, горьница, рому, что-нибудь въ ук-сусъ—да книги: conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талю, „Старину“ да Sismondi (littérature), да Schlegel (Dramaturgie), если есть у St.-Florent. Хотѣлъ-бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Рус. Стихъ, да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожь.

Какъ ченовскій возсталъ на меня. Наниши

мнѣ, благопрістоенъ-ли тонъ его критикъ; если яѣтъ,—пришлю эпиграмму.

У гасъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ — стихи не главное. Что-же главное? проза? Должно заранѣе исгребить это гоненіемъ, вѣн-томъ, колымп, пѣснями иа голосъ: оди нѣ сжу во командѣ, и тому под.

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и мурлыкаю. Знаешь ея кузину А. И. Вульфъ. Ессе foemina!

Мочи пѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На-дняхъ буду писать ему съ претензіями. Повалитъ благодари его—думаю, что экземпляръ Онегина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до опыхъ дамъ, падѣюсъ, что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было-бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

Достань у Рылѣева или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что-жъ ты обѣщался мнѣ прислать Парни?

Л. С. Пушкину. — *Михайловское, 14 марта.* — Напрасно воображаешь ты, что я на тебя серджуся — и не думалъ. Пѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно, еще до тебя не дошло. Все во-ложскій со мною мутитъ: я долженъ ему 1000, а не 500; переговоры съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человекъ, хотя и женится. Тогдашъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть, тебя прѣспіають безъ вѣдома... Просьбу твою могутъ почестъ сдѣланіемъ моего вѣнченія etc. etc. etc. — Погоди хошь Дельвига.

Увѣдомъ о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ.

Л. С. Пушкину. — *Михайловское, 15 марта.* — Братъ Левъ и братъ Плетневъ! Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новыя и старыя стихи. Я выстиралъ черное бѣлье паскоро, а новое сшилъ на живую пѣтку. Но съ вашею помощью вадѣсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ неогрѣбную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, безсмыслицы прошу самымъ исправитъ — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ пѣсь держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—векло-чайте, марайте съ плеча. Позволю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго—не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича—не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ А. Снѣпер. Вивѣтку бы не худо; даже можно, даже пужно — даже ради Христа сдѣлайте: именно Психея, ко-торая задумалась падъ цвѣткомъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго—Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородны — и слѣдующей? Конца не люблю). Что, еслибъ волшебная кисть О. Толстого?

Пѣтъ, слишкомъ дорога!

А ужастъ какъ мила..

Къ тому-же, кромѣ Уткина ии чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша.—Впрочемъ, это все на-ружность. „Иною прелестью пѣлнелетъ!“ —

Пересчитавъ посылаемая вамъ стихотворенія, нахожу 60 или око до (пбо часть подземнымъ богамъ непредвидима). Бпруконъ человекъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла

нѣтъ не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую пѣсу на особенномъ листочкѣ, псправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ

и безъ————, вся эта нестрога безобразна в напомнимаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. По каждую штуку особенно, хотѣ-бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne в другую). 60 пѣсь! довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать-ли вамъ для пополненія Царя Никиту и 40 его до черей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторпости.—Простите, дѣти! я пьянъ.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, 21 марта.* — Огвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгладя. „У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку тепле нѣтъ“. Грѣхъ отнять это тѣло у такихъ людей, каковы Виргилій, Гораций, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій, хотѣ они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виновать! Гораций не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сн предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Addisona и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои исполнъ можно прихитить къ одной французской литературѣ.

„У насъ есть критика и нѣтъ литературы“; гдѣ-же ты это напелъ? Имѣно критики у насъ недостаетъ. Отселъ репутація Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человека, но конечно не великаго поэта; отъ пональ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вогъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній уналь въ общемъ мнѣнн, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумпръ Державина, $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ сивцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. „Ода къ Фелицѣ“ стоитъ на-ряду съ „Вельможей“. „Ода Богъ“—съ „Одой на смерть Менцеракаго“. „Ода къ Зубову“ недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмнтриевъ также. Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги. Мы ве знаемъ, что-такое Крыловъ—Крыловъ, который столъ-же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше М. В. Руссо. Что-же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Влагопамфреній? Библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?.. Но признайся, что все, что не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ—у германцевъ), не можетъ почестъся уложеніемъ вкуса. — Ка ченовскій тунъ и скученъ, Гречъ и ты остры в забавы—вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою можно сказать наоборотъ: литература кой-какая у насъ есть. а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

„Отчего у насъ вѣтъ гевіевъ и малогалантовъ?“ Во-первыхъ, у насъ Дер-

жавинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ-же бываетъ много талантовъ?

Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу. Отчего-же вѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковский не можетъ жаловаться; Крыловъ—также. Гибдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынского—и не говорю: слава Богу!

„Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя таланты“. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Таргюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго гения, обязанъ бытіемъ своимъ вступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридриха... Державину покровительствовали три цари. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить. — Во-первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобы я не докучалъ Булгарину. — Рылѣву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ-было покривить душой, да не удалось. И Bowles, и Вугон въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе. — Хочешь, пришлю? Переписывать скучно.

Откуда ты взялъ, что я пишу Рылѣву? Мнѣ же свое о его „Думахъ“ я сказала вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаясь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда шѣлъ къ тому случаю; да чортъ его знаетъ! Иду съ петербургскимъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобы онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ: все-таки ты смотришь на Олѣгина не съ той точки; все-таки онъ—лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана (первыя 5 пѣсней — другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Олѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой-же. Нѣтъ, моя душа, многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помни нѣтъ въ Евгеніи Олѣгинѣ. У меня-бы затрещала набережная, еслибъ коснулся я сатиры. Самое слово сатирическій не должно-бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсней. Ахъ, еслибъ заманилъ тебя въ Михайловское!. Ты увидишь, что если уже и сравнивать Олѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieux) — Татьяна или Юлія? 1-я пѣсня просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Силь заключая поэмнику нашу... Иду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдамъ справедливость Катенину. Это было-бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои средно мыслящему созданію. — Безъ корыст-

ное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы. — Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возмись за романъ. — Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый по всѣхъ отношеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою дѣлу: по-первыхъ, какъ истинный талантъ; во-вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc. — Подумай, братъ, объ этомъ на досугъ... но тебѣ хочется въ ротыпстры!..

Л. С. Пушкину. — Михайловское, 27 марта. — Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ! (въ Повѣсти Погорѣльскаго „Лафертовская мельница“). Я перечелъ два раза однимъ духомъ всю повѣсть; теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажимаю глаза, повертываю голову и выгибаю спину. — Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда-ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешлю ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этими очень обяжешь меня и загладишь настижъ чтецѣбскія.

Получилъ-ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній — дрянн и недостойны вниманія россійской публики; но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя — такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г...-съ (сказать это полагче). 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которые могли-бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозначительныхъ для почтеннѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. (Приниска сбок у: или слишкомъ незрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стихи въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ), или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мѣя—это непристойность, и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ. — Ну, по крайшей мѣрѣ, столь-же хороша. Довольствуй-ли онъ? Да перешли на всякій случай, это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому — напishi ему, чтобы онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ солесвями и съ медвѣдями. Прощай; сестру поцѣлуй.

Вѣличая пятница.

Р. С. Я., Телеграфомъ — очень доволенъ — и мысля или мысля поддержать его. — Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ — то-ли дѣло не красть, не ругаться по м..., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч. — люди не осу-ждать, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми ихъ отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овпдію, Вѣра была дѣнь и в Морѣ могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегійхъ — да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait).

Не напечатать-ли въ концѣ Воспоминан-

нiя въ Царскомъ Селѣ, съ нотой, что они писавы мною 14-ти лѣтъ — и съ выпискою изъ моихъ записокъ (объ Державинѣ), ась? Да тиснуть еще мою Птичку — да четыре стиха о дружбѣ: «Что дружбѣ? легкій пылъ похмѣлья».

Л. С. Пушкину (безъ числа). — Я-было послалъ это въ Сынъ Отечества, да, кажется, журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявлению Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь.

А. Н. Вульфъ. — Михайловское, весною. — Любезный Алексѣй Николаевичъ — благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Яныкова; Посланіе его и чувствительная Элегія — прелесть. Въ Посланіи, послѣ тѣбѣ ой хранимаго, стихъ пропущенъ. А стихъ Яныкова мнѣ дорогъ. А. П.

Л. С. Пушкину. — Михайловское, въ началѣ апрѣля.

«Жизнь, жпвъ курилка!» (См. алф. указат.)

Вотъ тебѣ требуемая эниграмма на Качеповскаго; переищи ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ второй разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо-бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ, и Дамскій журналъ).

Подпись слѣдующаго поэта (П. И. Козлова) тропула меня несказанно. Повѣсть его прелесть — сердись онъ, не сердись — а «хотѣлъ и простить — простить не могъ» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ — прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы («Чернецъ») — но крайней мѣрѣ угаданное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отгнать ему стихами; если уснѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Глѣдичъ не получилъ моего письма? Жалко; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находились два очень нужныя — тебѣ и Плетневу. — Что Плетневъ умолокъ? Конечно, бѣдный боленъ, или «Войнаровский» недоволенъ — кетати, каковы мои з а м ѣ ч а н i я? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виновать: «Войнаровский» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis — да Child Harold — Lamartine (то-то чечуха должна быть!), да вообще что-нибудь военскаго, да и Старину. «Талию» получилъ и письмо отъ издателя. Не уснѣлъ еще пробѣжать: Воровжя (Васа Шаховскаго) показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкій, моя старшая любовница — а къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣсню Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если обо немъ упоминаютъ, какъ о драматическомъ писателѣ). Вяземскій правъ, а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахариса Клода, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не понутру рѣзаво скачущая кровь Грибоѣдова.

Дельвигу объятія мои открыты. Иду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневризма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть черговская его небесная душа!

Сочиненія А. С. Пушкина.

Онъ — святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще!

Тиснутъ Царское Село, и съ нотой. Напрасно объявляли о Братяхъ Разбойникахъ; ихъ-бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Нап. (Наполеона), да цензура — д... лучшія строфы потонуть.

Л. С. Пушкину. — Михайловское, 7 апрѣля. —

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку — вѣроятно отъ Плетнева. Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ, не прочитавъ, и ежегъ его тогчасъ (изъ опасенія или изъ ревности — какъ хочешь). Она въ претензіи за твои вѣжности и за то, что онъ тебя усыпнил. Полярнику еще не получалъ. — Справься, ради Бога, объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться; этакъ съ голоду умру — съ отцомъ, да съ Ольдекопомъ. Прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми), c'est ainsi, voyez vous, que j'écris à Anna Iv. Вульфъ sous le nom d'Euphrosine — Господи Исусе Христе! quelles misères.. цѣлуй Ольгу — quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celui, c'est lien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu:

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги-же это, показавъ ей. Variantes en l'honneur de m-lle NN.:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,

Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN находить, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Поппу soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), Анна Николаевна также, и въ обоихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія — это невозможно напоминать la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцемъ Шкодой за упокой поэта.

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, 7 апрѣля. Ниче день смерти Байрона. Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой поппъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пушкина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической лаутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кляняйся жепѣ. Я вамъ обоимъ душою предаю. — А. П.

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, апрѣль (до 22-го). — Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ officialнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я

переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя не sougit; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ, какъ Кюхельбекерскій Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя российская литература? Я-было на Полевого очень ошетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковского. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Вирукова. Почти все извѣстно уже, но все пужво было соединить воедино. Изъ всего, что должно было передать забвѣнію, болѣе всего жалѣю о своихъ эниграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя; но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie, а съ живыми — полно, не хочу сориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя. Изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не понутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и подблужь. Ксатати или пѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахъ. Фонтанъ Заремныя очи. Я-бы съ нимъ согласился, если-бы дѣло шло не о Востокъ. Слово восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно памъ, благоразумнымъ, ходящимъ европейцамъ. Ксатати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черзуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ усвоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ и въ Абидосской невѣстѣ и проч.

А. С. Пушкину. Михайловское, 22-го апрѣля. — *Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel. Don Juan* (послѣднія 6-я и пр. пѣсни), новый *Walter Scott, Сибирскій Вѣстникъ* въ сѣ — и все это черезъ St-Florent, а не черезъ Сленина. — Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчица, *Fleur d'orange*, чемоданъ дорожный. Сыру лимбургскаго. Книгу объ верховой ѣздѣ — хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе *Alfiere* и Байроу. Какъ я былъ радъ баронову прѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились, а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхитаясь Чигринскимъ Старостою («Смерть Чигринскаго Старосты» Рыльева); приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуетъ 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устрицъ).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за общаніе предисловія. — О *Посланиіи* къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощенины повторять не пужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его насквилъ этого стоить, и по-сему попроси его эниграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ — что-жъ дѣлать, а впечатлѣній уже такъ. — Если Сауровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть

увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной, показавъ (и не читавъ) печальное письмо, гдѣ она говоритъ: *elle me boude, mais je m'en f... или подобное*. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все черезъ эти сплетни.

des bretelles
des bottes (или не нужно).

Брату Плетневу поклонъ да нара словъ — на дняхъ къ нему пишу.

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, конецъ апрѣля. — Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разговоръ съ няней, безъ письма, братъ подучилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Огъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ; о другомъ надѣяться не смѣю; но судьба, кажется, могла-бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ элегія на смерть Анны Львовны.

Охъ, тетевка! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маменькѣ любовна,
Была ты къ папенькѣ добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣевной,
Со Львомъ Сергѣевичемъ давно-ль,
Какъ-бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты радѣла хлѣбъ да соль?
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ?

(Я да Дельвигъ).

Ксатати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человекъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной с.-петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да пѣтъ-ли у тебя и прозы? Что минше ты о Полярной?... Утебя-ли у тебя какія-нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что-нибудь о томъ.

К. Θ. Рылѣву. — Михайловское, конецъ апрѣля. — Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Воинъ и арскаго. Прибавлю одно: веадъ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу — не смелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Острогажѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покръ, составлены изъ общихъ мѣстъ (*loci topici*): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравовеніе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ есть гербъ византийскій и пріять у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «то же по-

вѣспѣишь свой на вратѣхъ на показаніе побѣды“.

Объ Исновѣди Наливайко скажу, что мудроно что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?—Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, концъ апрѣля.*—Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державиннымъ умолкнулъ голосъ лестн, а какъ онъ льстилъ?

«О, вспомни! какъ въ томъ восхищеніи
Пророкъ, я тебя хвалилъ.
Смотри, я рекъ, триумфъ—минуто,
А добродѣтель вѣкъ живетъ!».

Прочи посланіе къ Александру (Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ...

О нашей лириѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдають намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего нѣтъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его переодѣланъ съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шести-сослѣдній дворянинъ. Дьявольская разница!..

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелестъ!) подражаніяхъ—прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣггинѣ ты не высказалъ всего, что нѣтъ на сердцѣ; чувствую почему—и благодарю; но зачѣмъ-же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покажься мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ (въ „П. Звѣздѣ“) напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось пѣщевъ и обратись къ намъ, православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни: высказывай все на чистое.—Твой Владиславъ говоритъ языкомъ пѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330) etc; но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ—прелестъ; конецъ также. Впрочемъ, вездѣ твоя необыкновенная живость...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты прими мнѣ свои возраженія. Покажься обвиняю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Пушкину. Кому-же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 25 мая.*—Ты спрашиваешь, доволенъ-ли я тѣмъ, что сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ. Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водять и вкусъ, и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствие, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью сплать необычайный. Переводы избаловали его, излѣпили; онъ не хочетъ самъ создавать; но онъ, какъ Voss, гений перевода. Къ тому-же съшлюсь говорить объ немъ, какъ объ отцѣвѣшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умѣе Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогахъ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я-бы дорого далъ. За то Думы—дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ пѣмцаго думи, а не отъ польскаго, какъ казалось-бы съ перваго взгляда. Стихи Пѣльова—прелестъ. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я повиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя князя Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я-было и послушался, да стало жалъ, et j'ai remis bravement Chalikoff! Это могу доказать черною бумагою. Твои калямбуръ очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все-таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ-бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!). Ты, кажется, любилъ Казимира (Делавинъ), а я такъ нѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гете... далеко кулику до орла! Первый гений тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугъ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ, усталъ. Писалъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарину.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, май—іюнь.*—Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой анекдотизмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу пропросить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ сѣху, но Михайловское душно для меня. Если-бъ каръ меня до излеченія отпустилъ за границу, то это было-бы благодѣяніе, за которое я-бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я общалъ П. М. (Баранзину) два года ничего не писавъ противу правительства—и не писалъ. Книжалъ не противъ правительства писать, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь-же все это мнѣ надобно, и если меня оставить въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рیمъ. Смѣло полагаюсь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ ностуникъ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по неру. Впрочемъ, да будетъ воля

твоя; если покажется это невристойнымъ, то можно перевести, а братъ переищуетъ и подпишетъ за меня.

Все это трепъ-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора-бы тебѣ удостовериться въ односторонности его вкуса. Къ тому-же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Писанія къ нему, произведенія, конечно, слабо. Цѣтъ, Жуковский.

Веселаго пути Ко древнему Дунаю

Я Блудову желаю II

Падпись къ Гете, Ахъ, если-бъ мой милый, Генію—все это прелесть, а гдѣ они? Знаешь, чѣмъ выйдетъ? Почаѣ твоей смерти все это напечатаетъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвингъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что цѣтъ у меня твоихъ содѣтовъ, или хотѣ присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, *Водолаза* (баллада Шиллера „Кубокъ“). — Ты спрашиваешь, какая цѣтъ у Цыгановъ? Вотъ-на! Цѣтъ поэзи — поэзія, какъ говоритъ Дельвингъ (если не украдъ этого). Души Рылѣева и цѣлать, а все не-выпадутъ.

Къ письму приложено слѣд. черновое прошеніе.

„Обязанный признать снисходительность в. в. — ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости, я долго-бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, если-бы необходимость не побуждала меня нарушить его.

Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ у меня не было средствъ лечиться. Аневризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ-бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдился въ истинѣ моего заявленія.

Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда-то полагался на великодушіе вашего права. Нѣмѣ создаюся, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю ваше величество дозволить мнѣ удалиться куда-нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишненъ всякой помощи“.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился проектъ этого же прошенія въ иной, болѣе полной редакціи, а именно:

„Мнѣ было 20 лѣтъ въ 182) году. Нѣсколько необходимыхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя оцозреннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрожалъ—мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступилъ-ли мнѣ къ самоубійству или.. Но въ первомъ случаѣ я самъ-бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполне раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понималъ, что это безплодно. Тогда я рѣшился выказывать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести.

Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету“...

Бар. А. А. Дельвингу. — Михайловское, 8 іюня. — Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождаюсь. Не приидь-ли ты опять въ услуженіе покойнаго Никиту, или ждешь okazji? Проклятая okaz! Ради Бога, ваниши мнѣ что-нибудь; ты знаешь, что я имѣлъ несчастье потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича—получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи—утѣши меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства). Чѣмъ дѣлаютъ мои Разныя Стихотворенія? Видѣлъ-ли ихъ Вируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Чѣмъ мой Онѣгинъ? Продастся-ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобы онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на комисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго комисіонера цѣтъ и не будетъ.— По твоему отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этого чудака не звалъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія ни о слогахъ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣснѣть всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что-же въ немъ?—мысли, картины и движенія, истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ погитарски, а русской грамоты не зналъ за недостаткомъ. Державинъ, современемъ переведенный, пзумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ (не говоря уже о его миннестрвахъ); у Державина должно сохранить будущее одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Гевій его можно сравнить съ гевіемъ Суворова—жалъ, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ нѣтухомъ. Довольно о Державинѣ—Чѣмъ дѣлаетъ Жуковский? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пальцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта—его Мельникъ хорошъ, какъ Демьянъ и Фокъ. Видѣлъ-ли ты Н. М. (Карамзина)? Идетъ-ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Романовыхъ?.. Шесть Пушкинскихъ подписали избирательную грамоту, да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, чѣмъ я? гдѣ я?..

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, іюнь. — Ты вызываешься сослѣдоватъ мнѣ Полевому. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполняю—слѣдственно я денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Довѣ Никотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!— Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что-же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ *Vuovo d'Antona* до *Orlando innamorato*? Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: *Napoléon* ими занимается и былъ лучшимъ жур-

налистомъ Парижа (какъ замѣтить, помнится, Фуше.)

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, июнь.* — Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложеніе Телеграфа. Если ему пужны стихи мои, то пошли ему, что тебѣ понадобится (кромя Опѣгива): если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ — человѣкъ порядочный и честный, во враль и невѣжда, а раньше и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотри на переѣзду министерства и на улуищеніи цензуры, все-таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братъею. Пожалуй я подряжусь выставлять по столыку-то шесъ, да въ накладъ можетъ остаться журналъ, если такъ восхощетъ Богъ да Вируковъ. Я всегда былъ склономъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ, какъ пошелъ морь на Пушкинхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому-же, между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторгнуться съ моею легкой руки. *A demain les affaires sérieuses...* Какую ибеньку изъ *Beranger* перевелъ лядъ В. Л.? Ужъ не *le bon Dieu* ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовишься уже слѣдственная коммисія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора Каминна и слѣдств. соперницы Вас. Львовича). Не худо увѣдомить его, что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если-бы не чрезвычайная извѣстность (*extrême popularité*) его Опаснаго Сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль, что умеръ А. М. (А. М. Пушкинъ, дальній родственникъ поэта) и что не видалъ я дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ Челгу, а не въ Телеграфъ мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ веселосно долго. Полевой напрасно огорчился: ты не напрасно прибавилъ журнальнѣмъ. А я въ даромъ отозвался, *et le diable n'y perd rien*.

Вотъ еще эниграмма на Благовамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей:

«Недавно я стихами какъ-то свистнулъ» и т. д. (смъ въ алфавит. указателѣ: «*Ex ungue leonem*»).

Огославо къ Полевому. Ты уже, думаю, босовожка, положишься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропяльницею нековскаго неба, и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху крапъ, и золотые дожди остановились. Онта въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, июнь — июль.* — Неожиданная милость его величества (разрѣшеніе лечиться въ Псковѣ) тронула меня вѣсказанно, тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства. — Я справлялся о нековскихъ операторахъ: мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволодова, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученостъ свѣтъ по своей книгѣ о лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться

въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую списходительность его величества.

Боюсь, чтобы медленность мою пользоваться моваршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство — во можно-ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адекватную неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аверизмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ човѣчколюбиваго сердца императора, авось-либѣ позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкарю по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства. — Обнимаю тебя горячо. — А. Пушкинъ.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 13 июля.* — Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дожжусь. Чтѣ ты? Въ Ревелѣ или еще ибѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, *toi donc le monde encore ignore le vrai nom!* Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса ва замѣчанія Наполеона. Чудо-хорошо! Твоей слогу живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно-же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться ва подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей). Объ этомъ есть у меня строфы три въ Опѣгивѣ. За твоєю статью слѣдуетъ моя и *M-me de Staël*; но не разгадай этого: тутъ есть одно великодушіе, постоянное во-первыхъ ради цензуры, а во вторыхъ для вящаго а н о н и м а. Вѣроятно, ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе прѣбывать во Псковѣ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволодова, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣстъ, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри — молчи-же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Пенъ въ темницѣ? Суди о немъ какъ езунтъ — по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, во плоть немоща. Прости, прощай. Съ тобою-ли твоя княгиня-лебедушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуся.

Р. С. Передо мной трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобы не выписать ея заглавія. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскаго государства, о царѣ Борнѣ и о Гришкѣ Отренъевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ. Каково?

А. Н. Вульфъ (по-французски). *Михайловское, 21 июля.* — Пишу вамъ въ грустномъ оныяненіи; видите — держу слово.

И такъ, дождали ли вы до Риги? одержали ли побѣды? скоро-ли выйдете замужъ? нашли ли улановъ? увѣдомьте меня обо всемъ этомъ съ величайшей подробностью, ибо вы знаете, что, не смотря на мои злы шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, чтѣ до васъ касается. Хотѣлъ поборнать васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разгослинѣ. за то вамъ будутъ правоченія и совѣты. Извольте прислушаться. 1) Ради Бога, будьте вѣтрены лишь съ вашими друзьями [мужескаго рода], они воспользуются этой вѣтривостью лишь для самихъ

себя, тогда какъ и другіи повредить вамъ, ибо усвойте себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія-же тщеславныя и болтливыя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя-бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, къ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ тѣхъ-какого времени вы стали очень ученой, но учености своей не выказывайте, и если угадъ скажете вамъ, что «съ вами нездорово вальсировать» — не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что эггмъ чванитесь; поднесите платокъ къ носу, отвернитесь и заговорите о чемъ-нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣдняго изданія Байрона.

Знаете-ли, за что я хотѣлъ васъ побранить — нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, безъ... и т. д. и т. д. и т. д. А общанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говорить о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ нашего отъѣзда. Странно! гдѣ-же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей и прелесть ночи, а у меня сердце поетъ: вчера Алексѣй [Вульфъ] и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ сблизило? Скука? Единство чувства? Ничего этого не знаю; я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она спотынулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки побликаго геліотрона. Пишу много стиховъ — все это, если хотіте, очень похоже на любовь: но, клянусь вамъ, что ничего этого нѣтъ. Если-бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлалась-бы судорога отъ бѣшенства и ревности: мнѣ-же оно было только немного обидно. Однако-же мысль, что я для нея ничего не значу; что, пробудивъ и занявъ ее воображеніемъ, я только потѣшилъ ее любовничествомъ; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачнѣе въ душѣ грусти, что ея прелестные глаза остановятся на какомъ-нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ-же прозающимъ сердцемъ и сладостнымъ выраженіемъ — вѣтъ, эта мысль мнѣ несвоя... Скажите ей, что она убьетъ меня; — нѣтъ, не говорите ей этого; она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной живости, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической ко мнѣ склонности — я презираю ее, слышите-ли? да, презираю, не смотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ, столь новымъ чувствомъ.

Простите, м-не баронесса, примите поклонъ нашего прозачческаго обожателя.

Р. С. Прішлите мнѣ обѣщанный вами репетъ, я надѣлалъ столько глупостей, что мочи нѣтъ — про к л я т ы й п р і ѣ з д ъ, п р о к л я т ы й о т ѣ з д ъ!

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 23 іюля.* — Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новый Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя беспокоюсь: не сказали-ли ты чего-нибудь лишняго или необдуманнаго? участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону — а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. (Плетневъ), что обо мнѣ

намѣрены передоложить. Напрасно: письмо моея матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря — чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія вхожу не на-мѣрентъ: онъ знаетъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную; я не знаю, когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ перенимать мои стихи въѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомъ Воскоковой, то я буду ему благодаренъ — если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой милый! — будь счастливъ, хотя это чертовски мудрено. — Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига. Р. С. П. А. (Осипова) уѣхала и я одинъ...

Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное (прошеніе къ государю), письмомъ моея матери? Не подгадывали-ли на чувствительность? Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я-бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Сорентъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! — Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мнѣрсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

П. А. Осиповой (по франц.) *Михайловское, 25 іюля.* — Препровождаю къ вамъ, мил. государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, веселою и довольною путешествіемъ. Мои петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе его величества показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго, — которое, какъ-бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Иду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишите мнѣ, прошу васъ: умолчу о моихъ чувствахъ дружбы и нѣжной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.

А. П. Кернъ (по франц.) — *Михайловское, 25 іюля.* — Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы — легкомысліе, или кокетство дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ, я это знаю; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашей хорошенькой ручкой. Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были-бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жалости ко мнѣ въ душѣ вашей; но вѣтренность всегда жестока,

и всё вы, барыни, вертя головы, какъ ии по-пало, въ восхищеніи отъ сознанья, что есть душа, страждущая вамъ во славу и честь.

Прощайте, божественная, бѣгущая и падающая вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Теодоровичу и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—сырчете-ли его опять у себя на груди? Напишите-ли мнѣ длинный отвѣтъ? напишите мнѣ все, что вамъ въ голову придетъ, заклиная васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, назовите по-черкѣ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце сумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь-же вѣжны, какъ взглядъ вашъ, увѣ! постараюсь итъ подтвердить, или обмануть себя, это все равно. Знаете-ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона; что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

А. С. Пушкину. — Михайловское 23 іюля. — Если-бъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты-бы понималъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полупки. Если-бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ-бы тысячу 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500, и осталось-ли что-нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ; онѣ еще не собраны, не цензурованы—ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты общалъ мнѣ капиталъ прежде году, а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что.

При семъ письмѣ Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаю на его дружбу. Если-же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ цензуру, покаместъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены-ли Вяземскому 600 рублей?

И. Ф. Мойеру — Михайловское, 29 іюля. — Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ анекдизмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣній, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не беспокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая анекдизмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодаряные вамъ было-бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственннй вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глу-

бочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковского. — Александръ Пушкинъ.

П. А. Осиповой (по франц.). — Михайловское, 29 іюля. — Милост. государыня. Вы получили изъ Пскова бесполезное письмо, которое я уничтожилъ; посылаю вамъ другое изъ Батова отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковскій. Но я рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сейчасъ писалъ ему, умоляя его не пріѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка падяться; я уже давно утратилъ всякую надежду. Роко-товъ явился ко мнѣ на другой день нашего отъѣзда; было-бы любезнѣе оставить меня одного скучать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и бібліотеку. Тамъшнее удивленіе полно поэзіи, потому что оно полно вами и воспоминаніями о васъ. Его любезные хозяева должны были-бы посѣлнить возвращеніемъ; по это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ семьянина; если Рига вамъ правится, веселитесь и вспоминайте иногда пугавника Тригорскаго (т. е. Михайловскаго; вы видите, я смѣшиваю ваши жилища, и все по привычкѣ).

Бога ради не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ безполезнымъ толкамъ; я уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ.

П. А. Осиповой (по франц.). — Михайловское, 1 авг. — Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно. Погода у насъ стояла ужасная: вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всё новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей.

Н. А. Полевому. — Михайловское, 2 августа. —

Милостивый государь! Виновать передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо: хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ удивленіи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу свисходительность и желаю, чтобы они понравились публикѣ. Свидѣтельствую вамъ искреннее мое уваженіе. — А. П.

П. А. Плетневу. — Михайловское, 3 августа. — Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шевѣ (въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа):

Шѣву etc.

Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ—вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ—шумно, а скучно! Женится-ли Дельвигъ? Опниши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольскаго речитатива; я

объяслять о томъ извѣстить милого, вдохновеннаго слѣнца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть воображитъ себѣ красоту и задумчивость; по крайней мѣрѣ дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego. — Tutto il vostro.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Михайловское, 8 августа*. — М. государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего приѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронуть я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и нашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ. Анна Богдановна сказала мнѣ, что васъ ждутъ туда къ половинѣ августа: я не смѣю надѣяться.

Что говорилъ вамъ Кернъ относительно родительскаго надзора Адеркаса надо мною? Нерешительныя-ли это приказанія? Значитъ-ли что-нибудь Кернъ въ этомъ дѣлѣ, или одни общественныя толки? Полагаю, что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что-же касается новостей петербургскихъ, я ничего не знаю, что тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ обѣдахъ постоянно цвѣты.

Прощайте; примите увѣреніе въ моей пѣжной и почтительной преданности. Вѣрите, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 10 августа*. Накунался-ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? Перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ-ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хотя эпиграммы? Звася-ли его лучшую эпиграмму: Что нудны, говорятъ расчетливый etc. Виноваты! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3—7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать-ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду и путемъ доходнымъ; если цензура не пропуститъ осьмого стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Вояжаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзинъ? Я-бы къ нему писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковский со мною такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текущая словесность? Набоищій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ: онъ чело-вѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ. Иду разбора Шихматова. То-то правя чаю! Сейчас прочелъ антикритику Полевого.

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ. Разборъ новой пѣстики басынъ—вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покаместъ смотри хоть за Полевыми. Чѣмъ мнѣ тебя попотчивать? Вотъ тебѣ мой бон-мо (ради соли вообрази, что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26). Qu'est ce que le sentiment? Un supplément du

tempérament... Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды?—Запахъ селедки.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Михайловское, 11 авг.* — Говорить-ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а вселюдушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неумѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. Керна, не вѣрны, но вы правы: ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете: онъ думалъ, что я въ Псковѣ (NB). Я рассчитываю еще проводить моего стараго негра-дядю. Опъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка. Свидѣтельную почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь вамъ преданнымъ.

А. П. Кернъ (по франц.). — *Михайловское, 14 авг.* — Перечитываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелесть! божественная... а потому: а хъ, м е р з к а я! Простите, моя кроткая красавица, но это правда. Что вы божественны—въ этомъ никто не сомнѣвается, но иногда въ васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла... Еще разъ простите и углубитесь, потому что отъ этого вы еще милѣе. Напр., что вы хотите сказать этой печатью, которая должна быть вамъ прилична и правиться (счастливая печать), и о значеніи которой вы спрашиваете меня? — Я рѣшительно не догадываюсь, чего вы желаете—развѣ только тутъ есть какой-нибудь тайный смыслъ? Можетъ быть, вы требуете у меня девиза для нея—это было-бы совсѣмъ à la Netty. Ну, пожалуй, оставьте по прежнему: «не скоро, а здорово». лишь-бы только это не было девизомъ вашей поѣздки въ Тригорское—и поговоримъ о другомъ. Вы пишете, что я не знаю вашего характера—да что мнѣ за дѣло до вашего характера? Богъ съ нами! развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Главная вещь—глаза, зубы, руки и ноги.. (прибавилъ-бы и сердце, но кузина ваша слишкомъ опомлила это слово)... Вы говорите, что васъ легко узнать, т. е. вы хотите сказать—легко полюбить—съ этимъ я согласенъ, и самъ тому живое доказательство. Въ отношеніи къ вамъ я вѣлъ себя какъ 14-лѣтній мальчикъ—это негодится, но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я мало по-малу возвращаю потерянное превосходство и пользуюсь этимъ для того, чтобы поборить васъ. Если когда-нибудь мы свидимся, то общайтесь мнѣ... Нѣтъ, не хочу я вашихъ объѣманій; притомъ же письмо всегда такъ холодно, въ почтовой просьбѣ нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни градинъ, ни вѣги! — И такъ до свѣданія—и поговоримъ о другомъ. Въ какомъ положеніи податра вашего супруга? Надѣюсь, что она порядочно прихватила его на другой день послѣ вашего приѣзда? Подѣломъ ему! Если-бы вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, я питаю къ этому чело-вѣку. Божество мое, ради Бога устройте, чтобъ онъ игралъ и страдалъ подагрой.. Подагра! подагра! Это моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ ваше письмо, я вижу

въ немъ страшное если, котораго сначала не замѣтилъ. «Если моя кузина останется, то я ириѣду нынче осенью» и пр.—Ради неба, пусть же она останется! Постарайтесь ее чѣмъ-нибудь завяты; нѣтъ ничего легче: прикажете какому-нибудь офицеру изъ вашего гарнизона влюбиться въ нее, а когда пора будетъ ѣхать, досадите ей, отбигивъ ея вѣдателя — а это еще легче. Но не выказывайте ей этого: изъ упрямства она способна все сдѣлать какъ-разъ наперекоръ... А что вы дѣлаете съ своимъ кузеномъ? — скажите откровенно. Посылайте-ка его скорѣе пазадъ въ университетъ; не знаю почему, я такъ-же, какъ и г. Кервъ, не очень люблю этихъ студентовъ... А г-нъ Кервъ человекъ достойный, умный, разсудительный и проч., и у него только одинъ недостатокъ — что онъ вашъ мужъ. Какъ это можно быть вашимъ мужемъ? — Объ этомъ я не могу себѣ составить понятія, какъ и о раѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось, и я теперь въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, хоть знаю, что это несправедливо и что я долженъ-бы быть благодаренъ вамъ за прошлый разъ. Но что-же мнѣ дѣлать? Умоляю васъ, божество мое, сжалитесь надъ моею слабостью, пришлите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 15 августа.* — Мой милый, поэзія — твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто-жъ виновать, что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-русскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ-бы нѣкоего Шиникова, или Сергѣя Глинки, или мой явни Васислсъ, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ римахъ, извольте жаловаться въ стихахъ — Благодарю очень за Водопадъ (стихотв. Вяземскаго). Давай мутить его сейчасъ-же.

Съ гнѣвомъ

Сердитый влацн властелнвъ —

вла, вла звуки музыкальные, по можно-ли напр. сказать о молніи: властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Переимѣнить какъ-нибудь. Валяя его съ какихъ-нибудь стремилнцъ, вершинъ и тому под. 3-я строфа — прелесть. Дождь брызжетъ отъ (такой-то) сшибки твоихъ междоусобныхъ волнъ: междоусобный запачит mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ. — 5-я и 6-я строфы — прелестны.

Но ты, нитомецъ тайной бури.

Не литомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ-ли? Тайной, о гремѣщемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической — также. Игралнше глухой войны — не совсѣмъ точно. Ты пезерцало (вырочемъ это придирака) и пр. Не ясеѣ-ли, и не жавѣ-ли: ты не приемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала-бы: не отражаешь. Но твое повтореніе «ты» тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменемъ etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сблывчива. Зародышъ негодды о водопадѣ — темно. Вѣчно бьющій огонь — тройная метафора. Не вычеркнуть-ли всю строфу? Ворвавшисъ — чудно хорошо. Какъ среди пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развѣ-

кать вниманіе; да и сравненіе неточно. Впхоръ и пустыню уничтожь-ка! Посмотри, что выдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видншъ-ли? Ты сказалъ о водопадѣ огненнымъ метафорически, т. е. блистающій, какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь въ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ вельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ не лучше-ли:

Какъ ты пустынно разразится.

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянута. Напиши-же мнѣ въ чѣмъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россіи, какъ нолохливое кокетство итальянки. Ниши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ и жданныхъ гостей — прелесть. Не лучше-ли незванныхъ? Нѣтъ, cela serait de l'esprit.

При семь дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Сиб., взялъ у меня взаймы 100 рублей ассигн., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетуськой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій: но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 16 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взыскаія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на изысканіе вышеупомянутыхъ 100 р. (съ процентами за 14 лѣтъ, что составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокблагородіе милостиваго государя, дядю моего, заплатилъ мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ Пушкинъ.

В А. Жуковскому. — *Михайловское, 17 августа.* — Огче, въ рудѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жили мои такъ всѣхъ васъ безнокоятъ. Операція аневризма ничего не значить, и, ей-Богу, первый псковскій коноваль съ нимъ могъ-бы управиться. Въ Псковѣ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень; оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ кохельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншинна. Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина да Лѣтониси. Чтѣ за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзи-ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какового-нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Чегли Минейяхъ. А мнѣ бы очень пужно. Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій!

А. П. Кернъ (по франц.).—*Михайловское*, 28 авг.—Вотъ письмо къ вашей тетускѣ; если ей нѣтъ уже въ Ригѣ, можете оставить его у себя. Скажите на милость, можно-ли быть такой вѣтренницей? какимъ образомъ письмо, адресованное къ вамъ, попало въ чужія руки?—Но что сдѣлано, то сдѣлано—поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать.

Если вашъ почтеннѣйшій супругъ слишкомъ надѣлалъ вамъ, бросьте его, и знаете-ли какъ? оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ и прѣзжайте... вы думаете, въ Тригорское?—совсѣмъ нѣтъ—въ Михайловское. Этотъ прекрасный проектъ бродить у меня въ головѣ ужъ цѣлую четверть часа... Понимаете-ли вы, какъ велико было-бы мое счастье!—Вы скажете—а огласка? а скандалъ?—Кой чортъ! броситъ мука—ужъ есть полнѣйшій скандалъ—остальное ничего не значить.—Но согласитесь, что въ проектѣ моемъ много романческаго... сходство характеровъ, борьба съ препятствіями, органъ кражи, развитый въ сильной степени, и проч. и проч. и проч.—Представьте себѣ удивленіе вашей тетуски!—Тутъ сейчасъ разрывъ. Вы начнете тайкомъ видѣться съ вашей кузиной, отчего дружба становится пріятнѣе.—а если умретъ Кернъ, вы сдѣлаетесь свободны, какъ воздухъ... Ну, что вы скажете? Не говорилъ-ли я вамъ, что бываю въ состояніи дать совѣтъ смѣлый и важный?

Однако, поговоримъ серьезно, т. е. хладнокровно. Увижу-ли я васъ опять? мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣштесь. Очень-бы радъ, но какъ? Влюбиться?—невозможно: для этого нужно прежде забыть наши спазмы... Бѣжать изъ Россіи? удавиться? жениться?—Все это представляетъ большія трудности—до нихъ я не охотникъ. Ахъ, кстати, какъ я буду получать ваши письма? Тетуска ваша противъ нашей переписки—такой цѣломудренной, такой невинной [да и какъ-же иначе?... за 400 верстъ?...]. Очень можетъ быть, что наши письма станутъ перехватывать, читать, комментировать и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить почеркъ, а тамъ я увижу. Но все таки пишите мнѣ, пишите много—въ длину, въ ширину и діагонально (геометрическій терминъ)... А главное, не лишайте меня надежды увидѣться съ вами; иначе, я серьезно постараюсь влюбиться въ кого-нибудь другого... Да, я забылъ сказать вамъ, что написалъ къ Нетти письмо очень нѣжное, упитенное. Я безъ ума отъ Нетти... Она наивна, а вы—нѣтъ. Отчего вы не навпын? Не правда-ли, что я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ въ разговорѣ? Но прѣзжайте сюда—и я общаю вамъ, что буду необикновенно любезенъ; я буду веселъ въ понедѣльникъ, экзальтированъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, проворенъ и ловокъ въ четвергъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье, я буду всѣмъ, чѣмъ вы прикажете, и цѣлую недѣлю стану лежать у вашихъ ногъ. Прощайте!

Не распечатывайте прилагаемаго здѣсь письма—это все хорошо. Тетуска ваша разсердится. Но подивитесь, какъ Господь смѣшалъ все: г-жа Осипова распечатываетъ ваше письмо, вы—письмо къ ней, я—письмо Нетти,—и всѣ мы находимъ въ этихъ письмахъ много для себя поучительнаго... Просто чудеса!

(Господи Осиповой).

Да, сударыня, honny soit qui mal у pense (стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ). Только злые люди могутъ думать, что переписка въ состояніи повести къ чему-нибудь. Ужъ не

по опыту-ли зваютъ это нныя особы? но я прощаю имъ, вы сдѣлайте то-же, и станемъ продолжать.

Послѣднее письмо ваше [писанное въ полпочъ] прелестное. Я смѣлся отъ всей души, но долженъ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ строги къ вашей милой племянницѣ. Правда, она вѣтрена—но вѣдь надо имѣть терпѣніе. Еще какихъ-нибудь двадцать лѣтъ—и ручаюсь вамъ, что она исправится. Что-же касается до ея кокетства, то вы совершенно правы: оно хоть-кого приведетъ въ отчаяніе. —Какъ это она не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ счастье правиться сирѣ Керну? Такъ нѣтъ—пуки еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному брату. По прѣздѣ въ Тригорское ей придать мысль—завладѣть Рокотовымъ и мною. Но этого мало: въ Ригѣ, въ ея проклятой крѣпости, она видитъ проклятаго плѣнника и попытается кокетливымъ провидѣніемъ этого проклятаго каторжника! Мало и этого: отъ насъ я узнаю, что въ дѣлѣ замѣшано еще нѣсколько мундиронъ! ну, ужъ это слишкомъ! Рокотовъ узнаетъ объ этомъ, и посмотритъ, что онъ еще скажетъ. Но увѣдомьте, пожалуйста, увѣрены-ли вы въ томъ, что она кокетничаетъ безразлично? Сама она говоритъ, что нѣтъ, и мнѣ пріятнѣе вѣрить ей. Еще болѣе меня успокоиваетъ то, что не у всѣхъ одинаковая манера ухаживанья,—пусть только ея поклонники будутъ почтительны, робки и деликатны, съ меня этого довольно. Благодарю васъ, что не передали ей моего письма; въ немъ было слишкомъ много нѣжностей, а въ настоящихъ обстоятельствахъ это смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, напишу съ тою дерзостью, которая отличаетъ меня, и рѣшительно прекращу съ ней всякія сношенія;—я отыму у всѣхъ право говорить, что я внесъ раздоръ въ семейство, не допущу Ермолая Ѳеодоровича обвинять меня въ отсутствіи нравственныхъ правъ, а жену его—насмѣхаться надо мною.

Какъ вы любезны, найла портретъ схожимъ «смѣла въ... и пр.» Не такъ-ли? Она и отъ этого отпѣкивается, но дѣло кончено—я ей не стану больше вѣрять.

Прощайте, сударыня,—съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего прѣзда. Мы станемъ азловить сѣверную Нетти, которая всегда будетъ вызывать во мнѣ сожалѣніе, что я увидѣлъ ее, и еще больше, что... Простите этому черезчуръ искреннему признанію человека, который любить васъ очень нѣжно, хотя совершенно иначе.

П. А. Катенину, —*Михайловское* 24 сентября.—Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію—общую нашу любовницу. Если это правда, что же утѣшаетъ тебя, кто утѣшаетъ ее?.. Я думалъ, что въ своей глупости ты создаешь; нѣтъ—ты хлопчешь и тягаться, а между тѣмъ, годы бѣгутъ.

Non ingant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти, и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедію Софій Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не до-

стоять. Прочелъ въ Альманахѣ Булгарина 3-е дѣйствіе твоей «Андромахи», прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ кн. Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венеціанскаго? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotton, признаюсь, я не читалъ, по-гипиански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; конечно-ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои *mémoires*, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Ой-ги на у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣсня тебѣ по праву — я самъ ее люблю; впрочемъ, на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старія проказы съ Каверинскимъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду! — Addio poeta. rivederla, ma quando?

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, 15 сентября. — *Résumé*. Вы находите, что позволеніе ѣхать въ Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ анєвризмѣ. Онъ мнѣ надобѣнъ, какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухомовъ (или адъютантъ Раевского): онъ — мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все-же онъ виноватъ. М-не Staël наша — не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его (см. алф. указатель: «О г-жѣ Стаэль и г-нѣ Мухомовѣ»). Какъ мнѣ жалъ, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, недатенъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей. Кажется, онъ не переѣхалъ во многомъ, хоть и созрѣлъ пслѣдственно подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я обѣщаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя — меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдать.

А. П. Кернъ (по франц.). — Михайловское, 22 сент. — Ради Бога неотсылайте къ г-жѣ Осиповой письма, найденнаго вами въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно въ назиданіе вамъ. Оставьте это письмо у себя, а иначе вы насъ поссорите. Я-было хотѣлъ помирить васъ, но послѣ вашихъ послѣднихъ сумасбродствъ, потерялъ всякую надежду на это... Кстати, вы клянетесь мнѣ всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы на ты съ своимъ двоюроднымъ братомъ, вы говорите ему: я презираю твою мать... Это ужасно! Слѣдовало сказать вашу мать, а еще лучше ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Право, ревность въ сторону. Я совѣтую вамъ прекратить эту переписку, — совѣтую, какъ другъ, преданный вамъ истинно, безъ всякихъ фразъ и уловокъ. Не понимаю, что за цѣль у васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ [къ тому-же не поэтомъ], и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Вы сами знаете, что я находилъ это кокетство очень естественнымъ въ то время, когда онъ былъ подлѣ васъ, потому что надо-же быть разсудительнымъ. Дѣло кончено, не такъ-ли? Переписку — прочь! а я ручаюсь вамъ, что отъ этого любовь его не уменьшится. Теперь скажите — серьезно-ли вы одобряете мой проектъ? Анета въ ужасъ пришла, когда узнала о немъ,

а у меня голова кружится отъ радости. Но я не вѣрю въ счастье — и это очень понятно: не вѣрю я, чтобы вы, ангелъ любви, захотѣли разубѣдить мою невѣрующую и увидшую душу. Но, по крайней мѣрѣ, пріѣзжайте въ Псковъ; вамъ это такъ легко. — При одвой мысли объ этомъ, сердце мое бьется, въ глазахъ темнѣетъ, я весь изнемогаю... Неужели она, какъ и многія другія мысли, останется тщетной надеждой?... Но къ дѣлу. Прежде всего вамъ нуженъ предлогъ, напр. болѣзнь Анеты — какъ вы думаете? Или не поѣдете-ли вы въ Петербургъ? — вѣдь тогда вы мнѣ дадите знѣть объ этомъ: да? — Не обманывайте меня, милый ангелъ! если-бъ вы знали, какъ я благословляю васъ за то, что разстались съ жизнью, извѣдавъ счастье! — Не говорите мнѣ объ удивленіи — это не чувство... Говорите мнѣ о любви — я жажду ея. А главное — ни слова о стихахъ. Совѣтъ вашъ — писать къ его величеству — тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы думали обо мнѣ; на колѣняхъ благодарю тебя за него, но не могу ему послѣдовать... Пусть сама судьба распорядится моею жизнью — я ни во что не хочу вмѣшиваться... У меня только и есть дорогого, что надежда еще увидѣть васъ все еще прекрасной и молодой... Еще разъ, не обманывайте меня.

Завтра день рожденія вашей тетюшки — по этому я поѣду въ Тригорское. Вашъ планъ — выдать замужъ Анету, чтобы имѣть у нея прибѣжище — восхитителенъ, но я еще не сообщилъ его ей. Ради Бога, отвѣчайте на главные пункты этого письма — и только тогда я повѣрю, что свѣтъ стоитъ еще того, чтобы жить.

Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 21 сентября. — Горчаковъ доставилъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, но крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости итѣ и у насъ на сѣверѣ: мы или сохнемъ, или гниемъ. Первое все-таки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему вѣсколко сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣтъ, какъ мои Пыгалы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій наѣвъ подлинника. Покажи это Вильгорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Выдаешься-ли ты съ нею? Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что злѣгія на смерть Анны Львовны не мое произведение, а какого-нибудь другого незаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15.000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова. Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покройной тетюшки мой.
Писатель вѣрный, тонкій, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой;
Но, милый, музъ нашихъ — сестры,
И такъ, ты все-же братецъ мой.

Variante — Василій Львовичъ, тонкій, острый. Кляпайся княгиня и сестрѣ. Некогда болѣе писать.

Н. Н. Раевскому (по франц.) — *Михайловское сентябрь*. — Гдѣ вы? Изъ газетъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ. Желаю, чтобы это васъ забавляло. Чтѣ вайтъ брать? Вы ничего не говорите мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лечится-ли онъ?

Вотъ что касается до меня: друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы получить мнѣ дозволеніе поехать; мать писала къ его величеству, и затѣмъ я получилъ дозволеніе отпра- виться въ Псковъ и даже тамъ жить, но я не намѣренъ воспользоваться этимъ, сѣзжу туда только на нѣсколько дней. Покаместъ-же я совершенно одинъ; единственная сестра, которую я посѣщалъ, уѣхала въ Ригу, и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей; послѣдняя подвигается, и я ею доволенъ. Сочиняя ее, я думалъ о трагедіи вообще: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ. Классики и романтики основывали его законы на правдоподобіи, а оно-то и составляетъ самой сущности драмы. Не говори уже о времени и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ за- тѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, будто-бы невидимыхъ для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ. Напримѣръ, Филоктетъ у Лагарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Нирра: «Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи» и проч. Вспомните древнихъ и трагическихъ ихъ маски съ двойными лицами—все это не представляетъ-ли условнаго неправдоподобія? 3) Время, мѣсто и проч. и проч. Истинные гении трагедій никогда не хлопотали о правдоподобіи. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ». А, вы желаете закона 24-хъ часовъ? Извольте! — и за тѣмъ онъ вавальваетъ проществій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего безпозеизнаго, по моему мнѣнію, маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ: Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчи въ-ст-ро-у; онъ его уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ и считаетъ, что произвелъ революцію въ системѣ трагедіи. Какое ребячество!

Правдоподобіе положеній и истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вери, но чтѣ за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прийти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего-на-всего постигшій только одинъ характеръ (у женщинъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своимъ героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому—свою венависть, третьему—свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія.

Есть и еще заблужденіе: задумавъ какой-нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: «дайте мнѣ пить» — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова *Озлобленнаго*: «онъ заплакалъ» *ha pagato*. Это однообразіе, тупость законизма, непрерывная ярость — развѣ это естественно? Отсюда и нездоровье, и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ пол-

ной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно падетъ языкъ, соответствующій его характеру.

Вы меня спросите: трагедія моя характерная или для костюмовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить ихъ оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда-же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее. Это способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совѣмъ развернулась—я могу творить.

А. Н. Вульфъ. — *Михайловское, сентябрь*. — Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними, и съ цензуромъ, и съ наборщиками, и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ. Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ; теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ прѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте смутить меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя-бы и очень радъ былъ съ вами познакомиться. А объ коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова, чтѣ ова? глѣ? etc. Vale, mi fili in spirito. Клапаясь Языкову; я написалъ надняхъ подраженіе Элегіи на «Подите прочь».

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, сентябрь*. — Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, чтѣ соберу падняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надобно тебѣ писать, потому-что не могу являться тебѣ въ халатѣ ва-распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонтѣ (къ переводу басенъ Крылова). Мы съ тобою толкуемъ лишь о Поде- вомъ, да о Булгаринѣ—а они несомнѣны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья объ аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ-Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсень. Прочитавъ первые двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это *chef d'oeuvre* Байрона, и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способностей учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шевье, могу ударить себя въ голову и сказать: *il y avait quelque chose là*. Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердитъ! не выспался и не .ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ *Занисокъ Байрона*? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ-бы глалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностью, то мараи своихъ враговъ. Его-бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова - бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ гениемъ. Поступокъ Мура (онъ уничтожилъ записки Байрона) лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на с...ѣ. Толпа жадно читаетъ

пеновѣдн, записки етс., потому что въ подлостн своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости онъ въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! врите, подлещи: онъ и малъ, и мерзокъ—не такъ, какъ вы—иначе! Писать свои шѣпоты заманчиво и пріятно. Никого такъ не любилъ, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга, передъ пропастью—на томъ, что посторонній прочелъ-бы равнодушно. Презирать судъ людей нетрудно; презирать судъ собственный невозможно.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, осенью.* — Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней-же первая персона—Ворисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечесть ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай-да, Пушкинъ, ай-да! Юродивый мой—малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О.; сказывалъ это я тебѣ?) Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословить; цевзура его не пропустить. — Жуковский говоритъ, что царя меля простить за трагедію. Наврядъ, мой милый! Хотя она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчать! Ты умиротельно критикуешь Крылова. «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса моя кума». Я назвалъ его представителемъ духа русскаго народа—не ручаюсь, чтобы онъ отчасти не волялъ. Въ старину нашъ народъ навывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ—пресоригинальный туша, графъ Орловъ (издатель басень Крылова въ переводѣ на франц. языкъ) забавепъ, а мы—розни и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ-было умиротельное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія (Оѣншъ). Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишкинсы. Вотъ таково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, нмучася жизнью постоной,
Плзмогая животоуъ,
Я не царю, сижу орломъ
И болевъ праздностью поносною.
Бумаги берегу запасы;
Натуги вдохновенія чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотить носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ годубей, (въ баснѣ Хвостова)
И духъ мой снова позымаетъ
Ко испражненію прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя... Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ и о поѣ и пѣткѣ и басынѣ и при посвященіи. Какъ-же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ передъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а чернишнвать, воля твоя, не стану: смерть моя, и то только.

А. П. Кернъ (по франц.) — *Михайловское, сент.* — Вы приводите меня въ отчаяніе. Я-было принялся писать вамъ глупости, надъ которыми вы-бы умерли со смѣху,—и вотъ ваши строки

вдругъ пагнали на меня грусть. Пожадуйста, постарайтесь отдѣлаться отъ своихъ спазмовъ, которые очень идутъ къ вамъ, по которые—предупреждаю васъ—ни къ чорту не годятся. Отчего вы не заставляете меня бранить васъ?—Если у васъ рука болитъ, не надо было писать мнѣ... Чтѣ за сумасбродка!

Скажите, однако, что-же такое сдѣлалъ бѣдный мужъ вашъ? Уже не рвинуется-ли онъ?—Что-жъ, я сознаюсь, что онъ былъ-бы правъ въ этомъ случаѣ: вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите щадить людей... А хорошенькая женщина всегда властна... быть властной... Боже меня избави читать вамъ проповѣдь, но вѣдь согласитесь, что надо сколько-нибудь оказывать уваженія мужу—иначе, никому не захотѣлось-бы въ мужья. Не слишкомъ прибгайте къ насилию, это необходимо для свѣта. Послушайте, я говорю съ полною откровенностью: за 400 верстъ вы нашли средство заставить меня ревновать... что-же было-бы въ четырехъ нагахъ?—Простите, божество мое, что я, не стѣсняясь, высказываю вамъ мой образъ мыслей—это доказательство самого искреннаго участія; я люблю васъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Постарайтесь-же какъ-нибудь поладить съ этимъ проклятымъ Керномъ. Согласенъ, что онъ не гелій, но вѣдь и не идіотъ-же онъ. Кротость, кокетство (а главное, ради Бога, отказы, отказы и отказы)—повергнуть его къ ногамъ вашимъ—мѣсто, которому я завидую отъ всей души... Но что-же дѣлать?—Отъѣздъ Анеты привелъ меня въ отчаяніе. — Во что-бы то ни стало, вы должны нынче осенью прѣхать сюда или хотъ въ Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Анеты. Какъ вы думаете объ этомъ? Пишите, умоляю васъ, но ни слова не говорите объ этомъ А. Вулфу. Такъ прѣдете? да? а до тѣхъ поръ не рѣшайте ничего насчетъ вашего мужа... Вы молоды, передъ вами цѣлая будущность, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые никогда не совѣтуютъ рѣшиться на сильную прѣзкую мѣру... иногда это необходимо; но прежде надо поразсудить хорошенько и не дѣлать безполезной огласки.

Прощайте; теперь ночь и передо мною нисится вашъ образъ, полный грусти и сладострастія; я будто вижу ваши глаза, полуоткрытый ротикъ. Прощайте... мнѣ чудится, что я у ногъ вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую ваши колѣна. О, я отдалъ-бы всю кровь свою за минуту дѣйствительности!—Прощайте и вѣрите моему безумному бреду... онъ смѣшновъ, но искрененъ.

PS. Анна Петровна, я вамъ жажду на Анну Николаевну—она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Вѣсь вамъ—*Яблочный Пирогъ*.

В. А. Жуновскому, — *Тригорское, 6 октября.* — Надняхъ, увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ въ Псковъ. Губернаторъ (Адеркасъ, про котораго Пушкинъ написалъ: „Господишь фортъ-Адеркасъ, худо кормите вы насъ: Вы такой же рестораторъ, какъ великій губернаторъ“) приваялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, совѣтовался съ очень добрымъ лекаремъ и прѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, итъя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ апериизмѣ, поговорю объ немъ толкомъ.—П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со своею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операция не шлука, сказавъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: боль-

ной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc.—Воля твоя, мой милый; ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ апевризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я посели не вытерпѣвъ, во что бы то ни стало.—2-е. Псковской лекаръ голоритъ: можно обойтись и безъ операциіи, но нужны строгія предосторожности—не ходите много нѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на вѣхъ: что мнѣ прикажете дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ общался огнестнѣ, что лечиться во Псковѣ мнѣ невозможно—такъ, погодимъ, авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: «прими его, какъ меня». Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лечиться не намѣренъ—они не ты. Конечно, я съ радостью и благодарностью дала бы тебѣ сѣзъать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благаго дѣянія не мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу—будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру—это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годиновъ со мною убито-жился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество—пусть трагедія искушитъ меня... Но до трагедій-ли нашему чертовому вѣку? Но крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ смышлойной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога—страшно подумать! Огче! не брани меня и не сердись, когда я бѣжусь. Подумай о моемъ положеніи—вовсе незавидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

А. Н. Вульфъ. — *Михайловское, октябрь.* — Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполне чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О желаніи моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если-же (что также случается) денегъ нѣтъ—то напишите, сколько изъ будетъ нужно. На всякій случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились (условное выраженіе). Что скажу вамъ поваго? Вы, конечно, уже знаете все, что касается до прозвѣда Анны Петровны (Кернъ). Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружались. Желалъ-бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукою; вотъ начало:

Какъ широко, Пѣтъ, Бога ради,
Какъ глубоко. Нельзя-ли... и пр.

Не писалъ-ли Языковъ еще чего-нибудь въ томъ-же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ—мы будемъ очень благодарны.

Бар. А. А. Дельвигу. *Михайловское, октябрь.*

Брови царь вахмура, Тотъ переуцался:
Говорилъ вчера: «Я не зналъ! Ужель?»
Повалила буря Царь расхохотался:
Памятникъ Петра. Первый, братъ, апрѣль!

Говорилъ онъ съ горечью

Фрейлиамъ дворца:

Вѣшаютъ за моремъ

.....

То есть, разумѣю.

Вдругъ промолвилъ овъ:

Вѣшаютъ за шеею—

Строгъ у нихъ законъ,

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эрнстова (лицейскій товарищъ Пушкина). Подѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я номню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносого.

Писалъ и брату объ Андрѣ Шеньѣ. Впрочемъ, твоя святая воля. А боюсь, чтобы томъ Разныхъ Стихотвореній не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, да отъ Ричардсона безъ ума, да еще копеецъ отъ: своихъ и не патамъ возвращеній. Какъ ты думаешь? Отпиши, покажѣтъ еще не жепать. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣшему арзамасу (М. А. Салтыкову), будущему своему тестю; а изъ жены своей сдѣлай арзамаску—непретѣнно.—Иду писать.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, 30 ноября.* — Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься.—Радуюсь и твоимъ занятіямъ.—Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій: таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да, кажется, Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить.—Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было-бы чудно-хорошо.—Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надо-ба мнѣ печатъ опечатками, критиками, запрещеніями etc.—Однако поэмы мои скоро выйдутъ. И онѣ мнѣ надо-ба. Русланъ—молокосось, Платинъкъ—зелень, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голицынская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ «Пчелѣ»? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ-ли, герой моего воображенія? Когда я врусь женщинамъ, я ихъ увѣряю, что я съ ними разговаривалъ на Кавказѣ, протрѣзвивалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была-бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ея очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его «Духи»? До сихъ норъ я ихъ не читалъ.—Иду твоей новой повѣсти, да возмись-ка за цѣлый романъ и пиши его со всею свободой разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на козебятину. Кланяюсь плашки Рылѣву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ: ко я, право, болѣе люблю стихи безъ плава, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желая вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 3 декабря.* — Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ прорастъ; избираю невиннѣйшія.

П. А. Катенину. — *Михайловское, 4 декабря.* — Письмо твое обрадовало меня во многімъ при-

чивамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что А н д р о м а х а наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, и 4. (что должно было - бы стоять первымъ), что ты любяшь меня по-старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемена сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти государя; но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V—словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ-бы хорошо было, если-бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ—пбо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнить-ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много говорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что-нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Очѣнь мнѣ надоѣло и спать; впрочемъ, я его не бросаю. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь, мочи нѣтъ, хочется къ вамъ.—Прощай, милый и почтительный. Вспомни меня во время перваго представленія Андремахи.

А. П. Кернъ. (по франц.). *Михайловское, 8 дек.*—Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ. Байронъ приобрѣлъ въ глазахъ моихъ новую прелесть—все его героини въ моемъ воображеніи облекаются въ незабвенныя черты. Васъ буду видѣть я въ Гюльварѣ и въ Леялѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно-прекрасенъ. Итакъ васъ, п всегда васъ, судьба посылаетъ для улаженія моего удивленія! Вы—ангелъ-утѣшитель, а я не что иное, какъ неблагодарный, потому что еще рошшу. Вы ѣдете въ Петербургъ; мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Можетъ быть, прощесная перемена приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ; она не иное что, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ съ стариками-мужьями. А что подбываетъ вамъ, мой кроткій гений? Знаете, что подъ его чертами я представляю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно.

Р. С. Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у погъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасы, что я дѣлаю ваши прелестьныя ручки, что снова передѣлываю ихъ въ ожиданіи еще лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны и проч.

П. А. Плетневу. *Михайловское, декабрь.*—Милый, дѣло не до стиховъ,—слушай въ оба уха. Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ хохотанья, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ... Если братъ, такъ братъ—не то, что и совѣсти марасть. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ—чортъ-ли въ нихъ, а просить или о вѣздѣ въ столицу, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью поврать; но, конечно, благодаримъ-бы отпраться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Жуковскому, ко-

торый, можетъ быть, на меня сердитъ: онъ какъ-нибудь это сладитъ. Да нельзя-ли дамъ взбодоражить?... душа! Я—пророкъ, ей Богу пророкъ! Я А н д р е я Ш е н ь е велю напечатать первыми буквами, во имя Отца и Сына etc.—Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька (Б. Оедоровъ) также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ (Князь Курбскій): и овъ байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки—увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ (Кюхельбекеру и Воейкову). Воейковъ не напроказилъ-ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжкѣ (Новостей литературы) не читалъ. Онъ что-то со мною труситъ. Кюхельбекера Д у х и — дрянъ. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему; онъ огорчится. Неужто И л ь я М у р о м е ц ъ — Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да—какъ жаль, что онъ умеръ...

В. К. Кюхельбекеру. — *Михайловское, декабрь.*—Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней письмо. Я трясъ, трясъ ее и ждалъ, не выпадетъ-ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, п со злости духомъ прочелъ «Д у х о в ь» (Calembour! gessonais-tu le sang), сперва про себя, а потомъ и вслухъ. Нужна-ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда-ли? Все равно, критическую. Ты считаешься, что характеръ поэта неправдоподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно-бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ-бы самъ совѣститься, стыдиться своего суетврїи: отсель повны комическія черты. За то Калибанъ—преlestь. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это простиительно Цертелеву, а на тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если ишеешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому—и рада.

«Сирь—слово старое, прочтутъ иные сирь» etc. очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—Пасъ стада главы моей (вышей)? Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его л е г к о е в о з д у ш н о е т в о р е н і е , рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада—прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. с л у ш а т ь в ъ о б а у х а , б р о с ь в ѣдъ угрюмый, в з г л я д ѣ у н ы л ы й , молодецъ ретивый, слернетъ ченецъ на старухѣ etc. — Все это прощай за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу; но вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ—бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... Ай-ай... Больше не буду! Небей меня.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, декабрь.*—Мнѣ досадно, что Рылѣвъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ покровительствуютъ литературу и что—слава Богу! Зачѣмъ-же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего-жъ тебѣ бо-

лфе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подъѣломъ и понапрасну, а дальше... ни гу-гу! Почему это? ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма тако-го-то журналиста—пѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ располдничайся—никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты серднишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ. (НВ. мое дворянство старѣе). Какъ-же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отсель гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иностранцевъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромя меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожилъ на нихъ. Тамъ есть нечего—такъ пиши книги, а у насъ есть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой—ты поэтъ и я—поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть-ли отъ этого не правъ.

Ив. Матв. Рокотову, сосѣду по имѣнію (по французски). М. Р. Я бы счелъ своей обязанностью отиварить къ вамъ коляску, если-бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи лошадей. Она будетъ къ вашимъ услугамъ, какъ только вы изволите за ней послать. Если-бы вашъ братъ пожелалъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, то я былъ-бы очень радъ принять его и возобновить столь пріятное знакомство. — Чтѣ касается цѣны, то мнѣ было-бы желательно продать коляску, какъ вамъ уже извѣстно, за 1500. Впрочемъ въ этомъ отношеніи я заранѣе и вполнѣ подчиняюсь рѣшенію вашего брата. Примите увѣреніе и пр. А. Пушкинъ.

Р. S. Мой отецъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ надѣется въ слѣдующій разъ имѣть двойное удовольствіе привать въ Михайловскомъ васъ и вашего брата.

1826.

П. А. Плетневу. — *Михайловское, январь* — Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина; изданіе очень мило: кое-гдѣ ошибки, это въ фальшѣ не ставится.—Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Чтѣ дѣлается у васъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно, вы полагаете меня въ Нерчвскѣ. Напрасно; я туда не намѣренъ. Но не извѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ-ли Жуковский узнать, могу-ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе; я лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а чтѣ ни говори—мнѣ всего 26. Покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки—иереплюзныя: другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда-нибудь, гдѣ-бы потенѣлъ, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ?—А? Прости, душа; скучно, мочи нѣтъ.

В. А. Жуковскому — *Михайловское, январь*. — Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому, что мнѣ было не до себя, во вторыхъ — за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: му-

дрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ государемъ; не хочу охмѣлѣть тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмущеніями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорахъ, не объявили о томъ полиціи. Но кто-же, кромѣ полиціи и правительства, ве знаетъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвѣности. Все-таки, я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличить меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ними друзей моихъ довольно (оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); по вамъ рѣшительно говорю—не отивать и не ругаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

И такъ, остается мнѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они. Въ Кипинѣ я былъ друженъ съ майоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пушкинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ въ кипиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи. Я, наконецъ, былъ въ связи съ большою частью нѣтъшнихъ заговорщиковъ. Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи. Письмо это неблагоприятно, конечно, но должно же доверять иногда счастью. Прости, будь счастливъ. Это покажется первое мое желаніе. Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя-ли, наконецъ, позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучший упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа: слѣдственно, я не совѣтъ былъ виновать, подвизывая ему до самаго гроба.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, январь*. — Милый баронъ! вы обо мнѣ безаконочесь и напрасно—я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобы было понапрасну—мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвѣности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. — Успай, гдѣ овъ, и успокой меня. — Прощай, мой милый другъ.—П.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, январь*. — Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отъсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно цыпѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Говнимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки

перехваченнаго письма, я конечно не мог до-
брожелательствовать покойному царю, хотя и
отдавалъ полную справедливость истиннымъ его
достоинствамъ—по никогда я не проповѣдывалъ
ни возмущеній, ни революцій—напротивъ.
Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, бо-
лье склоненъ къ умерѣнности, пещели къ дѣ-
тельности, и если 14-е декабря доказало у насъ
иное, то па то есть особая причина. Какъ-бы
то ни было, я желалъ-бы въ полнѣй и п е с е р е н -
но помириться съ правительствомъ, и конечно
это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ
этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гор-
дости съ моей стороны.

Съ вѣтерпѣніемъ ождаю рѣшенія участи
несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо
надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя.
Не будемъ ни суетѣры, ни односторонни—
какъ французскіе трагики; по взглянемъ на тра-
гедію взглядомъ Шекспира. — Прощай, душа
моя.—*Пушкинъ.*

P.S. Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣ-
лалъ; по сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго
Поста они находились опять у Плетнева.

П. А. Катенину.—*Михайловское, февраль.*—
Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой
были написаны въ письмѣ, которое до тебя не
дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени,
потому что съ Катенинымъ говорить стихами
только о ссорѣ моей съ актрисою показалось-
бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ радуется меня несказанно,
если разбудитъ онъ тебя для поэзій. Душа про-
сить твоихъ стиховъ; но знаешь-ли что? Выбъ-
сто альманаха, не затѣять-ли намъ журнала
въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной
критики необходимъ у насъ; кому-же, какъ не
тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать на-
шей словесности новое, истинное направленіе?
Покаместъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика.
Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны:
ты отучилъ меня отъ односторонности въ ли-
тературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть
пагуба мысли. Если-бъ согласился ты сложить
разговоры твои на бумагу, то великую пользу
привести-бы ты русской словесности. Какъ ду-
маешь? Да что А н д р о м а х а и собраніе тво-
ихъ стиховъ?

П. А. Осиповой (по французски).—*Михай-
ловское, 20 февраль.*—Вотъ новая поэма Бар-
тазскаго, присланная мнѣ Дельзигомъ. Это
образецъ граціи, изящества и чувства. Вы бу-
дете въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣроятно вы
уже въ Твери. Желаю вамъ проводить время
весело, но не настолько однако, чтобы совсѣмъ
забыть Тригорское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ
съ вами мы начинаемъ уже поджидать васъ.
Примите и пр... Передайте мое почтеніе ва-
шей дочери, а также M-me Нетти.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, 2 марта.*—
Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже мно-
го—ради Бога, успокой меня, не то мнѣ
страшно вдвое будетъ распечатывать газеты.
Глѣдичь не умереть прежде совершенія Илі-
ады—или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ!
Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ
Б о р и с а прежде, чѣмъ невышпите меня въ
Петербургъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ? Стыдное
дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ, и часы,
и подумедаль („медали средней величины“ отъ
академіи за стихотворенія), а Пушкину полному—
пишеть. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака,

штановъ и даже отъ академическаго четвер-
така—что мнѣ слѣдуетъ—(жетоны, выдававшіеся
членамъ Россійской Академіи за защаданія и опла-
чиваемые послѣ деньгами), по крайней мѣрѣ,
пускай позволяютъ мнѣ бросить проклятое Ми-
хайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ?
Но въ обоихъ случаяхъ давно-бы принадлежало
мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть
честнымъ человѣкомъ! забудутъ — и кинутъ. —
Получили-ли мои пріятель письма мои дѣль-
ныя, т. е. дѣловыя? Что-жъ не отвѣчаютъ?—
А ты хороши! пишешь мнѣ: переписывай, да
наймай писцовъ опочинскихъ, да издавай
Опѣяна. Я самъ себя хочу издать или выдать
въ свѣтъ. Багюшки, помогите!

В. А. Жуковскому.—*Михайловское, 6 мар-
та.* (Написано по настоянію Жуковского для по-
каза государю).—Поручая себя ходатайству ва-
шего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію
моей опалы. Въ 1821 году явное недоброжела-
тельство графа Воронцова принудило меня по-
дать въ отставку. Давно разстроенное здоровье
и родъ аневризма, требовавшіаго немедленнаго
лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предло-
гомъ. Покойному государю императору не угод-
но было принять опалу въ уваженіе. Его ве-
личество, исклѣчивъ меня изъ службы, прика-
заль сослать въ деревню за письмо, писанное
года три тому назадъ, въ которомъ находилось
сужденіе объ аензмѣ, сужденіе легкомыслен-
ное, достойное, конечно, всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ государя Николая
Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду.
Можетъ быть, его величеству угодно будетъ
перемѣнить мою судьбу. Каковъ-бы ни былъ
мой образъ мыслей политическій и религіозный,
я храню его про самого себя и не намѣренъ
безумно противорѣчить общеринному поряд-
ку и необходимости.—*Александръ Пушкинъ.*

И. Е. Великопольскому.—*Михайловское, 10
марта.*—Милостивый государь, Иванъ Ермо-
лаевичъ. Сердечно благодарю васъ за письмо,
пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасполо-
женія. Стихотворенія Слѣбушкина получилъ и
перечитываю все съ большимъ и большимъ
удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улуч-
шеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь,
не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова
къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отри-
маете у меня надежду васъ увидѣть въ моей
глуши; благодаримъ, покаместъ, и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не
отпѣлъ у него своего портрета. Что новаго въ
вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ
покорнѣйшимъ слугою. А. П.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, мартъ или
начало апрѣля.*—Мой милый, очень благода-
ренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Имѣеть съ твоимъ
я получилъ письмо и отъ Занкина (книгопро-
давецъ), съ увѣдомленіемъ о продажѣ Стих о-
твореній А. Пушкина и съ предложе-
ніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкото-
рыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ; ка-
кихъ-же? А. Шенье? Итакъ, погодимъ съ но-
вымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемелет-
ся—будетъ мука—тогда напечатать второе,
добавленное, исправленное изданіе. (Однако ска-
жи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія
по случаю моихъ стихотвореній? или это одна
твоя предположенія?) Знаешь-ли? Ужъ если
печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ.

Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ переписать, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи-же моихъ поэмъ, для цовники, поѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Бепио, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта.

При семъ письмо Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ бантикахъ (официальное письмо). Не смѣй надѣяться, но мнѣ-бы сладко было получить свободу отъ Жуковского, а не отъ другого. Впрочемъ, держусь стоической пословицы: не радуйся напедѣ, не плачь потерянъ.— Какого вамъ Бориса и на какія лекціи („В. Годуновъ“ для прочтенія на урокъ великому князю)? Въ моемъ Борисѣ бранятся по мнѣ на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго поэта. Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ пужны. Сдери долгъ и съ Дельвига.

А. Н. Вульфъ. — *Михайловское, май.* — Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете—добро. Однако, я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.— Не правда-ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покажите, скажите мнѣ—не черезъ Дерпт-ли пройдетъ Жуковский въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Анны Пнк. (съ которой НВ мы совершенно помирились передъ выѣздомъ) и что дѣлаетъ вавилонская блудница А. П.? Говорятъ, что Б. очень счастливо металъ противъ почтеннаго Е. О. (Е. О. Керна). Мое дѣло сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ; привезите-же Языкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Сенекѣ нескромныя гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 24 мая.* — Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее: не вѣдаетъ бо, что творить. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ-ли ты мою Эду? Вручила-ли она тебѣ письмо? Не правда-ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ (О. С. Пушкиной). Какъ-же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливыѣ, чѣмъ Андрей Шенье, я живо слышу голосъ вдохновения.

Твои стихи къ Мимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты не умъ чивый, какъ говоритъ моя няня. Семь Пятницъ—лучшій твой водевилъ. Напиши-жъ мнѣ что-нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глухъ: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда-ли, что Баратынский женится? Боюсь за его умъ. Законная жена—родъ тенной шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ-бы умнѣе, если-бы лѣтъ

еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

И. Е. Великопольскому. — *Преображенское, 3 іюня.*

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось, Цѣвцеъ любви то рѣзвой, то унылой!

Играешь ты на лирѣ очень мило,

Играешь ты довольно плохо въ штофъ.

Пятьсотъ рублей, проигранныхъ тобою,

Палачные свидѣтели тому.

Судьба моя сходна съ твоей судьбою,—

Сейчасъ, мой другъ, увидишь, почему.

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратите не мнѣ, но Г. П. Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душою А. Пушкина.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Псковъ, начало іюня.* — Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя, и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ-ли я тебѣ что-нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взыали съ тебя чего-нибудь мой человекъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тоной и дурное поведение? Пора-бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когда-нибудь принужусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ походяеа. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot (путешественникъ) въ Петербургѣ.

Чортъ-ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда приѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не дукай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василія Львовича; передъ m-me de Staël заставляемъ Мизрадовича отличиться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хотимъ и перевести эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это понадеетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ; но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не оставусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, по когда воображаю Лондонъ, чужинныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й лѣтѣ Оуѣгнниа я изобразилъ свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: гдѣ-же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ ударилъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай-да умница! Прощай.

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ, и это письмо туда отправится. Грусно мнѣ, что не прошусь съ Карамзинными (они собирались за границу). Богъ знаетъ, свидѣлся-ли когда-нибудь. Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ сняна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Не забавно умереть въ Опочецкомъ уѣздѣ!

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 10 іюня.* — Коротенькое письмо твое огорчило меня по

многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь мои эпиграммы и противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Мой эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшаешь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій — такъ что-же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онъ холоденъ, глупъ и низокъ. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дань его памяти! Отечество выравъ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь; это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ-ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ дарю, точно по окончаніи свидѣнія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Все возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если-бъ я былъ потребованъ комиссіей, то я-бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ. Прощай, нишк. Что Катенинъ дѣлаетъ?

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 20 июля.* — Мой другъ баронъ, я на тебя не дуся и долготвое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ именемъ.

Io humen Нуменае io,
Io humen Нуменае!

т. е. чортъ поberi вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ поберетъ. — Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геену и во огнь вѣчный — обвиняю и поздравляю тебя — рекомендую меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуясь, что тевтонъ Кюхля не былъ с л а в я н и н ѣ (не принадлежалъ къ обществу „соединенныхъ славянъ“, въ дѣлѣ во 14-му декабря 1825 г.), а охмѣлялъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Иванъ Пуцинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участіе ихъ должна рѣшиться — сердце не па мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Жуковскому — и жду отвѣта. Показываетъ я совершенно одинъ. Прасковья Александровна (Осинова) уѣхала въ Тверь, сейчасъ пишу къ ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности расказа наши британцы не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ — всякій говоритъ по-

своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! — чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина: неужто никто ему не поправилъ Святенъ, Масляницу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйте, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стихъ. — съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою. — Жду Цвѣтовъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, 14 августа.*

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ ревій твой?
Ты славилъ львой золотой
Нептуна грознаго треубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ — земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человекъ —
Тирани, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другого раза. Правда-ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хвалено! Еще такъ я все надѣюсь на коронацію. Повѣшанные повѣшены, но картога 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебя. Прощай, душа.

Р. С. Ты находишь письмо мое (къ государю) холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось-бы.

П. А. Осиповой (по французски). — *Исковъ, 4 сентября.* — Я полагаю, м. г., что мой быстрый отвѣдъ съ фельдгереръ удивилъ васъ столько-же, сколько и меня. Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдгерера; мнѣ дали его для безопасности. Послѣ очень любезнаго письма барона Дибича, мнѣ остается только гордиться этимъ. Я ѣду прямо въ Москву, куда думаю прибыть 8-го числа этого мѣсяца. Какъ только буду свободенъ, посѣщу возвращеніемъ въ Тригорское, къ которому мое сердце отнынь всегда приковано.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Москва, 15 сент.* — Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ, какъ я занятъ. Государь приналъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 сентября, у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвичьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги пекутъ саженьями, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почетная публика смочитъ ихъ фонтанамъ вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня завѣла бронзы на 40,000 руб., и пригласила 1000 человекъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не выдавъ его, не могу о немъ ничего сказать. Простите непоследовательность письма; оно вполне передаетъ вамъ

непоследовательность настоящей моей жизни. M-elles Annettes вѣроятно уже въ Тригорскомъ; пошлю имъ издалика сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 9 ноября.* — Вотъ, я въ деревнѣ. Добѣхалъ благополучно, безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый неприятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, расстрелены въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла какъ-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей пани — ей-Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, расцѣпности и пр. Ніяна моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умилешии сердца владыки и укрощеніи духа сего спирѣности, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь о ней поны дерутъ молебны и мѣшаютъ мнѣ а цинкаться дѣломъ. Получила-ли квягинца поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду: буду у васъ къ 1-му... Она велѣла! (дальняя родственница, дѣвица Пушкина). Милый мой, Москва оставила во мнѣ неприятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому-же журналъ. — Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. И такъ, никогда породачные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ-одиночку. Полевой, Погодинъ, Сущковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнны, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала: вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласишься со мной, что ему невозможно довѣрить издавія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяиномъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевого ты пошлешь къ... Прощай, князь Вертопрахъ; клапайся квягинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выдворѣлась. Что наши? Что Заиретина и Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную пинтигу, но и это не ушло.

Р. С. Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго НВ. ты одинъ еще поддержишь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь напелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ-бы завидовать. Амниъ, амниъ глаголю вамъ: онъ вѣкъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ; скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

Н. М. Языкову. — *Михайловское, 9 ноября.* — Милый Николай Михайловичъ, сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское, — сѣмъ обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О цензурномъ уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю васъ и Вульфа. Получили-ли вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ, пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе. О Москвѣ напишу вамъ много.

Н. М. Языкову. — *Москва, 21 ноября.* — Письмо ваше получилъ я во Исковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода вамъ, достойному пѣвцу того и другого. Пишу, однакожъ, изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, сѣдѣтельно — и вы также. Адресуйте-же ваши стихи въ Москву, на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой; оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно-же будьте наши. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется. Я усталъ и боленъ, потому вамъ и не пишу болѣе. Вульфъ кланяется, общая свое высокое покровительство.

Тригорское ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2-мъ № «Моск. Вѣстника». Рады-ли вы журналу? Пора задуться альманахи. Дельный нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу“, — жаль, но что-жъ дѣлать?

А. Х. Бенкендорфу. — *Исковъ, 29 ноября.* — Будучи совершенно чужды ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣ меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ осуданія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя, — то оставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторые непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю съболѣсть просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безыгоднѣ пичтожнымъ литературнымъ занятіямъ моимъ человека государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ. — Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

М. П. Погодину. — *Исковъ, 29 ноября.* — Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что

носить мое имя. Покаместъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ—но все перемедется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснить; до свиданія скорого. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

С. А. Соболевскому. — *Псковъ, конецъ ноября.* — Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однакожъ, прежде чѣмъ что-нибудь печатать, представить оное выше, хотябы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропустили. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашиковъ, журнальчиковъ и прочихъ шепетильныхъ литературщиковъ. — Съ Погодинымъ говоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у насъ; покаместъ сижу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишуть, что ты боленъ: чѣмъ ты обѣлся? Остановлюсь у тебя.

Н. С. Аленцеву. — *Псковъ, конецъ ноября.* —

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній, Минувшаго мнѣ живію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Книшневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ-бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ воспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ-нибудь чинно сидящаго моего друга, или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторациі за обѣдомъ. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять їду въ Вѣлокаменную. Надежды нѣтъ бы очень мало. По крайней мѣрѣ, ниши же мнѣ почасе, а я за новости Книшневна стану тебя потчивать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабскій,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй-же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей

Кн. П. А. Вяземскому. — *Псковъ, 1 декабря.* — Ангелъ мой Вяземскій, или прятникъ мой Вяземскій, получилъ я письмо твоей жены и твою привяску. Обоихъ васъ благодарю и їду къ вамъ я не дожду. Какой! Меня дождають!... Изъясню послѣ. — Въ деревнѣ я писалъ прерывную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онѣгина, я проигралъ въ шпоть четвертую. Не забавно! Оговсюду получалъ письма и всюду отвѣчаю. — Adieu, couple si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня недостаетъ уже и собственной простоты для переписки.

Р. С. При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сумкова) для дост. Киселеву — вой — вымъ, какъ хошь.

А. Х. Бенкендорфу. (*Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря 1826.*) — Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр — ва, увѣдомляющее меня о всемплохвѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драма-

тической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбывается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ извоили замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже переѣлать мною однажды написанное.

1827.

М. П. Погодину. — Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ посыланіе къ Языкову — тисните его, за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ не помянусь.

С. А. Соболевскому. — Если-бы ты просто написалъ мнѣ, приѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу (Е. Онѣгина), то я безъ хлопотъ ее-бы перепечаталъ; но ты все общалъ, общалъ и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю. Чтѣ изъ того слѣдуетъ? Что ты безалаберный! Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, переначтыная насъ, образцовыхъ великихъ людей — Мерзлякова, двухъ Пушкиновыхъ, Великоновскаго, Подолинскаго, Полевого и проч. Хорошо!

П. А. Осиповой (по французски). — *Ист буръ, весной.* — Я очень виноватъ передъ вами, но не столько, однако, какъ вы можете подумывать. По приѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ же писалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось, что вы ихъ не получили. Это меня смутило, и я не бралъ пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще вашимъ участіемъ, то что-же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Петербургъ? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и та-же, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если-бы мнѣ дали обѣ на выборъ, то я выбралъ-бы Тригорское, почти такъ-же, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ-ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: «я предпочитаю молочный супъ». Я здѣсь на отъѣздѣ и навѣрно рассчитываю приѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покаместъ кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ отъ всего моего сердца

М. П. Погодину. — *Сиб. 10 іюня.* — Очень васъ благодарю и съ ностѣшностью возвращаю корректуру. Ай-да Соболевскій, ай-да байбакъ! Чтѣ тутъ оиъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и надняхъ отвѣчу. Покаместъ съ вождѣлніемъ думаю о Сальери по 11 р. асс.

Н. М. Языкову. — *Петербургъ 14 іюня.* — Слѣдуетъ стихотвореніе: «Къ тебѣ собирался и давно», и т. д. (См. алфавит. указат. «Языкову»). Стиховъ, ради Бога, стиховъ! Душа проситъ. Простите, — желалъ-бы сказать: до свиданія

А. Х. Бенкендорфу. — *Сиб., 20 іюля.* — Въ 1824 г. ст. совѣтникъ Ольдековъ безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавк. Пѣшникъ» и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгоды 2 изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000 р. Вслѣдствіе сего, родитель мой, ст. сов. С. Л. Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣт-

ствоваши ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де «Е. П.» для справокъ оригинала съ нѣм. переводомъ; что къ тому-же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣть онъ, ст. сов. Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа токмо развѣ яко мошенника, на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его сану и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другого способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгоды отъ посланныхъ трудовъ моихъ, и имѣя лично ободренный вашими пр—ми, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему пр—ву, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

(На это письмо Бенкендорфъ отвѣчалъ, что перепечатаніе стиховъ Пушкина имѣетъ съ переводомъ, вѣроятно, послѣдовало съ позволенія цензуры, которая на то имѣетъ свои правила. Впрочемъ, даже тамъ, гдѣ находятся положительныя законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками).

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 31 іюля.* — Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя (На имени г-жи Ризницъ). Теперь у тебя отрывокъ изъ О нѣ г и н а, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то ты и сго тиснешь. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ: пока мѣстѣ приница я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ-ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ». Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакъ и на владыку лаять—но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его—это было-бъ еще неприличнѣе.—Что твоя жена? Помогло-ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь.—Пиши-же.

М. П. Погодину. — *Михайловское, августъ.* — Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ доскутокъ О нѣ г и н а на вашанку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ подъ цензуры. Какъ скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣждалъ въ деревню, почему рѣшмы!

Пока не требуетъ поэта

Къ священной жертвѣ Аполлонъ и пр. (См. въ алфавит. указателѣ стихотвореніе «Поэтъ»).

М. П. Погодину. — *Михайловское, 31 августа.* — Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ, кромѣ двухъ стиховъ! Скажите это отъ меня г-ну Двигубскому, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть участивѣе и снисходительнѣе. Цѣтневъ доставитъ вамъ сцену съ коимъ отношеніемъ Бенкендорфа; если московская цензура все такъ будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я буду безпокоить Государя Императора всеподданнѣйшею просьбою и жалобою на неуваженіе Высочайшей его воли.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію (альманахъ). Et tu, Brutel! Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы, честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ

много накопилось статей, которыя не вхоятъ въ журналъ, но какихъ-же? quod licet Uraniae, licet tñm nache Вѣстнику; не только licet, но deset. И другія приписки. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщавъ вамъ беззалоно по дѣлательно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существомъ частью журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—понѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ пропихать еще толкутъ. Ваша индѣйская сказка Переправа въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находить ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію,—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ «Телеграфѣ» похвалю одно ревностное трудолюбіе, а хороши одиѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива; по образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидите, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ; но что все собираюсь заглянуть свою вину—не знаю, увижу-ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать въ Бѣлокаменной... Весь вашъ, безъ церемоній.

Р. S. Еще слово: изданіе Ураніи, ей-Богу, можетъ, хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи породочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя «Благонамѣреннаго»; онъ совершенно правъ—публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ Н. Н. глупъ, но не должно его наивнѣе обигрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннѣе, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратитъ изданіе; но это было-бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

А. Х. Бенкендорфу. — *Опочка, 10 сентября.* — Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительныя законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но это относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если-же допустить у насъ, что перендѣ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр—ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

М. П. Погодину. — *Спб., въ концѣ года.* — Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиниться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Тумавскаго (кромя Голубея глаза, ваятые для Дельвига). Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы пропущенныя — на дняхъ пришлю въ Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣшней алмапашной жатвы, а писать еще некогда. — Весь вашъ А. П.

Р. С. Я не лишенъ правъ гражданства и могу быть цензурованъ нашею цензурою, если хочу, — а съ каждымъ правоучительнымъ четверостишемъ я къ высшему цензору не полѣзу — скажите это имъ.

1828.

П. А. Осиповой (по французски). — *Спб., 24 января.* — Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминаніе о вашей дружбѣ, воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ снисхожденіемъ, придають мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мнѣняетъ свои вѣты на дипломатическія терпія, расскажетъ вамъ о нашемъ житіи въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житіе довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, прѣйду-ли еще въ Михайловское, хотя это — искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашу прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтический, ве смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудрено вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ поправилось M-elle Евирасія ея пребываніе въ Торжкѣ и много-ли у нея тамъ побѣдъ? А. П.

М. П. Погодину. — *Спб., 19 февраля.* — Вы, конечно, правы и угадали, что я въ примѣчаніи и Булгарина совсѣмъ не участвовалъ — ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. — Когда-бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно-бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безнокопѣтъ — печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ, а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило — не трогать, чего знаете. — Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Оаддей Венедиктовичъ, выпяжь великосердѣе, подвизайся, подвизайся! А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣштесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, «плюньте на суку» Сѣверную Пчелу. А. П.

Р. С. На дняхъ пришлю вамъ прозу — да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишниковъ онечатками и т. под. Шевыреву пишу особю. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., 5 марта.* — Позвольте мнѣ принести вашему пр—ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая

для меня награда, и почитаю за счастье — обязанность мою слѣдовать высочайшему его снисхожденію.

И. Е. Великопольскому. (Получено 5 апрѣля). — Любезный Иванъ Ермолаевичъ! Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Опъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава Онѣгина вторая

Съѣзжала скромно на тузѣ

и ваше примѣчаніе — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайній мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Нужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненные строфы въ 8-ю главу Онѣгина? НВ. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Чтб, если напечатать мнѣ это благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемъ за карты и за стихи. Простите. Весь вашъ А. П.

А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., 21 апрѣля.* — Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои (поступить въ дѣйствующую армію) не могли быть исполнены, съ благоговѣніемъ приѣмлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству за снисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ останусь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ-бъ я провести сіе время въ Парижѣ, чтб, можетъ быть, въслѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоценное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев—ва подтвержденія даднаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностью и сердечной благодарностью, имѣю честь быть, м. г., вашего пр—ва покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

М. П. Погодину. — *Петербургъ, 1 іюля.* — Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право, всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался къ вамъ писать, и все не собрался. Посему самому я не посылалъ вамъ ничего къ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. — Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси; должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія

нежных друзей словесности и одобрение великого Гёте. — Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи обществѣ. А того-то и надобно. Пора уму и знающимъ вытѣснить и Булгарина, и Федорова. Я здѣсь на досугъ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ «Мысли», одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Швейцарямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и Н. Н., каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ! Растолковали-ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?.. Въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Ксенофонтъ Телеграфъ со мною въ томъ-было согласился (но сіе да будетъ между нами. Т. добрый и честный человекъ, и съ нимъ я ссориться не хочу) Кланяйтесь Калбану. (С. А. Соболевскому); на дняхъ пишу къ нему — пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ; засимъ обнимаю васъ отъ сердца. Кстати, похвалите Славянина; онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ паши, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ — Русской Академіи. — На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говорить онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ бѣлокаменную, съ Богомъ,
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, брать:
Онъ выступать въ чинѣ строгомъ,
Разборчавъ, строго, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну, въ Аоніей — что Аоніей?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злобѣй,
Благопамѣренный Московскій.

С. А. Соболевскому. — *Петербургъ, 15 іюля.* — Вечоръ я узналъ о твоёмъ горѣ (смерть матери) и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старія дрожжи не говорять трожды; не радуйся намедь, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. Цыганы мои не продаются вовсе, деньги-же эти — трудовыя, въ потъ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго (библіофиль). Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ-бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть по одежкѣ твоя ножи; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ посланія ничего путнаго тебѣ сказать не умѣю. Прощай, мой другъ.

А. Н. Вульфъ. — *Малыиники, 27 октября.* — Тверской Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣха желаетъ.

Честъ имѣю донести, что въ здѣшней губерціи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ до-стоюющимъ почитаніемъ и благосклонностью. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. — Требуемая отъ меня поясненія на счетъ вашего петербургскаго поведения дала я съ откровенностью и простодушіемъ, отчего и потекли нѣкоторые слезы и вырвались нѣкоторые недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу. При-

сей вѣрной оказіи допущу вамъ, что Марья Васильевна Борисова есть двѣгокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ, и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

С. А. Соболевскому. — *Малыиники, 9 ноября.* — Во-первыхъ — запасись виномъ. ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потому:

У Гальонцъ, плъ Кальонцъ
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макаронцъ,
Да яичницу сваря.
На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жаренныхъ котлетъ отбѣдай
И отправься налегкѣ.
Какъ до Яжелницъ дотащить
Колымагу мужичекъ, —
То-то другъ мой растарачитъ
Сладострастный свой глазокъ:
Подвезутъ тебѣ фореля, —
Тотчасъ ихъ варить велѣ;
Какъ увидишь — посиѣбли,
Влей въ уху стаканъ шабли.
Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипяткѣ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелницъ — первая станція послѣ Валдай. Въ Валдаѣ спроси: есть-ли свѣжія сельди; если-же нѣтъ —

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи барановъ
И скорѣ поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое-нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

Бар. А. А. Дельвиу. — *Малыиники, ноябрь.* — Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину (см. алфавит. указатель; „отвѣтъ Катенину“, вмѣсто отвѣта Готовцовою, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго-ли останусь въ здѣшнемъ краю. Иду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюся къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковья Александровна люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все беспокоится. Сосѣди бѣзятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Муниго (ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій) здѣсь повеселѣлъ и уморительно мнѣ. На дняхъ было собраніе у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ пшюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убратъся; но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прібѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣйте черносливу, поѣзжайте съ нею — тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти развѣлись: «не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина». Нечего дѣлать, ихъ повезли — и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опшѣшли. Здѣсь очень много хорошевынхъ дѣвчонокъ (или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ

Михайловпчть). Я съ ними вожусь платонически и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ. Прощай, подѣлуй себя въ нупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi faveat, какъ Евг. Баронессѣ не говорю ни чего, однакожъ цѣлую ручку, по весьма чопорно.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Малюники, 26 ноября.* — Вотъ тебѣ «Отвѣтъ Готовцовою» (см. алфавитный указатель), чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и въпрямъ упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ-ли противу прекраснаго пола, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ! — Правда-ли, что ты дѣше зарыться въ Смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина, и страшатъ мною ребятъ, какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестнымъ добродѣтели и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ... Полю. Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

Что Иліада и что Гомеръ?

А. Х. Беннердорфу (черновое). — Г. оберъ-полицмейстеръ требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что я не буду печатать безъ разрѣшенія обычной цензуры. Повинуясь священной для меня волѣ [государя]; тѣхъ не менѣе, прискорбна мнѣ сія мѣра. Государь Императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры; я далъ честное слово государю, которому измѣнить не могу, не говоря ужъ о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ его величеству, какъ царю и человѣку. Требованіе полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ глубоко чувствую, что я того не заслуживалъ, и дальбы и въ томъ честное слово, если-бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до цензуры,—если государю императору угодно уничтожить милость, мнѣ оказанную, то я съ благоговѣніемъ и горестью приѣмля знакъ его неблаговоленія, прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впродъ поступать съ моими сочиненіями, которыя, какъ намъ извѣстно, составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь, что ваше превосходительство поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой осмѣливаюсь объясняться. Она — знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ обяз...

1829.

Н. Н. Раевскому (черновое, по французски). — *Петербургъ, 30 января.* — Вотъ моя трагедія, такъ какъ въ неумѣннѣ этого хотите; но я требую, чтобы, прежде ея чтенія, вы пробжали послѣдній томъ Карамзина. Она испол-

нена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени, какъ наши бездѣлки Кіева и Каменки. Надо умѣть понимать ихъ—sine qua non.

По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическимъ пафосомъ и проч... Стиль ея—смѣшанный. Онъ пошелъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайтесь вниманія на злоупотребленія этого рода. Все это писалось паскоро и будетъ исправлено при первой перепечаткѣ. Съ удовольствіемъ я мечталъ о трагедіи безъ злобы: но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романческаго и страстнаго характера моего авантюриста, Дмитрій еще влюбляется у меня въ Марину, чтобы мнѣ лучше было высказать странный характеръ этой послѣдней. У Карамзина она представлена только въ очеркѣ. Конечно, это была самая странная изъ хорошихъ женщинъ. У нея была только одна страсть — честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, попровава царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, распутничаешь, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому-бы то ни-было, лишь-бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ, въ то-же время сиосится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. У меня она является только въ одной сценѣ, но я возвращусь къ ней, если Богъ продлитъ мои дни. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она странно какая полька, какъ... [слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка].

Гаврило Пушкинъ — одинъ изъ моихъ предковъ; я изобразилъ его такимъ, каковыя нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ конномъ, и придворнымъ человѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ. Это онъ и Плещеевъ обезпечилъ успѣхъ Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потомъ я его опять нашелъ въ Москвѣ въ числѣ семи пачальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году, потомъ въ 1616-мъ въ Думѣ, рядомъ съ Козьмою Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, коронававшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже зажигателемъ, какъ доказываетъ грамота, найденная мною въ «Погорѣломъ Городищѣ»: онъ выжегъ городъ, въ видѣ наказанія—не знаю, за что именно но образцу проконсуловъ національнаго собранія.

Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ дворянъ переходящихъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ, и, замѣтьте, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ пачальника дѣлается сорванцомъ. Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣхъ великодушнѣмъ вѣтренности, которая отличала этого милого авантюриста, снова возвращаетъ его ко двору своему, осмыкаетъ почестями и щедрогами. Что-же

дѣлаетъ Шуйскій, чуть-было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, успѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ—и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіи всей своей жизни.

Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ, великодушенъ и хвастливъ, какъ тотъ; онъ равнодушенъ къ религіи; оба они изъ политическихъ видовъ отступаются отъ своей вѣры; оба любятъ удовольствія и войну; оба наклонны къ химерическимъ предпріятіямъ и оба служатъ дѣлю для заговоровъ. Но у Генриха IV не было Ксении на его совѣсти—правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей священной обязанностью не вѣрить ему.

Грибоѣдовъ критиковалъ личность Іова—патріархъ, конечно, былъ человекъ весьма умный, а я по разсѣянности сдѣлалъ его просякомъ.

Сочиняя моего Годунова, я думалъ о трагедіи—и если-бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ-бы скандалъ—это, можетъ быть, неого менѣ изслѣдованный родъ (словесности). Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а оно-то и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, мѣстѣ и пр., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ заглѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человекъ, подразумѣваемыхъ невидимыми для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ. Напр. Филоклетъ у Лагарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы, я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи». Все это не представляетъ-ли условнаго неправдоподобія? Истинные герои трагедій никогда не хлопотали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ»: а! вы желаете закона 24 часовъ! Извольте! И за тѣмъ онъ паваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ. Альфиеръ глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторонъ; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ. Какое ребячество!

Мое письмо вышло длиннѣе, нежели мнѣ хотѣлось. Прошу васъ, сберегите его, потому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе.—А. П.

П. А. Осиповой (по франц.).—Спб., 27 концы февраля.—Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія лѣсни Онегина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прілагаю еще экземпляръ для М-elle Евпраксіи, причемъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду-ли имѣть счастье видѣть васъ выѣхшій годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда-ли это? И однако, я все-же расчитываю на содѣйство Тригорскаго и Зуева. Какъ ни устроивай судьба, ковчигъ тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ и въ моей совершенной преданности.

С. А. Соболевскому.—Изъ Петербурга.—Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ

чемъ дѣло: хочешь-ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи-ли они мнѣ на выѣхшій годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя, казѣба? Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ—кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенесскій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу? Зубаревъ или Иванъ Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не вняю, понаду-ли; во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ не остаюсь.

И. М. Снегиреву.—Апрѣль.—М. Г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объясните, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано, и я припужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобой на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности.—А. Пушкинъ.

И. А. Яковлеву.—Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться. Тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на днѣхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобы они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 тысячъ. Во всякомъ случаѣ, ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволю вручать ихъ Алексѣю Ивановичу, моему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 тысячъ даны тобою мнѣ взаймы. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня денегъ у меня будетъ куча, но покаместъ я на мели и карабкаюсь. Весь твой. А. П.

Л. С. Пушкину.—Москва, 8 мая.—Что ты мнѣ не пишешь и что не пишешь ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ, увиждься съ дражайшими родителями, сойдемъ опѣтъ, и устрою твои денежныя дѣла. Изъ Петербурга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свои, т. е. въ Псковъ, но вѣроятно въ Грузію—не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставить тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь.—Кончилась-ли у васъ война? Видѣлъ-ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ него? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлетъ мнѣ.—А. П.

Н. И. Гончаровой, будущей тещѣ Пушкина (по французски).—Въ началѣ мая, передъ отъѣздомъ на Кавказъ.—На колѣняхъ, проливая слезы благодарности, долженъ былъ-бы я писать теперь, но передачу мнѣ вашего отвѣта гр. Толстому. Это не отказъ: вы позволяете мнѣ надѣяться; но если я все еще рошщу, если грусть и горечь прижимаются къ чувству моего счастья, то не обвиняйте меня въ неблагодарности. Я понимаю осторожность и нѣжную заботливость матери. Но простите нетерпѣнію сердца, страдающаго и упоеннаго счастьемъ.

Я їду сїю-же минуту, унося въ глубинѣ моей души образъ небеснаго существа, обязаннаго вамъ жизнью.—Если вы имѣете что-либо приказать мнѣ, то, будьте столь добры, обратитесь къ гр. Толстому, который передастъ мнѣ объ этомъ. Примите и пр. *А. Пушкинъ.*

А. Н. Вульфъ. — Малинники, 16 октября. — Проѣзжая изъ Арзамы въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣдили-бы мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I. Въ Малинникахъ засталъ я одну Анну Николаевну съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію и объявила мнѣ слѣдующее: а) Евпраксія Николаевна и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотреть новыхъ улановъ; б) Н. Н. заняла свое воображеніе отчасти твѣлей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а; в) Гретхенъ хорошеетъ и часъ отъ часу становится невнимателнѣе (сейчасъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ).

II. Въ Павловскомъ Фредерика Ив. страдаетъ флюсомъ; Павелъ Иван. стихотворствуетъ съ отличнымъ усѣхомъ. На дняхъ исправили онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда-ли, что это очень много.

III. Въ Берновѣ я не засталъ уже Мишверу. Она съ своимъ ревнищемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. П—ва кто-то прибылъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ив. Ив. на строгой діетѣ (...разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постель. Постараюсь достать... Симъ позволюте заключить поучительное мое посланіе.

1830.

Н. И. Гнѣдичу. — Петербургъ, 6 янв. — Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени. Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Овъ не нуженъ для вашей славы, но былъ-бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижу съ вами прежде.—Весь вашъ *Пушкинъ.*

А. Х. Бенкендорфу (по франц.) — Сиб., 7 янв. — Генералъ! явившись къ вашему прев—ству и не имѣвъ счастья застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласво вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не жепать и не занять службою, я-бы желать

отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ-же, если на это не будетъ согласія, я-бы просилъ милостиваго дозволенія носѣтить Китай вмѣстѣ съ миссією, которая туда їдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпечить. Въ мое отсутствіе г. Жуковский хотѣлъ напечатать мою трагедію, но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человекъ не богатый, то мнѣ чувствительно изшеніе суммы, тысячъ въ 15 р., которые могли-бы доставить мою трагедію, и мнѣ было-бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наиболѣе доволенъ. Поручая себя исполнѣ вашему благорасположенію, остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій и проч.

М. Н. Загоснину. — Петербургъ, 11 января. — М. Г. Михаилъ Николаевичъ! прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго—лестный звякъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ усѣхомъ полнымъ и исполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковский провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Газетѣ ѣдетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія дѣла, т. е. дай Богъ вамъ многіе романы и проч.

А. Х. Бенкендорфу (по франц.) — Сиб., 18 янв. — Генералъ! я получилъ письмо, которымъ ваше прев—ство меня почтили. Сохрани Богъ, чтобы я хоть махѣйше противорѣчилъ волѣ того, который осмыслилъ меня столькими благодѣяніями. Я подчинился ей даже съ радостію, лишь-бы только быть увѣрену, что я не навлекъ на себя его неудовольствія. Весьма не во-время хочу прибѣгнуть къ благосклонности вашего прев—ства: по буду говорить о дѣлѣ для меня священномъ и обязательномъ. Я связанъ узами дружбы и признательности съ однимъ семействомъ, которое нынѣ находится въ большомъ несчастіи: вдова генерала Раевского пишетъ ко мнѣ и проситъ поговорить въ ея пользу съ тѣми лицами, которые могли-бы довести о ней до свѣдѣнія его величества. Уже то самое, что она обратилась ко мнѣ, свидѣтельствуеетъ, до какой степени у нея мало друзей, надеждъ и способъ. Позовиши семью въ изгнаніи, другой грозить полное разореніе. Доходовъ едва достаетъ на уплату процентовъ по несмѣтнымъ долгамъ. Г-жа Раевская проситъ, чтобы полное жалованье ея мужа было обращено въ пенсію ей и послѣ ея смерти ея дочерямъ. Этого будетъ довольно, чтобы предохранить ее отъ нищеты. Обращаясь къ вашему прев—ству, я надѣюсь, что вы, не какъ министръ и лицо государственное, а какъ воинъ и человекъ съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, примете участіе въ судьбѣ вдовы героя 1812 года, человека великаго, котораго жизнь была такъ блистательна и конецъ такъ печаленъ. Примите и проч.

Кн. П. А. Вяземскому. — Москва, 14 марта. — Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первые лица, появившіяся мнѣ на встрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе.

Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноваты Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенья, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.

(Пушкинъ говоритъ о развязкѣ театральнаго скандала; въ частномъ французскомъ театрѣ г-жи Кардовой публика шкала и шумѣла, вступаясь за одну обиженную актрису; за это было арестовано нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ Сибилевъ и графъ Потемкинъ. Шульгинъ—московскій оберъ-полицейскій; Волковъ—жандармскій генералъ.)

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quant à m-me Кардовой tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantait faux. Орсеа изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушкина—сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ—сами по себѣ, а ты—самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при себѣ вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Минхаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевого и на цензора Гляку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны (Каразминой) и пиши мнѣ къ Кю и у (гостиница).

Завечатай и отошли записку Гагарину театральному.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 16 марта.*—У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, конвѣръ-революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что твое здоровье? Каковы-ты съ министрами? И будешь-ли ты въ службѣ новой? Знаешь-ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ (каммергеръ). Каковы? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и пѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и примирѣла. Жду концертовъ и шума за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ.

Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, въ мартъ.*—Посылаю тебѣ драгоценность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отыскалъ въ бумагахъ Миллера, падорваппый—вѣроятно въ присутствіи—и вѣроятно сохранный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Сострянай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ. Письмо мое доставить тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея плащъ, а рубашку (справся у кн. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефринхи.

Булгария изумилъ меня своєю выходкою (напечатаніемъ эниграммы: „Не то бѣда, что ты полѣтъ“). Сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутница, дѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 всрѣтъ дьявы въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтись безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да вожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Каразмина, книгу намъ необходимую. Ее надо напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству. Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

Н. Н. Гончаровой (черновое, по французски). *Москва, въ мартъ.*—Сегодня—годовщина того дня, когда я всѣ впервые увидѣлъ; этотъ день... въ моей жизни...

Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мое существованіе не можетъ быть отдѣлено отъ вашего; я созданъ для того, чтобы любить васъ и слѣдовать за вами: всѣ другія мои заботы—одно заблужденіе и безуміе. Вдали отъ васъ меня неотступно преслѣдуютъ сожалѣнія о счастьи, которымъ я не успѣлъ насладиться. Рано или поздно, мнѣ однако придется все бросить и идти къ вашимъ ногамъ. Мысль о томъ днѣ, когда мнѣ удастся имѣть клочекъ земли въ... одна только улыбается мнѣ и оживляетъ среди тяжелой тоски. Тамъ мнѣ можно будетъ бродить вокругъ вашего дома, встрѣчать васъ, слѣдовать за вами...

Н. И. Гончаровой (по французски).—*Москва, въ апрѣлѣ.*—Теперь, когда вы мнѣ разрѣшили писать къ вамъ, я такъ-же чувствую себя вольнолюбнымъ, принимаюсь за перо, какъ если-бы я былъ въ вашемъ присутствіи. Я столько имѣю сказать вамъ, и чѣмъ болѣе мнѣ приходится думать объ этомъ, тѣмъ мрачнѣе и неутѣшительнѣе становятся осаждающія меня мысли. Я намѣренъ изложить ихъ вамъ въ оцѣнку искренно, какъ Богъ на душу положитъ, взывая къ вашему терпѣнію и особенно къ вашей снисходительности.

Впервые встрѣтивъ ее, когда ея красота была

еще едва замѣтна въ свѣтѣ, я полюбилъ ее. Голова моя закружилась, и я просилъ ея руки. Вашъ отвѣтъ, не смотря на всю его неопредѣленность, далъ мнѣ минуту безумнаго счастья. Изъ то-же мгновеніе я отиралися въ армію. Спросите меня, что я тамъ собирался дѣлать—и я кланусь, что не могъ-бы дать вамъ на это отвѣта. Но безсознательное опасеніе гнало меня вонъ изъ Москвы; я не былъ въ состояніи переносить въ ней ваше или ея присутствіе. Я вамъ писалъ, надѣялся, ожидалъ отвѣта—онъ не приходилъ. Въ ошибкѣ ранней молодости воскресъ въ моемъ воображеніи. Онъ дѣйствительно былъ очень великъ, но клевета еще болѣе раздула ихъ—слава о нихъ, къ сожалѣнію, приобрѣла большую популярность. Вы могли повѣрить дурнымъ слухамъ: я не смѣлъ роптать, но былъ въ отчаяніи.

Сколько терзаній ожидало меня по возвращеніи: ваше молчаніе, ваше холодное обращеніе, пріемъ mademoiselle Natalie, столь легкій, столь невнимательный. Я не имѣлъ мужества объясниться—я уѣхалъ въ Петербургъ убитый, сознавая, что сыгралъ смѣшную роль: я былъ робокъ первый разъ въ жизни, а человѣкъ моихъ лѣтъ не робостью можетъ снискать себѣ расположеніе молодой особы въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ моихъ пріятелей, пріѣхавъ въ Москву, передаетъ благосклонное слово вашей дочери по моему адресу—и оно возвращаетъ мнѣ жизнь... Недавно я получилъ нѣсколько любезныхъ строкъ, которыя вы со-благоволили прислать мнѣ. Повидимому, это должно было-бы заставить меня ликовать отъ счастья, а между тѣмъ теперь я болѣе несчастливъ, чѣмъ когда-нибудь. Постараюсь объяснить.

Привычка и продолжительное сближеніе одно могло-бы развитъ привязанность вашей дочери ко мнѣ. Я надѣюсь приобрести ея расположеніе со временемъ, но во мнѣ нѣтъ ничего, чѣмъ-бы я могъ ей нравиться. Въ согласіи ея отдать мнѣ руку я буду видѣть лишь безмолвное доказательство ея сердечнаго равнодушія. Но когда окружающая ее атмосфера наполнится восторгами, поклоненіями и соблазнами, сохранитъ-ли она это невозмутимое равнодушіе? Молодой дамѣ станутъ вступать, съ видомъ сожалѣнія, что лишь несчастный рокъ помѣшалъ ей вступить въ болѣе равный бракъ, въ бракъ, болѣе ея достойный и блестящій. Можетъ быть, искренность этихъ сожалѣній будетъ иногда сомнительна, но ей они должны представляться несомнѣнными. Не начнетъ-ли она тогда сама сожалѣть о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ-ли она смотрѣть на меня, какъ на препятствіе, какъ на помеху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ-ли при этомъ отвращенія ко мнѣ?—Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной въ выборѣ савтра, эта мысль—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я не придаю ему значенія; моихъ средствъ было достаточно для меня до сихъ поръ. Хватитъ-ли ихъ, когда я женюсь? Я не потерплю ни за что на свѣтѣ, чтобы моя жена узнала лишнія, чтобы она не могла бывать тамъ, гдѣ ей было суждено блистать и наслаждаться. Она имѣетъ полное право это требовать. Чтобы удовлетворить ее, я готовъ пожертвовать всѣми вкусами, всѣми увлеченіями моей жизни, моимъ независимымъ существованіемъ, полнымъ приключеній. Не смотря на это, перестанетъ-ли она роптать, если ея положеніе въ свѣтѣ будетъ не столь блестя-

щимъ, какъ она того заслуживаетъ и какъ-бы я самъ того желалъ?

Вотъ та доля моихъ опасеній, которую мнѣ необходимо было вамъ высказать теперь; я трепещу при мысли, что вы ихъ найдете слишкомъ основательнымъ... Но есть еще одно опасеніе, котораго я не рѣшаюсь довѣрить бумагамъ...

Примите увѣреніе и пр. А. Пушкинъ.

А. Х. Бенкендорфу (по французски).—*Москва, 16 апрѣля.*—... Прошу еще одной милости: въ 1826 году я привезъ въ Москву мою трагедію «Борисъ Годуновъ», написанную во время ссылки. Она была послана въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее читали, лишь съ дѣлюй оранданія Государя, почтившій своей критикой мою трагедію, указалъ мнѣ на нѣкоторыя вольныя мѣста, и я долженъ сознаться, что замѣчанія его величества были болѣе чѣмъ справедливы. Кроме того, два или три мѣста обратили на себя его вниманіе исключительно потому, что показались ему намеками на близкія къ намъ событія. Перечитывая ихъ теперь, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы мнѣ можно было придать такой смыслъ. Въ смуты походятъ другъ на друга. Драматическій писатель не можетъ быть отвѣственъ за слова, влагаемые имъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставить ихъ говорить сообразно съ характеромъ, признаваемымъ за ними исторіей. А потому слѣдуетъ обращать вниманіе лишь на духъ, проникающій все сочиненіе, и на общее впечатлѣніе, имъ производимое. Моя трагедія есть произведеніе правдивое, и я не могу по совѣсти исключить изъ нея то, что мнѣ кажется существеннымъ.

Прошу его величество простить мнѣ смѣлость, съ которой я рѣшаюсь противорѣчить ему. Я знаю, что этотъ протестъ поэта можетъ показаться смѣшнымъ; однако, до сихъ поръ я отвергалъ всѣ предложенія книгопродавцевъ, принося безмолвно эту жертву долгу его величества. Но въ настоящее время я нахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и умоляю его величество развязать мнѣ руки разрѣшеніемъ на изданіе моей трагедіи въ томъ именно видѣ, какъ я желаю.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, 2 мая.*— Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невестѣ. Правда-ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорить, что у Канкринъ ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба—при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельный въ самомъ дѣлѣ лѣтчикъ, однакожь его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покажеть нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзицы или моду, или политику. Соперничать съ Ранчемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополию политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и непрлично правительству

заключать союзъ—съ кѣмъ? Съ Булгариннымъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, по вѣстнѣ: если Булгаринъ будетъ это поддѣлывать, то онъ, по своему обыкновению, пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай пожалуйста, какъ и зачѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представляю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоволяла—бы передъ родственными его брюхома. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ (Карамзиной) о моей помолвкѣ? И увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несомнѣнно счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковского.

А. Н. Гончарову (дѣду жены Пушкина).—*Москва, 3 мая.*—Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ! Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отици принадлежу. Благословивъ Наталью Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше, чѣмъ живую. Счастье вашей виуки будетъ священная, единственная моя дѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностью и благодарностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

П. А. Плетневу.—*Москва, въ началѣ мая.*—Милый! Побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ. Вотъ что писать мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounoff, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».

Слушай-же, кормилецъ: я приняла тебѣ трагедію мою съ моими поправками, а ты, благодѣтель, явись къ ф.-Фоку (Начальнику III Отдѣленія) и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно-ли оно?). Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично—ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Оадеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши. Скажи: имѣлъ-ли вліяніе на расходъ Оуѣгина отзывъ «Сѣверной Пчелы»? Знаешь-ли что? У меня есть презабавные материалы для романа: Оадей Выжигинъ. Теперь некогда, а совремемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? (См. алфавитный указатель). Пожалуйста, отици.

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ!

Сейчасъ получилъ письмо твое—благодарю, душа моя. Заключай условія, какія хочешь, только не лезь—ли вмѣсто 4-хъ лѣтъ 3 года? выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ. Не продать-ли намъ Смидину и трагедію? Порученіе твое (поцѣловать ручку) къ моей невѣстѣ исполнено. Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей. Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего,

—то самъ не знаю; кажется, отъ Петербурга не отдѣлаюсь. Царь со мною очень милъ.

Кн. В. Ѳ. Вяземской (по франц.).—*Москва, въ май.*—Вы имѣли полное основаніе придти въ восторгъ отъ ося (романъ Ж. Жавена: *L'âne mort et la femme guillotinée*). Это—одни изъ выдающихся новыхъ романовъ. Авторомъ его считаютъ Виктора Гюго. Я въ немъ вижу проявленіе болѣе могучаго таланта, чѣмъ въ «Послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти», хотя и это произведеніе тоже очень талантливо. Что-же касается смутившей васъ фразы, то я вамъ совѣтую не принимать за чистую монету всѣхъ симпатій автора. Весь міръ восхищается первой любовью; онъ—же нашелъ болѣе нikanтымъ заняться второй. Можетъ быть, онъ и правъ. Первая любовь есть всегда дѣло чувства; чѣмъ она была глуше, тѣмъ болѣе остается послѣ нея очаровательныхъ воспоминаній. Вторая-же любовь есть дѣло страсти. Я-бы могъ гораздо глубже провести эту параллель; но у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ для этого досуга. Моя женитьба на Natalie (которая, въ скобкахъ, есть моя сто третья любовь) рѣшена. Отецъ даетъ мнѣ 200 дунъ, которыя я хочу заложить (engager) въ ломбардъ, а вамъ предложить (engager), дорогая княгиня, быть моей посаженой матерью.

Остаюсь у вашихъ ногъ А. П.

М. П. Погодину. Одиннадцатъ записокъ. *Москва, въ май.*

I. Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непременно, а на васъ вся моя надежда.

II. Могутъ-ли къ вамъ захватить и когда? и будутъ-ли деньги? У Бога конечно всего много, но онъ займы не даетъ, а дарить, кому захочетъ; такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него (простѣ, Господи, мое прегрѣшеніе).

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ у меня ждалъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ к а р е и кагульскія.

III. Выручите, если возможно, а я за васъ буду Богу молить съ женой и съ малыши дѣтшами.—Завтра увижу-ли васъ и нѣтъ-ли чего готоваго? (Въ трагедіи «Петръ I» понимается).

IV. Сдѣлайте одолженіе, скажите, могутъ-ли падѣться къ 30 мая нѣтъ 5000 р. или на годъ по 10 р. с., или на шесть мѣсяцевъ по 5 р. с.—Что четвертое дѣйствіе (Петра)?—А. П.

V. Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

VI. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко (псевдонимъ Надеждина) недоумѣваетъ.—А. П.

VII. Если уже часть, такъ большую, ради Бога.—А. П.

VIII. Надеждинъ хоть изрядно насъ тѣшилъ и иногда или чешетъ etc., но лучше было—бы, если-бы онъ теперь потѣшилъ—двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc.—Весь вашъ etc.

IX. Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Вамъ 1800 руб. асс. получилъ съ благодарностью, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ, я не обязался именно къ которому числу.—Весь нашъ А. П.

X. Чувствую, что я вамъ надобѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу падѣться получить остальную сумму.—А. П.

XI. Сердечно благодарю васъ, любезный Ми-

хайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ.—Какъ вамъ кажется письмо Чадаева? И когда увижу васъ?

Н. Н. Гончаровой. (Черновое, по французски).—*Москва, въ июнь.*—Мнѣ-бы хотѣлось надѣяться, что это письмо не застанетъ васъ большае въ Заводѣ, но я съ наслажденіемъ исполняю ваше приказаніе. И вотъ я теперь въ Москвѣ, грустный и скучающій, когда васъ здѣсь нѣтъ; у меня не хватило смѣлости пойти на Никитскую и сириваться о васъ... Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело переносить ваше отсутствіе и какъ я жалѣю, что покинулъ Заводъ. Всѣ мои опасенія воскресаютъ съ удвоенной силой и дѣлаютъ меня мрачнымъ. Я-бы хотѣлъ надѣяться и пр. Я считаю четверти часа, отдѣляющія меня отъ васъ...

А. Н. Гончарову.—*Москва, 7 июня.*—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Каждый день ожидалъ я общанныхъ денегъ и пушкныхъ бумажекъ изъ Петербурга, и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ этого мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до намятника (принадлежавшаго А. Н. Гончарову бронзовая статуя Екатерины II, которую онъ хотѣлъ продать), то я тотчасъ по своемъ приѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, ухажалъ-ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его вѣроятно не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Натальѣ Николаевнѣ и мнѣ. Снѣю надѣяться, что современемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ, жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почитеніемъ. *Пушкинъ.*

А. Н. Гончарову.—*Москва, 28 июня.*—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ Язолотову; главное дѣло:—не вооружить противъ себя Канкрвна, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтись. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непременно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремястами тысячъ) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависить единственно отъ произвола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ, и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемого успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрвна. Что касается до залога Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ, но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоценномъ для меня; мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обшачъ и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній,

препuruчаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю бытъ съ глубочайшимъ почитеніемъ. *Пушкинъ.*

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Сиб., 20 июля.*—Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи—я вочинилъ ее булавками—на второй та-же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г.—Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я рассчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. Наталья Кирилловна (Заряжская) въ деревнѣ. Катерина Ивановна въ Парголово (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока шше и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь—цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ маманъ, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ ны мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Сиб., между 20 и 30 июля.*—Передалъ-ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не росписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обшчали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ Натальѣ Кирилловнѣ. Приѣзжаю, обоимъ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія.—Вы женитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ-же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не пзвѣщали; Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о маманъ). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроеныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: Наташа знаетъ, какъ я люблю ее, Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто.—Потомъ она много разспрашивала о маманъ, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. Наталья Ивановна, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ Ивана Николаевича. Я былъ на маневрахъ, а онъ воротился въ Стрѣльню только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ хзаетъ одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложу моему отцу написать Аѳанасію Николаевичу; но, можетъ быть, онъ самъ приѣдетъ въ Петербургъ. Что подѣлываетъ la Grand'maman de Zavode—бронзовалъ, разумѣется? Эгого вопросъ не вызовутъ-ли васъ писать мнѣ? Что вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете-ли въ Ростовъ? будете-ли мнѣ писать? Впрочемъ, не изнугайтесь та-

кого множества вопросов: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это—такъ какъ вы меня всегда считаете сочинителемъ. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтинки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать наши профили и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: прому любви и жаловати. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданія.

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Сиб., 30 июля.*—Вотъ письмо Аванасія Николаевича, которое мнѣ пересылаетъ Иванъ Николаевичъ. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня загроудиетъ. Онъ получить дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли Патады Ивановны и безъ вѣдома вашего старшаго брата. По хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки—тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ Катерины Ивановны; она въ Царголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая: она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багряева, дочь Сперанскаго, прислала за мной, чтобы вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣмъ въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлыя часы передъ бѣлокурой мадовою, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если-бы она не стоила 40,000 рублей. Аванасію Николаевичу слѣдовало-бы вымѣнять ее на свою негодную grand-tante, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

И вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аванасія Николаевича, я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это—другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тутчасъ къ моему кузену, Канкрину, просить у него аудиенціи. Я еще не впадалъ съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой-же аудиенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклонъ всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.

P. S. Роспичаетесь-ли вы въ полученіи этого письма?

А. Н. Гончарову.—*Москва, 14 августа.*—М. Г. Аванасій Николаевичъ! По приказанію вашему, явился я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я вашему министру довольно неблагоклонимъ. Онъ говорилъ, что это дѣло зависить единственно отъ государя; я просилъ отъ него, по крайней мѣрѣ, не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя просимое вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что касается до позволенія передать памятникъ, то вы подумите немедленно бумагу на

имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависить отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. И.

А. Н. Гончарову.—*Москва, 24 августа.*—М. Г. Аванасій Николаевичъ! Сердечно жалью, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. И-бы за счастье почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ удобное.

Смерть дяди моего Василія Львовича Пушкина и хлопоты по этому печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выйти изъ долговъ, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ нижегородскую деревню, чтобы вступить во владѣніе ею. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависить рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ и проч. А. Пушкинъ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Москва, въ концѣ августа.* Я отправляюсь въ Нижній, безъ вѣтривости въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны поинноваться ей, я подпишусь подо всеми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можеть быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что-же до меня, то я дамъ вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. А. И.

П. А. Плетневу.—*Москва, 31 августа.*—Хорошъ! не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишетъ. Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукояновъ, въ село Водино. Пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже „30-ти лѣтъ жизни игрока“. Дѣла будущей теши моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому-же московскія снѣтки доходятъ до ушей пѣвсты и ея матери—отсель размовки, колкіе обиняки, неважельныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ; это любимое мое время: здоровье мое обыкновенно крѣпнеть, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаеетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ёду въ деревню; Богъ вѣсть, буду-ли тамъ имѣть время заиматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня надоумилъ бредить о счастьи, какъ будто я для него созданъ. Довольно было мнѣ довольствоваться независимостью, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ.—Грустно, душа моя.—Обнимаю тебя и цѣлую вашихъ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Болдино, 9 сентября.*—Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна—я у ваших ног, чтобы благодарить и просить вас о прощении за беспокойство, которое я вам причинил. Ваше письмо прелестно и вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может продолжиться вследствие обстоятельств, совершенно непредвидимого. Я думал, что земля, которую мой отец дал мне, составляет особое имение; но она—часть деревни из 500 душ, и нужно приступить к разделу. Я постараюсь устроить все это как можно скорее. Еще больше я боюсь карантинистов, которые начинают устанавливаться здесь. В окрестностях у нас Cholera morbus (очень миленькая персона). И она может удержать меня дней двадцать лишних. Сколько причин торопиться! Мой почтительный поклон Наталье Ивановне; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и пѣжностью. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слышкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine et Alexandrine (сестры Натальи Николаевны) за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрите, что я счастливъ только тамъ, гдѣ вы.

А. Н. Гончарову.—*Болдино, 9 сентября.*—М. Г. Аѳанасій Николаевич! Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны весенней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь пришла тучка. Вамъ угодно было сиротить у меня совѣта насчетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и скорее чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть-ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частыя благодѣнія государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастье быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. А. П.

П. А. Плетневу.—*Болдино, 9 сентября.*—Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо, милый мой Петръ Александровичъ, да вѣдь меланхолей тебя не удивить: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня колера-морбустъ. Знаешь-ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій,—знаешь-ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему; нахожу его въ забытій; очнувшись, онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ помолчалъ: какъ скучны статьи Катенина! И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на цитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело ударить отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена—свой братъ! При ней пиши сколько хочешь,—а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руку связываетъ... Сегодня отъ своей получила я премиленькое

письмо; общается выдти за меня и безъ приданого, приданое не уйдетъ; зоветъ меня въ Москву; я пріѣду не прежде мѣсяца, и оттуда къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь-ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтобы онъ мнѣ прислалъ денегъ; деньгами печего шутить, деньги вещь важная—спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшнія деревни! Вообрази: стѣна да стѣна, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ, сколько души угодно, пни дома, сколько вздумается—никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ паготовлю всячины, и прозы, и стиховъ.—Прости-жъ, моя милая.

Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе—не прислать-ли тебѣ его? Вспомни однакожъ, что ты обещалъ мнѣ свое: дѣльное, длинное.—А цѣна трагедіи? 10 или 12?

П. А. Плетневу.—*Болдино, 29 сентября.*—Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ-же отвѣчаю. Какъ-же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее понималъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковский! Вѣроятно, я выразился душно: по это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня душно припирять и заводять со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мною овладѣли. Неужто я хотѣлъ или думать отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ и угѣшался, чѣмъ ни повало. Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобы тетушки да бабушки да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ; но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная дуна &c. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ счастливы только дураки; а человѣкъ мыслящій беспокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ—я, а тутъ онъ будемъ мы. Шутка! Оттого-то я тещу и торопиль, а она, какъ баба, у которой долготъ лишь волосъ, меня не понимала, да хлопотала о приданомъ; чортъ его побери! Теперь понимаешь-ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково проживаешь? а я, окончивъ дѣла, ѣду въ Москву сквозъ цѣлую цѣль карантинистовъ. Мѣсяцъ буду въ дорогѣ,—но крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ (Луи) Филиппъ и здоровъ-ли Полныязъ; я-бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты-бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; вѣлаяйся съ меня женѣ и дочери.

П. А. Осиповой (по французски).—*Болдино, 29 сентября.*—Въ единственномъ Болдинѣ получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы вполне оцѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начерпанныхъ кѣмъ-либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. А. Принаюсь, я очень боялся за его здоровье и его ослабѣвшіе нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ: кажется, что боязнью отъ холеры замѣнилась грусть. Эта проклятая холера! При всѣхъ моихъ успѣхахъ, я не могу добраться до Москвы: меня оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантинныя, такъ какъ Нижегородская губернія—средото-

чье эпидемии. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которая въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слова *в с е г д а*, встрѣченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и знакомъ тѣхъ чувствъ, какія я питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалею, если эта фраза имѣетъ не дружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, что вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувствуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности, видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать счастью можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастье—это великое можетъ быть, какъ говорилъ Рабле о раѣ или о вѣчности. Я—атеистъ относительно счастья: я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немого скептикомъ. Иппъ только пріѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, что я панечталъ; отсюда же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданія. Вѣрьте моей совершенной преданности. А. Пушкинъ.

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, въ концѣ сентября.*—Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти съѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно налѣ духомъ. Вы очень добры и общаете мнѣ задержку въ Ботродинцѣ не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено нѣтъ карантинъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это—мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ околъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполовненнымъ грязью; за то иѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и сѣмью нады увязшими экипажами. Будъ проклять тогъ часть, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это. Что вы подѣлываете между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла и что говорилъ *le Grand papa*? Знаете-ли, что олъ мнѣ писалъ? *La Grand'maman*, говорить олъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи? Стоило-же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣгусъ. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинными, —развѣ это не самая дрянная шутка, каковую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь пренецаетствуетъ мнѣ повѣститься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ иѣкогда повѣсилъ фравцузца, *un outchitel*, аббата Николь, которымъ олъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять?—это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь нѣтъ карантинныхъ. Эти карантинны не выходятъ у

меня изъ головы. Итакъ, просните, мой ангелъ. Мои душевные поклоны Натальѣ Ивановнѣ, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и *m-r Serge* (братъ Н. Н. Гончаровой). Имѣтели извѣстие о другихъ?

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, 11 октября.*—Вѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдино. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишете мнѣ, не смотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили-ли вы Москву? иѣтъ-ли околнаго пути, который могъ-бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будъ олъ проклятъ!) нашей свадьбы не бывать. Но не правда-ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергаетъ себя опасности среди холеры было-бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только *la saignée* умираетъ съ холеры—все это прекрасно и превосходно; но все-же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хороший топпъ. Итакъ, вы въ деревнѣ хорошо укрыты отъ холеры, не правда-ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетень о нашемъ здоровьи! Мы окружены карантинными, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провозжу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злуюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится—до святости. Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда-ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ-бы дать крѣку и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крѣку; а ѣхать прямо въ Москву, значить, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!). Вотъ, по истиннѣ, плохія шутки. *Je ris jaime*, какъ говорятъ *puassaraki*. Прощайте. Повсргните меня къ ногамъ вашей маман: мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую копчики вашихъ крыльцевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.

Н. Н. Гончаровскій—*Болдино, конецъ октября.*—Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умѣю, такъ позволяйте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по-чухонски, да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что въ перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что нисмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я—пренесчастное животное ужъ безъ того! Гдѣ вы? что вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его нисма, по обикновенію, для меня не интересны. Въ чум-

ное время дѣло другое; радъ писъму проколо-
тому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ—и
то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я приѣду къ
вамъ черезъ Пенау; если вы въ Москвѣ, т. е.
въ московской деревнѣ, то приѣду къ вамъ че-
резъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-
Богу не шучу—но напишите мнѣ, гдѣ вы, а
письмо адресуйте: въ Лукояновскій уѣздъ, въ
село Абрамово, для пересылки въ Болдино.
Скорѣй дойдемъ. Простите. Цѣлую ручку у
матушки: кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

П. А. Плетневу. — *Болдино, 28 октября.*—
Я сунулся было въ Москву, да узнавъ, что ту-
да никого не пускаютъ, воротился въ Болдино
да жду погоды. Ну, ужъ погоды! Знаю, что не
такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ; знаю,
что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки—
да отдаленность, да неизвѣстность—вотъ что
мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я
своимъ, чтобы они меня ждали черезъ 25 дней.
Невѣста и перестала мнѣ писать, и сдѣла-
ла, что она, до сихъ поръ не вѣдаю. Каково!
то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не на-
писыхъ прочихъ, такъ сказать—по до того до-
ходить, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ
голову не лѣзутъ, хоть осень чудная: и дождь,
и свѣтъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя;
надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы; но
куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ
Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ на-
писыхъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельви-
гу, чтобы онъ крѣпился; что я къ нему явлюсь не-
премѣнно на подмогу зимой, коли здѣсь не око-
лѣю. Покаместъ онъ ужъ можетъ заказать
виньетку на деревѣ, изображающую меня го-
ленькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ под-
держивающаго Лиг. Газету. Что моя трагедія?
Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ей на
сѣдѣніе исамъ журнальничъ. Я хотѣлъ ее по-
святить Жуковскому со слѣдующими словами:
„Я хотѣлъ-было посвятить мою трагедію Ка-
рамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то по-
свящаю ее Жуковскому“. Дочери Карамзина
сказали мнѣ, чтобы я посвятилъ любимый трудъ
памяти отца. И такъ, если еще можно, то на-
печатать на заглавномъ листѣ:

„Драгоценной для Россіи памяти Николая
Михайловича Карамзина сей трудъ, Гениемъ его
вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностью
посвящаетъ А. Пушкинъ“.

А. А. Дельвигу. — *Болдино, 4 ноября.*—По-
сылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать,
именуемую цѣбочною, изъ причинъ, что пла-
тится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ.
Довошу тебѣ, моему владыцѣ, что вышедшая
осень была дѣтородна, и что коли твой сми-
ренный вассалъ не околѣетъ отъ сарадинска-
го падежа, холерой именуемаго и занесеннаго
намъ кресговыми войнами, т. е. бурлаками, то
въ замѣкъ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни
трубадуровъ не умолкнуть цѣлый годъ. Я, ду-
ша моя, написалъ пропастъ полемическихъ
статей, но, не получая журналовъ, отсталъ отъ
вѣска и не знаю въ чемъ дѣло и кого надле-
житъ душить, Полевого или Булгарина. Отецъ
мнѣ ничего про себя не пишетъ, а это безпо-
коитъ меня, ибо я все-таки его сынъ, т. е. ми-
нотелень и хандрилъ (каково словечко!) Скажи
Плетневу, что онъ расцѣловалъ-бы меня, видя
мое осеннее прилежаніе.—Прощай, душа, на
другой почтѣ я, можетъ быть, еще что-нибудь
тебѣ пришлю. А. П.

Р. С. Я живу въ деревнѣ, какъ на островѣ,

окруженный карантинми. Жду погоды, чтобы
жениться и добраться до Петербурга; но я объ
этомъ не смѣю еще и думать.

Н. Н. Гончаровой (по французски). — *Бол-
дино, 4 ноября.*—9-го (октября) вы были еще въ
Москвѣ!—мнѣ нишеть о томъ мой отецъ; онъ
пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась.
Недостаточно-ли того, чтобы повѣситься? Я ска-
жу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 ка-
рантинновъ. Чего лучше? Теперь я расскажу вамъ
анекдотъ. Одни изъ моихъ друзей ухаживалъ за
хорошенькой женщиной. Разъ приходить онъ
къ ней и находить на ея столѣ альбомъ, ко-
торого онъ не зналъ—онъ хочетъ посмотреть
его—дама бросается и вырываетъ у него аль-
бомъ. Мы такъ-же иногда любопытны, какъ и
вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ
ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства сво-
его ума, чтобы заставить возвратитъ ему аль-
бомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ дол-
женъ отказаться. Нѣсколько времени спустя,
эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ при-
сутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ не-
счастливаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящи-
кахъ покойной. Мой другъ видитъ таинствен-
ный альбомъ, овладѣваетъ имъ, открываетъ:
альбомъ весь чистый, за исключеніемъ одной
страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе че-
тыре плохіе стиха наз. „Кавказскаго альпинка“:

Не долго женскую любовь

Печалить хладная разлука:

Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда
я говорю: о другомъ — я хочу сказать: reve-
non à nos montons. Какъ вамъ не стыдно оста-
ваться на Никитской во время чумы? Это
очень хорошо для нашего сосѣда, Адриана, ко-
торый отъ этого большіе барыши получаетъ.
Но Наталья Ивановна, по вы!—ей-же-ей, я васъ
не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ.
Думаю, что Вятка еще свободна. Въ такомъ
случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пи-
шите мнѣ: въ Абрамово, для доставленія въ
Болдино; ваши писъма дойдутъ всегда до меня.
Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните
меня къ ногамъ вашей матушки.

Мои поклонны всему семейству.

Ня. П. А. Вяземскому. — *Болдино, 5 ноября.*—
Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Мо-
скву, получивъ вѣстіе, что невѣста ея не по-
кидала. Что у ней за сердце! Твердую дубовую
корой, „тройнымъ булатомъ грудь ея воору-
женна“, какъ у Гораціева мореплавателя. Она
мнѣ пишетъ очень мило, хотя безтемперамент-
ное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ звать о те-
бѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ
тебя получилъ вѣстіе. Ты говоришь: худая
вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не ви-
дишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а
мы еще психируемъ? Ни одной карты надѣво, а
мы все-таки лѣземъ. Подѣломъ, если останемся
голы, какъ бубны.—Здѣсь я кое-что написалъ;
но досадно, что не получалъ журналовъ. Я
былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ-бы ихъ на
ихъ-же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ
тобою: и нашего тутъ канья меду есть.—Радую-
сь, что ты принялся за Фонвизина. Что ты
ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все
будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ
истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины)
нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сы-
щеть. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны

этих пух-дурь. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри, что за черестрѣлка подымется. — Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно словая шипика: вошла хорошо, а выйти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой (Елиз. Млх. Хитрово) не имѣю никакого извѣстія. О Подлинякѣ тоже. Кто платить за шампанское, ты или я? Идаль, если я. Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я-бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. всякую почту по листу кругомъ — и читалъ-бы въ нижегородской глуши *le Temps et le Globe*. Каковы государи! Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ простигутъ. Дай Богъ ему здоровья. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровья, друзья. Покаместъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ тигломъ „ваше здоровье“; тигло завидное, безъ котораго всѣ прочіе ничего не значать.

Н. Н. Гончаровой (по французски). — *Болдино, 18 ноября*. — Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на болыную дорогу, я видѣлъ, что вы были правы — 14 карантинныхъ были только аванпостами, а настоящихъ карантинныхъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную: — Вы не по казенной надобности извозите ѣхать? — Итъ, по собственной, самоужитѣйшей. — Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ. — Давно-ли? — Да ужъ около 3-хъ недель. И эти... губернаторы не даютъ этого знать? — Мы не виноваты-съ. — Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать — ѣду назадъ въ Лукояново; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ заключеннаго мѣста. Предводитель зѣвшій не знаетъ, можетъ-ли, послѣ побѣдки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. И пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, — сижу въ Болдинѣ, да биспу. Вотъ каковы образокъ я процѣлалъ 400 персгъ. не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Эго не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ-разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудрился перемѣнить пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній — изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) проглатывается теперь не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ, когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь пость (скажете матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торониться: предоставляю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. Надихъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову: онъ пѣтѣкаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и признайте мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ нашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ.

М. П. Погодину. — *Болдино, въ ноябрѣ*. — Изъ Можовскихъ Вѣдомостей, единственнаго жур-

нала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантинны опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ великимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаешь, что я холерой схваченъ или зачухъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что моя невѣста. Знаете-ли вы, можете-ли узнать? Ради Бога узнайте и опишите мнѣ въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ приплете мнѣ вѣчную свою трагедію („Мароа Пасадица“), то вы будете моимъ благодѣтелемъ. Я-бы на досугѣ васъ раскритиковалъ. А то ничего не дѣлаю, даже брашусь не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровья Полевою! его второй томъ со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Цаѣмоса моего апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хогъ въ Вѣдомостяхъ; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять н къ кому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешите Дельвигу, но также безъ моего имени и не мою рукою переписанную.

М. П. Погодину. — *Болдино, въ концѣ ноября*. — Я — было опять къ вамъ попытаться: доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ смотритель, увидѣвъ, что я ѣду по собственной, самоужитѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурнѣ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? Въ утѣшеніе пашель я ваше письмо и Мароу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — Я-было, признаюсь, боялся, чтобы первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но итъ — я все-таки притомъ-же мѣтніи: «Мароа» имѣтъ европейское, высокое достоинство. Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности и съ языкомъ поступаете, какъ Іованнъ съ Новымъ городомъ. Ошибки грамматическихъ, противныхъ духу его — утѣчений, сокращеній — тьма. Но знаете-ли? и эта бѣда — не бѣда. Изыку вашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность. Скоро-ли выйдетъ ваша „Мароа“? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что требуетъ перемѣны. До другаго изданія. Покаместъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто — разговоръ Борецкаго съ Іованномъ: Іованнъ не сохраняеть величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ претелателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ сншкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ-бы онъ развѣ съ бояриномъ Іованна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іованну. Развивъ драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политку, вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего. Вы принуждены были даже заставить его изясниться слогомъ, вѣскольکو надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — остальное надобно будетъ хвалить при званіи Івана Великаго, что п выполнятъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь А. П.

P.S. О слогѣ уомяну я вкратцѣ, предоставляя его журналамъ, которые, вѣроятно, подымутъ его на паря (и подѣломъ), а вы ихъ послушайте. Для васъ-же пришла я подробную критику надстрѣчную. Простите, до свиданія. Поклонъ Лыкову. — Что за прелесть сена пословъ!

Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго.

А. Н. Верстовскому. — *Болдино, въ концѣ ноября.* — Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова отцѣпленъ, остановило меня еще на дѣлѣ. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ; во-первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ; во-вторыхъ, потому что я надѣюсь быть ему долженъ; въ-третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живого, т. е. умнаго и дружескаго. Итакъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго (Мин. Внутр. Дѣлъ) не предается унынію (для чего не худо поссориться ему съ Павловымъ, яко съ лицомъ, уныніе наводящимъ).

Не можемъ вообразить, какъ неприятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно...

Н. Н. Гончаровой (по французски). — *Болдино, 26 ноября.* — Судя по вашему письму отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ пужно объяснить. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я вереть за тридцать отсюда къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантинны, какой путь самый крайній и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня изъясъ разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространялась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, плн, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ Нижній. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ Лукояновѣ (такъ какъ Болдино не заражено); въ то-же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботился обо мнѣ comme de l'an 40) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Приѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не пайти васъ тамъ, и если-бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ слухъ, что Москва оцѣплена, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы новее и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, приѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подѣ тѣмъ предлагаютъ, что я выбранъ для надзора за карантинными моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ Нижній. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не знаетъ: такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблюдали мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужден-

ное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говорить, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣтаете надо мной. Затѣмъ кланяюсь вамъ.

Р. S. Абрамовъ — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ вы полагаете, — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; Лукояновъ отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе. Я не передалъ вамъ и половинны всѣхъ неприятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если-бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся-бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.). — *Платово, въ концѣ ноября.* — Вотъ и еще одинъ документъ. Переверните страничку.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не выпускаютъ, потому что я на перекладной, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю Дмитрію Голицыну о моѣ несчастномъ положеніи и просить его употребить свое влияние для моего пропуску въ Москву. Приветствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку, и все семейство. Надѣюсь я писалъ вамъ письмо нѣсколько жесткое; по это потому, что у меня голова вела кругомъ — простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ, я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу-ли я васъ черезъ 75 дней.

Р. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

Н. Н. Гончаровой (по франц.). — *Платово, 2 декабря.* — Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней — послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пините мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боясь, не разсердился-ли я васъ. Если-бы вы звали всѣ неприятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы-бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно припалъ-бы эту должность, если-бы въ то-же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ — мои несчастныя помысли убраться; потомъ — извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ — ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ Нижнемъ ради этой sacrée княгини Голицыной? Знаете-ли вы эту кн. Голицыну? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жесткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда васъ на двѣ недѣли посадятъ подѣ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!

Нижній больше не отцѣпленъ — карантинъ бы-

ли уничтожены во Владимирѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о святин карантинна. Если-бы вы могли представить себѣ четвертую часть беспорядковъ, произведенныхъ карантинными, то вы все-таки не могли-бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и m-g Serge.

П. А. Платневу. — *Москва, 9 Декабря*. — Милый! Я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу, озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ, но—славу Богу—сладилъ. Насилу прорвался я и сквозь карантинъ: два раза выѣзжалъ изъ Болдинна и возвращался. Но, славу Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе: здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мелн. Чтѣ Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ чтѣ я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Овѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадутъ анониме; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единого); написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынский ржетъ и бьется, и которая напечатаетъ также анониме. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль,—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать кофетный билетецъ этого несноснаго Лавина (четверостишие Казимира Делавина въ предполагаемый памятникъ жертвамъ июльскихъ дней. Дельвигу сдѣланъ былъ за это въ III Отдѣленіи строгій выговоръ, который отчасти былъ виною постигшей его вскорѣ смертной болѣзни). Но все-же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣмъ не только митежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпіоны-литераторы зайдутъ его, какъ барана, а не какъ барона. Прости, душа: здоровъ будь—это главное.

П. В. Нащокину. — *Москва, въ декабрь*. — Сей часъ ѣду Богу молиться (съ Гончаровыми) и взять съ собою послѣднюю сотню. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой татаринъ, и коли можешь, достань съ своей стороны тысячи двѣ.

Къ неизвѣстному лицу (черновое). — Я охотно взялся-бы выкупить векселя (но слѣдующіе намъ 24,800 рублей обязанъ выслать въ теченіе четырехъ лѣтъ); но срокъ онымъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣдовательно... Я никакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все, чтѣ могу:—за вашъ 25-тысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% въ годъ, т. е. 18 тысячъ рублей. Въ такомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ, и я не премину, чрезъ васъ, или чрезъ кого вамъ будетъ угодно, доставить вамъ...

Неизвѣстной дамѣ (черновое, по французски). — Вы издѣваетесь надъ моимъ нетерпѣніемъ: вамъ доставляетъ особое удовольствіе приводить меня въ недоумѣніе; мнѣ удалось увидѣть васъ только завтра—пусть будетъ такъ! Я не могу однако заниматься только вами однимъ. Хотя видѣть и слышать васъ было-бы для меня блаженствомъ, я тѣмъ не менѣе предпочитаю писать вамъ, а не говорить. Въ васъ есть пропія и сарказмъ, которые озлобляютъ и отнимаютъ надежду. Въ вашемъ присутствіи имѣеть языкъ и чувствуется какое-то томленіе. Навѣрно, вы—демонъ, т. е. духъ сомнѣнья и отрицанія, какъ сказано въ Священномъ Писаніи. Недавно вы жестоко отовоелись о прошломъ: вы сказали мнѣ, что я старался не вѣрить въ теченіе семи лѣтъ... Зачѣмъ это? Счастье чувствовалось мною такъ полно, что я не узналъ его, когда оно было передо мной. Не говорите мнѣ болѣе о немъ, Бога ради. Сожалѣніе, когда все дѣлается извѣстнымъ, это острое сожалѣніе, соединенное съ какимъ-то сладострастіемъ, похожее на бѣшенство де...

Дорогая Элеонора, позвольте мнѣ назвать васъ этимъ именемъ, напоминающимъ мнѣ лучшія чтенія вмѣстѣ съ увлекавшимъ меня тогда сладкимъ призракомъ и вашу собственную жизнь, столь порывистую, бурную и отливную отъ того, чѣмъ-бы она должна была быть. Дорогая Элеонора, вамъ извѣстно, что я не пыталъ на себѣ всю силу вашего обаянія и обязанъ вамъ тѣмъ, чтѣ любовь имѣть самого сладостнаго. Отъ всего этого у меня осталась одна привязанность — правда, очень нѣжная — и немного страха, котораго я не могу поборотъ въ себѣ. Если вамъ когда-нибудь попадутся на глаза эти строки, я знаю, чтѣ вы тогда подумаете: «онъ оскорбленъ прошлымъ вотъ и все; онъ заслуживаетъ, чтобъ я его вновъ...» Не правда-ли?

А между тѣмъ, если-бы я, принимался за перо, вздумалъ васъ просить о чемъ-нибудь, то я, право, не звалъ-бы — о чемъ. Да... развѣ о дружбѣ. Эта просьба была-бы вульгарна, какъ просьба нищаго о кускѣ хлѣба. На самомъ же дѣлѣ мнѣ нужна ваша истинность... А между тѣмъ вы все такъ-же хороши, какъ въ тотъ день, когда ваши губы коснулись моего лба. Я чувствую еще до сихъ поръ ихъ близость и невольно превращаюсь въ правотѣрнаго; но вы будете... Эта красота подымается какъ лавина; le monde aura votre âme—restez debout quelque temps encore, etc.

1831.

Н. А. Полевому. — *Москва, 1 января*. — М. Г. Николай Алексѣевичъ, искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа; пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жаль, что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ. Съ истиннымъ уваж. п пр. Пушкинъ.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, 9 января*. — Стихи твои—прекрасны. Не хочется мнѣ отдавать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масляницѣ альманахъ «Блины». Жале, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь-ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отменно храбръ и готовъ

мазать свой блинъ жиромъ Булгарина и проку Полевого. Пошли ему свои сатирическія статьи, кои есть. Знаешь-ли ты, какие подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Целѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жалъ: въ Борисѣ моемъ вылучены народныя сны, да скоромнища французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное. Съѣхъ ты что-то блѣдны. Каковъ путь Дельвиго, въ круглый годъ ничего самъ не писавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ я у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенъ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романтически трогательно, а все-таки палата права. Рѣчамъ адвокатовъ я недоволенъ—все они робки. Одинъ Ламенъ въ состояніи былъ бы *aborder bravement la question*. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: *il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre*. Здѣсь нѣтъ биса объ закладъ, бутылку V. C. P. (марка) противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Деньги здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый *Eloge* Раевского. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Кирѣвскій пашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Луза (Хитрово) пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія пропешества произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Еслибъ я былъ холостъ, то съѣздишь-бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящій Татьяной-пышкой. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: «пріѣхали сани»:

Д—Митюша Давыдовъ съ ноздрями,
В—Петруша Вяземскій съ очками,
Г—Федюша Гагаринъ съ усами,

Дѣвокъ испугали

И всѣхъ разогнали и пр

Знаешь-ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

П. А. Плетневу. — Москва, 7-го января. — Что съ тобой, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко (Гнѣдичу) прочелъ; отвѣтъ его не прочелъ. Знаю, что ты живъ — а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Уже не запретилъ-ли тебѣ ген.-губернаторъ имѣть со мною переписку? Чего добраго! Уже не серднишься-ли? Кажется, не за что. Огвѣчай-же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвиго ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ съ своими крестьянами, мы трудимся — а онъ сидитъ на с... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоприятно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь! — Бѣдный Глинка работаетъ, какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ гора рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья (Бога)? . . .

Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пинутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора? — Какъ-бы то ни было, я успѣхъ трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то-ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ уналъ; что моя трагедія подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ рیمъ — не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоприятно, и тому подобныя глубока критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда вѣщевъ, а о французяхъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ, какъ наши: «Помяните-ся!» Любопытво будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, пѣзъ которыхъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло: прочіе — попутанъ или сорокинзовскій, который караванъ одну нмъ затверженную — Прости, мой ангелъ! — Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ. Кстати: поэма Баратынскаго — чудо. Addio.

П. А. Плетневу. — Москва, 13 января. — Пришли мнѣ, мой милый, экземпляръ 20 Бориса для московскихъ прощальгъ: не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женись въ семь мѣсяцѣ, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ намъ. Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь — какъ теткѣ хотять. Теща моя — та-же тетка. То-ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, принѣваючи, независимо и не думая о томъ, «что скажетъ Марья Алексѣвна». Что Газета наша? Надобно намъ о ней и о д у м а т ь. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе бы быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи писать одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я ни былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ-бы читать и писать, то я бы каждую недѣлю писалъ обзорныя литературное, — да лхъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Вирочемъ, посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ деньги, и я скажу тебѣ спасибо. Да что-жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

А. Х. Бенкендорфу. — Москва, 18 января. — Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать кингпечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно ваше пр—во, какъ

голосъ высочайшаго благоволенія, и какъ чело-
вѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь сине-
ходительное участіе.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, въ половинѣ января*. — Постараюсь взять отпускъ и при-
ѣхать на именины къ тебѣ. Но не общаюсь.
Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ соби-
рается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и испол-
нилъ твое препорученіе, допросилъ его о Фон-
визинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ
Фонвизина, который нѣсколько времени жилъ
съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beau-
marchais pour la conversation. Онъ знаетъ про-
насть его bons-mots, да не припомнитъ. А пока-
мѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, тра-
гикъ, встрѣтя Фонвизина, спросилъ у него,
запкаясь по своему обыкновенію: видѣлъ-ли ты
мое Агіріону?—Видѣлъ. Что-жъ ты скажешь
объ этой трагедіи?—Скажу: Агіріона .. Остро
и неожиданно! Не правда-ли? Помѣсти это въ
біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Те-
лескона (друга Агіріона), то у меня его пока-
мѣстъ нѣтъ. Да напиши къ Саласу, чтобы онъ
тебѣ всю эту дрянъ послалъ. Твою статью о
Пушкинѣ (В. Л.) пошлю къ Дельвигу. Что ты
чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Ма-
ксимовичу однакожь отдалъ О бозы, скрѣпя
сердце. Клянюсь клянишъ и благодарю за лю-
безный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи,
говорятъ, бури; чернь сожгла домъ Веллингто-
на. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, 20 января*. —
Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Пе-
тербурга: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Се-
годня ѣду къ Салтыкову, онъ, вѣроятно, уже все
знаетъ. Оставь Адольфа (романъ) у меня—на-
дняхъ переishу тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ (женскаго рода неимѣетъ)—житель или
уроженецъ Аравіи, аравитининъ. Караванъ
былъ разграбленъ степными ара-
бами—Арабъ, жен. арабка, такъ обы-
кновенно называютъ негровъ и мулатовъ.
Дворцовые арапы: негры, служашіе во
дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя на-
радиыми арапами.—Арапинъ, отъ
польскаго herapnik (de harap, cri de chas-
seur pour enlever aux chiens la proie. Reiff.) NB.
Harap vient de Hera b.

А право, не худо-бы взяться за лексиконъ,
или хоть за критику лексикоповъ.

П. А. Плетневу. — *Москва, 21 января*. — Что
скажу тебѣ, мой милый! ужасное извѣстіе по-
лучилъ я въ воскресенье. На другой день оно
подтвердилось. Вчера ѣздивъ я къ Салтыкову
объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ
получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ
первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ
подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко со-
жалѣлъ о немъ какъ русскій, но никакъ на свѣтъ
не былъ мнѣ ближе Дельвигъ. Изъ всѣхъ
связей дѣтства онъ одинъ оставался на в-
иду—около него собиралась наша бѣдная куч-
ка. Безъ него мы точно оспрогѣли. Считаю по
пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій—
вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, ко-
торый сильно пораженъ его смертію. Говори-
ли о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ,
и этотъ эпитетъ былъ столь-же страненъ,
какъ и страшенъ. Нечего дѣлать: согласился:
покойникъ Дельвигъ—быть такъ.—Баратын-
скій болѣе съ огорченія. Меня не такъ-то лег-

ко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и поста-
раемся быть живы.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, конемъ ян-
варя*. — Къ тебѣ собираюсь. Но по службѣ дол-
женъ пропесті сегодншній и завтрашній день
въ Москвѣ у неѣсты. «Сѣв. Цвѣты» еще не по-
лучилъ. «Борисъ Годуновъ» здѣсь, но у меня
его еще нѣтъ. Поклоніи мой всѣмъ вамъ.

П. А. Плетневу. — *Москва, 31 января*. — Сей-
часъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis
est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ
болѣе не нужно. Отдай Софін Михайловичъ (Дель-
вигъ) остальные 4000 р.—и тебя болѣе безпо-
коить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными
Цвѣтами—по мнѣ жалъ, если это будетъ ущербъ
Сомову. Онъ былъ искренно къ нему при-
вязанъ—и смерть нашего друга ста-ли не ему
всего тяжелѣе: чувства души слабѣютъ и мѣ-
няются; пужды жизненные не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дель-
вига. Мы все поможемъ ему нашими воспоми-
наніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ—
былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго раз-
витія его поэтической души и таланта, которому
еще не отдали мы должной справедливости. Съ
нимъ читалъ я Державина и Жуковского—съ
нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ,
что сердце томить. Я хорошо знаю, однимъ сло-
вомъ, его первую молодость; но ты и Баратын-
скій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы
были свидѣтелями возмужалости его души. На-
пишемъ-же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь
богатую не романтическими приключеніями, но
прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ ра-
зумомъ и надеждами.—Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій въ
Петербургѣ,—обвиняй его за меня. Полюби его,
если ты его еще не любишь. Въ немъ много
прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мелочи
характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гидичу посылать свои
стихи въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречъ от-
казался.—Какъ можно чертить мнѣологическое
вадгробіе въ н....? И что есть общаго между
поэтомъ Дельвигомъ и г.—чистомъ полиней-
скимъ Оадедемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St.-Flo-
rent (т. е. къ его преемнику) и расплатись съ
нимъ за меня—я, помнится, долженъ ему около
1000 р. Извини меня передъ нимъ—я было со-
всѣмъ о немъ забылъ.—Что вдова?

М. П. Погодину. — *Москва, февраль*. — Вотъ
вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость,
одинъ экземпляръ Никодиму Надоумѣ, при-
славшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ
во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ
лучше?) Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Году-
новъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня ди-
козника.—Выдавайте-жъ «Марю».

Н. И. Кривошеину. — *Москва, 10-го февраля*. —
Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочи-
неніе (Борисъ Годуновъ). Ты нѣкогда баловалъ
нервы мои опыты, будь благосклоненъ и къ про-
изведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ
своемъ уединеніи? Ныпѣшней осенью былъ я не-
далеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ
тобою увидѣться и поболтать о старинѣ. Ка-
рантинъ мнѣ помѣшал. Такимъ образомъ, Богъ
вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять.
Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги,

а я женатъ, или почти. Все, что-бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безцѣдно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому-же, я женился безъ уносна, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивлять меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью. У меня сегодняшнее. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. Надвяхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю.

П. А. Плетневу. — Москва, 16 февраля. — Чрезъ нѣсколько дней я женюсь и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 33,000 р. и вотъ имъ распределение: 11,000 тебѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобы дочь ея была съ приданнымъ; ниши продало. 10,000 — Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ; деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ июлѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя, а дѣлать нечего. Теперь понимаешь-ли, что значитъ приданое и отчетъ я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи; не входитъ въ долги для ея тряпокъ — я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ востоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нея, каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ-ли долгъ Дельвигу? Не продасть-ли она мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Александровичу (Салтыкову: ея отцу), что она здорова. Кто правъ? Что-жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынский не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ &c.

А. Н. Гончарову. — Москва, 24 февраля. — Милостивый государь, дѣдушка Афанасій Николаевич! Слѣшу навѣстить васъ о счастьи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣпной вѣнчки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были-бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору-ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ (старшій братъ Натальи Николаевны) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь насчетъ приданого; моя усиленная просьба состоитъ въ томъ, чтобы вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія: мы-же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу оного и представляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастье быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ. А Пушкинъ.

П. А. Плетневу. — Москва, 24 февраля. — Мой милый, я очень беспокоюсь о тебѣ. Говорятъ въ Петербургѣ грини: боюсь за твою дочку. На всякій случай, жду отъ тебя письма.

Я женатъ — и счастливъ. Одно желаніе мое: чтобы ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вамъ визитную карточку; жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Степанидѣ Александровнѣ (женѣ Плетнева).

Прости, мой другъ. Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковского. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гиббича (въ членъ Главнаго Управленія училищъ). Оно дѣлаетъ честь государю, котораго искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по-царски. Addio. Будьте-жъ все здоровы.

Н. И. Хмѣльницкому. — Москва, 6 марта. — М. Г. Николай Иванович! Слѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь легкое для моего самолюбія; я-бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Вибліотеку, но вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра; а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

Р. С. Давъ официальный отвѣтъ на официальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей данн. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но не сорвите меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столь-же, сколько васъ люблю. Весь вашъ

П. А. Плетневу. — Москва, 26 марта. — Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не носѣдовало-ли вновь тебѣ отъ ген-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго! Не болѣнь-ли ты? все-ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься, да понапрасну друзей своихъ пугаешь? Покажься вотъ тебѣ подробное допесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны, — и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправлюсь въ Петербургъ. Знаешь-ли что? мнѣ, мочи нѣтъ, хотѣлось-бы къ вамъ недѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ Мысль благословенная! Лѣто и о сепъ, такимъ образомъ, провелъ-бы я въ уединеннѣй вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А домъ, вѣроятно, пишъ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, двора нѣтъ — квартира пустыхъ много. Съ тобою, душа моя,

видѣлся-бы я всякую педѣлю, съ Жуковскимъ также—Петербургъ подѣ бокомъ, живая дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай съ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Беллизара (фр. книгопродавецъ) я получилъ въ благодареніе. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare въ домъ Хитровой на Арбатѣ. (Домъ сей ванялъ я въ память своей Элизы: скажи это южной ласточкѣ, смугло-румяной красотѣ нашей (А. О. Россети). Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошлый годъ (за нынѣшній не нужно, самъ за нимъ приѣду), да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига; объ альманахѣ переговоримъ. Я не врючъ издать съ тобою послѣдніе С. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковский очень доволенъ «Марею Посадницей». Если такъ, то пусть-же выхлопочетъ онъ, у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе, чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неравенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодивъ — очень, очень дѣльный и честный молодой человекъ, истинный пѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда-бы не худо посадить на оустьвшую кафедру Мерзлякова, добраго пѣлнца, но ужаснаго невѣжды. Это была-бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предрассудками и вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 35.000 р., я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою жену и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію оттого, что ихъ дѣла разстроены, частію и оттого, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жаждуся, ибо женка моя — прелесть не по одной паружности, и я не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ сдѣлать. Инакъ, до свиданія, мой милый.

А. С. Пушкину. — Москва, 6 апрѣля. — Все было рѣшено. Идали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бенкендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Правоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; по кабы ты не былъ болтунъ и не нанивался-бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ-бы уже быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкалъ невозможно. Немедленно потѣжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

П. А. Плетневу. — Москва, 11 апрѣля. — Воли твоя, ты неспосенъ: нн строчки отъ тебя не дожدهшься. Умеръ ты, что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣвъ возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обнимай моего Дельвига. Если-же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Приѣзжать-ли мнѣ къ вамъ, остановиться-ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоела. Ты скажешь, что и Петербургъ малытъ чѣмъ лучше; но я, какъ Артуръ Потockій, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'enpuiser autrement. Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ,

то литература не можетъ не согрѣться и чего-нибудь да не произведетъ: альманаха, журвала, чего добраго — и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ Иванъ Фоминина, книгу, едва-ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ вышутъ у насъ книги (все-таки пеключая Карамзина). Петръ Ивановичъ (Романъ Булгарина «П. И. Выжигинъ») приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публичку? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина И-го я еще не посягалъ: а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю. Не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое я еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ привезу, потому и не посылаю.

Что баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ — прелесть! Христосъ воскресъ!

И. А. Плетневу. — Москва, 6 апрѣля. — Ты правъ, любимецъ мужъ — должно быть аккуратнымъ, хотя эта и пѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. И такъ, вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю слишкомъ гладко. Слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно вышетъ для молодого лиценста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это — второй томъ Подоліинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человека, да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше — по вѣдъ 200 рублей лишнхъ насъ не разорять. Садика намъ не будетъ нужно, нб) подѣ бокомъ будетъ у насъ садикъ. А нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе-же! И толчасъ давай намъ и знать, что все-де готово, и милости просимъ приѣзжать; а мы тебѣ какъ свѣтъ въ голову.

Обнимай Жуковского за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ перенисываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. И такъ, «былое съ нимъ сбывается опять» (Изъ Жуковского). Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады: переводы или сочиненія? Дмитріевъ, думая критиковать Жуковского, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковский, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ приандскимъ и германскимъ. Если все еще его не сѣтъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Мивену, особенно легенды о кievскихъ чудотворцахъ; прелесть простоты и вымысла!

Перечитывая письмо и вижу, что я не акуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) насколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира? — Отвѣтъ: 1) На какой-бы то ни было улицѣ Царскоевской. 2) До января, и потому квартира должна быть теплая. 3) Былъ-бы особый кабинетъ, — а прочее мнѣ все равно.

Засимъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе

П. В. Нащокину. — *Петербург, вь мать.* — Приѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демуровъ трактиръ, и надняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ сейчасъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. Надняхъ отправляю тебѣ 2000 р. для Горчакова; не знаю, получилъ-ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ переписку? Чтѣ ты дѣлаешь, душка? Чтѣ твоя хозяйка? Чтѣ Марья Ивановна (быв. экономка), спровадилъ-ли ты ее? И чтѣ твои хлопоты касательно моего дома (старая квартира) и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинилъ ее не стужу. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

П. В. Нащокину. — *Петербург, вь мать.* — Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня предъ Горчаковымъ, онъ получилъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или итъ-ли у него здѣсь долговъ, или не хранилъ-ли ее до его приѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандря.

П. В. Нащокину. — *Царское Село. 1 июня.* — Вотъ уже ведѣлъ, какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришла тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановой и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я-бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому приостановился. Теперь, кажется, все сладко и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа, сдѣлственно безъ большихъ расходовъ и безъ силетель. Какъ ты ладилъ съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ытъ-ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой женой, Кат. Ив. Загряжской, и я рекомендовалъ его, какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобы дѣдушка (А. Н. Гончаровъ) его не надулъ — смотри за нимъ. Чтѣ твои домашнія обстоятельства? Не отыскался-ли жепихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села приѣхалъ-бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны (пыгачки, жившей у Нащокина), и увезъ-бы тебя въ Петербургъ. То-то-бы зашли! Опять-бы завелись и арапы, и карлики, и сотерны, и пр. — Прощай, и ниши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: еслия потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другаго. Мы съ женой тебя всякій день помнимъ. Опа тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще пока не ѣздываемъ, и она очень по тебѣ скучаетъ.

Я сейчасъ увидѣлъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ Вельтмана, очень неблагоклонный и несправедливый; чтобы не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: подѣлился исповѣнью събѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Чтѣ Вяземскаго тысяча?

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 11 июня.* — Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ весь мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не

имѣю; да и вѣкто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются-ли письма? Пожалуйста, не лѣнься. Съ Павловымъ не играй, съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да приѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; пасилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы — и медленностію усѣхонъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильно и о томъ, что Храповицкаго будто-бы поѣтили. Ужасно, но надѣюсь, неправда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда-ли, что въ Твери карантинъ? Ёкій годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, вь июнь.* — Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на него на всякій случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрачникомъ я расчитался; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавляю. Я не очень повиною, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ-же когда-нибудь; покажѣть мы ве застрахованы, а застрашены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Царское Село отпѣлено — такъ, какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за жалости принца сѣкли его нажъ. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная ко мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не пымъ никакихъ извѣстій: и дѣдушка, и тепа отмачиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинъ-кѣ муженька такого смирнаго. Чтѣ-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ (Поливановъ)? Твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ досыта. Воображаю его въ «Заводахъ» en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходною ходящую около дочерей, крѣпко заключенныхъ. Чтѣ Александръ Юрьевичъ? Остылъ, али итъ? Ты-то чтѣ самъ? И скоро-ли деньги будутъ? Какъ будутъ, приѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 26 іюня.* — Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А чтѣ это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, и какъ она здѣсь новае гостя, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ, равнодушныхъ москвичей. Надняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православное народу тысячъ шесть; отгнали больныя, кой-кого (сказываютъ) убили; государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута. Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло пессаревича везутъ, также и Дибичево. О военныхъ дѣяніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Надихи ко мнѣ, къ какому времени явится мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ-ли Догановскій (картежникъ)? Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непременно буду въ Москвѣ, на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ письмо;

свою тысячу оставляеть онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую надняхъ перешлю тебѣ. Cholera прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. И здѣсь безъ экипажа и безъ прожваго, а деньги все-таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ-ли ты съ горя? Клянюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа (портрета). Брюловъ въ Петербургѣ и жевать, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Клянюсь Шнейдеру (врачу). Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи (къ чину). Клянюсь и Есаулову (музыкантъ). Привили мнѣ его романетъ, исправленный во второмъ изданіи. Еще клянюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Матреевѣ Сергѣевнѣ (московскія дѣтальки) и всей компаніи. Проси, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за непониманьемъ чернаго шелка. Все cholera виновата.

Н. И. Гончаровой (по французски). *Царское Село, 26 іюня.* — Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы писали Натали, что вы очень недовольны мною. слѣдствие того, что я сообщилъ Анастасію Николаевичу пріятеля г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ-ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой посюпкок не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и, осмѣливаясь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ драгъ, которыя въ концѣ концовъ могли-бы парушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе: меня изображали моей женой, какъ человѣка непамятсваго, жаднаго, презрѣваго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, высказывать, что ея мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женитъ въ 18 лѣтъ управлять мужичною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, по повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и служю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать озвончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предлогалось сдѣлать въ отношеніи Натали: это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 руб., которые я далъ взаимъ. Я не требую уплаты, и несколько нетерплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

М. П. Погодину. — *Царское Село, въ іюнь.* — Сердечно благодарю васъ и за письмо, и за старую Статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю, какъ доставить экземпляры слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ cholera;

Царское Село оцѣнено; оно будетъ, вѣроятно, убижищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ, Жуковский будетъ сюда, и я дожусь его, чтобы вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ — самый неаккуратный корреспондентъ и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла. Потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непременно надобно ее выдать и непременно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Cholera и смерть цесаревича насъ совершенно смутила. Дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были-бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалко, что вы не раздѣлились еще съ Полевымъ, который долженъ рано или поздно, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Полевого.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Царское Село. Отъ Смирдина отдѣлѣвъ я карантинъ. Вашихъ порученій касательно князь покаместъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

П. А. Осиповой (по француз.) — *Ц. Село, 29 іюня.* — Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда: но обстоятельства не позволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

И такъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксин Николаевнѣ (Вульфъ) всего того счастья, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо, столь благородное и кроткое.

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовалъ въ несколько разъ. Распространились слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбрость и умѣньемъ говорить у него дѣло не ставеть; на этотъ разъ мятежъ былъ усмирень; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придетъ, можетъ быть, пріѣхать къ картечи. Мы ожидаемъ пріѣзта двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ: живите счастливо и спокойно, и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! Пъ слову сказать: если-бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ-бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя-ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я постронъ-бы здѣсь избушку, помѣстилъ-бы свои книги и пріѣзжалъ-бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ старыхъ и добрыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли, и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокое мое уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству: примите также поклонъ ногъ жены

моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удоzольствіе лично вамъ ее представить.

П. А. Плетневу. — *Царское Село, 3 іюля.* — Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живѣ-ли ты? Чтѣ ты намѣренъ дѣлать? Чтѣ паши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе?

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантинъ.

Знаешь-ли чтѣ? Я живъ и здоровъ.

Р. С. Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Вѣлкина, славнаго малаго. Чтѣ прикажешь съ ними дѣлать? Печата-ли намъ самыя, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей и желаетъ вамъ здравія.

П. Я. Чаадаеву (по франц.). — *Ц. Село, 6 іюля.* — Другъ мой, я буду говорить съ вами на языкѣ Европы; онъ мнѣ знакомѣ нашего, и мы будемъ продолжать наши бесѣды, начавшіяся когда-то въ Царскомъ Селѣ и такъ часто прерывавшіяся.

Вы знаете, чтѣ дѣлается у насъ въ Петербургѣ; народъ воображалъ, что его оравляють. Газеты истощаются въ увѣщаніяхъ и протестахъ; но, къ несчастію, народъ неумѣетъ читать, и кровавыя сцены готовы возобновиться. Мы окружены въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ и не имѣемъ никакого сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ отчего я не видалъ ни Блудова, ни Беллара. Ваша рукопись все еще у меня; не хотите-ли вы, чтобы я отослалъ ее вамъ; но чтѣ вы станете дѣлать съ нею въ Некрополисѣ (Москвѣ)? Оставьте мнѣ ее еще на нѣсколько времени. Я только-что перечиталъ ее; мнѣ кажется, что начало очень связано съ предшествовавшими разсужденіями и съ идеями гораздо ранѣе развитыми, болѣе ясными и положительными для васъ, но не для читателя. Поэтому первые страницы нѣсколько темны, и я думаю, что вы сдѣлаете лучше, если замѣните ихъ простымъ примѣчаніемъ, или сдѣлаете изъ нихъ извлеченіе. Я готовъ былъ также замѣнить вамъ безпорядокъ и отсутствіе метода во всей статьѣ, но разсудилъ, что это вѣдь письмо и что эгогъ родъ пзвиваетъ и уполномочиваетъ и эту небрежность и это *laissez aller*. Все, чтѣ вы говорите о Монсеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, чтѣ является портретомъ и картиной—все широко, блестяще и правдоzпно. Съ взглядомъ вашимъ на исторію, мнѣ совершенно новымъ, я однако-жъ не могу всегда соглашаться: напримѣръ, я не понимаю ни вашего отвращенія къ Марку-Аврелію, ни вашего предпочтенія Давиду [исламамъ котораго удивляюсь и я, если только еще они имѣ и написаны]. Не вижу я также, отчего сильная и наивная живоннсе политикана возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему призванію великій историческій памятникъ. Да и все, чтѣ ни представляетъ кроваваго Іліада, развѣ тоже не находится въ Библіи? Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, то есть въ папѣ. Не въ идеѣ-ли оно Христа, которая есть и въ протестантизмѣ? Первая идея была монархическою, потомъ сдѣлалась республиканскою. Я душно выражаюсь, но вы поймете меня. Пишите-же мнѣ, другъ мой, если-бы даже вамъ пришлось бранить ме-

ня. Лучше, говорить Екклесіастъ, слушать представленія мудраго, нежели иѣсти безумца.

П. А. Плетневу. — *Царское Село, 16 іюля.* — Я надобѣдалъ тебѣ письма и не зналъ о томъ-емъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣнца (сгасъ-секретаря Молчанова). Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часть онъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ! По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и не достижимъ. Мы, уже обстрѣленные въ Москвѣ и Нижнемъ, равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Одна-кожъ, кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія царя; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ, что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровіи своемъ и своихъ.

П. А. Плетневу. — *Царское Село, 27 іюля.* — Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Жуковскаго, что тебя сюда не будетъ. Но—такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Жуковский отосвѣтовалъ, говоря: онъ живъ, — чего-же вамъ больше? Однако, она поручилась-было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то заноздалой неспей. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Делинга (быв. лицеистъ) повѣсти покойнаго Вѣлкина, моего пріятеля; получилъ-ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную, да и спихуемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000, и вотъ какимъ образомъ

2000 экз. по 6 р. — 12,000.

1000 р. за печатъ,

1000 р. процентовъ.

итого 10,000.

Чтѣ-же тной планъ. Сѣ въ Цвѣтѣ въ пользу братѣвъ Делинга? Я даю въ нихъ Моца р та и нѣсколько мелочей. Жуковский даетъ свою гекзаметрическую сказку (о царѣ Берендѣѣ). Пиши Баратынскому: онъ приметъ намъ сокровища. Онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождемся; если бы-ты собрался, да написалъ что-нибудь о Дельвингѣ, то-то было-бы хорошо! Во всякомъ случаѣ, проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сидеть ва месь. Обзорнія словесности не подобно: чортъ-ли въ нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина, — кстати-ли такая альяуія на могилѣ Дельвинга? Подумай обо всемъ этомъ хорошенъко, да и распорядись, — а изаавать уже пора, т. е. пригтовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ. Христосъ съ вами.

А. Х. Бенкендорфу (черновое). *Царское Село, 27 іюля.* — Заботливѣе истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Ослыпавшему уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ

которыхъ и выпущенъ изъ Индеа, къ несчастію, будетъ мнѣ пренятствіемъ на попринѣ службы. И считался въ пространной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассессора. Бывшіе мои начальники забыли о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминала. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то, что слѣдовало ..

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и усердіемъ исполнить волю его величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ)—и правительству имѣть надобности имѣть свой officialный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общесъ мнѣіе имѣеть нужду быть управляемо.

Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озабоченная Европа нападаетъ показаться не оружіемъ, но ежедневной бышеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодая поколѣнія, возмущаемая журналами, требуютъ войны.... Пускай позовалъ бы русскихъ писателей, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся-бы я за редакцію и политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались-бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединились-бы писатели съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его несприятельнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаясь также просить дозволенія запясть историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библиотекахъ.

Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить мое давнишнее желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

Просьба Пушкина на имя Бенкендорфа о разрѣшеніи ему и Дельвигу издавать политическую газету.

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности; читателей еще было мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сочиненій и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ пзъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія востаніе на престолъ нынѣ царствующаго императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбы и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно собственности литературной. За годъ передъ симъ я не могъ выйти изъ-подъ управы, лишаясь трехъ тысячъ рублей черезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій

нѣй (что было еще первый примѣръ паустовства). Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежать къ важнѣйшимъ благотворнымъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она видъ частной промышленности, покровительствуемой законами. Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгоды и чѣмъ разнообразіе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные донынѣ журналы, въ концѣ помѣщаются извѣстія политическія.

С. Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣеть право говорить мнѣіе свое о повывшедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было-бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературныя, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва-ли и 500—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ-бы вовсе не-дѣйствителенъ.

Такимъ образомъ и слѣдуетъ, что политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100,000, между тѣмъ какъ чисто литературныя едва-ли окупаютъ издержки изданія.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терять вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы, ибо ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли-бы равняться средствамъ Сѣв. Пчелы. Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ бар. Дельвигомъ или мною.

Направленіе политическихъ статей зависить и должно зависѣть отъ правительства, а въ этомъ издатели священною обязанностию полагаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соотнобразяться съ рѣшеніями цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, папечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечить состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелатель-

ство были-бы съ ихъ стороны столь-же безразсудны, какъ неблагоприятны.

М. Л. Яковлеву. *Царское Село, 19 июля.*— Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудишься, сдѣлай одолженіе, съѣздить къ нему; по какъ онъ человекъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчки и переслать деньги, въ которыхъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и въ сѣбѣ сношеній не имѣетъ, то надпиши мнѣ объ немъ, здоровъ-ли онъ и все-ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софѣ Михайловнѣ (вдова Дельвига), и очень жалю, что съ нею не пишу. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что Сѣверные Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. Надняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига: можетъ быть, современемъ это напечатается. Нѣтъ-ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы-бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовы къ печати двѣ трагедіи нашего Бюхли и его-же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ, влюбленномъ въ дѣву („Жизль на свѣтѣ рыцарь бѣдный“). Не можеть-ли это все Софя Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы-бы постарались что-нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свиданія. А. И.

П. В. Нащокину. *Царское Село, 21 июля.*— Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Вонновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отнравиться вслѣдъ за Юсуповымъ; но это дѣло не сбыточное: по крайней мѣрѣ, я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ собираюсь, да боюсь карантинъ. Ничѣй никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вѣсто трехдневной ѣзды, того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка!—Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ, противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, врачей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около—такая каша, что Боже унаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если-бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ-бы, что все, что называютъ у насъ критикою, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно невозможно, а писать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому-же ни критика, ни публика не достойны дѣльных возраженій. Ничего осенней займусь литературой, а зимою зарююсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, понаду во временники, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны.....; но это не будетъ имѣть слѣдствій никакого.—Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ

часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не дѣнись и будь здоровъ.

Р. С. Я съ тобою болтаю, а одѣлъ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ, у Плетнева или у Смирдина. Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу-ли, что мнѣ слѣдуетъ, къ 1-му августу; въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хотя на мое имя, заплати въ срокъ. Не я виновать, виновата холера, отбѣзавшая меня отъ Петербурга, который подѣ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догазовскимъ (картежникомъ) не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

П. А. Плетневу. *Царское Село, 22 июля.*— Письмо твое отъ 19-го крѣпко меня опечалило. Опять хандрить! Эй, смотри: хандра хуже холеры,—одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умреть и Жуковский, умреть и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши—старые хрычовки: а дѣтки будутъ славныя, молодые, веселые ребята: мальчички стануть повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ-то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, холера на дняхъ пройдетъ; были-бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльные; но не бѣда. Эслигъ сей, котораго ты не знаешь,—мой внукъ по Линдею и кажется добрый мальчикъ; я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки; прочитай ихъ ради скуки холерной, а напечатать ихъ не къ сѣху. Кромѣ 2000 за Борна, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ-же тысячъ моего жалованья; напишу ему, чтобы онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетпскихъ. Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную,—вѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобы я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда-ли? Онъ сказалъ: puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Эй-Богъ, онъ очень со мною милъ. Когда-жъ мы, братъ, увидимся? Охъ, ужъ эта мнѣ холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ,—авось смерть удовольствуется этими двумя жертвами. Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

П. В. Нащокину. *Царское Село, 29 июля.*— Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не припили на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ эта тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что ты дѣлаешь? Ожиданье-ли ты свопъ денегъ и выручишь-ли ты меня изъ сѣтей Догазовскаго? Нужно-ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что и дешевле, и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь

ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались-было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе умирало все. Государяція третьяго дня родила великаго князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданья.

П. А. Осиповой (по франц.). Ц. Село, 29 июля. — Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмомъ наше успокоило меня какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца — благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ относилъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ ними, о шалости О—и, о каранти и ѣи проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои болѣе не подѣ арестомъ, холеры бояться ужъ нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете-ли, что въ Новгородѣ, въ Военныхъ Поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подѣмъ-же пѣли предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и умиралъ быть съ удивительной храбростію и хладнокровіемъ; по пароду не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ — къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болѣзни повальная, а не зараза, слѣдственно карантинны лишніе; нужны одѣ предосторожности въ пищѣ и одеждѣ». Если-бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули-бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ какъ всякую отраву — деревянымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и иаровой ванны. Дай Богъ, чтобы рецептъ этотъ не понадобился намъ въ Тригорскомъ. — Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино (деревня въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ, которую Пушкинъ хотѣлъ купить) или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, повидимому, въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ-бы я желалъ, но это нисколько не помѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ.

Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству!

Н. М. Коншину. Царское Село, 1-го мая. Собака нашла, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ, говоря: мало; но мнѣ, и онъ, и собака того не стоятъ, но жена моя другого мнѣнія. Здоровы-ли вы и скоро-ли увидимся? А. П.

П. В. Нащокину. Царское Село, 3 августа. — Отецъ и благодѣтель! Надняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Вонновичъ, получилъ-ли все исправно; да еще покорѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ лонбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошлешь ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корниліонъ Пилипскій? Здоровы-ли ты, душа моя, каково поживаете, и что твои? Что-жъ не прислаешь ты Есауловскаго романа, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы-бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ

благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за немѣнѣемъ живописца. Занятъ прошеніемъ прощанья.

Р. S. Да растолкуй мнѣ, едѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ лонбардъ? Самому-ли мнѣ прѣхаться? Довѣренность-ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

П. А. Плетневу. Царское Село, 3 августа. — Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо, и 1500. Ты умно дѣлаешь, что сидишь смиренно въ своей портъ и носу не показываешь въ проклятомъ вѣскогда мною Петербургѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе, должествующее овладѣть великимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ пѣдѣлю, вѣроятно, прекратится; но Царское Село будетъ еще долго окружено карантинными; и такъ, свиданіе наше еще далеко. Что-жъ Цвѣтъ? Ей-богу, не знаю, чѣмъ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покажетъ нельзя за нихъ приняться. Почему-же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія? Кстати: чѣмъ сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправна Меркурія. Не умеръ-ли Бесугубовъ-Рюминъ? Говорятъ, холера уноситъ пѣлницъ. Съ душевнымъ при-скорбѣемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ, Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукликомъ похабнымъ. Перечитывалъ я въ дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Л. Веневитинова: «И въ тотъ-же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ и чуть не разрулил его: зачѣмъ онъ живъ?» — Идешь нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ имени нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать — хоть эпитафией. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ въ достигнувъ до тебя.

Россетти вижу часто: она очень тебя любитъ, и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

А. Ф. Воейкову. Царское Село, между 21—25 августа. — Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыгать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были-бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на него и илчье его выражений, на душной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей сдвоенности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

П. А. Плетневу. *Царское Село, до 25 августа.* — Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Вѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ. — Правила, кои ми будутъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлые мѣсты и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныи, напр. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив. — ѣ. Также и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ С м о т р и т е л я назвать гусара М и н с к и м ѣ и с м ѣ именемъ заимѣнить вездѣ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ, чтобы онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелья, рекрутскій наборъ и карантинъ.

Думаю, что публика будетъ безприсловово платить сей умѣренный оброкъ и не привудитъ меня употреблять строгія мѣры. Главное: будемъ живы и здоровы. — Прощай, мой ангелъ.

Р. С. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ — на особенномъ листѣ (ради ширины).

Кстати объ эпиграфахъ: къ Выстрѣлу надобно будетъ прислать другой, именновъ Р о м а н ѣ въ с е м и п и с ь м а х ѣ А. Бестужева въ Полярной Звѣздѣ: У м е н я о с т а в а л с я о д и н ѣ в ы с т р ѣ л ѣ, я н о к а н я с я e t c. Справься, душа моя.

Н. В. Гоголю. — *Царское Село, 25 августа.* — Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слишкомъ лѣнны, чтобы привести его въ дѣйствіе. Статья Косенчикина еще не явилась. Не знаю, что это значитъ: не убоялся-ли Надеждинъ гнѣва Фаддея Венедиктовича? — Поздравляю насъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ fyrkanemъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другого — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца (Н. А. Полевой). У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковский расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудро. А. П.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 3 сентября.* — Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ и на твое послѣднее письмо, исполнявшее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обещаннаго слѣдующаго. Но оно некакимъ-то образомъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобы усѣихъ увѣчалъ дипломатку твою! Иду съ трепетомъ сердца разрѣшенія Догановскаго. Все-ли у тебя благополучно? Что твой свазимъ, головныя боли, потѣзки къ Елсѣ Тимошеевѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь-же бурное, какъ и то, въ которомъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; вслѣдствіе этого Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Ва-

силію (за которымъ блохи другого рода). Въ тотъ-же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; этого министра хотѣть отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится къ тебѣ. Отсутствие его мнѣ будетъ ощутительно; но, можетъ быть, все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата — нлюху, за что онъ-было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему-же во вредъ, ибо лавочники, провъдавъ обо всемъ, засадили-было его въ тюрьму, отъ которой по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается: се не перемѣняетъ ничто, ni le temps ni l'absence, niles lieux de longueur; бранитъ меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти („Повѣсти Вѣлкина“), первый экземпляръ пришлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ поразспросить.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

А. О. Смирновой (по франц.). — *Ц. Село, въ августѣ.* — Графинѣ Ламбергъ, первой объявившей мнѣ о взятіи Варшавы, по праву принадлежить и первый экземпляръ; второй-же я предназначаю вамъ.

Отъ васъ узналъ я плѣны Варшавы,

Вы были вѣстницею славы

И вдохновеніемъ для меня.

Когда найду еще два стиха, то пришлю ихъ вамъ.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 7 октября.* — Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Все-таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты-же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, зная тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальные 5 заплачу я въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женись, я думалъ издержать вдвое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полунки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казань не переукай, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой, для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему влѣднику. Весь твой Пушкинъ.

С. С. Уварову. — *Петербургъ, 21 октября.* — М. Г. Сергій Семеновичъ. Кн. Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было вашей скромности назвать подражаніемъ (Уваровъ перевелъ стихотвореніе Пушкина „Киевѣнникъ Россіи“). Стихи мои послужили вамъ простою темою для развитія гениальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца васъ благодарить за вниманіе, мнѣ оказанное, и за силу и подногу мыслей, великодушно мнѣ присвоенныхъ вами. Съ глубочайшимъ желаніемъ, и пр.

П. В. Нащокину. — *Петербург, 24 октября.* — Милый мой Павелъ Вонновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною напѣтый домъ. Пиши мнѣ на Галерной, въ домѣ Брискорпа. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ-же мы сіе сдѣлаемъ? Не прѣхать-ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я-бы самъ кой-какія дѣла обработать, напр. (заложение) брилліанты жены моей, которые стараюсь снасти отъ банкротства тещи моей и отъ лапъ Семёна Оедоровича (управляющій Гончаровой). Дѣдушка.. выдастъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданого, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 и ничего своей вучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата — въ маѣ родить. Все это очень измѣнить мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли государи и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосоольство? Бояре перевелись. Память надо праздничковъ. Москва губернской горюдь, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю-ли что-нибудь литературнаго — журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣнь. Кстати: я издаю "Сверные Цвѣты" для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ. Обнимаю тебя отъ сердца.

Н. М. Языкову. — *Петербург, 18-го ноября.* — Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣвскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Если-бы къ тому присовокупили вы еще свои адреса, то я былъ-бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденьемъ Евронейца. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ, чѣмъ угодно, прозой и стихами, но совѣсти и противъ совѣсти. О. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, которымъ удостоиваете вы его; надѣюсь получить отъ васъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отгвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишешь Погодинъ). Жуковский прѣхалъ; извѣстія, имъ привезенныя, очень утѣшительны; тысяча, пробитая вами (?), очень поправитъ домашніе обстоятельства нашей бѣдной литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны. Горюшите Вяземскаго, пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ, стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигу: а вотъ какъ нашихъ помпашу! и кто-же? — друзья его! — Богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и трихнулъ стариную. Онъ говоритъ:

Приблизаясь похода къ знаку,
Я сталъ сохвѣтъ зодіаку;
Холеры не любя пиллю,
Я пѣлъ при старости іюль —

и проч., въ томъ-же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ, все у насъ благополучно.

Н. Н. Пушкиной. *Москва, 6-го декабря.* Сегодня мочи пѣтъ, усталъ. Цѣлую тебя, женка, мой ангелъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 8-го декабря.* — Здравствуй, женка, мой ангелъ. Не сердись, что третья-

го дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ и *l'itinéraire*. Собрался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что, по причинѣ отечели, долженъ я огриваниться въ лѣтнемъ: взяли съ меня лишніихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету, вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человека съ собою не взялъ, въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаживался въ углу. Другой — мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази, какая веселая компанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ выпитъ. Жидъ забавлялъ его всю дорогу приятнымъ разговоромъ, напримѣръ, по-нѣмецки рассказывалъ ему *Ivan Wijigin (ganz charmant!)* Я старался ихъ не слушать и притворился спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), пріятель мой Жемчужниковъ, Фр. Котова и проч. Все это останавливалось вѣдѣтъ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ и на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ-же: очень милъ и уменъ; былъ въ выпиргахъ, но теперь проигрался, въ долгихъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (починишь?) отдѣлывается; что за подвѣщенки, что за сервизы! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испражинтся развѣ испанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень разспрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поспѣю сплетни, а сплетель много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніи, вѣрять не являюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ, вѣроятно, скоро кончу; о твоихъ брилліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ, что я угасный ростовщикъ; меня смѣшнѣваютъ съ моимъ кошелькомъ. Кстати: кошелевъ обратилъ въ мощну и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ имяннй. Москва нолва еще пребываніемъ Двора, нѣ восхищеніи отъ царя и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяць 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣлю черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому-же, съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не уодишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, жевка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по компаніи и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и волн не давать. Брюловъ пишеть-ли твоей портретъ? была-ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, бромъ кадрили не пляши ничего; напиши, не притѣсняють-ли тебя люди и можеть-ли ты съ ними сладить. Заснѣ дѣлаю тебя сердечню. У меня гости.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 10 декабря.* — Я все боюсь, чтобы ты не прислала билетовъ на ста-

руку квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, по оно меня не задержать. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ; поутру былъ на аукционѣ Власова: вечеръ провелъ дома, гдѣ пашель студента дурака, твоего обознателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однакожъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ нашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холоныя ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Цв., иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жаждетъ по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаюсь ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостинной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать. — Христосъ съ тобою.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 15-го декабря.* — Оба письма твои получилъ я вдрутъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій претъ, что онъ истратилъ на меня 200 рублей. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведение. За столь я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя беспокоить, а они, какъ я вижу, обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли вступитъ къ тебѣ Фомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дуракъ; платишь деньги, что только попроситъ — эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ, какъ приступить къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ, а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣлаюсь по моему пріѣздѣ. Василія, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной — *afin de faire maison nette*; все это очень досадно. — Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ заугалъ дѣла свои болѣе, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ которыхъ ни наедный онъ еще не рѣшилъ. Къ дѣлу твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь вомѣшать. Тебя, мой ангелъ, люблю, такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я только и думаю, какъ-бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, жена моя. — Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стѣснивайся, не сиди поджавши ноги и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сдѣлала, что отослала, — дѣло не о чинѣ, а все-таки пужное. Иду его. — На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солдана, вечеръ у Вяземскаго — и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ-ли въ нихъ; и свои падоули. Пиши мнѣ лучше о себѣ — о своемъ здоровьѣ. На хоры не ѣзди — это мѣсто не для тебя.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 16-го декабря.* — Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустили-ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня беспокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ,

что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что-нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выплещешь... Зачѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по два часа въ сутки. Хорошо-ли это? Богъ знаетъ, кончу-ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду. — Голландскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ и въ новый годъ выведу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его — такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, оставшие гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него пужа; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ, — время идетъ, а дѣло мое не расшутывается. Все это поповодъ меня бѣситъ. Къ тому-же, я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое, вѣроятно, будетъ пахнуть бобковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, вызвajanъ рѣдко — звавъ былъ вѣду, но былъ у одной Солдана, да у Вяземской у которой увидѣлъ твоего Давыдова — не женатаго (утѣшься). Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ. — Тоска, мой ангелъ — до свиданія.

1832.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, 5 января.* — Здравствуй, любезный Павелъ Вопповичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Негерфилю желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой *ultimatum* твоего брата и есть-ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста не подѣлись обо всемъ обстоятельно мнѣ описать. Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ мой оцекунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ-же выронилъ я серебряную копѣчку. Если и ее найдешь — не ея переша. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ и что мопаалмазы? Нужно-ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати, не забудь *Revue de Paris*. Наниши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего пѣмца. Дѣло любовитное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь-ли ты въ прощесъ (чего Боже пвабви, но чего, впрочемъ, болѣе нечего)? Жену мою пашель я здоровою, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г-ремъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабенку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовить шитье. Ждетъ взятковъ обѣданныхъ. Surce обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

А. Х. Бенкендорфу. *Петербургъ, 7 января.* — Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, которой нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, давизго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ въ всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цен-

зура недоумѣвала, и имѣлъ счастье найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

А. А. Орлову. — *Петербургъ, 24 декабря 1831—9 января 1832.* М. Г. Александръ Аноимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное вступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее пужды ни въ чьемъ заступленіи, заелужило вамъ благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодили къ мѣднйи любви Голяву Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего *Выжиги* и а есть новое доказательство неограниченности вашего таланта. Но, почтенный Александръ Аноимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣдость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглашаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то *О. Коопчикъ* изваритъ такую кашу или чаше кутью, что они ею подавятся. Читайте я въ «Молвѣ» объявленіе о напечатаніи вашемъ писать «Исторію русскаго народа»: можно-ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и везащнымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ. *А. Пушкинъ*

Р. С. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Аноимовичъ! но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, я надѣлся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ глубоко жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня: собираюсь на него разсердиться; покаместъ съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Лугового—мое дѣло сторова. *А. П.*

П. В. Нащокину. *Петербургъ, 10 января.*—Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ: коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему показаніе 5,500 руб. На эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложенные въ 5,500 р.). Остальные выкунулъ, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать.

П. А. Сиповой (по франц.). — *Спб., въ январь.*—Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость погрудить приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, вѣтъ-ли тамъ еще сундука, присланиаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ по просьбѣ Никиты, моего слуги (теперь Левина). Онъ долженъ заключать въ себя (т. е. сундукъ, а не Никита), вмѣстѣ съ платками и вещами Никиты, также мои вещи и вѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость. Но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, «Сѣверные Цвѣты», которыхъ я недостойный издатель. Это—послѣдній годъ моего альманаха и данъ памяти нашего друга, утрата котораго долгобудетъ ка-

заться намъ недавно. Прилагаю къ этому свѣтлоразсказни; желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услышали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ея совершенно поправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошеетъ, дай Богъ, чтобы они были также благоприятны и здоровью. *А. П.*

П. В. Нащокину. *Петербургъ, 29 января.*—Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ (управляющій фабрики у Нащокина) получилъ отъ меня 1,000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бѣ ты былъ... то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Радъ Бога, доставъ какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арана (чернильница); фуляры пришло съ Андреемъ Христофоръ. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоихъ братѣ ужасно хорошо. Кончили-ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

И. И. Дмитріеву. *Петербургъ, 14 февраля.*—М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить,—драгоценный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушій неоправданный. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: но филологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долготѣи и здравіи. Живите-жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушные нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ «Европея» запрещенъ вслѣдствіе доноса Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и яковинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и что клеветники—или по крайней мѣрѣ клевета—устыдятся и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

А. Х. Бенкендорфу. — *Петербургъ, 24 февраля.*—Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилоостивѣе пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ. Драгоценный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудить во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, въ февраль.*—Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ: желаю, чтобы они тебѣ доставили десять дней спокойствія довашаго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтра не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю когда-нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

М. П. Погодину. — *Петербург, 11 июля.* — Исполнив комиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ немъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п. и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говорить отъ своихъ техническихъ языкомъ. Переждемъ-же и мы: мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за П о с а д и ц у; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы — сердиться на нее можно, но доверять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могутъ быть разрѣшены сценической цензурою, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Сербиновыхъ водевилей и Дидловыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете-ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, если монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ, будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзая, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покаместъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей. Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-де морочутъ публику: одинъ въ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Оиѣгина, а другой — по одному тому своей Исторіи. Разница съ обратъ подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманившихся денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ на чалости хотворенія, которое, вѣроятно, ни когда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если-бы еще должны мы были уважать X., N., N.? Приходилось-бы стрѣляться послѣ каждаго нумера изъ журналовъ. Славу Богу, что общее мнѣніе (каково-бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната! (сказка Л. Тика). Не будете-ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 22 сентября.* — Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву вчера, въ среду. Велосифертъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на илеоназвъ, поспѣшалъ какъ черепаша, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три стациіи. Лошади расковывались, и неслыханная вещь — ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дота-

щился въ Москву, обо. лнвую дождемъ и встреченную пріѣздомъ Двора. Теперь послушай. съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ куаляхъ. Каково? Ей-Богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ — онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаеміемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькій Йосифъ, вышелъ чистъ отъ некувенія. Пріѣхавъ въ Москву, носкакалъ отыскивать Нащокина, нашель его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ — к... и видитъ, что это состояніе пріятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Запелъ меня къ князю Вяз.; княгиня завезла меня во французскій театръ, гдѣ я чуть-было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день: писать не было мѣста ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь съ 20-го числа и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бевкендорфомъ не успѣлъ увидать, хоть было-бы и нужно. Велаякая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще беспокоенъ, и государь не принялъ ни одного пражнива. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, и я, мой ангелъ, не мѣшая ни минуты, поскачу въ Петербургъ. Не можемъ вообразить, какая тоска безъ тебя. И-же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго вывнцу, который синтъ не проснется, ибо онъ и няница, и дуракъ; на Ирину Кузминичу, которая съ тобою воюетъ; на Нешну Ануфриевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха и что (д-ръ) Спасскій? Ахъ, женка-душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 25 сентября.* — Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное писмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить. Заклучай съ позаромъ какія хочешь условія, только-бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ: взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ подугалантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли-бы съ меня 100 руб. лишнѣхъ, но за то не надулъ-бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Кстати: смотри, не брюхата-ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ-нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женился на дурншкѣ. Вчера рассказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ Вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другаго, несчастнаго любовника вѣчаемой дѣвицы. А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Князь Вяз. слышалъ весь разговоръ и думаетъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или нате Сорокинъ. Ты какъ? не правда-ли, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе сѣздить къ

Плетневу похвально, по соберешься-ли ты? слѣди, жена, спасибо скажу. Что люди папи? каково съ ними ладить? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отпирался обозъ, и я-было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препрощаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ члвчѣ члвчидицѣ: актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, члвчѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣщенный веригамъ, представляющій намъ въ лицѣ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ. Нащокинъ говорить ему: ходи ко мнѣ всякій день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвчьею, но только не.... Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣнить меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочюю. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ; они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Заира пацну хлопотать, и если черезъ педѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокина, а самъ отправляю къ тебѣ—мой ангелъ, милая моя жена. Покамѣстъ прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь-ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь и цѣлую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. Важное открытіе: Ипполитъ (камердинеръ Пушкина) говорить по-французски.

Н. Н. Пушкиной. — Москва, 27 сентября. — Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три. — Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать. — Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать И.... тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смиренно и порядочно: хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю *Mémoires de Diderot*. Былъ вечеръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ-же нѣжно обомелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Ипполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня їду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Денпса, не охотникъ — а въ Московскомъ университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно цекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога! — Мухановъ прислалъ мнѣ разнощника съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Цѣлую ручку у К. Нв. Не забудь-же.

Н. Н. Пушкиной. — Москва, 30 сентября. — Вотъ видишь, что я правъ: нечего-было тебѣ принимать П.....а. Просидѣла-бы ты у Идалиі, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему расчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получала; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не к... ли я? Смотри! Кто тебѣ говорить, что я у Баратынскаго не

бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякій день видимся. А до женъ пами и дѣла пѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ неврѣности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. Знаешь русскую пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ миръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пирѣ похмѣлье, да и въ своемъ тошнить. — Сейчасъ отъ меня альманашикъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альманаха, а я статьи для газетъ, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому! Благодарю, душа моя, за то, что въ шахматы учишься. Это непременно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ была я на балѣ (у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Сологубъ, гр. Пушкинъ (Владиміръ), Аигоге, ея сестра и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ теткой *entendons-nous*) и ухѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижу всякій день. У него въ домикѣ былъ пиръ; подали на столъ мышеника нѣ сметанѣ подъ хрѣномъ, въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной, домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я, вѣроятно, за него примусь; но покамѣстъ голова моя кругомъ идетъ при мыслѣ о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрижкову; авось вывезетъ. Цѣлую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангелъ. Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной. — Москва, 3 октября. — По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія: 1) Русскій члвчѣкъ въ дорогѣ не переодевается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиней, идетъ въ баню, которая — наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ — а я вѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другого дня. Видишь-ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата? Виновата: 1) потому, что всякій вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому, что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь, съ досады на меня, Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ да еще жалуешься на свое положеніе, будто-бы подобное Нащокинскому! жена, жена! — Но оставимъ это. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня зато, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь счета, доншь кормилицу ай-да хватъ-баба! что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. Насилу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ (Говчаровъ) здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакъ не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и прѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Наталей Ивановой они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управ-

влепие имѣнія и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскіе ѣдутъ послѣ 14-а я надѣяхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Миѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю, куда голову приклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за кн. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки, причесанныя а la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ беспокоиться). Другой Урусовъ, говорить, женится на Вороздиной-соловейкѣ. Москва ожидаетъ царя къ зимѣ, но, кажется, напрасно. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя и Машу. Прощай, душа моя, Христосъ съ тобою.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Слб., 27 октября.*—Алжмовъ въ пышную ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское, и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня «на Фурштатской, въ домѣ Алжмова». Не забудьте этотъ адресъ, если задумаете написать миѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ такъ-же, какъ и насъ. Цѣть ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей деревнѣ и поливать капусту—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся-ли пышнымъ лѣтомъ, это одно пѣзъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо, если-бы оно сбылось.

Простите, сударыня; нѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему семейству.

Графу Д. И. Хвостову.—*Слб., 27 октября.*—М. Г. графъ Дмитрій Ивановичъ. Мѣна благодаритъ васъ за присланный и неожиданный подарокъ. Позвольте и миѣ принести вашему сѣятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко миѣ обращеніемъ, и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. Надѣясь буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ вашему славному и любезному патріарху. А. П.

П. В. Нащокину.—*Слб., 20-го октября.*—Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Приѣхавъ сюда, нашелъ а большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, переѣзжать поваровъ, наконецъ, занимать новую квартиру, и слѣдственно употреблѣть суммъ, которая въ другомъ случаѣ оставалась бы перикосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардные деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Федоромъ Даниловичемъ (Шнейдеръ), отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ: остальной-же долгъ получишь въ январѣ, какъ я

ужъ распорядился, продавъ Смидину второе наданіе Онѣгина. Сиг сеноговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго (т. е. Дубровскаго) конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго (знатка тяжбныхъ дѣлъ). Я написалъ его въ дѣлѣ, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго протрѣдаль другія дѣла не дѣлаи, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Чтѣ твои мемуаринъ? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко миѣ. Это будетъ и миѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ вырастетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему усилію осмотрѣться и приготовиться; покажетъ буду жагаться понемногу. Мою статую (статуя Екатерины II) еще я не продалъ, но продамъ во что-бы то ни стало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь-ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ-бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смидинъ въ Москвѣ и что я говорилъ съ нимъ объ изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и 10 тысячахъ, а Смидинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Чтѣ Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и чтѣ его опера? Прощай, кланяюсь твоимъ,—цѣлую Павла (сына Нащокина).

Въ Морской, въ домѣ Жадиміровскаго.

Д. Н. Бantyшъ-Каменскому. *Слб., 14 декабря.*—М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня миѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе—познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покажетъ-ли вамъ превосходительство принять изъясненіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

А. С. Пушкинъ.

1833.

А. И. Чернышеву.—*Слб., 9 февраля.*—Приношу вашему сѣятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Допесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Допесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сѣятельства дозволенія пользоваться этими драгоценными матеріалами.

П. В. Нащокину.—*Слб., 23 февраля.*—Чтѣ, любезный Павелъ Воиновичъ? получилъ-ли ты нужныя бумаги, взялъ-ли ты себѣ малую толку, заплотивъ Федору Даниловичу, справилъ-ли остальную тысячу въ ломбардѣ, приплелъ-ли миѣ что-нибудь? Если ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ чтѣ: 2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Морской въ д. Бубуки, и возьми съ

него росписку. Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что твои дѣла? Заглаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Всеръ (ростовщикъ) тебя топитъ, а Рахмановъ на илечаетъ у тебя. Дай Богъ, мнѣ записать деньги, тогда авось разведемъ тебя съ сожигальницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ (роша), и жилищи пріѣзжающіи и ишущіи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ—ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню, къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижний, да можетъ быть въ Астрахань. Многохочомъ увидимся и поговоримся досыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

М. П. Погодину. — Спб., 5 марта. — По секрету. Вотъ въ чемъ дѣло: по договору нашему, долго собирался я уучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотруднички. Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Такимъ образомъ, дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромя тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи памѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъютантскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно, и выгодно. Сколько отдѣльных книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться. Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью—вы произведете такіа чудеса, что мы и потомство наше будетъ за васъ Бога молить, какъ за Шлегеля и Ломоносова.

Напишите-же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ-бы я показать, и я посвѣшу все здѣсь окончить. Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

Гр. А. И. Чернышеву. — Спб., 8 марта. — Довѣренный мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія писекторскаго архива книги получить пѣлѣя я честь. Приношу вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою—благодарность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ снѣмъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Вибикова, поднесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по вонецъ того-же года) приказатъ мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодареніе.

Съ глубочайшимъ почтеньемъ и пр.

П. А. Осиповой (по франц.). Спб., въ май. — Виновать, тысячу разъ виновать, дорогая Пр.

Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную вѣстку. Всякого рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дожусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнія. Жена моя свидѣтельствуется тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорываются зубы. До снахъ норъ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданница такіа нѣжныя, что невозможно безрешетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только-что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ-бы я желалъ имъ сопутствовать!

А. А. Ананьину. — Спб., 26 іюля. — М. Г. Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія застать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню. Вы позволили обнадѣжить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету мнѣ болѣе 1500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если не удобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ, на Миллеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеньемъ и пр. Пушкинъ.

А. Х. Бенкендорфу. — Спб., 30 іюля. — Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я однимъ историческимъ изысканіемъ, не написавъ ни одной строчки, чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важныхъ занятій и окончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ являю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ прожизнать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ («Капитанская дочка»), коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось-бы мнѣ носѣтнить объ снѣ губерніи.

И. Н. Пушиной. — Торжокъ, 21 августа. — Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одиссея. Ты поминишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго моста. — Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ: веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть-было не воротился я на Черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валались, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужникахъ была буря. Волота волновались бѣлыми волнами. По счастью, вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что, если и это я прогулялъ? досадно было-бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соборлевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по

дорогѣ змѣй, которыя обрадовались сдурѣ солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣствовалъ на печистоту бѣлыя. Сегодня проспунисъ въ 8 часовъ, завтракали славно и теперь я отправляюсь въ сторону, въ Ярополецъ (вѣрнѣе Гончаровыхъ), а Соболевскаго оставляю пединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ящики закладываютъ коляску шестершей, страшая меня грязными проселочными дорогами. Коли не утону въ джѣхъ, подобно Арену, буду писать тебѣ изъ Яропольца. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Симбирскѣ. Пиши мнѣ о твоей грудницѣ и о прочемъ. Машу не бабуй, а сама береги свое здоровье. Не кокетничай 26-го. Да бить: не съ кѣмъ. Однако, все-таки не кокетничай. Клапанюсъ и цѣлую ручку съ Ермоловской пѣжностью Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цѣлую крѣпко и всѣхъ вась благословляю, тебѣ, Машу и Сашку.

Клапаняйся Вяземскому; когда увидишь, скажи ему, что мнѣ бури помѣшала съ нимъ проститься и поговорить объ альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорожю.

Н. Н. Пушкиной. — 24 августа. — Ты не угадаешь, мой ангелъ, откуда я тебѣ пишу: изъ Павловска, между Берновомъ и Маливниками, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много рассказывалъ. Вчера, сворота на проселочную дорожку къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что пройду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера прѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу (Эгельструму), который обрадовался мнѣ, какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемену. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Маливники и Берново наполнены были упами и барышнями, но упаны переведены, а барышни развѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и сѣздилъ въ Маливники; но и та ужъ подо мною не плашетъ, пѣбсится, а въ Маливникахъ, вмѣсто всѣхъ Анетъ, Енпаксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковій Александровъ Рейхманъ, который попотчивалъ меня пшансомъ. Вельяшева, мною пѣкгода восставая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, знаю, что тебѣ было-бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасеиъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; такъ же-ли ты хороша, какъ сказываютъ, и какая ты: брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая? Завтра чѣмъ свѣтъ отправлюсь въ Ярополецъ, гдѣ пробуду пѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву, гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Яропольцѣ (впновать: въ Торжкѣ) толстая m-lle Rojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провозила меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои вѣжности: стыдно замѣчать чужія красоты, у вась у самого жена такая красавица, что я, встрѣтя ее (?), ахнула. А надобно тебѣ знать, что m-lle Rojarsky — и дать пѣ взять m-me George, только не мною постарѣ. Тѣ видишь, моя женка, что слава твоя распространяется по всѣмъ уздамъ. Довольна-ли ты? будьте здоровы всѣ, помини-ли меня Мама, и нѣтъ-ли у пей новыхъ затѣй? Прощай, мой плотненькій брюнетка (что-ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться.

Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ именинъ. Глядѣлась-ли ты въ зеркало и увѣрилась-ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ, а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя крѣпко.

Н. Н. Пушкиной. — Москва, 26 августа. — Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи — и пишу тебѣ продолженіе моихъ похощеній изъ антреселей вашего Никитскаго дома, куда прѣхалъ я вчера благополучно изъ Яропольца. Въ Ярополецѣ прѣхалъ я въ среду поздно. Натальи Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я вшелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала напка, безъ которой далеко ходить не можеть. Четвергъ я провелъ у нея. Много говорили о тебѣ, о Машѣ и о Кат. Ив. — Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; по, хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меншей уже горечью. Ей очень хотѣлось-бы, чтобы ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Яропольца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прѣбудутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай, что дѣлается съ Дм. Ник. (Гончаровымъ). Онъ, какъ владѣтельный принцъ, услышавъ, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что она вочи не спитъ, et que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобы она просватала за него la charmante et divine comtesse. Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой и вышоплила комплименты. Позвали la divine et charmante, которая отказала на-отрѣзъ. Нат. Ив. безконотится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву (святому); для сего онъ со всевозможною дипломатическою товкостью пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь-ли ты жениться? Видишь, какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и пу просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помпиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью и прѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ (Гончаровъ) меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Напокинитъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьена къ тебѣ посланы. Теперь я покоеиъ. Соболевскій здѣсь incognito прятается отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentleman. И скунаетъ свои век-

селя. Дорогой вель онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны по-поламъ, не обесчитывая товарища. 2) Не... ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то почью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ проведу я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Козиска требуетъ подиранокъ. Дорогираселочныя были скверныя; меня насилу таячили писестерней. Въ Казани буду я около третьей. Оттолѣйду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цѣлую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановѣ.

Н. Н. Пушкиной. — Москва, 27 августа. — Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой ангелъ. Вчера пила я твое здоровье у Кирѣевского съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Буду послѣ завтра — прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера, прѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отда красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ, за немѣнимъ бальнаго платья и за небритіемъ усомъ, которые огрошаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудро понасть и не попласать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ узцахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салонницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да ки. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣе о ней тебѣ довести. Нащопкну не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Нвколай. Ни онъ, ни братъ его не умиралъ, а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его, князь Петръ Долгорукой, получивъ какое-то насѣдство и не успѣвъ его промотать въ Англійскомъ клубѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клубъ я не былъ — чуть-ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Англійскій клубъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старые знакомые. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Расточиннымъ въ голъ, когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію, бродилъ я по книжнымъ лавкамъ и ничего путнаго не нашелъ. Книги, взявъ мною въ дорогу, перебились и перетерлись въ сундукъ. Огъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибулю. Цѣлую тебя. Кланяюсь теткѣ. — Благословляю Машку съ Санкой.

Н. Н. Пушкиной. — Нижній, 2 сентября. — Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащопкинъ провожалъ меня шампанскимъ, женой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ счастья съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей — я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотопчилъ до Нижняго сегодня, т. е. въ 5-я сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties. Буду на ярмарку, которая свои послѣднія шутки показываетъ, а завтра въ Казань.

Мой ангелъ, кажется, я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь.

Живо воображаю первое число. Тебя теребить за долги, Парамъ, новаръ, извозчикъ, аптекаръ, m-me Siehler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безконношься, серднишься на меня — и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять парывы, что, если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи? — Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну — и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Симбирскѣ и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы — роскошь! такъ-ли у васъ? Гулельми ты по Черной Рѣчкѣ или еще взаперти? Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я ревную се къ тебѣ, но прошу Христомъ и богомъ тебя не покидать и гадать за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цѣлую всѣхъ васъ равно крѣко — тебя въ особенности.

Н. Н. Пушкиной. — Нижній, 2 сентября. — Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣе не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальяна дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиниться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить лстѣ для смотрителей, которые очень мало меня уважаютъ, не смотря на то, что я пишу прекрасные стихи. У него засталъ я его дочерей и В...скаго le c..., который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ Петербургъ. Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, — я не поѣхалъ, жалѣя своихъ усомъ, которые только лишь оцѣнивались. Обѣдалъ у Суденки, моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть; но у него 125,000 дохода, а у насъ, мой ангелъ, это — впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоній, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ, не морщась, но бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащопкина, да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зажженный пушиль съ ананасами — пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевского. — Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ вѣжностью: pourquoi n'êtes vous pas venin me voir? — Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ: qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ — держа меня за воротъ всенародно, чтобы я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виновать: втроемъ съ бутылкой мадеры). Потомъ, для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащопкина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерлядями и съ женой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, сграшно! теперь слѣдуетъ важное признание. Сказать-ли тебѣ словечко, утерить-ли твое сердечко? Я впрочемъ тяпую нисколько разсказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобы какъ можно позже дойти до сего рокового мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я вѣкторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обнимаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на расцѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдъ.

но? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не найдете.—Право? сказалъ я и вошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя прана, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью пуджалъ. Ты подумай: по, это еще не бѣда. Поймай, жепка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали на 3 или на 4 станціи—я теперь свободенъ и подпую. Ты спросишь, хороша-ли городничиха? Вотъ то-то, что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уф! кончили. Огустин и помылуй.

Сегодня былъ я у губернатора, ген. Вутурлина. Овъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярмарка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Овъ сѣлалъ на меня впечатлѣніе бальнаго развѣда, когда карета Гончаровыхъ уже уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цѣлую куда ни пошло. Addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro?

Н. Н. Пушкиной.—*Казань, 8 сентября.*—Мой ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился съ стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сказать только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сентября быть въ деревнѣ. Здорова-ли ты? здоровы-ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ, какъ котенокъ, и у которой уже два зуба. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій—вотъ, онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Цѣлую тебя.

А. А. Фуксъ.—*Казань, 5 сентября.*—Милостивая государыня Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что общаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъясненіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ мимолетное пребываніе его въ Казани. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Н. Н. Пушкиной. *Село Языково, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.*—Пишу тебѣ изъ деревни поета Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ и отъ Загряжскаго прінялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ, по я все-таки тебя полюбилъ. У тебя парвы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и подѣляхъ? Ну, такъ и быть—дай Богъ теперь быть

тебѣ здоровой.—Я радъ, что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, овъ очень милъ и тебѣ не надоесть. Овъ Н... Н... говоритъ нечего. Надѣюсь, что свадьба не разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ заплатить деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика, а съ отцомъ и съ дядей-баншачникомъ дуэли, кажется, не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—по ужъ, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень беспокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новыя долги, не рассчитаешься со старыми. Я путешествую, кажется, съ пользою, по еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней пенсией дабы, съ воющими зубами и съ ногтями въ гризп. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и гений. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и страшаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея, умный и ученый нѣмецъ, въ нес влюбленъ и въ изумленіи отъ ея гонія; однако онъ одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправляюсь въ Оренбургъ—последняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, челоѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ нимъ вечеръ и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангелъ женка. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Изв. и брату Сергѣю.

Пиши мнѣ въ Болдино.

Н. Н. Пушкиной.—*Симбирскъ, 14 сентября.*—Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, вѣхавъ почью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, зайцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его поberi, дорого-бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу: пѣтъ ямщиковъ—одинъ сѣлтъ, а другой нянѣ и спрятался. Пошумѣвъ цзо всей мочи, рѣшился я возвратиться и ѣхать другою дорогою; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ педѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что жъ? не отѣхалъ я и няти веретъ. Гора—лошади не везутъ—около меня челоѣкъ 20 мушкетеровъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ—наконецъ выѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого-бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я-бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ—апп пѣтъ. Что ты, моя женка? Какова ты и дѣти? Цѣлую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всл-

комъ надорѣ, до тебя касающемся. Клапаясь теткѣ.

Н. Н. Пушкиной.—*Оренбургъ, 19 сентября.*—Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу добѣхалъ—дорога прескучная, погода холодная, зангравду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три—и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.

Что, женка, скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился-бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя мой ангелъ,—взялся за гуль, не говори, что, не дюжъ; то есть ухалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дуръ на меня находить, и и въ коляскѣ сочиняю; что-жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: челонѣкъ мой. Вообрази себѣ тош московскаго канцеляриста, глухъ, горюливъ, черезъ день пьянъ, вѣсть мой холодные дорожные рябчичи, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги и по стапціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Вѣстъ меня, да и только. Свѣтъ-то мой Инполитъ! Кстати о хамовомъ племени: какъ ты ладилъ своимъ домомъ? боюсь, людей у тебѣ мало; не найдешь-ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня беспокоитъ—я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, женка. Прощай, женка; не жди отъ меня ужъ писемъ до самой деревни. Цѣлую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была-бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю и надаяхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любовныя, очень простибельное путешественнику. Знаешь-ли ты, что есть половица: на чужой сторонѣ и старушка—Божій даръ. То-то, женка, Бери съ меня приѣмъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 2 октября.*—Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня; думалъ здѣсь пойти отъ тебя письма и не пришелъ ни одного. Что съ нами? здорова-ли ты? здоровы-ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не вышедъ отъ тебя никакого извѣстія, я почти абрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому, то-ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда добѣхалъ я въ Уральскъ. Тамашій атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подарили за мое здоровье, наперерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моему выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный-же путь послалъ. Онь мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимую. Того мало: выналъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, прохвлавъ верстъ 50 на сапяхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, почевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія,

нстрѣтилъ я поповъ, и такъ-же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня—искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранять тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ з-хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я еще болѣе fortune—нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помпимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, выпивать, и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресенье приходитъ почта въ Абрамово. Надѣюсь письма—сегодня поведѣльничъ, надѣваю буду его ждать. Прости—оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цѣлую тебя, женка—будь умна и здорова.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 8 октября.*—Мой ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ въ словечка. Не забудь прибавлять: въ Арамасскомъ уѣздѣ; а то, чего добраго, въ Нижегород. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово, такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня беспокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не страши меня, женка, не говори, что искокетничалась: я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и свѣншить. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще снять. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и займемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за слетни. Коли увидишь Жуковского, подѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣдаю. Каково его здоровье? напиши. Карамзиннымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софѣ Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Деритъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнѣхъ 500 нерствъ. А не писалъ имъ, полагая все прѣхатъ. Жаль, что ты Смирновой не вдала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Б.....ъ умно дѣлаетъ, что женится на к. Х...ой. Давно-бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежелъ волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Намокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; илюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебѣ моимъ отцомъ? ужъ не проценты-ли за 550, которыхъ онъ мнѣ должетъ? Чего добраго! Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Васьки Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во-первыхъ деньги, а во-вторыхъ свободное время. А у меня ни

того, ни другого. Какова Краевская? педаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморія и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хипровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фиксельмоны пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то, мой ангель, удадутся тебѣ балы? Прощай, душа. Я что то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болить, какъ у Александра. Цѣлую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 11 октября.* — Мой ангель, одно слово: съѣзди къ Плетневу, и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собр. Законовъ (гг. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое б...? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не страшай меня. будь здорова, смотри за дѣтми, не кокетничай съ п-мъ, ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, въ хлопотахъ, никого не вижу — и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ аккуратенъ. Надняхъ пришлю ему стиховъ. — Знаешь-ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои завѣтныя: какъ Пушкинъ стихи пишетъ — передъ нимъ стоитъ штофъ славѣйшей настойки — онъ хлопъ стаканъ, другой, третій — и ужъ начесть писать! — Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей понады, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла, не только лицомъ, да и фигурой. Чего тебѣ больше? Прости, цѣлую васъ и благословляю. Теткѣ цѣлую ручку. Говорить-ли Мама? ходить-ли? что зубки? Самъ подсовистываю. — Прощай.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 21 октября.* — Получишь сегодня письмомъ твое отъ 4 окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресенье не получилъ отъ тебя письма и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что я не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничего не мѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно, Огаревъ охотникъ до Пушкинскихъ, дай Богъ ему ня два, ня покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ топу, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С... — Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы гр. Шереметевъ сталъ отягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напани мнѣ также, гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскіе. Княгинѣ Вяземской скажи, что напрасно она беспокоится о портретѣ Виселя и что съ этой стороны честное мое поведеніе выше всякаго подозрѣнія; по что изъ уваженія къ ея просьбѣ я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Кстати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ сло-

ва не сдержала; пеняй ей отъ меня. Жуковского и Вязьгорскаго, вѣроятно, ты уже видѣла. Что Жуковский? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда-ли? Что-жъ ты хотѣла жевать его на Кат. Цикъ? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресенье вышло письма отъ тебя получила я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для *râtes de foie gras*, и который для того ватѣваетъ альманахъ. Ты неппаешь, какъ письмомъ его и просьбы о стихахъ (что я говорю — просьбы: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то мой беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжій? не ожидалъ я этого отъ него.

О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣппю, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Старамъ стала и умомъ плохаетъ! Пріѣду оживиться твоею молодостью, мой ангель. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться: взялся за гушъ, не скажу, что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодарю мою безцѣпную Катерину Ивановну, которая не дастъ тебѣ волъ въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей. — Машку, Сашку рыжаго и тебя цѣлую и крещу. Господь съ вами. — Прощай, спать хочу.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 30 октября.* — Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою бѣгаютъ: есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; . . .

Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свины будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Памайлова о Оомѣ и Кузьмѣ. Оома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Оома не далъ; Кузьма и прибилъ Оому, какъ баналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее правоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете паскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прощу, чтобъ у меня не было академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангель, цѣлую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ всю безпутную жизнь. Гуляй, женка! только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанною à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой к... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Онни мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, бакъ ты пишешь, вѣроятно, уже открылись. — Да, ангель мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не решивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнейю, все, что не выше il faut, все, что vulgaire. Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой аристократическій тонъ измѣнился, разведусь.

вотъ-те Христось, и пойду въ солдаты съ горя. Ты сираииваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли? Во-первыхъ отпустилъ себѣ бороду; усь да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался и уже написалъ пропастъ. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5—въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я сѣвшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Деригъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и княжнѣмъ Виземскимъ. Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божью поляну? какъ это она тебя пустила на Божью поляну? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цѣлую и прошу меня помнить. Чтѣ это у Саши за сыны? Христось съ вами. — Благо-словляю и цѣлую васъ.

Кн. В. С. Одоевскому. — *Болдино 30, октября.* — Виновать, ваше сіятельство, кругомъ виновать. Приѣхалъ въ деревню, думалъ—расійшусь; не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидаетесь Бѣлкина (Пушкина); не на шутку, видно, опъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостинной Гомозѣйки (Одоевскій), ни на чердакѣ Панька (Гоголь). Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи (говорится о задумываемомъ альманахѣ). А куда-бы не худо до погреба-то добраться! Теперь донесу вашему сіятельству, что, будучи въ С., видѣлъ я скромную отшельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Недурна. Кажется, губернаторъ гораздо усердѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ся, кажется, кончено. Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ, чтобы нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ на пять. А тамъ ужъ какъ-нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Чтѣ его комедія (Ревизоръ)? Въ пей-же есть закорючка (условное выраженіе вышло: она заслуживаетъ особеннаго вниманія). — Всѣ вашъ А. Пушкинъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 6 ноября.* — Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, чтѣ я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немощно сердитъ, и кажется, письмо немного жестоко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хотъ оно имѣетъ свои пріятности, во ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своимъ побѣдами тебѣ нечего: к. ., у которой перевела ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon, говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Живка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ стѣнной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для

тебя, женка: чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги-же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мужичью, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c.—не говоря объ соснаге, о коемъ прочелъ я надняхъ цѣлую диссертацию въ Брантомѣ.

Чтѣ дѣлаетъ братъ? я не советую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ-же неспособенъ, какъ и къ военной; но у него, по крайней мѣрѣ, здоровая и на сдѣл онъ все далѣе уйдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается, что мы безъ европейской войны не обойдемся. Эгогъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемъ—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говорить у насъ застѣдатель, лавры и мѣрты. Покажетъ советую ему быть бакуши: занятіе пріятное и здоровое. Здѣсь я было задумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать, развѣ не загинуется-ли Бенкендорфъ: попробую, приѣхавъ въ Петербургъ. — При семъ письмѣ къ отцу; вѣроятно, уже онъ у яствъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого; а то альманашники забудутъ меня. Цѣлую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цѣлую Машку—и такъ далѣе до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинѣмъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.

П. В. Нащокину. — *Спб., 24 ноября.* — Чтѣ, Павелъ Воиновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено-ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не сѣю надѣяться, а можно надѣяться. Vous êtes éminemment un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ я не осмѣлился-бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ пѣткогда пьяный иерейцалъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже—сымп рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Федоръ (Ф. Ф. Гагаринъ) и я будемъ слѣдовать съ тобою въ лодкѣ и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Деленъка мнѣ не мѣшалъ, овъ очень милъ, т. е. молчалъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. Велика своему Гаврилѣ въ юбѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать! Дома я пашель все въ порядкѣ, жена была на бабѣ, я за нею поѣхалъ и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежника мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопріистоеенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

И. И. Лажечникову (черновое). — *Спб., в ноябрь.* — Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова о времени Пугачева. Вы оказали-бы мнѣ истинное благоудѣаніе, если-бъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоценностію. Будете увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи. Съ истиннымъ, и пр.

И. И. Дмитріеву (черновое). — *Спб., в ноябрь.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Имѣвъ всегда счастье пользоваться благосклонностію вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ съ всенекорнѣйшею просьбою. Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторые важныя бумаги, касающіяся Пугачева, собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческѣхъ Запискахъ (которые дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидно описали его смерть. Могу-ли надѣяться, что вы, м. г., не откажетесь запясть мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины? Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., 6 декабря.* — (Пушкѣнъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала «Библиотека для Чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоценнымъ дозволеніемъ—угруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензурѣ, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей, и испрашивая на то дозволенія; при этомъ прибавилъ):

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыслъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволеніе представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать; но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

Бар. М. А. Корфу. — *Спб., в декабрь.* — Сейчасъ былъ у Смирдинна и, кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. Бакунинъ можетъ прѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я-бы совѣтывалъ ему справиться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать ту-же цѣну. Такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого-нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнить твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія. — Весь твой Александръ Пушкинъ.

П. В. Нащокину. — *Спб., в декабрь.* — Я получилъ отъ тебя два грустныхъ письма, любезный

Павель Вонпловичъ, и ждалъ третяго, съ терпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась-ли, успокоилась-ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробно.

Въ твои именныя семья моя (въ томъ числѣ Григорій Федоровичъ) пила за твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Алешѣ (зачеркнуто и сверху написано: «Левенкѣ») не имѣю извѣстій; онъ живетъ у Эристова, а на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ беспокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не плачетъ-ли мальчикъ, и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ! Успокой старика, какъ умѣешь.

Не знаю, буду-ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдникъ дяди дѣлалъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ-ли они въ новыя переговоры. Здѣсь имѣлъ я несприятности денежные: я сговорился было со Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пугачевского бунта, то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень несприятно. На деньги твои однако я надѣюсь: думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ сѣху. Прощай. Клапаюсь князю Гагарину и желаю вамъ обоимъ счастья. — А. П.

1834.

П. В. Нащокину. — *Спб., в мартъ или в апрѣль.* — Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во-первыхъ, получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сидѣтні, половникъ которыхъ я не вѣрилъ, но которыхъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастья. Наталья Никол. потерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ. — Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Оттого-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до октябрия денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставятъ тебѣ въ непродолжительномъ времени, но срокамъ, которые назначу, соображаясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня беспокоило; но теперь вадѣюсь на перемену жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрасеній кельгельва и иліе, для разсѣянія своего домашняго

горя. Говорятъ, что несчастіе—хорошая школа, можетъ быть. Но счастье есть лучший университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ добруму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ известно. Конечно, мы квиты, если ты мнѣ объявишь женитьбою своею, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любить тебя Паталя Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Цыпѣшная зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается душно; я увожу ее, и она, прѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава Богу, здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перенесъ на себя. Андрей Петровичъ (Есауловъ) въ ужасномъ положеніи. Онъ умираетъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я, мы помогали ему деньгами—скупю, увѣщаніями—щедро. Теперь думаю отравить его въ полкъ канцелямейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безнеченъ, нерѣшительнъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимости. Но вѣдь и нищій независимѣ поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ гевіевъ, продолжившихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу—нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Чтѣ такое?—Мѣнѣе онъ пишетъ. Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя.—О чемъ же горе?—Жить не чѣмъ до октября.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ. Чтѣ дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы успокоить старость отца и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой-же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса, да и только!

Вотъ тебѣ другія новости: я камеръ-юнкеръ съ января мѣсяца. Мѣднѣй Всадникъ не пропущенъ—убытки и непріятности! За то Пугачевъ пропущенъ, и я напечаталъ его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ, и вѣрно не думалъ ужъ меня колынуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ.

М. П. Погодинъ.—Сиб., 6 апрѣля.—Вы спрашиваете меня о Мѣднѣй Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выйдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической кафедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться предъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобы дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ

своихъ журналахъ только что не по... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Былъ это—живый рынокъ. Быть такъ.

Графу Гр. А. Строгонову.—Сиб., около 1 апрѣля.—Графы! Несчастно приходится мнѣ искушать мечты моей молодости. Объятія Лелевля кажутся мнѣ жестче сенокосъ въ Сибирь. Однако-же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отвѣды. Благодарите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. Александръ Пушкинъ.

Н. Н. Пушкиной.—Сиб., 17 апрѣля.—Чтѣ. женка? каково ты бѣдешь? что-то Саша и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Иду отъ тебя письма изъ Новгорода, а покаместъ вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житѣ-бытѣ. Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго Села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29 апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣды. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ заѣзжавшаго ко мнѣ Жуковского, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковала съ большимъ жаромъ. Il a y cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На чтѣ Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompез: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой борошкою придется выступать съ Безобразовымъ или Реймерсомъ—ни за какія благополучія!—J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. Поутру спѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобы ты, мой ангелъ, повопила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ внемилъ я, что хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскормился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме и покаместъ стали приводить въ порядокъ библиотеку, тетка прѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою коммисію, поговорили о тебѣ, потужили, побеспокоились и рѣшились тебѣ подтвердить ваши просьбы и требованія—беречь себя и поминать паша наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ мое явленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали потчивать меня шампанскимъ и пившемъ, и спрашивать, не поѣду-ли я къ Софѣ Астафьевнѣ? Все это меня смѣтило, такъ что я къ Дюме являться уже болѣе не вамѣревъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и beefsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся я въ 7 часовъ и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе.—Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня,—буду ей писать, а покаместъ обнимаю и цѣлую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.

Н. Н. Пушкиной. Сиб., 19 апрѣля.—Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупоности (чтобъ

меньше платить на почту въсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость не забудь перечестъ инструкцію Спасскаго и поступать по ней. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче; а мы!.. Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьей выкинула, береги себя, будь осторожна, шляши умѣренно, гуляй понемножку, а лучше—скорѣе добрайся до деревни. Цѣлую тебя крѣико и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай, куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ поведеніи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто непарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да beefsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подають славную ботвинью; Левъ Серг. хлебаётъ двѣ тарелки, утираетъ осетриною; наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина. — Какъ нѣтъ? — Алек. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник. я на дѣтѣхъ и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича, который уже ко мнѣ, вѣроятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ и потчивалъ. Льва Сергѣича, который чинился въ отказываеся. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упрямствъ. Съ пестерѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новгорода, и тотчасъ поспею его Кат. Ивановнѣ. Покаместъ прощай, ангелъ мой. Цѣлую васъ и благословляю. Вчера былъ у васъ первый громъ—славу Богу, весна ковчиглась.

Н. Н. Пушкиной. — Сиб., 20—22 апрѣля. — Пятница. — Ангелъ мой, женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницы и сердечно тебя благодарю. Съ пестерѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуясь больнымъ и боюсь паря встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снать съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою пивьку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и унекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то вашъ Сашка будетъ ладить съ . . . ; съ моимъ теской я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да сориситься съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перешеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; поалауйста побереги себя, особенно свачала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гулялымъ съ утра до ночи, не плещи на балъ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ: онъ можетъ ихъ испугать, и мало ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай

скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю, сколько душъ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадахъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстися и не церемонясь.

Воскресенье. Христосъ воскресъ, моя милан женка: грустно, мой ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ пзъ головы нейдетъ. Ты, мнѣ кажется, слишкомъ устала. Приѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; первы твои будутъ напряжены, ты подумашь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простиошь у вѣснощи, и теперь лежишь въ растяжку, въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожить, мой ангелъ, такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь-ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала? Нынче великій князь присагалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуясь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ: множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Въземская все ябѣт. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень прунтъ; государь также. Вообще говорить, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видаль сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней, какъ свидѣтелю. Еще новосты; Мердеръ умеръ; это еще тайна для в. князя, и отравить его ювошескую радость. Аракачевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ видѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный билъярдъ—предестъ. Она тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной. — Сиб., 28 апрѣля. — Ну, женка! насилу дождался мы отъ тебя письма. По моему расчету, ты должна была приѣхать въ Москву въ великій четвергъ (такъ и вышло), и цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотацилась благополучно, и полагаю, что хлопоты приѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты приѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы-ли онъ боленъ? вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Чѣдъ дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ приѣхать не хочетъ, побзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишние расходы и лишній хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помани Господи царя Давида и всю кротость его! — Съ отцомъ поалауйста неводи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на него, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди, откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинпо дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качествахъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не являюсь. Этотъ балъ кружить всѣ

головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанималъ у меня 50 р. и съ тѣхъ норъ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честъ нѣбу тебѣ замѣтить, что твоя извозчикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренкаго (т. е. всякое бѣлое кисельное виноградное вино называется рецскимъ); впрочемъ, твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. *Mis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es.* Письмъ-ли ты романшу или сан д'orange? Тетка третьяго дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоёмъ здоровьи и кокетничала со мною извѣ... ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой ангелъ; цѣлую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ, хотѣлось-бы отпугнуть une bonne plaisanterie, да тебя боюсь Addio.

Н. Н. Пушкиной. — *Слб., 30 апрѣля.* — Оомнишь поведѣльщикъ. — Вчера былъ, наконецъ, дворянскій балъ. Съ шестн часовъ началось подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилося множество. Полиція съ вѣмъ шумѣла. Иллюминаціи приготовлялись. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ англ. клубъ, гдѣ со мною случилось маленькое происшествіе. У меня въ клубѣ укралъ 350 рублей, укралъ не въ тингеръ, не въ вистъ, а укралъ, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клубъ? перешеголяли мы и московскіе! Ты думаешь, что я сердился? ничуть. Я золь на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты най дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sonntag, которую зовутъ на вечеръ, а потому на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которые на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой. — Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-мажорка; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать.

Н. Н. Пушкиной. — *Слб., 30 апрѣля.* — Женка моя милая, женка мой ангелъ — я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ-то не удалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ изъяснениями, а кончилъ плахой. Виноваты, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощай тебѣ балъ у Голицыной и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего пельзи было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженого,

такъ что мнѣ-бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургоны, съ какими-то оборванными мальчишескимъ явленіемъ). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клубѣ укралъ депши; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ залахъ у Соболевскаго и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился оный съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцовъ женится на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь въ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій, ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александръ-ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо, вѣроятно, получишь ты уже въ Яропольцѣ; Наталья Ивановна я уже писалъ; поцѣлуй за меня у ней ручки и скажи много пѣзнаго. — Прощай, жена, цѣлую и благословляю тебя и васъ. — А. Ц.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. — *Слб., 1 мая.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я точчасъ и поддалъ гравировать. Портретъ его у меня есть, и также гравировается. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностью.

Итакъ, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнъ и замѣчаний такого человѣка, каковъ вы, послужили-бы мнѣ руководствомъ и ободрили-бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ

Н. Н. Пушкиной. — *Слб., 13 мая.* — Какая ты дурная, мой ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сразу провальсируешь съ кавалергардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ. Я отправилъ тебя изъ Петербурга съ божьимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сызнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софѣ Нарышкиной очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываешь у К., ей не встачить брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; графиня Сологубъ тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В. — Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе; но что-жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цѣлуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь послалъ Н. подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Яропольцъ, гдѣ ты должна быть съ третьяго дняго дня. —

Кланяюсь сердечно Нат. Ив., цѣлую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты, что кн. Мещ. и Sophie Kaгамсiне ѣдутъ за границу? Sophie уже плачетъ недѣль двѣ; вѣроятно, я доведу ее до Кронштадта.

Н. В. Гоголю.—*Сиб., послѣ 13 мая.*—Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти Теллграфа, поговорю и о вашей (что де Гоголь прѣ смерти). Огъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Сиб. 15 мая.*—Мой ангелъ! поздравляю тебя съ Машиннымъ рожденіемъ, цѣлую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того-же и Самѣ желаю, хоть онъ не мнениникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что беспокоюсь по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Ярополяца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здоровали ты и дѣти? спокойна-ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золь—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, жевка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почти расписалата письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно неприятно: тайна семейственныхъ сношеній, пропикнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было больно. Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу снѣдню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.

Вчера я былъ въ концертѣ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жалъ, что ты ее не видала! Пѣли новую музыку Вьельгорскаго на слова Жуковского. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотину до августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гуляній верхомъ. Я еще не знаю, какъ ты ѣдишь; вѣроятно—сѣло; да крѣко-ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровую, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Неприятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человекъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя.—Благословляю всѣхъ васъ, дѣтүшки.

Н. Н. Пушкиной.—*Сиб., 16 мая.*—Давно, мой ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ, видно, было некогда. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди, пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Снасскимъ о Пиромптекскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала, и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьи и о здоровьи дѣтей, которыхъ цѣлую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив.—Тебя цѣлую.—Надняхъ получишь письма по оказіи.—Прощай, мой милый другъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Сиб., въ концѣ мая.*—Что это, жена? вотъ уже 5 дней, какъ я не пишу о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Яропольцъ. Не знаю, куда отправитъ тебѣ деньги, въ Москву-ли, въ Волоколамскъ-ли, въ Калугу-ли? Надѣюсь, что не забуду рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобы не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клубѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сологубъ. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она беспокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія.—Погода у насъ славная, а у васъ, вѣроятно, еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на нянины и на чистый воздухъ.

Сейчасъ, мой ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь..... Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошенько, хоть это du superflu. Сейчасъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цѣлуетъ.—Лѣтній садъ полонъ.—Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельмонъ звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.—За Сологубъ я не ухаживаю, вотъ те Христосъ; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родить черезъ мѣсяцъ.—Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться—съ ума сошла, что-ли? Послѣ завтра обѣдаю у Снасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга Сергѣевна начинаетъ уже сердить.—Откажусь ото всего—и стапу жить пріятнѣе.

Н. Н. Пушкиной.—*Сиб., 29 мая.*—Благодарю тебя, мой ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машинномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что ты путаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно». Лучше-бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякій вздоръ—на-смѣхъ всѣмъ частнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, что я дѣлаю.—Ничего путнаго, мой ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрка отвыкъ; въ клубѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя бібліотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жалъ, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно лосгилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молодая, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.—Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свисскій Петербургъ не гадохъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить

между пасквиллями и допосами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ (Великомъ)?—идеть по-маленьку: скопая матерьялы—привожу въ порядок—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ. Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзинныхъ, Жуковскаго, Вьельгорскаго, Вяземскаго—все тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ—для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дьянями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поспѣть встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня їду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покаместъ прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цѣлую васъ и благословляю.

Р. S. Денги шаю на имя Дм. Ник.

Н. Н. Пушкиной.—Спб., 3 іюня.—Что это, мой другъ, съ тобою дѣлается? вотъ ужъ девятый день, какъ не имѣю отъ тебя извѣстій. Это меня поневолѣ безпокоитъ. Положимъ, ты выѣзжала изъ Ярополяца; все-таки, могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почти такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Котора не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала-ли ты желѣзныя ванны? есть-ли у Маничовы зубы, и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай, кто теперь остановился?—Сергій Ник., который прѣѣхалъ-было въ Ц. Село къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шапки возобновились. Тетка уѣхала съ Натальей Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Маниновская выкинула, но, кажется, здорова. Сегодня обѣдаю у Вяземскаго, у котораго сынъ именникъ: Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отпривались въ Италію, и что Sophie три дня сразу разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до нироскафа. Въ прошлое воскресенье представлялся я къ вел. княгинѣ. Я поѣхалъ къ ея выс. на Кам. Островъ въ томъ приятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою несчастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paraît.—Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей: d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. Смирнова на сноскахъ. Брюхо ея ужасно; не знаю, какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго года. Гр. Сологубъ встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя подловить, и теткая также. Я большею частію дома и въ клубѣ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть-бы и были, такъ не сказали-бы.—Цѣлую всѣхъ васъ. Христосъ съ вами. Отецъ и мать на дняхъ їдутъ въ деревню,

а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно, имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу, скрѣпя сердце.

Д. Н. Бantyшъ-Каменскому.—Спб., 3 іюня.—М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю, какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ ваялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь-ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon. Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли-бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете-ли вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои новѣренныя, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. Пушкинъ.

Н. Н. Пушкиной.—Спб., 8 іюня.—Милый мой ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страничкахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно силнѣе. Скупчо жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо-бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, оутатъ себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Онада легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноваты я изъ добродушія, которымъ я пренебрегъ до глубины, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за всѣмъ роскошную вывѣску моей скуности. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно, она теперь въ хлопотахъ и приговариваетъ Нат. Кир. къ вѣсти о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ свари́днть въ дорогу своихъ стариковъ. Терѣбать меня безъ милосердія. Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ, какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станеть, а мы Санжѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ-ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вьельгорскій їдетъ въ Италію къ больной женѣ; Петербургъ пустъ, все падацахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клубѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ кло-

бѣ играть, по принужденъ былъ остановиться. Игра волнуешь меня—а желчь не унимается. Цѣлую васъ и благословляю. Прощай. Ъду отъ тебя письма объ Яропольцѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма расечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность!

Н. Н. Пушкиной.—Сиб., 11 июня. — Нашла, за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній садъ—мой огородецъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатъ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творить свои, а я свои. Моя спекуляція—удрать къ тебѣ въ деревню. Чтѣ ты мнѣ пишешь о Калугѣ? чтѣ тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немагого гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Чтѣ-же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сесгры баламутятъ, и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ъду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne sçavais pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня Ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Села, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не вѣзаться за имѣніе, то оно пропадетъ-же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подпожномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ-же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало! Меня-же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слыди эту свадьбу, а я приѣду въ отцы посаженные. Нашии мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яроп., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ прусскаго принца. Вчера приѣхалъ Орловъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думалъ о тебѣ и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такую-же тетехой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма и помирился отъ души съ почтой и полиціей. Чортъ съ ними. Чтѣ дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цѣлую.

Н. Н. Пушкиной.—Въ тотъ же день. —Сейчасъ отъ меня тегя. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня—тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра Ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ; да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сейчасъ простился съ отцомъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь, чтѣ я думаю? не приѣхать-ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣло есть, потеряю еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду, какъ снѣгъ на голову,—если только пу-

стять меня. Охога тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно откажутъ; а во-вторыхъ, копъ и возмуть, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу.—Ты сликомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просителиницы. Погоди: овдовѣшь, постарѣешь—тогда, пожалуй, будь салоппицей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подаля отъ двора;.... Вы-же не богаты. На тетку вамъ нельзя всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня-бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жиль-бы себѣ баринкомъ.—Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя на вѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадахъ, за дѣтми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поѣдулѣй заиросто, Дм. Ник. также—дѣтей за меня благослови. Цѣлую тебя. Ъду на пирскафѣ провожать Вьельгорскаго, который, вѣроятно, жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I идетъ того и гляди, напечагаю 1-ый томъ къ зимѣ. На то-го я пересталъ сердиться, потому что, toute réflexion faite, не онъ липоватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н..... поневолѣ привыкнешь къ....., и вопъ его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!

Н. Н. Пушкиной.—Сиб., 19-го июня.—Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, па чтѣ тебѣ ванни. Тетку видѣлъ на дняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ.—Цѣлую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

Н. Н. Пушкиной.—Сиб., 21-го июня.—„Ваше благородіе всегда понапрасну лаяться изволите“ (Недоросль).

Помилуй, за чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякій день: пиши, сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждые десять дней. Предпоследнее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ-бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо-бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся п. кн., дежурная была не С., а моя принципиальная кузинка Ч.....на, до которой я не охотникъ; да хоть-бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться...—Охъ, женка! почта мѣшаетъ, а то-бы я павралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, чтоя отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во жи, какъ въ petite mise en overte, доказывая, что я видѣлъ и того и другого, слѣдственно и въ свѣтъ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клубу; а этимъ нечего хвастаться. Сырнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Сыр-

новъ?— Сегодня, кажется, депятый день—я слышно, мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюстину, а Алекс. Ник. за Убри; почему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоёмъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ врётъ, а ты ему вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго; я даже Пугачева наизбрѣнь препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда-бы отъ жизни удраля, улизнулъ! Цѣлую тебя и дѣтей, и благословляю васъ отъ души.—Ты, я думаю, такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже.—Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ-ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. Надняхъ їду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

Н. Н. Пушкиной.—Сиб., въ концѣ іюня.—Мой ангелъ, сейчасъ послалъ я къ графу Литѣ извѣщеніе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Незнаю даже, удастся-ли тебѣ когда-нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умири я сегодня, что съ вами будетъ мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронять въ полосатомъ кафтанѣ, и сие на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. Петербургъ ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ житья на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Вобринская да Фикельмонъ. Припиваютъ—а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ нигде не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Впновать, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно-ли будетъ его вложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было припивать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ пиявки дома нашего ея мнѣ не высосутъ.—Кстати о домѣ нашему: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ поборанился, и вотъ почему. На дняхъ возвращаясь ночью домой; двери закрыты. Стучу, стучу; зовую, звою. Наспну добудился дворника. А ему уже пѣсколько разъ говорилъ: прежде моего приѣзда не заирать. Разсердился на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери заирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибѣть къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича, о сдачѣ квартиры—а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ норъ не отвѣчалъ. Война-же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повозился. Мнѣ его жалъ, но дѣлать нечего: я упрямы и

хочу пересорить весь домъ—включая тутъ и пиявочку. Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлеченію чѣмъ-нибудь. Все то ты виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня воскреся. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить—но до другого дня.—Пока прощай.—Цѣлую тебя и дѣтей, благословляю всѣхъ тропяхъ. Прощай, душа моя—кляпайся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. на дняхъ въ офицеры произведенъ и хлопочетъ о мундирѣ.—А. И.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (черновое, по франц.).—Сиб., въ іюнь.—Повергая предъ Его Вел.—омъ II томъ Пугачева, я позволю себѣ изложить Вашему Превосходительству обстоятельства, лично до меня касавшіяся, и прибѣгнуть къ Вашему обычному доброжелательству. Разрѣшая мнѣ напечатаніе этого сочиненія, Его Величество обезпечилъ мое состояніе. Вырученныя отъ его продажи деньги дадутъ мнѣ возможность принять наслѣдство, отъ котораго я вынужденъ былъ отказаться на пенствіемъ потребныхъ 40000 рублей. Вышеупомянутое сочиненіе доставитъ мнѣ эту сумму только въ томъ случаѣ, если-бы я могъ самъ издать его, не прибѣгая къ книгопродавцамъ, для чего было-бы достаточно 15000 рублей.

Поэтому прошу двухъ вещей: во-первыхъ, разрѣшенія печатать 2-й томъ Пугачева за мой счетъ въ Собственной типографіи Его Величества, пахотавшейся въ заведеніи г. Яковлева. (это единственная типографія, относительно которой я увѣренъ, что не буду обманутъ) и во-вторыхъ, чтобы мнѣ даны были взаимно на 2 года 15000 рублей: эта сумма дастъ мнѣ возможность посвятить изданію необходимое для того количества времени и труда.

Я не имѣю иныхъ правъ на милость, о которой ходатайствую, кромѣ уже полученныхъ благодѣяній. Они-то и даютъ мнѣ смѣлость для новыхъ ходатайствъ. Въѣрию мою пикайшую просьбу Вашему покровительству.

Н. Н. Пушкиной.—Сиб., 2 іюня.—Твой Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Поляной не влочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу III. въ академію, и то не для свадьбы, а для жетонновъ, ронг(pas?) аѳентемъ. Исторія-же о княжнахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшнаго. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ живнмоей утѣшенія пѣти—и жить съ тобою въ разлукѣ такъ-же глупо, какъ и тяжело. Но что-жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пугачева, который до сихъ норъ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ. — Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева, вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно поборанился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно если приѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. поборанился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ рассказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель намелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю

последовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Бодино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты общаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволялъ, но все-таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться. — Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно-бы пора. А чтѣ кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я приѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цѣлую въ особенности.

Р. С. Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои письма распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка пужна не будетъ.

М. Л. Яковлеву — *Сиб.*, 3 июля. — М. Г. Михайло Лукьянович! Въслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ «Исторія Пугачевского бунта», и по личному моему съ вами о томъ объясненію, посылаю васъ увѣдомить:

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого-же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество опой для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу. (по франц.). — *Сиб.*, 3 июля. — Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ несприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ. Однако-же отпущъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ-бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть и проч. *А. Пушкинъ.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Сиб.*, 4 июля. — М. Г. графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо нашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоилъ я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня несприятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностью и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моихъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости. Съ глубоч. почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

В. А. Жуновскому. — *Сиб.*, 4 июля. — Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étant inconsidérée, и сказалъ que j'aimais mieux avoir l'air inconsequent qu'ingrat. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получаю,

но что входить въ архивы мнѣ будетъ запрещено. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны: положеніе мое пессимъ, перемѣна жизни почти необходима. Изяснять все это гр. Бенкендорфу мнѣ недостаало духа — отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужъ не имѣлъ намѣренія произвестъ, чтѣ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Лизавета Михайловна Хитрово. Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня, конечно, трогаетъ. Но что-жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

В. А. Жуновскому. — *Сиб.*, 6 іюня. Я, право, самъ не понимаю, чтѣ со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе — какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь — отчего письма мои сухи? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннымъ и холоднѣе. Чтѣ мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, чтѣ у меня на сердцѣ. Но не знаю, почему письма мои несприличны. Попробую написать третье.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Сиб.*, 6 іюля. — Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Исправивъ мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко перетолковано. Императоръ осылалъ меня милостями съ первой-же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я читалъ къ нему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ вѣчатлѣніе, мною, по счастью, незаслуженное. — Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу, не давать дальнѣйшаго хода прошенію, подающему мною столь опрометчиво. — Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія. — Съ таковыми чувствами имѣю честь быть. *А. П.*

М. Н. Загоскину. — *Сиб.* 9 іюля. — М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное

ваше твореніе, и не слышали отъ меня спасибо. Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но вѣнчать пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день ужъ седьмой мѣсяцъ, какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ (чревоушцатель), очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленіе пополамъ съ дирекціею (поддержки спектакля на ея счетъ) и бенифиетъ. Удостоите меня отвѣтомъ и потѣшите матушку-Москву. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и пр. А. П.

Н. Н. Пушкиной. *Сиб., 11 іюля.* — Ты, женка моя, презабавная (вычеркнуто) презабавная (наслу слово написалъ). То серднишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельству, тебя извѣстнымъ; не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо я печатаю Пугачева и закладываю имѣнія, и возжусь, и хлопочу — и письмомъ твое меня огорчило, а между тѣмъ и породовало; если ты заплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка, за что цѣлую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру — какъ тороплю Яковлева! Только-бы въ августѣ быть у тебя. Теперь расскажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебѣ знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клубъ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась, какъ я вошелъ въ освѣщенную залу съ наряднымъ дамами, то я смутился, какъ нѣмцкій профессоръ: наслу хозяйку напелъ, наслу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и что балъ это запросто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ — нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря уже о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянныя. Вотъ, пацелъ я мороженого и пріѣхалъ себѣ домой — въ часъ. Кажется, не за чтѣ меня бранить. О тебѣ въ свѣтъ много спрашиваютъ и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала палестъ въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай-да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заѣхала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мной въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не поборанился — и тухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть онъ и не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь именинница. Только вмѣсто его напелъ я кривую кузину — и ничего. А онъ уѣхалъ въ Орашѣнбаумъ — в. княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка — спать хочу. Цѣлую тебя и васъ — и всѣхъ благословляю. — Христосъ съ вами.

П. А. Осиповой (по франц.) *Сиб., 29 іюня — 13 іюля.* — Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, дорогая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣ же чувства дружбы и участія. Касательно Рейх-

мана отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрія ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю втораго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдинѣ, не могу и думать объ устройствѣ имѣнія, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго разоренія; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали и исправно вносили проценты въ ломбардъ. Улучшенія придутъ впоследствии. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять на себя управленіе Болдиннымъ и въ эту минуту онъ въ Малинникахъ.

Не можете себѣ представить, до какой степени тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Итъ сомнѣнія, что Болдинъ отойтъ того, чтобы его спасти, хотя-бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сума, или по меньшей мѣрѣ бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семьи, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ одиѣ заботы и непріятности. Родители мои не знаютъ, что они на полость отъ полного разоренія. Если-бы они могли рѣшиться пожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли-бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумеется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите передать мое почтеніе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженіе чувствъ моего уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П.

13-го іюля. Это письмо должно было-бы быть у васъ двѣ недѣли тому назадъ. Не знаю, какъ случилось, что оно не послано. Дѣла мои удержатъ меня еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все-таки располагаю явиться къ вамъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Сиб., 13 іюля.* — Ты хочешь невремѣнно знать, скоро-ли я буду у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца; это конечно будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ явлюсь и обниму тебя, и дѣтей расцѣлую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобы къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ-бы Богу свѣчку поставилъ; радъ-бы въ рай, да грѣхъ не пускаютъ. Я деньги мало люблю; но уважаю въ нихъ единственный способъ благопріятной независимости. — А о какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? къмъ это меня ты страдаешь? отсель вижу, что такое. Человѣкъ лѣтъ 36: отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ и ѣдетъ ихъ перезакладывать — по случаю неурожая — а накануне отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ-ли? А ты, бабенка, за неимѣніемъ того и другого, избираешь въ обожатели и его: дѣлано. Да какъ балы тебѣ не пріѣхалъ, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ? Удивительно! — Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подаль я въ отставку, но получивъ отъ Жуковского такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я струхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не

давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать и что скажутъ Машка, а въ особеннѣйшій Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ напеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Анчиковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. — Поцѣлуй дѣтей и благослови ихъ за меня. Прощай, цѣлую тебя. — А. П.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 14 июля.* — Всѣ вы, дамы, на одинъ покрой. Куда какъ интересны похождения дурачка Д. и его семейственныя ссоры, а ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и раскокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ подарствуешь! — Впрочемъ, женка, я тебя зато ве браню. Все это въ порядкѣ вещей, будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. — Цѣлую тебя отъ сердца — теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обихаживай ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри. . . Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покаместъ малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождался. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться — радуюсь; онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напаялешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Ник. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ оставусь. У насъ третій день какъ жары — и мы не знаемъ, что дѣлать. Силою и вижу, чтобы изъ Петербурга убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну — и займусь своимъ дѣломъ. Левъ Серг. очень себя дурно ведетъ. Ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домно проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жалъ и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царскъ Селѣ. Я все къ ней собираюсь, да не сбегусь. — Прощай. Обнимаю тебя, дѣтей благословляю, тебя также. Всякій-ли ты день молишься, стоя въ углу?

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 26 июля.* — Наташа, мой ангелъ, знаешь-ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Книжница ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку: боится чахотки. Дай Богъ, чтобы югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и пропущу въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальвани, est un animal naturellement faible & malade. Какія-же вы помощ-

ницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мѣшна не велитъ. Я работаю до изломотія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни, — Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу — и сломаю голову къ тебѣ прискачу. Сейчасъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ (деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина). Слышнѣшь-ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею. — Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня выпшетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible et malade). Цѣлую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покаместъ ума не требую, а требую здоровья. Довольна-ли ты нѣжкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря общанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То-есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: «печатать», — такъ и пушусь къ тебѣ, а покаместъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай напихи. Цѣлую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 30 июля.* — Что это значить, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какія балы? какія побѣды? ужъ не больна-ли ты? Христысь съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ прѣхать? Пожалуйста, женка — брось эти военные хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я прѣйду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои поднигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы не заставъ меня все бросить, и потомъ охатъ цѣлый годъ, если не два и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро, до 4 часовъ, никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильярдѣ въ клубѣ; возвращаюсь домой рано, надѣюсь найти отъ тебя письмо — и всякій день обманываюсь. Тоска, тоска! — Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. беру его квартиру. Въ 10 августа припасу ему 2.500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать не долго.

Прощай — будьте всѣ здоровы, цѣлую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 3 августа.* — Стыдно, женка. Ты на меня сердилась, не разбирая, кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описание вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота гаскаться въ скверный

уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить къ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ черниѣ губерскій фейворокъ—когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгинныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разѣзжать, да видно, ужъ у тебя такая патура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ, почитать о томъ лстѣ крупомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побравивъ тебя, беру нынѣ тебя за уши и цѣлую: благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на колѣняхъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и падѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ. Ты ждешь меня лѣ началъ августа. Вотъ, нынче уже 3-е, а я еще не поднимаюсь; Яковлевъ отпустилъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ, надо будетъ мнѣ переѣхать, перетаскать мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ именинамъ, я и тѣмъ былъ-бы счастливъ.

Вяземскіе здѣсь. Вѣдаая Полина очень слаба и блѣдна. На отца жалко смотрѣть. Такъ опъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла и въ бѣдной загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремѣтъ еще молва, послѣ мпупутаго твоего появленія. Нашли, что ты дохудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему обѣщанію: смотри-жъ! не поставь меня въ глупы. На двѣхъ встрѣтилъ я m-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ и спрашивала о твоёмъ здоровьѣ; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала прістѣдать, повторяя: Ахъ, Monsieur, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь, однако, что отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кирилловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Маму. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай. Христосъ съ вами. Цѣлую васъ, тебя въ особенности. Привнеси корректуру.

М. Л. Яковлеву. — *Сиб., въ половинѣ августа.* — Вотъ 18-й листъ (Исторія Пугачъ. бунта). Справлялся я въ другіяхъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 15 сентября.* — Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота; итакъ, это письмо не скоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третій дѣня, въ четвергъ, поутру—вотъ какъ тихо ѣздить по губерскимъ трактамъ—а я еще платилъ почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты подъ государя, который

долженъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ: c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, мнѣ будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что-нибудь мнѣ бы очень хотѣлось; не знаю, придетъ-ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины-маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и, вѣроятно, купитъ полъ-Болдина. Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ-бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну! нечего дѣлать: буду живъ! будутъ и деньги... Вотъ, ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, насилу отягнулся! Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили—дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я черехитрилъ. Вижу отселъ твою недовѣрчивую улыбку: ты думаешь, что я подурюша, и что меня опять оплетутъ—увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ Петербургъ молодцомъ, и обладателемъ села Болдина.

Сейчасъ у меня были мужики съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить; но эти навѣрное меня перехитрятъ, хотя я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю *Conquête de l'Angleterre par les Normands*. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать...

Ну, женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в..... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцевъ по отпадѣ мужа въ рекруты, такъ какой-же опъ в.....? я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ и вѣроятно ужъ думаешь объ отѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино. — Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цѣлую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 25 сентября.* — Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библию, а все объ васъ думаю. Здоровъ-ли Сашка? прогнала-ли ты кормилицу? отѣлалась-ли отъ проклятой иѣмки? Каково доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои а кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не расишусь-ли; коли нѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дѣя три, у Нат. Ив. (въ Яропольцѣ) сутки—и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣле: неужто близъ тебя не расишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь.—Скажи пожалуйста, брюхата-ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула п что тебѣ надобно

себя беречь. — Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургъ! Но по всѣмъ моимъ расчетамъ, ты прежде 3-го октября не дойдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами-няньками и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ будь сказано Пелагѣ Ивановнѣ, которую заочно цѣлую). У тебя, чай, голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь — видно, что мнѣ надобно спѣшить. — Прощай, Христосъ васъ храни. Цѣлую тебя крѣпко — будьте здоровы.

Н. М. Язынову. — *Болдино, 26 сентября.* — Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича (Языкова), который, къ сожалѣнію, пробывъ у меня нѣсколько часовъ. Вразумить онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково, быть свидѣтелемъ его свободы, общаясь употребить меня съ пользою; но мнѣ невозможно: жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было-бы мнѣ принятися за альманахъ, или нѣче за журналъ; я в не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? сами видите: шелководы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправляюсь въ Петербургъ. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, адресуйте ихъ на Дворцовую набережную, въ домъ Баташева, у Прачешнаго моста. Ал. Мих. изволитъ спѣшить, — я и кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ А. Пушкинъ.

М. Л. Яковлеву. — *Спб., 19 октября.* — Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? (линейскую) Не правда-ли? — № 14 (Лич. № комваты Пушкина).

А. А. Фуксъ. — *Спб., 19 октября.* — Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ п посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣвъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!.. право, совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Людероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получалъ, вѣроятно потому, что барона Людероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуточку имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставивъ мнѣ для меня драгоценный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забыть мнѣ адѣсь доставить. Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Федоровичу (мужу г-жи Фуксъ),

когого любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памяты.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

П. В. Нащокину. — *Спб., въ декабрь.* — Не можешь вообразить, съ какими удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, не медленю тебѣ доставить 2,000 р. Слѣдовательно будь покоенъ. Я-бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобы занозалы мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не нишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не засталъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ ножами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Вонновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда-бы намъ съ тобою увидѣться! Много-бы я тебѣ наговорилъ, много скорпилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо-бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ буръ и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домъ Баташева у Прачешнаго моста (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, и ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ-бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурей и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видѣлъ-ли ты лошадей, выгруженныхъ на петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то-ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, вотому что не намѣренъ въ наперсники брать московскую почту, которая вынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покаместъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

1835.

П. В. Нащокину. — *Спб., 20 января.* — Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Вонновичъ, 1500 рублей, остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватили замособразно молодой человѣкъ, ваходящійся въ подмазкѣ. Соболевъ, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно, ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Siebler заказала ей шляпу, которая сегодня-же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокина est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другого. Впрочемъ, это дѣло дамское.

Ты видѣлъ, вѣроятно, Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ влательщикомъ оброка. Езелька Пугачевъ — оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесть довольно, но

какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на раскладку. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

Гр. А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., 26 января.* — Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ-бы изъ оного составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мѣрѣ для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. — *Спб., 26 января.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Съ благодарностію отсылаю вамъ статьи, конны, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго рассказчика или переносчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны — научуся (чего, знаете вы сами, не дожидаясь отъ записныхъ вашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: на стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50 — Изъ примѣчаній въ пятой главѣ (92) вмѣсто Тобольскъ — Табинскъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

И. И. Дмитріеву. — *Спб., 14 февраля.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ неумѣтельности непростительной. Слѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей данн, потому что помянуто поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравированъ въ Парижѣ; я хотѣлъ воднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было-бы съ моей стороны не только скупою, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

Вы смѣтаетесь надъ вашимъ поколѣніемъ и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые — мѣнѣе шарлатанства и болѣе учевости и трудолюбія, вторые — болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большаго оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимается-ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря, умершаго въ цѣлѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ: но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи уразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. Карамзину, слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по

субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздастъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. — *Спб., 2 апрѣля.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя вами бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили-ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому безпечному коммисіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

И. И. Дмитріеву. — *Спб., 26 апрѣля.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Припису искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его любезничаютъ и цѣлуютъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ Лобановъ и Аяксъ-Федоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть-ли не Лыжкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателью Нестора). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На академіи ваши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почтѣ Соколовъ, какъ въ академіи наукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ фокусникъ, а Фуссъ его паяцъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ куврыкается на канатѣ, а другой подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

А. С. Пушкину. — *Спб., 2 мая.* — Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенена (деревня). Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одинъ доходъ). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго дохода около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все-же можно ими жить. Мать у насъ умерла; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить.

Гр. А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., въ іюнь.* — (Въ письмѣ отъ 1 іюня 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на вѣсколко лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ гонорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Онъ также упоминалъ о желаніи издавать журналъ. — Государь приказалъ спросить, хочетъ-ли онъ отставки, вѣтому что иначе вѣтъ возможности удалитъ на такой продолжительный срокъ. Пушкинъ отвѣчалъ):

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его ве-

ичества не было для меня знакомъ милости, и чтобъ входить въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.) *Сиб., 22-го июля.*—Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастья застать васъ дома.—Осознавши милостями его величества, обращаю къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ изъясненіемъ моего положенія. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства, и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного наслѣдства, и единими способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было—или удаленіе въ деревню, или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу, и займы почти всегда суть долги между друзьями и знакомыми. Для меня благодарность—чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрозыя совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо. И такъ, графъ, еще разъ вамъ представляю я рѣшить мою участь, и прося васъ принять данъ моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть и пр. *А. Пушкинъ.*

(Помѣта. «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку, или нѣтъ»).

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.)—*Сиб., 26-го июля.*—Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, во я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ провидѣніемъ. Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляють долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвояетъ мое затрудненіе, или поставить меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора. Посему вселюднѣе умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ—во первыхъ, возможности уплатить эти 30,000 р., а во вторыхъ—дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого—удержаніемъ получаемого мною жалованья впредъ до погашенія моего долга. Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностію вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою *А. Пушкинъ.*

(Помѣта. «Императоръ жалуетъ ему 30,000 р. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья»).

А. А. Фуксъ.—*Сиб., 15 августа.*—Долго мѣшало я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портретъ Пугачева; наконецъ его получилъ и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣюсь на вашу снисходительность. Я осмѣлился отравить на наше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ ко-

торого имѣлъ честь получить любезную исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Федоровича (предъ которымъ извиняюсь въ несправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Н. Н. Пушкиной.—*Михайловское, 14 сентября.*—Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила: вотъ онъ: въ Пск. Губ., въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю, когда начну. Зато безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Чтѣ у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю, то ишкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ, не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал. (Осиповой) еще здѣсь вѣтъ. Она или въ деревнѣ у Вѣгичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очевь о тебѣ сталъ беспокоиться. Чтѣ ваша экзекція? видѣлась ли ты съ графиней К., и чтѣ отвѣтъ? На всякій случай, если васъ гонятъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ (Гурьевъ?), я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все, что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ-ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо-ли себя ведешь, каково сплетничаешь и счастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа, цѣлую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моей заступницей у тебя. Сашку цѣлую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Азѣ и Кдѣ мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Михайловское, 21 сентября.*—Жена моя, вотъ я 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня беспокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ-ли? къ тому-же, и почти изъ Петербурга идешь только разъ въ недѣлю. Однако я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ.

Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одинъ между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ половиною промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погребели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видѣть Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Чтѣ изъ этого будетъ—Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно.—Почтѣлуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не отягнешь. Сиди да горюй—чтѣ прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ вочевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, по толста какъ Меодій, вашъ

исковской архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та-же, какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечеитываю его. Инакъ, что не взять съ собою англійскаго. Кетати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montaigne—4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ подкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая, вѣроятно, будетъ сегодня въ Тригорское.—И много хожу, много ѣзжу верхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому онѣ не привыкли. Ымъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яйца въ сметку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого-же подробнаго отчета. Цѣлую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сѣра въ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сѣры или бель-сѣри? Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Тригорское, 25 сентября.*—Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Чтѣ это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки.—Эго меня сердитъ и безпокоитъ. — Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: «Во Псковѣ, Ея Высочайшю Прасковѣ Александровнѣ Осиповой, для доставленія А. С. П., извѣстному сочинителю» — вотъ и все. Такъ вѣрнѣ дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова-ли ты, душа моя? и чтѣ мои ребятки? Чтѣ домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, чтѣ до сихъ норъ не папсала я ни строчки, а все потому, что не сиокоенъ. Въ Михайловскомъ вышелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ яни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ подпалась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю,—иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что ова перемѣнилась. А она мнѣ: да п ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вѣсѣтъ съ покойной няней мой: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, чтѣ я слишкомъ замѣчаю. Чтѣ ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? Расскажи, чтѣ тебя занимаетъ, куда ты ѣдишь, какія есть новыя сплетни, etc.—Карамзина и Мецкерскія, слышала я, прѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе — Евпраксія Ник. и Александра Ив. замужемъ, по Пр. Ал. все также, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В.-Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ. — Прощай, цѣлую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ.—Чтѣ Коко и Азя? замужемъ или еще пѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой ангелъ.

Н. Н. Пушкиной. *Михайловское, 29 сент.*—Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив? ты пишешь: ужасно больна. Слѣдственно есть опасность? съ ветеринріемъ ожидаю твой bulletin. Все это происходитъ отъ не-

человѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутитъ, а мнѣ не до шутокъ. Государь общалъ мнѣ Газету, а самъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовать жить моимъ трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю въ окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаеъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ расчета; твой теряетъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Ао. Ник.— Чтѣ изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ, вѣроятно, отъ оплошности твоихъ фрейлинь, которымъ безъ меня житье! слава Богу, что дѣло ограничилось напѣвками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me К.; дура вздумала переводить Занда и проситъ, чтобъ я ссводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ поberi ихъ обоихъ. Я поручилъ Ап. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ-же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то уснѣхъ ея несомнителенъ, что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Чтѣ Плетневъ? Думаетъ-ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ, изъ пустого въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мной покушать. Чтѣ Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю—въ Англ. клубъ не ѣзжу и Хитрону не вижу. Не знаю, чтѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ пари? и не слышно-ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ—будьте здоровы. Цѣлую тебя. Какъ твой адресъ глупъ—такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію, въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ—и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю, не одно; а хоть и одно, такъ кто-же его знаетъ? Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да чтѣ дѣлать? нечему радоваться. Пиши мнѣ про тетку — и про мать. Je remercie vos soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за чтѣ.

Н. Н. Пушкиной.—*Михайловское, 2 октября.*—Милая моя женка, етъ у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжи, и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее чтѣ на дороге, какъ она закуситъ поводья, да и весетъ верстѣ десять по коцамъ да оврагамъ—п тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, ангелъ кротости и красоты, письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, ляться вылыми и стройными коньками, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ, а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится; кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось расписшусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты-бы такъ бодро не бранилась, если-бъ она была не на шутку больна. Все-таки, напиши мнѣ обо всемъ и обстоятельно. Чтѣ ты про

Машу ничего не вишьешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко и думаю: не худо-бы, если-бы вдругъ вѣхала на дворъ карета, а въ каретѣ сидѣла-бы Нат. Ник! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ Петербургѣ, а я постараюсь ужъ поторониться и прѣхать къ тебѣ прежде срока. Что Плетневъ? что Карамзинъ, Мещерскій? etc.—ищи мнѣ обо всемъ. Цѣлую тебя и благословляю ребятъ.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, въ октябрѣ.*—Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ «Путешествіе въ Эрзерумъ» отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Неужели заягается меня о...къ Никитенко и забадаетъ быть Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣляются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Колыску, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе—даромъ Колыски не брать, а установивъ ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла; шуткамъ привязаться не къ чему. Лангера заставъ также нарисовать виньетку для смысла. Были-бы цвѣточки, да лям, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я-бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу—черезъ невѣ колоду ваю. Для вдохновенія пужо сердечное снокоиствѣ, а я со всѣмъ не снокоенъ. Ты душно дѣлаешь, что становишься вершительствъ. Я всегда находилъ, что все тобою издуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ «Путешествія». Присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь, что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина; но нельзя-ль (разумѣется, изъ-за угла и тихонько, наприямѣ въ Московскомъ Наблюдателѣ) объявить, что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимается на свою душу ~~грѣхъ~~ своего омонима? Это-бы, право, было не худо.

Въ главный комитетъ цензуры.—Честъ имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году государь императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Въслѣдствіе высочайшей волп, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставлено было мнѣ прямо отъ его величества, изъ III-го отдѣленія собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1826), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онегина»—романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833). «Полтава» (1829), 2-я и 3-я, часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е и 3-е изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевского бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю втораго исправленія новаго изданія «Апджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. понечитель Сиб. учебнаго округа извѣстно объявилъ мнѣ, что не можетъ бо-

лѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. за подписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не восновѣдовало, и такимъ образомъ я лишень права печатать свои сочиненія, дозволенные самимъ государемъ императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратити мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволилъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?—Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

П. В. Нащокину.—*Сиб., въ октябрѣ.*—Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому что въ ссорѣ съ московскою почтою (говорится о перлюстраціи). Услышалъ я, что ты собрался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня-бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выгнания; но что истинно меня утѣшило, такъ это то, что все въ голосъ оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околю на дорогѣ. То-то бы наболтался! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ-бы снова трудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было-бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ нимъ связываться невозможно.—Желалъ-бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ влияние на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились.—Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой жиленокъ-лекаръ, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ нимъ! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

П. А. Осяповой (по франц.).—*Сиб., окт.*—Вотъ и я въ Петербургѣ, милост. государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило оттого, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покороно насъ прошу послать туда кого-нибудь изъ нашихъ людей—сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы все у него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я пашель въ крайне опасномъ положеніи; она прѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Князянина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ это-

му печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служить цѣлью для злыхъ нападковъ свѣта. Повсюду говорить — какъ это ужасно, что она такъ парижается, когда ея свекру и свекрови бѣтъ нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человекъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало быть, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ не при чемъ, и за все долженъ быть въ отвѣтъ я. Если-бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла-бы ее, разумѣется; по холодный домъ, наполненный ребятишками, набитый гостями, едва-ли годится для большой. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ се ужъ переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи. Что касается до меня, я въ жалкомъ настроеніи духа и совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая М-ме Осипова, жизнь — при всемъ томъ, что она «сладкая привычка» — содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противное; свѣтъ-же — гнусная, грязная штука. Мнѣ милое Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца.

И. И. Лажечникову. — *Спб., 3 ноября.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Во первыхъ, долженъ я у васъ просить прощенье за медленность и несправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяць тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить теперь за прекрасные романы, которые вы прочли съ такою жадностью и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынского будетъ обнародовано, конечно, повредитъ нашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ-же Волынскаго играть онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Европѣ можно-бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть възвѣщенъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Авы, которое было въ духъ его времени и въ правахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смѣслѣ упомянули вы слово *хоботъ* въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть и пр. А. Пушкинъ.

П. А. Клейнмихелю — *Спб., 19 ноябр.* — Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и посѣдѣлъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сія-

тельства гр. Чернышева, возвращены мною въ военное министерство. — Обращаюсь къ в. высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Вибикова (1774 г.). Мнѣ было-бы необходимо справиться съ этими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Спб., 26 дек.* — Наконецъ, милост. государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы — въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровленіе. Она слаба, однако-же болѣзнь утихла. Одежда жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желаю-бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Гливицкой, его сестры. Правительство отнеслось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событий, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ собственныхъ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству вахожу я въ душѣ моей все тою-же, всегда полною и ненарушимою.

Веселье ваше готовъ, и я вышлю его въ слѣдующій разъ.

(Помѣта Осиповой: «Я его никогда не получала»).

Н. В. Гоголю. — Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкую жалъ выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки («Невскій Проспектъ» Гоголя). Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ! — А. П.

Н. В. Гоголю. — Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препираванія — (!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина («Записки Чухина») пинадо не уступаетъ его прежнимъ...

Бѣдной вдовѣ. — Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго — стараюсь, но не осудите, если пособие мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ. — Съ уваженіемъ и пр. А. Пушкинъ.

Гр. А. Х. Беннедорфу.—*Спб., 31 декабря.*—Я желалъ-бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (както: новѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ *Reviews*. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой *Review* доставило-бы мнѣ вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было-бы для меня новымъ благодѣніемъ государя.

1836.

С. С. Хлюстину (по франц.).—*Спб., 4 февраля.*—М. г. позвольте мнѣ возстановить нѣкоторые пункты, по которымъ, мнѣ кажется, вы ошибаетесь. Я не помню, чтобы вы приводили какую-либо ссылку изъ той статьи. Заставило-же меня объясняться, можетъ быть, съ излишнею горячностью, ваше замѣчаніе, что я напрасно накапунѣ принялъ къ сердцу слова Сенковского. Я вамъ отвѣчалъ: „Я не сержусь на Сенковского: но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ“. Васъ отождествлять со свиньями и мерзавцами—несомнѣнно нелѣпость, которая не могла ни придти мнѣ въ голову, ни даже сорваться съ языка моего при всемъ жару спора. Къ моему великому удивленію, вы мнѣ возразили, что вы вѣрно принимаете за вашъ счетъ обидную статью С. и именно выраженіе „обмывавъ публику“. Я тѣмъ менѣе былъ подготовленъ къ такому заявленію, исходящему отъ васъ, что ни наканунѣ, ни при послѣднемъ нашемъ свиданіи вы ничего ровню не сказали мнѣ такого, что могло-бы относиться къ статьѣ журнала. Мнѣ показалось, что я васъ не понялъ, и просилъ васъ объясниться, что вы и сдѣлали въ тѣхъ-же выраженіяхъ. Тогда я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что то, что вы высказали, совершенно измѣняетъ вопросъ, и я замолчалъ. Разставаясь съ вами, я вамъ сказалъ, что я не могу оставить это безъ послѣдствій. Это можетъ быть сочтено вызовомъ, но не угрозою. Ибо наконецъ, я вынужденъ повторить: я могу пренебречь словами какого-нибудь Сенковского, но совсѣмъ иное дѣло, когда ихъ повторяетъ такой человѣкъ, какъ вы. Вслѣдствіе сего я поручилъ г. Соболевскому просить васъ отъ моего имени просто-на-просто взять ваши слова назадъ, или-же дать мнѣ обычное удовлетвореніе. Доказательствомъ, насколько послѣднее рѣшеніе мнѣ было противно, можетъ служить то, что я сказалъ именно Соболевскому, что я не требую извиненій. Мнѣ прискорбно, что г. Соболевскій во всемъ этомъ поступилъ со свойственною ему небрежностью.

Что касается до моей неискренности, что я не поклонился вамъ, когда вы отъ меня уходили, прошу васъ вѣрить, что то была съ моей стороны совершенно невольная разсѣянность, въ которой я отъ всего сердца прошу васъ меня извинить. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

Кн. Н. Гр. Репнину (по франц.).—*Спб., 5 февраля.*—Князь! съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ безкончить ваше сѣятельство; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блю-

сти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сѣятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донныѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности. Однако-же, нѣкто г. Боголюбовъ въ публично повторилъ оскорбительныя обо мнѣ отзывы, будто-бы произнесенныя вами. Прошу ваше сѣятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто-либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ; но вы, будучи не только знатымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ и пр. А. Пушкинъ.

Кн. Н. Гр. Репнину.—*Спб., 11 февраля.*—М. Г. князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сѣятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сѣятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣбной досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были-бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

А. А. Фуксъ.—*Спб., 20 февраля.*—Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Тенерь г. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позволяю мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемого. Сѣтью-ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Фёдоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и пр.

С. Н. Глинкѣ. *Спб., 6 марта.*—М. Г. Сергѣй Николаевичъ! Искренне благодарю васъ за любезное письмо вамъ (извините галлицизмъ). Современникъ мой еще не вышелъ—а выйдетъ современемъ. Вы первый его получаете. Какъ адресовать письма къ Фёдору Николаевичу?—Весь вашъ А. П.

Альфону Жобару (по франц.).—*Спб., 24 марта.*—М. г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько-же милы, насколько злы, а это много значить. Если справедливо, какъ вы рассказываете о своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то надо при-

знать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской стѣнѣ.

Расположеніе, которое повидимому ны ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъясляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгій съ приговорушемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, но нашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, м. г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣ не изъясню я дорожку и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадаетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите, увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ.*

(Жобаръ сначала былъ учителемъ франц. языка въ Ригѣ и Петербургѣ, а въ 1812 г. — профессоромъ греч., лат. и франц. словесности въ Казани. Уволенный Манинскимъ, онъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова и, негодуя на него, перевелъ на франц. яз. и поднесъ ему стихотвореніе „На издѣланіе Лукулла“, исчерпавшая разрѣшеніе напечатать, о чемъ сообщилъ и Пушкину).

И. В. Одоевскому. — *Сиб., въ мартѣ.* — Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру „Путешествія“ прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь. — *А. П.*

И. В. Одоевскому. — *Сиб., въ началѣ апрѣля.* — У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего nera — грустно мнѣ; во времени вамъ не достало, а за меня пріятель далъ предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Оминой.

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать: „О враждѣ къ просвѣщенію“, ибо въ томъ-же № хочется мнѣ помѣстить и „Разборъ Постоялаго Двора“, подъ названіемъ: „О вѣкоторыхъ романахъ“. Разрѣшаете-ли вы?

О Сегеліелѣ, кажется, задумалась цензура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому-же, какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я їду во вторникъ. Увижу-ли васъ догдѣ? Весь вашъ. — *А. П.*

P.S. „Разговоръ недовольныхъ“ не помѣстится, потому что ужъ „Сцены“ Гоголя (Утро дѣловаго человека) были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

Н. М. Языкову. — *Михайловское, 14 апрѣля.* — Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять лѣтъ нировали мы втроемъ, — вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ Еммой, гдѣ теперь воспоминаемъ мы васъ — и старину.

Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ стѣнъ Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны, нѣкогда полуводоносной дѣвы (Е. Н. Вульфъ), нынѣ — деброй жены (Вревской), въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ. — поклонъ вамъ ото всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексій Вульфъ здѣсь-же, оставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловеласъ. — попрежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣскольکو словъ, въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Кошискомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ перемѣнно. Ваши стихи — вода живая, наши — вода мертвая; мы ея окатили Современникъ; опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову — прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сдѣлу, замазалъ и свой бѣлый локонтъ, но послѣ вашихъ стиховъ оный его нынѣ — и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи. Прощайте, пишите мнѣ, да кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе, напечатанное въ Новое слѣдѣ (помните) и о которомъ вы ему ни слова не молвили. Будьте здоровы и пишите, то есть: живи и жить давай другимъ. Весь вашъ *А. П.*

Примите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую-нибудь легенду: и у ж и о.

М. П. Погодину. — *Михайловское, 14 апрѣля.* — Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе нечальныхъ обстоятельствъ (смерть матери). Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно въ его ужъ получилъ. — Статья о вашихъ Афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ въ времени, ни духу ее порядочно рассмотреть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете-ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня їду въ С.-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ — порыться въ архивѣ и свидѣться съ вами. Весь вашъ *А. П.*

И. И. Лажечникову. — *Съ Тверской станціи, проездомъ.* — Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и путевщину, но неудача меня преслѣдуетъ. — Пробѣжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое минутное знакомство. — Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покаместъ поручаю себя вашей свисходительности и доброжелательству. — Сердечно вашъ уважающій Пушкинъ.

Л. С. Пушкину (по фравц.). *Сиб., 24 апрѣля.* — Я замедлил тебѣ отвѣтомъ, потому что нечего было сказать важнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ слабость приняться за отцовскія дѣла, я

не получилъ и 500 р. дохода; что-же касается до занятыхъ 13000, то онѣ уже потрачены. Вотъ счетъ, который до тебя относится: Ангельгардту 1330, въ ресторанъ 260, Дюме 220 (за вино), Павлицеву 837, портному 390, Плещееву 1500. Послѣ ты получилъ ассигнаціями 280, золотомъ 950—5767 (августъ 1834). Твое заемное письмо въ 10000 выкуплено. Сверхъ квартиръ, стола и портного, чѣмъ ты вовсе не дорожилъ, ты получалъ 1230 р.

Такъ какъ мать моя очень больна, то я все еще занимаюсь дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе. Надѣюсь сдать ихъ при первой возможности. Постараюсь, чтобы ты получилъ слѣдующую тебѣ часть земли и крестьянъ; тогда ты, вѣроятно, займешься своими дѣлами и отстанешь хотя нѣсколько отъ своей безбечности, съ которой до сихъ поръ живешь со дня на день. Я не уплатилъ твоихъ маленькихъ карточныхъ долговъ, потому что не трудился искать твоихъ пріятелей—а слѣдовало-бы къ нимъ обратиться.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 4-го мая, у Нащокина.*—Вотъ тебѣ, царна моя, подробное описаніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ счастливъ и потолстѣлъ. Мы, разумеется, другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали, Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже поспѣтти Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобы онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, какъ прогнала ты пруссакъ Криднера [Кригера?]. Мнѣ очень хочется привести Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малый, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его-было заперевозилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него ухалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства—недостаетъ только живыхъ человѣчковъ. Какъ-бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акудова, долгоноса пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти замужъ. Надежда не сбылась. Она внаглъ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помучила. Она убѣжала къ Тропцѣ. Ее насилу поймали и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣются, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстого; дочь у него также почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лечится гомеопатически. Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараться какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цѣлую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже

о свадьбѣ Marie W.—Я секретничаю покаместъ Прости, мой другъ,—цѣлую тебя еще разъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 6 мая.*—Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не выдалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не выѣхалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь—глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстого, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія-бы тебѣ московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это уморно. Напримѣръ: есть у насъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и далъ за нее ношечину Гри....ду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не вооплѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про жевъ своихъ; однакожъ видно, что ты довела кого-то до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себя въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныя воспитанницъ. Нехорошо, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе нашего пола. Чтобы чѣмъ-нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я рассказываю, что Алекс. Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви рош нне belle brune, но что по счастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако, полно врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочи ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который радъ Христа просить его пріѣхать въ Москву. прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не ситѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ вариатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла понозловеніе). Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобы Ревизоръ уиалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголь болѣе любитъ, нежели въ Петербургѣ.—При семъ накетъ къ Плетневу, для Современника; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога напечатать во 2 №. Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ. Что твоё брюхо, и что твои деньги? Я не раскаяюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургу. На да-чѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяйномъ управлялась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непременно нужно мнѣ 80,000 дохода. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную снелу-ляцію—а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очинять русскую литературу есть чистить н..... и завистѣ отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ поберитъ! У меня кровь въ желчь превращается. Цѣлую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 11 мая.*—Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный моветонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевского за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобы онъ не печаталъ, какъ задумаетъ—порядокъ ничего не значить. Что

записки Дуровой? пропущены-ли цензурой? онъ мнѣ необходимъ. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской?—Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно.—Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пресезнута. Дома не сижу—въ архивѣ перою. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. На дняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человекъ и очень добрый малый, но до него я какъ-то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій (Ал.), который до прошлаго раза казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица—говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую предѣсть. Недавно сказывали мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Огороду мы другъ къ другу не бжали. Но при сей вѣрпой оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего Путешествія въ Сицилію. Не побравить-ли мнѣ его ещѣ вѣрнѣе? Вчера ужиналъ у кн. Оед. Гагарина и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи, какъ-бы съ бала. Нашокинъ здѣсь одна моя отрада. По онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клубъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ.—Письмо мое похоже на турпеское и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ёду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобы книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ у Солнцева—его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пишутъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недокопченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятые Рима Гензелемъ (которое стоитъ Послѣдствіе дня Помпеи), приговаривалъ:—Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этойкой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу. . . .—Умора. Ну, прощай. Цѣлую тебя и ребятъ, будьте здоровы.—Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной.—Москва, 16 мая.—Что это, жена? такъ хорошо-было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила-ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ-ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собравшусь къ тебѣ. Въ архивахъ я былъ и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на шесть; что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Служу дома—вижу только мужескъ полъ. Ишкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю.

Надняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю—а у него жена выкинула. Это вамъ не пошлаго отобѣдать очень скучно и очень дур-

по. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умью; по Наблюдатели меня не жалуютъ. Любить меня одинъ Нашокинъ. По титере—мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, диллюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ-ли и со мною? право, боюсь. Баратынскій, однакожъ, очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу.—Завываю Брюлова къ себѣ въ Петербургъ. Но онъ боленъ и хандритъ. Здѣсь хотя бы лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будеть безсмертію во всей своей мертвой неподвижности; я говорю:—у меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы выльпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Ова, какъ говорилъ покойный Гиббичъ, *pas une belle-femme*, но *une jolie figuriette*. Прощай на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона. Одинъ—майоръ-мистикъ; другой—пѣвица-поэтъ; оставляю тебя для нихъ.

Насилу отдѣлался отъ буфоновъ—въ томъ числѣ отъ П. . . . А въ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выгдѣ. Ты ужъ, вѣроятно, въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетаскала тѣхъ и другихъ? и какъ перетаскала ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтми. Будьте здоровы.—Кланяюсь твоимъ наѣздинцамъ.—Цѣлую ручки у К. Ив.—Прощай. А. П.

И получилъ отъ тебя твое премилое письмо; отвѣчать некогда—благодарю и цѣлую тебя, мой ангелъ. Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня развѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р. Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ; теперь, покаместъ, прощай.—У меня сидитъ Ив. Н.

Н. Н. Пушкиной.—Москва, 18 мая.—Жена, мой ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я съ тобою побравшусь: зачѣмъ тебѣ было писать? Это—мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26-го. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выйдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь-ли ты пѣть полученныхъ денегъ дѣду Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся,—вотъ и все. Новое твое распоряженіе касательно твоихъ доходовъ касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть, кажется, лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только *dans l'intérêt de m-r Durier et m-me Sichler*, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ пѣмъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева.—У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ расчетомъ; оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію, а не смертной казни. Утопленіе Столыпина—ужасъ! неужто невозможно было помочь? У насъ въ Москвѣ все, слава Богу, смирно: бой Кирѣева съ Яромъ проливалъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нашокинъ заступаетъ за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда, что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы были мѣсяцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а ибцы получали тычки сложа руки? По мнѣ, драки Кирѣева гораздо простительнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которыми плетутъ въ глаза, а они утираются бат-

стовымъ платкомъ, смекая, что если выйдетъ исторія, такъ ихъ въ Апичковъ не позовутъ. Брюзовъ сейчасъ отъ меня ѣдетъ въ Петербургъ, скартъя сердце: бонсея климата и неволн. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого духа въ пятки ухочить, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полнейшіе выговоры и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобно. Что-же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Оаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ! Весело, нечего сказать. — Прощай, будьте здоровы. Цѣлую тебя.

П. В. Нащонину. — *Спб., 27 мая.* — Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не стлавить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два экземпляра *Современника*. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Вѣлискому (тихонько отъ Наблюдателей *НВ*) и вели сказать ему, что очень жалко, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Вотъ-рочно—деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣзу.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, по слава Богу—ва мѣстѣ, т. е. на ставціи, и не долѣе 2 часовъ en tout.

Второй № *Современника* очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтѣре и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея комиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. Наднахъ буду хлопотать.

Д. В. Давыдову (черновое). — *Спб., въ май.* — Я сейчасъ изъ Москвы. Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде, нежели ее напечатать, ибо она есть цензурный документъ. Успѣшь наглядѣться на ея благородныя рапы. Покаместъ благодарю за позволеніе напечатать ее въ настоящемъ видѣ. Чортъ поберетъ генераль-лейтенанта Вивингероде! А жалъ, что не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда какъ кстатъ тутъ-же было заколотъ у подвояжій Вандомской колонны генерала Вивингероде, какъ жертву црмиврительную! Я-было и рукава засучилъ — вырвался проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его поберетъ!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои Очи (стихи) безъ твоего позволенія: я-бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдъ можно-бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ.

Генералу Ушакову (черновое). — *Спб., въ май.* — Возвратясь изъ Москвы, имѣлъ я честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, во восхищаюсь яснымъ, краспорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одну черткою вашего пера. Вы

впустили меня въ храмъ славы, какъ вѣкогда графъ Эриванскій дозволилъ мнѣ вѣхаться въ имѣ завоевавший Арзрумъ. Съ глубочайшимъ etc.

Л. С. Пушкину. — *Спб., 3 июня.* — Вотъ тебѣ короткій расчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р.)—40000 р. Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца. 5714 Да 14-я часть на сестру. 2857

Итого. 8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну—31429 р. На твою часть прѣдется—15715.

Прежде сентября мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ, и, если успѣшь, то купи свои векселя, пока мѣстѣ кредиторы твои не узнали о твоёмъ наслѣдствѣ.

Изъ писемъ твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплаченъ (кромя 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія вашимъ имѣніемъ). Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говорить мнѣ Ник. Ив.

Р. С. Имѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь.—О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хоть это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавалъ ему имѣніе, а было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистинева. Но видно, отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я-же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

И. И. Дмитріеву. — *Спб., 14 июня.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастье найти у себя писмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло (смерть матери).

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе имѣніе.

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

Над. Андр. Дуровой. — Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно-ли будетъ остановить изданіе. Имѣніе мое искреннее и безкорыстное—оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, маверно, ваноимаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы—вступайте на поприще литературное столь-же отважно, какъ и на то, которое васъ прославляло. Полумѣры никуда не годятся.—Весь вашъ А. П.

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворц. набережной, д. Баташева, у Прачешнаго моста.

А. А. Жандру (черновое). Осмѣлинаюсь тебя безпокоить просьбою за молодого человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ: онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. Меншикова. И общайся его тебѣ представить, и отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

Д. В. Давыдову (черновое). — Спб., 27 сентября. — Ты думалъ, что твоя статья о парикмахерской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? Ты ошибся: она не избѣжала красивыхъ черепилъ. Право, кажется, востные цензоры вымарываютъ для того, чтобы доказать, что они читаютъ. Цензура — дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разуміемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою наплевательство; каково-же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смиренны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительству; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ нынче, даже и въ послѣднее нѣтизѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирюкову... Одно спасеніе намъ, если государь уснѣетъ самъ прочесть и разрѣшить.

Н. И. Гречу. — Спб., 13 октября. — М. Г. Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства; но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія. А. И.

Бар. М. А. Корфу. — Спб., 14 октября. — Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоценна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ (каталогъ иностранныхъ сочиненій о Россіи). Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитай эту номенклатуру, я искугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употребляю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле — эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять! — Но исторія долга, жизнь коротка, а плече всего человѣческаго прироста лѣнива (русская природа въ особенности). Досвиданія. Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоедова.

Сердцемъ тебѣ преданный А. П.

М. Л. Яковлеву. — Спб., 27 октября. — Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатилѣтняго юбилея измѣнять старинныя обычаи Лицея. Это было-бы худое предназначено-

ваніе. Сказаво, что и послѣдній лицейскій одинокъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить. — № 14.

(Директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ предлагалъ праздновать лицейскую годовщину всѣмъ курсамъ вмѣстѣ. Противъ этого предложенія и возражаетъ Пушкинъ).

П. Я. Чадаеву (черновое, по франц.). — Спб., 19 октября. — Благодарю насъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечитать ее, хотя я удивился, что она переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ: въ немъ сохранилась и энергія, и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полного согласія съ вашимъ мнѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что „схизма“ насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадные пространства поглотили монгольское завоеваніе. Татары не посмѣли перейти наши западныя границы и оставили насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнью, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчуждила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Иерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никакъ не были правдами Кіена. Русское духовенство до Теофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало-бы реформации въ минуту, когда человечество нуждалось больше всего въ единствѣ. Я соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носитъ бороду, вотъ и все. Оно не признававшее къ хорошему обществу.

Что-же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльная война, вѣдь это та-же жизнь кипучей отваги и безцѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Платовскомъ монастырѣ — какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ, и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, что должно поразить будущаго историка? Думаете-ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы?

Хотя я лично сердечво привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раз-

дражень, какъ челоѣкъ съ предразсудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ-бы переимѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.

Вотъ предлинное письмо. Послѣ столькихъ возраженій я долженъ вамъ сказать, что въ вашемъ посланіи есть много вещей глубокой правды. Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ челоѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣнія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалею, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать вамъ, прозвонитъ-ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что изъ-за нея не выйдетъ шуму.

Читали-ли вы 3-й номеръ «Современника»? Статья о Вольтерѣ и Джонѣ Теннерѣ моп. Козловскій былъ-бы для меня провидѣніемъ, если-бы онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ. Прощайте, другъ мой. Если вы увидите Н. Н., поболтайте имъ отъ меня. Что говорить? они, столь плохіе христіане, о вашемъ письмѣ?

Кн. Н. Б. Голыцину (по франц.). — *Спб., 10 ноября.*—Тысяча разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, брошеннаго недругамъ нашего отечества. (Клевѣтникамъ Россіи). Я видѣлъ уже три перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ лицу высокопоставленному изъ моихъ друзей, но ни который не стоитъ вашего. Зачѣмъ вы не перевели этой пьесы болѣе во-время; я переслалъ-бы ее во Францію, чтобы дать щелчокъ всѣмъ возгласамъ палаты депутатовъ. Завидую вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше возбудило во мнѣ множество воспоминаній всякаго рода: тутъ колыбель моего Онегина, и вѣроятно вы узнали нѣкоторыхъ лицъ. Вы меня извѣстили о переводѣ въ стихахъ моего Бахчисарайскаго Фонтана; я увѣренъ, что переводъ вамъ удастся, какъ все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, хотя родъ литературы, которому вы себя посвящаете, изъ самыхъ трудныхъ и, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе неблагодарныхъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего труднѣе, какъ переводить русскіе стихи французскими; ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть достаточно краткимъ. Слѣдовательно, честь тому, кто такъ мастерски управляетъ съ языкомъ, какъ вы. — Прощайте; надѣюсь скоро васъ видѣть въ нашей столицѣ, особенно зная вашу легкую подвижность. Весь вашъ А. П.

Кн. В. Ө. Одоевскому. — *Спб., въ ноябрь.*—Конечно, Княжна Зина и имѣтъ болѣе песни и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даваніе ваше благо. Кажется, «письмо тещи» холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ-е?». Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфида ду-ли, Княжна у-ли, во окончивайте и высылайте. Безъ васъ пропадетъ Современникъ. А. П.

Кн. В. Ө. Одоевскому. — Статья г. Волкова (о желѣз. дорогахъ) въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однакожъ я ее не помѣщу, потому что, по моему мнѣнію, правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герствера. Россія не можетъ бросить 3,000,000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей; пускай они и хлопочутъ. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привилегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была-бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было-бы — съ нея и начать.. Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобы этимъ занялось правительство. Нѣкоторые возраженія противу проекта неоспоримы. Напримѣръ: о завоѣсѣ снѣга. Для этого должна быть издумана новая машина, *sine qua non*; о высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это — нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противъ желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта; и то нѣ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я желаю, чтобы статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда-бы мы обиль представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эниграфъ, выбранный Волковымъ, неирриченъ. Слова Петра I были-бы всего болѣе приличны.

М. Л. Яковлеву. — *Спб., 19 ноября.*—Милый и почтенный мой Михаилъ Лукьяновичъ! я было тебя звалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другого раза — прости великодушно — не забуду записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

М. Л. Яковлеву.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:

У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;

Его четвергъ на сямомъ дѣлѣ

Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу девыги въ 2 часа по полудни. — А ввечеру тебѣ доставлю. — Весь твой А. П.

Гр. А. X. Бенкендорфу. (по французски). — *Спб., 21 ноября.*—Графъ! Считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября, я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственности и для чести моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой-же минуты догадался, что оно отъ иностранца, челоѣка высшего круга, дипломата. Я сталъ разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ-же день получили по экземпляру такого-же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ. — Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, говорили, что новодомъ такой гнусности послужило настоятельное ухаживаніе за нею г. д'Антеса. — Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ имя жены моей было связано съ чѣмъ-бы то ни было именемъ. Я поручилъ

передать это г. д'Антесу. Баронъ Геккернъ прѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти дневной отсрочки.— Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшийся. Между тѣмъ я удовольствился, что безыменное письмо было отъ г. Геккерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣній правительства и общества.— Будучи единымъ судьей и блюстителемъ моей и женщины чести, а потому и не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому-бы то ни было предьявлять доказательствъ того, что утверждаю. — Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служить доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и пр.

Барону Геккерну (по франц.).— *Спб., 21 ноября.*—Господинъ баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно, и я не могъ отослаться къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вѣшать въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, непріятный во всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменные письма. Я увидѣлъ, что пришла минута дѣйствовать, и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть такую жалкую роль, что жена моя, удивленная пошлостью его поведенія, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала въ виду этой высокой страсти, угасло въ презрѣніи, самомъ спокойномъ и вполне заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были отеческимъ сводникомъ нашего ублюдка или считающагося такимъ. Все его поведеніе (впрочемъ довольно деловое) было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно, вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой развратницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной любострастною болѣзнію, сидѣлъ дома на лекарствахъ, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «отдайте мнѣ моего сына». — Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оставить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ и право и вамѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая иѣжно преданнаго и несчастнаго въздыхателя, тогда какъ онъ не что иное, какъ негодяй и мерзавецъ. И такъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если же-

лаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. А. С. Пушкинъ.

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.— *Спб., въ декабрь.* — Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ (извѣстный археологъ), то меня очень обяжете. Иду васъ съ нетерпѣніемъ.— А. П.

Н. М. Коншину.— *Спб., 22 декабря.* — Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пушу въ дѣло. Жуковского увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ—увъ! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; по Жуковский, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда-бы хорошо! Все-таки, вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволю себѣ дружески вамъ за то попенять. Не будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу.... Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе.— А. П.

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.— *Спб., въ концы декабря.* — Такъ-же зло, какъ и дѣльно. Думаю, что однакожъ не все уничтожатъ. На всякій случай спросю не бѣда; не увидимся ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ (М. А. Дундуковъ-Корсаковъ).

Кн. П. А. Вяземскому. — Письмо твое прекрасно. Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ-же быть? Думаю оставить статью, какъ она есть, а впоследствии времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбирать, какъ нѣкогда дѣлалъ ты въ «Литературной Газетѣ» со статьями, не пропущенными Щеголовымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полевого, а куда-бы хорошо. Стихи для тебя перепишваю.

1837.

Ѳ. А. Скобелевцу.— *Спб., 8 января.* — Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аванасевичъ, дать мнѣ взаимно на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы-бы меня чрезвычайно одолжили и избавили меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить.— А. Пушкинъ.

А. О. Ишминой.— *Спб., 25 января.* — Мнѣ хотѣлось-бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

Виконту д'Аршіану.— *Спб., 27 января.* — Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла праздныхъ людей Петербурга; поэтому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Геккернъ вызвалъ меня, онъ-же и обиженный, то если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранее принимаю его, хотя-бы это былъ его выѣздовой лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобъ ѣхать на мѣсто дуэли.

Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. Пушкинъ.

А. О. Ишимовой.— *Спб., 27 января.* — Милостивая государыня, Александра Осиповна! Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покаместъ, честь имѣю препроводить къ Вамъ Baggu Cognac. Вы найдете въ концѣ вѣсы, отмѣченныя карапашомъ: переведите ихъ, какъ умѣете—увѣряю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу «Историю въ разсказахъ» и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Стихотворенія.

А.

Абамелекъ А. Д., князь, 740.
Аглафъ, 709.
Адели (А. А. Давыдовой), 718.
Аквилонъ, 606.
Алексѣеву, Н. С., 712.
Альбомъ Овѣгина, 343.
Альфонсъ (начало поэмы), 145.
Амуръ и Гименей, 578.
Ангель, 620.
Анджело, 373.
Андрей Шенъ, 438.
Анчаръ, 225.
(На) Аракчеева, 549.
«Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую», 545.
Аріонъ, 633.
(Изъ) Аріоста: Orlando furioso, 128.

Б.

Бакуниной, К. П., 586, 677, 686.
Баратынскому, 553.
Баратынскому изъ Бессарабіи, 717.
Батюшкову, 658, 670.
Бахчисарайскій фонтанъ, 70.
Безпѣріе, 479.
«Безумныхъ гдѣ угасшее желанье», 526.
Битва у Зепиды Великой, 208.
Блаженство, 563.
«Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ», 751.
«Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая», 623.
Бова (отрывокъ), 186.
«Богъ веселый винограда», 649.
«Богъ помощь вамъ» (19 Октября 1827 г.), 622.
Боже, Царя храни! 479.
«Больны вы, дядюшка?—Нѣтъ мочи», 546.
Бонапартъ и Черногорцы, 215.
Борисъ Годуновъ, 385.
Бородинская годовщина, 499.
«Брадатый старичекъ Авдѣй», 625.
Братья-разбойники, 65.
«Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ» (стансы), 525.

Будрысъ и его сыновья (изъ Мицкевича), 204.
(На) Булгарина, 1—6, 557.
Буря, 619.
«Бывало прежнихъ лѣтъ герой», 545.
«Была пора, нашъ праздникъ молодой» (19 Октября 1836 г.), 529.
«Былъ я среди дождя», 628.
Бѣсы, 198.

В.

Вадимъ (отрывки изъ поэмы), 125.
Вакхическая пѣсня, 617.
Великопольскому, Н. Е., 732.
(Къ) Вельможѣ, 495.
Вельяшевой, Е. В., 734.
Венерѣ отъ Лансы, 561.
«Венерѣ, Фебу и Океидѣ», 748.
Веселый пиръ, 590.
«Весь день отъявленный лѣпнивецъ», 744.
«Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ» (Въ альбомъ Н. И. Пушкину), 697.
Видѣніе короля, 206.
Виноградъ, 593.
Вишня, 567.
Влахъ въ Венеціи, 211.
«Вновь я постигъ», 525.
«Во время оное, бывшее», 751.
Вода и вино, 568.
Воевода (изъ Мицкевича), 203.
Воевода Милошъ, 217.
(На) Возвращеніе государя изъ Парижа въ 1815 г., 476.
Возрожденіе, 591.
«Возстанъ о Греція, возстанъ», 486.
Война, 517.
Волконской, З. А., Княг., 728.
«Волненьемъ жизни утомленный», 751.
Вольность, 481.
«Во лѣсахъ дремучихъ», 132.
(На) Воронцова, 551.
«Воспитанный подъ барабаномъ» (Эпиграмма на Z**), 551.
Воспоминаніе, 523.
Воспоминаніе (къ Пушкину), 670.
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, 471, 524.
«Вотъ муза, рѣзвая болтуня», 549.

Всеволожскому, Н. Б., 705.
«Все въ жертву памяти твоей!» (отрывокъ), 620.
«Все кончено. Межъ нами связи нѣтъ», 748.
«Все призракъ, суета», 745.
«Всегда такъ будетъ и бывало», 598.
«Всю жизнь провелъ въ дорогѣ», 553.
Второе посланіе цензору, 537.
Вульфъ, А. И., 734.
Вульфъ, Ев. Н., 724.
Вурдалакъ, 217.
Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ, 727.
Въ альбомъ А. Н. Зубову («Когда погаснутъ дни мечтанья»), 697.
Въ альбомъ А. Д. Иличевскому («Мой другъ, не славный я поэтъ»), 696.
Въ альбомъ Н. И. Пушкину («Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ»), 697.
Въ альбомъ А. О. Россети («Въ тревогѣ нестрой и безплодной»), 740.
Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой («Вы съединить могли съ холодною сердечной»), 702.
Въ альбомъ М. А. Щербинину («Житье тому, любезный другъ»), 699.
Въ альбомъ: «Гонимый рока самовластьемъ», 740.
Въ альбомъ: «Долго сихъ листовъ заветныхъ», 739.
Въ альбомъ: «Что въ имени тебѣ моемъ?», 737.
«Въ Гееннѣ праздникъ» (Изъ неоконченной сатиры), 532.
«Въ голубомъ эфирѣ полѣ», 748.
«Въ еврейской хижинѣ лампада» (Начало повѣсти), 384.
«Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой», 593.
«Въ молчаніи предъ тобой сижу» (Экспромтъ на А.), 585.
«Въ надеждѣ славы и добра» (стансы), 492.
«Въ началѣ жизни школу помню я» («Подражаніе Данту»), 142.
«Въ печальной радости я лиру забывалъ» (Къ ней), 697.

«Въ пещерѣ тайной, въ день говенья», 749.
«Въ полѣ чистомъ серебрится», 646.
«Въ рощахъ карійскихъ», 623.
«Въ рощахъ карійскихъ», 751.
«Въ стенахъ зеленыхъ Буджака», 625.
«Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный», 595.
«Въ часы забавъ иль праздной скуки». Стансы (митр. Филарету), 494.
«Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ», 746.
Выздоровленіе, 589.
(На) Выздоровленіе Лукулла, 543.
«Вы съединить могли съ холодною сердечной» (Въ альбомѣ Е. Я. Сосницкой), 702.
Вяземскому, П. А., Кн., 718.
Вяземскому, П. П., Кн., 726.

Г.

Гайдукъ Хризиць, 212.
Галичу, А. И., 667, 672.
Галубъ, 137.
Гальбергу (Художнику), 743.
(Изъ) Гафиза: «Не плѣняйся бранной славой», 628.
Герой, 494.
Глинкѣ, О. Н., 718.
«Глухой глухого звалъ на судъ судья глухого», 556.
«Глядитъ на свѣтлыя края», 750.
(На) Голицына, князя, А. Н., 547.
Голицыной, Ев. Ив., 698.
Голицыной, княгинѣ, 721.
Gonzago (съ португальскаго), 619.
Гончаровой, Н. Н. Въ альбомѣ (Красавица), 739.
«Гонимый рока самовластьемъ» (Въ альбомѣ), 740.
(Изъ) Горация: «Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ», 648.
Городокъ (Къ***), 660.
«Городъ пышный, городъ бѣдный» (А. А. Олениной), 733.
Горчакову, А. М., Квязю, 671, 684, 706, 707.
Г-жѣ Ризницѣ, 720.
Готовцевой, А. Н., Отвѣтъ, 735.
Графу О..., 748.
Графъ Нулинъ, 347.
Гречанкѣ, 717.
Гробъ Анакреона (Изъ Парни), 571.
Гробъ юноши, 516.
Гусаръ, 201.

Д.

Давыдовой. А. А. (Адели), 718.
Давыдову, А. Л., 721.
Давыдову, Д. В., 710, 741.
Данту (Подражаніе), 142.
«Даръ напрасный, даръ случайный» (26 Мая 1828), 523.
«Два чувства равно близки къ намъ», 606.
Движеніе, 618.
Делибашъ, 629.
Делія, 559.

Дельвагу, 674, 693, 729, 738.
Дельвицъ, М. А., баронессѣ, 677.
Демонъ (А. Н. Раевскому), 720.
Деревня, 514.
Десятая заповѣдь, 594.
Дионея, 596.
«Для береговъ отчизны далекой», 642.
Добрый совѣтъ (изъ Парни), 586.
Добрый человекъ, 547.
«Долго снхъ лиговъ завѣтныхъ» (Въ альбомѣ), 739.
Домикъ въ Коломнѣ, 353.
Домовому, 590.
Домовой, 135.
Донъ, 629.
Дорида, 591.
Доридѣ (подр. Шенье), 591.
Дорожныя жалобы, 630.
Дочери Карагеоргія, 708.
Другу стихотворцу, 654.
«Другъ мой милый, красно солнышко мое», 146.
Дружба, 618.
Друзьямъ, 493, 509, 601.
Дѣва, 596.
Дѣвственница, 130.

Е.

Евгеній Онегинъ, 230.
Еврейкѣ, 716.
«Едва уста краспорѣчивы», 748.
Ex ungue leonem (на Каченовскаго), 552.
«Есть въ Россіи городъ Луга», 588.
«Есть роза дивная», 622.
«Еще одной высокой, важной пѣсни», 634, 751.
Ея глаза, 625.

Ж.

(На) Ж... о, 548.
Жалоба, 550.
Желаніе (В. Л. Пушкину), 682.
Желаніе славы, 616.
Женихъ, 194.
(Къ) женѣ, 743.
Живописцу (Изъ Парни), 677.
«Живъ, живъ, курилка!» (На Каченовскаго), 552.
«Житье тому, любезный другъ», (Въ альбомѣ М. А. Щербинину), 699.
Жуковскому, 690, 701, 742.

З.

Загадка, 633.
Завѣщаніе, 584.
Заздравный кубокъ, 577.
Заклинаніе, 641.
(Изъ) Записки къ пріятелю, 739.
«Зачѣмъ безвременную скуку» (Къ *), 726.
«Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо», 634.
«Зачѣмъ раздался громъ войны», 747.
«Земли достигнуть наконецъ», 750.
Земля и море, 597.
«Зима. Чтѣ дѣлать намъ въ деревнѣ», 631.

Зимнее утро, 632.
Зимній вечеръ, 521.
Зимняя дорога, 522.
Золото и булатъ, 622.
«Зорю бьютъ, изъ рукъ моихъ», 629.
Зубову, А. Н. (Въ альбомѣ), 697.
(На) Х*** (эпиграмма), 551.

И.

Измѣны (Къ графинѣ Н. В. Кочубей), 559.
Изъ Анакреона: «Узнаемъ коней ретивыхъ», 649.
Изъ Аріостова Orlando furioso, 128.
Изъ быта новолжскихъ разбойниковъ, 134.
Изъ Гафиза («Не плѣняйся бранной славой»), 628.
Изъ Горация: «Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ», 648.
Изъ записки къ пріятелю, 739.
Изъ легенды о «Стенькѣ Разинѣ», 133.
Изъ неоконченной сатиры: («Въ Геневѣ праздникъ»), 532.
Изъ VI Пиндемонте, 528.
Изъ А. Шенье: «Покровъ, упитанный извительною кровью», 617.
Изъ шуточнаго посланія Жуковскому, 741.
«Изде съѣздитъ съѣзди», 534.
Иличевскому, А. Д. (Въ альбомѣ), 696.
(Къ) именинницѣ, 726.
Именины, 585.
Иностранкѣ (въ альбомѣ), 722.
«Иной имѣлъ мою Аглаю», 550.
Испанскій романсъ, 605.
Истина, 579.
Исторія стихотворца, 546.
«И чувствую, душа (моя)», 745.
«И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ», 589.

К.

Каверину, П. П., 694.
Кавказскій плѣнникъ, 51.
Кавказъ, 630.
Казакъ, 200.
«Какое я прежде былъ, таковы и нынѣ», 626.
«Какъ бранъ тебѣ не надоѣла», 546.
«Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ», 635.
«Какъ весенней теплой порою», 184.
«Какъ за перковью, за нѣмецкою», 132.
«Какъ наше сердце своеправно», 602.
«Какъ на Волгѣ рѣкѣ», 131.
«Какъ сладостно, но, боги, какъ опасно», 589.
«Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ» (Подражаніе италіянскому), 651.
Калмычкѣ, 541.
Каменный гость, 438.
(На) Карамзина, 547.
Катенину, П. А., 710, 734.

(На) Каченовскаго, 548, 554.
Кернъ, А. П., 724, 737.
Книжалъ, 484.
Киселеву, П. Д., 737.
Кишиневскія дамы (отрывокъ), 533.
«Клеветникъ безъ дарованья» 548.
Клеветникамъ Россіи, 498.
Княгини Голицыной, 721.
Княжнѣ С. А. Урусовой, 732.
Князю Вяземскому, П. П., 726.
«Кобылица молодая» (Подражаніе Анакреону), 627.
Коварность, 611.
«Когда-бъ писать ты началъ съ-дурю», 548.
«Когда въ объятіи мои» (отрывокъ), 527.
«Когда великое свершилось торжество», 544.
«Когда за городомъ задумчивъ я брожу», 529.
«Когда погаснуть дни мечтанья» (Въ альбомъ А. Н. Зубову) 697.
«Когда, стройна и свѣтлоока», 625.
«Когда твоя младая лѣта» (Къ А. П. Кернъ), 737.
Козлову, 724.
«Колокольчики звенять», 132.
(На) Колосову, А. М., 548.
Кольна, 119.
Конрадъ Валленродъ (отрывокъ изъ поэмы Мицкевича), 136.
Ковъ, 221.
Копанскому, Н. О. (Моему Аристарху), 687.
Кочубей, графинѣ, 729.
Красавица (въ альбомъ Н. П. Гончаровой), 739.
Красавица передъ зеркаломъ, 597.
Красавицѣ, которая нюхала табакъ, 562.
«Красы Лансъ, завѣтные пиры», 747.
Кривцову, Н. И., 699, 703.
«Критикъ, роскошный гражданинъ», 633.
«Кто, волны, васъ остановилъ», 602.
«Кто знаетъ край, гдѣ небо», 621.
«Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ, (изъ Горація), 648.
Къ Баратынскому, 553.
Къ Батюшкову, 658, 670.
Къ вельможѣ, 495.
Къ Галичу, А. П., 667, 672.
Къ Голицыной, Ев. Пв., 698.
Къ Горчакову, А. М., князю, 671, 684, 706, 707.
Къ Дельвигу, 674, 693.
Къ Дельвигу, М. А., баронессѣ, 677.
Къ другу стихотворцу, 654.
Къ женѣ, 743.
Къ живописцу (Изъ Парни), 677.
Къ Жуковскому, 690.
Къ именнницѣ, 726.
Къ Каверину, П. П., 694.
Къ Кагульскому памятнику, 745.
Къ Ломоносову, Н. Г., 660.
Къ Машѣ (сестрѣ Дельвига), 682.

Къ моей чернильницѣ, 598.
Къ молодой актрисѣ, 657.
Къ молодой вдовѣ (Марин Смитъ), 688.
Къ Морфею (изъ Парни), 576.
Къ морю, 486.
Къ Патамѣ, 656.
Къ Наташѣ, 685.
Къ ней («Въ печальной праздности я лиру забывалъ»), 697.
Къ ней («Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку»), 584.
Къ Н. Н. («Счастливы ты»), 556.
Къ Н* («Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ»), 501.
Къ Овидію, 714.
Къ писму («Въ пемѣ радости мои»), 585.
Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго, 600.
Къ портрету Жуковскаго, 590.
Къ портрету Каверина, 586.
Къ портрету П. Я. Чаадаева, 586.
Къ принцу Оранскому, 478.
Къ Пушкину, В. Л., 694.
Къ Пушкину, П. П., 669, 670.
Къ сестрѣ, 652.
Къ товарищамъ передъ выпускомъ, 696.
Къ тѣни полководца, 497.
Къ Юдину («Ты хочешь, милый другъ, узнать»), 678.
Къ Юрьеву, О. Ф., 698.
Къ Языкову, 721.
Къ А. П. Кернъ («Когда твои младыя лѣта», 737.
Къ * («Зачѣмъ безвременную скуку»), 726.
Къ ** «Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки», 743.
Къ *** («Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ»), 713.
Къ*** («Счастливы, кто избранъ своенравно»), 733.
Къ ** (Ты нравъ, мой другъ!), 719.
(На) Кюхельбекера, 546, 697, 700.

Л.

Леда (подражаніе Парни), 560.
Лидѣ, 683, 693.
«Лизѣ страшно полюбить», 549.
Лилѣ (Марин Смитъ), 684.
«Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ», 551.
(На) лицейскаго дядьку, 546.
Лиципію, 531.
«Лишь розы увядаютъ», 616.
Ломоносову, Н. Г., 660.
«Любимецъ моды легкокрылой», 750.
«Люблю вашъ сумракъ невѣстный», 600.
«Любовь одна—веселье жизни холодной», 508.
Любимый, 554.

М.

Мадонна (сонетъ), 635.
Мальчику (изъ Каталла), 650.
Марко Якубовичъ, 213.
Машѣ, сестрѣ Дельвига, 682.

Мая 26 1828 г. («Даръ напрасный, даръ случайный»), 523.
Мѣдокъ, 142.
Мечтатель, 569.
Мечтателю (В. Кюхельбекеру), 701.
Мещерской, кн., А. А., 553.
Мицкевичъ, 618.
Младенцу, 615.
«Мнѣ бой знакомъ», 591.
«Мнѣ васъ не жаль», 594.
«Мнѣ жаль великія жены», 749.
«Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки» (Къ *), 743.
Мое завѣщаніе, 675.
(Къ) Моей чернильницѣ, 598.
Моему Аристарху (Н. О. Копанскому), 687.
«Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ» (Къ ***), 713.
«Мой другъ, не славный я поэтъ» (Въ альбомъ А. Д. Иличевскому), 696.
Мой другъ, уже три дня, 719.
Молитва, 503.
Молитва гусарскихъ офицеровъ, 588.
Молодой актрисѣ, 657.
Молодой вдовѣ (Марин Смитъ), 688.
Монастырь на Казбекѣ, 630.
Монологъ Изабеллы, 468.
Мордвинову, Н. О., 491.
(Къ) Морфею, 576.
(Къ) Морю, 486.
Моцартъ и Сальери, 433.
Моя родословная, 541.
Моя эпитафія, 572.
Муза, 597.
(На) Муравьева, А. Н., 553.
Мѣдный всадникъ, 365.
Мѣсяцъ, 507.

Н.

На Аракчеева, 549.
«На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный», 594.
На Булгарина. 1—6, 557.
На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г., 476.
На Воровцова, 551.
На воцареніе султана, 552.
На выздоровленіе Лукулла, 543.
На Голицына, А. П., князя, 547.
Надгробная надпись князю А. Н. Голицыну, 605.
Наденькѣ, 548.
«Надо мной въ лазурѣ ясной», 606.
Надпись къ бесѣдѣ, 584.
Надпись къ картинкѣ изъ «Евгенія Онегина», 634.
Надпись на мой портретъ, 556.
На Ж...о, 548.
На Z*** (Эниграммъ), 551.
На Карамзина, 547.
На Каченовскаго, 548, 554.
На князя Шаликова, 558.
На Колосову, А. М., 548.
На кончину тетюшки, 551.
На Кюхельбекера, 546.
На лицейскаго дядьку, 546.

На Муравьева, А. Н., 553.
 На Надеждина, 1—2—3, 555.
 На переводъ Иліады, 635.
 Наперсникъ, 626.
 «Наперсника волшебной стар-
 рипы», 597.
 На Петербургское наводненіе,
 551.
 На Полевыхъ, 1—2, 558.
 Наполеонъ на Эльбѣ, 475.
 Наполеонъ, 482.
 «Напрасно, милый другъ, я мы-
 слилъ утѣять», 590.
 «Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ
 высотамъ», 647.
 На Пучкову, 546.
 На Л. С. Пушкина, 558.
 На Разумовскаго, гр., А. К., 545.
 «На тихихъ берегахъ Москвы»,
 747.
 Народныя пѣсни, 132.
 Наслажденіе, 505.
 На смерть г-жи Ризницъ, 522.
 На Смирдина, 558.
 На стагун, 651.
 Натальѣ, 656.
 Натальѣ, 685.
 На Толстого, О. И., 549.
 На Фотія, 547.
 «На холмахъ Грузіи лежить ноч-
 ная мгла» (отрывокъ), 628.
 Начало повѣсти, 384.
 Начало посланія, 716.
 Начало посланія брату, 719.
 Начало посланія Кн. П. А. Вяз-
 земскому, 718.
 Начало сказки, 184.
 Набѣдники, 223.
 «Невѣдомскій—нозѣтъ», 554.
 «Не вѣрю чести игрока», 558.
 «Не дай мнѣ Богъ сойти съ
 ума», 647.
 «Недвижный стражъ дремалъ»
 (отрывокъ), 485.
 Недоконченная картина, 591.
 «Не дорого цѣню я громкія пра-
 ва» (изъ VI Пиндемонте), 528.
 (Къ) Ней, 584, 697.
 Неизвѣстному, 718.
 «Ненастный день потухъ», 605.
 «Не нѣбный слѣдъ бранной славы»
 (изъ Гафиза), 628.
 «Не пой, красавица, при мнѣ»,
 626.
 Неренда, 592.
 «Не розу наосекую», 651.
 Несчастье Крита (На Кюхель-
 бекера), 545.
 (Къ) Н. Н. (при высылкѣ ей
 альманаха), 725.
 «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣ-
 вецъ», 716, 746.
 Новоселье (П. В. Нащокину), 635.
 Ночь, 605.
 «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ
 наслажденіемъ», 744.
 «Нѣтъ ни въ чемъ вамъ бла-
 годати», 550.
 «Нѣтъ, нѣтъ не долженъ я», 644.
 Няньѣ, 728.
 (Къ) Н*** («Съ Гомеромъ дол-
 го ты бесѣдовалъ одинъ»), 501.

О.

Обваль, 631.
 Овидію, 714.
 Огаревой, Е. С., 698.
 Ода LVI Анакреона («Порѣ-
 дѣли, побѣдѣли»), 650.
 Ода LVII Анакреона («Что-же
 сухо въ чашѣ дно»), 649.
 Ода графу Д. М. Хвостову, 538.
 «О, Делія драгая!» (пѣсня), 559.
 «О, ты, который сочеталъ», 750.
 «Одинъ-то былъ у отца, у матери
 единый сынъ», 145.
 «Одѣва-роза, я въ оковахъ», 592.
 Окно, 506.
 Октября 19-го 1825 г. («Роня-
 етъ лѣсъ багряный свой
 уборъ»), 518.
 Октября 19-го 1827 г. («Богъ
 помочь вамъ, друзья мои»), 622.
 Октября 19-го 1828 г. («Усердно
 помолившись Богу»), 624.
 Октября 19-го 1831 г. («Чѣмъ
 чаще празднуетъ лицей»), 526.
 Октября 19-го 1836 г. («Была
 пора»), 529.
 Олеговъ шить, 493.
 Олениной, А. А. («Городъ пыш-
 ный, городъ бѣдный»), 733.
 Олениной, 740.
 Олинъкъ Массонъ, 707.
 «О, муза пламенной сатиры»,
 543.
 Она, 585.
 Опричникъ (отрывокъ), 135.
 Опытность, 562.
 «Опять я вашъ, о юные друзья!»,
 507.
 Orlando furioso (изъ Ариоста),
 128.
 Орловъ, 704.
 Осгаръ, 122.
 Осеннее утро, 504.
 Осень, 637.
 Осиновой, А. Н. (Признаніе),
 723.
 Осповой, П. А., 723.
 Отвѣтъ анониму (П. А. Гулья-
 нову), 738.
 Отвѣтъ Готовцевой, А. Н., 735.
 Отвѣтъ на вызовъ писать стихи
 въ честь Императрицы Елиза-
 веты Алексѣевны, 481.
 Отвѣтъ Катенину, 734.
 Отвѣтъ А. О. Туманскому, 727.
 Отвѣтъ (Е. Н. Ушаковой), 738.
 Отрокъ, 643.
 «Отрокъ милый! отрокъ нѣж-
 ный!» (подражаніе арабскому),
 651.
 Отрывки изъ поэмы «Вадимъ»,
 125.
 Отрывокъ изъ комедіи, 470.
 Отрывокъ («Недвижный стражъ
 дремалъ на царственномъ по-
 рогѣ»), 485.
 Отрывокъ («Все въ жертву на-
 мяти твоей»), 620.
 Отрывокъ («Когда въ объятія
 мои»), 527.
 Отрывокъ («На холмахъ Грузіи
 лежитъ ночная мгла»), 628.
 Отрывокъ («Что бѣлѣется на
 горѣ зеленой»), 222.

«Охотникъ до журнальной дра-
 клы», 551.
 «Отъ всеночной вѣчоръ иди до-
 мой», 588.
 «Отъ меня вѣчоръ Лейла», 650.

П.

Пародія на стихотв. Жуковска-
 го «Тѣньность», 548.
 Пажъ или 15-й годъ, 636.
 Панаеву, В. И. (Русскому Гес-
 перу), 550.
 (На) Петербургское наводненіе,
 551.
 Первое посланіе цензору, 535.
 (На) Переводъ Иліады, 635.
 Передъ бюстомъ, 556.
 (Изъ) Пиндемонте, 528.
 Пирующие студенты, 564.
 Пиръ во время чумы, 451.
 Пиръ Петра Великаго, 502.
 «Пиръ любовницъ, друзья»,
 513.
 Письмо къ Лидѣ (подражаніе
 Парни), 693.
 Письмо къ Пушкину, В. Л., 687.
 (Къ) Письму, 585.
 Платонизмъ, 707.
 Плетневу, П. А., 741.
 «Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Пан-
 глосомъ», 549.
 «Погасло дневное свѣтило», 515.
 Погребъ, 568.
 Подражаніе («Я видѣлъ смерть»),
 509.
 Подражаніе Анакреону («Ко-
 былица молодая»), 627.
 Подражаніе арабскому («Отрокъ
 милый, отрокъ нѣжный»), 651.
 Подражаніе Данту, 142.
 Подражаніе итальянскому, 651.
 Подражаніе Пѣснѣ пѣсней, 618.
 Подражаніе французскому («Су-
 пругою твоей я такъ плѣнил-
 ся»), 545.
 Подражаніе А. Шенье («Ты вя-
 нешь и молчишь»), 611.
 Подражанія древнимъ, 646.
 Подражанія Корану, 612.
 «Подъ вечеръ осенью ненаст-
 ной» (романсъ), 564.
 «Позволь душѣ моей открыться»,
 513.
 «Пока супругъ тебя, красавицу
 младую», 616.
 «Покройникъ Клитъ въ раю не
 будетъ» (Эпитафія), 545.
 «Покровъ, унитанный язвитель-
 ную кровью» (изъ Шенье), 617.
 (На) Полевыхъ, 1—2, 558.
 Полководецъ (Баркалай-де-Тол-
 ли), 501.
 Полтава, 91.
 «Полюбуйтесь же вы» (Экс-
 промъ), 648.
 (Къ) Портрету кн. Вяземскаго,
 600.
 (Къ) Портрету Жуковскаго, 590.
 (Къ) Портрету Каверина, 586.
 (Къ) Портрету П. Я. Чаадаева,
 586.
 Портретъ (гр. А. О. Закревской),
 626.
 «Порѣдѣли, побѣдѣли кудри,

честь славы моей!» (LVI ода Анакреона), 650.
Послание въ Сибирь, 727.
Послание Лидѣ, 683.
Послѣдніе цвѣты, 618.
Похоронная пѣснь I. Маглановича, 212.
«Пофдемъ, я готовъ» (Элегическій отрывокъ), 525.
Поэту (сонетъ), 497.
Поэги, 623.
«Поэты-игроки, о Беверлей-Гораций», 556.
Предчувствіе, 523.
«Предъ испанкой благородной», 642.
«Презрѣвъ и шонотъ укоризны», 615.
Прелестницѣ (Штейнгель), 700.
Признаніе (А. Н. Осиповой), 723.
Примѣты (А. А. Оленшиной), 628.
Примѣты («Старайся наблюдать различныя примѣты»), 596.
(Къ) Принцу Оранскому, 478.
Пріятели, 717.
Пріятели, 617.
Пробужденіе, 510.
Программа комедіи, 469.
Прозанкъ и поэтъ, 552.
Прозанка (подражаніе Парни), 606.
Пророкъ, 492.
Про себя, 547.
Прощаніе съ Тригорскимъ, 512.
Птичка, 600.
Пушкеева пѣсня (изъ Шиллера), 577.
Путешествіе Олѣгина, 327.
(На) Пучкову, 546.
(На) Пушкина, Л. С., 558.
Пушкину, В. Л., 687, 694.
Пушкину, П. И., 669, 670, 697, 727.
Пушкину, П. С., 715.
«Пью за здравіе Мери», 641.
Пѣвецъ, 510.
Пѣсни западныхъ славянъ, 206.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, 190.
Пѣсня о Георгіи Черпомъ, 216.
Пѣсня («О, Делія драгая!»), 559.
Пѣсня о Стенькѣ Разинѣ, 131.

Р.

Раевскому, А. Н. (Демонъ), 720.
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ, 607.
Разлука, 504.
Разлука (В. Кюхельбекеру), 697.
Разставаніе, 639.
Разсудокъ и любовь, 570.
(На) Разумовскаго, графа, 545.
Разиничъ, Г-жѣ, 720.
Разиничъ, На смерть г-жи, 522.
«Риома, звучная подруга», 624.
Риома, 643.
Родзянко, А. Г., 725, 726.
Родословная моего героя, 361.
Родригъ, 226.
Роза, 571.
Романъ („Подъ вечеръ, осенью ненастой“), 566.
„Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“ (19 Октября 1825 г.), 518.
Росети, А. О. (Въ альбомѣ), 740.
Русалка (баллада), 199.

Русалка (драм.), 455.
Русланъ и Людмила, 1.
Русскому Геснеру (В. П. Панаеву), 549.
«Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда» 592.

С.

Сафо, 617.
«Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ», 184.
«Себѣ ты выбралъ, Зензевей», 748.
Сестра и братья, 218.
Сестрѣ, 652.
«Скажи, какія заклинанья», 745.
«Сказали разъ царю», 534.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ, 176.
Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ, 167.
Сказка о повѣ и работницѣ его Балдѣ, 163.
Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ, 180.
Сказка о царѣ Салтанѣ, 146.
Скувой рыцарь, 425.
Слеза (К. П. Бакушиной), 686.
Слестну, И. В., 735.
Слово милой (Маріи Смитъ), 578.
(На) Смерть г-жи Ризничъ, 522.
(На) Смирдина, 558.
«Смотрю печально, молчаливо», 744.
Сновидѣніе (изъ Вольтера), 512.
Собраніе наѣзкомыхъ, 554.
Сонѣтъ, 553.
Сожженное письмо, 616.
Соловей (Пѣс. зап. сл.), 216.
Соловей, 620.
Соловей и кукушка, 551.
Сонетъ: «Суровый Дантъ не презиралъ сонета», 636.
Сонъ (отрывокъ), 580.
Соснидкой, И. Я. (въ альбомѣ), 702.
«Составленъ онъ изъ подлой спѣсь», 746.
«Соплисишкольняки, и вскорѣ», 558.
Сраженный рыцарь, 223.
«Стамбулъ гяуры нынче славятъ», 640.
Стансы («Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ»), 525.
Стансы («Въ надеждѣ славы и добра»), 492.
Стансы (изъ Вольтера): «Ты мнѣ велишь пылать душою», 511.
Стансы (Митрон. Филарету): «Въ часы забавъ иль праздной скуки», 493.
Стансы (И. Н. Толстому): «Философъ ранній, ты бѣжишь», 703.
Старикъ, 568.
Старница-пророчица, 192.
(На) Статуи, 651.
Стихи, сочиненныя ночью во время безсонницы, 641.
«Стою печально на кладбищѣ», 749.
Страничникъ (изъ Буняна), 228.
«Страшно и скучно», 751.
«Стрекотушка бѣлобока», 615.
Строфы, не вошедшія въ романъ «Евгеній Олѣгичъ», 335.
«Супругою твоей я такъ илѣ-

вился» (подражаніе французскому), 545.
«Суровый Дантъ не презиралъ сонета» (Сонетъ), 636.
Сцена изъ «Фауста», 466.
«Счастливы, кто близъ тебя», 594.
«Счастливы, кто въ страсти» и пр., 505.
«Счастливы, кто избранъ своею правдою» (Къ ***), 733.
«Счастливы ты въ прелестныхъ дурахъ» (Къ Н. Н.), 556.
«Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ» (Къ Н**), 501.
«Сыны Отечества» и «Вѣстникъ Европы», 558.
Сѣтованіе (Давыдову, Д. В.), 710.

Т.

Таврида, 602.
Талисманъ, 620.
«Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ», 749.
Твой и мой, 585.
«Тебѣ въ прощальныя мгновенья», 743.
Телѣга жизни, 603.
Тимашевой, Е. А., 726.
«Тимковский царствоваль», 561.
(Къ) Товарищамъ передъ выступомъ, 696.
То Dawe Esqr. («Зачѣмъ твой дивный карандашъ»), 733.
«Толпа холодная поэта окружаетъ», 623.
(На) Толстого, О. И., 549.
Толстому, И. Н. (стансы), 703.
Торжество Вакха, 586.
Три ключа, 622.
Трудъ, 643.
Туча, 651.
«Ты вижешь и молчишь» (Подражаніе А. Шевье), 619.
Ты и вы, 627.
Ты и я, 534.
«Ты мнѣ велишь пылать душою» (Стансы изъ Вольтера), 511.
«Ты правъ, мой другъ», 719.
(Къ) Тѣни полководца, 497.

У.

«Увы, зачѣмъ она блистаетъ», 516.
«Увы, языкъ любви болтливой», 736.
Уединеніе, 601.
«Узнаемъ коней ретивыхъ» (изъ Анакреона), 649.
Узникъ, 601.
«У Кларисы денегъ мало», 550.
«Умолю скоро я», 518.
Умыніе, 513.
Урусовой, Княжнѣ, С. А., 732.
«Усердно помолившись Богу» (19 Октября 1828 г.), 624.
Усы (философическая ода), 577.
Утопленникъ, 193.
Ушаковой, Е. Н., 727, 737, 738.

Ф.

Фавя и пастушка (подражаніе Парни), 572.
Филимонову, В. С., 735.

«Философъ ранній, ты бѣжишь».
Стансы (Я. Н. Толстому), 703.
Фіалъ Анакреона, 580.
Фонтану Бахчисарайскаго дворца, 592.
(На) Фотія, 547.
«Французскихъ рюмачей суровый судія», 645.

Х.

«Ходилъ Стенька Разинъ», 131.
«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный», 547.
Художнику (Гальбергу), 743.

Ц.

Царскосельская статуя, 643.
«Царь увидѣлъ предъ собою», 752.
Цвѣтокъ, 626.
Циклонъ, 640.
Цыганы (поэма), 80.
Цыганы, 636.
«Цѣнитель умственныхъ творений исполненныхъ», 645.

Ч.

Чаадаеву, П. Я., 700, 708, 710.
Черепъ (посланіе Дельвигу), 729.
«Черпа, какъ галка», 553.
Черная шаль, 593.
«Черный воронъ выбиралъ блгую лебедушку», 132.
Чернь, 540.
«Что бѣлѣется на горѣ зеленой» (Отрывокъ Пѣсни западныхъ славянъ), 222.
«Что въ имени тебѣ моемъ?» (въ альбомѣ), 737.

«Что-же сухо въ чашѣ дно?» (LVII ода Анакреона), 649.
«Что не конскій топъ», 131.
«Чугунъ Кагульскій, ты священный», 746.
«Чѣмъ чаще празднуетъ лицей» (19 Октября 1831), 526.

Ш.

Шалость, 637.
(На князя) Шаликова, 558.
(Изъ) Шенье: «Покровъ, упитанный язвительною кровью», 617.
Шишкову, А. А., 686.
Шотландская пѣсня, 627.
Штейнгейль (Прелестницѣ), 700.

Щ.

Щербинину, М. А. (въ альбомѣ), 699.

Э.

Эвлега, 122.
Эгельструму, П. И., 736.
Эйхфельдъ, Г-жѣ, 715.
Экспромтъ на А. («Въ молчаньи предъ тобой сижу»), 585.
Экспромтъ («Полюбуйтесь-же вы»), 648.
Элегическій отрывокъ («Поѣдемъ, я готовъ»), 525.
«Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку». (Къ ней), 584.
Энгельгардту, В. В., 702.
Эпиграмма на Z. («Воспитанный подъ барабаномъ»), 551.
Эпитафія («Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ»), 545.
Эпитафія младенцу Волковскому, 622.

Эпическіе отрывки, 603.
Эхо, 644.

Ю.

(Къ) Юдину («Ты хочешь, милый другъ, узнать»), 676.
Юдичъ (отрывокъ), 144.
«Юноша, полный красоты», 651.
«Юноша, скромно пируй», 650.
«Юноша трижды шагнулъ», 651.
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила», 650.
Юрьеву, О. Ф., 698, 702.

Я.

«Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны», 750.
«Я вась любилъ», 628.
«Я видѣлъ смерть: она сидѣла». Подражаніе, 509.
«Я говорилъ предъ хладною толпой», 747.
«Я думалъ, сердце позабыло», 627.
«Я думалъ, что любовь погасла навсегда», 510.
«Я жизнь любилъ, когда», 513.
«Я здѣсь, Ипезилья», 642.
Языкову, 721, 728, 729.
Яко Маршавичъ, 207.
Янышъ-королевичъ, 220.
«Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный», 503.
«Я пережилъ свои желанья», 516.
«Я слушаю тебя п сердцемъ молодѣю», 716.

Ө.

Өеодоръ и Елена, 209.
(Къ) **, 713, 719, 733.

Проза.

А.

Александръ Радищевъ, 1210.
Альманашикъ (сцены), 1350.
Анекдотъ о Байронѣ, 1347.
Аранъ Петра Великаго, 906.

Б.

Баратынскій, 1355.
Барышня-Крестьянка, 791.

В.

Вечера на хуторѣ, 1381.
Вольтеръ, 1393.
Встрѣча съ Кюхельбекеромъ, 1250.
Встрѣлъ, 757.
(О) Выходахъ противъ литературной аристократіи, 1343.
(О) Выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича, 1324.

Г.

(О) Гекзаметрахъ Мерзлякова, 1339.
Гробовщикъ, 776.

Д.

Два отрывка изъ другихъ главъ, (Матеріалы къ «Исторіи Петра Великаго»), 1188.
Дельвигъ, 1255.
(О) Драмѣ, 1440.
Дубровскій, 827.
(О) Дуровѣ, 1265.
Дѣтскія сказочки (I—III), 1354.

Е.

Египетскія ночи, 1032.

З.

Замѣтки Пушкина къ «Исторіи Петра Великаго», 1192.
Замѣчанія на «Пѣснь о полку Игоревѣ», 1369.
Записка о народномъ воспитаніи, 1315.
(О) Запискахъ Видока, 1340.
(О) Запискахъ Самсона, 1336.
Заниски Н. А. Дуровой, 1335.

И.

Изъ записной книжки, 1269.
Изъ Кишиневскаго дневника, 1244.
Изъ лицейскихъ записокъ, 1240.
Исторія села Горохипа, 883.
Историческіе анекдоты, 1197.
Историческія замѣчанія, 1193.
Исторія Пугачевского бунта, 1099.

К.

Капитанская дочка, 933.
(О) Карриктурѣ въ Англіи, 1338.
Кирджали, 1027.
Критическія замѣтки, 1417.

Л.

(О) Литературной критикѣ, 1325.
(О) Личностяхъ въ критикѣ, 1342.
Лордъ Байронъ, 1374.

М.

Матеріалы для 1-й главы «Исторіи Петра Великаго», 1171.

Мелкія замѣтки (мелочи), 1457.
Мелочи, 1457.
Метель, 767.
(О) Мильтонъ и Шатобриановомъ переводѣ «Потеряннаго рая», 1408.
Митіе М. А. Лобанова о духѣ словесности, 1386.
Мысли на дорогѣ (возраженія на книгу Радищева), 1217.

Н.

(О) Неблаговидности нападокъ на дворянство, 1342.
(О) Некрологъ Раевского, 1324.
Нѣсколько словъ о мизанціи г. Булгарина по прочемъ, 1364.

О.

Объ «Исторіи русскаго народа» Полевого, 1325.
Объ обязанностяхъ челоѣка (сочиненіе Сильвіо Пеллико), 1403.
Объясненіе (по поводу стихотворенія «Полководецъ»), 1407.
Объясненіе къ замѣткѣ объ «Иліадѣ», 1338.
О гекзаметрахъ Мерзлякова, 1339.
О драмѣ, 1440.
О дуровѣ, 1265.
О запискахъ Видока, 1340.
О запискахъ Самсона, 1336.
О каррикатурахъ въ Англіи, 1338.
О литературной критикѣ, 1325.
О личностяхъ въ критикѣ, 1342.
О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ «Потеряннаго рая», 1408.
О неблаговидности нападокъ на дворянство, 1342.

О некрологѣ Раевского, 1324.
О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова, 1311.
О разговорѣ у княгини Халдиной, Фонвизина, 1337.
О романѣ Загоскина «Юрій Милославскій», 1334.
О русской литературѣ съ очеркомъ французской, 1446.
О сочиненіяхъ Георгія Кови-скаго, 1377.
О сочиненіяхъ П. А. Катенина, 1368.
О Сталь (г-жѣ) и г-нѣ Мухановѣ, 1309.
О статьяхъ кн. Вяземскаго, 1337.
Отрывки изъ автобіографіи Пушкина, 1244.
Отрывки изъ дневника, 1257.
Отрывки неоконченныхъ повѣстей (I—XI), 1055.
Отрывокъ, 1098.
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, 1320.

П.

Пиковая дама, 807.
Повѣсти Бѣлкина, 752.
Послѣдній изъ рождественниковъ Іоанны Д'Аркъ, 1414.
(О) Предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова, 1311.
Проекты изданія журнала и газеты, 1267.
Путешествіе въ Эрзерумъ, 1273.

Р.

Разговоръ, 1344.
Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ, 1238.
(О) Разговоръ у княгини Халдиной, Фонвизина, 1337.

Родословная Пушкинскихъ Ган-пибаловъ, 1251.
(О) Романъ Загоскина: «Юрій Милославскій», 1334.
Рославлевъ (отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы), 897.
Россійская академія, 1381.
(О) Русской литературѣ съ очеркомъ французской, 1446.
Рядъ мелкихъ замѣтокъ (мелочи), 1457.

С.

Словарь о святыхъ, 1404.
(О) Сочиненіяхъ П. А. Катенина, 1368.
(О) Сочиненіяхъ Георгія Кови-скаго, 1377.
(О) Сталь и Мухановѣ, 1309.
Станціонный смотритель, 782.
Статьи и замѣтки изъ «Литературной газеты», 1324.
(О) Статьяхъ кн. Вяземскаго, 1337.
Сцены изъ рыцар. временъ, 1087.

Т.

Торжество дружбы или оправданный Александръ Анемовичъ Орловъ, 1358.

Ч.

Четыре подготовительные отрывка «Египетскихъ ночей», 1042.

Ө.

Өракійскія элегіи (стихотворенія Теплякова), 1398.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

Адеркасу, 1824: 1519.
Алексѣеву, 1826: 1577.
Ананыну, 1833: 1648.
Аршіаку, 1837: 1712.
Бантишъ-Каменскому, 1832: 1646.—1834: 1668, 1672.—1835: 1687, 1688.
Бенкендорфу, 1826: 1576, 1577. — 1827: 1578, 1580. — 1828: 1581, 1582, 1585. — 1830: 1589, 1590, 1594. — 1831: 1614, 1626, 1627. — 1832: 1638, 1640. — 1833: 1648, 1661. — 1834: 1676, 1677, 1678, 1678.—1835: 1687, 1688, 1689, 1689, 1697.—1836: 1710.
Бестужеву, 1822: 1488.—1823: 1497.—1824: 1508, 1509, 1515.—1825: 1529, 1534, 1541, 1564, 1566.
Булгарину, 1824: 1509.
Бѣдной вдовѣ, 1835: 1696.
Великопольскому, 1826: 1570, 1572.—1828: 1582.
Верстовскому, 1830: 1609.
Вигелю, 1823: 1505.
Воейкову, 1831: 1632.
Всеволожскому, 1824: 1516.

Вульфъ, 1824: 1517. — 1825: 1537, 1560, 1563.—1826: 1571.—1828: 1583.—1829: 1589.
Вульфъ, Аннѣ Ник., 1825: 1546.
Вяземскому, 1816: 1473. — 1817: 1474. — 1820: 1475. — 1822: 1486. — 1823: 1497, 1498, 1499, 1501, 1502, 1502, 1505.—1824: 1509, 1510, 1514, 1517, 1522.—1825: 1523, 1523, 1530, 1531, 1538, 1538, 1540, 1542, 1544, 1545, 1546, 1551, 1553, 1557, 1558, 1560, 1561, 1564.—1826: 1571, 1572, 1572, 1574, 1575.—1830: 1590, 1591, 1592, 1594, 1606.—1831: 1612, 1615, 1615, 1616 — 1836: 1712.
Вяземской, 1824: 1521.—1830: 1596.
Геккерну, 1836: 1711.
Главному Комитету цензуры, 1835: 1693.
Глинкѣ, 1836: 1698.
Гнѣдичу, 1820: 1476, 1478.—1821: 1480.—1822: 1487, 1487, 1489, 1493. — 1825: 1532. — 1830: 1589.
Гоголю, 1831: 1633. — 1834: 1669. — 1835: 1696.
Голицыну, 1836: 1709.

- Гончаровой (тещѣ), 1829: 1588.—1830: 1592.—1831: 1623.
- Гончаровой (невѣстѣ), 1830: 1592, 1597, 1598, 1598, 1589, 1600, 1601, 1603, 1604, 1604, 1606, 1607, 1609, 1610, 1610.
- Гончарову, 1830: 1595, 1597, 1597, 1599, 1600, 1601.—1831: 1617.
- Горчакову, 1821: 1485.—1823: 1496.
- Гречу, 1821: 1485.—1836: 1707.
- Давыдову, В. Л., 1821: 1483.
- Давыдову, Д. В., 1836: 1705, 1707.
- Дегильп, 1821: 1483.
- Дельвигу, 1821: 1479.—1823: 1503.—1824: 1526.—1825: 1544, 1547, 1563.—1826: 1568, 1568, 1573.—1827: 1579.—1828: 1584, 1585.—1830: 1605.
- Дмитріеву, 1832: 1640.—1833: 1661.—1833: 1657, 1688.—1836: 1706.
- Дуровой, 1836: 1706.
- Жандру, 1836: 1707.
- Жобару, 1836: 1698.
- Жуковскому, 1824: 1519, 1521, 1523.—1825: 1542, 1545, 1554, 1562.—1826: 1567, 1570.—1834: 1677, 1678.
- Загоскину, 1830: 1590.—1834: 1678.
- Иззову, 1823: 1505.
- Ишминой, 1837: 1712, 1714.
- Казначееву, 1824: 1512, 1512.
- Катенину, 1822: 1490.—1825: 1556, 1564. 1826: 1569.
- Кернъ, 1825: 1548, 1552, 1555, 1557, 1561, 1565.
- Клейнмихелю, 1835: 1695.
- Княжевичу, 1824: 1523.
- Ковшину, 1831: 1631.—1836: 1712.
- Корфу, 1833: 1661.—1836: 1707.
- Кривцову, 1823: 1506.—1824: 1537.—1831: 1616.
- Кюхельбекеру, 1825: 1566.
- Лажечникову, 1833: 1661.—1835: 1695.—1836: 1700.
- Мансурову, 1819: 1475.
- Мойеру, 1825: 1549.
- Нащокину, 1830: 1611.—1831: 1621, 1621, 1621, 1621, 1622, 1622, 1629, 1630, 1631, 1633, 1634, 1635.—1832: 1638, 1639, 1640, 1640, 1645.—1833: 1646, 1660, 1661.—1834: 1662, 1686.—1835: 1686, 1694.—1836: 1705.
- Непзвѣстнымъ лицамъ, 1821: 1485.—1822: 1495.—1823: 1501, 1503.—1824: 1510.—1830: 1611, 1612.
- Одоевскому, 1833: 1659.—1836: 1699, 1699, 1709, 1710, 1712, 1712.
- Орлову, 1832: 1639.
- Осповой, 1825: 1548, 1550, 1550, 1551, 1552.—1826: 1569, 1574, 1574.—1827: 1578.—1828: 1581.—1829: 1587.—1830: 1602.—1831: 1624, 1631.—1832: 1639, 1645.—1833: 1647.—1834: 1679.—1835: 1694, 1696.
- Плетневу, 1822: 1495.—1824: 1518.—1825: 1550, 1565.—1826: 1567, 1569, 1570.—1830: 1595, 1600, 1601, 1602, 1605, 1611.—1831: 1613, 1614, 1615, 1616, 1617, 1618, 1618, 1619, 1620, 1625, 1626, 1626, 1630, 1632, 1633.—1835: 1693.
- Погодину, 1826: 1576.—1827: 1578, 1579, 1579, 1581.—1828: 1581, 1582.—1830: 1596, 1607, 1608.—1831: 1616, 1623.—1832: 1641.—1833: 1647.—1834: 1663.—1836: 1700.
- Полевому, 1825: 1550.—1831: 1613.
- Пушкиной, 1831: 1635, 1635, 1636, 1637, 1637.—1832: 1641, 1642, 1643, 1643, 1644.—1833: 1648, 1649, 1650, 1651, 1651, 1652, 1653, 1653, 1654, 1655, 1655, 1656, 1657, 1657, 1658, 1659.—1834: 1664, 1664, 1665, 1665, 1667, 1667, 1668, 1669, 1669, 1670, 1670, 1671, 1672, 1673, 1673, 1674, 1674, 1675, 1676, 1679, 1680, 1681, 1681, 1682, 1682, 1683, 1684.—1835: 1690, 1690, 1691, 1691, 1692.—1836: 1701, 1702, 1702, 1703, 1704.
- Пушкину, А. С., 1820: 1476.—1821: 1484.—1822: 1486, 1490, 1491, 1493, 1494.—1823: 1496, 1496, 1499.—1824: 1507, 1511, 1513, 1518, 1520, 1520, 1524, 1524, 1525, 1525.—1825: 1527, 1531, 1532, 1533, 1533, 1536, 1537, 1537, 1538, 1539, 1549.—1829: 1588.—1831: 1619.—1835: 1688.—1836: 1700, 1706.
- Раевскому, А. Н., 1821: 1481.—1823: 1506.—1824: 1516.
- Раевскому, Н. Н., 1825: 1559.—1829: 1585.
- Репину, 1836: 1697, 1698.
- Рокотову, 1825: 1567.
- Рылѣву, 1825: 1529, 1540.
- Скобелевцу, 1837: 1712.
- Смирновой, 1831: 1634.
- Спегиреву, 1829: 1588.
- Соболевскому, 1826: 1577.—1827: 1578.—1828: 1583, 1584.—1829: 1587.
- Строгозову, 1834: 1664.
- Толстому, 1822: 1492.
- Тургеневу, А. И., 1819: 1474.—1823: 1504.—1824: 1516.
- Тургеневу, С. И., 1821: 1484.
- Уварову, 1831: 1634.
- Ушакову, 1836: 1705.
- Фуксъ, 1833: 1653.—1834: 1685.—1835: 1689.—1836: 1698.
- Хвостову, 1832: 1645.
- Хлѣстину, 1836: 1697.
- Хмѣльницкому, 1831: 1618.
- Чаадаеву, 1831: 1625.—1836: 1708.
- Чернышеву, 1833: 1648, 1647.
- Шпшкову, 1823: 1507.
- Языкову, 1826: 1576, 1676.—1827: 1578.—1831: 1635.—1834: 1685.—1836: 1699.
- Яковлеву, Н. А., 1829: 1588.
- Яковлеву, М. Л., 1831: 1629.—1834: 1677, 1683, 1685.—1836: 1707, 1710, 1710.

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.

Научныя забавы. *Федо*. Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго*. Съ 128 рис. Ц. 60 к., въ перепл. 1 р. 10 к.
Ботаникъ-любитель. *Ф. Федо*. Описание интересных растений и поучительные опыты съ ними. Съ 200 рис. Ц. 1 р.
Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брѣжневина*. Съ предисл. И. С. Тургенева. Мног. рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 том. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Порозовской*. Ц. каждого тома 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. по 3 тома—2 р. 50 к.
Буждающіе огонь. *С. Бажиной*. Со многими рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
На землѣ и подъ землей. Набъ асепм. всемирнаго путешественника. *В. Галушева*. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Черныя богатыри. *Е. Корради*. Съ 55 рисунками. 3-е изданіе. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.
Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ *Буша*. Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к.
Наглядная несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова*. 10 лист. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 р.—„Объясненія къ нымъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ, каждое—Ц. 5 к.
Иллюстрированныя романы Диккенса. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большая надежда, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лапка древностей, 7) Кромка Дорритъ, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвортъ. Цѣна каждого романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ перепл. по 6 ром.—3 р. 25 к.
Къ свѣту. Разсказы *В. Огаркова*. Съ 29 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Иллюстрированныя романы Вальтера Скотта. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелуновой*. 1) Робертъ, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Адапго, 5) Астроногъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Коульвортъ, 9) Ламермурскан невеста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певвериль Никъ, 12) Пресвитеріале, 13) Перская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обручевныя, 20) Черный Карликъ, 21) Урлячелюны Нигеля, 22) Редгантлетъ, 23) Робертъ Графъ Паражский, 24) Сентъ-Рованскія поды, 25) Опасный замочъ и Два пастуха. Ц. каж. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5-ти романоу—2 р. 80 к.
Всякому гаюдоу свое мѣсто. *А. Круглова*. Съ 46 рисунками. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Подружия. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Дѣтскій маскарадъ. *Азбелова*. Съ 16 р. Ц. 20 к.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рис. 3-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Вечерніе досуги. *Круглова*. Съ 70 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера*. Съ 107 р. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.
Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$ и т. п. *Обреимова*. Ц. 40 к.
Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери*. 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р. въ перепл. 1 р. 40 к.
Химикъ-любитель. *Федо*. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ ряда простыхъ и интересныхъ опытовъ, не требующихъ расходовъ. Съ 152 рис. Ц. 1 р.
Донъ-Кихотъ. *Сервантеса*. Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ пап.—60 к., въ перепл. 90 к.
Математическія развлеченія. *Люкоса*. Перев. съ фран. Съ 55 фиг. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.
Тройная головоломка. *Обреимова*. Сборникъ геом. игръ. Съ 300 рис. Ц. 1 р.
Образовательное путешествіе. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстр. 3-е изданіе. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
Черезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера*. Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Сказочная страна. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Мученики науки. *Г. Тисанде*. Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова*. Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Научныя развлеченія. *Г. Тисанде*. Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова*. Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
До потопа. Романъ изъ жизни пернобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.
Живыя картинны. *А. Смирнова*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Янни Вологодскіаго уѣзда. *Круглова*. Ц. 25 к.
Незбукдѣи. *А. Круглова*. Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.
Несчастливцы. *Э. Кондеса*. Съ 85 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
Приключенія сверчка. *Э. Кондеса*. Съ 67 рис. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.
20 біографій образованныхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго*. Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.
Правители и мыслители. Біографич. очерки. *Е. Литвинова*. Съ 16 портретовъ. Ц. 1 р.
Матери великихъ людей. *Блока*. Со многими рисунками. Ц. 60 к.
Физическіе парадоксы и софизмы. Пособіе для учащихся въ преподавателѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 30 рис. *В. Волжина*. Ц. 25 к.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА В. ЛУНКЕВИЧА.

ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

1. Земля. Съ 13 рис. Ц. 8 к.
2. Небо и звѣзды. Съ 18 рисун. Ц. 8 к.
3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
4. Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.
5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6. Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.
7. Бичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Ц. 16 к.
8. Землетрясенія и огнедышащія горы. Съ 12 рис. Ц. 16 к.
9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.
10. Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.
11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.
12. Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Ц. 16 к.
13. Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.
14. Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Ц. 12 к.
15. Ростомъ съ ноготокъ, а умалалата. (Жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16. Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17. Пчелы, осы и термиты. Съ 16 рис. Ц. 18 к.
18. Вода.
19. Подводное царство.
20. Воздухъ.
21. Степь и пустыни.
22. Тайга и тундра.
23. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда.
24. Хищники.
25. Четвероногіе слуги человѣка.
26. Враги и друзья человѣка.
27. Животныя кровопійцы и дармоеды.
28. Растенія-дармоеды и растенія-хищники.
29. Откуда взяли мы наши домашнія животныя и растенія.
30. Законъ жизни среди животныхъ и растеній.
31. Исторія происхожденія растеній и животныхъ.
32. Подземное царство.
33. Исторія земли.
34. Каменный уголь.
35. Нефть.
36. Соль.
37. Сокровища горъ.
38. Чудеса науки.
39. Чудеса техники.
40. Чудеса общежитія.

